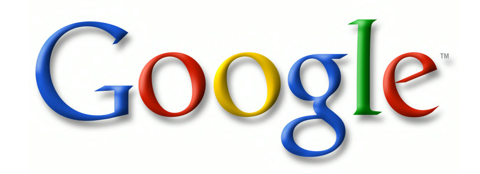
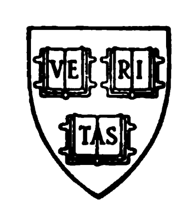

СБОРНИКЪ

СВѢДѢНІЙ О КАВКАЗСКИХЪ ГОРЦАХЪ

издаваемый

съ соизволенія

ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЫСОЧЕСТВА

Главнокомандующаго Кавказскою Арміею

при

КАВКАЗСКОМЪ ГОРСКОМЪ УПРАВЛЕНІИ.

ВЫПУСКЪ I.

ТИФЛИСЪ.

1868.

Въ Типографіи Главнаго Управленія Намѣстника Кавказскаго.

Содержаніе.

Предлагаемая публикѣ книга есть первый выпускъ изданія, предпринятаго, съ соизволенія Его Императорскаго Высочества, Главнокомандующаго Кавказскою Арміею, при Кавказскомъ Горскомъ Управленіи.

Изданіе посвящается всестороннему изслѣдованію быта населенія, по численности своей почти милліоннаго, живущаго при своеобразныхъ и разнороднѣйшихъ условіяхъ мѣстности, и хотя обозначаемаго общимъ именемъ—*горцевъ*, однако весьма разнохарактернаго, разнообычнаго и разноязычнаго. Тутъ представляется множество, такъ сказать, дѣвственнаго матеріала для любознательности, для науки. Но къ этому присоединяется еще новый интересъ, не столько научный, сколько гражданственный, практическій. Горцы, волей-неволей, перерождаются; изъ заклятыхъ враговъ нашихъ они становятся нашими согражданами, нашими близкими братьями: кому-же, какъ не намъ, пойти къ нимъ на радушную встрѣчу? Для нихъ открывается новый строй понятій и житейскихъ отношеній; для нихъ наступила пора знакомства съ

свѣтлымъ и широкимъ міромъ европейской жизни: но вмѣстѣ съ этимъ и для насъ открылся замкнутый въ себѣ, своеобразный міръ, съ особымъ складомъ домашнихъ и общественныхъ отношеній, который, такъ или иначе, мы должны приблизить къ общему складу нашей жизни, чтобы между нимъ и нами не оставалось разлада. И если на сторонѣ горцевъ лежитъ роковая необходимость знакомства съ нами, то на нашей—нравственная обязанность проникнуть до глубины въ ихъ замкнутый кругъ жизни и узнать положительно, съ кѣмъ и съ чѣмъ имѣемъ мы дѣло, для того чтобъ опредѣлить затѣмъ, какъ удобнѣе, легче и скорѣе помочь нашимъ новымъ согражданамъ выбраться изъ темнаго угла ихъ полудикой жизни и пріобщить ихъ свѣта и простора, открытыхъ для европейской семьи народовъ.

Между тѣмъ, нужно сознаться, что, не смотря на довольно продолжительное время соприкосновеній нашихъ съ горцами, въ русскомъ обществѣ все еще господствуютъ весьма сбивчивыя о нихъ понятія. Главная причина этого, безъ сомнѣнія, лежитъ въ прошломъ, преимущественно военномъ характерѣ этихъ соприкосновеній. — Вслѣдствіе этого ни одна отрасль науки, раскрывающая жизнь народовъ вообще, не разработана по отношенію къ горцамъ въ такой степени, чтобъ на выводы ея можно было вполнѣ полагаться. Раціональное изученіе горскихъ языковъ теперь только совершается и только въ послѣднее время раскрылась вся несостоятельность прежнихъ, весьма поверхностныхъ взглядовъ на этотъ

предметъ знаній; исторія и этнографія, опирающіяся въ своихъ выводахъ главнымъ образомъ на языкознаніе, ждутъ еще своей очереди въ приложеніи къ горцамъ; географія горскихъ земель, представляя значительные пробѣлы, страждетъ неустановившеюся номенклатурой; наконецъ, статистика горскаго населенія только въ послѣдніе годы стала пріобрѣтать довольно близкія къ дѣйствительности данныя. Словомъ, положительныхъ свѣдѣній о горцахъ оказывается въ нашей научной литературѣ весьма немного; но и это немногое до такой степени разбросано и смѣшано съ ложными данными и извѣстіями, что, и перечитавъ все это, едва ли все-таки возможно уяснить себѣ картину дѣйствительнаго положенія горцевъ: она будетъ представляться въ туманѣ прежнихъ, сбивчивыхъ и поверхностныхъ на нихъ взглядовъ.

Во всякомъ случаѣ безспорно то, что нашимъ знаніямъ о горцахъ не достаетъ извѣстной степени спеціализированія, безъ котораго всякое знаніе оказывается шаткимъ, неразработаннымъ. Необходимо заложить, такъ сказать, прочный фундаментъ, на которомъ могло-бы возводиться такое-же прочное зданіе нашего знакомства съ горцами. Такимъ именно фундаментомъ да послужитъ издаваемый нынѣ „Сборникъ,“ предпринятый правительственнымъ учрежденіемъ, въ которомъ сосредоточиваются наиболѣе обширныя и наиболѣе положительныя свѣдѣнія о горцахъ. Свѣдѣнія эти, быть можетъ, недостаточны, быть можетъ, во многомъ ошибочны, но все же совокупность ихъ представляетъ прочную основу для

послѣдующаго изученія горскаго быта. При обладаніи такого рода матеріалами, какіе стекаются въ Горское Управленіе, представляется возможность строгаго выбора свѣдѣній, получаемыхъ всякимъ другимъ, не официальнымъ путемъ, и такимъ образомъ является самъ собою тотъ критерій, который можетъ направить задачу изученія горскаго быта къ дѣйствительному ея разрѣшенію, а не держать ее въ застоѣ или же вращать только въ утомительныхъ повтореніяхъ того, что давно уже извѣстно.

Изученіе быта горцевъ представляетъ особый интересъ и значеніе именно въ настоящее время. Переустройство горскаго быта совершается на нашихъ глазахъ; старое въ ихъ жизни понемногу отходитъ, новое нарождается... Съ тѣми понятіями, съ тѣми обычаями, какіе прежде руководили горцами и строили складъ ихъ жизни домашней и общественной,—оставаться, при русскомъ подданствѣ, нельзя: наступила пора волей-неволей во многомъ переиначиться. Надо стать вполнѣ гражданами русской земли, а для этого необходимо примириться съ несеніемъ обязанностей гражданина—жить мирно, платить подати, трудиться, искать образованія. Настоящій „Сборникъ" надѣется, если не прослѣдить весь этотъ интересный процессъ воспринятія горцами русскаго гражданства, то, по крайней мѣрѣ, дать ключъ къ ясному пониманію этого процесса. Всѣ мѣры правительства по организаціи горскаго населенія на новыхъ началахъ будутъ разъяснены на страницахъ этого изданія, равно какъ здѣсь-же отмѣтится и то, какъ горцы встрѣчали всѣ эти правитель-

ственныя мѣропріятія. Такъ, предлагаемая теперь книга заключаетъ въ себѣ между прочимъ разъясненіе одной изъ важнѣйшихъ реформъ въ быту нѣкоторыхъ горскихъ племенъ — это уничтоженіе рабства, вздлелѣяннаго въ горахъ въ оригинальныхъ формахъ и въ довольно-широкихъ размѣрахъ. Эта реформа почти уже закончена, и теперь только въ одномъ углѣ Кавказскихъ горъ существуетъ еще крѣпостная зависимость, — это въ Сухумскомъ отдѣлѣ (Абхазіи и Самурзакани); но и тамъ ужъ скоро ея не станетъ. Въ „Сборникѣ" послѣдуетъ точно такое-же разъясненіе и другихъ правительственныхъ мѣропріятій, направленныхъ къ устройству и гражданскому развитію быта горскихъ племенъ.

Мы не имѣемъ въ виду заняться здѣсь исчисленіемъ всѣхъ этихъ мѣропріятій; но все-же слѣдуетъ указать на существеннѣйшія изъ мѣръ послѣдняго времени, а именно — на опредѣленіе поземельныхъ отношеній, какъ на главнѣйшій залогъ матеріальнаго развитія горцевъ, и—на обложеніе горцевъ податьми, какъ на мѣру, успѣшное выполненіе которой, при всемъ крайнемъ противорѣчіи ея съ коренными воззрѣніями многихъ горскихъ обществъ, нужно считать самымъ лучшимъ фактическимъ выраженіемъ полнаго подчиненія горцевъ русской власти. Почти повсюду существовавшая неопредѣленность правъ на владѣніе землями и происходившія отъ того неурядицы, преимущественно-же въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ, во время войны, разрушился старый порядокъ землевладѣнія, — обратили на себя особен-

ное вниманіе администраціи, и съ 1863 года послѣдовалъ цѣлый рядъ самыхъ рѣшительныхъ мѣръ по устройству поземельнаго быта горскихъ племенъ. Мѣры эти главнымъ образомъ относятся до Сѣвернаго Кавказа, гдѣ всего болѣе ощущалась потребность въ возможно-скорѣйшемъ приведеніи въ точную извѣстность земель и въ распредѣленіи ихъ въ надѣлъ населенію. Съ сущностью и значеніемъ этихъ мѣръ мы надѣемся познакомить читателя особою статьею въ слѣдующей книгѣ „Сборника". — Повсемѣстное введеніе податей состоялось втеченіи 1865-го и 66-го годовъ, — и вслѣдствіе благоразумія принятыхъ ближайшею мѣстною администраціею подготовительныхъ мѣръ, совершилось, за исключеніемъ одного только частнаго и неважнаго случая, безъ особыхъ недоразумѣній, не говоря уже о явномъ сопротивленіи.

Наконецъ, сдѣлаемъ еще намекъ на одну изъ мѣръ, которая—при надлежащемъ направленіи и поддержкѣ—должна имѣть большое значеніе въ умственной жизни горцевъ; мы разумѣемъ дѣло распространенія между ними грамотности на туземныхъ языкахъ *).

Вообще, нѣтъ недостатка въ правительственныхъ мѣрахъ, направленныхъ на благопріятный для горцевъ

*) Въ виду существованія совершенно-противорѣчивыхъ взглядовъ на это важное дѣло, считаемъ необходимымъ представить на страницахъ «Сборника» подробное изложеніе всѣхъ обстоятельствъ, обусловливающихъ настоятельность, раціональность и практичность распространенія между горцами грамотности на ихъ родныхъ языкахъ,—какъ такой мѣры, которая послужитъ для горцевъ посредствующимъ звеномъ при воспринятіи ими началъ русской цивилизаціи. До того же времени, просимъ обратить вниманіе на «Послѣднія свѣдѣнія о трудахъ ген.-м. П. К. Услара», помѣщенныя въ Запискахъ Кавказскаго Отдѣла И. Р. Географическаго Общества, кн. VII, а также отчасти на «Библіографическую замѣтку», помѣщенную въ этой же книгѣ «Сборника».

исходъ настоящаго ихъ положенія. Но какъ сами горцы относятся ко всѣмъ этимъ мѣропріятіямъ? Обнаруживаютъ-ли они какіе-либо признаки того, что съ ихъ стороны есть искреннее стремленіе къ воспринятію началъ русскаго гражданства?

Послѣ окончательнаго умиротворенія Кавказа прошло еще такъ немного времени, что отвѣчать рѣшительно на эти вопросы было-бы излишней поспѣшностью. Тѣмъ не менѣе однако, можно сказать съ увѣренностію, что замѣчаются весьма явные симптомы возрожденія горцевъ для новой жизни, и было-бы къ нимъ большою несправедливостью, если-бъ кто утверждалъ, что въ этомъ отношеніи они — безнадежны. Довольно сказать, что горцы живутъ смирно; что они платятъ подати; что они годъ отъ году все лучше устраиваются и домами, и хозяйствомъ, и дорогами; что они все болѣе начинаютъ промышлять и торговать; что они охотно посылаютъ дѣтей своихъ въ школы; что они выносятъ довольно бодро такія тяжолыя реформы, какъ уничтоженіе рабства.... Безъ сомнѣнія, тяготѣніе къ старому, а за невозможностью воскресить его, тяготѣніе къ выселенію въ Турцію, все еще замѣчается. Но въ какія-нибудь пять-десять лѣтъ не перерождалось еще ни одно племя. Нужны многіе годы, нуженъ продолжительный и порою горькій опытъ. Усиливающаяся время отъ времени эпидемія переселенія въ Турцію, мы надѣемся, излечится между прочимъ самими-же переселенцами, которые толпами начинаютъ бѣжать обратно, съ мольбами — селить ихъ гдѣ угодно и какъ угодно....

Въ заключеніе, позволяемъ себѣ выразить надежду, что если нашему „Сборнику" суждено некратковременное существованіе, то на страницы его занесется много фактовъ, которые очевиднымъ образомъ докажутъ способность горцевъ сдѣлаться достойными настоящихъ попеченій о нихъ правительства.

3 декабря 1868 г.
Тифлисъ.

АДАТЫ

И СУДОПРОИЗВОДСТВО ПО НИМЪ

(МАТЕРІАЛЫ ДЛЯ СТАТИСТИКИ ДАГЕСТАНСКОЙ ОБЛАСТИ).

Составилъ А. В. Комаровъ.

Настоящая статья составлена мною для порученнаго мнѣ статистическаго описанія Дагестанской области, которое, по грамадности работы и по другимъ обстоятельствамъ, не можетъ быть скоро вполнѣ окончено.

Матеріалами для статьи послужили: 1) Сборники адатовъ, представленные окружными начальниками въ 1865 и 1866 годахъ. Изъ числа этихъ сборниковъ, по полнотѣ и ясности изложенія, особаго вниманія заслуживаютъ сборники Даргинскаго округа и бывшихъ владѣнія Тарковскаго, ханства Мехтулинскаго и При-Сулакскаго наибства. 2) Дѣла канцеляріи начальника Дагестанской области и штаба командующаго въ ней войсками и 3) свѣдѣнія, собранныя мною на мѣстѣ, во время поѣздокъ по краю, частною перепискою и распросами лицъ, заслуживающихъ полнаго довѣрія.

Авт.

СОДЕРЖАНІЕ.

I.

Происхожденіе въ Дагестанѣ суда по шаріату и адату. Различіе ихъ. Порядокъ суда по адату, существовавшій въ прежнее время. Разнообразіе адатовъ. Значеніе суда по адату. Устройство окружныхъ и народнаго суда въ области.

Въ VIII вѣкѣ аравитяне, появившись въ Дагестанѣ и утвердившись въ Дербентѣ, начали проповѣдывать новую религію, которая хотя и быстро распространилась между дагестанскими племенами, тѣмъ не менѣе не была ими принята во всей ея полнотѣ. Не смотря на жестокій фанатизмъ аравитянъ, нетерпѣвшихъ никакого противорѣчія корану, весь Дагестанъ сохранилъ судъ по адатамъ *), т. е. обычаямъ, существовавшимъ еще до прихода аравитянъ въ Дагестанъ. Но какъ съ принятіемъ магометанства явились о многомъ новыя понятія и новыя отношенія въ союзѣ семейномъ, для которыхъ старые адаты оказались уже несостоятельными, то судопроизводство по необходимости распалось на судъ по шаріяту и на судъ по адату.

По шаріату стали рѣшать всѣ дѣла, касающіяся религіи, семейныхъ отношеній, завѣщаній, наслѣдства **) и нѣкоторыхъ гражданскихъ исковъ.

Дѣла же уголовныя, по нарушенію права собственности, общественныхъ постановленій и т. п., продолжали рѣшаться по прежнимъ адатамъ, къ которымъ прибавились и адаты, опредѣляющіе

---

*) Примѣчаніе I.

**) За исключеніемъ дѣлъ по наслѣдству между потомками владѣтельныхъ фамилій, рѣшаемыхъ по особымъ адатамъ. Этому же придерживаются еще въ нѣкоторыхъ кумыкскихъ селеніяхъ и остальныя сословія.

наказанія за нѣкоторыя преступленія и поступки противу правилъ религіи.

Средину между судомъ по адату и шаріяту заняло рѣшеніе нѣкоторыхъ гражданскихъ дѣлъ по маслагату, т. е. мировою сдѣлкою, при пособіи посредниковъ, избранныхъ тяжущимися.

Главными причинами сохраненія суда по адатамъ были слѣдующія: 1) слишкомъ строгія наказанія, опредѣляемыя кораномъ, даже за преступленія, считавшіяся, по понятіямъ дагестанцевъ, маловажными (какъ напр.: воровство, скотоложство и т. п.), не могли нравиться народу, съ искони привыкшему къ полнѣйшему безначалію; по этому для приведенія въ исполненіе этихъ наказаній нужна была сильная власть, которой въ вольныхъ обществахъ Дагестана никогда и не было. Въ тѣхъ же частяхъ края, гдѣ аравитяне поставили правителей *), сохраненіе адата было выгодно для самихъ правителей, которые, не имѣя въ началѣ достаточной силы и средствъ къ уничтоженію суда по адату, впослѣдствіи сами нашли въ немъ поддержку и упроченіе своей власти. Штрафы, взыскиваемые съ виновныхъ при рѣшеніи дѣлъ по адату, составляли для нихъ немаловажный источникъ дохода, и возможность установить новые адаты и рѣшать по нимъ многія дѣла, не стѣсняясь постановленіями корана, давали имъ могущественное средство — упрочивать свою власть и ослаблять вліяніе на народъ духовенства, по духу мусульманства всегда враждебнаго свѣтской власти.—2) Изученіе корана, и вообще мусульманскаго законовѣдѣнія, довольно запутаннаго, представляло, даже для людей исключительно посвятившихъ себя этому, непреодолимыя затрудненія; тогда какъ примѣненіе адата не требовало особыхъ познаній, и всякое дѣло, на которое нѣтъ прямаго рѣшенія въ шаріятѣ, легко кончается по адату, большинствомъ голосовъ; рѣшеніе это — скорое и для всѣхъ понятное—служитъ руководствомъ въ рѣшеніи подобныхъ же дѣлъ и на будущее время.

До какой степени судъ по адату соотвѣтствуетъ духу и потребностямъ народа, лучшимъ доказательствомъ можетъ служить

---

*) Примѣчаніе XIV.

неудавшееся стремленіе Шейхъ-Мансура *), Кази-Магомы (Кази-Муллы) и Шамиля замѣнить его вполнѣ судомъ по шаріяту. Не смотря на то, что Шамиль самъ, по необходимости, допустилъ нѣкоторыя измѣненія въ шаріятѣ, съ цѣлью облегчить для народа тяжесть его постановленій, настойчиво и энергически, въ теченіи 27-ми лѣтъ, стремился къ уничтоженію суда по адатамъ, жестоко, большею частью смертію, наказывая сопротивлявшихся его намѣреніямъ, однако онъ не достигъ цѣли **).

По взятіи Шамиля въ плѣнъ, все населеніе Дагестана немедленно возстановило у себя разборъ дѣлъ по адату, избравъ въ каждомъ селеніи лицъ, къ обязанности которыхъ относится разборъ дѣлъ по адату, и отъ шамилевскаго шаріята осталось только одно воспоминаніе въ названіи времени его власти *временемъ шаріята*, для отличія отъ прежняго времени, называемаго *временемъ адата* („батлиль замана"—по аварски).

Судъ по адату производился въ каждомъ селеніи особыми лицами, называемыми по кумыкски *картами* ***). Карты выбирались по большинству голосовъ преимущественно изъ вліятельныхъ въ селеніи фамилій (тохумовъ) ****), пользовавшихся иногда этимъ правомъ наслѣдственно; въ другихъ селеніяхъ они избирались по одному изъ каждаго тохума. Срокъ, на который избира-

---

*) Въ прокламаціи Шейхъ-Мансура, посланной къ народамъ Дагестана съ Востока на Западъ, между прочимъ, сказано: „тотъ, кто рѣшаетъ дѣла по адату, дѣлается нѣкоторымъ образомъ соучастникомъ Бога, или какъ будто равняется ему въ рѣшеніи дѣлъ, тогда какъ никто не можетъ сравняться съ Богомъ; кто же воображаетъ, что онъ какъ будто бы равняется ему, тотъ—невѣрный. Да сохранитъ насъ Богъ отъ того, чтобы мы ошибались въ рѣшеніяхъ, которыя назначены Богомъ, и да сохранитъ насъ отъ того, чтобы мы говорили что есть то, чего нѣтъ въ книгахъ Божіихъ". Подобный же взглядъ на значеніе адата имѣли и другіе проповѣдники шаріята.

**) Когда Шамиль утвердился въ Аваріи и началъ преслѣдовать сторонниковъ адата, одинъ аварецъ, имѣвшій сборникъ адатовъ, по которымъ производился судъ во времена Омаръ-хана, опасаясь держать его дома и предвидя въ немъ надобность, спряталъ его въ дупло дерева. Когда же Шамиль былъ взятъ въ плѣнъ, хозяинъ сборника вынулъ его изъ дупла и передалъ въ свое селеніе, для руководства при разборѣ дѣлъ, заслуживъ общую благодарность за свою предусмотрительность.

***) Примѣчаніе IX.

****) Примѣчаніе XVIII.

лись карты, въ нѣкоторыхъ селеніяхъ былъ опредѣленный, не менѣе года, въ другихъ они могли быть смѣняемы во всякое время *). Кромѣ разбора дѣлъ на нихъ возлагалось также главное наблюденіе за порядкомъ въ селеніяхъ и на принадлежащихъ къ нимъ земляхъ. Карты за свою службу получали извѣстную часть изъ штрафныхъ денегъ и пользовались нѣкоторыми льготами отъ общества. Разборъ дѣлъ и жалобъ производился не иначе какъ на улицѣ или площади **); только въ нѣкоторыхъ большихъ селеніяхъ были особые, для этого назначенные, дома. Каждое утро карты обязаны были собираться на обычномъ мѣстѣ, куда шли всѣ имѣвшіе въ нихъ надобность. Разборъ дѣла начинался не иначе какъ по жалобѣ истца, имѣвшаго въ немъ прямой интересъ, выслушивались свидѣтели и отвѣтчики и за тѣмъ карты рѣшали дѣло по большинству голосовъ; рѣшеніе ихъ считалось окончательнымъ и немедленно приводилось въ исполненіе.

Для рѣшенія дѣлъ особой важности, или при явно-неудовлетворительномъ рѣшеніи дѣла картами своего селенія, спорящіе обращались къ картамъ селеній, издавна пріобрѣвшимъ извѣстность своею непогрѣшимостію; такъ напримѣр. жители владѣнія Шамхала Тарковскаго—въ сел. Ерпели или Губденъ; жители Мехтулинскаго ханства—въ сел. Унхли (Оглы); жители При-Сулакскихъ селеній—въ Цоботль (Зубутъ); кайтахцы въ сел. Киша и Уркарахъ.

Независимо разбора дѣлъ въ селеніяхъ, правители и владѣтели многія дѣла разбирали и рѣшали лично, преимущественно въ тѣхъ случаяхъ, когда обиженные обращались къ ихъ защитѣ и покровительству, или когда разборъ и рѣшеніе дѣла самимъ владѣтелемъ былъ важенъ для его интересовъ. Въ этихъ случаяхъ дѣло рѣшалось преимущественно по волѣ, а иногда и прихоти владѣтеля или правителя, не стѣснявшихся ни адатомъ, ни шаріатомъ.

Адаты сохранялись въ памяти картовъ и народа и изустно

---

*) Наприм.: въ сел. Арчи Казикумухскаго округа карты смѣнялись ежемѣсячно.

**) Преимущественно для этого избиралась площадь около мечети.

передавались изъ рода въ родъ; особые сборники, большею частію отрывочные, писались иногда для памяти нѣкоторыми кадіями и грамотными картами.

Изъ владѣтельныхъ лицъ, обращавшихъ особое вниманіе на адаты, извѣстны: 1) Кайтахскій Уцмій Рустемъ-ханъ, составившій изъ адатовъ и своихъ постановленій особый сборникъ, отданный имъ на храненіе и для руководства кадію сел. Киша. Къ нему обыкновенно обращались всѣ жители Кайтаха за справкой и указаніемъ въ сомнительныхъ и спорныхъ случаяхъ. По преданію, сборникъ этотъ написанъ за 700 лѣтъ до настоящаго времени *). 2) Кайтахскій же Уцмій Ахметъ—сынъ Уцмія Гасанъ-али, умершаго въ 1588 году, который первый подробно опредѣлилъ права владѣтелей и чанковъ **), принятыя впослѣдствіи во всемъ Дагестанѣ, и 3) Омаръ-ханъ (Умма-ханъ) Аварскій, умершій въ 1082 году, который старался установить единообразные адаты для своихъ владѣній и ввелъ много новыхъ адатовъ.

Съ развитіемъ общественной жизни народа, адаты, разнообразные и въ самомъ началѣ, по необходимости измѣнялись и дополнялись, и какъ многочисленныя владѣнія и общества Дагестана были поставлены въ этомъ отношеніи въ различныя условія, и разборъ дѣлъ, на которыя не было адата, производился въ каждомъ селеніи по разумѣнію картовъ; то слѣдствіемъ этого явилось необыкновенное разнообразіе адатовъ. Почти каждое селеніе имѣетъ свои адаты, чѣмъ нибудь отличающіеся отъ адатовъ сосѣдей; разница эта состоитъ преимущественно въ неодинаковой степени наказанія виновнаго, въ числѣ свидѣтелей, или присягателей по одному и тому-же дѣлу, въ количествѣ штрафа и т. п.

Общій же взглядъ на преступленіе и наказаніе и на способы доказательства виновности, образовавшійся подъ вліяніемъ духа мусульманской религіи, по необходимости, имѣвшаго важное значеніе при измѣненіи старыхъ адатовъ и установленіи новыхъ, — одинъ для всего Дагестана: вездѣ убійство наказывается кровомщеніемъ или примиреніемъ на извѣстныхъ условіяхъ, вездѣ доз-

*) Сборникъ этотъ прилагается къ настоящей статьѣ.

**) Примѣчаніе XIX.

воляется безнаказанно убивать вора, пойманнаго на мѣстѣ преступленія, грабителя, ближайшую родственницу, замѣченную въ любовной связи; вездѣ раненный лечится на счетъ ранившаго; уличенный воръ возвращаетъ украденное и т. п.

Съ постепеннымъ упроченіемъ русской власти въ Дагестанѣ, въ большей части населенія края, гдѣ ближайшее управленіе народомъ оставалось за прежними владѣтелями и правителями, оставлялся и прежній способъ суда по адату и шаріату; въ тѣхъ же частяхъ, гдѣ правителей не было и которыя считались покорными, вводилось гражданское управленіе на общихъ законахъ Имперіи, но примѣненное къ основаніямъ, принятымъ для всего Закавказскаго края. Подчиненіе народа нашему законодательству безъ особыхъ затрудненій и неудобствъ совершилось въ 1840 году въ городѣ Дербентѣ и принадлежащемъ къ нему Улусскомъ магалѣ *) только потому, что населеніе ихъ было достаточно къ тому подготовлено какъ прежнимъ вліяніемъ персидскаго правительства, такъ и комендантскимъ управленіемъ, существовавшимъ съ 1806 года и достаточно ознакомившимъ народъ за это время съ русскими установленіями. Въ Кайтахѣ и Табасарани гражданское управленіе хотя и было введено офиціально, также въ 1840 году, но какъ народъ не былъ къ нему подготовленъ, а понятія его о многихъ преступленіяхъ прямо противорѣчили постановленіямъ, которымъ его заставили подчиняться; то слѣдствіемъ этого было то, что каждый убійца, въ случаяхъ дозволенныхъ адатомъ, ожидая наказанія по русскимъ законамъ и считая себя совершенно невиннымъ, удалялся въ вольныя общества, которыя принимали его охотно, какъ гонимаго за правду. Накопленіе бѣглыхъ и недовольныхъ способствовало образованію разбойничьихъ шаекъ, грабившихъ мирныхъ жителей, тоже имѣвшихъ, въ свою очередь, много причинъ быть недовольными новымъ для нихъ управленіемъ, и въ 1843 году почти все населеніе Кайтаха и Табасарани охотно приняло участіе въ общемъ возстаніи Дагестана. Такой порядокъ привелъ къ тому, что въ 1848 году было упразднено участковое правленіе, учреж-

*) Примѣчаніе XII.

денное въ Нижнемъ Кайтахѣ и управленіе всѣмъ Кайтахомъ было поручено сыну бывшаго уцмія, званіе котораго офиціально уничтожено въ 1820 году.

Въ первый разъ въ Дагестанѣ судъ по адату былъ допущенъ при устройствѣ управленія Самурскаго округа въ 1839 году. Генералъ Головинъ въ инструкціи, данной окружному начальнику, предписалъ при рѣшеніи дѣлъ не руководствоваться исключительно закономъ, а преимущественно придерживаться народныхъ обычаевъ и понятій. Въ составъ окружнаго управленія для этого были назначены кадіи *) и диванные члены **), по одному отъ каждаго магала, образовавшихъ округъ.

Хотя при подчиненіи Самурскаго округа въ 1840 году дербентскому губернатору, требовавшему отъ окружнаго начальника возможно меньшаго уклоненія отъ общихъ законовъ, рѣшеніе дѣлъ по адату и было нѣсколько стѣснено, тѣмъ не менѣе оно продолжалось и имѣло для округа благодѣтельныя послѣдствія.

Самое же обширное примѣненіе судопроизводство по адату получило при образованіи управленія Дагестанскою областію въ 1860 году. При составленіи проекта положенія объ этомъ управленіи имѣлось въ виду дать народу такой судъ, который, будучи совершенно сообразенъ съ его понятіями и обычаями, давалъ бы возможность постепенно, безъ неудобствъ для народа, перейти современемъ къ рѣшенію всѣхъ дѣлъ на основаніи общихъ законовъ Имперіи и тѣмъ прочно и на всегда утвердить гражданское управленіе. Для этого признано небходимымъ оставить судъ по шаріату и по адатамъ, во всей его силѣ; при чемъ имѣлось въ виду, что на адаты народъ смотритъ какъ на дѣло ума человѣческаго и безпрепятственно допускаетъ измѣненіе ихъ, если видитъ въ этомъ хотя малѣйшую пользу для себя. Въ положеніи объ управленіи Дагестанскою областію постановлено: „судопроизводство отправляется по адату и шаріату и по особымъ правиламъ постепенно составляемымъ, на основаніи опыта и развивающейся въ

*) Примѣчаніе VII.

**) Примѣчаніе VI.

нихъ потребности“ (т. е. тотъ-же адатъ, но измѣненный сообразно видамъ правительства).

Для разбора дѣлъ по большинству голосовъ, гласно и словесно, съ веденіемъ только книги для записыванія жалобъ и состоявшихся по нимъ рѣшеній, учреждены въ каждомъ округѣ суды; въ составъ суда входятъ: кадій, для разбора дѣлъ по шаріяту, и депутаты, для рѣшенія дѣлъ по адату; депутаты избираются народомъ, по большинству голосовъ, по одному отъ каждаго наибства, входящаго въ составъ округа. Предсѣдательство въ окружномъ судѣ возложено на начальника округа и въ случаѣ равенства мнѣній депутатовъ (по одному и тому же дѣлу) его голосъ рѣшаетъ дѣло.

Кромѣ окружныхъ судовъ учреждены еще словесные суды при управленіяхъ наибства При-Сулакскаго и ханства Мехтулинскаго *) и Дагестанскій народный судъ, въ составъ котораго назначаются, по выбору командующаго войсками въ области, 3 кадія и 7 депутатовъ изъ числа самыхъ почетныхъ и благонамѣренныхъ жителей области. Въ народный судъ, кромѣ дѣлъ, поступающихъ изъ окружныхъ судовъ по аппеляціямъ, прямо передаются на разсмотрѣніе и заключеніе дѣла особой важности, по назначенію командующаго войсками области **).

Рѣшеніе дѣлъ маловажныхъ, какъ напр. ссоры, драки (безъ пораненія), жалобы по потравѣ полей и т. п., предоставлено картамъ, которые, на основаніи существовавшихъ прежде обычаевъ, избираются въ каждомъ селеніи по нѣсколько человѣкъ, смотря по величинѣ селенія, самими жителями, изъ лицъ, извѣстныхъ своею честностью, безукоризненнымъ поведеніемъ и знаніемъ адатовъ. Карты рѣшаютъ дѣла гласно и словесно, въ присутствіи стариковъ селенія; рѣшенія эти не считаются однако окончательными, но повѣряются и утверждаются въ окружныхъ судахъ, если недовольная сторона приноситъ жалобу.

---

*) Упразднены въ 1867 году, по случаю открытія Темиръ-Ханъ-Шуринскаго округа.

**) Въ немъ же разбираются жалобы жителей Темиръ-Ханъ-Шуринскаго округа.

Начальникамъ округовъ вмѣнено въ обязанность не приводить въ исполненіе рѣшеній по шаріяту и адату, которыя противорѣчатъ общему духу нашихъ законовъ и исключеніямъ, допущеннымъ для магометанъ, или не соотвѣтствуютъ видамъ правительства, а представлять такія дѣла на усмотрѣніе начальства.

Положеніемъ объ управленіи Дагестанскою областію допускается рѣшеніе по адату слѣдующихъ дѣлъ: 1) по убійствамъ и кровомщенію; 2) по пораненіямъ; 3) по ссорамъ, дракамъ и т. п.; 4) по сватовству и увозу женщинъ; 5) по изнасилованію женщинъ; 6) по разврату; 7) по воровству; 8) по грабежу, хотя съ насиліями и угрозами, но такого рода, что не представляется опасности ни для жизни, ни для здоровья ограбленнаго; 9) по поджогамъ и порчамъ чужаго имущества и 10) по поземельнымъ спорамъ, жалобамъ поселянъ на владѣльцевъ, по нарушенію различныхъ общественныхъ постановленій, по потерямъ и находкамъ и т. п.

Дѣла по несогласію между мужемъ и женою, родителями и дѣтьми, по завѣщаніямъ, по спорамъ объ имуществѣ, принадлежащемъ мечетямъ, и т. п. разбираются и рѣшаются по шаріяту.

За измѣну, возмущеніе, явное неповиновеніе начальству, разбой и похищеніе казеннаго имущества, жители Дагестанской области предаются суду по военно-уголовнымъ законамъ.

II.

Искъ, доказательства, свидѣтели, обвиненіе по подозрѣнію. Наказанія, опредѣляемыя по адату.

Судъ по адату приступаетъ къ разбору дѣла только тогда, когда принесена жалоба, имѣющимъ на то право, и указанъ отвѣтчикъ. Жалобы и доносы судомъ не принимаются, если приносящій ихъ, при рѣшеніи дѣла, не можетъ получить какого либо

убытка или матеріальнаго вознагражденія; разбираются по доносамъ только такого рода дѣйствія, отъ которыхъ терпитъ все общество, какъ напр., порча мостовъ, дорогъ, общественныхъ земель и т. п. По всякой жалобѣ или иску, предъявленному суду, прежде разбирается дѣло, т. е. производится судебное слѣдствіе, и затѣмъ постановляется рѣшеніе.

Предъявлять суду жалобу имѣетъ право только обиженный; въ случаяхъ же, когда онъ самъ этого не можетъ сдѣлать, допускаются ближайшіе его родственники, имѣющіе прямой интересъ въ разборѣ жалобы. Повѣренные при разборѣ дѣлъ не допускаются, дозволяется только предъявлять жалобы мужу за жену, отцу или опекуну за малолѣтнихъ дѣтей. Претензіи за куловъ и каравашей *) (рабовъ) можетъ предъявлять только ихъ владѣлецъ.

Искъ бываетъ двухъ родовъ —или прямой съ доказательствами, или по подозрѣнію; въ первомъ случаѣ доказательствами служатъ:

1) Собственное сознаніе, данное безъ принужденія. Собственное сознаніе малолѣтнихъ, безумныхъ и сумасшедшихъ не считается доказательствомъ.

2) Поличное, которое всегда считается несомнѣннымъ доказательствомъ преступленія; къ поличному, между прочимъ, относятся слѣды на платьѣ, на оружіи и проч.; такъ напримѣръ: обвиняется въ убійствѣ всякій, у кого будетъ найдена какая либо вещь, бывшая на убитомъ; найденное что либо въ домѣ, изъ котораго случилась пропажа, принимается какъ совершенное доказательство того, что воровство совершено владѣльцемъ оставленнаго.

3) Показаніе свидѣтелей, подтвержденное присягой **). Свидѣтелей должно быть не менѣе двухъ (въ Кюринскомъ округѣ, по дѣламъ объ убійствѣ, отъ 4-хъ до 6-ти). совершенно удовлетво-

*) Примѣчаніе X.

**) Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ свидѣтели присягаютъ съ нѣсколькими человѣками своихъ родственниковъ или односельцевъ, напр. въ Каракайтагѣ, свидѣтель убійства присягаетъ съ 7-ю человѣками.

рающихъ всѣмъ условіямъ, требующимся для свидѣтельствованія. Ихъ обязанъ представить или указать самъ истецъ.

Свидѣтели требуются къ суду только въ тѣхъ случаяхъ, когда они находятся въ предѣлахъ, обозначенныхъ адатомъ; напр. въ Дагестанскомъ округѣ свидѣтели, ушедшіе за главный хребетъ или за Андійскія горы, къ суду не требуются и дѣло разбирается безъ спроса ихъ. Свидѣтельскія показанія односельцевъ истца имѣютъ преимущество противъ такихъ же показаній жителя другаго селенія или общества.

Въ большей части Дагестана женщины вовсе не допускаются въ свидѣтели; тамъ же, гдѣ принимается ихъ свидѣтельство,— за нихъ присягаетъ мужъ или братъ. Сами женщины допускаются къ свидѣтельской присягѣ только въ Сиргинскомъ обществѣ, Даргинскаго округа. Въ свидѣтели не допускаются: 1) малолѣтніе, до 7-ми лѣтъ, 2) безумные, 3) сумасшедшіе, 4) р дственники истца, имѣющіе интересъ въ разбираемомъ дѣлѣ, 5) имѣющіе какую бы то ни было тяжбу съ отвѣтчикомъ, 6) должники отвѣтчика, пока не заплатятъ долга, 7) имѣющіе кровную вражду къ отвѣтчику, 8) давшіе обѣтъ никогда не присягать и 9) лица, исполняющіе нѣкоторыя общественныя должности *). Впрочемъ, показаніе кадія или карта, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, данное безъ присяги, считается равнымъ двумъ свидѣтельскимъ показаніямъ.

4) Показаніе умирающаго или раненнаго на виновника, подтвержденное присягою и даже безъ нея, считается несомнѣннымъ доказательствомъ преступленія; въ тѣхъ же случаяхъ, когда есть поводъ сомнѣваться въ этомъ показаніи, отъ обвиняемаго требуется очистительная присяга.

5) Письменные документы, если подлинность ихъ несомнѣнна, принимаются за совершенное доказательство.

Искъ по подозрѣнію бываетъ, если виновникъ преступленія неизвѣстенъ, или не можетъ быть уличенъ ни однимъ изъ прямыхъ доказательствъ. Подозрѣніе на кого либо судомъ по адату принимается только: по убійству, пораненію, воровству, грабежу, отгону

****) Примѣчаніе XVII.

скота, поджогу, потравамъ и т. п. убыткамъ истца. Въ прелюбодѣяніи, изнасилованіи, развратѣ, мужеложствѣ и скотоложствѣ по подозрѣнію никто обвиняемъ быть не можетъ. Въ этихъ случаяхъ всегда требуется хотя одно свидѣтельское показаніе.

Обиженный, принося жалобу, обязанъ указать, кого онъ подозрѣваетъ, и объяснить причины этого подозрѣнія. При очевидной невинности подозрѣваемаго, искъ не принимается. Не допускается также обвиненіе, по подозрѣнію, ни въ какихъ преступленіяхъ, кромѣ убійства, на кадія, картовъ и лицъ, посвятившихъ себя изученію духовныхъ книгъ; правомъ этимъ пользуются и женщины въ нѣкоторыхъ мѣстахъ (какъ напр. въ Даргинскомъ округѣ).

Единственнымъ средствомъ къ обвиненію подозрѣваемаго служитъ присяга истца, съ опредѣленнымъ числомъ родственниковъ и лучшихъ людей въ селеніи, выбранныхъ имъ самимъ и называемыхъ тусевами *), или же очистительная присяга, даваемая отвѣтчикомъ, тоже съ опредѣленнымъ числомъ ближайшихъ, по степени родства, его родственниковъ и домашнихъ; въ нѣкоторыхъ случаяхъ для очистительной присяги допускается назначеніе половиннаго числа присягателей изъ родственниковъ обвиняемаго, по выбору истца.

Выборъ перваго или втораго способа доказательства виновности подозрѣваемаго зависитъ отъ многихъ обстоятельствъ; для нѣкоторыхъ случаевъ адатъ прямо опредѣляетъ, какого рода присяга должна быть дана; въ остальныхъ—предоставляетъ на усмотрѣніе судей назначить присягу истцу или отвѣтчику, но истецъ всегда имѣетъ право отказаться отъ присяги и потребовать очистительную присягу отъ заподозрѣннаго имъ.

Передъ принятіемъ очистительной присяги, заприсягатели обвиняемаго отбираютъ отъ него честное слово въ его невинности или требуютъ присяги, собственно для себя.

Присяга истца и всѣхъ людей, присягающихъ съ нимъ, подтверждающая подозрѣніе, служитъ совершеннымъ доказательствомъ.

---

*) Тусевами вообще называются присягатели, избранные истцомъ или назначенные судомъ.

Если же хотя одинъ изъ присягателей откажется утвердить присягою виновность подозрѣваемаго, то онъ считается оправданнымъ, и для дальнѣйшаго обвиненія его требуются отъ истца положительныя доказательства.

Отказъ подозрѣваемаго въ принятіи очистительной присяги или неподтвержденіе его невинности кѣмъ либо изъ числа присягающихъ съ нимъ считается доказательствомъ его виновности. Въ случаѣ недостатка у подозрѣваемаго полнаго числа родственниковъ, требуемаго адатомъ, ему дозволяется самому присягать столько разъ, сколько человѣкъ недостаетъ.

Обвиненный присягою подвергается взысканію, опредѣленному адатомъ за преступленіе, въ которомъ онъ былъ заподозрѣнъ; но для него дѣлаются возможныя облегченія: такъ, онъ освобождается отъ платежа штрафа, возвращаетъ истцу только стоимость пропавшаго у него и т. п.

Число присягателей, назначаемыхъ для оправданія или обвиненія подозрѣваемаго, до крайности различно, въ предѣлахъ отъ одного до шестидесяти человѣкъ *).

Въ каждомъ обществѣ адатомъ установлено разъ на всегда опредѣленное число присягателей, для случаевъ чаще другихъ встрѣчающихся. Число это зависитъ отъ важности дѣла и отъ стоимости иска. Такъ, самое большее число присягателей, отъ 12—60, назначается только по дѣламъ, ведущимъ за собою кровомщеніе; при разборѣ дѣла по подозрѣнію о нанесеніи ранъ, требуется только половинное число присягателей противу опредѣленнаго для обвиненія въ убійствѣ.

По дѣламъ о воровствѣ, поджогахъ, потравахъ и т. п. число присягателей назначается, смотря по цѣнности украденнаго, отъ 1—12 (въ Цудахарѣ до 40 человѣкъ). При воровствѣ лошади назначается всегда наивысшее число присягателей; при воровствѣ барановъ присягатели назначаются по числу украденныхъ барановъ, но не свыше положеннаго числа вообще по воровству.

Число лицъ, которыхъ можно обвинять послѣдовательно по подозрѣнію, не вездѣ опредѣлено одинаковое; такъ напр., въ Темиръ-Ханъ-Шуринскомъ округѣ обвиненіе по подозрѣнію въ убій-

*) 60 человѣкъ присягателей назначаются только въ сел. Годобери и Зиберхули (Андійскаго округа, Технуцальскаго наибства).

ствѣ допускается на 3-хъ человѣкъ. Въ нѣкоторыхъ обществахъ Даргинскаго округа подозрѣніе въ убійствѣ и воровствѣ можетъ быть послѣдовательно возводимо на 7 человѣкъ и только по оправданіи послѣдняго, для дальнѣйшаго обвиненія еще кого либо, уже требуются положительныя доказательства. Въ большей же части края, въ особенности въ дѣлахъ объ убійствѣ, допускается обвинять по подозрѣнію не болѣе одного. Обвиненный по подозрѣнію освобождается отъ взысканія, если откроется дѣйствительно виновный; только въ Сюргинскомъ обществѣ (Даргинскаго округа) обвиненный разъ въ убійствѣ остается канлы, хотя бы былъ въ послѣдствіи найденъ дѣйствительный убійца.

Кромѣ описанныхъ способовъ доказательства преступленій, общихъ для всего Дагестана, въ нѣкоторыхъ частяхъ края существовали, или существуютъ еще, особые адаты для обвиненія подозрѣваемаго. Наиболѣе замѣчательны изъ нихъ слѣдующіе:

Въ Кара-кайтагѣ, Табасарани и въ селеніяхъ Годобери и Зиберхули, въ случаѣ, если убійца былъ неизвѣстенъ, родственники убитаго, безъ посредства судей, собирались передъ мечетью, называли убійцей кого хотѣли, присягали, и за тѣмъ уже считали себя вправѣ избраннаго ими убить, какъ настоящаго убійцу. Съ устройствомъ окружнаго управленія, адатъ этотъ воспрещенъ.

Въ селеніи Бути *), Андійскаго округа, Технуцальскаго наибства, если убійца неизвѣстенъ, то ближайшій родственникъ убитаго требуетъ къ себѣ подозрѣваемаго имъ въ убійствѣ и если подозрѣваемый явится на это требованіе, то можетъ быть убитъ тутъ же, требовавшимъ его, безнаказанно; но если этого не случится, то онъ освобождается отъ подозрѣнія и оно на другаго уже не допускается. Если же подозрѣваемый не явится къ требовавшему его родственнику убитаго, то признается, безъ дальнѣйшихъ доказательствъ, виновнымъ въ убійствѣ и подвергается кровомщенію по адату. Адатъ этотъ также воспрещенъ.

Въ При-Сулукскомъ наибствѣ, только между карачи-біями **),

---

*) Жители сел. Бути—Чеченскаго племени; подобнаго адата нигдѣ болѣе въ Дагестанѣ нѣтъ.

**) Карачи-біями называются остатки древней аристократіи, происхо-

существуетъ слѣдующій адатъ: если нѣсколько карачи-біевъ убьютъ кого нибудь и никто изъ нихъ не признаетъ себя виновнымъ, то отъ каждаго требуется очистительная присяга съ 40 родственниками, и если ни одинъ изъ нихъ не будетъ обвиненъ этимъ способомъ, то всѣ признаются убійцами и подвергаются установленной за убійство отвѣтственности.

Присяга употребляется двухъ родовъ: 1) *Именемъ Бога* (по шаріату) и 2) *Хатунъ-Таллахъ* или *Кебинъ-Таллахъ* *), когда присягающій клянется, что если онъ скажетъ неправду, то бракъ его незаконенъ **). Присяга эта употребляется преимущественно въ Сѣверномъ и Южномъ Дагестанѣ, менѣе остальныхъ частей края подвергшихся вліянію мюридизма. Хатунъ-Таллахъ требуется въ дѣлахъ важныхъ ***), и число присягающихъ этимъ способомъ назначается меньше, чѣмъ требуется адатомъ присягателей именемъ Бога на коранѣ; такъ напр. въ Усишинскомъ обществѣ, Даргинскаго округа, подозрѣваемый въ убійствѣ принимаетъ очистительную присягу, Хатунъ-Таллахъ, только съ 6-ю родственниками, а на коранѣ, по шаріату, съ 12—40 человѣками, по назначенію родственниковъ убитаго.

Присяга не требуется отъ лицъ, давшихъ обѣтъ никогда не присягать, отъ кадія, картовъ, старшинъ и другихъ лицъ, несущихъ общественныя должности ****). Вообще присяга требуется судомъ во всѣхъ случаяхъ, когда нѣтъ другаго средства немедленно узнать истину. Такъ напр., при большомъ денежномъ взыска-

---

дящей свой родъ отъ аварскаго нуцала Сура-Ката, владѣвшаго, по преданію, большею частью Дагестана, не задолго до появленія аравитянъ.

*) По шаріату присяга допускается только однимъ именемъ Бога: *Валлахи*, *Биллахи*, *Таллахи*. Присяга качествами Бога, кораномъ, святыми мѣстами и проч. не дѣйствительна; поэтому, установленная адатомъ присяга Хатунъ-Таллахъ, во многихъ случаяхъ предпочитаемая первой, явно и совершенно противорѣчитъ основнымъ положеніямъ шаріата.

**) Если у присягателя нѣсколько женъ, то онъ обязанъ предварительно указать, на которую изъ нихъ онъ присягаетъ. Въ случаѣ ложной присяги, жена обязана уйти отъ мужа, получивъ все ей слѣдующее, какъ при добровольномъ разводѣ.

***) Въ Цудахарскомъ и Сюргинскомъ обществахъ женатые во всѣхъ случаяхъ обязаны присягать Хатунъ-Таллахъ.

****) Въ Табасарани не допускаются къ присягѣ сельскіе кузнецы.

нiи отвѣтчикъ присягаетъ, что отдалъ все, что у него было; родственники, обязанные за него платить, тоже присягаютъ по очередно, что заплатили все, что могли. Истецъ присягою утверждаетъ о количествѣ и цѣнности украденнаго у него, если только сознавшiйся или уличенный воръ показываетъ, что укралъ меньше. При назначенiи требуемаго числа родственниковъ для очистительной присяги, предварительно, присягой же, требуется подтвержденiе, что у подозрѣваемаго нѣтъ другихъ родственниковъ въ ближайшей степени родства, кромѣ тѣхъ, которыхъ онъ выбралъ.

Въ нѣкоторыхъ обществахъ и селенiяхъ, послѣ присяги свидѣтеля, требуется еще присяга нѣсколькихъ человѣкъ его родственниковъ въ томъ, что онъ будетъ показывать правду.

Слишкомъ частое и иногда вовсе ненужное для дѣла требованiе присяги послужило къ упадку ея значенiя; явились люди, давшiе обѣтъ никогда не присягать, клятвопреступники и наемные присягатели. Чтобы по возможности уменьшить это зло, адатъ и требуетъ присяги по одному и тому же дѣлу не отъ одного человѣка, а отъ многихъ.

За ложную присягу на коранѣ адатъ налагаетъ въ наказанiе только незначительный штрафъ, и разъ уличенный въ ложной присягѣ не допускается болѣе ни въ свидѣтели, ни въ присягатели.

За всѣ преступленiя и поступки адатъ опредѣляетъ слѣдующiя наказанiя:

1) *Изгнанiе изъ селенiя съ предоставленiемъ обиженному и ближайшимъ его родственникамъ права убить безнаказанно изгоняемаго или простить его на извѣстныхъ условiяхъ.* Этотъ видъ наказанiя принято называть выходомъ въ канлы *).

Выходъ въ канлы всегда сопровождается опредѣленнымъ взысканiемъ деньгами или имуществомъ въ пользу обиженнаго или его наслѣдниковъ. Наказанiе это въ нѣкоторыхъ случаяхъ усиливается тѣмъ, что виновный изгоняется не одинъ, а съ опредѣлен-

*) Отъ тюркскаго слова *канъ*—кровь. Канлы—кровный врагъ. По аварски—*бадулау*, отъ слова бидъ-кровь.

нымъ числомъ ближайшихъ родственниковъ или со всѣмъ семействомъ, живущимъ въ одномъ съ нимъ домѣ.

2) *Изгнаніе изъ селенія на опредѣленный срокъ, но безъ предоставленія обиженному права убить изгоняемаго.* По прошествіи срока, изгнанному вмѣняется въ обязанность, прежде возвращенія домой, примириться съ обиженнымъ имъ и сдѣлать для него и его родственниковъ приличное угощеніе. Кромѣ изгнанія виновный подвергается и денежному взысканію въ пользу обиженнаго.

3) *Взысканіе деньгами или имуществомъ съ виновнаго*, въ пользу обиженнаго, опредѣляется за безчестье, раны, увѣчье и воровство. Размѣръ этого взысканія зависитъ отъ важности дѣла.

4) *Штрафъ*, деньгами или имуществомъ, взыскивается за всѣ безъ исключенія преступленія и поступки, независимо наказанія первыхъ трехъ видовъ. Штрафъ взыскивается при рѣшеніи дѣла въ штрафную, въ общественную сумму селенія, къ которому принадлежитъ виновный или гдѣ имъ сдѣлано преступленіе, и въ пользу картовъ и другихъ членовъ сельскаго управленія. Штрафы, которые въ прежнее время взыскивались въ пользу владѣтелей, правителей и общества, съ устройствомъ окружныхъ судовъ поступаютъ въ штрафную сумму, которая расходуется на общеполезныя надобности, какъ напр. на устройство мостовъ, дорогъ, пособіе школамъ и т. п.

Штрафъ, какъ наказаніе, опредѣляется за нарушеніе общественнаго порядка или постановленій, отъ которыхъ не произошло ни для кого личнаго вреда.

Къ безусловной смертной казни по адату никто не присуждается; но есть случаи, въ которыхъ предоставляется право убивать виновнаго безнаказанно всякому, кто захочетъ и можетъ это сдѣлать. Такъ напр., въ Цудахарскомъ обществѣ, виновный въ воровствѣ изъ мечети, кромѣ уплаты въ 12 разъ болѣе стоимости украденнаго, изгоняется изъ общества и считается канлы всѣхъ жителей того селенія, гдѣ имъ сдѣлано преступленіе.

Въ Гидатлѣ, за умышленный поджогъ моста, виновный под-

вергается штрафу въ 100 котловъ, изгоняется изъ общества и считается кровнымъ врагомъ всѣхъ и каждаго, какъ убійца.

Въ магалѣ Терекеме, Кайтаго-Табасаранскаго округа, если женщина бѣжитъ отъ мужа и по полученіи развода не захочетъ выйдти за мужъ за того, къ которому бѣжала, считается канлы всему обществу.

У кумыковъ бывшихъ владѣнія Тарковскаго и ханства Мехтулинскаго виновные въ убійствѣ своего бывшаго врага, послѣ примиренія съ нимъ, въ разрытіи могилъ и похищеніи савановъ съ покойниковъ,—могутъ быть убиты каждымъ. За развратъ, отцеубійство, мужеложство и нѣкоторыя другія преступленія, наносящія во мнѣніи народа безчестье для цѣлаго семейства, не только дозволяется, но какъ бы вмѣняется въ обязанность самому ближайшему родственнику убить виновнаго, безъ всякаго суда или разбора дѣла; неисполненіе этого всегда влечетъ за собою укоры, насмѣшки и явное неуваженіе къ неисполнившему своего долга, въ особенности, если виновный не бѣжитъ изъ селенія въ отдаленное мѣсто.

Лишенія членовъ тѣла, наказаній палочными ударами, ареста *) и т. п., такъ щедро опредѣляемыхъ шаріатомъ за всякое преступленіе, адатъ ни въ какомъ случаѣ не присуждаетъ; домашній арестъ употребляется только въ видѣ предохранительной мѣры; такъ напр., родственники убійцы не должны выходить изъ дома до извѣстнаго срока, иначе могутъ быть ранены и даже убиты безнаказанно родственниками убитаго.

Въ тѣхъ селеніяхъ, гдѣ по адату убійцѣ дозволяется оставаться въ своемъ домѣ, онъ, до примиренія съ родственниками убитаго, не выпускается изъ дома.

---

*) Арестъ, какъ наказаніе, назначается по адату только у кумыковъ за нарушеніе благочинія въ мечети и за воровство изъ нея. При этомъ съ виновнаго же взыскивается для найма караула по 20 коп. за каждыя сутки.

III.

Убійство, кровомщеніе, пораненіе и увѣчья.

По адату безнаказанно дозволяется убить: 1) каждому своего кровнаго врага, 2) насилующаго, нападающаго изъ засады, грабителя и объявленнаго врагомъ всего общества; 3) хозяину дома или поля—вора, пойманнаго на мѣстѣ преступленія; 4) мужу, отцу, сыну и брату—всякаго застигнутаго въ прелюбодѣяніи съ женою, дочерью, матерью или сестрою; но при этомъ безнаказаннымъ остается только убійство обоихъ виновныхъ; нарушеніе этого правила, по волѣ означенныхъ лицъ, считается какъ обыкновенное убійство; 5) пойманные въ мужеложствѣ, оба виновные могутъ быть убиты родственниками, и 6) похитителя женщины при преслѣдованіи родственниками похищенной. За тѣмъ всякое убійство влечетъ за собою кровомщеніе: ему подвергаются одинаково мужчины и женщины, убійцы малолѣтніе, сумасшедшіе, безумные, случайные, неосторожные, владѣльцы лошади, собаки и вообще всякаго животнаго, причинившаго кому-либо смерть. Исключенія изъ этого слѣдующія:

1) У кумыковъ за убійство, сдѣланное сумасшедшимъ или безумнымъ, кровомщенію подвергается опекунъ или присмотрщикъ, если только онъ былъ предваренъ, что находящійся на его попеченіи сумасшедшій или безумный замѣченъ въ убійствѣ или намѣреніи причинить кому либо вредъ; безъ этого обстоятельства кровь убитаго считается безвозмездною. Правило это примѣняется во всемъ Дагестанѣ и къ владѣльцамъ животныхъ, убившихъ или ранившихъ кого нибудь.

2) Въ Аваріи и въ Ункратлѣ съ убійцъ случайныхъ, неосторожныхъ, дѣтей и сумасшедшихъ берется только штрафъ.

3) Дѣтоубійство (не за преступленія, за которыя оно по адату вмѣняется въ обязанность родителей, и безнаказанное по шаріату) въ большей части края не подвергаетъ виновнаго кровомще-

нію; съ виновнаго дѣлается взысканіе по усмотрѣнію начальства и во всѣхъ случаяхъ берется штрафъ.

4) Кровомщеніе допускается между лицами одного сословія. На этомъ основаніи бекъ *), убившій узденя незначительнаго рода **) (тохума) подвергается только изгнанію на короткій срокъ (три мѣсяца), по истеченіи котораго родственники убитаго обязаны, за опредѣленное вознагражденіе, съ нимъ примириться, безъ соблюденія обрядовъ, установленныхъ адатомъ для примиренія. За убійство раба виновный обязанъ только уплатить владѣльцу высшую плату, какая полагается при оцѣнкѣ рабовъ. Рабъ, убившій узденя или бека, не подвергается кровомщенію; за него выходитъ въ канлы его владѣлецъ, если не освободитъ его.

Въ Сѣверномъ Дагестанѣ, за исключеніемъ сел. Чиркея, Чиръ-Юрта и Мугинскаго общества, и въ Южномъ Дагестанѣ, за исключеніемъ Самурскаго округа, а также въ Казикумухскомъ округѣ, убійство подраздѣляется на два вида: простое и *кара-канъ* ***).

Кара-канъ считается: всякое убійство, сдѣланное съ корыстною цѣлью; убійство изъ засады; убійство кого либо въ собственномъ его домѣ или на собственномъ полѣ; убійство, сдѣланное во время разбора дѣлъ; убійство по подкупу; въ мечети; ночью и т. п. Кромѣ того въ Даргинскомъ округѣ постановлено считать *кара-канъ* всякое убійство, сдѣланное на извѣстныхъ урочищахъ, удаленныхъ отъ населенныхъ мѣстъ. За убійства этого вида наказаніе виновному и его родственникамъ значительно усиливается. Въ остальныхъ частяхъ Дагестана, хотя и нѣтъ опредѣленнаго раздѣленія убійствъ на простое и кара-канъ, тѣмъ не менѣе, при назначеніи взысканія, судъ принимаетъ во вниманіе обстоятельства, увеличивающія вину, и въ подобныхъ случаяхъ налагается

---

*) Бывали примѣры, что сильные родственники убитаго узденя заставляли убійцъ бековъ скрываться изъ опасенія быть убитыми по кровомщенію. За убійство владѣтеля или бека, уздень, если не успѣвалъ бѣжать въ дальнее общество,—убивался безъ всякого суда и разбора дѣла.

**) Примѣчаніе IV.

***) Отъ *тюркскаго* слова *кара*—черный; другіе же считаютъ его испорченнымъ арабскимъ словомъ *ихара*—устрашеніе, грабежъ.

на виновнаго значительно большій штрафъ. Кромѣ того убійцѣ умышленному весьма трудно получить прощеніе отъ родственниковъ убитаго.

Въ убійствѣ признается виновнымъ всегда одинъ; обвинять болѣе можно только въ тѣхъ случаяхъ, когда убійство совершено нѣсколькими человѣками, или въ общей ссорѣ и дракѣ, и никто не признаетъ себя убійцею; при этомъ однако наблюдается правило, чтобы число признанныхъ убійцами ни въ какомъ случаѣ не превышало числа ранъ, нанесенныхъ убитому.

Если въ общихъ ссорахъ и дракахъ, происходящихъ между двумя тохумами или селеніями, съ обѣихъ сторонъ убито поровну, то дѣло кончается мировою. Если же этого не случится, то требуется, чтобы сторона, гдѣ меньше убитыхъ, указала недостающее число убійцъ по своему выбору, и всѣ они считаются канлы родственниковъ убитыхъ.

Право и обязанность преслѣдовать убійцу или примириться съ нимъ принадлежитъ преимущественно самому ближайшему родственнику убитаго; но допускаются къ этому и остальные родственники, а именно тѣ, которые, по шаріяту, считаются наслѣдниками убитаго.

Это же правило соблюдается и при убійствѣ родственникомъ родственника. Такъ отецъ за убійство дѣтей *) становится канлы къ своимъ внукамъ или дѣтямъ, т. е. къ сыновьямъ или братьямъ убитаго имъ. За отцеубійство или братоубійство виновный выходитъ въ канлы или къ остальнымъ своимъ братьямъ, или къ племянникамъ. Мать за убійство дѣтей дѣлается канлы ихъ отца или братьевъ. Мужу за убійство жены должны отомстить ближайшіе ея родственники.

Кровомщенію подвергается только признанный убійцею. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ по адату назначается два и болѣе канлы; такъ напр., за убійство беременной женщины виновный въ убійствѣ и ближайшій его родственникъ — оба подвергаются кровомщенію до примиренія или до убійства ихъ обоихъ.

*) Кровомщеніе за дѣтоубійство существуетъ только въ Чохѣ, ближайшихъ къ нему селеніяхъ и въ нѣкоторыхъ Даргинскихъ обществахъ.

Въ Хюракинскомъ обществѣ за убійство своего кадія назначается 7 человѣкъ канлы изъ числа участвовавшихъ въ убійствѣ или ближайшихъ родственниковъ убійцы. Въ Цудахарскомъ обществѣ и въ селеніяхъ: Салта, Мохокъ, Еркачи, Шахада, Буцра, Хецо, Шулатлута, Онсокули, Игали, Инкоалита и Харачи, кромѣ убійцы, кровомщенію наравнѣ съ нимъ подвергается все семейство его, живущее съ нимъ въ одномъ домѣ.

Родственники убитаго могутъ убить кого либо изъ родственниковъ убійцы только до совершенія между ними обряда примиренія, называемаго *Бетъ-Гермекъ* *), и въ этомъ случаѣ засчитывается кровь за кровь, т. е. убійца не подвергается кровомщенію. Бетъ-Гермекъ состоитъ въ слѣдующемъ: тотъ-часъ по совершеніи убійства, или по полученіи объ немъ извѣстія, родственники убитаго собираются всѣ вмѣстѣ съ оружіемъ, на одномъ дворѣ; тоже дѣлаютъ и родственники убійцы; послѣдніе тотъ-часъ же собираютъ установленную адатомъ пеню за убійство, слѣдующую въ пользу родственниковъ убитаго. Въ это время старики и почетные люди селенія должны принять участіе и оказать содѣйствіе къ скорѣйшему примиренію обѣихъ сторонъ. По выдачѣ пени старикамъ и почетнымъ людямъ, родственники убитаго и убійцы выводятся изъ домовъ, въ которыхъ они собирались, и становятся въ нѣкоторомъ отдаленіи другъ отъ друга; между ними становится кадій, или мулла, и читаетъ первую главу корана (фатихе). По окончаніи чтенія всякая вражда между ними считается конченною и преслѣдованію подвергается только убійца. Родственники убитаго получаютъ, при примиреніи, съ родственниковъ убійцы одного быка для угощенія.

Если же послѣ примиренія произойдетъ убійство кого либо изъ родственниковъ убійцы родственниками убитаго, то уже не засчитывается кровь за кровь; а случай этотъ разсматривается какъ отдѣльный, и виновный въ свою очередь подвергается кровомщенію.

Въ бывшихъ владѣніи Тарковскомъ и ханствѣ Мехтулинскомъ, въ округахъ Даргинскомъ (кромѣ обществъ Акушинскаго,

---

*) *Бетъ-Гермекъ*—видѣть лицо, по кумыкски.

Цудахарскаго и Микагинскаго), Кайтаго-Табасаранскомъ, Кюринскомъ и Казикумухскомъ, кромѣ убійцы, который называется *башъ-канлы* *), назначаются еще отъ 1—7 человѣкъ ближайшихъ его родственниковъ, или причастныхъ къ убійству, которые изгоняются изъ селенія одновременно съ башъ-канлы, съ тѣмъ однако ограниченіемъ, что они не могутъ быть убиты родственниками убитаго, но должны избѣгать съ ними встрѣчи до примиренія, которое можетъ состояться для нихъ только по истеченіи извѣстнаго срока (отъ 6 дней до 1-го года) съ опредѣленною платою. Лица эти называются малъ-канлы. Число малъ-канлы зависитъ отъ обстоятельствъ, сопровождавшихъ убійство. Наибольшее число (7) малъ-канлы назначается въ случаяхъ убійства кара-канъ.

Если за убійство назначается два или болѣе башъ-канлы, то къ каждому изъ нихъ назначается соотвѣтствующее число малъ-канлы. Въ малъ-канлы назначаются и женщины; такъ напр.: въ Хюракинскомъ обществѣ (Даргинскаго округа), если убійца женатъ, то первымъ малъ-канлы назначается его жена.

Цѣль назначенія малъ-канлы—увеличить наказаніе убійцы и его ближайшихъ родственниковъ, потому что издержки на примиреніе и плата, которую при этомъ они обязаны дать родственникамъ убитаго, падаетъ на убійцу.

Убійца, по совершеніи преступленія или по признаніи его виновнымъ въ немъ, долженъ тотъ-часъ же удалиться изъ селенія и можетъ быть преслѣдуемъ родственниками убитаго. Въ большей части случаевъ убійца скрывается для собственной безопасности, не дожидаясь разбора дѣла. Если же онъ, почему бы то ни было, замедлитъ уйти изъ селенія, то съ него берется штрафъ. Въ Даргинскомъ округѣ штрафъ этотъ опредѣленъ въ столько быковъ, сколько было призывовъ на молитву **) послѣ убійства. Въ нѣко-

---

*) *Башъ*—голова, *малъ*—имущество. Башъ-канлы значитъ тотъ, который за кровь отвѣчаетъ головою, малъ-канлы—имуществомъ. У кумыковъ башъ-канлы—*колъ-канлы* (колъ—рука). Малъ-канлы—*Іерчѣнъ-канлы*. (Іерчѣнъ—спутникъ). У кюринцевъ и табасаранцевъ—*малъ-канлы*,—изгоняемый на годъ,—называется *иль-канлы*; отъ слова *иль*—*годъ*.

**) Въ сутки бываетъ 5 призывовъ на молитву (азановъ).

торыхъ частяхъ Андійскаго и Кайтаго-Табасаранскаго округовъ убійцѣ предоставляется на усмотрѣніе бѣжать, или оставаться дома и выжидать послѣдствій сдѣланнаго имъ преступленія. Въ последнемъ случаѣ убійца становится родственниками убитаго въ осадное положеніе. Онъ не можетъ ни выйти изъ дома, ни выглянуть въ окно, безъ опасенія быть убитымъ жаждущими его крови. Въ прежнее время нѣкоторые убійцы проводили въ такомъ положеніи десятки лѣтъ. Въ Дидо и нѣкоторыхъ Анцухскихъ селеніяхъ убійца не изгоняется изъ селенія; а до примиренія содержится дома, безвыходно, подъ наблюденіемъ сельскаго начальства. Въ Самурскомъ округѣ, по обычаю, установившемуся въ послѣднее время подъ русскимъ вліяніемъ, убійца арестуется, по распоряженію начальства, на время не менѣе полугода, послѣ чего считается возможнымъ примиреніе его съ родственниками убитаго.

Объявленный канлы обыкновенно скрывается въ одно изъ отдаленныхъ селеній своего общества, къ родственникамъ или знакомымъ, или ищетъ покровительства какого нибудь сильнаго и вліятельнаго лица, при содѣйствіи котораго надѣется скоро и выгодно примириться съ родственниками убитаго; а до того считаетъ себя безопаснымъ отъ покушенія ихъ на убійство его по кровомщенію. Всякій считаетъ добрымъ дѣломъ не отказать канлы въ пріютѣ и покровительствѣ и содѣйствовать къ его прощенію.

Время изгнанія убійцы зависитъ отъ согласія родственниковъ убитаго на примиреніе. Срокъ, послѣ котораго должно состояться примиреніе, опредѣленъ въ слѣдующихъ мѣстахъ: у кумыковъ—2 года, въ Тлейсерухѣ и сел. Арчи—3 года, въ Антльратлѣ, Анцухѣ, Капучѣ и Дидо—1 годъ. Въ остальныхъ частяхъ края срокъ изгнанія канлы неопредѣленъ и вполнѣ зависитъ отъ согласія родственниковъ убитаго на примиреніе. Вообще же считается предосудительнымъ мириться ранѣе года послѣ убійства.

Во все время изгнанія, убійца, для собственной безопасности, долженъ скитаться съ одного мѣста на другое; ему никто не долженъ сопутствовать; случайное убійство его спутника ищущими крови канлы остается безнаказаннымъ. Въ знакъ раскаянія, канлы не долженъ брить голову; не можетъ заниматься хлѣбопаше-

ствомъ; ему запрещается входъ въ свое селеніе и вообще въ то мѣсто, гдѣ живутъ родственники убитаго, встрѣчи съ которыми онъ долженъ избѣгать *). Онъ можетъ быть убитымъ вездѣ, гдѣ бы ни встрѣтился съ родственниками убитаго имъ; но адатъ не одобряетъ убійства канлы въ мечети, въ присутствіи суда, начальства и на общественной сходкѣ. Убійство канлы по подкупу не допускается, а преслѣдуется какъ и всякое другое убійство, при чемъ подкупившій, какъ искавшій крови своего врага, не подвергается взысканію, но нанятый имъ убійца становится самъ канлы родственниковъ убитаго имъ.

Содѣйствіе къ убійству канлы кого либо изъ жителей селенія, въ которомъ онъ живетъ, считается преступнымъ и оскорбительнымъ для чести хозяина, пріютившаго его, и содѣйствовавшій подвергается штрафу и кровомщенію, въ случаѣ если при его помощи канлы будетъ убитъ. Тому-же взысканію подвергается и хозяинъ, способствовавшій убійству живущаго у него канлы.

Съ убійцы и его родственниковъ въ пользу наслѣдниковъ убитаго взыскивается *алымъ* или *діятъ* и штрафъ.

Алымъ (или алумъ), слово тюрское и значитъ „взятое", взыскивается всегда вскорѣ по совершеніи убійства съ убійцы и его родственниковъ по особой раскладкѣ. Величина алыма до крайности разнообразна, въ особенности въ Западномъ и Среднемъ Дагестанѣ, гдѣ почти въ каждомъ селеніи особый алымъ.

Вотъ для примѣра нѣкоторые алымы:

У кумыковъ Темиръ-Ханъ-Шуринскаго округа—съ семейства убійцы быкъ или 10 рублей сер., 5 сабъ **) пшеницы,

---

*) Въ Тлейсерухѣ убійцѣ, изгоняемому на 3 года, дозволяется въ теченіи каждаго года приходить домой по 3 раза, всякій разъ не болѣе какъ на 10 сутокъ. Въ это время родственники убитаго не имѣютъ права его преслѣдовать, иначе считаются нарушителями адата.

Въ Даргинскомъ округѣ постановленъ въ огражденіе канлы слѣдующій адатъ: если кто либо изъ родственниковъ убитаго имѣетъ надобность быть въ томъ селеніи, гдѣ живетъ его канлы, то онъ обязанъ объ этомъ предупредить послѣдняго, чтобы дать ему время скрыться; если же онъ этого не сдѣлаетъ, то обязанъ, лично за себя, примириться съ канлы, за опредѣленное, впрочемъ, вознагражденіе.

**) Примѣчаніе XVI.

1 кусокъ *) шелковой матеріи, 1 кусокъ бумажной матеріи. Съ родныхъ братьевъ, по отцу и матери, съ каждаго по 3 руб.; съ дядей по отцу по 3 руб.; съ сыновей дядей по 2 руб.; съ внуковъ дядей по 1 руб.; съ правнуковъ по 50 коп., и такъ далѣе, со всѣхъ родственниковъ по степени родства.

Въ сел. Таргу, по случаю частыхъ убійствъ, Шамхалъ-Мехти-ханъ постановилъ брать алымъ въ 300 руб., что исполняется и по настоящее время.

Въ сел. *Губденъ* и *Карабудахкентъ*—7 руб.

Въ Даргинскомъ округѣ:

Въ Хюракинскомъ обществѣ—2 быка, цѣною въ 8 р. каждый, 1 бычекъ въ 6 руб., 5 сабъ пшеницы, 1 коверъ въ 2 руб., 1 котелъ въ 2 р., 1 баранъ, 1 козелъ, 14 кари **) бязи, пахатное мѣсто цѣною въ 32 рубля.

Въ Цудахарскомъ обществѣ: 2 быка, 3 сабы пшеницы, 1 батманъ ***) курдючьяго сала, 7 кари бязи.

Въ Микагинскомъ обществѣ: 2 быка, 1 бычекъ 3-хъ лѣтъ, съ семейства убійцы 1 р., съ 14 ближайшихъ родственниковъ по 50 коп. съ каждаго.

Въ Гунибскомъ и Аварскомъ округахъ отъ 1-го быка до 200 руб. Въ селеніяхъ Ругджа, Корода, Гонода, Кулла и Бацада—100 руб. Въ принадлежащихъ къ Карахскому обществу селеніяхъ Унти и Шуляни алымъ вовсе не берется, а полагается только штрафъ — 2 сабы какого нибудь хлѣба. Въ сел. Гимра, Кахабъ-росо и Ашильта—20 руб.; въ сел. Харакуни, Кодутль и Рихуни—40 р. Въ Аваріи—1 быкъ ****) и саванъ.

Въ нѣкоторыхъ селеніяхъ Хиндалалскихъ, кромѣ алыма, родственники имѣли право грабить и разорять движимое и недвижимое имущество убійцы въ теченіи 3-хъ лѣтъ. *Въ Андійскомъ округѣ*, за исключеніемъ Дидойскаго наибства, вмѣсто алыма,

---

*) Достаточный на бешметъ.

**) Примѣчаніе VIII.

***) Примѣчаніе III.

****) Въ селеніяхъ Верхній и Нижній Бавтлукъ требуется, чтобы быкъ, выдаваемый въ алымъ, имѣлъ хвостъ длиною $2^1/_2$ локтя.

домъ и имущество убійцы грабятся родственниками убитаго въ теченіи 3-хъ дней и кромѣ того родственники убійцы должны выдать родственникамъ убитаго быка и саванъ; въ сел. Тинди берется сверхъ того еще алымъ съ родственниковъ убійцы въ 180 руб. Съ устройствомъ окружныхъ управленій, разграбленіе домовъ и имущества запрещено; взамѣнъ этого установленъ алымъ деньгами.

Въ Кайтаго-Табасаранскомъ округѣ:

Въ Верхнемъ Кайтахѣ *)............. 4 р. 25 к.

— *Кара-Кайтахѣ*.................... 6 — и быкъ.

Въ Ирчамульскомъ магалѣ — быкъ, котелъ и 2 — 3 рубля деньгами.

Въ Терекеме.......................... 3 р. 30 к.

За убійство кара-канъ величина алыма опредѣляется, смотря по обстоятельствамъ, сопровождавшимъ убійство, въ 7 и 14 разъ больше противу положеннаго за убійство обыкновенное.

Въ Табасарани, Дидойскомъ, Анцухо-Капучинскомъ и Богнадинскомъ наибствахъ, въ Гидатлѣ и нѣкоторыхъ селеніяхъ Гунибскаго округа, въ Кюринскомъ, Казикумухскомъ и Самурскомъ округахъ алымъ не берется, а замѣняется діятомъ.

Взысканный съ убійцы и его родственниковъ алымъ долженъ сохраняться въ цѣлости, и въ случаѣ убійства канлы, по кровомщенію, возвращается полностію его наслѣдникамъ, которые получаютъ также полное удовлетвореніе за все имущество, испорченное родственниками убитаго. Въ случаѣ примиренія алымъ не возвращается.

Діятъ (слово арабское), т. е. вознагражденіе, есть условная плата, за которую лица, имѣющіе право на кровомщеніе, соглашаются простить убійцу. Поэтому діятъ уплачивается уже тогда, когда состоится условіе о примиреніи; правило это не соблюдается въ Дидойскомъ, Анцухо-Капучинскомъ и Богнадинскомъ наибствахъ, а также въ Табасарани, Гидатлѣ и Тлейсерухѣ, гдѣ діятъ взыскивается и выдается вскорѣ послѣ убійства и отличается отъ алыма только по названію.

---

*) Въ Кайтахѣ алымъ называется—*таріятъ-агча.*

Величина діята также весьма различна и большею частію зависитъ отъ условія; съ устройствомъ окружныхъ управленій, въ нѣкоторыхъ округахъ, діятъ, взимавшійся обыкновенно различными вещами, переложенъ на деньги.

Въ Даргинскомъ округѣ 100 р. деньгами или на 120 р. вещей.

Въ Кюринскомъ округѣ: въ Кюрѣ за кровь мужчины 250 р., женщины—125 р.; *въ Табасарани*—600 р. за мужчину и 300 р. за женщину. Прежде въ Южной Табасарани діятъ полагался въ 6 дѣвицъ; изъ нихъ 3 дѣвицы, отъ грудной до совершеннолѣтней, выдавались натурою, а за остальныхъ—имуществомъ, полагая за каждую 3 быка, 3 коровы, 3 ружья, 3 сабли, 3 паласа, 15 штукъ мѣдной посуды разной величины, 15 барановъ и участокъ пахатной или покосной земли.

Въ Кайтахѣ отъ 50—400 руб.

Въ Самурскомъ округѣ: за мужчину 300 р., за женщину 150 рублей.

Въ Казикумухскомъ округѣ—250 руб.

Въ Дидо................ 60 коровъ.

Въ Чамалалѣ............ 180 руб.

Въ Гидатлѣ............. 30 коровъ.

Въ Капучѣ.............. 300 руб. или овецъ.

Въ обществахъ *Анкль-Ратля* (Анкратля) и селеніяхъ *Анцухскихъ* различно; такъ напр. въ сел. *Мачаръ*, *Калда* и *Кабосида*: мѣсто для посѣва 4-хъ сабъ хлѣба, 9 сабъ толокна, 3 сабы бузы *) верхней и 6 нижней, 8 коровъ, 1½ сабы сыру, 30 овецъ и ¼ сабы соли.

Въ обществѣ *Унхъ* (Унхада): 8 коровъ, 30 овецъ, 8 цѣлыхъ котловъ, 3 сабы бузы верхней и 6 нижней, 6 сабъ толокна, 3 сабы пшеницы, 1½ сабы сыру, 1 саба соли, 4 локтя **) дровъ, мясо отъ 3 овецъ и одного быка, равнаго 6 овцамъ.

Въ обществѣ Томсъ — пахатная земля въ 12 мѣръ и

*) Примѣчаніе V.

**) Примѣчаніе XI.

25 рублей деньгами. Алымъ и діять, оба вмѣстѣ, взыскиваются только въ Даргинскомъ и Кайтаго-Табасаранскомъ округахъ и въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Западнаго и Средняго Дагестана. Тамъ, гдѣ при совершеніи убійства берется только алымъ, при примиреніи діять замѣняется угощеніемъ и подарками родственникамъ убитаго. Угощеніе и подарки должны быть сдѣланы убійцею какъ можно лучше и, обыкновенно, окончательно его разоряютъ.

Величина штрафа, взыскиваемаго за убійство, также разнообразна, какъ алымъ и діять. Положительно она опредѣлена, для всѣхъ случаевъ однообразная, только въ Самурскомъ и Кази-кумухскомъ округахъ. Въ первомъ—60 р., во второмъ 30 руб.; въ остальныхъ мѣстахъ штрафъ берется такой, какой опредѣленъ въ селеніи, къ которому принадлежитъ убійца; такъ напр., въ Аварскомъ округѣ отъ 33—100 руб., въ Гунибскомъ округѣ отъ 1 быка до 36 руб. и т. п.

Съ естественною смертію канлы прекращается кровомщеніе за сдѣланное имъ убійство; взысканный съ него алымъ или діять обращается въ полную собственность родственниковъ убитаго, которые кромѣ того получаютъ вознагражденіе за позволеніе похоронить умершаго на кладбищѣ его селенія *).

По истеченіи извѣстнаго времени послѣ убійства, канлы долженъ, при содѣйствіи своихъ родственниковъ и почетныхъ жителей своего селенія, искать примиренія съ родственниками убитаго имъ.

Примиреніе можетъ состояться только въ томъ случаѣ, когда всѣ, безъ исключенія, родственники убитаго, какъ мужчины, такъ и женщины, согласятся простить убійцу. Обыкновенно труднѣе всего бываетъ уговорить на это женщинъ, въ особенности мать убитаго.

Успѣхъ примиренія много зависитъ какъ отъ вида убійства, такъ отъ состоянія убійцы, связей, родства или покровительства какого либо вліятельнаго лица. Человѣку бѣдному, неимѣющему большаго родства, которое бы могло ему помочь, трудно выхлопо-

*) Въ сел. Гниры, Игали, Кахабъ-росо и Ашильта, по смерти канлы, его мѣсто заступаетъ ближайшій его родственникъ и т. д. до 7 человѣкъ; только съ естественною смертью 7-го человѣка кровомщеніе прекращается. Въ остальныхъ селеніяхъ Хиндалала, по смерти канлы, его мѣсто занимаетъ еще только одинъ родственникъ.

тать прощеніе отъ богатыхъ и сильныхъ родственниковъ убитаго,— тогда какъ убійца, богатый и сильный родствомъ и покровительствомъ важнаго лица, иногда отказывается примириться съ бѣдными родственниками убитаго имъ.

Въ народѣ считается добрымъ и богоугоднымъ дѣломъ помогать убійцѣ въ примиреніи не только словами, но и дѣломъ. Часто, въ случаѣ несостоятельности канлы и его родственниковъ, средства на расходы по примиренію даютъ односельцы.

Общее уваженіе и похвалу заслуживаютъ родственники убитаго, согласившіеся простить раскаявшагося неумышленнаго убійцу безъ всякаго вознагражденія.

Обрядъ примиренія совершается различно. У кюринцевъ онъ состоитъ въ слѣдующемъ: когда получится согласіе родственниковъ убитаго на примиреніе и будетъ выданъ имъ сюлна діятъ, тогда на убійцу надѣваютъ саванъ и опоясываютъ его шашкой; въ этомъ нарядѣ старики и почетные люди ведутъ его въ домъ ближайшаго родственника убитаго, въ знакъ того, что онъ самъ является съ повинною головою, принося съ собою оружіе, для отомщенія за кровь убитаго имъ, и саванъ, для погребенія. Подойдя къ воротамъ дома, убійцу останавливаютъ, изъ дому выходитъ выбранный изъ числа родственниковъ убитаго, снимаетъ съ канлы шашку, саванъ и папаху и гладитъ его по головѣ. Мулла читаетъ фатихе и затѣмъ всякая вражда считается совершенно оконченною.

У кумыковъ Темиръ-Ханъ-Шуринскаго округа родственники убитаго собираются всѣ вмѣстѣ, въ назначенный день. Старики и кадій приводятъ убійцу и ставятъ его вдали отъ родственниковъ убитаго, такъ чтобы только можно было разсмотрѣть его лицо; кадій становится по срединѣ и молится о примиреніи враждующихъ, оканчивая свою молитву чтеніемъ фатихе, которую повторяютъ за нимъ и примиряющіеся. По окончаніи молитвы кадій вытираетъ лицо руками въ знакъ благодарности Богу за ниспосланный миръ. Послѣ этого прощенный приглашаетъ всѣхъ родственниковъ убитаго на угощеніе; какъ только они подойдутъ къ дверямъ дома, гдѣ дѣлается угощеніе, онъ съ обнаженною головою падаетъ на землю и не встаетъ до тѣхъ поръ, пока ближай-

шій родственникъ убитаго не скажетъ ему: „встань, мы простили тебя,“ а прочіе присутствующіе должны поднять его. Во время угощенія прощенный канлы стоитъ безъ папахи и пьетъ изъ одной чашки съ родственниками убитаго. По окончаніи угощенія, родственники убитаго возвращаются домой. У воротъ становится заранѣе приготовленная лошадь, осѣдланная и обвѣшанная оружіемъ. Ближайшій родственникъ убитаго беретъ лошадь и раздаетъ оружіе остальнымъ своимъ родственникамъ. Женщины семейства убитаго получаютъ въ подарокъ шелковой матеріи на платье.

Подобные обряды, съ нѣкоторыми измѣненіями, совершаются при примиреніи и въ остальныхъ частяхъ Дагестана.

Примирившійся убійца считается кровнымъ братомъ (канъ-кардашъ), т. е. замѣняетъ собою убитаго имъ въ его семействѣ. Ему вмѣняется въ обязанность какъ можно чаще посѣщать могилу убитаго и вообще оказывать всевозможныя услуги его родственникамъ.

Кромѣ убійства, кровомщеніе полагается: за изнасилованіе женщинъ, за прелюбодѣяніе съ замужней женщиной, до того времени пока она не получитъ развода отъ мужа, за мужеложство съ насиліемъ. Во всѣхъ этихъ случаяхъ изгнанію и кровомщенію подвергаются только виновные, и право убить ихъ принадлежитъ мужу и родственникамъ обиженной женщины, или подвергшемуся насилію.

Въ пораненіяхъ адатъ *) различаетъ: 1) раны и 2) увѣчье. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ различаютъ еще раны холоднымъ оружіемъ отъ огнестрѣльныхъ; за послѣднія взысканіе полагается больше, чѣмъ за первыя **).

Виновный въ пораненіи самъ можетъ быть пораненъ, въ отмщеніе, родственниками раненнаго. Во избѣжаніе этого, виновный не долженъ выходить изъ дому до выздоровленія раненнаго имъ, или до примиренія съ его родственниками. Въ случаѣ смерти раненнаго, отъ раны, до истеченія года послѣ пораненія, виновный въ пораненіи признается убійцею и подвергается всѣмъ наказані-

*) Въ Акушинскомъ и Цудахарскомъ обществахъ разборъ дѣлъ по пораненіямъ производится по шаріату, а не по адату.

**) Въ Микагинскомъ обществѣ Даргинскаго округа раненный холоднымъ оружіемъ не получаетъ никакого удовлетворенія; съ поранителя берется только штрафъ.

ымъ за убійство, адатомъ опредѣленнымъ, если только онъ не успѣлъ получить прощеніе отъ умершаго и его родственниковъ. При взаимномъ пораненіи, если раны не смертельны, дѣло считается конченнымъ; если же раны смертельны, то умершій отъ нихъ послѣднимъ считается убійцею, и родственники его должны, внеся опредѣленную плату, испросить позволеніе на погребеніе его на кладбищѣ своего селенія отъ родственниковъ прежде умершаго, хотя въ этомъ случаѣ и засчитывается кровь за кровь.

Раненный лечится на счетъ поранившаго его, который обязывается платить лекарю, кормить его и доставлять нужные для перевязки раны бязь, жиръ и т. п., въ количествѣ, опредѣленномъ адатомъ. По выздоровленіи, или и раньше, раненный получаетъ отъ поранившаго его вознагражденіе, которое опредѣляется лекаремъ или почетными людьми; а въ нѣкоторыхъ мѣстахъ опредѣленіе платы производится, смотря по размѣрамъ раны; такъ напр.: въ обществахъ Косо, Томсѣ, Капучѣ, Анцухѣ, Тлейсерухѣ и Антльратлѣ, раны холоднымъ оружіемъ измѣряются пальцемъ; за каждый палецъ, входящій въ рану, поранившій платитъ раненному по одной овцѣ; если же рана нанесена въ тѣ части тѣла, которыя должны быть омываемы предъ молитвою, то плата за каждый палецъ, входящій въ рану, удваивается.

Если, по излеченіи раны, останется увѣчье, то за него пострадавшій получаетъ отъ виновнаго особое вознагражденіе, которое въ нѣкоторыхъ мѣстахъ опредѣляется по шаріяту, въ другихъ по оцѣнкѣ лѣкаря или почетныхъ стариковъ. Но вообще вездѣ принято, чтобы плата за увѣчье не превышала половины платы, опредѣленной за убійство *).

Плата за нѣкоторыя увѣчья, чаще другихъ случающіяся, установлена адатомъ разъ на всегда, такъ напр.:

Въ *Кара-Кайтагѣ* за палецъ 10 руб., за два 20 р. и т. д., за лишеніе руки, ноги, глаза—60 руб.

Въ *Андіи* за лишеніе носа—лошадь съ сѣдломъ и уздечкой.

Въ *Тлейсерухѣ* за выбитый зубъ—10 овецъ или руб., за два—вдвое и т. д., до половины платы за кровь.

---

*) Только въ нѣкоторыхъ селеніяхъ Антльратля, въ вознагражденіе за лишеніе дѣтороднаго члена, опредѣлена плата, какъ и за убійство.

Въ *Капучѣ* за лишеніе глаза 150 р. или овецъ.

Кромѣ леченія и опредѣленнаго вознагражденія, поранившій, по выздоровленіи раненнаго имъ, долженъ съ нимъ примириться и сдѣлать какъ ему, такъ и опредѣленному адатомъ или лекаремъ числу его родственниковъ приличное угощеніе.

Побои, чѣмъ бы то ни было, по адату, принимаются за раны холоднымъ оружіемъ и виновный подвергается за нихъ той же отвѣтственности, какъ и за пораненіе. У аварскихъ племенъ за побои, нанесенные женщинѣ, взысканіе съ виновнаго, какъ въ ея пользу, такъ и въ штрафъ, опредѣляется большее, нежели за побои, нанесенные мужчинѣ. Если слѣдствіемъ побоевъ или ранъ, нанесенныхъ беременной женщинѣ, будетъ выкидышъ, то виновный считается убійцею плода и подвергается всѣмъ взысканіямъ, опредѣленнымъ за убійство.

Если выкидышъ послѣдуетъ чрезъ долгое время послѣ побоевъ или ранъ, а женщина будетъ увѣрять, что онъ произошелъ вслѣдствіе ихъ, то обвиняемый долженъ принять очистительную присягу съ опредѣленнымъ числомъ родственниковъ.

Независимо взысканія въ пользу раненнаго и лекаря, съ виновнаго взыскивается еще штрафъ, величина котораго чрезвычайно различна, въ предѣлахъ отъ 1-го до 20 рублей.

IV.

Число убійствъ и пораненій, случившихся между жителями Дагестанской области съ 1-го января 1861 по 1-е января 1867 года. Отношеніе числа убійствъ и пораненій. Причины убійствъ и пораненій. Кровомщеніе. Мѣры, принятыя къ прекращенію его.

При устройствѣ окружныхъ управленій въ области, начальникамъ округовъ вмѣнено въ обязанность ежемѣсячно доставлять

подробныя свѣдѣнія о всѣхъ убійствахъ и пораненіяхъ, случающихся въ подвѣдомственныхъ имъ частяхъ края. Изъ донесеній этихъ за 6 лѣтъ, съ 1-го января 1861 по 1-е января 1867 года, составлены прилагаемыя вѣдомости объ убійствахъ и пораненіяхъ; въ 1-й вѣдомости показаны убійства и пораненія по годамъ, во 2-й по округамъ за всѣ 6 лѣтъ *).

ВѢДОМОСТЬ

о числѣ убійствъ и пораненій по годамъ.

Причина убійствъ и пораненій.	1861		1862		1863		1864		1865		1866		Всего въ 6-ть лѣт.	
	Убійствъ.	Пораненій.	Убійствъ.	Пораненій.	Убійствъ.	Пораненій.	Убійствъ.	Пораненій.	Убійствъ.	Пораненій.	Убійствъ.	Пораненій.	Убійствъ.	Пораненій.
1) Кровомщеніе	6	—	6	—	8	1	5	1	3	2	7	2	35	6
2) Прелюбодѣяніе, разврат., насиліе и т. п.	1	1	10	3	9	4	4	7	16	3	12	6	52	24
3) Убійства и пораненія преднамѣренныя или умышленныя, съ различными цѣлями	11	3	20	6	17	10	37	17	29	12	26	22	140	70
4) Ссоры въ пьяномъ видѣ	—	4	3	3	2	4	12	12	11	43	5	37	23	103
5) Ссоры и драки по разнымъ причинамъ	9	59	25	83	29	104	36	102	42	232	26	262	167	842
6) Неосторожное обращеніе съ оружіемъ	3	3	3	2	3	4	3	5	7	12	11	11	30	37
Всего	30	70	67	97	68	127	87	144	108	304	87	340	447	1082

Примѣчаніе. Въ числѣ убійствъ не показаны убійства солдатъ жителями, и убійства, случившіяся въ городахъ, укрѣпленіяхъ, штабъ-квартирахъ и въ Дербентскомъ градоначальствѣ и подлежавшія сужденію на основаніи законовъ гражданскихъ или военныхъ.

*) Кромѣ того прилагаются вѣдомости за каждый годъ отдѣльно по округамъ.

ВѢДОМОСТЬ

о числѣ убійствъ и пораненій по округамъ съ 1-го января 1861 по 1-е января 1867 года.

НАЗВАНІЕ ЧАСТЕЙ КРАЯ.	Причина убійствъ и пораненій. Кровомщеніе.		Прелюбодѣяніе, разврат., насиліе и т. п.		Умышленно.		Ссоры въ пьяномъ видѣ.		Ссоры и драки.		Неосторожное обращеніе съ оруж.		ВСЕГО.	
	Убійство.	Поранен.	Убійство.	Поранен.	Убійство.	Поранен.	Убійство.	Поранен.	Убійство.	Поранен.	Убійство.	Поранен.	Убійство.	Поранен.
Округъ Темиръ-Ханъ-шуринск.: 1) Владѣніе Тарковское	5	1	2	2	15	4	6	32	9	17	1	1	38	57
2) Ханство Мехтулинское	1	1	1	—	6	4	1	15	7	23	1	1	17	44
3) Наибство При-Сулакское	—	—	3	1	7	1	—	3	2	15	1	2	13	22
4) Даргинскій округъ	3	1	4	—	16	2	2	2	15	17	1	—	41	22
5) Гунибскій округъ	7	1	9	6	14	5	1	8	14	90	3	3	48	113
6) Андійскій округъ (за 1861 годъ свѣдѣній нѣтъ).	—	—	2	1	8	10	3	1	16	72	1	4	30	8[illegible]
7) Аварскій округъ (тоже).	—	—	1	2	6	3	—	8	13	94	1	2	21	109
8) Казикумухскій округъ	1	1	3	1	5	9	1	24	23	210	4	5	37	250
9) Кайтаго-Табасаранскій округъ	14	1	17	4	40	24	6	5	54	157	9	16	140	207
10) Кюринскій округъ	4	—	5	2	4	3	3	5	12	31	5	1	33	42
11) Самурскій округъ	—	—	4	5	11	4	—	—	2	115	3	1	20	125
12) Бежитскій округъ (Въ 1865 году раздѣленъ на двѣ части, вошедшія въ составъ округовъ Гунибскаго и Андійскаго).	—	—	1	—	8	1	—	—	—	1	—	1	9	3
ВСЕГО	35	6	52	24	140	70	23	103	167	842	30	37	447	1082

Въ первое время, пока еще народъ не привыкъ къ новому управленію и не получилъ къ нему полнаго довѣрія, многія убійства и пораненія, мировая по которымъ могла состояться безъ вмѣшательства власти, скрывались отъ свѣдѣнія ближайшаго начальства. О многихъ случаяхъ и сами начальники округовъ, считая ихъ маловажными, не доносили. Эти обстоятельства и были причиною, что за 1861 годъ донесено только о 70 случаяхъ пораненій и 30 убійствъ, тогда какъ въ 1866 году пораненій было 340, а убійствъ 87. Не попадали въ донесенія преимущественно убійства и пораненія, случившіяся въ ссорахъ и дракахъ и по неосторожности, рѣшеніями по которымъ, на основаніи адата, родственники убитаго оставались довольными и не являлись даже въ окружной судъ.

Тѣ же убійства и пораненія, виновные въ которыхъ подлежали, кромѣ взысканія, налагаемаго адатомъ, административному взысканію, не могли быть легко скрыты. Въ 1-й вѣдомости видно, что число случаевъ кровомщенія, убійствъ и пораненій за прелюбодѣяніе, во всѣ шесть лѣтъ, показано почти одинаковое (кромѣ 1861 года); такъ, по кровомщенію: въ 1861 было 6 случаевъ; 1862—6; 1863—9; 1864 — 6; 1865 — 5 и 1866—9. По прелюбодѣянію: въ 1861—2; 1862—13; 1863—13; 1864—11; 1865—19 и въ 1866—18.

Число убійствъ умышленныхъ и преднамѣренныхъ, по разнымъ причинамъ, хотя и увеличилось (въ особенности съ 1864 года), но незначительно, и это увеличеніе надо отнести къ болѣе внимательному разбору причинъ убійствъ и пораненій, чѣмъ это дѣлалось въ предшествовавшіе годы. Убійствъ и пораненій въ ссорахъ и дракахъ, въ пьяномъ видѣ и отъ неосторожности въ 1860 году показано всего только 78; число это, ежегодно увеличиваясь значительно, въ 1866 году дошло до 352. Единственную причину этого увеличенія должно искать въ непоказаніи въ донесеніяхъ о происшествіяхъ всѣхъ этого рода случаевъ убійствъ въ прежніе годы.

Эти обстоятельства не даютъ возможности вывести какое либо общее заключеніе за все время съ начала устройства военно-

народнаго управленія области; но если мы возьмемъ свѣдѣнія только за послѣдніе три года, какъ наиболѣе точныя, то получимъ довольно близкое къ истинѣ отношеніе числа убійствъ и пораненій къ числу жителей каждаго округа.

СРАВНИТЕЛЬНАЯ ВѢДОМОСТЬ

о числѣ убійствъ и пораненій по округамъ за 1864, 1865 и 1866 гг.

НАЗВАНІЕ ЧАСТЕЙ КРАЯ.	Число убійствъ обоего пола.	Въ 1864, 1865 и 1866 годахъ.			Среднее число за одинъ годъ.			На сколько душъ въ теч. одного г. приходится одно убійство и одно поранен.		
		Убійствъ.	Поранен.	Обоихъ вмѣстѣ.	Убійствъ.	Поранен.	Обоихъ вмѣстѣ.	Убійствъ.	Поранен.	Обоихъ вмѣстѣ.
1) Владѣніе Тарковское [1]	36784	30	46	76	10	15 1/3	25 1/3	3687	2405	1455
2) Ханство Мехтулинское [1]	15932	15	34	49	5	11 1/3	16 1/3	3186	1406	974
3) Наибство При-Сулакское...... [2]	8914	9	12	21	3	4	7	2971	2228	1273
4) Даргинскій округъ [3].	64064	22	22	44	7 1/3	7 1/3	14 1/3	8738	8738	4369
5) Гунибскій округъ [4]..	45654	15	75	90	5	25	30	9131	1865	1521
6) Андійскій округъ [5]..	35828	29	187	216	9 2/3	62 1/3	72	3705	574	497
7) Аварскій округъ [6]...	35580	22	67	89	7 1/3	22 1/3	29 2/3	4847	1592	1199
8) Казикумухскій округъ [7]............	28677	13	86	99	4 1/3	28 2/3	33	6608	1000	869
9) Кайтаго-Табасаранскій округъ [8].......	45106	78	118	196	26	39 1/3	65 1/3	1735	1121	690
10) Кюринскій округъ [9] .	56209	26	28	54	8 2/3	9 1/2	18	6483	6018	3122
11) Самурскій округъ [10].	51178	17	113	130	5 2/3	37 2/3	43 1/3	9026	1558	1181
Общее число для всей области....	424018	276	788	1064	92	262 2/3	354 2/3	4608	1614	1197

Примѣчаніе. Въ общемъ счетѣ не показаны 6 убійствъ, произведенныхъ въ 1864 году разбойниками въ бывшемъ Бежитскомъ округѣ, а два случая пораненій, бывшія въ томъ же округѣ въ 1865 году, показаны въ числѣ пораненій Гунибскаго округа.

[1]) До 1867 года управлялись владѣтелями. Въ 1867 году вошли въ составъ Темиръ-Ханъ-Шуринскаго округа. [2]) Въ 1860 г. [3]) Въ 1854 г. Наибства учреждены въ 1857 г. [4]) Въ 1860 г. [5]) Въ 1859 г. [6]) Присоединенъ къ области въ 1862 г. [7]) Въ 1860 г. [8]) Въ 1860 г. Наибства въ 1866 г. [9]) Въ 1865 г. До этого времени управлялся ханомъ. [10]) Въ 1839 г. Наибства—въ 1860 году.

Изъ этой вѣдомости видно, что по числу убійствъ первое мѣсто принадлежитъ Кайтаго-Табасаранскому округу. Населеніе этого округа, въ особенности кара-кайтахцы, стоитъ на самой низкой степени развитія и общественнаго благоустройства. До введенія, въ 1866 году, наибскихъ управленій въ округѣ, въ большей части селеній не было даже старшинъ, потому что никто не хотѣлъ ни въ чемъ подчиняться другому, считая это для себя унизительнымъ. Жители многихъ селеній не могли изъ среды себя избрать кадія, по недостатку грамотныхъ людей, и прибѣгали къ найму кадіевъ, преимущественно изъ Даргинскаго округа. Кадіи эти, какъ наемщики, не только не имѣли никакого вліянія въ селеніи, но даже рѣдко пользовались уваженіемъ, приличнымъ ихъ званію.

По числу пораненій первое мѣсто занимаетъ Казикумухскій округъ. Населеніе этого округа самое промышленное; недостатокъ удобныхъ для хлѣбопашества земель издавна понудилъ казикумухцевъ искать другихъ источниковъ для существованія, и они обратились къ торговлѣ и различнымъ ремесламъ (преимущественно кузнечному и мѣдному). Осенью, убравъ поля и обезпечивъ семейства на зиму, почти всѣ взрослые мужчины *) отправляются искать себѣ работы въ разныя мѣста. Казикумухца можно встрѣтить зимою вездѣ, отъ Оренбурга до Тавриза. Едва наступаетъ весна, всѣ спѣшатъ домой къ семействамъ для обработки полей. Такая жизнь много способствовала къ образованію въ народѣ склонности къ ссорамъ и дракамъ, а какъ у каждаго при себѣ есть оружіе, то большая часть ссоръ и кончается пораненіемъ. Причины же къ началу ссоръ представляются часто, благодаря необыкновенной густотѣ населенія, недостатку земли и наклонности къ пьянству.

Среднее число убійствъ и пораненій для всей области весьма велико; оно будетъ еще больше, если принять въ расчетъ, что убійства и пораненія случаются преимущественно между взрослыми мужчинами. Если считать ихъ не болѣе ¼ части всего населенія,

*) Изъ округа уволено на заработки внѣ предѣловъ Дагестана: въ 1864 году—6403 челов., въ 1865—6108 и въ 1866—7000 человѣкъ.

то изъ каждыхъ 300 человѣкъ одинъ будетъ въ теченіи года или убитъ, или раненъ.

Причины такого развитія наклонности къ убійствамъ должно искать въ разноплеменности населенія, въ устройствѣ общественной жизни и въ понятіяхъ, образовавшихся при безконечномъ рядѣ войнъ, всякаго рода насилій и грабежей, когда каждый думалъ только о себѣ и единственную надежду на защиту находилъ въ оружіи.

Происходящія въ настоящее время убійства и пораненія можно раздѣлить по причинамъ на слѣдующіе виды: 1) *кровомщеніе*; 2) *за прелюбодѣяніе, изнасилованіе, воровство и т. п.* 3) *Умыселъ съ корыстною цѣлью, изъ вражды, зависти, за оскорбленіе и т. п.* 4) *Ссоры и драки въ пьяномъ видѣ.* 5) *Обыкновенныя ссоры и драки* и 6) *неосторожное обращеніе съ оружіемъ.*

1) *Кровомщеніе.* Хотя нѣтъ положительныхъ доказательствъ о существованіи въ Дагестанѣ кровомщенія до обращенія населенія въ магометанство, тѣмъ не менѣе можно съ большою достовѣрностію полагать, что обычай этотъ существовалъ еще до прихода аравитянъ, по крайней мѣрѣ у язычниковъ, къ которымъ и принадлежала большая часть дагестанскихъ племенъ *) въ то время. Предположеніе это подтверждается многими адатами по кровомщенію, совершенно противорѣчащими постановленіямъ корана; какъ напр., кровомщеніе къ отцу и дѣду и къ родственникамъ убійцы, разореніе домовъ, вырубка садовъ и вообще порча имущества убій-

*) Существующее мнѣніе, что весь Дагестанъ исповѣдывалъ христіанскую религію, положительно ничѣмъ не доказывается. Преданія о томъ, подкрѣпленныя остатками церквей, встрѣчаются только у племенъ, живущихъ близь главнаго хребта, въ сосѣдствѣ съ Кахетіей, но здѣсь и случаи убійства по кровомщенію бываютъ чрезвычайно рѣдко. Судя по легкости, съ какою нѣкоторыя племена приняли магометанство, а также и по жестокости, съ которою вводили аравитяне коранъ у племенъ, отказывавшихся отъ этого, можно вывести положительное заключеніе, что большинство племенъ Дагестана, во время прихода аравитянъ, придерживалось язычества; иначе они не приняли бы легко магометанства, а аравитяне никогда не требовали этого силою отъ вѣрующихъ въ единаго Бога и имѣющихъ священныя книги, т. е. христіанъ и евреевъ.

цы. Съ принятіемъ магометанства, кровомщеніе, дозволенное кораномъ, еще болѣе утвердилось, какъ одобряемое новою религіею.

Въ недавнее еще время кровомщеніе въ Дагестанѣ принимало часто громадные размѣры и сопровождалось необыкновенною жестокостью. Исполнители его старались поймать убійцу и зарѣзывали его на могилѣ убитаго или на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ онъ былъ убитъ; если же это не удавалось, то отрѣзали голову канлы или уши, которыя показывали своимъ родственникамъ и потомъ клали ихъ на могилу убитаго. Кровная вражда нѣкоторыхъ семействъ переходила изъ рода въ родъ; иногда кровомщеніе завязывалось между селеніями и даже обществами и длилось цѣлыя столѣтія. Жители нѣкоторыхъ селеній, спасаясь отъ кровомщенія, переходили на другія мѣста и основали новыя селенія въ чужихъ обществахъ.

Въ подтвержденіе необыкновенной жестокости кровомщенія можно указать на слѣдующіе примѣры: 1) въ селеніи Гадаръ (Темиръ-Ханъ-Шуринскаго округа) кровомщеніе между двумя тохумами, начавшееся вслѣдствіе убійства въ ссорѣ за курицу, длилось болѣе двухсотъ лѣтъ.

2) Въ Андіи есть небольшой хуторъ Цибильда. По преданію, лѣтъ полтараста тому назадъ, на этомъ мѣстѣ было довольно большое и богатое селеніе, жители котораго дѣлились на два тохума. Разъ, въ праздникъ Курбанъ-Байрама, молодежь вышла для состязанія въ стрѣльбѣ въ цѣль; послѣ нѣсколькихъ выстрѣловъ завязался споръ, перешедшій въ драку, въ которой случайно былъ убитъ одинъ изъ молодыхъ людей; родственники его сей-часъ же бросились на убійцу, отъ чего завязалась общая свалка между обоими тохумами. Когда въ селеніи сдѣлалось извѣстнымъ, что уже по нѣсколько человѣкъ убито съ обѣихъ сторонъ, старики и женщины начали въ свою очередь драться между собою и душить дѣтей другъ у друга. Убійства продолжались нѣсколько дней и изъ всего селенія остались въ живыхъ только четыре человѣка *).

---

*) Разсказъ объ этомъ происшествіи переданъ мнѣ 60-лѣтнимъ старикомъ, правнукомъ одного изъ уцѣлѣвшихъ цибильдинцевъ.

3) Въ 1826 году въ домѣ нижне-кайтахскаго пристава, въ сел. Великентъ, сынъ послѣдняго уцмія, Адиль-хана, Устаръ-ханъ, встрѣтился съ двоюроднымъ своимъ братомъ Ельдаръ-бекомъ, къ которому имѣлъ кровную вражду за смерть своего отца, измѣннически убитаго Эмиръ-Гамзой, братомъ Ельдаръ-бека. Едва приставъ вышелъ изъ комнаты, чтобы распорядиться пріемомъ гостей, какъ Устаръ-ханъ въ упоръ выстрѣлилъ изъ пистолета въ Эльдаръ-бека; нукера его бросились на Устара и началась общая рѣзня, кончившаяся убійствомъ 13 человѣкъ, изъ числа 14-ти бывшихъ въ комнатѣ.

4) Въ Кайтагѣ есть небольшое селеніе Маммаулъ, населенное теперь даргинцами; прежде жили въ немъ кумыки, оставившіе его по слѣдующему случаю: одинъ изъ кумыкскихъ бековъ (родственниковъ шамхала) проѣзжалъ на охоту къ уцмію; ястребъ его въ селеніи убилъ курицу, хозяинъ ея убилъ ястреба. Завязалась драка, въ которой было убито нѣсколько жителей и нукеръ бека; но дѣло этимъ не кончилось. Бекъ, считая себя обиженнымъ, продолжалъ мстить жителямъ за убійство его нукера, и они, спасаясь отъ продолжительнаго кровомщенія, бросили селеніе и разошлись по разнымъ мѣстамъ. Недалеко отъ Чоха есть большое селеніе Меге, по преданію, основанное даргинцами, въ разное время искавшими спасенія отъ кровомщенія.

Главною причиною такихъ порядковъ былъ недостатокъ прочной и сильной власти; когда же по временамъ она появлялась, то представители ея всегда старались если не уничтожить совершенно кровомщеніе, то по крайней мѣрѣ уменьшить его по возможности. Такъ Шамиль, когда его власть въ горахъ уже упрочилась, принялся за это дѣло, ограничиваясь, впрочемъ, только отмѣною нѣкоторыхъ адатовъ, усиливавшихъ кровомщеніе, строгимъ наказаніемъ убійцъ или примиреніемъ ихъ съ родственниками убитыхъ; но не рѣшился вовсе запретить кровомщеніе изъ опасенія возбудить сильное неудовольствіе въ народѣ.

Обычай кровомщенія, дозволенный религіею, освященный временемъ и общимъ употребленіемъ, послужилъ къ образованію въ народѣ убѣжденія не только въ его законности, но и въ справе-

дливости. Хотя всякій понимаетъ весь вредъ для общества, происходящій отъ кровомщенія; тѣмъ не менѣе, неотомстившій за убійство своего родственника подвергается неминуемо насмѣшкамъ и укорамъ своихъ родныхъ и односельцевъ. Съ устройствомъ военно-народнаго управленія въ области, убійство по кровомщенію запрещено положительно и виновные въ немъ наказываются какъ ослушники власти и, смотря по обстоятельствамъ, сопровождавшимъ убійство, ссылаются въ арестантскія роты или въ Сибирь на поселеніе; но какъ народомъ еще невполнѣ усвоено понятіе о томъ, что наказаніе за какое бы то ни было преступленіе принадлежитъ не обиженному, а власти, и адатъ кровомщенія пустилъ слишкомъ глубокіе корни, то одной строгости наказанія оказывается недостаточно, чтобы прекратить его.

Все таки еще есть люди, готовые пожертвовать собою, лишь бы убить своего кровнаго врага и тѣмъ исполнить свой долгъ, какъ слѣдуетъ по ихъ понятію. Ищущіе крови своего врага обыкновенно стараются удовлетворить этому желанію при самыхъ благопріятныхъ обстоятельствахъ; не жалѣютъ ни времени, ни издержекъ, ни труда; подвергаются всевозможнымъ лишеніямъ для того, чтобы подкараулить канлы или заманить его въ засаду и убить на-вѣрняка.

Изъ 41 случаевъ кровомщенія, бывшихъ въ теченіи 6 лѣтъ, въ 35 канлы убиты на мѣстѣ, въ 4 ранены смертельно и только въ 2-хъ несмертельно.

Начальствомъ области постоянно принимались и принимаются всевозможныя мѣры къ совершенному искорененію кровомщенія. Важнѣйшія изъ этихъ мѣръ слѣдующія: 1) виновные въ убійствѣ умышленномъ, преднамѣренномъ и съ корыстною цѣлью подвергаются наказаніямъ по военному суду, или высылкѣ административнымъ порядкомъ въ арестантскія роты и въ отдаленныя губерніи Россіи на срокъ; какъ по адату примиреніе кровныхъ враговъ по этимъ видамъ убійствъ затруднительнѣе, чѣмъ по убійствамъ въ ссорѣ и дракѣ, неумышленнымъ и случайнымъ, то ссылка убійцы, считаемая за тяжкое наказаніе, успокоиваетъ родственниковъ убитаго и они не ищутъ другаго удовлетворенія. 2) Убійца, если

онъ не скрылся, арестовывается начальствомъ до разбора дѣла и тѣмъ на первое время избавляется отъ убійства по кровомщенію.

3) Строжайше запрещено канлы являться въ селеніе, гдѣ живутъ родственники убитаго имъ; съ нарушителей этого распоряженія и съ принявшихъ ихъ въ свой домъ дѣлается взысканіе по распоряженію начальства.

4) Всѣмъ окружнымъ начальникамъ вмѣнено въ обязанность по возможности покончить старые счеты кровныхъ враговъ и кончать дѣла мировою въ случаяхъ убійствъ въ ссорѣ, дракѣ, неумышленныхъ и случайныхъ, съ соблюденіемъ взысканія, налагаемаго адатомъ на виновнаго (за исключеніемъ разумѣется права убивать его).

Введеніе наказаній, установленныхъ нашими законами за убійства этого рода, оказывается рановременнымъ, какъ по слабости ихъ, такъ и по неудобству примѣненія къ современнымъ понятіямъ народа и по другимъ причинамъ; приняты только мѣры къ установленію по возможности одинаковыхъ срока изгнанія убійцы и денежнаго съ него взысканія въ пользу родственниковъ убитаго.

Въ началѣ 1865 года собраны подробныя свѣдѣнія по всѣмъ округамъ о враждующихъ за убійства семействахъ и приступлено къ примиренію ихъ. Въ округахъ Кайтаго-Табасаранскомъ и Даргинскомъ примиреніе совершилось съ весьма значительнымъ успѣхомъ: въ первомъ изъ числа 302 случаевъ окончено примиреніемъ 264; во второмъ изъ 311 примирено 270. Въ Мехтулинскомъ ханствѣ изъ 13 враждующихъ семействъ примирено 8. За тѣмъ къ концу 1865 года считалось канлы и семействъ, имѣющихъ къ нимъ кровную вражду:

Въ владѣніи Тарковскомъ..........................	18
— Присулакскомъ наибствѣ..........................	3
— Мехтулинскомъ ханствѣ..........................	8
— Даргинскомъ округѣ..........................	41
— Казикумухскомъ округѣ..........................	64
— Гунибскомъ округѣ..........................	23
— Аварскомъ округѣ..........................	8

Въ Кайтаго-Табасаранскомъ округѣ	38
— Кюринскомъ округѣ	65
— Самурскомъ округѣ	—
Итого	288

Нельзя не замѣтить, что наибольшее число случаевъ ($^1/_3$ для всей области) убійства по кровомщенію приходится на долю Кайтаго-Табасаранскаго округа, въ которомъ ближайшая къ народу власть—наибы—введена только во второй половинѣ 1866 года. Въ округахъ Самурскомъ, Бежитскомъ и въ наибствѣ При-Сулакскомъ съ 1860 года не было ни одного случая убійства по кровомщенію. Въ округахъ Аварскомъ и Андійскомъ, бывшихъ до 1859 года подъ ближайшимъ надзоромъ Шамиля, по введеніи въ нихъ окружныхъ управленій, также не было ни одного случая. Обстоятельства эти показываютъ значеніе прочной власти въ дѣлѣ прекращенія кровомщенія.

2) *Прелюбодѣяніе, развратъ и воровство.* За прелюбодѣяніе и развратъ адатъ вмѣняетъ въ обязанность ближайшихъ родственниковъ безнаказанно убивать виновныхъ; дозволяется также убивать воровъ, пойманныхъ въ домѣ или во дворѣ, и вообще за всякое насиліе.

Хотя за убійства этого рода убійцы подвергаются административному наказанію, смотря по обстоятельствамъ, при которыхъ совершено убійство, тѣмъ не менѣе въ народѣ еще сохраняется сильное убѣжденіе въ справедливость такихъ убійствъ, которыя нерѣдко случаются даже по одному подозрѣнію въ прелюбодѣяніи, на основаніи слуховъ о развратѣ жены или близкой родственницы.

3) *Убійства и пораненія умышленныя.* Причины этихъ убійствъ весьма разнообразны; по неимѣнію достаточныхъ свѣдѣній, ихъ нельзя раздѣлить на категоріи. Можно только замѣтить, что убійства съ корыстною цѣлью вообще въ Дагестанѣ сравнительно рѣдки; изъ 210 *) умышленныхъ убійствъ и пораненій, случившихся въ 7 лѣтъ, съ корыстною цѣлью сдѣлано не болѣе $^1/_8$ части.

*) Въ вѣдомости къ числу умышленныхъ убійствъ отнесены и такія убійства, въ которыхъ виновные остались неизвѣстны.

За убійства означенныхъ 3-хъ видовъ съ 1860 по 1867 годъ административнымъ порядкомъ сослано въ арестантскія роты и въ отдаленныя губерніи Россіи:

Изъ владѣнія Тарковскаго	12	челов.
— Ханства Мехтулинскаго	5	—
— При-Сулакскаго наибства	2	—
— Даргинскаго округа	11	—
— Гунибскаго округа	11	—
— Казикумухскаго округа	1	—
— Андійскаго округа	12 *)	—
— Аварскаго округа	7	—
— Кайтаго-Табасаранскаго округа	24	—
— Кюринскаго округа	10	—
— Самурскаго округа	5	—
Всего...	100	—

Изъ числа 286 убійствъ и пораненій за прелюбодѣяніе и умышленныхъ на долю Кайтаго-Табасаранскаго округа приходится 85 случаевъ, т. е. почти $^3/_{10}$.

4) *Ссоры и драки въ пьяномъ видѣ.* Съ развитіемъ благосостоянія и съ постепеннымъ уменьшеніемъ вліянія времени шаріата, когда употребленіе спиртныхъ напитковъ было строго и жестоко преслѣдуемо, начало развиваться въ народѣ пьянство и въ настоящее время рѣдкая свадьба, угощеніе при примиреніи и по другимъ случаямъ обходятся безъ попойки. И въ трезвомъ видѣ, даже при ничтожной обидѣ, дагестанецъ не задумается для удовлетворенія себя пустить въ дѣло оружіе; для пьянаго же достаточно самой невинной шутки или отказа исполнить его требованіе, чтобы онъ бросился съ кинжаломъ или шашкою на обидившаго его. Часто убійства и пораненія пьяные дѣлаютъ безъ всякой видимой причины и даже, протрезвясь, сами не въ состояніи опредѣлить побужденія, заставившаго ихъ сдѣлать преступленіе.

Наибольшее число случаевъ убійствъ и пораненій, причиною

*) Въ этомъ числѣ показаны и убійцы бывшаго Бежитскаго округа. По нѣкоторымъ случаямъ было сослано по двое и болѣе человѣкъ.

которыхъ пьянство, бываетъ въ бывшихъ владѣніи Тарковскомъ и ханствѣ Мехтулинскомъ и въ Казикумухскомъ округѣ, гдѣ употребленіе бузы, вина и, въ особенности, спирта развито болѣе, нежели въ остальныхъ частяхъ края, какъ отъ большаго сближенія съ русскими, такъ и отъ большаго удобства получать спиртъ, привозимый ежегодно въ гор. Петровскъ изъ Россіи въ значительномъ количествѣ.

5) *Ссоры и драки.* Причины ссоръ и дракъ весьма разнообразны. Неполнота донесеній о происшествіяхъ не дозволяетъ раздѣлить всѣ случаи убійствъ и пораненій этого рода на опредѣленныя категоріи. Можно только замѣтить, что главныя причины всѣхъ ссоръ и дракъ—это поддержаніе и защита права собственности на землю, воду для поливки, скотъ и проч. Поводомъ къ ссорѣ бываютъ, какъ обыкновенно водится, самые незначительные случаи: достаточно срубить вѣтку въ чужомъ саду, пустить воду на свое поле не въ очередь, швырнуть камнемъ въ чужую курицу и т. п., чтобы завязалась ссора, въ которой принимаютъ сей-часъ же участіе родственники или односельцы ссорящихся,—и дѣло большею частію кончается пораненіемъ и убійствомъ. Подобныя ссоры иногда принимаютъ значительные размѣры; такъ напр., въ 1865 году за потраву покосовъ завязалась ссора между жителями селеній Мочокъ и Хиндакъ (Аварскаго округа), въ которой ранено съ обѣихъ сторонъ 26 человѣкъ.

Изъ 138 случаевъ убійствъ и пораненій въ 1864 году—въ 60 случаяхъ ссоры и драки завязались изъ-за указанныхъ причинъ, а въ 1865 году изъ 274—129.

6) *Неосторожное обращеніе съ оружіемъ.* Обычай носить всюду съ собою оружіе и держать, даже въ домахъ, ружья и пистолеты постоянно заряженными и неосторожное обращеніе съ нимъ—имѣютъ послѣдствіемъ довольно частыя нечаянныя убійства и пораненія. Въ Кайтагѣ и Табасарани, еще и въ настоящее время, рѣдко кто выходитъ изъ дому безъ ружья или пистолета, даже на полевыя работы, и потому въ этихъ частяхъ края несчастные случаи отъ неосторожности бываютъ чаще, чѣмъ гдѣ-либо.

Въ частяхъ же Сѣвернаго Дагестана огнестрѣльное оружіе берется съ собою только въ дальнюю дорогу и потому несчастные случаи, сравнительно, бываютъ рѣже, чѣмъ въ другихъ мѣстахъ.

V.

Адаты по брачнымъ дѣламъ. Увозъ женщинъ. Прелюбодѣяніе. Развратъ. Насиліе. Мужеложство и скотоложство.

При выходѣ въ замужество ни одна женщина не можетъ располагать собою, а непремѣнно требуется для этого согласіе или родственниковъ ея, или опекуна, или наконецъ кадія селенія, къ которому она принадлежитъ. До совершенія брака, желающіе въ него вступить считаются женихомъ и невѣстой.

Весьма распространенъ обычай сговаривать дѣтей, даже вскорѣ послѣ рожденія; при этомъ обыкновенно отецъ мальчика даетъ, въ видѣ залога, какую нибудь вещь отцу дѣвочки и малолѣтніе уже считаются съ этого времени женихомъ и невѣстою. Послѣ сватовства жениху дозволяется дѣлать невѣстѣ подарки (называемые по кумыкски *альхамъ*), которые, по заключеніи брака или въ случаѣ отказа со стороны жениха, становятся ея собственностью. Въ случаѣ же отказа со стороны невѣсты подарки должны быть возвращены ему вдвое. Качество и цѣнность подарковъ адатомъ не опредѣлены; это вполнѣ зависитъ отъ жениха; но въ числѣ подарковъ должно быть кольцо; въ горныхъ обществахъ обыкновенно этимъ и ограничиваются.

Послѣ сговора жениху дозволяется посѣщать невѣсту во всякое время. Въ обществѣ Цунта-Ахвакъ существуетъ слѣдующій адатъ: женихъ и невѣста послѣ сговора могутъ спать вмѣстѣ; но до заключенія брака женихъ не имѣетъ права касаться до тѣла невѣсты ниже пояса. При Шамилѣ одна ахвакская невѣста убила кинжаломъ своего жениха, хотѣвшаго нарушить этотъ адатъ, и не только не подверглась никакому наказанію, но заслужила общую похвалу. При совершеніи брака женихъ долженъ дать невѣстѣ калымъ и кебинъ-хаккъ.

Калымъ заключается въ верхней одеждѣ, надѣваемой невѣстою въ день свадьбы, постели, игрушкахъ и одѣялахъ. Все это поступаетъ въ полную собственность невѣсты и отбирается отъ нее только въ томъ случаѣ, если она впослѣдствіи сама захочетъ оставить мужа. У аварскихъ племенъ калымъ не дается.

Кебинъ-хаккъ *) есть обезпеченіе, которое женихъ даетъ невѣстѣ на случай развода съ ней или своей смерти.

Кебинъ-хаккъ большею частью не отдается невѣстѣ или ея родственникамъ, а только вносится въ брачное условіе и взыскивается съ мужа, когда онъ даетъ разводъ женѣ, или послѣ его смерти.

Величина кебинъ-хакка зависитъ отъ условія, при чемъ принимаются въ соображеніе состояніе, связи, лѣта и проч. жениха и невѣсты и ихъ родителей. Вообще же наблюдается, чтобы невѣста получала кебинъ-хаккъ не менѣе того, который получила ея мать при выходѣ въ замужество за ея отца.

Шамиль, видѣвшій въ бракѣ залогъ благосостоянія горцевъ, всѣми мѣрами старался способствовать легчайшему заключенію браковъ и потому старался объ уменьшеніи кебина; такъ въ селеніяхъ Гимра, Харакуни и другихъ, бывшихъ вблизи нашей передовой линіи, изъ которыхъ мужчины часто попадали въ плѣнъ или были убиваемы при набѣгахъ, и гдѣ потому число женщинъ значительно превышало число мужчинъ, кебинъ-хаккъ былъ весьма незначителенъ, отъ 25 коп. до 1 рубля.

Продажи дочерей въ замужество въ Сѣверномъ Дагестанѣ въ обычаѣ не было. Въ Южномъ Дагестанѣ, а именно въ Самурскомъ и Кюринскомъ округахъ и въ части Табасарани, родные дѣвицы, при изъявленіи согласія на ея бракъ, выговаривали отъ жениха условленную сумму въ свою пользу. У кюринцевъ и табасаранцевъ существовала даже оцѣнка для дѣвицъ, вдовъ или разведенныхъ; послѣднія цѣнились вдвое дешевле первыхъ. Обычай этотъ постепенно уже выводится, и если родители и берутъ съ жениховъ деньги за невѣстъ въ свою пользу, то при условіи включаютъ эту сумму въ число кебинъ-хакка. Для расходовъ на торжественный привозъ, по заключеніи брака, новобрач-

*) По аварски—*магаръ*, *магортли*.

ной въ домъ мужа, съ послѣдняго, въ нѣкоторыхъ частяхъ Кюринскаго и Самурскаго округовъ, берётся особая сумма, смотря по состоянію. Сумма эта называется *іолъ-пулъ* (т. е. дорожныя деньги).

Не смотря на легкость заключенія браковъ, въ Дагестанѣ довольно сильно развитъ обычай похищать или увозить невѣстъ.

Увозъ женщинъ и дѣвушекъ разсматривается адатомъ какъ обида родителямъ или опекунамъ женщины и какъ нарушеніе общественнаго спокойствія и порядка.

При разборѣ дѣлъ по увозу женщинъ различаются слѣдующіе случаи: 1) увезена ли незамужняя женщина съ ея согласія или насильно; 2) согласны ли родители или опекуны на ея бракъ съ похитителемъ или нѣтъ; 3) побѣгъ женщины къ мужчинѣ и 4) увозъ женщинъ, имѣющихъ жениховъ или замужнихъ.

При согласіи похищенной и ея родныхъ на бракъ съ похитителемъ, дѣло кончается обыкновенно свадьбою, при чемъ женихъ долженъ дать альхамъ, калымъ и кебинъ-хаккъ сообразно съ состояніемъ невѣсты; за нарушеніе же общественнаго спокойствія съ него и помощниковъ его взыскивается штрафъ. Штрафъ взыскивается также и съ женщины, если будетъ доказано, что она бѣжала безъ сопротивленія.

Въ Даргинскомъ округѣ штрафъ увеличивается, если похищенная дѣвушка увезена въ другое селеніе.

При преслѣдованіи бѣжавшей, ея родственники могутъ безнаказанно убить какъ ее, такъ и похитителя; но бѣжавшіе могутъ найти убѣжище въ каждомъ домѣ *); никто не долженъ отказывать имъ въ пріютѣ, до примиренія съ родственниками бѣжавшей. Хозяинъ дома, въ который скрылись бѣжавшіе, обязанъ немедленно развести ихъ по разнымъ комнатамъ; за неисполненіе этого подвергается штрафу.

При примиреніи съ родственниками увезенной женщины, увезшій обязанъ сдѣлать приличное угощеніе.

При отказѣ родителей или опекуновъ женщины выдать ее

---

*) Въ Кайтагѣ и Табасарани дѣвушка, спасшаяся отъ преслѣдованія въ домѣ бека, становилась его рабою (каравашь).

за-мужъ за похитителя или при несогласіи ея самой на этотъ бракъ, она возвращается въ домъ родителей; а виновный въ похищеніи ея изгоняется изъ селенія, въ видѣ кровнаго врага, на опредѣленный срокъ (отъ 3-хъ мѣсяцевъ до 1-го года); но убивать его вездѣ запрещено. По истеченіи срока изгнанія онъ дѣлаетъ приличное угощеніе родственникамъ увезенной женщины и заключаетъ съ ними мировую.

При побѣгѣ женщины къ какому нибудь мужчинѣ, послѣдній обязанъ на ней жениться или принять, съ опредѣленнымъ числомъ родственниковъ, очистительную присягу въ томъ, что онъ не былъ въ любовной связи съ бѣжавшей къ нему женщиной. Въ случаѣ женитьбы онъ обязанъ дать калымъ и кебинъ-хаккъ, но въ самомъ ограниченномъ размѣрѣ, принятомъ въ обществѣ, къ которому принадлежитъ бѣжавшая. При бракѣ этого рода несогласіе на него родителей бѣжавшей не принимается во вниманіе и въ этомъ случаѣ кадій заступаетъ ихъ мѣсто. При побѣгѣ беременной женщины къ обременившему ее, по ея только показанію, послѣдній обязанъ на ней жениться непремѣнно и считается отцемъ будущаго ребенка.

Увозъ по обоюдному согласію женщинъ, имѣющихъ жениховъ и замужнихъ *), считается тяжкимъ оскорбленіемъ для жениховъ и мужей, и виновные оба подлежатъ изгнанію, какъ канлы по убійству; но право преслѣдовать ихъ предоставляется только обиженному и его братьямъ. Мужъ увезенной или бѣжавшей женщины можетъ примириться съ похитителемъ, по истеченіи опредѣленнаго срока (отъ 3-хъ мѣсяцевъ до 3-хъ лѣтъ), и дать разводъ своей женѣ, за условное вознагражденіе; послѣ этого дѣло кончается мировою съ угощеніемъ и получившая разводъ женщина должна выйти за-мужъ за увезшаго ее. При побѣгѣ невѣсты къ другому, съ которымъ она, по ея показанію, была въ связи прежде, жениху возвращаются всѣ его издержки по сватовству, а невѣста его выходитъ за-мужъ за того, къ которому бѣжала, если онъ этого захочетъ, иначе обязанъ доказать присягою, что не имѣлъ

*) Случаи увоза замужнихъ женщинъ насильно чрезвычайно рѣдки.

прежде съ ней никакого сообщенія; въ такомъ случаѣ она возвращается къ родителямъ и можетъ выйти за-мужъ за своего прежняго. жениха, при его согласіи на то.

Всякая любовная связь и прелюбодѣяніе съ женщиной разсматриваются адатомъ, въ сущности, на тѣхъ же основаніяхъ, какъ и увозъ женщинъ по ихъ согласію, и наказанія за нихъ налагаемыя тѣ же самыя. Дѣла по прелюбодѣяніямъ разбираются не иначе, какъ по свидѣтельскимъ показаніямъ; при чемъ считается достаточнымъ одинъ свидѣтель.

Пойманныхъ ближайшими родственниками въ прелюбодѣяніи на мѣстѣ преступленія дозволяется убить тутъ-же, но не иначе какъ обоихъ виновныхъ. Мужъ, убившій любовника и пощадившій жену,—подвергается кровомщенію со стороны родственниковъ имъ убитаго, какъ и за всякое другое убійство. Если же мужъ убьетъ жену, а любовникъ ея почему либо успѣетъ избѣжать смерти, то послѣдній становится кровнымъ врагомъ родственникамъ убитой.

Дѣла по изнасилованію женщинъ разбираются только въ томъ случаѣ, если изнасилованная огласила объ этомъ крикомъ въ селеніи. При опредѣленіи взысканія принимается во вниманіе, изнасилована ли женщина свободная или замужняя. Въ первомъ случаѣ виновный обязанъ дать опредѣленное вознагражденіе изнасилованной имъ женщинѣ, заплатить штрафъ и примириться съ родственниками обиженной; во второмъ случаѣ, въ большей части края, кромѣ денежнаго взысканія, виновный считается кровнымъ врагомъ мужа и ея родственниковъ до примиренія.

Отъ женщинъ, извѣстныхъ развратнымъ поведеніемъ, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ жалобы на насиліе не принимаются.

Поцалуи, объятія, срываніе съ головы платка и т. п., сдѣланные публично, большею частью считаются наравнѣ съ насиліемъ и влекутъ за собою для виновнаго тѣ же взысканія, какія опредѣлены за изнасилованіе.

За мужеложство съ насиліемъ дозволяется насилуемому убить виновнаго безнаказанно; если же онъ этого во время насилія сдѣлать не успѣетъ, то имѣетъ право, если докажетъ справедливость своего обвиненія, преслѣдовать виновнаго какъ за убійство.

За мужеложство, по обоюдному согласію, виновные могутъ быть убиты на мѣстѣ преступленія всякимъ, поймавшимъ ихъ.

Скотоложство не считается особымъ преступленіемъ и въ большей части края за него никакого взысканія, кромѣ штрафа, не опредѣлено адатомъ. Въ тѣхъ же мѣстахъ, гдѣ случаи скотоложства разбирались часто, положено взысканіе съ виновнаго только въ пользу хозяина скотины; такъ напр., въ Микагинскомъ и Хюркелинскомъ обществахъ Даргинскаго округа, хозяинъ скотины получаетъ съ виновнаго въ скотоложствѣ, доказанномъ свидѣтелями, одну пару поршней, да и то взысканіе это дѣлается только съ совершеннолѣтнихъ (въ этомъ случаѣ совершеннолѣтіе считается съ 15-ти лѣтъ).

VI.

Воровство, грабежъ, поджоги, умышленная порча чужаго имущества, потрава. Число дѣлъ, рѣшенныхъ въ судѣ за 7 лѣтъ.

Воровство, грабежъ, потравы, поджоги, умышленные и неумышленные, и вообще всякая порча имущества, адатомъ подводятся подъ одну категорію. Во всѣхъ этихъ случаяхъ признанный виновнымъ обязанъ возвратить потерпѣвшему его имущество или стоимость его; въ наказаніе же за воровство и умышленную порчу имущества виновный подвергается платежу, въ пользу владѣльца, отъ 2 до 10 разъ болѣе стоимости украденнаго или испорченнаго имъ и съ него взыскивается опредѣленный штрафъ. Большая или меньшая степень взысканія за воровство и всякую порчу имущества, опредѣляемаго адатомъ, зависитъ отъ слѣдующихъ обстоятельствъ: 1) мѣста, изъ котораго украдена вещь, 2) цѣнности и свойства украденнаго и 3) какимъ способомъ открытъ виновный: по собственному ли сознанію, прямыми ли доказательствами или по подозрѣнію.

1) За воровство изъ мечети, мельницы, порчу жернововъ, кражу колосьевъ съ поля, хлѣба съ гумна и барановъ съ пастьбы, вездѣ опредѣляется высшая мѣра взысканія. Кромѣ означен-

наго, взысканіе увеличивается иногда за воровство изъ дома и со двора, въ особенности, если въ домѣ оставалась женщина. За входъ въ домъ или во дворъ для воровства, съ вора взыскивается особо опредѣленный штрафъ въ пользу хозяина, независимо цѣнности украденнаго *).

Взломъ при воровствѣ не увеличиваетъ взысканія, только стоимость изломаннаго присоединяется къ стоимости украденнаго.

2) Цѣнность украденнаго имѣетъ значеніе только при опредѣленіи штрафа. При воровствѣ скота наибольшее взысканіе опредѣляется за лошадь, потомъ за барановъ. Если воръ не возвратитъ украденной вещи или скотины натурою, то его заставляютъ купить подобную украденной, при чемъ выборъ предоставляется на усмотрѣніе хозяина. Украденныя деньги возвращаются владѣльцу ихъ въ томъ количествѣ, сколько украдено; только въ нѣкоторыхъ мѣстахъ за воровство денегъ въ монетѣ увеличивается штрафъ.

3) Собственное сознаніе въ воровствѣ, данное до разбора дѣла судомъ, освобождаетъ виновнаго отъ всякаго взысканія; онъ обязанъ только возвратить украденную вещь въ прежнемъ ея видѣ или стоимость ея. Воровство, доказанное поличнымъ или свидѣтелями, всегда влечетъ за собою взысканіе въ высшей степени. Обвиненный въ воровствѣ по подозрѣнію, присягою истца или очистительною, въ большей части случаевъ присуждается только къ возврату стоимости украденнаго и освобождается отъ прочихъ взысканій.

Величина штрафа, взыскиваемаго за воровство, какъ зависящая отъ многихъ обстоятельствъ, до крайности разнообразна, въ предѣлахъ отъ 1-го до 161 рубля **).

Всѣ предварительные розыски по воровству предоставляются хозяину украденнаго; разборъ же дѣла судомъ начинается только

*) Въ сел. Бути за воровство изъ ближайшей къ дверямъ половины комнаты взыскивается только стоимость украденнаго; за воровство же вещи, находившейся за столбомъ, поддерживающимъ главную балку, взыскивается вдвое и кромѣ того штрафъ хозяину 10 коровъ.

*) Штрафъ—161 руб., деньгами или имуществомъ, 35 быковъ (по 4 р. каждый) и 8 котловъ (по 3 руб. каждый)—опредѣляется въ Акушѣ за воровство изъ мечети.

тогда, когда указанъ воръ или подозрѣваемый въ воровствѣ. Адатъ строжайше запрещаетъ входить съ воромъ въ какую бы то ни было миролюбивую сдѣлку, помимо суда; съ нарушителя этого правила взыскивается штрафъ и онъ лишается права на удовлетвореніе отъ вора. Розыскъ своего пропавшаго скота владѣлецъ можетъ поручить кому нибудь другому за условную плату, которая потомъ взыскивается съ виновнаго.

Въ нѣкоторыхъ случахъ плата сыщику, называемая *рушпетъ* *), опредѣлена разъ навсегда; въ спорныхъ же случаяхъ плата эта опредѣляется судомъ; при чемъ вездѣ соблюдается правило, чтобы она не превышала стоимости пропавшаго, которое отыскивалось.

Рушпетъ полагается только за пропавшую скотину.

Всякій хозяинъ, гдѣ бы ни отыскалъ пропавшую у него лошадь или скотину, имѣетъ полное право взять ее тотъ-часъ же, если докажетъ, какимъ бы-то ни было способомъ, свое право на нее. При этомъ, если уворованная скотина перешла уже нѣсколько рукъ, онъ выдаетъ тому, отъ котораго отбираетъ, письменное удостовѣреніе (называемое *айнамалъ-кагазъ*) **) за подписью сельскаго муллы, или кадія, или другаго начальства.

Айнамалъ-кагазъ предъявляется получившимъ его тому, отъ кого онъ пріобрѣлъ украденную скотину, при чемъ продавшій обязанъ удовлетворить предъявителя этой бумаги и въ свою очередь можетъ требовать удовлетворенія отъ того, у кого пріобрѣлъ эту же скотину. Такимъ образомъ айнамалъ-кагазъ доходитъ наконецъ до вора, который и уплачиваетъ какъ за украденное, такъ и издержки на его розысканіе.

Адатъ этотъ служитъ источникомъ большихъ недоразумѣній и споровъ; для избѣжанія этого составляются изъ частныхъ адатовъ, по отысканію и отобранію пропавшихъ лошадей и скотины, общія правила для всей области. Независимо взысканія, опредѣляемаго по адату, виновные въ воровствѣ, смотря по обстоятельствамъ,

---

*) Примѣчаніе XV.
**) Примѣчаніе II.

при которыхъ совершено ими воровство, подвергаются наказаніямъ, преимущественно аресту, по распоряженію мѣстнаго начальства.

Отнятіе силою или устрашеніемъ имущества, безъ причиненія вреда обиженному, не увеличиваетъ наказанія за воровство. Хозяинъ дома или имущества, если убьетъ вора на мѣстѣ преступленія, по адату не только избавляется отъ всякой отвѣтственности, но даже имѣетъ право требовать отъ родственниковъ убитаго имъ вора опредѣленнаго вознагражденія за позволеніе взять трупъ изъ его дома или двора. Въ Казикумухскомъ округѣ не дозволяется убивать вора, пойманнаго днемъ, когда свѣтло и онъ можетъ быть узнанъ.

При опредѣленіи взысканія за поджогъ принимается во вниманіе — сдѣланъ ли поджогъ умышленно или неумышленно; въ послѣднемъ случаѣ виновный обязанъ удовлетворить только по стоимости сгорѣвшаго. Поджогъ считается неумышленнымъ, если сдѣлавшій его самъ сознается немедленно послѣ пожара. Всѣ остальные случаи считаются умышленными.

Гость, потерявшій свои вещи во время пожара, получаетъ полное удовлетвореніе отъ хозяина дома, у котораго онъ остановился.

За всякую потраву и порчу имущества, умышленную или неумышленную, владѣлецъ его получаетъ полное вознагражденіе отъ виновнаго, по оцѣнкѣ, производимой обыкновенно почетными людьми. Кромѣ того, смотря по обстоятельствамъ и по значенію испорченнаго, съ виновнаго взыскивается вдвое болѣе и кромѣ того штрафъ.

Въ теченіи семи лѣтъ, съ 1-го января 1860 по 1-е ноября 1866 года, въ народный и окружные суды жалобъ на воровство и грабежъ поступило 2312.

Наибольшее число изъ нихъ приходится на долю округовъ Южнаго Дагестана и Даргинскій округъ. Наименьшее—на округа Аварскій, Андійскій, Гунибскій и Казикумухскій. По свѣдѣніямъ о числѣ дѣлъ, рѣшенныхъ въ судахъ съ 1-го ноября 1865 по 1-е ноября 1866 года, заслуживающимъ полнаго довѣрія, дѣлъ по грабежу и воровству поступило:

Въ Дагестанскій народный судъ *)		35
— Мехтулинскій — —		14
— судъ При-Сулакскаго наибства		18
— Даргинскій окружной судъ		142
— Аварскій — —		29
— Андійскій — —		
— Гунибскій — —		19
— Казикумухскій —		2
— Кайтаго-Табасаранскій —		118
— Кюринскій — —		116
— Самурскій — —		128
	Всего.......	621

Въ числѣ этихъ дѣлъ жалобъ на воровство съ насиліемъ было только 16, т. е. около $^1/_{40}$ части.

Эти данныя могутъ служить указаніемъ степени развитія воровства между населеніемъ области.

Кромѣ денежнаго взысканія за сдѣланное воровство — воры терпятъ еще наказаніе нравственное: они подвергаются безпрерывнымъ насмѣшкамъ; лишаются права на выборъ въ общественныя должности, не могутъ оправдаться очистительною присягою въ случаѣ павшаго на нихъ новаго подозрѣнія и т. п. Общества сами стараются объ удаленіи изъ своей среды неоднократно-замѣченныхъ въ воровствѣ и обращаются къ начальству съ просьбами о ссылкѣ ихъ въ арестантскія роты или въ отдаленныя губерніи.

За неисправимую наклонность къ воровству сослано административнымъ порядкомъ въ теченіи послѣднихъ 7-ми лѣтъ:

Изъ владѣнія Тарковскаго		13
— Ханства Мехтулинскаго		4
— Наибства При-Сулакскаго		5
— Даргинскаго округа		8
— Гунибскаго —		7
— Казикумухскаго —		4
— Андійскаго —		4

*) Въ этотъ судъ поступили также дѣла изъ бывшаго владѣнія Тарковскаго.

Изъ Аварскаго округа		4
— Кайтаго-Табасаранскаго		10
— Кюринскаго —		6
— Самурскаго —		5
	Всего.....	70

Частыя потравы, удобство воровать безнаказанно хлѣбъ съ поля и фрукты изъ садовъ, были причиною установленія нѣкоторыхъ адатовъ, служащихъ какъ бы предохранительною мѣрою противу потравъ и воровства подобнаго рода.

Съ появленіемъ подножнаго корма, вся скотина и бараны должны быть отгоняемы на принадлежащія селенію пастьбища или горы, въ дворахъ же дозволяется держать только жеребцовъ, рабочую скотину и не болѣе какъ 1-го или 2-хъ барановъ на каждый дворъ, при чемъ хозяевамъ вмѣняется въ обязанность наблюдать, чтобы содержимая ими въ селеніи скотина кормилась дома, а не выпускалась на поля.

Въ Среднемъ и Западномъ Дагестанѣ на хуторахъ, устраиваемыхъ обыкновенно на пахатныхъ мѣстахъ, удаленныхъ отъ селенія, дозволяется жить только въ рабочее время, срокъ котораго опредѣляется старшинами, по совѣту съ почетными людьми

Запрещается даже въ собственномъ саду срывать и ѣсть виноградъ раньше времени, которое будетъ назначено управленіемъ селенія *); въ нѣкоторыхъ мѣстахъ это же запрещеніе распространяется на кукурузу, грецкіе орѣхи и нѣкоторые другіе фрукты. Только въ случаѣ пріѣзда въ селеніе почетнаго гостя дозволяется для его угощенія сорвать нѣсколько спѣлыхъ фруктовъ или винограда.

Всякій, изобличенный въ нарушеніи этихъ адатовъ, подвергается штрафу, который большею частію состоитъ въ томъ, что лица, наблюдающіе за порядкомъ въ селеніи (тургаки, чоуши, карты и т. п.) берутъ въ пользу общества какую либо скотину, принадлежащую виновному.

Кромѣ описанныхъ адатовъ во всѣхъ частяхъ края суще-

*) Адатъ этотъ не соблюдается только въ селеніяхъ, находящихся вблизи укрѣпленій и городовъ, гдѣ есть удобный и вѣрный сбытъ для винограда.

ствуетъ еще множество отдѣльныхъ адатовъ, до крайности разнообразныхъ. Такъ, есть особые адаты по наслѣдству между членами бывшихъ владѣтельныхъ фамилій; по различнымъ видамъ пользованія землею; по запашкѣ общественныхъ земель; по найму пастьбищъ; по рубкѣ лѣса; по распредѣленію воды на поля; по потерямъ и находкамъ; по долговымъ обязательствамъ; по отношеніямъ къ владѣльцамъ поселянъ, живущихъ на ихъ земляхъ; по найму пастуховъ и уходу за стадами и т. п. Адаты эти также принимаются въ руководство, преимущественно передъ шаріятомъ, при разборѣ дѣлъ въ окружныхъ судахъ.

По мѣрѣ устройства окружныхъ управленій, въ нихъ открывались и суды, въ которые и обращался каждый, имѣвшій въ томъ необходимость.

Въ теченіи 6 лѣтъ, съ 1-го января 1860 по 1-е ноября 1865 года, въ народномъ, окружныхъ и бывшихъ судахъ мехтулинскомъ и при-сулакскомъ, поступило и рѣшено дѣлъ по шаріяту и адату:

1) По убійству	587 *).
2) — пораненію и увѣчьямъ	518
3) — увозу и похищенію женщинъ	48
4) — прелюбодѣянію	47
5) — воровству	1636
6) — грабежу	55
7) — поземельнымъ спорамъ	937
8) — долговымъ и другимъ обязательствамъ	2997
9) — жалобамъ супруговъ другъ на друга, по жалобамъ поселянъ на владѣльцевъ, по потерямъ и находкамъ, по наслѣдству, по завѣщаніямъ, и разныхъ другихъ исковъ	6,774
Всего	13,599

Среднимъ числомъ въ годъ по 2266 дѣлъ. Свѣдѣнія эти

*) Въ это число входятъ дѣла по примиренію канлы и по убійствамъ прежнихъ лѣтъ.

составлялись въ различные сроки и потому нѣтъ возможности распредѣлить ихъ по годамъ.

Дѣятельность окружныхъ судовъ и народнаго суда за послѣдній годъ, т. е. съ 1-го ноября 1866 по 1-е ноября 1867 года, показана въ слѣдующей вѣдомости, составленной по самымъ точнымъ свѣдѣніямъ:

ВѢДОМОСТЬ

о числѣ дѣлъ, поступившихъ на рѣшеніе въ народный и окружные суды Дагестанской области съ 1-го ноября 1865 по 1-е ноября 1866 года.

НАЗВАНІЕ СУДОВЪ.	По убійству.	По ранамъ и увѣчьямъ.	По воровству.	По грабежу.	По увозу и похищ. женщ.	По прелюбодѣянію.	По поземельнымъ спорам.	По долговымъ обязательст.	По разнымъ гражд. искам.	ВСЕГО.
1) Народный судъ.......	7	6	35	—	—	2	12	160	23	245
2) Даргинскій окружной судъ................	12	51	142	—	2	23	268	297	118	823
3) Судъ Мехтулинскаго ханства.............	10	6	9	5	4	2	14	64	28	152
4) Судъ При-Сулакскаго наибства............	1	2	18	—	2	3	—	34	24	84
5) Аварскій окружной судъ 6) Андійскій	14	33	29	—	—	10	39	24	76	225
7) Гунибскій............	7	27	19	—	—	2	35	43	19	152
8) Казикумухскій........	14	36	2	—	—	—	44	11	9	116
9) Кайтаго-Табасаранскій окружной судъ.......	36	19	110	8	3	2	5	32	1	216
10) Кюринскій окружной судъ................	20	23	116	—	4	10	16	57	54	300
11) Сумурскій..........	8	76	125	3	2	1	22	85	63	385
Всего..	129	275	605	16	17	55	455	717	425	2698

Изъ этой вѣдомости видно: 1) что число дѣлъ, разобранныхъ въ судахъ, простирается до 2698, т. е. значительно больше чѣмъ среднее число за предшествовавшіе годы; 2) число дѣлъ по прелюбодѣяніямъ простирается до 55, тогда какъ во всѣ предшествовавшія 5 лѣтъ по прелюбодѣянію было разобрано только 47 дѣлъ. Эти обстоятельства, въ особенности послѣднее, служатъ лучшимъ доказательствомъ постоянно возрастающихъ довѣрія и уваженія народа къ судамъ, чѣмъ мало по малу уничтожается вкоренившееся въ массѣ населенія своеволіе и постепенно и нечувствительно для народа достигается цѣль полнаго и совершеннаго подчиненія населенія Дагестана нашей власти.

1868 года.
Темиръ-Ханъ-Шура.

ПРИЛОЖЕНІЯ

къ статьѣ:

«АДАТЫ И СУДОПРОИЗВОДСТВО ПО НИМЪ».

I.

ВѢДОМОСТИ О ЧИСЛѢ УБІЙСТВЪ И ПОРАНЕНІЙ ПО ГОДАМЪ И ОКРУГАМЪ.

1861 годъ. НАЗВАНІЕ ЧАСТЕЙ КРАЯ.	УБІЙСТВА. По кровомщенію.	По прелюбод. и т. п.	Умышленно.	Въ пьяномъ видѣ.	Въ ссор. и драк.	По неосторожности.	Самоубійства.	ПОРАНЕНІЯ. По кровомщенію. Смертельно.	Легко.	По прелюбодѣянію и т. п. Смертельно.	Легко.	Умышленно. Смертельно.	Легко.	Въ пьяномъ видѣ. Смертельно.	Легко.	Въ ссорахъ и дракахъ. Смертельно.	Легко.	По неосторожности. Смертельно.	Легко.	ВСЕГО. Убійствъ.	Пораненій.
1) Владѣніе Тарковское	1	—	3	—	—	—	—	—	—	—	—	—	1	1	3	—	—	—	—	4	5
2) Ханство Мехтулинское	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	1	—	—	1	3	—	—	—	5
3) Наибство При-Сулакское	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	1	—	—	—	1
4) Округъ Даргинскій	1	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	1	—
5) Округъ Гунибскій	1	—	3	—	4	2	1	—	—	—	—	—	—	—	—	4	9	—	—	10	3
6) Округъ Казикумухскій	—	—	1	—	3	1	—	—	—	—	—	—	—	—	—	2	7	—	—	5	9
7) Ханство Аварское *).																					
8) Кайтаго-Табасаранскій округъ	3	1	1	—	2	—	1	—	—	—	—	—	—	—	—	4	21	—	—	7	27
9) Ханство Кюринское	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	2	—	—	—	2
10) Округъ Самурскій	—	—	1	—	—	—	—	—	—	1	—	—	—	—	—	1	4	—	—	1	7
11) Округъ Бежитскій	—	—	2	—	—	—	—	—	—	—	—	—	1	—	—	—	—	—	—	2	1
Всего...	6	1	11	—	9	3	2	—	—	1	—	—	3	1	3	12	47	—	3	**) 30	70

*) Свѣдѣній не представлено. **) Самоубійства не вошли въ общіе итоги.

1862 годъ. Названіе частей края.	Убійства. По кровомщенію.	По прелюбод. и т. п.	Умышленно.	Въ пьяномъ видѣ.	Въ ссор. и драк.	По неосторожности.	Самоубійства.	Пораненія. По кровомщенію. Смертельно.	Легко.	По прелюбодѣянію и т. п. Смертельно.	Легко.	Умышленно. Смертельно.	Легко.	Въ пьяномъ видѣ. Смертельно.	Легко.	Въ ссорахъ и дракахъ. Смертельно.	Легко.	По неосторожности. Смертельно.	Легко.	Всего. Убійствъ.	Пораненій.
1) Владѣніе Тарковское......	—	—	1	—	—	—	1	—	—	—	—	—	2	1	—	—	—	—	—	1	3
2) Ханство Мехтулинское....	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
3) Наибство При-Сулакское....	—	2	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	1	—	—	—	—	1	2	2
4) Даргинскій округъ.........	—	1	3	—	4	—	1	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	8	—
5) Округъ Гунибскій..........	2	5	3	1	5	—	—	—	—	—	—	—	1	—	—	1	4	—	—	16	6
6) Округъ Казикумухскій	—	—	—	—	2	—	—	—	—	—	—	—	—	—	1	—	26	—	—	2	27
7) Округъ Андійскій..........	—	—	1	—	1	—	—	—	—	—	—	—	1	—	—	—	8	—	—	2	9
8) Округъ Аварскій..........	—	—	—	—	3	—	—	—	—	1	—	1	—	—	—	—	10	—	—	3	12
9) Кайтаго - Табасаранск. округ.	4	1	11	2	10	2	—	—	—	1	1	—	—	—	—	3	24	1	—	30	30
10) Округъ Кюрин.	—	—	1	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	5	—	—	1	5
11) Округъ Самур.	—	—	—	—	—	1	—	—	—	—	—	—	1	—	—	—	2	—	—	1	3
12) Округъ Бежитскій	—	1	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	1	—
Всего.....	6	10	20	3	25	3	2	—	—	2	1	1	5	2	1	4	79	1	1	67	97

1863 годъ. Название частей края.	Убійства. По кровомщенію.	По предубод. и т. п.	Умышленно.	Въ пьяномъ видѣ.	Въ ссор. и драк.	По неосторожности.	Самоубійства.	Пораненія. По кровомщенію. Смертельно.	По кровомщенію. Легко.	По предубѣжденію и т. п. Смертельно.	По предубѣжденію и т. п. Легко.	Умышленно. Смертельно.	Умышленно. Легко.	Въ пьяномъ видѣ. Смертельно.	Въ пьяномъ видѣ. Легко.	Въ ссорахъ и дракахъ. Смертельно.	Въ ссорахъ и дракахъ. Легко.	По неосторожности. Смертельно.	По неосторожности. Легко.	Всего. Убійствъ.	Всего. Пораненій.
1) Владѣніе Тарковское	1	—	—	—	2	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	2	1	—	—	3	3
2) Ханство Мехтулинское	1	—	1	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	1	1	3	—	—	2	5
3) Наибство При-Сулакское	—	—	1	—	1	—	—	—	—	1	—	—	1	—	1	—	5	—	—	2	8
4) Даргинскій округъ	1	3	4	1	1	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	10	—
5) Округъ Гунибскій	2	1	3	—	1	—	—	1	—	—	1	1	1	—	—	2	14	—	—	7	20
6) Округъ Казикумухскій	—	—	—	—	1	—	—	—	—	—	—	—	—	—	2	2	23	—	—	1	27
7) Округъ Андійскій	—	1	—	—	5	—	—	—	—	—	—	1	2	—	—	..	8	—	1	6	12
8) Округъ Аварскій	—	1	2	—	1	1	—	—	—	—	—	—	1	—	—	1	9	—	—	5	1
9) Кайтаго-Табасаранскій окр.	3	3	6	—	12	1	—	—	—	1	—	1	1	—	—	5	22	—	2	25	32
10) Округъ Кюрин.	—	—	—	1	4	1	2	—	—	1	—	1	—	—	—	3	1	—	1	6	7
11) Округъ Самур.	—	—	—	—	1	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	1	1	—	—	1	2
12) Округъ Бежитскій	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Всего	8	9	17	2	29	3	2	1	—	3	1	4	6	—	4	17	87	—	4	68	127

1864 ГОДЪ. НАЗВАНІЕ ЧАСТЕЙ КРАЯ.	УБІЙСТВА. По кровомщенію.	По прелюбод. и т. п.	Умышленно.	Въ пьяномъ видѣ.	Въ ссор. и драк.	По неосторожности.	Самоубійства.	ПОРАНЕНІЯ. По кровомщенію. Смертельно.	По кровомщенію. Легко.	По прелюбодѣянію и т. п. Смертельно.	По прелюбодѣянію и т. п. Легко.	Умышленно. Смертельно.	Умышленно. Легко.	Въ пьяномъ видѣ. Смертельно.	Въ пьяномъ видѣ. Легко.	Въ ссорахъ и дракахъ. Смертельно.	Въ ссорахъ и дракахъ. Легко.	По неосторожности. Смертельно.	По неосторожности. Легко.	ВСЕГО. Убійствъ.	ВСЕГО. Пораненій.
1) Владѣніе Тарковское	1	1	4	—	3	1	—	—	—	—	—	—	—	—	2	—	1	—	—	10	3
2) Ханство Мехтулинское	—	—	—	1	2	—	—	—	—	—	—	—	—	—	4	2	3	1	—	3	10
3) Наибство При-Сулакское	—	—	1	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	1	—	—	—	1	1
4) Даргинскій округъ	—	—	3	—	1	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	1	—	—	—	4	1
5) Округъ Гунибскій	1	1	4	—	3	—	—	—	—	—	4	—	—	—	—	—	9	—	—	9	13
6) Округъ Казикумухскій	—	1	3	—	8	1	—	—	—	—	—	—	4	—	3	3	39	—	1	13	50
7) Округъ Андійскій	—	—	2	—	7	—	—	—	—	—	—	—	1	—	—	—	13	—	2	9	16
8) Округъ Аварскій	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	1	—	—	1	—	—	3	—	—	—	5
9) Кайтаго-Табасаранскій окру.	1	—	10	1	9	—	—	—	1	1	—	2	9	—	2	4	21	1	—	21	41
10) Ханство Кюрин.	2	—	2	—	3	—	—	—	—	—	—	1	—	—	—	2	—	—	—	7	3
11) Округъ Самур.	—	1	2	—	—	1	—	—	—	—	1	—	—	—	—	—	—	—	—	4	1
12) Округъ Бежитскій	—	—	6	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	6	—
Всего	5	4	37	2	36	3	—	—	1	1	6	3	14	1	11	13	89	2	3	87	144

1865 годъ. НАЗВАНІЕ ЧАСТЕЙ КРАЯ.	УБІЙСТВА. По кровомщенію.	По прелюбод. и т. п.	Умышленно.	Въ пьяномъ видѣ.	Въ ссор. и драк.	По неосторожности.	Самоубійства.	ПОРАНЕНІЯ. По кровомщенію. Смертельно.	Легко.	По прелюбодѣянію и т. п. Смертельно.	Легко.	Умышленно. Смертельно.	Легко.	Въ пьяномъ видѣ. Смертельно.	Легко.	Въ ссорахъ и дракахъ. Смертельно.	Легко.	По неосторожности. Смертельно.	Легко.	ВСЕГО. Убійствъ.	Пораненій.
1) Владѣніе Тарковское	—	1	2	5	4	—	—	—	—	—	—	—	—	—	17	1	5	—	—	12	23
2) Ханство Мехтулинское	—	1	5	—	3	—	1	1	—	—	—	1	1	—	4	—	7	—	—	9	14
3) Наибство При-Сулакское	—	1	2	—	—	1	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	3	—	—	4	3
4) Даргинскій округъ	—	—	4	1	4	—	—	1	—	—	—	—	—	—	—	2	1	—	—	9	4
5) Округъ Гунибскій	—	1	—	—	—	—	—	—	—	—	1	—	—	1	5	—	17	1	1	1	26
6) Округъ Казикумухскій	1	2	1	—	6	—	4	—	—	—	—	—	2	—	8	6	61	—	2	10	79
7) Округъ Андійскій	—	—	3	3	2	—	—	—	—	—	—	—	3	—	1	1	20	—	1	8	26
8) Округъ Аварскій	—	-	3	—	5	—	1	—	—	—	—	—	1	1	3	1	49	1	1	8	57
9) Кайтаго-Табасаранскій окр.	2	5	5	—	14	3	1	—	—	—	—	1	1	—	3	8	23	1	3	29	40
10) Округъ Кюринск.	—	2	1	2	3	3	—	—	—	—	—	—	—	—	—	4	3	—	—	11	7
11) Округъ Самур.	—	3	3	—	1	—	1	—	—	1	1	—	2	—	—	3	16	—	—	7	23
12) Округъ Бежитскій	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	1	—	1	—	2
Всего	3	16	29	11	42	7	8	2	—	1	2	2	10	2	41	26	206	3	9	108	304

1866 годъ. Название частей края.	Убийства. По кровомщенію.	По прелюбод. и т. п.	Умышленно.	Въ пьяномъ видѣ.	Въ ссор. и драк.	По неосторожности.	Самоубійства.	Поранения. По кровомщенію. Смертельно.	Легко.	По прелюбодѣянію и т. п. Смертельно.	Легко.	Умышленно. Смертельно.	Легко.	Въ пьяномъ видѣ. Смертельно.	Легко.	Въ ссорахъ и дракахъ. Смертельно.	Легко.	По неосторожности. Смертельно.	Легко.	Всего. Убійствъ.	Пораненій.
1) Владѣніе Тарковское	2	—	5	1	—	—	—	—	1	—	2	—	1	2	6	—	7	—	1	8	20
2) Ханство Мехтулинское	—	—	—	—	2	1	—	—	—	—	—	1	—	3	3	2	1	—	—	3	10
3) Наибство При-Сулакское	—	—	3	—	1	—	—	—	—	—	—	—	—	—	2	1	4	1	—	4	8
4) Округъ Даргинскій	1	—	2	—	5	1	2	—	—	—	—	1	1	2	—	8	5	—	—	9	17
5) Округъ Гунибскій	1	1	1	—	1	1	—	—	—	—	—	—	2	—	1	2	25	—	1	5	34
6) Округъ Казикумухскій	—	—	—	1	3	2	—	1	—	1	—	1	2	—	10	6	35	1	1	6	58
7) Округъ Андійскій	—	1	2	—	1	1	—	—	—	—	1	2	—	—	—	6	16	—	—	5	25
8) Округъ Аварскій	—	—	1	—	4	—	—	—	—	—	—	—	—	—	3	3	18	—	—	5	24
9) Кайтаго-Табасаранскій округъ	1	7	7	3	7	3	2	—	—	—	—	4	5	—	—	4	18	4	2	28	37
10) Округъ Кюринскій	2	3	—	—	2	1	2	—	—	—	1	—	1	—	5	6	5	—	—	8	18
11) Округъ Самурскій	—	—	5	—	—	1	1	—	—	—	1	—	1	—	—	2	85	—	—	6	89
Всего	7	12	26	5	26	11	7	1	1	1	5	9	13	7	30	40	222	6	5	87	340

1867 годъ. НАЗВАНІЕ ЧАСТЕЙ КРАЯ.	УБІЙСТВА. По кровомщенію.	По прелюбод. и т. п.	Умышленно.	Въ пьяномъ видѣ.	Въ ссор. и драк.	По неосторожности.	Самоубійство.	ПОРАНЕНІЯ. По кровомщенію. Смертельно.	Легко.	По прелюбодѣянію и т. п. Смертельно.	Легко.	Умышленно. Смертельно.	Легко.	Въ пьяномъ видѣ. Смертельно.	Легко.	Въ ссорахъ и дракахъ. Смертельно.	Легко.	По неосторожности. Смертельно.	Легко.	ВСЕГО. Убійствъ.	Пораненій.
1) Округъ Темиръ-Ханъ-Шуринскій:																					
Бывшія Владѣніе Тарковск.	—	—	1	2	3	—	—	—	—	—	—	—	2	1	7	4	8	—	—	5	17
Бывшія Ханство Мехтулин.		—	—	—	1	1	—	—	—	—	—	—	—	—	3	1	5	—	—	1	8
Бывшія Наиб. При-Сулакское.	—	1	1	—	1	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	1	2	—	1	1	3
2) Даргинскій округъ	1	—	7	2	5	1	1	—	—	2	2	—	—	2	3	4	16	1	—	9	21
3) Гунибскій округъ	2	3	—	—	1	1	—	—	—	1	—	—	—	—	2	1	7	—	—	2	9
4) Казикумухскій округъ	1	—	—	—	2	2	1	—	—	—	—	1	2	2	2	1	28	—	1	6	33
5) Андійскій округъ		1	—	—	1	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	1	1	—	1	1
6) Аварскій округъ	—	2	—	—	2	—	1	—	—	—	4	—	1	—	—	4	31	—	1	4	37
7) Кайтаго-Табасаранскій окр.	3	2	7	2	3	2	2	—	—	—	—	2	1	1	6	3	32	—	2	6	41
8) Кюринскій округъ	1	—	5	—	11	2	2	—	1	—	—	1	—	—	—	10	12	1	1	12	14
9) Самурскій округъ	—	—	6	—	2	—	3	—	—	—	1	1	—	—	—	3	43	—	1	4	45
Всего	8	9	27	6	32	9	10	—	1	3	7	5	6	6	23	34	185	3	7	51	229
	91																			280	

II.

Примѣчанія и объясненія нѣкоторыхъ словъ, встрѣчающихся въ статьѣ объ адатахъ.

I

Адатъ—слово арабское, значитъ «обычай». Въ Дагестанѣ употребляется болѣе въ смыслѣ «законъ, постановленіе.» На нѣкоторыхъ языкахъ сохранились еще свои названія для обозначенія слова адатъ. Такъ, по аварски, адатъ—*батль*. У кумыковъ адаты, прилагаемые къ рѣшенію дѣлъ, называются *ольгу*, что собственно значитъ «выкройка, образецъ.»

II.

Айнамалъ кагазъ—слово кумыкское, значитъ «кружащаяся бумага». Называется по аварски *соирилебъ-кагадъ*, отъ слова соиры—кругъ. Во многихъ мѣстахъ при передачѣ айнамалъ-кагаза принято отдавать получающему его кусокъ бязи ($^3/_4$ арш.) и 20 коп. деньгами. Сыщикъ или хозяинъ, отправляясь на розыски пропавшаго, беретъ съ собою бязь на саванъ и 20 коп. въ уплату муллѣ за похороны, въ знакъ того, что онъ какъ бы готовъ быть убитымъ, лишь бы вернуть разыскиваемое имущество.

III.

Батманъ—мѣра вѣса. Величина батмана чрезвычайно разнообразна; въ нѣкоторыхъ селеніяхъ бывшаго владѣнія Тарковскаго онъ равняется почти 3-мъ русскимъ фунтамъ; въ Южномъ же Дагестанѣ, въ Улусскомъ магалѣ, онъ равняется 33 фунтамъ, а въ городѣ Дербентѣ=19 фунтамъ, 90 золотникамъ, 63 дол.

IV.

Бекъ-Бій слово монгольское, значитъ—*повелѣвающій*. Въ Дагестанѣ званіемъ и правами бековъ пользуются только наслѣдственно. Всѣ беки принадлежатъ къ потомству бывшихъ владѣтелей; нѣкоторымъ изъ нихъ придается общая фамилія, по званію владѣтеля, къ роду котораго они принадлежатъ; такъ образовались фамиліи: въ Сѣверной Табасарани—*Кадіевы*; въ Кайтахѣ—*Уцміевы*; въ бывшемъ владѣніи Тарковскомъ—*Шамхаловы*. Лично, въ народѣ, званіемъ бековъ пользуются лица, достигшіе въ нашей службѣ офицерскихъ чиновъ.

V.

Буза—напитокъ, въ родѣ пива, приготовляется изъ ячменя или проса. У аварцевъ называется *бокочи*.

VI.

Диванные члены или *диванъ-беки* отъ слова *диванъ*, употребляемаго въ смыслѣ «присутствіе суда.» Такъ говорятъ — *дѣлать диванъ*, т. е. производить судъ. Названіе это въ положеніи объ управленіи областью замѣнено словомъ *депутатъ*. Обязанность Диванныхъ членовъ или Депутатовъ состоитъ въ постановленіи рѣшенія по дѣлу, разбираемому по адату.

VII.

Кадій—слово арабское, означаетъ *судья*. Въ Дагестанѣ существуютъ два вида кадіевъ: кадіи-владѣтели, избираемые безсрочно, и кадіи въ селеніяхъ. Аравійскій полководецъ Маслама (Абу-Муселимъ) для управленія Сѣверною Табасаранью назначилъ кадія, потомки котораго наслѣдовали это званіе; изъ нихъ всегда выбирался кадіемъ преимущественно старшій въ родѣ. Вѣроятно, подобнаго же происхожденія и наслѣдственные кадіи сиргинскій, акушинскій и цудахарскій. Съ званіемъ этихъ кадіевъ соединялась всегда свѣтская власть, и многіе изъ нихъ, будучи вовсе неграмотными, не вмѣшивались въ дѣла духовныя лично, а предоставляли это своимъ письмоводителямъ.

Въ обществахъ Усиша, Мухя, Микахя и Хюраки, кадіи, управлявшіе народомъ, избирались на опредѣленное время изъ достойнѣйшихъ людей.

Въ каждомъ большомъ селеніи и въ нѣсколькихъ малыхъ, для разбора дѣлъ по шаріяту и исполненія духовныхъ требъ и службы

при главной мечети, избирается одинъ кадій изъ числа лицъ, извѣстныхъ своею ученостью, знаніемъ корана и хорошею нравственностъю. Кадіи эти пользуются опредѣленною платою за разборъ дѣлъ по шаріяту, за похороны и свадьбы. Освобождены отъ податей и повинностей и получаютъ опредѣленную часть изъ заката, сбираемаго на содержаніе мечетей и учениковъ.

VIII.

Кари—мѣра длины, равняющаяся $^1/_2$ ханскаго аршина; величина кари разнообразна, между 11 и 12 русскими вершками.

IX.

Картъ—слово кумыкское и значитъ «старикъ, почтенный». У аварцевъ карты называются—*чукби* и *адиль-заби*; послѣднее названіе арабское и значитъ *справедливые* (люди); употребляется преимущественно въ Антльратлѣ и Анцухѣ.

Въ Табасарани обязанности картовъ исполняютъ старшины селеній, называемые *кеуха* (слово персидское и по-русски обыкновенно переводится *староста*). Званіе это во многихъ селеніяхъ наслѣдственно. Въ Кюринскомъ и Самурскомъ округахъ карты называются *акъ-саккалъ* (слово тюркское и значитъ *бѣлая борода*).

X.

Куль—рабъ, *караваш*—рабыня; оба названія тюркскія (по аварски *лагъ*). Число рабовъ въ Дагестанѣ всегда было невелико: въ началѣ 1867 года ихъ было до 600 душъ. Въ настоящее время, вслѣдствіе мѣръ, принятыхъ начальствомъ области, большая часть рабовъ освобождена владѣльцами добровольно и безвозмездно; остальные освобождены на условіяхъ выкупа. Рабы не имѣли никакихъ правъ и хозяева смотрѣли на нихъ почти какъ на домашнюю скотину. Потомки освобожденнаго раба во многихъ мѣстахъ не пользуются вполнѣ правами людей свободныхъ; такъ напр. въ сел. *Корода* (Куядинскаго наибства Гунибскаго округа) каждую пятницу, послѣ молебствія въ мечети, чоуши обходятъ всѣхъ, предки которыхъ когда-либо были рабами, и говорятъ каждому: «*помни, что ты происходишь не отъ узденя.*» Освобожденный рабъ и его потомство не имѣютъ права рѣзать для пищи болѣе 3-хъ барановъ въ годъ на цѣлое семейство, хотя бы по состоянію своему и были богаче кровныхъ узденей. Въ сел. *Онсокули* (Унцукуль), въ случаѣ какого либо экстреннаго наряда, для

дачи подводы, разработки дороги и т. п., исполненіе его присуждается не въ очередь на семейства освобожденныхъ рабовъ.

Въ селеніи *Чохъ* освобожденные рабы и ихъ потомки, до 4-го колѣна, обязаны при раздѣлѣ общественныхъ пашенъ, бывающемъ чрезъ каждыя десять лѣтъ, давать по одному котлу изъ особаго сплава, называемаго охи, цѣною отъ 8—10 рубл.; одинъ изъ котловъ разбивается въ мелкіе куски, остальные продаются и на вырученную за нихъ сумму дѣлается угощеніе для членовъ сельскаго управленія. Кромѣ того разъ въ годъ, послѣ раздѣла покосовъ и пастбищныхъ мѣстъ, каждый освобожденный рабъ и его потомки, до 4-го колѣна, обязаны угостить всѣхъ узденей, живущихъ на одной съ ними улицѣ.

Въ сел. *Метлельта* (въ Гюнбетѣ) въ опредѣленный день, разъ въ годъ, освобожденные рабы должны выходить изъ дома на цѣлую ночь; въ ихъ отсутствіе приходятъ партіи молодыхъ людей и могутъ ѣсть и пить все, что найдутъ у нихъ въ домѣ и во дворѣ.

XI.

Локоть—мѣра длины у аварцевъ. Каждый мѣритъ на свой локоть, отъ конца средняго пальца до локтеваго сустава. У кого локоть малъ, тому дозволяется прибавить еще ширину ладони другой руки.

XII.

Магалъ—слово тюркское и соотвѣтствуетъ всего ближе нашему слову «волость». Магалы состоятъ изъ нѣсколькихъ селеній, имѣющихъ по историческимъ, этнографическимъ или топографическимъ причинамъ общіе интересы. Въ каждомъ магалѣ одно изъ селеній считается главнымъ и сельское начальство его управляетъ общими дѣлами всѣхъ остальныхъ селеній. Магалами называются также части (кварталы) большихъ селеній; въ каждомъ магалѣ есть своя мечеть—и въ этомъ смыслѣ слово магалъ можно перевести нашимъ «приходъ».

XIII.

Нуцалъ—древній титулъ владѣтелей Аваріи. Нуцалами назывались также и всѣ члены этой фамиліи. Дается иногда какъ имя собственное.

XIV.

Правители, поставленные аравитянами. Во время прибытія

аравитянъ въ Дагестанъ только въ Аварiи были наслѣдственные владѣтели, называвшiеся нуцалами; имъ подчинялась большая часть нынѣшняго Дагестана. Аварскiй полководецъ *Абу-Муселимъ* (Маслама), въ 733 году по Р. Хр., поставилъ слѣдующихъ правителей:

1) Въ Кайтагѣ *Эмиръ Хамзу*, происходившаго изъ рода Корейшитовъ; онъ основалъ въ бывшемъ кайтахскомъ селенiи Ургмудза крѣпость, названную *Кала-Корейшъ*, и принялъ тутулъ *Исмiй* (что значитъ по-арабски именитый), превратившiйся впослѣдствiи въ *Уцми*, *Уцмiй*. Званiе уцмiя уничтожено прокламацiею генерала Ермолова въ 1820 году.

2) Въ *Табасарани* правителемъ былъ назначенъ *Магометъ-Маасумъ* (безгрѣшный) и въ помощь къ нему для наставленiя народа въ вѣрѣ приданъ кадiй. Послѣдующiе правители сохранили титулъ Маасума или Майсума, а кадiи успѣли прiобрѣсть независимую отъ нихъ власть въ Сѣверной Табасарани и преемники ихъ всегда избирались изъ ихъ потомковъ по старшинству въ родѣ.

3) Въ *Казикумухъ* правителемъ поставленъ *Шахъ-Бааль*, отъ имени котораго, какъ полагаютъ, выработался титутулъ *шамхалъ*; ему былъ подчиненъ весь остальной сѣверный Дагестанъ, почему онъ пользовался званiемъ *Вали* (намѣстникъ). Впослѣдствiи званiемъ шамхала пользовались одновременно по нѣсколько человѣкъ, происходящихъ изъ этой фамилiи. Изъ Казикумуха послѣднiй шамхалъ Сурхай-Мирза въ 1640 году перешелъ въ Бойнакъ. До нашего времени званiе шамхала сохранилось только за бывшимъ владѣтелемъ тарковскимъ, возведеннымъ въ княжеское достоинство.

XV.

Рушпетъ—слово арабское и значитъ *взятка*. Въ Южномъ Дагестанѣ онъ называется *муштулучными деньгами*, а сыщикъ называется *муштулучи*; у кумыковъ сыщикъ назывался *айгакъ*.

XVI.

Саба—мѣра емкости; подобно остальнымъ дагестанскимъ мѣрамъ, она чрезвычайно различна; но вообще на плоскости болѣе, чѣмъ въ горахъ; только въ немногихъ селенiяхъ саба превышаетъ русскiй четверикъ; дѣлится на части, называемыя *са* или *сахъ*, которыхъ въ сабѣ считается отъ 3 до 8; *са* часто отмѣривается пригоршнею.

XVII.

Сельское управленіе въ Дагестанѣ состоитъ изъ слѣдующихъ лицъ: 1) *Кадій;* 2) *Будунъ*,—такъ называется помощникъ кадія; на его обязанности лежитъ чтеніе корана въ мечети, кричаніе призывовъ на молитву, наблюденіе за порядкомъ въ мечети и сохраненіе въ цѣлости имущества, ей принадлежащаго. Кадій и будунъ полагаются только при главной мечети селенія или нѣсколькихъ маленькихъ селеній; въ остальныхъ мечетяхъ службу отправляютъ муллы, выбираемые изъ людей ученыхъ и желающихъ занять это мѣсто. Они не имѣютъ права рѣшать дѣла ни по шаріяту, ни по маслагату; а обязаны только призывать на молитву, въ установленное время, и исполняютъ службу. Муллы и будуны получаютъ содержаніе отъ общества, изъ заката, или же пользуются частью доходовъ съ имущества, завѣщаннаго въ пользу мечетей. 3) *Карты*. Число ихъ зависитъ отъ величины селенія; ихъ бываетъ отъ 1—6 человѣкъ. Въ малыхъ селеніяхъ карты не избираются, а жители ихъ для разбора обращаются къ картамъ ближайшихъ большихъ селеній. 4) *Торгахи* или *тургаки*—отъ кумыкскихъ словъ *туръ*—вставай и *гакъ*—бей (слегка), назначаются по очередному наряду отъ 1-го до 12 человѣкъ, по величинѣ селенія. Обязанность ихъ чисто полицейская и состоитъ въ исполненіи приказаній кадія и картовъ, наблюденіи за порядкомъ и тишиною, за общественными землями, за посѣвами и т. п. Тургаки называются различно: такъ, у аварскихъ племенъ они называются—*емъ*; въ Даргинскомъ округѣ: въ Акушѣ—*баруманъ*, въ Мухѣ—*кувесла*, въ Микахѣ—*ибахуръ*, въ Сиргѣ—*чиля*, въ Усишѣ *кургула*, въ Хюраки—*куала* и въ Цудахарѣ—*урчеми*. Содержанія никакого не получаютъ, но освобождаются отъ повинностей и въ нѣкоторыхъ случаяхъ, при разборѣ дѣлъ по адату, собственно въ ихъ пользу взыскиваются незначительные штрафы. 5) *Чоуши* (въ Даргинскомъ округѣ—*мангуши*) назначаются отъ 1 до 4 человѣкъ, на время отъ одного мѣсяца до года, изъ лицъ, желающихъ занять эту должность, съ согласія кадія и картовъ. Обязанности состоятъ въ объявленіи крикомъ всѣхъ приказаній кадія, картовъ и старшины и въ приведеніи въ исполненіе нѣкоторыхъ ихъ распоряженій; въ объявленіи очерели наряда и т. п. Въ каждомъ селеніи получаютъ различное вознагражденіе.

Кромѣ этихъ лицъ, избираемыхъ народомъ, для полицейскаго

надзора и исполненія распоряженій начальства, во многихъ селеніяхъ есть *старшины*, назначеніе которыхъ дѣлается начальникомъ округа.

XVII.

Тохумъ—родъ, родня. Необходимость личной защиты заставляла всякаго искать поддержки своихъ кровныхъ родныхъ; слѣдствіемъ этого явился тѣсный родственный союзъ, принявшій названіе *тохума*. Чѣмъ сильнѣе тохумъ, тѣмъ большимъ уваженіемъ и безопасностью пользуются принадлежащіе къ нему члены. Никто не имѣетъ права отдѣлиться отъ своего тохума безъ особо-уважительныхъ причинъ, и весь тохумъ наблюдаетъ за поведеніемъ принадлежащихъ къ нему членовъ, потому что, въ случаѣ сдѣланнаго кѣмъ либо изъ нихъ преступленія, во многихъ случаяхъ всѣ ближайшіе родственники виновнаго подвергаются взысканію. Каждый тохумъ имѣетъ свое названіе или фамилію, большею частію по имени основателя, и многіе тохумы издавна пользуются нѣкоторыми особыми правами и привиллегіями, на сохраненіе которыхъ за собою на всегда—прилагаютъ особое стараніе; особенно - сильные тохумы, по числу членовъ, или по уму и богатству представителей ихъ, всегда имѣли сильное значеніе и вліяніе на дѣла не только своихъ селеній, но даже цѣлыхъ обществъ и владѣній.

XIX.

Чанка. Такъ называются дѣти отъ неровныхъ браковъ владѣтелей и *бековъ*. Права чанковъ не опредѣлены положительно; большею частью они пользуются значеніемъ, которое придаютъ имъ ихъ отцы, и тѣ изъ нихъ, которые произошли отъ матерей непростолюдинокъ, именуются тоже *беками*. Дѣти же чанковъ, происходящія отъ женъ изъ простаго сословія, не имѣютъ права на званіе бека и хотя называются чанками, но въ правахъ ни чѣмъ не отличаются отъ обыкновенныхъ узденей.

III.

Постановленія Кайтахскаго Уцмія Рустемъ-Хана, написанныя въ XII вѣкѣ по Р. Х. и отданныя на храненіе кадію магала Гапшь.

(Переводъ съ арабскаго).

Чтецу *) этихъ постановленій—кусокъ шелковой матеріи (или три рубля) съ того **), въ чью пользу будетъ рѣшено дѣло.

Бекъ долженъ давать чтецу лошадь.

Не читать для того, кто не имѣетъ отъ бека бумаги съ приложеніемъ его печати.

Если же кадій прочитаетъ для того, у кого нѣтъ письменнаго позволенія отъ бека, то съ него, съ кадія, взыскивать одну лошадь въ пользу бека.

Кто будетъ беречь ротъ свой, того и голова будетъ спасена ***).

Кто убъетъ вора въ своемъ домѣ, или въ стадѣ, того оставлять безнаказаннымъ.

Съ того, кто убьетъ убившаго вора, двѣ пени ****) и два канлы (кровныхъ врага.)

---

*) Кадію, у котораго будутъ храниться эти постановленія.

**) Оцѣнка штрафовъ на рубли добавлена въ послѣдствіи, при перепискѣ подлиннаго сборника адатовъ.

***) Этимъ изреченіемъ начинается каждая глава постановленій.

****) Въ настоящее время въ Кайтахѣ количество пени за убитаго равняется тремъ рублямъ шестидесяти копѣйкамъ; пеня эта называется шаріятъ-ахча и соотвѣтствуетъ кумыкскому алымъ.

Тому, кто поймаетъ вора; тысяча кари *) хабцалдику **), и сто кари беку съ пойманнаго вора.

Съ того, кто поймаетъ вора и отпуститъ его, брать штрафъ сто кари хабцалдику въ пользу общества.

Штрафъ за прелюбодѣяніе брать въ такомъ же количествѣ, какъ и за воровство.

За взятую въ безлюдномъ мѣстѣ барамту ***), за ограбленное или отнятое въ ссорѣ, виновный долженъ платить обиженному въ десять разъ болѣе противу имъ взятаго.

Если же при этомъ произойдетъ убійство, то, кромѣ того, съ виновнаго семь пеней и семь канлы.

Того, кто убьетъ грабителя, оставлять безнаказаннымъ.

Съ того, кто убьетъ убившаго грабителя — двѣ пени и два канлы.

Кто убьетъ кого либо и возьметъ съ убитаго какую нибудь вещь, или послѣ того на убитомъ не окажется чего либо, съ того брать десятерную цѣну взятаго имъ съ убитаго, или пропавшаго и, кромѣ того, семь пеней и семь канлы.

Если же станетъ отпираться въ томъ, что онъ съ убитаго имъ ничего не бралъ, то ближайшій родственникъ убитаго съ семью тусевами (заприсягателями) долженъ принять присягу въ томъ, что неоказавшаяся на убитомъ вещь или взята имъ, или онъ, убійца, былъ причиною ея пропажи.

---

*) Кари — мѣра длины, равняющаяся половинѣ ханскаго аршина или 11,42 русскихъ вершковъ.

**) Грубая матерія, пеньковая, которая приготовляется въ Кайтахѣ и сѣверной Табасарани.

***) *Барамтой* (или *ишкалемъ*) называлось право истца, потерявшаго надежду на миролюбивое удовлетвореніе со стороны отвѣтчика, нападать на его родственника или односельца и силою отнимать у него какую нибудь вещь, которую не возвращать до тѣхъ поръ, пока отвѣтчикъ, понуждаемый въ такомъ случаѣ родственникомъ своимъ или односельцемъ, не удовлетворитъ сполна истца. По удовлетвореніи же отвѣтчикомъ истца, взятая послѣднимъ отъ кого либо въ барамту вещь возвращалась по принадлежности.

Барамта обыкновенно бралась у зажиточнаго и вліятельнаго родственника или односельца отвѣтчика, чтобы имѣть большее ручательство въ понужденіи отвѣтчика удовлетворить истца.

Обычай этотъ, служившій поводомъ къ безпрерывнымъ грабежамъ и разбоямъ, по мѣрѣ устройства общества ослабѣвалъ и въ настоящее время совершенно искоренился.

За убійство съ грабежемъ женщины — четырнадцать пеней и четырнадцать канлы.

За убійство съ грабежемъ семь пеней и семь канлы.

Въ случаѣ убійства кого либо въ дракѣ, произшедшей между многими лицами, если не будетъ отысканъ виновный, то родственники убитаго могутъ считать кровнымъ врагомъ, кого пожелаютъ изъ числа бывшихъ въ дракѣ.

Если кто либо умретъ отъ ранъ, нанесенныхъ нѣсколькими лицами, то двоихъ изъ нихъ считать кровными врагами и, по умерщвленіи одного, съ другаго брать шестьдесятъ рублей.

Съ канлы, который не выѣдетъ изъ селенія, въ которомъ будетъ находиться искатель его крови, взыскивать въ пользу общества сто кари хабцалдику.

Съ того, кто поведетъ канлы на разбирательство по какому нибудь дѣлу къ кадію или обществу, взыскивать сто кари хабцалдику.

Канлы не долженъ самъ ходить на разбирательство, а посылать отъ себя довѣренное лицо.

Кайтахцы должны разбираться по этимъ постановленіямъ.

Кто не выѣдетъ на тревогу, съ того брать сто кари хабцалдику.

Съ того, кто возвратится прежде выѣхавшихъ на тревогу—сто кари хабцалдику.

Кто дастъ знать ищущему крови о томъ, гдѣ послѣдній можетъ подстеречь своего канлы, съ того брать сто кари хабцалдику.

По чьимъ доносамъ будетъ убитъ канлы, того вмѣстѣ съ семействомъ считать кровными врагами.

Если родственники убитаго канлы убьютъ подобнаго доносчика, то кровь послѣдняго считать безвозмездною.

Обвиненный въ воровствѣ долженъ заплатить десятерную цѣну уворованнаго.

Подозрѣваемый въ воровствѣ долженъ очистить себя присягою вмѣстѣ съ семью тусевами.

За приближеніе къ воротамъ чьего-либо дома съ злымъ намѣреніемъ, съ каждаго виновнаго взыскивать по сто кари хабцалдику.

Убійство нападающаго на домъ считать безвозмезднымъ.

Съ того, кто прикоснется къ женщинѣ съ прелюбодѣйною цѣлью, взыскивать по тысячѣ кари хабцалдику.

Если женщина съ крикомъ прибѣжитъ домой и покажетъ, что кто либо коснулся ея съ прелюбодѣйною цѣлью, и обвиняемый будетъ найденъ на мѣстѣ, указанномъ женщиною, тогда принимать показаніе ея.

Если-же женщина не закричитъ, когда коснется ея мужчина, а предъявитъ о томъ послѣ того, какъ придетъ домой, тогда жалобы ея не принимать.

Кто будетъ беречь ротъ свой, того и голова будетъ спасена.

Если кто либо покажетъ, что такой-то ударилъ его, или бросилъ въ него камень, или стрѣлу изъ лука, и слова свои подтвердитъ присягою вмѣстѣ съ семью родственниками, то показаніе его считать справедливымъ.

Съ врагомъ слѣдуетъ мириться, или получивъ отъ него что нибудь, или когда врагъ позоветъ къ себѣ и угоститъ, или по просьбѣ постороннихъ лицъ.

Если рабъ прикоснется къ женѣ узденя съ прелюбодѣйною цѣлью, то его убивать.

Если бекъ прикоснется къ женѣ узденя, то долженъ дать штрафъ (сто рублей) въ пользу всего общества.

Если кто либо увезетъ женщину и увезенная согласится быть женою увезшаго, то таковыхъ сочетать бракомъ.

Когда же увезенная не пожелаетъ вступить съ увезшимъ ее въ бракъ, то ее возвратить родственникамъ.

Если увезшій женщину будетъ насильно удерживать ее, то убійство его считать безвозмезднымъ.

Когда хозяинъ сгорѣвшаго, узнавъ, кѣмъ именно былъ сдѣланъ поджогъ, укажетъ на другаго и будетъ требовать отъ него очистительной присяги, то съ такого хозяина брать сто кари хабцалдику въ общественную пользу.

Кто согласится выдать дочь свою или родственницу за кого либо въ замужество и послѣ того откажется, тотъ долженъ уплатить жениху за всѣ издержки его по сватовству въ десятерѣ.

Если кто либо сознается въ нанесеніи кому-нибудь смертельной раны, того сознаніе принимать.

Если же родственники умершаго отъ раны, послѣ сознанія кого-

либо въ нанесеніи оной, потребуютъ отъ другаго очистительной присяги, то и съ того, кто пойдетъ принимать присягу, брать по сту кари хабцалдику.

Если кто нибудь понесетъ отъ кого-либо вредъ или будетъ убитъ кѣмъ нибудь по наущенію и подстрекательствамъ другаго, то за все это долженъ отвѣчать подстрекатель и, въ случаѣ убійства, быть кровнымъ врагомъ.

Если въ дракѣ будетъ убито нѣсколько лицъ, то послѣ умершій долженъ быть кровнымъ врагомъ прежде умершаго.

Кто будетъ беречь ротъ свой, того и голова будетъ спасена.

Съ того, кто не позволитъ внутри селенія взять барамту, брать штрафъ сто кари хабцалдику.

Кто возьметъ барамту изъ стада—сто кари хабцалдику.

Обязавшійся въ чемъ-либо неминуемо долженъ исполнить свое обязательство.

Если прибудетъ откуда нибудь канлы, то принимать его, но не высылать.

Если же канлы пожелаетъ уѣхать, то вмѣстѣ съ нимъ никому не ѣздить.

Если будетъ убитъ ѣдущій вмѣстѣ съ канлы, то кровь его считать безвозмездною.

Съ того, кто начнетъ спорить съ чоушемъ, брать сто кари хабцалдику.

Слѣдующихъ словъ жителямъ другаго общества не передавать:

Если канлы изъ другаго общества пріѣдетъ, то его принимать.

Кто пріѣдетъ и пожелаетъ остаться въ нашемъ обществѣ на жительство, того принимать.

У кадія, чоуша, нарочнаго, старика и ученика барамты не брать.

Если же кто возьметъ барамту у упомянутыхъ лицъ, съ того брать пеню (3 рубля 60 коп.).

Если нѣсколько лицъ, сговорившись, пожелаютъ отдѣлиться отъ общества, то съ такихъ брать тысячу кари хабцалдику.

Кто будетъ беречь ротъ свой, того и голова будетъ спасена.

Кто во время мѣсяца Рамазана не будетъ соблюдать поста, или оставитъ молитву, съ того тысячу кари хабцалдику.

Съ того, кто украдетъ что-либо изъ мечети, взыскивать за уворованное въ десятеро и домъ его разрушать.

Подозрѣваемый въ воровствѣ чего-либо изъ мечети долженъ очистить себя присягою вмѣстѣ съ сорока родственниками.

Подозрѣваемому въ поджогѣ дома, складовъ хлѣба или другаго чего-нибудь, очистительную присягу давать съ сорока его родственниками.

Если подозрѣваемый не исполнитъ присяги надлежащимъ образомъ, то за все сгорѣвшее онъ долженъ заплатить въ десятеро.

Если кто-либо взятую имъ на время у кого нибудь вещь скроетъ и не будетъ возвращать, то хозяинъ оной долженъ подтвердить показаніе свое присягою, послѣ которой обвиняемый обязанъ уплатить за взятую вещь или возвратить ее и, кромѣ того, взыскивать съ него въ пользу общества сто кари хабцалдику.

Если кто либо, выѣхавъ по своимъ дѣламъ изъ селенія, при нападеніи на него грабителей или желающихъ взять съ него барамту, по неосторожности ранитъ или убьетъ другаго, находящагося въ сторонѣ, или нанесетъ вредъ чьему либо имуществу бекскому, узденскому или крестьянскому, или же самъ понесетъ такимъ образомъ вредъ отъ другаго, то за все это должно отвѣчать общество селенія, хотя бы пришлось платить въ семь разъ болѣе (это тогда, когда на убитомъ не окажется какой либо вещи).

Если кто либо убьетъ кого нибудь и скроетъ убитаго, съ того триста кари хабцалдику, семь пеней и семь канлы.

Кто по неудовольствію на рѣшеніе дѣла по этимъ постановленіямъ убьетъ кого либо, съ того двѣ пени и два кровныхъ врага.

За убійство женщины брать тысячу кари хабцалдику.

Подозрѣваемый въ воровствѣ долженъ принимать очистительную присягу вмѣстѣ съ родственниками жены его. *)

За убійство кѣмъ либо бекскаго раба взыскивать съ каждаго дома всего общества по одной парѣ обуви и по мѣшку саману. **)

---

*) Въ настояще время этому постановленію не придерживаются.

**) Мелкая солома.

За убійство еврея, виновный долженъ наполнить кожу убитаго серебромъ и дать беку.

Если кто либо предъявитъ жалобу, что чей нибудь кунакъ причинилъ ему вредъ въ домѣ или въ полѣ, а хозяинъ, принимавшій кунака, отвергнетъ такое предъявленіе, то онъ, хозяинъ, долженъ подтвердить отрицаніе свое присягою вмѣстѣ съ родственниками и, въ случаѣ неисполненія присяги, уплатить за весь показанный вредъ.

Съ того, кто не согласится принять очистительной присяги, брать штрафъ сто кари хабцалдику.

Кто откажется дать присягу имъ подозрѣваемому, или безъ причины откажется присягнуть за другаго, того скотъ не принимать въ общественное стадо и всѣмъ прекратить съ нимъ всякое знакомство; съ того же, кто приметъ скотъ его въ свое стадо, или позоветъ къ себѣ въ гости, брать полтораста кари хабцалдику.

Кто не постарается примирить ссорящихся, а напротивъ, самъ приметъ чью-нибудь сторону, съ того взыскивать штрафъ сто кари хабцалдику.

Кто же приметъ чью либо сторону послѣ пораненія, съ того брать полтораста кари хабцалдику.

Добраго человѣка не обвинять, если дурной не пожелаетъ принять за него очистительной присяги.

Дурнаго-же обвинять, если добрый откажется принять за него очистительную присягу.

Брать барамту съ тѣхъ, которые не отдѣлились отъ тохума *) отвѣтчика.

Если отдѣлившійся **) отъ родственника будетъ требовать, въ случаѣ убійства его другимъ, пени или искать кровнаго врага, то съ него брать двѣ пени и два каплы.

Кто беретъ барамту съ жителей нашего общества, съ тѣхъ и намъ брать.

---

*) Родъ, племя.

**) Когда кто нибудь пожелаетъ отдѣлиться отъ своего родственника вслѣдствіе его дурнаго поведенія и откажется отвѣчать за всѣ его противозаконные поступки, то объ этомъ объявляетъ сначала родственнику, потомъ обществу, а за тѣмъ предъявляетъ свое желаніе уцмію, отъ котораго беретъ письменное разрѣшеніе и съ нимъ отправляется въ селеніе Кала-Корейшъ, гдѣ оно прочитывается въ мечети.

Отдѣлившійся долженъ пожертвовать на мечеть войлокъ и вбить гвоздь въ столбъ мечети. Этимъ и оканчивается обрядъ отдѣленія.

Кто въ домѣ своемъ или на пашнѣ убьетъ кого либо безъ всякой причины, съ того семь пеней и семь канлы.

Кто убьетъ идущаго принять присягу или на судъ, съ того двѣ пени и два канлы.

Кто, оставивъ сознавшагося въ убійствѣ, будетъ положенное за убійство искать на другомъ, съ того брать штрафъ — тысячу кари хабцалдику.

Если кто-либо замѣтитъ своего родственника въ дурныхъ поступкахъ, то родственники должны убить его; въ противномъ же случаѣ обязаны отвѣчать за всѣ противозаконные его поступки.

Дурному человѣку не оказывать помощи; кто же окажетъ дурному человѣку помощь, съ того брать штрафъ тысячу кари хабцалдику.

Кто будетъ беречь ротъ свой, того и голова будетъ спасена.

Этими постановленіями долженъ руководствоваться бекъ и все кайтахское общество.

Прелюбодѣяніе раба съ бике *) оставлять безнаказаннымъ.

Кто не выѣдетъ на тревогу вмѣстѣ съ обществомъ, съ того брать штрафъ—сто кари хабцалдику.

Если бекъ выѣдетъ на тревогу, то должны всѣ ѣхать; съ невыѣхавшаго же на тревогу вмѣстѣ съ бекомъ—тысячу кари хабцалдику.

Бекъ долженъ всякій годъ собирать судъ, въ противномъ же случаѣ его смѣнять.

Съ неявившихся по призыву бека на судъ брать по сту кари хабцалдику.

Въ государствѣ—безъ правителя, въ обществѣ—безъ суда, въ стадѣ — безъ пастуха, въ войскѣ безъ разумнаго, въ селѣ безъ головы,—добра не будетъ.

Кто имѣетъ умъ, тотъ пусть поразмыслитъ объ этомъ.

Если бекъ будетъ притѣснять какое-либо селеніе, то остальныя селенія должны вступиться за него и остановить бека.

Всѣ должны говорить единогласно; кто же будетъ противорѣчить обществу, того домъ разрушать, а самого изгонять.

Бекъ долженъ наказать поступающихъ противозаконно. Въ противномъ же случаѣ бека удалять.

*) Дочь бека отъ ровнаго брака.

Бекъ долженъ ежегодно собирать умныхъ людей и по этимъ постановленіямъ разбирать тяжущихся и не оставлять безъ наказанія ни вора, ни грабителя.

Никто не долженъ завѣщать имѣніе свое въ пользу бека или чанки. Кто сдѣлаетъ такое завѣщаніе, того вмѣстѣ съ семействомъ изгонять изъ селенія. А кто будетъ упрашивать и совѣтывать, чтобы такого завѣщателя оставить, того домъ разрушать.

Если бекъ или чанка пріѣдетъ въ какое-нибудь селеніе, то никто безъ позыва не долженъ приходить къ нему. Если-же кто пойдетъ къ беку, будучи не позванъ имъ, съ того брать сто кари хабцалдику.

Кто будетъ беречь ротъ свой, того и голова будетъ спасена.

Бекъ не долженъ предпринимать походъ, предварительно не посовѣтовавшись о томъ съ благоразумными. Въ противномъ случаѣ брать съ него штрафъ (триста руб.) въ пользу общества.

Если походъ будетъ предпринятъ бекомъ послѣ обсужденія о томъ съ благоразумными, то съ того, кто не выѣдетъ въ такой походъ, брать сто кари хабцалдику.

Бекъ, рабъ, чанка, уздень должны руководствоваться этими постановленіями.

Если какое-либо селеніе, принадлежащее кайтахскому обществу, отдѣлится, *) то съ него брать триста рублей.

Если же одинъ кто либо отдѣлится отъ общества, то съ него брать сто рублей.

Кто откажется поступать по этимъ постановленіямъ, того изгонять изъ общества.

Кто будетъ беречь ротъ свой, того и голова будетъ спасена.

Смотри, бекъ, говори правду: мужъ правды прославляется и власть его остается на вѣки. Земля не съѣдаетъ тѣла того, кого Богъ благословитъ прославить ее.

Смотрите, кайтахцы, принимайте правду: правдивое государство прославляется и никогда ни въ чемъ не раскаивается.

Кто будетъ беречь ротъ свой, того и голова будетъ спасена.

---

*) Т. е. будетъ противорѣчить обществу, не соглашаться въ чемъ либо съ нимъ.

ЭТНОГРАФИЧЕСКІЕ ОЧЕРКИ

АРГУНСКАГО ОКРУГА.

Статья А. П. Ипполитова.

СОДЕРЖАНІЕ.

I.

Аргунскій округъ.—Его величина; число жителей.—Племена, его населяющія; вѣра, языкъ. — Внутреннее подраздѣленіе ихъ.—Религіозные обряды.

Аргунскій округъ, въ его настоящемъ административномъ видѣ, граничитъ къ сѣверу съ Чечнею и Галгаевскими обществами, къ югу—съ Ичкеріей и Андіей, къ востоку—съ Чечнею, западной же своей стороной онъ соприкасается съ Тушетіей и обществомъ Малхистинскимъ.

Величина Аргунскаго округа до сихъ поръ еще не опредѣлена, но, по занимаемой имъ территоріи, это одинъ изъ большихъ военно-народныхъ округовъ Терской области. Число жителей его, по послѣдней камеральной вѣдомости, составленной въ 1866 году, доходитъ до 25 тысячъ душъ обоего пола. Все народонаселеніе этого округа, распредѣленное на 200 ауловъ, происхожденія чеченскаго и говоритъ однимъ языкомъ съ населеніемъ Чечни. Общество же Чаберлой хотя и говоритъ тѣмъ же языкомъ, но видно, что языкъ этотъ не родной его языкъ, а только усвоенный имъ, вслѣдствіе частыхъ сношеній и родственныхъ связей, отъ другихъ отраслей чеченскаго племени.

У чаберлоевцевъ есть повѣрье, что они происхожденія русскаго; объ этомъ они говорятъ неохотно и даже скрываютъ преданіе, приписывающее имъ славянское происхожденіе; но во всякомъ случаѣ несомнѣнно то, что общество это, по происхожденію, совер-

шенно отлично отъ другихъ племенъ, населяющихъ Аргунскій округъ, чему доказательствомъ служатъ характеръ, черты лица чаберлоевцевъ и наконецъ чеченскій языкъ, на которомъ они говорятъ какъ иноземцы.

Не вдаваясь далѣе въ историческія изысканія о степени достовѣрности упомянутаго преданія чаберлоевцевъ о ихъ русскомъ происхожденіи, можно однако же принять его какъ болѣе или менѣе правдоподобную гипотезу, особенно если мы припомнимъ, что, начиная со временъ удѣльной системы въ древней Россіи, Кавказъ всегда служилъ приманкою не только для русской вольницы и авантюристовъ, жившихъ на окраинахъ государства, но и цѣлыя дружины, отправляясь въ этотъ край, не возвращались болѣе назадъ. Это фактъ, подтверждаемый исторіей.

Какъ бы то ни было, но мнѣ кажется, что въ Чаберлоѣ, въ нѣкоторыхъ фамиліяхъ, и теперь можно отличить еще славянскій типъ, не смотря на то, что племя это выродилось, перемѣшалось съ андійцами, чеченцами и т. д.

Остальныя племена, населяющія Аргунскій округъ, считаются нами всѣ происхожденія одинаковаго, т. е. чеченскаго, потому вѣроятно, что они говорятъ однимъ и тѣмъ же языкомъ съ Чечнею. Что большая часть племенъ Аргунскаго округа и племена, населяющія Чечню, одни и тѣ же—это безспорно, но совершенно ошибочно мнѣніе, приписывающее всему народу чеченскому и племенамъ этимъ единство, общность происхожденія, между тѣмъ какъ каждое племя (тайпа), на самомъ дѣлѣ, считаетъ себя происхожденія по большей части различнаго. Такъ напримѣръ, фамилія Зумсой считаетъ себя происхожденія грузинскаго, Келой — тушинскаго, Ахшипатой—фиренгескаго, т. е. европейскаго; родоначальники фамиліи Варандинской—выходцы изъ Хевсуретіи. Многія фамиліи считаютъ себя происхожденія греческаго и т. д. Изъ всего этого ясно видно, что чеченскому народу общности происхожденія—какъ мы это дѣлаемъ—приписывать нельзя ни какимъ образомъ, и что звѣнья, связывающія всѣ тѣ племена или фамиліи (тайпа), изъ которыхъ онъ состоитъ, это—вѣра, языкъ, одинаковая историческая судьба и совершенно одинаковые интересы и убѣжденія.

Каждая фамилія въ свою очередь подраздѣляется на нѣсколько отдѣльныхъ колѣнъ или родовъ (гаръ).

Сословныхъ кастъ здѣсь нѣтъ вовсе, хотя нѣкоторыя фамиліи и считаются происхожденія высшаго, нежели другія; такъ напримѣръ, фамилія Ахшипатой, вышедшая прежде другихъ на плоскость Чечни и взыскивавшая когда-то подать за эту землю, признается за аристократическую.

Господствующая и, надо прибавить, единственная вѣра здѣсь— мусульманская, сунитской секты. Христіанами чеченцы никогда не были. Между тѣмъ нельзя того же сказать про нѣкоторыя племена Аргунскаго округа, сосѣднія съ галгаевцами, какъ напримѣръ общество акинское.

Галгаевцы были христіанами еще въ очень недавнее время, точно также какъ и кабардинцы, у которыхъ, если вѣрить словамъ генуэзца Интеріано *), посѣщавшаго этотъ край, еще въ половинѣ XVI столѣтія были греческіе священники. Водворилось же тамъ христіанство далеко ранѣе этого времени, такъ что уже въ XI и XII столѣтіяхъ оно существовало въ Кабардѣ, поддерживаемое усиліями русскихъ князей, царившихъ въ Тмутаракани. При Іоаннѣ Васильевичѣ Грозномъ, послѣ покоренія имъ царства Астраханскаго, т. е. въ 1555 году, христіанская вѣра уже исключительно господствовала въ Кабардѣ, и только уже въ концѣ этого столѣтія, стараніями крымскихъ хановъ, а потомъ турокъ, кабардинцы стали мало по малу обращаться къ исламизму. Обращеніе это совершалось тѣмъ легче, что лучшія княжескія фамиліи не переставали исповѣдывать ученіе исламизма, вынесенное предками ихъ изъ Египта.

Вслѣдствіе всего этого галгаевцы, тогда еще идолопоклонники, необходимо должны были подчиняться вліянію кабардинцевъ и ближайшихъ своихъ сосѣдей, осетинъ, въ то время тоже христіанъ, и принять вѣру, которую исповѣдывали эти два народа. Грузія также въ свою очередь не могла сильно не вліять въ этомъ случаѣ на галгаевцевъ, тѣмъ болѣе, что, начиная съ Тамары,

---

*) Dubois de M. Péreux. L. 1. p. 91.

подчинившей владычеству своему большую часть горскихъ племенъ, цари грузинскіе всѣми силами старались распространять между ними христіанство. Надо полагать, что христіанская вѣра въ галгаевскомъ и кистинскомъ обществахъ глубоко въ то время пустила корни свои: лучшимъ доказательствомъ этому служатъ древніе храмы, находящіеся въ ихъ обществахъ и изъ которыхъ нѣкоторые по архитектурѣ своей вполнѣ заслуживаютъ вниманія. Христіанство между этими племенами впослѣдствіи исчезло, но вѣрованія, а иногда и обряды этой религіи, хотя и безсознательно, до сихъ поръ еще чтутся: христіанскія-ли это вѣрованія—народъ сказать не можетъ; онъ даже убѣжденъ въ противномъ, но тѣмъ не менѣе ихъ чтитъ преемственно, по преданію. И это, болѣе нежели существованіе самихъ храмовъ, доказываетъ, какъ нѣкогда сильна была христіанская вѣра въ этомъ народѣ.

Акинское общество, близкое къ обществу галгаевскому и кистинамъ какъ по географическому своему положенію, такъ равно и по единству происхожденія, также было нѣкогда, вѣроятно, обществомъ христіанскимъ, хотя вѣрованія этой религіи въ настоящее время едва-ли уже можно отыскать у акинцевъ. Это и понятно: акинское общество замирено только въ 1858 году, а потому гнетъ мусульманскихъ имамовъ и въ особенности верховная цензура Шамиля, провѣрявшаго не только поступки, но и самый образъ мыслей и слѣдившаго за чистотою исламизма такъ строго, что всякое проявленіе идеи, противной его догматамъ, наказывалось безпощадно смертью — все это не могло не отразиться на акинцахъ и не стереть у нихъ всякіе слѣды христіанскихъ вѣрованій и памятниковъ.

Религіозные обряды здѣшнихъ горцевъ общи, слѣдовательно, съ обрядами другихъ мусульманъ. Здѣсь нельзя встрѣтить того, что существуетъ у тѣхъ племенъ горскихъ, у которыхъ мусульманство водворилось недавно, такъ что у нихъ сквозь вѣрованія исламизма проглядываютъ еще идеи языческія. У тѣхъ религіозные обряды получаютъ часто свой особый отпечатокъ. Такъ напримѣръ, у нѣкоторыхъ племенъ закубанскихъ, при похоронномъ обрядѣ, древніе языческіе обычаи и правила, предписываемыя кораномъ,

совершенно смѣшиваются и элементъ языческій даже преобладаетъ надъ этими послѣдними. У чеченцевъ подобныхъ обычаевъ при исполненіи религіозныхъ обрядовъ встрѣтить нельзя; воспитанные въ школѣ муллы Магомета, Кази-муллы и Шамиля, они вынесли изъ нея, если не чистоту самаго ученія и его духъ, то, по крайней мѣрѣ, строгое слѣдованіе ея наружнымъ обрядамъ.

Если же и при ихъ обрядахъ встрѣчаются иногда различныя обыкновенія, не строго, по видимому, согласныя съ предписаніемъ религіи, то на самомъ дѣлѣ они духу этой религіи не противорѣчатъ, а основаніемъ своимъ имѣютъ народный обычай. Правда, что, разбирая внимательно обычаи чеченцевъ, и въ нихъ можно также найти идеи языческія, но подобныя же идеи встрѣчаются въ религіи и обычаяхъ каждаго народа, даже и христіанъ; стоитъ только припомнить свадебные обряды нѣкоторыхъ мѣстностей Россіи, не говоря уже про различные обычаи чисто-языческіе, какъ напримѣръ—завиванье вѣнковъ, ночь Иванова дня, масляницу и проч., распространенные у насъ повсемѣстно.

У горцевъ, какъ и вообще у всѣхъ мусульманъ, обряды брачный и похоронный—главные, а потому постараюсь подробно описать ихъ.

У нихъ, точно также какъ у европейцевъ, браки заключаются или по страсти или по расчету. Но какъ дѣвушка, за весьма рѣдкимъ исключеніемъ, приданаго за собою не приноситъ никакого, то обыкновенно стараются выбрать себѣ невѣсту изъ сильной фамиліи или сильнаго и почетнаго семейства: это обстоятельство при выборѣ невѣсты стоитъ всегда на первомъ планѣ; красота и качества ея—дѣло уже второстепенное. Задумавши сватовство и получивши на это согласіе родственниковъ невѣсты, женихъ дѣлаетъ уже предложеніе формальное: выбираются два или три почетныхъ человѣка, обыкновенно родственники жениха, и ѣдутъ къ отцу дѣвушки. Если онъ согласенъ—ему отдаютъ калымъ или часть калыма *), и дѣло считается оконченнымъ. Взять

*) На мусульманскіе калымы европейцы вообще смотрятъ чрезвычайно ошибочно. Ихъ обыкновенно считаютъ платою, даваемою женихомъ отцу или родственникамъ дѣвушки за свою невѣсту, какъ за какую-нибудь вещь.

назадъ свое слово—женихъ имѣетъ право; но ни невѣста, ни ея родственники, по полученіи калыма, не имѣютъ уже права отказаться отъ своего обѣщанія, не нанося этимъ обиды жениху. Если же дѣвушка, засватанная за одного, выйдетъ замужъ за другаго, то это необходимо навлекаетъ месть на ея родственниковъ и такое происшествіе рѣдко не оканчивается кровью.

Засватавши дѣвушку, женихъ дѣлаетъ подарки ея отцу, дѣду или дядѣ—кому-либо изъ главныхъ и ближайшихъ ея родственниковъ; дарится обыкновенно оружіе, лошадь, кусокъ шелковой матеріи и проч. Время свадьбы зависитъ отъ согласія обѣихъ сторонъ и можетъ быть отложено на срокъ неопредѣленный. Во все это время женихъ имѣетъ право свою невѣсту посѣщать, ста-

---

Между тѣмъ это мнѣніе не вѣрно. Калымъ есть ничто болѣе какъ *приданое*, даваемое невѣстѣ самимъ же женихомъ; онъ составляетъ обезпеченіе всей ея будущей жизни и есть исключительно ея собственность.

Цифра калыма различна и зависитъ отъ большей или меньшей степени богатства народа, равно какъ и отъ общественнаго положенія дѣвушки. Между тѣми племенами горцевъ, гдѣ есть сословныя различія, калымы въ прежнее время были значительны. У кабардинцевъ, напримѣръ, даже въ послѣднее время они доходили до 1500 руб. сер. за дочь князя; за дочь узденя отъ 1000 до 400 руб. Изъ числа этой суммы половина отдается тотчасъ же, а другая половина остается обыкновенно за мужемъ. Въ случаѣ, если бы мужъ далъ разводъ своей женѣ или умеръ, она сполна весь калымъ (някяхъ) и получаетъ. Лѣтъ сто тому назадъ, когда монеты въ обращеніи между горцами было весьма мало, калымы почти всѣ сполна выплачивались панцырями, шишаками, оружіемъ и холопами, а въ особенности холопками. Бывали примѣры, что за дочь князя платился калымъ въ десять холоповъ, въ счетъ которыхъ давалось обыкновенно два дорогихъ панцыря, два шишака, два налокотника, двѣ шашки, а остальное доплачивалось или лошадьми или же дѣйствительно холопами. Стоимость упомянутыхъ вещей доходила, въ старое время, иногда до 14 холоповъ-унаутъ за панцырь или шашку. И теперь еще можно встрѣтить горцевъ, у которыхъ эти вещи, большею частію всѣ временъ Крестовыхъ Походовъ или періода существованія республикъ Генуэзской и Венеціанской, бережливо, какъ святыня, хранятся въ сундукахъ и только разъ или два въ годъ вынимаются самымъ близкимъ узденемъ или аталыкомъ для чистки. Между этими вещами встрѣчаются такія, которыя для нашихъ европейскихъ антикваріевъ были бы дѣйствительной находкой.

У племенъ чеченскаго происхожденія, гдѣ, говоря вообще, народъ не богатъ и гдѣ сословныхъ классовъ, такъ рѣзко очерченныхъ, какъ напр. въ Кабардѣ, никогда не было, калымы (урдау) не превышали никогда цифры 250 р. сер., обыкновенно же были всегда и менѣе. Меньшая цифра ихъ 28 р. с. за дѣвушку и 14 р. сер. за вдову.

раясь только не встрѣчаться съ ея отцомъ и матерью. За четыре дня до свадьбы, невѣсту везутъ въ домъ родственниковъ жениха. Обыкновенно посылаютъ за ней, на арбѣ, какую-нибудь старую женщину, съ бойкимъ и острымъ языкомъ, и съ ней вмѣстѣ человѣкъ двадцать-тридцать молодежи, любителей всякаго рода скандаловъ и бурныхъ сценъ. Вся эта толпа, недалеко отъ дома невѣсты, встрѣчается крикомъ и бранью мальчишекъ, камнями и выстрѣлами; но не смотря на это, отшучиваясь и защищаясь каждый какъ съумѣетъ, посланные подъѣзжаютъ къ ея дому. У дверей ея комнаты они, обыкновенно, встрѣчаютъ одного изъ родственниковъ дѣвушки, который при ихъ приближеніи запираетъ дверь и требуетъ подарка. Ему дается кинжалъ—и завѣтная дверь отворяется. Но тамъ ихъ встрѣчаетъ другое препятствіе: вмѣсто цербера мужскаго пола, въ комнатѣ невѣсты ожидаетъ ихъ множество церберовъ-женщинъ: это— родственницы и подруги невѣсты, собирающіяся къ ней за нѣсколько дней до свадьбы, чтобы заготовлять вмѣстѣ ея приданое и свадебные подарки, какъ-то: тесьмы, галунъ, пистолетные чахлы и прочія недорогія вещицы. Женщины встрѣчаютъ посланныхъ за невѣстою истинно по женски—иглами, булавками, ножницами, рвутъ на нихъ черкески и бешметы, отнимаютъ шапки, такъ что половина изъ нихъ выходитъ изъ комнаты безъ рукавовъ и безъ одной или обѣихъ полъ платья. Когда достаточно пошумѣли, посланные за невѣстою угощены и поѣздъ вмѣстѣ съ нею тронулся въ обратный путь, его провожаютъ снова камни мальчишекъ и ружейные залпы взрослыхъ.

Три дня празднуютъ свадьбу въ домѣ одного изъ родственниковъ жениха. Но самъ онъ во все это время уходитъ изъ дома и не имѣетъ права показываться ни невѣстѣ, ни гостямъ, о которыхъ заботятся уже старшіе изъ его родственниковъ. На четвертый день совершается обрядъ бракосочетанія.

Мулла, съ двумя свидѣтелями, идетъ сначала въ комнату невѣсты и, выславши оттуда всѣхъ, за исключеніемъ одной или двухъ маленькихъ дѣвочекъ, спрашиваетъ ее: *„желаетъ-ли она выйти замужъ за такого-то, сына такого-то и за столько-то калыма“?* послѣ утвердительнаго ея отвѣта, онъ

2

идетъ къ отцу дѣвушки и спрашиваетъ его: *„желаетъ-ли онъ отдать дочь свою такому-то* и *за столько-то калыма?“* Вслѣдъ за тѣмъ онъ идетъ къ жениху и, взявши его за руку, точно также дѣлаетъ подобные же вопросы и ему, строго наблюдая, чтобы кромѣ двухъ свидѣтелей никто изъ посторонних его отвѣтовъ не слыхалъ: о происхожденіи этого послѣдняго обыкновенія я упомяну, говоря о суевѣріи горцевъ. По прочтеніи молитвы бракъ считается заключеннымъ.

Вышедши замужъ, женщина, въ первое время послѣ свадьбы, не имѣетъ права ни видѣться, ни говорить съ своимъ мужемъ не только въ присутствіи постороннихъ, но даже и родственниковъ. Если мужъ вечеромъ бываетъ у ней, то онъ старается, чтобы этого никто не замѣтилъ; въ противномъ случаѣ онъ подвергается различнымъ шуткамъ и насмѣшкамъ и на него смотрятъ какъ на человѣка, не уважающаго закона своихъ предковъ. Въ Кабардѣ требованія подобнаго же обычая идутъ еще далѣе. Тамъ можно встрѣтить людей, которые, будучи двадцать или тридцать лѣтъ женаты, никогда не входили и не выходили изъ комнаты своей жены такъ, чтобы это могъ кто-либо замѣтить. Говорить молодой женщинѣ, въ первые дни своего замужества, съ отцомъ своего мужа или старшими родственниками—чеченскій обычай также не дозволяетъ. Всѣ приказанія ихъ она исполняетъ молча. Видѣться съ своею матерью и итти къ ней въ домъ она можетъ не прежде, какъ по прошествіи нѣсколькихъ мѣсяцевъ.

Вотъ весь свадебный обрядъ у горцевъ здѣшнихъ обществъ и вообще цѣлаго чеченскаго народа. Добавить къ этому можно только еще одинъ обычай, господствующій между ними повсемѣстно, но значеніе и происхожденіе котораго между тѣмъ никто изъ нихъ объяснить не можетъ. Обычай этотъ требуетъ, чтобы по прошествіи пяти-шести дней послѣ свадьбы новобрачная, взявши большую чашку блиновъ и кувшинъ, въ сопровожденіи цѣлой толпы женщинъ, съ пѣснями и музыкой, отправлялась на рѣку и тамъ бросила, одинъ по одному, нѣсколько штукъ блиновъ въ воду, проколовши предварительно каждый изъ нихъ иглою или булавкой. Послѣ этого, зачерпнувши въ кувшинъ воды, она снова прово-

жается обратно домой. Съ того же времени она становится вполнѣ женщиною-хозяйкой и получаетъ право, наравнѣ съ другими женщинами, ходить на рѣку за водой; до этого же дня она изъ комнаты не выходитъ и никому не показывается.

Я разсказалъ про обрядъ бракосочетанія, совершающійся по согласію родственниковъ невѣсты на предложеніе ея сватающаго. Часто же случается такъ, что молодой человѣкъ, получивши отказъ или не надѣясь, что его сватовство будетъ принято, уговоривши предварительно дѣвушку, крадетъ ее силою: по крайней мѣрѣ дѣвушка всегда показываетъ видъ, что она увезена насильно. Онъ увозитъ ее къ себѣ въ домъ, или бѣжитъ съ нею въ другіе аулы и потомъ уже посылаетъ къ родственникамъ невѣсты калымъ и проситъ ихъ о примиреніи. Такъ какъ согласіе на бракъ для нихъ остается единственнымъ разумнымъ средствомъ, чтобы загладить пятно, которое необходимо падаетъ на дѣвушку, если бы она похитителемъ была возвращена обратно, то, обыкновенно, согласіе всегда и дается. Въ тѣхъ же случаяхъ, когда отецъ дѣвушки, или тотъ изъ родственниковъ, отъ кого она зависитъ, не хочетъ изъявить согласіе свое на ея бракъ, прибѣгаютъ къ кадію, или старшему муллѣ, который, по закону, замѣняя собою отца невѣсты, ей этотъ бракъ и разрѣшаетъ. Безъ предварительнаго согласія дѣвушки подобныхъ похищеній никогда въ настоящее время не дѣлается. Въ прежнее время, до Кази-Магомы и Шамиля, они однако же рѣдкостью не были: власть людей, стоявшихъ въ главѣ народа, была тогда слишкомъ безсильна для того, чтобы наказать похитителя, такъ что если родственники похищенной дѣвушки не были сами въ состояніи отомстить ея позоръ, то онъ оставался безнаказаннымъ. Въ большей части случаевъ подобные подвиги наѣздничества всегда оканчивались кровью.

Вслѣдствіе прежнихъ условій быта горцевъ, хищничество глубоко привилось къ ихъ нравамъ и обычаямъ, а потому весьма часто случается и такъ, что женихъ, вмѣсто того чтобы взять засватанную уже имъ дѣвушку изъ дома ея родственниковъ обычнымъ, установленнымъ порядкомъ, крадетъ ее тайно, съ вѣдома самихъ же ея родственниковъ. Въ прежнее время двѣ трети свадьбъ,

какъ въ Чечнѣ, такъ и въ здѣшнихъ обществахъ, совершалось такимъ порядкомъ: считалось совѣстнымъ и недостойнымъ мужчины и порядочнаго человѣка взять себѣ жену инымъ путемъ.

Въ горныхъ обществахъ чеченскаго племени, до подчиненія ихъ русскому правительству, было весьма сильно развито обыкновеніе засватывать своихъ дочерей въ малолѣтствѣ; обычай этотъ господствовалъ отчасти въ Чечнѣ, хотя и въ меньшей степени. Между племенами, вошедшими въ составъ настоящихъ округовъ Аргунскаго и Ингушевскаго, онъ былъ принятъ однакоже повсемѣстно. Въ залогъ будущаго калыма давалась пуля, хазырь черкески, или нѣсколько абазовъ денегъ,—и дѣло считалось рѣшеннымъ. Обыкновеніе это, въ высшей степени вредное, въ настоящее время совершенно уничтожено.

Что касается до *похороннаго* обряда чеченцевъ, то онъ сложенъ еще менѣе, нежели обрядъ брачный, и чуждъ всѣхъ тѣхъ правилъ и обыкновеній, которыя вносятся обычаемъ при свадебныхъ церемоніяхъ.

Когда родственники больнаго видятъ, что наступаетъ послѣдній часъ его, посылаютъ за муллою, который и начинаетъ читать надъ нимъ молитву (*ясынъ* — отходную христіанъ). Женщины, въ изъявленіе своего горя, громко плачутъ, бьютъ себя въ грудь, царапаютъ лицо ногтями и рвутъ волосы. Какъ только больной скончался — ихъ тотчасъ же удаляютъ, или заставляютъ силою молчать, такъ какъ подобное выраженіе печали совершенно противно духу мусульманской религіи. Всѣ удаляются изъ комнаты умершаго и мулла съ своими мутаалимами начинаетъ приготовлять тѣло для погребенія. Онъ кладетъ его на чистую дубовую доску или скамью, нарочно для этой цѣли сберегаемую въ большихъ мечетяхъ, беретъ кувшинъ воды и омываетъ тѣло. Потомъ беретъ кусокъ полотна, или бѣлой бумажной матеріи, и завертываетъ въ него трупъ; послѣ этого онъ завертываетъ его въ другой кусокъ такой же матеріи и потомъ въ третій. Оторвавши отъ этого савана двѣ нешировія полосы, онъ ими завязываетъ саванъ надъ головою умершаго и ниже ногъ его. Я забылъ упомянуть, что въ ротъ, глаза и уши умершаго кладется, обыкновенно, ва-

та. Приготовленное такимъ образомъ къ погребенію, тѣло оставляется на постели, а родственники и знакомые покойнаго тихо его оплакиваютъ. Тогда, обыкновенно, одна изъ присутствующихъ женщинъ встаетъ и начинаетъ пѣть надгробную пѣснь. Впрочемъ, это не есть собственно пѣснь, а скорѣе *причитанье*, которое и у насъ въ большомъ употребленіи въ низшемъ классѣ народа. Плакальщица высчитываетъ, по большей части, достоинства умершаго, его качества и сѣтуетъ, за чѣмъ онъ оставилъ свое семейство и дѣтей. „Ты оставилъ насъ, а мы всѣ такъ тебя „любили! Ты ушелъ отъ насъ въ лучшій міръ, гдѣ нѣтъ ни пе„чали, ни горя, а одни только радости. Но кто же позаботится „о твоемъ семействѣ и дѣтяхъ? кто ихъ накормитъ, кто защититъ „ихъ отъ злаго человѣка?„ Такъ въ большей части случаевъ говоритъ она. Иногда она высчитываетъ различныя произшествія изъ жизни покойнаго и вообще смыслъ ея *причитанья* сообразуется съ обстоятельствами его прежней жизни и положеніемъ, которое онъ занималъ въ своемъ народѣ. Когда одна женщина окончитъ—начинаетъ другая, потомъ третья *) и т. д.

---

*) Я привожу для образца надгробную импровизацію, сохранившуюся, слово въ слово, въ памяти народа, потому что въ свое время она надѣлала въ одномъ изъ здѣшнихъ горныхъ обществъ много шума и толковъ. Дѣло въ томъ, что по смерти одного человѣка, пользовавшагося въ этомъ обществѣ большой извѣстностью, его оплакивали двѣ женщины: его жена, старавшаяся изъ чувства любви, конечно, выказать его предъ народомъ какъ наѣздника, владѣльца наслѣдственной башни и человѣка, жившаго открыто и принимавшаго много гостей,—качество, весьма уважаемое горцами,—и другая женщина, которая, напротивъ того, изъ ненависти, старалась изобразить въ своемъ причитаньи жизнь покойнаго, какъ жизнь простаго работника—дровосѣка, косца, пахаря, однимъ словомъ какъ человѣка, жившаго своимъ личнымъ трудомъ, — обстоятельство, на которое горцы смотрятъ по большей части съ презрительнымъ снисхожденіемъ.

Жена умершаго: «О мой Тесса (собственное имя)! Ты умеръ, — пусть же умретъ и хозяйка твоего дома: не жить ей уже болѣе съ своимъ мужемъ».

«Не говорю я, что та дорòга, по которой ѣздили въ нашъ домъ гости, поростетъ травой и исчезнетъ. Не говорю я, что твоя родовая крѣпкая башня достанется чужимъ людямъ, а не дѣтямъ твоимъ (при каждой фразѣ плакальщица обыкновенно останавливается и громко рыдаетъ). Не говорю я, что то ружье, которое носилъ ты на своихъ гордыхъ плечахъ, будетъ запыленное на стѣнѣ висѣть. Не говорю я, что твой черкесскій поясъ, съ серебрянными подвѣсками, обнимавшій твою тонкую талію, будутъ носить

Во все время этой надгробной рѣчи присутствующіе хранятъ глубокое молчаніе, прерываемое лишь стонами и рыданіемъ ихъ. Но такъ какъ мусульмане погребаютъ своихъ мертвыхъ въ самый же день ихъ смерти, то эта печальная сцена продолжается, обыкновенно, недолго. Тѣло кладутъ на арбу и везутъ на кладбище. Многія чеченскія фамиліи имѣютъ свои родовыя кладбища, а потому умершаго везутъ иногда за нѣсколько десятковъ верстъ. Если встрѣтится на пути другое какое-либо кладбище, мулла и всѣ присутствующіе останавливаются и читаютъ молитву за всѣхъ вообще умершихъ (доадеръ), при чемъ всѣ поднимаютъ въ это время руки и держатъ ихъ нѣсколько секундъ обращенными ладонью къ лицу. Подъѣзжаютъ наконецъ къ родовому кладбищу покойнаго; тамъ могила уже готова и два или три человѣка, осторожно, вмѣстѣ съ одѣяломъ, на которое положено тѣло, поднимаютъ его и тихо опускаютъ въ могилу, гдѣ его принимаетъ мулла; онъ развязываетъ тесьмы савана и кладетъ умершаго на правый бокъ, обращая головою по направленію къ западу. Тѣло покрывается дубовой доской, которая утверждается надъ нимъ наклонно къ ногамъ мертваго. Послѣ этого, засыпавши могилу землею, мулла и присутствующіе молятся и потомъ, за исключеніемъ муллы, всѣ отъ нея удаляются на довольно большое разстояніе, такъ, что около нея остается одинъ только мулла. Тогда онъ беретъ приготовленный заранѣе кувшинъ съ водою, снова читаетъ молитву (*заамъ*) и три раза поливаетъ изъ кувшина могилу, въ головахъ умершаго. Исполнивши это, онъ тотчасъ же быстро отъ нея отходитъ.

По повѣрью мусульманъ, или, какъ увѣряютъ муллы, по

чужія дѣти. Не говорю я, что твоя стальная шашка будетъ, заржавленная, въ своихъ ножнахъ покойно лежать...

Одна изъ присутствующихъ: Для сырой травы—съ блестящей косою, ты былъ хорошій косецъ. Для желтой земли—за чернымъ плугомъ, ты былъ хорошій пахарь. Для вѣтвистаго дерева—съ острымъ топоромъ, ты былъ хорошій дровосѣкъ.

Жена: «О мой Тесса! У горящаго камина твоего дома ты былъ для насъ важный князь. Пока голова твоя была на плечахъ — она бросала тѣнь и въ тѣни ея я скрывалась съ дѣтьми. Теперь я плачу о твоихъ бѣдныхъ дѣтяхъ: кто ихъ будетъ кормить и кто за ними будетъ смотрѣть?»

сказанію ихъ священныхъ книгъ, въ то время когда налитая на могилу вода касается тѣла умершаго, онъ оживаетъ и спрашиваетъ присутствующихъ: „зачѣмъ они оставляютъ его одного?“ Горцы вѣрятъ, что тотъ, кто услышитъ этотъ голосъ, становится навсегда глухимъ. Вслѣдствіе-то подобнаго убѣжденія они и отходятъ отъ могилы на такое разстояніе, чтобы нельзя было слышать ни словъ, ни голоса мертвеца.

Когда похороны кончены и всѣ удалились — мулла присылаетъ на могилу одного изъ своихъ мутаалимовъ и тотъ три дня и три ночи читаетъ тамъ коранъ. Иногда же чтеніе, вмѣсто могилы, совершается въ домѣ умершаго. Отдѣльныхъ поминокъ по усопшемъ у чеченцевъ не дѣлается никогда, но каждую пятницу, каждое сколько нибудь зажиточное семейство приготовляетъ блины и относитъ ихъ въ мечеть, для раздачи тамъ присутствующимъ въ память *всѣхъ* своихъ умершихъ.

Обычай горцевъ требуетъ, чтобы всѣ родственники, друзья умершаго, или его знакомые, пріѣзжали къ нему въ домъ для заявленія своихъ сожалѣній предъ членами его семейства. Обычай этотъ исполняется весьма строго,—и по смерти человѣка уважаемаго, къ его семейству пріѣзжаютъ съ утѣшеніями и сѣтованьемъ люди, часто даже и незнакомые.

II.

Суевѣрія и предразсудки горцевъ чеченскаго племени.

Говоря о религіи горцевъ, нельзя въ тоже время обойти молчаніемъ ихъ народные предразсудки и суевѣрія.

Явленія внѣшняго міра производятъ на различныхъ людей и различныя впечатлѣнія. Чѣмъ человѣкъ необразованнѣе, тѣмъ явленія эти, по своему разнообразію, сложности, по необъяснимости наконецъ самыхъ причинъ и источника ихъ происхожденія,—поражаютъ его чувства болѣе и сильнѣе, нежели человѣка развитаго. Первый придаетъ имъ значеніе чудеснаго, послѣдній объясняетъ ихъ научно. Что можно сказать о личности отдѣльной—вполнѣ приложимо и къ цѣлому народу. Отсюда—большая или меньшая степень суевѣрія народа и болѣе или менѣе рѣзкіе оттѣнки въ его сказаніяхъ и повѣрьяхъ. Жизнь идеальная кавказскаго горца никогда не имѣла возможности сильно развиться: постоянная борьба съ дикою природою, его окружающею, и съ насущною, суровою нуждою,—всегда заставляла его жить въ мірѣ дѣйствительномъ и съузила его міръ фантазіи. Его религіозныя понятія, всецѣло направленныя къ выполненію лишь наружныхъ формъ обрядовъ, къ газавату и кровомщенію,—способствовали этому еще болѣе. При всемъ томъ, нельзя отрицать у горцевъ склонности ихъ къ поэзіи и сказкамъ,—слѣдствіе пламеннаго воображенія ихъ и жажды къ чудесному. Но прежде нежели мы коснемся ихъ сказаній, я упомяну о нѣкоторыхъ изъ ихъ суевѣрій и предразсудковъ, болѣе или менѣе господствующихъ въ массѣ народа.

Вѣра въ гаданія и гадальщиковъ — обща всѣмъ племенамъ чеченскаго происхожденія. Можно сказать, что она обща всѣмъ горцамъ и—болѣе того—всѣмъ людямъ, хотя и выражается въ различныхъ формахъ.

Кромѣ множества способовъ гаданій, пользующихся въ массѣ народа извѣстной степенью вѣры—посредствомъ зеркалъ, камней, платковъ,—относящихся по большой части къ *гаданіямъ любовнымъ* и употребляемыхъ преимущественно только женщинами, у горцевъ здѣшнихъ обществъ есть три рода гаданій, пользующихся большою извѣстностью и вѣрою въ нихъ, а именно: *гаданье по кости барана; гаданье по книгѣ Абдурзукка* и *Абдурахмана, Седіенъ-джайнэ*, и наконецъ *гаданье по книгѣ Сулеймана, Пайхомаръ-Сулейманъ-джайнэ;* эта послѣдняя книга есть тотъ-же нашъ *вѣщій царь Соломонъ.*

Прежде нежели говорить подробно объ этихъ трехъ родахъ гаданій, изъ коихъ два послѣднія общи всѣмъ мусульманамъ, я въ нѣсколькихъ словахъ дамъ понятіе о *гаданіяхъ любовныхъ*.

Гаданье зеркаломъ употребляется исключительно дѣвушками, съ цѣлью угадать своего *суженаго*. Оно весьма несложно. Берется зеркало, которое кладутъ въ каминъ, и съ крыши сакли, чрезъ трубу, пристально смотрятъ въ него. Проглядѣвши такимъ образомъ двѣ-три минуты, сходятъ съ крыши, берутъ изъ каждаго угла комнаты, или же по направленію четырехъ странъ свѣта, немного земли, которую завязываютъ въ узелокъ и кладутъ на ночь подъ подушку. Нѣкоторыя видятъ лицо своего *суженаго* въ самомъ зеркалѣ; тѣ же, которыя его тамъ не видятъ,—положивши подъ свою подушку землю, собранную по вышеприведенному способу, навѣрно уже видятъ его во снѣ. Гаданье это носитъ у чеченцевъ названіе *кюсгехажіу*.

Гаданье каменьями—*пальтасаръ* — заключается въ томъ, что ворожея обыкновенно старая женщина, беретъ девять небольшихъ камней и, пошептавши на двухъ изъ нихъ имена любовниковъ, бросаетъ вдругъ всѣ девять камней на землю. По способу ихъ паденія, по разстоянію, на которомъ они одинъ отъ другаго лягутъ и наконецъ по численности камней, которые лягутъ между двумя камнями любовниковъ, ворожея дѣлаетъ уже заключеніе о благополучномъ или неблагополучномъ соединеніи ихъ, о времени этого соединенія и тѣхъ препятствіяхъ, которыя могутъ при этомъ встрѣтиться.

Гаданье посредствомъ—платка *дольдустеръ*—производится также съ помощью ворожеи. Обыкновенно берутъ большой платокъ, на одномъ изъ концовъ котораго завязывается узелъ, и потомъ отъ этого узла ворожея, вымѣриваетъ локтемъ разстояніе до противоположнаго угла. Остающееся между этими двумя точками пространство служитъ основаніемъ предсказанію, болѣе или менѣе благопріятному для той, которая желаетъ поднять завѣсу будущности. Впрочемъ, гаданье этого рода не есть исключительно гаданье только любовное, но употребляется часто и въ тѣхъ случаяхъ, когда хотятъ узнать причину болѣзни, необъяснимой для

родственниковъ больнаго, или же приписывающихъ ее вліянію *дурнаго глаза* живаго человѣка или *мертвеца.* Результаты этого гаданья столько же случайны, сколько могутъ зависѣть отъ ловкости самой ворожеи и отъ проворства ея рукъ.

Эти три способа гаданья въ большомъ употребленіи между горскими дѣвушками и женщинами и составляютъ ихъ исключительную принадлежность. Но гаданье посредствомъ кости барана и книгъ, о которыхъ я упомянулъ, сильно распространено въ цѣлой массѣ народа; въ особенности же первый родъ гаданья, какъ болѣе двухъ другихъ доступный. Въ прежніе годы, во время войны нашей съ Чечнею, оно прилагалось преимущественно къ угадыванію будущей судьбы предпріятій военныхъ, предпринимаемыхъ цѣлымъ-ли племенемъ, партіей, или личностью отдѣльной—все равно. Самые умные изъ наибовъ Шамиля, не говоря уже про предводителей мелкихъ наѣздничьихъ шаекъ, отправляясь на какое-либо отважное предпріятіе, не выѣзжали, не посовѣтовавшись прежде съ *хажеромъ*, прорицателемъ посредствомъ кости. Въ одномъ изъ обществъ, лежащихъ по Шаро-Аргуну, до сихъ поръ еще живетъ знаменитый изъ горскихъ *хажеровъ*, по имени Тода, совѣтами и пророчествомъ котораго не пренебрегалъ и Шамиль. Меня увѣряли многіе изъ уважаемыхъ людей этого общества, что судьба, постигшая Шамиля на Гунибѣ, была ему заранѣе предсказана Тода—и, говорятъ, Шамиль былъ убѣжденъ въ истинѣ этого пророчества, но обстоятельства сложились такъ, что поступить иначе онъ не могъ и, волею или неволею, вынужденъ былъ укрѣпиться на Гунибѣ. Этотъ же самый Тода предсказалъ, по увѣренію горцевъ, извѣстному въ свое время наибу Шамиля, Нуръ-Али, его смерть. Когда Нуръ-Али, управлявшій обществами Чаберлой и Шатой, поѣхалъ въ Малую Чечню, чтобы, увеличивши свою партію чеченцами, выступить противъ русскихъ, онъ нарочно заѣхалъ въ аулъ, гдѣ жилъ Тода, и тотъ по лопаткѣ барана предсказалъ ему скорую смерть. „Я вижу, ведутъ лошадь и на ней веревками привязано мертвое „тѣло"—сказалъ онъ ему и болѣе не хотѣлъ ничего говорить. Такъ какъ чрезъ недѣлю послѣ того Нуръ-Али умеръ отъ холеры, то обстоятельство это пріобрѣло искусству Тода безчисленное

множество поклонниковъ и разъ навсегда упрочило за нимъ славу прорицателя.

Гаданье по кости барана носитъ у горцевъ названіе *пхенеръ*, а часто и *пхенеръ-хажеръ*. Тотъ, кто хочетъ гадать, долженъ имѣть своего собственнаго барана, т. е. изъ своего стада; купленный же полагается годнымъ для этого процесса въ такомъ только случаѣ, если онъ пробылъ у своего новаго владѣльца годъ времени, или же этотъ послѣдній давалъ ему три раза соли. Баранъ долженъ быть годовалый; шерсть допускается произвольная, хотя нѣкоторые прорицатели и предпочитаютъ барановъ совершенно бѣлыхъ. Хажеръ рѣжетъ барана, варитъ и потомъ, по одной изъ лопатокъ передней ноги животнаго, предсказываетъ будущее. Основаніемъ для предсказанія служатъ ему темныя и свѣтлыя пятна, находящіяся на кости и замѣтныя, если сквозь нее смотрѣть на свѣтъ, точно также какъ и пятна кровавыя и узоры жилокъ, часто видимые на лопаткѣ. Кровавыя пятна,—предзнаменованіе дурное, и въ прежнее время не разъ какой-нибудь планъ, смѣло задуманный горскими наѣздниками, оставался безъ выполненія, вслѣдствіе открытія хажеромъ вѣщихъ знаковъ.

Гаданье по *Седіэнъ-джайнэ* заключается въ несложныхъ математическихъ выкладкахъ. Книга эта пользуется между горцами большимъ авторитетомъ; ей вѣрятъ даже муллы, имѣющіе въ народѣ репутацію людей ученыхъ и здравомыслящихъ. Мнѣ удалось видѣть одинъ изъ экземпляровъ ея, хотя вообще книга эта болѣе или менѣе рѣдкость—быть можетъ потому, что всякій, у кого она есть, скрываетъ это. Я попробую дать понятіе о способѣ гаданія по ней.

Седіэнъ-джайнэ въ переводѣ значитъ *книга звѣзды* (*седи*, по-чеченски—звѣзда). Мусульмане принимаютъ двѣнадцать небесныхъ созвѣздій, по числу главныхъ ихъ пророковъ или святыхъ. Каждый изъ этихъ послѣднихъ родился подъ извѣстнымъ созвѣздіемъ, а потому вся книга *Седіэнъ-джайнэ* раздѣлена на двѣнадцать отдѣловъ, изъ которыхъ каждый соотвѣтствуетъ извѣстному созвѣздію и тому пророку, который подъ нимъ родился. На первой

страницѣ книги излагается арабская азбука, съ соотвѣтствующими каждой буквѣ извѣстными числами: *элипъ* — одинъ, *би*—два, *ти*—четыре, *си*—восемь, *джимъ* — три, *хи*—восемь, *хіе*— о, *далъ*—четыре, *дзалъ*—четыре, *ри*—восемь, *дзи*—семь, *сенъ*—о, *шенъ*—о, *сатъ*—шесть, и т. д. Гадающій, или гадающая, прежде всего говорятъ свое имя и имя матери своей. И то и другое разбирается по буквамъ, и величины, соотвѣтствующія каждой изъ нихъ, складываются; потомъ отъ суммы, получаемой отъ сложенія величинъ, выраженныхъ буквами именъ гадающаго и его матери, откидывается по двѣнадцати единицъ до тѣхъ поръ, пока не останется числа менѣе двѣнадцати. Согласно величины оставшагося числа отыскивается отдѣлъ одного изъ созвѣздій подъ тѣмъ же числомъ, въ которомъ и заключается прорицаніе для мужчинъ и женщинъ отдѣльно. Начинается оно, обыкновенно, описаніемъ наружности: „у него красивое лицо, высокій ростъ, тонкій станъ, „блестящій взоръ“,... потомъ уже слѣдуетъ описаніе его жизни настоящей, а потомъ и будущности.

Книга эта, состоящая всего изъ двадцати-тридцати страницъ въ осьмую долю листа, какъ читатель видитъ самъ, очень невинна и далеко не замысловата; между тѣмъ въ нее вѣрятъ до такой степени, что *Седіэнъ-джайнэ*, вмѣстѣ съ двумя другими книгами—*Дурурулъ-Акбаръ* и *Сюрулъ-Афа*, также принадлежащими, какъ кажется, къ числу астрологическихъ арабскихъ книгъ,— въ прежнее время не одинъ разъ служила для ученыхъ фанатиковъ Чечни и Дагестана способомъ направлять волю народа по тому пути, который велъ къ достиженію ихъ цѣлей личныхъ. Двухъ послѣднихъ книгъ, въ полномъ ихъ объемѣ, у чеченцевъ нѣтъ; у нѣкоторыхъ только муллъ существуютъ выписки изъ нихъ, весьма краткія, но по нимъ тѣмъ не менѣе предсказываются неурожаи хлѣба, болѣзни, войны, землетрясенія и проч. Полныя же книги *Дурурулъ-Акбаръ* и *Сюрулъ-Афа* существуютъ, по мнѣнію народа, только въ Турціи, и по своей огромной стоимости могутъ быть доступны лишь одному султану да самымъ богатымъ людямъ этой имперіи.

Составители Седіэнъ-джайнэ были, какъ я сказалъ уже, ара-

бы Абдуррахманъ и Абдурзуккъ, въ особенности же послѣдній. Появленіе ея относится къ эпохѣ Магомета и только что зарождавшагося тогда исламизма. Горцы, по поводу *Седіэнъ-джайнэ*, разсказываютъ слѣдующую легенду:

Абдурзуккъ. написавшій эту книгу съ помощію *Джинновъ* *), подслушивавшихъ всѣ свѣдѣнія, ему сообщенныя, у ангеловъ, встрѣтилъ однажды на мосту пророка. Этотъ послѣдній, желая испытать степень его знанія вещей сокровенныхъ, спросилъ его: есть-ли на землѣ или небѣ Пайхомаръ-Магометъ, и если—есть, то гдѣ онъ въ настоящую минуту находится? Абдурзуккъ, посовѣтовавшись съ своею книгою, которая всегда находилась при немъ, отвѣчалъ, что Пайхомаръ-Магометъ, дѣйствительно, существуетъ и что это величайшій пророкъ настоящаго и грядущихъ временъ. „Но удивительно, прибавилъ онъ, моя книга мнѣ указываетъ, что онъ не „находится въ настоящую минуту ни на небѣ, ни на землѣ. Поэтому я полагаю, что Пайхомаръ-Магометъ, если не я, то навѣрно—ты, такъ какъ мы двое только теперь стоимъ на этомъ мосту и не находимся ни на землѣ, ни на небѣ.“ Сдѣлавши еще нѣсколько вопросовъ Абдурзукку и видя, что *Седіэнъ-джайнэ* открываетъ ему такія тайны, которыхъ не дано знать смертнымъ, считая ихъ къ тому же даромъ похищеннымъ отъ Всемогущаго хитростью и коварствомъ *джинымъ*,— Магометъ тотъ-часъ же взялъ

---

*) *Джинымъ* горцевъ, — это джинъ восточной миѳологіи и сказокъ, геніи добрые и злые, такъ часто встрѣчающіеся на страницахъ Тысячи и одной ночи. Горская миѳологія относитъ ихъ къ категоріи духовъ, которые составляютъ одну изъ переходныхъ ступеней, въ непрерывной цѣпи существъ отъ ангела до человѣка включительно, — между ангелами и духами зла. По ихъ повѣрью, *джинымъ*, пользуясь свободой доступа своего на небо, похищаютъ иногда обманомъ, иногда же узнаютъ чрезъ подслушиваніе, тайны сокровенной отъ нихъ и отъ человѣка будущности. Эти тайны они сообщаютъ своимъ земнымъ друзьямъ; связь съ *джинымъ* никогда впрочемъ къ добру человѣка не приводитъ и почти всегда оканчивается умственнымъ разстройствомъ послѣдняго. Поэтому людей, сшедшихъ съ ума и идіотовъ, горцы относятъ, въ большей части случаевъ, къ числу людей, знакомыхъ съ джиннами.

Падающія звѣзды и метеоры они объясняютъ тѣмъ, что ангелы, замѣтя, что *джинымъ* подслушиваютъ ихъ тайны, и раздраженные этимъ, схватываютъ первую попавшуюся имъ подъ руку звѣзду и бросаютъ ею въ непрошенныхъ посѣтителей небесныхъ чертоговъ.

отъ Абдурзукка книгу и бросилъ ее въ рѣку. Книга немедленно погрузилась на дно, но нѣсколько листовъ ея, разнесенныхъ при паденіи вѣтромъ, Абдурзуккъ успѣлъ однако же схватить и скрыть у себя. Пророчества, въ нихъ заключавшіяся, дополненныя Абдуррахманомъ—но уже безъ помощи джиновъ—и составили настоящую книгу, *Седіэнъ-джайнэ*. Этимъ-то и объясняется то обстоятельство, присовокупляютъ горскіе муллы, что книга эта, не смотря на всю непреложность своихъ предсказаній, иногда не совсемъ ясно прозрѣваетъ будущее.

Вслѣдствіе всего предыдущаго, *Седіэнъ-джайнэ* у мусульманъ считается книгою запрещенною, атеистическою, и попадается весьма рѣдко. Муллы, твердо въ нее вѣруя, тѣмъ не менѣе не рѣшаются никогда предъ народомъ гадать по ней, и тотъ, у кого она есть, хранитъ ее втайнѣ.

О способѣ гаданья по книгѣ *Пайхомаръ-Сулейманъ* я говорить не буду, такъ какъ и самая книга и способъ гаданья по ней тождественны съ тѣми книгами *Царя Соломона*, которыя распространены и у насъ въ низшемъ классѣ народа, и способъ гаданья одинаковъ.

Чтобы закончить разборъ суевѣрій и предразсудковъ горцевъ, мнѣ остается сказать еще о ихъ вѣрованіи *въ дурной глазъ*, *заговариванье*, *порчу и приворотную траву*.

Мнѣніе о *дурномъ глазѣ* между ними въ точно такомъ же ходу, какъ и у насъ. Противодѣйствующимъ средствомъ *сглазу* служатъ обыкновенно амулеты, въ которые зашивается молитва или изреченіе изъ корана. Такіе амулеты горцы вѣшаютъ часто на шею дорогихъ или любимыхъ лошадей своихъ, чтобы отвратить такимъ образомъ вліяніе на нихъ дурнаго или завистливаго глаза.

Вѣра въ возможность *заговариванья ружей*, *заговора отъ пули*, болѣе или менѣе господствующая между нашими линейными казаками, между горцами распространена весьма мало. Ихъ самолюбіе и храбрость возстаютъ противъ мысли, что жребій боя можетъ зависѣть не отъ судьбы или личной неустрашимости, а отъ воли подобнаго же имъ человѣка.

Что же касается до вѣрованія въ возможность *порчи*, то оно принимается цѣлою массою народа. Есть различнаго рода порча. „Злая женщина,“ напримѣръ, завязавши извѣстную ей траву и заговоривши ее, бросаетъ въ каминъ дома того человѣка, котораго она хочетъ испортить. Слѣдствіемъ этого бываетъ обыкновенно болѣзнь. Излеченіе испорченнаго можетъ быть произведено не иначе какъ съ помощью той ворожеи, которая его испортила.

Другаго рода порча, въ которую горцы чистосердечно вѣрятъ и которой крайне боятся, состоитъ въ томъ, что какой-либо злонамѣренный человѣкъ, во время вѣнчанья и въ ту минуту когда мулла дѣлаетъ жениху извѣстные вопросы,—при каждомъ отвѣтѣ его завязываетъ узлы на ниткѣ, заранѣе имъ для этой цѣли приготовленной. Пока эти узлы не будутъ развязаны,—полное обладаніе своею женою для жениха становится невозможнымъ, несмотря ни на какія медицинскія средства. Поэтому, вслѣдствіе глубокаго убѣжденія въ возможность и дѣйствительность такого рода колдовства, при спросѣ жениха, кромѣ муллы и двухъ свидѣтелей, въ комнату обыкновенно не допускаютъ никого и предварительно строго осматриваютъ, не скрылся ли кто въ ней изъ постороннихъ. Въ большей же части случаевъ, для полной безопасности, мулла, какъ я сказалъ уже, дѣлаетъ жениху свои обрядовые вопросы не въ домѣ, но на дворѣ, стараясь, чтобы кромѣ свидѣтелей никто другой отвѣтовъ его не слышалъ.

Кромѣ порчи посредствомъ завязыванія узловъ, жениха можне испортить еще и другимъ способомъ, болѣе легкимъ: стоитъ только, при каждомъ его отвѣтѣ муллѣ, вынимать нѣсколько изъ ноженъ клинокъ своего кинжала и тотчасъ же опять его вкладывать, или же вынимать и вкладывать газырь своей черкески. Такое дѣйствіе, три раза повторенное, равносильно съ завязываньемъ узловъ и производитъ совершенно одинаковые результаты.

Въ здѣшнихъ горныхъ обществахъ сильно распространена также вѣра въ *порчу посредствомъ отравы*. Нерѣдко, несмотря ни накакія убѣжденія и доказательства, производитъ она большія ссоры и несогласія. Горцы утверждаютъ, что есть родъ травы, *джаліенга-леттенъ-буцъ* (*трава, заставляющая*

лаять), извѣстной нѣкоторымъ лицамъ, которая, если дать ее въ питьѣ или пищѣ, производитъ порчу, выражающуюся болѣзненными припадками, судоргами и крикомъ, похожимъ на лай собаки. Подобный же предразсудокъ господствуетъ и у насъ въ простомъ народѣ и, вѣроятно, многимъ случалось видѣть или слышать, такъ называемыхъ въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Россіи, *кликушъ*. Эти болѣзненные припадки, дѣйствительно, здѣсь между женщинами существуютъ и въ нѣкоторыхъ обществахъ развиты болѣе или менѣе сильно, хотя, конечно, источникъ ихъ происхожденія — не отрава. Замѣчательно, что болѣзнь эта исключительно почти господствуетъ въ горахъ, тогда какъ на плоскости Чечни она почти неизвѣстна, или по крайней мѣрѣ встрѣчается весьма рѣдко. Отъ этого-то въ Чечнѣ и славятся *пальхаккенъ-ламройнъ-дзудеришъ*,—горскія колдуньи. Я неоднократно посылалъ медика для изслѣдованія этой болѣзни и въ большей части случаевъ оказывалось, что это были либо болѣзни нервныя, либо-же—притворство, вызываемое, конечно, самымъ складомъ семейнаго быта здѣшнихъ горцевъ. Между мужчинами болѣзнь эта неизвѣстна. Я обѣщалъ довольно значительную денежную награду тому, кто доставитъ мнѣ „*джаліенга-леттенъ-буцъ*,“ но всѣ попытки мои по этому поводу оставались до сихъ поръ безуспѣшны, по причинѣ, конечно, весьма понятной. Впрочемъ, необходимо сказать, что пагубное дѣйствіе этой травы приписывается горцами столько же ея ядовитымъ свойствамъ, сколько и заклинаніямъ, употребляемымъ при ея собираніи, равно какъ и самому способу и времени, въ которое она собирается. Собирается же она слѣдующимъ образомъ:

„Злая женщина,“ или мужчина, ночью, обыкновенно въ полнолуніе,—хотя впрочемъ это и не есть условіе необходимое—выходитъ изъ дома, стараясь ни съ кѣмъ не встрѣчаться на пути, и отправляется въ заранѣе уже высмотрѣнное мѣсто, на гору, гдѣ ростетъ *джаліенга-леттенъ-буцъ*. Тамъ колдунья снимаетъ съ себя все платье, и, совершенно обнаженная, идетъ задомъ, отыскивая эту траву и стараясь срывать ее между ступнями ногъ. Во время этого процесса, колдунья мыслью и словами отрекается отъ вѣры и отъ Бога. „Я не признаю Бога; я не его созданіе: я равна ему

„и также могуща, какъ и онъ. Я навсегда отрекаюсь отъ него,“ — говоритъ она. Это общая формула заклинанія, употребляемая повсемѣстно горскими ворожеями и кудесниками при сборѣ упомянутой травы. Злой духъ, въ противоположность чародѣямъ и колдунамъ всѣхъ странъ и всѣхъ эпохъ, горскими ворожеями, какъ видно, оставляется въ покоѣ и помощи его не просятъ. Трава, такимъ образомъ сорванная, впослѣдствіи сушится и дается обреченной жертвѣ въ пищѣ или питьѣ. Впрочемъ, достаточно также бросить ее въ огонь камина, около котораго сидитъ эта жертва, чтобы навсегда ее испортить.

Вѣра *въ приворотную траву* также сильно распространена между горцами, какъ и вѣра въ *джаліенга-леттенъ-буцъ*. Дѣйствіе этой травы, точно также какъ и послѣдней, зависитъ и отъ самыхъ свойствъ ея, и отъ заклинаній и чаръ, употребляемыхъ при ея собираніи. *Приворотная трава* имѣетъ двоякое дѣйствіе: или она привязываетъ чувствомъ непобѣдимой любви извѣстное лицо къ другому лицу, или же, наоборотъ, поселяетъ ничѣмъ непобѣдимыя ненависть и отвращеніе. Противодѣйствующимъ средствомъ *приворотной травѣ* служатъ извѣстныя молитвы. Есть муллы, спеціалисты по части отчитыванія волшебнаго дѣйствія *приворотной травы*, къ которымъ, обыкновенно, въ случаѣ крайности и прибѣгаютъ. Есть также и такіе, которые посредствомъ извѣстныхъ имъ заклинаній производятъ чары, соотвѣтствующія дѣйствію приворотной травы. Само собою разумѣется, что подобное эксплуатированіе народа, расчитанное на его легковѣріе, дѣлается въ строгой тайнѣ.

III.

Народныя сказанія горцевъ чеченскаго племени.

Свои поэтическіе представленія и образы народъ заимствуетъ большею частію изъ собственной же жизни и той среды, въ которой живетъ. Стало быть, народныя сказанія есть болѣе или менѣе вѣрное выраженіе характера народа, общественнаго или частнаго его быта и наконецъ тѣхъ фазисовъ его исторической судьбы, чрезъ которые онъ прошелъ. Поэтому, изученіе народныхъ сказаній различныхъ эпохъ важно какъ одно изъ средствъ для изученія самаго характера народа и его прошлаго быта. У нѣкоторыхъ племенъ кавказскихъ горцевъ, болѣе другихъ развитыхъ, въ пѣсняхъ излагаются цѣлыя событія, имѣющія иногда значеніе историческое; чаще же всего онѣ касаются частныхъ фактовъ и событій изъ прежней жизни. У чеченцевъ подобныхъ пѣсенъ мало. Хотя иногда смѣлые разбойничьи подвиги, отчаянная защита и смерть какого нибудь извѣстнаго наѣздника и сохраняются въ пѣсняхъ; тѣмъ не менѣе большая часть ихъ — вызванная минутой импровизація: ею восхищаются, она воспламеняетъ извѣстныя чувства, но въ весьма рѣдкихъ случаяхъ заучивается и становится популярною. Исключеніе составляютъ развѣ только тѣ изъ пѣсенъ, которыя складываются иногда на происшествія, заинтересовывающія цѣлый народъ, или же на извѣстныя дѣйствія лица, на которыя народъ смотритъ какъ на дѣйствія постыдныя. Эти пѣсни непремѣнно уже заучиваются: ихъ знаютъ не только взрослые, но даже и дѣти. Такова, напримѣръ, пѣсня о Шамилѣ, сложенная однимъ чеченскимъ импровизаторомъ, послѣ изъявленія бывшимъ имамомъ покорности. Сказки чеченцевъ можно встрѣтить изложенныя письменно, по арабски; но пѣсни составляютъ исключительную принадлежность людей, спеціально занимающихся ремесломъ пѣвца, и письменныя не встрѣчаются никогда: быть можетъ и потому впрочемъ, что свой собственный письменный языкъ народъ себѣ еще не ус-

пѣлъ усвоить, переводъ же на арабскій положительно не въ состояніи передать всѣ ихъ оттѣнки и особенности. Наконецъ, арабскій языкъ — языкъ церковный и знаніе его не распространяется далѣе духовнаго лишь сословія горцевъ. а между тѣмъ ни одинъ сколько нибудь серьезный и ученый мулла не взялъ бы на себя заняться подобными переводами изъ одной уже боязни стать смѣшнымъ въ глазахъ народа и потерять репутацію своей учености.

Для образца народной чеченской поэзіи я привожу нѣсколько пѣсенъ и сказокъ, болѣе другихъ распространенныхъ въ Чечнѣ и здѣшнихъ обществахъ; хотя популярными ихъ назвать и нельзя, но ихъ знаютъ однако же всѣ мѣстные горскіе барды, нерѣдко впрочемъ ихъ варьирующіе.

,,Высохнетъ земля на могилѣ моей—и забудешь ты меня, моя ,,родная мать! Поростетъ кладбище могильной травой—заглушитъ тра- ,,ва твое горе, мой старый отецъ! Слезы высохнутъ на глазахъ ,,сестры моей—улетитъ и горе изъ сердца ея!“

,,Но не забудешь меня ты, мой старшій братъ,—пока не ото- ,,мстишь моей смерти! Не забудешь ты меня, и второй мой братъ,— ,,пока не ляжешь рядомъ со мной!“

,,Горяча ты, пуля, и несешь ты смерть,—но не ты ли была ,,моей вѣрной рабой? Земля черная, ты покроешь меня—но не я-ли ,,тебя конемъ топталъ? Холодна ты, смерть,—но вѣдь я былъ тво- ,,имъ господиномъ!“

,,Мое тѣло—достояніе земли. Мою душу—приметъ небо!“

Пѣсня о Хамзатѣ *).

Догоняетъ на крыльяхъ и ловитъ свою добычу когтями бѣлый ястребъ. Онъ ловитъ ее—и тутъ же клюетъ сырою.

*) Хамзатъ былъ абрекъ изъ надъ-теречныхъ ауловъ. Въ первые годы имамета онъ бѣжалъ въ горы и, предводительствуя небольшими наѣздническими шайками, постоянно тревожилъ нашу Терскую линію. Знаніе мѣстности и беззавѣтная храбрость этого абрека способствовали тому, что въ большей части случаевъ всѣ наѣзды его были весьма удачны.

На рѣзвыхъ ногахъ своихъ догоняетъ и крѣпкими рветъ когтями пестрый барсъ красняго звѣря.

Оставляетъ за собою Терекъ и переправляется на лѣвый берегъ, съ храбрыми Гихинскими наѣздниками, смѣлый Хамзатъ.

Переправился чрезъ Терекъ смѣлый Хамзатъ и отправился въ Ногайскія степи. Захватилъ онъ табунъ бѣлыхъ коней и снова переплылъ Терекъ и перегналъ бѣлый табунъ.

Съ разсвѣтомъ дня переправился онъ съ табуномъ своимъ и догналъ его до Шиванскихъ кустовъ, на Черкесской горѣ *).

Опасно днемъ было ѣхать, да и устали наѣздники. Остановились они на Шиванъ-Кули и въ лѣсъ скрыли добычу свою.

Скрывши въ лѣсу добычу и товарищей, пошелъ Хамзатъ на высокій курганъ, на Черкесской горѣ, и сталъ смотрѣть онъ въ зрительную трубку: не идетъ-ли за нимъ русскій отрядъ.

Смотритъ Хамзатъ и видитъ: на томъ мѣстѣ, гдѣ онъ чрезъ Терекъ переправился, чернѣетъ большая толпа. Какъ быстро гонитъ вѣтеръ черныя тучи, — такъ быстро скакала толпа эта по его слѣдамъ.

Увидавъ толпу, онъ спустился съ кургана и сказалъ товарищамъ: „За нами гонятся такъ шибко, какъ летитъ туча, гонимая „вѣтромъ. Не бойтесь, будемъ драться мы, какъ голодные барсы.“

Еще сказалъ онъ имъ: „Мы теперь перерѣжемъ угнатый скотъ „и окружимъ себя имъ какъ высокимъ заборомъ. Если мы это сдѣ„лаемъ—мы будемъ въ состояніи защитить себя.“

На это согласились его товарищи и обрадовались. Зарѣзали лошадей, закололи быковъ и сдѣлали крѣпкій завалъ вокругъ себя.

Опять сталъ говорить Хамзатъ своимъ товарищамъ: „Гихин„скій наибъ, Ахъ-Верды-Магома, вѣрно также стоитъ на горѣ съ „своей партіей. Услыхавши шумъ нашей драки съ русскими, Маго„ма, какъ воздушная птица, прилетитъ на помощь намъ.“ А сказвлъ онъ для того это, чтобы ободрить товарищей.

Сѣлъ Хамзатъ съ своими наѣздниками за кровавый завалъ и велѣлъ одному изъ нихъ наблюдать за отрядомъ. Стоитъ часовой и пристально смотритъ.

И видитъ: впереди толпы скачетъ всадникъ—князь Кагерманъ. „Какого князя вы люди?“ онъ спросилъ, подскакавши.

---

*) Малгабегскій хребетъ.

Не давши ему никакого отвѣта, передалъ караульный вопросъ Хамзату: „Князь Кагерманъ хочетъ знать, какого князя мы люди.“

Вышелъ изъ-за-завала смѣлый Хамзатъ и подошелъ ко всаднику. „Что ты хочешь отъ насъ?“—такъ спросилъ онъ его. — „Я спросилъ, какого князя вы люди.“

Засмѣялся Хамзатъ. „Никакихъ князей мы и знать не хо-„тимъ! Мы наѣздники изъ Гиховъ и пріѣхали за добычею.

„Не Хамзатъ-ли ты?“ спросилъ Кегерманъ.—„Да, я Хамзатъ,“ отвѣчалъ онъ ему.

„Напрасно же, Хамзатъ, пріѣзжалъ ты сюда. Васъ догналъ те-„перь русскій отрядъ; догналъ и окружилъ онъ васъ. Если у васъ „не выростутъ крылья перелетной птицы и не улетите вы вверхъ— „вы не можете скрыться. Меня прислалъ русскій начальникъ: поща-„дитъ онъ васъ—если не будете драться.“

Отвѣчалъ ему на это Хамзатъ: „Пріѣхалъ я сюда, Кагерманъ, „не по бѣдности: я пріѣхалъ сюда, чтобы заслужить смерть газава-„та *). И сдайся я тебѣ—надо мной посмѣется весь гихинскій на-„родъ. Какъ волкъ, усталый и голодный, хочетъ скорѣе добраться „до лѣсу, какъ горячій и несытый конь рвется въ чистое поле — „такъ и товарищи мои жаждутъ смертнаго боя. И не боюсь я тебя, „Кагерманъ, и смѣюсь надъ всѣмъ вашимъ отрядомъ: наша надежда „на всемогущаго Бога.“

И снова сказалъ Хамзатъ Кагерману: „Мы искали всегда до-„бычи и золота, а для такого дня, какъ нынѣшній, лучше красива-„го, чернаго пороху—нѣтъ драгоцѣннѣй добычи.“

И опять онъ сказалъ: „Для нынѣшняго дня золото—не день-„ги; для такого дня крымскій **) надежный кремень—чистое золото.“

Воротился Кагерманъ къ русскому начальнику и сказалъ ему, что не хочетъ сдаваться Хамзатъ. А Хамзатъ воротился въ завалъ и сѣлъ къ своимъ товарищамъ.

Подошелъ отрядъ и сталъ стрѣлять. Стрѣлялъ и Хамзатъ съ своими наѣздниками.

Сталъ густой дымъ отъ ихъ выстрѣловъ и сказалъ Хамзатъ:

*) Смерть за вѣру, или, вѣрнѣе, смерть въ бою противъ невѣрныхъ, считаемая у мусульманъ мученическою.

**) Ружейные кремни, привозимые изъ Константинополя, чеченцы называютъ крымскими.

,,*Да погибнетъ отецъ этого дня!* *) Такой жаркій день, что на ,,одну лишь тѣнь отъ нашихъ шашекъ мы и можемъ надѣяться.''

Опять сказалъ Хамзатъ: ,,Какой дымъ густой, какой мрачный ,,день! лишь одинъ намъ свѣтъ—ружейные выстрѣлы.''

Опять сказалъ Хамзатъ своимъ товарищамъ: ,,Въ этотъ день ,,гуріи райскія смотрятъ изъ оконъ съ неба на насъ и любуются; ,,онѣ ссорятся, выбирая изъ насъ себѣ мужа. И тѣмъ изъ насъ, ,,кто будетъ храбрѣй—каждая предъ подругой своей будетъ хвастать-,,ся. А избраннаго, боязливѣй другихъ,—она будетъ совѣститься и ,,закроетъ отъ него окно, отворотится. Кто изъ васъ будетъ трусъ— ,,будетъ стыдно ему предъ Богомъ!'' **)

И въ душѣ тогда подумалъ Хамзатъ, что насталъ часъ его смерти и что нѣтъ имъ больше надежды.

Высоко въ небѣ увидалъ онъ перелетныхъ птицъ и сказалъ онъ имъ: ,,О, воздушныя птицы! Передайте вы нашъ послѣдній привѣтъ ,,(саламъ), нашъ послѣдній поклонъ, гихинскому наибу Ахъ-Верды-,,Магома. Передайте и поклонъ красавицамъ, бѣлымъ дѣвушкамъ, и ,,скажите вы имъ, что наши крѣпкія плечи стѣной служатъ теперь ,,для русскихъ пуль; ***) что желали мы по смерти лежать на род-,,номъ кадбищѣ—въ Гихахъ, гдѣ бы поплакали надъ нашей могилой ,,сестры и пожалѣлъ-бы народъ,—но что не далъ намъ Богъ этой ,,радости: вмѣсто плача сестеръ будетъ слышенъ надъ нами вой ,,голодныхъ волковъ. А намѣсто толпы родственниковъ — соберется ,,стая черныхъ вороновъ.''

,,И скажите вы всѣмъ: ,,На Черкесской горѣ, на землѣ христіанъ, ,,съ голой шашкой въ рукахъ—мы лежимъ мертвые. Наши очи—вы-,,пьютъ вороны, наше тѣло съѣдятъ волки жадные!''

Пѣснямъ, подобнымъ приведенной, чеченцы вообще сильно сочувствуютъ. Мнѣ не разъ случалось видѣть слезы на глазахъ людей самыхъ серьезныхъ, при разсказѣ пѣвцомъ о смерти Хамзата.

---

*) Подобное выраженіе пѣсни, очень употребительное въ чеченскомъ языкѣ, не переводимо на русскій. *Да погибнетъ отецъ этого дня* — да будетъ проклятъ этотъ день.

**) Въ подлинникѣ: *да предстанетъ онъ предъ Бога съ чернымъ лицомъ.*

***) Въ подлинникѣ: *«наши гордыя плечи останавливаютъ русскія пули.»*

Привожу и другой образецъ пѣсни такого-же рода, какъ пѣсня о Хамзатѣ.

Пѣсня объ Эль-Мурзѣ *).

,,Какъ быстро летитъ черный соколъ, что свиваетъ себѣ гнѣз-,,до выше темныхъ тучъ—такъ быстро скачетъ и конь мой,'' говорилъ Эль-Мурза, выводя изъ конюшни и лаская рукой дорогаго коня.

Вывелъ онъ его и привязалъ къ столбу. Осѣдлалъ потомъ сѣдломъ черкесской оправы. Самъ, свирѣпѣй медвѣдя, опоясалъ онъ свое оружіе, и, какъ легкій ястребъ садится на дерево, вскочилъ Эль-Мурза на коня своего.

Поѣхалъ Эль-Мурза къ муталимамъ въ аулъ и сказалъ имъ ,,салàмъ.'' Тѣ спросили: за чѣмъ онъ пріѣхалъ? Онъ отвѣтилъ имъ, что ищетъ товарищей ѣхать въ землю христіанъ за добычею и искать газавата.

Подумали, посовѣтовались межъ собой муталимы: «что же бу-,,демъ мы дома сидѣть, какъ молодыя безмужнія вдовы? Не будетъ-,,ли совѣстно намъ и предъ дѣвушками, за которыми мы ухажива-,,емъ?''

Подумали такъ муталимы и пятнадцать изъ нихъ приготовились, поѣхали: Эль-мурза впереди, а они всѣ за нимъ.

,,Есть еще товарищъ одинъ, храбрый и умный,'' сказалъ Эль-Мурза и поѣхалъ за нимъ и привелъ къ муталимамъ.

У звѣрей, ихъ царемъ—пестрый барсъ; у птицъ, ихъ царемъ—черный соколъ; Эль-Мурза-же-Бярчи отважнѣй голоднаго волка.

Впереди Эль-Мурза, а спутники сзади, пріѣхали они къ Тереку. Приходила-ли имъ дорогою дума о любимыхъ дѣвушкахъ, что въ аулѣ они оставили,—били они плетьми лошадей своихъ. Приходила-ли имъ

*) Къ имени Эль-Мурза придается народомъ эпитетъ *Бярчи*, т. е. *проводника*, *вожака*. Такъ мѣстами называется онъ и въ самой пѣснѣ.

Эль-Мурза былъ въ тридцатыхъ годахъ изъ замѣчательнѣйшихъ предводителей мелкихъ партизанскихъ шаекъ.

мысль о смертномъ боѣ, ожидавшемъ ихъ,—хватались они рукой за оружіе.

Пріѣхали они къ синему Тереку и ихъ лошади имъ служили лодками, а ихъ плети веслами.

Переправились они за синій Терекъ,—и сдѣлали засаду на большой дорогѣ, гдѣ ѣздятъ русскіе.

Ѣдутъ по дорогѣ люди и везутъ съ собой богатую добычу. Перебилъ и переловилъ ихъ Эль-Мурза-Бярчи и вдоволь отъ нихъ взялъ онъ добычи.

Возвратились назадъ, переправились опять чрезъ синій Терекъ. Но лишь только переправились—ударили по станицамъ въ сигнальный набатъ и раздались тамъ орудейные выстрѣлы.

Вышли за ними русскіе въ погоню и догнавши окружили ихъ. Окруживши ихъ, начальникъ послалъ къ Эль-Мурзѣ требовать сдачи.

И сказалъ ему посланный: „У тебя нѣтъ крыльевъ, Эль-Мур„за, чтобы взлетѣть на небо; нѣтъ и когтей, чтобы выкопать но„ру и уйти подъ землю".

„Крылья мои на небо—мое крымское ружье, а мои когти, чтобы сдѣлать нору—моя шашка терсмейнуль *). И сдамся я тогда только, когда вмѣсто газырей надѣну женскія петли.

„Пріѣзжалъ вѣдь я не за тѣмъ, чтобы сдаться, когда догонятъ „меня, и спокойно уйти—когда не догонятъ. Я пріѣзжалъ за тѣмъ, „чтобы умереть—если догонятъ."

И сказалъ Эль-Мурза муталимамъ: „Этому послу русскаго на„чальника опредѣлите вы сами казнь по китабу."

Отвѣчали ему муталимы: „По китабу слѣдуетъ—отрѣзать ухо ему и отправить назадъ."

И отрѣзавши ухо, они отправили посла къ начальнику.

Искалъ начальникъ другаго посла, но никто имъ быть не рѣшался. Обѣщалъ онъ тогда дать деньги тому, кто поѣдетъ — и нашелся новый посолъ.

Пріѣхалъ къ Эль-Мурзѣ новый посолъ и сказалъ, что онъ присланъ отъ начальника; что оставитъ онъ Эль-Мурзѣ—его голову, если онъ сдастся безъ боя.

---

*) Клинки, съ изображеніемъ на нихъ двухъ волчьихъ головъ, съ двумя французскими буквами на срединѣ, называются чеченцами терсмейнуль и почитаются за самые лучшіе и цѣнные.

Отвѣчалъ на это Эль-Мурза: „Тебя сказать мнѣ прислали, что-„бы на ту голову, на которой я привыкъ носить мужской папахъ,—„я надѣлъ-бы женскій платокъ.“

А одинъ изъ его товарищей сказалъ послу: „Ожидаютъ насъ „въ аулѣ дѣвушки, прекрасныя какъ райскія гуріи; къ этимъ дѣвуш-„камъ никогда не дойдетъ вѣсть о нашей сдачѣ, а дойдетъ вѣсть „о славной смерти.“

Говоритъ Эль-Мурза муталимамъ: „Послу, который пріѣхалъ намъ „предложить низкую сдачу,—что̀ опредѣлите вы по китабу?“

„По китабу ему слѣдуетъ—глаза вырѣзать,“ отвѣчали муталимы. Вырѣзали глаза послу и отправили обратно къ христіанскому начальнику.

Стали тогда стрѣлять въ нихъ изъ широкихъ ружей, съ оправленными мѣдью прикладами.

Закричалъ Эль-Мурза христіанамъ: „Послушайте вы, христіане: „пуль у насъ—какъ звѣздъ на небѣ, а пороху—какъ черной земли. „Пока небо стоитъ—и мы будемъ стоять; пока земля не пойдетъ—„не пойдемъ и мы.“

Въ толпу людей били они изъ крымскихъ ружей, а одиночныхъ людей—били шашками. Отъ огня выстрѣловъ сдѣлался дымъ, а отъ дыма сталъ день чернѣй темной ночи.

И сказалъ Эль-Мурза товарищамъ: „Говорили намъ, что конца „свѣта не будетъ: а не конче-ли свѣта конецъ (кематы)? Мало поль-„зы намъ отъ ружейныхъ выстрѣловъ и не лучше-ли въ шашки „броситься?“

Отвѣчали ему товарищи: „Пока порохъ есть и въ пуляхъ нѣтъ „недостатка — лучше будемъ стрѣлять; они кончатся — въ шашки „кинемся.“

И стрѣляли они, а какъ кончился порохъ—заревѣли, какъ голодные барсы, и бросились въ шашки.

Дрались они шашками до самой ночи, а стемнѣло—стали русскіе бить въ барабаны и стали отъ нихъ отходить.

Когда смолкъ барабанный бой и русскіе отошли отъ нихъ—были товарищи Эль-Мурзы уже всѣ перебиты и переранены. Самъ Эль-Мурза, сильно раненный, отошелъ въ сторону отъ своихъ товарищей.

Тогда закричалъ ему первый посолъ, съ отрѣзаннымъ ухомъ:

„Какую добычу изъ земли христіанъ ты везешь теперь, Эль-Мурза, „любовницѣ?“

Отвѣчалъ Эль-Мурза: „Дорогая наша добыча—бѣлый газаватъ, „нами сегодня заслуженный.“

И потомъ закричалъ онъ товарищамъ: „Есть-ли изъ васъ, то- „варищи, еще кто-либо въ живыхъ?“

Отвѣчалъ ему его близкій другъ: „Муталимы твои перебиты „всѣ, а остался въ живыхъ только я одинъ и то раненный.“

Пошелъ тогда Эль-Мурза собирать всѣ тѣла муталимовъ. Положилъ онъ ихъ рядомъ всѣ, обративши головами къ западу, а ногами туда, гдѣ восходитъ яркое солнце.

Собрались съ небесъ толпой ангелы, чтобы присутствовать при ихъ похоронахъ. Прилетѣли райскія гуріи, что-бы оплакивать ихъ вмѣсто смертныхъ женъ. Стала мертвыхъ душа зеленой птичкою, высоко поднялась и взлетѣла на седьмое небо.

И сказалъ Эль-Мурзѣ его близкій другъ: „Обвинятъ тебя, Эль- „Мурза, божьи ангелы, если оставишь ты наши тѣла на землѣ хри- „стіанъ; обвинитъ въ томъ тебя весь чеченскій народъ.“

И еще сказалъ онъ ему: „Есть въ аулѣ у васъ одна дѣвушка; „любилъ я ее и тогда еще, когда былъ мальчикомъ. Передай ты „ей мой посмертный поклонъ и скажи ты ей, что остался я на зем- „лѣ враговъ, смертельно раненный. И скажи ты ей, что тѣ подар- „ки, что я ей возилъ изъ земли христіанъ,—я возить уже больше „не буду.“

И скончался онъ въ глазахъ Эль-Мурзы; и спустились тогда съ неба ангелы, а съ земли явились шейхи, *) и взяли они изъ тѣла его свѣтлую душу.

Какъ хищный волкъ съ добычи пошелъ Эль-Мурза къ себѣ въ аулъ, и шелъ онъ, опираясь на свою шашку. Воротился онъ и сказалъ свой „саламъ“ всѣмъ жителямъ, а тѣ не могли и узнать его: такъ онъ былъ обрызганъ весь кровью.

Сталъ сбираться народъ и могли тогда его разгадать только по голосу. И спросили его, что случилось съ нимъ?

Отвѣчалъ онъ имъ: „*Лицо мое стало теперь черно* предъ

---

*) *Шейхи*, по понятію горцевъ,—святые люди, могущіе, по желанію, переноситься съ одного мѣста на другое, ходить по водѣ и проч.

„земли. На христіанской землѣ, гдѣ остаются всегда наши убитые, „остались и мои товарищи.“

„А тотъ изъ нихъ, кого больше всѣхъ я любилъ, велѣлъ мнѣ „передать поклонъ своей любовницѣ; онъ велѣлъ ей сказать: подар„ки тѣ, что возилъ онъ ей изъ земли христіанской, — возить уже „больше не будетъ.“

И, услышавъ то, дѣвушка пошла домой заплакавши; рукой била въ грудь и рвала на себѣ черные волосы.

И просилъ Эль-Мурза всѣхъ собравшихся, чтобы шестьдесятъ изъ нихъ съ нимъ поѣхали взять тѣла его товарищей.

И когда они поѣхали—Эль-Мурза ѣхалъ впереди всѣхъ, а они за нимъ слѣдомъ. Взявши тѣла, онъ пустилъ ихъ впередъ, а самъ назади ихъ поѣхалъ.

Привезли мертвецовъ — всѣмъ купилъ онъ отъ себя саваны и для всѣхъ нанялъ муллъ читать на кладбищѣ. Схоронивши же всѣхъ, на могилахъ ихъ поставилъ значки *), что ставятъ тѣмъ, кто умеръ на святой войнѣ, за вѣру.

Нѣкоторыми пѣвцами конецъ этой пѣсни варьируется. Они доводятъ разсказъ объ Эль-Мурзѣ до самой его смерти. Послѣ похоронъ убитыхъ муталимовъ на свой собственный счетъ, — дѣло, считаемое мусульманами самымъ высокимъ подвигомъ любви и милосердія,—Эль-Мурза, по варіанту пѣсни, велитъ нести себя въ мечеть, гдѣ при народѣ молится; потомъ, будучи принесенъ обратно домой, онъ разстегиваетъ свой поясъ, сжимавшій до того времени тяжелыя раны, и кровь, ничѣмъ болѣе не сдерживаемая, течетъ изъ нихъ, какъ „горный ручей;“ онъ умираетъ, обращаясь попеременно съ рѣчью къ отцу, матери и сестрѣ своей.

Я не привожу этого варіанта, полагая, что приведенныхъ мною трехъ пѣсенъ весьма достаточно, чтобы дать полное понятіе о той дикой поэзіи, которой дышатъ всѣ пѣсни чеченцевъ. Выраженія и особенности оборотовъ рѣчи я старался сохранить таки-

*) Убитымъ въ дѣлахъ съ русскими ставили, вмѣсто памятниковъ, на могилѣ значки на высокихъ и толстыхъ древкахъ.

ми, какъ онѣ есть въ подлинникѣ, точно также какъ и самый размѣръ стиховъ,—на сколько это послѣднее было возможно.

Чтобы закончить о народныхъ сказаніяхъ горцевъ, мнѣ остается привести образецъ ихъ сказокъ. Объемъ этой статьи, въ предположенномъ размѣрѣ ея, мнѣ не позволяетъ привести ихъ нѣсколько, различныхъ родовъ, а потому привожу одну изъ наиболѣе популярныхъ, которая едва-ли впрочемъ сложена самимъ народомъ, а не заимствована отъ турокъ или арабовъ. Вообще въ чеченскихъ сказкахъ — сколько мнѣ кажется—видимо можно отличить два рода ихъ: почерпнутыя изъ восточныхъ сказаній, и тѣ, вымыселъ которыхъ принадлежитъ собственно народу. Тѣ и другія принимаются имъ одинаково за свои собственныя и слушаются, обыкновенно, съ большой жадностью. Что же касается до приводимой здѣсь басни „о медвѣдицѣ“, то она, несомнѣнно, происхожденіемъ своимъ обязана вымыслу горцевъ здѣшнихъ племенъ.

Сказка о Пророкѣ Соломонѣ *).

Разскажу я вамъ сказку такую хорошую, какъ дай Богъ, чтобы въ жизни пришлось вамъ слышать столько же хорошаго. Дай Богъ, чтобы всѣ княжьи дѣти не поднялись изъ своихъ люлекъ и изъ норъ своихъ чтобы не повылѣзли волченята **). Кто выйдетъ изъ дому, пожелавши вамъ зла, — дай Богъ тому въ своемъ домѣ зла и чтобы онъ воротился туда, принесши съ собою новую бѣду. А кто вамъ пожелаетъ хорошаго—пошли Богъ и ему всего хорошаго. Дай Богъ,

*) Библейскаго царя Соломона горцы называютъ *Пайхомаръ-Сулейманъ*, т. е. Пророкъ Соломонъ. Онъ принимается вообще мусульманами за одного изъ главныхъ пророковъ.

**) Здѣсь невольно высказывается тотъ взглядъ, которымъ горные чеченцы смотрятъ на аристократію своихъ кумыкскихъ и дагестанскихъ сосѣдей.

чтобы кадій, для народа вредный,—умеръ, и кузнецъ, который для народа плохъ,—также въ могилу съ нимъ рядомъ легъ. Пусть дурная для мужа жена — умереть, а мужъ, хотя для жены и дурной, пусть долго живетъ! Если вашъ отецъ живъ—дай Богъ ему молодую жену, а померъ—пошли ему Богъ тихую могилу *).

Былъ когда-то на свѣтѣ царь Сулейманъ-Пайхомаръ. Былъ онъ царемъ не только надъ всѣми людьми, но и надъ звѣрями, птицами и джиннами. Все повиновалось его волѣ: и птицы, и звѣри, и джинны, и всё что только живетъ на землѣ, въ воздухѣ и водѣ; повелѣвалъ онъ также и вѣтрами, и моремъ, и отвсюду они приносили ему вѣсти. Выступалъ-ли онъ въ походъ противъ враговъ своихъ—люди, звѣри, джинны — всѣ шли за нимъ и вѣтеръ летѣлъ вслѣдъ за отрядомъ. Проводникомъ ему служила всегда пестрая кукушка, съ длиннымъ носомъ въ пять локтей. А проводникомъ ее бралъ Пайхомаръ-Сулейманъ потому, что она умѣла хорошо своимъ длиннымъ клювомъ разрывать песокъ и отыскивать воду. Отъ этого-то у кукушекъ, которыя живутъ въ наше время, и сталъ носъ короче. Часто ходилъ онъ противъ невѣрныхъ христіанъ, и если они упорно ему сопротивлялись,—онъ посылалъ вѣтеръ и приказывалъ ему сносить и раскидывать всѣ ихъ жилища.

Творилъ онъ судъ не только надъ людьми и джиннами, но судилъ, по очереди, и птицъ, и звѣрей,—и въ его судѣ отъ всѣхъ ихъ были представители. Самъ же онъ зналъ всѣ языки и людей и животныхъ.

Сидѣлъ однажды въ своемъ судѣ Сулейманъ-Пайхомаръ; былъ день, когда разбирались жалобы птицъ и депутатами отъ нихъ были Филинъ и Анкаа. Сулейманъ сидѣлъ, окруженный множествомъ птицъ, а Анкаа и Филинъ сидѣли близь него. Сидѣлъ Сулейманъ—и вдругъ засмѣялся. Тѣ, которые это замѣтили, просили его сказать: чему онъ засмѣялся? зная, что безъ причины онъ ничего не дѣлаетъ. На это Сулейманъ сказалъ: ,,Быстрый вѣтеръ сей часъ шепнулъ мнѣ на

---

*) Передавая слово въ слово эту *присказку*, я ее сокращаю, такъ какъ въ ней есть желанія, не совсѣмъ удобныя для печати.

Горцы большіе любители подобныхъ присказокъ; разнообразіе ихъ формулъ и величина зависятъ совершенно отъ воображенія разсказчика и его умѣнья говорить. Большая часть сказокъ ихъ начинается обыкновенно *присказкою*.

,,ухо, что на востокѣ, у сильнаго царя, родилась дочь, а у того ,,царя, который правитъ людьми на западѣ, родился сынъ. Вѣтеръ ,,принесъ мнѣ вѣсть, что, когда они выростутъ,—сынъ царя запад-,,наго женится на восточной царевнѣ. А какъ можетъ знать это ,,вѣтеръ за такое долгое время? Вотъ поэтому-то я и засмѣялся.'' ,,—Если бы вѣтеръ сказалъ тебѣ и правду, отвѣчали Сулейману Анкаа ,,и Филинъ, но если мы не захотимъ, чтобы это случилось, то мы ,,сдѣлаемъ такъ, что восточная царевна никогда не выйдетъ замужъ ,,за сына царя запада.''

,,—Какъ можете вы измѣнить предопредѣленіе вашего Творца, ,,если только соединеніе это назначено Всемогущимъ? сказалъ имъ ,,на это царь.''

,,—Если мы не будемъ въ состояніи сдѣлать то, что сказали ,,тебѣ,—мы никогда больше не покажемся и на свѣтъ дневной, сно-,,ва отвѣтили Анкаа и Филинъ.''

Послѣ этого разговора они оставались до вечера въ судѣ Сулеймана, а когда насталъ вечеръ—Филинъ полетѣлъ въ одну сторону, а Анкаа—въ другую.

Былъ Анкаа очень красивая птица; такая красивая, что лучше его нельзя было и на свѣтѣ найти. Величиною больше его также между птицъ ни одной не было; крылья его были какъ самыя большія бурки; а когда онъ летѣлъ, шумъ отъ нихъ слышенъ былъ болѣе чѣмъ за двадцать дней пути пѣшаго человѣка. Когда Анкаа и Филинъ улетѣли отъ Пайхомаръ-Сулеймана, Анкаа прямо полетѣлъ на востокъ, въ то царство, гдѣ жилъ царь, у котораго родилась дочь. Въ то время когда онъ подлетѣлъ къ дворцу (гаала),—царица, вмѣстѣ съ своими дѣтьми и съ новорожденной дочерью на рукахъ, прогуливалась отъ него недалеко. Анкаа прямо бросился на царицу; та такъ была испугана его нападеніемъ и оглушена шумомъ его крыльевъ, что, не помня себя отъ страха, выронила изъ рукъ дочь свою, и, оставивши дѣтей, побѣжала во дворецъ. Анкаа только этого и желалъ; схвативши ребенка въ свои когти, онъ тотчасъ же поднялся высоко на воздухъ и скрылся за темными облаками.

Жилище Анкаа было на высокой горѣ, со всѣхъ сторонъ окруженной глубокимъ моремъ; на самой высокой вершинѣ горы росло высокое дерево, а на самой высокой вѣтви его было устроено гнѣздо Анкаа. Въ это-то гнѣздо и опустился онъ вмѣстѣ съ похищеннымъ ребенкомъ. Прошло много лѣтъ, прежде чѣмъ восточная царевна вы-

росла и стала такой красавицей, какими бываютъ только однѣ гуріи небесныя. Во все это время Анкаа заботился о ней, какъ родная мать, и доставлялъ ей пищу.

Пока росла царевна, выросъ и царевичъ, сынъ того царя, который правилъ людьми въ той странѣ, гдѣ солнце ложится за горы, на дно синяго моря. Сильно любилъ царевичъ охоту; охотился онъ каждый день по степямъ и горамъ за всякой дичью и за всякимъ звѣремъ и испыталъ охоту на всѣхъ ихъ. Вотъ однажды сказалъ онъ товарищамъ — охотникамъ: ,,Товарищи! мы убивали и ловили всѣхъ ,,птицъ и звѣрей, которыхъ Богъ создалъ, чтобы жили на землѣ. ,,Попробуемъ теперь охоту на морѣ." — Сѣлъ онъ съ товарищами на лодку и отправились они въ море на охоту, взявши съ собою и вороняго коня, котораго царевичъ такъ любилъ, что ни день, ни ночь съ нимъ не разставался. Заѣхали они далеко въ море и тамъ захватила ихъ сильная буря, продолжавшаяся три дня и три ночи, такъ что лодка перестала ихъ слушаться, а неслась туда, куда несъ ее вѣтеръ. На четвертую ночь буря перестала и лодка царевича остановилась. Когда разсвѣло и поднялось солнце, царевичъ и его охотники увидѣли недалеко отъ себя высокую каменную гору, а на ней высокое дерево. На этомъ деревѣ они увидѣли какую-то фигуру, похожую на человѣка. Крѣпко удивился этому царевичъ и велѣлъ подплыть ближе къ каменной горѣ; подплыли ближе и сталъ смотрѣть онъ тогда въ зрительную трубу на дерево, чтобы узнать, что такое они на немъ видѣли. Только что взглянулъ онъ въ свою трубу, сейчасъ же увидѣлъ, что на деревѣ была женщина и такая красавица, какихъ и въ цѣломъ царствѣ отца его не было. Удивился этому царевичъ еще больше. Сталъ онъ громко звать ее и спрашивать: кто она такая и зачѣмъ находится въ этомъ пустынномъ мѣстѣ? Отвѣчала ему восточная царевна: ,,О чемъ ты спрашиваешь меня—не знаю; я ,,знаю только одного Анкаа."—,,Жаль мнѣ тебя, дѣвушку, сказалъ ей ,,царевичъ: подобныя тебѣ красавицы выходятъ замужъ, живутъ во ,,дворцахъ съ своими мужьями, носятъ канаусовое платье и серебряныя украшенія и кушаютъ хорошее кушанье, а не живутъ на каменной горѣ, на высокихъ деревьяхъ." Горько стала плакать царевна, услыхавши рѣчи его.—,,Полюбила я тебя, сказала она царевичу, ,,съ перваго же взгляда, и если могла бы отсюда прійти къ тебѣ,— ,,то пришла-бы; а если-бы ты самъ могъ прійти сюда,—то это было-бы еще лучше." И стала просить она царевича, что-бы онъ

постарался какъ нибудь подойти къ ней.—,,Незнаю я, какъ бы подой-
,,ти къ дереву, сказалъ царевичъ; подумай и найди ты сама для это-
,,го средство: вѣдь женщины, говорятъ, гораздо хитрѣе мужчинъ на
,,всякія выдумки.''

Посмотрѣла восточная царевна вокругъ себя, подумала, и вдругъ сказала: ,,А что это я вижу на вашей лодкѣ?''—,,Это лошадь моя ,,любимая, отвѣтилъ ей царевичъ; я такъ ее люблю, что безъ этой ,,лошади не могу на свѣтѣ прожить и одного часа.''—Сказала ему царевна: ,,Рано утромъ каждый день Анкаа улетаетъ въ судъ Пай-,,хомаръ-Сулеймана, а вечеромъ, каждый день, возвращается онъ ,,назадъ въ гнѣздо свое. Если я скажу Анкаа, что мнѣ скучно—онъ ,,сдѣлаетъ все, что можетъ, чтобы забавить меня. Сдѣлай ты вотъ ,,что: зарѣжь ты ножемъ твоего любимаго коня, выбрось изъ него ,,внутренности, а самъ садись въ средину его и вели трупъ бросить въ ,,море, привязавши его прежде веревкою къ лодкѣ. Когда Анкаа воз-,,вратится домой, я спрошу его, что такое виднѣется на морѣ? Онъ ,,мнѣ отвѣтитъ, что то виднѣется лодка, а къ ней привязана уби-,,тая лошадь. Тогда я скажу ему, что лошадь мнѣ понравилась, и попрошу ,,принести ее. Анкаа принесетъ, а ты будешь сидѣть внутри ее,—и ,,когда завтра утромъ Анкаа улетитъ, ты выйдешь изъ лошади и мы весь ,,день проведемъ вмѣстѣ, а вечеромъ, когда мы услышимъ шумъ его ,,крыльевъ за 20 дней пути для человѣка, ты опять въ нее спрячешься.''

Такъ и сдѣлалъ царевичъ, какъ сказала ему хитрая красавица. Зарѣзалъ онъ любимца коня своего воронаго, выбросилъ его внутренности, самъ сѣлъ въ средину и велѣлъ привязать трупъ веревкою къ лодкѣ и бросить его въ море.

Немного погодя прилетѣлъ и Анкаа въ гнѣздо свое. Стала тогда царевна жаловаться ему на то что ей скучно жить одной на горѣ, посреди моря, и стала она горько плакать; потомъ вдругъ спросила Анкаа, что такое видно на морѣ, и указала ему на пустую лодку. Поглядѣлъ Анкаа и отвѣтилъ ей, что она видитъ лодку. — ,,А ,,что такое красивое плыветъ за лодкою?'' спросила его царевна.— Это убитая лошадь, отвѣтилъ Анкаа. Стала тогда дѣвушка просить его, чтобы онъ принесъ ей красивую убитую лошадь и опять стала плакать и ссылаться на то, что ей одной скучно. Анкаа, радуясь, что можетъ ее чѣмъ нибудь утѣшить, полетѣлъ, схватилъ зарѣзанную лошадь царевича, принесъ и положилъ ее въ гнѣздо, гдѣ сидѣла царевна.

Сталъ тогда царевичъ каждое утро, какъ улетитъ Анкаа, выходить изъ трупа лошади и цѣлые дни проводить съ восточною царевною, а какъ только услышатъ они, за двадцать дней пути для человѣка, шумъ крыльевъ его,—опять прятался царевичъ внутрь своего убитаго коня.

Снова сидѣлъ однажды въ своемъ судѣ Пайхомаръ-Сулейманъ и снова тотъ же вѣтеръ, который сказалъ ему, за нѣсколько лѣтъ предъ тѣмъ, что у царя восточнаго родилась дочь, а у царя западнаго сынъ,—шепнулъ ему на ухо, что царевичъ и царевна успѣли соединиться, но что живутъ они не по закону *(харамъ)*. Услыхавши вѣсть, сообщенную ему вѣтромъ, Пайхомаръ-Сулейманъ сказалъ Анкаа и Филину, по прежнему сидѣвшимъ въ судѣ его:

—„Много лѣтъ прошло, какъ у царя, живущаго на востокѣ, „родилась дочь, а у того царя, который правитъ людьми на западѣ, „родился сынъ, и Богомъ было предопредѣлено, что-бы восточная „царевна вышла замужъ за сына царя запада. Исполнили-ли вы обѣ„щаніе, которое вы мнѣ дали, и помѣшали-ли вы этому соединенію?"

—„Правда, отвѣтили Анкаа и Филинъ, мы дали обѣщаніе и „исполнили его: царевичъ и царевна между собой не могли соеди„ниться."

Выслушавши отвѣтъ ихъ, Сулейманъ-Пайхомаръ сказалъ джинну Нахипу, ему служившему:—„Есть на морѣ каменная гора, а на „горѣ высокое дерево, а на деревѣ томъ гнѣздо Анкаа, гдѣ находят„ся теперь царевичъ, царевна и зарѣзанный конь. Лети туда и воз„вращайся обратно такъ быстро, какъ только человѣкъ успѣетъ одинъ „разъ моргнуть глазами. Принеси ты мнѣ царевича, царевну и „убитую лошадь."

Въ одно мгновеніе Нахипъ исполнилъ повелѣніе Пайхомаръ-Сулеймана и принесъ въ судъ убитаго воронаго коня, а въ серединѣ его были царевичъ и царевна, которымъ Сулейманъ тотъ-часъ-же приказалъ оттуда выйти.

Царевна была уже беременна и Сулейманъ это замѣтилъ. Замѣтилъ это и Анкаа и стало ему совѣстно предъ другими птицами и Сулейманомъ, что онъ не исполнилъ того обѣщанія, которое далъ пророку; и сталъ онъ просить Бога, чтобы онъ сдѣлалъ такъ, чтобы съ этого часа ни люди, ни птицы никогда больше его не могли видѣть на свѣтѣ. Когда молитва его дошла до Бога, Всесильный исполнилъ ее,—и съ того времени, хотя Анкаа и существуетъ, глазъ человѣческій не могъ его нигдѣ видѣть.

Стало совѣстно и Филину и онъ поднялся съ своего мѣста и полетѣлъ, обѣщаясь днемъ болѣе никогда не показываться ничьимъ глазамъ. И дѣйствительно, съ того времени онъ болѣе при дневномъ свѣтѣ не показывается и летаетъ только ночью. А если иногда, забывши свое обѣщаніе, вылетитъ онъ на свѣтъ дневной, всѣ другія птицы собираются и бьютъ его и снова заставляютъ скрыться въ темный лѣсъ или горную пещеру, куда никогда не проникаютъ лучи солнца и гдѣ его никто не можетъ видѣть.

Басня о медвѣдицѣ.

Въ лѣсу, на высокой горѣ, гдѣ одни лишь соколы вьютъ себѣ крѣпкія гнѣзда, жила медвѣдица съ двумя медвѣжатами. Зорко сторожила мать любимыхъ дѣтей своихъ, оберегала ихъ отъ звѣря и отъ злаго человѣка и не выпускала изъ берлоги, сама заботясь о ихъ пищѣ.

Надоѣла такая жизнь медвѣжатамъ. Вотъ въ одинъ день стали они просить мать, чтобы она дала имъ грушъ, зная хорошо, что грушъ у ней нѣтъ и, чтобы достать ихъ, она пойдетъ вмѣстѣ съ ними въ далекій лѣсъ.—,,Я знаю одно дерево, сказала медвѣдица, и ,,хотя къ нему дойти не легко, но за то груши на немъ большія и сладкія.''—,,Знаемъ и мы эту грушу, отвѣчали медвѣжата, и не разъ ,,въ твое отсутствіе собирались итти къ ней, но боимся, что ее ,,стерегутъ охотники.'' Стала тогда смѣяться мать надъ робостью дѣтей своихъ и увѣряла ихъ, что трусамъ всегда достается самая плохая добыча; хорошее-же все выпадаетъ на долю только храбрыхъ.

Подумали, подумали медвѣжата и пошли вслѣдъ за матерью. Приодятъ къ грушѣ. Спѣлые фрукты на ней—какъ камни на берегу рѣки: выбирай, который больше.

Но не въ добрый часъ вышли медвѣжата. Два охотника, зная, что медвѣди любятъ груши и часто посѣщаютъ это мѣсто, сидѣли въ кустахъ и стерегли ихъ. Выстрѣлили изъ ружей — и убили обоихъ дѣтей; сама мать едва могла уйти, и то раненная. Пришла на свою гору медвѣдица и горько, горько заплакала.—,,Боже! пошли ты ,,мнѣ смерть за то, что я не съумѣла уберечь дѣтей своихъ и сама ,,навела ихъ на гибель!''

Да, пусть Богъ проклянетъ ту мать, которая не съумѣетъ угадать будущность родныхъ дѣтей своихъ!

Какъ сказка, такъ и басня записаны почти слово въ слово. По совершенно своеобразному характеру, разнообразію содержанія, сказки чеченскія заслуживаютъ полнаго вниманія. Замѣчательно, что въ нихъ можно встрѣтить нерѣдко и римскихъ кесарей — *Румъ-Падшахъ*, *Падшахъ-Кейсаръ*, точно также какъ и *Салмекъ и Кококбольдинъ* (*конь о трехъ ногахъ*, въ переводѣ), Змѣя-Горыныча и Сивку-Бурку нашихъ русскихъ народныхъ сказокъ. *Оборотни* и красавицы замужемъ за медвѣдями, какъ и въ нашихъ сказкахъ, у чеченцевъ также играютъ немаловажную роль.

IV.

Сословные классы.—Военное значеніе Аргунскаго округа во время имамета и въ настоящее время.—Памятники древности.

Сословныхъ отличій, какъ выше я сказалъ, ни въ Чечнѣ, ни между племенами, населяющими Аргунскій округъ, нѣтъ. Въ прежнее время хотя и былъ здѣсь классъ рабовъ, но онъ возникъ тѣмъ особымъ путемъ, какимъ обыкновенно возникаетъ рабство у всѣхъ нецивилизованныхъ народовъ, т. е. путемъ войны и права сильнаго. Рабы, весьма впрочемъ немногочисленные, были здѣсь исключительно одни лишь плѣнные грузины изъ Кахетіи, тушины и отчасти русскіе. Они стояли внѣ всякаго права: и собственность и жизнь ихъ вполнѣ зависѣла отъ воли владѣльца. Нельзя не замѣтить однако же, что, не смотря на свою дикость, горцы вообще обращались съ рабами весьма мягко. У нихъ рабъ, если только разумѣется онъ былъ мусульманинъ, считался скорѣе однимъ изъ младшихъ членовъ семейства, нежели безправнымъ рабомъ; онъ служилъ старшимъ членамъ точно также, какъ служатъ и теперь дѣти отцу, младшіе братья старшимъ и т. д.

У чеченцевъ, живущихъ на плоскости, классъ рабовъ однако-

же былъ; онъ существовалъ назадъ тому еще два года, хотя и въ меньшемъ объемѣ, нежели у кумыковъ и кабардинцевъ. Вопросъ о холопахъ, на ряду съ другими вопросами, не менѣе важными—о надѣлѣ землею горцевъ, о государственной подати,—рѣшены невозвратно, и горцы не составятъ уже болѣе, какъ это было прежде, *государства въ государствѣ*, но станутъ русскими подданными въ полномъ значеніи этого слова. Какъ легко разрѣшать подобные вопросы между горцами вообще, а между чеченцами—въ особенности, пойметъ всякій, кто знаетъ прежнюю исторію Кавказа, со времени нашего на немъ владычества, кто знаетъ характеръ населенія, его недовѣрчивость ко всякимъ реформамъ и нововведеніямъ, его одностороннія понятія и наконецъ тѣ личные интересы, которые подобные вопросы необходимо затрогивали. Исходъ этихъ вопросовъ въ настоящее время мы пока можемъ цѣнить только какъ совершившійся фактъ, смѣло задуманный и искусно и энергично выполненный; оцѣнка же его важныхъ результатовъ—есть дѣло исторіи.

Что касается до аристократизма нѣкоторыхъ фамилій, то различіе между ними, начиная со временъ Кази-Муллы, стало чисто-номинальнымъ. Онъ возникъ вслѣдствіе того только, что въ прежнее время анархіи и междуусобицъ въ горахъ, прекращенныхъ отчасти Кази-Муллою и окончательно уже только Шамилемъ, фамилія, бравшая перевѣсъ надъ другими числительностью членовъ, ее составлявшихъ, необходимо становилась въ главѣ другихъ, потому что имѣла за себя если не самое естественное, то во всякомъ случаѣ самое древнее изъ правъ—право сильнаго. Не такимъ-ли же, впрочемъ, путемъ образовалось высшее сословіе и у другихъ горскихъ племенъ и вообще вездѣ, гдѣ дворянство или княжество не было жалованнымъ главою правительства? Въ Грузіи точно также, независимо отъ жалованныхъ царями достоинствъ дворянскаго и княжескаго, большая часть родовъ, составляющихъ высшій классъ, возникла такимъ же путемъ; иначе трудно объяснить себѣ громадную числительность грузинскихъ княжескихъ фамилій сравнительно съ цифрою населенія страны. Какъ бы то ни было, но аристократизмъ нѣкоторыхъ чеченскихъ фамилій, съ покореніемъ Чечни, сгладился окончательно, и только какъ слѣдствіе прежняго

порядка вещей, убійствъ, насилій, продажи свободныхъ людей и проч., остается лишь одна кровная вражда лицъ между собою, а часто и цѣлыхъ родовъ. Впрочемъ, изъ того что я сказалъ касательно отсутствія въ племенахъ чеченскаго происхожденія всякаго аристократическаго начала, не надо заключать однакоже, чтобы стремленія къ нему вовсе въ народѣ не существовало; напротивъ, каждая фамилія (тайпа) чрезвычайно гордится предъ другими древностью своего происхожденія, его прошлою или настоящею силою и тою ролью, которую она играла въ прежнее время, до Кази-Муллы и имамета: такъ что у чеченцевъ ни качества личныя, ни заслуги, никогда не выкупаютъ происхожденія человѣка отъ слабой фамиліи или происхожденія *безфамильнаго*, т. е. происхожденія людей, предки которыхъ были персіане, дагестанцы и т. д.

Военное значеніе Аргунскаго округа, при Шамилѣ, было весьма важно. Ущелье, образуемое р. Чанте-Аргуномъ и дѣлящее округъ, въ его настоящихъ административныхъ границахъ, почти на двѣ равныя части, по близости своей къ нашей линіи и главному тогдашнему населенію замиренныхъ чеченцевъ, галгаевцевъ, назрановцевъ и другихъ, издавна намъ покорныхъ племенъ, всегда служило сборнымъ пунктомъ для всѣхъ многочисленныхъ скопищъ Шамиля, стягивавшихся имъ съ лезгинской линіи, Чечни и сѣвернаго Дагестана. Отсюда направлялись всегда шайки наѣздниковъ и абрековъ на нашу сунженскую линію и къ ближайшимъ крѣпостямъ чеченской плоскости. Отсюда же были имъ предпринимаемы большими массами всѣ движенія въ Грузію, Кабарду, Назрань, чему самое положеніе Аргунскаго ущелья какъ нельзя болѣе способствовало. Шамиль глядѣлъ на него также какъ на послѣдній могущественный оплотъ своей власти въ горахъ, полагая въ крайнемъ случаѣ переселиться сюда изъ аула Ведено.

Дикость жителей, встрѣчавшихся съ русскими только въ бою и глубоко насъ ненавидѣвшихъ, отсутствіе дорогъ и, наконецъ, грозныя укрѣпленія, созданныя самою природою и встрѣчающіяся здѣсь на каждомъ шагу,— все это еще въ началѣ пятидесятыхъ годовъ дѣлало доступъ къ этому ущелью не мыслимымъ.

Для насъ, русскихъ, а отчасти и для самихъ чеченцевъ, оно было въ то время *terra incognita* и служило предметомъ различныхъ басней про его жителей, ихъ звѣрство, образъ жизни, религію и проч. Между тѣмъ, покореніе его совершилось быстрѣе, нежели можно было когда-либо предполагать. Причина впрочемъ понятна: горцы были измучены постоянною войною, въ которой гибло безполезно и безслѣдно столько людей, а главное—они были утомлены безпощаднымъ деспотизмомъ Шамиля, губившаго людей болѣе, чѣмъ русскія войска, для собственныхъ корыстныхъ цѣлей. Разсказы про него надо послушать именно въ горахъ, гдѣ его глубоко и справедливо ненавидятъ; чѣмъ далѣе отъ горъ, тѣмъ уваженіе къ нему усиливается пропорціонально разстоянію, такъ что въ глазахъ чеченцевъ—онъ былъ только поборникъ мусульманской вѣры, а въ Кабардѣ—святой. Между тѣмъ здѣсь и досихъ поръ народъ вспоминаетъ о немъ съ ненавистью, за его жестокость и корыстолюбіе.

Въ настоящее время военное значеніе Аргунскаго ущелья остается точно также важнымъ, какъ и во время борьбы нашей съ Чечнею. Все народонаселеніе Терской области, оцѣпленное рядомъ крѣпостей, начиная отъ Хасавъ-Юрта, Ведено, Шатоя и до Владикавказа, помимо даже нравственнаго вліянія нашего на него, совершенно въ нашихъ рукахъ и вполнѣ зависитъ отъ нашей воли. Выдвинутыя впередъ отъ Шатоя, укр. Башенъ-Кале и Евдокимовское, для горцевъ неприступныя, служатъ твердымъ оплотомъ нашей власти въ нагорныхъ обществахъ, пограничныхъ съ племенами уже христіанскими, на которыя, въ случаѣ крайности, мы можемъ расчитывать также смѣло, какъ и на наши войска. Правда, что пространство отъ лѣваго берега Чанте-Аргуна и до Владикавказа не прикрывается ни одной крѣпостью, и я всегда былъ того убѣжденія, что крѣпость въ аулѣ Ялхорой была бы весьма полезна, но тѣмъ не менѣе линія крѣпостей, расположенныхъ по Чанте-Аргуну, совершенно разъединяетъ воинственныя племена горцевъ Дагестана и Терской области и, въ случаѣ войны, можетъ служить базисомъ для нашихъ военныхъ дѣйствій.

Что касается до нравственнаго вліянія нашего на горское на-

родонаселеніе, то условія прочнаго владычества нашего надъ покоренными племенами не могутъ уже, конечно, въ настоящее время зависѣть отъ того взгляда, которымъ горцы на эту новую для нихъ власть смотрятъ. Тѣ условія, при которыхъ владычество наше въ горахъ создалось, и тѣ разумныя начала, которыя введены при управленіи горцами, вполнѣ уже достаточныя гарантіи для мирной будущности. Но подобныя гарантіи, хотя и вѣрныя, обезпечиваютъ скорѣе будущее, нежели настоящее. Для насъ онѣ осязательны и вполнѣ понятны; но что касается до покореннаго народа, до его стараго поколѣнія, то матеріальное благосостояніе, безопасность жизни и собственности его частныхъ лицъ, хотя въ настоящее время сознаны имъ и цѣнятся, но не на столько однако же, чтобы исключать въ глазахъ, если не массы, то отдѣльныхъ личностей, возможность всякихъ попытокъ къ мятежу. Вина этому—не неумѣнье наше сблизиться съ покореннымъ народомъ, не неумѣнье наше выяснить ему всѣ преимущества настоящей его жизни предъ жизнью прошлою и, наконецъ, не безсиліе или ошибочность принятой нами системы управленія, но жажда свободы, хотя быть можетъ и въ превратномъ для насъ значеніи этого слова, легковѣріе, лежащее въ основѣ характера горца, и, наконецъ, тѣ предразсудки и традиціонныя понятія, которыя всосалъ онъ вмѣстѣ съ молокомъ матери и измѣнить которыя можетъ, разумѣется, только одно время. Поэтому-то, для поддержки нашего вліянія въ горахъ, и при томъ какъ опора и поддержка вводимой гражданственности, намъ нужна еще въ глазахъ этого поколѣнія видимая, матеріальная сила, та сила, которая сломила его нѣсколько лѣтъ тому назадъ: она одна пока можетъ быть гарантіей спокойствія и мирнаго господства нашего надъ покоренными племенами. Эта матеріальная сила будетъ, конечно, не болѣе какъ средство второстепенное, на которое власть наша будетъ опираться, но тѣмъ не менѣе необходимо, чтобы на извѣстный періодъ времени горцы могли ясно ее видѣть. Новое поколѣніе будетъ, разумѣется, уже совершенно иное, при томъ только условіи однако же, что мы съумѣемъ продолжать вести его тѣмъ путемъ, по которому оно направлено уже нами, и если мы не испортимъ тѣхъ задатковъ, которые мы положили уже въ основу его

будущности. Это поколѣніе, безспорно, будетъ съ совершенно уже иными взглядами, иными желаніями, требованіями и образомъ мыслей; только оно сознательно пойметъ и оцѣнитъ всѣ тѣ блага, которыя мы, въ продолженіе послѣднихъ пяти лѣтъ, внесли въ жизнь горца.

Памятниковъ древности, такъ часто встрѣчающихся въ горахъ Кавказа, въ Аргунскомъ округѣ весьма мало. Объясняется это легко какъ неприступностью самой мѣстности, бывшей за нѣсколько сотъ лѣтъ тому назадъ, конечно, еще болѣе неприступной, такъ равно и отдаленностью здѣшнихъ обществъ отъ извѣстныхъ путей, служившихъ во всѣ историческія времена большою дорогою для народовъ, переходившихъ изъ Азіи въ Европу, или для отдѣльныхъ лицъ, средневѣковыхъ искателей приключеній, присутствіе которыхъ не въ одномъ мѣстѣ Кавказа оставило слѣды свои. Одинъ изъ наиболѣе замѣчательныхъ памятниковъ находится въ акинскомъ обществѣ, близь аула Галанчоджъ. Это церковь, выстроенная изъ камня, на горѣ, на берегу озера волканической формаціи. Постройка церкви сама по себѣ не имѣетъ ничего замѣчательнаго, но любопытно и важно преданіе, связанное съ ея сооруженіемъ.

Акинцы утверждаютъ, что лѣтъ четыреста или болѣе тому назадъ, изъ галгаевскихъ обществъ пришли вооруженные люди, европейцы (фиренгъ), и поселились близь Галанчоджскаго озера. На горѣ, лежащей на южномъ берегу его, они выстроили церковь, обнесли ее каменною оградою, съ четырьмя воротами, — для тушинъ, галгаевцевъ, чеченцевъ и мѣстныхъ племенъ. Каждыя ворота обращены были къ горамъ, занятымъ упомянутыми племенами. Постройка церкви сопровождалась большими затрудненіями и препятствіями со стороны горцевъ, въ то время еще язычниковъ, но не смотря на то церковь была воздвигнута, и тогда, прибавляетъ преданіе, изъ Чечни, Грузіи, Галгая и окрестныхъ обществъ стали стекаться люди молиться въ церкви Богу христіанъ, и каждый народъ входилъ отдѣльно въ ворота, для него въ оградѣ сдѣланныя. Нѣсколько лѣтъ продолжался этотъ порядокъ вещей и европейцы находились въ самыхъ миролюбивыхъ и дружескихъ отношеніяхъ съ туземцами, но потомъ, мало по-малу, они стали тѣснить этихъ послѣднихъ, отнимать у нихъ женщинъ, имущество,—

и всѣ фамиліи горскія, даже и тѣ, которыя между собою враждавали,—заключивши союзъ, возстали на пришельцевъ. Послѣ кратковременной, но упорной и кровавой войны, европейцы были побѣждены и удалились опять тою же дорогою, чрезъ Галгай.

Акинцы и терлоевцы до сихъ поръ еще показываютъ то мѣсто, гдѣ былъ у нихъ съ этими чужеземцами послѣдній кровавый бой, послѣ котораго они вынуждены были отступить. На берегу озера до сихъ поръ сохранился еще рядъ тополей, чрезвычайно правильно и симетрически насаженныхъ,—отростки тѣхъ, которыя, по словамъ горцевъ, были когда-то посажены жившими тутъ европейцами. Горцы щадятъ эти деревья, считая за величайшій грѣхъ рубить ихъ и искренно вѣря тому, что тотъ, кто срубитъ одно изъ нихъ, непремѣнно въ скоромъ же времени умретъ. Этому-то повѣрью настоящіе тополи и обязаны своимъ существованіемъ. Дорога, ведущая къ церкви, проведена спирально по горѣ, имѣющей конусообразную форму, и въ свое время разработана была такъ хорошо, что слѣды ея видны еще и до сихъ поръ.

Къ какой націи принадлежали люди, пробовавшіе водвориться въ горахъ акинскаго общества,—отвѣчать на это опредѣленно весьма трудно. Но если мы однако же припомнимъ, что Генуэзская и Венеціанская республики, раскидывавшія, въ XIII и XIV столѣтіяхъ, колоніи свои по всѣмъ прибрежьямъ Востока, имѣли и на Кавказѣ своихъ представителей, то почти достовѣрно можно полагать, что европейцы, жившіе въ акинскихъ горахъ, принадлежали къ одному изъ этихъ народовъ, и это тѣмъ вѣроятнѣе, что присутствіе генуэзцевъ въ Кабардѣ въ концѣ XV столѣтія доказано уже несомнѣнно. Впрочемъ, и въ этомъ случаѣ, какъ и во многихъ другихъ, касающихся древней исторіи Кавказа, намъ приходится довольствоваться только одними догадками и оставаться пока въ области легендъ и преданій.

Другой замѣчательный памятникъ древности былъ открытъ мною въ прошедшемъ году въ отрогахъ хребта, служащаго водораздѣломъ между рѣками Андійскимъ-Койсу и Шаро-Аргуномъ. Это были мѣдныя, литыя статуэтки, величиною не свыше нѣсколькихъ дюймовъ, изображавшія людей совершенно обнаженныхъ, съ

шлемами на головѣ и съ дротикомъ въ одной рукѣ. Между этими статуэтками находились также изображенія козловъ, оленей, барановъ, весьма грубо сдѣланныя, точно также какъ и самыя фигуры людей. Преданія туземцевъ молчатъ о томъ, какому народу принадлежали эти изображенія и какое было назначеніе ихъ. Между тѣмъ, у горцевъ шароевскаго общества, они извѣстны однако же подъ именемъ *„христіанскихъ боговъ,“* и это обстоятельство, по моему мнѣнію, служитъ прямымъ и яснымъ указаніемъ на то, что статуэтки эти служили нѣкогда домашними пенатами народу, уже исчезнувшему или слившемуся съ существующими племенами. Мусульмане вообще, а горцы въ особенности, относятся къ христіанской религіи наравнѣ съ паганизмомъ; наши духовныя вѣрованія, выраженныя матеріально, служатъ для нихъ самымъ осязательнымъ знакомъ идолопоклонства, и для горца христіанскіе образа стоятъ ни сколько не выше языческихъ боговъ. Слѣдовательно понятно, почему во мнѣніи народа поклоненіе этимъ идоламъ приписывается христіанамъ. Самая форма шлемовъ доказываетъ, что принадлежали они народу иноземному, такъ какъ шлемы у горцевъ въ употребленіи никогда не были. Здѣсь носили всегда шишаки, образчики которыхъ можно видѣть и теперь. Поэтому нельзя ни какимъ образомъ предположить, чтобы горцы, бывшіе нѣсколько столѣтій тому назадъ дикарями, въ полномъ значеніи этого слова,—давая какому-либо отвлеченному понятію форму вещественную, могли заимствовать ее изъ среды имъ чуждой, а не изъ той, въ которой они жили сами.

Тѣмъ не менѣе, отнести найденные идолы исключительно къ тому или другому народу можно только весьма гадательно.

Начиная съ миѳическихъ временъ исторіи, съ похода Аргонавтовъ и странствованій Улиса, на Кавказѣ перебывало множество народовъ: одни—какъ завоеватели, другіе—какъ коммерсанты и колонизаторы. Персы и греки должны были чаще другихъ сталкиваться съ кавказскими племенами, такъ какъ, разновременно, они основывались здѣсь болѣе прочно, нежели другіе народы. Въ пятомъ уже вѣкѣ нашей эры персы владѣли сѣвернымъ Кавказомъ, или по крайней мѣрѣ имѣли въ своихъ рукахъ два главные ключа

Закавказья—Дарьялъ и Дербентъ *). Нельзя, слѣдовательно, не допустить, что они могли жить и въ здѣшнихъ горахъ; это тѣмъ вѣроятнѣе, что и до сихъ поръ вездѣ въ горахъ сѣвернаго Кавказа остались еще башни, постройки весьма древней, и сооруженіе которыхъ нельзя никакимъ образомъ приписывать гуннамъ, хозарамъ и другимъ ордамъ, неоднократно разорявшимъ Грузію, но народу, стоявшему уже на извѣстной степени цивилизаціи. Все это ясно доказываетъ присутствіе здѣсь народа, господствовавшаго когда-то, какъ завоеватель, надъ мѣстными туземными племенами **). Былъ-ли этотъ народъ именно персы — сказать навѣрно невозможно, но надо полагать однако-же, что это были скорѣе персы, нежели греки, потому что, кромѣ этихъ башенъ, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, какъ напримѣръ въ Осетіи, по хребтамъ горъ существуютъ древнія дороги, и народныя преданія говорятъ, *„что по этимъ дорогамъ ходили войска персіанъ."*

Какъ бы то ни было, но найденные идолы во всякомъ случаѣ, мнѣ кажется, трудно отнести къ миѳологіи персовъ, совершенно своеобразной, вслѣдствіе того, что они были послѣдователями ученія Зороастра. Скорѣе можно признать ихъ за весьма грубое подражаніе божествамъ миѳологіи греческой. Что греки бы-

*) Dubois-de M. Péreux, L. II. p. 77.

**) Башни эти построены по большей части въ мѣстахъ совершенно неприступныхъ, а потому служить постояннымъ жилищемъ для туземцевъ, имѣвшихъ семейства и хозяйство, хотя и бѣдное, онѣ не могли ни какимъ образомъ. Поэтому можно логически допустить только двѣ причины ихъ сооруженія: или, какъ я сказалъ, онѣ служили для побѣдителей какъ крѣпости, т. е какъ средство держать постоянно въ повиновеніи и зависимости отъ себя побѣжденныя племена, или же онѣ выстроены самими горцами и служили имъ временнымъ убѣжищемъ въ случаѣ нападенія на нихъ враждебнаго народа. Но послѣднее труднѣе, мнѣ кажется, допустить, нежели первое, такъ какъ самая мѣстность, на которой башни эти по большей части расположены, дѣлала подвозъ матеріала весьма труднымъ; величина же камней, которыми выложены стѣны, правильность кладки, необыкновенная крѣпость этихъ башенъ—все это необходимо обусловливаетъ извѣстную степень цивилизаціи того народа, который воздвигъ эти памятники своего здѣсь пребыванія. Для туземцевъ онѣ также служили убѣжищемъ въ случаяхъ непріятельскаго нападенія, а нѣкоторыя башни, построенныя на мѣстности болѣе удобной, обращены были ими въ постоянныя жилища, но это во времена уже гораздо позднѣйшія, когда башни были покинуты тѣмъ народомъ, который воздвигъ ихъ для обезпеченія и прочности своей власти въ горахъ. До изобрѣтенія огнестрѣльнаго оружія подобный способъ вести войну и господствовать надъ дикими племенами горцевъ—имѣлъ, конечно, свои достоинства.

ли въ различныхъ мѣстностяхъ Кавказа со времень самыхъ древнихъ, это фактъ, подтверждаемый съ точностью и древними историками. Не говоря уже про новѣйшую эпоху, т. е. послѣ паденія Западной Римской Имперіи, когда колоніи ихъ еще существовали на Ріонѣ и греческіе императоры имѣли такое сильное вліяніе на Абхазію и Мингрелію, что исторія этихъ странъ тѣсно связана была съ исторіей Восточной Римской Имперіи,—греческія колоніи въ самую древнюю, эпическую эпоху Греціи уже разсѣяны были по всему восточному прибрежью Чернаго моря. По этому нельзя не допустить, чтобы греки, колонизаторы и авантюристы по самому характеру своему, не проникали изъ горъ западнаго Кавказа и сюда. Въ эпоху христіанства греки были здѣсь; лучшимъ доказательствомъ этому служатъ древніе храмы, изъ которыхъ нѣкоторые, какъ напримѣръ въ Галгаѣ церковь *Тхабяй-Эрды (двѣ тысячи святыхъ*, въ русскомъ переводѣ), видимо работы греческой. Слѣдовательно, нѣтъ никакой причины не допустить, что и въ языческую эпоху они могли быть здѣсь. А если мы къ тому же припомнимъ, что въ нѣкоторыхъ чеченскихъ фамиліяхъ сохранилось преданіе о ихъ греческомъ происхожденіи, то все это, вмѣстѣ съ формою шлемовъ статуэтокъ, даетъ намъ право съ нѣкоторымъ вѣроятіемъ заключить, что онѣ принадлежатъ къ эпохѣ греческой, хотя, повторяю опять, древняя исторія Кавказа у насъ, къ сожалѣнію, до настоящаго времени изслѣдована еще такъ мало, что для какого-либо положительнаго вывода почти всегда трудно найти достаточно данныхъ, и намъ, по неволѣ, остается только довольствоваться тѣмъ слабымъ, свѣтомъ который иногда разливаютъ на нее народныя преданія.

Хотя миѳы и преданія всякаго народа (горцевъ точно также какъ и другихъ) есть таже его изустная исторія, и часто самые важные историческіе факты встрѣчаются облеченными въ форму преданія и, стало быть, въ нихъ всегда бываетъ сокрыта частица истины; но трудно, а часто и невозможно, отдѣлить эту истину отъ басней и вымысловъ, ее окружающихъ.

1868 года.
Укр. Шатой.

БАШНИ

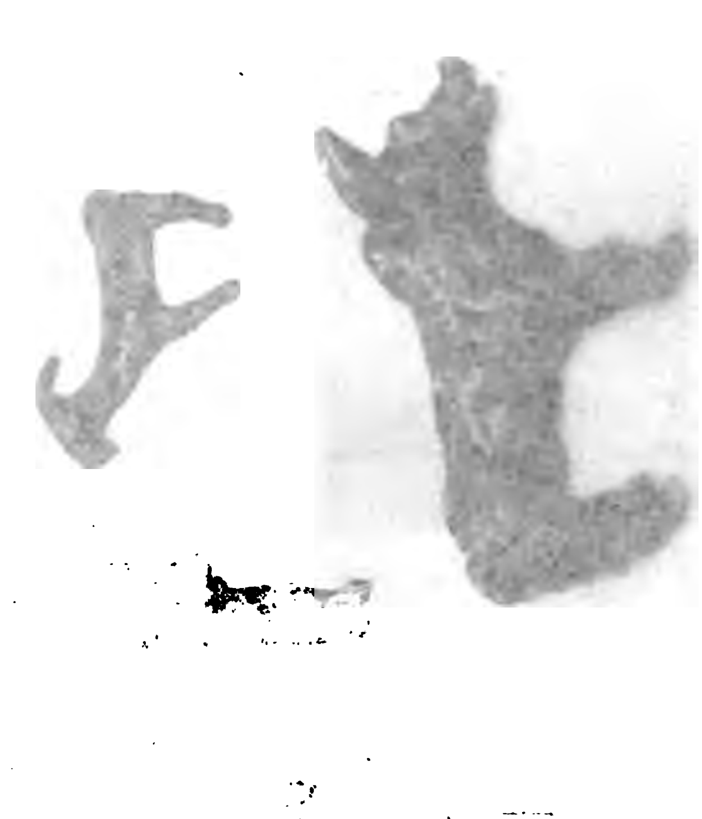

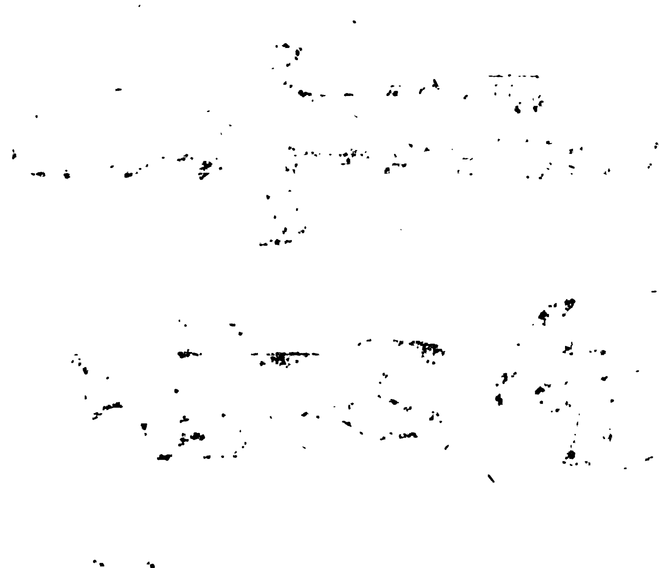
Рис. Дистердикъ

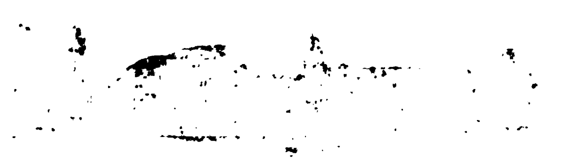
Литогр. К. Томсона въ Тифлисѣ

БАШНИ

(Аргунск. окр.)

[illegible] Кавказа [illegible] древних [illegible] съ [illegible] и [illegible] эпоху, т. е. послѣ паденія [illegible] Римской Имперіи, когда [illegible] ихъ еще существовали [illegible] императоры [illegible] что исторія этихъ странъ [illegible] Римской Имперіи, — греческія [illegible] Греки уже [illegible] Чернаго моря. По этому [illegible] колонизаторы и [illegible] пронизали [illegible] горъ западнаго Кавказа [illegible] были здѣсь; [illegible] древніе храмы, изъ которыхъ [illegible] въ [illegible] церковь *[illegible]* [illegible] въ русскихъ переводѣ), [illegible] причины не [illegible] могла быть здѣсь. А [illegible] нѣкоторыхъ [illegible] фамиліяхъ [illegible] греческаго происхожденія, то [illegible] принадлежатъ [illegible] греческой, [illegible] древняя исторія Кавказа [illegible] времени [illegible] положительнаго выводы почти всегда трудно [illegible] по [illegible] остается только [illegible] тѣмъ [illegible] который [illegible] народныя преданія.

[illegible] и преданія [illegible] народа [illegible] исторія, и [illegible] факты [illegible] въ форму [illegible] быть, въ [illegible] частицы истины [illegible] трудно, и [illegible] отдѣлить эту истину [illegible] окружающихъ.

[illegible]

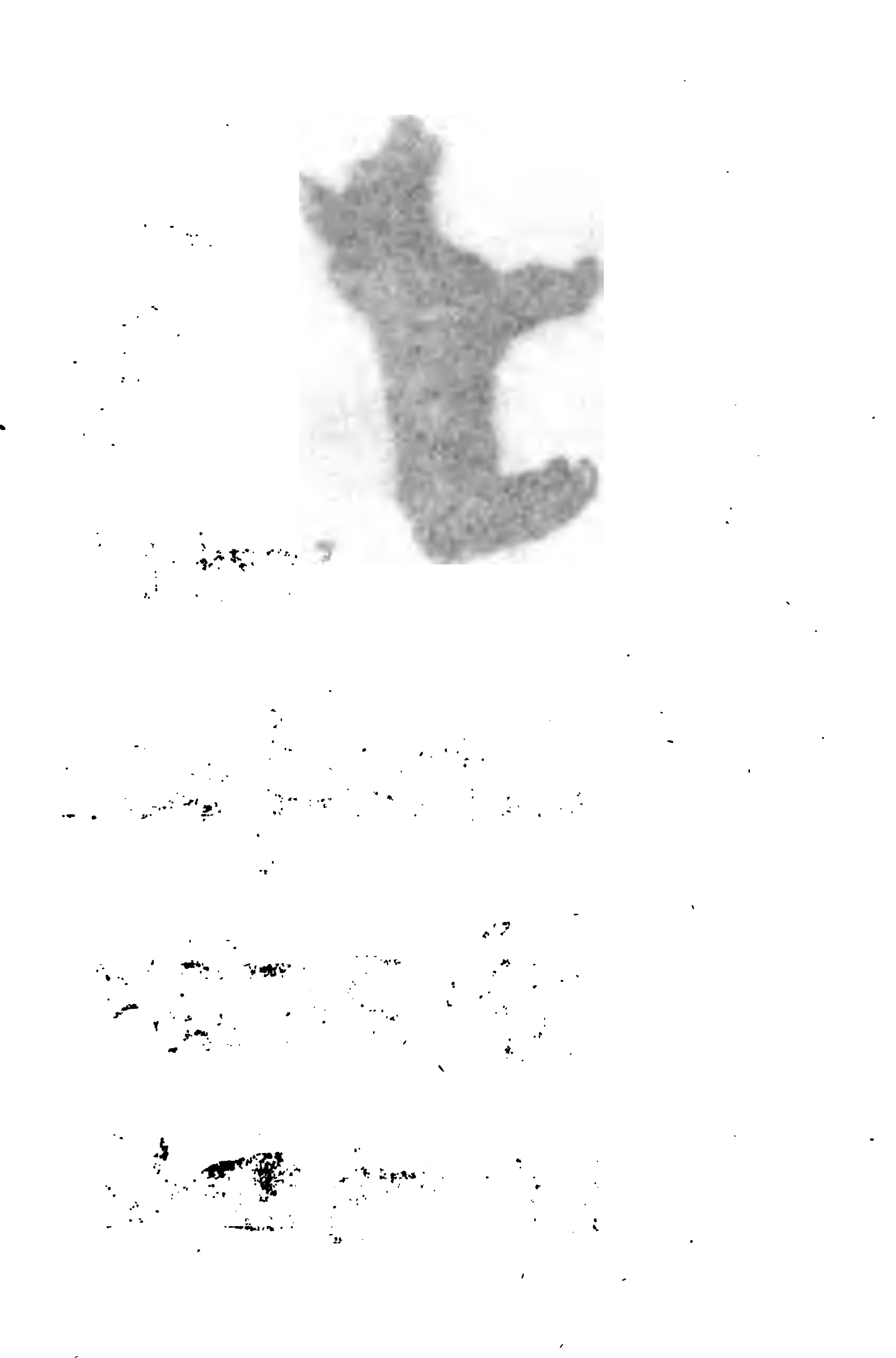
[illegible]

Рис. Аветордикъ

Литогр. К. Томсона въ Тифлисѣ

БАШНИ

(Аргунск. окр.)

ШАМХАЛЫ ТАРКОВСКІЕ

(историческая записка, составленная Временною Коммиссіею, наряженною для опредѣленія личныхъ и поземельныхъ правъ туземцевъ Темиръ-Ханъ-Шуринскаго округа).

I.

Владѣніе Тарковское составляло одну изъ дагестанскихъ провинцій, владѣтели которой титуловались Шамхалами и, кромѣ того, имѣли еще титулъ Владѣтеля Буйнакскаго, Валія Дагестанскаго, а нѣкоторое время и Хана Дербентскаго.

Наиболѣе распространенное въ народѣ изустное преданіе о происхожденіи шамхаловъ во многомъ сходится съ отрывочными письменными свѣдѣніями Дербендъ-намэ. [1] Преданіе это говоритъ, что во

---

[1] Сказаніе о Дербентѣ, составленное, какъ полагаютъ, изъ разновременныхъ рукописей нѣсколькихъ неизвѣстныхъ авторовъ. Въ немъ между прочимъ говорится: «Его высочество Мюслиме, устроивъ дѣла города Дербента, предпринялъ походъ противъ Кумуковъ. Кумуки вышли на встрѣчу ему, но, послѣ нѣсколькихъ сраженій, покорились и приняли исламизмъ. Его высочество соорудилъ джума-мечети (главныя мечети) въ городѣ Кумуковъ, для вновь обращенныхъ мусульманъ, назначилъ Шахбала, сына Абдуллы, сына Абаса, правителемъ и начальникомъ страны и далъ ему кадія для сообщенія народу правилъ ислама, послѣ чего онъ самъ (т. е. Мюслиме) обратился противъ Каракайтаковъ. Племена Каракайтаковъ изготовились къ войнѣ: послѣ многихъ сраженій, происшедшихъ въ различныхъ мѣстахъ, большая часть Каракайтаковъ искала спасенія своего въ покорности и обращеніи въ исламизмъ, между тѣмъ какъ другіе остались въ своемъ невѣріи и погибли. При его высочествѣ находился одинъ изъ его родственниковъ, по имени Эмиръ-Хемзе; его (т. е. Эмиръ-Хемзе) его высочество назначилъ начальникомъ надъ Каракайтаками, и отъ него происходятъ нынѣшніе Усміи (такъ называются государи) Каракайтаковъ».

второмъ вѣкѣ магометанской эры (VIII столѣтія) прибыло въ Дагестанъ аравійское войско, для введенія здѣсь исламизма. Послѣ многихъ войнъ съ туземнымъ населеніемъ, аравитяне покорили своему оружію и религіи весь Дагестанъ и посадили главнымъ правителемъ его Шахбала. Онъ и преемники его имѣли первоначальную резиденцію свою въ горахъ, въ мѣстечкѣ Кумухѣ, нынѣшняго Казикумухскаго округа; потомъ перенесли ее въ Буйнакъ и наконецъ въ Тарки, гдѣ застаетъ ихъ водвореніе русскаго владычества въ Дагестанѣ.

Шахбалъ происходитъ изъ священнаго для мусульманъ рода Корейшидовъ, былъ уроженецъ провинціи Шамъ (Сиріи), изъ мѣстечка Халь, и отъ него беретъ начало свое родъ нынѣшняго Шамхала Тарковскаго, домъ котораго властвовалъ въ извѣстной части Дагестана около тысячи лѣтъ.

Происхожденіе титула Шамхаловъ приписывается тому, что преемниковъ Шахбала народъ сталъ величать этимъ же именемъ, и оно обратилось въ выраженіе достоинства ихъ, передѣлавшись въ послѣдствіи въ слово Шамхалъ [4]. Другіе-же считаютъ, что слово это составилось отъ именъ провинціи Шамъ и мѣстечка Халъ, изъ которыхъ былъ родомъ Шахбалъ.

Нѣсколько вѣковъ Шахбалы имѣли въ полновластной зависимости своей большую часть Дагестана, а остальное населеніе его, равно какъ и многія сопредѣльныя племена, признавали главенство ихъ. [5] Назва-

---

«Большая часть жителей Табасарани въ началѣ были евреи и невѣрные. Сначала они тоже не хотѣли покориться, но послѣ того, какъ его высочество истребилъ и взялъ въ плѣнъ значительное число ихъ, остальные обратились въ мусульманскую вѣру. Въ войскѣ его высочества находился добродѣтельный и набожный человѣкъ, по имени Махмедъ-Масумъ; его назначилъ правителемъ надъ обитателями Табасарани и далъ ему двухъ кадіевъ, затѣмъ, чтобы они обучали правиламъ ислама. Отдалъ онъ строгое приказаніе, чтобы съ тѣхъ поръ во всѣхъ важныхъ случаяхъ жители Табасарани слѣдовали наставленіямъ Масума и двухъ кадіевъ, и чтобы Масумъ, кадіи, Эмиръ-Хемзе и всѣ племена Дагестана, отъ Грузіи до Денти-Кипчакъ, находились въ повиновеніи у Шахбала, правителя Кумуковъ. Отъ этого Шахбала происходятъ нынѣшніе Шамхалы».

[4]) Въ примѣчаніи Мирзы-Казимъ-Бека къ Дербендъ-наме сказано, что въ прошломъ вѣкѣ Герберъ (извѣстный оріенталистъ) писалъ, что Шамъ есть названіе города Дамаска, откуда халифами посылались правители въ Дагестанъ, а что слово Халъ значитъ князь.

[5]) Изъ рукописи, приписываемой Муллѣ-Магомедъ-Рафію, весьма распространенной въ Дагестанѣ и считаемой въ народѣ за достовѣрную, говорится: «Подати, собираемыя Шамхаломъ съ Дагестана, были слѣдующія: за

ніе Валія Дагестанскаго, присвоенное имъ, по словамъ однихъ—арабійскими халифами, а по словамъ другихъ — персидскими шахами, вполнѣ оправдывалось ихъ властію; но по мѣрѣ того, какъ шамхалы удаляли свою резиденцію изъ горъ къ прибрежью моря, власть ихъ на средній Дагестанъ слабѣла, и наконецъ совершенно утратилась.

Въ XV и XVI столѣтіяхъ шамхалы были еще весьма могущественны. Грузинскіе цари безпрерывно обращались къ русскимъ царямъ съ просьбою о защитѣ ихъ противъ покушеній шамхаловъ на грузинскія земли. По этимъ жалобамъ царь Θеодоръ Іоанновичъ въ 1560 году повелѣваетъ князю Григорію Засѣкину идти противъ Государя Шевкаловъ. [1]) Въ этомъ первомъ походѣ русскихъ въ Да-

позволеніе пасти скотъ на горахъ отъ общества Тебелель, каждые четыре года, по одному барану съ дыма; отъ общества Карахъ по 500—въ годъ; отъ Кеерухъ(Кейсерухъ) по 300 барановъ и для Крымъ-Шамхала (наслѣдникъ Шамхала) по 400, отъ другой горы въ Кеерухѣ-же по 1000 барановъ, а для Крымъ-Шамхала по 30 быковъ; отъ общества Джамалалъ 500 барановъ; отъ округа Тиндибъ 20 быковъ; отъ деревни Арчубъ (въ Казикумухѣ) 130, а для Крымъ-Шамхала 30 барановъ; отъ округа Хумзака (Хунзахъ) по 700 барановъ, 700 (кейль) мѣръ хлѣба и 60 кейль меду; отъ округа Андибъ по одному быку и 7 войлоковъ; города Гадаръ (Кадаръ) и Гаркасъ (Аркасъ) *), каждый взносилъ половину дани, взимаемой съ Хумзакскаго округа; Томели давали съ каждаго семейства по одному барану и по одному кейлю хлѣба; отъ города Кюстекъ (Костекъ) по одной рыбѣ съ семейства; отъ Мичикича, который былъ собственнымъ удѣломъ Шамхала, по одному барану съ семейства; отъ города Тарки по два саа (мѣры) сарочинскаго пшена; отъ деревни Губденъ 100 барановъ; отъ жителей Кайтака 170 буйволовъ; отъ деревень Акуша и Усуша по 100; отъ Зудакаръ по 50 быковъ; отъ Сурги, съ каждаго семейства, по одной драхмѣ (?); отъ деревень Джумджукатъ и Какуба (вѣроятно, Инжугатль въ Казикумухѣ) по шестиословъ, навьюченныхъ маслюмъ; отъ деревни Зерехъ-Геранъ (Кобячи) по 30 ружей; отъ горы Сумбата по 50 барановъ; отъ деревни Иргани, съ каждаго семейства по кейлю общеупотребительнаго хлѣба; отъ горы Зонтабъ по 80 барановъ; отъ общества Батулалъ (Багулалъ) по 30 быковъ и 30 барашковъ; отъ горъ Захура и Кулади, удѣловъ Шамхала, по 50 барановъ; отъ общества Русуръ (въ Казикумухѣ) и Мукрутъ по 70 барановъ; отъ Куралялъ (Кюринскаго владѣнія) по 100 лошадей и по 100 кобылъ».

Это исчисленіе повинностей, вѣроятно, сдѣлано не ранѣе XVI или XVII вѣка, какъ полагаетъ и Абасъ-Кули-Бакихановъ, внесшій оное въ свое неизданное сочиненіе о Дагестанѣ изъ упомянутой нами рукописи.

(Варіантъ этого исчисленія повинностей помѣщается въ «Сборникѣ», въ статьѣ «Таварихи и Рагамы», стр. 11).

[1]) Въ русскихъ и грузинскихъ старинныхъ дипломатическихъ актахъ

*) По преданію, подтверждаемому слѣдами кладбищъ и строеній на Аркасѣ, это жители нынѣшнихъ Казанищъ, Дженгутая и Дургели.

гестанъ, упоминаемомъ въ Обзорѣ дипломатическихъ сношеній между россійскими государями и грузинскими царями (изданіе 1861 года), царское войско „много завоевало въ землѣ Шевкала, многихъ побило, многихъ полонило, и ранило самого Государя Шевкала."

Въ этомъ-же году царь Θеодоръ Іоанновичъ вновь послалъ противъ Шевкаловъ многочисленное войско подъ начальствомъ Терскаго воеводы князя Хворостинина, приказавъ ему открыть проѣздъ чрезъ владѣніе Шевкаловъ въ Иверію. На повелѣніе это князь Андрей Хворостининъ доноситъ изъ Терки (Терскій городокъ на Терекѣ), что „онъ съ войскомъ ходилъ въ землю Шевкала, взялъ городъ Тарки, но какъ обѣщанныя грузинскимъ царемъ войска съ шуриномъ царя Крымъ-Шамхаломъ *) не пришли для соединенія съ русскими и для дальнѣйшаго похода, то войска русскія, прождавъ долго, разорили Тарки и возвратились въ Терки."

Въ послѣдствіи оказалось, что грузинскія войска не могли перейти черезъ горы, и потому не успѣли оказать содѣйствіе русскимъ; а какъ, съ уходомъ ихъ, шамхалы возобновили непріязненныя дѣйствія противъ Грузіи, то царь ея продолжалъ жалобы свои и настойчиво домогался, чтобы русскій государь занялъ земли шамхала своими укрѣпленіями и тѣмъ далъ Грузіи возможность имѣть прямое сообщеніе съ Россіею—изъ нынѣшняго Закатальскаго округа (бывшаго тогда частію Кахетіи) чрезъ горы. Послы грузинскаго ца-

---

XV и XVI столѣтій Шамхалы именуются Шевкалами; этимъ-же именемъ называется иногда и подвластный имъ народъ; большею-же частію народъ этотъ называется Кумыками. Въ этихъ-же бумагахъ и русскіе и грузинскіе цари нерѣдко величаютъ шамхала Государемъ.

*) Крымъ-Шамхалами назывались правители д. Буйнакъ. Титулъ этотъ, какъ говоритъ преданіе, образовался послѣ того, какъ шамхалы окончательно основали свою постоянную резиденцію въ Таркахъ. Званіе правителя Буйнакъ предоставлялось обыкновенно старшему въ родѣ послѣ шамхала, и онъ предназначался наслѣдникомъ титула и власти его; поэтому онъ какъ-бы считался въ половину шамхаломъ, что на мѣстномъ кумыкскомъ языкѣ выражается такъ: ярымъ-шамхалъ, и многіе думаютъ, что званіе крымъ-шамхала происходитъ отъ этихъ словъ. Крымъ-шамхалы часто интриговали противъ настоящихъ шамхаловъ и иногда успѣвали отнимать отъ старшихъ братьевъ владѣніе.

Какъ видно изъ дипломатическихъ сношеній того времени, Крымъ-шамхалъ, современникъ царя Θеодора Іоанновича и грузинскаго царя Александра, будучи шуриномъ послѣдняго, хлопоталъ чрезъ него, чтобы русскія войска покорили городъ Тарки и водворили его тамъ вмѣсто шамхала, за что онъ обѣщался открыть чрезъ свое владѣніе прямой путь въ Грузію.

ря, ходатайствовавшіе объ этомъ при русскомъ дворѣ, говорили,— что такъ какъ русскія войска дѣйствовали противу шамхала только по близости морскаго прибрежья и не дошли до Казикумуха [6]), то не могли причинить ему большаго урона, и что хотя государь Шевкаловъ ищетъ покровительства Россіи, но ему не должно вѣрить. Грузинскимъ посламъ объявлено было, что Шамхалъ уже покорился Россіи и что ему приказано быть впередъ въ мирѣ съ грузинскимъ царемъ Александромъ. Но это приказаніе не устранило новыхъ посольствъ грузинскаго царя съ просьбами о защитѣ отъ шамхаловъ и увѣреніемъ, что нужно взять только три города въ Лезгинской землѣ: Тарки, Тузлукъ и Буйнакъ [7]), чтобы покорить всѣхъ кумыковъ и горскихъ жителей.

4-го апрѣля 1604 года грузинскіе послы были отпущены царемъ Борисомъ Θеодоровичемъ съ обѣщаніемъ поручить воеводѣ Бутурлину дѣйствовать противъ шамхаловъ и положить основаніе нѣкоторымъ городамъ въ кумыкской землѣ.

Вслѣдъ за возвращеніемъ грузинскихъ пословъ, отправлено было въ Грузію и русское посольство, во время нахожденія котора-

[6]) Изъ этого и другихъ свѣдѣній, содержащихся въ дипломатическихъ актахъ того времени, надобно заключить, что шамхалы въ то время, т. е. въ 1596 году, еще продолжали владѣть нынѣшнимъ Казикумухскимъ округомъ, въ которомъ имѣли первоначальную резиденцію.

[7]) Съ прибывшими изъ Грузіи послами въ Москву русскіе сановники имѣли, 9-го марта 1604 года, совѣщаніе, и на спросъ ихъ, какія мѣры должно принять для завладѣнія нѣкоторыми сосѣдственными съ Грузіей городами, между прочимъ, дали слѣдующія свѣдѣнія: «Городъ Тарки въ Кумыкской землѣ весьма древній, онъ возвышается на горѣ въ двухъ верстахъ отъ моря и окруженъ каменной стѣной.... Отъ сего города лежитъ прямая дорога въ Грузію чрезъ горы, но по ней нельзя ѣздить на повозкахъ, а только верхомъ, имѣя при себѣ самое необходимое для пути. Слѣдуя по сему пути, на разстояніи полдня, пріѣзжаютъ въ Теркаловъ (сел. Кумтеръ-Кале), а оттуда въ такомъ-же разстояніи находится городъ Каѳырь-Кумыкъ (сел. Каѳыръ-Кумыкъ), отстоящій на одинъ день ѣзды отъ Казикумуха, отъ коего считаютъ еще 14 дней до Загама (сел. въ Закатальскомъ округѣ, составлявшемъ тогда часть Кахетіи) въ Грузію. Князь Шевкалъ, съ семействомъ своимъ, по большей части живетъ въ Казикумухскомъ городѣ, ибо сіе мѣсто болѣе всѣхъ отдалено отъ русскихъ городовъ.... Въ 5 верстахъ отъ Тарковъ есть озеро, называемое Тузлукъ, т. е. соленое; оно доставляетъ большое количество соли. Если-бы русскіе построили при немъ небольшую крѣпость, то нанесли-бы Шевкалу большое притѣсненіе, тѣмъ, что сіе мѣсто есть единственное во всѣхъ горахъ, въ коемъ добывается соль, и что овладѣніе онымъ лишило-бы горныхъ жителей способовъ доставлять себѣ необходимое произведеніе.»

го при царѣ грузинскомъ, 1-го октября 1604 года получено было извѣстіе, что съ одной стороны наступаютъ турки подъ предводительтвомъ Султанъ-Махмуда (Султанъ-Мутъ), сына Шевкала [*]), а съ другой кумыки, съ намѣреніемъ взять лучшую крѣпость Загамъ. По этому случаю царевичъ Георгій, для устраненія непріятелей, проситъ содѣйствія стрѣльцовъ, находившихся при русскомъ посольствѣ и, при помощи 40 человѣкъ изъ нихъ, разбиваетъ турокъ; а кумыки, послѣ этой побѣды, удаляются отъ предѣловъ Грузіи.

Въ 1638 году шамхалъ Сурхай-ханъ, подъ именемъ Владѣтеля Кумыкскаго и Тарковскаго, получаетъ грамоту на принятіе его въ подданство Россіи. Эта грамота была подтверждена въ 1643 году царемъ Михаиломъ Θеодоровичемъ. [*])

Въ 1682 году Будай-Шамхалъ, съ зятемъ своимъ Чапаловымъ, выступаетъ къ Сунжѣ съ 30 т. войскомъ, съ цѣлью задержать имеретинскаго царя Арчила, слѣдовавшаго въ Москву; но онъ съ помощію русскихъ войскъ успѣваетъ проѣхать до г. Терки. Во время пребыванія тамъ царя Арчила, Будай-Шамхалъ пытается склонить его перейти къ нему и признать съ нимъ одного государя (какъ надо полагать, турецкаго султана). [10])

---

*) Этотъ Султанъ-Махмудъ, или Султанъ-Мутъ, считается, по народному преданію, сыномъ Андія-шамхала, жившаго въ XVI столѣтіи. Онъ происходилъ отъ кабардинской княжны и потому братья его Гирей и Эльдаръ, рожденные отъ другой матери изъ шамхальскаго рода, не хотѣли признать въ немъ равноправнаго съ ними по крови брата. Но онъ съ помощію родныхъ по матери успѣлъ принудить братьевъ своихъ къ выдѣлу ему изъ владѣнія шамхаловъ нынѣшняго Кумыкскаго округа и земель, лежащихъ на правомъ берегу Сулака до Темиръ-гоя. Такимъ образомъ онъ сдѣлался владѣльцемъ особаго удѣла, и, находясь въ частныхъ сношеніяхъ съ крымскими ханами, могъ предводительствовать турками при вторженіи ихъ въ Грузію. Отъ него происходятъ нынѣшніе крымскіе князья, владѣвшіе указаннымъ пространствомъ. Преданіе говоритъ, что Султанъ-Мутъ убитъ въ дѣлѣ съ русскими при отступленіи Бутурлина изъ Тарковъ, что, судя по дипломатическимъ актамъ, должно было происходить въ концѣ 1604 года.

*) Свѣдѣніе это взято изъ «Обозрѣнія русскихъ владѣній за Кавказомъ, произведеннаго и изданнаго по Высочайшему повелѣнію.» Изд. 1836 г.

10) Письмо, посланное Будай-шамхаломъ объ этомъ, не дошло до Арчила; оно было перехвачено табуннымъ головою Кашкаринымъ и доставлено въ Москву, въ посольскій приказъ. Будай-шамхалъ писалъ, что, извѣстясь о повелѣніи, послѣдовавшемъ имеретинскому царю, жить въ Терки и объясняя ему, что ни онъ, ни предки его никогда *милости* и *прибыли* отъ Московскихъ Государей къ себѣ не видали, предлагалъ свои услуги, въ случаѣ желанія Арчила, перейти на сторону его, Шевкала, и признать съ нимъ одного государя, и просилъ о томъ его, Будая, увѣдомить.

Въ 1718 году шамхалъ Адиль-Гирей, сынъ Муртазали, вступаетъ въ подданство Россіи и, во время похода Петра Великаго къ Дербенту въ 1722 году, оказываетъ весьма важныя услуги въ доставленіи войску продовольствія и перевозочныхъ средствъ. Но, черезъ три года послѣ этого, Адиль-Гирей, подстрекаемый турками и недовольный тѣмъ, что, по повелѣнію Петра Великаго, русскіе основали въ его владѣніяхъ крѣпость св. Креста, осаждаетъ ее съ 30 т. войскомъ. Командовавшій крѣпостью генералъ Куропатовъ, отразивъ нападеніе, преслѣдуетъ шамхала и разоряетъ г. Тарки.

По полученіи донесенія объ измѣнѣ шамхала Адиль-Гирея, Петръ Великій повелѣваетъ взять его, уничтожить достоинство шамхала и управлять владѣніемъ его чрезъ начальника сопредѣльныхъ войскъ. Адиль-Гирей былъ взятъ, высланъ въ Россію и умеръ въ ссылкѣ въ г. Колѣ (Архангельской губерніи).

Въ 1734 году Надиръ-шахъ вступаетъ въ Дагестанъ и покоряетъ его. Сынъ Адиль-Гирея, Хаспулатъ, память о которомъ сохраняется въ народѣ, какъ объ одномъ изъ знаменитѣйшихъ героевъ, оказалъ Надиръ-шаху большія услуги, и потому, въ лицѣ его, Надиръ-шахъ возстановилъ шамхальское достоинство, съ титуломъ Валія Дагестанскаго.

Хаспулатъ не имѣлъ дѣтей. Достоинство шамхала послѣ его смерти должно было перейти къ старшему по немъ въ родѣ, двоюродному брату его, Мехтію, имѣвшему прибавочное имя Ширданчи и владѣвшему Буйнакомъ, съ титуломъ Крымъ - шамхала. Но какъ Мехти, женатый на сестрѣ Хаспулата, развелся съ нею, то Хаспулатъ имѣлъ къ нему непріязненныя отношенія и еще при жизни своей сталъ подготовлять въ преемники себѣ племянника своего отъ отпущенной Мехтіемъ сестры своей, которая была въ первомъ замужествѣ за Бамматулинскимъ бекомъ Гиреемъ и имѣла отъ него сына Баммата, съ прозвищемъ Тишнекъ. По уваженію, которымъ пользовался Хаспулатъ, онъ успѣлъ согласить шамхальцевъ на возведеніе послѣ себя въ шамхалы племянника его Тишнекъ - Баммата. Это было въ 1765 году. Дѣти прямаго наслѣдника шамхала—Ширданчи-Мехтія, Муртузали и Бамматъ, возстали противъ такой несправедливости къ ихъ отцу. Сторону ихъ приняла вдова Хаспулатъ - шамхала и ссудила ихъ тремя тысячами рублей, для привлеченія сосѣдственнаго населенія къ помощи,—возвести Мехтія въ шамхалы. Съ этими деньгами Мехти отправилъ старшаго своего сына, Муртузали, въ Акушу, а младшаго, Бам-

мата, въ Койсубу, съ тѣмъ чтобы они возбудили тамошнее населеніе противъ Тишнекъ-Баммать-Шамхала и вызвали отъ нихъ войска, для изгнанія его изъ Тарковъ.

Послѣ нѣсколькихъ мѣсяцевъ непрестанныхъ усилій, сыновья Мехтія успѣли вызвать сильныя ополченія даргинцевъ и койсубулинцевъ противъ Тишнекъ-Баммата. Съ приближеніемъ этихъ ополченій къ Таркамъ, Тишнекъ-Бамматъ, видя невозможность противостоять имъ, оставилъ резиденцію шамхаловъ и бѣжалъ въ Ерпели. Послѣ его бѣгства, Муртузали и Бамматъ направились со всѣмъ ополченіемъ своимъ и присоединившимися къ нимъ таркинцами въ удѣлъ Тишнекъ-Баммата—Бамматуллу [11]) и, занявъ главную деревню онаго, Большія-Казанищи, стали лагеремъ у этого селенія на поляхъ Похъ - Тала. Сюда прибыли къ нимъ отецъ ихъ, Мехти, и множество вліятельныхъ лицъ изъ сосѣдственныхъ земель, для прекращенія въ шамхальской фамиліи междоусобія.

Здѣсь Мехти обратился ко всему сборищу шамхальцевъ и представителей союзныхъ земель, съ предложеніемъ, чтобы они разсудили, кому принадлежитъ право на достоинство Шамхала: ему-ли, какъ старшему и ближайшему двоюродному брату Хаспулатъ - Шамхала, давно уже носившему званіе преемника его—Крымъ-Шамхала, или Тишнекъ-Баммату, который происходитъ отъ младшей линіи шамхаловъ и имѣетъ свой особый удѣлъ.

Собраніе рѣшило, что, по издревле принятому въ шамхальскомъ домѣ порядку наслѣдованія достоинства шамхаловъ, оно должно перейти къ нему, Мехти, и поэтому все собраніе признаетъ его законнымъ шамхаломъ.

По провозглашеніи Мехтія шамхаломъ, находившагося уже тогда въ преклонныхъ лѣтахъ и страдавшаго болѣзнію глазъ, онъ обратился къ собранію съ заявленіемъ, что онъ уже старъ, имѣетъ слабое зрѣніе и съ этими недостатками едва-ли можетъ быть полезенъ своему народу на столько, на сколько требуетъ того возложеное на

---

[11]) Этотъ удѣлъ образовался около двухъ вѣковъ тому назадъ — выдѣломъ одному изъ братьевъ шамхала, Баммату, семи деревень, получившихъ въ послѣдствіи названіе Бамматуллы, т. е. Бамматовы. Онѣ суть: Большія и Малыя Казанищи, Муселимъ-аулъ, Буглень, Халимъ-бекъ-аулъ, Каѳыръ-Кумыкъ и бывшая деревня Темиръ-Ханъ-Шура.

него званіе; поэтому онъ просилъ собраніе сложить съ него достоинство шамхала и дозволить ему передать оное старшему сыну своему Муртузали, какъ человѣку, имѣющему всѣ качества, чтобы носить титулъ шамхала съ достоинствомъ и быть полезнымъ народу.

Собраніе одобрило это заявленіе и тутъ же провозгласило Муртузали шамхаломъ. Тогда отецъ его, Мехти, обратился къ собранію съ новою просьбою. Онъ сказалъ, что такъ какъ въ собраніи находится множество почетныхъ людей, прибывшихъ собственно съ тою цѣлію, чтобы прекратить въ шамхальской фамиліи междоусобія, то онъ проситъ собраніе завершить начатое имъ дѣло — вызовомъ Тишекъ-Баммата, примиреніемъ его съ нимъ и съ дѣтьми его и водвореніемъ его въ своемъ бамматулинскомъ удѣлѣ, дабы этимъ прекратить между ними непріязненныя отношенія, могущія снова возбудить междоусобіе.

По этой просьбѣ собраніе отправило къ Тишнекъ-Баммату приглашеніе. Онъ прибылъ, примирился съ Мехтіемъ, призналъ Шамхаломъ Муртузали и, принявъ свой Бамматулинскій удѣлъ, обязался жить въ согласіи съ шамхаломъ.

Успокоивъ себя со стороны Тишнекъ-Баммата, Муртузали сталъ искать покровительства Россіи и вступилъ въ подданство ея въ 1776 году.

Съ этого времени начинается непрерывная и неизмѣнная вѣрность шамхаловъ Русской Державѣ, не взирая ни на какія затруднительныя обстоятельства, въ которыя они были поставляемы непріязненными дѣйствіями противъ Россіи прочихъ владѣтелей и народовъ Дагестана.

Такъ, генералъ Медемъ, посылавшій войска въ Дербентъ для наказанія Уцмія Каракайтахскаго за ограбленіе одного русскаго судна, писалъ еще въ 1777 году графу Никитѣ Ивановичу Панину, что при выводѣ того войска изъ Дербента въ наши предѣлы, Дербентскій ханъ оказалъ препятствія, а Шамхалъ Тарковскій Муртузали многими пособіями, доставленными нашему войску, доказалъ истинную преданность его Россіи [12]).

[12]) Надобно полагать, Муртазали-Шамхалъ вступилъ въ подданство Россіи ранѣе 1777 года, а не въ 1786 году, какъ объ этомъ сказано было въ «Обозрѣніи россійскихъ владѣній за Кавказомъ,» ибо изъ актовъ, изданныхъ Кавказскою Археографическою Коммисіею въ 1866 году, изъ которыхъ

Преемникомъ Муртузали былъ братъ его Бамматъ, названный во Всемилостивѣйшихъ Императорскихъ грамотахъ Магомедъ-Шамхаломъ - Тарковскимъ, владѣтелемъ Буйнакскимъ и Дагестанскимъ. Грамотою Императрицы Екатерины II, данною 19-го апрѣля 1793 года, Магометъ-шамхалъ подтвержденъ съ потомствомъ въ шамхальскомъ достоинствѣ и при этомъ ему пожалованы: брильянтовое перо, для ношенія на шапкѣ въ знакъ шамхальскаго достоинства, и степень тайнаго совѣтника, съ тѣмъ чтобы перо и санъ тайнаго совѣтника переходили къ преемникамъ его. Сверхъ сего, ему-же Магомедъ-шамхалу назначенъ ежегодный отпускъ 2 т. р. для содержанія войска во всегдашней готовности на службу Россіи и оборону шамхальства.

Магомедъ-шамхалу наслѣдовалъ сынъ его Мехти (названный въ грамотахъ Мегдіемъ), который Всемилостивѣйшею грамотою Императора Павла, данною 2-го мая 1797 года, утвержденъ былъ въ шамхальскомъ достоинствѣ, въ санѣ тайнаго совѣтника, съ правомъ ношенія пера на шапкѣ и производствомъ отъ казны 6 т. р. въ годъ. Другою-же Всемилостивѣйшею грамотою Императора Александра I-го, данною 10-го сентября 1806 года, за особыя заслуги, оказанныя во время занятія нашими войсками владѣнія измѣнившаго Россіи Дербентскаго хана, Мехти-шамхалу, переименованному уже изъ тайныхъ совѣтниковъ, въ генералъ-лейтенанты, пожаловано достоинство Дербентскаго хана съ тѣмъ чтобы онъ, сверхъ жалованья, отпускавшагося ему отъ казны на содержаніе войска, пользовался всѣми доходами владѣнія Дербентскаго (Улусскій магалъ), по прежнимъ правамъ и обычаямъ, за исключеніемъ города Дербента, который занятъ былъ нашими войсками и доходы съ котораго повелѣно взносить въ казну.

На сколько Мехти-шамхалъ цѣнилъ оказываемыя русскимъ правительствомъ милости, это видно изъ того, что когда генералъ Ермоловъ, по усмиреніи Чечни и Кумыковъ, направился въ 1818 году съ войсками въ Дагестанъ, одинъ только Мехти-шамхалъ остался твердымъ въ преданности къ Россіи и, встрѣтивъ съ своими приверженцами войска наши далеко за предѣлами своего владѣнія, находился при нихъ все время похода генерала Ермолова, тогда какъ всѣ другіе дагестанскіе владѣтели измѣнили намъ и вышли противъ Ермолова за Сулакъ, дабы не допустить его ко вступленію въ Дагестанъ.

извлечено (стр. 90) свѣдѣніе объ оказанной Муртузали-Шамхаломъ преданности Россіи, надобно заключить, что онъ считается въ пріязненныхъ отношеніяхъ къ Россіи ранѣе 1777 года.

Вскорѣ послѣ этого похода, поставившаго Мехти-шамхала въ непріязненныя отношенія по всѣмъ измѣнившимъ Россіи дагестанскимъ владѣтелямъ, наше правительство вынуждено было начать постепенное занятіе въ шамхальствѣ стратегическихъ пунктовъ, дабы защитить владѣніе Тарковское отъ враждебныхъ покушеній горцевъ и имѣть чрезъ это владѣніе свободное сообщеніе съ южнымъ Дагестаномъ, занятымъ нами еще въ 1806 году.

Въ 1830 году Мехти-шамхалъ выѣхалъ въ Петербургъ, чтобы представиться въ Бозѣ почившему Императору Николаю I-му и ходатайствовать о назначеніи ему въ преемники старшаго сына его, Сулейманъ-паши [13]), которому онъ и поручилъ, на время отсутствія своего, управленіе владѣніемъ. Его Величество соизволилъ на просьбу шамхала и пожаловалъ Сулейманъ-пашѣ чинъ полковника, а второму по немъ сыну шамхала, Зубаиру, чинъ маіора. Во время пребыванія въ Петербургѣ, Мехти-шамхалъ заявилъ о необходимости занять подъ укрѣпленіе селеніе Темиръ-Ханъ-Шуру, какъ для того, чтобы держать постоянно въ страхѣ селеніе Казанищи, самое безпокойное и сильное изъ всѣхъ шамхальскихъ селеній, такъ и потому, что въ этомъ мѣстѣ сходятся главныя дороги, ведущія изъ горъ на плоскость. По сношеніи съ кавказскимъ начальствомъ, заявленіе это было одобрено и въ 1834 году жители селенія Темиръ-Ханъ-Шуры были выселены въ ближайшій Халимбекъ-аулъ, а на мѣстѣ, которое они занимали, возведено укрѣпленіе, нынѣ переименованное въ городъ.

На возвратномъ пути изъ Петербурга Мехти-шамхалъ умеръ. Сулейманъ-паша, оставшись правителемъ шамхальства, произведенъ былъ вскорѣ въ генералъ-маіоры и, какъ свидѣтельствовалъ главноуправляющій Грузіею генералъ-адъютантъ Баронъ Розенъ, отличался также, какъ и предшественники его, искреннею преданностію своею Россіи; и въ особенности выказывалъ ее во время дагестанскихъ смутъ при Кази-Муллѣ.

При испрошеніи Сулейманъ-пашѣ инвеститурной грамоты на

---

[13]) Сулейманъ-паша вправѣ былъ наслѣдовать шамхальство и по обычаю, такъ какъ онъ былъ старшій въ родѣ; но какъ у Шамхала было, кромѣ Сулеймана-паши, еще пятеро сыновей отъ другой жены, а Сулейманъ-паша происхожденіемъ былъ отъ дочери Фетъ-Али-хана Кубинскаго—Переджанъ-ханумъ, то Мехти-шамхалъ, опасаясь интригъ остальныхъ братьевъ противъ старшаго брата, пожелалъ предупредить оныя, испросивъ утвержденіе его наслѣдникомъ еще при жизни своей.

утвержденіе въ шамхальствѣ, возникъ вопросъ о томъ, слѣдуетъ-ли вмѣстѣ съ тѣмъ подтвердить ему титулъ Хана Дербентскаго и Валія Дагестанскаго, и по этому вопросу подтвержденіе перваго титула—найдено было неудобнымъ, а сохраненіе за нимъ втораго—до времени еще полезнымъ [14]).

---

[14]) Въ письмѣ главнокомандовавшаго въ Грузіи къ графу Несельроде отъ 30 марта 1833 года за № 229 между прочимъ сказано: «Входя въ нынѣшнее положеніе Дагестана и усматривая изъ Высочайшей грамоты, пожалованной въ 1806 году покойному шамхалу на ханство дербентское, что онъ именовался, между прочимъ, и владѣтелемъ дагестанскимъ, я полагалъ-бы весьма возможнымъ не давать теперешнему шамхалу, генералъ-маіору Сулейманъ-хану, званія хана дербентскаго, но даровать ему титулъ шамхала тарковскаго, владѣльца бойнацкаго и валія дагестанскаго, по слѣдующимъ, какъ я полагаю, весьма уважительнымъ причинамъ: 1) Званіе хана дербентскаго даровано покойному шамхалу въ 1806 г., послѣ побѣга Шейхъ-Али-хана изъ Дербента. Мѣра сія, по тогдашнимъ обстоятельствамъ, могла быть необходима, потому что при удержаніи за собою города и крѣпости Дербента, мы не были еще тогда столько сильны за Кавказомъ, чтобы однимъ своимъ вліяніемъ обуздывать окрестныхъ жителей, которые издавна были пріобыкшими къ власти ханской; но между тѣмъ шамхалъ, получивъ достоинство хана дербентскаго, ни тогда, ни послѣ, не владѣлъ симъ ханствомъ, но распоряжался, какъ и нынѣ, только по хозяйственному управленію улусомъ, или деревнями, которыя принадлежали бѣжавшему Шейхъ-Али-хану; а посему и титулъ хана дербентскаго, какъ кажется, болѣе можетъ принесть, въ неблагопріятномъ случаѣ, вреда правительству, нежели пользы; 2) званіе шамхала тарковскаго и владѣльца бойнацкаго ему слѣдуетъ, потому что онъ дѣйствительно владѣетъ шамхальствомъ и Бойнакомъ подъ сильнымъ владычествомъ Россіи и, по преданности своей къ правительству, заслуживаетъ покровительства и поддержанія его власти; и 3) что-же касается до титула Валія, то оставить слѣдуетъ оный потому, что шамхалъ тарковскій, по роду своему, старшій изъ всѣхъ дагестанскихъ владѣльцевъ, а нѣкогда какъ сильнѣйшій изъ нихъ и имѣвшій вліяніе даже на вольныя общества Дагестана, всегда носилъ титулъ Валія, который, впрочемъ, не присвоивалъ ему никогда и никакого права на обладаніе цѣлымъ Дагестаномъ, но только доставлялъ, какъ сильнѣйшему между всѣми дагестанцами, уваженіе, которое, со времени владычества нашего въ его областяхъ, хотя и весьма ослабѣло въ горахъ, однако-же и до нынѣ еще тамъ нѣсколько сохранилось. Съ лишеніемъ-же его титула Валія, уваженіе сіе не только вовсе уничтожится въ горномъ Дагестанѣ, но и въ самомъ подвластномъ ему Сѣверномъ Дагестанѣ весьма ослабѣетъ, чего, кажется, до совершеннаго обладанія всѣмъ Дагестаномъ, для пользы правительства, допустить не должно, и особенно, когда шамхалъ преданъ Россіи, и когда при поддержаніи нами его власти, онъ можетъ быть полезенъ правительству нѣкоторымъ вліяніемъ на вольныя дагестанскія общества. А потому я полагалъ-бы: наименовавъ Сулейманъ-хана шамхаломъ тарковскимъ и владѣльцемъ бойнацкимъ, сохранить ему и титулъ Валія дагестанскаго, каковой можетъ привлекать къ нему горныя

Поэтому въ инвеститурной грамотѣ, пожалованной Сулейманъ-пашѣ 1-го іюля 1833 года, онъ утвержденъ Шамхаломъ Тарковскимъ, Владѣтелемъ Буйнацкимъ и Валіемъ Дагестанскимъ. Въ ознаменованіе-же владѣтельскаго достоинства его, дозволено носить перо на шапкѣ и вмѣстѣ съ тѣмъ, подобно предшественникамъ своимъ, онъ пожалованъ въ степень тайнаго совѣтника.

Сулейманъ-паша умеръ въ началѣ 1836 года; старшимъ по немъ остался отецъ нынѣшняго шамхала, Абу-Муселимъ-ханъ [15]), которому тогда-же поручено было управленіе шамхальствомъ, а инвеститурная грамота объ утвержденіи его въ достоинствѣ Шамхала Тарковскаго, владѣтеля Буйнацкаго и Валія Дагестанскаго, съ дозволеніемъ ему носить перо на шапкѣ, пожалована ему 20 іюня 1836 года.

Абу-Муселимъ-ханъ, награжденный въ 1832 году за военныя отличія прямо чиномъ маіора, а 18 іюня 1836 года произведенный въ полковники, пожалованъ въ генералъ-маіоры 5-го октября 1837 года. За дальнѣйшую службу Абу-Муселимъ-ханъ-шамхалъ, находясь уже въ чинѣ генералъ-лейтенанта, именнымъ указомъ, даннымъ правительствующему сенату въ 21-й день декабря 1834 года, въ награду особенныхъ заслугъ и постоянной преданности престолу, возведенъ въ княжеское достоинство, съ тѣмъ чтобы онъ именовался впредь княземъ Тарковскимъ и чтобы сіе достоинство и титулъ переходили наслѣдственно къ старшему изъ потомковъ его мужескаго пола по прямой линіи и праву первородства.

Въ 1856 году, въ бытность свою на коронаціи Его Императорскаго Величества, Абу-Муселимъ-шамхалъ удостоенъ былъ назначенія генералъ-адъютантомъ.

Онъ умеръ въ 1860 году. Управленіе шамхальствомъ бывшимъ тогда главнокомандовавшимъ поручено было старшему сыну его, князю

племена, а чрезъ сіе сближать оныя съ нами и, въ случаѣ возстанія буйныхъ дагестанцевъ, удерживать отъ участія въ нихъ нѣкоторыя общества, и особенно тѣ, которыя вынуждены искать, для своихъ овецъ, зимнихъ пастьбищъ во владѣніи шамхальскомъ; между тѣмъ какъ Бурная и Темиръ-Ханъ-Шура достаточны къ обузданію подвластныхъ шамхала и всѣхъ замысловъ самого шамхала, если-бы онъ возмечталъ когда-либо быть неблагонамѣреннымъ къ правительству».

[15]) Старшій послѣ Сулейманъ-паши сынъ шамхала, Зубаиръ, умеръ еще раньше и потому послѣ него сдѣлался старшимъ Абу-Муселимъ-ханъ.

Шамсудинъ-хану. При испрошеніи ему инвеститурной грамоты, снова возникъ вопросъ: слѣдуетъ-ли сохранить шамхалу прежніе титулы Валія Дагестанскаго и владѣтеля Буйнакскаго. Кавказское начальство нашло, что оставленіе за шамхаломъ титула Валія Дагестанскаго, противорѣча нынѣ дѣйствительному положенію его, не только не могло принести ему никакой пользы, а напротивъ того, поставило-бы въ неловкое положеніе, какое долженъ испытывать всякій, носящій титулъ, нисколько не соотвѣтствующій его значенію; а что касается до другаго титула, то величаніе шамхала владѣтелемъ селенія Буйнакъ (происходящее отъ того, что оно было нѣкогда резиденціею шамхаловъ) также не можетъ имѣть для него никакого значенія, такъ какъ селеніе это само по себѣ входитъ въ его владѣніе.

По этому и согласно ходатайства Его Императорскаго Высочества, Главнокомандующаго Кавказскою Арміею, князю Шамсудинъ-хану пожалована инвеститурная грамота на утвержденіе его шамхаломъ Тарковскимъ 3-го декабря 1863 года, съ соизволеніемъ носить перо на шапкѣ въ знакъ шамхальскаго достоинства.

Еще около 30 лѣтъ тому назадъ, когда въ шамхальствѣ было уже занято нами нѣсколько укрѣпленныхъ мѣстъ, и сношенія русской власти съ шамхалами стали постепенно развиваться, явилась потребность въ назначеніи къ нимъ русскаго офицера, для веденія переписки и наблюденія за уравнительнымъ отбываніемъ разныхъ нарядовъ отъ жителей, дѣлавшихся по надобностямъ войскъ, расположенныхъ въ Сѣверномъ Дагестанѣ. Назначаемые съ этою цѣлію въ распоряженіе шамхаловъ офицеры въ послѣдствіи получили званіе помощниковъ ихъ по управленію владѣніемъ, и этотъ порядокъ оставался до 1867 года. Шамхалы, находясь подъ ближайшимъ вѣдѣніемъ главныхъ начальниковъ въ Дагестанѣ, правили своимъ народомъ на основаніи родовыхъ правъ и прежнихъ обычаевъ, за исключеніемъ права наказанія провинившихся лишеніемъ жизни, членовъ, раздачи кому либо въ собственность населенныхъ или ненаселенныхъ имѣній, имъ лично не принадлежащихъ, (§ 31 полож. 1860 г. объ управленіи Дагестанскою областью).

По мѣрѣ того, какъ занятія по управленію шамхальцами стали утрачивать военный характеръ, который они имѣли преимущественно до покоренія восточнаго Кавказа, по мѣрѣ того какъ съ развитіемъ

въ народѣ мирныхъ занятій, дѣла шамхальцевъ, подлежавшія разбору правителей ихъ, стали умножаться и требовать посвященія большаго времени и постоянныхъ занятій, нынѣшній шамхалъ, будучи разстроенъ здоровьемъ, сталъ крайне затрудняться въ исполненіи лежавшихъ на немъ обязанностей по управленію народомъ и, видя въ теченіи нѣсколькихъ лѣтъ, что здоровье его не улучшается на столько, чтобы онъ самъ могъ входить во всѣ нужды подвѣдомственныхъ ему жителей, просилъ въ началѣ прошлаго года, объ исходатайствованіи ему освобожденія отъ обязанностей, лежавшихъ на немъ по управленію Шамхальствомъ Тарковскимъ, съ оставленіемъ за нимъ и наслѣдниками его по прямой линіи мужескаго пола Всемилостивѣйше за нимъ утвержденнаго титула его — Шамхала Тарковскаго, съ тѣми правами и преимуществами, какія присвоены шамхаламъ по владѣнію недвижимыми имуществами безъ раздробленія по боковымъ линіямъ, а равно съ оставленіемъ за нимъ и наслѣдниками его права пользованія всѣми тѣми повинностями и доходами отъ шамхальцевъ, кои они отбываютъ ему по званію шамхала.

По просьбѣ этой Государь Императоръ соизволилъ:

1) На сложеніе съ князя Шамсудина Тарковскаго, согласно заявленному имъ желанію, обязанностей и правъ, предоставленныхъ ему нынѣ по управленію владѣніемъ Тарковскимъ, съ оставленіемъ за нимъ, княземъ Шамсудиномъ, *лично* титула шамхала, и

2) На оставленіе за нимъ всѣхъ правъ его по владѣнію и пользованію наслѣдованными имъ отъ отца недвижимыми имѣніями и по отправленію ему шамхальцами всѣхъ повинностей, какія они отбываютъ ему нынѣ по званію шамхала и по праву землевладѣльца, впредь до опредѣленія поземельныхъ правъ его особою временною коммисіею.

Одновременно съ этимъ Высочайшимъ соизволеніемъ, послѣдовало и повелѣніе объ упраздненіи существовавшаго до того управленія владѣніемъ Тарковскимъ и включеніи онаго въ составъ Темиръ-Ханъ-Шуринскаго округа, открытаго 1-го августа 1867 года.

Но прежде чѣмъ совершено было открытіе Темиръ-Ханъ-Шуринскаго округа, и именно за день до того, Шамхалъ Тарковскій извѣщенный уже о Высочайшемъ соизволеніи по его просьбѣ, подалъ начальнику Дагестанской области письмо слѣдующаго содержанія:

,,Имѣя въ виду, что Ваше Сіятельство предположили объявить завтрашняго дня населенію вновь образуемаго Темиръ-Ханъ-Шуринскаго округа о сложеніи съ меня обязанностей и правъ ближайшаго правителя надъ шамхальцами, я обдумывалъ то, въ какія отношенія къ жителямъ я буду поставленъ новымъ моимъ положеніемъ, и пришелъ къ тому заключенію, что оставленіе обязательныхъ отношеній ко мнѣ жителей, послѣ того какъ я отказался отъ управленія ими, можетъ повлечь за собою разныя неудобства и затрудненія.

,,Желая предупредить эти затрудненія и руководимый мыслію, что въ шамхальствѣ Тарковскомъ, по долгу званія и сана моего, на мнѣ лежитъ обязанность подать примѣръ всемѣрнаго стремленія къ ускоренію и облегченію приведенія въ исполненіе видовъ правительства — установить свободныя отношенія между всѣми туземцами Дагестана,—я рѣшился освободить деревни Тарки, Большія Казанищи, Халимъ-бекъ-аулъ, Бугленъ, Урму, принадлежавшую мнѣ четвертую часть селенія Гелли, съ живущими въ Таркахъ моими чагарами, а равно и шамхальскихъ ногайцевъ, отъ всѣхъ повинностей и налоговъ прямыхъ и косвенныхъ), которые они несли мнѣ до сего времени по званію шамхала и землевладѣльца и которые оставлены за мною по нынѣ объявленному мнѣ Высочайшему повелѣнію.

,,Представляя объ этомъ Вашему Сіятельству, я прошу Васъ объявить народу завтра-же о таковомъ моемъ рѣшеніи, дабы съ днемъ преобразованія управленія шамхальцами, связать и освобожденіе ихъ отъ всякихъ обязательныхъ отношеній ко мнѣ. Такимъ образомъ добровольно и на всегда отказываясь отъ вѣковыхъ правъ моего дома, утвержденныхъ Всемилостивѣйшими грамотами Русскихъ Императоровъ, отъ правъ, которыя, какъ Вамъ близко извѣстно, давали мнѣ немало выгодъ, я надѣюсь, что Ваше Сіятельство не оставите повергнуть на милостивѣйшее воззрѣніе Государя Великаго Князя мое посильное пожертвованіе въ пользу ускоренія дѣла устройства свободныхъ отношеній въ здѣшнемъ населеніи и не откажете въ начальнической заботливости объ обезпеченіи дальнѣйшей участи моей и моего дома, при наступающемъ съ завтрашняго дня новомъ положеніи нашемъ.''

Письмо это было объявлено начальникомъ области представителямъ всего населенія Темиръ-Ханъ-Шуринскаго округа, при торже-

ственномъ открытіи онаго, и съ того дня, независимо 5440 дворовъ, отошедшихъ отъ управленія шамхала, получили полную свободу отъ всякаго рода повинностей и зависимыхъ отношеній къ нему 2688 дворовъ узденей, 51 дворъ евреевъ и 45 дворовъ чагаръ.

Такимъ образомъ упразднилось управленіе шамхалами подвластнаго имъ населенія, прекратились всѣ зависимыя отношенія къ нимъ жителей, и Владѣніе Тарковское поступило въ непосредственное вѣдѣніе существующаго въ Дагестанѣ военно-народнаго управленія.

Изъ этого краткаго обзора видно, что владѣніе шамхаловъ въ первые вѣка ихъ владычества было несравненно обширнѣе того пространства, до какого оно доведено еще въ началѣ прошедшаго столѣтія — постепеннымъ отпаденіемъ отъ зависимости ихъ разныхъ частей шамхальства.

Когда именно сдѣлались независимыми отъ шамхаловъ казикумухцы, которые управлялись послѣ перенесенія резиденціи шамхаловъ на плоскость, вассалами ихъ, носившими названіе хокловчу, достовѣрныхъ свѣдѣній нѣтъ, но извѣстно, что казикумухцы были уже независимы до начала прошедшаго столѣтія, въ которомъ правители ихъ присвоили себѣ титулъ хановъ [16]); что-же касается до другихъ земель, то сперва отошло отъ шамхаловъ населеніе между Терекомъ и Темиръ-Гоемъ, назначеннымъ границею шамхальства при предоставленіи особаго удѣла родоначальнику кумыкскихъ князей, Султанъ-Муту [17]), сыну Андія-шамхала. Затѣмъ изъ разныхъ обществъ, признавшихъ власть шамхаловъ, образовалось особое Мехтулинское ханство, составились сильные союзы (какъ напримѣръ Даргинскихъ и Койсубулинскихъ обществъ) и наконецъ одному изъ шамхальскихъ братьевъ, Баммату, предоставлена часть владѣнія въ видѣ особаго удѣла; послѣ сего въ дѣйствительной власти шамхаловъ осталось только пространство, не превосходившее 2500 кв. верстъ, съ населе-

[16]) Первый, присвоившій этотъ титулъ, былъ извѣстный Чолахъ-Сурхай (современникъ Петра Великаго и Шаха-Надира), прославившійся многими удачными вторженіями въ персидскія провинціи и назвавшій себя ханомъ по занятіи города Шемахи.

[17]) Тому самому, о вторженіи котораго въ Грузію въ 1604 году упоминается выше.

ніемъ около 3 т. дворовъ, въ какомъ положеніи и застало владѣніе шамхаловъ водвореніе въ Дагестанѣ русскаго владычества.

Въ добавокъ къ такому уменьшенію шамхальскаго владѣнія, между дагестанскими ханами явились въ прошедшемъ столѣтіи, одинъ за другимъ, такія замѣчательныя личности, какъ напр. Чолахъ-Сурхай-ханъ Кази-кумухскій, Фетъ-Али-ханъ Кубинскій, Омаръ-ханъ Аварскій, которые своею славою много ослабили родовое вліяніе шамхаловъ на дагестанское населеніе и значеніе имени ихъ въ сосѣдственныхъ Дагестану земляхъ; этому способствовало и то, что шамхалы не могли уже дѣйствовать въ Дагестанѣ столь-же свободно, какъ прежде, будучи постоянно озабочены могущественнымъ сосѣдомъ съ сѣвера, пока судьба не привела ихъ къ сознанію, что благосостояніе ихъ самихъ и подвластнаго имъ народа зависитъ отъ полной покорности и преданности ихъ Россіи.

Это сознаніе и неизмѣнное слѣдованіе ему въ теченіи цѣлаго вѣка, повело къ тому, что шамхалы не только сохранили права владѣтелей до настоящаго времени, пока нынѣшній шамхалъ, за болѣзнію, самъ не отказался отъ нихъ; но были постоянно жалуемы высокими милостями русскихъ императоровъ, а подвластное имъ населеніе защищено было отъ того разоренія и ужасовъ войны, какіе выпали на долю большей части населенія, подвластнаго измѣнившимъ Россіи дагестанскимъ ханамъ.

II.

Начало водворенія въ Сѣверномъ Дагестанѣ русскаго правительства застаетъ во власти Мехти-Шамхала и зависимости отъ него слѣдующія селенія:

1) Тарки (резиденція шамхаловъ).
2) Альбори-Кентъ.
3) Кахулай-Туркали.
4) Агачь-аулъ.
5) Атлы-Боюнъ.
6) Шамхалъ-Янги-Юртъ.
7) Кумъ-Теръ-Кале.
8) Капчугай.

9) Гилли.
10) Кадаръ.
11) Буйнакъ.
12) Кара-Будахъ-Кентъ.
13) Губденъ.
14) Кочующіе въ шамхальствѣ ногайцы.

Къ этому владѣнію шамхала генералъ Ермоловъ присоединяетъ [1] уделы изгнанныхъ владѣльцевъ слѣдующимъ актомъ, даннымъ въ 1818 году и сохранившимся у шамхаловъ въ подлинникѣ:

,,Господину Генералъ-Лейтенанту, Высокостепенному и Высокопочетному Мехти-Шамхалу-Тарковскому, Вали Дагестанскому.

Ваше превосходительство, сохраняя вѣрность въ службѣ Великаго Государя нашего, а паче при послѣднемъ возмущеніи Дагестана (въ которомъ, кромѣ г. Тарки, всѣ владѣнія ваши приняли участіе) оставаясь твердымъ въ преданности къ Его Величеству и находясь при войскахъ Его, заслужили справедливое вознагражденіе.

Именемъ Великаго Государя моего, по власти, Высочайше мнѣ дарованной, присоединяю къ владѣніямъ вашимъ, въ полное ваше управленіе, имѣніе изгнанныхъ мною измѣнниковъ: Султанъ-Ахмедъ-хана-Аварскаго, брата его Джунгутайскаго бека Гасанъ-хана, [2] и Гирея, состоящее въ селеніяхъ: Параулъ, (Кака) Шура, Дургели и Казанищи съ окрестными деревнями. Надѣюсь, что сія милость Государя Императора умножитъ усердіе ваше къ Его службѣ.

Селенія сіи отдаются вашему превосходительству за вѣрность, собственно лицомъ вашимъ оказанную, а потомъ наслѣдникамъ вашимъ могутъ принадлежать не иначе, развѣ Государь Императоръ соизволитъ дать на то подтвержденіе».

По силѣ этой бумаги, поступили въ непосредственное владѣніе Мехти-Шамхала:

а) Селенія бамматулинскихъ бековъ (Гирей-бека и его братьевъ):
1) Большія Казанищи,
2) Бугленъ,
3) Муселимъ-аулъ,

---

[1]) Еще до генерала Ермолова въ 1806 году Мехти-Шамхалу Высочайше пожалованы, на правѣ землевладѣльца, девять деревень, извѣстныхъ подъ именемъ Улусскаго магала, принадлежавшихъ Дербентскому хану и находящихся въ Дербентскомъ градоначальствѣ.

[2]) Изъ владѣнія Гасанъ-хана шамхалу въ дѣйствительности ничего не предоставлено, а оно подчинено было особому управленію пристава, до возстановленія въ немъ ханской власти.

4) Темиръ-Ханъ-Шура и

5) Халимъ-бекъ-аулъ.

б) Селенія, составлявшія удѣлъ Султанъ-Ахмедъ-хана-Аварскаго въ Мехтулинскомъ ханствѣ:

6) Параулъ,

7) Кака-Шура,

8) Дургели и

9) Урума [3])

и в) селенія, перешедшія въ зависимость Шамхала-же, какъ правителя, но имѣвшія своихъ родовыхъ бековъ, не лишенныхъ правъ владѣльцевъ:

10) Малыя Казанищи и

11) Кафыръ-Кумыкъ.

Послѣ объясненной бумаги генерала Ермолова, относительно бамматулинскихъ деревень никакихъ новыхъ распоряженій отъ нашего правительства не послѣдовало, и они остались во владѣніи шамхаловъ со всѣми другими землями бамматулинскихъ бековъ на тѣхъ-же правахъ, на коихъ они владѣли родовыми своими селеніями и имѣніями; что-же касается до четырехъ селеній, предоставленныхъ шамхалу изъ бывшаго мехтулинскаго владѣнія, то одно изъ нихъ, Кака-Шура, передано Мехти-Шамхаломъ, въ 1824 году, сыну изгнаннаго генераломъ Ермоловымъ Гасанъ-хана, Ахмедъ-хану мехтулинскому, которому даровано было тогда прощеніе и возвращено отцовское владѣніе; а остальныя три селенія состояли въ непрерывномъ владѣніи шамхаловъ до начала за нихъ спора отъ мехтулинскаго дома.

Споръ этотъ начался по случаю пресѣченія рода аварскихъ хановъ и возобновленъ мехтулинскимъ домомъ въ 1847 году, послѣ нѣсколькихъ прежнихъ безуспѣшныхъ ходатайствъ о возвращеніи оному бывшаго удѣла Султанъ-Ахмедъ-Хана-Аварскаго. [4])

---

[3]) Селеніе это хотя и не названо въ бумагѣ генерала Ермолова, но оно также отдано было шамхалу, какъ это видно изъ другихъ бумагъ, и до послѣдняго времени оставалось во владѣніи шамхаловъ, вмѣстѣ съ селеніемъ Параулъ.

[4]) Султанъ-Ахмедъ-ханъ-Аварскій умеръ въ 1826 году; послѣ его смерти, вдова его, Паху-Бике, стала искать принятія дѣтей ея въ подданство Россіи и признанія старшаго сына ея, Нуцалъ-хана, владѣтелемъ Аваріи. Наше правительство уважило просьбу Паху-Бике, и Нуцалъ-ханъ, въ 1831 году, получилъ Всемилостивѣйшую грамоту, на утвержденіе его ханомъ авар-

Дагестанское начальство, принимая во вниманіе стѣсненное положеніе брата мехтулинскаго хана Али-Султана, имѣвшаго въ своемъ владѣніи и пользованіи только одну деревню Кака-Шуру, переданную

симъ. Въ 1824 году, горцы, восставшіе противъ возникновенія въ Дагестанѣ русской власти и противъ самихъ хановъ, предательски умертвили Нуцалъ-хана и двухъ его братьевъ. Правителемъ Аваріи сдѣлался временно предводитель мятежниковъ Амзатъ-бекъ, но онъ и самъ вскорѣ былъ умерщвленъ въ хунзахской мечети приверженцами ханскаго дома, а сообщники его, въ главѣ коихъ, послѣ Амзатъ-бека, сталъ Шамиль, изгнаны изъ Хунзаха, и затѣмъ въ Аваріи возстановлено ханское управленіе, въ лицѣ Ахмедъ-хана мехтулинскаго. Правительство наше поручило ему управленіе Аваріею, какъ потому, что онъ былъ ближайшій родственникъ аварскаго дома, такъ и потому, что изъ туземцевъ онъ одинъ считался способнымъ управлять Аваріею въ то смутное время. Послѣ Нуцалъ-хана осталась беременною жена его Айбатъ (дочь Мехти-Шамхала-Тарковскаго), отъ которой родился сынъ, названный по имени дѣда своего Султанъ-Ахмедомъ и предназначенный нашимъ правительствомъ наслѣдникомъ аварскаго дома.

Ахмедъ-ханъ, давно уже утвердившійся въ ханствованіи надъ мехтулинцами, получивъ въ свое вѣдѣніе и Аварію, разсчитывалъ властвовать въ ней долго, до совершеннолѣтія прямаго наслѣдника этого ханства, а въ случаѣ смерти его, могъ надѣяться испросить утвержденія за нимъ Аваріи и навсегда, въ потомственное владѣніе.

Впрочемъ, на ханство Аварское имѣлъ также претензію, въ случаѣ смерти малолѣтняго наслѣдника Аваріи, и шамхалъ тарковскій Абу-Муселимъ-ханъ, который былъ женатъ на родной теткѣ малолѣтняго Султанъ-Ахмедъ-хана, Солтанетъ-бике, и имѣя отъ нея сына Шамсудина (нынѣшняго шамхала), считалъ его ближайшимъ наслѣдникомъ Аварскаго ханства, а себя естественнымъ опекуномъ его.

Еще при жизни Нуцалъ-хана аварскаго, мать его Паху-Бике домогалась, чтобы съ поступленіемъ сыновей ея въ подданство Россіи, имъ возвращенъ былъ удѣлъ ихъ отца изъ Мехтулинскаго ханства, отданный генераломъ Ермоловымъ шамхалу; но наше правительство отклонило это домогательство, находя неудобнымъ отобраніе у шамхала деревень, предоставленныхъ ему за вѣрную службу. Ахмедъ-ханъ-же, получивъ въ свое управленіе Аварію, счелъ себя вправѣ, какъ по своей службѣ, такъ и по принадлежности означенныхъ селеній къ Мехтулинскому ханству, искать возвращенія оныхъ въ свое владѣніе. Шамхалъ тарковскій, опасаясь, чтобы Ахмедъ-ханъ не успѣлъ въ этомъ домогательствѣ, совершилъ дарственный актъ, по которому деревни тѣ записалъ, въ 1838 году, за малолѣтнимъ племянникомъ своимъ, наслѣдникомъ Аварскаго ханства, Султанъ-Ахмедомъ, которому они должны были достаться по наслѣдству отъ дѣда, лишившагося ихъ за измѣну русскому правительству. Такимъ образомъ домогательство Ахмедъ-хана этою мѣрою было отклонено. Въ 1843 году онъ умеръ, а вскорѣ послѣ его смерти умеръ въ пажескомъ корпусѣ и малолѣтній наслѣдникъ Аварскаго ханства Султанъ-Ахмедъ-ханъ, и записанныя за нимъ шамхаломъ три деревни сдѣлались, какъ сказано выше, предметомъ распрей между шамхаломъ и мехтулинскимъ домомъ.

ему въ видѣ удѣла, братомъ его Ахмедъ-ханомъ, ходатайствовало о предоставленіи ему и другой деревни съ однимъ кутаномъ изъ тѣхъ, которыя остались послѣ наслѣдника Аварскаго ханства, и объ обезпеченіи брата сего послѣдняго, Джанки-Нуцалъ-хана-Мирза-бека [*]).

Главнокомандовавшій Отдѣльнымъ Кавказскимъ корпусомъ князь Воронцовъ, по разсмотрѣніи и соображеніи всѣхъ обстоятельствъ спорнаго дѣла на счетъ наслѣдованія деревнями Дургели, Урума и Параулъ, подаренными въ 1838 году шамхаломъ тарковскимъ покойному племяннику его, Султанъ-Ахмеду, рѣшилъ это дѣло слѣдующимъ образомъ:

1) Дургели, какъ ближайшую деревню къ Кака-Шурѣ, отдать Али-Султану съ кутаномъ Айлама, дабы доставить ему болѣе способовъ къ существованію.

2) Деревни Уруму и Параулъ возвратить шамхалу.

3) А Мирза-беку отдать кутанъ Аруша. Опредѣленіе это было сообщено шамхалу и Али-Султану, какъ окончательное рѣшеніе по ихъ спору, но распри между ними за означенныя деревни не прекратились, и потому покойный князь Воронцовъ вторично входилъ въ разсмотрѣніе дѣла сего и далъ командовавшему войсками въ Сѣверномъ Дагестанѣ князю Бебутову предписаніе, отъ 24-го октября 1847, № 25, въ которомъ между прочимъ сказано:

„Усматривая изъ отношенія князя Бебутова къ начальнику главнаго штаба за № 848, что распри за деревни Дургели, Параулъ и Урума не прекратились и самое владѣніе оными подало поводъ къ новымъ неудовольствіямъ и безпорядкамъ, я нахожу нужнымъ объявить поименованнымъ лицамъ, отъ имени моего. слѣдующее:

Что упомянутыя три деревни, послѣ отдачи ихъ генераломъ Ермоловымъ Мехти-Шамхалу за услуги его правительству, не составляли его личной собственности, но достояніе шамхальскаго дома и не могли быть шамхалами, безъ согласія правительства, отчуждаемы, такъ точно какъ и другія части шамхальства; съ отдачею-же ихъ Абу-Муселимъ-ханомъ, съ Высочайшаго соизволенія, племяннику своему, малолѣтнему аварскому хану Султанъ-Ахмеду, право на владѣніе

---

[*]) Мирза-бекъ былъ сынъ Нуцалъ-хана отъ простой уаденки. Онъ умеръ отъ раны, полученной въ дѣлѣ противъ горцевъ въ 1854 году въ чинѣ капитана, оставивъ послѣ себя одного сына Сурхая, живущаго съ матерью въ Дженгутаѣ.

онымп перешло въ домъ аварскихъ хановъ, а съ прекращеніемъ рода этихъ хановъ, по смерти Султанъ-Ахмеда, и деревни тѣ поступили въ распоряженіе правительства, и ни шамхалъ, ни члены дома хановъ мехтулинскихъ не имѣютъ на нихъ никакого права; что деревни тѣ и принадлежащіе къ онымъ кутаны отданы, какъ выше объяснено, шамхалу Али-Султану и Мирза-беку не по праву наслѣдства, но въ видѣ особой милости правительства за преданность и заслуги ихъ; что на семъ основаніи имъ предоставляется право пользоваться доходами и повинностями съ жителей по обычаю края, но съ тѣмъ однакожъ, чтобы всѣ взаимныя отношенія жителей и обычаи касательно пастьбищъ, воды и проч. отнюдь не измѣнялись въ томъ положеніи, какъ это существовало издревле, до поступленія деревень къ разнымъ владѣльцамъ. Если-же кто изъ нихъ нарушитъ этотъ порядокъ, то лишится права на управленіе предоставленнымъ ему участкомъ, о чемъ прошу ваше сіятельство объявить письменно помянутымъ владѣльцамъ.“

Этимъ рѣшеніемъ высказался въ первый разъ взглядъ кавказскаго главнаго начальства на права шамхаловъ и другихъ лицъ надъ предоставленными имъ отъ нашего правительства селеніями и имѣніями; но какъ за тѣмъ никакого вопроса по этому поводу уже не возникало и дагестанское начальство ограничилось только сообщеніемъ вышеизложеннаго рѣшенія Шамхалу и Али-Султану, которые тогда-же получили назначенныя имъ деревни и имѣнія, то условія пользованія ими остались не исполненными, и князь Абу-Муселимъ-шамхалъ распоряжался предоставленными ему имѣніями на томъ-же правѣ, какъ своими родовыми, отчуждая оныя по своему усмотрѣнію. *)

Съ того времени въ составѣ владѣнія шамхаловъ никакихъ измѣненій не было, и при открытіи управленія Темиръ-Ханъ-Шуринскаго округа, Владѣніе Тарковское заключало въ себѣ слѣдующія деревни:

---

*) Такъ, напримѣръ: сел. Параулъ отдано имъ въ 1853 году въ пользованіе сыну своему Джанкѣ-Таймазъ-хану, а нѣкоторые изъ населенныхъ участковъ проданы въ частныя руки; въ числѣ ихъ и Аруша-кутанъ, назначенный по распоряженію князя Воронцова Мирза-беку, не былъ отданъ ему, а проданъ шамхаломъ жителямъ селенія Параулъ.

а) *Прежняго состава шамхальства:*

1) Тарки	937	дымовъ.
2) Альбори-кентъ	71	—
3) Кахулай-Туркали	136	—
4) Агачь-аулъ	93	—
5) Атлы-Боюнъ	80	—
6) Шамхалъ-Янги-Юртъ	181	—
7) Кумъ-Теръ-Кале	333	—
8) Капчугай	104	—
9) Гилли	471	—
10) Кадаръ	574	—
11) Буйнакъ	338	—
12) Янги-Буйнакъ (отселокъ Буйнака)	36	—
13) Кара-Будах-кентъ	814	—
14) Губдень	1142	—
15) Кочующихъ ногайцевъ	346	—

б) *Присоединенныя къ шамхальству изъ бывшихъ удѣловъ Ямматулинскаго и Султанъ-Ахмедъ-Хана-Аварскаго:*

16) Большія Казанищи	952	дыма.
17) Бугленъ	154	—
18) Муселимъ-аулъ	126	—
19) Халимъ-бекъ-аулъ	240	—
20) Малыя Казанищи	278	—
21) Кафыръ-Кумыкъ	276	—
22) Параулъ	536	—
23) Урума	151	—

Всего 23 деревни, съ населеніемъ въ 8379 дымовъ, живущихъ на пространствѣ 3500 кв. верстъ.

Изъ этого населенія шамхалу тарковскому отбывали повинности и косвенные налоги 2784 дыма жителей селеній: Тарки, Большія Казанищи [7], Буглень, Халимъ-бекъ-аулъ, ½ селенія Гилли, Уруна и кочующіе ногайцы. Прочія-же деревни, равно какъ и ½ деревни Гилли, кромѣ Карабудахкента и Губдени, отбываютъ повинности бекамъ и джанкамъ. Послѣднія-же двѣ деревни никакихъ повинностей никому изъ владѣльцевъ не несутъ.

Поземельныя права, какъ самого шамхала, такъ и другихъ владѣльцевъ, выражались всегда и существуютъ теперь въ трехъ видахъ:

Къ первому виду относятся земли пахатныя и покосныя, принадлежащія сельскимъ обществамъ, но состоящія издавна въ общемъ пользованіи ихъ съ владѣльцами, на условіяхъ повременнаго выдѣла опредѣленной обычаями доли владѣльцамъ и узденямъ изъ участковъ, назначаемыхъ къ обработкѣ. Къ этому-же виду относятся пастьбища, на коихъ владѣльцы и жители могутъ содержать скотъ свой въ извѣстные періоды года, а также и лѣса, въ коихъ владѣльцы и жители имѣютъ одинаковое право свободной рубки.

Ко второму виду относятся земли, считающіяся принадлежащими шамхалу и бекамъ, но состоящія въ неотъемлемомъ наслѣдственномъ пользованіи извѣстнаго населенія, безъ права отчужденія ихъ и за опредѣленныя обычаями повинности.

Къ третьему виду относятся земли, принадлежащія отдѣльнымъ владѣльцамъ и сельскимъ обществамъ, на правахъ частной собственности ихъ. Въ этотъ разрядъ входятъ кутаны, горы [8]), пахатныя земли и другія угодья, кои находятся въ исключительномъ пользованіи шамхала и другихъ лицъ изъ бековъ и узденей, и особо, сельскихъ обществъ, съ полнымъ правомъ отчужденія ихъ.

---

[7]) Въ Таркахъ 14, а въ Большихъ Казанищахъ 110 дымовъ несутъ повинности не шамхалу, а другимъ владѣльцамъ.

[8]) Здѣсь нужно оговорить, что, по издавна установившемуся обычаю, кутаны и горы находятся въ исключительномъ пользованіи шамхала и другихъ владѣльцевъ: кутаны отъ начала осени до наступленія лѣта (съ 15 августа по 15 мая), въ теченіи 9-ти мѣсяцевъ, а горы въ теченіи только 3-хъ лѣтнихъ мѣсяцевъ. По минованіи-же этихъ сроковъ, почти на всѣхъ кута-

Отношенія-же шамхала къ населенію, которое отбывало ему извѣстныя повинности *), обусловливались:

а) въ однихъ селеніяхъ правомъ землевладѣльца;

б) въ другихъ правомъ правителя,

и в) въ третьихъ тѣмъ и другимъ правомъ вмѣстѣ.

Повинности, исходящія изъ этихъ правъ, не имѣли между собою большихъ отличій, кромѣ разности въ томъ, что населеніе, живущее на владѣльческихъ земляхъ, въ случаѣ перехода съ оныхъ, должно было оставлять усадебныя мѣста свои и другія земли въ распоряженіе владѣльца, и ему-же доставались земли, оставшіяся послѣ умершихъ безъ наслѣдниковъ мужескаго пола.

Виды этихъ повинностей вообще суть:

1) *Кентъ-ясакъ* (подать съ имѣющихъ барановъ), 2) *арба-агачь* (доставка дровъ), 3) *бильха* (выставка плуговъ, жнецовъ, косцовъ) и нѣкоторыя другія, коими исключительно обязаны были ногайцы, чагары и урминцы. Отбываніе ихъ обыкновенно производилось не по полному числу дворовъ, а за исключеніемъ изъ онаго сельскихъ должностныхъ лицъ, нукеровъ, емчиковъ (молочныхъ братьевъ) и бѣдныхъ; такъ что на самомъ дѣлѣ только 3/4 каждаго селенія отбывали обычныя повинности; размѣръ-же ихъ простирался вообще отъ 2 до 4-хъ рабочихъ дней въ году отъ дыма, за исключеніемъ халимъ-бекъ-аульцевъ, ногайцевъ и чагаровъ, кои отбывали большее

нахъ и горахъ окрестные жители вправѣ пасти свой скотъ и баранту. Поэтому кутаны отдаются на откупъ только на 9-ть мѣсяцевъ, а горы на 3-и мѣсяца, въ которые и находятся подъ запретомъ.

Есть нѣсколько и такихъ владѣльческихъ кутановъ, на которыхъ жители могутъ дѣлать распашки.

*) Податное населеніе шамхальства состоитъ: а) изъ узденей кумыкскаго, даргинскаго, аварскаго и ногайскаго племенъ, б) чагаровъ и в) евреевъ. Чагары суть бывшіе холопы, давно уже водворенные особо отъ двора владѣльцевъ, имѣющіе свое отдѣльное хозяйство и обязанные нести имъ опредѣленныя обычаями повинности. Ихъ во Владѣніи Тарковскомъ было всего 90 дворовъ; но за освобожденіемъ шамхаломъ всѣхъ своихъ чагаровъ (45 дымовъ), осталось въ обязательныхъ отношеніяхъ къ владѣльцамъ 45 дымовъ.

число дней; сверхъ сего, шамхалъ получалъ особый доходъ отъ обычныхъ штрафовъ, налагаемыхъ на провинившихся въ преступленіяхъ и проступкахъ и отъ введеннаго при покойномъ отцѣ нынѣшняго шамхала косвеннаго налога съ отдачи на откупъ права продажи напитковъ и красныхъ товаровъ.

Всѣ объясненные виды повинностей, коими шамхалъ пользовался до 1-го августа прошлаго года и отъ коихъ въ тотъ день онъ добровольно освободилъ всѣхъ безъ исключенія жителей, находившихся къ нему въ обязательныхъ отношеніяхъ, — по переложенію на деньги, составляютъ сумму—4343 р., которые съ денежными доходами:

а) отъ штрафовъ . . . . 710 р.
и б) отъ откуповъ . . . . 2140 р.
простираются до . . . . 7193 р.
не включая сюда необязательныхъ для народа нарядовъ, которые дѣлались шамхалами, какъ изъ деревень, несшихъ ему обычныя повинности, такъ и со всѣхъ прочихъ деревень бывшаго Владѣнія Тарковскаго, подъ видомъ служебныхъ надобностей шамхала, какъ правителя.

Отказавшись отъ объясненныхъ повинностей съ жителей, шамхалъ остался при доходахъ съ земель и оброчныхъ статей, которые находятся во владѣніи и пользованіи его. Доходы эти простираются свыше 1900 руб. съ однихъ имѣній, состоящихъ въ Темиръ-Ханъ-Шуринскомъ округѣ.

Сверхъ того, въ исчисленіе доходовъ его слѣдуетъ включить доходъ, который шамхалы получали отъ сбора, называемаго рахтарнымъ, или домгою. Сборъ этотъ взимался съ провозимыхъ чрезъ шамхальское владѣніе товаровъ. По неточной опредѣлительности своей и по злоупотребленіямъ, допускавшимся сборщиками, въ ущербъ развитія торговаго движенія, правительство предложило шамхалу Абу-Муселимъ-хану получать, въ замѣнъ онаго, изъ казны пенсіонъ, со-

---

Въ шамхальствѣ живетъ 71 дымъ евреевъ, выселившихся изъ Кайтага, назадъ тому около ста лѣтъ, и платящихъ въ пользу владѣльцевъ подать отъ 3 до 5 руб. съ дыма. Изъ нихъ 51 дыму шамхаломъ дарована свобода отъ платимой ими подати, простиравшейся до 200 руб., и затѣмъ платящихъ подати владѣльцамъ осталось въ Буйнакѣ 20 дымовъ.

отвѣтственный количеству ежегоднаго рахтарнаго сбора. Шамхалъ далъ согласіе и, по Высочайшему соизволенію, ему назначена за отказъ отъ онаго потомственная пенсія въ 5 т. р. с., отпускъ которой начался съ 1838 года.

Родословная Шамхальскаго дома.

Линія Шамхальскаго дома.

Бамматулинская линія

Сурхай Шамхалъ 1643 г.

Будай Шамхалъ 1682 г.

Муртузали Шамхалъ 1682–1700 г.

Адиль-гирей Шамхалъ 1700–1725 г.

Улму-мисей, сестр. Хаспулата

Она была за мужемъ сперва за Гирей-бекомъ баммалинскимъ, а по смерти его вышла за Мехти Ширданчи.

Гирей бекъ.

Мехти Ширданчи Шамхалъ 1765 г.

Хаспулатъ Шамхалъ 1725–1764 г.

Тишнекъ Баматъ Шамхалъ 1765 г.

Мурту-зали 1765–1782 г.

Баматъ Шамх. Князь 1782–1794 г.

Хаспулатъ

Мехти Шамх. Князь 1794–1830 г.

Гирей Бекъ

Баматъ ушелъ въ Турцію

Ирази убитъ при взятіи крѣпости Бурной.

Князь Сулейманъ паша Шамхалъ 1830–1836 г.

Князь Абу-Муселимъ ханъ Шамхалъ 1836–1860 г.

Алескендеръ Джа.

Князь Далгатъ умеръ 1853 г.

Князь Шамсудинъ Шамхалъ 1860 г.

Ханъ 18 лѣтъ

Аматъ.

Джанка Джамалъ Эддинъ 18 лѣтъ

Мехти 6 лѣтъ.

Худож. Литогр. К. Томсона въ Тифлисѣ

НАРОДНЫЯ СКАЗАНІЯ

КАВКАЗСКИХЪ ГОРЦЕВЪ.

КОЕ-ЧТО О СЛОВЕСНЫХЪ ПРОИЗВЕДЕНІЯХЪ ГОРЦЕВЪ.

Заглавіе странное и неудачное, въ чемъ сознаюсь, но не могу придумать другаго. О горской литературѣ не можетъ быть рѣчи, потому что горцы теперь только начинаютъ заучивать *литеры*. Словесность имѣетъ многознаменательное значеніе. Поэзіей нельзя назвать того, въ чемъ, быть можетъ, не отыщется никакой поэзіи или отыщется ея сокрушительно-малая толика, золотникъ золота на сто пудовъ песку,—въ чемъ не моя вина. Впрочемъ, не въ заглавіи дѣло. Въ предлагаемой статьѣ я принимаю на себя скромную роль совѣстливаго переводчика съ горскихъ языковъ прямо на русскій, безъ посредничества какого-бы то ни было третьяго языка, что уже составляетъ довольно-рѣдкое явленіе на Кавказѣ. Въ продолженіи получаса мы заставимъ горцевъ поговорить о томъ, о семъ. Читатель спроситъ: какое-же, потомъ, общее заключеніе можно будетъ вывести о горцахъ?—Никакого *общаго* заключенія нельзя вывести ни о какомъ народѣ въ свѣтѣ послѣ получасоваго знакомства. Но, быть можетъ, „Сборникъ“ родился живучимъ. Эти получасовыя бесѣды будутъ повторяться. Изъ совокупности ихъ, незамѣтно ни для авторовъ, ни для читателей, само собою будетъ вырабатываться *общее* заключеніе.

Физическая природа Кавказа въ глазахъ древнихъ народовъ пріобрѣла фантастическую законченность. Давно уже законченность эта отвергнута, но только въ послѣднее тридцатилѣтіе замѣнилась она положительнымъ знаніемъ. Вершины Кавказа, сосѣдки звѣздъ,—какъ называлъ ихъ Есхилъ,—измѣрены барометрически и геодези-

чески; на Эльбрусѣ не отыскалось цѣпи Прометеевой, которую нѣкогда такъ усердно отыскивали греки и римляне; на Араратѣ не нашлось ковчега Ноева; на Казбекѣ англичане побывали на дняхъ и не нашли яслей Спасителя. Изумрудный хребетъ Кафъ, окружающій землю, какъ перстень палецъ, и до котораго добираются черезъ страну, покрытую вѣчнымъ мракомъ,—покрытъ тригонометрической сѣтью Ходзько. Мудрая въ знаніи травъ Медея, конечно, не развѣдала кавказскихъ травъ такъ хорошо, какъ Рупрехтъ и Радде. На Кавказѣ, разсказывали греки, происходила борьба между Зевесомъ и Тифеемъ, огнемъ небеснымъ и огнемъ подземнымъ; на Кавказѣ боги Олимпа вели борьбу съ старыми богами, Титанами. Вѣковъ за двадцать тому назадъ, греки воспѣвали эту борьбу; теперь Абихъ пишетъ ея точную исторію.

Дѣло сложилось иначе въ отношеніи къ этнографіи Кавказа. Нельзя упрекать древнихъ въ фантастическомъ изображеніи горцевъ. Геродотъ, въ видѣ самой замѣчательной особенности ихъ, разсказываетъ, что они разрисовываютъ свои одежды изображеніями животныхъ; сверхъ того, сообщаетъ онъ небылицу, которую мы перейдемъ молчаніемъ. Послѣ Геродота, у разныхъ писателей находимъ мы длинные списки названій горскихъ народовъ съ общимъ отзывомъ, что народы эти крайне дики, живутъ грабежомъ и плѣнопродавствомъ, говорятъ на непонятныхъ языкахъ. О нѣкоторыхъ народахъ сообщали, сверхъ того, что они ѣдятъ отвратительныхъ насѣкомыхъ.

Въ недавнее время это изображеніе горцевъ совершенно измѣнилось. Въ двадцатыхъ годахъ нашего столѣтія, кавказская природа привлекла на себя вниманіе романтиковъ-поэтовъ. Гора, ущелье,—гора, ущелье,—найдены были болѣе поэтичными, чѣмъ лѣсъ, поле,—лѣсъ, поле. Гора, ущелье,—лѣсъ, поле,—то и другое, само собою разумѣется, не болѣе, какъ декораціи, окаймляющія сцену, на которой разыгрывается неисчерпаемо-занимательная драма: въ ней дѣйствующія лица—силы природы и страсти людскія. Декораціей можно полюбоваться, но это любованье не долго продолжается и переходитъ въ тоску смертную, если остается непонятнымъ то, что происходитъ на сценѣ. Въ эпоху романтизма, и природа

и люди на Кавказѣ были непонятны. Нельзя было фантазировать на-счетъ природы,—тотчасъ нашлись-бы ученые, которые уличили-бы въ несообразностяхъ. Но ничто не мѣшало фантазировать, сколько душѣ угодно, на-счетъ людей. Горцы не читаютъ русскихъ книгъ и не пишутъ на нихъ опроверженій. Горцы, которые въ тѣ блаженныя времена учились чему-нибудь и какъ-нибудь въ Петербургѣ,— сами всячески поддѣлывались подъ Аммалатъ-Бековъ, Казбичей и т. п. Въ такомъ маскарадномъ видѣ только и могли они казаться интересными для русской публики,—иначе что-же могло быть интереснаго въ этихъ недоучившихся кадетахъ? Горцевъ не могли мы себѣ представить иначе, какъ въ видѣ людей, одержимыхъ какимъ-то бѣснованіемъ, чѣмъ-то въ родѣ воспаленія въ мозгу,—людей, рѣжущихъ на право и на лѣво, пока самихъ ихъ не перерѣжетъ новое поколѣніе бѣснующихся. И было время, когда эти неистовыя чада нашей поэтической фантазіи приводили въ восторгъ часть русской читающей публики! Другіе читатели, болѣе разсудительные, все-таки вѣрили въ возможность существованія таковаго племени бѣснующихся, но въ замѣнъ восторговъ, совѣтовали истребить ихъ *съ корнемъ вонъ*. Легковѣріе этихъ благоразумныхъ читателей дѣлаетъ отчасти извинительнымъ легковѣріе арабовъ, вѣрившихъ въ существованіе людей, у которыхъ четыре глаза, а именно: два на лицѣ и два на груди!

Какъ бы то ни было, но Аммалатъ-Беки, Селтанеты и пр. и пр. пріобрѣли право гражданства въ русской литературѣ. Какъ ни ложны они, но мечутся въ глаза своею яркостію. Теперь никто уже ими не восхищается, но впечатлѣніе, вполнѣ законченное, сохранилось. Съ другой стороны, фотографическіе снимки того или другаго момента горской жизни кажутся крайне-неудовлетворительными, блѣдными, незаконченными. Это, какъ-бы кирпичъ, представляемый въ видѣ образца дома. Но, что-же дѣлать? Другимъ путемъ нельзя подготовить матеріаловъ для будущаго Вальтеръ-Скотта, или хотя-бы Морьера горцевъ. На первый разъ заставимъ горцевъ разговаривать между собою, не стѣсняя ихъ своимъ присутствіемъ.

Начнемъ съ *привѣтствій*. Теперь всего чаще слышится:

салямъ алейкюмъ, и въ отвѣтъ: *алейкюммяссалямъ*. Тутъ и удовольствіе произнести арабскую фразу и дешевый способъ показать себя человѣкомъ образованнымъ и благочестивымъ. Но горскіе языки изобилуютъ своими собственными привѣтствіями:

Чеченцы говорятъ: приходъ твой да будетъ къ счастью.—Утро твое да будетъ хорошо. *Аварцы*: Богъ да обрадуетъ тебя.—Голова да будетъ здрава.—Свѣтлый день да не минуетъ тебя.—Богъ да выпрямитъ для тебя дорогу (путнику). *Лаки*: да дастъ тебѣ Богъ, чего не ждешь.—Да дадутся тебѣ сердечная радость и жизнь.—Да продлится жизнь.—Сыновья да будутъ невредимы (женщинамъ). Съ отдыхомъ здоровье да дастся (возвратившемуся изъ дороги). Да родится сынъ, какъ отецъ, и дочь, какъ мать (новобрачнымъ). До чего онъ не дожилъ, то тебѣ да дастся (родственнику умершаго). *Акушинцы*: благословеніе да достанется твоему дому.—Да умножатся твои бараны.—Да разцвѣтешь ты, какъ садъ.

Въ противуположность, приведемъ мы *проклятія*, которыхъ много, такъ-какъ горцы большею частію люди весьма вспыльчивые. Въ грамматическомъ отношеніи формулы проклятій представляютъ весьма оригинальные и поучительные обороты; потому и набралось ихъ столько при разслѣдованіи горскихъ языковъ.

У *аварцовъ*: провались ты въ адъ!—Сѣмя да изсякнетъ твое!—Да разтерзаетъ тебя орелъ!—Пожрись ты тотчасъ же!—Да положишься ты на лестницу, т. е. умри ты, потому что тѣло умершаго относится на лестницѣ.—Черный день да наступитъ въ твоемъ домѣ!—Твоего отца домъ да сгоритъ!—Да сожжется грудь твоя!—Да остынетъ грудь твоя!—Сдерись твое лицо!—Вернись убитымъ!—Да пожретъ ржавчина твое оружіе!—Тѣнь филина да покроетъ твой домъ!—Да вылезутъ твои косы! (ругательство между женщинами). Да вылезутъ твои усы! (женщины мужчинамъ). Да надѣнешь ты чоху, въ знач. да умретъ мужъ твой, потому-что жена, оплакивая мужа, надѣваетъ на себя его чоху.—Умри твоя мать! (Послѣднее въ большей части случаевъ не есть проклятіе, а скорѣе соотвѣтствуетъ русскому выраженію: сердечный! Значеніе то, что лучше бы матери твоей умереть, чѣмъ видѣть тебя въ томъ или другомъ жалкомъ положеніи. Это выраженіе употреб-

ляется безразлично, жива или умерла мать; оно можетъ относиться не только къ людямъ, но къ животнымъ и даже къ неодушевленнымъ предметамъ).

У *лаковъ*: утони ты въ крови!—Да распорется животъ твой!—Да выпьетъ воронъ твои глаза!—Да засохнетъ родъ твой!—Да напишется твое имя на камнѣ, т. е. да накроетъ тебя надгробный камень!—Земля да возьметъ тебя!—Ноги твои да обратятся въ воскъ!—Да погасится очагъ твой!—Да выростетъ колючка въ твоемъ каминѣ!—Да умретъ твой хозяинъ! (Говорится обыкновенно домашней скотинѣ и всего чаще самимъ же хозяиномъ).

У *акушинцовъ*: да очутишься ты среди чернаго дня!—Да поглотитъ тебя земля!—Горячая пуля да попадетъ въ тебя!—Молоко матери да обратится въ позоръ! (Впрочемъ, это проклятіе, общее всѣмъ горцамъ, можетъ служить и въ видѣ клятвы).

Непріятное впечатлѣніе, произведенное проклятіями на читателя,—мы разсѣемъ изчисленіемъ женскихъ красотъ, по понятіямъ горцевъ.

Чеченцы: шея лебединая, походка утиная (sic), цвѣтъ молочный.

Аварцы: грудь бѣлая, какъ сыръ и серебро.—Въ горлѣ льющаяся вода сквозитъ, т. е. горло прозрачное.—Шея длинная, какъ у турецкаго кувшина. (Сказано у римскаго кувшина, но Руми означаетъ у горцевъ Европейскую Турцію).—Походка, какъ дикой курочки. (Дикой курочкой называемъ мы родъ куропатки, для которой во всѣхъ горскихъ языкахъ существуютъ особыя названія. Курочка эта болѣе бѣгаетъ, чѣмъ летаетъ, и съ какою-то забавною суетливостію.)—Ласкательно говорится: красное солнце, свѣтъ моихъ глазъ, мое серебро-золото, красное золото, ночью небо освѣщающая полная луна, райская жемчужина, золотистая голубка, небесная ласточка.

Лаки: оленья шея,—щеки, какъ яблоки,—пальцы, какъ перья,—золотыя косы. (Золотыя косы при черныхъ глазахъ почитаются верхомъ женской красоты у лаковъ, хотя вообще горцы не любятъ рыжихъ и питаютъ къ нимъ предубѣжденіе.)—Жемчужные зубы.—Дѣвушка, какъ зажженная свѣча, т. е. свѣтитъ своею красотою.

Акушинцы: дѣвушка съ гладкимъ лбомъ.—Облупленная женщина, т. е. гладко-кожая.—Тонкая въ станѣ дѣвушка.—Дѣвушка, какъ

цы, чтобы подольститься русскому начальнику, сравниваютъ его съ волкомъ, что иногда порождаетъ забавныя недоразумѣнія. Въ пѣснѣ говорится, что волкъ щетинится въ ту ночь, когда мать рожаетъ чеченца. „Короткоухій ты волкъ, волчій у тебя нравъ“, говоритъ горская дѣвушка, ласкаясь къ любезному. „Волчья ночь“, ночь темная, бурная, когда ни волкамъ, ни молодцамъ не спится, когда и волки и молодцы рыщутъ для разныхъ приключеній. Это любимое сравненіе принимаетъ иногда отдаленно-переносное значеніе. Говорится: „поле какъ волкъ“, т. е. поле по-волчьи ощетинилось всходами. Охотники пріискивать соотношенія между людскими и звѣриными типами, конечно, найдутъ въ самомъ обликѣ аварцовъ и, въ особенности, чеченцовъ, много волчьяго. Это было уже замѣчено не разъ.

Въ *медвѣдѣ* горцевъ заинтересовалъ тотъ моментъ, когда медвѣдь, ставъ на дыбы, лезетъ на противника. Конечно, имъ удалось подмѣтить самый интересный моментъ. Герои, когда

въ ручной вступаютъ бой
Грудь съ грудью и рука съ рукой,

весьма картинно уподобляются горскими поэтами медвѣдямъ. *Медвѣжья пляска* вовсе не есть пляска тяжелая, неловкая, *медвѣжья*, какъ мы ее знаемъ. Это есть горскій *канканъ*.

Самымъ привлекательнымъ качествомъ *коня* представляется горцамъ легкость его: конь-птичка,—такъ абхазцы называютъ жеребенка; конь-вѣтеръ, конь-туча—эпитеты, встрѣчающіеся въ горскихъ сказкахъ. Въ нихъ, чтобы сбить съ себя непрошеннаго сѣдока, конь трижды вспрыгиваетъ такъ, что ударяется головой о голубое небо, и трижды падаетъ на-земь такъ, что вздрагиваетъ подъ нимъ черная земля; кто усидѣлъ послѣ такого испытанія, тому конь повинуется. Впрочемъ, по условіямъ мѣстности, горцы не наѣздники. Какое наѣздничество возможно тамъ, гдѣ справа третъ плечо скала, а влѣво подъ стременемъ бездонная пропасть! Наѣздничество возможно на чеченской плоскости: тамъ лошадей холили и готовили для воровскаго предпріятія также, какъ холятъ и готовятъ ихъ для скачекъ. Такихъ лошадей прятали, какъ-бы дѣвушекъ, отъ нескромныхъ взоровъ: всадникъ отправлялся на промыселъ переодѣ-

тый, и конь его долженъ былъ сохранить incognito. Ни всадника, ни коня, никто не долженъ былъ узнать. О такомъ конѣ говорится въ чеченской пѣснѣ: конь снаряженный къ походу, какъ невѣста къ свадебному торжеству. Но мы отвлеклись отъ предмета.

Оселъ остался осломъ и въ горахъ. „Онъ человѣкъ-оселъ, онъ сдѣлалъ ослиность (акуш.); у него нѣтъ ума даже столько, сколько у осла". Оселъ изображаетъ не только глупаго, но и вообще всякаго человѣка, заслуживающаго презрѣнія. Между *осломъ* и *грибомъ* съ перваго разу трудно отыскать соотношеніе, но лакамъ показалась бѣлая мякоть грибовъ похожею на сыръ и, такъ какъ они не охотники до грибовъ, то назвали ихъ *ослинымъ сыромъ*. Крутая ослиная спина представляетъ подобіе, какъ острыхъ гребней горъ, такъ и покатыхъ крышъ на русскихъ постройкахъ, въ противуположность горскимъ плоскимъ.

Собака, вѣрный другъ человѣка,—и въ горахъ можетъ пожаловаться на несправедливость къ ней друзей-людей. Собака для горцевъ служитъ олицетвореніемъ всего, что можетъ соединиться отвратительнаго въ человѣкѣ. Человѣкъ-собака, его собачество, онъ особачился, собачій ротъ, представляютъ крайне-неблагопріятные отзывы.

За то, *кошка* является въ видѣ весьма-граціознаго, забавно-плутоватаго звѣрка, котораго дѣятельность передъ домашнимъ каминомъ. *Кошка мурлычитъ*,—переводится не иначе, какъ черезъ: *кошка сказки сказываетъ*. Сидѣть дома передъ каминомъ въ зимнюю мятельную ночь,—наслажденіе, которое часто припоминалось бѣднымъ горцамъ, которыхъ Шамиль уводилъ въ Чечню, чтобы препятствовать нашимъ зимнимъ рубкамъ лѣса. Холодъ, голодъ, перспектива на утренней зарѣ стать подъ картечь! Многіе повторяли про себя, вспомнивъ о покинутой женѣ или любовницѣ, пѣсню: „хотѣлъ-бы я теперь быть котенкомъ у камина, влезъ-бы тебѣ на грудь, сказывалъ-бы тебѣ сказки..." Увы! многимъ изъ этихъ элегистовъ на разсвѣтѣ сказалась другаго рода сказка!

Хвастливый трусъ обыкновенно сравнивается съ *пьяною мы-*

шью. „Куда дѣвались коты? воскликнула пьяная мышь, ощетинивъ усы.“ Разсказываютъ, что нѣкогда мышь упала въ сосудъ съ виномъ и кое-какъ оттуда выкарабкалась. Облизываясь, напилась она пьяна. Пьяной мыши вошло въ голову вызывать котовъ на бой. Подкрался котъ,—цапъ-царапъ,—и исторіи конецъ. Сравненіе весьма-меткое, которое можетъ пригодиться для многихъ, произносящихъ воинственные спичи послѣ обильныхъ обѣденныхъ возліяній.

Горцы легко подпадаютъ увлеченіямъ, они готовы вѣрить всему несбыточному. Появится гдѣ-нибудь бродяга-святоша,—придетъ къ кому-либо ночью съ обѣщаніемъ открыть великую тайну. Тайна въ томъ, что какому-то святому мужу приснилось, что наступила пора, не только прогнать гяуровъ съ Кавказа, но и совсѣмъ стереть ихъ съ лица земли! На другую ночь собирается трое посвященныхъ въ великую тайну и т. д. Этотъ зажигательный матеріалъ—копѣечная свѣчка, но... разсказываютъ, что отъ копѣечной свѣчки Москва сгорѣла. Должно только успѣть задуть свѣчку во время, безъ пособія пожарныхъ командъ. Легковѣріе свое сами горцы осмѣяли слѣдующей поговоркой: „каждую ночь зайцы совѣщаются о томъ, какъ бы имъ прогнать орловъ. Къ разсвѣту разбѣгаются, все еще не рѣшивъ дѣла.“

Хитрости *лисицы* составляютъ любимое содержаніе горскихъ сказокъ и басенъ; въ хитрости кавказская лиса не уступаетъ европейской. Она рѣшительно умнѣе всѣхъ звѣрей и даже самихъ людей, когда только послѣднимъ приходится имѣть съ нею дѣло въ горскихъ вымыслахъ. Не смотря на то, иногда и ей случается попадать въ просакъ. Но съ кавказской лисицей мы еще будемъ имѣть случай познакомиться. Полагаютъ, что вмѣстилище лисьей хитрости не голова, а хвостъ, откуда кюринская поговорка: ты лисица, а я лисій хвостъ, т. е. ты хитеръ, а я тебя хитрѣе. Акушинцы говорятъ: лисьимъ хвостомъ обметясь, обманулъ, т. е. весьма-тонко обманулъ. Аварцы: онъ говоритъ по-лисьи, отъ него лисицей пахнетъ, у него походка лисья; онъ змѣиное шепчетъ, лисье сказываетъ.

Замѣчательно, что въ лакскомъ языкѣ *змѣя* и *червякъ*

имѣютъ общее названіе; въ частности, змѣю обозначить можно не иначе, какъ черезъ *большой червякъ*. *Червивое яблоко* значитъ змѣиное яблоко; въ мясѣ завелись черви — завелись змѣи. Въ аварскомъ тоже самое, но есть и особое названіе для червяка. Въ древности змѣя была олицетвореніемъ мудрости. Сколько мнѣ извѣстно, горцы удѣляютъ змѣѣ только исключительную частичку мудрости, а именно, способность понимать всѣ языки. О своихъ полиглоттахъ говорятъ они: онъ столько языковъ знаетъ, сколько змѣя. Мнѣ случилось гдѣ-то слышать отъ русскаго простолюдина странное сравненіе: блѣдный какъ змѣй. Аварцы говорятъ не менѣе странно: онъ поблѣднѣлъ, какъ ящерица. Лягушка квакаетъ,— переводится по аварски черезъ—лягушка ругается,—согласно народному повѣрію.

Каменная голова, куриная голова, козлиный лобъ,—эпитеты глупаго человѣка. „Чему ты радуешься, какъ козленокъ рогамъ?" говорятъ аварцы человѣку, радующемуся пустякамъ. *Рыбьимъ ртомъ* называется тотъ, у кого большой ротъ, или кто часто зѣваетъ. Съ *жукомъ* сравниваютъ человѣка малорослаго и толстаго. *Черный жукъ*,— ругательство между горянками, которыя вообще имѣютъ притязанія на бѣлизну кожи. Донскихъ казаковъ, вооруженныхъ пиками, горцы прозвали *журавлями*. Человѣкъ тонконогій — *стрекоза*; человѣкъ длинный и худощавый сравнивается съ *бичомъ*.

Мы приведемъ еще нѣсколько поговорокъ и уподобленій. Въ нѣкоторыхъ изъ нихъ отражается горскій юморъ.

Аварцы: ночь-недѣля, т. е. длинная декабрская ночь.—Сегодня день безъ слѣпней, — говорится въ сильный морозъ.—Столько онъ проѣхалъ, сколько отъ носа до рта,—шутливо, въ видѣ противуположности, выражается весьма-дальняя дорога.—Въ той странѣ въ ненастье пыль, въ засуху грязь,—страна отдаленная, гдѣ всѣ физическія условія на-выворотъ.—Гдѣ-бы ни гремѣло, а на Гунибѣ дождь,— Гунибъ почитается самымъ дождливымъ мѣстомъ въ Дагестанѣ.—Плохо шутить зимой съ горой, а лѣтомъ съ рѣкой,—зимой обвалы, лѣтомъ половодье.—Та пора, когда человѣкъ и вода спятъ, т. е. глухая ночная пора.—Самъ съ кулакъ, сердце съ небо.—Стоитъ ему по-

хлебкой обжечься, чтобы умереть,—о человѣкѣ тщедушномъ.—Онъ, какъ осмоленая тряпка, т. е. неотвязчивъ.—Для мусульманства нѣтъ у него молитвы, для христіанства нѣтъ креста.—Изъ могилы саванъ воруетъ, т. е отъявленный воръ.—Они разсыпались, какъ просо, т. е. разбѣжались во всѣ стороны.—Красивый високъ,—кокетка, у которой волосы на вискахъ тщательно приглажены.—Очередная лодка,—женщина распутнаго поведенія.

Лаки: ночь, какъ молоко,—лунная, —свѣтлая ночь. Аулъ съ ослиную голову,—маленькій, ничтожный аулъ.—Аулъ, какъ сотъ,—построенный весьма-тѣсно.—Набралось ихъ, какъ бы выросъ черный лѣсъ.—Сборище, какъ у нищаго хлѣбъ,—т. е. всякій сбродъ, подобно тому, какъ у нищаго въ сумѣ хлѣбъ собранъ съ разныхъ сторонъ.—Развѣ на дуракѣ рога?—т. е. дурака не съ перваго взгляда узнаешь.—Онъ ученъ глубоко, какъ море.—Онъ веселъ, какъ настроенная балалайка.—Онъ, какъ жерновъ, вертится, т. е. суетится.—Онъ изъ своего слова выплелъ веревку, т. е. растянулъ рѣчь свою безмѣрно.—Я сытъ тобою, т. е. ты мнѣ надоѣлъ.—Онъ, какъ курица, которая не можетъ снести яйца.—Онъ цѣлуетъ губами, а кусаетъ зубами.—Пойдешь ты, всунувъ обѣ ноги въ одинъ чевякъ (обувь).—Скорѣе въ камень взойдетъ слово, чѣмъ въ него.—У него столько стыда, сколько на яицѣ волосъ.—У него нѣтъ стыда съ просяное зерно.—Ты на лягушкѣ, что-ли, ѣхалъ?—говорится медленному ѣздоку.—У насъ мечъ войлочный, т. е. мы люди мирные, ни съ кѣмъ не воюемъ.

Акушинцы: тò онъ, какъ солнце, тò, какъ ненастье, или тò онъ, какъ вчера, тò, какъ сегодня, — говорится о человѣкѣ непостояннаго нрава.—Сытый—гордъ.—У него рога выросли,—онъ загордился.—У него двѣ головы выросли,—онъ заносчивъ.—У него спина плотная,—онъ имѣетъ обезпеченное состояніе.—У него внутренность пестрая,—онъ коваренъ. Шея короткая,—болтливъ.—Мокрый языкъ,—невоздерженъ на языкъ.—Онъ ходитъ съ брюхомъ на пастбище, — блюдолизъ, ищетъ, у кого бы пообѣдать.—Не насмѣхайся, вѣтеръ въ ротъ попадетъ.—Онъ такой сосѣдъ, что плюнуть въ него можно, т. е. такъ близко живетъ.—Мирный кинжалъ—кинжалъ тупой.

Кюринцы: воткнулъ иголку, хочетъ вытащить шило.—Что ты, ястребъ, прикидываешься дикой курочкой?—Мнѣ тутъ какое дѣло? въ стадѣ нѣтъ у меня теленка, въ аулѣ нѣтъ у меня тетки.—Если бы зналъ, что отецъ умретъ, то отдалъ бы его за огурцы, — лучше

сбыть за безцѣнокъ что-либо, чѣмъ потерять даромъ.—Мышь говоритъ: прогрызть я и шерстяной мѣшокъ прогрызу, но кожаный красить мельницу. Мука на мельницѣ хранится или въ толстыхъ шерстяныхъ мѣшкахъ или въ кожаныхъ: мышь легко прогрызаетъ послѣдніе, но говоритъ, что предпочитаетъ ихъ только за красоту ихъ.

Нѣкоторыя поговорки выражаютъ разладицу, существующую между разноплеменными дагестанскими сосѣдями. Жители приморскаго, плоскаго Дагестана богаче и въ нѣкоторомъ отношеніи образованнѣе горцевъ, но уступаютъ имъ въ энергіи. Все относящееся до равнины почитается горцами слабымъ и изнѣженнымъ. Горская поговорка: „умри житель равнины, умри лошадь равнины“! Дѣйствительно, и люди и лошади равнины съ трудомъ выдерживаютъ суровыя условія горской жизни. Моды и наряды свои горянки заимствуютъ съ равнины, но по бѣдности не могутъ придавать своимъ шалварамъ тѣхъ преувеличенныхъ размѣровъ, которыми отличаются шалвары щеголихъ равнины. *Широкошалварницы!* такъ называютъ горянки своихъ сосѣдокъ, въ видѣ насмѣшки, но, быть можетъ, съ затаеннымъ чувствомъ зависти. Чѣмъ далѣе къ западу отъ моря вглубь горъ, тѣмъ жители бѣднѣе и *тѣснѣе* одѣты. *Кургузые аварцы*,—таковое прозвище придаютъ акушинцы западнымъ сосѣдямъ своимъ. *Мѣшечники аварцы*,—основано на обыкновеніи бѣдныхъ аварцовъ носить на себѣ въ мѣшкѣ весь запасъ дорожнаго продовольствія. Лаки, самое промышленное племя изъ числа дагестанскихъ горцевъ, въ видѣ мелкихъ ремесленниковъ, бродятъ по-всюду. О нихъ говорится: подними любой камень, найдешь подъ нимъ лака. Непріязнь свою къ лакамъ сосѣди выражаютъ поговоркой: если не застанешь лака, то поколоти мѣсто, гдѣ онъ сидѣлъ. Къ шіитамъ горцы-сунниты питаютъ глубокую ненависть; все даже сработанное ими считается ненадежнымъ, откуда акушинская поговорка: шіитомъ сшитое платье скоро порется.

Въ *пословицахъ*; какъ привыкли говорить, обрѣтается мудрость народная. Въ этомъ видѣ, мудрость народная не идетъ далѣе нравоученій, общихъ всѣмъ народамъ, китайцы-ли они или

французы, негры или чукчи. Дѣло въ томъ, какъ эти нравоученія выражены. Иногда придается имъ весьма-оригинальная поэтическая оболочка,—иногда пословицы слагаются съ мнемоническою цѣлью,—т. е. съ тѣмъ, чтобы посредствомъ риѳмы или созвучія удобнѣе запечатлѣться въ памяти народной. Таковыя мнемоническія пословицы въ переводѣ являются совершенной безсмыслицей, какъ напр. всякій Еремей, про себя разумѣй, или: ѣшь пирогъ съ грибами, да держи языкъ за зубами и т. п. Горскія пословицы не гоняются ни за риѳмой, ни за созвучіемъ и въ переводѣ весьма понятны. Нравоученія, само собою разумѣется, разнообразны; многія пословицы проповѣдуютъ осторожность, сдержанность, обдуманность, предусмотрительность... Недостаткомъ всѣхъ этихъ качествъ сильно грѣшатъ горцы. Мало пользы, по-видимому, приноситъ народу его мудрость!

Замѣчательно, что многія горскія пословицы представляютъ почти буквальный переводъ русскихъ и другихъ европейскихъ, хотя, конечно, перевода никакого не было.

Жалованному коню въ зубы не смотри. Абхаз.

На головѣ вора огонь (на ворѣ шапка горитъ). Авар.

Упрячу тебя туда, куда воронъ костей не заноситъ. Авар.

Это какъ бы ворòна вòрону глаза выклевывала. Авар.

На катящемся камнѣ трава не ростетъ. Авар. Pierre qui roule n'amasse point de mousse.

Кому пастухъ любъ, люба и сабака. Авар. Qui aime Bertrand, aime son chien.

Въ мѣшкѣ шики не утаишь. Лак.

Слово безъ головы и безъ хвоста. Лак. Sans queue ni tête.

По одѣялу ноги протягивай. Акуш.

Я почешу тамъ, гдѣ у тебя чешется, т. е. сдѣлаю тебѣ угодное. Акуш. Je le gratterai où il lui démange.

Кто яму копаетъ, въ яму попадаетъ. Кюр.

Не хлѣбъ за брюхомъ, а брюхо за хлѣбомъ ходитъ. Кюр.

Не плюй въ яму, гдѣ вода; быть-можетъ, придется пить изъ этой ямы. Кюр.

Какъ ни разноязычны жители Дагестана, но въ пословицахъ они весьма-часто другъ съ другомъ сходятся. Такъ напр. понятіе, выражаемое нашей пословицей: пуганая ворона куста боится,—на всѣхъ горскихъ языкахъ выражается сближеніемъ *змѣи* съ *веревкой*.

Лѣтомъ змѣю увидѣвшій зимою веревки пугается. Авар. и Лак.

Зимой ужаленный веревки пугается. Кюр.

Мы приведемъ здѣсь собраніе пословицъ, распредѣляя ихъ по народамъ, отъ которыхъ мы ихъ слышали, хотя, само-собою разумѣется; многія изъ этихъ пословицъ общи, быть можетъ, нѣсколькимъ народамъ.

Абхазцы: мало говори, много дѣлай.

Рыба говорила бы, да ротъ воды полонъ.

Чеченцы: сказанное при паханьѣ, при молотьбѣ отыщется.

Не сдѣлавъ обруча изъ хворостины, не сдѣлаешь его изъ палки.

Въ чужомъ тѣлѣ стрѣла какъ бы въ деревѣ, т. е. чужой боли мы не понимаемъ.

Арба зайца догнала. Тотъ-же смыслъ, что въ баснѣ о зайцѣ и черепахѣ.

Безъ тучь нѣтъ дождя, безъ горя нѣтъ слезъ.

Аварцы: что не сѣяно весною, то не явится зимою.

Ветхая тряпка, да шелковая. Говорится о людяхъ знатнаго происхожденія, впавшихъ въ бѣдность.

Нуцалъ куда-бы ни пошелъ, найдетъ пиръ; бѣднякъ, хотя бы на пиръ пошелъ, найдетъ трудъ. Нуцалъ — титулъ бывшихъ аварскихъ хановъ.

Честному человѣку свѣтъ—могила.

При хозяинѣ и кошка одолѣваетъ собаку, т. е. у себя дома, при помощи своихъ.

Держись большой дороги и отцовскихъ друзей.

Хорошо слово короткое, а веревка длинная.

У счастливца и оселъ рожаетъ, какъ ослица.

Не попадай тѣло на лекарство, не попадай домъ на чужую милость. Худо тѣлу, нуждающемуся въ лекарствѣ, худо семейству, нуждающемуся въ чужой милости.

Кто дня не видалъ, тотъ днемъ свѣчу зажигаетъ. Говорится о людяхъ, внезапно разбогатѣвшихъ и не умѣющихъ еще распоряжаться своимъ богатствомъ.

На ворѣ одинъ грѣхъ, на обворованномъ десять. Досада, подозрѣніе, мщеніе вовлекаютъ обворованнаго въ грѣхи.

У того, кто подучаетъ, ротъ не рвется, — у того, кто прыгаетъ, нога ломается. Опасность не для совѣтчика, а для того, кто слѣдуетъ совѣту.

Безъ нужды лающая собака скоро старѣется.

Не вѣрю, мельникъ, твоимъ пыльнымъ усамъ! Мельникъ считается за колдуна или вообще за человѣка лукаваго.

Ты какъ мельникъ съ прорванной канавой, т. е. не знаешь, что дѣлать.

Отъ собаки щенокъ, отъ овцы ягненокъ.

На косогорѣ лужа не установляется, т. е. мотъ богатства не сбережетъ.

Разсыпь хоть мѣру, курица будетъ копаться, т. е. искать зеренъ.

Въ ротъ падай красное яблоко! Que les alouettes tombent toutes rôties dans le bouche!

Ближнее сосѣдство лучше дальняго родства.

Ослу битье, лошади ѣзда.

Лаки: слушай не говорящаго, а то, что говорится.

На чужую лошадь кто сѣлъ, скоро спѣшится.

Надъ человѣческимъ трудомъ Божье благословеніе.

Мельница работаетъ не на протекшей водѣ.

Мертвому лекарство—похороны.

Здоровая голова себѣ папаху добудетъ.

Собака на луну мечется, луна на-земь не падаетъ.

Восковымъ топоромъ дерева не срубишь.

Кто вѣсти собираетъ, вѣсти разноситъ.

Были-бы у тебя крылья, ты бы полетѣлъ.

Если много, то и медъ горькимъ становится.

И на рукѣ пальцы не равны.

Если много пастуховъ, то бараны дохнутъ.

Языкомъ сдѣланная рана не заживаетъ.

Акушинцы: быстрая вода до моря не доходитъ.

Рубашка ближе шубы, тѣло ближе рубашки.

Отодвинутая головня не сгораетъ.

Держи ротъ, сбережешь голову.

Смирная кошка большой кусокъ сала съѣдаетъ.

Малый топоръ большое дерево рубитъ.

Старый быкъ глубокую борозду проводитъ.

Будешь сладокъ людямъ, — проглотятъ; будешь горекъ, — выплюнутъ.

Надѣвай бурку не послѣ дождя.

Онъ рѣжитъ шубу, дѣлаетъ шапку.

На хваленой пашнѣ сорная трава выросла.

Слово слово найдетъ, туча траву найдетъ.

Хорошъ старый другъ, хороша новая шуба.

Голова умретъ и хвостъ умретъ.

Пущенная стрѣла не воротится.

Сдѣлалъ я собакѣ сапогъ, она сожрала его.

Смирную овцу трижды доятъ.

Кто спитъ весною, плачетъ зимою.

Въ полдень пропадающій ночью приходитъ.

Кюринцы: кто соль ѣлъ, будетъ воду пить.

Палка въ рукѣ кажется сучковатою, т. е. намъ не нравится то, чѣмъ мы владѣемъ.

Бросать не умѣющій большой камень беретъ.

Собака лаетъ, караванъ идетъ.

При добромъ сосѣдѣ и слѣпую дочь за-мужъ выдаютъ, т. е. сосѣди сплетнями часто вредятъ домашнимъ дѣламъ, а при добромъ сосѣдѣ можно пристроить даже и слѣпую дочь.

Насиліемъ обогатѣвшій домъ проклятіемъ разрушается.

Кабы у кошки были крылья, воробьи бы истребились.

Выпрями шею у верблюда, весь онъ выпрямится.

На чужой лошади ѣдущій въ грязи очутится.

Кто ада не видалъ, тому и рай не полюбится.

Не изъ всякаго камыша сахаръ добывается.

Колесо на своей оси вертится.

Въ одной рукѣ двухъ арбузовъ не удержишь.

Изъ ястребинаго гнѣзда ястребъ выйдетъ.

Мерена легче держать, чѣмъ жеребца.

Изъ невымолоченнаго риса плова не сваришь.

Здоровому буйволу и гнилой саманъ не по чемъ.

Собака передъ смертію хозяйскіе чевяки воруетъ.

Если пастухъ захочетъ, то и отъ козла сыръ добудетъ.

Развѣ не вечеръ по тому, что стадо не возвращается, т. е. не вечеръ ждетъ стада.

Солнца-ли вина, что летучая мышь въ полдень не видитъ?

Черная шерсть отъ мытья не побѣлѣетъ.

Если изъ трубы дымъ прямо идетъ,—не бѣда, что труба крива.

Въ этихъ примѣрахъ разграниченіе между поговорками и пословицами не точно соблюдено. Впрочемъ, увѣренъ, что читатель желаетъ ознакомиться съ дѣломъ и не станетъ привязываться ко мнѣ ради пустыхъ разграниченій, которыя онъ самъ можетъ исправить, если ему есть на то время и охота.

Басня или *притча* можетъ имѣть для насъ значеніе, только благодаря высоко-художественному изложенію. Для горцевъ, какъ и вообще для всѣхъ младенчествующихъ народовъ, басня имѣетъ болѣе обширное значеніе. Всѣмъ извѣстенъ разсказъ Титъ-Ливія, какъ плебеяне ушли изъ Рима, какъ ораторы тщетно уговаривали ихъ возвратиться домой, какъ, наконецъ, одинъ изъ нихъ успѣлъ воротить ихъ, разказавъ басню о членахъ и тѣлѣ. Разсказъ Титъ-Ливія, по всей вѣроятности, есть также въ свою очередь басня, но онъ разъясняетъ пользу, приносимую басней для того, чтобы толпа усвоила себѣ ту или другую сторону вопроса. Въ тридцатыхъ годахъ, когда мюридизмъ еще только развивался, въ аулахъ, на площадяхъ, происходили безконечныя пренія о томъ, пустить-ли къ себѣ мюридовъ или нѣтъ. И pro и contra сказать можно было много, горцы-же неутомимые говоруны. При такомъ случаѣ, оппозиціонный ораторъ, съ большими шансами на успѣхъ, могъ разсказать толпѣ слѣдующую басню:

„Однажды вѣтеръ сказалъ сараю: о сарай, отвори двери, я въ тебя всыплю кое-что. Глупый сарай, повѣривъ вѣтру, отворилъ двери. Вѣтеръ не только ни откуда ничего не принесъ, но и все находившееся въ сараѣ охвативъ, унесъ. Подъ вечеръ хозяинъ пришелъ взять топливо и, не найдя ничего въ сараѣ, сломалъ его и, потомъ

сжегъ, какъ двери, такъ и полѣна. Такъ сарай и остался разрушеннымъ."

Эта басня, быть можетъ, потребуетъ объясненій для читателя, незнакомаго съ горскимъ бытомъ. Дѣло идетъ о сараѣ, въ которомъ хранится саманъ, т. е. мякина, употребляемая, между прочимъ, и въ топливо тамъ, гдѣ нѣтъ дровъ. Таковые сараи устроиваются обыкновенно изъ сыраго кирпича; дерево идетъ только на двери и потолокъ, который складывается изъ полѣнъ.

Басня эта буквально переведена съ лакскаго, не не знаю, была-ли она дѣйствительно разсказана при предположенныхъ мною обстоятельствахъ. Горскихъ басенъ могъ-бы я привести нѣсколько десятковъ; каждая изъ нихъ, сказанная кстати, быть можетъ, произвела когда-то большой эфектъ, но, для насъ съ читателемъ, эти басни представляютъ лишь сухія нравоученія, облеченныя въ весьма-незамысловатыя формы. Нравоученія надоѣли намъ и дома; мы не пойдемъ за ними къ горцамъ.

Другое дѣло басни или сказки, созданныя свободною народною фантазіей безъ всякой предположенной цѣли. Въ нихъ дѣйствующія лица звѣри; въ этомъ звѣриномъ мірѣ жизнь идетъ шибко: горе, радость, дружба, вражда, любостяжаніе, хитрость, коварство, убійство и пр. и пр. Этотъ тревожный міръ возбуждаетъ участіе, но въ совокупности производитъ впечатлѣніе въ высшей степени спокойное; то, чего не можемъ мы простить людямъ, прощаемъ охотно звѣрямъ. Это буря, которую фокусникъ устроиваетъ въ стаканѣ воды; это изверженіе Везувія, приготовленное на тарелкѣ. Таковая литература существуетъ или существовала у всѣхъ народовъ; ея произведенія теперь тщательно собираются, какъ собираются топоры каменнаго періода. Таковой литературы не забываютъ наши нянюшки и мамушки, разсказывающія *на сонъ грядущій*, какъ волкъ подбирался къ овечкамъ, какъ лиса кралась къ курочкамъ. По воспоминаніямъ дѣтства, всѣ мы крайне-снисходительны къ этимъ разсказамъ.

Перескажу двѣ сказки, переведенныя съ кюринскаго. Въ обѣихъ главныя дѣйствующія лица—лисица и волкъ. Волкъ—гор-

скій герой,—какъ мы объяснили выше,—кругомъ одураченъ лисицей.

Лисица нашла книгу. Въ то время, какъ она сидѣла, раскрывъ ее, увидѣлъ ее волкъ и спросилъ; ,,что это у тебя передъ глазами?"—Лисица отвѣтила: ,,это моя книга."—,,Развѣ ты умѣешь читать?"—,,Что за вопросъ? у меня сорокъ учениковъ, и вотъ уже тридцать лѣтъ, какъ я даю уроки." — ,,Если такъ, сказалъ волкъ, то желательно, чтобы ты моихъ дѣтей учила." — ,,Очень хорошо."—Волкъ привелъ дѣтей и поручилъ ихъ лисицѣ. Спросилъ онъ ее: ,,что-же теперь тебѣ угодно?"—Лисица отвѣтила: ,,угодно мнѣ лишь то, чтобы ты былъ здоровъ, но, чтобы сдѣлать шубы твоимъ дитямъ, потребно нѣсколько бараньихъ шкурокъ." Волкъ подумалъ, что, если принести однѣ шкуры, то стыдно будетъ, и привелъ въ домъ лисицы тридцать барашковъ. Лисица сказала ему: ,,теперь до весны тебѣ не за-чѣмъ приходить." Волкъ пошелъ домой совершенно-спокойный, а лисица сначала съѣла волчатъ и, потомъ, каждый день начала ѣсть по барашку. Когда наступила весна, то волкъ пошелъ въ домъ лисицы, чтобы провѣдать дѣтей. Спросилъ онъ: ,,гдѣ мои дѣти?"—Лисица сказала: ,,сегодня джума, ученики пошли гулять и твои дѣти съ ними; сегодня ты дѣтей своихъ не увидишь, а приходи видѣть ихъ завтра." Когда волкъ ушелъ, то лисица догадалась, что будетъ ей худо. Ушла она съ прежняго мѣста и поселилась на мельницѣ. На другой день волкъ пришелъ въ домъ лисицы и, сколько ни смотрѣлъ, въ домѣ ни души не осталось. Догадался онъ, что лисица обманула его, разгнѣвался, пустился отыскивать. Нашелъ онъ ее на мельницѣ и лишь только бросился на нее, какъ она ему сказала: ,,эй, братъ, за что тебѣ меня убивать, въ чемъ я виновата?"—Волкъ сказалъ: ,,гдѣ дѣти мои, которыя были у тебя?"—,,Какія дѣти?"—,,Развѣ не привелъ я къ тебѣ дѣтей за-тѣмъ, чтобы ты учила ихъ?"—,,Ахъ, гдѣ мнѣ учить и кто я такая? И предки мои работали на этой мельницѣ, и отецъ мой на ней умеръ, и я уже двадцать лѣтъ, какъ при ней нахожусь."—,,Если правда, то научи меня мельничеству." — ,,Положи голову подъ жерновъ, и я тебѣ объясню все устройство мельницы." Волкъ подложилъ голову подъ жерновъ, а лисица пошла за мельницу и пустила воду. Едва лишь мельница завертѣлась, какъ вся шкура

содралась съ головы волка. Лисица убѣжала на холмъ и стала тамъ плести кошелки. Волкъ, выбравшись изъ мельницы, бродилъ туда, сюда; посмотрѣлъ, увидѣлъ лисицу на холмѣ. Въ то время, какъ онъ бросился на нее, лисица ему сказала: эй, душа-братъ, за что меня убивать, въ чемъ моя вина?—Бездѣльница, не довольно того, что ты съѣла моихъ дѣтей, подложила еще голову мою подъ мельницу, и теперь не думаешь-ли ты обмануть меня?—Лисица сказала: ей Богу, братъ, я не та; моихъ предковъ ремесло было плесть кошелки на этомъ холмѣ. Волкъ этому повѣрилъ. Сказалъ онъ ей: если такъ, то прошу тебя, научи меня плести кошелки. Лисица отвѣтила: влѣзь въ середину кошелки, я буду плести, а ты наблюдай. Волкъ влѣзъ въ кошелку, лисица плела; лишь только доплела, какъ завязала оба конца кошелки и покатила ее внизъ по скату. У подошвы ската были пастухи барановъ. Лисица закричала: ,,Эй, пастухи, въ кошелкѣ вашъ врагъ, пожирающій вашихъ барановъ.'' Пастухи, увидѣвъ, что въ кошелкѣ волкъ, убили его до смерти.

Вотъ и другая сказка о лисицѣ.

Однажды шелъ верблюдъ на зимовище, чтобы тамъ кормиться; встрѣтилась ему лисица, которая его спросила: ,,Эй верблюдъ, куда идешь ты?''—,,Иду на зимовище кормиться.''—,,Возьми меня въ товарищи.''—,,Пожалуй.''—Лисица влѣзла на спину верблюда; дорогою встрѣтился имъ волкъ. Волкъ спросилъ: ,,вы куда идете?'' — ,,Идемъ на зимовище кормиться.'' — ,,Возьмите меня въ товарищи.''—,,Пожалуй.''—Волкъ взлѣзъ на верблюда; дорогою встрѣтился имъ медвѣдь. Медвѣдь спросилъ: ,,вы куда идете?''—,,Идемъ на зимовище кормиться.''—,,Возьмите меня въ товарищи.'' — ,,Пожалуй.'' — Медвѣдь взлѣзъ на-верхъ верблюда и пошли они далѣе. На зимовище остановились они въ укрытой долинѣ, пріискавъ заповѣдное мѣсто. Однажды лисица сказала волку и медвѣдю: ,,давай-ка, убьемъ верблюда.'' — ,,Не съ ума-ли ты сошла, что-ли? гдѣ намъ убить верблюда, который въ столько разъ больше насъ?''—Лисица возразила: ,,если вы мнѣ поможете, то уже я распоряжусь.''—,,Пожалуй, мы тебѣ поможемъ.'' Разъ, когда они всѣ вмѣстѣ сидѣли ночью, лисица сказала верблюду: ,,Эй, братъ верблюдъ, съ сегодняшняго дня наступитъ зима, для тебя на зиму нѣтъ ни сѣна, ни ячменя; не должно, чтобы ты только стоялъ, да смотрѣлъ; слѣдуетъ, чтобы ты о себѣ позаботился; я слышала отъ муллъ, что наступающая зима

будетъ очень суровая.“ Верблюдъ сказалъ: ,,ей Богу, сестра, средствъ у меня нѣтъ и не знаю, что мнѣ сдѣлать.“—,,Мнѣ пришло нѣчто на мысль, не знаю, что ты на это скажешь.“—Скажи, посмотримъ, что тебѣ пришло на мысль.“ — ,,Мнѣ пришло на мысль, чтобы мы тебя зарѣзали; за это дадимъ тебѣ ячменя въ будущемъ году; ты на нынѣшнюю зиму выйдешь изъ затрудненія, а на будущую будетъ у тебя ячмень для пропитанія.“—,,Ей-Богу, сестра, это прекрасная мысль.“ — На другой день верблюдъ повалился и легъ; остальные зарѣзали его, ободрали и разрѣзали на куски. Окончивъ все это, волкъ сказалъ лисицѣ и медвѣдю: ,,ступайте, обмойте верблюжьи кишки, требуху, печенку, легкое и, потомъ, возвратитесь.“ Пошли они на ручей и, пока мыли, лисица сказала: ,,любезный братецъ, медвѣдь, съѣдимъ кое-что изъ этого.“—Медвѣдь возразилъ: ,,все это сосчитано волкомъ и, когда окажется недостача, то что намъ ему отвѣтить?“ Лисица сказала: ,,когда волкъ тебя объ этомъ спроситъ, то ты посмотри на меня, и я ему отвѣчу.“—,,Если такъ, то пусть будетъ по твоему, сестра.“ Съѣли они сердце и нѣсколько кишокъ. Только что возвратились они домой, какъ волкъ увидѣлъ, что сердца нѣтъ. Спросилъ онъ: ,,гдѣ сердце?“—Лисица отвѣтила: ,,если-бы было у верблюда сердце, то позволилъ-ли бы онъ себя зарѣзать?“ Волкъ пересчиталъ кишки, и въ нихъ недочетъ оказался. Спросилъ онъ: ,,гдѣ кишки?“ Едва сказалъ онъ это, какъ медвѣдь повернулся къ лисицѣ и посмотрѣлъ на нее. Лисица сказала: ,,когда ты ѣлъ, то смотрѣлъ-ли на меня?“ При этихъ словахъ, волкъ бросился на медвѣдя, а медвѣдь пустился бѣжать. Пока одинъ бѣжалъ за другимъ, лисица перетащила въ свою нору все мясо. Волкъ, когда воротился, то увидѣлъ, что отъ зарѣзаннаго верблюда не осталось болѣе мяса. Спросилъ онъ: ,,эй, лисица, гдѣ мясо?“—,,Какое мясо?“—,,Любезная, развѣ мы здѣсь не зарѣзали верблюда?“—,,Какого верблюда? ты бредишь, что-ли?“ Волкъ разсердился и бросился за лисицей, которая убѣжала въ свою нору. Волкъ за нею, и лишь только полѣзъ въ нору, какъ завязъ въ ней. Отъ торопливости не могъ онъ высвободиться. У лисицы для выхода была другая дорога. Этой дорогой вышла она и, придя, начала сзади ѣсть волка. Волкъ спросилъ: ,,что ты дѣлаешь?“—,,Долгое время была я безъ мяса, мяса хочется мнѣ, и вотъ теперь я кушаю.“ Волкъ сказалъ: ,,у меня спереди есть жирные куски, приди и ѣшь спереди.“ Лисица

отвѣчала: „объ этомъ не заботься, я туда доберусь я: зимы еще много остается.“

Въ этой сказкѣ верблюдъ играетъ черезъ-чуръ глупую роль, но это потому, что, вѣроятно, кюринцами пропущена одна лисья хитрость, которая объясняется въ слѣдующей акушинской сказкѣ:

Медвѣдь, волкъ и лисица жили вмѣстѣ. Когда выпалъ глубокій снѣгъ, то они проголодались. Медвѣдь отправился кормиться древесными гнилушками, а лисица сказала волку: „давай-ка, съѣдимъ медвѣдя.“ Волкъ отвѣтилъ: „если только медвѣдь услышитъ то, что ты сказала, то съѣстъ насъ обоихъ.“ Лисица сказала: „если только ты будешь поступать по сказанному мною, то мы обманемъ медвѣдя и съѣдимъ его; ты теперь ложись, какъ бы мертвый, а, когда кинемъ тебя въ воду, то притворись ожившимъ.“ Легъ волкъ. Медвѣдь, возвратясь, увидѣлъ, что волкъ умеръ. Заплакалъ медвѣдь и сказалъ: „нашъ добрый другъ умеръ.“ Лисица сказала медвѣдю: „не плачь; мнѣ извѣстна вода, которая оживляетъ мертваго.“ Вдвоемъ унесли они волка, бросили въ воду, и онъ ожилъ. Лисица сказала медвѣдю: „позволь себя съѣсть, за то мы осенью дадимъ тебѣ двадцать пять овецъ, а когда бросимъ тебя въ эту воду, то и ты оживешь.“ Медвѣдь согласился, и лисица съ волкомъ съѣли его.

Какъ я сказалъ выше, человѣкъ, если и встрѣчается въ этомъ звѣриномъ мірѣ, то вообще играетъ въ немъ весьма незавидную роль. Звѣри упрекаютъ его въ несправедливости, насильствахъ и жестокости; умомъ-же онъ значительно уступаетъ лисицѣ.

До *анекдотовъ* горцы большіе охотники: можно записать множество ходячихъ анекдотовъ, которые, впрочемъ, не относятся ни къ какому извѣстному лицу, ни къ мѣсту, ни къ эпохѣ. Достаточно привести одинъ изъ нихъ, заимствованный у аварцовъ.

Земледѣлецъ и мѣдникъ поспорили между собою, въ присутствіи множества людей, о томъ, кто лучше солжетъ. Сначала, подумавъ хорошенько, сказалъ земледѣлецъ: „на засѣянномъ мною полѣ выросла марковина, которую не иначе, какъ десять человѣкъ въ си-

лахъ были поднять и положить на арбу,—такъ велика была она!“— Внимательно выслушавъ его, сказалъ въ свою очередь мѣдникъ: „сдѣланъ былъ мною котелъ, который вскипятить не иначе можно, какъ подложивъ двадцать арбъ древъ.“—„Эй! сказалъ земледѣлецъ, позабывъ, что оба они умышленно лгутъ: къ чему тебѣ понадобился, любезный, такой большой котелъ?“ — „Къ чему понадобился, пріятель, возразилъ мѣдникъ, посмотрѣвъ ему въ лицо, — а къ тому, чтобы сварить морковину, выросшую на твоемъ полѣ.“ Присутствующіе расхохотались, а земледѣлецъ остался съ разинутымъ ртомъ.

Самое популярное лицо на цѣломъ Восточномъ Кавказѣ, начиная отъ Чечни и до Закавказья, это мулла Насръ-Эддинъ. Назовите его любому горцу, — онъ разсмѣется и, пожалуй, тотчасъ же разскажетъ вамъ о немъ нѣсколько анекдотовъ. Мулла Насръ-Эддинъ извѣстенъ не на одномъ Кавказѣ, но горцамъ онъ преимущественно пришелся по вкусу; они пріютили его у себя съ особою любовью. Весьма-странно происхожденіе этой знаменитости. Разсказываютъ, что, во времена Халифа Гарунъ-аръ-Рашида, жилъ отличный ученый этого имени. Ученіе, которому онъ слѣдовалъ или которое проповѣдывалъ, подверглось гоненіямъ, и онъ, чтобы спасти свою голову, притворился юродивымъ. Преданіе преобразило этого юродиваго ученаго въ шута. На турецкомъ языкѣ есть книга, заключающая въ себѣ сборникъ забавныхъ анекдотовъ о муллѣ Насръ-Эддинѣ. Этой книги я не читалъ, и не могу рѣшить, что собственно заимствовали изъ нея горцы и что добавили своего. Ученый мулла изображается неутомимымъ проказникомъ, который смѣется надъ всѣми и надъ всѣмъ, изрѣдка остроумно, иногда-же совершенно-непозволительно. Отъ этихъ проказъ всего болѣе терпитъ онъ самъ, потому-что его колотятъ на каждомъ шагу, но онъ не унимается. Вотъ, для примѣра, акушинскій разсказъ о немъ:

Мулла Насръ-Эддинъ, путешествуя, встрѣтилъ дорогою нѣсколько людей, копавшихъ могилу. „Миръ съ вами, благословеніе да дастся вамъ,“ сказалъ онъ имъ. Копавшіе могилу, разсердясь, схватили, кто лопату, кто кирку, и приколотили муллу Насръ-Эддина. Послѣд-

ній, испугавшись, спросилъ: „что я вамъ сдѣлалъ, за что вы меня колотите?" Копавшіе могилу отвѣтили: „встрѣтивъ насъ, слѣдуетъ поднять руки и прочитать за упокой."—„Сказанное мнѣ наставленіе буду я помнить," сказалъ мулла Насръ-Эддинъ и пошелъ далѣе. Увидѣлъ онъ нѣсколько людей, которые съ великимъ веселіемъ плясали, ударяя въ барабанъ и играя на зурнѣ. Мулла Насръ-Эддинъ, дойдя до этихъ людей, находившихся на свадьбѣ, поднялъ руки и прочиталъ за упокой. Люди, находившіеся на свадебномъ пиру, отколотили муллу Насръ-Эддина и сказали ему: „бездѣльникъ, развѣ ты не видишь, что княжескій сынъ женится и здѣсь свадьба? При такомъ случаѣ, слѣдуетъ, взявъ шапку подъ мышку, прыгать и плясать." — Мулла Насръ-Эддинъ, сказавъ: хорошо, пошелъ далѣе. Вдругъ, неожиданно, увидѣлъ онъ охотника, который цѣлился въ зайца. При этомъ случаѣ, мулла Насръ-Эддинъ, взявъ шапку подъ мышку, началъ плясать, скакать и заставилъ убѣжать зайца. Охотникъ, разсердясь, далъ нѣсколько пинковъ ружьемъ муллѣ Насръ-Эддину. „Что же хочешь ты, чтобы я сдѣлалъ?" спросилъ его мулла Насръ-Эддинъ.—„При такомъ случаѣ слѣдуетъ, снявъ шапку, то наклоняясь, то приподнимаясь, ходить," сказалъ охотникъ.—„И это на слѣдующій разъ наставленіе," сказалъ мулла Насръ-Эддинъ и пошелъ далѣе. Пройдя нѣсколько, встрѣтилъ онъ овецъ, которыхъ пасли пастухи. По-направленію къ нимъ пошелъ онъ, то наклоняясь, то приподнимаясь, и такъ-какъ этимъ вспугнулъ овецъ, то и тутъ пастухи его отколотили. Не было бѣды, которая бы не постигла бѣднаго муллы Насръ-Эддина за дурныя шутки его.

Мы обратили особое вниманіе на этотъ акушинскій разсказъ собственно по тому, что онъ представляетъ замѣчательное сближеніе съ русской простонародной сказкой *о набитомъ дуракѣ*, записанной г. Аѳанасьевымъ. Жалѣемъ, что не можемъ повторить ее здѣсь.

Горскія *сказки*,—по крайней мѣрѣ, сколько онѣ намъ извѣстны,—заключаютъ въ себѣ мало оригинальнаго по содержанію. Въ разрозненныхъ чертахъ часто представляютъ онѣ такое изумительное сходство съ русскими, что невольно приходитъ мысль о заимствованіи. Но, конечно, ни мы не заимствовали у горцевъ, ни они у насъ. По всей вѣроятности, какъ мы, такъ и они, поза-

мствовали большую часть сказокъ у общихъ сосѣдей нашихъ тюрко-монголовъ. Таковымъ предположеніемъ сходство легко объясняется. Но это общее содержаніе, какъ мы, такъ и горцы, переработали по-своему. По-этому сходство проявляется, но никогда не поддерживается. Въ тюрко-монгольскую основу горцы вводятъ чисто-кавказскіе элементы. Въ большей части сказокъ дѣйствуютъ великаны—*Нарты:* названіе, распространенное по цѣлому Кавказу, но необъясняемое ни на одномъ изъ горскихъ языковъ. Въ Дагестанѣ Нарты служатъ общимъ названіемъ для обозначенія великановъ, иногда добрыхъ, чаще злыхъ, но всегда безъименныхъ, подобно тому, какъ и у насъ въ сказкахъ безъименныя добрыя и злыя волшебницы вмѣшиваются въ людскія дѣла. Напротивъ, у осетинъ и у кабардинцевъ, въ самомъ центрѣ Кавказа, Нарты сами служатъ героями пѣсенъ и сказокъ; каждый Нартъ не только названъ по-имени, но извѣстна и родословная его. Пѣсни и сказки, наружно-разрозненныя, но имѣющія между собою тѣсную связь, образуютъ въ совокупности цѣлую эпическую поэму, которой въ близкомъ будущемъ предстоитъ или быть забытой безвозвратно или—кто знаетъ? явиться передъ образованнымъ міромъ на ряду съ великими національными поэмами, которыхъ знаменитый англо-германскій филологъ Максъ-Миллеръ насчитываетъ пять: Іоническія пѣсни (Иліада и Одиссея), Махабхарата, Шахъ-Наме, Нибелунги и Калевала. Предлагаемыя въ нашей статьѣ замѣтки не касаются ни до Осетіи, ни до Кабарды; въ Дагестанѣ-же, какъ я сказалъ, Нарты служатъ синонимами *великановъ*, въ самомъ общемъ значеніи и ничего болѣе. Всю жизнь свою проводятъ они или въ спаньѣ, спятъ по цѣлой недѣлѣ,—или на охотѣ. Когда бродятъ по лѣсамъ, то слѣды ихъ шириною въ локоть, длиною въ три, глубиною локоть въ землю. Чтобы привязывать дичь, на плечѣ каждый носитъ по вырванному съ корнемъ чинару. Когда хотятъ напиться, то передъ ними ставится кувшинъ браги, величиною съ домъ. Какъ я полагаю, у западныхъ сосѣдей своихъ, Дагестанцы позаимствовали и *Заячьяго всадника*. Это нашъ *мужичокъ съ ноготокъ, борода съ локотокъ*. Въ бородѣ у него непомѣрная сила; выдернувъ волосъ изъ бороды, онъ мо-

жетъ связать любаго силача также легко, какъ-бы спеленать ребенка. Разъѣзжаетъ обыкновенно верхомъ на зайцѣ. У адыговъ, сколько я могу себѣ припомнить, эти всадники называются *Сипуни*, т. е. обрѣзки, стружки. На восточномъ берегу Чернаго моря встрѣчаются памятники, относящіеся къ неизвѣстной эпохѣ. Они составлены изъ четырехъ огромныхъ плитообразныхъ камней, поставленныхъ стойма въ видѣ правильнаго четыреугольника; пятая плита образуетъ крышу. Въ одной изъ боковыхъ плитъ обыкновенно продѣлано отверстіе, которое едва достаточно для того, чтобы просунуть въ него руку. Эти памятники представляютъ подобіе домовъ, на постройку которыхъ потребна сила великана, но входъ въ нихъ годенъ для карликовъ. Адыги разсказываютъ, что и *Нарты* и *Сипуни* *) жили вмѣстѣ; Нарты были сильны; Сипуни были злы, коварны, но умны; Сипуни заставляли Нартовъ строить для нихъ дома.

Но въ дагестанскихъ сказкахъ, Заячьи всадники появляются въ видѣ пріѣзжихъ изъ чужой стороны, подобно тому, какъ и въ нашихъ русскихъ, Царь-Салтанъ, очевидно, басурманъ, а Бова-Королевичъ—нѣмецъ или влохъ.

Картъ,—огромная женщина людоѣдка. Въ сказкахъ она изображается трудолюбивой хозяйкой, матерью нѣсколькихъ дочерей — людоѣдокъ, которыхъ нѣжно любитъ. Не объясняется, кто супругъ этой почтенной дамы; о немъ сказки умалчиваютъ. Не смотря на созвучіе Нартъ и Картъ, между этими существами не замѣтно никакого соотношенія. Нарты обыкновенно пріискиваютъ себѣ невѣстъ между хорошенькими дочерями простыхъ смертныхъ и не обнаруживаютъ никакой склонности къ людоѣдкамъ. Въ сказкахъ упоминается о чрезвычайной боязни, которую внушаетъ Карту *мостъ изъ золы*. Что это за мостъ и почему Картъ его такъ боится,—мнѣ никто не могъ объяснить.

Самое обыкновенное содержаніе сказокъ заключается въ томъ, что множество юношей добиваются руки прекрасной царевны, ко-

*) Еще разъ замѣчу, что я пишу это названіе на память и, быть можетъ, невѣрно.

торая часто называется дочерью западнаго царя. Тутъ возникаетъ состязаніе; достанется она тому, кто совершитъ требуемый подвигъ. Должно или перескочить на конѣ черезъ высокую башню,—или побороть саму царевну, а она во время борьбы обнажаетъ грудь свою и тогда бороться съ нею уже никто не въ силѣ,—или отыскать за тридевятью землями разрозненную туфлю,—или самому спрятаться такъ, чтобы царевна не могла отыскать и т. п. Кто не совершитъ подвига, тому рубятъ голову; царевна живетъ въ серебряномъ дворцѣ, окруженномъ стальнымъ частоколомъ, на каждомъ колѣ по человѣческой головѣ. Являются на состязаніе многіе и, наконецъ, *три брата*, точно также, какъ и въ русскихъ сказкахъ, *два умныхъ*, *третій дуракъ*. У горцевъ *третій*, не то, чтобы былъ совсѣмъ дуракъ, но въ загонѣ, въ презрѣніи у старшихъ. Подобно тому, какъ и въ русскихъ сказкахъ, торжествуетъ въ концѣ концовъ всегда *третій* братъ. Это тѣмъ болѣе замѣчательно, что смиреніе или *приниженіе своей личности* вовсе не въ характерѣ горцевъ, которые большею частію весьма заносчивы. Старшіе братья завидуютъ и строятъ козни меньшому; меньшой прощаетъ имъ великодушно. Но успѣхъ меньшаго брата или вообще побѣдителя основанъ на томъ, что ему удалось вступить въ сношенія съ фантастическимъ чудеснымъ міромъ. Сначала отправился онъ въ неимовѣрно-дальнюю дорогу: „ѣхалъ онъ, ѣхалъ, ѣхалъ много, ѣхалъ мало, ѣхалъ ночью, ѣхалъ днемъ, нашу гору миновалъ, чужую гору миновалъ, сорочью, галкину гору миновалъ, густые лѣса проѣхалъ, черезъ глубокія ущелья проѣхалъ, *прибылъ*..., и ему достался бѣлоснѣжный морской конь, который вслѣдъ за солнцемъ выбѣгаетъ на берегъ моря, въ одинъ мигъ трижды обѣгаетъ кругомъ землю и, потомъ, снова скрывается въ морѣ; ему достался *мечъ-алмасъ*, которымъ срубаетъ онъ разомъ девять головъ и восемнадцать ушей у чернаго змѣя въ то время, какъ змѣй этотъ ползъ, чтобы пожрать птенцовъ орлицы, которая живетъ въ чинаровомъ лѣсу. Каждый изъ этихъ крошечныхъ птенцовъ величиною съ быка. Летитъ орлица, словно туча движется; колышатся лѣса и горы. Птенцы-быки прочирикали маменькѣ объ услугѣ, оказанной молодцомъ. Въ отплату, орлица вызывается

сослужить молодцу службу, какую онъ закажетъ,—а молодцу какъ разъ приходится возвращаться изъ подземнаго міра въ верхній солнечный. Садится онъ на орлицу; въ запасъ для нея кладетъ на одно крыло мясо пятидесяти буйволовъ, на другое крыло пятдесятъ буйволиныхъ бурдюковъ съ водою. Летитъ орлица нѣсколько часовъ, но запасъ уже весь истощился. Чтобы подкрѣпить орлицу, молодецъ отрѣзываетъ отъ своей лядвеи кусокъ мяса, но... вотъ уже и верхній солнечный міръ!“

При такихъ пособницахъ успѣть не мудрено, хотя бы и круглому дураку. Горскія сказки также, какъ и русскія, кончаются обыкновенно свадьбой, иногда даже свадьбами, потому-что случается, что царевичъ придерживается мусульманскаго многоженства. Вмѣсто русской заключительной формулы: „я тамъ былъ, медъ пилъ, по усамъ текло, въ ротъ не попало,“ — горцы говорятъ: „ударили въ мѣдный барабанъ, задули въ кожаную зурну, засвистѣли дудки, пыль подняли столбомъ; я медвѣжій танецъ проплясалъ, всѣ меня расхвалили. Ни днемъ, ни ночью не отдыхая, спать не ложась, куска въ ротъ не кладя, поспѣлъ я сюда, чтобы вамъ разсказать, какъ что было.“ Встрѣчается болѣе короткое заключеніе: „тутъ и сказкѣ конецъ; все это слышалъ я отъ сороки, а она мнѣ болѣе ничего не разсказала.“

Вообще народныя сказки никогда не *записываются* такъ, какъ онѣ *сказываются*. Сказки записываются людьми грамотными, которые, будь они арабы или французы, монголы или русскіе,—слѣдуютъ нѣкоторымъ правиламъ, отъ которыхъ освободиться не могутъ. Они заботятся о томъ, какъ бы привлечь вниманіе читателя къ читаемому,—и интересъ читаемаго долженъ идти возрастая до конца. Но это діаметрально-противуположно назначенію сказки. Сказка сказывается на ночь, — для того, чтобы усыпить человѣка, — интересъ долженъ сглаживаться постепенно, пока не сольется съ сновидѣніемъ; въ противномъ случаѣ сказка помѣшаетъ заснуть слушателю. Все это инстинктивно поняли безграмотные сказочники. Сказочникъ съ самаго начала пріискиваетъ случай высказать все, что будетъ впереди; по мѣрѣ того, какъ высказанное осуществляется, онъ разсказываетъ его отчетливо, какъ бы забывъ,

что все это уже разъ было разсказано или предсказано. Предсказаніе будущаго ни на *іоту* не сокращаетъ разсказа о настоящемъ, но, сверхъ того, если напр. какому-нибудь царевичу приведется разсказать кому-нибудь все то, что уже съ нимъ случилось и что уже дважды извѣстно дремлющему слушателю, то сказочникъ весьма-совѣстливо, безъ малѣйшаго пропуска, перенесетъ разсказъ свой въ прошедшее время. Это смѣшеніе временъ составляетъ, какъ всѣ мы знаемъ, по собственному опыту, необходимый элементъ усыпленія. Царевичъ, потомъ, то проваливается въ подземный міръ, то поднимается до облаковъ; въ сказку вводятъ эпизоды, вовсе не идущіе къ дѣлу и даже ни къ чему не ведущіе; въ сказкѣ обнаруживаются вопіющія несообразности,— вопіющія для человѣка бодрствующаго. Но сказка не для него сказывается. Слушатель уже въ полусонномъ состояніи и перестаетъ чему-бы то ни было дивиться. Чѣмъ безсвязнѣе становится сказка, тѣмъ болѣе гармонируетъ она съ его сладкимъ усыпленіемъ. Если дослушалъ онъ сказку до конца, то она рѣшительно не достигла своей цѣли.

Прекращу этотъ анализъ усыпленія, потому-что мнѣ желательно удержать за собою *бодрствующее* вниманіе читателя еще на нѣсколько минутъ. Замѣчу только, что сказка въ томъ видѣ, какъ она дѣйствительно сказывается, рѣшительно невыносима въ чтеніи. Такимъ образомъ, и аварскія сказки, недавно напечатанныя въ Шурѣ, записаны, само собою разумѣется, *не стенографически*. Добросовѣстность заставляетъ меня сдѣлать это замѣчаніе, потому-что письменной горской литературы до-сихъ-поръ еще не существуетъ, и вообще все приводимое мною — почти буквальный переводъ съ записаннаго *стенографически* со словъ самихъ горцевъ.

Въ противуположность сказкамъ, *пѣсни* представляютъ совершенно-самостоятельное проявленіе горской поэзіи. Горцы обладаютъ обильнымъ запасомъ мелодій. Кто изъ создалъ? неизвѣстно. Проявляется-ли еще теперь эта творческая дѣятельность? также не могу сказать. Нѣтъ сомнѣнія, что мелодія и слова создавались первоначально однимъ и тѣмъ-же лицомъ. Горскія мелодіи пред-

ставляютъ въ высшей степени интересное явленіе. Не думаю, чтобы нашелся европеецъ, который могъ-бы съ перваго разу освоиться съ ними. Но, чѣмъ долѣе, тѣмъ болѣе свыкаешься съ ихъ дикою прелестію. Конечно, всего труднѣе уложить ихъ въ знакомыя намъ музыкальныя формы, но, позволю себѣ сказать, что на высотахъ Гуниба готовится для музыкальнаго міра замѣчательное пріобрѣтеніе. Не смѣю сказать болѣе, опасаясь упрека въ нескромности. Здѣсь займусь исключительно словесной поэзіей, которую горцы нанизываютъ на свои загадочныя мелодіи. Механическая сторона чрезвычайно проста. Горцамъ неизвѣстны ни риѳма, ни тоническій размѣръ. У кюринцовъ употребительна риѳма, которую заимствовали они у сосѣдей своихъ татаръ. Вообще кюринцы болѣе другихъ дагестанскихъ горцевъ подверглись татарскому вліянію, и уже, конечно, не къ выгодѣ своей. Риѳмованныя кюринскія пѣсни представляютъ такія нелѣпости, что я даже не рѣшился записать ихъ; отыскиваю еще самостоятельныя произведенія кюринской поэзіи. Обращаюсь покуда къ аварцамъ, лакамъ и акушинцамъ. Стихотвореніе ихъ есть проза, разрубленная на 11 или на 7 слоговъ; у акушинцовъ мнѣ встрѣтилась одна лишь 7-ми сложная рубка. Чтобы подровнять число слоговъ, допускаются поэтическія вольности, отъ которыхъ страждетъ грамматика, но къ которымъ горцы вполнѣ привыкли. Очевидно, что эта крайняя незамысловатость стихосложенія открываетъ широкій просторъ поэтическимъ импровизаціямъ. Поэтъ выбираетъ ту или другую *рубку* для своей импровизаціи, подбираетъ къ ней ту или другую мелодію; на все это, конечно, требуется сноровка, но она пріобрѣтается легко,—гораздо легче даже, по условіямъ стихосложенія, чѣмъ сноровка итальянскихъ импровизаторовъ говорить стихами. Горскіе стихи, впрочемъ, никогда не говорятся, а только поются. Если импровизація была удачна, то она повторяется не разъ и, наконецъ, становится ходячею пѣснію, но къ ней не примѣнима русская пословица: *изъ пѣсни слова не выкинешь*. Каждый поющій или выкидываетъ что-нибудь изъ пѣсни или что-нибудь къ ней добавляетъ. Въ 1742-мъ году, Надиръ-Шахъ произвелъ вторженіе въ Дагестанъ и подъ Чокомъ потерпѣлъ сильнѣйшее пора-

женіе. Эта побѣда надъ завоевателемъ Индустана глубоко польстила самолюбію горцевъ; вѣроятно, на другой-же день послѣ побѣды, нашелся поэтъ, который воспѣлъ ее, и его пѣснь сохранилась до нашего времени. Предложите любимому изъ нынѣшнихъ дагестанскихъ пѣвцовъ пропѣть ее, и онъ ее вамъ пропоетъ, но сомнѣваюсь, отыщутся-ли два пѣвца, которые-бы пропѣли ея слова буквально-тожественно.

Крайняя безъискуственность горскаго стихосложенія не можетъ, впрочемъ, помрачать для насъ поэтическаго одушевленія, которымъ запечатлѣны многія горскія пѣсни. Уборы придаютъ блескъ красотѣ, но красавица остается красавицей даже въ рубищѣ.

Нѣтъ народа безъ пѣсенъ. Не знаю, вдохновляются-ли самоѣдскіе пѣвцы славолюбіемъ, воинственностію, но уже навѣрно вдохновляются они любовью. У горцевъ также любовь составляетъ повседневный источникъ вдохновенія. Нѣкоторыя изъ таковыхъ пѣсенъ замѣчательны по своей граціозности. Приведемъ для примѣра двѣ аварскія.

1. Выйди, мать, наружу, посмотрѣть на диво: изъ-подъ нагорнаго снѣга пробивается зеленая травка. Взойди, мать, на крышу, на самый край крыши: изъ-подъ льда ущелья весенній цвѣтокъ появляется.—Изъ-подъ нагорнаго снѣга зеленая травка не пробивается; тебѣ молоденькой травка привидѣлась. Изъ-подъ льда ущелья весенній цвѣтокъ не появляется; оттого, что влюблена ты, цвѣтокъ привидѣлся.

2. На высокой скалѣ сидящая, золотистая голубка,—что дать за то, чтобы отдалъ тебя гордый твой отецъ? Въ воздухѣ кружащаяся, небесная ласточка,—что дать за то, чтобы согласились гордые твои два брата? — Отецъ-то отдастъ меня,—что дашь за то, чтобы взять меня. Братья-то согласятся,—что дашь за то, чтобы я пошла за тебя?—Кабы былъ я турецкій султанъ, то посадилъ бы тебя на престолъ,—тебя на престолъ посадилъ бы, самъ предъ тобою сталъ бы. Кабы свѣтъ этотъ былъ мой, весь тебѣ отдалъ бы,—весь отдалъ бы, самъ рабомъ сталъ бы. Кабы рай и адъ мои были, рай отдалъ бы тебѣ, адъ оставилъ бы себѣ. Я не римскій государь, этотъ свѣтъ не мой, рай и адъ не мои. Что-же дать за тебя?

Счастливая любовь описывается у горцевъ черезъ-чуръ ярко; таковыя пѣсни не могутъ появиться въ печати. Цинизмъ заключается, впрочемъ, не въ самыхъ выраженіяхъ, а въ изображеніяхъ эротическихъ картинъ, которыя едва-едва прикрыты самыми прозрачными иносказаніями. Чѣмъ далѣе въ глубь Дагестана, тѣмъ вообще отношенія обоихъ половъ становятся свободнѣе, но теперь едва тѣнь осталась того, что, какъ разсказываютъ, происходило лѣтъ ла пятдесятъ тому назадъ. Любовное горе изливается не въ тихихъ элегіяхъ; въ пѣснѣ выражается не скорбь, не уныніе, а всего чаще какое-то бѣснованіе. Покинутая любовница молитъ небо: „чтобы треснули всѣ семь земель и погребли ее подъ собою; чтобы загремѣли всѣ семь небесъ и хляби ихъ поглотили ее!“— „Если не сгорю отъ любви къ тебѣ, то и ада огонь не сожжетъ меня; если, любуясь тобою, не разстанусь съ душою, то и ангелъ смерти не унесетъ души моей.“ Въ-замѣнъ этихъ неистовствъ, мы предложимъ аварскую пѣсенку, въ которой дѣвушка очень-наивно и нецеремонно высказываетъ желаніе свое выйти за-мужъ.

Охая, ложусь, охая встаю я, — долго-ли мнѣ охать? Мать говоритъ, что будетъ беречь меня, какъ сокровище... Береги, матушка, серебро свое, а меня выдай за-мужъ, я уже велика выросла. Братья толкуютъ, что дома будутъ меня лелѣять... Лелѣйте, братцы, коней своихъ, а меня отдайте милому. Есть, говорятъ, любовное зелье,—что-же я не нахожу его, да сгніютъ его корни! Мулла, говорятъ, пишетъ любовные заговоры, — что же мнѣ не напишетъ ихъ, да переломятся его перья!

Слѣдующая лакская элегія представляетъ уподобленія, заимствованныя прямо изъ картинъ горской природы.

На берегахъ зеленаго моря стала бы я, если бы знала, что увижу упавшій въ море алмазъ; на вершины высокихъ горъ удалилась бы я, если бы знала, что найду цвѣтокъ, выросшій на голубомъ льду. Если смотрѣть, то увидѣть можно и упавшій въ море алмазъ, но пропавшая моя жизнь не вернется. Если искать, то найдешь и на голубомъ льду выросшій цвѣтокъ, но улетѣвшій соколъ мой не

вернется. Теперь пришлось стоять на землѣ безъ земли, жить на свѣтѣ безъ неба. О беземельная земля, по ущелью текущая черная рѣка! Кинусь я въ рѣку, доплыву я до моря. Свѣтъ безъ голубаго неба,—зеленое море безъ дна! Кинусь я въ море, проглотитъ китъ.

Снѣгъ, ледъ, окаймленные цвѣтами, часто можно видѣть въ горахъ. Ущелья, послѣ каждаго проливнаго дождя, превращаются на нѣсколько часовъ въ ложе всесокрушающаго потока; бѣда путнику, котораго настигнетъ таковой потокъ; ему одно спасеніе—повиснуть гдѣ-нибудь на выступѣ скалъ, пока не спадетъ вода: „беземельная земля, по ущелью текущая черная рѣка." Мы называемъ море синимъ, горцамъ кажется оно зеленымъ: о цвѣтахъ спорить нельзя.

Вообще, всѣ эти элегіи, поводомъ къ которымъ служитъ измѣна, обманутая любовь, утраченная жизнь и т. п. воспѣваются исключительно прекраснымъ поломъ. Не смѣю поручиться за то, чтобы и мужчины въ горахъ не подвергались подобнаго рода непріятностямъ, но, какъ можно думать, они находятъ для горя своего отраду не въ элегіяхъ. По-крайней-мѣрѣ, мнѣ не попадались еще жалобы любовниковъ на измѣну.

Похоронныя пѣсни на цѣломъ Кавказѣ представляютъ общій характеръ. Смерть всегда упрекается въ томъ, что она прервала самую великолѣпную и благополучную жизнь, хотя-бы въ дѣйствительности жизнь эта была преисполнена горя. Въ видѣ *тихаго пристанища* смерть никогда не изображается. Для примѣра приведемъ акушинскую похоронную пѣсню сестры по убитомъ братѣ.

Онъ объѣзжаетъ сѣраго коня на морской пѣнѣ; онъ, какъ ягненокъ, рѣзвится на спинѣ сѣраго коня... Гдѣ мой Капи! Пусть всѣ семь селеній Таркамскихъ засыпятся морскимъ пескомъ; въ нихъ живутъ семь князей, предавшихъ моего Капи. У него три шубы, всѣ три бухарскія; висятъ на гвоздѣ и тля поѣдаетъ ихъ. Ахъ, Капи, душа моя Капи! ахъ, да умретъ сестра твоя! У него пять шапокъ, всѣ пять изъ калмыцкаго барашка; онъ изнашиваетъ ихъ, кланяясь гостямъ. Ахъ, Капи, душа моя Капи! ахъ, до умретъ сестра твоя!

Брови - глаза у него хунзахскіе, взглядъ ангельскій, обликъ лица черкесскій, статность молодецкая. Гдѣ мой Капи! да умретъ сестра твоя!

Быть-можетъ, эта пѣсня требуетъ нѣсколькихъ поясненій. Сначала выхваляется верховая ѣзда покойника: *конь объѣзжается на морской пѣнѣ*, поэтическое изображеніе легкости коня и искусства всадника. Тарканскіе (Тереке̇ме) князья, какъ видно, были виновниками смерти оплакиваемаго брата. Три шубы!— похвала его богатству. Пять шапокъ!—онъ износилъ ихъ, кланяясь гостямъ!—похвала его гостепріимству. Въ-заключеніе изображается его красота, согласно горскимъ понятіямъ.

Слѣдующая аварская пѣсня заключаетъ въ себѣ *сѣтованіе* объ убитомъ возлюбленномъ. *Загорьемъ* (Цоръ) обыкновенно называется у аварцовъ Алазанская равнина.

Мой любезный ушелъ въ Джары,—уходя, онъ оглядывался черезъ каждые пять шаговъ; ясноглазый уѣхалъ въ дальнее Загорье на конѣ, лихомъ, какъ волкъ. Пришло изъ Загорья леденящее извѣстіе, что соколы оттуда уже не вернутся; изъ глубины Загорья жгучая вѣсть, что левъ остался на перевалѣ съ переломленными когтями. Милосердый Боже, хотѣла бы я быть орлицей, чтобы коснуться охладѣвшей руки! Всевышній, хотѣла бы я быть голубицей скалъ, чтобы взглянуть на поблѣднѣвшее лицо! Завидую, завидую тебѣ, шакалъ Загорья: ты пожираешь тѣла тѣхъ, которые носили стальное оружіе. И тебѣ завидую, рѣчной воронъ: ты клюешь глаза тѣхъ, которые разъѣзжали на быстрыхъ коняхъ. Пожравъ тѣла тѣхъ, которые носили стальное оружіе, шакалъ убѣжалъ въ темные лѣса; выклевавъ глаза тѣхъ, которые разъѣзжали на быстрыхъ коняхъ, воронъ съ карканьемъ взвился къ голубому небу.

Описанія безчисленныхъ набѣговъ, совершенныхъ аварцами въ Кахетію или чеченцами на Терскую равнину, составляютъ самый капитальный запасъ горскихъ пѣсенъ. Это такъ называемая по-аварски *церекабазулъ кечалъ*, т. е. пѣсни о вождяхъ, предводительствовавшихъ набѣгами. Нѣкоторыя изъ этихъ пѣсенъ, по-

видимому, относятся къ отдаленнымъ эпохамъ, не подлежащимъ горской хронологіи; воспоминаніе о многихъ вождяхъ сохранилось исключительно въ пѣсняхъ. Съ откровенностію, достойною лучшей участи, пѣсни объясняютъ намъ, что набѣги производились *для разбоя*, *для добычи*. Добыча называется ласкательно *свѣтлою*, т. е. богатою, *безупречною*, т. е. такою, въ которой ни въ чемъ нѣтъ недостатка: есть и красавицы и рабы и злато-серебро и кони и бараны и пр. и пр. Другимъ двигателемъ въ этихъ набѣгахъ,—славолюбіе, желаніе, чтобы любовница могла гордиться подвигами любовника. Дѣло идетъ, конечно, не о законныхъ женахъ, которыя у горцевъ играютъ роль рабочей скотины. Попавшись въ бѣду, вожди совѣтуются между собой: бѣжать-ли или сражаться до послѣдняго издыханія? Самымъ убѣдительнымъ доводомъ въ пользу боя служитъ разсужденіе: „ястребъ-ли начнетъ вить гнѣздо, соколъ-ли устроитъ себѣ жилище,—что взяли, то и хранятъ. Мы-же получше ястребовъ и соколовъ, у насъ есть любовницы; скажутъ, что мы бѣжали! лучше головъ лишиться, чѣмъ, чтобы такую вѣсть услышали любовницы" *). Когда дѣло идетъ о набѣгѣ на Кахетію, то вождь входитъ въ кузницу,—кузница у всѣхъ кавказскихъ горцевъ имѣетъ какое-то полусвященное значеніе,—тамъ вождь отливаетъ пули и приноситъ клятву: „или истребить всѣхъ невѣрныхъ или обратить ихъ въ мусульманство; не совершивъ того или другаго, не возвращаться домой." Само собою разумѣется, подобная клятва есть тоже одна изъ пуль, отлитыхъ почтеннымъ вождемъ въ кузницѣ. Главное дѣло въ добычѣ и славѣ.

Приготовленія къ набѣгу, которыя, притомъ, должны были производиться въ глубокой тайнѣ, безъ сомнѣнія, доставляли горской молодежи самыя поэтическія минуты въ жизни. Дня черезъ три, черезъ четыре, безвѣстный юноша могъ возвратиться домой богачомъ, вліятельнымъ лицомъ, идоломъ всѣхъ аульныхъ дѣвушекъ,—могъ онъ и вовсе не возвратиться. Притомъ, каждый изъ этихъ благонадежныхъ юношей успѣлъ уже столько нахвастать на

*) Изъ чеченской пѣсни.

аульной площади, что сознавалъ для себя важность наступившей минуты испытанія, въ ушахъ у него звенѣла горская пословица: „не на площади, а въ бою узнаются храбрецы.“ Эти преисполненныя задушевныхъ треволненій приготовленія къ набѣгу описываются въ пѣсняхъ съ величайшими подробностями: „на жерди висѣвшій овчинный полушубокъ отряхнулъ отъ пыли и надѣлъ на себя; снялъ съ гвоздя хорасанскую шапку, два, три раза встряхнулъ ее и надѣлъ на голову.“ Далѣе слѣдуетъ описаніе оружія: „египетскій мечъ съ написаннымъ привѣтствіемъ пророку, крымская, или мажарская винтовка съ голубымъ прикладомъ; конь, какъ невѣста, убранная къ свадьбѣ; гуріи держатъ стремя молодцу; хлопнувъ ладонью по коню, садится на него молодецъ и пускается въ путь! Дай Богъ тебѣ счастія!“, приговариваетъ вслѣдъ ему пѣвецъ. Въ каждомъ набѣгѣ дѣло сначала идетъ, какъ по маслу. Хищники отхватываютъ табуны также легко, какъ пастухъ выхватываетъ барана изъ стада, зацѣпивъ его ногу driчкомъ; пѣвецъ говоритъ о своихъ соотчичахъ-разбойникахъ: „куда коснулась рука наша, тамъ плачъ поднялся, куда ступила нога наша, тамъ пламя разлилось; захвачены дѣвы съ прекрасными руками и глазами; пойманы мальчики, цвѣтущіе здоровьемъ...“ Дѣло, повидимому, кончено, но на возвратномъ пути встрѣчается непріятность, а именно та, что: „о Боже, дорога,—будь ты проклята,—перерѣзана!“ Тутъ-то собственно и начинается исторія. Домой воротиться нельзя иначе, какъ пробившись сквозь густую толпу непріятелей!

Какъ ни затруднительно это положеніе, но горскій поэтъ полагаетъ, что дѣло не къ спѣху. Строго придерживаясь наилучшихъ классическихъ преданій, противники, до вступленія въ бой, болѣе или менѣе долго поддразниваютъ другъ друга и перебраниваются между собою. На Чокскомъ спускѣ, если вѣрить горскому поэту, Надиръ-Шахъ, видя подступавшихъ андалальцовъ, закричалъ: „что это за мыши лѣзутъ на моихъ котовъ!“ На это Муртузали, предводитель андалальцовъ, — тоже если вѣрить горскому поэту,—возразилъ повелителю полусвѣта, покорителю Индустана: „подлый шіитъ, погляди на своихъ куропатокъ и на моихъ орловъ; на своихъ голубей и на моихъ соколовъ!“ Отвѣтъ былъ со-

вершенно кстати, потому что, дѣйствительно, Надиръ-Шахъ потерпѣлъ сильное пораженіе на Чокскомъ спускѣ. Подобныя бранчивыя препиранія происходили и между горцами, возвращавшимися домой послѣ набѣга въ Кахетію, и грузинами, которые перерѣзывали имъ обратный путь. Въ видѣ насмѣшки, горцы обращаются къ грузинамъ съ просьбою о пощадѣ и какъ-бы стараются ихъ разжалобить: „дайте намъ дорогу, каждый изъ насъ одинъ сынъ у отца и матери; посторонитесь, азнауры, мы дороги женамъ нашимъ.“ — „Если каждый изъ васъ одинъ сынъ у отца и матери, отвѣчаютъ грузины, то, разрубивъ его по-поламъ, сдѣлаемъ двухъ; если дороги вы женамъ вашимъ, то тѣла ваши здѣсь оставимъ, а къ нимъ головы отошлемъ. Вы не мыши, чтобы пробраться подъ землей,—куда уйдете вы теперь, горцы? Вы не птицы, чтобы взлетѣть къ небу,—куда полетишь ты теперь, воевода?“ — „Развѣ не мыши, чтобы подъ землей пробраться, стальные мечи наши, ударять не устающіе; развѣ не птицы, чтобы къ небу полетѣть, наши меткія крымскія винтовки, цѣли не минующія?“

Перебранившись съ противниками, пока горло не осипло, вождь обращается съ рѣчью къ своимъ спутникамъ:

,,Станемъ мы просить, насъ они не пустятъ; станемъ кланяться, не проводятъ насъ. Сегодня пусть покажутся храбрецы; сегодня кто умретъ, имя его не умретъ. Смѣлѣе, молодцы! кинжалами дернъ рѣжьте, стройте завалъ; куда завалъ не достанетъ, рѣжьте коней и валите ихъ. Кого голодъ одолѣетъ, пусть ѣстъ лошадиное мясо; кого жажда одолѣетъ, пусть пьетъ лошадиную кровь; кого рана одолѣетъ, пусть самъ ложится въ завалъ. Внизъ бурки постелите, на нихъ порохъ насыпьте. Много не стрѣляйте, цѣльтесь хорошенько. Кто сегодня оробѣетъ, надѣнутъ на него чистый повойникъ; кто робко будетъ драться, того любовница да умретъ. Стрѣляйте, молодцы, изъ длинныхъ крымскихъ винтовокъ, пока дымъ клубомъ не завьется у дулъ; рубите стальными мечами, пока не переломятся, пока не останутся однѣ рукоятки.“

Закипѣлъ бой,—и горцы, само собою разумѣется, дѣлаютъ чудеса. Одинъ ринулся, какъ орелъ, поджавшій крылья; другой

ворвался посреди непріятелей, какъ волкъ въ овчарню. Непріятель бѣжитъ на-подобіе листьевъ, гонимыхъ осенникъ вѣтромъ. Не туча налегла на горы, щитъ дыма покрылъ Ширакъ; не весенній дождь, а кровавые ручьи полились въ Алазань. Горцы возвращаются домой съ добычей и славой. Поэтъ заключаетъ свою пѣсню желаніемъ: „да родятся у каждой матери подобные сыны!“ Съ своей стороны будемъ надѣяться, что родятся сыны, которые займутся чѣмъ-нибудь другимъ, а не грабежомъ.

Какъ ни высоко цѣнятъ горцы мужество въ бою, но несравненно выше еще цѣнится ими хладнокровіе въ виду гибели неизбѣжной, когда исчезла всякая надежда на спасеніе. Смертная казнь въ горахъ, какъ и вездѣ, производитъ на толпу впечатлѣніе, діаметрально-противуположное тому, которое имѣетъ въ виду правосудіе. Если, при томъ, по какому-либо необыкновенному стеченію обстоятельствъ, умирающій, въ самый моментъ смерти, могъ отмстить за себя, то болѣе завидной смерти не представляется воображенію горцевъ. Пусть читатель припомнитъ себѣ смерть библейскаго Самсона. Для таковой смерти не требуется никакихъ поэтическихъ прикрасъ: достаточно разсказать ее, чтобы привести въ восторженное состояніе слушателей. Мы закончимъ нашу статью пѣснію о происшествіи, уже весьма давно случившемся, но неизгладимо запечатлѣвшемся въ памяти горцевъ.

Отъ аварскаго хана пришелъ посланный звать гидатлинскаго Хочбара. „Идти-ли мнѣ, матушка, въ Хунзакъ?“ — „Не ходи, милый мой, горечь пролитой крови не пропадаетъ; ханы, — да истребятся они, — коварствомъ изводятъ людей.“ — „Нѣтъ, пойду я; не то вшивые хунзакцы подумаютъ, что я боюсь ихъ; презрѣнный Нуцалъ подумаетъ, что я струсилъ.“ Погналъ Хочбаръ быка въ подарокъ Нуцалу, взялъ перстень для жены его, пришелъ въ Хунзакъ. „Привѣтъ тебѣ, аварскій Нуцалъ!“—„И тебѣ привѣтъ, гидатлинскій Хочбаръ! Пришелъ ты, наконецъ, волкъ, истреблявшій барановъ; ты здѣсь, врагъ аварцовъ!“ — Пока Нуцалъ и Хочбаръ разговаривали, кричалъ аварскій глашатай: „у кого арба, вези на арбѣ дрова изъ сосноваго лѣса, что надъ ауломъ; у кого нѣтъ арбы, навьючь осла; у кого нѣтъ осла, тащи на спинѣ. Врагъ нашъ Хочбаръ попался въ руки; разведемъ костеръ и сожжемъ его.“ Кончилъ глашатай; шес-

теро бросились и связали Хочбара. На длинномъ хунзакскомъ подъемѣ развели костеръ такой, что скала накалилась; привели Хочбара. Подвели къ огню гнѣдаго коня его, изрубили мечами; переломили остроконечное копье его, бросили въ пламя. Не мигнулъ даже герой Хочбаръ! ,,Ну-ка, Хочбаръ, поразскажи намъ что-нибудь; говорятъ, что пѣть ты мастеръ. Поиграй, Хочбаръ, на липовомъ гудкѣ; говорятъ, играть ты мастеръ.“—,,Пою-то я хорошо, да ротъ у меня занузданъ; па гудкѣ играю отлично, да руки связаны.“ Стала молодежь требовать, чтобы развязали Хочбара; старики не соглашались, говоря: волкъ сдѣлаетъ волчье дѣло! Переспорила молодежь, развязали гидатлинскаго Хочбара. ,,Слушайте-же, аварцы, разскажу вамъ кое-что, и ты не мѣшай мнѣ, Нуцалъ, стану я пѣть. Влѣзъ я къ тебѣ въ окно и унесъ шелковые шалвары любимой жены твоей *); снялъ я серебряныя запястья съ бѣлыхъ рукъ любезныхъ сестеръ твоихъ; зарѣзалъ я ручнаго тура твоего. Вотъ, наверху—овчарни; кто угналъ изъ нихъ барановъ, отчего онѣ опустѣли? Вотъ, внизу—конюшни; кто угналъ табунъ, отчего онѣ развалились? Вотъ, на крышахъ вдовы; кто сдѣлалъ ихъ вдовами, убивъ мужей? Вокругъ насъ сироты; кто убилъ ихъ отцовъ и сдѣлалъ ихъ сиротами? Не перечесть всѣхъ, кого убилъ я и въ полѣ и въ лѣсу. Развѣ не я убилъ шестдесятъ человѣкъ изъ вашего общества? Вотъ, Нуцалъ, какіе совершаются подвиги, а то, что за подвигъ, обманомъ зазвать къ себѣ человѣка и умертвить его!“ Покуда пѣлъ и игралъ Хочбаръ, маленькія дѣти Нуцала пришли и сѣли впереди его. Схвативъ подъ мышки по одному, бросился Хочбаръ въ пламя. ,,Что вы стонете, *нуцалята*, вѣдь и я горю вмѣстѣ съ вами; что вы пищите, поросята, вѣдь и мнѣ милъ былъ бѣлый свѣтъ. Дорогой гнѣдой конь, не разъ топталъ ты пятки аварцовъ! Остроконечное копье, не разъ пробивало ты грудь ханскимъ нукерамъ! Пусть не плачетъ мать моя: не даромъ погибъ ея молодецъ. Пусть не тоскуютъ сестры мои: умеръ я со славою.“ Съ утра до полудня раздавались зурна и барабанъ: попался въ руки гидатлинскій Хочбаръ. Съ полудня поднялся черный плачъ: сгорѣли на кострѣ два сына Нуцала.

П. У.

Дербентъ.
Августъ 1868 года.

*) Нѣтъ большаго позора для горца, какъ, если шалвары жены его унесетъ чужой мужчина. Таковымъ ничѣмъ несмываемымъ безчестіемъ попрекаетъ Хочбаръ хана аварскаго въ присутствіи всего народа.

КАЗИКУМУХСКІЯ (ЛАКСКІЯ) НАРОДНЫЯ СКАЗАНІЯ.

Нѣсколько словъ о Казикумухахъ.

Жители Казикумухскаго округа *), въ Среднемъ Дагестанѣ, извѣстные намъ подъ именемъ Казикумуховъ или Казыкумыковъ, сами себя называютъ *лак*, а родину свою—*лакрал кану* (мѣсто лаковъ). О происхожденіи какъ перваго, официальнаго, такъ и втораго, народнаго названія, П. К. Усларъ, въ предисловіи къ грамматикѣ лакскаго языка, сообщаетъ слѣдующее:

,,Происхожденіе таковыхъ варварскихъ названій (казыкумухи или казыкумыки), по показанію самихъ горцевъ, объясняется весьма правдоподобно слѣдующимъ образомъ. Главное селеніе лаковъ называется *Гумук* (Кумухъ); лаки, ранѣе другихъ горскихъ племенъ, приняли исламизмъ, чрезъ что пріобрѣли право на почетное прозвище *гази* (воюющіе за вѣру). Изъ соединенія прозвища и названія главнаго селенія произошло этническое Казыкумухъ или Казыкумыкъ, исключительно, впрочемъ, употребляемое жителями равнины, кумыками, у которыхъ мы заимствовали его и съ которыми такъ называемые нами казыкумухи, кромѣ религіи, не имѣютъ ничего общаго. Аварцы (маарулы) называютъ лаковъ—*тумал*, въ единст. ч. тумау; акушинцы — *вулугунi*, въ един. вулiгi; цудахарцы, которыхъ нарѣчіе нѣсколько разнится отъ акушинскаго,—называютъ лаковъ *вулечунi*, въ един. вулечi; кюринцы — *јахолису*. Нарицательное значеніе всѣхъ этихъ названій, равно какъ и самихъ лаковъ, покуда остается необъяснимымъ.''

Впрочемъ, П. К. Усларъ допускаетъ тождество лаковъ съ классическами *легами*, упоминаемыми у Страбона и Плутарха. ,,Страбонъ пишетъ *(XI, 503)*, что между Албанцами и Амазонками живутъ скиф-

---

*) Образованъ изъ бывшаго Казикумухскаго ханства.

скія племена: *Гелы* и *Леги*. Наибольшая часть Страбоновой Албаніи входитъ въ составъ нынѣшней Бакинской губерніи. Амазонки, по мнѣнію его, жили на сѣверѣ, т. е. на Терской равнинѣ; между ними и Албанцами, *въ горахъ*, обитали Гелы и Леги. Слѣды названія Геловъ можно отыскать въ Сѣверномъ Дагестанѣ; тождество классическихъ Леговъ и нынѣшнихъ Лаковъ едва-ли можетъ подвергнуться сомнѣнію. Плутархъ, въ жизнеописаніи Помпея, говоря о походѣ его въ Албанію, упоминаетъ о *Легахъ* (Λῆγες, гл. 35). Названіе грузинскаго героя Лекоса, праотца дагестанскихъ горцевъ, по всей вѣроятности, родственно этническому *лак*. Замѣтимъ при этомъ, что если написать по-русски *лякъ*, то оно ближе подойдетъ къ выговору туземцевъ, чѣмъ *лакъ*. Тождество *лякъ*, *лекъ* и *легъ* становится еще очевиднѣе. Не знаю, можно-ли съ послѣднимъ связать названіе *Лезгины*, которое, впрочемъ, совершенно чуждо дагестанскимъ горцамъ.“

Округъ Казикумухскій состоитъ въ настоящее время изъ 4-хъ наибствъ: Вицхинскаго, Аштикункинскаго, Мугархскаго и Дусраратскаго; число дымовъ въ округѣ полагается 6,985, а число жителей—около 35 тысячъ душъ обоего пола. Но не всѣ жители округа говорятъ лакскимъ языкомъ. Такъ, въ 11 деревняхъ, около 600 дымовъ, говорятъ по-аварски; въ 8 деревняхъ, около 400 дворовъ,—по-акушински; въ Нижнемъ Катрухѣ жители говорятъ тюрко-адербиджанскимъ языкомъ; въ аулѣ Бегеклю—отчасти живутъ аварцы, отчасти—лаки; жители аула Арчи (170 дворовъ) имѣютъ свой особый языкъ. Кромѣ того въ нѣкоторыхъ аулахъ бывшаго Кюлюлинскаго (теперь Аштикункинскаго) наибства—по замѣчанію г. Услара — „господствуютъ языки Цахуръ и Агуль, которые, быть можетъ, принадлежатъ къ кюринскимъ нарѣчіямъ, хотя это весьма сомнительно. Во всякомъ случаѣ языки эти не суть нарѣчія лакскаго.“—Съ другой стороны, лакскій языкъ распространенъ и за предѣлами Казикумухскаго округа — отчасти въ округѣ Даргинскомъ, а отчасти въ округѣ Самурскомъ. По послѣднимъ статистическимъ изслѣдованіямъ г. Комарова, все распространеніе лакскаго языка въ предѣлахъ Дагестана выражается слѣдующею таблицею:

	говорятъ лакскимъ языкомъ:		
Въ Казикумухскомъ окр..	91 деревня;	6,161 дворъ;	31,054 жит.
— Даргинскомъ..........	3 —	— 427 —	1,854 —
— Самурскомъ........	3 —	— 162 —	1,074 —
Всего...	97 —	— 6,750 —	33,982 —

„Лаки—по замѣчанію г. Услара—съ противоположныхъ концевъ округа понимаютъ другъ друга безъ малѣйшаго затрудненія. По ауламъ замѣчается легкое разнообразіе выговора, которое едва-ли можетъ быть выражено письмомъ. Самымъ чистымъ выговоромъ почитается кумухскій; выговоръ жителей селеній Вихуля и Вачи слыветъ за наименѣе изящный; въ Бегеклю языкъ преисполненъ аварскихъ словъ, а жители лакскихъ ауловъ Даргинскаго округа позаимствовали множество словъ акушинскихъ."

Лаки имѣли постоянно важное значеніе въ Дагестанѣ; преимущественно же вліяніе ихъ распространялось на жителей южнаго Дагестана. Казикумухскіе ханы войнами съ сосѣдями не разъ увеличивали свои владѣнія: они подчинили себѣ сел. Арчи, отняли нѣсколько селеній отъ Андалала, а отъ Дарги—цѣлое общество Варкунъ-Дарга, состоящее изъ 8 селеній. Но главное значеніе лаковъ въ средѣ дагестанскихъ горцевъ заключается въ ихъ торговой и промышленной предпріимчивости. Главное селеніе ихъ Кумухъ (Гумук) славится своими базарами и въ народѣ величается городомъ (шагаръ). Торговая и промышленная предпріимчивость лаковъ выражается, между прочимъ, значительнымъ числомъ лицъ, отправляющихся изъ Казикумухскаго округа на заработки въ Бакинскую губернію, Закатальскій округъ, на Терекъ и даже въ Оренбургскій край; такихъ лицъ съ 1860 года по 1867 отправлялось среднимъ числомъ до 6 тыс. въ годъ. На чужбинѣ они промышляютъ преимущественно или мелочною торговлею или же мастерствами оружейниковъ, серебряковъ, мѣдниковъ и лудильщиковъ. Безъ сомнѣнія, къ такой значительной ежегодной отлучкѣ лаковъ съ мѣста родины побуждаетъ скудная природа Казикумухскаго округа, покрытаго во всѣхъ направленіяхъ каменистыми горами, безлѣсными и весьма трудно воздѣлываемыми подъ пашни; только одно овцеводство можетъ здѣсь развиваться до значительной степени, поощряемое благопріятствующими къ тому пастьбищными угодьями. Но независимо отъ такихъ мѣстныхъ условій, побуждающихъ лака искать для себя заработка внѣ родины, нужно признать за нимъ еще особую наклонность къ промышленной предпріимчивости предпочтительно предъ другими обитателями такихъ же скудныхъ угодій Дагестана, остающимися, однако, на степени скотоводовъ.

Приводимыя ниже народныя сказанія довольно хорошо характеризуютъ практическій умъ лаковъ. Собраніемъ этихъ сказаній и до-

словнымъ переводомъ ихъ на русскій языкъ редакція „Сборника" обязана уроженцу Кумуха, Абдуллѣ Омаръ-оглы, ученику и сотруднику П. К. Услара при составленіи послѣднимъ грамматики лакскаго языка. Хорошо знакомый съ народными сказаніями своей родины, Абдулла Омаръ-оглы заявляетъ, что его собраніе пѣсенъ, сказокъ, басенъ, пословицъ и другихъ произведеній лакскаго народа, далеко не исчерпывая всѣхъ сокровищъ лакской народной поэзіи, на столько, однако, полно, что можетъ собою характеризовать общее направленіе этой поэзіи. Отсутствіе героическихъ сказаній и преобладаніе сказаній съ дидактическимъ направленіемъ — вотъ главная характеристическая ея черта.

Въ настоящей книгѣ „Сборника" мы помѣщаемъ только нѣсколько пьесъ изъ числа собранныхъ Абдулою Омаръ-оглы, оставляя прочія для слѣдующихъ выпусковъ „Сборника." При этомъ считаемъ нелишнимъ высказаться напередъ, что цѣлью помѣщенія въ „Сборникѣ" какъ этихъ, такъ и другихъ произведеній горской народной поэзіи, служитъ — не начинать съ выводовъ, а напротивъ, прежде всего собрать и обнародовать наибольшее количество матеріала, пригоднаго для выводовъ.

СКАЗКИ И БАСНИ.

Безносый ѣздокъ.

Въ отдаленной землѣ, въ неизвѣстномъ городѣ, въ незапамятное время, были не были одинъ молодой человѣкъ и одна молодая дѣвушка. Молодой человѣкъ былъ влюбленъ въ дѣвушку, а она тоже не презирала его. Однажды, на чьей-то свадьбѣ, случилось имъ говорить. „До какихъ поръ я буду страдать по тебѣ?" сказалъ молодой человѣкъ.—„Я попрошу у тебя одной услуги, сказала дѣвушка;

на плоскости живетъ Безносый-ѣздокъ: ступай и спроси его, что случилось съ его носомъ; когда ты исполнишь это и вернешься, тогда я твоя.“—„Хорошо, поѣду и исполню!“ сказалъ молодой человѣкъ.

Надѣлъ оружіе, сѣлъ на добраго коня и пустился въ путь молодой человѣкъ. Ѣхалъ онъ, ѣхалъ, высокія горы переѣхалъ, черезъ глубокія ущелья проѣхалъ, долго ѣхалъ, коротко-ли, проѣхалъ пространства всего съ иголку и выѣхалъ, наконецъ, на обширную поляну. Смотритъ онъ и видитъ: подъ буркой лежитъ человѣкъ, а подлѣ него стреноженный конь. Молодецъ остановился, слѣзъ съ коня, стреножилъ его, накрылся буркою и легъ подлѣ спящаго.

Прошло нѣсколько времени, проснулся спящій и увидѣлъ, что около него спитъ молодой человѣкъ, также, какъ самъ онъ, накрытый буркою. Толкнувъ ногою, разбудилъ онъ молодаго человѣка и спросилъ: „кто ты, храбрецъ? Какъ смѣлъ лечь подлѣ меня, стреножить коня и накрыться буркою?“—„Если не храбрецъ, то и не трусъ“, сказалъ молодецъ, и тутъ-же увидѣлъ предъ собою человѣка безносаго. — „Такъ мы выкажемъ другъ передъ другомъ свою храбрость: ѣдемъ со мной!“ сказалъ безносый.

Поѣхали они, и ѣхали днемъ, ѣхали ночью, наконецъ доѣхали до одного аула. Безносый вздумалъ было добыть себѣ что-нибудь изъ аула, но молодой человѣкъ сказалъ ему: „это не храбрость, а воровство. Поѣдемъ вотъ на ту сторону рѣки, и тамъ поищемъ для себя добычи.“ Безносый струсилъ и началъ отговаривать его. Много безносый говорилъ, но мало слушалъ молодой человѣкъ. Дѣлать было нечего; бесносый согласился и они отправились дальше. Ѣхали они, ѣхали и пріѣхали на ту сторону рѣки. Здѣсь нашли они табунъ лошадей гнѣдой масти, и сейчасъ-же угнали его.—„Не выпускай же ни одной лошади изъ табуна, сказалъ безносый, а то мы погибнемъ.“ Но не успѣли они и немного отъѣхать, какъ одна лошадь отдѣлилась отъ табуна и ускакала обратно. Молодой человѣкъ пустился за нею въ погоню, поймалъ ее за узду и сказалъ: „эй, безносый! что сталось съ твоимъ носомъ?“—„Тутъ не мѣсто спрашивать объ этомъ, сказалъ бесносый: не выпускай лошади, а я дома отвѣчу.“—„Ну, такъ проваливайся же съ ней!“ сказалъ молодецъ и, ударивъ по спинѣ, выпустилъ лошадь. И вотъ, черезъ нѣсколько времени, догналъ ихъ нартъ. Онъ былъ подобенъ тучѣ, одѣтъ въ красное и сидѣлъ на

убѣжавшемъ конѣ. Не обративъ никакого вниманія на молодаго человѣка, крикнулъ онъ безносому: „Посмотрю я, безносый, куда ты уйдешь отъ меня съ моимъ табуномъ?“—„Бой начинается сзади: куда-жъ ты ѣдешь впередъ?“ сказалъ молодой человѣкъ.—„Съ тобой-то легко раздѣлаться, мальчишка! проворчалъ нартъ—и пустился въ погоню за безносымъ. Ударилъ плетью коня молодой человѣкъ, пустилъ стрѣлу въ нарта — и повалился онъ съ лошади, а молодецъ подскочилъ и разрубилъ ему голову, а потомъ, взявши все, что было у нарта, пріѣхалъ въ домъ безносаго. Прошло нѣсколько дней отдыха и безносый сказалъ: „давай дѣлить табунъ!“—„Нѣтъ, сказалъ молодецъ, еще мы не доказали другъ передъ другомъ своей храбрости: поѣдемъ-ка еще разъ за добычей.“ Много говорилъ безносый, мало слушалъ молодой человѣкъ и, наконецъ, поѣхали они опять на ту сторону рѣки. Теперь нашли они тамъ табунъ лошадей уже черной масти, и сейчасъ-же его угнали. „Не выпускай-же ни одной лошади изъ табуна!“ сказалъ безносый. Но не успѣли они и немного отъѣхать, какъ черный конь отдѣлился и ускакалъ. Молодой человѣкъ догналъ его, и поймавши, закричалъ безносому: „Ну, такъ что же сталось съ твоимъ носомъ?“ — „Тутъ не мѣсто спрашивать объ этомъ, отвѣчалъ безносый: не пускай только коня, а дома я все разскажу.“—„Если не хочешь говорить, такъ вотъ-же тебѣ!“ сказалъ молодой человѣкъ и выпустилъ лошадь. Черезъ нѣсколько времени видитъ нашъ молодецъ, что черный туманъ приближается — это догналъ ихъ черный нартъ: какъ скала сидѣлъ онъ на убѣжавшемъ конѣ и, не обративъ вниманія на молодца, погнался за безносымъ. „Бой начинается сзади: куда же ты впередъ ѣдешь?“ крикнулъ молодой человѣкъ. Нартъ не хотѣлъ и слушать. Тогда молодецъ пустилъ въ него стрѣлу и онъ повалился съ лошади. Молодой человѣкъ сдѣлалъ съ нимъ тоже, что съ первымъ нартомъ, и затѣмъ съ табуномъ пріѣхалъ въ домъ безносаго. „Давай раздѣлимъ табунъ,“ сказалъ безносый.—„Нѣтъ, сказалъ молодой человѣкъ, нужно ѣхать за добычей въ третій разъ.“ Нечего было дѣлать, противъ воли согласился безносый, и отправились они по прежнему пути. Когда пріѣхали на ту сторону рѣки, увидѣли табунъ лошадей бѣлой масти и безносый сказалъ: „смотри-же, если теперь выпустишь лошадь изъ табуна, погибель наша неизбѣжна.“ — „Постараюсь не выпускать,“ сказалъ молодой человѣкъ. Но не успѣли они и немного отъѣхать, какъ отъ табуна отдѣлился бѣлый конь и ускакалъ обратно. Молодой

человѣкъ пустился за нимъ въ погоню, но тотъ и близко къ себѣ не подпустилъ.... Печаленъ воротился молодой человѣкъ, а безносый чуть не упалъ съ коня отъ страха. И вотъ подъѣхалъ къ нимъ на бѣломъ конѣ нартъ. Страшенъ онъ былъ—Боже избави! какъ туча черный и съ однимъ глазомъ во лбу.

Не обративъ вниманія на молодаго человѣка, нартъ пустился въ погоню за безносымъ. „Посмотрю я, сказалъ онъ, куда ты, безносый, уйдешь отъ меня, послѣ того какъ убилъ моихъ братьевъ и угналъ мои табуны". Молодецъ пустилъ ему въ догонку стрѣлу, другую, третью—ничего: его будто мухи кусаютъ; ударилъ его молодецъ и саблею, но и сабля не рубитъ. Затѣмъ нартъ схватилъ въ одну руку безносаго, а въ другую нашего молодца, заткнулъ ихъ въ свои стремена и поѣхалъ назадъ со своимъ табуномъ. Тутъ молодецъ вынулъ саблю, перерѣзалъ ремень стремени и упалъ на землю. Нартъ оглянулся, а молодецъ въ это время пустилъ стрѣлу и попалъ ему прямо въ глазъ. Нартъ упалъ съ ревомъ на землю, а молодецъ съ безносымъ принялись рубить его саблями. Такъ воротились они домой съ табуномъ бѣлыхъ лошадей. Отдохнулъ немного молодой человѣкъ и спросилъ безносаго: „Ну, такъ что-же случилось съ твоимъ носомъ?" —„Вотъ теперь разскажу я тебѣ всю правду, сказалъ безносый, и началъ такъ: какъ то разъ я ѣлъ яблоко, а въ рукѣ у меня былъ ножъ; вотъ этимъ-то ножемъ нечаянно и отрѣзалъ я свой носъ. Жена-жъ у меня красавица, такая красавица, какой и на свѣтѣ еще не было. Какъ увидѣла она, что у меня изъ носу течетъ кровь, испугалась и умерла. Тѣло ея я держу вотъ въ этомъ сундукѣ и не рѣшаюсь похоронить." Говоря это, онъ указалъ на желѣзный сундукъ.—„Нѣтъ-ли средства возвратить ей жизнь?" спросилъ молодой человѣкъ.—„Есть средство, но оно тамъ, откуда нѣтъ возможности достать его," сказалъ безносый.—„Гдѣ же это?" спросилъ опять гость.—„А вотъ видишь-ли: за семью горами живетъ большой змѣй, въ животѣ у него заяцъ, а въ зайцѣ—птичка. Вотъ только кровь этой птички можетъ возвратить жизнь моей женѣ," сказалъ безносый.—„Я поѣду за этой птичкой," сказалъ гость. Безносый радъ былъ отдѣлаться отъ страшнаго человѣка, и потому не отговаривалъ его отъ поѣздки. Вооружился молодой человѣкъ, взялъ съ собою вкусную закуску, сѣлъ на коня и пустился въ дорогу. Ѣхалъ онъ, ѣхалъ, днемъ ѣхалъ, ночью ѣхалъ, высокія горы переѣхалъ, темные лѣса проѣхалъ, глубокія ущелья проѣхалъ и пріѣхалъ, наконецъ, ночью къ подошвѣ одной

горы. Глядитъ молодой человѣкъ вокругъ себя — и видитъ огонекъ. Подъѣхалъ онъ къ огоньку, видитъ: стоитъ хижина. Привязавъ лошадь на дворѣ, молодой человѣкъ зашелъ въ хижину и увидѣлъ тамъ старуху, поклонился ей и сказалъ: „Божій гость, бабушка!“—„Да буду я жертвою Бога! войди, сынъ мой!“ сказала старуха. Усадивъ гостя въ углу, старуха приготовила для него ужинъ и потомъ спросила: „Откуда ты, сынъ мой, и какъ попалъ въ такое безлюдное мѣсто?“ Молодой человѣкъ разсказалъ ей, зачѣмъ онъ ѣдетъ, и она замѣтила ему: „ты взялся за очень трудное дѣло; не можешь ты убить змѣя. Онъ живетъ за этою горою въ желѣзномъ зáмкѣ; семь дней онъ охотится, а семь дней спитъ; завтра онъ будетъ спать, и ты ступай прямо къ зáмку, возьми изъ-подъ воротъ камешекъ и брось его въ дверь. Когда дверь отворится, ты увидишь въ углу саблю въ войлочныхъ ножнахъ: старайся захватить ее, такъ какъ только ею можно убить змѣя.“ Молодой человѣкъ поблагодарилъ старуху, и на другой день отправился въ путь. Ѣхалъ онъ, ѣхалъ и пріѣхалъ наконецъ къ желѣзному зáмку, который стоялъ посреди обширной равнины; подъѣхалъ молодецъ къ воротамъ, взялъ камешекъ, ударилъ имъ въ дверь—и дверь отворилась. Вошелъ молодецъ въ зáмокъ и видитъ: спитъ огромный змѣй съ однимъ глазомъ во лбу. Взялъ молодой человѣкъ изъ угла саблю въ войлочныхъ ножнахъ, и ударилъ его: голова чудовища отдѣлилась отъ туловища. Ударилъ онъ еще разъ по брюху — и выскочилъ заяцъ; пустилъ стрѣлу—и заяцъ упалъ. Потомъ разрѣзалъ зайца, нашелъ тамъ птичку и пустился съ нею въ обратный путь. Ѣхалъ онъ, ѣхалъ, ночью ѣхалъ, днемъ ѣхалъ и наконецъ пріѣхалъ къ безносому. „Привезъ птичку!“ сказалъ молодецъ. Безнóсый сначала не повѣрилъ, а потомъ, когда увидѣлъ птичку, открылъ сундукъ и каплю птичьей крови влилъ въ ротъ покойницы: красавица воскресла, вышла изъ сундука, какъ ангелъ, и сказала: „Ахъ, я долго, кажется, спала!“ Безносый разсказалъ ей все, что случилось. Затѣмъ мужъ съ женою начали упрашивать молодца остаться у нихъ. Много они говорили, но мало слушалъ молодецъ и, взявши свою долю лошадей, воротился домой. Невѣста его была уже въ его домѣ и онъ разсказалъ ей про свои похожденія. Дѣвушка объявила, что жена безносаго— сестра ея, и она знала, что кромѣ молодаго человѣка никто не отыщетъ для нея лекарства, и потому она и послала его къ безносому. Молодецъ раздѣлилъ табуны между молодежью деревни, потомъ сыграли свадьбу и задали пиръ: дудки засвистали, бубны загремѣли; на-

родъ собрался со всѣхъ концовъ, пріѣхалъ слѣпой на хромомъ, три дня и три ночи пировали. Мнѣ досталась баранья ляжка, шелъ я съ нею къ вамъ, да на дорогѣ сосѣдскія собаки отняли.

Заза-бѣлая корова.

Жилъ-былъ отецъ, а у него дочь отъ покойницы жены. Дѣвушка часто ходила къ сосѣдкѣ-вдовѣ то огня взять, то соли попросить. Вдова не только не отказывала ей въ этомъ, но всякій разъ давала ей или хлѣба или пирога, а не то мяса, грушъ или яблокъ. При этомъ вдова говорила ей не разъ: ,,Скажи своему отцу, чтобы онъ женился на мнѣ.'' Вотъ дѣвушка и стала упрашивать отца: ,,Отецъ! женись на сосѣдкѣ! отецъ, женись на сосѣдкѣ!''—,,Постой, дочь моя, когда наша корова отелится, тогда и женюсь,'' сказалъ отецъ.—,,Вотъ корова и отелилась: женись, отецъ, на сосѣдкѣ!'' настаивала дѣвушка.—,,Подожди, дочь моя, когда хлѣбъ поспѣетъ.'' —,,Вотъ и хлѣбъ поспѣлъ! женись на сосѣдкѣ!'' Такъ приставала дѣвушка къ отцу и часто даже съ плачемъ. Дѣлать было нечего,— отецъ наконецъ женился на вдовѣ.

И вотъ мачиха для себя готовила пирогъ съ сыромъ или чабромъ, а для падчерицы съ пескомъ или золою; себѣ стлала тюфякъ изъ мягкой соломы, а дѣвушку клала спать на постели изъ колючекъ. ,,Отецъ, я ѣсть не могу! отецъ, я спать не могу!'' говорила дѣвушка, а мачиха на это отвѣчала кучею клеветъ и клонила къ тому, чтобы выгнать падчерицу изъ дому. И вотъ однажды отецъ взялъ дочь и поѣхалъ въ лѣсокъ за дровами. Тамъ дѣвушка заснула на подолѣ чухи его, а онъ потихоньку отрѣзалъ полу и ушелъ домой.

Проснулась дѣвушка и увидѣла, что нѣтъ отца, побѣжала на холмъ и кричала: отецъ! побѣжала на другой и кричала: отецъ! но отвѣта не было. Тогда дѣвушка взлѣзла на дерево и горько плакала.

Проходила стая волковъ. ,,Зачѣмъ ты плачешь?'' спросили волки. —За тѣмъ, чтобы вы не съѣли меня.—,,Мы тебя не съѣдимъ, а вотъ идетъ стая медвѣдей: смотри, чтобы они тебя не съѣли.''

Идутъ медвѣди.—,,Зачѣмъ ты плачешь?'' спросили они.

— Чтобы вы меня не съѣли.

—,,Мы тебя не съѣдимъ, а вотъ идетъ стая лисицъ: смотри, чтобы онѣ не съѣли,'' сказали медвѣди.

Пришли лисицы и также сказали: „Мы тебя не съѣдимъ, а вотъ идетъ Заза-бѣлая корова, что однимъ рогомъ роетъ небо, а другимъ землю: смотри, чтобы она тебя не съѣла.“

Пришла Заза-бѣлая корова, сѣла подъ дерево и сказала: „Охъ, я устала!“ Вдругъ капли слезъ упали на ея лицо. Она посмотрѣла вверхъ и сказала: „Дождя нѣтъ: откуда же эти капли?“ Потомъ опять взглянула вверхъ и, наконецъ, увидѣла дѣвушку. „Кто ты, дитя мое? спросила Заза. Если ты мальчикъ, прыгни на мою спину, а если дѣвушка, прыгни на мою грудь.“ И дѣвушка прыгнула на грудь Заза-бѣлой коровы. „Что ты плачешь, дитя мое?“ спросила она.—„Боюсь, чтобы ты меня не съѣла,“ сказала дѣвушка.—„Нѣтъ, нѣтъ, дитя мое, не бойся! пойдемъ со мной!“ Вотъ они шли, шли, и пришли въ подземелье. Тутъ Заза-бѣлая корова указала дѣвушкѣ на нѣсколько кувшиновъ и сказала: „дочь моя! ѣшь, пей все, что хочешь, только не трогай этихъ кувшиновъ.“ Но однажды, когда старуха вышла изъ дому, дѣвушка всунула палецъ въ одинъ кувшинъ— и вдругъ палецъ сдѣлался серебристымъ. Дѣвушка испугалась, схватила камень, разбила имъ палецъ и потомъ, чтобы старуха не примѣтила, завязала его. Приходитъ Заза-бѣлая корова. „Что это съ твоей рукой?“ спросила она.—„Ничего“.—„А покажи сюда, дитя мое!“ Увидѣвши, что палецъ разбитъ, старуха сказала: „раздѣвайся, дочь моя, и купайся въ этомъ кувшинѣ.“ Дѣвушка раздѣлась, выкупалась въ кувшинѣ и вся стала серебряной. „Купайся же теперь въ другомъ кувшинѣ.“ Дѣвушка выкупалась и сдѣлалась золотою. „Всунь теперь руку въ мое правое ухо!“ Дѣвушка всунула руку въ правое ухо и стала тащить оттуда: мѣдные и фарфоровые кувшины, подносы, чашки, котлы, стеклянные графины и т. п. „Всунь теперь руку въ лѣвое мое ухо,“ сказала опять старуха. И дѣвушка вытащила оттуда: жемчуги, кораллы, шелковыя платья, платки, желтые сапожки, гвоздику и т. п. Потомъ Заза-бѣлая корова одѣла дѣвушку въ красное платье, кормила ее сахаромъ и выдала, наконецъ, за-мужъ за ханскаго сына. На свадьбѣ той я плясалъ, ѣлъ и пилъ, и вотъ къ вамъ пришелъ.

Сунуна.

Въ нѣкоторой странѣ, въ нѣкоторомъ городѣ, жилъ-былъ царь,

не бѣдный, но и не богатый. У царя была жена пригожая, да и самъ онъ былъ не уродъ; но Богъ не посылалъ имъ дѣтей. Много врачи давали снадобій, старухи ворожили, не мало имущества было роздано бѣднымъ, а наслѣдника у нихъ все-таки не было. Но вотъ разъ, когда шелъ проливной дождь, супруги смотрѣли въ окно и увидѣли, что на крышу вмѣстѣ съ дождемъ упало яблоко. Царица подняла его, отдала одну половину его мужу, а сама съѣла другую. И вотъ черезъ нѣсколько дней царица почувствовала себя тяжелою. Вѣсть объ этомъ распространилась всюду; царь задалъ пиръ на цѣлый городъ: играли бубны, дудки, зурны, барабаны и балалайки; розданы были бѣднымъ большіе подарки. Прошелъ затѣмъ день, прошли сутки, прошли недѣли, мѣсяцы и настало царицѣ время родить. Не помню я, въ какую именно ночь; но только ночь была безсолнечная, когда царица родила цѣлую кучу дѣтей. Считали счетомъ, и оказалось сорокъ мальчиковъ. Бабушка испугалась, а сторожъ побѣжалъ доложить радостную вѣсть царю и, снявъ папаху, сказалъ: „царица родила сорокъ мальчиковъ." Царь сильно испугался и подумалъ: не къ добру знать такіе роды. Онъ сейчасъ же приказалъ накормить мальчиковъ молокомъ матери, завернуть каждаго въ шелковую ткань и затѣмъ бросить за гору, на покатость.

Волю царя исполнили и бросили младенцевъ за гору, на покатость.

Всходило солнце, заходилъ мѣсяцъ, протекло много лѣтъ, а о царскихъ дѣтяхъ ни слуху, ни духу. За это время сосѣдній ханъ успѣлъ разбить войско царя, завладѣлъ всѣмъ его имуществомъ — и великій царь нашъ сталъ бѣднымъ человѣкомъ.

Вотъ какъ-то мужъ съ женою припомнили прошлое и между прочимъ вспомнили о брошенныхъ дѣтяхъ. „Ступай, посмотри, что сдѣлалось съ дѣтьми" сказала жена. Мужъ согласился и на другой день отправился за гору, на покатость. Шелъ онъ, шелъ, много-ли, мало-ли шелъ, и вотъ пришелъ въ одинъ аулъ, что выстроенъ за горой, на покатости. Вошелъ онъ въ ворота, но никого не встрѣтилъ; пошелъ на площадь, и видитъ: сидятъ тамъ сорокъ юношей. Когда онъ подошелъ къ нимъ, юноши бросились къ нему въ объятія и кричали: „здравствуй отецъ! добро пожаловать, папа!" Отецъ удивился и, наконецъ, опомнился, понялъ, что это его дѣти, и началъ передъ ними извиняться: „Простите грѣшному отцу, дѣти, говорилъ

онъ, я испугался, когда мать ваша родила васъ вмѣстѣ.“ — „Богъ тебѣ проститъ, отецъ нашъ! что прошло, того не воротишь,“ сказали дѣти и стали кормить его сахаромъ, поить медомъ. Затѣмъ сыновья сказали: „ступай, отецъ, отыщи для насъ сорокъ дочерей, родившихся отъ одной матери и одного отца.“—„Хорошо, сказалъ отецъ, желѣзные сапоги сдѣлаю, стальную палку возьму, и пойду искать сорока дѣвицъ, родившихся вмѣстѣ отъ одной матери и одного отца.“ Простившись съ дѣтьми, пошелъ онъ домой и разсказалъ женѣ о своей находкѣ. Мать вскочила съ мѣста, надѣла одинъ сапогъ на обѣ ноги и побѣжала къ сыновьямъ. Отецъ же заказалъ желѣзные сапоги, взялъ стальную палку и пустился въ путь искать сорока дѣвицъ. Шелъ онъ, шелъ, высокія горы обогнулъ, узкія ущелья перешелъ, ночью шелъ, днемъ шелъ и на три съ половиною аршина дороги прошелъ. Вотъ, въ одинъ жаркій день, сѣлъ онъ подъ деревомъ, что росло на обширномъ полѣ; вдругъ, невзначай, явился съ противной стороны человѣкъ, также въ желѣзныхъ сапогахъ, съ стальною палкой, и сѣлъ подлѣ него. Завели они разговоръ и стали другъ-друга спрашивать, зачѣмъ и куда идутъ. Незнакомецъ сказалъ: „у меня родилось вмѣстѣ сорокъ дочерей; теперь онѣ требуютъ, чтобы я отыскалъ сорокъ молодыхъ жениховъ, тоже родившихся вмѣстѣ отъ одной матери.“—„А я-то и иду искать такихъ дѣвушекъ!“ сказалъ нашъ путешественникъ—и оба они встали, обнялись и, наконецъ, обручили заочно дѣтей своихъ. Условившись прійти съ сыновьями черезъ недѣлю, нашъ воротился назадъ къ сыновьямъ. Тутъ онъ разсказалъ дѣтямъ о своей находкѣ, и всѣ радовались. Черезъ недѣлю отецъ рѣшился отправиться за невѣстами съ 39 сыновьями, а самаго младшаго, Сунуну, оставилъ при матери. Передъ отъѣздомъ Сунуна сказалъ отцу: „когда ты будешь возвращаться съ невѣстами, ты долженъ будешь идти посреди обширной поляны; тутъ пойдетъ на тебя дождь водяной, каменный, будутъ падать змѣи изъ воздуха, но ты ни за что не останавливайся тамъ. Если жъ ты остановишься, то меня потеряешь.“—Хорошо, сказалъ отецъ, и вмѣстѣ съ 39 сыновьями пустился въ дорогу. Ѣхали они, ѣхали, ночью ѣхали, днемъ ѣхали, доѣхали, наконецъ, до мѣста. Отецъ дѣвушекъ встрѣтилъ гостей дудками, бубнами, пѣснями и плясками. Да что много говорить? Извѣстно, сыграли свадьбу, пировали три дня и три ночи, ѣли сахаръ, пили медъ, и выѣхали наконецъ домой съ сорока дѣвушками. Въ ясный день ѣхали они по той полянѣ, про

которую Сунуна говорилъ своему отцу; вдругъ черныя тучи затемнѣли на небѣ, загремѣла гроза, засверкала молнія — и пошелъ дождь, словно потопъ. Молодые стали упрашивать отца, чтобы онъ остановился, но отецъ вспомнилъ просьбу Сунуны и не согласился. Черезъ часъ вмѣсто дождя изъ тучъ начали падать змѣи—отецъ и тогда не остановился. Затѣмъ пошелъ каменный дождь, и молодые наконецъ заставили отца остановиться. Они разбили палатки и остановились ночевать. Утромъ, на другой день, когда они хотѣли двинуться въ путь, увидѣли, что огромный змѣй-великанъ обложилъ ихъ со всѣхъ сторонъ. Начали упрашивать змѣя, чтобы онъ отпустилъ ихъ; много говорили, но мало тотъ слушалъ. Наконецъ, змѣй сказалъ имъ: „вы мнѣ не нужны; приведите вашего младшаго брата Сунуну и я отпущу васъ, не то погублю всѣхъ.“ Дѣлать было нечего, и отецъ пустился домой за Сунуной.

Въ ту самую ночь Сунуна видѣлъ во снѣ участь отца съ братьями. Рано утромъ онъ сказалъ матери, что поѣдетъ на встрѣчу отцу, и пустился было въ путь, но отецъ встрѣтился съ нимъ и разсказалъ все, что случилось. Сунуна упрекнулъ отца за то, что онъ не исполнилъ его просьбы, а все-таки отправился къ змѣю. „Открой свою пасть, проклятый, проглоти меня и отпусти моихъ братьевъ!“ сказалъ онъ.—„Не нужно мнѣ глотать тебя и не нужны мнѣ также твои братья, сказалъ змѣй-великанъ: а вотъ я поручу тебѣ одно дѣло и если ты обяжешься исполнить его, то я тотчасъ выпущу твоихъ братьевъ.“—„Говори свое порученіе, проклятый, поскорѣе и отпусти братьевъ,“ сказалъ Сунуна.—„За большимъ моремъ, живетъ царь, а у царя дочь: привези ее мнѣ!“ сказалъ змѣй.—„Постараюсь— что могу, то сдѣлаю,“ сказалъ Сунуна. Змѣй-великанъ отпустилъ молодыхъ съ отцемъ, а Сунуна простился съ ними и поѣхалъ по противуположной дорогѣ. Проѣхалъ Сунуна большія поляны, черезъ узкія ущелья переѣхалъ, обогнулъ высокія горы, проѣхалъ дремучіе лѣса, и вотъ въ одномъ мѣстѣ видитъ молодаго человѣка, который, казалось, забавлялся тѣмъ, что пускалъ стрѣлы въ небо. Подъѣхалъ Сунуна, поклонился незнакомцу и спросилъ: „что ты дѣлаешь, братъ?“— „Говорятъ, посланный змѣемъ-великаномъ Сунуна ѣдетъ: ожидаю его и хочу сдѣлаться его товарищемъ,“ отвѣчалъ незнакомецъ.—„Я тотъ самый Сунуна!“ сказалъ этотъ—и оба товарища поѣхали дальше. Проѣхали они мало, проѣхали много и встрѣтили въ одномъ мѣстѣ человѣка, который поднималъ большіе камни, бросалъ ихъ на землю, раз-

бивалъ въ дребезги, и этимъ забавлялся. Подъѣхали они къ незнакомцу и Сунуна спросилъ: „Что, братъ, здѣсь дѣлаешь?“—„Говорятъ, посланный змѣемъ-великаномъ Сунуна ѣдетъ, такъ я ожидаю его, чтобъ сдѣлаться его товарищемъ,“ сказалъ незнакомецъ. „Я тотъ самый Сунуна,“ сказалъ этотъ, и всѣ трое товарищей поѣхали дальше. Ѣхали, ѣхали они, выѣхали на берегъ моря. Здѣсь Сунуна нашелъ водолея, который втягивалъ сразу все море въ ротъ и потомъ опять выливалъ его на мѣсто, и такимъ образомъ забавлялся. „Что здѣсь дѣлаешь?“ спросилъ его Сунуна. — „Ожидаю посланнаго змѣемъ-великаномъ Сунуну,“ сказалъ тотъ.—„Я тотъ самый Сунуна!“—„Такъ я твой товарищъ!“ сказалъ водолей. Теперь нужно было переѣхать на ту сторону моря, а корабля не было. Водолей осушилъ однимъ хлебкомъ море, и всѣ они переѣхали по дну морскому на другую сторону. Затѣмъ водолей вылилъ море на прежнее мѣсто, и оставилъ только у себя во рту про случай 99 кувшиновъ воды. Ѣхали они, ѣхали, днемъ ѣхали, ночью, проѣхали всего на ¼ аршина пути, и пріѣхали въ тотъ самый городъ, гдѣ жилъ царь съ дочерью. Сунуна съ товарищами остановился у одной старухи и попросилъ у ней чего-нибудь покушать. Старуха накормила гостей чѣмъ Богъ послалъ, и потомъ спросила: „Откуда ѣдете и куда вамъ добрая дорога, дѣти мои?“—„Мы ѣдемъ по своимъ дѣламъ. А что у васъ въ городѣ новаго и есть-ли у васъ царь?“ спросилъ Сунуна.—„Охъ, не спрашивайте про царя, дѣти мои: это не добро для молодыхъ людей!“—„Что-жъ такое?“—„У насъ есть царь—сказала старуха, послѣ того какъ Сунуна настаивалъ, чтобъ она разсказала про царя—а у царя есть дочь, такая красавица, лучше которой не сотворено на землѣ. Изъ разныхъ странъ приходятъ царевичи просить ея руки, но отецъ издалъ законъ, что руку его дочери получитъ только тотъ, кто исполнитъ три его приказанія. Кто-жъ не исполнитъ ихъ, у того снимаютъ съ плечъ голову. Теперь говорятъ, что змѣй-великанъ влюбился въ нее и шлетъ за нею пословъ; но всѣмъ имъ остаться безъ головъ!“ На другой день, ничего не говоря, Сунуна отправился съ товарищами во дворецъ и объявилъ царю, что онъ пріѣхалъ просить руки его дочери. „Хорошо, сказалъ царь, я тебѣ дамъ три приказанія: исполнишь ихъ—дочь моя будетъ твоею, нѣтъ—я отрублю тебѣ голову.“ Сунуна согласился.

И вотъ разъ царь позвалъ Сунуну съ товарищами. Онъ указалъ имъ на старуху и сказалъ: „Пусть кто-нибудь изъ васъ побѣжитъ

съ этою старухою, и если онъ перегонитъ ее, то вы останетесь побѣдителями, а если она—то я долженъ буду отрубить вамъ головы.“— „Я пойду бѣжать съ старухою,“ сказалъ стрѣлокъ, и они отправились далеко на площадь. Бѣжали они, бѣжали, и старуха было ужъ перегнала, какъ вдругъ стрѣлокъ пустилъ стрѣлу и, положивъ старуху на землю, перегналъ ее. На второй день царь призвалъ Сунуну съ товарищами и сказалъ: „Сегодня я выпущу изъ конюшни трехгодовалаго бычка: пусть кто-нибудь изъ васъ выходитъ ему навстрѣчу.“—„Я пойду ему навстрѣчу,“ сказалъ каменоломъ. Въ городѣ всѣ жители заперлись по домамъ, а чтобъ поглазѣть на диво, взлѣзли на высокія башни. Вотъ выпустили бычка. Выходитъ бычекъ изъ хлѣва и какъ будто хочетъ весь свѣтъ проглотить. Каменоломъ, подпустивъ его къ себѣ, схватилъ огромный камень и ударилъ имъ бычка между рогами. Бычекъ, съ разбитой головой, повалился на землю. „Хорошо, вы побѣдили, сказалъ царь Сунунѣ: теперь остается еще одно приказаніе; если и это исполните, я отдамъ свою дочь.“ На третій день царь призвалъ Сунуну съ товарищами и сказалъ: „Возьми чашку, наполненную до краевъ, и полѣзай съ нею на дерево, а затѣмъ слѣзай, но такъ, чтобы не пролилась ни одна капля: чуть прольется хоть одна капля, я отрублю вамъ головы.“—Хорошо, сказалъ Сунуна, и съ полною чашкою въ рукахъ полѣзъ на дерево. Посмотрѣлъ Сунуна съ дерева въ ту сторону, откуда пріѣхалъ, и увидѣлъ, что его мать и невѣста одѣлись въ трауръ и оплакиваютъ его. Тутъ вытекла слеза изъ глазъ Сунуны и упала на сафьянъ, разостланный подъ деревомъ. Царь обрадовался и приказалъ палачу приготовиться. Но когда слѣзъ Сунуна и осмотрѣли упавшую каплю, то нашли, что она не напитокъ, а слеза. Тогда царь сказалъ: „Хорошо; сегодня переночуйте въ этой деревянной комнатѣ, а завтра я отпущу васъ съ дочерью.“ Сунуна съ товарищами отправился ночевать въ указанную комнату.

Проснулись они въ полночь и увидѣли, что вся комната въ огнѣ; хотѣли выбѣжать, но двери были заперты. Тогда водолей вылилъ взятую про запасъ воду и погасилъ пожаръ. На другой день царь приказалъ было очистить комнату отъ пепла, но ему доложили, что гости живы и сидятъ невредимы. Царь разсердился и наказалъ донесшихъ. Затѣмъ отправилъ своего визиря посмотрѣть, но и онъ нашелъ, что гости сидятъ и играютъ на балалайкѣ. Царю ничего больше не оставалось, какъ отдать дочь Сунунѣ. Навьючилъ онъ на 40 катеровъ ея имущество и отпустилъ.

Ѣхали они, ѣхали, такъ быстро ѣхали, что даже летѣвшая птица не догоняла ихъ; много они ѣхали, высокія горы переѣхали, узкія ущелья проѣхали, и на дорогѣ повстрѣчали много конскихъ табуновъ, много баранты и скотины. „Чьи это стада и табуны?“ спрашивалъ Сунуна.—Это змѣя-великана, отвѣчали пастухи.

Теперь я вамъ разскажу про царевну. Какъ узнала она, что ее везутъ для змѣя-великана, сильно опечалилась и стала упрашивать Сунуну, чтобы онъ избавилъ ее отъ чудовища и взялъ-бы ее за себя. Къ тому-жъ и Сунуна влюбился въ нее и самъ сталъ много думать о томъ, какъ-бы убить змѣя-великана. Вотъ, когда они ночевали у одного пастуха, Сунуна разсказалъ ему объ этомъ. Пастухъ сказалъ: „когда ты пріѣдешь къ змѣю-великану и онъ спроситъ тебя, какой награды ты хочешь отъ него за услугу, то проси саблю въ войлочныхъ ножнахъ; онъ будетъ предлагать тебѣ много богатствъ, но ты ни на что не прельщайся, кромѣ сабли: этимъ только оружіемъ можно убить змѣя, а всякое другое его не беретъ. Сунуна обрадовался и поѣхалъ дальше. Ѣхалъ онъ, ѣхалъ и наконецъ пріѣхалъ къ змѣю-великану. Змѣй принялъ гостей радостно, кормилъ сахаромъ, поилъ медомъ и наконецъ спросилъ Сунуну, чего онъ хочетъ себѣ въ награду. Змѣй предлагалъ ему лошадей, скотъ, барановъ, золото, серебро: но Сунуна ничего не хотѣлъ, кромѣ сабли. „Да онѣмѣетъ тотъ, кто научилъ тебя!“ сказалъ змѣй и отдалъ саблю Сунунѣ. Сунуна, какъ будто для осмотра, вынулъ ее изъ ноженъ и, невзначай, ударилъ ею змѣя. Змѣй распался на двѣ половины: одна половина обратилась въ собаку, а другая въ свинью, и обѣ погнались другъ за другомъ. Сунуна надѣлилъ товарищей всѣми богатствами змѣя-великана, а самъ взялъ съ собою что могъ и отправился съ царевною домой. Чуть онъ пріѣхалъ, всѣ обрадовались, сняли съ себя трауръ, надѣли красныя шелковыя платья и сорокъ дней, сорокъ ночей справляли свадьбу. Устроили пиръ великій, пѣли пѣсни, бубенъ гремѣлъ, зурна свистала, барабаны били, также не забыли и дудокъ. Сунуна женился на царевнѣ и на прежней своей невѣстѣ. Онѣ сыновей рожали, похожихъ на отца, а дочерей — похожихъ на мать. Такими я ихъ оставилъ и вотъ пришелъ къ вамъ.

Человѣкъ и змѣя.

Однажды шелъ по степи человѣкъ и увидѣлъ, что въ ямѣ, гдѣ проѣзжіе купцы развели огонь, лежитъ змѣя. Человѣкъ взялъ палку и выбросилъ змѣю изъ огня, но она упала на шею своему спасителю и начала душить его. „Я тебя спасъ отъ смерти, сдѣлалъ тебѣ добро, за что же ты хочешь меня удушить? сказалъ человѣкъ.—„За то, отвѣчала змѣя, что слѣдуетъ платить зломъ за добро, и если ты мнѣ не вѣришь, такъ пойдемъ спросимъ быка, который вонъ тамъ пасется.“ Пошли они къ быку, а быкъ этотъ былъ изнуренъ долголѣтнею работою и теперь, какъ негодный, брошенъ на степи. „Чѣмъ слѣдуетъ платить за добро человѣка?“ спросили они быка.— „Вотъ я вамъ примѣръ, сказалъ быкъ: когда я былъ въ силахъ и въ тѣлѣ, человѣкъ заставлялъ меня работать на себя; я пахалъ ему пашню, а вымолачивалъ ему на гумнѣ хлѣбъ: теперь-же, когда я заболѣлъ, исхудалъ и сдѣлался неспособнымъ къ работѣ, человѣкъ бросилъ меня на степи безъ всякаго призора и живу я подъ страхомъ, что вотъ-вотъ растерзаютъ меня звѣри; слѣдовательно, судя по людскимъ поступкамъ, за добро слѣдуетъ платить зломъ,“ закончилъ быкъ.—Слышишь? спросила змѣя.—Слышу, печально сказалъ человѣкъ. „Пойдемъ еще, спросимъ у лошади: она вонъ тамъ лежитъ.“ Пошли они къ лошади и нашли ее запаленною, худою, слѣпою, хромою и израненною.—Чѣмъ слѣдуетъ платитъ за добро? спросили они.—„Вотъ я вамъ примѣръ, сказала лошадь: когда я была жирною и сильною, я усердно работала на человѣка, возила его на своей спинѣ, возила ему хлѣбъ и все, что ему нужно было; а вотъ, когда я сдѣлалась неспособною къ работѣ, хозяинъ бросилъ меня безъ всякаго присмотра на съѣденіе звѣрямъ; слѣдовательно, за добро люди платятъ зломъ,“ сказала лошадь.—Слышишь? спросила змѣя.— Слышу, сказалъ человѣкъ.—„Таковы-то вы, люди, продолжала змѣя,— таковы-то вы къ быку и къ лошади, которыми дорожите и которыхъ и въ холодъ и въ жаръ вы стараетесь и беречь и кормить, пока не потеряете надежды на ихъ жизнь: вотъ слышалъ, какое рѣшеніе они произнесли тебѣ. Что-же должна сказать змѣя, которую, чуть вы ее увидѣли гдѣ-нибудь, тотчасъ бѣжите убивать? Но такъ и быть: я отпущу тебя, только подъ условіемъ: ты дашь мнѣ клятву, что впредь не будешь убивать змѣй.“ Человѣкъ поклялся, и змѣя спрыгнула съ шеи его.—Теперь иди за мной! сказала змѣя. Человѣкъ по-

шелъ. Подлѣ одного камня змѣя остановилась и сказала: „стой здѣсь!“, а сама полѣзла въ нору, подъ камень.

Человѣкъ стоялъ и боязливо размышлялъ: „чего добраго! она, быть можетъ, отправилась пригласить побольше змѣй, чтобы окончательно задушить меня,“ какъ вдругъ видитъ, что змѣя выползла изъ норы и держитъ во-рту золотую монету. Отдавъ ее человѣку, змѣя сказала: „каждый день приходи сюда и каждый день зови меня: ты будешь получать всегда по золотой монетѣ, но только помни: никому не говори про это, иначе для тебя все погибло.“ Человѣкъ поблагодарилъ и ушелъ домой.

Каждый день ходилъ бѣднякъ къ знакомому камню и каждый разъ получалъ отъ змѣи по одной золотой монетѣ, и когда такимъ образомъ накопилось у него порядочное количество золотыхъ, онъ задумалъ ѣхать торговать, а на своемъ мѣстѣ пожелалъ оставить сына, съ тѣмъ, однако, чтобы онъ получалъ отъ змѣи золотыя. Для этого бѣднякъ привелъ своего сына къ змѣѣ и сказалъ ей: „это мой сынъ, я ѣду по торговымъ дѣламъ въ чужой городъ и вотъ привелъ его къ тебѣ, чтобы ты, во время моего отсутствія, отдавала ему золотыя.“—Можетъ-ли онъ сохранить тайну и оцѣнить добро? спросила змѣя. Человѣкъ поклялся, и строго запретилъ сыну кому бы то ни было открывать тайну.

Прошло нѣсколько дней, и сынъ бѣдняка получалъ отъ змѣи исправно по одному золотому каждый день. Но вотъ однажды сынъ призадумался: „здѣсь, должно быть, зарытъ кладъ, сообразилъ онъ: что мнѣ ежедневно ходить сюда? Не лучше-ли убить змѣю и выкопать казну сразу?“ Рѣшивъ такимъ образомъ, онъ, когда змѣя выползла изъ норы съ золотомъ во-рту, ударилъ ее, но ударъ пришелся по хвосту и отбилъ его; тогда змѣя обернулась на мальчика—и онъ палъ мертвымъ. Такимъ его нашли подлѣ камня и никто не зналъ и не догадывался, въ чемъ тутъ было дѣло. Черезъ нѣсколько времени отецъ возвратился изъ путешествія: вышли къ нему на встрѣчу родственники, но между ними не было сына. „Гдѣ-жъ сынъ?“ спросилъ отецъ.—Онъ остался дома, сказали ему. Отецъ пришелъ домой и тутъ только узналъ, что сынъ его умеръ. Онъ поспѣшилъ къ своей знакомой змѣѣ и кликнулъ ее: змѣя выползла, но уже безъ золота. Тутъ разсказала она, какъ было дѣло.—„Ну, что-жъ теперь? прошлаго не воротишь! сказалъ отецъ, а все-таки я буду приходить къ тебѣ и ты по прежнему выноси мнѣ золото.“—Нѣтъ, теперь все

кончено, сказала змѣя: ты мнѣ больше не другъ, ибо змѣя не забываетъ отрѣзаннаго хвоста, а отецъ не забываетъ убитаго сына.

Опечаленный, человѣкъ возвратился домой и сказалъ самъ себѣ: ,,кто льстится на большее, тотъ теряетъ и малое.''

Дуракъ-мужъ.

Жили-были мужъ да жена. Богатства у нихъ только и было, что быкъ. Мужъ все пристаетъ: ,,пойду я продамъ быка,'' а жена ему въ отвѣтъ: ,,не продавай быка: онъ намъ нуженъ, безъ него намъ будетъ жизнь не въ жизнь.'' Вотъ однажды мужъ повлъ быка, а въ озерѣ квакаетъ лягушка. ,,Ахъ, ты, проклятая!'' говоритъ мужъ.—Продай быка, продай быка! квакаетъ лягушка.—,,Продамъ, коли дашь 16 монетъ.'' А лягушка все квакаетъ. Разсердился мужъ, да и бросилъ въ нее камнемъ. Камень съ шумомъ пошелъ ко-дну, лягушка скрылась, а мужу слышится, что кто-то говоритъ: ,,иди, возьми деньги!'' Вотъ онъ раздѣлся и пошелъ по озеру къ тому самому мѣсту, гдѣ видѣлъ лягушку. И что-жъ? въ самомъ дѣлѣ, стоитъ тамъ чашка съ серебромъ. Взялъ онъ оттуда 16 монетъ, оставилъ быка на берегу лягушкѣ, а самъ пошелъ домой. Быкъ, между тѣмъ, по ближайшей дорогѣ, прибѣжалъ домой прежде своего хозяина и жена успѣла загнать его въ хлѣвъ; какъ вотъ приходитъ мужъ и говоритъ женѣ: продалъ быка лягушкѣ за 16 рублей: вотъ и деньги. Жена было накинулась съ ругнею на мужа, а какъ увидала деньги, тотчасъ пристала: это откуда? гдѣ взялъ?—,,У лягушки взялъ; у ней цѣлая чашка съ деньгами: хочешь, и тебѣ покажу?'' говоритъ мужъ.

Вотъ ночью мужъ съ женою пошли на озеро; дѣйствительно: стоитъ тамъ чашка съ серебромъ. Жена, тайкомъ отъ мужа, захватила ее и закопала у себя въ домѣ. Потомъ приготовила она хорошій ужинъ, накормила мужа-дурака, напоила его крѣпкою бузою и уложила пьянаго спать. Затѣмъ сварила сладкую халву, разложила ее кусками на крышѣ дома и будитъ мужа: ,,вставай, мужъ: изъ халвы дождь пошелъ, пойдемъ сбирать.'' — Изъ халвы дождь пошелъ? пойдемъ, пойдемъ, жена! пойдемъ скорѣе, соберемъ ее!—и оба отправились на крышу и стали собирать ее. На утро пошелъ мужъ на площадь и давай хвастаться: нашелъ-де у лягушки чашку съ серебромъ. Люди слушали, слушали да и думаютъ: ,,а, можетъ, и въ

правду онъ нашелъ деньги." Слухъ объ этихъ деньгахъ дошелъ и до хана. Вотъ посылаетъ онъ нукеровъ въ домъ дурака-мужа, чтобы отобрать ихъ. „Да мужъ мой вретъ, говоритъ жена: онъ, дуракъ, обманулъ васъ, никакихъ денегъ не было."—Ты сама врешь, говоритъ мужъ. А помнишь, въ ту ночь еще халвовый дождь пошелъ?—Нукера, услышавъ это, посмѣялись, да и говорятъ: въ самомъ дѣлѣ, онъ дуракъ; пошли и доложили хану: это дуракъ болталъ, что нашелъ деньги.

Оселъ и быкъ.

Оселъ и быкъ шли по узкой дорогѣ, пролегавшей по окраинѣ скалы; быкъ шелъ впереди, а оселъ назади. Достигнувъ самаго дурнаго мѣста дороги, оселъ вступилъ въ споръ съ быкомъ, говоря: я пойду впереди. Быкъ сказалъ ему: почему тебѣ идти впереди,—я и больше тебя и лучше тебя, а ты нечистый рабъ, котораго держатъ для того, чтобы мнѣ таскать кормъ; я и хозяину любезенъ и мясомъ чистъ и живой весьма - полезенъ и, когда убитъ, приношу пользу: во мнѣ все хорошо. Потомъ сказалъ оселъ: я съ тобой не соперничаю ни добротой, ни ростомъ, но, такъ-какъ я тебѣ хотя малую, да принесъ пользу, и былъ твоимъ товарищемъ, то выслушай меня. Если здѣсь одинъ изъ насъ полетитъ внизъ, то, — если это будешь ты,—на меня навалятъ твое мясо и шкуру, — если-же я,—то тебѣ до этого нѣтъ дѣла; потому-то я и хочу идти впереди; ужъ если упасть, то пусть самъ собою упаду.

Быкъ согласился; оселъ пошелъ впереди, быкъ назади, — оба прошли благополучно.

Левъ и кабанъ.

Однажды съ кабаномъ въ лѣсу встрѣтился левъ. Кабанъ сказалъ льву: ты весьма гордъ, думая, что сильнѣе тебя нѣтъ никого на свѣтѣ, приди теперь и вступи со мною въ бой, чтобы показать, кто изъ насъ сильнѣе. Левъ отвѣтилъ ему: о безумный! если я съ тобою вступлю въ бой, то, быть можетъ, ты меня и одолѣешь и тогда на меня падетъ стыдъ; если же я тебя одолѣю, то чистые кости мои запачкаются твоею нечистою кровью; притомъ, если съ тобою вступлю я въ бой, то другіе станутъ упрекать меня, говоря,

что левъ вступилъ въ бой съ кабаномъ. Ступай прочь, здѣсь мнѣ все равно, что передъ тобою уступилъ я на словахъ. Левъ пошелъ своей дорогой.

Шакалка.

Однажды лисица подружилась съ шакалкою. Обѣ подруги отправились въ путь искать счастья. На дорогѣ онѣ проголодались, и вдругъ нашли дохлую курицу. Лисица задумала, какъ-бы съѣсть курицу одной. ,,Давай, другъ мой, шакалка—говоритъ она — отдадимъ эту курицу тому изъ насъ, кто старше лѣтами; а то, если мы обѣ раздѣлимъ ее пополамъ, то ни тебѣ не будетъ поживы, ни мнѣ.'' —,,Хорошо, отвѣчала шакалка, а скажи, сколько тебѣ лѣтъ?'' Обрадовавшись согласію подруги, лисица сказала; ,,Я участвовала въ походахъ Ноя, и мнѣ было тогда не менѣе 15 лѣтъ.'' Въ это время шакалка зарыдала и произнесла печально: ,,Ахъ, зачѣмъ ты напомнила мнѣ забытое горе!''—Что съ тобой? спросила лисица.—,,Какъ что? Вѣдь въ тѣхъ походахъ, въ которыхъ ты участвовала, убили моего юнаго единственнаго сына.''—,,Ну, такъ ты старше меня.... кушай курицу!'' сказала лисица съ досадою. Шакалка съѣла курицу, и подруги отправились дальше. Шли онѣ вмѣстѣ, шли, ничего съѣдобнаго не встрѣчая по дорогѣ, какъ вотъ въ одномъ мѣстѣ нашли баранью голову. Лисица, голодная до изнеможенія, начала опять придумывать, какъ бы ей одной съѣсть голову. ,,Послушай, другъ мой, сказала она шакалкѣ: намъ и эту голову нечего раздѣлять пополамъ; давай ляжемъ спать, и кому лучшій сонъ привидится, тотъ пусть и голову съѣстъ!''—Хорошо, сказала шакалка, и тотчасъ легла и захрапѣла, точно и въ самомъ дѣлѣ сонная, а когда лисица также легла и дѣйствительно заснула, она встала, съѣла голову и опять улеглась. Проснувшись въ одно время, пустились онѣ въ распросы. ,,Ты что, сестрица, видѣла во снѣ?'' спросила шакалка.—,,О, какой прекрасный сонъ! сказала лисица. Мнѣ снилось, будто у царя во дворцѣ свадьба, и на царской кухнѣ разныя вкусныя кушанья готовятъ. Я тоже пошла на кухню; никто не прогонялъ меня и я кушала тамъ такія вкусныя мяса, сыры, пловъ, о какихъ я никогда не мечтала. А ты что видѣла, сестрица?'' спросила она у шакалки.—,,Мнѣ снилось, что ты дѣйствительно отправилась на царскую свадьбу, и думая, что ты тамъ покушаешь досыта, я встала и съѣла баранью голову.'' Лисицѣ ничего больше не оставалось, какъ разстаться съ подругой; голодная, пошла она съ досадою особой дорогой.

Лисица и змѣя.

Какъ-то разъ лисица подружилась съ змѣею. Идучи вмѣстѣ, пришли онѣ къ рѣкѣ. „Я не умѣю плавать, сказала змѣя: возьми меня на свою спину и не оставляй здѣсь вѣрнаго своего друга.“—„Хорошо!“ сказала лисица, и змѣя обвилась вокругъ ея шеи. Какъ только онѣ доплыли до середины рѣки, змѣя начала душить своего товарища.„Что ты дѣлаешь?“ спросила лисица.—„Хочу тебя удушить,“ отвѣчала змѣя. Послѣ долгихъ напрасныхъ увѣщаній, лисица убѣдилась въ измѣнѣ своего спутника и вздумала спастись хитростью. „Мы были хорошими друзьями и теперь разстаемся на вѣки; позволь же мнѣ хотя взглянуть въ послѣдній разъ въ твое лицо,“ сказала она. Когда змѣя вытянула голову впередъ, чтобы посмотрѣть на свою жертву, лисица въ этотъ мигъ схватила ее за голову и сгрызла ее зубами, а когда переплыла на другой берегъ, выпрямила туловище змѣи на дорогѣ и сказала: „вѣрный другъ долженъ быть вотъ такимъ—прямымъ.“

Оселъ и муравей.

Однажды муравей возвращался съ плоскости съ вьюкомъ соли. Повстрѣчался съ нимъ оселъ, и говоритъ: „Откуда, муравей?“—Съ плоскости.—„Что тамъ трава зеленая есть?“—„О, оселъ, еще какая трава, просто выше колѣна! Повѣришь-ли, я черезъ силу могъ идти.“ Оселъ вскрикнулъ отъ радости и побѣжалъ на плоскость, но не отыскалъ тамъ травы и издохъ съ голоду.

Волкъ и лисица.

Лисица крала куръ изъ аула. Жители догадались въ чемъ дѣло, подкараули ее и, поймавши, поколотили хорошенько. Высвободившись кое-какъ, шла она съ опухшимъ лицомъ и повстрѣчала волка. „Откуда, сестрица?“ спросилъ онъ.—„Была на свадьбѣ, и до того наѣлась, что на силу иду.“—„Гдѣ-жъ свадьба? и я пойду,“ сказалъ волкъ.—„Вонъ тамъ!“ и она указала на то самое мѣсто, гдѣ ее прибили. Волкъ отправился туда, и караулъ угостилъ его на славу палками. Волкъ однако кое-какъ успѣлъ убѣжать и сталъ придумывать, какъ-бы отомстить лисицѣ.

Разъ онъ подсмотрѣлъ лису и сталъ наблюдать, куда она

пойдетъ. Лисица тоже замѣтила волка и потихоньку отправилась въ кузницу, стоявшую вблизи аула. Волкъ за ней вслѣдъ, и видитъ, что лисица сидитъ подлѣ наковальни съ молоткомъ въ лапахъ. „Постой-же, проклятая, я раздѣлаюсь съ тобой,“ закричалъ онъ. Лиса посмотрѣла на него и сказала: „что ты говоришь, братъ? я вѣдь лисица-кузнецъ, а та, что тебя обманула, совсѣмъ другая.“—„Такъ возьми меня въ ученики; я не могу теперь охотиться и буду жить съ тобою,“ сказалъ волкъ. „Хорошо, сказала лисица, садись тутъ, а я пойду достану работу.“ Лисица заперла дверь и убѣжала. Пришелъ кузнецъ, увидѣлъ волка, и взявши большую палку, хорошенько поколотилъ его. Волкъ выбѣжалъ изъ кузни весь избитый, и думалъ: „попадись-же теперь, окаянная, я знаю, что съ тобою сдѣлать.“ И вотъ, дѣйствительно, встрѣтился онъ опять съ лисицею. Зная, что месть ждетъ ее неизбѣжно, лиса завернула на мельницу. Волкъ за ней туда же, и говоритъ: „постой, обманщица, посмотрю я, куда ты уйдешь теперь отъ меня!“ Лисица взглянула на него и, какъ будто удивленная, сказала: „я уже пять лѣтъ мельникомъ, а обманщица—лисица совсѣмъ другая.“—„Такъ покорми меня, сестрица, я съ голоду умираю, по милости окаянной обманщицы,“ сказалъ волкъ. —„Садись сюда, а я сейчасъ пойду за водою и сдѣлаю тебѣ толокно,“ сказала лисица и указала на жерновъ. Волкъ сѣлъ на указанномъ мѣстѣ, а лиса пошла къ канавѣ и выпустила воду въ жолобъ. Жерновъ завертѣлся и раздробилъ волку черепъ. Лиса поплакала, поплясала вокругъ трупа, а потомъ пошла своей дорогой. И я тоже пришелъ къ вамъ своей дорогой.

Лисица и волкъ.

Однажды левъ заболѣлъ, и всѣ звѣри навѣстили его, кромѣ жившей по сосѣдству лисицы.

Волкъ, прислуживавшій у льва, говоритъ ему: „вотъ всѣ звѣри пришли посѣтить тебя, а эта негодная лисица до-сихъ-поръ не явилась“. Левъ страшно разсердился и далъ слово, что при первой явкѣ лисицы, она будетъ растерзана. Лиса, провѣдавъ объ этомъ, отправилась ко льву. „Какъ ты осмѣлилась до-сихъ-поръ не явиться и не посѣтить меня“? закричалъ левъ.—Я искала для тебя лекарства и какъ только нашла его, тотчасъ-же пришла тебѣ сказать о немъ, отвѣчала лисица.—„Какое-жъ лекарство ты нашла?“ спросилъ обра-

дованный левъ.—Самое вѣрное лекарство—это волчья нога, отвѣчала лисица. Левъ тотчасъ-же схватилъ за ногу волка, который стоялъ тутъ, и отгрызъ ее. Затѣмъ лисица увидала какъ-то волка, который шелъ мимо съ окровавленными ногами, и сказала ему: ,,кто говоритъ то, что ему не слѣдуетъ говорить, тотъ, обыкновенно, надѣваетъ вотъ такіе красные чевяки.''

Котъ и мышь.

Однажды котъ погнался за мышью, но не могъ ее поймать. Тогда онъ захотѣлъ обмануть мышь и сказалъ: ,,ты такая расторопная и быстрая на ходу; выходи же изъ норки и сбѣгай вотъ къ той норѣ; я тебѣ за это дамъ цѣлую сабу пшеницы.''—,,Нѣтъ, котъ, сказала мышь: работа очень мала, а плата черезъ-чуръ велика: это не можетъ быть безъ особенной цѣли.''

Курочка и лисица.

Однажды сорока свила себѣ гнѣздо на высокомъ деревѣ и вывела въ немъ дѣтенышей. Голодная лисица пронюхала объ этомъ, подбѣжала къ дереву и закричала: ,,эта пашня моя, и покосъ этотъ мой, и дерево мое. Кто такой на деревѣ?''—Я, отвѣчала сорока. ,,Бросишь-ли ты мнѣ свое дитя, или же мнѣ срубить дерево?'' спросила лисица.—Нѣтъ, нѣтъ, не руби дерева, возьми лучше дитя, сказала сорока и бросила ей одного изъ своихъ дѣтенышей. Лисица съѣла его, и пошла своей дорогой. На другой день лиса опять явилась и сказала: ,,Эта пашня моя, и покосъ этотъ мой и дерево на покосѣ мое. Кто же это на деревѣ?''—Я, я, отвѣтила ей сорока. —,,Что, дитя бросишь, или же мнѣ рубить дерево?''—Нѣтъ, нѣтъ! возьми себѣ еще дитя, да только не руби дерева, отвѣчала сорока. Съѣвши второе дитя, лисица пошла дальше. Межъ тѣмъ пролетала мимо курочка и спросила сороку: ,,что ты, сосѣдка, такъ печальна?'' Сорока разсказала ей про свое горе. ,,Ну, если лисица прійдетъ еще, такъ скажи, чтобы она дерево рубила, а дитяти не бросай!'' сказала курочка. На третій день лисица опять явилась и повторила свой обычный вопросъ. ,,Руби дерево, а дитяти теперь не дамъ,'' сказала сорока.—,,Кто это тебя на умъ навелъ?'' спросила лисица.—А вотъ та курочка, отвѣтила сорока. Раздосадованная лисица подошла къ сидѣвшей на камнѣ курочкѣ и сказала: ,,Ты такъ прекрасно

поешь, красавица, а умѣешь-ли ты пѣть, зажмуривъ глазки?" Курочка, прельстившись похвалою, закрыла глаза и начала пѣть, а лисица въ это время подкралась и поймала ее: „не учи другихъ уму, сама останешься въ дуракахъ," сказала лиса.—„Сестрица, неужели ты съѣшь меня, не поблагодаривъ аллаха за то, что я, такая прекрасная, попалась тебѣ въ зубы?" проговорила курочка. Лисица, забывшись отъ восторга, открыла ротъ и хотѣла было сказать: „благодарю тебя, аллахъ",—какъ вдругъ курочка вспорхнула, полетѣла и, сѣвши на камнѣ, запѣла: „Да будетъ проклятъ тотъ, кто зажмуритъ глаза, когда не спитъ!" Въ свою очередь отвѣчала лисица: „да будетъ проклятъ тотъ, кто поблагодаритъ аллаха, прежде чѣмъ не наѣстся!"

Сорока.

Одинъ разъ сорока давала своимъ дѣтямъ слѣдующее наставленіе: „Когда человѣкъ нагнется къ землѣ, то значитъ, онъ хочетъ достать что-нибудь и ударить васъ; вы должны тогда сейчасъ-же убѣгать."—„А если убѣжать, какъ только покажется человѣкъ?" спросила одна изъ маленькихъ.—„Тогда еще лучше, умница ты моя", сказала мать и, желая приласкать свое дитя, клюнула его носикомъ, такъ что разбила черепъ и умертвила свою умницу.

Однажды орѣховая скорлупа, комъ толокна и муха подружились и шли вмѣстѣ. На дорогѣ они встрѣтили ручеекъ. „Прежде я переправлюсь," сказала орѣховая скорлупа. Но какъ только бросилась она въ ручеекъ, вода подхватила ее и понесла внизъ. На помощь къ ней подоспѣлъ комъ толокна—и тотчасъ растворился. Муха же перелетѣла на другую сторону ручейка и, сѣвши на камнѣ, хохотала, хохотала надъ своими товарищами до того, наконецъ, что у ней лопнуло брюшко отъ смѣха и она издохла.

АНЕКДОТЫ.

I.

Однажды мулла Насръ-Эддинъ попросилъ у своего сосѣда на время большаго котла. Сосѣдъ далъ ему. Черезъ недѣлю мулла принесъ хозяину большой котелъ, а вмѣстѣ съ нимъ и другой, маленькій. ,,А это что такое?" — ,,Это твой котелъ родилъ!" Хозяинъ принялъ оба котла.

Спустя нѣсколько, мулла Насръ-Эддинъ опять пошелъ къ сосѣду просить котла; сосѣдъ далъ ему его съ удовольствіемъ. Проходитъ недѣля, мѣсяцъ, два, три—котла нѣтъ. Хозяинъ идетъ къ муллѣ и проситъ назадъ свой котелъ. ,,Котелъ умеръ!" сказалъ мулла.—,,Какъ! развѣ котелъ умираетъ?" воскликнулъ хозяинъ.—,,А какъ ты думаешь? Когда онъ могъ родить, то стало могъ и умереть. Къ тому же онъ умеръ отъ родовъ," прибавилъ мулла Насръ-Эддинъ. Хозяинъ, не желая посрамиться передъ народомъ, прекратилъ дѣло о котлѣ, и ушелъ.

II.

У одного цудахарца околѣлъ оселъ. Цудахарецъ пріунылъ и чуть не плакалъ. Прохожій говоритъ ему: ,,не печалься: аллахъ дастъ тебѣ лучшаго осла!"—,,Нѣтъ, братъ, сказалъ цудахарецъ, я лучше тебя знаю своего аллаха: онъ меньше чѣмъ за 12 рублей не дастъ хорошаго осла!"

III.

Приходитъ горецъ къ своему сосѣду—старику и проситъ у него осла на время. ,,Осла дома нѣтъ!" сказалъ старикъ. Тутъ, на бѣду, изъ конюшни послышалось: е-у, е-у! — ,,Да вотъ онъ тамъ, въ конюшнѣ," сказалъ проситель.—,,Экой ты дуракъ, невѣжа! крикнулъ старикъ: ослу вѣришь, а мнѣ—съ сѣдою бородою не вѣришь!"

IV.

Кюринецъ, учившійся въ Казикумухѣ, сказалъ одному тамошнему жителю: ,,какой трудный вашъ языкъ: я бы, кажется, никог-

да не могъ ему научиться!"—,,Не правда, у насъ его знаютъ даже самыя маленькія дѣти," отвѣтилъ казикумухецъ.

V.

Какой-то цудахарецъ *) слышалъ отъ муллы, что каждый долженъ поститься только тогда, когда увидитъ луну. Цудахарецъ рѣшился не смотрѣть на небо, пока пройдетъ рамазанъ. Но однажды, когда онъ нагнулся къ ручью напиться, увидѣлъ тамъ отраженіе луны и сказалъ: ,,Ну, не мечись въ глаза!—завтра же начну поститься."

VI.

Однажды какой-то горецъ отправился въ Закатальскій округъ. Завернувъ подъ вечеръ къ своему кунаку, онъ замѣтилъ, что тотъ спряталъ, при его приходѣ, котелъ съ пловомъ и вареннымъ гусемъ, а его между тѣмъ сталъ угощать только хлѣбомъ и сыромъ. Когда настала ночь и всѣ легли спать, горецъ на четвереинькахъ подобрался къ котлу и пересыпалъ пловъ съ гусемъ въ свою котомку. Утромъ, когда кунаки завтракали, разговоръ зашелъ объ ихъ лѣтахъ и горецъ-гость спросилъ между прочимъ хозяина: ,,помнишь-ли ты, какъ царь-гусь съ своими бѣлыми войсками двинулся изъ города Казана (котелъ, по-татарски) въ городъ Дагарь (котомка)?"—,,Нѣтъ, не помню. Это, вѣроятно, было очень давно," замѣтилъ хозяинъ.,,—А я помню, что я тогда ходилъ на четвереинькахъ," сказалъ гость.—,,О, въ такомъ случаѣ ты старше меня!" отвѣчалъ хозяинъ. Горецъ затѣмъ пошелъ съ котомкою своей дорогой.

VII.

Двое шли вмѣстѣ и разговаривали. Одинъ говорилъ: ,,у моего отца была такая морковь, что мы на нее хлѣбъ сносили, вымолотили его на ней, и потомъ, наконецъ, выкопали ее изъ земли." Тогда другой прервалъ: ,,а у моего отца котелъ былъ; заказалъ онъ его 40 мастерамъ и эти 40 мастеровъ сидѣли въ самомъ котлѣ и работали его цѣлый годъ."—,,На что же такой большой котелъ"? спросилъ товарищъ.—,,Вѣроятно для того, чтобы сварить морковь твоего отца," отвѣчалъ другой.

---

*) Цудахаръ—общество Даргинскаго округа, сосѣднее съ Казикумухскимъ округомъ.

VIII.

Однажды мулла Насръ-Эддинъ несъ хану въ подарокъ жаренаго гуся; но на дорогѣ соблазнился и съѣлъ отъ него ногу. ,,Гдѣ-же еще нога?" спросилъ ханъ.—,,У нашихъ гусей только по одной ногѣ," отвѣчалъ мулла.—,,Какъ такъ?" возразилъ ханъ.—,,Если не вѣришь, такъ вотъ посмотри!" сказалъ мулла, указывая на гусей, только что вышедшихъ изъ воды и стоявшихъ каждый на одной ногѣ. Ханъ бросилъ палку—и гуси побѣжали. ,,А вотъ у нихъ по двѣ ноги," сказалъ ханъ.—,,Не мудрено, отвѣчалъ мулла: еслибъ такою палкою пустить въ тебя, такъ у тебя стало-бъ четыре ноги." Ханъ подарилъ ему дорогой халатъ и отпустилъ домой.

IX.

Однажды мулла Насръ-Эддинъ, идя, дошелъ до берега рѣчки. Отступивъ и, потомъ, прыгнувъ, мулла Насръ-Эддинъ упалъ въ самую середину рѣчки. Тотчасъ воскликнулъ онъ: увы! прошла моя молодость! Потомъ, сказываютъ, осмотрѣвшись вокругъ и не видя никого, добавилъ: по правдѣ сказать, и въ молодости я былъ такой же, какъ теперь.

X.

Хутскій *) слѣпой шелъ разъ ночью отъ воды, держа въ рукѣ кувшинъ со свѣчей. Нѣкто, встрѣтясь съ нимъ, сказалъ: слѣпой, тебѣ все равно, что день, что ночь; какая же тебѣ польза отъ свѣчи? Слѣпой отвѣтилъ: я держу свѣчу не для того, чтобы самому себѣ свѣтить; но для того, чтобы такой, какъ ты, безумецъ, встрѣтившись со мною, не разбилъ моего кувшина.

XI.

Въ домъ бѣдняка забрелъ ночью воръ, и въ темнотѣ наткнулся на вбитый въ стѣну колышекъ и выкололъ себѣ глазъ. На другой день воръ обратился съ жалобой къ хану, зачѣмъ-де хозяинъ дома вбилъ въ стѣну колышекъ, на который онъ выкололъ глазъ. Ханъ потребовалъ хозяина дома и спросилъ его: ,,зачѣмъ ты вбилъ колышекъ въ стѣнку—не за тѣмъ-ли, чтобъ воръ выкололъ себѣ глазъ?"— ,,Мнѣ нуженъ колышекъ для навѣшиванья одежды"—отвѣчалъ хозяинъ. На это ханъ замѣтилъ, что законъ повелѣваетъ ,,глазъ за глазъ,"

*) Аулъ Хутъ (на картахъ—Хитлю) въ Мугархскомъ наибствѣ Казикумухскаго округа.

а потому необходимо глазомъ же удовлетворить вора.—„Я портной, сказалъ бѣднякъ: мнѣ нужны оба глаза; а вотъ у меня есть сосѣдъ, стрѣльный мастеръ; онъ всегда смотритъ только однимъ глазомъ, когда дѣлаетъ направку стрѣлы, такъ что ему другой глазъ неособенно нуженъ. Будь такъ правосуденъ, прикажи выколоть глазъ у него, а мой пощади".—Хорошо, сказалъ ханъ, вытребовалъ стрѣльнаго мастера и объявилъ ему въ чемъ дѣло.—„Для меня необходимы оба глаза—отвѣтилъ стрѣльный мастеръ; потому что мнѣ нужно смотрѣть по обѣимъ сторонамъ стрѣлы—пряма-ли она или же нѣтъ. А вотъ у меня есть сосѣдъ музыкантъ: онъ, когда играетъ на зурнѣ, всегда закрываетъ оба глаза, такъ что ремесло его нисколько не потерпитъ, если онъ будетъ безъ глаза. Будь такъ правосуденъ, прикажи выколоть глазъ у него, а мой пощади." Ханъ согласился, вытребовалъ къ себѣ музыканта и приказалъ выколоть у него одинъ глазъ, при чемъ объявилъ, что другой глазъ оставляется ему въ знакъ особенной ханской милости.

ПОСЛОВИЦЫ *).

У кого семь дочерей—у того домъ валится; высится-же домъ у того, у кого семь сыновей.

Сытый голоднаго не разумѣетъ.

Кто любитъ хозяина, тотъ и собакѣ его кость броситъ.

Поле словами не засѣваютъ.

Непрошеное слово—нaваръ безъ соли.

Каждому своя родина—Багдадъ.

Слѣпой глазами—несчастенъ, но слѣпой сердцемъ—несчастнѣе.

Лучше попасть въ бровь, чѣмъ въ глазъ.

Кто безъ труда хлѣбъ пріобрѣтаетъ, тотъ ѣсть не умѣетъ.

Кому не любо чужое счастье, тотъ пусть и себя не любитъ.

Одинакова польза—что отъ свѣчки при солнцѣ, что отъ слова, сказаннаго тому, кто его не понимаетъ.

Мышь играетъ въ сараѣ—гдѣ нѣтъ кошки.

---

*) Въ дополненіе къ пословицамъ, помѣщеннымъ въ статьѣ г. П. У., стр. 18.

Ненавистный человѣкъ губами цалуетъ, а зубами кусаетъ.

Для мужчины довольно одного слова, а для хорошей лошади довольно одного удара плети.

Семь вкусовъ на одежду человѣка, но одинъ вкусъ на его станъ.

Медвѣдь, когда захочетъ съѣсть свое дитя,—обмокнетъ его въ грязь.

Двѣ жены у одного мужа—постоянная свадьба,

Хлѣбы выпекаетъ печь, а жену—мужъ.

Жена съ дурнымъ языкомъ—неизлечимая болѣзнь.

У кого лѣтомъ не будетъ кипѣть мозгъ, у того зимою не закипитъ котелъ.

Храбрость есть терпѣніе на одинъ часъ.

Прежде—товарищъ, потомъ—дорога.

Топоръ, строившій домъ, остается за дверями.

Не забываетъ змѣя того, кто отрѣзалъ у нея хвостъ: не забываетъ и отецъ того, кто убилъ у него сына.

Кто сердится безъ причины, тотъ мирится безъ прибытка.

Дѣтскія привычки и въ зрѣломъ возрастѣ не покидаются.

Кому неизвѣстна цѣнность малаго, тому неизвѣстна и цѣнность великаго.

Кто видѣлъ, тотъ знаетъ.

На что слѣпому красавица жена!

Увидишь воду—будь рыбою, увидишь скалу—будь козою.

Языкъ безъ костей.

Когда нападаетъ волкъ—оселъ закрываетъ глаза.

Товарищъ друга—другъ, товарищъ врага—врагъ.

Что сѣютъ, то и жнутъ.

ИЗЪ ПУТЕШЕСТВІЯ

ПО ДАГЕСТАНУ.

Н. И. Воронова.

I.

Нѣсколько предварительныхъ словъ. Маршрутъ. Дагестанскіе пути сообщенія.

Осенью прошлаго (1867) года я имѣлъ счастливый случай ознакомиться съ большею частію Дагестана, сопутствуя Начальнику Кавказскаго Горскаго Управленія, генералъ-маіору Д. С. Старосельскому, обозрѣвавшему этотъ край по служебнымъ обязанностямъ и посѣтившему такія мѣста Дагестана (преимущественно Средняго), въ которыя не легко проникнуть частному путешественнику. Я имѣлъ возможность прислушаться къ опросамъ и показаніямъ многихъ горскихъ джамаатовъ, составить понятіе объ общемъ складѣ жизни дагестанцевъ и собрать значительное количество данныхъ, касающихся экономической стороны этой жизни. О нѣкоторыхъ изъ уголковъ Средняго Дагестана почти ничего еще не было сказано въ нашей литературѣ; поэтому-то я и рѣшился предложить читателямъ нѣсколько отрывковъ изъ своихъ путевыхъ дагестанскихъ впечатлѣній, въ той надеждѣ, что мои замѣтки могутъ имѣть интересъ если не по своей полнотѣ и обработанности, то по крайней мѣрѣ по малоизвѣстности тѣхъ мѣстъ, которыхъ онѣ касаются. Но, предварительно, нелишнимъ считаю очертить въ немногихъ словахъ послѣдовательность всѣхъ переѣздовъ нашихъ по Дагестану и сказать нѣсколько словъ о дагестанскихъ путяхъ сообщенія, чтобы читатель могъ судить, какъ великъ и на сколько удобообозримъ весь тотъ кругъ дагестанской жизни, который представился моей наблюдательности.

Имѣя въ виду какъ можно внимательнѣе обозрѣть общества Верхняго Дагестана и принимая въ соображеніе позднее время го-

да, когда со дня на день можно было ожидать, что выпадутъ въ горахъ снѣга и затруднятъ сообщенія, Начальникъ Горскаго Управленія поспѣшилъ проникнуть въ Дагестанъ кратчайшимъ путемъ, чрезъ Тіонетскій округъ и Кварельскій участокъ Телавскаго уѣзда, въ деревню Енисели, откуда начинается подъемъ на Кодоръ, а потомъ спускъ въ глубокія ущелья Дидойскаго общества, Андійскаго округа. Сухая и ясная погода какъ нельзя больше благопріятствовала перевалу черезъ Кодоръ, и 2-го сентября мы прибыли въ первый дагестанскій аулъ—Хупро. Съ этого дня, объѣзжая всѣ ущелья, примыкающія къ главному хребту, я имѣлъ возможность осмотрѣть главныя мѣста поселеній и прислушаться къ опросамъ джамаатовъ почти всѣхъ верхне-дагестанскихъ обществъ, за исключеніемъ Джурмутскаго общества, куда не было возможности проникнуть, по случаю выпавшихъ 8 и 9-го сентября снѣговъ, завалившихъ вершины горъ и горные проходы, такъ что единственный, сколько-нибудь проѣзжій путь лежалъ намъ изъ Богноды на Тлейсерухъ, чрезъ два не высокихъ перевала, къ истокамъ Кара-Койсу. Затѣмъ, проѣхавъ Тлейсерухъ, мы повернули влѣво отъ Кара-Койсу и осмотрѣли рѣдко кѣмъ посѣщенныя части Средняго Дагестана — Карахъ, Гидатль и Тилитль, а на 17-е сентября прибыли въ Гунибъ. Отсюда мы снова поворотили къ главному хребту — въ округъ Казикумухскій и въ южныя части Даргинскаго округа, а потомъ, съ юга опять направились на сѣверъ, въ общество Койсубулинское, Аварскаго округа, въ аулъ Араканы. Отъ этого аула предстоялъ однодневный переѣздъ въ Темиръ-Ханъ-Шуру, чрезъ хребетъ Гаркасъ, уже покрывавшійся въ то время снѣгомъ, и съ пріѣздомъ нашимъ въ Шуру (на 1-е октября), погода, все время благопріятствовавшая переѣздамъ нашимъ по горнымъ мѣстностямъ, значительно измѣнилась: наступили дожди и холода; вершины горъ покрылись снѣгомъ, такъ что дальнѣйшее путешествіе по гористымъ участкамъ Дагестана могло представить если не опасность, то по крайней мѣрѣ большія затрудненія. Поэтому рѣшено было ограничиться осмотромъ еще Южнаго Дагестана, и преимущественно только тѣхъ его участковъ, которые лежатъ ближе къ плоскости, такъ чтобы, ознакомившись съ подгорными

частями Кайтаго-Табасаранскаго и Кюринскаго округовъ и проѣхавъ вдоль по округу Самурскому, перевалиться чрезъ гору Салаватъ и Шинское ущелье въ Закатальскій округъ. На эту вторую часть поѣздки по Дагестану употреблено также около мѣсяца.

При объѣздѣ Дагестана нѣтъ возможности придерживаться заранѣе составленнаго маршрута. Дагестанскіе пути сообщенія вообще таковы, что необходимо при переѣздахъ съ мѣста на мѣсто руководиться показаніями туземцевъ; что-же касается 3-хъ верстной карты Дагестана, то пути, на ней означенные, равно какъ и другія ея показанія, требуютъ большихъ исправленій. На всемъ пространствѣ отъ Кодорскаго перевала до подъема на Гунибъ, мы слѣдовали по тропинкамъ, годнымъ только для верховой ѣзды. Тропинки эти пролегаютъ преимущественно по ущельямъ, на большей или меньшей высотѣ надъ русломъ текущихъ по ущельямъ горныхъ рѣчекъ и потоковъ, рѣдко спускаясь къ ихъ ложу, загроможденному камнями; самыя трудныя мѣста на этихъ тропинкахъ представляютъ подъемы и спуски, при перевалахъ изъ одного ущелья въ другое, при чемъ тропинки обыкновенно пролагаются зигзагами, въ 20-ть и 30-ть поворотовъ. Крѣпкія и вообще выносливыя горскія лошади съ большимъ трудомъ всходятъ на такіе крутые подъемы, а при спускахъ большею частію требуютъ того, чтобъ всадникъ слѣзалъ. Особенно круты и продолжительны подъемы и спуски въ обществѣ Дидойскомъ, равно и въ Анцухо-Капучинскомъ, гдѣ ущелья отличаются особенною глубиною; но тутъ-же, благодаря мягкому грунту, покрывающему скаты горъ, проложеніе дорогъ несравненно легче, чѣмъ въ другихъ мѣстахъ Средняго Дагестана (какъ напр. въ Тлейсерухѣ), гдѣ необходимо для всякой тропы рубить или-же взрывать скалистые, не рѣдко отвѣсные бока ущелій.

О дагестанскихъ дорогахъ часто приходится слышать ужасы, запугивающіе воображеніе нервныхъ людей. Дѣйствительно, кое-гдѣ по здѣшнимъ путямъ сообщенія ѣдущему становится не въ мочь сидѣть на конѣ и приходится нѣсколько отводить глаза отъ обрыва, по которому проложена весьма узкая и осыпающаяся тропинка. Къ тому-же, о дагестанскихъ дорогахъ судятъ еще и теперь по тѣмъ ужаснымъ переходамъ, какіе прихо-

дилось дѣлать нашимъ войскамъ въ военное время, когда по неволѣ избѣгали передвиженій по ущельямъ, а больше держались открытыхъ мѣстъ, пробираясь по кручамъ и обрывамъ. Въ настоящее-же время ѣздятъ по ущельямъ, по которымъ ѣздили и въ то время сами горцы. При томъ-же замѣтно, что здѣшніе пути сообщенія, даже и въ трудно-разработываемыхъ подъ дороги ущельяхъ Верхняго Дагестана, годъ отъ году улучшаются. Въ этомъ отношеніи нельзя пройти молчаніемъ нѣкоторыхъ дорогъ Дидойскаго общества, въ особенности-же недавно проложенной вьючной тропы на высокое безлѣсное плоскогоріе Бешо, откуда ведетъ спускъ въ ущелье Иланхеви, прославленное подвигами генерала Вревскаго, въ 1857 и 1858 годахъ, гдѣ онъ и раненъ смертельно, при осадѣ аула Китури. Слѣды дорогъ, проложенныхъ во время походовъ этого генерала, до-сихъ-поръ сохранились въ Дидо и Капучѣ; но по нимъ не происходитъ передвиженій, такъ какъ проложеніе и направленіе ихъ не соотвѣтствуетъ чисто-горскимъ пріемамъ въ проложеніи и направленіи дорогъ. Разработанныя въ военное время и для военныхъ цѣлей, дороги Вревскаго держатся преимущественно открытыхъ мѣстъ и ведутъ изъ ущелья въ ущелье по вершинамъ горныхъ хребтовъ, тогда какъ чисто-горскіе пріемы проложенія дорогъ заключаются въ весьма искусномъ огибаніи боковыхъ выступовъ ущелья, по полугорѣ, и только въ крайности, при верховьяхъ ущелья, тропа ведется на верхъ перевала. Правда, протяженіе дорогъ при этомъ видимо удлиняется, на за то сохраняются силы лошади, и притомъ какъ животное, такъ и человѣкъ находятся но пути постоянно вблизи отъ текущихъ по ущелью водъ. Пользуюсь случаемъ, чтобы отдать справедливость умѣнью горцевъ весьма искусно распоряжаться угодьями окружающей ихъ скудной и трудно-одолѣваемой природы. При разумномъ руководствѣ и при небольшихъ затратахъ и поощреніяхъ со стороны правительства, можно надѣяться, что горскій земскій трудъ представитъ результаты не только хорошіе, но даже блистательные, въ отношеніи проложенія мѣстныхъ дорогъ, которыя до-сихъ-поръ пролагались преимущественно инженерными, дорого-стоющими средствами. Доказательствомъ этого можетъ служить еще не оконченная экипажная дорога, проводимая кудинскимъ на-

ябоиъ по направленію отъ Гергебиля въ Унцукуль. Мы проѣхали участокъ ея отъ Гергебиля, верстъ на 15-ть, по направленію къ аулу Араканы, и слѣдуетъ сказать, что и въ незаконченномъ видѣ она весьма удобна для ѣзды, хотя и проложена по весьма трудной мѣстности, у подножья скалъ, омываемыхъ сливающимися здѣсь Кази-Кумухскимъ и Кара-Койсу. Не одинъ, впрочемъ, куядинскій наибъ заявилъ себя замѣчательнымъ инженеромъ-самоучкой: такъ, подъ руководствомъ одного изъ горцевъ, проводится въ настоящее время изъ Кази-Кумухскаго Койсу замѣчательная оросительная канава, которая оплодотворитъ скаты горъ, по лѣвую сторону этой рѣки, насупротивъ Хаджалъ-Махинскаго укрѣпленія.

Къ сожалѣнію, мнѣ не довелось увидѣть важнѣйшихъ дагестанскихъ дорожныхъ сооруженій, устроенныхъ на счетъ казны, войсками и жителями по найму. Дороги эти ведутъ отъ Шуры на Гунибъ и въ Кумухъ, отъ Хунзаха въ Анди, отъ Хунзаха же вверхъ по Аварскому-Койсу до Датуна. Наши переѣзды совершались по вьючнымъ тропамъ, въ сторонѣ отъ этихъ главныхъ путей Дагестана, и только въ нѣкоторыхъ пунктахъ (какъ напр., при подъемѣ на Гунибъ, при поѣздкѣ въ Карадагскую сланцовую щель и при переѣздѣ отъ сел. Кутиши къ Хаджалъ-Махинскому укрѣпленію) можно было оглядѣть и оцѣнить всю громадность и трудность работъ, отчасти уже прекрасно исполненныхъ, а отчасти исполняемыхъ при проложеніи экипажныхъ дорогъ по трущобамъ Дагестана.

Такимъ образомъ, переѣзжая все вьючными тропами, большею частію хорошо проложенными и содержимыми, мы встрѣтили первую аробную дорогу, не прежде какъ перебравшись въ Сѣверный Дагестанъ, а именно—въ Даргинскій округъ. Характеръ здѣшней мѣстности, состоящей не столько изъ глубокихъ ущелій, сколько изъ возвышенныхъ плоскогорій, не представляетъ особенныхъ затрудненій для аробной ѣзды; кромѣ того, на пути сообщенія здѣшнихъ мѣстъ давно уже обращено вниманіе правительства, да и сами жители этого округа успѣли убѣдиться въ полезности хорошихъ дорогъ, чрезъ выгоды отъ перевозки ими провіанта.

Наконецъ, съ выѣздомъ на плоскость, на при-каспійское побережье, можно было катить въ экипажѣ, на почтовыхъ. Но и помимо почтовой дороги, въ плоскостныя части округовъ Кайтаго-

Табасаранскаго и Кюринскаго можно проникать хорошими экипажными дорогами, которыя поддерживаются земскими средствами и ведутъ преимущественно къ двумъ главнымъ пунктамъ этихъ округовъ—къ Маджалису и Касумъ-кенту; не говорю ужъ о дорогахъ аробныхъ, пересѣкающихъ плоскостныя части Южнаго Дагестана во многихъ направленіяхъ.

Такое, болѣе чѣмъ удовлетворительное состояніе дорогъ въ краѣ, который еще такъ недавно считался бездорожнымъ, говоритъ за тѣ быстрые успѣхи, какіе сдѣланы администраціей въ короткій срокъ, протекшій по умиротвореніи Дагестана. Остается желать, чтобы, съ одной стороны, окончена была скорѣе казенная дорога отъ Датуна къ главному хребту, трасированная чрезъ Капучу и долженствующая соединить прямымъ путемъ Дагестанъ съ Закавказьемъ; съ другой же стороны, желательно, чтобъ сами горцы все больше проникались сознаніемъ, какъ полезно будетъ для нихъ замѣнить вьючныя дороги аробными, и рѣшительнѣе приступили бы къ улучшенію мѣстныхъ путей сообщенія средствами земства. Такому сознанію больше всего поможетъ возростающее съ каждымъ годомъ благосостояніе дагестанцевъ.

II.

Первыя дагестанскія впечатлѣнія. Спускъ съ Кодора въ ущелья Дидойскаго общества. Озеро Хупро. Аулъ Хупро. Ночлегъ. Горскій джамаатъ. Дорога отъ Хупро въ Кидеро. Дневка. Подъемъ на Бешо и видъ на ущелье Иланхеви. Аулъ Инухъ. Нѣсколько заключительныхъ словъ о дидойцахъ.

Съ вершины Кодорскаго перевала, съ высоты 9310 футовъ надъ уровнемъ моря, открылся первый видъ на Дагестанъ. За нами осталась Алазанская долина, широкая, привольная, а впереди предстоялъ спускъ въ тѣсное ущелье, глубоко залегшее между безлѣсныхъ горъ, закрытое ими, такъ что на горизонтѣ виднѣлось только два-три изгиба снѣжнаго хребта Богозъ, и ничего больше. Въ виду этого таинственнаго ущелья мы расположились на привалѣ, вблизи Кодорской оборонительной башни, построенной въ

сѣдловинѣ горнаго кряжа. Былъ полдень. Тишина въ воздухѣ царила необычайная; ни одной птицы, ни одного насѣкомаго не видѣлось и не слышалось. Небо было ясное; но насъ иногда покрывали собою легкія облака, скользившія по бокамъ сосѣднихъ горъ... и при этомъ изъ трущобъ ущелья повѣвало атмосферой погреба. Чуялось, что впереди предстояло знакомство съ совершенно-особымъ міромъ.

Послѣ двухъ-часоваго привала, мы отправились въ дальнѣйшій путь. Тотчасъ-же начался отлогій спускъ въ ущелье, по узкому карнизу. искусственно проложенному въ полугорѣ, на значительной высотѣ надъ горнымъ потокомъ, образующимъ, по сліяніи съ другими потоками кодорскаго склона, рѣку Ори-цхали—одинъ изъ главныхъ истоковъ Андійскаго Койсу. Въ Дагестанѣ вообще рѣчкамъ и рѣкамъ не присвоено какихъ-либо собственныхъ, единичныхъ названій: всякая рѣчка есть *вода* (öръ, тларъ, герхъ, вацъ, озень, чай, нехи и т. д.) и къ этому слову прибавляется имя селенія или-же общества, чрезъ которое она течетъ. Истоки Андійскаго Койсу въ предѣлахъ Дидо *) на картахъ называются грузинскимъ именемъ Ори-цхали, т. е. двѣ воды. И такъ, по этимъ двумъ водамъ, собиравшимся однако въ главное русло изъ десятковъ побочныхъ ущелій, а также изъ ручьевъ, струившихся почти на каждомъ изгибѣ боковъ главнаго ущелья, мы подвигались медленно, такъ сказать робкими шагами все ниже, ниже, а рѣка въ свою очередь также лилась ниже, и между нами и ею оставалось все одно и тоже разстояніе. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ она скрывалась подъ навѣсомъ почернѣвшаго снѣга, быть можетъ легшаго здѣсь или упавшаго съ горы давнымъ давно и ни какъ не успѣвающаго растаять въ короткій срокъ здѣшняго лѣта. Стѣны узкаго и глубокаго ущелья, да эта рѣчка внизу—вотъ и вся картина этихъ мѣстъ. Мрачно, сыро, глухо.... Признаться, послѣ недавнихъ видовъ роскошной Алазанской долины, проѣздъ по этому горному корридору, притомъ съ непривычки къ здѣшнимъ тропинкамъ надъ глубокими скатами, производящими головокруженіе, съ незнанія

*) Другой главный истокъ Андійскаго Койсу начинается въ Тушетіи, у горы Барбало, и называется Дагестанской, или Перикательской Алазанью.

свойствъ здѣшней лошади, для которой не составляетъ особенно трудной задачи взбираться и спускаться по ступенькамъ горной тропы или прыгать черезъ ручей,—словомъ, первыя впечатлѣнія Дагестана на незнакомаго съ его трущобами путника производятъ нѣчто тяжелое, болѣзненное....

Въ такомъ невеселомъ настроеніи, не видя впереди никакого пристанища, ни даже намека на то, что и тутъ-же гдѣ-то живутъ люди, не видя ничего, кромѣ новаго заворота ущелья вправо или влѣво, мы усмотрѣли наконецъ блеснувшій впереди бассейнъ воды, съ деревцами вокругъ, блеснувшій гдѣ-то тамъ—и близко и далеко: здѣшнихъ разстояній съ разу, съ непривычки не разгадаешь. Но во всякомъ случаѣ это не обманъ зрѣнія: бассейнъ, до котораго пришлось спускаться часа два нашей мѣрной ѣзды, оказался озеромъ, извѣстнымъ подъ названіемъ Хупринскаго, т. е. озера, находящагося недалеко отъ дидойскаго аула Хупро.—Это, если угодно, первая дагестанская достопримѣчательность, встрѣтившаяся на нашемъ пути, если только не есть достопримѣчательность, и притомъ самая поразительная, весь складъ самаго Дагестана, въ его общихъ чертахъ, передъ грандіозностью и оригинальностью (пожалуй, даже уродливостью) которыхъ блѣднѣютъ, стушевываются всѣ частности, всѣ мелочи, всѣ отдѣльныя его достопримѣчательности....

Спускъ къ озеру представилъ неиспытанныя еще до тѣхъ поръ ощущенія. До этого мѣста мы ѣхали все въ полугорѣ, дѣлая небольшіе то подъемы, то спуски и находясь на значительной высотѣ надъ бѣжавшей внизу рѣчкой. Здѣсь-же разомъ пришлось къ ней спускаться. Зигзаги за зигзагами, съ крутыми поворотами, повели внизъ, промежъ кустовъ и деревъ жидкаго березоваго лѣса и, казалось, конца не будетъ этимъ зигзагамъ. Всѣ проводники наши послѣзали съ коней; нужно было и намъ послѣдовать ихъ примѣру. Да трудно, почти невозможно и держаться въ сѣдлѣ, когда лошадь больше ползетъ, чѣмъ ступаетъ, присѣдая на заднія ноги и еле-еле изворачиваясь на крутыхъ поворотахъ.

Хупринское озеро, чистое какъ хрусталь, узкое и продолговатое, лежащее на днѣ ущелья, замѣчательно, во-1-хъ, тѣмъ, что

ено своего рода рѣдкость въ горахъ Кавказа, вообще бѣднаго озерами, не въ примѣръ другимъ горнымъ странамъ; во 2-хъ, оно изобилуетъ превосходною форелью, а въ 3-хъ, образованіе его недавнее и объясняется наглядно видомъ одной изъ прибрежныхъ горъ: часть этой горы видимо сползла внизъ, т. е. образовался земляной обвалъ, который, упавши въ рѣчку, загромоздилъ дальнѣйшее ея теченіе, чрезъ что рѣчка, само-собою разумѣется, должна была образовать значительный водоемъ. Она подмылась потомъ подъ обвалъ и потекла своимъ путемъ, но часть ея водъ и до сихъ поръ задерживается остатками обвала и наполняетъ озеро. Подобные обвалы не рѣдкость въ Нагорномъ Дагестанѣ. Горные скаты здѣсь довольно круты и покрыты рыхлымъ слоемъ чернозема, лежащимъ непосредственно на каменистой подпочвѣ; стоитъ только водѣ подмыть нижній слой, какъ прилежащіе къ нему верхнія части того-же слоя начинаютъ сами собою осыпаться, чрезъ что, при крутыхъ бокахъ горы, весь верхній ея слой начинаетъ сползывать внизъ, постепенно, или-же онъ можетъ разомъ рухнуть, увлекши за собою отдѣльно лежащіе камни и растущія по горамъ деревья. Такъ, въ обществѣ Томсъ, жители жаловались, что они не такъ давно, лѣтъ 5-ть тому назадъ, остались почти безъ лѣса: онъ сползъ въ рѣку и унесенъ теченіемъ, а гора, прежде лѣсистая, теперь смотритъ обнаженной скалой.

За озеромъ наступилъ подъемъ, такой-же крутой, какъ и предшествовавшій ему спускъ; поднимались также зигзагами, промежъ жиденькаго березоваго лѣса, пока наконецъ не поднялись на безлѣсную высоту, съ превосходными тучными пастьбищами. Съ этой высоты открылись наконецъ угодья Дидойскаго общества, заселенныя аулами. Лѣвѣе, въ глубинѣ ущелья, виденъ былъ аулъ Хитрахо; правѣе, въ такомъ-же глубокомъ ущельи, показался аулъ Хупро. Наступали сумерки. Ущелья нѣсколько дымились. Мѣстность принимала все болѣе мрачный колоритъ. Въ воздухѣ становилось свѣжо и сыро. Потянулся длинный извилистый спускъ къ аулу Хупро, гдѣ ожидалъ насъ первый дагестанскій ночлегъ.

Объ этомъ аулѣ сказывали, какъ объ одномъ изъ крѣпкихъ горскихъ поселеній. Естественно, можно было ожидать значитель-

ныхъ размѣровъ такого поселенія. Но при видѣ на него съ горы, не ознакомившись еще съ характеромъ устройства всѣхъ вообще ауловъ Дагестана, невольно поражаешься миніатюрностью его общаго склада. Это скученная на пригоркѣ масса сѣрыхъ, деревянно-каменныхъ клѣтушекъ, одна на другой, безъ дворовъ, безъ улицъ. Изъ каждой клѣтушки глядятъ одно-два отверстія, то круглыя, то четырехъ-угольныя, безъ рамъ и стеколъ: это окна, это-же—если угодно—и амбразуры всей этой кучи горскихъ жилищъ, устроенныхъ на такой складъ съ мѣстными стратегическими цѣлями. Брать съ бою такую кучку жилищъ почти тоже, что брать крѣпость. Между тѣмъ, при первомъ взглядѣ на такого устройства аулъ, особенно съ высоты здѣшнихъ переваловъ, думается, что это хуторокъ, расположившійся сѣрымъ пятномъ на зеленыхъ лугахъ горнаго ската. Впрочемъ, дидойскіе аулы вообще не обширны: полсотни или около этого дворовъ; въ Хупро-же всего 31 дворъ.

Дидойцы (какъ ихъ называемъ мы), или-же Дидо (по грузински) сами себя называютъ *цеза*, т. е. орлы. Но съ виду они народъ не казистый, нисколько не напоминающій орлиной, царственной породы; по виду они гораздо правильнѣе *цунта*, т. е. оборванцы, какъ ихъ и величаютъ неделикатные сосѣди. Но, можетъ быть, орлами они называютъ себя потому, что селенія ихъ, какъ орлиныя гнѣзда, расположены на значительной высотѣ, въ сравненіи съ другими поселеніями дагестанцевъ *); ихъ угодья—альпійская, луговая полоса горъ. Любопытно было, послѣ пріѣзда въ аулъ, взглянуть на нашихъ хозяевъ-орловъ, собравшихъ джамаатъ, или общественную сходку.

Джамаатъ былъ нелюдный; представительныхъ и говорливыхъ людей (горскихъ ораторовъ) не выказывалось; впереди стояли старики, сгорбившись и опираясь на палки, порою поплевывая сквозь зубы, съ особеннымъ дагестанскимъ шикомъ: дагестанцы вообще не плюютъ просто, а процѣживаютъ слюни сквозь зубы съ особеннымъ звукомъ, и безъ такихъ плевковъ ни одна рѣчь, ни одна сходка

*) Аулъ Хупро расположенъ на высотѣ около $5^1/_2$ тысячъ футовъ надъ уровнемъ моря. (Всѣ показанія высотъ приведены по опредѣленіямъ академика Рупрехта).

не обходится. Оружіемъ никто не былъ обвѣшенъ, и вообще сходбище не представляло изъ себя ничего воинственнаго. Рѣдко кто имѣлъ при себѣ ружье, шашку, пистолетъ; только у каждаго на поясѣ висѣлъ кинжалъ, въ простыхъ, безъ особыхъ украшеній, ножнахъ. Костюмы тоже не франтовскіе: чухи изъ сѣраго домашняго сукна, затянутыя кожаными поясами; бараньи шубы съ длинными воротниками и длиннѣйшими рукавами; неуклюжія низкія папахи изъ рыжихъ овчинъ; обувь шерстяная, въ родѣ нашихъ чулокъ и туфлей,—обувь оригинальная и приготовляемая на мѣстѣ, дидойскими женщинами. Это преимущественно вязаныя изъ бѣлой шерсти башмаки, съ красными и синими строчками или стрѣлками, твердаго вязанья, съ тупыми и скошенными носками, безъ кожаныхъ подошвъ и безъ подковъ. По всей вѣроятности, мягкій грунтъ дидойскихъ ущелій обусловилъ здѣсь такую обувь. Гдѣ почва въ Дагестанѣ камениста, тамъ преобладаетъ кожаная обувь (коршини), и при томъ съ подковами, о 2-хъ или 3-хъ шипахъ, идущихъ впередъ пятки. Въ сосѣдней къ Дидо Капучѣ тоже преобладаетъ шерстяная обувь, домашняго-же приготвленія; но здѣсь она полосатая, цвѣтнѣе дидойской, и съ носками остроконечными, загнутыми къ верху. Было нѣсколько и дырявыхъ одеждъ; на комъ-то показалась сильно порыжѣвшая и заплатанная солдатская шинель.... быть можетъ, трофей прежнихъ боевыхъ годовъ.

При распросѣ о житьѣ-бытьѣ, дидойцы не преминули пожаловаться на свою судьбу: и хлѣба у нихъ своего на годъ не стаетъ, и овцы мало, и лѣсъ плохъ, и пастьбищъ не хватаетъ, а къ тому еще зимы длинныя и снѣжныя: узкія ущелья заносятся снѣгомъ на два-на три ханскихъ аршина глубиною, а тутъ еще въ частую случаются завалы.... Словомъ, жить совсѣмъ плохо. Изъ дальнѣйшихъ распросовъ, однако, оказалось, что дидойцы даже продаютъ избытокъ хлѣба отъ своихъ урожаевъ, что и овецъ у нихъ вдоволь, и лѣсъ есть, и пастьбищъ не мало. Но такова уже политика горскаго джамаата: хитри, жалуйся на судьбу, прикидывайся нищимъ,— авось отъ подати избавятъ, или по крайней-мѣрѣ ея не надбавятъ. Сѣютъ дидойцы ячмень, пшеницу, весьма рѣдко—бобы; при урожаѣ зерно даетъ самъ 15—20; баранта ихъ съ каждымъ годомъ уве-

личивается: съ 1858 года, т. е. со времени послѣдняго разоренія дидойскихъ ауловъ, ея увеличилось примѣрно въ восемь разъ. На зиму значительная часть населенія остается дома, другіе перекочевываютъ на плоскость, въ Кахетію, вмѣстѣ съ барантою, а немногіе бѣдняки отправляются въ лѣса Тушетіи, гдѣ отыскиваютъ липу и выдѣлываютъ посуду—корыта, ульи, шайки, плетутъ также корзины изъ вѣтвей и продаютъ все это въ Телавѣ, Сигнахѣ и въ другихъ мѣстахъ Кахетіи.

Вообще-же, дидойскій джамаатъ, послѣ того какъ пришлось оглядѣть и послушать многіе другіе дагестанскіе джамааты, является воображенію моему весьма непредставительнымъ. Недаромъ, значитъ, кахетинцы величаютъ ихъ *цунта*, т. е. оборванцы; недаромъ и другіе дагестанцы смотрятъ на этихъ „орловъ“ съ нѣкотораго рода презрѣніемъ, какъ на медвѣдей, увальней, неуклюжихъ пастуховъ. Что составляетъ весь цвѣтъ дагестанской образованности и благовоспитанности, все это еще не кажетъ себя въ Дидо.

Ночлегъ нашъ послѣдовалъ, для большаго такъ сказать комфорта почетныхъ гостей, не въ саклѣ, а въ хлѣвѣ, так какъ въ послѣднемъ предполагалось и больше чистоты, и лучшій воздухъ, и меньше насѣкомыхъ, чѣмъ въ саклѣ. Хлѣвъ былъ плетеный изъ прутьевъ, не смазанный глиною, а потому продувавшійся сквознымъ холоднымъ вѣтромъ. Разложили огонь по срединѣ; затрещали смолистыя сосновыя и березовыя дрова; повалилъ дымъ на всю клѣть: вотъ удобства нашего перваго дагестанскаго ночлега.

Осмотрѣвши нѣсколько хупринскихъ жилищъ *), мы выѣхали въ дальнѣйшій путь, по дорогѣ на главный дидойскій аулъ Кидеро. На поляхъ производилась уборка хлѣба: скошенный, онъ связывался въ снопы и уносился въ аулъ, гдѣ складывался на плоскихъ крышахъ саклей и тамъ-же вымолачивался. Въ аулѣ Хупро намъ не пришлось видѣть почти ни одной женщины; за то

*) Объ устройствѣ дагестанскихъ жилищъ вообще—будетъ сказано ниже.

здѣсь, въ полѣ, не видно было ни одного мужчины: работали однѣ женщины. Вотъ онѣ, кавказскія горянки, такъ размашисто идеализированныя фальшивымъ строемъ лиры нѣкоторыхъ нашихъ поэтовъ! Сгорбленныя, въ неуклюжихъ одеждахъ, онѣ, отворачиваясь отъ насъ, перетаскивали на спинахъ своихъ большія связки сноповъ, изъ подъ которыхъ замѣтны были ноги, еле прикрытыя дырявыми штанами. „Дамы, дамы!" радостно указывалъ на эти фигуры одинъ изъ нашихъ спутниковъ, мѣстный врачъ и незамѣнимый въ дорогѣ распорядитель по части приготовленія шашлыка и другихъ закусокъ: „смотрите, дагестанскія дамы!" И это наивное замѣчаніе нашего спутника, весьма добродушнаго, казалось преисполненнымъ злѣйшей ироніи. Въ самомъ дѣлѣ, какое сближеніе между тѣмъ, что европеецъ величаетъ дамой, и между этими несчастными жилицами кавказскихъ горъ, работающими какъ вьючный скотъ, и не только подъ старость, но и въ 30 лѣтъ уже не могущими распрямить свой станъ! Въ облегченіе полевыхъ работъ дидойскихъ женщинъ нигдѣ не видно было и эшака *), этого единственнаго существа, участь котораго въ горахъ можетъ сравниться съ участью женщинъ. Но нѣтъ, эшаки въ Дагестанѣ все-же въ большей холѣ, чѣмъ женщины!

Впрочемъ, замѣчу мимоходомъ, что подобныя, возмущающія европейское чувство встрѣчи, какъ женщины, навьюченныя снопами, стушевываются въ глазахъ проѣзжаго предъ подавляющимъ величіемъ здѣшней природы. На скатахъ дидойскихъ громадныхъ горъ все людское и все, что не горы, кажется равно ничтожностью: оно бѣжитъ отъ глазъ.... Цѣлый аулъ представляется издали не больше какъ осинымъ гнѣздомъ, прилѣпленнымъ къ камню; засѣянныя хлѣбомъ поля кажутся разбросанными тамъ и сямъ по горѣ желтыми пятнами, на которыхъ работающія женщины копошатся точно муравьи. Даже здѣшніе лѣса, почти сплошь покрывающіе глубину ущелій, такъ скрадываются, что какъ будто ихъ и нѣтъ. Этою громадностью фона здѣшнихъ видовъ, скрадывающею всѣ детали, можно объяснить то

---

*) Въ Дидо эшаки (ослы) рѣдкость; они не выносятъ здѣшняго суроваго климата.

общее впечатлѣніе, какое производитъ собою Верхній Дагестанъ: повсюду горы, издали—самыя безжизненныя, на которыхъ, кажется, нѣтъ угодья ни для растительности, ни для животныхъ и человѣка. А между тѣмъ край заселенъ густо, лѣсу вдоволь, и сколько стадъ находятъ для себя обильную пищу на этихъ, по видимому, голыхъ горахъ!

Ѣхали мы большею частію лѣсистымъ ущельемъ, поднимаясь все въ гору, по берегу шумящей рѣчки Ори-цхали. На пути этомъ лежатъ въ развалинахъ три маленькихъ аула—Хибія, Виція и Ильбоко (Ельмукъ), едва отстроивающіеся послѣ погрома дидойскихъ ауловъ въ 1857 и 1858 годахъ. Здѣшній разоренный аулъ возобновить труднѣе, чѣмъ выстроить вновь. Таковъ вообще способъ устройства здѣшнихъ жилищъ, сложенныхъ изъ бревенъ и камня, что охваченные огнемъ, они превращаются въ груды мусора, который разобрать и употребить на новыя постройки убыточнѣе, чѣмъ заготовить совершенно новый и тутъ-же предлагаемый природою строительный матеріалъ: и лѣсъ и щебень подъ рукою. Однако, родное пепелище неохотно покидаетъ всякій народъ: какъ ни убыточно, а устраиваются опять на мѣстѣ разоренныхъ предковскихъ очаговъ.

Присутствіе-ли развалинъ, или-же скудость угодій, лежащихъ повыше зеленой лѣсной полосы ущелья и только изрѣдка желтѣющихъ четырехъ-угольными крошечными пахатными полями, но впечатлѣнія, навѣянныя видомъ здѣшнихъ мѣстъ, были самаго грустнаго свойства. Нищета и дикость. На дорогу выбѣгали дѣти почти нагія; между ними была и дѣвочка, лѣтъ 12-ти, тоже въ одеждѣ Евы. Имъ дали нѣсколько серебряныхъ монетъ, и вотъ, заслышавъ о подаркахъ со стороны проѣзжихъ, бросились бѣжать изъ ауловъ нѣсколько женщинъ, по пригоркамъ, по крутымъ скатамъ и подъемамъ, на перерѣзъ нашего пути, чтобы въ свою очередь получить что-нибудь и на свою долю. У бѣжавшихъ женщинъ на спинахъ сидѣли дѣти, ухватившись рученками за шею.

Часа черезъ три пути мы поднялись на вершину перевала (7829 фут.) и расположились на отдыхъ. Внизу раскинулось ущелье Киди, безлѣсное, обожженное лѣтнимъ солнцемъ; противо-

положную отъ насъ сторону этого ущелья занимала гора Бешо, тоже безлѣсная, продолговатая, съ покатыми боками. У подошвы ея виднѣлись скученныя постройки трехъ ауловъ — Гутоха, Зехидо и Кидеро, изъ которыхъ послѣдній, самый большій, съ наибскимъ управленіемъ, составлялъ ближайшую цѣль нашего путешествія.

Между тѣмъ мѣсто, на которомъ мы расположились на отдыхъ, въ сравненіи съ предстоявшими впереди обнаженными горами, казалось и живописнымъ и вполнѣ благодатнымъ. Окружавшій насъ кустарниковый лѣсъ былъ свѣжъ, какъ весною; множество цвѣтовъ разсыпано было по тучной муравѣ; воздухъ, не смотря на ясный полдень, былъ переполненъ самою пріятною прохладою. Задымился костеръ; стали готовить шашлыкъ; спутники наши разсыпались по лѣсу за грибами и ягодами...

Предстоявшій спускъ къ аулу Кидеро, расположенному по ту сторону рѣчки Рехюкъ-оръ, на небольшомъ возвышеніи *), былъ также крутъ и длиненъ, какъ и всѣ верхне-дагестанскіе спуски. Пока мы достигли ложа рѣчки, пришлось изворачиваться множествомъ зигзаговъ, крутыхъ и узкихъ, то слѣзая съ коня, то снова садясь, такъ что въ аулъ, не смотря на казавшуюся близость его, мы прибыли далеко за полдень. И Кидеро, подобно всѣмъ прочимъ верхне-дагестанскимъ селеніямъ, представился какъ-бы искусно устроеннымъ укрѣпленіемъ, расположеннымъ на довольно-крутомъ скатѣ горы; постройки его, сложенныя изъ камня и дерева, глядятъ изъ своихъ верхнихъ этажей круглыми и четырехъ-угольными окнами, какъ амбразурами; въ нижнихъ-же чернѣютъ узкія и низкія двери, ведущія въ хлѣва; крыши всѣхъ строеній плоскія, террасами, одна надъ другою. Каждый такого устройства домъ и есть собственно дворъ или дымъ, въ которомъ помѣщается отдѣльная семья; въ Кидеро считается ихъ 61.

Но въ Кидеро, какъ большую достопримѣчательность, можно указать наибскій домъ, отстроившійся недавно почти въ европейскомъ вкусѣ. Безъ сомнѣнія, вглядѣвшись въ эту верхне-дагестан-

*) Абсолютная высота Рехюкъ-оръ при этомъ аулѣ опредѣлена академикомъ Рупрехтомъ въ 6072 фут.

скую диковинку, скоро приходишь къ заключенію, что европейскій образецъ дома, при перевалахъ, подъемахъ и спускахъ по пути въ Кидеро, сильно исказился, износился и повыцвѣлъ: потолки и рамы его покосились, стекла загрязнились и потрескались, обои поотстали отъ стѣнъ, подтекли и покоробились; мебель еле-еле добрела въ нѣсколькихъ изуродованныхъ экземплярахъ. Тѣмъ не менѣе однако, хотя и плохой образецъ, но образецъ Европы, наибскій домъ стоитъ на диво въ Кидеро и, безъ сомнѣнія, своей архитектурой, своими стеклами, обоями, мебелью, печами, сколько дивитъ туземцевъ, столько-же и цивилизуетъ *).

Въ Кидеро мы отвѣдали нѣкоторыхъ горскихъ удовольствій. Насъ угостили пляской и мѣстной стряпни кушаньями. Плясали лезгинку,—танецъ столь извѣстный, что распространяться о немъ было-бы излишнимъ, если-бы это не была лезгинка, такъ сказать, у себя дома, въ лезгинской средѣ. Плясали мальчики и веросдые мужчины, попарно, безъ участія женщинъ; но все искусство танцоровъ заключалось въ быстротѣ движеній; о граціи-же послѣднихъ, кажется, заботы особенной здѣсь не прилагается. Быстрота въ движеніяхъ ногъ, при исполненіи плавныхъ па лезгинки, дѣйствительно поразительна; но все-же—предъ нами были гимнасты, а не танцоры. Впрочемъ, при той обстановкѣ, которая окружала танцующихъ, и не могло проявиться увлеченіе танцами, т. е. та или другая степень страстности, безъ чего всякій танецъ превращается въ гимнастическое упражненіе. Танцоровъ, повторяю, окружали только мужчины,—одни изъ нихъ били тактъ въ ладоши, другіе держали въ рукахъ горѣвшія лучины и освѣщали арену; ни одной женщины не было въ числѣ зрителей. Здѣсь можно было блеснуть ловкостью; но едва-ли могла проявиться какая-либо страстность. Плясали подъ звуки двухъ инструментовъ—бубна и чонгури.

Что до мѣстныхъ кушаній, то это были—сыръ и любимый горцами *хинкалъ* (въ родѣ малороссійскихъ галушекъ, огромной

*) Въ Верхнемъ Дагестанѣ еще въ аулѣ Чодоколо (въ Анцухѣ) отстраивается такой-же на европейскій ладъ домъ, мѣстнымъ-же наибомъ.

величины), поданный безъ навара и безъ всякой приправы. Горцы вообще плохіе гастрономы, а дидойцы въ особенности *). Мясо вообще рѣдкость на столѣ горца; большею частію онъ питается мучнистой пищей—толокномъ, хинкаломъ. Объ овощахъ, о фруктахъ, по крайней-мѣрѣ въ Верхнемъ Дагестанѣ, рѣдкій хозяинъ имѣетъ понятіе; огородовъ рѣшительно никакихъ нѣтъ; какъ рѣдкость, можно встрѣтить кое-гдѣ тыкву, вьющуюся по изгороди крошечной терраски, засѣянной табакомъ. Помню, насъ чрезвычайно удивило, когда въ аулѣ Тларата (въ Анцроссо), на 8-й день нашего пути по Дагестану, принесли намъ нѣсколько бураковъ изъ одного бугунскаго аула: оказалось, что это, быть можетъ, послѣдній продуктъ огорода, разведеннаго тамъ какимъ-то плѣннымъ, выращивавшимъ на верхне-дагестанской почвѣ огурцы и дыни. При такомъ положеніи огородничества въ здѣшнихъ мѣстахъ, неудивительно, что дидойскій хинкалъ оказался безъ всякой приправы, т. е. безъ луку и чесноку, которыми его приправляютъ въ другихъ дагестанскихъ обществахъ, болѣе развитыхъ, чѣмъ цунта (оборвыши); у тѣхъ и величина хинкала поменьше, а потому и удобосъѣдомѣе. „Мы ѣдимъ маленькій хинкалъ—говорятъ они: у насъ нѣтъ настолько терпѣнія, какъ у цунты, чтобы дожидаться, пока уварится большой“...

На слѣдующій день мы отправились въ дальнѣйшій—путь въ общество Капучу, или Бежита, но не кратчайшимъ путемъ, по ущелью, а поднялись на высокое безлѣсное плоскогоріе Бешо, съ цѣлію осмотрѣть съ вершины его ущелье Шіитль, по грузински—Иланъ-хеви (змѣиное ущелье). Подъемъ продолжительный, но онъ недавно разработанъ трудами мѣстныхъ жителей прекрасно. Поднявшись на вершину, представляющую изъ себя продолговатую, покрытую травою плоскость, мы увидѣли глубокія извилины Иланъ-хеви, съ скалистыми боками его по ту сторону, къ подошвамъ горъ Богосскаго хребта, безлѣснаго, утесистаго, съ остроконечными верши

*) О нихъ идетъ молва, что они любятъ ѣсть сырое мясо, отчего, быть можетъ, явилось и прозвище ихъ *цеза* (орлы), въ смыслѣ — хищные изъ хищныхъ.

дами, кое-гдѣ покрытыми вѣчнымъ снѣгомъ. На днѣ ущелья виднѣлся жиденькій лѣсъ и едва-едва очерчивались кое-гдѣ постройки ауловъ. Видъ вообще мрачный, безжизненный. Въ этомъ ущельи раскинуто 14-ть дидойскихъ селеній, въ которыхъ числится слишкомъ 400 дворовъ; но всѣ эти селенія не составляютъ особаго общества, а имѣютъ только каждый свои особыя общественныя земли и угодья, которыми распоряжаются по усмотрѣнію джамаата, подобно тому какъ это дѣлаютъ и другія части Дидо—Шуратль и Асахо *).

Между иланъ-хевскими аулами замѣчателенъ Китури, по той упорной оборонѣ, какую онъ выказалъ въ 1858 году, при разореніи здѣшнихъ ауловъ отрядомъ генерала Вревскаго, смертельно раненнаго именно при этомъ аулѣ. Въ числѣ нашихъ проводниковъ на Бешо былъ и одинъ изъ распорядителей защиты этого аула, долго отстаивавшагося противъ натиска нашихъ войскъ. Этотъ недавній врагъ, теперь принадлежитъ къ числу преданнѣйшихъ Россіи людей, занимаетъ одну изъ почетнѣйшихъ должностей въ средѣ горцевъ—депутата въ народномъ судѣ, и смотритъ такимъ добродушнѣйшимъ человѣкомъ, точно онъ въ жизнь свою ни разу не обнажалъ оружія. Видно, съ обстоятельствами, перемѣняются нравы! Въ Верхнемъ Дагестанѣ во главѣ народнаго управленія сидятъ все аще шамилевскіе наибы; но теперь они, по крайней-мѣрѣ съ виду,—агнцы....

Обогнувши Бешо въ полугорѣ, мы опять въѣхали въ ущелье Киди, къ его вершинѣ, повыше аула Инухо (Гинухъ). Этотъ крайній изъ дидойскихъ ауловъ, на границѣ съ Капучею, состоящій всего изъ 26 дворовъ, составляетъ по языку нѣчто особое отъ всего Дидо, претендуетъ на самостоятельность или независимость отъ дидойскаго общественнаго распорядка, споритъ за земли съ кидеройцами и на сходкѣ заявляетъ открыто, что и дидойскій наибъ и вся цунта ихъ обижаютъ. Такія сепаративныя стремленія

*) Дидойское общество состоитъ изъ трехъ частей: Шуратля, Шіитля и Асахо, изъ которыхъ каждое лежитъ въ отдѣльномъ ущельи. Всѣхъ селеній въ обществѣ (по камеральному описанію 1866 года) считается 36 и 2 отселка; въ нихъ дворовъ 1,025 а жителей 3,165 об. пола.

со стороны 70 душъ инухцевъ, забавныя въ другой мѣстности, кажутся вполнѣ естественными въ Дагестанѣ, гдѣ отдѣльность, уединенность, замкнутость мѣстоположенія даютъ всѣ способы, а слѣдовательно порождаютъ и стремленія къ тому, чтобы обособиться *).

Повыше аула Гинухъ, при истокахъ Рехюкъ-оръ, мы стали подниматься на высокій горный кряжъ, служащій водораздѣломъ верхнихъ притоковъ съ одной стороны Андійскаго, а съ другой Аварскаго Койсу. Высшій пунктъ перевала, г. Меджедзе, возвышается на 8224 ф. Прежде чѣмъ достигли мы этого пункта, пришлось проѣхать нѣсколько впадинъ, съ залежавшимся въ нихъ почернѣвшимъ снѣгомъ, взбираться по крутымъ ребрамъ скалъ, промежъ цѣлой рощи рододендрона. Уже въ сумерки мы бросили прощальный взглядъ на глубокую дидойскую котловину и перевалились въ Капучу....

Дальнѣйшее путешествіе по Дагестану нѣсколько измѣнило мой взглядъ на Дидо, сложившійся по первымъ впечатлѣніямъ. Дѣйствительно, перевалившись черезъ Кодоръ и оставивъ за собою роскошную, широкую долину Алазани, невольно поражаешься сумрачнымъ колоритомъ глубокихъ и тѣсныхъ ущелій Дидо, на днѣ которыхъ шумятъ быстрые потоки, подмывая мѣстами почернѣвшій снѣгъ прошлогоднихъ обваловъ. Но по мѣрѣ ослабленія первыхъ тяжелыхъ впечатлѣній и вслѣдствіе внимательнаго осмотра всѣхъ подробностей окружающей мѣстности, приходишь къ заключенію, что здѣшняя природа далеко не такъ скудна и сурова, какъ она кажется на первый взглядъ. Въ сравненіи-же съ дальнѣйшими ущельями Дагестана, колоритъ ея гораздо мягче и дары ея гораздо обильнѣе. Голыхъ, лишенныхъ всякой растительности скалъ здѣсь совсѣмъ не видно; напротивъ, всѣ вершины и скаты горъ покрыты тучными лугами, а ближе къ теченію главныхъ

---

*) Языкъ инухцевъ считается особымъ нарѣчіемъ дидойскаго языка, схожимъ съ тѣмъ, на которомъ говорятъ жители селеній Митрода и Хушеты въ Ункратлѣ, переселившіеся сюда изъ Дидо. Замѣчательно, что слова *церковь* и *воскресенье* (день) на инухскомъ нарѣчіи выражаются однимъ и тѣмъ-же словомъ.

потоковъ произростаютъ хорошіе дровяные лѣса, нерѣдко перемежаясь строевыми деревьями. Тучный черноземъ и обиліе влаги даютъ здѣсь урожаи самъ 15 — 20, такъ что дидойцы избытокъ хлѣба сбываютъ въ сосѣднюю Капучу. На горахъ, входящихъ по положенію своему въ альпійскую полосу, находятъ обильный кормъ не только мѣстныя, но и чужія стада, такъ что дидойцы получаютъ отъ этого извѣстный прибытокъ (сабалахо). Лѣса и луга изобилуютъ дичью; горные потоки, а въ особенности озерцо Хупро—превосходною форелью; въ лѣсахъ много ягодныхъ кустарниковъ, а также грибовъ. Но всѣми этими дарами природы мѣстные жители, эти добровольные постники—почти не пользуются. Большою помѣхою къ ихъ развитію служатъ, безъ сомнѣнія, продолжительныя зимы, разобщающія ихъ съ остальнымъ міромъ болѣе чѣмъ на полгода и нерѣдко заносящія ихъ жилища снѣжнымъ покровомъ въ нѣсколько аршинъ толщиною. Суровыя и продолжительныя зимы ставятъ также дидойцевъ въ постоянную зависимость отъ Алазанской долины, на которую они спускаютъ для прокормленія свои стада на большую часть года. Такая экономическая зависимость дидойцевъ отъ Кахетіи служила причиною, что они въ былое время платили дань кахетинцамъ, а по утвержденіи русской власти въ Закавказьи, считались большею частію покорными, такъ что дидойское общество входило даже особымъ приставствомъ въ составъ Грузино-Имеретинской губерніи, и только вліяніемъ извнѣ они вовлекались во враждебныя отношенія къ намъ и жителямъ Алазанской долины. Постоянныя сношенія съ кахетинцами ознакомили дидойцевъ съ грузинскимъ языкомъ, и этотъ послѣдній въ Дидо понимается весьма многими, за исключеніемъ женщинъ. Грузины въ свою очередь нерѣдко посѣщали Дидо, и за многими его урочищами оставили намъ свои названія. Но этимъ только и ограничивается связь Дидо съ Грузіею. Сказанія-же, которыя выводятъ дидойцевъ изъ Грузіи, именно изъ предмѣстій Мцхета, относятся къ баснословіямъ грузинскихъ лѣтописей.

III.

Перевалъ въ ущелье общества Гидъ. Гидатлинская котловина. Аулъ Орода. Средне-дагестанскій экономическій достатокъ. Жилище зажиточнаго дагестанца. Своеобразность дагестанскихъ нравовъ.

Къ половинѣ сентября, на 14 день нашей поѣздки по Дагестану, мы стали приближаться къ Гунибу. Въ теченіе этихъ 14 дней осмотрѣны были по пути почти всѣ верхне-дагестанскія общества, извѣстныя подъ названіемъ Анкратль (собственно Антльратль, что значитъ *семь земель*), за тѣмъ мы проѣхали чрезъ земли обществъ Тлейсеруха и Караха, принадлежащихъ также къ верхне-дагестанскимъ обществамъ, извѣстнымъ подъ общимъ именемъ Багултли (или Багуалалъ) и говорящимъ аварскимъ языкомъ анцухскаго нарѣчія; оставалось осмотрѣть еще одно изъ этихъ же обществъ—*Гидъ*, извѣстное у насъ больше подъ именемъ Гидатль, куда должны были собраться представители отъ джамаатовъ обществъ Кель и Ратлу-Ахвахъ, составляющихъ вмѣстѣ съ Гидомъ одно Гидатлинское наибство.

Не смотря на то, что вершины всѣхъ горъ покрылись уже первымъ осеннимъ снѣгомъ, въ ущельяхъ все еще было тепло. Особенно-же теплые и ясные дни согрѣвали насъ въ проѣздъ чрезъ дикій и тѣсный Тлейсерухъ, потомъ чрезъ менѣе дикій и нѣсколько просторный Карахъ; наконецъ тепло стало даже и на вершинахъ переваловъ, хотя все еще лежавшихъ подъ снѣгомъ. Благодаря этимъ яснымъ и теплымъ днямъ, при переѣздѣ въ Гидъ, намъ довелось увидѣть съ перевала, во всей ея красѣ и оригинальности, широкую панораму Дагестана—такъ сказать истиннаго, настоящаго Дагестана, который здѣсь въ первый разъ предсталъ намъ въ полномъ своемъ блескѣ: до этого-же пункта, проѣзжая глубокими верхне-дагестанскими ущельями и мѣстами поднимаясь на перевалы, мы могли видѣть передъ собою только ближайшія

мѣстности, по которымъ трудно было составить себѣ истинное понятіе о контурахъ всей страны. Но съ вершины перевала по дорогѣ въ Гидъ разомъ открылся такой широкій и глубокій проспектъ горъ, горъ и горъ, что точно развернулась передъ нами громадная рельефная карта страны: то былъ по истинѣ — Дагестанъ, т. е. страна горъ.

Въ панораму открывшихся передъ нами горныхъ хребтовъ, узловъ и отдѣльныхъ вершинъ входила почти вся Аварія; ближе и правѣе стояли оригинальныя, стѣноподобныя, въ нѣсколько ярусовъ, вершины двухъ сосѣднихъ горъ — Тилитлинской (иначе, по солдатски, Чемоданъ-гора) и Гуниба; еще правѣе—продольныя Бегерскія высоты и наконецъ Турчидагъ. Весь этотъ хаосъ горъ, безлѣсныхъ, каменистыхъ, окрашенныхъ въ бурый цвѣтъ, съ фіолетовыми оттѣнками, и подернутыхъ сизоватой дымкой, представлялъ множество ломанныхъ линій и почти ни одной круглой: все угловато, все дробится на ущелья, извороты, горные закоулки и трущобы,—и глядя на этотъ хаосъ каменныхъ громадъ, нигдѣ не зеленѣющихъ ни одной поляной, почти не вѣришь, что и тутъ могутъ обитать люди, пользуясь даже богатыми угодьями. Такова вообще панорама Средняго Дагестана.

Съ версту мы ѣхали въ виду такой широкой, но безжизненной картины,—ѣхали по высокому горному кряжу, забирая вправо и понемногу спускаясь къ верховьямъ гидатлинскаго ущелья. На солнечномъ припекѣ таялъ снѣгъ и сбѣгали ручьи; лошади подъ нами, при начинавшемся спускѣ въ ущелье, присѣдая на заднія ноги, бережно скользили, останавливались, но не падали; горцы-же, по своему обыкновенію, какъ это дѣлаютъ они при спускахъ съ перевала, послѣзали съ коней.

Верховья гидатлинскаго ущелья нисколько не веселѣе другихъ, уже осмотрѣнныхъ нами ущелій: тѣ-же крутые спуски, зигзагами, промежъ голыхъ скалъ и груды каменьевъ; тамъ и сямъ журчатъ ручьи, стекаясь въ одно русло и понемногу образуя шумящій, пѣнящійся потокъ,—и чѣмъ глубже спускаешься по усѣянному голышами дну ущелья, тѣмъ стѣны его поднимаются все выше, тѣмъ полоса неба надъ вами становится все уже, а впереди, кро-

къ ближайшаго заворота той или другой скалистой стѣны ущелья, ничего не видно. Для одного лишь рода наблюдательности какъ нельзя болѣе пригодны эти глухія и безжизненныя верховья средне-дагестанскихъ ущелій: тутъ природа непрерывно читаетъ лучшія, самыя наглядныя лекціи по геологіи. Смотри и учись, какъ воды ручьевъ гложутъ скалы, отмываютъ отъ нихъ камни, раздробляютъ и уносятъ ихъ все дальше и дальше. Этою непрерывною работою горныхъ потоковъ верховья ущелій дѣлаются все больше покатыми, скругляются, а по сторонамъ сбѣгающихъ водъ все шире и шире становятся полосы плодородной почвы...

Часа три мѣрной горской ѣзды тянулись мы по гидатлинскому ущелью, не разъ переѣзжая въ бродъ быструю рѣчку, пока наконецъ, оставивъ ее влѣво, не повернули узкимъ обходомъ, промежъ отвѣсныхъ скалъ, вправо, откуда скоро открылся видъ на широкую, зеленѣвшую деревьями поляну, окруженную пологими скатами горъ, у подошвъ которыхъ чернѣли скученныя постройки нѣсколькихъ ауловъ. Вотъ эта-то, рѣдкая въ горахъ Дагестана широкая котловина, весьма привольная для жизни, а между тѣмъ отовсюду запертая горами, защищенная какъ нельзя лучше отъ вражьихъ нападеній, послужила предметомъ народной молвы про необычайную благодать Гида. Есть даже анекдоты про гидатлинскую благодать. Вотъ одинъ изъ нихъ. Разсказываютъ, что какой-то любознательный аварецъ, наслышавшись о необычайномъ плодородіи гидатлинской почвы, объ изобиліи плодовъ земныхъ этого благодатнаго уголка, захотѣлъ самолично удостовѣриться въ справедливости такой молвы. Пошелъ онъ въ Гидъ, и только что началъ спускаться въ гидатлинское ущелье, какъ полился дождь. Длинная баранья шуба, бывшая на любознательномъ аварцѣ, тотчасъ-же намокла и полы ея, отяжелѣвъ, поволоклись по землѣ. Тогда онъ самъ себѣ промолвилъ: „по истинѣ, Гидъ—страна благодати: здѣсь даже и шубы выростаютъ“. Поэтому, недолго думая, онъ обрѣзалъ полы выросшей шубы, въ надеждѣ сшить себѣ изъ обрѣзковъ новую папаху. И только воротившись къ себѣ домой, по всей вѣроятности—въ очень тѣсное родимое ущелье, путешественникъ увидѣлъ, что шуба его, хорошо просохшая въ дорогѣ, стала ему

чуть же по колѣни. „А на нашей скудной землѣ—заключилъ тотъже аварецъ—укорачивается и то, что выросло въ Гидѣ"...

Само собою разумѣется, что есть значительные поводы для средне-дагестанскаго горца смотрѣть на Гидъ, какъ на благодатную страну. И главные поводы къ этому заключаются въ томъ, что, при скудныхъ вообще дарахъ средне-дагестанской природы, при узкости и каменистости здѣшнихъ ущелій, въ которыхъ изрѣдка встрѣчается одна-другая терраска, удобная для пашни, да и то искусственная, съ громаднымъ трудомъ устроенная,—въ такой странѣ, безъ сомнѣнія, должна почесться большою благодатью та широкая, природная поляна, которая залегла между главными аулами гидатлинскаго общества, вся культированная подъ сады и пашни.

Во всей своей красѣ гидатлинская страна предстала намъ не прежде, какъ мы прибыли въ Ороду—главный аулъ гидатлинскаго общества. Изъ этого аула какъ нельзя лучше виднѣлись всѣ живописныя детали гидатлинской котловины, обрамленной высокими, но весьма покатыми склонами горъ. Горы безлѣсны; но чрезъ это еще больше выигрываетъ на видъ зеленѣющая сплошными пашнями и садами самая котловина. По ней нѣсколькими руслами протекаетъ рѣчка Гидъ-ōръ, неподалеку отсюда, верстахъ въ двухъ, вливающаяся въ Аварское Койсу; по ложу этихъ руселъ, изъ которыхъ два главныя, разбросаны увлекаемые съ горъ водою каменья; измельченные камни разбросаны и по всей котловинѣ, образовавшейся, безъ сомнѣнія—отъ наносовъ рѣки. Трудолюбіе горцевъ дѣлаетъ довольно хорошее употребленіе изъ этихъ камней: они собираются съ пашенъ и складываются въ видѣ оградъ вокругъ каждаго маленькаго поля, чрезъ что, само собою разумѣется, очищается поле,—такъ что вся гидатлинская котловина представляется подѣленною этими оградами на множество мелкихъ участковъ, промежъ которыхъ бѣлѣютъ каменьями-же усѣянныя дороги и тропинки. Каждый такой небольшой участокъ осѣненъ нѣсколькими деревьями: это по большей части плодовыя деревья—курага, яблонь, груша, орѣхъ, — такъ что подобныя поля, съ нѣсколькими фруктовыми деревьями на нихъ, у дагестанцевъ называются и са-

дами. Это были на нашемъ пути еще первые дагестанскіе сады; въ Гидѣ въ первый-же разъ намъ довелось отвѣдать и туземныхъ фруктовъ—яблокъ и грушъ; до этого-же мѣста, въ лѣсахъ Верхняго Дагестана, попадались лѣсныя ягоды барбариса, малины, ежевики — и только. Въ Гидѣ разводятъ и виноградъ; но онъ вызрѣваетъ только на самыхъ низменныхъ мѣстахъ, обращенныхъ на полдень.

На покатостяхъ горъ, обрамливающихъ гидатлинскую котловину, выстроилось тѣсно-сплоченными кучами нѣсколько ауловъ. Главный изъ нихъ—какъ я сказалъ—Орода; прочіе—Тляхъ, Мачада, Тиды и Гинты. Каждый изъ этихъ ауловъ, издали, по наружному своему виду, напоминаетъ средневѣковые германскіе города, лѣпящіеся своими постройками по скатамъ холма или скалы, у подножія какого-либо баронскаго замка. Наша квартира въ Ородѣ тоже напоминала собою замокъ. Къ просторной, двухъ-этажной саклѣ примыкала высокая 4-хъ угольная башня, съ нѣсколькими амбразурами, сложенная изъ нетесанаго камня сухой кладки и уцѣлѣвшая вполнѣ, не въ примѣръ многимъ такимъ-же, но почти всюду разрушеннымъ или-же сильно поврежденнымъ боевымъ башнямъ Дагестана. Причиною такой цѣлости ородинской башни послужило, безъ сомнѣнія, то обстоятельство, что въ Гидъ, до самой сдачи Шамиля, ни разу не проникали наши войска, а потому и не оставили здѣсь никакихъ слѣдовъ военныхъ опустошеній. Съ террасы, на которой стоитъ эта башня, осѣненная двумя громадными орѣховыми деревьями, виднѣлась вся гидатлинская котловина, съ ея скученными въ нѣсколькихъ пунктахъ аулами, съ ея маленькими зеленѣвшими пашнями-садами и съ ея рѣчкой, разбѣгавшейся по каменистымъ бороздкамъ. Колоритъ мѣстности мягкій, нѣжащій зрѣніе; особенно-же кажется онъ такимъ мягкимъ послѣ дикихъ, суровыхъ ущелій Верхняго Дагестана. Къ тому-же мы смотрѣли на эту мѣстность при золотистомъ освѣщеніи тихаго, теплаго вечера. Въ самомъ дѣлѣ, чувствовалось, что въ Гидѣ—благодать.

Впрочемъ, вотъ нѣсколько данныхъ, собранныхъ мною на

мѣстѣ,—и на основаніи ихъ можно составить довольно приблизительную къ дѣйствительности картину здѣшняго благодатнаго быта.

Безъ сомнѣнія, для опредѣленія степени благосостоянія такого близкаго къ природѣ, такого наивнаго общества, какъ гидатлинское, довольно принять во вниманіе количество тѣхъ благъ, которыя служатъ для удовлетворенія самыхъ первыхъ, самыхъ насущныхъ потребностей. Количество скота, величина земельнаго надѣла, качество урожая — вотъ главнѣйшіе показатели народнаго довольства. Что-же представляетъ въ этомъ отношеніи благодатный Гидъ? —Въ отвѣтъ на это привожу слѣдующія данныя.

Самый богатый изъ гидатлинскихъ ауловъ—Орода—состоитъ изъ 272 дворовъ, съ населеніемъ слишкомъ въ тысячу душъ. На это тысячное населеніе приходится пахати всего такое пространство, на которомъ можно засѣять 2600 сабъ или-же 285 четвертей зерна. При среднемъ здѣшнемъ урожаѣ (самъ 5) съ полей собирается до 12-ти тыс. сабъ, т. е. болѣе чѣмъ по 40 сабъ на дворъ или семейство, или-же по 12 сабъ на душу. Вотъ годовая пропорція продовольствія собственно хлѣбомъ. Такъ какъ средне-дагестанская саба заключаетъ въ себѣ около 5 гарнцевъ, а вѣсомъ—около 30 фунтовъ, то слѣдовательно на каждаго жителя приходится среднимъ числомъ въ годъ 360 фунтовъ зерна, или-же около 1 ф. въ день. Такая дневная пропорція можетъ показаться весьма недостаточною—но не для горца, постояннаго и притомъ добровольнаго постника, довольствующагося въ день нѣсколькими комками толокна. По офиціальнымъ-же свѣдѣніямъ, эта пропорція оказывается еще скуднѣе, а именно: во всемъ Гидатлинскомъ наибствѣ считается годоваго урожая около 40 тыс. сабъ зерна, что на каждую душу даетъ нѣсколько менѣе, чѣмъ по $^1/_2$ фунта въ день.

Гораздо роскошнѣе покажется жизнь горцевъ Средняго Дагестана, когда посмотримъ на нее со стороны ихъ скотоводства.

Такъ, нѣкоторые изъ верхне-дагестанскихъ обществъ владѣютъ громадными стадами барановъ, и съ каждымъ годомъ стада эти увеличиваются и увеличиваются. По признаніямъ самихъ горцевъ, за послѣднее время мирной жизни, баранта ихъ увеличи-

лась по крайней-мѣрѣ въ восемь разъ. Безъ сомнѣнія, едва-ли этого рода богатство въ настоящее время возможно выразить не только точными, но и близкими къ дѣйствительности цифрами. Нужно помнить, что горцы вообще стараются больше скрывать, чѣмъ заявлять о своихъ достаткахъ, въ особенности-же передъ начальствомъ, отъ котораго можетъ зависѣть увеличеніе податей; а потому всѣ офиціальныя дознанія по этому предмету можно принимать не иначе какъ за крайній minimum показаній. Но и при этомъ условіи, офиціальныя свѣдѣнія о горскихъ стадахъ представляютъ весьма почтенныя цифры. Такъ напр., общество Тлейсерухъ, вмѣстѣ съ Мукратлемъ, при населеніи до 4 тыс. душъ, владѣетъ стадами барановъ въ 112 тыс. головъ, что даетъ среднимъ числомъ по 28 барановъ на каждую душу населенія. По этому уже можно заключать о среднемъ достаткѣ горца, какъ овцевода.

Что собственно до Гида, то его баранта не многочисленна. По показаніямъ мѣстнаго наиба и нѣкоторыхъ изъ болѣе искреннихъ гидатлинцевъ, такой большой аулъ, какъ Орода, владѣетъ всего стадомъ барановъ въ 2½ тыс. головъ, или среднимъ числомъ по 8 барановъ на дворъ. Но за то Гидъ славится между среднедагестанскими обществами своими стадами рогатаго скота, вслѣдствіе чего здѣсь развито въ значительной степени молочное хозяйство: гидатлинское масло вывозится на продажу и въ сосѣднія общества и въ близкія русскія укрѣпленія Дагестана. Офиціально, въ Гидѣ числится до 10 тыс. головъ рогатаго скота, что дастъ среднимъ числомъ около 5 штукъ на каждый дворъ.

Вотъ главнѣйшіе элементы здѣшняго хозяйства. Приводя къ общему заключенію всѣ предъидущія показанія, мы увидимъ передъ собою такое общество, въ которомъ каждое семейство (среднее) обезпечено 40 сабами зерна, 5-ю штуками рогатаго скота и 8-мью баранами. Кромѣ всего этого, въ помощь хозяйкѣ есть хоть одинъ эшакъ, что весьма важно въ хозяйствѣ горянки.

Наконецъ, считаю нелишнимъ привести здѣсь показанія самого гидатлинскаго джамаата на опросъ о житьѣ-бытьѣ, предваряя, что на подобный опросъ со стороны начальства джамаатъ обыкновенно старается выставить положеніе общества въ самомъ непри-

влекательномъ видѣ: „бѣдствуемъ-молъ"... Но вотъ почти дословныя показанія гидатлинскаго джамаата: „Земля у насъ хорошая и урожаи—слава Богу: своего хлѣба стаетъ на годъ. И хоть хлѣба на сторону, въ чужіе аулы, не продаемъ, за то продаемъ масло, сыръ, шерсть. У насъ нѣтъ особаго какого-либо ремесла, которымъ-бы мы славились на весь Дагестанъ (какъ, напр., сосѣди наши *кельцы*, что торгуютъ своими шалями) *); а у насъ всего по немножку: найдется свой кузнецъ, свой скорнякъ, свой серебрякъ, свои плотники и каменьщики; есть и свои торговцы, которые ходятъ въ сосѣднія мѣста на покупку товаровъ, а потомъ продаютъ ихъ у себя въ аулѣ, дѣлая обороту въ годъ рублей на 100, на 200; на заработки рѣдко кто изъ насъ ходитъ на плоскость, да и на зиму рѣдко кто отправляется со стадами въ Закатальскій округъ: такихъ наберется всего семействъ пятьдесятъ. Пониже, гдѣ потеплѣе—сѣемъ пшеницу, а повыше—рожь и ячмень; кое-кто сѣетъ еще коноплю,—на мѣшки. Домашнія одежды приготовляютъ наши жены; сукна наши не славятся, а про свой обиходъ годятся. Живемъ по маленьку"...

Такимъ образомъ, въ Гидѣ можно видѣть не только мѣстный, своеобразный горскій достатокъ, но можно замѣтить и признаніе этого достатка самими горцами. Это вообще рѣдкость. По

---

*) Общество Кель (7 селеній и свыше 300 дворовъ) входитъ въ составъ гидатлинскаго наибства. «Кто изъ насъ не имѣетъ жены-ткачихи, тому жить трудно»,—такъ говорятъ о себѣ кельцы. Эти кельскія ткачихи ткутъ лучшія въ Дагестанѣ шали (лезгинскія сукна); въ особенности-же славятся шали (мѣрою каждая въ 12—13 локтей), приготовляемыя въ кельскомъ аулѣ Ругильда. Кельцы не спускаютъ своихъ барановъ на плоскость и не стригутъ ихъ, а выжидаютъ времени, пока шерсть съ нихъ начинаетъ сама собою спадать; шерсти не моютъ: все это кельцы считаютъ необходимымъ условіемъ для полученія шерсти, вполнѣ пригодной для хорошихъ шалей. Цѣна кельской шерсти—рублей 5 за пудъ; цѣна хорошей шали—8 и 10 руб. Въ теченіи зимы кельская ткачиха успѣваетъ соткать не болѣе 5 шалей лучшаго сорта. Шали эти продаются въ Кахетіи и даже въ Тифлисѣ. Въ Келѣ приготовляютъ также войлоки и шерстяную обувь, для чего кельцы скупаютъ шерсть въ сосѣднихъ обществахъ, но преимущественно въ такихъ, гдѣ барановъ круглый годъ держатъ въ горахъ, а не спускаютъ на плоскость. Лучшею послѣ своей кельцы признаютъ шерсть тиндинскую и хваршинскую (въ Зап. Дагестанѣ).

большей-же части, на всякій спросъ о благополучіи—въ Дагестанѣ слышится жалоба: то земли нѣтъ, то пастьбищъ мало, то лѣса Богъ не далъ... да нельзя-ли отъ подати избавить и т. п. Сосѣди Гида не считаютъ зазорнымъ для себя признавать надъ собою нѣкотораго рода превосходство гидатлинцевъ: не только пастухи-ахвахцы *), но и промышленные кельцы тотчасъ-же по спросѣ заявили, что они живутъ и бѣднѣе и грязнѣе гидатлинцевъ: „У насъ дома похуже здѣшнихъ: гидатлинцы — извѣстное дѣло—народъ опрятный!“ Въ свою очередь гидатлинцы позволяютъ себѣ подсмѣиваться надъ сосѣдями, въ особенности-же надъ ахвахцами: „это-молъ—медвѣди!“...

Что до наружности домашняго быта гидатлинцевъ, то—судя по двумъ крайностямъ, по саклѣ богатаго и бѣднаго здѣшняго жителя—нужно признать, что гидатлинцы, дѣйствительно, народъ опрятный,—но только въ дагестанскомъ смыслѣ этого слова, не больше того. Вотъ описаніе одного богатаго гидатлинскаго жилья.

Вообще средне-дагестанская богатая сакля дѣлится на два отдѣленія—для гостей и для хозяевъ, на половину кунацкую и половину семейную. Кунацкая располагается большею частію во второмъ этажѣ, состоитъ изъ двухъ или трехъ комнатъ и террасы, которая въ тоже время служитъ крышею для половины хозяйской или для хлѣва, буйволятника. Лѣстницы и пороги такого-же устройства, какъ и дагестанскія горы: тутъ легко сломить себѣ, съ непривычки, ноги и шею; двери деревянныя, половинчатыя, на деревянныхъ-же створахъ и безъ всякихъ запоровъ; входя чрезъ нихъ въ комнату необходимо сгибаться и въ тоже время высоко заносить ногу, чтобъ не споткнуться о порогъ. Свѣтъ, вмѣстѣ съ вѣтромъ и холодомъ въ ненастное время, проникаетъ въ комнату чрезъ маленькія четырехугольныя окна, безъ рамъ и стеколъ, но притворяемыя извнутри деревянными створчатыми ставнями или заслонками; часть свѣта идетъ въ комнату также чрезъ узенькія

*) Жители трехъ селеній (Тлану, Циго и Ратлу), входящихъ въ составъ Гидатля, но завоеванныхъ гидатлинцами у цунта-ахвахцевъ, преимущественно—скотоводовъ.

отверстія въ стѣнѣ, которыя служили амбразурами для ружейной пальбы, на случай нападенія непріятеля; наконецъ часть свѣта проникаетъ въ комнату и чрезъ прямую трубу камина (бухаръ), устраиваемаго обыкновенно у стѣнки, безъ особыхъ затѣй: дрова кладутся прямо на полъ, глиняный, или-же на камень, вмазанный въ полъ, и дымъ идетъ подъ навѣсъ, въ родѣ балдахина прикрывающій очагъ на полутора-аршинной высотѣ отъ полу. Но и въ комнатѣ, вслѣдствіе такого устройства бухаровъ, не безъ дыму, такъ что, когда затопятъ каминъ, съ непривычки становится невыносимо: отъ ѣдкаго дыма слезы выступаютъ изъ глазъ, голова тяжелѣетъ и единственное облегченіе—лечь на полъ или присѣсть на корточки. Да и сами горцы, отъ этого-же дыма, сильно болѣютъ глазами. Въ этихъ видахъ, по всей вѣроятности, устраивается и средне-дагестанская мебель такой высоты, какъ наши скамеечки для ногъ: это низенькіе, четырехъ и трехъ-угольные, табуреты, большею частію орѣховаго дерева, изукрашенные иногда рѣзьбой, но вообще неуклюжіе, довольно массивные и безъ всякой обивки. Впрочемъ, и такой мебели, въ цѣломъ аулѣ, не наберется и десятка штукъ; не для чего она горцамъ, когда они обыкновенно садятся на полъ, подкладывая подъ себя ноги точно такъ же, какъ и другіе жители востока. Но, кромѣ табуретовъ, можно иногда встрѣтить въ саклѣ зажиточнаго горца еще нѣчто въ родѣ кресла, нѣчто въ родѣ дивана, тоже орѣховаго дерева, съ вычурною рѣзьбой, и также неуклюжія и ничѣмъ не обитыя: это прадѣдовское наслѣдство, въ родѣ семейнаго трона какого-либо вліятельнаго главы семейства. Вообще-же всякая мебель — излишекъ для горца; самое необходимое украшеніе его кунацкой—это ковры и паласы, и только въ нѣкоторыхъ сакляхъ самыхъ зажиточныхъ людей, чиновныхъ, можно встрѣтить наконецъ что-нибудь и изъ мебели русской. Стѣны кунацкой довольно чисты, смазаны глиной, внизу сѣрой, а вверху бѣлой. Въ стѣнахъ обыкновенно есть нѣсколько нишей, но пустыхъ и безъ занавѣсокъ, то большихъ, то меньшихъ и расположенныхъ не симметрично. Въ такихъ нишахъ у жителей плоскостной части Дагестана хранятся сундучки, всякаго рода цацки, занавѣшенныя шолковой тканью или парчею; у

горцевъ-же, при всей ихъ падкости на цацки, ниши кунацкой большею частію ничѣмъ не наполнены; только въ верхнихъ нишахъ, подъ самымъ потолкомъ, можно замѣтить иногда разставленную по ранжиру всякаго рода русскую посуду, цѣлую и битую: тутъ и бутылки, и пузырьки, и чайникъ съ отбитымъ носикомъ, и въ особенности полоскательныя чашки; все это, какъ украшеніе, стоитъ безъ употребленія. Вообще стѣнныя украшенія у горцевъ, состоя изъ вещей, добытыхъ всякаго рода темными путями, представляются нашимъ глазамъ чѣмъ-то страннымъ, не идущимъ—какъ говорится—ни къ селу, ни къ городу: вотъ напр., нѣсколько неразрѣзанныхъ носовыхъ бумажныхъ платковъ прибито въ длину всей стѣны; подъ ними развѣшенъ такой-же длины кусокъ ситцу; на другой стѣнѣ прибито нухинское полосатое шолковое одѣяло; на третьей стѣнѣ, на колышкахъ висятъ наши тарелки, для чего, разумѣется, просверлены ихъ края... Словомъ, горца забавляютъ тѣ самыя вещи, которыя у насъ составляютъ предметъ извѣстнаго необходимаго употребленія, и онъ, не понимая ихъ назначенія, обращаетъ все это на украшеніе своей кунацкой.

Потолки комнатъ большей частію устраиваются такъ: кладется въ длину комнаты толстая четыреугольная балка, поддерживаемая посрединѣ столбомъ или тремя столбами; параллельно къ ней кладутся другія балки, потоньше, на поларшина одна отъ другой, и промежутки между ними закладываются въ поперекъ тросточками или полѣньями. Балки и столбы—дубоваго или орѣховаго дерева, немазаные, съ нарѣзками и украшеніями, нѣсколько закоптѣлые отъ дыма; при бѣлыхъ стѣнахъ такой потолокъ хотя и красивъ, но мраченъ; у нѣкоторыхъ онъ залѣпленъ кружками изъ бумаги, на которыхъ аляповато намазаны или какія-нибудь фигуры, имѣющія значеніе талисмановъ, или изреченія изъ корана. Въ главную балку и въ ея опору—столбъ—вбиваются колышки, для вѣшанья оружія; вбиваются колышки и въ стѣны, а также въ повѣшенныя подлѣ стѣнъ жерди, чтобы вѣшать вяленую баранину.

Кунацкая бываетъ только у зажиточныхъ, да и у этихъ она большею частію не обитаема, въ особенности въ зимнее время, ког-

да—при такомъ ея устройствѣ—въ ней должно быть невыносимо холодно.

На семейной половинѣ, какъ у бѣдныхъ, такъ и у богатыхъ, одно и тоже: это мрачное, закоптѣлое отъ дыма, заваленное всякаго рода домашнимъ скарбомъ и рухлядью помѣщеніе служитъ и спальней, и кухней, и кладовой для всего семейства. Вмѣсто камина или бухара здѣсь большею частію устраивается посреди комнаты очагъ, надъ которымъ въ потолкѣ дѣлается отверстіе для выхода дыма; на стѣнахъ виситъ одежда, оружіе и посуда; въ углахъ находятся маленькіе закрома для муки и зеренъ. Кто побогаче, у того есть еще пристройки для склада всего домашняго скарба,—въ родѣ кладовыхъ, въ которыя нерѣдко ведутъ не двери, а оконца, и въ нихъ нужно проползать на четвереньках.

У нашего ородинскаго хозяина всего домашняго скарба могло бы достать на нѣсколько семействъ, а потому его хозяйская половина походила нѣсколько на музей. Какой посуды тамъ не было! И въ томъ числѣ были экземпляры весьма замѣчательные, перешедшіе къ настоящему ихъ владѣльцу отъ его предковъ и составляющіе предметъ его гордости. Между прочимъ тутъ былъ одинъ громадный мѣдный тазъ, средина котораго представляла изящный горельефъ—переплетенныя вѣтки винограда, положенныя вокругъ надписи, нѣсколько стертой, но видимо латинской, изображенной готическими буквами; довольно ясными остались слѣдующія слова: „Domine... bene vive.... anno“... Тонкая и отчетливая работа горельефа говоритъ во всякомъ случаѣ за то, что этотъ сосудъ не горской работы, да притомъ онъ видимо передѣланъ кузнецами-горцами: края придѣланы изъ другаго металла... Замѣчательными показались и другіе мѣдные сосуды, употребленія которыхъ не могъ объяснить и самъ хозяинъ: явный признакъ, что они попали сюда изъ чужой стороны. Это были довольно-чистой и красивой работы фигуры оленя, утки, козла и др. животныхъ, изъ желтой мѣди,—внутри пустыя и съ двумя отверстіями: своеобразные-ли это кубки, или-же резервуары для освѣтительнаго матеріала—опредѣлить трудно. Вообще-же, можно не преувеличивая повторить,

что весь складъ посуды нашего ородинскаго хозяина представлялъ своего рода музей: громадные и маленькіе тазы, разной величины чаны, нѣкоторые на подобіе литавръ, о трехъ ножкахъ, всякихъ видовъ кувшины для воды—все это красной мѣди; такой-же ассортиментъ глиняной посуды. Наконецъ, въ числѣ рѣдкихъ вещей, хозяинъ показалъ желѣзную предковскую кольчугу, которую съ большимъ трудомъ можно было приподнять съ полу.

Но и эта богатая — въ глазахъ горца—хозяйская половина жилья представлялась весьма неряшливою. Не говорю о дымѣ, о копоти, о мрачности помѣщенія, о грязи и пыли, замѣтныхъ на всемъ скарбѣ, такъ что къ какой вещи ни прикоснешься, то и руки загрязнишь; но кромѣ всего этого нельзя было не обратить вниманія на два свѣтовыя отверстія, устроенныя подъ потолкомъ, въ которыхъ пауки свили себѣ гнѣзда, заткавъ ихъ плотной паутиной и сами сидя въ ней большой величины пуговками: это суевѣрнымъ обычаемъ взлелеянные пауки, величины необыкновенной, мною до тѣхъ поръ невидѣнной; трогать и разрушать ихъ паутину не дозволяетъ себѣ горецъ-хозяинъ, потому что они—такъ сказать—своего рода благословеніе для дому.

Наконецъ выставкою богатства нашего хозяина служила терраска его кунацкой, со складомъ дровъ, съ жердями, на которыхъ висѣли распяленныя вяливміяся бараньи туши, а также турьи рога, наткнутые на палки.

Обозначивъ здѣсь нѣсколько чертъ, которыя могутъ послужить для характеристики горскаго быта, а въ особенности — гидатлинскаго достатка, не могу умолчать о томъ, что и въ благодатномъ Гидѣ благоденствуетъ все-же мужская половина рода человѣческаго, а не женская... Такъ, не успѣли мы еще хорошенько осмотрѣться въ ородинской квартирѣ нашей, какъ явились просительницы, своимъ видомъ напомнившія весь гнетъ, лежащій на дагестанской женщинѣ. Тѣ русскія бабы, что смущали своимъ костюмомъ и наружностью мягкосердечнаго гоголевскаго Тентетникова, оказались-бы въ сравненіи съ этими и красавицами, и щеголихами. Большею частію сѣдоволосыя старухи, эти просительницы падали ницъ, снимая при этомъ покрывала съ сѣдыхъ головъ, и ва-

лялись угогъ, хотя ихъ и просили, и уговаривали, и даже угрожали, что ихъ не будутъ слушать, если только онѣ не станутъ стоять и говорить по-человѣчески. Но нѣтъ,—таковъ ужъ женскій просительскій обычай Дагестана!—Одна до-нельзя сгорбленная старуха заявила, что она составляетъ собою дымъ (дворъ) и обложена податью: оказалось, что у этой старухи три взрослыхъ сына, которые отдѣлились отъ нея, такъ что она одна осталаćь на весь дворъ, и никто изъ нихъ не хочетъ принять ее къ себѣ и кормить подъ старость... Вообще-же и здѣсь, въ Гидѣ, какъ и во всемъ Среднемъ Дагестанѣ, жалкое, угнетенное положеніе женщины кажетъ себя всюду,—на полѣ, подъ тяжелымъ вьюкомъ сноповъ или сѣна; въ аулѣ—когда она изрѣдка выглянетъ изъ-за угла, сгорбленная, запуганная, въ лохмотьяхъ.

Но въ Дагестанѣ на все—свой взглядъ, или-же—выражаясь словами горцевъ—свой адатъ. Что на наши глаза безобразно, тяжело, то въ ихъ понятіяхъ представляется и умѣстнымъ и легкимъ дѣломъ. Вотъ хотя-бы и слѣдующее: на террасѣ нашей квартиры были сложены дрова, всего съ полсажени; на вопросъ — куда и далеко-ли приходится ородинцамъ ходить за дровами (лѣсу вблизи нигдѣ не было видно), получился отвѣтъ: „Лѣса наши близко: вонъ тамъ — за горою... Баба какъ выйдетъ утромъ изъ дому, то къ вечеру и успѣетъ вернуться назадъ съ вьюкомъ дровъ"... Нечего сказать, удобно и близко!...

(*Продолженіе будетъ*).

———

ВОСПОМИНАНІЯ МУТАЛИМА

(Абдуллы Омаръ-оглы) *).

I.

У горскихъ племенъ Дагестана родители считаютъ священнымъ долгомъ обучать дѣтей своихъ арабской грамотѣ, чтобы до-

*) *Муталимъ* (мутаалэмъ)—учащійся, ученикъ при мечети.

Настоящая статья, представляя много замѣчательныхъ чертъ изъ быта горцевъ, имѣетъ еще интересъ по отношенію къ личности автора. Уроженецъ Кази-Кумухскаго округа, объѣздившій почти весь Дагестанъ, знакомый со многими языками и нарѣчіями послѣдняго, авторъ считается однимъ изъ лучшихъ мѣстныхъ переводчиковъ и принадлежитъ къ первымъ распространителямъ между дагестанскими горцами грамотности на туземныхъ языкахъ. П. К. Усларъ, въ предисловіи къ своимъ изслѣдованіямъ о Лакскомъ языкѣ, замѣтилъ слѣдующее: «Руководителемъ моимъ «былъ уроженецъ Кумуха, Абдулла-Омаръ-оглы, молодой человѣкъ, весьма «даровитый и трудолюбивый, съ которымъ я могъ свободно объясняться «по-русски. Теперь онъ безъ малѣйшаго затрудненія пишетъ на природномъ «языкѣ своемъ и усвоилъ грамматическое пониманіе его. На него вся надежда «въ отношеніи къ распространенію письменности между лаками». И дѣйствительно, кази-кумухцы (лаки) трудамъ его обязаны первыми печатными книжками на родномъ языкѣ (объ этомъ подробно говорится въ отдѣлѣ нашего Сборника—«Горская лѣтопись», въ статьѣ «Распространеніе грамотности на туземныхъ языкахъ»). Этнографическія подробности, сообщаемыя подобными свѣдущими туземцами, носятъ на себѣ характеръ гораздо большей достовѣрности, чѣмъ летучія замѣтки путешественниковъ, не успѣвающихъ ни къ чему хорошенько приглядѣться. Независимо отъ этого, при изложеніи этнографическихъ чертъ самимъ же туземцемъ, невольно сказывается и туземное міровоззрѣніе. Такимъ образомъ, для горской этнографіи статьи, подобныя предлагаемой, имѣютъ двойной интересъ. «Сборникъ» надѣется встрѣтить сочувствіе и вызвать отголоски на свою програму со стороны и другихъ свѣдущихъ и образованныхъ горцевъ.

Ред.

ставить имъ возможность со временемъ читать коранъ. Но обучаютъ преимущественно мальчиковъ, и рѣдко—дѣвочекъ. Потому-то въ Дагестанѣ грамотныхъ женщинъ почти нѣтъ. Впрочемъ, такой обычай, по отношенію къ дѣвочкамъ, вполнѣ сообразенъ съ наставленіями мусульманской религіи, да къ тому же, каждая дѣвушка въ горахъ, уже съ самыхъ малыхъ лѣтъ, исполняетъ въ семьѣ обязанности помощницы матери во всѣхъ тяжелыхъ работахъ, какія выпали въ горахъ на долю женщинъ. У горцевъ въ обычай вошло, что мужчина считаетъ для себя за стыдъ заниматься полевыми работами, а съ другой стороны, та дѣвушка, которая много работаетъ и носитъ на спинѣ своей тяжелые вьюки бурьяну или сѣна, считается самою лучшею невѣстою. При такомъ обычаѣ, безъ сомнѣнія, дѣвушкамъ не до грамоты.

Для обученія дѣтей арабской грамотѣ въ каждомъ аулѣ найдется одинъ-другой наставникъ. преимущественно изъ стариковъ, и рѣдко гдѣ изъ женщинъ; они принимаютъ къ себѣ въ домъ и обучаютъ чужихъ дѣтей за извѣстную плату. Такъ, помню хорошо, что и въ нашемъ аулѣ былъ такой же учитель-старикъ, нашъ сосѣдъ, и у него обучалось нѣсколько мальчиковъ.

Отецъ мой былъ ученый мусульманинъ и славился святостью своей жизни. Будучи изъ числа мюридовъ Кази-Муллы—втораго имама въ Дагестанѣ— онъ, какъ истинный послѣдователь тариката, былъ крѣпокъ въ своихъ религіозныхъ убѣжденіяхъ и не чуждъ фанатизма. Женившись на моей матери, онъ скоро успѣлъ передѣлать ее на свой ладъ, такъ что я помню ихъ обоихъ одинаково монахами. Отецъ казался безкорыстнымъ и чуждымъ какихъ-либо искательствъ земныхъ благъ; онъ обыкновенно говаривалъ: „имущество сего міра останется здѣсь же; оно временное; нужно стараться о пріобрѣтеніи сокровищъ для вѣчной жизни; Богъ же не умертвитъ голодомъ своего вѣрнаго раба“. Тѣмъ не менѣе однако, скажу по совѣсти, когда выпадалъ случай пріобрѣсть что-либо изъ богатствъ міра сего безъ труда, онъ тоже считалъ обязанностію не упускать такого случая и пользовался имъ весьма охотно. Онъ не любилъ работать и вообще строго придерживался довольно лѣниваго и безпечнаго образа жизни, присвоеннаго въ горахъ подоб-

нымъ ему, религіознымъ людямъ. Полевыми же работами и вообще по хозяйственной части неутомимо занималась мать, при чемъ не забывала и о собственныхъ молитвахъ. Впрочемъ, отецъ мой былъ очень трудолюбивъ въ особой сферѣ труда: такъ, онъ спалъ очень мало и бѣгалъ въ мечеть каждую ночь до зари, и никакой морозъ, никакая непогода не препятствовали проявленіямъ такой его религіозности.

Когда я началъ говорить, то вмѣстѣ съ роднымъ языкомъ родители меня учили разнымъ молитвамъ, такъ что, не будучи еще въ состояніи перечесть на родномъ языкѣ названія пальцевъ, я это зналъ уже по-арабски. За тѣмъ, съ самыхъ раннихъ моихъ лѣтъ, родители позаботились обучать меня арабской грамотѣ.

У сосѣда нашего, какъ сказалъ я прежде, была сельская школа, гдѣ обучались сельскія дѣти тоже арабской азбукѣ. Эти дѣти, обыкновенно, читали свои уроки въ слухъ, съ крикомъ, на разные голоса, что, сливаясь вмѣстѣ, разносилось въ воздухѣ гуломъ на порядочное пространство. Я сталъ завидовать ученикамъ сосѣда; мнѣ сильно хотѣлось присоединить и свой голосъ къ ихъ голосамъ. И вотъ, однажды, я заплакалъ, а на вопросъ о причинѣ плача, сказалъ, что хочу пойти къ сосѣду учиться вмѣстѣ съ другими мальчиками. Родители, однако, ни какъ не соглашались на это,—вѣроятно, во избѣжаніе платы за мое ученіе; но чѣмъ больше мнѣ отказывали, тѣмъ все больше мнѣ хотѣлось непремѣнно присоединиться къ ученикамъ сосѣдской школы. Ученики эти пользовались разными завидными для меня правами. Они получали изъ *заката* *) по нѣскольку горстей зерноваго хлѣба, за которыя обыкновенно покупали себѣ яблокъ или грушъ; кончавшіе курсъ своего ученія или же дочитавшіе до извѣстныхъ главъ корана обыкновенно приглашали къ себѣ всѣхъ товарищей на обѣдъ или на ужинъ,—и у нихъ часто устраивались своего рода пирушки; кромѣ всего этого, они назывались еще учениками по-преимуществу, или же *дѣтьми по корану*, какъ говорится на

*) *Закаатъ*, *закатъ*—десятая часть урожая, которую каждый мусульманинъ обязанъ удѣлять ежегодно, по окончаніи жатвы, въ пользу бѣдныхъ и въ мечеть, на содержаніе при ней муталлимовъ.

туземномъ языкѣ. Меня же, какъ учившагося дома, никто не величалъ такимъ лестнымъ титуломъ.

Наконецъ, послѣ неоднократныхъ моихъ слезныхъ просьбъ, отецъ согласился отправить меня къ сосѣду, и однажды вечеромъ сказалъ матери: „Испеки пирогъ, пусть сынъ пойдетъ къ сосѣду учиться“.

— За чѣмъ его слушать? вѣдь однимъ пирогомъ не отдѣлаешься! Нужно еще сдѣлать угощеніе для учителя, когда онъ дойдетъ до *Кульго* (глава корана), потомъ еще, когда дойдетъ до *Ясина* (тоже глава корана), потомъ еще заплатить два рубля: все это значитъ что нибудь! сказала мать.

— Но что же будемъ дѣлать, когда ему такъ хочется нанести намъ такой убытокъ.

— Дѣти настоящаго времени родятся съ дьявольскими наклонностями, и пользы отъ нихъ нечего ожидать!

— Онъ еще маленькій. . . . Почемъ знать, что изъ него выйдетъ? Можетъ статься, что онъ, при его способностяхъ, со временемъ сдѣлается большимъ *алимомъ* (ученымъ), — замѣтилъ отецъ.

— Но съ чѣмъ пирогъ сдѣлать — съ тыквой или мясомъ? спросила мать.

— Съ чѣмъ хочешь, только чтобъ пирогъ былъ хорошій...

И вотъ, на другой день, рано утромъ, отецъ далъ мнѣ деревянную доску, на которой была написана азбука, и отправилъ меня съ работникомъ и съ пирогомъ въ первую для меня школу.

Учитель, видимо, съ радостью встрѣтилъ какъ меня, такъ въ особенности—большой пирогъ: онъ ласково взялъ меня за руку и указалъ мнѣ мѣсто въ классѣ.

Классъ этотъ помѣщался на балконѣ, вдоль котораго было положено длинное бревно; мѣсто за бревномъ было застлано соломою, которую ученики сами собирали на жительскихъ гумнахъ, когда тамъ молотили хлѣбъ. На этой-то соломѣ, лицемъ къ бревну, сидѣли всѣ ученики, будущіе мои товарищи, и передъ каждымъ изъ нихъ лежало по два плоскихъ камня, поставленныхъ

одинъ подлѣ другаго углообразно, чтобы могли на нихъ лежать книжки или азбучныя доски.

Такъ какъ у меня не было ни соломы, ни камней, то учитель одолжилъ ихъ мнѣ — только на время. Не дальше какъ на другой же день, рано утромъ, одинъ изъ новыхъ товарищей моихъ сказалъ мнѣ, что онъ знаетъ, гдѣ въ аулѣ молотятъ хлѣбъ, и я вмѣстѣ съ нимъ отправился на гумно попросить себѣ соломы. Получивъ вязанку, я принесъ ее въ училище, усѣлся не нее и былъ счастливъ при мысли, что и я *мальчикъ по корану*, что и я пользуюсь правами этого лестнаго титула. Окончательно же я возрадовался только тогда, какъ услышалъ съ крыши одного дома голосъ, который взывалъ: „Кто имѣетъ право получить *закаатъ*— пусть явится.“ Я побѣжалъ съ другими учениками на этотъ крикъ, и мы получили чашки двѣ пшеницы, за которыя тотчасъ-же купили себѣ яблокъ, а учитель подѣлилъ ихъ между нами, при чемъ не забылъ и себя, и своего сына, котораго даже и дома не было въ то время. . . .

Когда я дошелъ до Кульго *) учитель перевязалъ мнѣ большой палецъ правой руки толстою шерстяною ниткою и затѣмъ отправилъ домой. Чрезъ три дня послѣ этого нашъ работникъ несъ къ учителю три хлѣба, большой супникъ похлебки изъ пшеницы и бобовъ, кувшинъ бузы и ляжку копчонаго барана. И пока я кончилъ весь коранъ, нѣсколько разъ относились въ домъ учителя подобные подарки, а именно, всякій разъ, какъ только доходилъ я до извѣстныхъ главъ корана. Наконецъ насталъ для меня и торжественный день, въ который я кончилъ весь коранъ. Еще наканунѣ этого дня, учитель мнѣ сказалъ, чтобы я извѣстилъ объ этомъ своихъ родителей, что я и исполнилъ. Когда же въ школѣ, читая послѣднюю главу корана, дошелъ я до послѣдней строчки,— всѣ ученики встали съ мѣстъ и начали приготовляться точно бѣжать куда-нибудь: одни снимали съ себя шубы, другіе—сапоги,

*) Такъ называется небольшая глава Алкорана, считающаяся особенно священною, часто повторяющаяся въ молитвахъ и состоящая изъ слѣдующихъ словъ: „Скажи, что Богъ одинъ, что Богъ ни въ комъ и ни въ чемъ не нуждается, что Богъ самъ не рожденъ и никого не рождалъ, что Богъ не имѣлъ никого и ничего Себѣ равнаго.“

третьи засучивали рукава своихъ рубашекъ до локтей, будто приготовлялись къ кулачному бою. Когда же я произнесъ последнее слово корана, въ тотъ же мигъ я очутился на рукахъ товарищей, которые понесли меня въ домъ моихъ родителей и не прежде положили меня на землю, какъ мать моя дала имъ чашку орѣховъ. Дома между тѣмъ былъ приготовленъ обѣдъ, на который явились по приглашенію вліятельнѣйшіе люди аула и за которымъ учитель возсѣлъ на самомъ почотномъ мѣстѣ. Послѣ-жъ обѣда отецъ вручилъ учителю 2 р. 50 к. и поблагодарилъ его за труды, а старики и прочіе муллы пожелали мнѣ успѣха въ дальнѣйшемъ ученіи, чтобы я сдѣлался наконецъ такимъ же ученымъ мужемъ, какъ мой отецъ,—потомъ всѣ стали расходиться по домамъ, отирая свои сальныя руки о бороды и лица.

Съ того дня, какъ происходила вся эта церемонія, началась для меня новая жизнь: отецъ подарилъ мнѣ пашню, а мать—покосное мѣсто; но самою большою наградою для меня были слышанныя иногда отъ разныхъ лицъ похвалы, что вотъ я—такой маленькій—а кончилъ уже коранъ, всего въ 3 мѣсяца, тогда какъ другіе ученики учились уже по цѣлымъ годамъ, а все еще не выходили изъ школы. Одинъ родственникъ моей матери подарилъ мнѣ свой родовой коранъ, писанный какимъ-то ученымъ прапрадѣдомъ, и я читалъ каждый день по двѣ части изъ 30 частей корана, и тѣмъ воздавалъ должную дань умершимъ предкамъ своимъ. За тѣмъ, ежедневно, по окончаніи мною чтенія обычной части корана, отецъ училъ меня правиламъ религіи и правиламъ тариката. Онъ заставлялъ меня повторять слова „Боже прости“ 300 разъ; потомъ слова „Богъ великъ“ столько же разъ. Потомъ я заучивалъ и другія молитвы, читая ихъ наизусть и нараспѣвъ и въ тоже время нисколько не понимая ихъ смысла.

Послѣ того какъ я заучилъ на память двѣ книжечки молитвъ и правилъ религіи, отецъ далъ мнѣ арабскую первоначальную грамматику. Было это въ среду *), послѣ утренняго намаза.

*) По повѣрью мусульманъ, всякое важное дѣло должно начинать въ

Отецъ прочелъ молитву, при чемъ я усердно и съ благоговѣніемъ произносилъ „аминь“, а по окончаніи молитвы послѣдовалъ первый мой урокъ изъ грамматики.

Съ этого дня во мнѣ явилась какая-то гордость предъ своими товарищами по корану. Они всѣ прекратили уже дальнѣйшее ученіе: кто пошелъ на плоскость съ баранами, съ отцемъ или дядею; кто въ Дербентъ на заработки; кто дома шатался по улицамъ или же бѣгалъ въ поле съ капканомъ для птицъ. Я одинъ только продолжалъ учиться и ходить въ мечеть съ книжкою въ рукахъ. Тогда мнѣ дана была отцомъ инструкція такого рода: вставать до зари и молиться дома, потомъ отправляться въ мечеть и прочитывать тамъ $^{1}|_{30}$ часть корана; за тѣмъ идти на кладбище и читать молитвы на могилахъ своихъ предковъ, а возвратившись оттуда, заучивать свой урокъ изъ грамматики. Наконецъ слѣдовалъ завтракъ, послѣ котораго я долженъ былъ брать новый урокъ.

Инструкцію эту я исполнялъ строго, за что и пользовался большимъ уваженіемъ въ народѣ.

„Вотъ видите“! говорилъ иногда какой-нибудь старикъ, сидя на сходбищѣ. „Сейчасъ же видно, что будетъ хорошимъ человѣкомъ! Даже взрослые не знаютъ гдѣ мечеть, развѣ отыщутъ ее тогда, когда въ мечети раздается хлѣбъ или мясо изъ *вакфа* *), а этотъ мальчикъ точно родился для мечети“.

среду, ибо пророкъ сказалъ: «Всякое дѣло, начавшееся въ среду, должно кончиться».

*) *Вакфъ* — слово арабское, означаетъ «остановить», а по шаріату имѣетъ значеніе «пожертвовать какое-либо имущество въ пользу кого и чего бы то ни было съ богоугодною цѣлью». Въ горахъ много такихъ пахатныхъ и пастьбищныхъ земель, на которыя наложенъ *вакфъ*, т. е. съ земель этихъ должно посылать въ мечеть хлѣбъ, или съ пасущихся на нихъ барановъ отдавать въ мечеть барана, сало на освѣщеніе и т. п. Пожертвованія такого рода дѣлаются, обыкновенно, на вѣчныя времена. Налагается *вакфъ* и на вещи, напр., на книги: первый владѣлецъ оставляетъ ихъ въ вакфъ тому, кто изъ его фамиліи будетъ по нимъ учиться, а потому подобныя книги не подлежатъ раздѣлу между наслѣдниками, а переходятъ только къ тому, кто грамотенъ.

— „Что же тутъ удивительнаго! разумѣется, каковъ корень— таковъ и плодъ“, замѣчалъ другой.

— „Неправда, возражалъ третій: вотъ, примѣрно, Магома: какой воръ былъ его отецъ, просто дѣтей изъ люльки воровалъ; а сынъ его, какъ ангелъ, и хорошъ и добръ“.

— Чтожъ такое! и на шиповникѣ роза ростетъ, возражалъ старикъ.

— Да! все на свѣтѣ дѣлается по волѣ Божіей, и у всякаго своя судьба! замѣтилъ кто-то.

Подобныя похвалы для меня были весьма лестны, и потому-то я съ особеннымъ удовольствіемъ исполнялъ отцовскую инструкцію.

II.

Въ нѣкоторыхъ аулахъ, гдѣ нѣтъ ученыхъ людей, общество нанимаетъ муллъ изъ другаго аула, за извѣстную плату, на годъ.

Однажды, вернувшись изъ мечети домой, засталъ я у отца 3-хъ старцевъ, мнѣ незнакомыхъ. Всѣ трое сидѣли рядомъ, подложа подъ себя ноги, съ четками въ рукахъ. Это были депутаты общества сел. К..., пріѣхавшіе къ отцу просить его, чтобы онъ поѣхалъ къ нимъ *кадіемъ*.

— „Да“! не разъ произносилъ со вздохомъ одинъ изъ старцевъ, самый серьезный и все время жмурившій глаза.

— Да! подхватывалъ другой, поднимая голову съ груди: теперь вѣрно свѣтъ приближается къ концу! люди сдѣлались хитрѣе дьявола, даже мальчишки теперешніе хитрѣе прежнихъ стариковъ! Увы, очень мало стало людей, которые бы боялись Бога! Всѣ идутъ къ русскимъ за какіе нибудь гроши... За черныя день-

ги продаютъ даже хлѣбъ русскимъ, а молодежь идетъ въ работники къ армянамъ! Никто Богу не молится какъ слѣдуетъ, всѣ устремились къ суетамъ міра сего, даже сами муллы не боятся Бога и дѣлаютъ то, чего бы не сдѣлалъ другой неграмотный человѣкъ.

— Я слышалъ, нашъ покойный кадій говаривалъ въ мечети: „Слушайтесь того, что вамъ говорятъ ученые, а не смотрите на то, что они сами дѣлаютъ", замѣтилъ на это третій старикъ.

— Да вотъ хоть бы и нашъ теперешній кадій Курбанъ,— сказалъ опять второй: собираетъ закатъ для учениковъ, а ихъ у него никогда и не бывало! Онъ и табакъ нюхаетъ, и бузу пьетъ, и съ тѣхъ поръ какъ онъ кадіемъ—жители начали сильно мереть... Пожалуй, пусть дѣлаетъ что хочетъ, это бы ничего; да чрезъ такихъ людей гнѣвъ Божій падаетъ на всѣхъ: урожаи стали совсѣмъ не то что прежде; недавно было затменіе луны; прошлый годъ земля тряслась... все это признаки гнѣва Божія!

Послѣ такихъ разговоровъ началась рѣчь объ условіяхъ: отецъ согласился поѣхать въ деревню К... кадіемъ, съ тѣмъ, чтобы жители давали ему съ каждаго дома по одной *сабѣ* *) хлѣба въ годъ.

Чрезъ нѣсколько дней послѣ этого отецъ уѣхалъ, пообѣщавшись въ скоромъ времени и меня переселить въ тотъ же аулъ. Я не зналъ, что и дѣлать отъ радости; мнѣ было и весело и лестно, что поѣду учиться въ чужой аулъ и буду ученикомъ ужъ при мечети.

И вотъ, однажды, недѣли черезъ двѣ послѣ отъѣзда отца, мать долго читала какую-то молитву, поднявъ руки къ небу, а потомъ, окончивъ молитву, стала снаряжать меня въ дорогу: снабдила меня всѣми необходимыми вещами, какъ-то: тулупомъ, войлочными сапогами, башлыкомъ, палкой, сумкой съ книгами и закуской,—и наконецъ отправила меня съ однимъ изъ родственниковъ къ отцу.

---

*) *Саба*—мѣра емкости, въ которой помѣщается зерна вѣсомъ около 30 фунтовъ. Саба бываетъ различной величины, смотря по мѣстности: саба въ бывшемъ шамхальствѣ равняется двумъ сабамъ горскимъ.

Въ К. . . отецъ помѣстилъ меня на житье вмѣстѣ съ другими учениками его, жившими въ самой мечети, и мнѣ очень понравилась ихъ жизнь, хотя она не отличалась никакими удобствами. Довольно сказать, что не только ни у кого изъ нихъ не было постели, но даже не было и подушки. На ночлегъ каждый ученикъ обыкновенно забирался въ какой-нибудь уголъ и дѣлалъ тамъ себѣ постель изъ ковровъ, которыхъ много было въ мечети; укрывался ковромъ же, и вмѣсто подушки подъ голову клалъ тоже коверъ. На утро, само собою разумѣется, ковры эти постилались по своимъ мѣстамъ. Съ боку мечети была маленькая комната, въ которую входили чрезъ самую мечеть и для которой служило окномъ одно маленькое отверстіе, выходившее на улицу. Эта комната, называемая у мусульманъ *худжри* *), служила вмѣстѣ и кухнею, и столовою, и кладовою. Въ одномъ изъ угловъ ея лежало топливо (изъ соломы и кизяка), собираемое учениками въ аулѣ, въ каждый четвергъ вечеромъ; по срединѣ, къ стѣнѣ, находился каминъ, въ которомъ стоялъ разбитый чугунный котелъ, а возлѣ камина стояли полуразбитые два глиняные кувшина и такой же бардакъ съ водою; тутъ же лежалъ мѣшокъ съ мукою и старый деревянный подносъ, въ которомъ приготовляли тѣсто для *хинкала* **). Было тутъ еще сито, чашка и нѣсколько деревянныхъ ложекъ. Вотъ и все хозяйство муталимовъ.

Между учениками были уже распредѣлены должности по хозяйству: старшій назывался *старшимъ цигоромъ;* на его обязанности лежало приготовлять тѣсто для хинкала и наблюдать за порядкомъ; второй назывался *комнатнымъ цигоромъ* и на его обязанности лежало—разводить огонь, сѣять муку, ставить котелъ въ каминъ и держать комнату въ чистотѣ; третій назывался *водянымъ цигоромъ*; онъ обязанъ былъ привозить воду изъ рѣч-

---

*) *Худжра*—слово арабское: комнатка, гдѣ помѣщаются муталимы, и вообще комнатка для ученыхъ занятій и помѣщенія книгъ.

**) *Хинкалъ*—обычное кушанье у горцевъ, въ родѣ малороссійскихъ галушекъ; приготовляется изъ тѣста, которое разрѣзаютъ на куски и варятъ въ водѣ, съ лукомъ, мясомъ или же безъ всякой примѣси; хинкалъ бываетъ различной формы и разной величины.

ки для омовенія и для приготовленія кушанья; четвертый и пятый, самые младшіе, назывались *деревенскими цигорами*; на нихъ лежала обязанность ходить по аулу, выпрашивая у жителей соли, молока, чесноку и пр. Должности эти были раздѣлены по жребію и каждый исполнялъ ихъ строго, за неисполненіе же подвергался штрафу, который назначалъ старшій цигоръ, по своему усмотрѣнію. Штрафы были такого рода: перенести большой камень съ далекаго мѣста, или взойти на какую-нибудь гору и сдѣлать тамъ каменный складъ, въ свой ростъ вышиною; или же достать гдѣ нибудь кувшинъ молока, сыворотки и т. п. Кромѣ того, старшій цигоръ отбиралъ книгу у виновнаго, клалъ ее въ извѣстное мѣсто, и книга не возвращалась хозяину до тѣхъ поръ, пока тотъ не исполнялъ назначеннаго наказанія. Подметать мечеть всѣ ученики были одинаково обязаны и потому подметали ее по очереди.

Такъ какъ я былъ еще малъ и къ тому же сынъ кадія, то ученики не обременили меня никакой обязательной работой.

Каждый день утромъ, послѣ намаза, отецъ отправлялся въ сопровожденіи стариковъ на кладбище читать молитву и, по возвращеніи оттуда, занимался съ учениками. Онъ призывалъ къ себѣ каждаго изъ нихъ по очереди и заставлялъ сперва прочесть вчерашній урокъ, потомъ самъ читалъ новый урокъ, съ переводомъ на туземный языкъ, слово въ слово; наконецъ заставлялъ ученика прочесть тоже самое, и это служило урокомъ для слѣдующаго дня. Если же ученикъ не выучивалъ вчерашняго урока, тогда новый урокъ откладывался на дальше. Въ остальное время дня ученики занимались сами, а кадій только изрѣдка замѣчалъ, когда кто-нибудь изъ насъ сидѣлъ безъ книги, что ученикъ долженъ имѣть предъ собою постоянно книгу. По окончаніи уроковъ комнатный цигоръ отправлялся въ кухню, разводилъ огонь и, когда все было готово, призывалъ старшаго цигора. Этотъ послѣдній клалъ въ сито по одной горсти муки на каждаго ученика и дѣлалъ тѣсто. Потомъ, раздробивъ тѣсто на куски, клалъ его въ кипячую воду. Пока хинкалъ варился, комнатный цигоръ вымывалъ большой деревянный подносъ и очищалъ его отъ прилипшаго тѣста и муки, потому что на этомъ подносѣ нужно было подавать

хинкалъ. Когда же онъ совсѣмъ уваривался, давали знать остальнымъ ученикамъ, и тѣ бѣжали на зовъ немедленно. Усѣвшись вокругъ подноса, каждый старался съѣсть больше другаго; но и самому усердному скороѣду не доставалось скушать больше 5—6 галушекъ. За тѣмъ комнатный цигоръ подавалъ наваръ, въ полуразбитой чашкѣ, подноси по старшинству, такъ что иногда младшимъ совсѣмъ не доставало и приходилось цѣлый день быть въ проголодь. Кромѣ преимущества получать прежде наваръ, старшій цигоръ, а также комнатный, имѣли и другія выгоды: они имѣли право пробовать, сварился-ли хинкалъ, для чего брали предварительно на пробу по одной, даже по двѣ галушки; и когда убѣждались, что онѣ дѣйствительно сварились, тогда только давали знать другимъ. Они имѣли также право брать себѣ лишній кусокъ тѣста и печь его на огнѣ. Это кушанье называется *куппосомъ*. Куппосы бываютъ разной величины и за нихъ случалось между учениками не мало ссоръ.

Ученики вели свою полуголодную жизнь весело; ни у кого изъ насъ не было никакихъ заботъ, кромѣ заботъ о томъ, чтобы поскорѣе окончить начатую книгу. По вечерамъ мы ѣли хинкалъ, а за завтракомъ толокно съ водою, иногда съ сывороткою, молокомъ или бузою, смотря по тому, что доставали наши деревенскіе *цигоры*. Топливо собиралось обыкновенно разъ въ недѣлю, т. е. отъ четверга до другаго, и на сборъ топлива выходили всѣ ученики послѣ передъ-вечерняго намаза; при чемъ комнатный цигоръ, по своей обязанности, носилъ сапетку (корзину) на спинѣ и медленно ходилъ по улицѣ, а изъ остальныхъ каждый заходилъ въ особый дворъ, крича на распѣвъ обычныя слова: „ученикамъ дайте кизяка“! и получали съ каждаго двора по одному, иногда по два кизяка. Кто изъ хозяевъ не имѣлъ у себя кизяка, тотъ предлагалъ соли или чесноку, на что ученики соглашались охотно. Полученный кизякъ клался въ сапетку комнатнаго цигора, а когда она совсѣмъ наполнялась, тогда онъ отправлялся въ мечеть, оставлялъ тамъ собранное и снова являлся на улицу. Такъ повторялось нѣсколько разъ, пока собранный запасъ не казался цигорамъ достаточнымъ на цѣлую недѣлю.

Мяса или сыру намъ не случалось видѣть иногда довольно продолжительное время, и ученики нерѣдко роптали на Израила, *ангела, отнимающаго душу*, за то что онъ забывалъ стариковъ деревни К....

Но вотъ однажды деревенскій цигоръ принесъ намъ вѣсть о смерти какого-то аульнаго старика, и общей радости учениковъ не было конца. Къ полудню кто-то изъ родичей покойника пришелъ въ мечеть и пригласилъ учениковъ на похороны. Мы всѣ съ радостью отправились на кладбище, куда покойника понесли четыре человѣка, на носилкахъ, къ которымъ трупъ былъ привязанъ веревкою, а сверху накрытъ черною буркою. Покойника провожали всѣ жители деревни и всѣ шли быстрыми шагами. Нѣсколько женщинъ, самыя близкія родственницы покойнаго, тоже провожали его, съ открытыми головами и громко рыдая; но мужчины уговорили ихъ вернуться съ полдороги.

Какъ только принесли покойника на кладбище и похоронили, тотчасъ раздали всѣмъ грамотнымъ книги *), чтобы читать заупокойныя молитвы, и ученики, разумѣется, были на первомъ планѣ. По окончаніи же чтенія стали раздавать чтецамъ по кусочку бумажной матеріи (не больше какъ по ¼ аршина на каждаго). Потомъ раздали толокно съ мясомъ и затѣмъ разошлись по домамъ. Вечеромъ того же дня принесли въ мечеть около 15 хлѣбовъ, вареннаго мяса отъ 2-хъ барановъ, а также *халву*, приготовленную изъ муки съ медомъ и масломъ. Обыкновенно, посѣтителей мечети въ другое время бывало очень немного, такъ что не наполнялся одинъ первый рядъ, и потому я думалъ, что намъ достанется порядочный пай изъ принесенной въ мечеть поминальной пищи. Но только что *будунъ* **) провозгласилъ вечерній зовъ на крышѣ мечети, народъ началъ стекаться толпами со всѣхъ

*) Коранъ раздѣляется на 30 равныхъ частей, и въ каждой мечети есть нѣсколько корановъ, написанныхъ отдѣльно, по частямъ. Вотъ эти-то отдѣльныя части корана и раздаются на кладбищѣ послѣ похоронъ для чтенія за упокой усопшаго.

**) *Будунъ* (мудунъ) — помощникъ кадія, завѣдывающій хозяйствомъ мечети (см. статью «Адаты», стр. 78).

Послѣ ужина сынъ умершаго старика поблагодарилъ отца и его товарища за чтеніе и далъ каждому по 1 руб. 50 коп.

На другой день родственница покойника принесла отцу одежду умершаго—овчинный старый тулупъ, рубашку, чуху, войлочные сапоги, папаху и пр. Все это раздѣлилось между отцемъ и будуномъ.

Хотя отецъ имѣлъ право сначала выбрать для себя какую нибудь вещь особо, какъ кадій, и только остальное затѣмъ раздѣлить пополамъ съ будуномъ, однако онъ не воспользовался этимъ правомъ и безъ всякаго выбора раздѣлилъ всю одежду пополамъ и потомъ свою часть подарилъ одному бѣдняку. Будунъ былъ очень доволенъ и удивлялся щедрости отца.

— Какой хорошій человѣкъ нашъ кадій! говорилъ онъ другимъ старикамъ.—Прежній кадій, въ прошломъ году, не согласился уступить мнѣ даже папаху умершаго Абакара, хоть я и просилъ его объ этомъ; такъ вотъ и провелъ цѣлую зиму безъ папахи, уши отморозилъ, и наконецъ таки купилъ у него эту же самую папаху за 25 коп.! А этотъ кадій даже для себя ничего не выбралъ, а все пополамъ раздѣлилъ...

Да и какъ было не радоваться будуну и не хвалить кадія за щедрость! Онъ былъ очень бѣдный старикъ, жилъ у своей тоже бѣдной дочери, которая обращалась съ нимъ очень грубо. Получалъ онъ за свою должность не очень-то много. Кромѣ освобожденія отъ податей и повинностей, онъ имѣлъ одну пашню, на которой можно было засѣять двѣ сабы (1½ пуда) хлѣба. Но такъ какъ онъ не имѣлъ ни быка, ни осла, то отдавалъ пашню другому—засѣвать ее съ половины, да и то не каждый годъ. Получалъ онъ также изъ заката незначительное количество хлѣба разнаго рода; наконецъ въ день окончанія поста (рамазана) тоже получалъ сабы двѣ или 1½, да половину одежды умершаго. Вотъ и всѣ его доходы. Отецъ же мой, какъ кадій, получалъ, согласно условія, съ каждаго дома по одной сабѣ хлѣба въ годъ, да за совершеніе обрядовъ: за вѣнчаніе по 25 к., иногда и больше, но не меньше; за погребеніе умершихъ половину одежды умершаго мужчины. Такъ какъ у отца не было при себѣ никого изъ женщинъ, то онъ назначилъ

для обмыванія умершихъ женщинъ одну старуху, которая и получала одежду покойницы пополамъ съ дочерью будуна. Кромѣ того, если случалось отцу дѣлить имущество умершаго между наслѣдниками, то за это получалъ онъ два процента, которые впрочемъ не превышали никогда 2-хъ или 3-хъ рублей.

III.

Уже прошла цѣлая недѣля, съ тѣхъ поръ какъ старшина получилъ извѣщеніе, что ханъ въ скоромъ времени удостоитъ сел. К... своимъ пріѣздомъ. Старшина и его родственники все это время хлопотали о приготовленіи приличнаго угощенія для хана и его свиты. Нѣсколько разъ ѣздили въ Цудахаръ за разными напитками и привозили оттуда самые рѣдкіе, не виданные и не слыханные до тѣхъ поръ въ сел. К. водки, вина и ликеры; привезли также и значительное количество чистаго спирта. За хорошимъ чаемъ и стаканами послали въ Шуру. Карты тоже были заняты сборомъ разныхъ продуктовъ отъ жителей—барановъ, куръ, яицъ, масла, меду, сѣна, ячменя и проч. Молодыя дѣвушки толковали объ имѣющихся въ виду пляскахъ и музыкѣ и одолжались заимообразно другъ у друга разными украшеніями; старухи и вообще хозяйки прятали своихъ куръ, запирали сѣно и саманъ; но чауши всюду заглядывали и забирали разную провизію къ старшинѣ и картамъ. Что до учениковъ, то они вполнѣ радовались и прыгали въ ожиданіи хана, въ надеждѣ поднести ему адресъ съ обычными привѣтствіями, цѣль которыхъ единственно состоитъ въ томъ, чтобы получить нѣсколько абазовъ, что составляетъ для муталимовъ весьма большой капиталъ.

Наконецъ насталъ давно ожидаемый торжественный день. Не

смотря на то, что время было весеннее, рабочее, многіе жители оставались дома, и съ утра начали толпиться на сходбищахъ. Послѣ полуденнаго намаза всадникъ прискакалъ изъ сосѣдней деревни съ извѣстіемъ, что ханъ уже выѣхалъ. Верховые поскакали къ нему на встрѣчу, а прочіе жители вышли на дорогу около кладбища. Вотъ стали слышны отголоски пѣсенъ, послышались ружейные выстрѣлы, наконецъ сталъ доноситься шумъ, крикъ, лай гончихъ и борзыхъ собакъ, топотъ лошадиный,—и ханскій поѣздъ медленно то приближался, то удалялся, смотря потому какъ дорога шла то по горѣ, то по ущелью. Вотъ показался бѣлый значекъ и жители стали въ рядъ. Когда же ханъ подъѣхалъ, всѣ сняли шапки съ обычнымъ привѣтствіемъ: *Карабузъ ханъ* (да благословитъ Богъ пріѣздъ твой къ намъ)! а ханъ отвѣтилъ „благодарю“ и потомъ спросилъ нѣкоторыхъ, какъ они поживаютъ. Вопросы эти были сдѣланы приличествующимъ такимъ лицамъ тономъ, т. е. вполнѣ непринужденно и беззаботно. Ханъ остановился у старшины, а нукера его были размѣщены по домамъ болѣе состоятельныхъ хозяевъ; у нѣкоторыхъ изъ нихъ такимъ образомъ оказалось на постоѣ даже по 5—6 человѣкъ. Кому изъ нукеровъ не нравился свой кунакъ по бѣдности или по нраву, тотъ самовольно отправлялся къ кунаку своего товарища. Скоро пошли споры нукеровъ съ жителями: первые требовали отъ послѣднихъ всякихъ удовольствій, а не то отбирали у нихъ силою все, что только хотѣли, при чемъ ругали и били нагайками, а вечеромъ пошла охота на куръ и пѣтуховъ: по всему аулу тамъ и сямъ раздавались выстрѣлы, летали палки, и тѣ изъ хозяекъ, которыя заблаговременно не успѣли припрятать свою домашнюю птицу, плакали и кричали.

Ночью вездѣ раздались пѣсни и началось пьянство; но главный кутежъ былъ у старшины. Тамъ гремѣли зурны, бубны, барабаны, балалайки и другіе горскіе увеселительные инструменты. Туда-же чауши собирали силою и красивыхъ дѣвушекъ.

Я ходилъ вмѣстѣ съ товарищами поглазѣть на этотъ пиръ къ дому старшины. Тамъ была большая толпа мужчинъ, женщинъ и дѣтей. Изъ дома слышны были звуки пѣсенъ и крики нукеровъ, а

иногда и голосъ самого хана. Большая часть долетавшаго до насъ говора состояла изъ самыхъ неприличныхъ, бранныхъ словъ. . . . .

— „Аллахъ! Аллахъ! должно быть приблизился конецъ свѣта“, говорила одна сидѣвшая съ ребенкомъ на рукахъ старуха.

— „Да разорвутся ихъ горла! какъ они не устанутъ“! затянула другая.

— Пусть ихъ гуляютъ! За то на томъ свѣтѣ будутъ они собаками ада.

— И на семъ свѣтѣ они хуже всякихъ собакъ, да понесутъ ихъ на носилкахъ! У меня поймали курицу и унесли; я кричу: оставьте, да лопнутъ ваши животы! — „Ничего“, говоритъ одинъ, — „на что тебѣ старая курица? Яицъ не будетъ нести“. Я бросилась отнимать, а онъ какъ ударитъ меня плетью по рукѣ,—вотъ и теперь все равно, какъ огонь горитъ. Да, я слышала, покойный кадій нашъ (да проститъ Богъ ему грѣхи) говаривалъ, что очень близокъ конецъ свѣта, и что вотъ этакіе люди, какъ эти нукера, будутъ вездѣ притѣснять бѣдныхъ людей. Пошли Аллахъ поскорѣе смерть! Не дожить-бы намъ до болѣе тяжкаго времени. . .

Такъ бесѣдовали старухи, а между тѣмъ въ домѣ старшины шумъ усиливался больше и больше. Нѣсколько разъ оттуда выбѣгали дѣвушки на дворъ, желая убѣжать домой, но сильныя руки пьяныхъ нукеровъ опять таскали ихъ въ комнату.

За нѣсколько дней до пріѣзда хана муталимы приготовили адресъ, на бѣлой бумагѣ, купленной для этого на цудахарскомъ базарѣ, а на другой день по пріѣздѣ хана, около полудня, отправили къ нему двухъ уполномоченныхъ по жребію съ адресомъ. Еще заранѣе, до полученія за этотъ адресъ подарка, ученики ужъ совѣтывались между собой, что съ деньгами сдѣлать: одинъ говорилъ, что лучше купить мяса; другой—масла; третій говорилъ, что полезнѣе купить бумаги и перьевъ, и никто не хотѣлъ согласиться съ мнѣніемъ другаго. Наконецъ посланные возвратились и мы всѣ выбѣжали къ нимъ на встрѣчу съ вопросами: сколько? сколько? А тѣ прыгали отъ радости, смѣялись, не говоря однако сколько. Какова-же была наша радость, когда одинъ изъ нихъ открылъ съатую

до того руку, и на ладони показалось серебро — цѣлыхъ пять абазовъ! Послѣ многихъ толковъ относительно израсходованія этихъ денегъ, наконецъ рѣшили: раздать на руки каждому по 10 коп., а за остальныя 50—купить масла коровьяго и приготовить кушанье, извѣстное между учениками подъ названіемъ *шайини*. Это почтенное и самое любимое муталимами блюдо славится повсюду въ горахъ, больше даже чѣмъ пилавъ въ Закавказьи. Оно приготовляется слѣдующимъ образомъ: сначала кипятятъ воду въ котлѣ; потомъ мѣшаютъ въ ней пшеничную муку до тѣхъ поръ, пока не получится тѣсто; затѣмъ выкладываютъ его на деревянный подносъ, замѣшиваютъ сухимъ толокномъ и дѣлаютъ круглую какъ жерновъ лепешку, съ ямкой по срединѣ, въ которую наливаютъ растопленнаго масла, а если достанутъ, то и немного меду. Когда приготовлено *шайини*, тогда усаживаются вокругъ него, и отломавъ тремя пальцами кусокъ съ края, обмакиваютъ его въ масло и ѣдятъ. Это вкусное блюдо муталимы приготовляютъ только для дорогихъ своихъ гостей въ праздничные дни, т. е. когда получатъ по какому-нибудь случаю деньги, такъ что можно купить масла; въ общіе же праздники они пируютъ на чужой счетъ.

Кстати, приведу здѣсь нашъ привѣтственный адресъ, поднесенный хану, и замѣчу при этомъ, что всѣ муталимскіе адресы, подносимые проѣзжающимъ почетнымъ лицамъ, пишутся по такому же образцу.

„Отъ муталумовъ К...ской мечети великому изъ великихъ, умнѣйшему, щедрѣйшему, храбрѣйшему (слѣдуетъ имя привѣтствуемой особы). Да будетъ съ тобою миръ и да не погаснетъ свѣтъ твоего солнца до страшнаго дня. Аминь.

„Когда мы услышали о счастливомъ событіи, т. е. о твоемъ прибытіи къ намъ, и блескъ лучей твоего лица показался съ востока на горизонтѣ счастія,—члены нашихъ тѣлъ сообщили другъ другу объ этой радости, и свѣтъ солнца счастія прогналъ отъ насъ мракъ печали. Главная цѣль муталимовъ тебѣ извѣстна. Чрезмѣрная щедрость твоя, громко славящаяся по цѣлому свѣту, убѣждаетъ насъ въ томъ, что посланные наши не вернутся отъ твоего порога съ пустыми руками“.

Наконецъ слѣдовали стихи:

Щедрость облака въ осеннее время
Далеко уступаетъ щедрости хана:
Облако даруетъ капли воды,
А ханъ—благородный металлъ!

IV.

Прошло еще нѣсколько полуголодныхъ для муталимовъ недѣль; ханъ уѣхалъ и едва-ли больше скоро пріѣдетъ; никто не умиралъ и не откуда было ожидать подачи для нашихъ желудковъ. Но вотъ приблизился *Курбанъ-Байрамъ* *). Жители заранѣе начали приготовлять для этого дня барановъ: кто покупалъ, а кто вытребовалъ ихъ изъ своего стада, чтобы дома подкормить лучше: мы, муталимы, смотря на все это, ободрились. Настaлъ наконецъ ожидаемый день. Жители рано утромъ собрались въ мечеть, и хотя тамъ ничего не раздавалось, все-таки мечеть была биткомъ набита. Женщины стояли толпами подъ окнами и слушали наставленіе кадія, которое заключалось въ повтореніи заповѣдей: не убей, не воруй и пр., за преступленіе которыхъ неизбѣжны самыя страшныя наказанія. При описаніи адскихъ мученій, старики плакали, молодые же, болѣе богобоязливые, только охали, а нѣкоторые изъ нихъ даже сердились на кадія за то, что онъ не кончаетъ своей проповѣди. По совершеніи службы въ мечети,

*) Праздникъ жертвоприношеній или жертвенный день (курбанъ, по-арабски—жертва; байрамъ, по-татарски—праздникъ). Въ жертву приносятъ барановъ и крупную скотину: баранъ приносится въ жертву за одного человѣка, крупная скотина—за четырехъ, а верблюдъ—за семерыхъ. Приносимое въ жертву животное должно быть безъ малѣйшаго физическаго недостатка.

жители пригласили насъ по одиночкѣ къ себѣ для чтенія молитвы при зарѣзаніи барана; кадія также приглашали со двора во дворъ, и это продолжалось почти до обѣда. Каждый, зарѣзавшій курбана, присылалъ ученикамъ въ мечеть по одной бараньей ногѣ, а тому изъ учениковъ, кто читалъ молитвы, присылалъ особенно еще голову. Такимъ образомъ у насъ къ вечеру накопилось болѣе 50-ти бараньихъ ногъ и болѣе 20-ти головъ. Три дня и три ночи намъ не было отдыха отъ приглашеній поѣсть мясо курбана, и не смотря на то, что у каждаго мы могли наѣсться по горло, все-таки никому не отказывали. Послѣ этого трое изъ насъ сильно заболѣли разстройствомъ желудковъ на довольно долгое время. Присланныя же въ мечеть бараньи головы и ноги мы хорошо посолили и развѣсили подъ потолкомъ нашей *худжры*. Муталимы вообще очень нерасчетливы въ отношеніи съѣстнаго. Когда оно у нихъ есть, они никогда ничего не откладываютъ до другаго дня, а все поѣдаютъ. Существуетъ даже поговорка: „если что нибудь съѣдомое останется у муталимовъ на другія сутки, то протухнетъ или сгніетъ,“—вслѣдствіе чего они всегда стараются, чтобы ничего не оставалось на долю гніенія, и если не могутъ всего съѣсть, все таки сварятъ и раздадутъ каждому свой пай. А тамъ что хочешь, то и дѣлай съ нимъ. Но на этотъ разъ, по количеству приношеній, мы не могли поддержать такой свой обычай. Рѣшили наконецъ тѣмъ, что отправили 15 штукъ головъ на цудахарскій базаръ промѣнять ихъ тамъ на яблоки и сухія груши. У отца моего собралось также около 100 бараньихъ головъ, но не помню, что онъ съ ними сдѣлалъ: видѣлъ только, что онъ отослалъ домой полныхъ два мѣшка. . .

Спустя нѣсколько времени послѣ Курбанъ-Байрама, я отпросился у отца домой, къ матери. Мнѣ было лестно показаться въ родномъ аулѣ послѣ четырехмѣсячной отлучки и заявить терпѣніе свое на чужбинѣ изъ-за науки: такими отлучками у насъ опредѣляется степень старанія муталима въ ученіи.

Дома я уже не вмѣшивался въ игры мальчиковъ, проводилъ почти цѣлый день въ мечети и продолжалъ учиться. Ученики, бывшіе тогда у кадія нашего аула, охотно меня учили, за что я

выпрашивалъ у матушки для нихъ молока, сыворотки, соли, кизяку и т. д., а иногда даже воровалъ изъ дома что-нибудь и относилъ муталимамъ. Жители роднаго аула любили меня; даже чауши позволяли мнѣ оставаться въ мечети, когда тамъ раздавали какой-нибудь *садака* (богоугодное подаяніе), хотя тогда мнѣ не было и 15-ти лѣтъ отъ роду.

Однако мнѣ не хотѣлось долго оставаться дома, не смотря на то, что домашняя жизнь была гораздо лучше муталимской. Скоро я началъ упрашивать мать, чтобы она упросила отца послать меня снова куда-нибудь муталимомъ. Мать уклонялась сначала и говорила, что я еще слишкомъ молодъ, а молодымъ муталимамъ бываетъ вездѣ трудно; но потомъ, вспомнивши, что кадій одной деревни, Магомедъ, былъ коротко знакомъ съ отцемъ моимъ и когда-то у него учился, наконецъ сказала: „вотъ развѣ послать тебя къ Магомедъ-кадію: онъ будетъ смотрѣть за тобой, какъ за своимъ сыномъ". Посланный къ отцу просить его разрѣшенія на это, возвратился съ письмомъ отъ отца къ Магомеду,— и вотъ чрезъ недѣлю я пошелъ съ матерью снова въ чужой аулъ. Магомедъ изъявилъ съ своей стороны готовность принять меня къ себѣ, и мать моя, поручивъ меня и другому кунаку въ этомъ же аулѣ и попросивъ его тоже смотрѣть за мною, какъ за сыномъ, возвратилась домой, а я, вмѣстѣ съ пирогами и тремя кусками *халвы* *), которые мы принесли изъ дому по принятому обычаю для кадія и учениковъ, отправился въ мечеть въ сопровожденіи самого кадія. Ученики посмотрѣли больше на сумки мои, чѣмъ на меня самого, и видно было любопытство ихъ узнать поскорѣе, что тамъ такое.

Здѣсь я нашелъ 4-хъ учениковъ взрослыхъ и 2-хъ маленькихъ; мечеть была лучше и богаче коврами, чѣмъ та, въ которой я жилъ съ отцемъ. Я выбралъ себѣ уголокъ въ мечети, который не былъ занятъ никѣмъ; тамъ положилъ свою книгу, чернильницу и все прочее свое имущество, вбилъ въ стѣну нѣсколько колышковъ для вѣшанья папахи, чохи и проч.,—и пошла обычная

*) Халва или галва, по-лакски *баккукъ*,—сласти; приготовляется изъ муки, масла и меду.

муталимская жизнь. Кадій приказалъ *будуну* отпускать мнѣ *напаки* (продовольствія) по $1\frac{1}{2}$ сабы (около 45 фунт.) пшеницы—обыкновенное количество, полагающееся на мѣсяцъ для одного муталима.

Однажды кадій уѣхалъ въ сосѣдній аулъ по какому-то дѣлу, и мы не замедлили, какъ только кадій выѣхалъ изъ аула, пойти къ женѣ его за *садака*. Между учениками есть обычай, который они соблюдаютъ весьма строго: если чуть кадій уйдетъ изъ аула хоть за три версты, муталимы требуютъ отъ жены его *садака*, увѣряя при этомъ, что если она не дастъ имъ что-нибудь, то непремѣнно съ кадіемъ случится какое-либо несчастіе на дорогѣ. Жена кадія дала намъ изъ напаки полъ сабы ячменя, и мы не замедлили купить за него масла и состряпать любимое кушанье *чайнни*.

V.

Скоро послѣ этого выпалъ еще случай, оразнообразившій наше муталимское житье. Одинъ молодой человѣкъ былъ обрученъ съ дочерью нашего сосѣда уже цѣлый годъ, и часто ходилъ къ намъ въ мечеть съ просьбами—написать ему *хайкалъ* (талисманъ), чтобы невѣста какъ можно больше его любила. Подобныхъ талисмановъ очень много бываетъ въ книгахъ, и каждый изъ насъ выписывалъ ему разные изъ нихъ: одинъ — чтобы онъ носилъ его при себѣ, другой — чтобы онъ закопалъ около порога невѣсты, третій—чтобы онъ тайкомъ положилъ въ воду и потомъ напоилъ ею невѣсту. За такіе талисманы онъ намъ удѣлялъ часть изъ подарковъ, которые получалъ отъ невѣсты, какъ-то халвы, фруктовъ, пирога съ мясомъ и пр. Считаю, что будетъ нелишнимъ объяснить читателямъ обрядъ обрученія у горцевъ, при чемъ замѣчу,

что хотя и бываетъ разница въ нѣкоторыхъ аулахъ или магалахъ при выполненіи этого обряда, но она касается главнымъ образомъ мелочей, а самый обрядъ вездѣ почти одинъ и тотъ-же.

Когда молодому человѣку исполнится 15—16 лѣтъ, родители стараются, если состояніе ихъ позволяетъ, не медля женить своего сына. Сначала ищутъ для него соотвѣтствующую невѣсту и стараются ее найти между родственницами своими. Главнымъ образомъ въ невѣстѣ цѣнятся ея происхожденіе и способность ея къ работѣ и хозяйству. Я помню, что въ нашемъ аулѣ была молодая дѣвушка, дочь бѣдныхъ родителей, которая каждый день рано утромъ выходила на площадь, гдѣ въ лѣтнее время собирали скотъ для выгона на пастьбу, и стоя въ срединѣ стада, наблюдала кругомъ, и чуть было замѣтитъ, что какая-нибудь корова поднимала хвостъ, она тотъ-часъ-же бѣжала къ ней и хватала голыми руками пометъ, потомъ клала его въ кучу, и такимъ образомъ собирала въ день помета на нѣсколько десятковъ штукъ кизяка; осенью-же эта дѣвушка ежедневно ходила въ поле, то съ арканомъ—и приносила приличную ношу бурьяна, то съ мѣшкомъ—и приносила сухой пометъ съ лѣтнихъ выгоновъ. Жители, въ особенности матери, восхищались ею и говорили: „вотъ невѣста! счастливецъ тотъ, кто на ней женится!“ И вотъ такихъ-то трудолюбивыхъ невѣстъ именно ищутъ родители. Молодому человѣку, безъ сомнѣнія, до подобныхъ качествъ невѣсты дѣла мало; онъ смотритъ на наружную красоту дѣвушки, на то, какъ она поетъ пѣсни, какъ пляшетъ и т. д. Тѣмъ не менѣе однако, родители дѣлаютъ окончательный выборъ и говорятъ объ этомъ сыну, который волей-неволей долженъ на этотъ выборъ согласиться.

Прежде всего родители жениха посылаютъ къ родителямъ невѣсты какого-нибудь почтеннаго человѣка или старуху—просить руки ихъ дочери. Посланный старается первымъ дѣломъ описать достоинства жениха, доброту его родителей и упоминаетъ объ ихъ происхожденіи. Послѣднее строго наблюдается у горцевъ. Самый бѣднѣйшій узденъ ни за что не выдастъ своей дочери за самаго богатаго *кула*, т. е. за того, кто происходитъ изъ крѣпостнаго сословія, хотя-бы десятый прадѣдъ его былъ когда-то чьимъ-ни-

будь рабомъ. Прозвище куловъ оставляется за такимъ родомъ на всегда, и уздени ненавидятъ ихъ, величая къ тому-же ослами. Невѣжество, измѣна, непостоянство, трусость, ложь, словомъ всѣ возможные пороки и недостатки приписываются такому происхожденію.

Заявивши о происхожденіи, сватъ или сваха объясняютъ, что такіе-то родители просятъ вашу дочь для своего сына по Божьему закону.

Родители невѣсты стараются не уронить своего достоинства и никогда не изъявляютъ съ разу своего согласія, а скажутъ непремѣнно, что они вовсе не считаютъ недостойнымъ родство съ такимъ-то семействомъ, но у нихъ дочь еще такъ молода, что они спросятъ ее, хочетъ-ли она замужъ или нѣтъ, что они наконецъ подумаютъ, посовѣтуются и проч. Такимъ образомъ сватъ ходитъ нѣсколько недѣль за отвѣтомъ; наконецъ, получивши окончательное согласіе отъ родителей дѣвушки, женихъ посылаетъ невѣстѣ на шальвары шелковой матеріи (преимущественно краснаго цвѣта), а часто съ матеріей посылаетъ и кольцо, серебряное или золотое.

Въ назначенное время въ домѣ невѣсты собирается нѣсколько человѣкъ изъ ближайшихъ родственниковъ той и другой стороны и человѣка два-три изъ постороннихъ почетныхъ людей, а иногда и кадій, и не прежде какъ подадутъ хлѣбъ на ужинъ, объявляется настоящая цѣль приглашенія, при чемъ показываютъ присланную отъ жениха матерію на шальвары и кольцо. Невѣста при этомъ не присутствуетъ, а часто даже уходитъ изъ дома къ сосѣдкѣ. Гости заочно благословляютъ обрученныхъ и поздравляютъ родственниковъ обѣихъ сторонъ.

Съ этого дня начинается новое родство между двумя семействами; они ходятъ другъ къ другу и взаимно помогаютъ въ работахъ. Невѣста по обычаю должна избѣгать всякихъ встрѣчъ съ женихомъ въ присутствіи другихъ; но за то всегда найдется какая-нибудь старуха, по сосѣдству, которая легко устраиваетъ свиданія для молодыхъ. Невѣста нерѣдко посылаетъ жениху разные подарки, какъ-то: кисетъ, табакъ, надушенный гвоздикою, фрукты, пироги съ мясомъ, халву, кувшинъ бузы и т. п. Иногда же-

нихъ отправляется по вечерамъ прямо въ домъ невѣсты и, сидя у камина, проводитъ тамъ цѣлыя ночи, если только въ домѣ нѣтъ мужчины. А когда отправляется женихъ въ чужой край для заработковъ или же по другому дѣлу, изъ дома невѣсты посылается ему закуска на дорогу, состоящая тоже изъ пироговъ, халвы, мяса, яицъ, меду и проч. Женихъ въ свою очередь, при возвращеніи домой, приноситъ подарки невѣстѣ, напр. жестяной поднось, сундукъ персидской работы, посуду стеклянную, чашки, блюдечки, тарелки, иглы, наперстки и т. д.

Возвращаюсь теперь къ прерванному разсказу. Сосѣдъ нашъ, вѣроятно, былъ точно такимъ же образомъ обрученъ съ своей невѣстой годъ тому назадъ, а теперь онъ собирался перевести ее къ себѣ въ домъ.

За нѣсколько дней молодыя дѣвушки отправились въ горы собирать мягкую траву, чтобы набить ею тюфяки для невѣсты *), а женихъ также съ своей стороны позаботился о предстоящемъ угощеніи: купилъ барановъ, послалъ купить водки, а буза, вѣроятно, была у него дома сдѣлана. Въ назначенный день, послѣ вечерняго намаза, въ мечети осталось нѣсколько человѣкъ и просили кадія, чтобы онъ совершилъ бракосочетаніе.

— На счетъ кебина вы согласились? спросилъ кадій.

— Все уже кончено, и ничего не остается какъ только вѣнчать **), сказали они.

— Ну, такъ слѣдуетъ теперь послать къ невѣстѣ и жениху спросить ихъ согласія, довѣряютъ-ли вамъ вѣнчать? сказалъ кадій и приказалъ отправиться къ молодымъ. Въ число посланныхъ къ невѣстѣ попался и я. Мы отправились и застали домъ ея биткомъ набитымъ дѣвушками.

При входѣ нашемъ въ комнату невѣста спряталась за дѣвушекъ, которыя шутили и смѣялись надъ старымъ будуномъ;

---

*) Тюфяки дѣлаются изъ паласа, который ткутъ сами, а иногда изъ пестраго толстаго холста, и набиваются мягкою травою; подушки дѣлаются изъ простаго и грубаго ситца или же холста и набиваются простою шерстью.

**) Выраженіе неточное: оно объясняется ниже.

когда тотъ требовалъ, чтобы ему показали невѣсту, дѣвушки говорили: „я согласна, вѣнчайте меня! я тоже, я, я!“ Наконецъ, когда самимъ имъ надоѣли эти шутки, показали невѣсту. Она была одѣта въ шелковое платье, обвѣшена серебряными большими пуговицами, цѣпочками и разными другими украшеніями. Будунъ спросилъ: „согласна-ли она вѣнчаться съ такимъ-то?“ Но съ трудомъ онъ могъ добиться отъ нея слова „согласна,“ которое она произнесла едва слышнымъ голосомъ, оборотивъ лицо къ стѣнкѣ. Получивъ согласіе, мы вышли изъ дома невѣсты, оставивъ тамъ веселую компанію дѣвушекъ, которыя играли на бубнѣ и пѣли, а когда мы вышли на улицу, я увидѣлъ, что сзади будуна и его товарища волочились длинные хвосты. Я засмѣялся и не хотѣлъ сказать имъ объ этомъ, пока не увидятъ сами; но будунъ, какъ опытный въ подобныхъ случаяхъ, сталъ самъ осматривать своего товарища и, увидѣвъ пришитыя къ тулупу его длинныя тряпки, засмѣялся и осмотрѣлъ свой тулупъ: и на немъ оказались такіе-же хвосты. Дѣвушки пришили къ тулупамъ старыя тряпки, для смѣху, когда спрашивалось согласіе невѣсты на бракъ, что всегда дѣлается при такихъ случаяхъ.

Оторвавъ всѣ пришитыя тряпки, мы отправились въ мечеть, гдѣ ожидали насъ и прочіе участники этой церемоніи. По приходѣ нашемъ они поставили у дверей мечети и подъ ея окнами караульныхъ, чтобы кто-нибудь не подслушалъ, когда будутъ совершать бракъ *). Потомъ повѣренный отъ жениха взялъ за руку отца невѣсты, и кадій началъ совершать обрядъ: сначала онъ прочелъ молитву, которую повторяли слово въ слово оба повѣренные. Вслѣдъ за молитвою кадій говорилъ на туземномъ языкѣ всѣ заявленныя ему по этому дѣлу условія и спрашивалъ согласія у обѣ-

*) У горцевъ есть повѣрье, что во время заключенія брачнаго акта, всякій злоумышленный человѣкъ можетъ заколдовать жениха, связываніемъ узловъ на шерстяной нитиѣ, послѣ чего женихъ дѣлается неспособнымъ. Поэтому для бракосочетанія выбираютъ уединенное мѣсто, такъ, что иногда отправляются за аулъ куда-нибудь секретно. Если, къ несчастію жениха, случится таковое колдовство, то прибѣгаютъ къ мулламъ за пособіями.

ихъ сторонъ *). По окончаніи-же всего этого, повѣренные опустили руки и кадій сталъ читать молитву шопотомъ, а остальные говорили „аминь!“ Все кончилось въ нѣсколько минутъ и мы поздравили повѣренныхъ обычными словами: „Да будутъ благословенны!“ Отсюда мы всѣ пошли въ домъ жениха, гдѣ застали толпу шумящей молодежи. Комната, въ которую насъ ввели, была освѣщена нѣсколькими нефтяными фитилями (чирахами); по краямъ ея разостланы были паласы и войлоки. Кадія посадили на почетномъ мѣстѣ, подлѣ дяди жениха; около кадія сѣлъ будунъ, потомъ старики и наконецъ посадили насъ, муталимовъ. Жениха не было дома: онъ, по обычаю, еще передъ вечеромъ поселился у одного близкаго своего друга и родственника и гулялъ тамъ съ товарищами. Скоро подали сытный ужинъ, состоявшій изъ мяса, хлѣба и супа съ крупою. Плотно покушавши, мы ушли вмѣстѣ съ стариками, оставивъ на мѣстѣ веселую компанію молодежи.

Въ эту ночь невѣста осталась въ домѣ своего отца, а на другой день дѣвушки съ пѣніемъ начали носить имущество ея къ жениху. Онѣ носили разныя подушки, тюфяки, корзины, а больше всего посуду разнаго рода: мѣдные подносы, кувшины, котлы, простыя бутылки, чашки, стаканы и всякаго рода бѣздѣлушки. Вечеромъ сама невѣста должна была отправиться къ мужу, и мы всѣ пошли посмотрѣть на эту церемонію. Молодую вела толпа дѣвушекъ, окружая ее такъ плотно, что едва можно было разглядѣть виновницу торжества. Она была закрыта вся чернымъ вуалемъ и шла медленно. Впереди несли зажженные фитили для освѣщенія пути и одна женщина держала на головѣ подносъ съ

*) Бракосочетаніе у горцевъ есть просто заключеніе условія; *напр.*, повѣренный невѣсты говоритъ троекратно: «я отдаю по довѣренности такую-то дѣвушку въ законную жену такому-то, за столько-то батмановъ мѣди, или за столько-то быковъ или коровъ, или за такое-то количество пахатной земли, или-же наконецъ за столько-то денегъ, и такое-то платье, по повелѣнію Божію и по закону Магомеда». Повѣренный отъ жениха говоритъ: я, по довѣренности отъ такого-то, добровольно беру въ законную жену такую-то за то-то, то-то и проч. Сказанные выше предметы, которые, обыкновенно, назначаются въ кебинъ, имѣютъ въ этомъ случаѣ опредѣленную цѣну (о *кебинѣ* см. статью «Адаты», стр. 52).

хлѣбомъ и халвою. Дѣвушки пѣли обычную пѣсню, на извѣстный общеупотребительный въ горахъ напѣвъ. Изъ мужчинъ въ самой процессіи только нѣсколько человѣкъ изъ близкихъ людей жениха шли вмѣстѣ съ женщинами. Толпа постороннихъ зрителей провожала эту церемонію, и вездѣ тѣснился народъ обоего пола и всякаго возраста. Улица, по которой шли, выходила на площадь, гдѣ собралось множество молодыхъ людей, которые остановили невѣсту и ея провожательницъ. Они не пустили ее дальше, пока не получили халву и хлѣбъ, которые несла—какъ сказалъ я — женщина нарочно для этого. У воротъ дома молодую встрѣтила мать жениха съ чашкою, полною муки, кишмишу и сахару, и разсыпала все это на невѣстку и ея подругъ, съ словами: „Да принесешь ты къ намъ благополучіе, счастіе и богатство; да не умрешь ты, пока не увидишь у своихъ колѣнъ твоихъ правнуковъ и проч.“ На встрѣчу молодой вывели также ослицу и хотѣли тутъ-же отрѣзать у ней ухо; но молодая не согласилась. По видимому, она желала, чтобы вывели къ ней на встрѣчу лошадь или корову. Долго тянулись переговоры и молодая не сдѣлала ни шагу съ мѣста, пока не вывели наконецъ корову и не отрѣзали у ней ухо *). Тогда молодая вошла въ приготовленную для нея комнату, уголъ которой былъ занавѣшенъ красной ситцевой занавѣской, за которую она сей-часъ-же по входѣ и спряталась. Въ эту комнату не пускали мужчинъ, и только дѣвушки и женщины наполняли ее.

Въ то самое время женихъ сидѣлъ вмѣстѣ съ своими товарищами въ домѣ своего близкаго родственника, который назывался по этому случаю *товарищемъ жениха.* Тамъ собралась веселая компанія; звучали зурны, балалайка и барабанъ; тамъ пѣли пѣсни, пили водку и бузу, плясали попарно мужчины съ дѣвушками, приглашенными туда особо. Кутежъ этотъ продолжался до полуночи, и тогда началось торжественное шествіе жениха къ молодой супругѣ. Его провожали тѣже самые пріятели, которые находились цѣлый день съ нимъ вмѣстѣ. Толпа состояла изъ однихъ только мужчинъ; они пѣли обычную пѣсню на общепринятый напѣвъ, — и когда пришли къ дому, въ которомъ находи-

---

*) Ослица, корова или лошадь поступаетъ въ собственность новобрачной.

лась молодая, всѣ дѣвушки по одиночкѣ вышли отъ нея по требованію *товарища жениха* и встрѣтили пришедшихъ съ пѣніемъ на дворѣ. Потомъ молодаго пустили къ молодой и толпа стала расходиться по домамъ; одинъ только товарищъ жениха остался у дверей комнаты новобрачныхъ караулить, чтобы посторонніе не подслушивали молодыхъ, какъ это обыкновенно водится у горцевъ.

По разсказу другихъ и по извѣстному мнѣ обычаю, товарищъ жениха долженъ былъ разбудить молодаго рано утромъ и отвести его въ *куллу* *), для купанья, при чемъ молодой долженъ имѣть съ собой кусокъ халвы, чтобы отдать его первому встрѣчному въ подарокъ. Для полученія этого подарка обыкновенно нарочно караулятъ около *куллы*, чтобы первому встрѣтить молодаго. Послѣ купанья и совершенія утренней молитвы, молодой отправился опять къ товарищу и сидѣлъ тамъ до вечера. Пѣніе и пляска **) продолжались и въ этотъ день. Наконецъ, къ ночи окончили свадьбу, т. е. гости разошлись и больше не являлись къ молодымъ, а молодой поселился у себя дома. По обычаю, молодая должна была оставаться на новосельи безвыходно три дня, а на четвертый день пойти по воду. Въ той деревнѣ, гдѣ была описываемая мною свадьба, было два бассейна, изъ которыхъ жители брали воду. Зная заранѣе, къ какому бассейну молодая явится за водою, его поправили и очистили. Молодая, вечеромъ, съ нѣсколькими своими подругами, вышла по воду, закрывъ лицо и не глядя никуда, кромѣ какъ на свои ноги. У бассейна ее ожида-

*) *Куллой* называется комната, устроенная для молитвы внѣ деревни и по срединѣ которой сдѣланъ бассейнъ для омовенія. Молодые люди обыкновенно больше ходятъ туда молиться, чѣмъ въ мечеть; въ особенности молодой каждое утро ходитъ въ куллу купаться. Куллы устраиваются на счетъ пожертвованій частныхъ лицъ.

**) Пляска въ то время была совсѣмъ не та, что теперь: женщины опускали рубашку и концы своихъ платковъ и, простирая руки горизонтально, точно какъ распятыя, ходили взадъ и впередъ медленными шагами, какъ-бы скользя и при этомъ дѣлая концами рукъ разныя фигуры: то сжимали пальцы въ кулакъ, то открывали ихъ; а мужчины плясали особо, точно также какъ и теперь. Въ настоящее время женщины пляшутъ съ мужчинами извѣстную лезгинку, и это позаимствовано отъ жителей плоскости.

ла толпа молодыхъ людей, и какъ только она наполнила свой кувшинъ водою, тотъ-часъ-же задержали кувшинъ и не освободили его, пока женщина, провожавшая ее, не отдала толпѣ хлѣбъ съ халвою; тогда молодую отпустили, а хлѣбъ раздѣлили между собою. Съ этихъ поръ молодая могла свободно ходить по воду, на работы и въ гости ко всякому, кромѣ своихъ родителей: къ нимъ она должна пойти въ первый разъ послѣ замужества только по приглашенію, и въ домѣ родительскомъ по этому случаю бываетъ пиръ и угощеніе. Молодая также обязана сдѣлать подарки ближайшимъ родственникамъ своего мужа, какъ-то: кисеты, носовые платки и т. п. Но прежде родственники эти тоже дѣлаютъ подарки молодой деньгами, а родственницы по большей части мѣдною посудою.

Вотъ и вся свадьба лакская.

VI.

Время наступило лѣтнее, рабочее, а для муталимовъ—голодное. Кадій нашъ началъ рѣдко посѣщать мечеть, и наши уроки совсѣмъ почти прекратились. Сталъ онъ, кромѣ того, брать насъ въ поле на свои работы, что очень не нравилось муталимамъ. По этому мы рѣшили разойтись по домамъ.

Однако природа еще разъ пожалѣла насъ и предоставила намъ случай попраздновать, т. е. вдоволь наѣсться. Въ одинъ вечеръ случилось затмѣніе луны, и этого было достаточно, чтобы муталимамъ не безпокоиться о своихъ желудкахъ на нѣсколько дней. Къ счастію нашему, затмѣніе случилось довольно рано, когда еще не спалъ никто, а потому всякій могъ увидѣть такой явный признакъ гнѣва Божія собственными глазами и могъ склониться

на милосердіе. Какъ только затмилась луна, весь народъ, перепуганный, высыпалъ на дворы и на улицы, а муллы появились на крышахъ мечетей и призывали жителей на молитву. Я тоже вышелъ на крышу и посмотрѣлъ на луну, которая была до половины кроваваго цвѣта. Признаться, мною овладѣлъ страхъ, и мысли мои были заняты все время молитвами. Я чувствовалъ въ себѣ набожное волненіе и взоры мои стремились туда, къ затмившейся лунѣ; я думалъ, что вотъ-вотъ увижу фигуры ангеловъ, которые схватили луну раскаленными желѣзными щипцами. . . Между тѣмъ вокругъ мечети собралась толпа, преимущественно старухъ, и почти каждая изъ нихъ кричала: „Аллахъ! Аллахъ! прости насъ, грѣшныхъ!“ Однѣ плакали, другія упрекали родъ людской за грѣхи и беззаконія. . . .

— Бѣдная, благословенная луна страдаетъ отъ нашихъ грѣховъ!

— О Боже, прости! Вѣрно, конецъ міра. . .

— Какъ Богу не прогнѣваться, когда люди такъ много грѣшатъ: пьютъ водку, не молятся, не пропускаютъ случая украсть что-либо. . . Вотъ, косишь цѣлый день сѣно и оставишь на мѣстѣ, чтобы просохло, а на другой день его ужъ нѣтъ!

Такъ говорили старухи и при этомъ рыдали, а между тѣмъ вскорѣ чернота начала мало по-малу отходить отъ луны и каждый почувствовалъ у себя легче на душѣ, будто Богъ простилъ кающихся рабовъ своихъ. . . Когда я возвратился въ мечеть, народу тамъ было уже полно: каждый молился, а кадій, сидя на своемъ мѣстѣ предъ михрабомъ, перелистывалъ какую-то книгу. Потомъ онъ внимательно остановился на одномъ мѣстѣ своей книги, нѣсколько минутъ читалъ что-то про себя, какъ-бы стараясь сначала самъ понять, что тамъ написано, и наконецъ началъ: „Вотъ въ книгѣ написано: если затмѣніе луны будетъ въ Роджабъ-мѣсяцѣ, то урожай будетъ хорошій, падежъ скотины въ западныхъ мѣстахъ, холера, смерть одного великаго человѣка на востокѣ“. . .

— Это гдѣ? это гдѣ? не у русскихъ-ли? спрашивали многіе, прерывая кадія. Дай Богъ, чтобы гяуры истребились! дай Богъ, чтобы они исчезли съ виду правовѣрныхъ мусульманъ!

— Не знаю; въ книгѣ сказано: „на востокѣ“... Это такъ, по направленію Дербента, отвѣчалъ кадій, указывая рукою въ сторону. Должно быть у русскихъ или у другихъ тамошнихъ гяуровъ: вѣдь въ той сторонѣ нѣтъ мусульманъ.

— Дай Богъ—дай Богъ! восклицали другіе.

— Въ этомъ году будетъ дешевизна, и торговцы понесутъ убытки.

— Такъ нашимъ торговцамъ поскорѣе-бы сбыть съ рукъ свои товары, говорили нѣкоторые.

Кадій окончилъ свои предсказанія тѣмъ, что зима будетъ холодная и неурожай на фрукты — „Вотъ бѣднымъ Цудахарцамъ съ голоду умереть прійдется,“—замѣтилъ кто-то.

Потомъ началъ кадій читать: „Пророкъ Божій Магомедъ (да благословитъ его Аллахъ) говорилъ, что когда послѣдователи мои не будутъ исполнять въ точности повелѣній Божіихъ и погрязнутъ во грѣхахъ—будутъ воровать, убивать своихъ единовѣрцевъ безъ причины, клеветать другъ на друга, ненавидѣть своего брата по вѣрѣ, когда дѣти не будутъ слушать и уважать родителей, молодые будутъ противорѣчить старшимъ, муллы и кадіи будутъ брать взятки за рѣшеніе дѣлъ, будутъ вести дружбу съ гяурами, будутъ наклонны къ ложному свидѣтельству, лжи и проч.,— тогда Богъ, желая доказать грѣшнымъ рабамъ свое могущество и отвратить ихъ отъ грѣховъ, покажетъ имъ знакъ своего гнѣва (Боже упаси! Боже упаси!), какъ-то: затмѣніемъ луны, солнца, землетрясеніемъ и проч.“

При этомъ кадій закрылъ книгу и началъ говорить рѣчь отъ себя, принявъ самый печальный видъ:

— Вотъ теперь, братья мои, видите сами: предсказанія несомнѣннаго пророка оправдываются; мы, начиная съ меня самого, забываемъ Бога, грѣшимъ на каждомъ шагу; каждый изъ насъ старается ѣсть чужую собственность, вы не приходите молиться въ мечеть, развѣ когда здѣсь раздается чашка толокна, вы заката не отдаете вѣрно, бѣднымъ не помогаете... вотъ потому-то Божій гнѣвъ и падаетъ на насъ всѣхъ на семъ свѣтѣ, а на

томъ свѣтѣ насъ ожидаетъ страшный адъ. Въ пятницу я дамъ еще наставленіе, а завтра-же нужно, чтобы каждый изъ насъ сдѣлалъ *садака* чѣмъ можетъ...

— Нужно, нужно сдѣлать садака, нужно раздать милостыню бѣднымъ, подтвердили другіе.

Одинъ изъ самыхъ набожныхъ подошелъ къ муталимамъ и секретно сказалъ: „Приходите ко мнѣ завтра, я вамъ дамъ полбарана сушенаго“.

— Ахъ, какой хорошій человѣкъ, говорили мы о немъ послѣ ухода всѣхъ: хотя-бы нѣсколько такихъ!

Мы легли спать съ сильнымъ желаніемъ, чтобы поскорѣе разсвѣло. Нѣкоторые изъ насъ тутъ-же порѣшили отложить свой отъѣздъ, говоря: — „Можно еще съ недѣлю пожить-попировать и здѣсь!“

На другой день рано утромъ мы получили обѣщаннаго полбарана и отъ всѣхъ старухъ начали къ намъ приносить разныя подаянія: кто принесъ на подносѣ толокно съ сыромъ, кто тонкій хлѣбъ *), намазанный масломъ, кто кувшинъ молока и т. п. У насъ былъ великій праздникъ. „Хоть-бы каждый мѣсяцъ затмѣвалась луна: тогда-бы можно было не только жить, но даже пожирнѣть“, говорили мы. На улицахъ вездѣ стояли женщины съ чѣмъ-нибудь съѣдомымъ и раздавали по кусочку каждому прохожему, въ особенности муталиму, если только онъ проходилъ мимо. Раздаваемое по большей части было: толокно съ насыпаннымъ въ него коровьимъ сыромъ и тонкій хлѣбъ, разрѣзанный на 4 части.

Черезъ два дня, въ пятницу, въ мечети людей было вдвое больше обыкновеннаго, и кадій приводилъ имъ слова пророка, которыя заключали въ себѣ повелѣніе строго поддерживать вѣру, быть хорошими мусульманами. „Видите-ли, братья,—говорилъ ка-

---

*) Этотъ родъ хлѣба, въ родѣ персидскаго лаваша, но круглой формы, пекутъ на сковородѣ или каменной доскѣ, для раздачи бѣднымъ и даже всякому прохожему; каждый четвергъ вечеромъ почти въ каждомъ домѣ пекутъ его, посылаютъ сосѣди другъ другу, сами ѣдятъ и бѣднымъ раздаютъ. Онъ называется на туземномъ языкѣ *кула-чата*, что значитъ по-русски—тонкій хлѣбъ, лепешка.

дій: не достаточно того, чтобы называться мусульманиномъ,—нужно быть мусульманиномъ на дѣлѣ: за одного грѣшнаго раба подвергаются гнѣву Божію всѣ остальные, и безгрѣшные. Пророкъ сказалъ: Иманъ (вѣра въ Бога) имѣетъ 77 вѣтвей. Главная изъ нихъ та, чтобы сказать чистосердечно: „Нѣтъ Бога, кромѣ единаго, и Магомедъ его пророкъ,“ а самая низшая вѣтвь есть: „сдвинуть съ дороги камень, чтобы было удобно для проходящаго“. Мы же съ вами каждый стараемся положить камень каждому мусульманину, чтобы тотъ разбилъ себѣ ногу. Исламъ быстро исчезаетъ; каждый изъ насъ стремится къ суетамъ сего міра; при удобномъ случаѣ готовъ каждый отнять отъ другаго его собственность; молитвъ не исполняютъ; ведутъ дружбу съ гяурами и божьими врагами, которыхъ Богъ послалъ къ намъ въ наказаніе за наши грѣхи; соблазняются ихъ серебромъ. . . Пророкъ сказалъ: Богъ даетъ богатство гяурамъ на семъ свѣтѣ, а на томъ они будутъ вмѣстѣ съ дьяволомъ въ 7-мъ отдѣленіи ада; правовѣрнымъ же Богъ посылаетъ бѣдствія и невзгоды въ сей жизни, а на томъ свѣтѣ будутъ они въ раю окружены гуріями и молодыми слугами. Постарайтесь-же сохранить должную вражду къ гяурамъ: они намъ не друзья, а враги Богу и намъ. Часто стали являться знаки гнѣва Божія: недавно было землетрясеніе, а третьяго дня затмѣніе луны. . . Не замѣчаете-ли, какъ земля наша стала плохо родить? Нѣтъ того благословенія Божія, которое было на нашихъ предкахъ. Да и какіе-же они были добрые люди! Удѣляли свое толокно бѣднымъ, не отказывали другъ другу въ помощи при работахъ; давали другъ другу ословъ, быковъ и посылали своихъ женъ на работу безъ всякаго возмездія; а теперь попросишь отъ роднаго брата осла доставить вьюкъ навоза на пашню, непремѣнно попроситъ за это *шауръ* (5 копѣекъ)!...“

Народъ слушалъ молча и съ серьезными выраженіями лицъ, а нѣкоторые старики старались даже заплакать, или же показывали видъ, что плачутъ, особенно когда кадій началъ описывать страшныя мученія ада и разсказывалъ о тамошнихъ змѣяхъ, величиною съ большую гору, и о скорпіонахъ, которые будутъ жалить

грѣшныхъ. Окончивъ свою длинную и внушительную проповѣдь, кадій совершилъ молитву—и народъ разошелся.

Черезъ недѣли полторы послѣ этого происшествія, муталимы разошлись по домамъ. Я тоже хотѣлъ уѣхать въ отпускъ, но кунакъ мой упросилъ меня остаться, пока жена его не разрѣшится отъ бремени, чего ожидалъ онъ на дняхъ.

Надѣюсь, что читатель не сочтетъ лишнимъ, если я здѣсь помѣщу нѣсколько словъ объ обрядахъ, совершаемыхъ у горцевъ при родахъ.

Куначка моя была добрая женщина и обходилась со мной очень ласково; потому, во-первыхъ, что она, какъ набожная, любила вообще муталимовъ; во-вторыхъ-же, она была коротко знакома съ моей матерью и принимала отъ нея благословеніе, просила постоянно, чтобы мать молилась за нее, и была убѣждена въ томъ, что молитва матери моей спасетъ ея душу отъ адскихъ мученій.

Уже наступилъ девятый мѣсяцъ, какъ она забеременѣла, но до этихъ поръ она не оставляла своихъ работъ; ходила по воду, стряпала, пряла нитки изъ шерсти для тканья сукна; только въ послѣднее время перестала носить на себѣ вьюки, изъ опасенія повредить будущему младенцу.

Мужъ ея тоже былъ добрый, простой, зажиточный человѣкъ, проведшій болѣе 15-ти лѣтъ съ своею вѣрною супругою въ согласіи, былъ расположенъ къ ней хорошо, и даже иногда позволялъ себѣ выражать ей свое довольство ею, вопреки общаго характера горцевъ. Онъ говаривалъ: „Не будь у меня Ханумъ (такъ называлась моя куначка), домъ мой разрушился-бы“. Онъ доставлялъ ей, чего-бы она ни захотѣла въ это время,—фруктовъ-ли какихъ, масла-ли свѣжаго, и позволялъ ей готовить себѣ дома, что ей захочется. Запрещалъ ей смотрѣть на какого-либо звѣря, чтобы малютка не сдѣлался похожъ на этого звѣря, и разсказывалъ, что у него былъ братъ, который родился съ разрѣзанною губою, потому что мать увидѣла зайца, когда была беременна. Она-же разсказывала, что у нея была племянница, у которой на щекѣ было пятно красное, потому что ея матери, во время беременности-же, очень хотѣлось, но ни какъ не удалось съѣсть бараньей печенки.

По этимъ-то причинамъ супруги избѣгали всякихъ неблагопріятныхъ обстоятельствъ, которыя могли-бы изуродовать будущаго малютку.

Однажды кунакъ пришелъ въ мечеть и сказалъ мнѣ, что его Ханумъ заболѣла, а я пожелалъ ему, чтобы родился сынъ. Она страдала сильно, даже опасались за ея жизнь. Для облегченія больной, кадій написалъ талисманъ на бумагѣ и отдалъ, чтобы бумажку смыли водою и дали выпить больной женщинѣ; но это мало помогло и страданія моей куначки продолжались. Ночью прибѣжали въ мечеть и просили покачать деревянную будку, на которой кадій читаетъ молитвы. Потомъ просили изъ мечети соломы, чтобы подкуривать ею больную..... но ничто не помогало. На другой день просили одного человѣка, который когда-то убилъ другаго, чтобы онъ стрѣлялъ изъ ружья около дома больной. Но и это средство оказалось недѣйствительнымъ. Наконецъ прибѣжала въ мечеть старуха и сказала кунаку, что Ханумъ родила благополучно сына. Кунакъ возрадовался и подарилъ ей за вѣсть теленка; я то-же поспѣшилъ поздравить кунака своего обычною фразою: „Да будетъ младенецъ благочестивымъ".

Вечеромъ я былъ приглашенъ кунакомъ покушать у него „курчъ." Это кушанье готовятъ обыкновенно для родильницъ и оно называется женскимъ блюдомъ. Курчъ приготовляется такимъ образомъ: всыпаютъ муку въ кипящую въ котлѣ воду, пока образуется густое тѣсто; потомъ снимаютъ съ очага котелъ и дѣлаютъ по срединѣ тѣста углубленіе ложкою, куда наливаютъ топленаго масла съ медомъ; за тѣмъ ѣдятъ кушанье ложками. Послѣ ужина хозяинъ просилъ меня достать коранъ изъ мечети, чтобы положить около больной жены для отогнанія отъ нея нечистаго духа, что я и исполнилъ.

Я ходилъ часто къ кунаку и всегда находилъ тамъ какую нибудь родственницу, пришедшую съ курчемъ или съ топленымъ масломъ и медомъ. Почти цѣлую недѣлю больную кормили этимъ кушаньемъ. Родильница поправлялась быстро. Не смотря на претерпѣнныя ею страданья, она встала съ постели на 8-й день послѣ родовъ. Ребенокъ былъ здоровъ и спокоенъ; но иногда, когда

онъ по ночамъ плакалъ много, сей-часъ-же прибѣгали въ мечеть за кадіемъ или за мною съ просьбою, чтобы написать молитву усыпляющую. Я писалъ часто и другимъ подобныя-же молитвы, потому что у меня была такая книга, изъ которой я выписывалъ всякаго рода талисманы.

За талисманами очень часто обращаются къ мулламъ или муталимамъ молодые люди обоего пола, и многіе муллы принимаютъ на себя сдѣлать такъ, чтобы кто-нибудь, напр., полюбилъ или же разлюбилъ. Это, разумѣется, дѣлается секретно, и муллы берутъ плату отъ просителя.

Я помню хорошо, какъ одна дѣвушка обратилась ко мнѣ съ жалобою, что у нея волосы на головѣ сильно рѣдѣютъ, увѣряя меня, что это произошло отъ дурнаго глаза, потому что не знаетъ никакой другой причины, чему-бы могла приписать такое несчастіе; она просила меня, чтобы я написалъ ей молитву для отвращенія такого дѣйствія дурнаго глаза, и я написалъ. Но главнымъ образомъ въ подобныхъ случаяхъ обращаются къ мулламъ. Напр., если у кого-нибудь вечеромъ пропадетъ оселъ или другая скотина, то къ муллѣ прибѣгаютъ съ просьбою „связать пасть волка“ (какъ выражаются на туземномъ языкѣ), т. е. прочитать молитву, чтобы волкъ не могъ повредить животному, хотя-бы онъ и встрѣтился съ нимъ. Муллы это дѣлаютъ всегда съ полною увѣренностію, что ихъ молитва подѣйствуетъ, а хозяинъ пропавшей скотины спитъ совершенно спокойно, съ полнымъ убѣжденіемъ, что звѣрь лишенъ возможности повредить его скотинѣ. Въ подобныхъ случаяхъ поступаютъ такъ: мулла обнажаетъ свой кинжалъ и потомъ, тихо читая молитву или одну маленькую главу изъ корана, медленно вкладываетъ обнаженный кинжалъ въ ножны, или-же при чтеніи молитвы беретъ шерстяную нитку и связываетъ на ней узлы. На другой день, когда отыщется пропавшая скотина, мулла развязываетъ свои узлы или обнажаетъ заколдованный кинжалъ и освобождаетъ звѣря отъ невозможности раздвинуть пасть, чтобы не принять на себя грѣха, если звѣрь издохнетъ отъ голода.

Итакъ, родители собирали предохранительныя молитвы для ребенка. Между тѣмъ черезъ недѣлю кунакъ мой собирался устро-

лить миръ: купилъ барана, сдѣлалъ цѣлую кадушку бузы, приказалъ напечь пшеничныхъ хлѣбовъ и проч. Все это готовилось къ тому дню, въ который нужно было дать младенцу имя. О послѣднемъ, однако, шелъ споръ между родителями: отецъ хотѣлъ дать имя въ честь своего отца, для сохраненія имени своего рода, такъ какъ и прадѣдъ его также назывался этимъ именемъ; а мать хотѣла дать младенцу имя убитаго своего брата, потому что вдова брата просила ее объ этомъ неотвязчиво *). Но такъ какъ ребенокъ былъ мужескаго пола, то предпочли дать ему имя дѣда **). Вечеромъ собрались къ кунаку многіе родственники обоихъ супруговъ; само собой, былъ, какъ необходимое лицо, приглашенъ кадій, а также и я, какъ хорошій знакомый.

Послѣ веселаго ужина, кадій велѣлъ принести младенца, котораго сейчасъ-же и принесла женщина, укутавши его въ кусокъ матеріи. Кадій взялъ младенца на руки и произнесъ: „во имя Бога“ и началъ читать молитву въ правое ухо дитяти. Молитва была короткая, и прочитавъ ее скоро въ каждое ухо по три раза, кадій воскликнулъ: „да будетъ онъ Ахмедъ“! Тогда присутствовавшіе воскликнули почти сразу: „Ахмедъ, Ахмедъ! да благословитъ его Аллахъ“! Въ этомъ состояла вся церемонія нареченія имени младенцу. А когда гости прощались съ хозяиномъ, каждый отдѣльно пожелалъ младенцу добраго здоровья и долгой жизни.

*) У горцевъ, обыкновенно, стараются сохранить имя любимаго умершаго человѣка, если не въ прямомъ потомствѣ, то въ ближайшей боковой линіи; младенецъ, названный именемъ въ честь кого-либо умершаго, получаетъ отъ семейства умершаго въ праздничные дни какіе-нибудь подарки, напр. шелковую рубашку, архалукъ и пр.

**) При нареченіи имени младенцу мужескаго пола первенствуютъ желанія отца, и наоборотъ, при нареченіи имени дѣвочкѣ первенствуютъ желанія матери.

VII.

Черезъ нѣсколько дней послѣ празднества съ семьѣ моего кунака, я окончилъ свою книгу, называемую Анамузаджъ.

Это была третья книга изъ грамматики, довольно пространная. Благодаря особой заботливости обо мнѣ кадія, я могъ тогда разбирать кое-какія письма, тѣмъ болѣе, что письма, по общей формѣ, принятой у горцевъ, пишутся весьма коротко: кромѣ нѣсколькихъ словъ о данномъ дѣлѣ, остальныя фразы заключаютъ въ себѣ одни только поклоны и привѣтствія, которыя выражаются всегда однѣми и тѣми-же фразами. Муталимы собираютъ такія письма и заучиваютъ ихъ для ознакомленія съ методою писанія писемъ.

Затѣмъ я отправился въ отпускъ домой. Идучи дорогой, я думалъ, какъ радостно встрѣтятъ меня родители, потому что я уже нѣсколько мѣсяцевъ былъ въ отлучкѣ, и къ тому-же оказалъ хорошіе успѣхи въ ученіи и заслужилъ похвалу кадія, которую выразилъ онъ въ своемъ письмѣ къ отцу. Мнѣ казалось неловкимъ войти въ родной аулъ днемъ, потому что всѣ жители будутъ смотрѣть на меня, чего мнѣ было какъ-то стыдно. Поэтому я дожидался сумерекъ и вошелъ въ аулъ тайкомъ. Мать моя, дѣйствительно, встрѣтила меня радостно, но отецъ не совсѣмъ. Сначала я и не зналъ, какъ объяснить себѣ это; но потомъ я услыхалъ отцовскій разговоръ съ матерью.

— Не надо ласкать его слишкомъ и показывать ему зубы (т. е. смѣхъ), а то онъ будетъ лѣниться въ ученіи и не захочетъ оставаться въ чужомъ аулѣ муталимомъ, говорилъ отецъ.

— Нельзя-же выгнать изъ дома *дитя живота* *)! Онъ одичаетъ и послѣ не будетъ почитать насъ, возражала мать.

— Если онъ испортится и не будетъ хорошо учиться, ты будешь виновата. Онъ долженъ отвыкнуть отъ дома и находить

*) Туземное выраженіе,—значитъ: родное дитя.

удовольствіе въ странствованіи и ученіи, долженъ терпѣть голодъ, холодъ и жизненныя невзгоды, для того чтобъ, когда подростетъ, съумѣлъ оцѣнить хорошее. Въ сытное время голова бываетъ пуста *).

— Ты хочешь, чтобы онъ въ такія лѣта зналъ и понималъ все, что ты знаешь и понимаешь.

— Ты молчи; у женщины умъ находится на краю платья; когда она встаетъ съ мѣста, умъ падаетъ на-земь. Пророкъ сказалъ: „Посовѣтуйтесь о дѣлахъ съ вашими женами и дѣлайте все наперекоръ ихъ совѣту“.

— Ну, дѣлай въ такомъ случаѣ, какъ пророкъ сказалъ: не люби дитя, за то что я его люблю, говорила мать.

Хотя отчасти я и находилъ, что отецъ говорилъ не въ мою обиду, тѣмъ не менѣе убѣдился, что мать любила меня больше, чѣмъ отецъ.

Не смотря на неоднократное замѣчаніе отца о томъ, что я остаюсь довольно долго дома, и что хорошій муталимъ долженъ имѣть ревность къ ученію и стараться въ немъ опередить товарищей, я все-таки пробылъ дома около мѣсяца и затѣмъ отправился опять въ сел. *Кунди*, съ приличными пирогами и халвою, для кадія особо и для товарищей особо. Тамъ засталъ я двухъ новыхъ учениковъ. Одинъ изъ нихъ былъ довольно наказанъ судьбою: онъ обжегся порохомъ на кумухскомъ базарѣ, когда тамъ загорѣлся порохъ, продаваемый жителями, и вылечился только въ русскомъ госпиталѣ. Отъ этого несчастія онъ хромалъ сильно на обѣ ноги, а на обѣихъ рукахъ его дѣйствовали только три пальца; лицо его, которое и прежде пострадало отъ оспы, совсѣмъ обезобразилось.

Не находя въ такомъ положеніи для себя никакихъ средствъ къ существованію, онъ предался ученію и выдавалъ себя за самаго набожнаго человѣка.

Когда я пришелъ въ Кунди, онъ уже пріобрѣлъ себѣ до-

*) Туземная пословица; соотвѣтствуетъ русской: «сытое брюхо къ ученію глухо».

вольно хорошую репутацію въ народѣ. Его почитали за святаго, приглашали въ дома, и онъ вездѣ занималъ первое мѣсто; между тѣмъ онъ учился плохо, а изъ грамматики почти ничего не зналъ.

По окончаніи намазовъ обыкновенно въ мечетяхъ читаютъ на распѣвъ: *„Ляиляха-Иллаллахъ“* (нѣтъ Бога, кромѣ единаго Бога), повторяя эту фразу нѣсколько десятковъ разъ: это называется *зикра*. Нашъ обезображенный муталимъ дѣлалъ въ это время разные фокусы и показывалъ видъ, что онъ впадаетъ въ *джазмъ* *). Вотъ что онъ дѣлалъ: сначала повторялъ означенную фразу тихо, вмѣстѣ съ прочими, качая головою направо и налѣво; потомъ постепенно повышалъ голосъ больше и больше и приходилъ въ такое изступленіе, что едва слышалась только послѣдняя половина фразы, т. е. *„Иллаллахъ“*; повторяя ее съ отчаяннымъ крикомъ, онъ съ бѣшенствомъ начиналъ подпрыгивать на колѣняхъ, совершенно на подобіе курицы, у которой сейчасъ оторвали голову, испускалъ при этомъ какіе-то отчаянные крики и стоналъ: Аллахъ, Аллахъ! наконецъ падалъ неподвижно, какъ мертвый. Народъ смотрѣлъ на него съ жалостію и завидовалъ его набожности. Въ короткое время онъ сдѣлался извѣстнымъ по цѣлому аулу.

Намъ было досадно, что всѣ жители начали преимущественно обращаться къ нему съ просьбами написать какую-нибудь молитву или читать коранъ за упокой души кого-нибудь умершаго, а насъ, остальныхъ муталимовъ, почти забыли. Къ тому-же мы очень сомнѣвались въ дѣйствительности его джазма; онъ подавалъ намъ поводъ подозрѣвать его въ фальши: такъ напр, бы-

---

*) Такъ называется у тарикатскихъ мюридовъ степень совершенства въ чистотѣ душевной и въ обращеніи всѣхъ чувствъ къ единому Богу, на которой, при воспоминаніи о Богѣ, человѣкъ забываетъ все мірское, и мысли его, сосредоточиваясь на Богѣ, погружаются въ такое наслажденіе, что человѣкъ падаетъ безъ чувства. При *зикрѣ* учитель или наставникъ тариката дуетъ на мюридовъ, которые при этомъ начинаютъ прыгать и падать на землю, какъ-бы по силѣ волшебной палочки. Многіе, выдавая себя за чистѣйшихъ рабовъ Божіихъ, умышленно дѣлаютъ эти прыжки, для того только, чтобы пріобрѣсть себѣ уваженіе въ народѣ. Молодые люди подсмѣиваются надъ такими вдохновенными людьми и потому эти послѣдніе показываютъ свои фокусы старикамъ или женщинамъ.

вало, при насъ, когда никого посторонняго нѣтъ, онъ пилъ бузу; а народу проповѣдывалъ, чтобы не употребляли этого напитка, и разсказывалъ, какъ грѣшно и противно Богу пить бузу или водку и курить табакъ. Онъ даже избѣгалъ при людяхъ ѣсть хлѣбъ, испеченный на дрожжахъ, потому что дрожжи дѣлаются изъ бузы.

Однажды мы сговорились испытать нашего святаго во время божественнаго его вдохновенія.

По книгѣ мы знали, что кто въ дѣйствительности впадаетъ въ джазмъ, тотъ лишается всякихъ чувствъ. Однажды, мы командировали двухъ муталимовъ, чтобы они стали рядомъ съ нашимъ святымъ во время намаза и, когда онъ впадетъ въ джазмъ, чтобы они вонзили ему въ ногу тайкомъ шило. Какъ только святой, по своему обыкновенію, впалъ въ обморокъ послѣ сильныхъ и частыхъ прыжковъ своихъ, муталимы потихоньку вонзили ему въ ногу шило. Святой сначала ограничился маленькимъ движеніемъ, не желая дать знать, что онъ чувствуетъ, а когда муталимы не переставали повторять свой опытъ, онъ вскочилъ вдругъ и вскричалъ: „Ай, ай, что вы дѣлаете“! и тутъ-же замолчалъ, опустивши голову на грудь; мы разбѣжались, смѣясь, а нѣкоторые старики перетолковали этотъ случай совсѣмъ въ пользу нашего святаго: „Ахъ, бѣдный“! говорили они: „вѣрно къ нему пришли ангелы“; другіе-же говорили, что должно быть нечистый духъ преслѣдуетъ его и, вѣроятно, это на него онъ кричалъ.

Послѣ этого онъ избѣгалъ сосѣдства муталимовъ при молитвѣ, а если случалось таковое, то ни за-что не впадалъ въ джазмъ.

Пробывъ въ сел. Кунди еще нѣсколько мѣсяцевъ, я отправился однажды въ сел. *Хараши* просить у тамошняго кадія напаку. Кадій этотъ былъ не изъ числа ученыхъ, и я вовсе не расчитывалъ учиться именно у него; но въ сел. Хараши былъ другой ученый, человѣкъ добрый, у котораго я хотѣлъ брать частные уроки. Въ этомъ селеніи не было ни одного муталима, потому во-первыхъ, что кадій почти ничего самъ не зналъ, а во-вторыхъ, время было рабочее и муталимовъ вездѣ осталось очень мало. Харашинскій кадій охотно согласился принять меня къ себѣ,

а добрякъ-ученый тоже заявилъ свое согласіе учить меня частнымъ образомъ, такъ что я совсѣмъ перебрался изъ Кунди въ Харашн.

Тутъ я поселился въ мечети одинъ, готовилъ самъ себѣ кушанья; но по большей части ѣлъ одно толокно съ водою, а горячаго приходилось развѣ въ недѣлю разъ поѣсть. Кромѣ того, здѣсь нашлись и другія неудобства къ жизни и ученію: кадій приказывалъ мнѣ ходить къ нему на полевыя работы и тѣмъ отрывалъ меня отъ ученія; напака (продовольствіе) состояла изъ однихъ бобовъ, которые мнѣ въ то время до того опротивѣли, что я ихъ не могъ совсѣмъ ѣсть; написать-же домой обо всѣхъ этихъ неудобствахъ мнѣ не хотѣлось, изъ опасенія, чтобы отецъ не подумалъ, что я лѣнюсь и потому говорю неправду.

Такой жизни вытерпѣлъ я полтора мѣсяца, въ продолженіи которыхъ обратился чуть не въ сухую палку, пока сами обстоятельства не вывели меня изъ этого бѣдственнаго положенія.

Однажды отецъ написалъ ко мнѣ, что односелецъ нашъ, извѣстный ученый человѣкъ, ѣдетъ въ сел. Боркиханъ учителемъ къ тамошнему беку и беретъ съ собою нѣсколько учениковъ, а потому спрашивалъ: не желаю-ли и я поѣхать въ Боркиханъ? Я, разумѣется, былъ очень радъ такому случаю и немедленно отправился домой. Здѣсь, чрезъ нѣсколько дней, все было изготовлено къ отправленію, и я, въ сообществѣ 8-ми муталимовъ изъ разныхъ деревень казикумухскаго ханства, поѣхалъ въ сел. Боркиханъ. На третій-же день вечеромъ мы пріѣхали въ эту деревню. Никто изъ насъ не зналъ порядковъ содержанія муталимовъ у боркиханцевъ; только по наслышкѣ каждый разсказывалъ о своеобычныхъ нравахъ ихъ *).

Какъ только мы пріѣхали въ аулъ, чауши встрѣтили насъ и повели каждаго къ особому кунаку. Я попалъ къ доброму человѣку, по имени Гусейну. Я думалъ, что насъ пріютили по кунакамъ только на первую ночь, потомъ-же соберемся въ мечеть и будемъ довольствоваться напакою, а также подумывалъ, какая-то должность выпадетъ на мою долю въ цигорствѣ, и такъ какъ я замѣтилъ, что въ этой деревнѣ чрезвычайно много было собакъ,

*) Жители Боркихана—*агулы*.

то боялся, чтобы мнѣ не пришлось сдѣлаться деревенскимъ цигоромъ. Каково-же было мое удивленіе, когда мнѣ сказали на другой день, что мы должны оставаться все время у этихъ самыхъ кунаковъ, и они будутъ насъ содержать, сколько-бы времени мы ни оставались въ Борkиханѣ! У этихъ добрыхъ людей существуетъ обычай: когда муталимъ приходитъ къ нимъ въ деревню учиться, тотъ-часъ-же его передаютъ на попеченіе какому-нибудь богатому человѣку, и этотъ долженъ его содержать на свой счетъ даромъ.

Ночью, когда меня привели къ назначенному мнѣ кунаку, Гусейну, онъ встрѣтилъ меня по видимому радостно, но пригласилъ въ кунацкую комнату безъ всякихъ привѣтствій. Съ меня сняли сапоги, кинжалъ и черкеску; потомъ мнѣ дали овчинный тулупъ и посадили около горѣвшаго камина,—и только вслѣдъ за этимъ хозяинъ, взявъ меня за руку, поздоровался со мною; за Гусейномъ подошли два его брата и тоже поздоровались; до тѣхъ-же поръ, пока меня не успокоили, никто не здоровался, что меня нѣсколько смущало: не смотря на всѣ ласки Гусейна, я все-таки думалъ, что онъ недоволенъ моимъ пріѣздомъ. Черезъ часъ подали ужинъ, состоявшій изъ хлѣба странной формы, такъ какъ я въ первый разъ еще видѣлъ такой хлѣбъ (онъ былъ въ родѣ маленькаго чурека, величиной съ обыкновенную тарелку и дырявый, какъ рѣшето, съ разными узорами); къ хлѣбу подали масло, медъ и мясо. На другой день Гусейнъ представилъ меня своему семейству: двумъ женамъ, дочерямъ и женамъ своихъ братьевъ, которые жили съ нимъ вмѣстѣ, нераздѣльно. Самъ Гусейнъ былъ извѣстный по своему искуству врачъ, младшій братъ его былъ пастухъ, а средній—занимался торговлею.

Около полудня мы всѣ, муталимы, собрались въ огромную старую мечеть, надъ которою возвышался высокій и стремившійся къ разрушенію отъ ветхости минаретъ, на который только одинъ будунъ смѣло лазилъ кричать намазъ. Сошедшись вмѣстѣ, мы разсказывали другъ другу о своихъ кунакахъ и каждый изъ товарищей выразилъ тѣ-же самыя недоразумѣнія, которыя и я имѣлъ относительно своего пріема. Тогда мы убѣдились въ томъ, что таковъ

здѣсь общій обычай. Въ Боркиханѣ мы пробыли цѣлую зиму и жили совсѣмъ не по-муталимски. Я сдѣлался членомъ семейства Гусейна, который смотрѣлъ на меня какъ на своего сына; всегда бывалъ сытъ и ни о чемъ не заботился. Обыкновенными кушаньями нашими были: хлѣбъ вышеозначенной формы, изъ ржаной муки *), хинкалъ съ мясомъ или съ масломъ, толокно изъ ячменя съ бузою и сыромъ; часто готовили также пилавъ. Кромѣ того другіе боркиханскіе жители нерѣдко приглашали насъ на обѣдъ или ужинъ. На званый обѣдъ каждый гость долженъ былъ нести съ собою ложку. По окончаніи обѣда, хозяинъ заставлялъ гостей еще скушать по ложкѣ за упокой душъ всѣхъ умершихъ своихъ предковъ, называя при этомъ ихъ имена, потомъ по ложкѣ за какихъ-нибудь святыхъ; отказываться отъ этого значило-бы сильно обидѣть хозяина.

Укажу здѣсь на нѣкоторыя отличія въ исполненіи обрядовъ, замѣченныя мною въ Боркиханѣ и не существующія въ другихъ селеніяхъ Казикумухскаго округа. Такъ напр., новобрачная, когда ѣдетъ къ мужу, должна всю дорогу рыдать во всеуслышаніе и не переставать плакать, пока не войдетъ въ домъ молодаго. Невѣста должна связать чулки, какъ для самого жениха, такъ и для всего семейства его, начиная отъ груднаго ребенка до стариковъ, и эти чулки несутъ въ корзинкѣ при поѣздѣ невѣсты къ жениху. Невѣсту провожаютъ обыкновенно верхомъ, съ джигитовкою. Въ день свадьбы, собравшись у жениха, мужчины стрѣляютъ въ яблоко, положенное на высокій шестъ, и кто попадетъ, тотъ получаетъ награду отъ жениха. На второй день свадьбы женихъ садится, обыкновенно, на коврѣ и каждый другъ и родственникъ подходитъ и бросаетъ на платокъ, положенный передъ нимъ, деньги, сколько кто можетъ. Есть еще одинъ обычай, который существуетъ и въ Казикумухѣ, но въ Боркиханѣ придерживаются его строже: когда кто-нибудь

*) Пшеница въ Боркиханѣ мало родится и потому здѣсь всѣ сѣютъ рожь; пшеницу-же достаютъ изъ Кюринскаго округа и употребляютъ въ весьма рѣдкихъ случаяхъ. Боркиханцы даже увѣряютъ, что если на ихъ землѣ посѣять пшеницу, то чрезъ годъ она превращается въ рожь. Въ муку мѣшаютъ древесную золу, отчего цвѣтъ хлѣба бываетъ сѣроватый.

шьетъ себѣ новую шубу на зиму, то близкіе родственники и друзья приносятъ къ нему кашу, приготовленную изъ муки, съ масломъ и съ медомъ. Наконецъ разскажу еще про одинъ странный обычай, который существуетъ въ этомъ магалѣ: когда бываетъ засуха лѣтомъ, то народъ выходитъ въ поле просить у Бога дождя и собирается на одну изъ горъ Агульскаго ущелья, гдѣ, послѣ совершенія нѣкоторыхъ обыкновенныхъ у мусульманъ обрядовъ, мужчины и женщины отправляются на покатость горы, потомъ женщины садятся на колѣни къ мужчинамъ и такимъ образомъ всѣ вмѣстѣ ползутъ по землѣ въ сидячемъ положеніи до самой подошвы этой горы. Одинъ ученый въ этомъ магалѣ, по имени Али, убѣждалъ народъ въ послѣднее время — оставить этотъ обычай, какъ богопротивный, но молодые люди стоятъ за него... Впрочемъ, засухи не было здѣсь ужъ нѣсколько лѣтъ сряду.

Не смотря на необыкновенное радушіе боркиханскихъ жителей, мы все-таки у нихъ соскучились, и ходя на рѣчку для омовенія, разбивали тамъ ледъ, призывая скорѣе весну, потому что учитель нашъ уже сказалъ намъ, что мы вернемся домой непремѣнно весною. Такъ и случилось. Когда я пріѣхалъ домой, весна уже наступила: трава начала зеленѣть и нѣкоторые цвѣты уже показывались изъ подъ снѣга. Скоро снѣгъ остался только въ тѣхъ мѣстахъ, куда не проникали лучи солнца.

Въ деревнѣ ходилъ говоръ о предстоящемъ праздникѣ—вывозѣ плуга въ поле. Матери приготовляли для дѣтей *барту* *), закупали орѣхи и яйца. Приготовляли лошадей на предстоявшую скачку; скороходы также упражнялись въ бѣганьи на гору, пробуя, кто кого перегонитъ. Кромѣ того, въ аулѣ было общее весеннее движеніе народа: одни поправляли старыя корзинки для отвоза въ поле навоза, другіе починяли кирки, лопатки, плуги и другія хозяйственныя орудія. Въ день праздника старшій куна-

*) Каждый мальчикъ или дѣвочка получаетъ отъ родителей въ этотъ день хлѣбъ, испеченный съ разными украшеніями и разной формы; онъ бываетъ или кольцеобразный, или-же, по большей части, крестообразный и называется *бартою*. Обыкновенно украшаютъ его яйцами и орѣхами, которые вдавливаются въ лицевую сторону хлѣба.

чу *) долженъ былъ сдѣлать угощеніе обществу и объ этомъ тоже говорили въ народѣ. Также толковали о томъ, кого именно выбрать изъ жителей нахаремъ, чтобы онъ вывезъ въ первый разъ плугъ въ поле. Нужно было выбрать честнаго и добраго человѣка, чтобы хлѣбъ уродился получше. Многіе выбранные отказывались въ виду того, что, въ случаѣ неурожая, жители будутъ роптать на нихъ. Наконецъ насталъ назначенный день для вывоза плуга. Утромъ, на площади, около мечети собралась многочисленная толпа; по данному старшимъ картомъ знаку, вынесли изъ его дома нѣсколько хлѣбовъ, два кувшина бузы и мясо. Все это раздѣлили между всѣми присутствовавшими, а потомъ отправились за деревню, гдѣ стояли лошади, приготовленныя для скачки. Отъ того-же кунačу принесли и барту, большую, украшенную яйцами и орѣхами, и дали ее одному старику держать на рукахъ.

Скачка совершалась при многочисленной толпѣ обоего пола, и первымъ прискакалъ одинъ молодой человѣкъ, который и заслужилъ барту, поднесенную ему означеннымъ старикомъ съ поздравленіемъ. Въ это самое время родственники и близкіе друзья получившаго призъ бросились къ нему—и лошадь его обвѣсили кинжалами, а женщины повязали шею ея платками, такъ что лошадь едва могла идти шагомъ отъ тяжести навѣшенныхъ на нее кинжаловъ и платковъ. Каждый, навѣсившій свой кинжалъ, долженъ былъ идти въ домъ хозяина лошади за полученіемъ своего оружія обратно, но не иначе, какъ съ чѣмъ-нибудь съѣдомымъ: одни понесли копчоную баранину, другіе бузу, третьи хлѣбъ и т. д., такъ что въ короткое время домъ хозяина лошади наполнился провизіею.

*) *Кунačу* значитъ картъ, старикъ; во множественномъ числѣ—*куниса*, т. е. карты. Въ аулѣ нашемъ было семь фамилій и изъ каждой фамиліи были наслѣдственные карты, которые назначались по старшинству. Независимо отъ нихъ былъ одинъ старшій картъ (куначу), общій для всѣхъ фамилій, тоже назначаемый по праву наслѣдства. При разборѣ какого-нибудь адатскаго дѣла или при обсужденіи общественнаго интереса, всѣ эти карты (куниса) собираются вмѣстѣ на извѣстномъ мѣстѣ, разсуждаютъ и рѣшаютъ дѣла подъ предсѣдательствомъ старшаго карта, который обязанъ каждый годъ дѣлать угощеніе жителямъ при вывозѣ плуга въ поле.

На томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ была конная скачка, стояла еще нерасходившаяся толпа. Нѣсколько молодыхъ людей, полураздѣтыхъ, съ засученными рукавами и шальварами, приготовлялись бѣжать и принимали совѣты отъ старшихъ, которые предлагали имъ держать во рту пулю или камешекъ, чтобы не утомиться. Принесли другую барту, поменьше прежней, тоже отъ старшаго карта, и тотъ-же старикъ держалъ ее на рукахъ. Молодые люди отправились съ однимъ постороннимъ человѣкомъ, который долженъ былъ распорядиться соблюденіемъ порядка во время бѣга, бывающаго на протяженіи версты. По произнесеніи постороннимъ: разъ, два, три! всѣ сразу бросились бѣжать и одинъ, прибѣжавшій первымъ, схватилъ барту и упалъ. Сейчасъ-же подняли молодаго человѣка и повели его подъ руки. По дорогѣ его также обвѣшивали кинжалами и платками, какъ прежде обвѣшивали лошадь, и со всѣхъ сторонъ привѣтствовали поздравленіями.

По окончаніи скачекъ послали за пахаремъ, который и явился со всѣми орудіями пахаря и съ быками *), и вмѣстѣ съ нимъ толпа направилась къ ближайшему пахатному полю. Множество мальчиковъ провожало пахаря, бросая въ него комками снѣга, грязью и камешками и не переставая бросать до тѣхъ поръ, пока онъ не обошелъ съ плугомъ вокругъ пашни три раза. При этомъ кадій читалъ молитву, поднявъ руки къ небу, прося у Бога хорошаго урожая въ этомъ году, а остальные говорили „аминь“. По окончаніи всего этого обряда, народъ вернулся домой, и цѣлые два дня былъ затѣмъ кутежъ въ двухъ домахъ: у хозяина перескакавшей лошади и у побѣдившаго скорохода.

Съ этого дня начались полевыя работы: кто унаваживалъ пашню, кто пахалъ **), кто искалъ себѣ компаніона для пахоты ***).

---

*) Въ этомъ случаѣ пахарь бываетъ одѣтъ въ овчинный полушубокъ, который надѣваетъ на выворотъ.

**) Съ ранней весны горцы пашутъ землю и оставляютъ ниву незасѣянною; потомъ, перепахавши ее во второй разъ, сѣютъ зерно. Горцы пашутъ всегда одною парою быковъ.

***) Изъ горцевъ рѣдкій хозяинъ имѣетъ больше одного быка. Во время работы каждый находитъ себѣ компаніона, имѣющаго тоже одного бы-

Я пробылъ дома еще нѣсколько дней, а потомъ отправился муталимомъ въ Кумухъ.

Давно мнѣ хотѣлось поѣхать въ это селеніе, потому что слышалъ много о роскошной жизни тамошнихъ муталимовъ. Въ Кумухѣ восемь магаловъ (кварталовъ), и въ каждомъ магалѣ своя мечеть; при нихъ находятся будуны, нанимаемые жителями. Кромѣ этихъ восьми мечетей есть еще общая, главная мечеть, которая отпирается только по пятницамъ и въ торжественные праздничные дни для совершенія намаза. Муталимы живутъ въ одной изъ восьми мечетей, называемой на туземномъ языкѣ „Катниль мезитъ“ *). Кумухскій кадій наслѣдственный; онъ можетъ быть и неграмотный, и въ такомъ случаѣ нанимаетъ ученаго мудариса, который служитъ при Катниль-мезитѣ. Въ то время, какъ я пришелъ въ Кумухъ муталимомъ, при кумухскомъ кадіѣ мударисомъ былъ почетный и умный человѣкъ, по имени Гази; у него я засталъ шесть муталимовъ. Всѣ они жили при мечети—маленькой, но содержавшейся въ примѣрной чистотѣ. Эта чистота зависѣла между прочимъ отъ того, что въ Катскую мечеть не приходилъ ночевать никто изъ жителей селенія или изъ пріѣзжихъ, какъ это обыкновенно бываетъ въ другихъ деревняхъ. Въ поясненіе этого обстоятельства замѣчу, что у горцевъ весьма немного водится постельныхъ принадлежностей, а потому мужчины рѣдко спятъ дома: молодые люди отправляются обыкновенно на ночлегъ на улицу или на площадь, а кто постарше—въ мечеть. Спящіе на улицѣ и на площади лежатъ на камняхъ, положенныхъ тамъ какъ для этой цѣли, такъ и для сидѣнья днемъ, а укрываются овчинными шубами. Кромѣ старшихъ, въ мечети спятъ еще пріѣзжіе. Горцы вообще гостепріимны, и потому всякій пріѣзжій, не имѣющій въ аулѣ кунака (знакомаго), приходитъ на площадь, передъ

ка и по очереди пашутъ; напр., сегодня оба быка работаютъ у одного хозяина, а завтра у другаго: это называется на туземномъ языкѣ *«удружить быка»*.

*) Сел. Кумухъ раздѣляется на восемь кварталовъ и въ каждомъ кварталѣ есть особая маленькая мечеть. Кварталъ, называемый *Катъ*, есть самый центральный и потому въ немъ живутъ муталимы. *Катниль-мезитъ* значитъ—Катская мечеть.

мечетью, гдѣ всегда найдетъ праздныхъ людей; какъ скоро онъ объявитъ, что у него нѣтъ кунака, чаушъ препровождаетъ его къ тому изъ жителей, на комъ лежитъ очередь гостепріимства, и послѣдній обязанъ накормить гостя какъ можно лучше, дать ему шубу и проводить на ночлегъ въ мечеть. Впрочемъ, съ недавняго времени обычай этотъ сталъ ослабѣвать, такъ какъ рѣдкій изъ домохозяевъ не старается улучшить свою домашнюю обстановку, а вмѣстѣ съ тѣмъ не сдѣлать лишней постели и для гостя.

Кумухскій мударисъ принялъ меня къ себѣ весьма охотно, и такъ какъ у него не было никакой роботы, которая-бы отвлекала его отъ занятій съ муталимами, то уроки наши шли успѣшно. Съ этого времени начинаетъ совершаться переворотъ въ моей муталимской жизни,—и я нахожу, что приключенія, постигшія меня въ Кумухѣ, должны составить особый эпизодъ изъ моихъ муталимскихъ воспоминаній.

1868 года.
Тифлисъ.

ГОРСКАЯ ЛѢТОПИСЬ.

Статистическія свѣдѣнія о кавказскихъ горцахъ, состоящихъ въ военно-народномъ управленіи

(съ картою).

Для читателей настоящаго „Сборника" было-бы весьма важно имѣть точныя статистическія свѣдѣнія о кавказскомъ горскомъ населеніи. Къ сожалѣнію, пора строгихъ статистическихъ изслѣдованій еще не наступила въ приложеніи къ этому населенію. Администрація горскихъ округовъ такъ еще недавно сѣла на настоящія свои мѣста, что не могла достаточно окрѣпнуть и вызвать со стороны горскаго населенія то полное къ себѣ довѣріе, при которомъ возможно вести *статистическія дознанія*, въ обширномъ значеніи этихъ словъ; она принимаетъ только подготовительныя мѣры къ такимъ дознаніямъ. Дѣйствительно, въ массѣ невѣжественнаго горскаго населенія, состоящаго въ военно-народномъ управленіи, существуютъ и, вѣроятно, значительный періодъ времени будутъ еще существовать разные предразсудки, которые затрудняютъ статистическія дознанія и противъ которыхъ нельзя еще принять рѣшительныхъ мѣръ. Такъ, напр., у горцевъ-мусульманъ не ведется ничего подобнаго нашимъ метрическимъ книгамъ, и всякія справки о числѣ родившихся, о численномъ составѣ семьи, принимаются ими за оскорбительную нескромность, нарушающую святость домашнихъ тайнъ; недружелюбно также смотрятъ горцы не только на поголовное, но и на подымное счисленіе народонаселенія, подозрѣвая въ этомъ намѣреніи нашего правительства увеличить съ нихъ подати.... Понятно, что администрація должна осторожно касаться такого щекотливаго настроенія горцевъ и выжидать, пока недовѣріе ихъ къ новому для нихъ управленію само собою не минуетъ.

Тѣмъ не менѣе однако, если сравнить статистическія свѣдѣнія, имѣющіяся въ настоящее время о горцахъ, съ тѣми отрывочными и

скудными извѣстіями, которыя имѣлись о нихъ назадъ-тому лѣтъ пять-шесть, то нельзя не сознаться, что на пути статистическихъ дознаній въ приложеніи къ горскому населенію и быту сдѣлано весьма много. Земли горскихъ округовъ приводятся въ извѣстность и на сѣверномъ Кавказѣ большею частію размежеваны; права и обязанности зависимыхъ сословій приведены въ положительную извѣстность и, на основаніи добытыхъ данныхъ, регулированы въ духѣ реформъ, ознаменовавшихъ настоящее царствованіе; тамъ-же, гдѣ обстоятельства препятствовали быстрому разрѣшенію сословнаго и поземельнаго вопросовъ, работаютъ теперь особыя коммисіи, подвигая дѣло къ неизбѣжному разрѣшенію его въ духѣ тѣхъ-же реформъ. Обложеніе горцевъ податьми есть уже совершившійся фактъ, а съ нимъ вмѣстѣ добыты уже болѣе прежнихъ достовѣрныя свѣдѣнія если не о количествѣ душъ, то по крайней мѣрѣ о количествѣ дымовъ или дворовъ, платящихъ подати.

Вмѣстѣ съ дѣйствіями горской администраціи, не парализуемыми больше военными тревогами и направленными исключительно на уясненіе и благоустройство горскаго быта, двинулись впередъ и наши научныя знанія о горцахъ. Изученіе горскихъ языковъ, сколько съ цѣлями чисто-научными, столько-же и съ цѣлію практической—распространенія между горцами грамотности на языкахъ туземныхъ и на русскомъ, заявило себя такими капитальными пріобрѣтеніями науки, какъ лингвистическіе труды П. К. Услара. При свѣтѣ научныхъ знаній, добытыхъ по горскому языковѣдѣнію этимъ почтеннымъ ученымъ, возможны стали статистическіе труды, приводящіе въ извѣстность племенной составъ горскаго населенія. Въ этомъ отношеніи больше всего сдѣлано по Дагестану *), невѣроятная пестрота населенія котораго требуетъ къ себѣ и наибольше вниманія.

«Сборникъ» имѣетъ въ виду обнародованіе всѣхъ новыхъ данныхъ, касающихся горскаго населенія Кавказа, и потому, такъ сказать, обязанъ представить на страницахъ своихъ главнѣйшія изъ статистическихъ дознаній, касающихся *численнаго*, *племеннаго* и *общественнаго* состава этого населенія. Съ этою цѣлію прежде всего помѣщаются здѣсь свѣдѣнія о численномъ составѣ горскаго населенія,

*) Мы разумѣемъ здѣсь еще необнародованный, но уже извѣстный по заявленіямъ отъ Кавказскаго Отдѣла И. Р. Г. Общества трудъ А. В. Комарова: «Народонаселеніе Дагестанской области».

добытыя камеральными описаніями послѣднихъ годовъ, съ показаніями административнаго дѣленія горскихъ земель, состоящихъ въ военно-народномъ управленіи. За тѣмъ, задачею слѣдующихъ выпусковъ «Сборника» будетъ между прочимъ служить—обнародованіе свѣдѣній по племенному и общественному составу горскаго населенія, съ по казаніемъ всѣхъ вновь добытыхъ данныхъ и по его численности.

Горское населеніе Кавказскаго края, состоящее въ военно-народномъ управленіи, занимаетъ 1) нѣкоторыя части Кубанской области, 2) большую часть Терской области, 3) почти всю Дагестанскую область, 4) Закатальскій округъ и 5) Сухумскій отдѣлъ.

Помѣщаемыя ниже таблицы, вмѣстѣ съ картою горскихъ земель, даютъ возможность наглядно ознакомиться съ численностію горскаго населенія, съ его распредѣленіемъ по округамъ, участкамъ и наибствамъ и съ географическимъ положеніемъ занимаемыхъ имъ территорій.

1. Горскіе округа Кубанской области.

Названіе округовъ.	Станъ окружныхъ управленій.	Число дворовъ.	Число душъ.	
			Муж. пола.	Жен. пола.
Псекупскій.....	Въ г. Екатеринодарѣ........	2425	8115	8040
Лабинскій......	— ст. Лабинской.	4161	10326	9762
Урупскій.......	— сел. Армавирѣ.	1945	6325	5714
Зеленчукскій....	— станѣ на рѣкѣ Маломъ-Зеленчукѣ.	2438	8087	7274
Эльборусскій....	На посту Верхне-Николаевскомъ.	2445	8162	7654
Итого....		13414	41015	38444

2. Горскіе округа Терской области.

Названіе округовъ, участковъ или наибствъ.	Станъ окружныхъ, участковыхъ или наибскихъ управленій.	Число дымовъ.	Число душъ.	
			муж. пола.	жен. пола.
Кабардинскій округъ.	Укр. Нальчикъ.			
Участки:				
Баксанскій	На посту Баксанскомъ	3282	11261	10444
Малокабардинскій	Временно, въ аулѣ Бековича	1659	5269	5066
Черекскій	На посту Черекскомъ	2140	6391	5638
Горскій	Временно—въ Нальчикѣ, до устройства помѣщенія въ Хуламѣ.	—	5315	4840
Итого въ Кабардинскомъ округѣ	—	7081	28236	25988
Осетинскій округъ.	г. Владикавказъ.			
Участки:				
Тагауро-Куртатинскій .	Тамъ-же	2752	12475	10981
Аллагиро - Наро - Мамисонскій	Въ ст. Аллагирской .	2031	7152	5955
Дигорскій	— — Ардонской . .	1247	5427	4812
Итого въ Осетинскомъ округѣ	—	6030	25054	21748
Ингушевскій округъ.	Укр. Назрань.			
Участки:				
Назрановскій	Тамъ-же	3326	8780	8559
Горскій	Въ г. Владикавказѣ.	907	2915	2848

Пседахинскій	Въ аулѣ Пседахъ. .	1297	3539	3273
Итого въ Ингушевскомъ округѣ.	—	5530	15234	14680
Чеченскій округъ.	Кр. Грозная.			
Наибства:				
Ачхоевское	Въ аулѣ Ачхой. . . .	845	2114	1956
Урусъ-Мартановское. . .	— — Урусъ-Мартанъ.	3207	8351	8132
Автуринское	Въ аулѣ Цацинъ-Юртъ	1915	4348	4273
Качкалыковское.	Въ аулѣ Ойсунгуръ.	2480	5976	5788
Надтеречное.	— — Старый-Юртъ.	2687	6681	6150
Аргунское	Въ аулѣ Герменчукъ.	3116	7156	6615
Итого въ Чеченскомъ округѣ.	—	14251	34626	32914
Ичкеринскій округъ.	Укр. Ведено.			
Наибства:				
Веденское	Тамъ-же	1234	2616	2489
Даргинское	Въ аулѣ Гордали. . .	1534	3423	3371
Итого въ Ичкеринскомъ округѣ.	—	2768	6039	5860
Аргунскій округъ.	Укр. Шатой.			
Наибства:				
Чантинское	Въ аулѣ Итумъ-кале.	1782	4879	4915
Шатоевское.	— укр. Шатоѣ . . .	1115	2512	2417
Чеберлоевское.	— аулѣ Чеберлоѣ.	917	2330	2347
Шароевское	— — Шароѣ . . .	486	1343	1353
Итого въ Аргунскомъ округѣ.	—	4300	12064	11032

Кумыкскій округъ.	Укр. Хасавъ-Юртъ.			
Участки:				
Аксаевскій..........	Въ аулѣ Ташъ-Кичу.	2074	5716	5132
Андреевскій.........	Въ дер. Андреевой.	3239	7463	8512
Ногайскій..........	— аулѣ Тота-Юртъ.	1751	4398	4013
Итого въ Кумыкскомъ округѣ............	—	7064	17577	17657
Нагорный округъ.	Укр. Кишень-Аухъ.			
Наибства:				
Ауховское..........	Въ аулѣ Яракъ-Су-Аухъ............	1259	2904	2689
Зандакское..........	Въ аулѣ Нижой-Юртъ	1321	3965	2785
Салатовское.........	— укр. Буртунаѣ..	1254	2811	2706
Итого въ Нагорномъ округѣ............	—	3834	9680	8180
А всего въ Терской области............	—	50857	147510	138059

3. Закатальскій округъ.

Наибства:				
Белоканское.....	Сел. Белоканы..	1628	4270	3684
Джарское......	г. Закаталы..	1936	5029	4244
Мухахское......	Сел. Мухахъ...	2579	4168	3861
Аліабатское.....	— Аліабатъ..	2137	6697	5870
Елисуйское.....	— Кахъ....	1618	5168	4337
Карасуйское.....	— Алмало...	727	2575	2110
Итого...	—	10699	28009	24206

4. Горскіе округа Дагестанской области.

Названіе округовъ и наибствъ.	Станъ окружныхъ и наибскихъ управленій.	Число дымовъ.	Число жителей.	
			Муж. пола.	Жен. пола.
Сѣверный Дагестанъ.				
Темиръ-Ханъ-Шуринскій округъ.	Темиръ-Ханъ-Шура.			
Наибства:				
Темиръ - Ханъ - Шуринское	Тамъ-же	3010	6693	6172
Таркинское	Селен. Тарки	2177	5220	4859
Чиръ-Юртовское	Укр. Чиръ-Юртъ	1191	2622	2467
Карабудахкентское	Сел. Карабудахкентъ	2701	6503	5895
Дженгутаевское	— Дженгутай	3775	8608	7979
Оглинское	— Оглы	1091	2374	2330
Итого въ Темиръ-Ханъ-Шуринскомъ округѣ	—	13945	32020	29702
Даргинскій округъ.	Селен. Кутиши.			
Наибства:				
Кутишинское	Тамъ-же	1403	3081	2874
Цудахарское	Селен. Цудахаръ	2374	5362	5010
Акушинское	— Акуша	4165	9658	9131
Урахлинское	— Урахли	2674	5687	5631
Микагинское	— Микаги	2060	4509	4330

Сюргинское	Сел. Урари	1916	4321	4057
Итого въ Даргинскомъ округѣ	—	14592	32918	31033
А всего въ Сѣверномъ Дагестанѣ	—	28537	64938	60735
Южный Дагестанъ.				
Кайтаго - Табасаранскій округъ.	Сел. Маджалисъ.			
Наибства:				
Уркарахское...	Сел. Уркарахъ	2750	6160	6214
Кара-Кайтагское........	— Джибагни	1193	2663	2682
Нижне-Кайтагское....:.	— Башлы	3287	7410	7445
Сѣверно-Табасаранское.	— Ерси	2138	4757	4759
Итого въ Кайтаго-Табасаранскомъ округѣ...	—	9368	20990	21090
Кюринскій округъ.	Сел. Касумъ-Кентъ.			
Наибства:				
Гюнейское	Сел. Янанъ-Кала...	3433	9198	9354
Котуръ-Кюринское	— Кабиръ........	3331	8517	7862
Курахское..............	— Курахъ........	2149	5964	5531
Южно-Табасаранское ...	— Кандыкъ......	2074	6608	5924
Итого въ Кюринскомъ округѣ	—	10987	30287	28671
Самурскій округъ.	Селен. Ахты.			
Наибства:				
Ахтыпаринское..........	Тамъ-же	2907	9148	8031
Докузпаринское	Сел. Мискинджа ...	3037	10626	9548

Рутульское.............	Сел. Рутулъ	1325	3788	3379
Ихрекское..............	— Ихрекъ........	1165	3511	3147
Итого въ Самурскомъ округѣ..................	—	8434	27073	24105
А всего въ Южномъ Дагестанѣ	—	28789	78350	73866
Средній Дагестанъ.				
Гунибскій округъ.	Укр. Гунибъ.			
Наибства:				
Андаляльское...........	Сел. Чохъ..........	2519	4887	5057
Куядинское	— Корода........	2545	3967	4442
Тилитлинское	— Тилитль........	1753	2994	3209
Гидатлинское...........	— Орода..........	2365	4169	4471
Тлейсерухское	— Ирибъ	1010	2036	1822
Бохнадальское	— Тларата.......	1025	2048	2152
Анцухо-Капучинское	— Чодоколо......	1331	2560	2764
Итого въ Гунибскомъ округѣ	—	12548	22661	23917
Казикумухскій округъ.	Селен. Кумухъ.			
Наибства:				
Вицхинское.............	Тамъ-же	3779	8763	9872
Аштикункинское	Сел. Кая	1817	4331	4769
Мугархское.............	— Мугархъ.......	841	1986	2303
Дусраратское	— Дусраратъ	548	1242	1398
Итого въ Казикумухскомъ округѣ..........	—	6985	16322	18342
А всего въ Среднемъ Дагестанѣ..............	—	19533	38983	42259

Западный Дагестанъ.				
Андійскій округъ.	Селен. Ботлихъ.			
Наибства:				
Андійское	Сел. Анди	1171	2203	2393
Технуцальское	— Ботлихъ	1421	2503	2494
Гумбетовское	— Мехельта	2227	3537	3904
Каратинское	— Карата	1731	3193	3690
Ункратлинское	— Гакварм	1409	2675	2557
Тиндальское	— Тинды	961	1723	1744
Дидойское	— Кидеро	1025	1697	1468
Итого въ Андійскомъ округѣ	—	9945	17531	18250
Аварскій округъ.	Селен. Хунзахъ.			
Наибства:				
Хунзахское	Тамъ-же	3179	5416	6302
Цатаныхское	Сел. Харахи	1532	2552	3447
Койсубулинское	— Унцукуль	2429	4039	5452
Батлухское	— Андыхъ	852	1420	1917
Иого въ Аварскомъ округѣ	—	7992	13427	17118
Итого въ Западномъ Дагестанѣ	—	17937	30958	35368
А всего въ Дагестанской области	—	94796	213229	212228

5. Сухумскій отдѣлъ.

До переселенія, послѣ абхазскихъ событій 1866 года, значи-

тельной части населенія Сухумскаго отдѣла въ Турцію, число жителей въ отдѣлѣ простиралось до 79,195 д. об. п. Но въ концѣ 1867 года населеніе отдѣла представляло слѣдующія данныя:

НАЗВАНІЕ ОКРУГОВЪ.	Число семействъ.	Число душъ.	
		Муж. п.	Жен. п.
Пицундскій	5898	14183	11300
Драндскій. . . . . ,	3278	8824	7681
Окумскій	3493	11795	10063
Цебельдинскій.	27	46	41
Итого. . .	12696	34848	30085

Всего 64,933 д. об. п. Поэтому, вслѣдствіе совершившагося переселенія почти всѣхъ жителей Цебельдинскаго округа, а также части населенія Пицундскаго и Драндскаго округовъ въ Турцію, прежнее административное раздѣленіе Сухумскаго отдѣла (см. приказъ по Кавказскому военному округу, отъ 11 января 1868 года, № 4) измѣнено, а именно:

1) Сухумскій отдѣлъ, за исключеніемъ территоріи Цебельдинскаго округа, раздѣленъ на два округа: *Пицундскій* и *Очемчирскій*. Въ составъ Пицундскаго округа, раздѣленнаго на два участка—*Гумистинскій* и *Гудаутскій*,—включено все пространство отдѣла между р. Кодоромъ и Гагринскимъ хребтомъ. Очемчирскій округъ, раздѣленный также на два участка—*Кодорскій* и *Самурзаканскій*,—образованъ изъ остальной части отдѣла, заключающейся между рр. Кодоромъ и Ингуромъ.

2) Территорія бывшаго Цебельдинскаго округа, не включая оную въ составъ означенныхъ вновь образованныхъ округовъ, поручена

завѣдыванію особаго лица, подъ названіемъ *Попечителя поселеній въ Цебельдѣ*,—на правахъ окружнаго начальника.

Сводя вмѣстѣ всѣ вышеприведенныя данныя о горскомъ населеніи Кавказскаго края, которое состоитъ въ военно-народномъ управленіи, получимъ:

1. Въ округахъ Кубанской области......	79,459	д. об. п.
2. — — Терской	285,569	— —
3. — — Дагестанской	425,457	— —
4. — Закатальскомъ округѣ	52,215	— —
5. — Сухумскомъ отдѣлѣ..........	64,933	— —
Всего. . .	907,633	д. об. п.

Крѣпостные въ Кабардѣ и ихъ освобожденіе.

После умиротворенія горцевъ, давши имъ время матеріально оправиться и подготовиться къ воспріятію первыхъ началъ цивилизаціи, правительство приступило наконецъ къ кореннымъ преобразованіямъ, изъ которыхъ первое мѣсто принадлежитъ безспорно уничтоженію крѣпостнаго права—этого камня претковенія, о который могли разбиваться безслѣдно, не принося никакой пользы, всѣ благія мѣропріятія. Возможно-ли расчитывать на благоустройство тамъ, гдѣ половина людей—какъ было въ Кабардѣ—рабы?

Но прежде чѣмъ приступить къ повсемѣстному освобожденію крѣпостныхъ въ средѣ горцевъ, администрація начала это дѣло съ кабардинцевъ, какъ потому, что народъ этотъ, ранѣе другихъ покорившійся русскимъ, долженъ былъ по всѣмъ расчетамъ оказать болѣе сочувствія этому великому дѣлу, такъ и потому еще, что, по степени образованія своего пользовавшійся вліяніемъ на остальныя горскія племена, онъ могъ и въ этомъ случаѣ послужить для нихъ примѣромъ.

Начало крѣпостнаго права въ Кабардѣ относятъ къ временамъ отдаленнымъ. Довольно сказать, что кабардинцы, пришедши на настоящее мѣсто своего жительства, привели съ собою и рабовъ, число которыхъ увеличилось потомъ новыми рабами — плѣнниками. Въ прежнее время кабардинцы вели безпрестанныя войны съ калмыками, крымскими татарами, аварцами и даже русскими (по преданіямъ, они разорили Тмутараканское княжество). Всѣхъ плѣнниковъ, взятыхъ въ этихъ войнахъ, уводимыхъ часто тысячами, они, возвращаясь домой, дѣлили и обращали въ рабство. Въ болѣе же близкое къ намъ время, они, уже покорившись русскому правительству, при своей любви къ набѣгамъ, считавшимся всегда особеннымъ подвигомъ удальства, часто нападали на своихъ сосѣдей, немирныхъ горцевъ,

при чемъ конечно не упускали случая поживиться плѣнниками, которыхъ также обращали въ рабовъ.

Бывали въ старину и такіе случаи, довольно частые, что нѣсколько братьевъ-князей, управлявшихъ каждый доставшимся ему участкомъ, ссорились между собою, вели войну, нападали другъ на друга, разоряли страну,—и съ богатою добычей изъ скота и людей возвращались домой: этихъ плѣнныхъ, между которыми, безъ сомнѣнія, попадались и дворяне, они обращали въ рабовъ, раздавая ихъ своимъ приверженцамъ. Такой примѣръ представляетъ князь Шолохъ Таусултановъ, жившій въ XIII-мъ вѣкѣ, переселившійся изъ Большой Кабарды въ Малую. Онъ, до переселенія своего, перессорился съ своими двоюродными братьями за отказъ ихъ принять предложенныя имъ условія раздѣла Кабарды, долгое время скитался у разныхъ племенъ, на которыя раздѣлялся адыхейскій народъ, собиралъ шайки и нападалъ на своихъ соотечественниковъ, разорилъ ихъ, уводилъ въ плѣнъ людей и раздавалъ ихъ участвовавшимъ въ его предпріятіяхъ уоркамъ (узденямъ), которые потомъ и переселились съ нимъ за Терекъ. А иногда, также въ старину, случалось и такъ, что какой-нибудь владѣлецъ хорошей фамиліи выбиралъ свободную землю, селился на ней, собиралъ около себя охотниковъ изъ отпущенниковъ и бѣдныхъ узденей, обѣщая имъ свою защиту и покровительство и взамѣнъ этого требуя отъ нихъ нѣкоторыхъ повинностей, заключавшихся въ доставкѣ разныхъ предметовъ продовольствія. Поколѣнія слѣдовали за поколѣніями; поселенцы привыкали къ своему новому мѣсту, устраивались, какъ то позволяли средства, отбывали повинности, которыя, при жадности владѣльцевъ, съ каждымъ годомъ дѣлались все сложнѣе и сложнѣе, и постепенно забывая свою прежнюю вольность, въ концѣ концовъ видѣли себя вполнѣ крѣпостными. Но ужъ бросить свое мѣсто имъ было жаль, да они и не могли на это рѣшиться, будучи не въ состояніи бороться съ владѣльцемъ, который всегда могъ найти поддержку въ средѣ другихъ владѣльцевъ, составлявшихъ большинство[1]). Да и какъ доказать свое вольное происхожденіе за нѣсколько сотъ лѣтъ до закрѣпощенія, когда не велось никакихъ документовъ, указывавшихъ на это? Такимъ образомъ эти люди мирились наконецъ съ своимъ положеніемъ и сами считали себя крѣпостными. Уже во время

---

[1]) Предписаніе генерала Ермолова кабардинскому временному суду, отъ 31-го августа 1824 года, № 49.

русскаго управленія сила лицъ высшаго сословія была обаятельна до такой еще степени, что, не смотря на нѣсколько разъ повторяемыя начальствомъ приказанія народу преслѣдовать князей и владѣльцевъ, бѣжавшихъ къ закубанскимъ горцамъ, при чемъ обѣщалось полное освобожденіе отъ всякихъ обязательныхъ отношеній къ нимъ, послѣднимъ часто удавалось отклонять отъ этого простой народъ, тѣмъ только, что они — князья, особа которыхъ должна быть священна. Если бы даже князь и выстрѣлилъ въ кого-нибудь, то простолюдинъ не могъ этого же сдѣлать съ княземъ [1]). Такимъ образомъ росло и росло въ Кабардѣ рабство, приспособленное кабардинцами какъ нельзя лучше къ своему исключительному быту. При свойственной всѣмъ восточнымъ жителямъ лѣни и привычкѣ къ роскоши, они только въ рабствѣ могли найти источникъ удовлетворенія своихъ праздныхъ прихотей; одно только оно, при неимѣніи другихъ, болѣе разумныхъ и требующихъ болѣе умственной работы средствъ, могло удовлетворять ихъ потребностямъ и давать возможность безбѣднаго существованія. Такимъ образомъ, у кабардинцевъ выработалось вѣками понятіе, что можно жить только при существованіи рабовъ, и понятіе это, при первомъ взглядѣ на бытъ кабардинцевъ, какъ нельзя болѣе подтверждается на дѣлѣ. Кабардинецъ съ утра до вечера ничѣмъ рѣшительно не занятъ; конь и оружіе—вотъ все, на чемъ сосредоточено его вниманіе. Собираться въ кружокъ, толковать, передавать другъ другу новости, ѣздить по гостямъ, часто въ отдаленные аулы, — вотъ въ чемъ проходитъ жизнь кабардинца. Ему нѣтъ нужды до хозяйства; онъ знаетъ, что рабы сдѣлаютъ все, что нужно. И если бы между кабардинскими владѣльцами нашелся такой смѣльчакъ, что весьма трудно предположить, который бы рѣшился приняться за какой-нибудь трудъ, унижающій, благодаря тому же обычаю, его достоинство, то не отвернулись-ли бы отъ него всѣ, какъ отъ сумасшедшаго, нарушающаго ни съ того ни съ сего вѣковой обычай, завѣщанный предками? О женщинѣ-кабардинкѣ и говорить нечего: она—продуктъ того-же восточнаго предрасположенія къ лѣни—сидитъ постоянно въ своей саклѣ съ утра до вечера, ѣстъ, спитъ и больше ничего не дѣлаетъ,—и потому все домашнее хозяйство ея лежитъ на рукахъ крѣпостной (унаутки). Кабардинка рѣдко выходитъ за-мужъ, если женихъ ея,

[1]) Прокламація генерала Ермолова къ кабардинскимъ владѣльцамъ, узденямъ и народу, отъ 1-го августа 1822 года.

по бѣдности своей, не приготовилъ ей унаутки; поэтому каждый мужъ всѣми силами старается купить для своей жены служанку.

Праздность породила въ кабардинцахъ страсть къ роскоши, для удовлетворенія которой у нихъ было одно, доступное имъ, средство—освобожденіе крѣпостныхъ на волю посредствомъ выкупа. Деньги, пріобрѣтаемыя этимъ легкимъ способомъ, по пословицѣ, какъ приходили, такъ и уходили, безъ всякой рѣшительно пользы для хозяйства, на одни прихоти,—и рабовладѣлецъ, освобождая такимъ образомъ крѣпостнаго за крѣпостнымъ, приходилъ къ печальному концу, т. е. не видѣлъ около себя крѣпостныхъ, безъ которыхъ, не имѣя возможности праздничать, впадалъ въ крайнюю бѣдность. Освобожденные-же имъ крѣпостные, уже знакомые съ нищетою и привыкшіе къ труду, цѣнили деньги и пріобрѣтали себѣ за какія-нибудь заслуги званіе узденей и вліяніе въ обществѣ. Такимъ образомъ случилось, что съ теченіемъ времени многія изъ знатныхъ когда-то, богатыхъ и вліятельныхъ въ Кабардѣ фамилій пали, а вмѣсто ихъ появились выскочки изъ освобожденныхъ рабовъ. То-же, выработанное вѣками, понятіе о безбѣдномъ существованіи только при крѣпостныхъ было причиною, что и крѣпостной долгимъ, усиленнымъ трудомъ и всякими правдами и неправдами сколачивалъ копѣйку и пріобрѣталъ себѣ также крѣпостныхъ. Вслѣдствіе этого произошла въ Кабардѣ такая несоразмѣрность въ числахъ владѣльцевъ и крѣпостныхъ.

При огромномъ числѣ владѣльцевъ, при отсутствіи положительнаго закона, кромѣ обычая, который нерѣдко былъ на сторонѣ сильныхъ и вліятельныхъ лицъ, положеніе крѣпостныхъ было весьма тяжкое. Такъ, въ былое время, впрочемъ еще недавнее, и жизнь ихъ была въ рукахъ владѣльца, что было отмѣнено только въ 20-хъ годахъ настоящаго столѣтія [5]). Крѣпостной не имѣлъ права на землю, которая въ Кабардѣ составляла только собственность людей свободныхъ; обработывая же изъ половины или изъ другой, установленной обычаемъ, части земли своего господина и отбывая ему другія повинности, онъ не имѣлъ права на свое же собственное имущество, пріобрѣтенное трудомъ; оно было его собственностію до тѣхъ только поръ, пока онъ оставался у своего господина; при освобожденіи же или выкупѣ на волю, оно поступало къ владѣльцу. Да и находясь у

---

[5]) Прокламація генерала Ермолова владѣльцамъ и узденямъ—кабардинцамъ, выселившимся изъ горъ, 26 іюня 1822 года.

господина, онъ не могъ произвольно распоряжаться имъ: продавалъ-ли онъ что-нибудь съ согласія своего господина, убивалъ-ли для себя скотину, —и въ томъ и въ другомъ случаѣ онъ обязанъ былъ отдать часть, конечно лучшую, владѣльцу. Даже отпущенные или выкупившіеся на волю кабардинскіе крѣпостные не могли считать себя вполнѣ свободными. Хотя они, какъ люди свободные, и не отбывали никакихъ повинностей своимъ бывшимъ владѣльцамъ, но ужъ довольно одного того, что они, по обычаю, безъ разрѣшенія своего прежняго господина не могли переселиться въ другой аулъ, не смотря на всѣ неудобства, испытываемыя ими на настоящемъ мѣстѣ жительства, какъ равно и того, что, не смотря на всю свою привязанность къ мѣсту жительства, не смотря на нежеланіе и неудобства переселенія, они не могли отказаться отъ этого, если бы бывшій владѣлецъ ихъ вздумалъ перемѣнить мѣсто своего жительства,—словомъ, они всюду должны были слѣдовать за нимъ. Дѣвушка, отпущенная на свободу, при выходѣ замужъ должна была дать своему бывшему владѣльцу одну лошадь.

Если и отпущенные на волю состояли все таки въ зависимости отъ своего бывшаго господина и не могли сказать о себѣ, что они вполнѣ свободны, то что же было съ настоящими крѣпостными, остававшимися у своихъ господъ?—Но для болѣе близкаго знакомства съ крѣпостнымъ правомъ въ Кабардѣ, разсмотримъ подробно всѣ виды кабардинскихъ крѣпостныхъ и отношенія послѣднихъ къ своимъ владѣльцамъ.

Число всѣхъ крѣпостныхъ въ Кабардѣ, за исключеніемъ *каракишей* (въ горскихъ обществахъ), доходило предъ освобожденіемъ ихъ до двадцати одной тысячи.—Всѣ они подраздѣлялись на слѣдующіе виды: *Оги*, *Логанапуты*, *Унауты* (въ Большой и Малой Кабардѣ), *Каракиши*, *Ясакчи*, *Чагары*, *Казахи* и *Караваши* (въ горскихъ обществахъ—въ Хуламѣ, Безенги, Чегемѣ, Балкаріи и Урусби). Денежныхъ повинностей ни одинъ изъ этихъ видовъ не зналъ; всѣ они отбывали однѣ натуральныя повинности, заключавшіяся въ извѣстнаго рода услугахъ и работахъ, установленныхъ обычаемъ для каждаго вида особо.

Оги [1]). Повинности ихъ заключались въ слѣдующемъ. На время

[1]) Они существовали только въ Большой Кабардѣ и во время освобожденія численность ихъ состояла всего изъ 15-ти семействъ.

покоса каждый членъ семейства (съ 16-лѣтняго возраста) обязанъ былъ три дня въ продолженіи всего покоса косить для своего господина, а два дня убирать и доставлять сѣно въ аулъ; отъ работы этой освобождались только пастухъ и пчеловодъ, присматривавшіе за баранами и пчелами оговъ, но послѣдній все таки ежегодно должень былъ доставить своему господину три сапетки (корзины) меду; на покосѣ оги получали продовольствіе отъ господина. За пахоту же земли для себя, семейство ога платило господину съ каждаго плуга по 60 мѣръ проса и кромѣ этого ежегодно обязано было доставить, смотря по состоянію, отъ двухъ до четырехъ аробъ проса, считая въ каждой арбѣ по 30 мѣръ, и отъ семи до десяти возовъ дровъ; ежегодно-же оги поправляли крышу господской сакли, которую они должны были и построить, вывезши предварительно необходимый для постройки ея лѣсъ. При женитьбѣ владѣльца или его сына, огъ долженъ былъ дать помѣщеніе въ своей саклѣ новобрачной, кормить и одѣвать ее въ продолженіи одного года, а при выдачѣ своей дочери замужъ—дать владѣльцу изъ полученнаго имъ калыма двухъ быковъ и двухъ коровъ. При раздѣлѣ имущества между членами какого нибудь семейства, господинъ бралъ съ него сто рублей, или сто барановъ, или же раба (мальчика или дѣвочку 5—6 лѣтъ). Пріѣзжающихъ къ господину гостей огъ долженъ былъ помѣщать въ своей саклѣ, кормить какъ ихъ, такъ и лошадей. Во время поста (рамазана) всѣ оги по очереди дѣлали своему господину ужинъ, а въ случаѣ смерти господина или кого нибудь изъ членовъ его семьи—обѣдъ, такъ-же по очереди. Больше никакихъ повинностей оги не отбывали, жили совершенно отдѣльнымъ хозяйствомъ отъ господина и ничѣмъ отъ него не пользовались.

Логанапуты жили всегда вблизи своего владѣльца. Мужчины должны были исполнять, какъ зимою, такъ и лѣтомъ, всѣ полѣвыя и домашнія работы, рубить и возить владѣльцу дрова для топлива и лѣсъ для постройки саклей и дворовыхъ службъ, сѣно и хлѣбъ съ поля, присматривать за пчелами, скотомъ, лошадьми и баранами; во время полевыхъ работъ всѣ безъ исключенія (отъ 12 до 50-лѣтняго возраста) выходить на пашню, а потомъ на покосъ (съ 16-лѣтняго возраста) и вообще исполнять всѣ требованія своего господина по хозяйству. Жены же ихъ по очереди должны были носить воду, приготовлять пасту *), выдѣлывать сукна, доить коровъ, засѣвать ого-

*) Пшенная густая каша, замѣняющая хлѣбъ.

роды и присматривать за ними; два раза въ годъ передъ праздниками, байрамомъ и послѣ рамазана, мыть бѣлье на семейство господина, мазать саклю; ежегодно, вмѣстѣ съ унаутками, приготовить старшему члену въ семействѣ господина бурку и полость для потниковъ и ружейныхъ чехловъ, а во время родовъ или болѣзни госпожи находиться при ней, по очереди, въ качествѣ сидѣлокъ. За всѣ эти повинности владѣлецъ долженъ былъ кормить и одѣвать логанапутовъ, распредѣляя для этого весь запасъ собраннаго имъ хлѣба слѣдующимъ образомъ: одну часть—для будущаго посѣва, другую—для продовольствія рабочихъ, третью — для гостей, а остальное за тѣмъ количество раздѣлялось на равныя части по числу членовъ въ семействахъ его самого, логанапутовъ и унаутовъ. Кромѣ того логанапуты получали при каждой рѣзкѣ господиномъ крупнаго скота всѣ внутренности, шею, голову и ноги, а отъ барановъ—однѣ внутренности; наравнѣ съ унаутами и унаутками они, чрезъ каждые три года, получали по семи овчинъ на шубу и (мужчины) безсрочно подбрюшную часть зарѣзанной скотины на чевяки и кусокъ буйволиной или бычачьей кожи для ременной веревки. При стрижкѣ овецъ, бѣлое и самое лучшее черное руно господинъ бралъ себѣ, а остальное дѣлилъ на равныя части, по числу членовъ (въ томъ числѣ и дѣтей) въ семействахъ своемъ, логанапутовъ и унаутовъ; если же онъ имѣлъ болѣе тысячи барановъ, то каждому логанапуту и унауту выдавалъ отъ 25 до 30 рунъ. Для пріобрѣтенія же бумажной и холщевой матеріи на одежду и другіе предметы, необходимые въ хозяйствѣ, онъ разрѣшалъ каждому логанапуту два раза въ годъ вывезть на продажу какой-нибудь лѣсъ и деньги обратить въ свою пользу. Владѣлецъ же съ ограниченнымъ состояніемъ, имѣвшій не болѣе двухъ или трехъ логанапутовъ, у котораго при этомъ было небольшое хозяйство, а стало быть немного и работы,—вырученные за лѣсъ деньги дѣлилъ по поламъ съ логанапутомъ или отпускалъ его на заработки и половину заработанной имъ платы бралъ себѣ. Во время полевыхъ работъ все съѣстное шло логанапутамъ отъ господина. Каждому логанапуту, не имѣющему никакого состоянія, господинъ долженъ былъ датъ, по крайней мѣрѣ, пару рабочихъ быковъ, а холостому—при женитьбѣ его—прибавить къ этому корову и котелъ. По достиженіи логанапутомъ совершеннолѣтія (18—20 лѣтъ), господинъ долженъ былъ купить ему ту именно дѣвушку, которую тотъ выбралъ себѣ въ другомъ логанапутскомъ же семействѣ, если она на то согласна, и уплатить за нее владѣльцу.

ея 200 руб., изъ которыхъ 10 руб. употреблялись на ея одежду; при выдачѣ же логанапутомъ дочери замужъ, владѣлецъ послѣдняго бралъ отъ владѣльца жениха 200 руб., изъ которыхъ 10 руб. также отдавалъ невѣстѣ на одежду. Точно также, если логанапутка выбирала себѣ мужа изъ чужаго логанапутскаго семейства, владѣлецъ не имѣлъ права отказать и покупалъ ей мужа.

Огъ и логанапутъ, пожелавшіе выкупиться на волю съ согласія владѣльца, платили ему по обоюдному съ нимъ условію обыкновенно отъ 150 до 500 руб. за годнаго къ работѣ и здороваго мужчину, немного менѣе за женщину и еще менѣе за несовершеннолѣтняго; но впрочемъ выкупная плата всегда зависѣла отъ желанія свободы въ крѣпостномъ и отъ степени нужды или жадности владѣльца. Случалось, что владѣлецъ бралъ себѣ въ выкупъ все имущество крѣпостнаго, если тотъ былъ человѣкъ зажиточный, т. е. имѣлъ много скота, денегъ и домашней рухляди, и назначалъ еще особый выкупъ. Словомъ, чѣмъ богаче былъ крѣпостной, тѣмъ онъ больше платилъ,—и какъ бѣдный, такъ и богатый были сравнены въ выкупѣ: оба, по выходѣ на свободу, оставались почти нищими, потому что имущество богатаго не входило въ счетъ выкупной платы: владѣлецъ по обычаю имѣлъ полное на него право, за исключеніемъ небольшой части, какъ увидимъ ниже. Иногда логанапутъ выкупался прежде самъ съ женою, а потомъ, пріобрѣтя работой или другими средствами извѣстную сумму, выкупалъ уже дѣтей. При раздѣлѣ имущества между членами господской семьи, семейства оговъ и логанапутовъ не разрознялись, исключая весьма рѣдкихъ случаевъ, когда, наприм., у нѣсколькихъ наслѣдниковъ было одно крѣпостное семейство и когда семейство это не могло найти себѣ покупщика или выкупиться на волю. Кромѣ того, огъ и логанапутъ не могли быть проданы внѣ предѣловъ Кабарды.

При продажѣ и покупкѣ логанапутовъ обыкновенно существовали слѣдующія цѣны: за мальчика до 12 лѣтъ и дѣвушку до 10 лѣтъ—по 10 руб. за каждый годъ; за мужчину съ 12 и за женщину съ 10-ти до 45 лѣтъ—за перваго 200 руб., а за послѣднюю 180 руб.; съ 45 лѣтъ и болѣе—по оцѣнкѣ судей. Цѣны эти были неизмѣнны. Если-же случалось, что продавецъ бралъ больше этой цѣны, то логанапутъ, узнавши объ этомъ, могъ жаловаться въ судѣ и требовать возврата покупщику всей излишней суммы. Правило это существовало для устраненія того, что нерѣдко логанапутъ, при частой перепро-

даже изъ рукъ въ руки, возвышался въ цѣнѣ и обращался въ унаута, цѣна котораго, какъ будетъ сказано ниже, далеко превышала цѣну логанапута. Какъ огъ, такъ и логанапутъ могли имѣть и своихъ крѣпостныхъ, которые, въ случаѣ выкупа ихъ хозяина на волю или освобожденія, поступали къ владѣльцу.

Имущество ога или логанапута называлось: 1) *начегъ*—вѣнчальный подарокъ, который дѣлалъ господинъ новобрачной, при женитьбѣ своего крѣпостнаго, состоявшій изъ 3—5 руб., или изъ телушки, по стоимости равной означенной суммѣ, и 2) *десерыгъ*—приданое логанапутки, вышедшей замужъ, заключавшееся въ одной коровѣ. Весь приплодъ отъ этихъ двухъ родовъ скота принадлежалъ исключительно женѣ ога или логанапута, которымъ она могла распоряжаться по своему усмотрѣнію, и по смерти ея переходилъ къ мужу или къ дѣтямъ ея, и только за неимѣніемъ наслѣдниковъ—къ владѣльцу. Наконецъ 3) *дидовось-белымъ* — скотъ, пріобрѣтенный трудами крѣпостнаго. Этого имущества, безъ согласія господина, онъ не имѣлъ уже права ни мѣнять, ни продавать, и вообще распоряжаться имъ по своей волѣ. Зарѣзавъ изъ скота, составляющаго *дидовось-белымъ*, быка или барана, онъ половину мяса и кожи долженъ былъ отдать господину. Весь скотъ, составляющій всѣ эти виды собственности, огъ долженъ былъ кормить на свой счетъ, а логанапутъ на счетъ господина. Владѣлецъ имѣлъ право раздѣлить или продать *дидовось-белымъ*, и тогда двѣ части бралъ себѣ, а крѣпостному давалъ одну, которая уже дѣлалась неотъемлемою собственностію послѣдняго, его *десерыгомъ*. При продажѣ крѣпостнаго господинъ или оставлялъ весь *дидовось-белымъ* у себя, и тотъ, по стоимости послѣдняго, получалъ все отъ новаго своего владѣльца, или-же продавалъ крѣпостнаго со всѣмъ его *дидовось-белымомъ;* при освобожденіи-же или при выкупѣ, онъ непремѣнно бралъ его себѣ весь.

Унауты, не имѣвшіе никакихъ правъ, всегда незаконнорожденные, безотлучно жили при домѣ владѣльца и исполняли въ дворѣ и комнатахъ всѣ работы, по приказанію своихъ господъ. При той спячкѣ, въ которую погружена въ продолженіи всей своей жизни кабардинка, не имѣющая никакого понятія о хозяйствѣ и считающая признакомъ хорошаго тона одно постоянное ничего-недѣланіе,—унаутка была для нея необходима, какъ воздухъ для дыханія, и потому все домашнее хозяйство, какъ-то: дворовыя службы, птица, кухня и др., находилось на рукахъ унаутокъ. Унаутки, по обычаю, не имѣли права

вступать въ бракъ, но имъ дозволялось, съ согласія владѣльца, имѣть временнаго мужа изъ унаутовъ, логанапутовъ и даже людей свободнаго состоянія, при чемъ всѣ дѣти, рожденныя отъ такой связи, какъ мальчики, такъ и дѣвочки, дѣлались унаутами. Нерѣдко господинъ и самъ дѣлалъ честь своей унауткѣ и приживалъ съ нею дѣтей, которыя также поступали въ унауты, при чемъ она не имѣла права отказаться отъ этой чести,—и насиліе, въ случаѣ отказа, не осуждалось обычаемъ. Мужчина-же унаутъ, по достиженіи совершеннолѣтія, могъ требовать отъ владѣльца жену изъ логанапутокъ, и тотъ долженъ былъ ее купить, послѣ чего какъ мужъ, такъ и дѣти его, получали права логанапутовъ. Какъ мужчины, такъ и женщины не имѣли никакой собственности, и все продовольствіе, т. е. пищу и одежду, получали отъ господъ, продавались вмѣстѣ и порознь и куда угодно, по желанію господина. Цѣна ихъ не была утверждена обычаемъ и зависѣла всегда отъ взаимнаго согласія покупщика и продавца; средняя-же цѣна ихъ была отъ 300 до 400 руб. Особенно дорого цѣнились женщины; цѣна ихъ обусловливалась степенью тѣлосложенія, способности къ работѣ, молодости и красоты и доходила до 500 руб. Унаутки—всегда безсемейныя; каждую рабу, уличенную въ развратѣ или другихъ порокахъ, владѣлецъ имѣлъ право обратить въ унаутку, и родные ея не смѣли этому противиться.

Каракиши. Это сословіе, какъ кажется, составилось изъ тѣхъ людей, предки которыхъ были приглашены поселиться на своихъ теперешнихъ мѣстахъ и обложены были за это разными повинностями. Каракиши пользовались землею, на которой были водворены и которую обработывали, на правахъ собственниковъ; но продавать ее они все таки, безъ разрѣшенія господина, не имѣли права. При переселеніи въ другое общество, они продавали ее своимъ родственникамъ, если тѣ соглашались отбывать лежавшія на нихъ повинности; тѣ же, у которыхъ не было родственниковъ, передавали ее господину. Вотъ повинности каракишей: во время покоса, уборки сѣна, перевозки его, для распашки господской земли, для жатвы хлѣба, для перевозки его на гумно, для удобренія навозомъ полей,—каракиши обязаны были съ каждаго двора выслать для каждой работы по одному человѣку на одинъ день. Работники въ эти дни продовольствіе получали отъ своего господина,—кромѣ сѣнокоса, во время котораго для продовольствія косцовъ каракиши, имѣющіе не менѣе 60 барановъ, должны были дать одного барана. Разъ въ годъ, для доставки какой либо тя-

жести съ плоскости, сосновыхъ лучинъ на освѣщеніе, для перевозки заготовленнаго лѣса—они должны дать подводу; зимою, въ продолженіи двухъ мѣсяцевъ, каждый дворъ долженъ былъ кормить по одной господской скотинѣ, при чемъ за павшую отъ дурнаго присмотра каракиши обязанъ былъ уплатить; бѣдному господину, не имѣющему служанки и желающему пріобрѣсть ее, дать съ каждаго двора по одной скотинѣ; при раздѣлѣ имущества дать господину отъ 10 до 100 руб. или землю въ 300 руб., смотря по состоянію; изъ полученныхъ за кровь денегъ дать ему 250 р. или стоющаго этой суммы холопа, или землю; при этомъ и господинъ, получившій за кровь, долженъ былъ дать своимъ каракишамъ такую-же сумму; въ случаѣ убійства кого-либо господиномъ, они обязаны были дать ему отъ 10 до 250 руб. для уплаты за кровь, смотря по состоянію, при чемъ и господинъ обязанъ былъ помочь имъ тою-же суммою въ подобномъ случаѣ. При выдачѣ дочери замужъ (нѣкоторые только) должны были дать двѣ скотины господину, который за это обязанъ былъ сдѣлать подарокъ невѣстѣ. Въ случаѣ смерти каракиши, если послѣ него не было наслѣдниковъ, имѣніе его поступало къ господину. Каракиши, какъ лично свободные люди, не могли быть продаваемы; но повинность, отбываемую ими, господинъ имѣлъ право продать другому; равнымъ образомъ и самъ каракиши могъ внести выкупъ за свое освобожденіе отъ повинностей; въ томъ и другомъ случаѣ цѣна повинности не превышала 60 руб. въ годъ.

Ясакчи (податные), за обработываемую ими землю подъ посѣвъ разнаго рода хлѣба, платили въ годъ, смотря по количеству земли, отъ 10 до 40 мѣръ различнаго хлѣба, а за покосную и пастьбищную—ежегодно, смотря по количеству скота, въ продолженіе четырехъ лѣтъ отъ 1 до 3-хъ барановъ, а на пятый полную подать, отъ 15 до 100 барановъ, смотря по состоянію; бѣдные-же не платили ничего. Кромѣ того они обязаны были, отъ весны до зимы, ежегодно давать владѣльцу своему корову для доенія, или вмѣсто ея двухъ барановъ, или 4 р.; въ случаѣ смерти господина давали семейству его съ каждаго двора по одному мѣшку солода для варенія пива; неимѣющему казаха или караваши, на покупку того или другой давали съ каждаго двора по 10 руб. При раздѣлѣ имущества, каждый изъ отдѣлившихся выполнялъ тѣ-же повинности, какія означены выше, за исключеніемъ платы, вносимой черезъ 4 года за пользованіе покос-

ной и пастьбищной землей (отъ 15 до 100 барановъ); плата эта тогда распредѣлялась по числу скота каждаго отдѣлившагося ясакчи.

Чагары исполняли во всякое время всѣ работы, какихъ-бы ни требовалъ отъ нихъ господинъ; въ этомъ отношеніи ихъ можно сравнить съ логанапутами Большой и Малой Кабарды. Разница, впрочемъ, въ томъ, что чагары содержали себя своими средствами, а не на счетъ господина, и кромѣ того они отбывали нѣкоторыя исключительныя повинности, какъ наприм., каждый чагаръ ежегодно обязанъ былъ доставить своему господину двухъ барановъ, если имѣлъ ихъ; при выдачѣ дочери замужъ калымъ онъ бралъ уже себѣ и господину давалъ только быка и корову; при недостаткѣ денегъ, собранныхъ съ каракишей и ясакчей, на покупку господину казаха или каравашя, чагары должны были пополнить недостающую сумму, а до тѣхъ поръ, пока тотъ не пріобрѣлъ себѣ того или другой, они должны были по очереди исполнять въ домѣ его обязанности ихъ. При раздѣлѣ имущества между членами семейства чагаръ, оно платило господину землею, скотомъ или деньгами до 300 руб; при желаніи выкупиться на волю, выкупная плата ясакчи и чагаръ назначалась самимъ господиномъ; средняя плата была слѣдующая: отъ 1 до 15-лѣтняго возраста мальчикъ и дѣвочка цѣнились отъ 10 до 150 руб. (по 10 руб. на каждый годъ), съ 15-лѣтняго возраста они цѣнились смотря по тѣлосложенію и способности къ работѣ, но не дороже 200 руб.

Ясакчи и чагары большею частію очень зажиточны, а потому, при выкупѣ ихъ на свободу, господинъ довольствовался однимъ имуществомъ и освобождалъ ихъ, оставляя имъ иногда небольшую часть изъ взятаго; но это впрочемъ совершенно зависѣло отъ его великодушія; бѣдные же, не имѣвшіе достаточнаго имущества, отдавали его господину съ обязательствомъ уплатить недостающую по условію сумму въ назначенный господиномъ срокъ. Какъ ясакчи, такъ и чагары всегда продавались цѣлымъ семействомъ, и, подобно огамъ и логанапутамъ, имѣли собственность: *начегъ*, *десерыгъ* и одну треть *дидовосъ-белыма*; могли также имѣть своихъ собственныхъ рабовъ, которые, при выкупѣ хозяина, поступали со всѣмъ ихъ имуществомъ къ владѣльцу.

Казахи (мужчины) и *каравашu* (женщины)—тѣже унауты и унаутки Большой и Малой Кабарды, съ которыми они сходны вполнѣ и относительно своихъ правъ и обязанностей.

Вотъ повинности, которыя обычай обязывалъ крѣпостныхъ въ Кабардѣ отбывать своимъ господамъ. Крѣпостные несли наложенное

на нихъ вѣками бремя, не заявляя ничѣмъ протеста противъ своего тяжкаго положенія. Да и не могли они протестовать, когда ни за ними, ни передъ ними, т. е. ни въ прошломъ ихъ, ни въ будущемъ не было и тѣни надежды на выходъ изъ рабства. Прошлое ихъ не давало имъ ни одного примѣра, чтобы протестъ на вопіющую несправедливость ихъ безвыходнаго положенія встрѣтилъ въ комъ-нибудь сочувствіе и нашелъ опору; напротивъ, они постоянно видѣли, что большинство, состоящее изъ владѣльцевъ, всегда осудитъ ихъ, а обычай, этотъ непреложный законъ, созданный тѣмъ же большинствомъ, можетъ измѣниться только по желанію господъ и еще болѣе увеличить тяжесть ихъ положенія. Духовенство, въ которомъ простой классъ другихъ націй всегда находилъ сочувствіе, утѣшеніе,—въ Кабардѣ держалось совсѣмъ другаго направленія. Оно, по происхожденію своему будучи близко къ простому народу, всегда однако находилось на сторонѣ благодѣтельствовавшихъ ему владѣльцевъ и дѣйствовало своимъ вліяніемъ на простой народъ не иначе, какъ въ интересахъ тѣхъ же владѣльцевъ, неправильно истолковывая ему всѣ распоряженія начальства, такъ что всякая реформа, благодѣтельная для простаго народа, встрѣчала оппозицію, во главѣ которой стояли непремѣнно муллы. Будущее кабардинскихъ крѣпостныхъ не могло также дать имъ никакой надежды. Да они, надо сказать, и не думали о немъ, благодаря обычаю, сковавшему ихъ умы такъ, что они никогда и не задумывались надъ своимъ положеніемъ и жили, не задавая себѣ никакой цѣли въ жизни и чуть-ли сами не считая себя почти не людьми. Этотъ тяжелый гнетъ, висѣвшій въ продолженіи вѣковъ надъ крѣпостными, создалъ изъ нихъ особенный типъ, совершенно противоположный всѣмъ горскимъ типамъ. Всѣ почти горцы, по преимуществу, горды, самолюбивы; крѣпостной же горецъ—существо загнанное, каждаго встрѣчнаго боящееся, никому недовѣряющее, привыкшее весь свой трудъ, весь заработокъ и самую жизнь отдавать владѣльцу; онъ въ каждомъ видитъ своего врага, готоваго отнять у него все; онъ готовъ отказаться отъ ума, если онъ у него есть, готовъ сдѣлаться мошенникомъ, негодяемъ, словомъ—унизить себя, сравняться съ землею, лишь бы угодить тому, кто стоитъ выше его. При встрѣчѣ съ такимъ высшимъ себя, онъ сей-часъ же начинаетъ льстить, услуживать, заискивать всѣми доступными ему средствами. И такое положеніе крѣпостнаго, вызванное вѣковымъ обычаемъ, какъ нельзя болѣе нравилось владѣльцамъ, поддерживавшимъ его, на сколько это было возможно.

Но настал 1866 годъ, когда наконецъ послѣдовали одни за другими различныя мѣропріятія, нанесшія первые удары крѣпостному праву въ Кабардѣ, какъ-то: воспрещеніе продажи и всякаго рода отчужденія и перехода крѣпостныхъ не только изъ предѣловъ области или округа, но и изъ одного общества въ другое; безплатное освобожденіе крѣпостныхъ у туземцевъ, состоящихъ въ казачьемъ сословіи, и проч. Обстоятельства эти заставили и рабовладѣльцевъ и крѣпостныхъ въ Кабардѣ встрепенуться и обратиться къ своему положенію. Когда-же въ маѣ 1866 г. имъ было объявлено мѣстнымъ начальствомъ объ учрежденіи въ Тифлисѣ, по волѣ Его Императорскаго Высочества, Главнокомандующаго Арміею, особаго комитета по освобожденію зависимыхъ сословій между горскими племенами Кавказа и когда затѣмъ начался сборъ различныхъ свѣдѣній о числѣ рабовъ, ихъ имуществѣ, о повинностяхъ, отбываемыхъ ими своимъ владѣльцамъ, —тогда послѣдние, окончательно убѣдившись въ неизбѣжности реформы и чувствуя себя не въ силахъ противустать этому быстро нахлынувшему на ихъ вѣковой бытъ потоку, рѣшили придумать сами какой-нибудь способъ освобожденія, при которомъ они могли-бы остаться къ своимъ крѣпостнымъ если не въ хорошихъ, то по крайней мѣрѣ въ не неприязненныхъ отношеніяхъ, и просить начальство объ утвержденіи этого способа.

Собравшись въ іюлѣ въ укрѣпленіе Нальчикъ, съ разрѣшенія начальства, всѣ рабовладѣльцы единогласно постановили отправить къ начальнику области депутацію, которая въ августѣ, представившись генералъ-адъютанту Лорисъ-Меликову, подала просьбу отъ всего сословія рабовладѣльцевъ. Въ просьбѣ этой, объясняя, что какъ ни труденъ долженъ быть переворотъ, вводимый освобожденіемъ крѣпостныхъ въ ихъ бытъ, они все-таки готовы и въ этомъ случаѣ доказать свою покорность правительству, просили только одного — ходатайства предъ Его Императорскимъ Высочествомъ о разрѣшеніи имъ совершить освобожденіе крѣпостныхъ путемъ добровольныхъ соглашеній, согласно обычая, за выкупъ, такъ какъ только это средство освобожденія было принято у нихъ всегда, исключая немногихъ, весьма рѣдкихъ случаевъ освобожденія, по религіозному убѣжденію, даромъ „для спасенія души". Всякое же другое средство, противное обычаю, какъ напр. при содѣйствіи начальства, можетъ очень легко поставить освобожденныхъ въ непріязненныя къ нимъ отношенія и повлечь за собою различныя столкновенія, которыя могутъ вызвать со стороны

правительства строгія мѣры наказанія и навсегда разъединить оба сословія, поселивъ между ними постоянную ненависть другъ къ другу. Назначая срокомъ окончательнаго освобожденія для крѣпостныхъ— правныхъ (оговъ, логанапутовъ, чагаръ) отъ 1-го до 2-хъ лѣтъ и для безправныхъ (унаутовъ, казаховъ и каравашей) отъ 6-ти до 8 лѣтъ, они просили оставить послѣднихъ въ обязательной работѣ на означенный срокъ, съ правомъ выбрать себѣ господина, по желанію, и выкупиться во всякое время, съ зачетомъ времени, проведеннаго въ обязательной работѣ. Просьба эта была основана какъ на исключительномъ положеніи кабардинской женщины, которая, по непривычкѣ и неумѣнію, не въ состояніи будетъ сейчасъ-же приняться за трудъ, такъ и на томъ, что, при унизительномъ положеніи унаутки или вообще безправнаго раба, ни одинъ свободный человѣкъ не возьметъ на себя обязанности ихъ, считающейся въ Кабардѣ постыдною. Представляя эти доводы, владѣльцы обязывались сдѣлать значительныя уступки крѣпостнымъ въ выкупной платѣ противъ установленной обычаемъ и обѣщали составить для этого примѣненныя къ обычаю особыя правила, на случай, еслибъ освобожденіе не состоялось по добровольнымъ соглашеніямъ.

Начальникъ области, находя съ своей стороны просьбу кабардинскихъ рабовладѣльцевъ вполнѣ согласной съ видами правительства, представилъ ее съ своимъ мнѣніемъ Главнокомандующему Арміею, и Его Императорское Высочество, соглашаясь съ изложенными въ просьбѣ доводами и съ мнѣніемъ генералъ-адъютанта Лорисъ-Меликова, изволилъ, по Высочайше предоставленной ему власти, разрѣшить кабардинцамъ освобожденіе крѣпостныхъ путемъ добровольныхъ соглашеній.

Еще до полученія и объявленія этого распоряженія, кабардинскіе рабовладѣльцы, вмѣстѣ съ выборными отъ крѣпостныхъ, согласно высказаннаго первыми въ просьбѣ обѣщанія, составили въ октябрѣ правила, которыхъ они должны были держаться при освобожденіи, если не состоятся добровольныя соглашенія ихъ съ крѣпостными. При составленіи этихъ правилъ ближайшему мѣстному начальству удалось довести рабовладѣльцевъ до весьма значительныхъ уступокъ въ пользу крѣпостныхъ, особенно въ отношеніи имущественнаго раздѣла, противъ существовавшаго въ Кабардѣ обычая; далѣе этихъ уступокъ рабовладѣльцы, не смотря на невозможность дать дѣлу другой исходъ и на всевозможныя убѣжденія, не могли уже идти. Такъ, напримѣръ, по правиламъ этимъ: 1) за здороваго и совершеннолѣтняго

(отъ 15 до 45 лѣтъ) работника или работницу назначалась выкупная плата 200 руб., а далѣе этого возраста, за слабыхъ, больныхъ и калѣкъ, по опредѣленію посредническаго суда; 2) за несовершеннолѣтняго работника или работницу и вообще за дѣтей обоего пола до 15 лѣтъ—по 10 руб. на каждый годъ, т. е. до 150 руб.; 3) начегъ, десерыгъ и дидовосъ-белымъ должны быть раздѣляемы по поламъ; для бѣдныхъ же крѣпостныхъ, имѣющихъ самое ограниченное состояніе, постановлялось, чтобы у нихъ оставалось не менѣе пары воловъ и двухъ коровъ, сакля и вся домашняя хозяйственная принадлежность. При этомъ не мѣшаетъ замѣтить, что, по обычаю, освобождаемый крѣпостной прежде платилъ выкупъ, смотря по состоянію, отъ 150 до 500 руб.; теперь же, по правиламъ этимъ, назначалась цѣна въ 200 р., существовавшая прежде только при продажѣ. Но такъ какъ, при невозможности существованія безъ крѣпостныхъ, продажа ихъ вызывалась крайнею нуждою владѣльца и, слѣдовательно, какъ бываетъ и во всемъ, онъ спускалъ цѣну съ продаваемаго продукта до тѣхъ поръ, пока не находился покупщикъ; то цѣна эта служила выраженіемъ необходимости—сбыть товаръ съ рукъ и достать денегъ. А теперь эта цѣна принята за высшую: уступка, дѣйствительно, огромная! 4) По внесеніи выкупной суммы или по заключеніи съ господиномъ письменнаго обязательства о внесеніи ея по частямъ въ извѣстные сроки, крѣпостной немедленно получаетъ полную свободу. 5) Въ случаѣ смерти крѣпостнаго, родные его освобождаются отъ уплаты оставшагося за нимъ по выкупу долга, равнымъ образомъ отцы и братья не вносятъ выкупной платы за дочерей и сестеръ, которыя должны сами уплатить ее по выходѣ замужъ изъ калыма. 6) Крѣпостной имѣетъ право перейти къ другому господину въ качествѣ работника, если тотъ внесетъ за него прежнему владѣльцу выкупную плату, или разомъ, или по частямъ, въ условленные съ послѣднимъ сроки. 7) Остающіеся во временно-обязательной работѣ крѣпостные должны исполнять всѣ хозяйственныя работы, по нуждамъ и потребностямъ господина, который въ свою очередь долженъ поставлять имъ пищу и одежду, сообразно съ народнымъ обычаемъ; 8) работнику предоставляется право во всякое время, когда пожелаетъ, внести за себя выкупную плату и оставить владѣльца, при чемъ все время, проведенное имъ въ работѣ, поступаетъ въ счетъ выкупа (цѣна годовой платы за трудъ совершеннолѣтняго, здороваго работника назначается отъ 35 до 85 руб., но не болѣе, а работницы отъ 25 до 40 руб.), и 9) безправнымъ (уна-

утамъ, казахамъ и каравашамъ) предоставляется право во всякое время, когда пожелаютъ, внести за себя выкупную плату, опредѣленную посредническимъ судомъ, — въ противномъ же случаѣ, они должны оставаться въ обязательной работѣ въ продолженіи шести лѣтъ.

Правила эти были опять особою депутаціею представлены начальнику области и потомъ, за отсутствіемъ Его Императорскаго Высочества, Помощнику Главнокомандующаго Арміею, генералъ-адъютанту Карцову. Вслѣдствіе этого представленія послѣдовало предписаніе Его Императорскаго Высочества, Главнокомандующаго Арміею, которымъ между прочимъ предлагалось: 1) на совершеніе добровольныхъ сдѣлокъ и окончательное заключеніе условій дать владѣльцамъ полтора года, со дня объявленія разрѣшенія, предупредивъ ихъ, что если въ теченіи полугода правительство увидитъ, что оно не можетъ расчитывать на успѣшное рѣшеніе дѣла, то возьметъ на себя право тогда-же приступить къ опредѣленію по своему усмотрѣнію обязательныхъ условій прекращенія личной зависимости въ Кабардѣ; 2) при освобожденіи безправныхъ рабовъ принять просимый рабовладѣльцами порядокъ, т. е. оставить ихъ въ обязательной работѣ на срокъ не болѣе шести лѣтъ, и наконецъ 3) объявить благодарность Его Высочества кабардинцамъ за то, что они и въ настоящемъ случаѣ показали себя опять достойными считаться первымъ народомъ между горскими племенами Кавказа, понявши, что не въ безсильномъ и легкомысленномъ сопротивленіи правительственнымъ видамъ, а въ сочувствіи и содѣйствіи имъ лежитъ залогъ ихъ общественнаго развитія и благосостоянія.

Въ ноябрѣ начальникъ области прибылъ въ укр. Нальчикъ и объявилъ собраннымъ тамъ представителямъ отъ рабовладѣльческаго и крѣпостнаго сословій содержаніе предписанія Его Императорскаго Высочества, выразивъ при этомъ еще и то, что правительство, разрѣшая имъ освобожденіе крѣпостныхъ путемъ добровольныхъ соглашеній, не можетъ сдѣлать для нихъ исключенія — назначеніемъ за освобожденіе какого-либо вознагражденія, и что оно сдѣлаетъ это только развѣ за безправныхъ (унаутъ, казаховъ и каравашей). Объявленіе этой воли правительства принято было съ особенной благодарностью, и на обѣдѣ, данномъ въ этотъ день, по случаю такого важнаго, неслыханнаго въ Кабардѣ событія, представители кабардинскаго народа, съ разрѣшенія начальника области, отправили слѣдующую депешу на имя Главнокомандующаго, пребывавшаго тогда въ Петербургѣ: „По-

„велѣніе Вашего Императорскаго Высочества объ освобожденіи рабовъ „объявлено намъ сегодня начальникомъ области. Приносимъ чувство „глубочайшей признательности за то, что, указавъ путь къ выпол„ненію священной для насъ воли Государя Императора, Вы предоста„вили намъ возможность стать въ ряду людей, сочувствующихъ все„му благому. Сегодня же приступаемъ къ освобожденію. Не терпѣ„ливо ожидаемъ возвращенія Вашего въ край, чтобы успѣшнымъ хо„домъ дѣла освобожденія оправдать лестный для кабардинскаго на„рода отзывъ Вашего Высочества.“

Послѣ этого немедленно было приступлено къ освобожденію крѣпостныхъ, на основаніи составленныхъ кабардинцами правилъ, а 26 ноября генералъ-адъютантъ Лорисъ-Меликовъ предписалъ начальнику округа, полковнику Нуриду, вмѣнить въ обязанность мировымъ посредникамъ *) не допускать ни въ какомъ случаѣ увеличенія цифры выкупной платы противъ означенной въ правилахъ и даже стараться склонять рабовладѣльцевъ къ возможно-большимъ уступкамъ въ пользу крѣпостныхъ. Чрезъ 10 дней по приступленіи къ освобожденію, т. е. 28 ноября, кабардинскіе депутаты удостоились получить слѣдующую телеграмму отъ Его Императорскаго Высочества: „Искренно „благодарю всѣхъ депутатовъ за радостную депешу. Государь Импе„раторъ поручилъ мнѣ передать свое удовольствіе кабардинскому на„роду за готовность, которую онъ высказалъ для содѣйствія благимъ „намѣреніямъ Императорскаго Правительства. Его Величество надѣет„ся, что начатыя преобразованія пойдутъ успѣшно для упроченія „благосостоянія вѣрныхъ кабардинцевъ.“ Обрадованные этою телеграммою, кабардинскіе рабовладѣльцы еще дружнѣе и энергичнѣе принялись за освобожденіе своихъ крѣпостныхъ, такъ что мировымъ посредникамъ удавалось очень часто, и даже въ большинствѣ случаевъ, вызывать рабовладѣльцевъ на значительныя уступки крѣпостнымъ противъ правилъ, а не рѣдко, благодаря знанію быта и характера кабардинцевъ, умѣнію задѣвать въ нихъ слабую струну и пользовать-

*) Для успѣшнаго хода освобожденія были учреждены особые, такъ названные, мировые посредническіе суды—по одному въ каждомъ участкѣ, а всѣхъ въ округѣ четыре, состоявшіе изъ двухъ депутатовъ отъ владѣльцевъ, двухъ отъ крѣпостныхъ, по выбору своихъ сословій, и одного отъ народнаго суда; обязанности же посредниковъ были возложены на участковыхъ начальниковъ, какъ на лицъ, уже вполнѣ знакомыхъ съ нравами, обычаями и потребностями кабардинцевъ.

ся во-время настроеніемъ ихъ, склонять къ освобожденію крѣпостныхъ даромъ, безъ всякаго выкупа, изъ одного убѣжденія «для спасенія души».

Такъ началось дѣло освобожденія крѣпостныхъ въ Кабардѣ—и, казалось, все идетъ какъ нельзя лучше: владѣльцы наперерывъ одинъ предъ другимъ спѣшили заключать съ своими крѣпостными добровольныя сдѣлки, освобождая ихъ или за выкупъ, или съ оставленіемъ въ обязательной работѣ на извѣстные сроки. Не смотря однакожъ на такой успѣшный ходъ дѣла и на тотъ замѣчательный тактъ, съ которымъ оно ведено было мѣстною властью, все-таки не обошлось безъ нѣкоторыхъ недоразумѣній. Большинство лицъ кабардинскихъ рабовладѣльцевъ, дѣйствительно, выказало полную готовность содѣйствовать намѣреніямъ правительства; но тѣмъ не менѣе однако, нашлись между ними и такіе, которые, подъ наружностью полной покорности и самаго искренняго сочувствія къ настоящей реформѣ, заявленнаго нѣсколько разъ представителями народа, ждали только удобнаго случая и придумывали средства какъ-бы то ни было отклонить эту реформу.

Надо сказать, что послѣ переселенія въ Турцію части кавказскихъ горцевъ въ 1864 г., оставшіеся ужъ не разъ осаждали начальство просьбами, и по одиночкѣ, и цѣлыми массами, о разрѣшеніи имъ подобнаго же переселенія. Не смотря на постоянный отказъ имъ въ этихъ просьбахъ, онѣ заявлялись неоднократно какъ мѣстному начальству, такъ и Его Императорскому Высочеству, Главнокомандующему Арміею. Никто не скажетъ, конечно, чтобъ горцы, а въ особенности кабардинцы, пользующіеся такимъ благосостояніемъ, не знали всѣхъ невыгодъ переселенія, которымъ подверглись въ Турціи ихъ соплеменники; они знали это какъ изъ писемъ послѣднихъ, сообщающихъ то и дѣло вѣсти о печальномъ ихъ положеніи въ Турціи, такъ и изъ разсказовъ тѣхъ же переселенцевъ, выбѣгавшихъ оттуда обратно, часто безъ семействъ. Знали они также и то, что Порта сама не желаетъ болѣе принимать переселенцевъ съ Кавказа, что и было уже объявлено начальствомъ, не вѣрить которому они не имѣли никакого основанія. Да, они знали и знаютъ это все очень хорошо; но нѣкоторые безпокойные и недовольные изъ нихъ, не надѣясь на свои силы въ открытомъ сопротивленіи правительству, избираютъ мысль о переселеніе какъ средство къ агитаціи, и при каждой реформѣ, вводимой у нихъ и почему-нибудь не нравящейся, пускаютъ ее въ ходъ, въ на-

дежде настойчивостію въ ней остановить реформу. Такъ было и въ настоящемъ случаѣ. Не смотря на положительный отказъ начальника области въ просьбѣ о переселеніи, нѣкоторые изъ кабардинцевъ (рабовладѣльцевъ), одни изъ фанатизма, другіе изъ желанія остановить освобожденіе рабовъ, рѣшились все-таки просить объ этомъ Главнокомандующаго, и во время проѣзда Его Императорскаго Высочества въ декабрѣ чрезъ Георгіевскъ, подали отъ имени всего народа просьбу, а другая часть сторонниковъ переселенія принесла такъ же отъ имени народа словесную просьбу о томъ же въ ст. Александровской. Въ обѣихъ просьбахъ, объясняя, что послѣ освобожденія крѣпостныхъ жизнь рабовладѣльцевъ невозможна, они просили или оставить у нихъ по прежнему крѣпостныхъ, или разрѣшить переселиться въ Турцію. Его Императорское Высочество тутъ же изволилъ лично отказать въ этой просьбѣ какъ тѣмъ, такъ и другимъ. Когда же разслѣдованіе, послѣдовавшее по поводу этихъ просьбъ, обнаружило, что составители прошенія подложно воспользовались подписями и печатями, взятыми отдѣльнымъ листомъ изъ совершенно другаго прошенія, которое кабардинцы предполагали подать начальнику области еще лѣтомъ того-же года, то виновные въ этомъ подлогѣ, предвидя неизбѣжность строгой за это отвѣтственности, собрали около себя до 200 человѣкъ легкомысленныхъ и фанатическихъ приверженцевъ идеи переселенія и расположились на берегу рѣчки Шелушки, въ 6 верстахъ отъ Нальчика, рѣшившись во что-бы ни стало добиться или разрѣшенія переселиться въ Турцію, или—что и было главною цѣлью—оставленія по прежнему у нихъ крѣпостныхъ, при чемъ дали клятву другъ другу подъ присягою не выдавать зачинщиковъ безпорядковъ, требуемыхъ начальствомъ. Узнавши объ этимъ сборѣ, начальникъ округа, полковникъ Нуридъ, послалъ двухъ офицеровъ, кабардинцевъ, передать толпѣ его приказаніе—разойтись по домамъ, а зачинщикамъ прибыть въ Нальчикъ. Но толпа положительно отвѣчала, что она не позволитъ никому идти въ Нальчикъ, а пойдетъ вся. Получивши на это позволеніе, она направилась къ Нальчику и, придя къ дому, занимаемому начальникомъ округа, подала ему просьбу, въ которой, объясняя, что прошеніе Главнокомандующему Арміею подано съ согласія всего народа, просила, до полученія отвѣта отъ Его Императорскаго Высочества, пріостановить освобожденіе крѣпостныхъ и не подвергать взысканію людей, подавшихъ это прошеніе.

Полковникъ Нуридъ, обратившись къ толпѣ, сказалъ, что она

не составляетъ народа, что въ средѣ ея онъ не видитъ тѣхъ лицъ, въ которыхъ какъ онъ, такъ и все начальство, привыкли видѣть представителей кабардинцевъ, всегда отстаивавшихъ интересы народные. Послѣ этихъ словъ, вызвавши впередъ нѣсколько человѣкъ, болѣе виновныхъ въ безпорядкахъ, онъ повторилъ имъ свое приказаніе—остаться въ Нальчикѣ, а толпѣ разойтись по домамъ. Въ отвѣтъ на это приказаніе вся толпа подняла неистовый крикъ, повторяя безпрестанно, что она не позволитъ никому остаться въ Нальчикѣ, при чемъ нѣкоторые высказали тутъ же громко угрозу—убить какъ тѣхъ, которые захотятъ арестовать зачинщиковъ, такъ и тѣхъ изъ своихъ, которые осмѣлятся исполнить приказаніе и остаться въ Нальчикѣ. Полковникъ Нуридъ на всѣ дерзкія заявленія и угрозы отвѣчалъ одной рѣшительной фразой: «исполните мое требо«ваніе, или я потребую войска для усмиренія непослушныхъ». Но толпа, не обращая вниманія и на этотъ послѣдній доводъ, отправилась опять съ тѣми-же зачинщиками во главѣ обратно на прежнее мѣсто, на рѣчку Шелушку, а потомъ чрезъ нѣсколько дней разбрелась по домамъ, условившись послѣ поста снова собраться на томъ-же мѣстѣ и рѣшительно настаивать на своей просьбѣ. Тогда начальникъ округа, не желая прибѣгать къ строгимъ и рѣшительнымъ мѣрамъ, назначилъ по минованіи поста сборъ въ укр. Нальчикѣ, на 28 января, всѣмъ владѣльцамъ ауловъ, старшинамъ и другимъ почетнымъ людямъ Кабарды и подробно донесъ о случившемся начальнику области, который сдѣлалъ въ тоже время распоряженіе о сосредоточеніи на границѣ округа, по станицамъ, войскъ, готовыхъ по первому требованію двинуться, куда имъ укажутъ.

Сборъ почетныхъ людей Кабарды состоялся; но вмѣстѣ съ тѣмъ и сторонники безпорядковъ также собрались близь самаго Нальчика, уже въ числѣ болѣе 400 человѣкъ, и продолжали стоять на своемъ. Почетные люди попробовали-было убѣждать непослушныхъ выдать начальству зачинщиковъ мятежа и, послѣ рѣшительнаго отказа имъ въ этой просьбѣ толпы, рѣшились испытать послѣднее средство къ убѣжденію ея—это предоставить рѣшенію шаріата вопросъ: слѣдуетъ ли повиноваться начальству; но толпа уклонилась и отъ этого послѣдняго средства окончить дѣло миролюбиво. Когда такимъ образомъ были употреблены всѣ средства къ мирному окончанію дѣла и толпа не переставала упорствовать, начальникъ области, получивъ объ этомъ донесеніе полковника Нурида, прибылъ самъ въ укр. Нальчикъ, что-

бы лично на мѣстѣ убѣдить непослушныхъ и потомъ, въ случаѣ неуспѣха, тотъ-часъ же подавить мятежъ въ самомъ началѣ, для чего войска въ тотъ-же день вступили въ округъ. Какъ только появились войска, прибытія которыхъ мятежники не ожидали, увѣренные нѣкоторыми лицами изъ своей среды, служившими въ Россіи, что двинуть войска безъ Высочайшаго повелѣнія нельзя,—вся толпа тотъ-часъ же разбѣжалась по домамъ и вскорѣ, по требованію тѣхъ-же почетныхъ лицъ, зачинщики мятежа явились въ Нальчикъ съ повинною. Начальникъ области объявилъ всѣмъ находившимся въ это время въ Нальчикѣ представителямъ кабардинскимъ неудовольствіе Его Императорскаго Высочества, Главнокомандующаго Арміею, за произведенный въ округѣ безпорядокъ, подтвердивъ имъ еще разъ, что о переселеніи въ Турцію они должны забыть, что это невозможно, что освобожденіе крѣпостныхъ должно состояться, и правительство, уже начавши это дѣло, не остановитъ его и, наконецъ, что всякая просьба, нарушающая общественное спокойствіе и установленный порядокъ, подвергнетъ наказанію подавшаго ее.

Послѣ этого послѣдняго убѣдительнаго приказанія, порядокъ, ненадолго нарушенный въ Кабардѣ, водворился снова, и дѣло освобожденія крѣпостныхъ окончилось весьма успѣшно. Въ мартѣ мѣсяцѣ 1867 года болѣе двадцати тысячъ рабовъ получили свободу, въ первый разъ вздохнувъ легко, полной грудью, послѣ тяготѣвшаго на нихъ вѣковаго ярма.

1868 года.
Укр. Нальчикъ.

Е. С..... въ.

Освобожденіе зависимыхъ сословій во всѣхъ горскихъ округахъ Терской области.

Освобожденіе крѣпостныхъ въ Кабардѣ повело за собою освобожденіе зависимыхъ сословій и въ прочихъ частяхъ Терской области. Впрочемъ, число зависимыхъ во всѣхъ округахъ этой области, сравнительно съ числомъ зависимыхъ въ Кабардѣ, было весьма незначительно, и если гдѣ обращало на себя серьезное вниманіе, то развѣ въ округахъ Кумыкскомъ и Осетинскомъ. Населеніе-же другихъ округовъ—Аргунскаго, Ичкеринскаго, Нагорнаго, Чеченскаго и Ингушевскаго — вовсе не выработало у себя понятія о сословномъ дѣленіи вообще и крѣпостныхъ отношеніяхъ въ особенности, и потому здѣсь не было зависимыхъ сословій какъ установленія народной жизни; только въ двухъ послѣднихъ округахъ, Чеченскомъ и Ингушевскомъ, находилось небольшое число рабовъ (всего до 300 д. об. п.), купленныхъ въ недавнее уже время и жившихъ у своихъ владѣльцевъ по обычаямъ тѣхъ именно странъ, гдѣ они куплены. Вообще-же численность зависимыхъ въ Кабардинскомъ округѣ, сравнительно съ численностію ихъ во всѣхъ остальныхъ округахъ Терской области, представляла отношеніе, какъ $3_{,2}$: 1. Естественно, что въ силу такого отношенія, и самый процессъ освобожденія зависимыхъ въ этихъ округахъ совершился еще быстрѣе и плавнѣе, чѣмъ въ Кабардѣ.

Но прежде чѣмъ изложить основанія и ходъ освобожденія зависимыхъ сословій во всѣхъ горскихъ округахъ Терской области, будетъ нелишнимъ представить здѣсь сводъ всѣхъ свѣдѣній, добытыхъ горскою администраціею объ этихъ сословіяхъ во время ихъ освобожденія.

Всѣ виды зависимыхъ сословій Терской области могутъ быть подведены подъ слѣдующія три главныя категоріи:

Къ первой категоріи принадлежатъ лица, извѣстныя на оффиціальномъ языкѣ подъ именемъ холоповъ *безобрядныхъ*, *безадатныхъ*, т. е. такихъ, для которыхъ адатъ (обычай) не установилъ никакихъ опредѣленныхъ, ограждающихъ личность ихъ отношеній, а предоставилъ ихъ полной власти владѣльцевъ. За этими *безобрядными* не признавалось никакихъ семейныхъ и общественныхъ правъ: они были рабы, въ полномъ смыслѣ этого слова. Признаваясь кореннымъ обычаемъ за имущество своего господина, они жили въ его домѣ, и ихъ трудами владѣлецъ распоряжался неограниченно; за нанесеніе обидъ и за убійство этихъ лицъ онъ получалъ вознагражденіе какъ за вредъ, нанесенный его имуществу. Они не могли вступать въ бракъ, пока находились въ числѣ безобрядныхъ; но половыя сношенія ихъ были совершенно свободны, такъ что рожденіе дѣвушкою дѣтей не ставилось ей въ порокъ; напротивъ того, оно такъ сказать поощрялось владѣльцемъ, въ видахъ его собственнаго матеріальнаго интереса. Обычай давалъ владѣльцу безотчетное и неограниченное право продавать, дарить и всякимъ инымъ порядкомъ отчуждать отъ себя лицъ этого класса, а въ прежнее время давалъ даже право на жизнь и смерть ихъ. Цѣна, за которую продавались такіе безправные рабы, зависѣла отъ возраста, красоты, физической способности къ труду и знанія какого-либо ремесла продаваемыми, и сообразно этому отъ 100 р. за душу доходила до 500 р. и выше. Въ Кабардѣ лица этого сословія назывались *унаутами*, въ горскихъ обществахъ Кабардинскаго округа—*казахами* (мужчины) и *каравашами* (женщины), въ Кумыкскомъ округѣ—*кулами* (мужчины) и *каравашами* (женщины), въ Осетинскомъ—*кусаками*.

Число всѣхъ этихъ безобрядныхъ холоповъ въ Терской области, во время ихъ освобожденія, доходило до 4339 д. об. п.

Ко второй категоріи принадлежали сословія, извѣстныя въ оффиціальной перепискѣ подъ именемъ *обрядныхъ холоповъ*, или холоповъ съ правами; члены этихъ сословій, оставаясь въ личной зависимости отъ владѣльцевъ, несли имъ службу въ извѣстныхъ, обычаемъ установленныхъ размѣрахъ, и за лицами этихъ сословій въ нѣкоторой степени уже признавались права какъ личныя, такъ равно семейныя и имущественныя. Къ этой категоріи зависимыхъ въ Терской области принадлежали *логанапуты* (у кабардинцевъ) и *чагары* (въ горскихъ обществахъ Кабардинскаго округа); число тѣхъ и другихъ про-

стиралось до 10,990 д. об. п. *). Въ прочихъ-же округахъ Терской области такихъ обрядныхъ холоповъ не существовало.

Наконецъ къ третьей категоріи принадлежали сословія, члены которыхъ, при личной зависимости, значительно слабѣйшей, чѣмъ зависимость сословій 2-й категоріи, несли повинности, размѣръ которыхъ не зависѣлъ отъ произвола владѣльцевъ, а по обычаю ограниченъ былъ положительно или числомъ дней работы, или мѣрою отдаваемыхъ владѣльцу сельскихъ произведеній. Эти сословія образовались большею частію чрезъ освобожденіе лицъ, принадлежавшихъ къ сословіямъ большихъ степеней зависимости, отъ нѣкоторыхъ повинностей за заслуги, оказанныя ими своимъ владѣльцамъ. Продавать ихъ могли владѣльцы только за какіе-либо проступки, и, по зажиточности лицъ этихъ сословій и сравнительно меньшей цѣнѣ выкупа (отъ 100 до 200 руб. за душу), они легко откупались и переходили въ число свободныхъ людей. Въ Терской области такого вида сословія назывались *огами* (исключительно въ Большой Кабардѣ) и *чагарами* (въ Кумыкскомъ округѣ); но численность ихъ вообще незначительна: чагаръ насчитывалось 1056 д. об. п., а оговъ всего 15 дворовъ, или, полагая по 5 душъ на дворъ, всего 75 д. об. п.

Рядомъ съ этими зависимыми 3-хъ означенныхъ категорій, въ горскихъ племенахъ существовали еще сословія, члены которыхъ, будучи лично свободными, находятся въ зависимомъ положеніи отъ лицъ высшихъ сословій по пользованію землею, принадлежащею послѣднимъ.

Зависимыя по землѣ несутъ землевладѣльцамъ извѣстныя повинности, освященныя временемъ и обычаемъ, и находятся какъ-бы въ договорныхъ отношеніяхъ къ владѣльцамъ земель. Повинность ихъ заключается въ платѣ владѣльцамъ сельскими произведеніями, домашними животными и извѣстнымъ числомъ дней работы. Въ такой поземельной зависимости находятся: въ Кумыкскомъ округѣ *терекеменцы* (числомъ 1257 д. об. п.) и въ горскихъ обществахъ Кабардинскаго округа *каракиши* и *ясакчи* (первыхъ 4722 и вторыхъ 3166 д. об. п.) *).

Слѣдующая таблица даетъ возможность наглядно ознакомиться съ численностью и распредѣленіемъ всѣхъ видовъ зависимыхъ сословій, существовавшихъ въ горскихъ племенахъ Терской области.

---

*) Права и обязанности *логанапутовъ* и *чагаръ* подробно исчислены въ предъидущей статьѣ, стр. 20 и 26.

*) О каракишахъ и ясакчи смотр. предъидущую статью, стр. 24—25.

ВИДЫ ЗАВИСИМЫХЪ СОСЛОВІЙ.	Число душъ обоего пола зависимыхъ сословій.				
	Въ Кабардинскомъ округѣ.	Въ Кумыкском. округѣ.	Въ Осетинскомъ округѣ.	Въ Чеченскомъ и Ингушевск. округахъ.	Итого.
а) Унауты, казахи, кулы и каравашн. . . .	2395	944	706	294	4339
б) Логанапуты. .	10,990	»	«	»	10,990
в) Оги и чагары.	75	1056	»	»	1131
г) Каракиши, ясакчи и терекеменцы	7888	1257	»	»	9145
Всего. . . .	21,348	3257	706	294	25,605

Весьма успѣшный ходъ освобожденія зависимыхъ сословій въ Кабардѣ, основаніемъ котораго послужило допущеніе добровольныхъ сдѣлокъ между владѣльцами и освобождаемыми, при содѣйствіи особо учрежденныхъ съ этою цѣлію посредническихъ судовъ, далъ возможность приложить эту практическую мѣру къ освобожденію зависимыхъ въ прочихъ частяхъ Терской области. Съ начала 1867 года, какъ сами зависимые, такъ и ихъ владѣльцы, проникнутые сознаніемъ необходимости и неизбѣжности упраздненія существовавшихъ между ними отношеній, охотно пошли на добровольныя между собою соглашенія, такъ что очень успѣшно выработались между ними опредѣленныя условія освобожденія, которыя оставалось установить какъ окончательныя правила, съ цѣлію преподать ихъ за норму для всѣхъ дальнѣйшихъ этого рода сдѣлокъ. Правила эти заключались въ слѣдующемъ:

1) Размѣръ выкупной платы для каждаго освобождаемаго отъ 15 до 45 лѣтъ не долженъ превышать 200 рублей.

2) Малолѣтніе мужескаго пола до 15-лѣтняго возраста и взрослые обоего пола свыше 45 лѣтъ освобождаются безплатно.

3) Уплата выкупной суммы дѣлается по соглашенію, или единовременно, или съ разсрочкою (не болѣе 6-ти лѣтъ), или-же отбываніемъ обязательныхъ работъ въ теченіи того-же срока, съ назначеніемъ за каждый годъ рабочей платы въ количествѣ отъ 25 до 70 р., которая и поступаетъ въ счетъ выкупа.

4) Малолѣтнія дѣвушки (до 15-ти лѣтъ), коимъ опредѣленъ выкупъ по 10-ти руб. за каждый годъ возраста, освобождаются немедленно и уплачиваютъ причитающуюся съ нихъ сумму при выходѣ въ замужество, изъ калыма.

5) Владѣлецъ, во все время нахожденія освобождаемыхъ во временно-обязательныхъ работахъ, сверхъ зарабочей платы долженъ кормить и одѣвать ихъ и предоставлять имъ одинъ рабочій день въ недѣлю и 15 дней во время покоса.

6) Всѣмъ остающимся во временно-обязательныхъ отношеніяхъ къ владѣльцамъ предоставляется во всякое время отойти отъ нихъ со взносомъ недослуженной части выкупа, и

7) Все движимое имущество, находившееся въ пользованіи зависимаго, дѣлится пополамъ между имъ и владѣльцемъ; сакля-же, домашнія и хозяйственныя орудія, утварь и одежда составляютъ неотъемлемую собственность освобождаемаго.

На этихъ началахъ, несравненно легчайшихъ противу первоначальныхъ заявленій и желаній владѣльцевъ, совершилось освобожденіе зависимыхъ сперва въ Кабардѣ *), а потомъ и въ прочихъ округахъ Терской области **). На веденіе этого важнаго дѣла, равно какъ на вспомоществованіе бѣднѣйшимъ владѣльцамъ за малолѣтнихъ, освобожденныхъ по 2 § правилъ безплатно, и на хозяйственное обзаведеніе бѣднѣйшимъ изъ освобождаемыхъ, правительство ассигновало 152 т. р., такъ что освобожденіе каждаго зависимаго обошлось среднимъ числомъ въ 6-ть рублей, при чемъ означенная сумма отнесена на податные сборы съ горскаго-же населенія. Наконецъ, въ видахъ облегченія выполненія освободившимися выкупныхъ сдѣлокъ ихъ съ владѣльцами и въ видахъ доставленія имъ возможности проч-

---

*) Изъ 21,348 зависимыхъ обоего пола, числившихся въ Кабардѣ, осталось во временно-обязательной работѣ только 2,880 д.; изъ остальныхъ болѣе 900 душъ освобождены безплатно.

**) Освобожденіе послѣдовало къ началу іюня 1867 года, а въ Кабардѣ къ апрѣлю того-же года.

наго на будущее время устройства ихъ хозяйства, всѣмъ освободившимся отъ своихъ владѣльцевъ горцамъ Терской области дарованы льготы отъ государственныхъ податей и повинностей, срокомъ на 8 лѣтъ, считая со дня начала освобожденія, т. е. съ 18-го ноября 1866 года. Такая правительственная мѣра тоже не повлекла за собою никакого уменьшенія въ доходахъ казны, такъ какъ освободившіяся лица не входили и прежде, до ихъ освобожденія, въ податной окладъ.

Безъ сомнѣнія, цифра 26 тыс. зависимыхъ, освобожденныхъ въ горскихъ округахъ Терской области,—ничтожна въ сравненіи съ громадною цифрою всѣхъ зависимыхъ, освобожденныхъ въ Имперіи со времени достопамятнаго манифеста 19 февраля 1861 года. Тѣмъ не менѣе однако, фактъ освобожденія зависимыхъ въ Терской области имѣетъ свое важное значеніе,—не по цифрѣ освобожденныхъ, а по тому положенію, какое занимали освобожденные въ средѣ исключительнаго, своеобразнаго быта горцевъ. Довольно указать на то обстоятельство, что въ Кабардѣ, напр., матеріальное благосостояніе большинства покоилось на угнетеніи меньшинства, такъ что встрѣчались и такія семейства, въ которыхъ свободныхъ 10—15 душъ обезпечивали свое ничего-недѣланіе трудами двухъ-трехъ холоповъ. Естественно, при такихъ условіяхъ народнаго быта, задача освобожденія зависимыхъ оказывалась нелегкою, такъ такъ наибольшей потерѣ долженъ былъ подвергнуться классъ владѣльцевъ, т. е. большинство. Словомъ, различіе рабовладѣнія и упраздненія послѣдняго съ одной стороны въ Кабардѣ, а съ другой въ Закавказьи и въ Россіи вообще, заключалось главнымъ образомъ въ томъ, что тамъ приносились въ жертву матеріальные интересы немногихъ въ пользу большинства, а здѣсь, въ Кабардѣ, на-оборотъ, должно было потерять большинство.

Фактъ освобожденія зависимыхъ въ Терской области имѣетъ еще значеніе и по своеобразности своего совершенія. Особенность быта горскаго населенія вызвала и особенности мѣръ, принятыхъ къ осуществленію предпринятой правительствомъ реформы. Допустить освобожденіе зависимыхъ въ Терской области на началахъ, выработанныхъ для остальныхъ частей Имперіи (при полной невозможности исполнить это), значило-бы разстроить владѣльческій классъ; дозволить освобожденіе всецѣло по народному обычаю значило, на-оборотъ, создать изъ зависимыхъ сословій массу нищихъ и бродягъ; наконецъ, принять правительству на себя всю матеріальную тяжесть освобожде-

нія зависимыхъ, заплативъ владѣльцамъ послѣднихъ выкупъ, стоило-бы весьма значительной суммы. Въ виду такихъ обстоятельствъ дѣла, оставалось избрать такой путь, на которомъ правительственная власть, призванная населеніемъ къ посредничеству, не указывала-бы опредѣлительныхъ правилъ освобожденія, а дѣйствительно исполнила-бы роль посредника, какъ примирителя интересовъ двухъ противоположныхъ сторонъ. Умѣряя требованія одной стороны, возлагая необходимое на обязанности другой и наконецъ невозможное къ исполненію тою или другою стороною принимая на свою долю, правительственная власть поставила лицемъ къ лицу классъ владѣльческій и классъ зависимый, предоставивъ имъ самимъ условиться о наилучшемъ и безъубыточномъ для обѣихъ сторонъ прекращеніи существовавшихъ между ними сословныхъ отношеній. Добровольныя соглашенія стали быстро обнаруживаться, и правительственной власти оставалось заявить населенію только тѣ главныя основанія, въ предѣлахъ которыхъ всѣ договоры считались-бы законными и обязательными для обѣихъ сторонъ.

Такимъ способомъ освобожденія зависимыхъ въ Терской области достигнуты результаты, какъ нельзя лучше доказывающіе практичность предпринятыхъ мѣръ. Въ теченіи какихъ-либо 8-ми мѣсяцевъ освобождены въ области всѣ зависимые, одни безплатно, другіе за выкупъ, значительно меньшій, чѣмъ высшая норма выкупа, назначенная правительствомъ; сохранились добрыя отношенія между владѣльцами и ихъ бывшими рабами; хозяйство ни одной изъ заинтересованныхъ въ реформѣ сторонъ не потерпѣло ощутительнаго ущерба: осталась на время и столь важная въ домашнемъ быту владѣльческаго класса горцевъ прислуга, хотя и временно-обязанная, но въ то-же время дающая возможность владѣльцамъ приступить къ устройству на совершенно-новыхъ основахъ своего экономическаго быта; съ другой-же стороны, и зависимые получили всѣ тѣ гражданскія права, которыхъ они не только были лишены, но о которыхъ, можно сказать, и думать не смѣли,—получили права личныя и имущественныя, при чемъ правительство озаботилось о поземельномъ ихъ обезпеченіи *), и на первое время даровало имъ льготы отъ государственныхъ податей и повинностей.

---

*) По особымъ поземельнымъ условіямъ края, освобожденные вступили въ пользованіе землею наравнѣ съ остальнымъ населеніемъ свободнаго происхожденія, и только незначительная часть безземельныхъ холоповъ въ горскихъ обществахъ Кабарды и Осетіи нуждалась въ надѣлѣ землею.

Примѣчаніе. Между зависимыми сословіями Терской области, освобожденными въ 1867 году, обращаютъ на себя особенное вниманіе еще осетинскіе рабы, извѣстные подъ именемъ *кавдасардовъ*. Сложность и запутанность ихъ правъ, а главное—неестественность ихъ отношеній къ высшимъ сословіямъ (алдарамъ и фарсалакамъ), выводятъ ихъ изъ ряда всѣхъ прочихъ зависимыхъ, существовавшихъ въ средѣ горцевъ Кавказа.

Кавдасардъ, или куміакъ—сынъ владѣльца и женщины свободнаго сословія, отданной въ *номлусъ* (именная жена), за калымъ, нѣсколько высшій противъ существующаго между осетинами. Такого рода браки, совершаемые алдарами и фарсалаками, какъ магометанской, такъ и христіанской религій, допускались, вѣроятно, по дороговизнѣ и рѣдкости въ Осетіи рабовъ. Послѣднее обстоятельство вынуждало болѣе зажиточныхъ людей пріобрѣтать себѣ въ домъ, подобными брачными сдѣлками, рабочія руки для такого рода работъ, которыя казались несвойственными женщинѣ высшаго происхожденія. Такимъ образомъ малолѣтніе кавдасарды росли въ домѣ своего отца, при матери или безъ нея, вмѣстѣ съ дѣтьми старшей жены хозяина дома, и назывались ихъ младшими братьями. Та-же родственная связь проявлялась и въ дальнѣйшей жизни, оставался-ли кавдасардъ въ томъ домѣ, гдѣ былъ рожденъ, или жилъ отдѣльно. Оскорбленіе и убійство старшаго брата—законнаго сына алдара или фарсалака—подвергало виновнаго мщенію кавдасарда, и наоборотъ. За кровь кавдасарда платилось то-же самое, что и за кровь свободнаго человѣка; онъ также могъ жениться на женщинѣ свободнаго сословія, если былъ въ состояніи выплатить сообразный съ ея происхожденіемъ калымъ. Самая большая зависимость кавдасарда по отношенію къ тому лицу, въ домѣ котораго онъ родился и росъ, отнюдь не походила на отношеніе раба къ владѣльцу, а скорѣе приближалась къ положенію бѣднаго человѣка, покровительствуемаго своимъ богатымъ и сильнымъ родственникомъ. Со смертію этого родственника, кавдасардъ могъ или оставлять его домъ, или-же оставаться тамъ, и хотя, по большей части, случалось, что кавдасардъ услуживалъ наслѣдникамъ умершаго владѣльца, однако его услуги были добровольныя, а не обязательныя.

Оставляя домъ умершаго алдара или фарсалака, кавдасардъ получалъ нѣкоторую часть какъ движимаго, такъ и недвижимаго имущества владѣльца. Размѣръ этой части, весьма, впрочемъ, умѣренной, такъ какъ осетины не имѣли большаго хозяйства, никогда не

былъ съ точностію обозначенъ народнымъ обычаемъ; а бывало такъ, что приглашаемые для этой цѣли медіаторы, принимая въ соображеніе состояніе и числительность семейства того лица, изъ дома котораго отходилъ кавдасардъ, опредѣляли часть имущества, подлежащую выдѣлу въ пользу этого послѣдняго. Но, вообще, отдѣленію кавдасарда всѣми мѣрами препятствовали ихъ названные родственники, что весьма понятно: домъ терялъ въ кавдасардѣ рабочія руки. Бывали даже примѣры, весьма, впрочемъ, рѣдкіе, что вліятельные изъ алдаръ и фарсалакъ, по смерти главы семейства, вовсе не выпускали на свободу остававшихся послѣ него кавдасардовъ; но такіе случаи порождались насиліемъ. Основавшись разъ своимъ домомъ, кавдасардъ не платилъ уже никакой поземельной повинности своимъ старшимъ братьямъ—алдарамъ, и вообще пользовался правами свободнаго человѣка, хотя за нимъ и оставалось его родовое названіе.

Таково было положеніе кавдасардовъ въ періодъ первоначальнаго образованія въ Осетіи этого разряда зависимыхъ. Но съ измѣненіемъ общественнаго строя осетинъ, когда высшія сословія этого племени получили, при нашемъ правительствѣ, несравненно большія гарантіи своихъ правъ и, слѣдовательно, вліянія на сословія нисшія—вмѣсто родственныхъ отношеній между алдарами и фарсалаками съ одной стороны и кавдасардами съ другой—явилась полная вражда, нисколько не ослабѣвавшая съ теченіемъ времени. Этотъ сословный антагонизмъ выражался въ постоянномъ спорѣ между кавдасардами и ихъ старшими братьями, при чемъ первые доказывали, что обязательныя ихъ отношенія къ владѣльцу, въ домѣ котораго они родились, прекращаются со смертію этого лица; между тѣмъ какъ послѣдніе присвоивали себѣ право владѣнія кавдасардами по крайней мѣрѣ въ теченіи трехъ поколѣній, считая отъ перваго владѣльца, пріобрѣвшаго кавдасардовъ.

Такимъ образомъ изъ этого краткаго изложенія кавдасардскаго вопроса можно видѣть, что это сословіе, нѣкогда бывшее, по кровной связи своей съ владѣльцами, скорѣе въ нравственной, чѣмъ въ матеріальной отъ нихъ зависимости, съ каждымъ поколѣніемъ болѣе и болѣе переходило въ положеніе, весьма близкое къ рабству. Въ такомъ именно положеніи застала ихъ пора освобожденія.

Всѣхъ кавдасардовъ, кумiакъ и номлусъ, во время ихъ освобожденія, числилось 822 души; изъ нихъ 309 муж. п. и 513 ж. п.

Главныя основанія, на которыхъ совершилось освобожденіе этого сословія, заключались въ слѣдующемъ:

1) Всѣ взрослые кавдасарды и куміаки остаются въ прежнихъ обязательныхъ отношеніяхъ къ своимъ владѣльцамъ въ продолженіи 3-хъ лѣтъ, и затѣмъ всякая зависимость ихъ въ отношеніи къ послѣднимъ прекращается *). Но если въ теченіи этого трехлѣтняго періода умретъ ихъ первый владѣлецъ, то за кавдасардомъ или куміакомъ остается право, на основаніи существующаго обычая, отойти отъ семьи покойнаго владѣльца ранѣе конца этого срока, безплатно. Тѣ-же кавдасарды, которые по смерти перваго своего владѣльца перешли къ его законнымъ дѣтямъ, остаются въ обязательныхъ отношеніяхъ къ этимъ послѣднимъ только въ продолженіи полутарагодичнаго срока и затѣмъ получаютъ полную свободу.

2) Если куміакъ или кавдасардъ пожелаетъ отдѣлиться отъ своего владѣльца прежде трехъ-годичнаго или полуторагодичнаго обязательнаго срока, посредствомъ выкупа, то обязанъ внести владѣльцу за каждый обязательный годъ своихъ личныхъ услугъ 25 рублей.

3) Все имущество кавдасардовъ, какъ движимое, такъ и недвижимое, благопріобрѣтенное или полученное отъ кого-либо въ даръ, поступаетъ въ неотъемлемую собственность освобождаемыхъ.

4) Всѣ малолѣтніе отъ 1 до 15 лѣтъ и достигшіе 50 лѣтъ мужескаго пола освобождаются безъ всякаго вознагражденія ихъ хозяевамъ; также безплатно освобождаются дѣвочки до 10-лѣтняго возраста включительно, равно куміачки и номлусъ, достигшія 40-лѣтняго возраста. Тѣ-же изъ послѣднихъ, которымъ менѣе 40 лѣтъ, при освобожденіи своемъ возвращаютъ владѣльцу уплаченный за нихъ калымъ, съ такимъ расчетомъ, что за каждый прослуженный куміачкою или номлусъ годъ вычитается изъ этого калыма по 10 руб. За дѣвочку же куміачку или кавдасардку, имѣющую болѣе 10 лѣтъ, владѣлецъ получаетъ половину обычнаго калыма, при выходѣ ея замужъ, а другая половина поступаетъ въ пользу ея родственниковъ.

Наконецъ, всѣмъ освобожденнымъ кавдасардамъ и куміакамъ предоставлены тѣ-же права въ отношеніи поземельнаго пользованія, какія принадлежатъ прочимъ сословіямъ въ Осетіи, дарованы льготы

---

*) Трехлѣтній срокъ признанъ необходимымъ, какъ для того, чтобы, при новомъ порядкѣ веденія хозяйства, не пострадали интересы владѣльцевъ, такъ и для подготовленія освобождаемыхъ къ новой для нихъ самостоятельной и осѣдлой жизни.

отъ податей и повинностей на 8 лѣтъ и бѣднѣйшимъ оказано денежное пособіе. Что же касается до причины, обусловившей существованіе такого исключительнаго вида зависимыхъ сословій, какъ кавдасарды или куміаки, то она устранена окончательно — воспрещеніемъ жителямъ всѣхъ обществъ Осетіи отдавать дочерей своихъ въ *номлусы*, или именныя жены.

Освобожденіе безправныхъ рабовъ въ Дагестанѣ.

1867 годъ ознаменовался въ жизни дагестанскихъ горцевъ совершеніемъ повсемѣстнаго въ Дагестанѣ освобожденія безправныхъ рабовъ, извѣстныхъ подъ именемъ *куловъ* и *каравашей*. Считаемъ нелишнимъ сообщить здѣсь нѣсколько подробностей объ этомъ событіи.

Въ Дагестанѣ, сравнительно съ другими горскими землями Кавказа, зависимыхъ сословій весьма немного и подчиненность ихъ лицамъ или же цѣлымъ родамъ высшихъ сословій выражается въ трехъ видахъ зависимости: а) административной, б) поземельной и в) личной.

Зависимость административная существуетъ въ Дагестанѣ въ отношеніи извѣстныхъ бекскихъ фамилій, управляющихъ нѣкоторыми деревнями.

Поземельная зависимость проявляется въ трехъ видахъ. Къ первому относятся свободные поселяне (уздени), живущіе на земляхъ, принадлежащихъ бекамъ, съ правомъ наслѣдственнаго пользованія этими землями и обязанностью нести однажды установленныя обычаемъ повинности. Второй видъ составляютъ два селенія, Лудгунъ и Ялагъ (Самурскаго округа), населеніе которыхъ несетъ своимъ бекамъ повинности натуральными произведеніями и издѣльную. Повинности эти отбываются не извѣстному лицу, а цѣлому роду, и первая изъ нихъ составляетъ 75 рубъ пшеницы на населеніе, а вторая 3-хъ дневную работу въ годъ на каждый дымъ, съ опредѣленными ограниченіями характера и

періода работъ. Наконецъ третій видъ представляетъ раятская зависимость въ Кайтаго-Табасаранскомъ округѣ.—Сословіе *раятовъ* проживаетъ на земляхъ, бекамъ принадлежащихъ, и члены его имѣютъ право на землю, ими обработываемую, ограниченное лишь возможностью продажи ея не иначе, какъ жителямъ своего же селенія; кромѣ того раяты лишены права перехода изъ одного селенія въ другое, безъ согласія бека, и обязаны, при подобномъ переселеніи, оставлять въ пользу послѣдняго все свое недвижимое имущество. Повинности, отбываемыя ими своимъ бекамъ, заключаются: въ Табасарани—въ повинности натуральными произведеніями (по 6 сабъ пшеницы, одной арбѣ сѣна и въ опредѣленномъ размѣрѣ отъ стадъ барановъ, урожая фруктовъ, орѣховъ, марены и проч.), въ повинности издѣльной (до 8 дней въ году полевыхъ работъ), подводной (перевозка хлѣба на мельницу, доставленіе хворосту и проч.) и личной (въ отбываніи конной службы при бекѣ и предоставленіи ему пользоваться услугами сиротъ, до ихъ совершеннолѣтія). Въ Кайтагѣ повинность естествен произведеніями опредѣлена въ 30 сабъ ячменя и пшеницы, съ і рабочихъ быковъ.

Лично-зависимыя сословія въ Дагестанѣ были: а) *кулы* и *карав* т. е. рабы и рабыни, составлявшіе домашнюю прислугу при дво владѣльцевъ, обязанные исполнять всѣ требованія послѣднихъ безъ каго ограниченія, слѣдовательно, по безправности и полной зависи отъ своихъ господъ, совершенно сходные съ *унаутами* терски кубанскихъ горцевъ, и 2) *чагары*, т. е. крестьяне, лично-зависи но поселенные на земляхъ владѣльцевъ отдѣльнымъ хозяйствомъ, чемъ однако никакихъ правъ на землю не имѣли и сохраняли за бою, при продажѣ, только имущество, трудомъ своимъ пріобрі ное. Образовались чагары изъ рабовъ и рабынь, отпущенныхъ господскаго двора для обзаведенія собственнымъ хозяйствомъ, на подской же (бекской) землѣ, съ обязательствомъ исполнять п ности естественными произведеніями и издѣльныя. Перваго род винности заключались въ арбѣ дровъ, мѣркѣ пшеницы, а отъ имѣющихъ барановъ и по барану въ годъ; издѣльныя же повинности не были опредѣлены обычаемъ и совершенно зависѣли отъ воли владѣльца.

Какъ рабы (кулы и караваши), такъ и чагары, могли пріобрѣтать свободу только съ согласія владѣльца, посредствомъ освобожденія—дароваго, или же по единовременному выкупу, или же наконецъ съ разсрочкою взноса выкупа на нѣсколько лѣтъ. Цѣны на куловъ

обыкновенно бывали отъ 150—300 р., смотря по тѣлосложенію и лѣтамъ продаваемаго, а за каравашей—отъ 100 до 200 р.; но если дѣвушка-каравашка отличалась красотою, то цѣна на нее возвышалась до 500 и 600 руб. *).

Къ освобожденію зависимыхъ въ Дагестанѣ (а именно—куловъ и каравашей) приступлено было съ ноября мѣсяца 1866 года. Дѣло это началось сборомъ свѣдѣній, необходимыхъ для его рѣшенія, а также распространеніемъ въ народѣ мысли, чрезъ благонамѣренныхъ и преданныхъ правительству людей, о своевременности и необходимости общаго по всему Дагестану освобожденія куловъ и каравашей, съ указаніемъ при этомъ на примѣръ подобнаго освобожденія, совершившагося—по волѣ Царя-Освободителя—для многихъ милліоновъ крѣпостныхъ людей во всей Имперіи. Къ веснѣ 1867 года уже сдѣлалось извѣстнымъ повсюду въ Дагестанѣ, что скоро должно наступить общее и единовременное во всемъ краѣ освобожденіе безправныхъ ··, и многіе изъ рабовладѣльцевъ, наиболѣе вліятельныхъ въ на- отнеслись къ этой правительственной мѣрѣ весьма сочувствен- -разивъ полную готовность содѣйствовать освобожденію всѣми -щими отъ нихъ средствами, а нѣкоторые изъ нихъ дали свободу -ъ рабамъ даже безвозмездно. Въ то-же время собраны были всѣ -я, необходимыя для окончательнаго рѣшенія участи рабовъ. Ока- -, что число куловъ и каравашей простиралось всего до 598 об. пола, при чемъ въ Сѣверномъ Дагестанѣ насчитано ихъ въ Среднемъ—56, въ Южномъ—44 и въ Западномъ—38 **).

*) Необходимо замѣтить, что сообщаемыя здѣсь свѣдѣнія о зависимыхъ -віяхъ въ Дагестанѣ (и преимущественно—зависимыхъ по землѣ), хотя -юваны на оффиціальныхъ данныхъ, должны, однако, значительно уяснить -пополниться трудами коммисій — одной, существующей для опредѣленія -ихъ и поземельныхъ правъ туземцевъ Темиръ-Ханъ-Шуринскаго окру- -и другой, проектируемой для опредѣленія сословно-поземельныхъ правъ -ленія Южнаго Дагестана. Числительность всѣхъ *раятовъ* составляетъ ... дворовъ или же, примѣрно, полагая по 5 душъ на дворъ, 12,130 д. об. п.

**) Въ прежнее время число безправныхъ рабовъ въ Дагестанѣ было гораздо значительнѣе. Такъ, при ханскомъ управленіи въ Аваріи и Казикумухѣ, въ этихъ частяхъ края были цѣлыя деревни, населенныя исключительно кулами, а именно: въ аварскомъ ханствѣ деревня Кахъ и въ Казикумухскомъ ханствѣ деревни Кодрухъ и Четрухъ. Кулы этихъ трехъ деревень имѣли осѣдлую жизнь, обработывали ханскія земли и получаемый съ этихъ земель хлѣбъ отдавали своимъ владѣльцамъ; кромѣ того, ханы имѣли полное

Такъ какъ наибольшее число рабовъ числилось въ раіонѣ Сѣвернаго Дагестана, то, казалось, мѣстной администраціи предстояло здѣсь наиболѣе затрудненій по ихъ освобожденію. Однако, принятыми во-время мѣрами, населеніе этой части края оказалось на столько подготовленнымъ къ предстоявшей реформѣ, что оставалось только офиціально объявить рабовладѣльцамъ о необходимости приступить къ самому освобожденію. Объявленіе это назначено было на 1-е число августа,—день, въ который населенію Сѣвернаго Дагестана предстояло услышать Высочайшее Государя Императора соизволеніе на сложеніе съ князя Шамсудина шамхала Тарковскаго и съ хана Мехтулинскаго Решидъ-хана, согласно заявленнымъ ими желаніямъ, обязанностей и правъ, предоставленныхъ—первому по управленію владѣніемъ Тарковскимъ, а второму по управленію ханствомъ Мехтулинскимъ, а также предстояло услышать приказъ по Кавказской Арміи о новомъ административномъ раздѣленіи Сѣвернаго Дагестана и объ открытіи управленія Темиръ-Ханъ-Шуринскаго округа. Къ этому дню вызваны были въ Темиръ-Ханъ-Шуру беки и представители всего населенія вновь-образованнаго округа. Тогда начальникъ Дагестанской области, генералъ-адъютантъ князь Меликовъ лично объявилъ собравшимся въ значительномъ числѣ представителямъ народа, что, по воспослѣдовавшему Высочайшему повелѣнію, особыя управленія владѣніемъ Тарковскимъ и ханствомъ Мехтулинскимъ упраздняются и образуется изъ этихъ частей края и Присулакскихъ деревень особый округъ, Темиръ-Ханъ-Шуринскій, по образцу прочихъ округовъ Дагестанской области, и что съ сего числа управленіе этого новаго округа считается открытымъ; жителямъ-же бывшаго Мехтулинскаго ханства объявилъ, что отнынѣ они освобождаются отъ всѣхъ повинностей и налоговъ, какіе они несли до того времени хану и джанкамъ, съ обязанностію вносить, съ 1867 года, въ казну денежную подать въ томъ количествѣ, въ какомъ обложены прочія деревни Темиръ-Ханъ-Шуринскаго округа, не находящіяся ни въ какихъ обя-

---

право брать къ себѣ въ прислугу изъ этихъ деревень какъ мужчинъ, такъ и женщинъ. Съ покореніемъ восточнаго Кавказа деревни эти несутъ повинность наравнѣ съ прочими жителями этого края, при чемъ Кахъ остался въ составѣ округа Аварскаго, а Кодрухъ и Четрухъ отошли отъ Казикумуха и вошли въ составъ Ихрекскаго магала Самурскаго округа.

Не существовало вовсе куловъ и каравашей въ округѣ Андійскомъ, ни въ верхнемъ Дагестанѣ (прежнемъ Бежитскомъ округѣ).

зательныхъ отношеніяхъ къ владѣльцамъ *). Жителямъ селеній бывшаго Шамхальства начальникъ области также объявилъ, согласно заявленію флигель-адъютанта, полковника князя Шамсудина Тарковскаго, что и они дѣлаются теперь-же свободными отъ всѣхъ повинностей и налоговъ, прямыхъ и косвенныхъ, которые они несли князю Шамсудину Тарковскому, по званію Шамхала и по праву землевладѣльца. Затѣмъ начальникъ области обратился къ рабовладѣльцамъ и сказалъ имъ, что, по примѣру освобожденія куловъ и каравашей нѣкоторыми изъ рабовладѣльцевъ въ Южномъ, Среднемъ и Западномъ Дагестанѣ,—слѣдуетъ приступить къ этому дѣлу и въ Сѣверномъ Дагестанѣ, что окончаніемъ этого дѣла они, подобно другимъ дагестанскимъ владѣльцамъ, уже даровавшимъ свободу своимъ холопамъ, исполнятъ священную волю Государя Императора, что для окончанія этого дѣла, посредствомъ полюбовныхъ соглашеній ихъ съ ихъ кулами и каравашами, назначается имъ трехъ-мѣсячный срокъ и что, по истеченіи этого срока, освобожденіе должно состояться на тѣхъ основаніяхъ, какія благоугодно будетъ указать Его Императорскому Высочеству, Главнокомандующему Арміею. При этомъ прочтены были во всеуслышаніе списки тѣмъ владѣльцамъ, которые въ другихъ частяхъ Дагестана даровали своимъ куламъ и каравашамъ свободу безъ всякаго возмездія.

На объявленіе это рабовладѣльцы отвѣтили искреннею готовностью содѣйствовать съ своей стороны успѣшному выполненію этой благой правительственной мѣры; а чтобы доказать теперь-же на дѣлѣ, что они готовы на посильныя жертвы, начали подходить къ начальнику области по-очередно и заявлять, въ присутствіи народа, что они нынѣ-же, въ день объявленія человѣколюбиваго желанія Его Императорскаго Величества,—,,въ угоду Богу и Великому Государю нашему,'' даруютъ безвозмездно свободу своимъ холопамъ, одни всѣмъ, а другіе части ихъ, — и такимъ образомъ, въ этотъ день 35 владѣльцевъ освободили безвозмездно 104 души холоповъ обоего пола.

Послѣ этого замѣчательнаго въ жизни сѣверно-дагестанцевъ дня, начальникъ области поручилъ управляющему Сѣвернымъ Дагестаномъ немедленно приступить къ повѣркѣ имѣвшихся у него свѣдѣній о числѣ рабовладѣльцевъ и принадлежащихъ имъ куловъ и каравашей, съ обозначеніемъ ихъ пола и возраста, особо — получившихъ сво-

*) Вмѣсто прежнихъ 2 руб., они обложены теперь 3 руб. подати съ дыма.

боду 1-го августа и ранѣе этого, и особо—остающихся въ неволѣ, и заняться составленіемъ соображеній о способахъ освобожденія этихъ послѣднихъ. Вслѣдствіе этого, управляющій Сѣвернымъ Дагестаномъ, Д. С. С. князь Джорджадзе, къ 8-му числу августа, вызвалъ въ Темиръ-Ханъ-Шуру всѣхъ рабовладѣльцевъ, какъ Темиръ-Ханъ-Шуринскаго, такъ и Даргинскаго округовъ, для единовременнаго составленія потребованныхъ отъ него списковъ и провѣрки ихъ. Такъ-какъ при объявленіи 1-го августа присутствовали не всѣ рабовладѣльцы, то князь Джорджадзе объявилъ собравшимся все то, что высказано было начальникомъ области въ день 1-го августа, по дѣлу освобожденія, и прочиталъ списокъ владѣльцамъ, безвозмездно даровавшимъ тогда свободу своимъ холопамъ. Какъ только чтеніе этого списка было окончено, владѣльцы, одинъ за другимъ, начали заявлять кн. Джорджадзе что, движимые тою-же готовностію содѣйствовать дѣлу освобожденія, какая была выражена 1-го августа другими владѣльцами, они даруютъ свободу находящимся у нихъ куламъ и каравашамъ,—и въ этотъ день 48 рабовладѣльцевъ даровали свободу безвозмездно 96 душамъ куловъ и каравашей и за выкупъ, по соглашенію съ холопами, 34 душамъ. Затѣмъ, по составленіи списковъ, оказалось въ Сѣверномъ Дагестанѣ 186 куловъ и каравашей, оставшихся въ неволѣ.

Сверхъ того, съ отмѣной обязательныхъ отношеній поселянъ къ шамхалу Тарковскому, хану Мехтулинскому и джанкамъ Мехтулинскаго ханскаго дома, получили свободу отъ всѣхъ повинностей и налоговъ, которые поселяне несли владѣльцамъ, 4302 двора, въ томъ числѣ 48 дворовъ чагаровъ.

Всеобщее и окончательное освобожденіе куловъ и каравашей въ Дагестанѣ состоялось къ началу 1868 года. Такимъ образомъ, оно совершилось на слѣдующихъ основаніяхъ:

1) безвозмездно, 2) по добровольному соглашенію, за выкупъ, и 3) за выкупъ, съ обязательствомъ прослужить своимъ владѣльцамъ извѣстный срокъ.

Безвозмездно освобождено болѣе половины всего числа безправныхъ рабовъ, а именно—340. Другіе получили свободу за выкупъ, при чемъ норма выкупной платы опредѣлена была большинствомъ самихъ рабовладѣльцевъ довольно умѣренная, такъ что за мужчину назначалось отъ 100 до 180 руб., за женщину 100 руб. и за несовершеннолѣтнихъ обоего пола отъ 50 до 100 руб. За выкупную плату

по этой нормѣ и ниже ея откупилось 150 рабовъ; за выкупъ выше нормы—89, при чемъ наибольшее превышеніе нормы состояло въ 40 руб. и наименьшее въ 5; наконецъ 17-ть рабовъ получили свободу на условіи прослужить своимъ владѣльцамъ въ-продолженіе времени отъ 4 до 6 лѣтъ.

Въ облегченіе бѣднѣйшимъ изъ освобожденныхъ возможности приступить къ выполненію условій ихъ съ владѣльцами и устройству самостоятельнаго хозяйства, Его Императорское Высочество, Главнокомандующій Арміею, разрѣшилъ начальнику Дагестанской области произвести на этотъ предметъ единовременный расходъ, до 2300 руб., съ отнесеніемъ этого расхода на податные сборы съ горскаго-же населенія, и предположилъ даровать освободившимся льготу отъ податей.

Затѣмъ въ Дагестанѣ остается одно лично-зависимое сословіе „чагары," въ числѣ всего 180 дворовъ; впрочемъ, зависимость ихъ, происходящая отъ пребыванія ихъ на земляхъ бековъ-землевладѣльцевъ,—болѣе поземельная, чѣмъ личная. Предложивъ начальнику Дагестанской области составить соображенія о точномъ опредѣленіи будущихъ отношеній этого класса къ землевладѣльцамъ, Его Высочество счелъ возможнымъ предоставить чагарамъ теперь-же право свободнаго ухода съ занимаемыхъ ими земель и приписки къ другимъ сельскимъ обществамъ на общихъ основаніяхъ.

Положеніе дѣла освобожденія зависимыхъ сословій въ горскихъ округахъ Кубанской области.

По свѣдѣніямъ, собраннымъ о зависимыхъ сословіяхъ у горскихъ племенъ Кубанской области, оказалось, что на 79-ти тысячное общее населеніе пяти горскихъ округовъ этой области приходится зависимыхъ болѣе 17½ тысячъ душъ обоего пола, или-же около 23%. — Уже одна такая относительно-значительная масса зависимыхъ должна была нѣсколько замедлить ходъ ихъ освобожденія; но еще болѣе замедленіе это обусловилось экономическимъ положеніемъ горцевъ Кубанской

области, въ большинствѣ такъ еще недавно поселенныхъ на настоящихъ своихъ мѣстахъ жительства, а потому не успѣвшихъ еще прочно устроиться своимъ хозяйствомъ.

Зависимые у горцевъ Кубанской области всѣ принадлежатъ къ разряду лично-зависимыхъ сословій и подраздѣляются на три вида; это—1) *унауты*; 2) *пшитли* и 3) *оги*, — въ правахъ и обязанностяхъ своихъ вполнѣ схожіе съ такими-же тремя видами зависимыхъ, существовавшихъ въ Кабардѣ.—Вообще близкое племенное родство и сходство организаціи общественнаго быта черкесскихъ племенъ Кубанской области съ бытомъ кабардинцевъ, вызвало почти тѣ-же условія зависимости крѣпостныхъ сословій здѣсь, какъ и въ Кабардѣ. Низшую степень между этими сословіями занимаютъ унауты (рабы); за ними слѣдуетъ сословіе пшитлей—тоже что кабардинскіе логанапуты, т. е. крестьяне, живущіе при дворахъ владѣльцевъ, но особымъ хозяйствомъ и семьею, и, наконецъ, сословіе оговъ, съ тѣми же правами и обязанностями, какъ и кабардинскіе оги (Горская лѣтопись, стр. 19—24.) Поэтому, не входя въ подробное исчисленіе всѣхъ обязанностей, лежащихъ на этихъ сословіяхъ, а равно и нѣкоторыхъ правъ, установленныхъ обычаемъ по отношенію къ пшитлямъ и огамъ,—ограничимся только приведеніемъ слѣдующихъ числовыхъ данныхъ объ этихъ зависимыхъ.

Въ округахъ:	ЧИСЛО ДУШЪ ЗАВИСИМЫХЪ.						
	Унаутовъ.		Пшитлей.		Оговъ.		ВСЕГО.
	муж.	жен.	муж.	жен.	муж.	жен.	
Псекупскомъ.....	130	308	804	685	—	—	1927
Лабинскомъ.......	319	663	2944	2421	61	48	6456
Урупскомъ........	143	326	589	524	25	21	1628
Зеленчукскомъ...	172	466	2357	1823	5	3	4826
Эльборусскомъ...	292	353	1134	1014	—	—	2793
Итого..	1056	2116	7828	6467	91	72	17630

Таковы числовыя свѣдѣнія о зависимыхъ сословіяхъ въ горскихъ округахъ Кубанской области, добытыя къ началу 1867 года и представленныя въ Комитетъ по освобожденію зависимыхъ сословій въ горскихъ племенахъ Кавказа, учрежденный съ Высочайшаго разрѣшенія въ Тифлисѣ, подъ предсѣдательствомъ Генералъ-Адъютанта Карцова. Свѣдѣнія эти, вмѣстѣ съ уясненіемъ отношеній зависимыхъ къ ихъ владѣльцамъ, показали всю необходимость ограничиться до времени въ этой части края подготовительными работами, могущими облегчить впослѣдствіи безостановочное и спокойное выполненіе освобожденія. Поэтому, Его Императорское Высочество, Главнокомандующій Арміею, предложилъ начальнику Кубанской области созвать въ каждомъ округѣ депутатовъ отъ обѣихъ заинтересованныхъ сторонъ, для предварительнаго обсужденія порядка и условій, при которыхъ—по ихъ мнѣнію—удобнѣе всего можетъ совершиться предпринятая реформа. Къ концу 1867 года, депутаты эти, руководимые мѣстными начальниками, выработали основанія для обязательнаго освобожденія зависимыхъ; но въ то же время начали являться случаи добровольныхъ соглашеній по освобожденію. Вслѣдствіе этого и послѣ подробнаго обсужденія въ названномъ Комитетѣ выработанныхъ депутатами основаній освобожденія, Его Высочество призналъ полезнымъ — разрѣшить въ Кубанской области продолжить срокъ для заключенія добровольныхъ соглашеній между зависимыми и ихъ владѣльцами до 1-го ноября 1868 года.

Такимъ образомъ въ настоящее время въ округахъ Кубанской области продолжается еще періодъ добровольныхъ сдѣлокъ между владѣльцами и ихъ зависимыми; но съ 1-го ноября текущаго года долженъ наступить уже срокъ обязательнаго освобожденія послѣднихъ. Въ руководство, какъ при заключеніи добровольныхъ сдѣлокъ, такъ и при обязательномъ освобожденіи, Его Императорскимъ Высочествомъ Главнокомандующимъ Арміею, съ Высочайшаго разрѣшенія, преподаны Начальнику области опредѣленныя нормы и правила, сущность которыхъ заключается въ слѣдующемъ:

1) Всѣ разныхъ наименованій горскія зависимыя сословія въ Кубанской области пріобрѣтаютъ свободу, съ обязательствомъ или отбывать своему владѣльцу, въ теченіи не свыше 5 лѣтъ для пшитлей и 4-хъ лѣтъ для унаутъ, установленныя обычаемъ работы и услуги, или внести за себя выкупъ, смотря по полу и возрасту, отъ

15—150 р. для пшитлей и отъ 20—200 р. для унаутъ; дѣти же моложе 7-ми лѣтъ и старики освобождаются безвозмездно.

2) Уплата, взамѣнъ отбыванія работъ, опредѣленной суммы можетъ быть разрочена до 6 лѣтъ со дня освобожденія.

3) Выборъ того или другаго способа удовлетворенія владѣльца предоставляется обоюдному соглашенію освобождающагося съ владѣльцемъ, а при несогласіи ихъ опредѣляется посредникомъ.

5) Для утвержденія выкупныхъ сдѣлокъ и для разбора недоразумѣній, споровъ и жалобъ, могущихъ возникать между владѣльцами и освождающимися, назначаются особыя лица, въ качествѣ мировыхъ посредниковъ, дѣйствующіе на основаніи данной имъ инструкціи.

По свѣдѣніямъ, полученнымъ офиціальнымъ путемъ, добровольныя соглашенія между владѣльцами и освобождаемыми въ горскихъ округахъ Кубанской области идутъ успѣшно, въ особенности-же въ округахъ: Урупскомъ (гдѣ уже къ іюлю мѣсяцу освобождены были почти всѣ зависимые), въ Эльборусскомъ (освобождено къ тому-же времени болѣе 1500 душъ) и въ Зеленчукскомъ (освобождено къ тому-же времени до 900 душъ). Наименьшее число случаевъ добровольнаго соглашенія по освобожденію зависимыхъ произошло къ тому-же времени (къ 1-му іюля) въ округѣ Лабинскомъ (всего 21 случай) и затѣмъ въ Псекупскомъ (до 130).

ИЗЪ ГОРСКОЙ КРИМИНАЛИСТИКИ

(извлеченіе изъ дѣлъ Кавказскаго Горскаго Управленія).

1. Народная казнь женщины въ Калакахъ *).

2-го Апрѣля 1866 года калакскіе мальчики Махмадъ-Рамазанъ-швили, 8 лѣтъ, и Шейхъ-Ибрагимъ-швили, 5 лѣтъ, играя около большой калакской рѣчки, ниже селенія, увидѣли выплывшее на мель мертвое дитя и вытащили его на берегъ. Въ то время, на разстояніи ружейнаго выстрѣла отъ нихъ, одинъ изъ жителей сел. Калакъ, по имени Махмудъ-Тукулавъ, совершалъ намазъ и мальчики закричали ему, чтобы онъ пришелъ посмотрѣть, что ими найдено. Тукулавъ, подойдя къ мальчикамъ, взялъ мертвое дитя и принесъ его въ селеніе, гдѣ собравшіеся мужчины и женщины осмотрѣли дитя и признали его новорожденнымъ.

Такъ какъ калакскаго нусель-бетера (старшины), Сайда-Махмадиль-васа, и многихъ другихъ жителей не было въ селеніи, то послали за ними по хуторамъ; когда же собрались всѣ, тогда по общему опредѣленію джамаата предложили женщинамъ узнать, кѣмъ изъ нихъ рождено найденное дитя. Женщины, осмотрѣвъ одна другую, объявили, что дитя то рождено калакскою жителькою, вдовою Хадижамою, дочерью Мухаммада, у которой въ грудяхъ оказалось молоко. Послѣ этого Хадижама была арестована. На допросы, сдѣланные ей нусель-бетеромъ и чохбіями (сельскіе судьи), она отвѣчала, что найденное въ рѣчкѣ дитя дѣйствительно рождено ею и брошено въ рѣчку ею же самою, что прижила она его отъ калакскаго жителя Махму-

*) Калаки—селеніе въ Среднемъ Дагестанѣ, въ обществѣ Капуча; называется еще, на мѣстномъ языкѣ, Тлядалъ; въ немъ считается болѣе 450 душъ населенія.

да-Сутакъ-швили, бывшаго прежде мужемъ ея, и что Махмудъ разъ ночью, пробравшись къ ней потихоньку изъ нижняго этажа сакли въ верхній, чрезъ приподнятую въ полу доску, изнасиловалъ ее; но Махмудъ въ взводимомъ на него преступленіи не сознался и ничѣмъ не уличенъ Хаджамою, а хозяинъ сакли *) объяснилъ, что въ отверстіе, въ которое, по показанію Хаджамы, поднялся въ верхній этажъ Махмудъ, никакъ пролѣзть нельзя.

По обнаруженію виновности Хаджамы, джамаатъ рѣшилъ немедленно казнить ее, но нусель-бетеръ и чохбіи уговорили народъ сначала донести объ этомъ случаѣ анцухо-капучинскому наибу, который далъ джамаату предписаніе **), понятое джамаатомъ такъ, чтобы, по общему соглашенію калакцевъ, на что будетъ согласенъ и наибъ, поступлено было съ Хаджамою по адату.

Основываясь на этомъ, джамаатъ рѣшилъ, согласно существовавшему у нихъ адату ***), побить Хаджаму камнями и казнь эту привести въ исполненіе немедленно, на что согласились и родственники осужденной. Тогда мальчики, по приказанію старѣйшинъ, приготовили камни, и Хаджама была приведена на назначенное мѣсто, гдѣ ее вновь спросилъ народъ: признаетъ-ли она себя виновною въ прелюбодѣяніи? Хаджама, повторивъ сказанное ею прежде, сѣла на землю и просила скорѣе окончить казнь надъ нею. Какъ только она произнесла это, со всѣхъ сторонъ полетѣли въ нее камни и вскорѣ она была убита и потомъ похоронена, но не на общемъ кладбищѣ, а отдѣльно.—Нусель-бетеръ же и чохбіи, отойдя въ сторону, не принимали никакого участія въ этихъ дѣйствіяхъ народа.

Наибъ, получивъ отъ калакцевъ донесеніе объ этой казни, пріѣхалъ въ Калаки самъ и, собравъ джамаатъ, объяснялъ ему, что онъ не такъ понялъ его бумагу, и требовалъ ея для разъясненія происшедшаго недоразумѣнія, для чего вызвалъ изъ сосѣдняго селенія, Бежиты, грамотныхъ людей—Султанъ-Дебира и бежитскаго муллу; но калакцы, опа-

---

*) Хаджама жила въ чужомъ домѣ, у родственниковъ своихъ.

**) По неграмотности калакцевъ, предписаніе читалъ и переводилъ сельскій мулла Хайдалъ-Дебиръ, житель Ухнадальскаго общества.

***) Въ Капучѣ и другихъ мѣстахъ Анцухо-капучинскаго и Богнадальскаго наибствъ существовалъ слѣдующій адатъ: женщинъ прелюбодѣекъ, замужнихъ или бывшихъ уже замужемъ, но разведшихся съ своими мужьями, побивали камнями, а не бывшихъ замужемъ наказывали розгами. Относительно-же того, чему подвергается женщина за убійство своего дитяти для скрытія прелюбодѣянія, отдѣльнаго адата не существуетъ.

саясь, чтобы полученное ими предписаніе не затерялось, не возвратили его наибу. Тогда наибъ предложилъ джамаату, чтобы онъ далъ ему бумагу, въ которой было-бы сказано, что джамаатъ распорядился убійствомъ женщины самъ отъ себя. Джамаатъ сначала согласился на это требованіе и Султанъ-Дебиръ началъ было писать эту бумагу; но, послѣ совѣщаній, народъ отказался исполнить требованіе наиба...

Уѣзжая изъ сел. Калакъ, наибъ, вслѣдствіе происшедшихъ безпорядковъ, нашелъ нужнымъ удалить отъ должностей нусель-бетера и чохбіевъ и назначилъ на мѣсто ихъ другихъ лицъ.

Все вышесказанное взято со словъ какъ самого наиба, такъ и шести выборныхъ лицъ отъ калакскаго джамаата....

2. Убійства и казнь женщины въ сел. Оглы *).

25-го ноября, 1866 года, передъ вечеромъ, около кладбища сел. Оглы, въ небольшомъ оврагѣ, найденъ былъ пастухами обезображенный и обнаженный трупъ семилѣтняго мальчика.

Пастухи дали объ этомъ знать въ селеніе кадію и картамъ, и, по осмотрѣ ими тѣла, оно оказалось съ выдавленными глазами, 14-ю ранами на тѣлѣ, нанесенными, какъ должно полагать, камнемъ; но такъ какъ изъ этихъ ранъ ни одна не была смертельною, то осматривавшіе признали, что мальчикъ кѣмъ-либо удушенъ.

По перенесеніи тѣла этого въ деревню, въ немъ узнали сына оглинскаго жителя Дацій-Дацій-оглы, Османа.

Дацій въ то время находился на кутанѣ **) и, прибывъ по извѣстію о случившемся съ его сыномъ поздно вечеромъ, нашелъ въ домѣ своемъ много родственниковъ и односельцевъ, пришедшихъ съ изъявленіемъ соболѣзнованія.

*) Селеніе Оглы находится въ Сѣверномъ Дагестанѣ, въ бывшемъ Мехтулинскомъ ханствѣ, а теперь округѣ Темиръ-ханъ-Шуринскомъ; въ селеніи этомъ числятся жителей болѣе 950 д. об. пола.

**) На хуторѣ.

Будучи поражен обезображенным трупом сына, который, за нѣсколько часовъ, оставленъ былъ имъ совершенно здоровымъ, и недоумѣвая въ томъ, кого и что могло возбудить противу такого ребенка, Дацій тогда-же обратился къ находившимся тутъ людямъ съ просьбою посовѣтовать ему, что онъ долженъ дѣлать въ постигшемъ его несчастіи, и сказать ему откровенно, кому онъ причинилъ такое зло, которое могло бы вызвать подобное мщеніе.

Присутствовавшіе отвѣчали, что и сами недоумѣваютъ, кто и за что могъ бы поступить такъ безбожно съ ребенкомъ; но что они признаютъ совершившаго это дѣло врагомъ не одного Дація, а цѣлаго джамаата; и когда преступникъ будетъ открытъ, то готовы сами предать его смерти и даже истребить его съ жилищемъ, дабы о такомъ человѣкѣ, опозорившемъ ихъ селеніе своимъ злодѣйствомъ, не осталось и помину, и, поэтому, совѣтуютъ ему успокоиться.

На другой день, 26 ноября, въ день джумы, были похороны Османа. Кромѣ оглинцевъ съѣхались многіе изъ ближайшихъ селеній—Кулецмы, Ахкента и Аймаки—частію родственники, частію знакомые Дація.

На похоронахъ оглинцы долго обсуждали совершившееся у нихъ злодѣйство, высказали еще болѣе негодованія и болѣе рѣшимости на жестокую кару преступнику. Кулецминцы, ахкентцы и аймакинцы совершенно согласились съ оглинцами въ необходимости безпощаднаго наказанія преступника, для удержанія злодѣевъ отъ повторенія подобныхъ дѣлъ.

27 и 28 прошли въ напрасныхъ распросахъ, а 29 числа мать Дація узнала, что за два часа предъ отысканіемъ трупа внука ея Османа, его видѣли шедшимъ къ сторонѣ кладбища вмѣстѣ съ одной изъ женъ Дація и что послѣ того мальчикъ не возвращался домой.

Здѣсь нужно объяснить, что семейство Дація-Дацій-оглы, до описываемыхъ событій, состояло изъ двухъ женъ:

одной, по имени Султанумъ, отъ которой Дацій имѣлъ двухъ сыновей: Османа, 7 лѣтъ (удушеннаго 25 ноября), и груднаго ребенка Магомы, и

другой—Ашуры, 18 лѣтъ, на которой Дацій женился пять мѣсяцевъ тому назадъ.

Послѣдняя была дочь оглинскаго кадія Иманъ-Али; Дацій и она влюбились другъ въ друга, задолго до брака ихъ, и хотя Дацій свталъ ее, но кадій Иманъ-Али отказалъ ему, такъ-какъ Дацій имѣлъ

уже одну жену, отъ которой у него были и дѣти, и засваталъ ее за сына оглинскаго жителя Аджи-Гусейнъ-оглы. Тогда Ашура подговорила Дація увезти ее. Онъ исполнилъ это и затѣмъ склонилъ отца ея дать согласіе на ихъ бракъ, который и состоялся въ іюлѣ мѣсяцѣ 1866 года.

Мать Дація, о которой упомянуто выше, по имени Узу, не жила въ домѣ сына, а будучи за вторымъ мужемъ, оглинскимъ жителемъ Османомъ-Амзатъ-оглы, жила съ этимъ послѣднимъ.

Когда узнано было, что удушенный мальчикъ, за два часа до отысканія трупа его, замѣченъ былъ шедшимъ къ сторонѣ кладбища вмѣстѣ съ Ашурою, то свекровь и мужъ ея заподозрили ее, что она непремѣнно должна знать, кѣмъ и какъ совершено удушеніе.

Подозрѣніе это усилено было тѣмъ, что Дацій и прежде замѣчалъ въ Ашурѣ признаки затаенной злобы къ его дѣтямъ отъ первой жены, и когда до того еще обращался къ ней съ просьбою, чтобы она приняла участіе въ розыскѣ убійцы сына его, она постоянно отвѣчала, что не въ состояніи ничего узнать и притомъ каждый разъ обнаруживала сильный испугъ.

На основаніи этихъ обстоятельствъ, Дацій сталъ уговаривать Ашуру признаться ему во всемъ и обѣщалъ ей, что она ни въ какомъ случаѣ не будетъ наказана, хотя бы для него пришлось пожертвовать единственнымъ оставшимся у него груднымъ ребенкомъ.

Ашура долго не признавалась, мужъ пересталъ допрашивать ее и въ ту же ночь, на 30 ноября, перевелъ ее въ домъ вотчима своего, Османа, дабы, послѣ обнаруженныхъ подозрѣній, между ею и другою женою—Султанумъ, матерью удушеннаго, не произошло какой-либо драки; но Султанумъ послѣдовала за нею и въ домъ Османа и вмѣстѣ съ матерью Дація стала настоятельно требовать отъ нея признанія, а въ противномъ случаѣ грозила ей удушеніемъ. Чтобы болѣе напугать ее, обѣ женщины, Узу и Султанумъ, надѣли Ашурѣ петлю на шею.

Этою угрозою вынуждено у Ашуры первое сознаніе. Было уже далеко за полночь, когда она разсказала, что, желая сдѣлаться главною хозяйкою въ домѣ и устроить такъ, чтобы мужъ ея развелся съ первою женою и чтобы все имѣніе его осталось исключительно дѣтямъ ея, которыя будутъ отъ него, она совѣтовалась, по этому дѣлу, съ родственникомъ своимъ Чопаномъ-Казанъ-оглы. Онъ предложилъ ей истребить дѣтей своего мужа отъ первой жены и говорилъ,

что если она этого не сдѣлаетъ, то Дацій легко, быть можетъ, разлюбитъ ее, и, разведясь съ нею, останется при одной первой женѣ. Ашура приняла этотъ совѣтъ и, уговорясь съ Чопаномъ 25 числа ноября, давъ мальчику Осману яблокъ, взяла его на кладбище, гдѣ ожидалъ ее Чопанъ. Придя туда, она передала ему мальчика, и когда Чопанъ жалъ ему ротъ и сталъ тащить въ сторону, то мальчикъ, желая воспротивиться, хватался за Ашуру и сильно оцарапалъ ей лицо. Затѣмъ она не видала, какимъ образомъ умертвилъ его Чопанъ, потому что отошла въ сторону, для надзора, не идетъ-ли кто-либо; такъ-же, въ другой сторонѣ, стоялъ съ баранами и 15-ти лѣтній сынъ Чопана, Дибиръ-Али; но по приказанію-ли отца или нѣтъ—она не знаетъ.

Сознаніе это сообщено Дацію и повторено Ашурою предъ сельскимъ будуномъ и бекуломъ, которые были тогда же призваны въ домъ Османа.

Удрученный двойнымъ горемъ, что главною виновницею удушенія его сына обнаружилась любимая имъ жена, и опасаясь увлеченія злобою, Дацій тогда-же далъ знать своимъ родственникамъ о сознаніи жены его Ашуры и просилъ ихъ не оставлять его до утра, пока онъ заявитъ завѣдывавшему горными деревнями, милиціи юнкеру Асельдеру-Багатыръ-оглы *), о сдѣланныхъ открытіяхъ.

Завѣдывавшій горными деревнями командированъ былъ въ сел. Оглы помощникомъ мехтулинскаго хана, по первоначальному же извѣстію о найденномъ удушенномъ мальчикѣ. Онъ прибылъ туда 26-го числа и, не могши ничего узнать, поручилъ самому Дацію сдѣлать тщательныя развѣдки и объявить ему, на кого онъ возведетъ подозрѣніе.

Съ разсвѣтомъ 30 числа вотчимъ Дація, Османъ, въ домѣ котораго находилась Ашура, поспѣшилъ дать знать юнкеру Асельдеру о признаніи ея. Вслѣдъ за Османомъ пришелъ къ Асельдеру оглинскій бекулъ, по имени Дибиръ, съ тѣмъ-же объявленіемъ, и Асельдеръ тотчасъ-же послалъ бекула и служителя своего, оглинскаго жителя

---

*) Шесть деревень бывшаго мехтулинскаго ханства, а именно: Оглы, Кулецма, Ахкентъ, Аймаки, Верхніе Чоглы и Апши, расположенныя въ болѣе гористой мѣстности, именуются горными деревнями. Онѣ съ давняго времени завѣдывались особымъ лицомъ, избираемымъ и назначаемымъ мехтулинскимъ ханомъ или правителями ханства, въ качествѣ сверхштатнаго наиба. Юнкеръ Асельдеръ завѣдывалъ этими деревнями съ 1862 года.

Аизу, съ тѣмъ чтобы они немедленно привели Чопана, дабы распросить его и затѣмъ скрыть у себя отъ всякаго столкновенія съ Даціемъ и его родственниками, пока онъ отправленъ будетъ къ начальству.

Но, по несчастію Чопана и самого Дація, въ то время, когда первый пошелъ къ дому, въ которомъ былъ наибъ,—и Даців, въ сопровожденіи нѣсколькихъ родственниковъ и свой матери Узу вышелъ на улицу, съ намѣреніемъ идти къ завѣдывавшему горными деревнями юнкеру Асельдеру, для объявленія ему о признаніи Ашуры. Неожиданно завидя недалеко отъ себя Чопана, Дацій и бывшіе съ нимъ родственники вспыхнули тою неудержимою злобою, какая обыкновенно вспыхиваетъ у горцевъ при видѣ кровнаго врага и стремительно бросились за нимъ; Чопанъ забѣжалъ въ дворъ дома, въ которомъ жилъ Асельдеръ *), но пока успѣлъ взойти въ комнату его во второмъ этажѣ, Дацій сдѣлалъ по немъ два выстрѣла изъ обоихъ бывшихъ съ нимъ пистолетовъ и ранилъ его два раза пулями. Затѣмъ Чопанъ, вошедши въ комнату Асельдера, не могъ уже держаться на ногахъ и упалъ у самыхъ дверей.

Асельдеръ застигнутъ былъ этою суматохою врасплохъ. При немъ не случилось ни одного человѣка *). Выстрѣлы на его дворѣ услышалъ онъ во время совершенія имъ утренней молитвы и пока успѣлъ накинуть на себя платье и взять оружіе, Чопанъ лежалъ уже предъ нимъ окровавленный, а въ дворѣ раздавались крики преслѣдовавшихъ его. Асельдеръ тотчасъ бросился къ дверямъ и, заперевъ ихъ, пытался было удержать отъ напора преслѣдовавшихъ Чопана, но не могъ выдержать этого напора. Дацій съ обнаженнымъ кинжаломъ, мать его и нѣсколько родственниковъ вломились въ комнату. Растерявшись отъ внезапности и свирѣпости нападенія, Асельдеръ не съумѣлъ предпринять ничего и оставался безмолвнымъ, пока Чопанъ, добитый кинжалами, не былъ оставленъ врагами его.

Самъ Дацій говорилъ, что въ комнатѣ Асельдера онъ нанесъ Чопану еще нѣсколько тяжелыхъ кинжальныхъ ранъ, а мать его по-

*) Домъ этотъ двухъ-этажный; внизу помѣщается скотъ, а на верху жилыя комнаты. Онъ принадлежитъ вдовѣ Патимать и въ немъ обыкновенно останавливаются почти всѣ проѣзжіе.

*) Шедшіе съ Чопаномъ оглинскій бекулъ и слуга Асельдера, опереженные Даціемъ и его родственниками, остались на улицѣ и не рѣшились остановить нападающихъ.

казала, что накинулась на умиравшаго и, схвативъ его за горло, кричала ему, чтобы онъ указалъ, гдѣ рубаха и папаха задушеннаго имъ внука ея. Чопанъ нѣсколько разъ произнесъ: спросите Ашуру—и у него началось предсмертное храпѣніе. Тутъ мать Дацiя нанесла умиравшему еще нѣсколько ранъ кинжаломъ задушеннаго своего внука и поспѣшила къ себѣ въ домъ для новаго допроса Ашуры.

За нею вышли Дацiй и родственники его и направились къ дому перваго. Въ собравшейся по выстрѣламъ толпѣ Дацiй замѣтилъ Дибиръ-Алiя, сына убитаго имъ Чопана. Будучи еще внѣ себя отъ злобы и полагая, по словамъ жены своей, что онъ также былъ соучастникъ въ удушенiи сына его, Дацiй замахнулся на него кинжаломъ и нанесъ ему рану, которая оказалась смертельною. Дибиръ-Али умеръ отъ нея 4-го декабря.

Между тѣмъ въ Оглахъ мгновенно распространилась молва о случившемся въ то утро, вслѣдствiе ночнаго сознанiя Ашуры, и собравшаяся по выстрѣламъ толпа стала увеличиваться; къ ней прибывали многiе изъ окрестныхъ деревень и началось обсужденiе убiйства Чопана и пораненiя его сына. Всѣ находили это дѣло справедливымъ возмездiемъ за совершенное Чопаномъ злодѣянiе и признавали необходимымъ немедленно предать смерти и главную виновницу злодѣянiя—Ашуру. Множество людей кричало, что она должна быть убита публично, такъ какъ преступленiе ея, еще небывалое въ ихъ деревнѣ, позоритъ всѣхъ безъ исключенiя.

Въ это самое время происходилъ второй допросъ Ашуры и тѣмъ-же способомъ, какой былъ употребленъ предъ первымъ ея сознанiемъ.

Мать Дацiя, Узу, и первая жена его, Султанумъ, послѣ тщетныхъ допросовъ, снова натянули ей на шею петлю и требовали указанiя, гдѣ рубаха и папаха удушеннаго внука первой и сына второй, Османа.

Ашура сдѣлала второе сознанiе. Она объяснила, что, удушивъ мальчика, Чопанъ снялъ съ него рубаху и папаху и говорилъ, что тѣло удушеннаго мальчика, брошенное имъ въ оврагъ, едва-ли будетъ отыскано скоро; что до того времени онъ или сама Ашура могутъ подбросить эти вещи къ такому лицу, къ которому они питаютъ ненависть и тѣмъ навести на него подозрѣнiе Дацiя и общества въ убiйствѣ пропавшаго мальчика; что, послушавъ Чопана, она взяла пе-

реданныя ей вещи и зашила ихъ въ свою подушку, впредь до удобнаго времени подбросить ихъ кому-либо.

Узнавши это, обѣ женщины, Узу и Султанумъ, побѣжали въ домъ Дація и, распоровъ подушку, дѣйствительно нашли въ ней окровавленныя рубаху и папаху. При видѣ этихъ вещей онѣ подняли громкіе вопли и оглашали воздухъ такими проклятіями на Ашуру, что многіе изъ жителей прибѣжали узнать, что случилось новаго. Имъ разсказали о второмъ признаніи Ашуры и оно сдѣлалось извѣстнымъ всему сельскому сборищу. Негодованіе толпы перешло въ ярость, и та часть ея, которая состояла изъ родственниковъ матери задушеннаго мальчика, кричала, что сама закидаетъ виновницу каменьями, если отецъ или мужъ будутъ медлить казнью ея.

Это рѣшеніе было уже произнесено, когда прибылъ къ толпѣ завѣдывавшій горными деревнями Асельдеръ, который, по уходѣ Дація съ родственниками изъ его дома, написалъ о случившемся въ его квартирѣ помощнику мехтулинскаго хана, бывшему въ сел. Аймака, и просилъ спѣшить въ сел. Оглы, дабы въ немъ не произошло какого-либо новаго безпорядка.

Еще прежде прихода Асельдера, вотчимъ Дація, Османъ-Амзатъ-оглы, въ домѣ котораго находилась Ашура, умолялъ толпу не принимать на себя рѣшенія казни этой женщины, не нарушать адата, по которому она, будучи взята имъ подъ свое покровительство, не можетъ быть выведена силою изъ его дома, безъ нанесенія ему кровной обиды, а предоставить рѣшеніе ея участи усмотрѣнію начальства; но ему отвѣчали, что защитникъ такой женщины будетъ признанъ врагомъ всего селенія, и потому совѣтовали ему отказаться отъ нея.

За Османомъ пришелъ къ толпѣ, какъ выше сказано, Асельдеръ и упрашивалъ ее образумиться, не дѣлать расправы надъ Ашурою, такъ какъ судъ надъ нею принадлежитъ начальству, и не подвергать себя отвѣтственности за самоуправство. Толпа отвѣчала, что за наказаніе такой злодѣйки джамаатъ не можетъ быть подвергнутъ отвѣтственности, что, во всякомъ случаѣ, они не могутъ оставить ее безъ немедленной казни и никто не остановитъ ихъ въ исполненіи этого рѣшенія.

Увѣщанія Асельдера поддерживали еще двое оглынцевъ и два постороннихъ жителя; но напрасно.

Подавленный яростнымъ состояніемъ толпы и безсиліемъ своимъ сдѣлать что-либо для удержанія ея отъ своевольства, Асельдеръ уда-

лился на свою квартиру. Толпа-же въ нетерпѣніи—увидѣть поскорѣе казнь Ашуры, послала къ отцу ея, Имамъ-Али кадію *), требовать отъ него убійства дочери, а когда онъ отвѣчалъ, что съ тѣхъ поръ, какъ она выдана замужъ, онъ не имѣетъ надъ нею никакой власти, толпа отправила людей къ мужу Ашуры, Дацію, чтобы онъ немедленно убилъ ее. Дацій отвѣчалъ, что не желаетъ убивать жены своей и никому нѣтъ до этого дѣла. Ему прислали снова сказать, что преступленіе ея касается всего селенія и онъ не вправѣ прощать ее, а если онъ и за симъ откажется, то народъ самъ умертвитъ Ашуру. Не дождавшись отвѣта на второе посольство, толпа отправила людей, чтобы взять ее изъ дому вотчима Дація, Османа, и вести къ мужу на безотлагательную казнь.

Посланные вытащили ее изъ дому Османа и повели къ дому Дація. Толпа хлынула за нею. Мужчины, женщины, дѣти обоихъ половъ—все соединилось въ одномъ общемъ требованіи смерти Ашуры и готово было закидать ее каменьями, если бы Дацій сталъ медлить.

Вынужденный неотразимою настойчивостію толпы, Дацій вышелъ къ ней, просилъ ее оставить жену его и предоставить ему самому казнить ее, если это необходимо. Затѣмъ онъ вынулъ пистолетъ и, отвернувшись въ сторону, выстрѣлилъ въ свою жену почти въ упоръ **). Ашура упала за-мертво. Толпа отошла отъ дому Дація и продолжала толковать о событіяхъ дня.

Въ этихъ толкахъ прошло еще около часу, когда въ Оглы пріѣхалъ помощникъ хана. Узнавши, что Ашура уже убита, онъ потребовалъ къ себѣ сборище оглинцевъ, высказалъ имъ безразсудное ихъ озлобленіе и своевольство, ими сдѣланное, и сказалъ имъ, что онъ будетъ просить высшее начальство о строгомъ наказаніи ихъ за самоуправство.

Оглинцы отвѣчали, что злодѣяніе, совершенное Чопаномъ и Ашурою, было такъ возмутительно, что сельское общество напередъ

*) По раздавшимся выстрѣламъ кадій выскочилъ было изъ дому и пошелъ къ квартирѣ завѣдывающаго горными деревнями, но, узнавъ на дорогѣ, вслѣдствіе какого признанія его дочери Дацій напалъ на Чопана, онъ почелъ за лучшее удалиться въ домъ свой, дабы Дацій или народъ не причинили и ему какой-либо обиды за злодѣяніе дочери. Затѣмъ онъ уже не показывался до пріѣзда помощника хана.

**) Прежде чѣмъ Дацій рѣшился на это, онъ послалъ спросить отца Ашуры, Имамъ-али кадія, какъ поступить ему съ настоятельнымъ требованіемъ общества казнить ее. Кадій отвѣчалъ: „Я не судья въ этомъ дѣлѣ: поступи какъ знаешь“.

присудило виновныхъ къ смерти и послѣ не хотѣло отступиться отъ этого рѣшенія, полагая, что немедленное наказаніе подобныхъ злодѣевъ не заключаетъ въ себѣ ничего противнаго волѣ начальства; но, теперь, сознавая вполнѣ, что они сдѣлали большое своевольство, предаютъ себя милостивому воззрѣнію начальства. Въ этомъ-же смыслѣ оглинцы подали ему прошеніе.

Затѣмъ, помощникъ хана, арестовавъ Дація-Дацій-оглы, мать его Узу и двоюродныхъ братьевъ Дація: юнкера милиціи Дади-Узу-оглы изъ селенія Кулицма и Магому-Али-оглы оглинца, какъ главныхъ виновниковъ въ убійствѣ Чопана, донесъ о случившемся.

БИБЛІОГРАФИЧЕСКАЯ ЗАМѢТКА.

Дѣло введенія письменности и распространенія грамотности на туземныхъ горскихъ языкахъ, начатое по иниціативѣ генералъ-лейтенанта Бартоломея и генералъ-маіора Услара, нашло поддержку, почти одновременно, со стороны Общества возстановленія христіанства на Кавказѣ и со стороны военнаго вѣдомства. Поводомъ къ такой поддержкѣ послужили, между прочимъ, общія какъ для Общества, такъ и для администраціи края цѣли: легчайшее и скорѣйшее распространеніе въ массѣ горскаго населенія полезныхъ свѣдѣній и согласныхъ съ видами правительства понятій, съ уменьшеніемъ въ тоже время вреднаго въ политическомъ смыслѣ вліянія на горцевъ арабской учености. Составленіе генералъ-маіоромъ Усларомъ общаго для всѣхъ кавказскихъ языковъ алфавита; глубокія грамматическія и филологическія изслѣдованія его надъ болѣе распространенными горскими языками, именно: абхазскимъ, кабардинскимъ, чеченскимъ, аварскимъ, казикумухскимъ и даргинскимъ; составленіе имъ самимъ или подъ непосредственнымъ его руководствомъ букварей и книгъ на этихъ языкахъ; труды генералъ-лейтенанта Бартоломея по изученію языковъ сванетскаго, абхазскаго и чеченскаго и составленіе имъ букварей и

книгъ на этихъ языкахъ; изданія Обществомъ возстановленія христіанства на Кавказѣ разныхъ, преимущественно духовнаго содержанія, книгъ на осетинскомъ языкѣ,—все это подвинуло дѣло введенія письменности и распространенія грамотности на горскихъ языкахъ на столько, что, ежели поддержка этого дѣла со стороны общества и администраціи будетъ продолжаться и впредь, даже хотя только въ такомъ размѣрѣ, какъ это было съ 1861 года до настоящаго времени, то можно отъ этого ожидать самыхъ благотворныхъ результатовъ.

Считаемъ нелишнимъ представить здѣсь перечень тѣхъ изданій на горскихъ языкахъ, которыя напечатаны были въ типографіи Окружнаго Штаба на средства военнаго вѣдомства, и тѣхъ распоряженій этого вѣдомства, которыя клонились къ распространенію грамотности въ средѣ горскаго населенія, на его-же родныхъ языкахъ.

1. *По кабардинскому языку.* На этомъ языкѣ напечатаны слѣдующія книги и брошюры:

а) *Правила мусульманской вѣры*, переведенныя съ арабскаго на кабардинскій языкъ поручикомъ Магометомъ Шардановымъ. Печатано въ 1864 году.

б) *Два отрывка изъ народной поэмы Сосыруко; Хосна* (переводъ изъ сочиненія „La Perse" Loui de Dubeuf) и *Ашикъ-Карибъ* (переводъ сказки Лермонтова). Брошюра, составленная на кабардинскомъ языкѣ прапорщикомъ Кази Атажукинымъ, напечатана въ 1864 году.

в) *Нѣсколько разсказовъ изъ Гюлистана*, соч. Саади, переведенные на кабардинскій языкъ прапорщикомъ Кази Атажукинымъ; напечатаны въ 1864 году.

г) *Букварь кабардинскаго языка*, составленный (по методѣ Золотова) прапорщикомъ Кази Атажукинымъ, напечатанъ въ 1865 году.

д) *О водѣ, воздухѣ и ихъ видоизмѣненіяхъ*; переводъ съ русскаго (изъ „Дѣтскаго міра" Ушинскаго) на кабардинскій языкъ Кази Атажукина, напечатанъ въ 1867 году.

Всѣ эти брошюры распространены въ Кабардѣ.

Съ цѣлью распространенія грамотности на кабардинскомъ языкѣ, въ 1866 году, съ соизволенія Его Императорскаго Высочества Главнокомандующаго Арміею и на средства, назначенныя изъ суммъ военнаго вѣдомства, открыта была въ Нальчикѣ школа для приготов-

зенія сельскихъ учителей кабардинскаго языка. Въ школѣ этой предположено было обучать чтенію и письму на кабардинскомъ языкѣ, а также счисленію и первымъ 4-мъ ариѳметическимъ дѣйствіямъ на томъ-же языкѣ. Число учениковъ въ ней опредѣлено на первый разъ отъ 10 — 20-ти. Курсъ ученія каждой партіи учениковъ долженъ былъ продолжаться отъ 3 — 6-ти мѣсяцевъ. Въ школѣ этой съ начала открытія ея по настоящее время обучено, болѣе или менѣе удовлетворительно, чтенію и письму на кабардинскомъ языкѣ болѣе 20 человѣкъ. Хотя, по первоначальному предположенію, ученики эти должны были быть назначены сельскими учителями, но предположеніе это не приведено временно въ исполненіе, по нѣкоторымъ неблагопріятствовавшимъ этому дѣлу мѣстнымъ обстоятельствамъ.

2. *По чеченскому языку. Букварь чеченскаго языка*, составленный генералъ-маіоромъ Усларомъ, награвированъ былъ въ Военно-Топографическомъ Отдѣлѣ бывшаго Главнаго Штаба Кавказской Арміи, въ началѣ 1863 года. По букварю этому обучаетъ чеченской грамотѣ учениковъ Грозненской горской школы учитель этой школы, мулла *Янгулбай Хасановъ*.

По выходѣ въ свѣтъ букваря и ариѳметики на чеченскомъ языкѣ, составленныхъ въ послѣднее время подъ руководствомъ генералъ-лейтенанта Бартоломея *), распространеніе грамотности на этомъ языкѣ будетъ, безъ сомнѣнія, облегчено. До сего-же времени препятствіемъ этому служило неимѣніе въ печати соотвѣтственныхъ руководствъ.

3. *По аварскому языку*. На этомъ языкѣ напечатаны:

а) *Аварская азбука*, составленная генералъ-маіоромъ Усларомъ. Напечатана въ типографіи бывшаго Главнаго Штаба Кавказской Арміи, въ 1865 году.

б) *Аварскія сказки*. Часть I: аа) *Морской конь*, бб) *Медвѣжье ухо*, вв) *Картъ и Чилбикъ* и гг) *Пѣсня*. Собраны Айдемиромъ Чиркеевскимъ и напечатаны въ типографіи Штаба войскъ Дагестанской области въ 1867 году, подъ непосредственнымъ наблюденіемъ генералъ-маіора Услара.

Къ печатанію второй части аварскихъ сказокъ въ той-же типографіи уже приступлено.

---

*) Букварь этотъ уже отпечатанъ.

Бывшимъ учителемъ аварскаго языка въ Отдѣленіи Восточныхъ языковъ при Новочеркасской гимназіи, *Мухаммедъ-Дебиръ-Хандіевымъ* составлены: а) *грамматика аварскихъ нарѣчій*, б) *христоматія на аварскомъ языкѣ, со словаремъ*, и в) *разговоры на аварскомъ языкѣ*. Сочиненія эти еще не напечатаны.

Генералъ-маіоръ Усларъ свои глубокія грамматическія и филологическія изслѣдованія надъ аварскимъ языкомъ изложилъ въ обширной запискѣ, впослѣдствіи отлитографированной, но мало распространенной, подъ названіемъ: „*Этнографія Кавказа. Маарульскій языкъ.*“

Для распространенія между обществами аварскаго племени грамотности на родномъ ихъ языкѣ, съ соизволенія Его Императорскаго Высочества Главнокомандующаго Арміею и на средства, назначенныя изъ суммъ военнаго вѣдомства, открыта была въ августѣ мѣсяцѣ 1866 г., первоначально въ Хунзахѣ, а вслѣдъ затѣмъ перенесена была въ Теміръ-Ханъ-Шуру, школа для обученія молодыхъ аварцевъ чтенію и письму, по азбукѣ, составленной генералъ-маіоромъ Усларомъ. Учителемъ въ эту школу назначенъ былъ хорошо знакомый съ аварскою грамотностью, природный аварецъ, Айдемиръ Чиркеевскій. По первоначальному предположенію, въ школу эту должно было быть собрано за одинъ разъ около 15-ти молодыхъ людей, преимущественно изъ тѣхъ обществъ, которыя говорятъ чистымъ аварскимъ языкомъ, — въ тѣхъ видахъ, чтобы они, по окончаніи курса ученія, могли распространять грамотность въ своихъ обществахъ. Впослѣдствіи, въ виду того, что первымъ практическимъ результатомъ распространенія аварской грамотности должно быть веденіе офиціальной переписки на аварскомъ языкѣ, вмѣсто арабскаго, — вызываемы были въ эту школу, по очереди, письмоводители наибовъ и окружныхъ судовъ изъ тѣхъ управленій, въ вѣдомствѣ коихъ населеніе говоритъ на аварскомъ языкѣ. Послѣдствіемъ этой мѣры оказалось то, что, съ конца 1866 года, во многихъ наибскихъ управленіяхъ Дагестана переписка съ окружными управленіями, производившаяся до того времени на арабскомъ языкѣ, замѣнена была перепискою на аварскомъ языкѣ, и что съ тѣхъ поръ число грамотныхъ туземцевъ постоянно увеличивается. Въ настоящее время такихъ можно насчитать болѣе 100, въ томъ числѣ есть чины конно-иррегулярнаго Дагестанскаго полка и Дагестанской постоянной милиціи, есть люди не занимающіе никакихъ служебныхъ постовъ, есть и муллы пожилыхъ лѣтъ, есть мо-

лодые люди и несовершеннолѣтніе. Такой благопріятный результатъ слѣдуетъ приписать, между прочимъ, врожденной наклонности аварцевъ къ ученію и замѣчательнымъ способностямъ этого племени.

4) *По казикумухскому языку*. На этомъ языкѣ напечатаны:

а) *Казикумухская азбука*, составленная генералъ-маіоромъ Усларомъ. Напечатана въ 1865 году.

б) *Вода, воздухъ и ихъ видоизмѣненія* (изъ „Дѣтскаго Міра" Ушинскаго), переведено на казикумухскій языкъ Абдуллою-Омаръ-оглы. Напечатано въ 1866 году.

6. *Ариѳметика на казикумухскомъ языкѣ*, составленная Абдуллою-Омаръ-оглы, напечатана въ 1867 году.

Для распространенія грамотности на этомъ языкѣ и съ цѣлью приготовленія сельскихъ учителей для обученія этой грамотѣ, въ 1866 году, съ соизволенія Его Императорскаго Высочества Главнокомандующаго Арміею, на средства, назначенныя изъ суммъ военнаго вѣдомства, открыта была школа въ Кумухѣ. Учителемъ этой школы былъ природный казикумухецъ Абдулла-Омаръ-оглы, основательно ознакомившійся съ письменностью на родномъ языкѣ. Подъ его руководствомъ обучено, болѣе или менѣе удовлетворительно, грамотѣ на казикумухскомъ языкѣ болѣе 30-ти человѣкъ. Въ числѣ учениковъ была одна женщина. Школа эта существовала только нѣсколько мѣсяцевъ. Послѣ закрытія ея, обученіемъ казикумухской грамотѣ нѣсколькихъ туземцевъ занимался письмоводитель казикумухскаго окружнаго суда.

Генералъ-маіоръ Усларъ свои обширныя грамматическія и филологическія изслѣдованія надъ языкомъ казикумухскимъ изложилъ въ пространной запискѣ, впослѣдствіи налитографированной, но мало распространенной, подъ названіемъ: „*Этнографія Кавказа: языкъ Лакскій*."

Вышеупомянутыя школы для обученія кабардинскому, аварскому и казикумухскому языкамъ существовали только временно, съ цѣлью приготовить нѣсколько десятковъ такихъ учителей, которые затѣмъ въ свою очередь могли-бы въ мѣстахъ своего постояннаго жительства обучать грамотѣ своихъ односельцевъ. Для поощренія ихъ къ обученію другихъ, Его Императорскимъ Высочествомъ назначено было каждому учителю, занимающемуся обученіемъ другихъ грамотѣ, денежное вознагражденіе, именно по 5-ти рублей за каждаго обученнаго мальчика или взрослаго. Послѣдствіемъ такого поощренія было то, что

нѣкоторые изъ бывшихъ учениковъ нальчинской, шуринской и кумухской школъ, по окончаніи курса ученія, занялись обученіемъ другихъ.

Въ прошломъ году генералъ-маіоръ Усларъ окончилъ свои грамматическія и филологическія изслѣдованія надъ языкомъ Даргинскимъ и приступилъ къ таковымъ-же изслѣдованіямъ надъ языкомъ Кюринскимъ (Лезгинскимъ). По окончаніи этого послѣдняго труда, всѣ главные горскіе языки будутъ разработаны и представится возможность на всѣхъ этихъ языкахъ издавать буквари и книги для чтенія, съ цѣлью распространенія между горцами полезныхъ для нихъ свѣдѣній.

Примѣчанія и поправки.

1. *Къ статьѣ: „Адаты и судопроизводство по нимъ:“*

а) Переводъ „Постановленій Кайтахскаго Уцмія Рустемъ-Хана“ сдѣланъ не съ арабскаго (стр. 80), а съ кайтахскаго языка, и все, что говорится въ этихъ „постановленіяхъ“ о правахъ *бека*, должно относиться къ *уцмію*.

б) Въ „сравнительной вѣдомости о числѣ убійствъ и пораненій (стр. 41), выставленные въ выноскахъ годы означаютъ время учрежденія окружныхъ управленій. Въ ту же вѣдомость, въ 1-ой вертикальной графѣ, вкралась опечатка: вмѣсто *число жителей* напечатано *число убійствъ*.

в) Вѣдомость о числѣ убійствъ и пораненій *за 1867 годъ* (стр. 72) составлена тогда, когда статья поступила уже въ печать, и цифры, въ ней заключающіяся, не были приняты во вниманіе при составленіи выводовъ, вошедшихъ въ статью.

г) Авторъ статьи, А. В. Комаровъ, держится въ нижеслѣдующихъ словахъ отличающагося отъ принятаго въ официіальной перепискѣ правописанія: *Тленсерухъ* (Тлейсерухъ), *калынъ* (калымъ), *Сиргинское* (Сюргинское) общество, *Кайтахъ* (Кайтагъ) и пр.

д) Въ статьѣ замѣчены слѣдующія опечатки:

Страницы:	*строки:*	*напечатано:*	*должно быть:*
2	9	1868 года.	1867 года.
6	19	*и* возможность.	*а* возможность.
15	5	Дагестанскомъ.	Даргинскомъ.
19	25	Сура-Ката.	Сураката.
30	21	Кулла.	Кула.
33	32	Гимры.	Гимры.
54	2	игрушкахъ.	подушкахъ.
73	10	сопры.	сопри.

2. *Къ статьѣ: „Этнографическіе очерки Аргунскаго округа.“*

Стр. 21, вмѣсто джинымъ слѣдуетъ читать джинышъ.

Приложенный къ статьѣ рисунокъ древняго кубка полученъ въ редакціи по отпечатаніи статьи: слѣдуетъ замѣтить, что кубокъ этотъ найденъ въ томъ-же мѣстѣ, гдѣ отысканы изображенные на другомъ рисункѣ идолы и, вмѣстѣ съ ними, долженъ—по мнѣнію автора статьи—относиться къ одной и той-же эпохѣ.

3. *Горская лѣтопись.*

Стр. 8, 12-ая строка, напечатано: Салатовское, вм. Салатавское.

Стр. 48, 2-ая строка сверху, напечатано: въ Кайтаго-Табасаранскомъ округѣ, вм. въ Кайтагѣ и Табасараняхъ.

Стр. 69, 29-ая строка, напеч. сказик, вм. сказки.

Стр. 72, 1-ая строка, напеч. Нальчинской, вм. Нальчикской.

Одна изъ статей, напечатанныхъ для этой книги „Сборника“, отложена, вслѣдствіе чего въ пагинаціи оказался пропускъ 12 страницъ.

ОТЪ РЕДАКЦІИ.

„Сборникъ свѣдѣній о кавказскихъ горцахъ“ издается по слѣдующей программѣ:

I. Научныя изслѣдованія, касающіяся кавказскихъ горцевъ.

II. Народныя сказанія кавказскихъ горцевъ.

III. Путешествія, мемуары и разсказы, характеризующіе бытъ горцевъ.

IV. Горская лѣтопись (важнѣйшія распоряженія по горской администраціи; современныя статистическія свѣдѣнія о горцахъ; библіографія сочиненій, касающихся горскаго быта; разнаго рода текущіе вопросы и замѣтки, разъясняющія настоящее положеніе горцевъ; извлеченія изъ дѣлъ Кавказскаго Горскаго Управленія и пр.).

„Сборникъ свѣдѣній о кавказскихъ горцахъ“ выходитъ въ свѣтъ выпусками, отъ 25 до 30 печатныхъ листовъ каждый, въ неопредѣленные сроки, по мѣрѣ накопленія научно-литературнаго матеріала, удовлетворяющаго программѣ изданія.

За статьи, признанныя удобными къ помѣщенію въ „Сборникѣ,“ назначается гонорарій, по уговору съ авторомъ, полагая за капитальныя статьи по 50 и болѣе руб. отъ печатнаго листа.

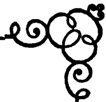
Статьи, предназначаемыя для „Сборника,“ равно и всѣ сношенія по редакторской части изданія, просятъ адресовать въ Тифлисъ, въ Кавказское Горское Управленіе.

Цѣна перваго выпуска „Сборника свѣдѣній о кавказскихъ горцахъ“:

съ картою	2 руб.	50 коп.	без пересылки.
безъ карты.	2 —	—	
Цѣна одной карты.	—	50 коп.	

СБОРНИКЪ
СВѢДѢНІЙ О КАВКАЗСКИХЪ ГОРЦАХЪ.
ИЗДАНІЕ
Кавказскаго Горскаго Управленія.
Выпускъ II.
ЧЕЧЕНЦЫ.
ТИФЛИСЪ. 1869.
ЧЕЧЕНКИ.

СБОРНИКЪ

СВѢДѢНІЙ О КАВКАЗСКИХЪ ГОРЦАХЪ

ИЗДАВАЕМЫЙ

съ соизволенія

ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЫСОЧЕСТВА

Главнокомандующаго Кавказскою Арміею

ПРИ

КАВКАЗСКОМЪ ГОРСКОМЪ УПРАВЛЕНІИ.

ВЫПУСКЪ II.

ТИФЛИСЪ.

—

1869.

Въ Типографіи Главнаго Управленія Намѣстника Кавказскаго.

Содержаніе.

НАЧАЛО ХРИСТІАНСТВА ВЪ ЗАКАВКАЗЬѢ И НА КАВКАЗѢ.

Около эпохи Рождества Христова, между Сиріей и Закавказьемъ, не смотря на отдаленность, существовала тѣсная связь моральная и политическая. И въ наше время случается закавказскимъ христіанамъ ѣздить на богомолье въ Іерусалимъ, но таковыя отношенія къ Іерусалиму существуютъ для цѣлаго христіанскаго міра. Мы говоримъ объ особыхъ нитяхъ, нѣкогда связывавшихъ Сирію съ Закавказьемъ, нитяхъ, которыя теперь уже порваны; но исторія обязана воскресить о нихъ воспоминаніе, чтобы сдѣлать яснымъ многое, что безъ того кажется сомнительнымъ или невѣроятнымъ въ преданіяхъ о первоначальномъ распространеніи христіанства въ Закавказьѣ и на Кавказѣ.

Извѣстно, что нынѣшнему разселенію евреевъ по *лицу всея земли* предшествовало нѣсколько насильственныхъ выселеній изъ предѣловъ Палестины цѣлаго народа, или большей части его, азіатскими завоевателями. Таковыя выселенія, или, говоря языкомъ св. Писанія, *плѣненія* происходили неоднократно. За 735 лѣтъ до Р. Х., царь ассирійскій Тиглатъ Пилесеръ, или, какъ называетъ его библія, Ѳелгаѳфелассаръ увелъ въ плѣнъ Рувима и Гада и полколена Манассіина. Лѣтъ пятнадцать спустя, царь Салманасаръ взялъ Самарію и увлекъ жителей къ сторонѣ Ассиріи, т. е. на востокъ отъ Палестины. За 600 лѣтъ до Р. Х. воспослѣдовало Вавилонское плѣненіе царемъ Навуходоносоромъ. Послѣ завоеванія Вавилоно-Ассирійскаго царства, Киръ, въ 536-мъ году, дозволилъ еврейскимъ плѣнникамъ, разсѣяннымъ по предѣламъ необъятной Пер-

сидской монархіи, возвратиться въ страну отцовъ своихъ и возобновить разрушенный храмъ Соломоновъ. Вслѣдствіе дозволенія царскаго, еще при жизни Кира, Зоровавель собралъ до 50000 евреевъ и привелъ ихъ на родину. Лѣтъ 80 спустя (458 г. до Р. Х.), въ царствованіе преемника Ксерксова, Артаксеркса Долгорукаго, Ездра привелъ съ собою въ Палестину второй великій караванъ возвратныхъ переселенцевъ. Библія не упоминаетъ о дальнѣйшихъ возвращеніяхъ евреевъ въ Палестину, и нѣтъ повода полагагь, чтобы таковыя возвращенія повторялись, по крайней мѣрѣ не повторялись они въ большихъ размѣрахъ.

Это позволяетъ думать, что часть еврейскаго народа вовсе не возвращалась изъ плѣненія, а возвратилась лишь та часть, которая и во время плѣненія поселена было недалеко отъ Палестины. Втеченіи двухъ или трехъ вѣковъ, уведенные въ плѣнъ евреи успѣли сродниться съ новымъ отечествомъ. Конечно, гененія за вѣру отцовъ могли-бы возбудить въ нихъ желаніе, во что-бы то ни стало, возвратиться въ Палестину, но династія Ахеменидовъ (отъ Кира до Дарія Кодомана) одушевлена была полною вѣротерпимостію; притомъ, Палестина была тоже персидская провинція.

Дальнѣйшая судьба еврейскаго народа въ Палестинѣ до возобновившагося разсѣянія его *по лицу всея земли* извѣстна изъ библіи, но библія исключительно занимается избраннымъ народомъ Божіимъ, возстановившимъ храмъ Іерусалимскій, народомъ неумолимо отвергавшимъ всякую чужеземную примѣсь. Такъ, съ презрѣніемъ отвергнуты были соплеменные и сосѣдніе самаритяне, хотя вѣровавшіе въ Іегову, но смутившіе чистоту крови Авраамовой браками съ иноземками. При таковомъ направленіи, весьма понятно равнодушіе палестинскихъ евреевъ къ судьбѣ соотчичей, оставшихся на чужбинѣ, и молчаніе, которое хранитъ о нихъ библія.

Въ 70-мъ году послѣ Р. Х. воспослѣдовало взятіе Іерусалима императоромъ Титомъ и возобновилось разсѣяніе народа еврейскаго. Вмѣстѣ съ тѣмъ, началось постепенное измѣненіе прежнихъ понятій. Возникло мнѣніе, что съ Зоровавелемъ и Ездрой возвратилась въ Палестину небольшая и наименѣе достойная часть народа еврейскаго, что десять колѣнъ израилевыхъ остались далеко

на востокѣ, въ невѣдомыхъ странахъ, что Ездра невѣрно возстановилъ ветхій завѣтъ и что законъ Моисеевъ, въ безукоризненной чистотѣ, сохранился между этими евреями, невѣдомо гдѣ живущими. Это мнѣніе о существованіи гдѣ-то десяти колѣнъ израильскихъ принято было и христіанами. Въ V-мъ вѣкѣ по Р. Х. писалъ уже о нихъ св. Іеронимъ. И христіане и евреи питали къ нимъ теплое сочувствіе, хотя и проистекавшее изъ разнородныхъ побужденій. Христіане видѣли въ нихъ представителей ветхо-завѣтнаго закона, надъ которыми не тяготѣетъ вѣчнымъ проклятіемъ кровь Спасителя и которые радостно примутъ вѣсть о пришедшемъ Мессіи. Начиная отъ испанскаго раввина Веніамина Тудельскаго, отыскивавшаго по Азіи въ 1173 году заблудшія колѣна израильскія, и до англійскаго миссіонера Вольфа, путешествовавшаго съ тою-же цѣлію около 1830 года, много было писано объ этомъ предметѣ и много представлено выводовъ самыхъ невѣроятныхъ. Открыто было, что афганцы приписываютъ себѣ еврейское происхожденіе; десяти колѣнамъ пріискано потомство на Малабарскомъ берегу, въ Кашемирѣ, въ Туркестанѣ, въ Китаѣ, даже въ сѣверной Америкѣ!

Всѣ таковые выводы тѣмъ менѣе заслуживаютъ довѣрія, что втеченіи вѣковъ плѣнные евреи могли совершенно утратить языкъ свой, какъ позже утратили его единоплеменники ихъ въ Европѣ; они могли даже оставить вѣру предковъ и сдѣлаться христіанами или мусульманами, такъ-какъ обѣ религіи не противорѣчатъ монотеизму. Исламизмъ выставляетъ себя также въ видѣ дополненія и завершенія библейской истины. Но, при таковыхъ коренныхъ измѣненіяхъ, весьма труднымъ сдѣлалось подмѣтить между туземцами потомковъ евреевъ, увлеченныхъ въ плѣнъ вѣковъ за 25 тому назадъ. Мѣстныя преданія, относясь къ столь отдаленной эпохѣ, весьма сомнительны. Евреи имѣютъ отличительный типъ физіономіи, сохраняющійся черезъ длинный рядъ поколѣній, но собственно нельзя даже опредѣлить, въ чемъ заключаются характеристическія черты этого типа. Впечатлѣніе безсознательное не можетъ быть принимаемо за историческое доказательство, при отсутствіи другихъ. Между еврейскими общинами, разсѣянными по

востоку, иныя разсказываютъ, что онѣ непричастны смерти Іисуса Христа, такъ какъ предки ихъ въ то время не находились въ Іерусалимѣ. Быть можетъ, разсказы эти проистекаютъ изъ желанія умилостивить мѣстныхъ христіанъ и мусульманъ, вообще, по невѣжеству своему, глубоко ненавидящихъ жидовъ. Во всякомъ случаѣ, справедливость этихъ разсказовъ ничѣмъ не можетъ быть доказана. Гораздо замѣчательнѣе, что въ восточной Азіи встрѣчаются двѣ, рѣзко отличныя одна отъ другой, расы евреевъ: это суть *бѣлые* и *черные* евреи. Таковое различіе заставляетъ предполагать два разновременныя разселенія, и, по мнѣнію Буханана, *черные* принадлежатъ къ древнѣйшему, случившемуся за много вѣковъ до Р. Х.

Если смотрѣть на этотъ вопросъ съ строго-критической точки зрѣнія, то, конечно, прежде всего, должно обратить вниманіе на разборъ названій странъ, въ которыя, по свидѣтельству библіи, уведены были царями ассирійскими и вавилонскими плѣнные израильтяне. Таковыя географическія названія поименованы въ библіи не разъ (Паралипоменонъ, кн. перв. V, 23, 26, Царствъ, кн. четв. XVII, 6, Авдія, 20). Мы приведемъ здѣсь мнѣнія изслѣдователей библейской и вообще древней географіи, какъ-то: Розенмюллера, Крюке, Реннеля, Евальда и другихъ, занимавшихся вопросомъ, куда уведены были плѣнные израильтяне.

Рѣка *Гозанъ* есть нынѣшній Кизиль-Озенъ, т. е. рѣка Озенъ, впадающая въ южный берегъ Каспійскаго моря подлѣ Решта. Развалины города *Раги Мидійскія*, гдѣ жилъ Товитовъ должникъ Гавиилъ, находятся недалеко отъ Тегерана. *Гала* (Алан въ славянскомъ переводѣ библіи), страна Геловъ, нынѣшній Гилянъ, также на южномъ берегу Каспійскаго моря. Въ названіи *Габоръ* (Аворъ, Іоворъ) усматривается Иберія, хотя это сближеніе сомнительно. Еврейская форма названія самихъ евреевъ есть *Еберъ*, весьма близко подходящая къ Иберъ, какъ въ древности называемы были грузины, хотя имъ самимъ названіе это неизвѣстно, развѣ только въ видѣ Имеръ. *Арранъ* есть древнее названіе Карабаха, нынѣшняго Шушинскаго уѣзда. Горы *Гармонъ* (Аермонски) суть горы Армянскія. Подъ этимъ или весьма-близко

подходящимъ къ нему именемъ, Арменія была извѣстна на востокѣ въ самыя отдаленныя времена, какъ то доказывается разборомъ персеполисскихъ гвоздеобразныхъ надписей. Названіе страны Араратской въ библіи имѣло неопредѣленное и обширное значеніе *страны возвышенной: upland*, въ противоположность *lowland*, *страны низменной*, какова есть Месопотамія. *Предѣлы мидскіе* простирались до самой подошвы Кавказскихъ горъ, какъ то доказывается древнѣйшимъ сказаніемъ о Кавказѣ, сохранившимся для насъ въ отрывкахъ изъ Гекатея Милетскаго. Пророкъ Авдій пишетъ, что сыны израилевы разселены были до Сапарада (Сарепта, ошибочно въ славянскомъ переводѣ). Это названіе Сапарадъ, или, такъ-какъ евреи писали безъ гласныхъ, *спрд*, встрѣчается въ гвоздеобразныхъ надписяхъ и, согласно толкованію Лассена, Вивьенъ-де-С. Мартеня и другихъ, означаетъ Сперъ, страну, лежащую по теченію Чороха. Названіе это сохранилось до нашего времени въ названіи турецкаго санджака Испиръ. Къ сему присовокупимъ сказаніе историка Абидена, переданное намъ Евсевіемъ, что царь Навуходоносоръ поселилъ плѣнниковъ *подлѣ правой стороны Понта Евксинскаго*. Если смотрѣть на Понтъ Евксинскій съ юга, то правымъ берегомъ будетъ кавказскій.

Мы согласны въ томъ, что нѣкоторыя толкованія могутъ подавать поводъ къ сомнѣніямъ, но тѣмъ не менѣе думаемъ, что нельзя не вывести общаго заключенія, что *значительная часть еврейскихъ плѣнниковъ была поселена въ Закавказьѣ, начиная отъ юго-западнаго берега Каспійскаго моря до юго-восточнаго берега Чернаго*.

Армянскіе и грузинскіе историки, какъ и всѣ вообще, начинаютъ исторію свою съ сотворенія міра или съ разселенія сыновей Ноевыхъ. Ихъ сказанія объ отдаленныхъ временахъ чужды всякой критики и преисполнены грубыхъ анахронизмовъ; посему, они могутъ имѣть важность только тогда, когда подтверждаютъ или поясняютъ сказанія библейскія и классическія, или историческіе выводы сравнительной филологіи. Нельзя не обратить вниманія на разсказы армянскихъ и грузинскихъ историковъ о присутствіи многочисленнаго еврейскаго народонаселенія въ Закавказьѣ до временъ

Р. Х. Къ эпохѣ Навуходоносора относятъ они прибытіе въ Сперъ (Сапарадъ) знаменитаго еврейскаго плѣнника, прямаго потомка царя Давида, Шамбада, родоначальника фамиліи Багратіоновъ, которой суждено было играть первенствующую роль въ исторіи Закавказья. Разсказываютъ также, что Тигранъ II, современникъ Лукулла, неоднократно выводилъ изъ Палестины евреевъ большими толпами и селилъ ихъ въ Арменіи. Нельзя разрѣшить, въ какой степени справедливо таковое переселеніе Тиграномъ евреевъ въ Арменію незадолго до Р. Х.; ограничимся выводомъ, что въ это время уже весьма значительное число евреевъ находилось въ Закавказьѣ. Фавстъ Византійскій, писатель IV вѣка по Р. Х., разсказываетъ, что въ армянскомъ городѣ 'Зарехаванѣ (Zaruana у Птоломея) считалось 5000 армянскихъ и 8000 еврейскихъ семействъ; въ городѣ Еруандашатѣ 30000 еврейскихъ дымовъ, въ Нахчаванѣ 16000 и т. д. Конечно, эти числа относятся къ IV-му вѣку по Р. Х., но таковая многочисленность евреевъ въ Арменіи свидѣтельствуетъ, что они поселились тамъ издавна. Сомнительно, чтобы они вышли изъ Іерусалима послѣ раззоренія его Титомъ. Въ первые вѣка по Р. Х. Закавказье сдѣлалось театромъ ожесточенныхъ религіозныхъ войнъ, и менѣе, чѣмъ какой-либо другой край, могло оно представить убѣжище евреямъ. Если и въ эту эпоху они переселялись туда, то развѣ только потому, что разсчитывали на покровительство одноплеменниковъ, издавна уже тамъ поселившихся.

Древній притокъ еврейскаго народонаселенія въ Закавказье и въ особенности въ Арменію, между прочимъ, доказывается множествомъ библейскихъ преданій, которыя привились къ этому краю. Такъ напр., мы знаемъ, что въ Закавказьѣ существовали искони туземныя преданія о потопѣ, значительно отличествовавшія отъ библейскихъ, но, между тѣмъ, мѣстныя легенды окрестностей горы Масиса (Арарата) строго принаровлены къ библейскимъ сказаніямъ. Это принаровленіе воспослѣдовало еще до распространенія христіанства, что доказывается глубокою древностію мѣстныхъ названій, очевидно составленныхъ согласно библейскимъ преданіямъ о потопѣ. Можно-бы подумать, что библія дошла до Арменіи вмѣстѣ съ

евангеліемъ, какъ то было почти для всѣхъ странъ, обратившихся въ христіанство, но между тѣмъ, какъ видно, библейскія преданія въ Арменіи предшествовали евангельскому ученію. Замѣтимъ, притомъ, что таковыя преданія не были обще-распространены между армянами. Такъ, даже Моисей Хоренскій, подробно писавшій о потопѣ, ни слова не говоритъ о томъ, что ковчегъ остановился на горѣ Масисѣ, которая, само-собою разумѣется, была ему весьма хорошо извѣстна. Очевидно, что эти преданія занесены были евреями, поселившимися въ Арменіи еще до Р. Х., и что первоначально были они въ ходу исключительно между ними. Часто случается, что переселенцы прививаютъ къ почвѣ новаго отечества вынесенныя ими изъ прежняго преданія, особенно-же тѣ, которыхъ географія мало извѣстна. Такъ напр., разсказъ о многострадальномъ Іовѣ, хотя и включенъ въ библію, но совершенно чуждъ библейской исторіи и библейской географіи. У армянъ есть повѣріе, будто-бы Іовъ жилъ въ Арменіи, и это древнее повѣріе, по видимому, также распространено было еврейскими поселенцами.

Присутствіе еврейскаго элемента на Кавказскомъ перешейкѣ ознаменовалось, между прочимъ, явленіемъ, которому не находимъ подобнаго въ цѣлой исторіи. Правда, что оно случилось много вѣковъ уже послѣ Р. Х. Съ сѣверной стороны прилегало къ Кавказу сильное царство Хазарское. Хазары, согласно всѣмъ изслѣдованіямъ, были въ главной массѣ своей народъ финскаго происхожденія, слѣдовательно, совершенно чуждый евреямъ, но, не смотря на то, царь хазарскій и большая часть его подданныхъ приняли законъ іудейскій. Это тѣмъ болѣе замѣчательно, что духъ прозелитизма во всѣ времена былъ чуждъ евреямъ. Они считали себя избраннымъ народомъ Божіимъ, не только, какъ вѣрующіе въ истиннаго Бога, но и какъ сыны Авраамовы. Невѣріемъ могли они утратить это высокое преимущество, но чужеземцы вѣрою не пріобрѣтали его. Обращеніе хазаровъ въ іудейство свидѣтельствуетъ о томъ, какъ нѣкогда элементъ этотъ, *даже пассивно*, могучъ былъ въ странахъ, гдѣ теперь едва замѣтно его присутствіе.

Не въ видѣ доказательства, но въ видѣ второстепеннаго подтвержденія, мы припомнимъ впечатлѣніе, которое производятъ на

каждаго путешественника физіономіи множества кавказскихъ туземцевъ. Едва-ли кто не отмѣтилъ таковаго перваго впечатлѣнія въ своихъ запискахъ. Оно ослабѣваетъ или даже совершенно изглаживается вслѣдствіе долговременнаго пребыванія на Кавказѣ, но о характерѣ физіономіи должно судить не иначе, какъ по первому впечатлѣнію, пока не уступитъ оно еще мѣста разумному ознакомленію. Должна быть какая-либо причина этой примѣтѣ, ни отъ кого не ускользающей. Мы знаемъ, на основаніи лингвистическихъ изслѣдованій, что армяне и осетины принадлежатъ къ индо-европейскому племени, другія кавказскія племена неизвѣстнаго происхожденія, — но нѣтъ на Кавказѣ народа симитскаго семейства, представителями котораго въ Европѣ,—исторически, но не лингвистически,—служатъ евреи.

Въ настоящее время евреи живутъ небольшими общинами въ разныхъ мѣстахъ Кавказскаго перешейка, даже въ самой глуби горъ; наибольшее число ихъ находится въ Имеретіи и въ Дагестанѣ. Между дагестанскими евреями существуетъ преданіе, будто предки ихъ покинули Палестину еще до Р. Х. Во всякомъ случаѣ, настоящее число кавказскихъ евреевъ далеко не соотвѣтствуетъ тому, которое, по-видимому, обитало въ этихъ странахъ въ эпоху Рождества Христова. Таковое уменьшеніе нельзя объяснить ничѣмъ инымъ, какъ сліяніемъ еврейскаго народонаселенія съ туземнымъ. Теперь въ Дагестанѣ не только отдѣльнымъ ауламъ, но даже цѣлымъ народамъ, преданіе приписываетъ еврейское происхожденіе, какъ напр. андійцамъ и табасаранцамъ. Лингвистическія изслѣдованія опровергаютъ эти преданія. Мы готовы вѣрить, что между нынѣшними андійцами и табасаранцами много есть евреевъ, утратившихъ вѣру и языкъ праотцевъ своихъ, но, во всякомъ случаѣ, андійскій и табасаранскій языки суть самостоятельные въ семействѣ кавказскихъ языковъ и, конечно, созданы не евреями. Эти языки вовсе не то, что нѣмецкій жаргонъ Саксенгаузена (предмѣстья Франкфурта), усвоенный почти всѣми евреями Средней и Восточной Европы. Изъ исторіи Моисея Хоренскаго видно, что Шапухъ (Сапоръ) II, царь персидскій, переселилъ значительное число евреевъ изъ Арменіи во-внутрь Персіи, но, вмѣстѣ

съ тѣмъ, Хоренскій разсказываетъ, что евреи, жившіе въ Арташатѣ и Вахаршапатѣ (т. е. въ нынѣшней Эриванской губерніи), приняли еще прежде христіанскую вѣру. Отказавшись отъ вѣры отцовъ своихъ, евреи утрачиваютъ національность, о которой лишь свидѣтельствуетъ типъ физіономіи впродолженія длиннаго ряда поколѣній; языкъ свой обыкновенно забываютъ они очень скоро. Въ настоящее время, не только на Кавказѣ, но даже и на цѣломъ земномъ шарѣ, нѣтъ болѣе евреевъ, которыхъ-бы обыденный языкъ былъ еврейскій. Сколько мы можемъ судить изъ разсказовъ армянскихъ и грузинскихъ историковъ, кавказскіе евреи не подвергались гоненіямъ за вѣру. Цари династіи Аршакидовъ старались склонить къ поклоненію идоламъ фамилію Багратидовъ, которая занимала первенствующее мѣсто въ армянской феодальной аристократіи. За упорство, нѣкоторые члены фамиліи этой подверглись гоненіямъ и даже истязаніямъ. Багратиды вступили съ царями въ сдѣлку: они согласились вкушать, вмѣстѣ съ другими нахорарами (владѣтельными князьями), свиное мясо жертвъ при торжественныхъ случаяхъ, но сами не приносили жертвъ и не преклонялись передъ идолами. Отсюда видно, что гоненія, которымъ иногда подвергалась фамилія Багратидовъ, навлекаемы были на нее высокимъ общественнымъ положеніемъ ея, и можно заключить, что остальной массѣ еврейскаго народонаселенія была предоставлена свобода вѣроисповѣданія, которое сохранилось во всей чистотѣ до самаго времени Рождества Христова. Посему, не подлежитъ сомнѣнію, что кавказскіе евреи поддерживали тѣсныя сношенія съ Палестиной, такъ-какъ Іерусалимъ и въ-особенности храмъ Соломоновъ не могли утратить для нихъ своей святости. Непрерывности этихъ сношеній особенно способствовало тогдашнее политическое положеніе Западной Азіи.

Александръ Македонскій, во время похода своего въ Персію, не коснулся ни Арменіи, ни сопредѣльныхъ странъ, прилегающихъ къ юго-восточному углу Чернаго моря. Арменія покорилась македонскому завоевателю, какъ часть покоренной имъ Персидской монархіи; сосѣднія съ нею страны остались независимыми. Послѣ смерти Александра, полководцы его, прежде всего, обратили ору-

жіе въ эту сторону и дѣйствовали успѣшно. Позже возникла великая Сирійская монархія, и въ эпоху полнаго могущества ея, вліяніе Селевкидовъ распространилось даже на сѣверную сторону Кавказа. Но, вслѣдъ за тѣмъ, начался періодъ распаденія сирійской централизаціи, возбудившій во всѣхъ частяхъ кипучую политическую дѣятельность: рядъ войнъ, оборонительныхъ союзовъ, фамильныхъ договоровъ. Народы, жившіе отъ береговъ Каспійскаго моря до береговъ Средиземнаго, другъ другу чуждые и неизвѣстные, въ наше время вновь раззнакомившіеся, вошли въ тѣснѣйшее соприкосновеніе. Римляне поддерживали духъ сопротивленія сирійскому владычеству, но съ ослабленіемъ послѣдняго сами они явились опаснѣйшими врагами независимости азіатскихъ народовъ. Тогда средоточіе сопротивленія отодвинулось далѣе къ востоку, основавъ свою опору на Кавказскомъ перешейкѣ. Митридатъ Понтійскій, Тигранъ Армянскій, Аршакъ Парѳянскій, водили полчища свои въ Сирію, Анатолію, даже на материкъ Греціи. Это была эпоха весьма тревожная, но извѣстно, что таковыя эпохи особенно способствуютъ сближенію народовъ, не дозволяя имъ заглохнуть въ неподвижныхъ, отдѣльныхъ, безплодныхъ для общечеловѣческаго развитія, національностяхъ. Нельзя сомнѣваться въ томъ, что тогдашнее политическое броженіе Западной Азіи не дозволяло и кавказскимъ евреямъ забыть о своихъ палестинскихъ соплеменникахъ, что все происходившее въ Іерусалимѣ находило отголосокъ и сочувствіе въ Вахаршапатѣ, Арташатѣ, Нахчаванѣ, Мцхетѣ.

На сценѣ древней всемірной исторіи евреи постоянно оставались почти незамѣченными. Геродотъ, писавшій о множествѣ народовъ, ни слова не говоритъ о іудеяхъ, не смотря на то, что говоритъ о Палестинѣ и лично посѣтилъ страну эту. Послѣ походовъ Александра Македонскаго и впродолженіи римскихъ войнъ въ Азіи, классики узнали о существованіи іудеевъ, но постоянно говорятъ о нихъ вскользь, какъ о народѣ незначительномъ. О іудеяхъ упоминаютъ Манетонъ, Іустинъ, Діодоръ Сицилійскій, Гекатей Абдеритскій и другіе. Александръ Полигисторъ написалъ въ послѣднемъ вѣкѣ до Р. Х. исторію іудеевъ, которая дошла до насъ въ отрывкахъ. Думали, что евреи суть сирійское племя,

изгнанное изъ Египта, какъ зараженное проказою; вслѣдствіе этой болѣзни евреи чуждаются сообщества съ другими народами и питаютъ глубокую ненависть ко всему роду человѣческому. Гоненія, воздвигнутыя на нихъ Антіохомъ Епифаномъ, казались вполнѣ сообразными съ справедливостію. Антіоху VII совѣтовали истребить евреевъ до послѣдняго человѣка или, по крайней мѣрѣ, принудить ихъ измѣнить обычаи свои. Если поставить себя на точку зрѣнія язычниковъ, то, конечно, таковыя чувства ненависти и отвращенія къ евреямъ понятны. Въ цѣломъ древнемъ мірѣ господствовала величайшая вѣротерпимость; чуждыхъ боговъ народы включали въ сонмъ собственныхъ; религіозныхъ войнъ, гоненій, мы нигдѣ не встрѣчаемъ, кромѣ какъ развѣ въ Индіи, но Индія составляла отдѣльный міръ. Напротивъ, библія дышетъ чувствомъ ненависти ко всѣмъ не-евреямъ, чувствомъ омерзѣнія ко всѣмъ богослуженіямъ, кромѣ служенія Іеговѣ. Припомнимъ себѣ истребленія цѣлыхъ народовъ, совершенныя евреями во время завоеванія Палестины, и мы поймемъ неумолимую ненависть, которую питали къ нимъ сосѣди,—ненависть, которой сочувствовали греки и римляне.

Язычники знали, что законодателемъ еврейскимъ былъ нѣкто Моисей, котораго считали за бѣглаго жреца египетскаго. Объ ожиданіи Мессіи не было имъ ничего извѣстно.

Жизнь Спасителя, ученіе его, чудеса, смерть, воскресеніе, прошли незамѣченно для греческо-римскаго міра. Подложность донесеній объ Іисусѣ преторовъ Лентула и Пилата не подлежитъ сомнѣнію. Въ высшей степени сомнительно и предложеніе Тиверія сенату включить Іисуса въ число боговъ. Не ранѣе, какъ въ 45 году по Р. Х., христіанское ученіе достигло Рима; при Неронѣ христіане подверглись уже жесточайшему гоненію. Это было явленіе безпримѣрное въ древнемъ мірѣ; но язычники видѣли въ христіанствѣ одну лишь іудейскую секту. Ненависть, которую питали они къ евреямъ, обрушилась на христіанъ. Какъ бы ни велика была свобода вѣроисповѣданія, но встрѣчаются секты, которыя не могутъ быть терпимы ни въ одномъ благоустроенномъ обществѣ, какъ напр. туги въ Остъ-Индіи, или мормоны въ Сѣверной Америкѣ, или напр. извѣстная у насъ секта, которая въ недавнее

время произвела столько шуму. Съ такой точки зрѣнія и римское правительство смотрѣло на христіанъ. Въ Римѣ случились пожары, и подозрѣнія въ поджогахъ пали на христіанъ; христіанъ обвиняли въ похищеніи дѣтей, которыхъ кровь будто-бы пили они и мясо ѣли на праздникѣ Пасхи; христіанскія *всенощныя бдѣнія* сопровождались, по мнѣнію язычниковъ, явленіями, отъ которыхъ краснѣлъ даже Римъ, современный Мессалинѣ... Христіанство на западѣ, хотя и распространялось съ чрезвычайною быстротою, но долгое время принимаемо было за тайное общество, весьма опасное для политическаго и моральнаго порядка. Христіанъ преслѣдовали даже императоры, отличавшіеся милосердіемъ и справедливостію; преслѣдованіе казалось имъ тяжкою, но необходимою обязанностію.

Въ Закавказьѣ, гдѣ издавна уже поселились въ весьма большомъ числѣ евреи, первоначальное распространеніе христіанства имѣло другой характеръ.

Ожиданіе Мессіи всегда составляло и теперь еще составляетъ краеугольный догматъ вѣры іудейской. Евреи не могли тотчасъ-же не уразумѣть настоящаго значенія христіанства. О томъ, что произошло въ Іерусалимѣ, не заботились ни Римъ, ни Аѳины, но нѣтъ сомнѣнія, что все это возбудило неизобразимое волненіе между кавказскими евреями, которые, какъ мы сказали, въ ту эпоху были въ тѣсной связи съ Палестиной. Въ самой Палестинѣ народъ тысячами слѣдовалъ за Спасителемъ и съ жадностію внималъ проповѣди Его. Возстали на Іисуса одни лишь книжники, Фарисеи и Садукеи. Это были плевела, незадолго до того возросшія на почвѣ палестинской, вслѣдствіе соприкосновенія закона Моисеева съ эллинской философіей и противодѣйствія таковой философіи. Но отъ этихъ плеveловъ охранены были евреи, жившіе на чужбинѣ; мудрствованія софистовъ не смущали радости ихъ о пришедшемъ Мессіи.

Конечно, мы въ *правѣ* не вѣрить разсказу грузинскихъ лѣтописцевъ о томъ, какъ взволнованы были мцхетскіе евреи извѣстіемъ о посѣщеніи Виѳлеема царями-волхвами. Грузинскій лѣтописецъ разсказываетъ и то, какъ нѣкогда дошла до Грузіи свѣжая вѣсть о переходѣ израильтянъ черезъ Черное море. Но нѣтъ

повода сомнѣваться, что, ещё при жизни Спасителя, вѣсть объ ученіи и чудесахъ Его достигла Мцхета, что тогда-же многіе увѣровали, другіе отправились въ Іерусалимъ, чтобы лично удостовѣриться въ слышанномъ. Мы знаемъ, что въ 66-мъ году до Р. Х., слѣдовательно незадолго до разсѣянія народа израильскаго, въ Іерусалимъ на праздникъ опрѣсноковъ собралось болѣе 2,500,000 людей обоего пола. Быть можетъ, число это и преувеличено, но, по всей вѣроятности, весьма большое число богомольцевъ собиралось въ Іерусалимъ ежегодно и при жизни Спасителя. Можно-ли думать, чтобы въ числѣ ихъ не было нѣсколько пришельцевъ съ Кавказа? Суду исторіи, конечно, не подлежатъ разсказы грузинскихъ лѣтописцевъ о чудесахъ и таинственныхъ видѣніяхъ, ознаменовавшихъ появленіе христіанства въ Мцхетѣ; для насъ достаточно заключенія, что вѣсть о Христовомъ ученіи достигла Грузіи въ самый годъ распятія Іисуса Христа и принесена была туда очевидцами. Преданіе о священномъ хитонѣ пріобрѣтаетъ такимъ образомъ историческую достовѣрность.

Весьма вѣроятно, что тѣмъ-же путемъ, т. е. посредствомъ еврейскаго народонаселенія, христіанство появилось впервые и въ Арменіи. Едва-ли, впрочемъ, возможно придать историческую достовѣрность преданію объ эдесскомъ царѣ Авгарѣ, первомъ будто-бы изъ вѣнценосцевъ принявшемъ христіанскую вѣру.

Посреди множества небольшихъ владѣній, возникшихъ на развалинахъ монархіи Селевкидовъ, образовалось и царство Эдесское, управлявшееся династіей Авгаровъ или Абгаровъ. Существованіе этой династіи несомнѣннымъ образомъ доказывается дошедшими до насъ монетами, но происхожденіе ея весьма загадочно. Армяне почитаютъ ее отраслію армянскихъ Аршакидовъ. Въ церковной исторіи говорится о царѣ Авгарѣ Черномъ, современникѣ Іисуса Христа, бывшемъ съ Нимъ въ перепискѣ, получившемъ отъ Него нерукотворенное изображеніе лица Его и котораго впослѣдствіи крестилъ Ѳаддей, одинъ изъ младшихъ апостоловъ. Уже одно то обстоятельство, что мы не встрѣчаемъ никакихъ слѣдовъ этого преданія ранѣе IV вѣка по Р. Х., заставляетъ сильно сомнѣваться въ его справедливости. Евсевій, у котораго впервые находимъ ис

разсказъ о перепискѣ Авгара съ Спасителемъ, ни слова не говоритъ о нерукотворенномъ образѣ. Это умолчаніе почитаютъ умышленнымъ, такъ-какъ Евсевій принадлежалъ къ сектѣ иконоборцевъ; во всякомъ случаѣ, оно бросаетъ тѣнь или на добросовѣстность историка или на достовѣрность преданія. Дальнѣйшая исторія династіи Авгаровъ весьма мало извѣстна, но замѣчательно, что на монетахъ Авгаръ-Баръ-Ману, царствовавшаго между 160 и 170 гг., крестъ замѣняетъ прежніе знаки баалова служенія. Быть можетъ, этотъ Авгаръ принялъ христіанскую вѣру.

Согласно церковнымъ преданіямъ, апостолы Андрей и Симонъ Хананейскій проповѣдывали слово Божіе на кавказскомъ берегу Чернаго моря; Варѳоломей и Ѳаддей—въ Арменіи. Эти преданія не подлежатъ историческому разбору, потому что, конечно, столь-же невозможно доказать, что апостолъ Андрей посѣтилъ Абхазію, какъ и то, что онъ посѣтилъ Кіевъ. Мы можемъ остановиться лишь на томъ убѣжденіи, что уже въ первомъ вѣкѣ христіанской эры много христіанъ находилось въ Грузіи и Арменіи, преимущественно-же между тамошними евреями. Въ 100 году по Р. Х., папа Климентъ сосланъ былъ императоромъ Траяномъ въ Херсонь и оттуда распространялъ христіанское ученіе между иберами (грузинами), какъ о томъ повѣтствуетъ почти современный писатель, св. Ириней. Съ тѣхъ поръ уже въ церковной исторіи упоминается о церквахъ иберскихъ.

Исторически обращеніе Арменіи относится къ 300-му году, когда крещенъ былъ царь Тиридатъ (Дердатъ) II рукою св. Григорія, сына Енака, убійцы Хозроя, отца Тиридатова. Если не принимать въ соображеніе сомнительной исторіи Авгаровъ, то армянскихъ Аршакидовъ должно считать первою изъ царственныхъ династій, принявшею христіанскую вѣру. Лѣтъ 15 спустя, обратилась и Грузія, при царѣ Миріанѣ, первомъ изъ династіи Сассанидовъ. Таковое обращеніе приписывается уроженкѣ іерусалимской, которая у грузинъ называется Нино, у армянъ Нуне, а у греческихъ писателей Нонна, что значитъ по-латыни *монахиня*. По всей вѣроятности, это есть настоящее происхожденіе ея имени. Разсказываютъ, что въ Іерусалимѣ сохранилось преданіе о томъ,

что хитонъ Господень сокрытъ въ Мцхетѣ, и св. Нина возгорѣла желаніемъ увидѣть драгоцѣнную святыню и возвѣстить слово Божіе въ Иберіи.

Не смотря на обращеніе царей грузинскаго и армянскаго, идолопоклонство нескоро исчезло между ихъ подданными. Христіанская ревность новообращенныхъ князей армянскихъ подвигла ихъ къ ожесточенному и кровавому преслѣдованію идолопоклонниковъ, о чемъ подробно разсказываетъ историкъ Зенобій. Въ Грузіи, слишкомъ 200 лѣтъ спустя послѣ обращенія царя Миріана, сохранились еще идолы и жертвенники на горѣ Заденъ, въ виду столицы царской. Мѣстныхъ средствъ къ распространенію христіанства, по-видимому, было недостаточно, и около 550 года, съ благословенія знаменитаго подвижника Симеона Столпника, въ Грузію прибыла цѣлая миссія святыхъ мужей, извѣстныхъ въ грузинской церковной исторіи подъ именемъ 13 сирійскихъ отцовъ. Они почитаются основателями знаменитѣйшихъ монастырей и церквей въ краѣ; они довершили дѣло, начатое мцхетскими евреями и св. Ниною.

Бакинская, Елисаветпольская губерніи и заалазанская Кахетія въ древнія времена извѣстны были подъ названіемъ Албаніи, или, согласно армянскому выговору, Агованіи. Албанія (отъ *албъ, альпы)* значитъ *горная страна*, названіе неправильное, потому-что въ составъ страны входила и низменная долина Куры. Такъ-какъ вообще названіе Албаніи было весьма-неопредѣленное, то нельзя обозначить собственно, гдѣ оканчивалась она къ сѣверу. Все то, что извѣстно было древнимъ изъ нынѣшняго Нагорнаго Дагестана, причислялось также къ Албаніи. Обитатели Дагестана большею частію носили весьма-неопредѣленныя наименованія, какъ-то: маскутовъ (массагетовъ, великихъ скиѳовъ), сарматовъ, гунновъ и т. п., совершенно также, какъ и теперь народы малоизвѣстные нами называются татарами, лезгинами, азіатами и т. п. Такъ какъ Арранъ входилъ также въ составъ Албаніи, то можно заключить, что евреи встрѣчались въ Албаніи съ самыхъ отдаленныхъ временъ; арабы въ X вѣкѣ по Р. Х. встрѣчали ихъ въ Дагестанѣ почти на каждомъ шагу; теперь еще евреевъ весьма

ниого въ Кубинскомъ уѣздѣ. Посему, можно полагать, что и христіанство въ этой странѣ появилось весьма рано. По преданію, первымъ проповѣдникомъ былъ св. Елисей (Егише), ученикъ апостола Ѳаддея. Елисей отправился изъ Іерусалима, заходилъ къ маскутамъ, т. е. въ Нагорный Дагестанъ, проповѣдывалъ въ Чога (въ Дербентѣ или Дербентскомъ округѣ. Теперь еще хайдаки называютъ Дербентъ Чоли или Чули; *л* согласно армянской транскрипціи превращается въ *г*). Елисей воспріялъ вѣнецъ мученическій въ долинѣ Зергуни (въ участкѣ Кабалинскомъ нынѣшняго Нухинскаго уѣзда). Очевидно, что св. Елисей обратилъ въ христіанство нѣсколько отдѣльныхъ семействъ въ разныхъ мѣстахъ; выраженіе Моисея Каганкатваци, что Елисей заходилъ и къ маскутамъ, не доказываетъ, что христіанство распространилось между дагестанскими горцами. Три вѣка спустя, когда крестился царь Тиридатъ, св. Григорій Просвѣтитель крестилъ и агванскаго царя Урнайра. Въ епископы странъ Агваніи и Иверіи рукоположенъ былъ внукъ св. Григорія Просвѣтителя, отрокъ Григорисъ, который утверждалъ обѣ страны въ хожденіи въ христіанской вѣрѣ, строилъ церкви по городамъ и селамъ и рукополагалъ іереевъ. Потомъ, отправился онъ въ страну маскутовъ, т. е. въ Нагорный Дагестанъ, и предсталъ передъ царя Санесана, который слушалъ проповѣдь его съ радостью. Санесанъ названъ у Моисея Каганкатваци единоплеменникомъ Аршакидовъ. Замѣчательно, что у извѣстнаго дагестанскаго историка, муллы Мухаммедъ-Рафи, династія аварскихъ нуцаловъ выводится также отъ Аршакидовъ. Быть можетъ, этотъ Санесанъ былъ одинъ изъ нуцаловъ. Какъ бы то ни было, но, по *внушенію сатаны*, Санесанъ предалъ отрока Григориса смерти. Послѣ смерти Григориса христіанство заглохло въ Нагорномъ Дагестанѣ. Но, тѣмъ не менѣе, мы находимъ у Моисея Каганкатваци непрерывную роспись агованскимъ католикосамъ до самаго 998 года. Мѣстопребываніе ихъ было перенесено въ городъ Варду (въ нынѣшнемъ Елисаветпольскомъ уѣздѣ), вдаль отъ Нагорнаго Дагестана. Когда произошелъ религіозный разрывъ между Грузіей и Арменіей, въ концѣ VI вѣка, то агованское духовенство присоединилось къ армянскому.

Соображая отрывочныя свѣдѣнія о распространеніи христіанства въ нѣдрахъ Кавказскихъ горъ грузинскими, армянскими и агованскими проповѣдниками, нельзя не придти къ убѣжденію, что сѣмя Слова Божія никогда не дозрѣвало тамъ до благословенной жатвы: всходы уничтожаемы были невзгодами. Причины объяснить не трудно. Дагестанъ отдѣленъ отъ Грузіи и отъ плоской части Агованіи весьма трудно проходимыми естественными рубежами; посему, вліяніе грузинскихъ или армянскихъ или агованскихъ царей никогда не могло утвердиться въ горахъ. Иногда горцы, частями, слѣдуя различнымъ побужденіямъ, признавали власть того или другаго государя, но таковая покорность была совершенно мнимая. Горцы безъ труда изъявляли покорность, потому что не считали ея для себя обязательною, или сколько-нибудь стѣснительною для своей независимости. Столь-же легко принимали они и христіанскую вѣру. Чтобы выставить это обстоятельство въ настоящемъ свѣтѣ, мы позволимъ себѣ небольшое отступленіе.

Въ исторіи обыкновенно означается годъ, въ который христіанство принято было цѣлымъ народомъ. Очевидно, что при этомъ подразумѣвается не болѣе, какъ эпоха обращенія правительства въ христіанской вѣрѣ. Обыкновенно, еще ранѣе, много христіанъ числится въ странѣ и, равнымъ образомъ, впродолженіи многихъ вѣковъ позже, не сглаживаются слѣды идолопоклонства. Въ вѣрованіяхъ цѣлаго народа не можетъ произойти крутаго и внезапнаго переворота. Большею частію массы невѣжественныхъ язычниковъ принимаютъ христіанство, оставаясь совершенно чуждыми настоящему его значенію. По ихъ понятіямъ, каждымъ народомъ правятъ особые боги: вопросъ, чьи боги сильнѣе, обыкновенно разрѣшается въ пользу народнаго самолюбія. Принятіе язычниками христіанства заключается въ томъ, что они начинаютъ поклоняться и *богу христіанъ*, и исполняютъ охотно наружные обряды, которые установлены христіанской религіей. Но, вмѣстѣ съ тѣмъ, они вовсе не расположены прерывать вѣковыхъ отношеній своихъ къ прежнимъ богамъ, такъ-какъ опасаются раздражить ихъ пренебреженіемъ и, сверхъ того, привыкли къ религіознымъ обрядамъ, тѣсно связавшимся съ цѣлымъ обиходомъ домашней жиз-

ни. Такъ возникаетъ религія, составленная изъ нелѣпой смѣси христіанскихъ понятій съ языческими, причемъ долгое время послѣднія преобладаютъ надъ первыми.

Въ этомъ состояніи необходима для народа внѣшняя помощь, вмѣшательство правительства, которое-бы заботилось о распространеніи христіанскаго образованія и искореняло языческіе обычаи, само-собою разумѣется, удерживаясь отъ всякаго религіознаго преслѣдованія. Все это требуетъ много времени и труда, несравненно болѣе, чѣмъ сколько нужно, чтобы окрестить языческій народъ. Католическіе миссіонеры подзывали къ себѣ ребенка изъ туземцевъ, чтобы умыть его, и, украдкой бормоча молитвы, совершали надъ нимъ таинство крещенія, но вѣдь это было не болѣе, какъ религіозное кощунство. Теперь прошло уже слишкомъ тысячелѣтіе послѣ того, какъ христіанство распространилось по Европѣ, а народъ все еще не забылъ *домовыхъ*, *водяныхъ*, *лѣшихъ*, которымъ нѣкогда поклонялись древнѣйшіе обитатели Европы. Кто имѣлъ случай изучить религіозныя понятія различныхъ финскихъ племенъ, обитающихъ въ Россіи, тотъ въ состояніи прослѣдить различныя ступени развитія христіанства между ними, и тотъ, конечно, оцѣнилъ по достоинству выраженіе, что въ такомъ-то году такой-то народъ озарился свѣтомъ христіанскаго ученія. Этотъ свѣтъ является не въ видѣ молніи, или, если въ видѣ молніи, то глубокій мракъ слѣдуетъ за мгновеннымъ блескомъ. Много ступеней между св. Августиномъ, сдѣлавшимся христіаниномъ, потому что исчерпалъ онъ, не найдя отрады, всю эллинскую философію, и между мцхетскимъ евреемъ, ожидавшимъ Мессію и дождавшимся Его, и между дикимъ остякомъ, охотно крестившимся по непониманію святости крещенія, и, не смотря на крещеніе, шаманствующимъ, молящимся и приносящимъ жертвы старымъ богамъ...

Древнія вѣрованія кавказскихъ горцевъ еще вовсе не изслѣдованы, хотя изслѣдованія эти возможны и въ наше время, такъ какъ значительная часть горцевъ до-сихъ-поръ язычники, не смотря на то, что нѣкогда назывались христіанами, а теперь считаются мусульманами. Религія ихъ заключается въ поклоненіи природнымъ дѣятелямъ, которые осуществляются въ видѣ различныхъ фантастическихъ существъ, обитающихъ въ извѣстныхъ рощахъ

или на извѣстныхъ скалахъ. Ихъ религіозныя обязанности ограничиваются тѣмъ, что въ извѣстныя эпохи собираются они на извѣстныхъ святыхъ мѣстахъ и тамъ приносятъ въ жертву быковъ и барановъ, мясо которыхъ съѣдается на мѣстѣ-же, послѣ чего происходитъ скачка, стрѣльба въ цѣль и т. п. Слѣды дѣятельности христіанскихъ проповѣдниковъ обозначались въ горахъ сооруженіемъ нѣсколькихъ небольшихъ церквей или часовенъ въ честь разныхъ святыхъ и водруженіемъ въ иныхъ мѣстахъ крестовъ. Все это представилось горцамъ лишь въ видѣ дополненій къ прежнимъ ихъ вѣрованіямъ; церкви, часовни, кресты сдѣлались предметами благоговѣнія народнаго на ряду съ рощами и скалами. Св. Георгій, св. Илья, Маріамъ и другіе святые христіанской церкви примкнули въ семью языческихъ Сеэореса, Аеы и пр. и пр. Въ дни празднованія памяти христіанскихъ святыхъ, горцы собирались къ извѣстнымъ церквамъ, приносили жертвы, дѣлали скачки и т. п. Вмѣстѣ съ тѣмъ, въ обычай ихъ вошло соблюденіе нѣкоторыхъ постовъ, и тѣмъ легче, что, за исключеніемъ особыхъ случаевъ, горцы постоянно крайне-умѣренны въ пищѣ. Дальнѣйшимъ стѣсненіямъ они не подчинились; такъ напр., *супружескій уставъ ихъ остался въ совершенномъ противорѣчіи съ церковными положеніями.* Нечего и говорить, что обычай кровомщенія сохранился во всей силѣ, вопреки евангельскому ученію о кротости и прощеніи обидъ.

Какъ мы сказали выше, все это въ естественномъ порядкѣ вещей: въ подобномъ видѣ христіанство появилось первоначально у всѣхъ новообратившихся язычниковъ. Но въ подобномъ видѣ оно и заглохло у горцевъ; они не дошли до сколько-нибудь яснаго пониманія евангельскаго ученія. Сколько извѣстно, не только Священное Писаніе, не только литургія, но ни одна даже молитва не была переведена проповѣдниками ни на одно изъ горныхъ нарѣчій. Во всякомъ случаѣ, нѣтъ никакихъ слѣдовъ таковыхъ переводовъ. Въ армянской исторіи повѣствуется, что св. Месропъ, изобрѣтатель армянской азбуки, нашелъ ее недостаточною для суроваго агованскаго языка и потому составилъ для послѣдняго особую азбуку. Который изъ горскихъ языковъ былъ этотъ агованскій? Было-ли что когда-либо написано на немъ? Одно лишь можно сказать утвердительно, что въ настоящее время не существуетъ ни

одной древней надписи ни на одномъ изъ горскихъ языковъ, между тѣмъ какъ, кромѣ арабскихъ и пехльвійскихъ, встрѣчаются въ самой глуби горъ надписи грузинскія, армянскія и греческія. Нѣтъ сомнѣнія, что богослуженіе въ горахъ никогда не совершалось ни на одномъ изъ туземныхъ языковъ; посему смыслъ его всегда оставался непонятнымъ для горцевъ. Конечно, и внутри Россіи богослуженіе для инородныхъ прихожанъ совершается на славяно-церковномъ языкѣ; но эти инородцы свѣтскими отношеніями своими такъ тѣсно связаны съ русскими, что втеченіи вѣковъ они усвоиваютъ себѣ Слово Божіе на чуждомъ языкѣ. На Кавказѣ не то было. Какъ мы сказали выше, вліяніе Грузіи и плоской Агованіи на горы всегда было весьма-ограниченно; большею частію даже оно уступало мѣсто ожесточенной враждѣ. Между-тѣмъ, христіанство въ горахъ не имѣло никакой самостоятельности; при разрывѣ съ равниной оно лишалось всякой поддержки. Эти разрывы случались безпрестанно; мы знаемъ, что грузинскіе владѣтели, для наказанія горцевъ за частые грабежи, иногда даже поставляли ихъ въ непрерывное блокадное положеніе, не позволяя имъ выходить изъ ущелій. Блокадное положеніе, въ которое поставилъ Сванетію имеретинскій царь Александръ, повлекло за собою развореніе и совершенное одичаніе страны. При такихъ условіяхъ, постоянное рукоположеніе духовенства въ горахъ сдѣлалось невозможнымъ. Вмѣсто прежнихъ грузинскихъ священниковъ, охранителями опустѣлыхъ церквей явились *деканозы*, т. е. духовенство туземное, нерукоположенное, чуждое самыхъ основныхъ понятій о христіанской религіи. Теперь, въ христіанскихъ храмахъ, деканозы приносятъ жертвы, читаютъ непонятныя, какъ для нихъ самихъ, такъ и для слушателей, молитвы, совершаютъ нелѣпые обряды.

Какъ мы сказали выше, горцы естественными преградами, со стороны запада и юга, оторваны отъ христіанскаго народонаселенія Закавказья; къ сторонѣ востока прилегаютъ они къ Каспійскому морю, вдоль берега котораго тянется равнина, составляющая единственное удобное сообщеніе дагестанскихъ горцевъ съ остальнымъ свѣтомъ. Но уже въ VII вѣкѣ по Р. Х. она занята была арабами, которые положили тамъ начало политическому порядку на весьма-прочномъ религіозномъ основаніи. Возникшія мусульман-

скія правительства, по самому географическому положенію, имѣли на горцевъ гораздо болѣе вліянія, чѣмъ грузинскіе цари, и распространили въ горахъ исламизмъ. Впрочемъ, не далѣе, какъ въ наше время, исламизмъ успѣлъ на большомъ протяженіи Кавказскихъ горъ слиться съ бытомъ народнымъ. И теперь еще, въ дикихъ ущельяхъ Галгая, Ако, народъ по-прежнему поклоняется богамъ своимъ, не сознавая между исламизмомъ и христіанствомъ другаго различія, кромѣ того, что одна вѣра запрещаетъ ѣсть свиное мясо, а другая, не только дозволяетъ, но даже повелѣваетъ.

На столь же непрочныхъ основаніяхъ, но гораздо въ болѣе обширныхъ размѣрахъ, нѣкогда распространено было христіанство на западномъ Кавказѣ. Извѣстно, что уже за много вѣковъ до Р. Х., на восточномъ берегу Чернаго моря, находились богатые греческіе города, которые поддерживали непрерывныя сношенія съ метрополіей и обладали греческимъ образованіемъ. Въ нихъ христіанство существовало еще до временъ Константина Великаго. Заслуга распространенія евангельскаго ученія на западномъ Кавказѣ принадлежитъ преимущественно Юстиніану, воспоминанія о которомъ до-сихъ-поръ сохранилось въ адыгскихъ пѣсняхъ. Греческое духовенство проникло въ нѣдра горъ до самой Кабардинской плоскости; теперь еще существуютъ развалины христіанскихъ храмовъ въ самыхъ недоступныхъ частяхъ Кавказа, на Тебердѣ и въ верховьяхъ Кубани. Этому благословенному началу не доставало одного великаго условія: *національной самостоятельности*. Книги священнаго писанія никогда не были переведены на туземные языки; богослуженіе производилось на греческомъ; христіанство находилось въ строгой зависимости отъ Византіи, съ паденіемъ которой угасъ источникъ евангельскаго свѣта для Кавказа. Туземцы не успѣли еще высвободиться изъ переходнаго состоянія отъ язычества къ христіанству; первое имѣло болѣе глубокіе корни, чѣмъ послѣднее. Мнимые кавказскіе христіане были просто язычники. Приведемъ здѣсь показанія путешественниковъ о состояніи на западномъ Кавказѣ христіанства.

Генуэзецъ Интеріано, посѣтившій восточный берегъ Чернаго моря между 1550 и 1557 годами, пишетъ о черкесахъ: „они называютъ себя христіанами и имѣютъ греческихъ священниковъ,

ихъ дѣтей крестятъ не ранѣе, какъ когда минетъ имъ восемь лѣтъ. Священники обливаютъ ихъ водою на свой ладъ, къ чему присовокупляютъ краткую молитву. Знатные люди не входятъ въ церковь до шестидесятилѣтняго возраста, опасаясь осквернить ее своимъ присутствіемъ, такъ-какъ всѣ они живутъ грабежомъ. Перейдя эти лѣта, они перестаютъ воровать и грабить, и присутствуютъ тогда при богослуженіи, которое въ молодости слушали не иначе, какъ сидя на конѣ передъ дверями церковными.

„У народа этого нѣтъ азбуки. Ихъ священники для богослуженія употребляютъ греческія книги, которыхъ вовсе не понимаютъ.

„Случается, что братъ убиваетъ брата и потомъ тотчасъ-же раздѣляетъ ложе съ вдовою. *Многоженство дозволено, и всѣ жены считаются законными.*"

Лѣтъ 50 спустя, около 1637 года, Черкесію посѣтилъ доминиканецъ Іоаннъ Лукскій. Вотъ, что пишетъ онъ: „Черкесы говорятъ и по-черкесски и по-турецки; нѣкоторые изъ нихъ магометане, другіе греческаго вѣроисповѣданія. Но магометанъ болѣе. Священникъ, который живетъ въ Терки, иногда креститъ ихъ, но мало объясняетъ имъ законъ Божій. Съ каждымъ днемъ, число турокъ (мусульманъ) возрастаетъ: отъ греческаго вѣроисповѣданія сохранился лишь обычай носить пищу на могилы и нѣсколько постовъ...

„Абасины неграмотны; они считаются христіанами, но не исполняютъ никакихъ христіанскихъ обрядовъ. Въ землѣ ихъ много встрѣчается водруженныхъ крестовъ. Жители величайшіе мошенники...

„Они носятъ усы, не брѣютъ бороду, за-исключеніемъ *папаросовъ*. Такъ называются люди, хоронящіе мертвыхъ и молящіеся за упокой души ихъ. Покойниковъ кладутъ въ колоды, которыя потомъ ставятся на четыре кола..."

Рейнеггсъ, путешествовавшій по Кавказу между 1782 и 1784 годами, разсказываетъ объ абхазцахъ: „каждый изъ нихъ имѣетъ особыя заблужденія, которыя называетъ своею вѣрой. Ихъ догматы весьма разнообразны; упомяну лишь о тѣхъ, которые наиболѣе распространены.

„Слѣдуя древнему обычаю, они празднуютъ весеннее равноденствіе, окрашивая яйца въ разныя цвѣта, причемъ пируютъ. Въ этотъ день и въ два слѣдующіе, у нихъ происходятъ скачки, борьба и другія увеселенія...

„Въ началѣ мая собираются въ густомъ лѣсу, который почитаютъ священнымъ и въ которомъ никто не смѣетъ срубить дерева, что, по ихъ мнѣнію, прогнѣвало бы Всевышняго, которому достойно и успѣшно молиться можно лишь въ этомъ лѣсу.

„Посреди лѣса, какъ увѣряютъ, находится большой и тяжелый желѣзный крестъ, который охраняютъ благоговѣйные отшельники. Никто не знаетъ, когда и кѣмъ онъ былъ поставленъ. Но отшельники разсказываютъ о немъ много чудеснаго и сверхъестественнаго, не имѣющаго никакого соотношенія къ христіанству: этимъ привлекаютъ они даянія народныя...“

Послѣ паденія Константинополя и прекращенія генуэзской торговли, черкесы вошли въ тѣсныя сношенія съ турецкими и крымскими мусульманами. Правда, что народъ считалъ себя независимымъ отъ султана и не платилъ ему дани, но уже въ XVII вѣкѣ турки устроили нѣсколько приморскихъ укрѣпленій на черкесскомъ и абхазскомъ берегахъ и содержали въ нихъ постоянные гарнизоны. Усилившись, исламизмъ прибѣгъ мѣстамъ и къ гоненіямъ. Муллы начали тѣснить христіанскихъ священниковъ; многіе изъ послѣднихъ были убиты, книги ихъ сожжены, пастырскіе жезлы расхищены и заброшены съ презрѣніемъ.

Не смотря на все это, исламизмъ дѣлалъ наиболѣе успѣховъ на сѣверной и восточной окраинахъ западнаго Кавказа, гдѣ былъ театръ нашихъ военныхъ дѣйствій и гдѣ исламизмъ приспособился къ ненависти, возбудившейся къ намъ въ туземцахъ, и къ стремленію ихъ отстоять свою независимость. Никакая цѣль цивилизаціи не можетъ быть достигнута продолженіемъ самой войны. Такъ, хирургическія операціи производятся для облегченія страданій, но послѣднія только усугубляются продолженіемъ самой операціи. Если-бы Турція, въ XVI вѣкѣ, въ то время, когда находилась она на-верху своего могущества, а Россія помышлять еще не могла о Кавказѣ, — если-бы Турція предприняла тогда завоеваніе Кавказа, то, конечно, это столько-же послужило-бы въ пользу языческо-христіанской религіи, какъ и наша столѣтняя война послужила въ пользу языческо-мусульманской.

По берегу Чернаго моря, куда не долетали покуда отголоски войны, народъ держался своей прежней языческой вѣры, т. е. политеизма, который уживается со всѣми вѣроисповѣданіями и даже

охотно примѣняются къ каждому изъ нихъ. Въ 1818 году, г. Тебу-де-Мариньи (Taitbout de Marigny), бывшій французскій коммерческій агентъ въ Керчи, совершилъ, въ сопровожденіи нѣсколькихъ любознательныхъ дамъ, на небольшомъ суднѣ, поѣздку къ черкесамъ, жившимъ на устьѣ Пшада, съ цѣлью познакомиться съ ними. Онъ оставилъ намъ весьма-любопытное описаніе своей поѣздки. Съ тѣхъ поръ прошло уже слишкомъ 50 лѣтъ, и можно говорить о дѣлѣ безпристрастно. Мариньи былъ иностранецъ, но въ его поѣздкѣ не было и тѣни политическаго коварства. Поѣздка предпринята была подъ вліяніемъ космополитно-филантропическихъ идей, представителемъ которыхъ въ южной Россіи былъ сначала Дюкъ-де-Ришелье, а впослѣдствіи времени Воронцовъ. Черкесы встрѣтили Мариньи съ отверстыми объятіями и представились ему въ видѣ нѣсколько одичавшихъ христіанъ, которыхъ, при небольшихъ усиліяхъ, можно вывести на добрый путь. Мариньи не совсѣмъ ошибался, не смотря на идиллическія увлеченія свои. Быть можетъ, въ 1818 году, мирная цивилизація края составляла не одну лишь мечту. Но, въ книгѣ судебъ, Кавказу предопредѣлена была тяжкая, едва-ли не безпримѣрная въ лѣтописяхъ исторіи война.

Не смотря на эту войну, двадцать лѣтъ спустя послѣ Мариньи, въ 1838 г., Белль, который изъ всѣхъ европейцевъ наилучше успѣлъ ознакомиться съ внутреннимъ бытомъ черкесовъ, писалъ о нихъ слѣдующее:

„Думаю, что народонаселеніе берега, на протяженіи отъ Анапы до Гагръ, заключаетъ въ себѣ столько-же приверженцевъ старой вѣры (язычески-христіанской), сколько и мусульманской. Которая возьметъ верхъ? Это зависитъ отъ политической развязки судьбы края“.

Теперь судьба туземныхъ обитателей западнаго Кавказа уже доведена до окончательной развязки. Черкесы, которыхъ знали греки еще за 25 вѣковъ тому назадъ, уложены на кладбищѣ народовъ, рядомъ съ лидійцами, фригійцами, гуннами и т. п., но и теперь еще язычниковъ много на Кавказѣ. Если минувшая война открыла къ нимъ путь исламизму, то будемъ надѣяться, что наступившій миръ откроетъ путь другому ученію, которое окончательно разгонитъ тьму язычества.

14 мая 1869 года. П. У.

УЧЕНІЕ „ЗИКРЪ“ И ЕГО ПОСЛѢДОВАТЕЛИ

въ Чечнѣ и Аргунскомъ округѣ.

Впродолженіе восьмидесятилѣтняго владычества нашего на Кавказѣ, самые сильные перевороты въ жизни горскихъ племенъ были всегда вызываемы ихъ религіознымъ фанатизмомъ. Измѣнялись не только отношенія ихъ къ намъ, уничтожались не только всѣ тѣ добрыя начала, которыя мы успѣвали, съ большими усиліями, класть въ основу ихъ быта, но эти религіозныя идеи мѣняли и самый характеръ жителей, стирали ихъ вѣковые обычаи и сгибали тотъ духъ вольности и свободы, который былъ всегда присущъ горцу. Нужно было явиться только смѣлому проповѣднику, нужно было чтобы только одинъ обнажилъ шашку—и десятки тысячъ шашекъ обнажались вслѣдъ за нею, и десятки тысячъ людей шли на смерть, думая, что они умираютъ за свою религію.

Нельзя не удивляться, что религіозный фанатизмъ развитъ такъ сильно въ народѣ, характеръ котораго поражаетъ насъ отсутствіемъ всякой религіи, или, лучше сказать, отсутствіемъ всякихъ религіозныхъ убѣжденій, такъ какъ собственно сторона обрядовая религіи у горцевъ развита сильно. Казалось-бы, что тамъ, гдѣ нѣтъ религіи, не могло быть и фанатизма; но на дѣлѣ выходитъ иначе, и проповѣдники горскіе умѣли иногда такъ ловко раздуть фанатизмъ народной массы, умѣли такъ хорошо воспользоваться принципомъ нетерпимости, проповѣдуемой кораномъ, что было время, когда власть наша на Кавказѣ не разъ колебалась и готова была, казалось, рушиться.

Если-бы подобными проповѣдниками были люди, подобные, напримѣръ, муллѣ Магомеду, Кази-муллѣ или наконецъ послѣднему горскому имаму, то было бы еще понятно, что народъ шелъ за ними; но между тѣмъ нерѣдко случалось, что между ними были

люди, не обладавшіе ни умомъ, ни даромъ слова, ни силою характера, ни наконецъ даже той начитанностью корана, которая даетъ обладателямъ ея такой сильный авторитетъ между горскими племенами. Къ числу проповѣдниковъ послѣдняго рода принадлежитъ и глава секты зикристовъ—Кунта-Хажи. Ученіе его, не важное само по себѣ, важно между тѣмъ какъ ученіе фанатическое, проповѣдуемое народу легковѣрному, воспріимчивому и воинственному. На сколько оно было важно—доказали его послѣдствія и тѣ усилія, съ которыми оно могло быть нами подавлено. Былъ-ли Кунта Хажи, дѣйствительно, основателемъ и главою именно той секты, духъ и направленіе которой были опасны для общаго спокойствія, проповѣдывалъ-ли онъ свое ученіе именно въ томъ духѣ, какъ оно было понято впослѣдствіи его учениками, я разбирать здѣсь не буду, не уклоняясь отъ цѣли моей—дать только возможно полное понятіе объ ученіи *зикра* *), въ томъ видѣ, какъ оно существовало на плоскости Чечни и въ здѣшнихъ нагорныхъ обществахъ.

Жизнь Кунта-Хажи не представляетъ никакого особаго интереса. Будучи родомъ изъ бѣдной и незначительной фамиліи, Кунта-Хажи отличался всегда честнымъ образомъ жизни, строгой нравственностью и трудолюбіемъ. Онъ не получилъ никакого образованія и, говорятъ, не умѣлъ даже и читать коранъ. Отправившись въ 1859 году въ Мекку, на поклоненье, Кунта-Хажи, задолго еще до своего возвращенія, писалъ наставленіе своимъ родственникамъ и послѣдователямъ о необходимости молиться Богу и дѣлать зикра, такъ какъ, по увѣренію его, часъ страшнаго суда былъ близокъ.

Проповѣди свои началъ онъ еще при Шамилѣ; но и тогда, какъ и въ послѣднее время, обряды этого ученія сопровождались исступленною пляскою, пѣніемъ и криками, а потому Шамиль, нашедши его противнымъ религіи, немедленно прекратилъ сборы зикристовъ и строго воспретилъ Кунтѣ его проповѣди. Съ точки зрѣнія мусульманскаго духовенства, Шамиль былъ совершенно правъ, такъ какъ обряды ученія зикра, по толкованію большинства муллъ, противорѣчили духу религіи. Между тѣмъ, цѣль его въ этомъ случаѣ была, какъ кажется, и другая, болѣе личная:

---

*) *Зикарло* у чеченцевъ; по собственно *Зикр'уллахъ*, *Зикар'уллахъ*, *молитвословіе*, *призываніе*, *воспоминаніе имени Бога.*

онъ хотѣлъ сохранить, во всей его чистотѣ, ученіе газавата, имъ самимъ проповѣдуемое и съ помощью котораго онъ сталъ въ главѣ народа; притомъ-же онъ боялся того вліянія, которое проповѣдники, подобные Кунта-Хажи, всегда имѣютъ на народъ. Вліяніе—это нравственная сила, власть, а власти, кромѣ своей собственной, Шамиль не терпѣлъ никакой.

Послѣ замиренія Чечни и возвращенія Кунта-Хажи изъ Мекки, въ 1861 года, около него снова стали собираться иногда его послѣдователи, но все ученіе его ограничивалось въ то время изустнымъ лишь чтеніемъ молитвъ, наставленіями не только безвредными, но и весьма нравственными, такъ что, въ сущности, оно скорѣе могло принести пользу, нежели быть въ какомъ-либо отношеніи опаснымъ. Число послѣдователей зикра было при этомъ такъ ничтожно, что большая часть даже и самихъ чеченцевъ или не знала объ этомъ ученіи, или не обращала на него вниманія. Съ 1863 года новое ученіе вдругъ стало принимать совершенно иной характеръ. Послѣдователи Кунта-Хажи увеличились; сборы ихъ стали чаще и многочисленнѣе; наставленія его, которыхъ однако-же лично онъ никогда не дѣлалъ, но передавалъ чрезъ своихъ шейховъ и векилей, слушались съ жадностью и въ свою очередь передавались по ауламъ Чечни съ различными толками и комментаріями, имѣвшими характеръ не всегда миролюбивый. Съ этого-же времени въ организаціи новой секты, имѣвшей до того характеръ чисто-мистическій, ясно стали обозначаться два совершенно отдѣльныя начала: духовное и свѣтское. Каждая изъ этихъ властей имѣла свою отдѣльную іерархію, хотя нерѣдко случалось, что та и другая власть сосредоточивались въ рукахъ одного и того-же лица. Представителями власти духовной были *имамъ*, или *устусъ*, и двое *шейховъ*. Представителями власти свѣтской были *наибы*, *векилы* и ихъ *мюриды*. Въ Чечнѣ было назначено восемь наибовъ и большое число старшинъ, такъ что организовалось особое тайное управленіе, помимо земскаго управленія нашей администраціи, и въ большей части чеченскихъ и назрановскихъ ауловъ у зикристовъ были свои собственные старшины, съ избранными мюридами; къ этимъ-же послѣднимъ причислялись и ученики Кунта-Хажи, съ каждымъ днемъ все болѣе и болѣе увеличивавшіеся. Всѣ они подчинялись шейхамъ и наибамъ, въ свою очередь подчинявшимся Кунта-Хажи, какъ главѣ ученія и имаму. Въ скоромъ времени Чечня, Назранъ и большая часть нагорныхъ обществъ че-

ченскаго племени были покрыты этимъ тайнымъ ученіемъ, какъ крѣпкою сѣтью. Всѣ, кому не нравился существовавшій порядокъ вещей, всѣ, которые жалѣли о старомъ, добромъ времени, *о времени шаріата* *), все это назвало себя учениками и послѣдователями Кунта-Хажи и поборниками мусульманской вѣры, не имѣя ни малѣйшаго понятія не только объ ученіи зикра, но часто и о самой вѣрѣ. Они-то въ особенности и придали мистическому ученію Кунта-Хажи тотъ матеріальный и вмѣстѣ воинственный характеръ, котораго, въ сущности, оно вовсе не имѣло. Куреніе табаку, спиртные напитки, какъ и во время мюридизма, были строго воспрещены. Начались открытые сборы народа въ домахъ векилей и на улицахъ, сопровождавшіеся пѣснями, крикомъ и изступленною пляскою, съ обнаженнымъ оружіемъ въ рукахъ. Тайныя убійства нашихъ солдатъ и казаковъ учащались съ каждымъ днемъ болѣе и болѣе. Всѣ приказанія сектаторамъ раздавались наибами и векилями отъ имени Кунта-Хажи, принявшаго временно, какъ онъ утверждалъ, званіе *имама* или *устуса*. Ему приписывались народомъ даръ творить чудеса, исцѣлять больныхъ, способность переноситься съ одного мѣста на другое и присутствовать невидимо въ храмѣ Мекки, ежедневно, во время пяти каноническихъ часовъ дня. Надо замѣтить, что даже предъ самыми преданными себѣ людьми Кунта-Хажи никогда не выдавалъ себя за имама; онъ утверждалъ, что онъ не болѣе какъ только посланный имамомъ, который явится, когда настанетъ для этого время; но что самъ онъ, по грѣхамъ своимъ, не достоинъ носить, даже и временно, великое имя устуса. Не смотря на эти увѣренія, послѣдователи его тѣмъ не менѣе считали Кунту истиннымъ имамомъ и однимъ изъ трехъ-сотъ пятидесяти шести святыхъ, постоянно существующихъ на землѣ, по общему мнѣнію мусульманъ.

Чтобы получить ясное понятіе о началахъ этого ученія, необходимо прежде упомянуть объ источникѣ его происхожденія.

Ученіе зикра, какъ надо полагать, занесено первоначально на Кавказъ изъ Турціи—этой представительницы мусульманскаго міра и его религіозной и нравственной опоры. Въ Турціи существуютъ духовные монашествующіе ордена, съ совершенно своеобразнымъ характеромъ и своими особыми послѣдователями; такихъ монашествующихъ конгрегацій, извѣстныхъ подъ однимъ

*) Горцы называютъ время войны нашей съ ними *шаріяттень-заманъ*, т. е. время шаріата.

общимъ именемъ *деревишей* *), насчитываютъ тамъ до тридцати двухъ. По имени своихъ основателей, называемыхъ *пиръ* или *шейхъ*, и самыя конгрегаціи получили свои наименованія. Вотъ перечень орденовъ этихъ **): 1) орденъ *олвановъ* (по имени шейха Олвана, основателя его); 2) *эдемисовъ* (по имени Ибраимъ-Эдема); 3) *бестамисовъ*; 4) *сакатисовъ*; 5) *кадрисовъ* (по имени Абу'улъ'Кадыръ-Гилана; онъ былъ завіядаръ, или стражъ гроба имама Азама-Абу-Ганифе); 6) *руфайясовъ* (по имени сеида Акмеда-Руфайя); 7) *сюрхервердисовъ*; 8) *кубревиловъ*; 9) *шазимисовъ*; 10) *мевлевисовъ*; 11) *бедевисовъ*; 12) *накшубандисовъ*; 13) *саадисовъ*; 14) *бектамисовъ*; 15) *кальветисовъ*; 16) *зейнисовъ*; 17) *бабаисовъ*; 18) *бэйрамисовъ*; 19) *эшредисовъ*; 20) *бекрисовъ*; 21) *сюнбюли*; 22) *гюльшени* или *рушени* (по имени Ибраимъ-Гюльшени, его основателя, и Дада-Омара, его наставника); 23) *игитъ-башисовъ*; 24) *уммъ-синани*; 25) *джельветисовъ*; 26) *эймаки*; 27) *шамеисовъ*; 28) *синанъ-умми*; 29) *нійязисовъ*; 30) *мурадисовъ*; 31) *нурредини* и, наконецъ, 32) орденъ *джемали*.

Въ этомъ множествѣ духовныхъ конгрегацій слѣдуетъ необходимо отличить орденъ *накшубандисовъ*, въ числѣ послѣдователей котораго находятся люди самыхъ знатныхъ мусульманскихъ фамилій. Обязанность членовъ его—молитвы или, скорѣе, ежедневное чтеніе извѣстныхъ молитвъ, *хотму-ховаджаканъ*. Къ этой обязанности присоединяются и другія, какъ напримѣръ—чтеніе тѣхъ-же молитвъ въ общемъ собраніи цѣлой конгрегаціи, одинъ разъ въ недѣлю, обыкновенно въ четвергъ вечеромъ, послѣ пятаго намаза. Шейхъ или кто-либо другой читаетъ ихъ, члены-же обязаны отвѣчать на нихъ хоромъ *аллахъ!* или *гу!*

Всѣ эти ордена, по словамъ д'Оссона, имѣютъ свой собственный, опредѣленный характеръ, свои правила, свои статуты и обряды, хотя въ главныхъ чертахъ всѣ они между собою сходны, такъ какъ основанію ихъ послужили одни и тѣже догматы. Нѣкоторые изъ учениковъ носятъ волосы, въ память Магомеда, а имѣть четки вмѣняется каждому изъ нихъ въ непремѣнную обязанность. Число зеренъ ихъ должно быть тридцать три, шестьдесятъ шесть или девяносто девять, по числу аттрибутовъ или

*) *Деревишь* слово персидское и собственно значитъ *порогъ двери*, въ смыслѣ-же переносномъ—*уничиженіе*.

**) Подробности эти заимствованы мною у Мараджи д'Оссона, изъ сочиненія его *Tableau général de l'empire Ottoman*.

свойствъ, приписываемыхъ мусульманами Богу. Статуты почти всѣхъ орденовъ этихъ требуютъ, чтобы каждый дервишъ безпрестанно вспоминалъ имя Божіе (*зикр'уллахъ*), т. е. семь главныхъ его свойствъ. Молитвы ихъ состоятъ изъ слѣдующихъ восклицаній: 1) *Ля-ил'ляха-ил'аллахъ!* (нѣтъ Бога, кромѣ Бога! Это исповѣданіе его единства). 2) *Я аллахъ!* О Боже!—восклицаніе, относящееся къ его всемогуществу. 3) *Я гу!* (О ты, который есть! исповѣданіе его вѣчности: это Егова евреевъ). 4) *Я хаккъ!* О праведный Боже! 5) *Я хаиккъ!* О Боже живый! 6) *Я кайюмъ!* О Боже сущій! 7) *Я каххаръ!* О Боже мститель!

Не считаю всѣхъ этихъ подробностей лишними, такъ какъ, кромѣ ихъ собственнаго интереса, онѣ важны для насъ въ томъ отношеніи, что указываютъ, какъ много есть сходнаго между ученіемъ дервишей вообще и ученіемъ зикристовъ. Далѣе, говоря про орденъ дервишей руфайясовъ, мы увидимъ, что онъ почти тождественъ съ ученіемъ этихъ послѣднихъ.

Посвященіе лицъ, желающихъ вступить въ одинъ изъ упомянутыхъ монашествующихъ орденовъ, производится съ помощью тѣхъ-же словъ. Шейхъ беретъ нововступающаго за руку и три раза шепчетъ ему на ухо: *ля ил'ляха-ил'аллахъ*; слова эти прозелитъ обязанъ повторять сто одинъ, сто пятьдесятъ одинъ, и триста одинъ разъ ежедневно. Такое посвященіе носитъ названіе *талкинъ*. Точно такимъ же образомъ, по прошествіи нѣкотораго времени, когда шейхъ, по внушенію свыше, убѣдится въ духовномъ преуспѣяніи нововступающаго, онъ шепчетъ ему на ухо слова, относящіяся ко второму аттрибуту: *я аллахъ!* и такъ далѣе, до послѣдняго — *я каххаръ*; затѣмъ нововступившій окончательно считается уже членомъ ордена.

Почти тоже самое встрѣчаемъ мы и въ сектѣ зикристовъ. Всякій, желавшій стать ея членомъ, тоже долженъ былъ явиться къ одному изъ шейховъ или векилей, который бралъ его за руку и спрашивалъ: «обязуется-ли онъ, во имя Бога и его пророка, ежедневно, стократно, дѣлать зикръ?» Нововступающій отвѣчалъ, что онъ обязуется. «Въ этомъ я беру въ свидѣтели Бога и тебя, шейхъ,» говорилъ онъ посвящающему его. Затѣмъ онъ сто разъ произносилъ *ля-ил'ляха ил'аллахъ!* и посвященіе считалось оконченнымъ. Нѣкоторые-же шейхи или векили при этомъ дѣлали нововступившему и свои собственныя наставленія, разсказывая ему основные, по ихъ мнѣнію, догматы ученія, т. е. что Кунта-Хажи есть истинный имамъ, посланный Богомъ, чтобы освобо-

дить народъ отъ христіанъ; что съ этими послѣдними ученики его не должны имѣть никакихъ сношеній, не должны не только встрѣчаться съ ними, но, по возможности, должны избѣгать даже и смотрѣть на нихъ. Шейхъ обязывалъ также нововступавшаго молиться Богу, не курить, не пить крѣпкихъ напитковъ и терпѣливо ожидать времени, когда Кунта-Хажи начнетъ, съ помощью Бога, войну противъ невѣрныхъ. Надо при этомъ замѣтить, что бо́льшая часть чеченцевъ, не бывшихъ сторонниками зикра, были убѣждены, что всѣ эти фанатическія наставленія дѣлались безъ вѣдома Кунты и что этотъ послѣдній, кромѣ молитвы, милосердія къ бѣднымъ, любви къ ближнему и необходимости труда,—никогда ничего болѣе своимъ послѣдователямъ не внушалъ. Насколько тутъ было правды—сказать трудно; но если только правила газавата дѣйствительно распространялись въ народѣ имъ самимъ, то надо сознаться, что Кунта велъ это дѣло чрезвычайно искусно. Не подлежитъ сомнѣнію однако же то, что если Кунта-Хажи подобныхъ правилъ и не проповѣдывалъ самъ, или не передавалъ чрезъ своихъ шейховъ и векилей, то во всякомъ случаѣ онъ способствовалъ развитію газавата однимъ уже тѣмъ, что не запретилъ такого рода проповѣдей, что весьма легко могъ бы сдѣлать, имѣя на своихъ учениковъ вліяніе, почти безусловное.

Въ нѣкоторыхъ изъ орденовъ дервишей, какъ напримѣръ у кадрисовъ, руфайясовъ, кальвети, бэйрами, сюнбюли, гюльшени и эймаки, религіозное пѣніе сопровождается вмѣстѣ съ тѣмъ и плясками. Дервиши берутъ другъ друга за руки, образуютъ кругъ, двигающійся въ кадансъ направо (вслѣдствіе чего и пляска эта носитъ названіе *деоръ*, двигающійся кругъ) и стараются, каждый, продолжать свои движенія по возможности долѣе. Люди болѣе сильные и, конечно, болѣе фанатики, идутъ еще далѣе; они образуютъ новый кругъ въ срединѣ перваго, кладутъ другъ другу руки на плечи и, возвышая постоянно свое пѣніе *я аллахъ!* или *я гу!*, усиливаютъ въ то-же время и быстроту тѣлодвиженій, до тѣхъ поръ, пока не придутъ въ совершенное изнеможеніе. Впрочемъ, подобная пляска не есть общая всѣмъ орденамъ, такъ какъ, напримѣръ, пляска ордена мевлевисовъ совершенно отъ другихъ отлична.

Болѣе другихъ поражаютъ насъ однакоже своимъ изувѣрствомъ обряды конгрегаціи руфайясовъ. Она заключаетъ въ себѣ почти всѣ обряды другихъ орденовъ, и, кромѣ того, руфайясы допускаютъ при своихъ плясках испытаніе горячимъ желѣзомъ,

нанесеніе себѣ ранъ ножами и другимъ острымъ оружіемъ. Вотъ что говоритъ д' Оссонъ, въ своемъ сочиненіи *Tableau général de l'empire Ottoman*, t. IV, p. 641, про обряды ученія этого ордена.

«Они (обряды) обыкновенно раздѣляются на пять различныхъ сценъ и продолжаются болѣе трехъ часовъ; извѣстнаго рода церемоніи, усвоенныя этимъ орденомъ, предшествуютъ, сопровождаютъ и заключаютъ ихъ. Начинается тѣмъ, что всѣ дервиши выказываютъ знаки своего уваженія шейху, сидящему предъ алтаремъ; четверо самыхъ главныхъ подходятъ къ нему, цѣлуютъ его одинъ за другимъ, какъ-бы въ залогъ мира и любви ихъ между собою, и потомъ становятся попарно, направо и налѣво отъ него. Остальные-же дервиши, всѣ вмѣстѣ, торжественно приближаются къ нему, со сложенными руками и потупленнымъ взоромъ, и каждый изъ нихъ съ глубокимъ уваженіемъ кланяется вырѣзанному на камнѣ имени основателя ордена; потомъ, взявшись руками за лицо и бороду, дервиши становятся предъ шейхомъ на колѣни, почтительно цѣлуютъ ему руку, медленными шагами удаляются отъ него и становятся въ глубинѣ зала на одной изъ бараньихъ кожъ, полукругомъ тамъ расположенныхъ. Затѣмъ начинаютъ пѣть *текбиръ* и *феттиха*, первыя главы корана, и вслѣдъ за этимъ шейхъ начинаетъ пѣть *ля'иль' ляха-иль'аллахъ*, повторяя эти слова безпрестанно. Дервиши отвѣчаютъ ему словами: *аллахъ*, *аллахъ*! непрерывно качаясь и хватаясь руками за лицо, грудь, животъ и колѣни.»

«Вторая сцена начинается гимномъ въ честь пророка (*Хамдъ-Магомади*), который поетъ одинъ изъ двухъ старѣйшинъ, стоящихъ направо отъ шейха. Во время этого пѣнія, дервиши продолжаютъ повторятъ слово *аллахъ* и начинаютъ качаться всѣмъ тѣломъ взадъ и впередъ. Чрезъ четвертъ часа они встаютъ, приближаются другъ къ другу, такъ что локти ихъ соприкасаются, начинаютъ качаться направо и налѣво, потомъ наоборотъ, причемъ правая нога остается неподвижною, лѣвой-же они дѣлаютъ періодически движеніе въ сторону, противоположную движенію тѣла. При всемъ этомъ строго наблюдается размѣръ и кадансъ. Среди этихъ религіозныхъ упражненій безпрестанно слышатся слова *я аллахъ! я гу!*, слышатся стоны, рыданія; нѣкоторые плачутъ, съ другихъ льется потъ, глаза у всѣхъ закрыты, лица блѣдны и взглядъ ихъ принимаетъ выраженіе взгляда мертвеца.»

«Послѣ нѣсколькихъ минутъ молчанія начинается третья сцена;

она выполняется среди пѣнія *илла'ги* вторымъ старѣйшиной, стоящимъ направо шейха. Молитвы *илла'ги* — это духовныя канцоны, сочиненныя почти всѣ по-персидски шейхами, умершими въ духѣ святости. Дервиши начинаютъ ускорять тѣлодвиженія свои и одинъ изъ нихъ, чтобы они не ослабѣвали, ставится посреди круга и одушевляетъ всѣхъ своимъ примѣромъ. Если въ собраніи находится кто-либо изъ постороннихъ дервишей, что случается не рѣдко, то это почетное мѣсто изъ вѣжливости уступается ему.»

«Послѣ короткой паузы начинается четвертая сцена. Дервиши сбрасываютъ свои чалмы, образуютъ кругъ, кладутъ руки на плечи одинъ другаго и такимъ образомъ обходятъ весь залъ размѣренными шагами, ударяя изрѣдка ногою въ полъ или, дѣлая прыжки. Эта пляска продолжается среди непрерывнаго пѣнія *илла'ги* то однимъ, то другимъ старѣйшиной, стоящимъ налѣво отъ шейха. Крики *я аллахъ! я гу!* усиливаются; всѣ пляшущіе дервиши испускаютъ страшные вопли. Когда усталость начинаетъ одолѣвать ихъ, — шейхъ самъ вступаетъ въ средину круга и, дѣлая страшныя тѣлодвиженія, старается примѣромъ своимъ одушевить другихъ. Его замѣняетъ одинъ изъ главныхъ дервишей, который въ свою очередь употребляетъ сверхъестественныя усилія для поддержанія общей пляски, продолжающейся обыкновенно до тѣхъ поръ, пока силы всѣхъ не истощатся окончательно.»

«За этой сценой наступаетъ послѣдній, страшный актъ. Крайнее истощеніе, въ которомъ находятся всѣ дѣйствующія лица, переходитъ наконецъ въ изступленіе, называемое ими *галемъ*; среди этого религіознаго экстаза начинается испытаніе горячимъ желѣзомъ. Безчисленное множество большихъ ножей и другихъ заостренныхъ желѣзныхъ инструментовъ висятъ въ нишѣ зала и на стѣнѣ, направо отъ шейха. Въ концѣ четвертой сцены два дервиша берутъ восемь или девять изъ нихъ, раскаляютъ на огнѣ и подаютъ своему начальнику. Этотъ послѣдній, читая молитвы и призывая имя шейха Ахмеда-Руфайя, основателя ордена, дѣлаетъ на нихъ нѣсколько дуновеній, слегка подноситъ ко рту и потомъ раздаетъ тѣмъ изъ дервишей, которые болѣе настоятельно ихъ требуютъ. Фанатики съ восторгомъ схватываютъ ножи, съ нѣжностью смотрятъ на нихъ, лижутъ языкомъ, кусаютъ, сжимаютъ зубами и кончаютъ наконецъ тѣмъ, что охлаждаютъ ихъ во рту. Тѣ же изъ дервишей, на долю которыхъ они не достались, схватываютъ ножи, висящіе на стѣнѣ, и пронзаютъ себѣ бока, руки или ноги.»

2

«Благодаря этому религіозному опьяненію и удивительной энергіи, считаемой ими за особую заслугу предъ Богомъ, — всѣ они терпѣливо и даже съ веселостью переносятъ мученія свои. Если же случится, что кто-либо изнемогаетъ подъ тяжестью ихъ,— молча, безъ стона и жалобы, бросается онъ въ объятія одного изъ своихъ собратьевъ, не вызывая при этомъ ни малѣйшаго признака страданія. Нѣсколько минутъ спустя, шейхъ обходитъ весь залъ, осматриваетъ паціентовъ, дѣлаетъ дуновенія на ихъ раны, мажетъ ихъ слюной, читаетъ молитвы и обѣщаетъ имъ быстрое выздоровленіе.»

«Увѣряютъ, что, спустя сутки, отъ ранъ ихъ остаются лишь едва замѣтные рубцы».

Д'Оссонъ прибавляетъ, «что на подобныя вещи, кажущіяся «большей части людей чудомъ, люди разсудительные смотрятъ «совершенно иначе. Они приписываютъ чудеса эти не столько «святости дервишей, сколько достоинству извѣстныхъ секретовъ, «ловко ими употребляемыхъ для поддержанія иллюзіи, и суевѣрію «въ умахъ зрителей и даже самого шейха» *).

Я по необходимости долженъ былъ вдаться во всѣ эти подробности о сектахъ дервишей, такъ какъ, сравнивши ученіе ихъ съ ученіемъ зикра, для всякаго, сколько-нибудь знакомаго съ этимъ послѣднимъ, будетъ очевидно, что оба они совершенно тождественны. Ученіе дервишей руфайясовъ перешло къ горцамъ только нѣсколько искаженное и неполное, хотя въ главныхъ чертахъ обрядовъ наружныхъ зикръ чеченцевъ и это ученіе почти одинаковы. *Устусъ*, или *имамъ* зикристовъ—это начальникъ ордена дервишей, *рай'суль мешейхъ*. Шейхи ихъ, по качествамъ своимъ и назначенію, совершенно соотвѣтствуютъ шейхамъ дервишей. Молитвы однѣ и тѣже, за исключеніемъ весьма небольшимъ: такъ напримѣръ, *текбиръ* и *фетиха* зикристами обыкновенно не читались, но вмѣсто ихъ пѣли *алла-гу-ма-мага-пиръ-ля'гу*. Тѣже пляски, тоже изступленіе (подобное состояніе называлось *шаукъ*), считавшееся сектаторами за наитіе благодати и во время котораго они хотя и не наносили себѣ ранъ кинжалами, но приставляли ихъ къ горлу, животу, брали въ ротъ дуло заряженнаго пистолета и, со взведеннымъ куркомъ, продолжали свою пляску до полнаго изнеможенія. Были примѣры, что нѣкоторые сходили съ ума. Правда, что направленіе этого ученія имѣло характеръ со-

*) Tab. gén. de l'emp. Ott., t. IV, p. 668.

совершенно иной, нежели тотъ, который намъ представляетъ ученіе дервишей руфайяесовъ; но приданный зикру воинственный характеръ зависѣлъ не столько отъ самыхъ принциповъ проповѣдывавшагося ученія, сколько отъ характера народа, его себѣ усвоившаго, и, главное, оттого что сторонниками зикра въ Чечнѣ были, какъ я сказалъ, по большей части люди, смотрѣвшіе на это ученіе, какъ на предлогъ и орудіе, съ помощью котораго они думали волновать умы и поднять цѣлый край противъ русскихъ. При другихъ обстоятельствахъ, безспорно, они могли бы достичь желаемой цѣли; но придавши этому, чисто мистическому, ученію характеръ политическій, Кунта-Хажи, или скорѣе, его послѣдователи, ошиблись въ томъ, что шейхами, наибами и векилями выбирали людей, совершенно не соотвѣтствовавшихъ своему назначенію. Выбирались люди безъ всякой энергіи и способностей, лишь бы только они знали коранъ или были извѣстны своею набожностью; другихъ качествъ отъ нихъ, кажется, и не требовалось, такъ какъ предполагалось, что для освобожденія края отъ присутствія въ немъ христіанъ нужна не столько сила физическая, сколько помощь небесная; а помощь эта могла снизойти лишь чрезъ посредство людей хорошей жизни и угодныхъ Богу. Вслѣдствіе то подобнаго стремленія сочетать мистицизмъ ученія съ цѣлью матеріальною, произошло то, что въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, какъ напримѣръ въ обществахъ округа Аргунскаго, главными шейхами или векилями были поставлены идіоты, знавшіе только читать коранъ и фанатически преданные новому ученію. Здѣсь было такихъ двое и оба—люди очень честные и набожные, но настолько безвредные, что, въ самый разгаръ зикристскаго ученія въ Чечнѣ, я не считалъ даже нужнымъ употребить противъ нихъ какія-либо сильныя мѣры, не желая этимъ придать имъ въ глазахъ народа значеніе, котораго они не имѣли и по качествамъ своимъ ни въ какомъ случаѣ не могли имѣть.

При подобныхъ условіяхъ, успѣхъ для зикристовъ былъ, конечно, немыслимъ. Поэтому, строгія мѣры, вбвремя принятыя начальникомъ области, арестъ нѣкоторыхъ изъ главныхъ сектаторовъ и, наконецъ, удаленіе самого Кунта-Хажи изъ края, уничтожавшее самый источникъ ученія и его главу, — все это быстро низвело его на степень простаго волненія умовъ и обыкновеннаго стремленія къ возстанію, искусственно только поддерживавшагося различными воззваніями и прокламаціями, повсюду тайно

разсылавшихся *). Одной изъ наиболѣе дѣйствительныхъ мѣръ, употребленныхъ для уничтоженія фанатическаго элемента ученія зикра, грозившаго, при дальнѣйшемъ своемъ развитіи, завлечь весь восточный Кавказъ, а также для успокоенія умовъ, сильно возбужденныхъ этимъ ученіемъ, была, безспорно, проповѣдь народу тѣхъ муллъ, которые остались намъ вѣрными: причины, по

---

*) Я привожу для примѣра, въ переводѣ, одно изъ подобныхъ воззваній, дошедшее въ здѣшнія общества изъ Чечни, чрезъ Дагестанъ. Изъ нея читатель можетъ видѣть, какъ муллы, сторонники павшаго ученія, старались снова пробудить религіозное изувѣрство и фанатизмъ народной массы.

«Во имя Бога, милосердаго и милостиваго! Хвала Богу, Господу міровъ! Благословеніе и привѣтъ рабамъ его, носящимъ въ себѣ чистосердечную и искреннюю любовь къ создателю своему!

Это поученіе пророка Божія получили мы отъ поклонниковъ, ходившихъ въ Мекку изъ Истамбула, а они сами получили его изъ находящагося близъ Мекки сада шейха Нуръ-Эддина.

Сказалъ шейхъ Нуръ-Эддинъ: «Въ ночь пятницы я былъ въ состояніи между сномъ и бодрствованіемъ, когда явился мнѣ пророкъ Божій и сказалъ: «О шейхъ Нуръ-Эддинъ! знаешь-ли ты состояніе народа моего въ настоящее время?» Я отвѣчалъ: «Это знаетъ Богъ и ты, его пророкъ». Тогда пророкъ сказалъ: «Въ ночь пятницы представится и переселится изъ жизни настоящей въ будущую, изъ людей народа моего, кромѣ только двухъ бѣдныхъ человѣкъ, наблюдающихъ шаріатъ мой, — семьсотъ тысячъ человѣкъ невѣрующихъ (да избавитъ насъ Господь Богъ отъ нарушенія вѣры!). Они ввели свои собственные законы, которымъ и повинуются. Пересталъ народъ мой не только избѣгать и бояться того, что было ему запрещено—коварства, лжи, но, напротивъ, онъ ищетъ совершать преступленія—насилія, прелюбодѣянія; онъ сталъ даже похваляться своими постыдными дѣлами предъ другими. Свои собственные пороки люди моего народа перестали видѣть и замѣчать, а видятъ и замѣчаютъ только недостатки и пороки своихъ ближнихъ. Они перестали бояться Бога, не гнушаются того, что запрещено имъ кораномъ, не слѣдуютъ ученію моему, стали друзьями невѣрныхъ, берутъ съ нихъ примѣръ и не ведутъ съ ними войны! Мнѣ стыдно предъ Господомъ за заблужденія ихъ и мнѣ ничего не оставалось болѣе, какъ пасть предъ нимъ и молить его о нихъ»,—сказалъ пророкъ.

Господь сказалъ мнѣ: «О, Могамедъ! о, мой возлюбленый! хочу я «обратить подобіе ихъ въ подобіе свиней и собакъ, такъ какъ оставили они «путь истины и не стараются уклоняться и удерживаться отъ своего заблужде«нія и безпечности. У нихъ проявлялось уже и лжесвидѣтельство!»

— Господи міровъ! (отвѣчалъ я) по праву величія Твоего и Твоей славы, прости имъ согрѣшенія ихъ въ этотъ третій разъ; не покрой ихъ стыдомъ до того времени, пока я снова не пошлю поученіе и увѣщаніе непослушному народу моему. Онъ одумается и исправитъ дѣла свои; тѣхъ-же, кто не приметъ и не послушаетъ совѣта моего, послѣ того что уже было имъ говорено,—накажи: Ты всемогущъ!

которымъ большинство муллъ смотрѣло на виру не болѣе какъ на расколъ, будутъ изложены далѣе. Такъ какъ въ дѣлѣ, касающемся убѣжденій человѣка вообще, а его религіозныхъ убѣжденій въ особенности, мѣры насильственныя бываютъ всегда не болѣе какъ только средства паллiативныя, то, вслѣдствіе этого, начальникъ Терской области предложилъ духовенству края, для блага

Потомъ сказалъ мнѣ пророкъ: «О шейхъ Нуръ-Эддинъ! Скажи все это непослушному народу моему и передай отъ меня миръ и благословеніе. Пусть раскаются въ грѣхахъ своихъ; пусть молятъ Господа о прощеніи и пусть примутъ наставленіе мое. Еще прежде, двукратно, посылалъ я имъ наставленія и увѣщанія мои, но они не приняли ихъ и не обратили на нихъ вниманія своего: напротивъ, они стали еще болѣе заблуждаться и совершенно покинули законъ мой. Скажи: кто не приметъ и теперь слова моего, тотъ въ день страшнаго суда будетъ наказанъ. Настоящая жизнь и все что есть въ настоящей жизни—все это тлѣнное и скоропреходящее; одна жизнь будущая есть вѣчная! Такъ пусть-же съ усердіемъ молятся они Богу, такъ какъ день суда близокъ!

Пророкъ сказалъ: «Явился мнѣ однажды Джабраилъ и я сказалъ ему: о, братъ мой Джабраилъ! сойдешь-ли ты послѣ смерти моей на землю? Джабраилъ отвѣтилъ: сойду *десять* разъ. Въ первый разъ я приду и отниму изобиліе земли; во второй—отниму любовь между мусульманами; въ третій—любовь между братьями, сестрами и родственниками; въ четвертый разъ я приду и отниму стыдъ у женщинъ; въ пятый—отниму справедливость у властителей; въ шестой—терпѣніе у бѣдныхъ; въ седьмой—милосердіе у богатыхъ; въ восьмой—отниму знаніе у ученыхъ; въ девятый—отниму китабъ; приду въ десятый разъ и отниму вѣру (да избавитъ насъ Господь отъ нарушенія вѣры и соблазна на будущее время!). Восемь я уже отнялъ; остались только китабъ и вѣра. Если будетъ взята еще одна изъ нихъ—настанетъ послѣдній день и взойдетъ солнце съ запада!

Потомъ сказалъ пророкъ: «О, шейхъ Нуръ-Эддинъ! кто передастъ поученіе мое изъ города въ городъ, изъ деревни въ деревню, отъ человѣка къ человѣку — тому я самъ буду защитой въ день страшнаго суда и тотъ будетъ въ раю со мной. И каждаго правовѣрнаго, который послушаетъ настоящаго совѣта моего, послѣдуетъ моему закону, исправится, будетъ удѣлять часть своего имущества бѣднымъ, помогать достойнымъ и вести войну съ невѣрными, и каждаго, къ кому дойдетъ это увѣщаніе и кто будетъ молиться Богу и раздавать милостыню, - Господь приметъ раскаяніе того и причтетъ къ числу святыхъ своихъ. Но тотъ, кто не послушаетъ и не приметъ наставленія моего, тотъ человѣкъ не моего народа; и скажетъ ему Господь: «о, проклятый, уходи съ земли!» Мое покровительство и тому, кто дастъ *дерьамъ* (10 коп. с.) человѣку, который передастъ это увѣщаніе».

Послѣ этого пророкъ исчезъ, а увѣщаніе его я нашелъ въ саду. Клянусь великимъ Богомъ, что слова мои—истина; если же найдутъ, что они ложны—значитъ, у народа моего нѣтъ ни вѣры, ни закона».

самого-же народа и ради религіи, ими исповѣдуемой и ложно толкуемой сектаторами, также съ своей стороны дѣйствовать на народъ силою слова и убѣжденія. Въ Чечнѣ духовенство, относительно уровня своего умственнаго развитія, вообще далеко ниже духовенства Дагестана; но зато, если тамъ мало муллъ ученыхъ, есть много муллъ вліятельныхъ и уважаемыхъ, какъ по самому характеру своего сана, такъ равно и вслѣдствіе долгаго и давняго преобладанія духовенства въ Чечнѣ, преобладанія, начавшагося вмѣстѣ съ появленіемъ въ горахъ исламизма. Притомъже въ глазахъ чеченца мулла постоянно оставался представителемъ того теократическаго начала, которое недавно еще давало грозныя силы народу, подъ вліяніемъ котораго жили и умерли его отцы и дѣды и которое, слѣдовательно, для него стало легендарно-священнымъ: поэтому, легко себѣ представить впечатлѣніе, произведенное на настроеніе народа протестомъ людей, всегда считавшихся умнѣйшими и почетнѣйшими. Первый и самый пламенный протестъ противъ догматовъ новой секты заявилъ мулла Абдулъ-Кадыръ, человѣкъ весьма ученый и начитанный, и котораго прямой и суровый характеръ исключалъ въ глазахъ чеченцевъ всякую мысль о возможности вліянія на него нашей административной власти. Понятно, что съ той минуты, какъ вопросъ этотъ изъ религіозно-политическаго началъ становиться лишь чисто-религіознымъ и съ скользкой почвы политики перешелъ на почву схоластики и теологическихъ преній,—онъ сталъ утрачивать уже всю свою важность. Дѣйствительно, голосъ духовенства, выставлявшаго ученіе зикра, какъ противное самымъ основнымъ догматамъ мусульманской религіи, сдѣлало вскорѣ то, что истинная цѣль сектаторовъ, до сихъ поръ маскировавшихъ свои намѣренія религіозными принципами ученія, совершенно выяснилась, и мы имѣли дѣло уже не съ цѣлымъ народомъ, страсти котораго были до послѣдней степени возбуждены фанатизмомъ, но только съ извѣстными личностями, стремившимися поднять народъ ради своихъ собственныхъ цѣлей, и съ толпою ослѣпленныхъ изувѣровъ. Между ними однакоже едва-ли можно было насчитать двухъ или трехъ человѣкъ, энергія и умъ которыхъ могли-бы быть для насъ серьезно опасными. Два шейха, оставшіеся у зикристовъ послѣ Кунта-Хажи и на долю которыхъ выпадала теперь главная роль, были совершенно неспособны играть ее. Одинъ изъ нихъ, *Саламъ*, былъ идіотъ, а другой, *Мачикъ*, человѣкъ хотя и съ замѣчательными умственными способностями

и притомъ весьма начитанный, былъ безъ всякаго характера и малѣйшей энергіи. Вскорѣ гибель болѣе ста человѣкъ зикристовъ въ дѣлѣ близъ аула Шали, гдѣ они, предводимые фанатиками, не вынимая оружія, но надѣясь лишь на сверхъестественную силу отсутствующаго Кунты и помощь неба, съ молитвами и пляскою пошли на наши баталіоны,—лишила послѣдователей зикра окончательно всякой энергіи и надежды. Отрезвивши Чечню, дѣло подъ Шали въ тоже время доказало и тайнымъ и открытымъ сторонникамъ зикра, что для начала новой борьбы съ нами недостаточно однѣхъ лишь молитвъ имама и его шейховъ, но нужна и сила физическая, а ея сектаторы вовсе не имѣли, такъ какъ лучшіе люди Чечни, Назрана и обществъ нагорныхъ были теперь уже на нашей сторонѣ. Духовенство, съ своей стороны, не переставало также громить словомъ новое ученіе, доказывая, что оно совершенно противно духу и буквѣ корана. Стало быть, въ средѣ, ихъ окружающей, зикристы не только не могли никакимъ образомъ найти элементовъ, нужныхъ для успѣшнаго возстанія, но, идя противъ религіи, они становились и сами во враждебныя отношенія, если не съ цѣлымъ народомъ, то во всякомъ случаѣ съ сильнымъ классомъ духовенства.

Необходимо знать, что, по принципамъ мусульманской философіи, природа человѣка слагается изъ трехъ элементовъ: физическаго, нравственнаго и умственнаго. Каждый изъ этихъ трехъ элементовъ подчиняется своимъ правиламъ и законамъ, изложеннымъ въ трехъ главныхъ отдѣлахъ ученія ислама—*шаріатъ*, *тарикатъ* и *моарифатъ*. По мнѣнію горцевъ, людей, которыхъ бы сторона духовная могла выработаться до той точки совершенства, что вслѣдствіе этого они могли-бы подойти подъ законы моарифата,—нѣтъ въ цѣломъ свѣтѣ. Точно также весьма мало и тѣхъ, которые-бы по своему духовному развитію подходили подъ законы тариката: одинъ только Джамалъ-Эддинъ, тесть и наставникъ Шамиля, былъ, по мнѣнію горцевъ, «человѣкомъ тариката». Даже самъ Шамиль, не смотря на то, что былъ имамомъ, не достигъ до той степени моральнаго совершенства, чтобы подойти подъ его законы. Между тѣмъ, «устусъ» зикристовъ и шейхи ихъ выдавались ими за людей, стоявшихъ на степени законовъ тариката; болѣе того: устусъ ихъ имѣлъ прямо общеніе съ Богомъ, чрезъ посредство ангеловъ, и слѣдовательно долженъ былъ подводиться подъ разрядъ еще высшій, т. е. моарифата. Понятно, что такого рода ученіе, извращенное и противорѣча-

щее духу религіи, необходимо должно было, болѣе или менѣе, возбудить противъ себя религіозное чувство всего класса духовенства и всѣхъ истинно ревностныхъ и набожныхъ мусульманъ: нужно было только съумѣть воспользоваться этимъ чувствомъ—и, дѣйствительно, оно весьма удачно было употреблено нами, какъ одно изъ средствъ для обезсиленія секты.

Вслѣдствіе всѣхъ этихъ причинъ, ученіе зикра, колыбелью котораго на Кавказѣ была Чечня, также быстро пало, какъ быстро возникло и развилось. Усилія сектаторовъ снова впослѣдствіи его возстановить не повели ни къ чему. Одинъ изъ шейховъ, Саламъ, былъ задержанъ; другой, Мачикъ, скрылся *). Самый дѣятельный и опасный изъ всѣхъ, игравшихъ роль въ этой народной драмѣ, абрекъ Ва́ра, былъ въ скоромъ времени убитъ. Послѣ шалинскаго дѣла онъ былъ выбранъ зикристами своимъ наибомъ и хотя отъ этого званія и отказался, считая себя его недостойнымъ, но тѣмъ не менѣе употреблялъ неимовѣрныя усилія, чтобы снова поднять павшее ученіе и соединить въ одно цѣлое послѣдователей Кунта-Хажи, охладѣвшихъ къ общему дѣлу и ставшихъ, мало по малу, отъ него отставать. При замѣчательной храбрости своей и энергіи, Ва́ра начиналъ становиться уже народнымъ героемъ и начиналъ пріобрѣтать въ Чечнѣ то вліяніе, которое люди подобнаго рода, къ несчастью, всегда пріобрѣтаютъ между горцами. Его смерть прекратила всѣ планы секты и ея новые замыслы **). Ва́ра былъ послѣднею, самою сильною опорою отживавшей уже секты, и съ его смертью оканчивалось и ея политическое существованіе. Правда, что въ народѣ глухо бродили еще нѣкоторое время идеи, брошенныя въ него Кунтою-Хажи и развитыя его послѣдователями, но вскорѣ потомъ

*) Кромѣ этихъ двухъ шейховъ у зикристовъ было еще нѣсколько, принявшихъ это наименованіе; но собственно шейховъ посвященныхъ было въ Чечнѣ только двое. Мачикъ, по увѣдомленію моему начальника Пшаво-Хевсурскаго участка о намѣреніи его пробраться въ Турцію, подъ видомъ пастуха, былъ, дѣйствительно, имъ захваченъ въ Тіонетскомъ округѣ, при отарѣ барановъ наиба Садуллы-Османова, отправлявшейся къ турецкой границѣ.

**) Ва́ра принадлежалъ къ шайкѣ абрековъ Атабая. Когда этотъ послѣдній былъ схваченъ и шайка замирена,—Ва́ра остался по прежнему абрекомъ, скрываясь то въ трущобахъ Хорсеноевскаго урочища, то тайно проживая въ аулахъ Чечни. Большая часть преступленій, совершавшихся въ то время въ краѣ, была дѣломъ или лично самого Ва́ра, или же онъ всегда принималъ въ нихъ дѣятельное участіе. Приставши къ сектѣ зикристовъ, Ва́ра

мысль о переселеніи въ Турцію и толки объ этой обѣтованной для горцевъ землѣ начали мало по малу отвлекать общее вниманіе отъ стараго религіозно-политическаго вопроса.

Такъ кончилось ученіе зикра, грозившее нѣкоторое время общему спокойствію края и обѣщавшее отдалить (еще на нѣсколько лѣтъ всякую возможность въ немъ прогресса и гражданственности. Теперь, хотя прошло немного еще лѣтъ,—о павшей сектѣ едва лишь осталось въ народѣ одно смутное воспоминаніе: доказательство, что духъ эпохи, при извѣстныхъ условіяхъ, точно также благотворно вліяетъ и на фанатическія идеи мусульманъ, какъ онъ вліяетъ на убѣжденія и образъ мыслей европейца.

А. Ипполитовъ.

Укр. Шатой.
15-го ноября 1868 года.

съ своимъ чернымъ значкомъ, участвовалъ въ шалинскомъ дѣлѣ, въ качествѣ «векиля». Такъ какъ дурное вліяніе его на народъ становилось день отъ дня все сильнѣе и сильнѣе, то необходимо было какъ можно скорѣе это прекратить. Поэтому, слѣдя за нимъ нѣсколько мѣсяцевъ, чаберлоевскій наибъ, Гуданатъ, которому схватить или убить этого абрека было поручено и который притомъ имѣлъ на Вáра кровную месть,—далъ знать о присутствіи его въ Ново-Атагинскомъ аулѣ, куда абрекъ былъ заманенъ по его-же приказанію. Взводъ драгунъ успѣлъ окружить домъ, гдѣ Вáра скрывался, и послѣ отчаянной, трехчасовой защиты, во время которой онъ не переставалъ пѣть молитвы зикристовъ, абрекъ этотъ, будучи уже раненъ пулею Гуданата, съ шашкою въ рукахъ и съ громкимъ пѣніемъ своей предсмертной молитвы (*ясына*, отходной молитвы), бросился въ середину нашихъ солдатъ и былъ убитъ.

Въ память его сложена была въ Чечнѣ пѣсня, а въ память измѣны, или, лучше сказать, малаго сочувствія Гуданата къ народному дѣлу, были воздвигнуты въ Чечнѣ, по дорогамъ, кучи камней, къ которымъ каждый проходящій обязанъ былъ присоединять и отъ себя камень, произнося вмѣстѣ съ тѣмъ проклятіе убійцѣ Вáра. Эта безсильная месть народа ясно указываетъ однакоже на то значеніе, которое абрекъ этотъ имѣлъ въ Чечнѣ.

УЧЕНІЕ О ТАРИКАТѢ.

АДАБУЛЬ-МАРЗІЯ

(правила достодолжныхъ приличій),

соч. шейха Джемалэддина Казикумухскаго

(переводъ съ арабскаго).

Отъ Редакціи.

Хотя ученіе о тарикатѣ не составляетъ явленія, исключительно принадлежащаго жизни кавказскихъ горцевъ, а общее всему мусульманскому міру, тѣмъ не менѣе, уясненіе какъ этого, такъ и другихъ религіозныхъ ученій ислама, въ сильной степени вліявшихъ и вліяющихъ на жизнь горцевъ, обусловливающихъ ихъ бытъ и отношенія къ русскимъ,—должно лежать въ цѣляхъ настоящаго «Сборника». Предлагаемое въ переводѣ съ арабскаго на русскій языкъ, съ нѣкоторыми сокращеніями, наставленіе о тарикатѣ принадлежитъ извѣстному въ Дагестанѣ тарикатскому шейху, Джемалэддину, имя котораго пользовалось значительною извѣстностью и у насъ, втеченіи долгаго времени борьбы нашей съ такъ-называемымъ мюридизмомъ. Но не смотря на такую извѣстность у насъ имени Джемалэддина,—какъ тогда, такъ и теперь, еще мало знакомы съ сущностью проповѣданнаго имъ въ Дагестанѣ ученія. Это ученіе почти всегда принималось за непосредственную проповѣдь о газаватѣ, или войнѣ съ невѣрными,—и тарикатскіе мюриды, или ученики, смѣшивались съ шамилевскими мюридами, тогда какъ въ сущности ученіе о тарикатѣ въ задачѣ своей чуждо политическихъ цѣлей и направлено собственно къ возвышенію чисто-религіознаго духа своихъ послѣдователей. Но такое смѣшеніе, тѣмъ не менѣе, было дѣломъ весьма естественнымъ, при знакомствѣ съ предметомъ только по внѣшнимъ, виднымъ признакамъ его, такъ какъ газаватъ, или, по крайней мѣрѣ, стремленіе къ нему, — представляется, повсюду, въ средѣ кавказскихъ мусульманъ, почти постояннымъ спутникомъ тариката, будучи неизбѣжнымъ послѣдствіемъ мусульманскаго религіознаго чувства.

Предлагаемый трактатъ представляетъ изслѣдованіе тарикатскаго ученія въ его, такъ сказать, теоретической чистотѣ. На

практикѣ-же, у здѣшнихъ мусульманъ, оно является почти всегда съ болѣе или менѣе замѣтными примѣсями политическаго оттѣнка. Примѣръ этого читатель видѣлъ, между прочимъ, въ предшествовавшей статьѣ г. Ипполитова о зикрѣ.

Дословный переводъ рукописи Джемалэддина, доставленной въ редакцію «Сборника» сыномъ его Абдурахманомъ, а равно и переводъ, съ арабскаго-же, предисловія, написаннаго самимъ Абдурахманомъ,—сдѣланъ, по предложенію редакціи, г. Абдуллою Омаровымъ, причемъ главнымъ образомъ имѣлось въ виду сохранить буквальный смыслъ почти каждой фразы подлиннаго сочиненія Джамолэддина.

Предисловіе къ рукописному сочиненію Джемалэддина о тарикатѣ.

Родитель мой, сеидъ *) Джемалэддинъ-Гусейнъ, былъ родомъ изъ Казикумуха. Въ первой своей молодости онъ служилъ при бывшемъ казикумухскомъ ханѣ, Асланъ-ханѣ, въ качествѣ письмоводителя. Ханъ любилъ его, и за усердную службу его и преданность пожаловалъ ему три деревни въ Кюринскомъ ханствѣ, подъ общимъ именемъ Асталъ, и жители этихъ деревень платили дань моему отцу. Будучи въ такомъ положеніи, отецъ мой вдругъ очнулся отъ свѣтскаго забытья,—и обратился къ Богу съ полнымъ раскаяніемъ въ своихъ грѣхахъ, въ которыхъ онъ провелъ прошлую свою жизнь, будучи въ услуженіи у Асланъ-хана. Ибо, кто проводитъ время въ сообществѣ тирановъ, у того большая часть жизни проходитъ въ согрѣшеніяхъ, кромѣ охраняемыхъ милостію Божіей. Поэтому, сначала онъ посѣтилъ, бывшаго тогда учителя тариката накшубандійскаго, шейха Магомедъ-Эфенди Кюринскаго, изъ сел. Ярагларъ; отъ него онъ принялъ тарикатъ и получилъ потомъ позволеніе направлять по этому пути желающихъ вступить на истинный путь. Такимъ образомъ, онъ воз-

*) Сеидъ, арабское слово, означаетъ въ переводѣ «царь», «владѣтель». Сеидами называются потомки Магомеда.

вратился въ Казикумухъ съ позволеніемъ отъ шейха наставлять другихъ. Иначе человѣкъ не можетъ сдѣлаться шейхомъ или муршидомъ, кромѣ какъ по дозволенію совершеннаго шейха, дошедшаго до степени богосоверцанія, почему и сказали нѣкоторые шейхи: *«кто не имѣетъ шейха, для того дьяволъ шейхъ»*. Возвратившись въ Казикумухъ, отецъ мой проводилъ время въ уединеніи, занимаясь молитвами и направленіемъ посѣтителей его на путь истины. Это было, какъ я сказалъ, при жизни Асланъ-хана. Тогда слухъ о моемъ отцѣ распространился далеко, въ горахъ и на плоскости; безъ сомнѣнія, Кази-Магомедъ и Шамиль также услышали о томъ, что въ Казикумухѣ явился святой шейхъ, Джемалэддинъ, совершающій чудеса, и они оба захотѣли посѣтить его и принять отъ него тарикатъ. Но Кази-Магомедъ хотѣлъ сначала испытать моего отца, шейхъ-ли онъ въ самомъ дѣлѣ и прозрѣваетъ-ли онъ тайны, какъ о томъ слышно было, или-же нѣтъ. Съ этою цѣлію Кази-Магомедъ поѣхалъ въ Кумухъ съ однимъ товарищемъ, а когда подъѣхалъ къ нашему дому, то велѣлъ этому товарищу войти къ отцу моему прежде, а самъ нѣсколько отсталъ. Потомъ, вошедши въ уединенную комнату отца, которая была въ верхнемъ этажѣ, онъ сѣлъ около дверей, молча. Сдѣлалъ онъ это такъ потому, что желалъ испытать, точно-ли отецъ мой узнаетъ по имени и роду всякаго посѣтителя, совершенно ему незнакомаго. Когда Кази-Магомедъ сѣлъ около дверей, отецъ мой сказалъ: «здравствуй, Кази-Магомедъ, садись поближе ко мнѣ, тамъ не твое мѣсто». Удивленный этимъ, Кази-Магомедъ спросилъ: «откуда ты знаешь, что я Кази-Магомедъ? ты вѣдь прежде меня не зналъ и не слыхалъ обо мнѣ?"

— „Развѣ въ книгѣ не сказано: «берегитесь прозорливости вѣрнаго раба: онъ смотритъ свѣтомъ Божіимъ»? Развѣ ты сомнѣваешься въ томъ, что я вѣрный рабъ?» — сказалъ отецъ мой, улыбнувшись. Потомъ, обратясь къ товарищу Кази-Магомеда, онъ сказалъ: «о, братъ, повѣрь, для тебя лучше было-бы въ сто разъ помириться съ отцомъ твоимъ, съ которымъ ты въ ссорѣ уже три года, чѣмъ посѣщать меня. Если ты пріѣхалъ искать моего благословенія, такъ знай-же, что ты никогда не получишь его, пока не помиришься съ отцомъ своимъ. Ступай домой и проси прощенія у него за свои дерзости, а потомъ приходи ко мнѣ». Услышавъ это, человѣкъ этотъ удивился, поблѣднѣлъ, руки и ноги его задрожали отъ такой великой прозорливости моего отца. Потомъ Кази-Магомедъ во второй разъ пріѣзжалъ къ

моему отцу, вмѣстѣ съ Шамилемъ, и принялъ отъ него тарикатъ.

Когда Асланъ-ханъ узналъ о частыхъ посѣщеніяхъ разныхъ лицъ моего отца, онъ сталъ побаиваться распространенія тариката и мюридизма въ Казикумухскомъ ханствѣ. Поэтому, онъ требовалъ къ себѣ моего отца нѣсколько разъ и давалъ ему наставленія, чтобы онъ не принималъ къ себѣ посѣтителей и не сидѣлъ-бы въ уединеніи, предложивъ при этомъ, что если отецъ мой нуждается въ чемъ-нибудь, то онъ охотно поможетъ ему во всемъ. Отецъ отвѣтилъ, что онъ никого не призываетъ къ себѣ, но и не намѣренъ прогонять отъ себя никого изъ тѣхъ, которые сами являются къ нему. Съ этого времени начались враждебныя отношенія Асланъ-хана къ моему отцу. Ханъ намѣревался даже убить его, но Богъ сохранилъ его отъ такого зла. Такъ, однажды, Асланъ-ханъ потребовалъ моего отца съ цѣлію убить его. Когда привели его и онъ стоялъ предъ ханомъ, облокотившись на палку, Асланъ-ханъ вдругъ поблѣднѣлъ и, вставъ съ мѣста, вышелъ въ свою комнату, какъ-бы перепуганный, и сказалъ: «отпустите его домой и не трогайте его; я вижу, что его пальцы сіяютъ свѣтомъ, какъ свѣчи». Въ другой разъ Асланъ-ханъ сказалъ моему отцу: «говорятъ, что ты достигъ до степени святости и творишь чудеса. Покажи мнѣ что-нибудь изъ своихъ чудесъ, если это правда,—и я признаю тебя святымъ.“

— Я не святой, а рабъ Божій, оставь меня въ покоѣ! сказалъ отецъ мой.

— «Если ты не покажешь чего-нибудь изъ своихъ видѣній и чудесъ, то я тебя убью», сказалъ ханъ. Когда отецъ увидѣлъ, что нѣтъ спасенія отъ хана, онъ попросилъ къ себѣ одного изъ его приближенныхъ, и выведши его на большую дорогу, начертилъ по срединѣ дороги четыреугольникъ и сказалъ: «здѣсь лежитъ прахъ женщины, по имени Гайханатъ, умершей въ давнопрошедшее время, въ войнѣ съ кяфирами (невѣрными), и она лежитъ невредима въ своемъ саванѣ». Приближенный хана засмѣялся и сказалъ: «какъ-же можно, чтобы здѣсь, гдѣ лежитъ навозъ и гдѣ большая дорога, была-бы могила человѣка? Если ты не удостовѣришь въ этомъ, то ханъ тебя убьетъ». Въ это время одинъ изъ учениковъ моего отца подошелъ къ этому мѣсту, съ быкомъ, и сказалъ: «если здѣсь окажется могила, то я принесу этого быка въ жертву»,—и принялись копать указанное мѣсто. Когда выкопали опредѣленную отцомъ моимъ могилу, вдругъ, въ

самомъ дѣлѣ, открылся трупъ женщины, такой свѣжій, точно онъ сегодня зарытъ. Тогда приближенный хана поблѣднѣлъ, пришелъ въ удивленіе отъ такого открытія и донесъ хану все какъ было. Съ этого дня, ханъ, убѣдившись въ святости моего отца, оставилъ его въ покоѣ, а ученикъ отца дѣйствительно зарѣзалъ быка въ жертву усопшей. Но все-таки ханъ не переставалъ смотрѣть на отца моего враждебно, и потому послѣдній, опасаясь за свою жизнь, убѣжалъ изъ Кумуха въ Цудахаръ, гдѣ и оставался до смерти Асланъ-хана, а потомъ воротился домой и жилъ тамъ до появленія Шамиля. Тогда отецъ мой переселился на жительство къ нему. Племена дагестанскія, чеченскія и жители плоскости сдѣлали его устазомъ (учителемъ тариката), какъ сдѣлали Шамиля имамомъ. Послѣдній женился на моей сестрѣ, Загидатъ, и выдалъ за меня и за моего брата своихъ дочерей, такъ что съ этого времени семейства Шамиля и моего отца сдѣлались какъ-бы однимъ семействомъ.

По покореніи Дагестана, отецъ мой переселился въ Турцію, и турецкій султанъ Абдулъ-Азисъ уважалъ его и называлъ его дагестанскимъ шейхомъ.

При началѣ имамства Кази-Магомеда, отецъ мой не соглашался съ послѣднимъ въ его дѣйствіяхъ противъ русскихъ и въ возмущеніи дагестанскаго населенія, а потому написалъ къ нему письмо, въ которомъ совѣтовалъ оставить такой образъ дѣйствій, если онъ называется его мюридомъ въ тарикатѣ; но Кази-Магомедъ не послушалъ моего отца и представилъ письмо его къ шейху Магомеду Кюринскому, спрашивая его разрѣшенія воевать съ русскими, причемъ написалъ: «Всевышній Богъ велитъ въ своей книгѣ воевать съ безбожными и невѣрными, а Джемалэддинъ не позволяетъ мнѣ этого: чьи повелѣнія исполнять мнѣ»?

— Повелѣнія Божіи мы должны болѣе исполнять, чѣмъ людскія,—отвѣтилъ шейхъ Магомедъ, и дѣло пошло, какъ пошло.

Сначала Кази-Магомедъ не вѣрилъ тарикатскимъ шейхамъ, потому что не понялъ ихъ; но когда онъ убѣдился въ ихъ святости и увидѣлъ чудеса ихъ, тогда раскаялся въ своихъ грѣхахъ и даже сочинилъ стихи въ похвалу тарикатистовъ.

Сеидъ Абдурахманъ.

I.

Во имя Бога милостиваго и милосердаго. Хвала Богу—хранителю міра, слава великимъ пророкамъ Его и послѣдователямъ ихъ до дня воскресенія!

Есть много путей (тарикатъ) ислама, но главныхъ, болѣе извѣстныхъ изъ нихъ, считается четыре.

Первый путь изъ этихъ четырехъ есть тотъ, который начинается отъ старшаго халифа, Абубекра. Самъ-же онъ принялъ его отъ посла Божія, Магомеда, а Магомедъ получилъ его отъ Всевышняго Бога. Путь сей называется накшубандійскимъ, потому что онъ принадлежитъ хаваджикану *) Магомеду Накшубандійскому. Второй путь идетъ отъ втораго халифа, Омара, который принялъ его отъ пророка, а сей послѣдній отъ Бога. Сей путь называется кадырскимъ, т. е. принадлежащимъ центру святыхъ и образцу несомнѣнной чистоты, благородному шейху Абдулъ-Кадыру Гиланскому. Третій путь происходитъ отъ третьяго халифа, Османа,—обладателя превосходства вѣры и зятя пророка. Путь сей называется джаштурійскимъ. Четвертый путь происходитъ отъ четвертаго халифа, льва Божьяго и побѣдителя — Али, мужа дочери пророка и сына дяди его, Абуталиба. Али принялъ этотъ путь отъ пророка, а сей отъ самого Бога. Путь сей называется великимъ путемъ. Такимъ образомъ, пророкъ Божій есть главный источникъ всѣхъ четырехъ путей; но изъ нихъ самымъ извѣстнымъ сдѣлался накшубандійскій, и въ особенности только этотъ видъ тариката извѣстенъ въ Дагестанѣ и въ сосѣдствѣ его.

---

*) Персидское слово, означаетъ почти тоже, что по-арабски шейхъ, т. е. великій, господинъ, почтенный. Подъ этимъ именемъ извѣстенъ и главный шейхъ этого тариката, Магомедъ. *Прим. перев.*

Теперь я разскажу про звенья цѣпи этого высокаго накшубандійскаго тариката, т. е. перечислю главныхъ преемниковъ его, съ начала и до нашихъ временъ. Знай, читатель (да одаритъ тебя Богъ познаніемъ того, чего ты не знаешь!), что прежніе добрые люди были заняты наученіемъ своихъ учениковъ учтивости, нравамъ своихъ шейховъ (учителей) и ихъ родословію. Такъ и я разскажу про накшубандійскую цѣпь и начну свой разсказъ, обратившись душою къ помощи тайны бытія, царя всѣхъ тварей, центра пророковъ, сердца благочестивыхъ, хозяина всѣхъ путей ислама, принявшаго ихъ отъ самого Всевышняго Бога, чрезъ посредника, архангела Гавріила,—Магомеда, избраннаго Богомъ изъ всего человѣческаго рода. Пророкъ правовѣрный передалъ путь сей царю и господину нашему, почтеннѣйшему изъ имамовъ и первенствующему въ вѣрности, — Абубекру. Да будетъ Богъ доволенъ имъ! Абубекръ передалъ его страннику, считающемуся изъ семейства пророка, Салману Персидскому. Салманъ передалъ благочестивому имаму, обладавшему Божьимъ даромъ, Касуму, сыну Абубекра, который умеръ въ Мединѣ, во второмъ вѣкѣ послѣ Гиджры и похороненъ въ мѣстечкѣ Баки. Касумъ передалъ имаму имамовъ, дѣйствовавшему правдою, Джафару, сыну Магомеда вѣрнаго. Онъ былъ изъ потомковъ Али и умеръ въ Мединѣ въ 148 году послѣ гиджры и похороненъ въ Баки, около отца и дѣда. Джафаръ передалъ имаму, укрѣпленному крѣпостью Божіею, царю боговѣдовъ, Абу-Язиду Бастамскому. Да очистится его тайна! Абу-Язидъ передалъ любимцу Божьему и убѣжищу достигающихъ къ Богу, Абулъ-Гасану Харканскому. Абулъ-Гасанъ передалъ имаму, центру центровъ, Абу-Али Гармадійскому. Абу-Али передалъ шейху Юсуфу Гамаданскому. Юсуфъ передалъ убѣжищу народа, Абдулъ-Халику Гудждуванскому. Абдулъ-Халикъ передалъ имаму, снявшему съ себя человѣческую оболочку, центру святыхъ, шейху Арифу Рывкирейскому. Арифъ передалъ имаму, отказавшемуся отъ мірскихъ цѣлей, шейху шейховъ, Махмудъ-Инджиру Гафнавійскому. Махмудъ-Инджиръ передалъ имаму, углублявшемуся въ любовь свою къ Богу, извѣстному подъ именемъ Хазратъ-Азизанъ, Али Раматинскому. Али передалъ имаму, обратившемуся всею душою къ Богу и забывшему обо всемъ прочемъ, центру святыхъ, Магомедъ-Баба Самасскому. Магомедъ-Баба передалъ источнику достоинствъ и богопознанія, царю великихъ людей, имаму Саидъ-Амиру Кулалейскому. Саидъ-Амиръ передалъ тарикатскому има-

му и убѣжищу людей, обладателю высшаго вдохновенія и свѣтоносцу, извѣстному подъ именемъ накшубандійскаго шейха, красотѣ вѣры, Магомеду Увайсскому-Бухарскому. Магомедъ передалъ ключу отъ сокровища тайнъ, центру центровъ, Шейхъ-Магомеду Бухарскому, извѣстному подъ названіемъ Алауддина (высота вѣры) Атарскаго. Этотъ передалъ имаму и господину нашему Якубу Чархскому-Хасарскому. Этотъ передалъ извѣстному подъ именемъ Хаваджа-Ахраръ (господинъ гражданъ), шейху Абдуллѣ Самаркандскому. Этотъ передалъ поклоннику, шейху шейховъ, господину нашему Магомедъ-Загиду. Этотъ передалъ племяннику своему, шейху, имаму и господину нашему Дарвишъ-Магомеду. Этотъ передалъ почтенному сыну своему, господину нашему, Ховаджаки Самаркандскому-Амканакинскому. Этотъ передалъ центру, который былъ наливателемъ сосудовъ настоящей любви къ Богу, крѣпкому въ вѣрѣ, шейху Магомедъ-Баки. Этотъ передалъ имаму, явившему чудеса и источнику тайнъ, шейху Ахмеду-Фаруки Сархандскому, извѣстному подъ именемъ Божій имамъ, жившему въ началѣ 2-го тысячелѣтія отъ гиджры. Этотъ передалъ своему сыну, повѣренному своихъ тайнъ, шейху шейховъ, Магомедъ-Масуму. Этотъ передалъ своему сыну, потонувшему въ глубинѣ моря правды, царю боголюбимыхъ, шейху Сайфудину. Этотъ передалъ имаму, обладавшему лицезрѣніемъ и качествосозерцаніемъ Бога, царю великихъ, Саидъ-Нуръ-Магомеду Бадванскому. Этотъ передалъ высокому имаму, избранному солнцу вѣры, Габабуллѣ Марзужанскому. Этотъ передалъ имаму, центру святыхъ и образцу чистоты, обладателю совершенства внѣшняго и внутренняго, шейху Абдуллѣ Дихлавійскому. Этотъ передалъ имаму, центру прямоты, страннику ради Бога и поклоннику Его, господину нашему, свѣту вѣры и шейху, Халиду Сулайманскому. Этотъ передалъ имаму, убѣжищу народа и ключу отъ сокровищъ истинъ, великому имаму, шейху Исмаилу Кюрдамирскому. Этотъ передалъ имаму, доводившему учениковъ своихъ до безопасности и шейху—Хасъ-Магомеду Ширванскому. Этотъ передалъ имаму, собору похвалъ и величія, царю и господину нашему и шейху Магомедъ Эфенди Ярагларскому-Кюринскому (да очиститъ Богъ его великую тайну!). Этотъ-же передалъ нуждающемуся въ Богѣ, слабому и грѣшному рабу, сеиду Джемалэддину Казикумухскому (да украситъ его Богъ великими тайнами Своего созерцанія!).

Такова цѣпь великихъ тарикатскихъ шейховъ и высокихъ устазовъ (учителей) накшубандійскаго пути. Тарикатъ этотъ

снизошелъ отъ самого Бога, посредствомъ духа архангела, къ пророку его Магомеду, уроженцу Мекки, изъ племени Гашимъ и фамиліи Корейшъ.

Теперь мы разскажемъ о правилахъ этого накшубандійскаго тариката (да очистятся высокія тайны послѣдователей его и да наградитъ насъ Богъ ихъ высокимъ вдохновеніемъ).

Накшубандійскій тарикатъ означаетъ постоянное занятіе лучшими молитвами, т. е. воспоминаніемъ Бога. Первыя условія этого пути суть слѣдующія: вступающій на него обязанъ прежде всего вполнѣ повиноваться ниспосланной книгѣ и послѣдовать пророку, укрѣпить свои убѣжденія, согласно съ мнѣніемъ послѣдователей пророка, искренно раскаяться въ грѣхахъ, потомъ удовлетворить всѣ обиды, просить прощенія у обиженныхъ, служить неуклонно на пути Магомеда, строго исполнять шаріатскія постановленія, стараться удалять себя отъ всего противнаго Богу и отъ всѣхъ дурныхъ и низкихъ поступковъ, происходящихъ отъ искушеній эгоизма, считать все, что дѣлаетъ, для себя обязательнымъ и не оставлять ничего безъ важной къ тому причины, смотрѣть на дозволеніе отступиться отъ обязанности, какъ на запрещенное, и не дѣлать этого безъ особенной нужды, придерживаться во всѣхъ дѣлахъ самаго основательнаго, украшаться хорошими и похвальными нравами, отказываться отъ лишней ѣды, отъ лишняго сна и разговора, не ѣсть ничего непозволительнаго, постоянно нуждаться въ Богѣ, съ полнымъ самоуничиженіемъ прибѣгать къ Нему во всѣхъ дѣлахъ и обстоятельствахъ, извергнуть изъ себя страсть къ сему обманчивому дому (вселенной) и быть довольнымъ судьбою. Кто усвоитъ себѣ эти качества, тотъ дойдетъ до мѣста присутствія Господа Бога.

II.

Образъ того, какъ шейхъ принимаетъ обѣтъ (ахдъ) отъ своего ученика (мюрида) и какъ онъ дѣлаетъ ему внушеніе (талкинъ) при вступленіи послѣдняго въ тарикатъ.

Слово обѣтъ (ахдъ), по шаріату, означаетъ—обязать себя исполнить какое-нибудь богоугодное и религіозное дѣло, подобно тому, наприм., какъ жители города Медины обязали себя охранять пророка Магомеда отъ всего того, отъ чего они охраняли своихъ женъ и дѣтей.

Внушеніе (талкинъ) означаетъ—привязать какія-либо сердца другъ къ другу, пока дойдутъ они до самого посла Божія и отъ него къ самому Господу Богу. Послѣднее есть самая цѣль вышеобозначенной цѣпи тариката накшубандійскаго.

Накшубандійскіе шейхи, по возможности, собираютъ къ себѣ учениковъ и принимаютъ отъ нихъ обѣты. Сначала ученикъ долженъ сѣсть предъ шейхомъ въ совершенной чистотѣ. Потомъ шейхъ кладетъ свою руку въ руки ученика и говоритъ ему: „я дѣлаю *ахдъ*, во имя Бога, между тобою и мною, на коранѣ и пути пророка,—не совершай большаго грѣха *) и не постоянствуй въ малыхъ. Когда ты впадешь въ такую погибель, то поспѣши раскаяться и снять съ себя грѣхи. Постоянно исполняй обязательныя и постоянно совершай и необязательныя, но хорошія молитвы; дѣйствуй съ твердымъ намѣреніемъ; удаляйся отъ всякихъ отступленій отъ существенныхъ правилъ вѣры, позволительное-ли оно будетъ или произвольное. Мы всѣ—братья въ Богѣ; кто изъ насъ будетъ спасенъ въ день страшнаго суда, тотъ возьметъ за руку своего брата. Мы принадлежимъ къ послѣдователямъ тарикатскаго имама, убѣжища народовъ, госпо-

*) Уголовныя преступленія и преднамѣренное неисполненіе обязательныхъ молитвъ составляютъ категорію *большихъ грѣховъ*. Такой преступникъ лишается права быть свидѣтелемъ при судопроизводствѣ и, умерши безъ раскаянія, подлежитъ непремѣнному Божьему наказанію. Остальныя, маленькія отступленія отъ религіи составляютъ категорію *малыхъ грѣховъ*, частое повтореніе которыхъ входитъ въ грѣхи первой категоріи. *Перев.*

дина и красоты вѣры, Магомеда-Увайсскаго-Бухарскаго-Накшубандійскаго, и идемъ по его пути. Ты долженъ вспоминать Бога постоянно: это есть шлифованіе сердецъ и средство къ достиженію всякаго искомаго добра».

Потомъ шейхъ потребуетъ отъ него раскаянія во всѣхъ грѣхахъ и противныхъ вѣрѣ дѣйствіяхъ, въ которыхъ онъ растратилъ всю прошедшую жизнь, и при этомъ оба произнесутъ по три раза: «прошу прощенія у великаго Бога, который единъ и нѣтъ Бога кромѣ Него, живаго, вѣчнаго, и возвращаюсь къ Нему». Потомъ шейхъ прочтетъ для благословенія слѣдующіе стихи корана: „*тѣ, которые повинуются тебѣ* (обращено къ Магомеду), *повинуются лишь Богу. Божья рука выше ихъ рукъ. Кто нарушитъ это повиновеніе, тотъ нарушитъ его во вредъ себѣ, а кто исполнитъ то, къ чему Богъ его обязалъ, тотъ получитъ великую награду*». Потомъ оба кладутъ свои руки на колѣни, закрываютъ глаза, и шейхъ вспомнитъ три раза имя Божіе, съ намѣреніемъ внушить его сердцу ученика, а ученикъ также вспомнитъ сердцемъ тоже самое три раза; потомъ поднимаютъ руки къ верху и шейхъ читаетъ молитву, а ученикъ говоритъ „аминь". По окончаніи молитвы, оба обтираютъ лицо руками; потомъ ученикъ цѣлуетъ колѣни своего шейха, встаетъ и, по дозволенію его, уходитъ и занимается тѣмъ, что шейхъ ему прикажетъ. Онъ долженъ сохранять навсегда свои отношенія къ шейху и исполнять обѣтъ ненарушимо до смерти.

III.

Обязательныя правила учтивости ученика (мюрида) въ отношеніи къ своему шейху.

Знай, что тому, кто вступаетъ въ сообщество шейховъ, необходимо соблюдать въ отношеніи ихъ должныя правила учтивости и почитанія, потому что шейхи суть собесѣдники Бога и сообщество съ ними есть тоже, что сообщество съ Богомъ, а соблюденіе правилъ учтивости въ отношеніи къ Богу есть непре-

мѣнный долгъ человѣка во всякое время. Пророкъ Божій сказалъ: «кто пожелаетъ сѣсть съ Богомъ — пусть сидитъ съ Божьими людьми» *). Поэтому, нужно соблюдать правила учтивости, а кто ихъ не будетъ соблюдать, тотъ уклонится отъ прямой дороги. Джунайдъ Багдадскій сказалъ, да очиститъ Богъ его тайну: „кто подсядетъ къ этой толпѣ, т. е. къ тарикатистамъ, и не будетъ оказывать имъ должнаго уваженія,—отъ такого отходитъ вѣра и губитъ его Богъ гнѣвомъ Своимъ.“ Въ книгѣ пророка сказано: „кто не почтитъ своего учителя, тотъ подвергается отъ Бога тремъ гибельнымъ несчастіямъ: первое—языкъ его не повернется при смерти на свидѣтельствованіе единства Божія; второе—обѣднѣетъ втеченіи своей жизни, и наконецъ—забудетъ все, что зналъ.“ Правила учтивости состоятъ въ слѣдующемъ:

Ученикъ (мюридъ) долженъ: совершить омовеніе, прежде чѣмъ вступить въ сообщество шейха (учителя),—потому что чистота служитъ проводникомъ пониманія и увеличиваетъ его; раскаяться во всѣхъ своихъ грѣхахъ; очистить сердце отъ всякаго рода познанія и образа предметовъ; не входить къ шейху безъ спроса и тогда войти съ самоуничиженіемъ, съ поникшею головою; поклониться ему сердцемъ, а не языкомъ; поцѣловать его правую руку и, отошедши задомъ, стоять около дверей до тѣхъ поръ, пока шейхъ не позволитъ ему сѣсть и не укажетъ мѣста; не наступать на коврикъ шейха во время цѣлованія его руки, а поднять его и подойти на колѣняхъ; не допускать въ сердцѣ мірскихъ мыслей въ присутствіи шейха, потому что онѣ отражаются въ сердцѣ шейха и могутъ вредить ему; не думать о томъ, чтобы уйти отъ него самовольно; не начинать разговора безъ позволенія шейха; не возвышать голоса при разговорѣ, а говорить такъ, чтобы слышалъ только шейхъ; не смотрѣть долго въ лицо шейха, потому что это противно учтивости и уменьшаетъ величіе шейха въ сердцѣ его, и тѣмъ можетъ прекращать его вдохновеніе: ученикъ долженъ быть какъ воръ передъ строгимъ царемъ; не измѣнить своего чувства къ шейху, если-бы онъ ему сказалъ грубое слово или унизилъ его предъ товарищами; не упрекать шейха за его противошаріатскія дѣйствія; если же чего не пойметъ, пусть скажетъ: „онъ лучше меня знаетъ“ и пусть

*) Подъ Божьими людьми здѣсь разумѣются послѣдователи тариката и шейхи, т. е. они одни вполнѣ принадлежатъ Богу, потому что они не имѣютъ для себя другой цѣли, кромѣ богосозерцанія. *Перев.*

вспомнить повѣсть пророка о Хизри и Моисеѣ *); не противиться никогда приказанію шейха, хотя бы онъ приказалъ ему броситься въ огонь,—потому что отъ ослушанія своему шейху происходитъ несчастіе; не опровергать сужденій шейха, хотя-бы онъ самъ былъ правъ, потому что это есть нарушеніе обѣта; не говорить ему „почему" или „зачѣмъ," потому что это есть упрекъ; быть убѣждену въ томъ, что шейхъ принадлежитъ къ Божьимъ святымъ и что онъ охраненъ отъ сопротивныхъ ему; не полагать, что онъ охраненъ отъ грѣховъ, потому что и святой можетъ согрѣшить; быть убѣждену въ томъ, что его шейхъ есть самый высшій изъ шейховъ, а путь его выше всѣхъ путей, потому что, если ученикъ не убѣжденъ въ этомъ, то ему можетъ понравиться другой шейхъ и онъ можетъ предпочесть путь его, и тогда прекратится вдохновеніе отъ прежняго шейха; не вращаться много около шейха; не входить въ его сообщество, если этого не требуютъ правила вступленія въ тарикатъ; не си-

*) Повѣсть эта изложена въ самомъ коранѣ и выражаетъ обязанность ученика слѣпо повиноваться своему учителю.

Однажды Моисею пришла въ голову мысль, что онъ лучшій рабъ Божій на цѣлой землѣ; поэтому, Богъ сообщилъ ему, что Онъ имѣетъ другаго, еще лучшаго раба, живущаго на мѣстѣ сліянія двухъ морей. Моисей далъ слово своему товарищу странствовать, пока не отыщетъ этого раба Божія. Моисей съ товарищемъ ходили долго и однажды, отдохнувъ около пролива, забыли на мѣстѣ отдыха рыбу, которую имѣли съ собою. Отошедши отъ этого мѣста, Моисей велѣлъ своему товарищу подать завтракъ, но товарищъ сказалъ ему, что рыба, которую они имѣли, забыта ими на мѣстѣ отдыха. Тогда Моисей сказалъ: „это самое мѣсто мы отыщемъ"—и вернулся назадъ. Рыба, забытая ими, ожила и пошла въ море, оставивъ свой слѣдъ подъ водою, т. е. въ морѣ, куда рыба пошла, оставалась дыра въ водѣ.—Тутъ-то Моисей нашелъ искомаго человѣка (то былъ пророкъ Хизри) и просилъ принять его къ себѣ въ ученіе. На это Хизри отвѣтилъ, что Моисей не можетъ перенести того, что онъ самъ переноситъ. Моисей сказалъ: „если Богу угодно, то я буду терпѣливъ и не измѣню тебѣ."—„Въ такомъ случаѣ, ты не спрашивай меня ничего, пока я самъ тебѣ не разскажу,"—сказалъ Хизри, и оба пошли въ путь. Когда они ѣхали на одномъ караблѣ, Хизри вынулъ доску изъ корабля, на что Моисей замѣтилъ, что люди могутъ погибнуть чрезъ это. Но Хизри сказалъ: „развѣ я тебѣ не говорилъ, что ты не потерпишь со мною?" Тогда Моисей сказалъ: „не взыщи за забывчивость, я больше не буду,"—и отправились дальше. Однажды они встрѣтили красиваго мальчика и Хизри убилъ его. „Какъже ты убилъ невиннаго мальчика, вѣдь ты сдѣлалъ недоброе дѣло!"—„Развѣ я не говорилъ, что ты не потерпишь со мною?" замѣтилъ Хизри.—„Если я еще разъ спрошу что-нибудь, тогда не бери меня съ собой," сказалъ Моисей, и оба продолжали путь. Въ одномъ селеніи, куда они пришли голодные, ихъ

дѣть долго у шейха, потому что это может уменьшить любовь и величіе шейха въ его глазахъ, и тогда прекратится вдохновеніе; не скрывать отъ шейха ничего изъ своихъ видѣній и обстоятельствъ, потому что это препятствуетъ достиженію цѣли; если ему откроется что-нибудь изъ тайнъ его шейха — не обнаруживать этого никому, хотя-бы его живаго распиляли на части, и когда онъ захочетъ выйти отъ шейха, то долженъ просить позволенія его, а когда шейхъ позволитъ, долженъ поцѣловать его руку и колѣно, а потомъ выйти, отступая назадъ и не поворачиваясь къ нему спиною до тѣхъ поръ, пока какой-нибудь предметъ не скроетъ его отъ шейха.

Кто строго и точно будетъ соблюдать эти правила учтивости, тотъ воспользуется сообществомъ, которое доведетъ его до Бога; въ противномъ случаѣ, всѣ его стремленія и самое поступленіе въ сообщество шейховъ навлекутъ на него гнѣвъ Божій и заблужденія.

не пригласил и никто не накормилъ. Проходя по улицѣ, они увидѣли стѣну, готовящуюся обрушиться. Хизри провелъ рукою по стѣнѣ и она выпрямилась. „Ты могъ-бы взять за это плату,“ замѣтилъ Моисей.—„Вотъ теперь время уже намъ разстаться съ тобой, а я тебѣ объясню все, что тебѣ не понравилось,“ сказалъ Хизри и продолжалъ: „корабль, который я продырявилъ, принадлежалъ бѣднякамъ, занимающимся мореплаваніемъ. У нихъ былъ царь, который забиралъ для себя всѣ хорошіе и цѣлые корабли. Поэтому, я вынулъ доску, чтобы царь не отнялъ у бѣдняковъ корабля. У мальчика, котораго я убилъ, родители были набожные люди, а если-бы этотъ сынъ выросъ, то онъ сдѣлался-бы безбожнымъ и обратилъ-бы родителей въ безбожіе: поэтому я убилъ его, чтобы спасти родителей его отъ гибели и чтобы Богъ замѣнилъ имъ его другимъ, лучшимъ и послушнымъ сыномъ. Что-же касается до стѣны, то подъ стѣною былъ зарытъ кладъ, принадлежащій двумъ сиротамъ, у которыхъ отецъ былъ набожный и хорошій человѣкъ; Богъ твой захотѣлъ, чтобы кладъ былъ вырытъ самими хозяевами, когда они достигнутъ совершеннолѣтія, и тѣмъ сотворить имъ милость. Я все сдѣлалъ не по своей волѣ, а по волѣ Божіей. Вотъ объясненіе того, чего ты не могъ стерпѣть,“ заключилъ Хизри,—и они разстались.

IV.

О пользѣ любви и необходимости ея для мюрида.

Главное условіе этого высокаго териката составляетъ любовь, потому что самое значеніе этого тариката, а именно—постоянное рабство, сопряженное съ самопожертвованіемъ и уничиженіемъ себя, внушается любовью.

Абубекръ получилъ первенство отъ пророка въ этомъ тарикатѣ собственно силою тяготѣнія любви, а потомъ передача его пошла и къ другимъ шейхамъ тоже черезъ любовь, и потому тарикатъ сей называется «тарикатъ-джабза», т. е. чувствопередательный. Потому что тяготѣніе чувства есть причина относить его къ отдѣльной личности. Если любви не существуетъ, тогда не будетъ и тяготѣнія чувства, а безъ этого нельзя относить его къ кому-нибудь отдѣльно. Любовь, по своему свойству, удаляетъ отъ мюрида его состояніе и онъ уничтожается въ своего шейха, т. е. любовь сливаетъ мюрида съ его шейхомъ такъ, что никакое желаніе или мысль не могутъ явиться въ мюридѣ безъ воли шейха; тогда любовь втягиваетъ все, что находится въ шейхѣ (т. е. богопознаніе и богосозерцаніе), въ мюрида, и мюридъ дѣлается копіею своего шейха. Потому что любовь, какъ магнитъ, притягиваетъ всѣ качества любимаго къ любящему, такъ что каждый изъ нихъ дѣлается совершенно какъ другой. Но такая любовь не подходитъ подъ категорію пріобрѣтаемыхъ, такъ какъ она есть особенный даръ Божій, которымъ Богъ награждаетъ кого захочетъ изъ Своихъ рабовъ. Обязывать кого-либо пріобрѣсти ее нельзя, потому что принужденіе можетъ повлечь за собою только отвращеніе и непріязнь. Шейхъ Сиры Сактинскій сказалъ: «любовь не совершится между двумя личностями до тѣхъ поръ, пока одинъ другому не скажетъ: я есмь ты.» Для мюрида необходимо любить своего шейха, который дѣлается посредникомъ между нимъ и Богомъ, для созерцанія Его. Потому что шейхъ есть зеркало, въ которомъ отражаются истина и лице Божіи. Когда мюридъ полюбитъ своего шейха, тогда въ немъ являются означенныя качества и онъ самъ начинаетъ созерцать Господа Бога, безъ посредничества шейха, и дѣлается совершенно какъ шейхъ, во всѣхъ его качествахъ. Однимъ словомъ,

мюридъ приближается къ шейху сообразно степени любви, и этой любви достаточно для достиженія къ Богу. Поэтому, любовь этой партіи *) есть сущая истина.

V.

Объясненіе основаній этого пути (тариката), которыя долженъ соблюдать мюридъ.

Вступающій на этотъ путь долженъ охранять сердце свое отъ забытья, такъ, чтобы сердце его постоянно было съ Богомъ, при всякомъ дыханіи. Охраненіе бдительности дыханія приводитъ сердце къ ощущенію Бога въ жизни. Потому что каждое дыханіе, входящее и исходящее съ воспоминаніемъ Бога, даетъ жизнь, приводящую въ присутствіе Бога, а каждое дыханіе, входящее и исходящее при забытьи, есть дыханіе мертвое, прерывающее общеніе съ Богомъ. Но постоянно охранять дыханіе отъ забытья весьма трудно для новвступающихъ въ тарикатъ. Поэтому, когда является хотя малѣйшее забытье, они должны просить у Бога прощенія, т. е. говорить: «прости Господи», потому что это очищаетъ дыханіе и направляетъ его къ доброму. Во время хожденія мюридъ долженъ смотрѣть впередъ, на свои ноги, и не оглядываться вокругъ себя, чтобы образы различныхъ предметовъ не нарисовались въ его памяти и не послужили сердцу покровомъ (вуалемъ). Ибо, по большей части, образы предметовъ, которые рисуются въ сердцѣ, служатъ для него вуалемъ, потому собственно, что чистыя сердца похожи на зеркала и въ нихъ отражаются всѣ злыя и дурныя качества и мысли отъ грубыхъ сердецъ, по одному только взгляду на лицо другаго. Хожденіе мюрида должно быть отъ твари къ творцу, какъ сказалъ Авраамъ: «я иду къ своему Богу», — а не изъ города въ городъ. Такое путешествіе называется внутреннимъ путешествіемъ. Мудрый шейхъ Тирмузскій не дозволялъ мюридамъ путешествовать въ натурѣ и говаривалъ: «ключъ всякаго добра и ключъ всякаго благословенія есть

---

*) Тарикатистовъ.

терпѣніе на мѣстѣ желанія, пока тебѣ не дана будетъ воля, — и тогда въ тебѣ обнаружатся начала благословенія и ты пойдешь къ Богу, будешь-ли идти въ натурѣ куда-нибудь или не будешь идти—все равно». Шейхъ Абубекръ-Дакакъ сказалъ: «несчастія мюрида заключаются въ трехъ дѣйствіяхъ: въ женитьбѣ, въ изученіи юридическихъ книгъ, въ которыхъ нѣтъ надобности, и въ путешествія прежде самоусовершенствованія». Сердце вступившаго на этотъ путь должно постоянно находиться въ присутствіи Бога и, находясь въ натурѣ между людьми, удаляться отъ всего міра: это называется *муракаба*.

Знай, что уединеніе (халватъ) бываетъ двоякое: натуральное, или наружное, и внутреннее, т. е. въ созерцаніи тайнъ истины (Бога). Первое, т. е. наружное уединеніе, совершается по отношенію къ людямъ, для того чтобы міръ не отвлекалъ мюрида отъ внутренняго созерцанія, чрезъ что онъ дѣлается существомъ, удалившимся отъ всего. Внутреннее-же уединеніе есть настоящее уединеніе, и оно принадлежитъ исключительно къ накшубандійскому тарикату. Потому что послѣдователи его не удаляются въ натурѣ, а только внутренно, какъ сказалъ господинъ Багаудцинъ Накшубандійскій: «тарикатъ нашъ состоитъ въ товарищеотвѣ и въ добромъ союзѣ».

Мюридъ, для достиженія своего до степени муракаба, долженъ произносить языкомъ положительно-отрицательное изреченіе: «*нѣтъ Бога, кромѣ одного Бога*» извѣстное число разъ въ сутки, какъ-то: по 5,000 или по 10,000 разъ и такъ далѣе. Потому что сердце, будучи въ совокупности съ составными частями тѣла, подвергается ржавчинѣ атомовъ. Когда-же языкъ произноситъ это положительно-отрицательное изреченіе, оно очищается отъ ржавчины и достигаетъ, въ состояніи бдѣнія, до степени богосозерцанія.

Во время произношенія положительно-отрицательнаго изреченія, мюридъ долженъ обратить свои мысли къ слѣдующимъ высокимъ словамъ: «Боже, ты составляешь предметъ моего стремленія и угодить тебѣ—вотъ мое желаніе». Потому что эти слова утверждаютъ значеніе положительно-отрицательнаго изреченія и передаютъ сердцу вспоминающаго тайну настоящаго единства Божія, такъ что во взорахъ его уничтожается существованіе всего міра и обнаруживается только одно существованіе единаго Бога.

Во время воспоминанія, мюридъ долженъ сохранять свое сердце въ точномъ пониманіи значенія положительно-отрицатель

наго изреченія; потому что, если сердце не будетъ исключительно занято значеніемъ онаго, тогда въ немъ могутъ являться посторонніе мысли; если-же другія мысли появятся, тогда сердце не достигаетъ цѣли воспоминаній, а именно—сообщества своего съ воспоминаемымъ предметомъ. Охраненіе сердца отъ посторонихъ мыслей, хотя-бы на одинъ часъ, есть великое дѣло у людей тариката, и при этомъ должно держать въ своемъ сердцѣ, во время воспоминанія, присутствіе вспоминаемаго (Бога) съ притаеннымъ дыханіемъ. Нѣкоторые полагаютъ, что мюридъ долженъ сохранять сердце въ присутствіи Бога постоянно и во всякое время; но это тоже, что муракаба.

Мюридъ долженъ останавливаться въ свое время и знать, какой моментъ прошелъ съ присутствіемъ Бога и какой въ забвеніи. Когда является забвеніе, онъ долженъ отстранить его, сказавъ: «прости Боже», и, возвративъ мысли къ Богу, долженъ остановиться на Немъ. Кто не разбираетъ такимъ образомъ своего времени и не исполняетъ своей обязанности относительно воспоминанія Бога и совершенія молитвъ,—жизнь такого человѣка дѣлается ничтожною и погибающею въ грѣхахъ и забвеніи. Къ числу высшихъ качествъ принадлежитъ такое знаніе моментовъ времени и охраненіе ихъ отъ всего противнаго Богу, а также постоянство въ совершеніи молитвъ.

Во время воспоминанія, мюридъ долженъ еще произносить положительно-отрицательное изреченіе, задержавъ дыханіе, нечетное число разъ, какъ то: три, пять, семь разъ и т. д. до двадцати одного, втеченіи каждаго дыханія. Когда дойдетъ до того, что можетъ произнести въ одно дыханіе означенное, нечетное число разъ, тогда долженъ посмотрѣть на результатъ; если достигнетъ чего-нибудь, то хорошо; если-же ничего не выйдетъ, т. е. не почувствуетъ въ себѣ перемѣны состоянія, то это происходитъ отъ какого-либо отступленія отъ этихъ правилъ. Тогда пусть мюридъ снова начнетъ и постарается строго соблюсти всѣ вышесказанныя правила.

Совершенно такъ-же вступившій на этотъ путь долженъ наблюдать за сердцемъ, во время воспоминанія, чтобы отвратить отъ него забвеніе и постороннія мысли. Потому что сердце, пока въ немъ существуетъ какая-нибудь мысль, не можетъ явиться къ воспоминаемому (Богу), хотя-бы вспоминать Бога цѣлую жизнь. А когда мюридъ наблюдаетъ за сердцемъ и устремляетъ его совершенно къ Единому, тогда въ немъ совершается уничтоже-

ніе себя въ Богѣ, т. е. онъ приходитъ въ такое состояніе, что не чувствуетъ ни своего существованія, ни существованія другаго чего-либо, кромѣ только Творца, и когда онъ достигнетъ этой степени,—тогда дѣло кончено.

Заключеніе.

О пользѣ сообщества съ шейхами, о любви и почитаніи ихъ.

Знай, что сообщество съ шейхами во всѣхъ высокихъ тарикатахъ есть самостоятельное средство для достиженія до высшей степени. Потому что достиженіе до созерцанія Творца во всѣхъ путяхъ зависитъ отъ сообщества съ совершенными шейхами и отъ наставленій достигшихъ до Бога учителей. Шейхъ, въ полномъ значеніи этого слова, доводитъ своего ученика до степени совершенства однимъ своимъ сообществомъ и открываетъ ему свѣтъ и красоту Всевышняго и обнаруживаетъ ему тайны достиженія Бога, не прибѣгая къ другимъ средствамъ, какъ-то: къ частому воспоминанію Бога, задержанію себя въ *ріязѣ* *) и учащенію молитвъ. Ріяза, безъ совѣта шейха и сообщества съ нимъ, а также безъ связи съ нимъ (рабита) **), не производитъ ничего, кромѣ недоразумѣнія. То, что мюридъ находитъ въ любви шейха въ одно мгновеніе, не можетъ онъ найти въ чтеніи тысячи книгъ и въ уединеніи на тысячу лѣтъ. Потому что совершенный шейхъ распоряжается своимъ мюридомъ одною

---

*) *Ріяза*, у тарикатистовъ, значитъ пріученіе себя къ самой скромной и весьма скудной пищѣ, для умерщвленія тѣлесныхъ страстей.

**) *Рабита*, слово арабское, означаетъ — связать. У тарикатистовъ оно означаетъ — сидѣть съ закрытыми глазами, держа въ памяти образъ своего шейха, и смотрѣть на него мысленно. Рабита совершается и въ присутствіи шейха: представивъ себѣ образъ шейха, продолжаютъ глядѣть на него такъ, что забываютъ обо всемъ и о самомъ себѣ, кромѣ существа шейха.

Перев.

дружбою и доводить его до степени богосозерцанія, что невозможно достигнуть какимъ-либо другимъ путемъ, кромѣ дружбы съ шейхами.

Знай, что дружба съ совершеннымъ шейхомъ, со всѣми ея условіями, а именно: любовью, преданностію, присутствіемъ сердца, убѣжденіемъ, самопожертвованіемъ, самоуничиженіемъ, выборомъ и послушаніемъ, достаточна для отраженія вида Божьяго свѣта въ сердцахъ искателей и для превращенія ихъ тѣмъ свѣтомъ.

Связь чувства (рабита), также какъ и сообщество съ шейхами, достаточна для достиженія отражательности и красоты сердца, хотя-бы и вдалекѣ отъ шейха. Потому что рабита поставляетъ мюрида въ покровительство шейха, который охраняетъ его отъ всего противнаго во всякомъ положеніи, такъ что онъ исчезаетъ въ образѣ шейха, отстаетъ отъ своей воли и существуетъ волею шейха. Тогда нисходитъ въ сердце его свѣтъ Бога посредствомъ шейха и мюридъ остается такимъ образомъ съ шейхомъ своимъ, пока не достигнетъ до степени самостоятельности и пока въ сердцѣ его не будетъ отражаться свѣтъ Божій прямо, безъ посредничества шейха. Поэтому, нѣкоторые боговѣды сказали: «введи шейха въ свое сердце и водвори его тамъ и не выводи его оттуда, пока ты самъ не сдѣлаешься богознателемъ, посредствомъ его, потому что шейхи суть источники Божьяго вдохновенія, а кто вводитъ въ свое сердце этотъ источникъ, тотъ достигнетъ и до степени вдохновенія».

Слѣдовательно, рабита, гдѣ-бы ее ни совершать, для вступающаго на сей путь, гораздо полезнѣе воспоминанія и охраненія сердца.

Послѣсловіе отъ переписчика.

Всѣ изложенныя выше правила относятся къ тарикату высокаго шейха, источника познаній и величія, Ховаджа-Багауддина Накшубандійскаго. Тарикатъ этотъ извѣстенъ въ настоящее время въ Дагестанѣ и въ сосѣдствѣ его подъ именемъ халидійско-накшубандійскаго тариката.

Кромѣ этого, у насъ не имѣется другаго тариката въ на-

стоящее время. Кто послѣдуетъ ему, тотъ спасется отъ гибели въ будущей жизни, а кто отступится отъ него и отвергнетъ его, тотъ впадетъ въ несчастіе, какъ это и видѣли мы сами на опытѣ. Я выписалъ эти правила, съ нѣкоторыми сокращеніями, изъ книги «Адабуль-Марзія»,—сочиненія свѣта моихъ очей, учителя и родителя моего, а также учителя въ тарикатѣ всѣхъ дагестанскихъ, чеченскихъ и другихъ сосѣднихъ къ нимъ народовъ, — сеида Джемаледдина Казикумухскаго.

Сеидъ Абдурахманъ.

ТАРИКАТСКІЯ ЛЕГЕНДЫ, ПОУЧЕНІЯ И ПИСЬМА.

Отъ Редакціи.

Въ дополненіе къ сочиненію шейха Джемалэддина о тарикатѣ, считаемъ нелишнимъ помѣстить здѣсь-же нѣсколько легендъ, поученій и писемъ, характеризующихъ религіозную жизнь горцевъ-мусульманъ.

Легенды и поученія, подобныя помѣщаемымъ ниже, читаются муллами въ мечетяхъ, въ большіе праздники и въ особенности при молебствіяхъ, совершаемыхъ по случаю необыкновенныхъ явленій природы, какъ-то: землетрясенія, солнечныхъ и лунныхъ затмѣній, продолжительнаго бездождія и т. п. Народъ слѣпо вѣритъ подобнымъ проповѣдямъ. Можно было-бы собрать ихъ весьма большое количество, но переводчикъ ихъ съ арабскаго языка, г. Абдулла Омаровъ, ограничился по необходимости выборкою наиболѣе характеристичныхъ изъ подобныхъ сказаній заключавшихся въ бывшемъ у него подъ рукою рукописномъ сборникѣ. Одни изъ переведенныхъ имъ отрывковъ характеризуютъ общемусульманскія вѣрованія, другіе-же принадлежатъ къ ученію о тарикатѣ.

Что касается помѣщаемыхъ писемъ, также переведенныхъ съ арабскаго и татарскаго языковъ, то они въ значительной степени разъясняютъ, какъ ученіе о тарикатѣ, изложенное Джемалэддиномъ въ его теоріи, проявляется на практикѣ. Письма эти извлечены изъ дѣлъ Кавказскаго Горскаго Управленія за послѣднее время и переведены г. Абдуллою Омаровымъ съ сохраненіемъ всѣхъ особенностей, которыя отличаютъ манеру переписываться между собою, принятую въ общественной жизни горцевъ, и только лишь подлинныя имена переписывавшихся между собою лицъ замѣнены вымышленными.

Легенды.

Разсказъ о шейхѣ Магомедѣ, сынѣ Ахмеда Балхскаго, извѣстномъ своею святостію и принадлежавшемъ къ числу тарикатскихъ учителей.

«Разсказывалъ намъ Абулъ-Гасанъ, что̀ отецъ его слышалъ отъ своего отца. Когда находился въ Багдадѣ великій шейхъ, богознательный Магомедъ, сынъ Ахмеда Балхскаго, то онъ, дѣдъ Абулъ-Гасана, просилъ его разсказать о началѣ его святости, но тотъ ему не открылся. Тогда онъ прослужилъ у него второй годъ, спросилъ тоже самое, но и тогда шейхъ не открылся. Прослуживши третій годъ, онъ спросилъ его о томъ-же самомъ, и тогда шейхъ сказалъ ему: «неужели тебѣ непремѣнно надо это знать?»—«Если найдешь возможнымъ»—отвѣтилъ онъ. Тогда онъ началъ: «ты не открывай никому объ этомъ, пока я живъ». Дѣдъ Абулъ-Гасана далъ на это слово.—«Я бѣжалъ изъ Балха въ Багдадъ—продолжалъ онъ,—чтобы видѣться съ шейхомъ Абдулъ-Кадыромъ, и засталъ его за предвечернею молитвою; когда онъ кончилъ молитву, я подошелъ и поздоровался, а онъ взялъ меня за руку и, улыбаясь, сказалъ: «добро пожаловалъ, Магомедъ; Богъ видитъ твое мѣсто и знаетъ твою цѣль». Эти слова его были лекарствомъ для больнаго, и у меня выступили слезы отъ боязни, члены мои задрожали отъ страха, и кишки мои разрѣзались отъ любви. Я уединилъ себя отъ людей и чувствовалъ на душѣ нѣчто невыразимое. Чувство это усиливалось во мнѣ все больше. Однажды, когда я всталъ на свою молитву, въ темную ночь, мнѣ показались изъ сердца моего образы двухъ человѣкъ,—одинъ изъ нихъ держалъ чашу, а другой—плащъ. Державшій плащъ сказалъ мнѣ: «я Али, сынъ Абуталиба, а этотъ—одинъ изъ приближенныхъ къ Богу ангеловъ; это—чаша любви, а это—плащъ благословенія». Потомъ надѣлъ онъ на меня плащъ, а ангелъ подалъ мнѣ чашу, свѣтъ которой освѣщалъ пространство между востокомъ и западомъ. Когда я выпилъ чашу,—тутъ-же мнѣ открылись тайны Божіи и мѣста святыхъ и многія другія чудеса. Изъ числа видѣнныхъ мною дивъ было то мѣсто, о тайны котораго скользятъ ноги умовъ, предъ величіемъ котораго помрачаются понятія разумовъ, предъ обаяніемъ котораго клонятся долу головы и предъ блескомъ свѣта

котораго отуманивается зрѣніе очей. Не проходила мимо этого мѣста ни одна толпа ангеловъ и духовъ безъ того, чтобы не пасть на колѣни въ честь этого мѣста. Я началъ воспѣвать хвалы Богу и поклонился жителямъ этого мѣста. Вдругъ кто-то сказалъ: «ничего нѣтъ выше этого мѣста, кромѣ престола Божія; всякая степень приближенія къ Богу, тайна любимца Его, знаніе ученаго, дѣйствіе святаго и сближеніе съ Богомъ, начало, основаніе и конецъ достиженія всего—все это выходитъ изъ этого мѣста». Я стоялъ на время, не имѣя возможности посмотрѣть на это мѣсто, а потомъ долго стоялъ, не умѣя приблизиться къ нему, потомъ долго и разглядывалъ, чтобы узнать, кто тамъ такіе находятся, и наконецъ узналъ, что тамъ сидитъ посолъ Божій Магомедъ,—съ правой стороны его сидятъ Адамъ, Авраамъ и архангелъ Гавріилъ, а съ лѣвой стороны—Ной, Моисей и Іисусъ (да будетъ надъ ними и нами благословеніе Божіе!); предъ нимъ сидятъ главные его товарищи, а другіе святые стоятъ какъ прислуга и надъ ихъ головами сидитъ по одной птицѣ. Изъ товарищей его я узналъ Абубекра, Омара, Османа, Али, Гайзата и Аббаса, а изъ святыхъ я узналъ Маарува Курхскаго, Сирру Сактскаго, Джунайда, Сахлу, вѣнецъ богознателей—шейха Абдулъ-Кадыра, шейха Адай и шейха Ахмеда Руфайскаго. Самый приближенный къ пророку изъ товарищей его былъ Абубекръ, а изъ святыхъ—шейхъ Абдулъ-Кадыръ. Въ это время я услышалъ чей-то голосъ, который говорилъ: «когда пророки Божіи и ангелы приближенные сильно воспламеняются желаніемъ видѣть Магомеда, тогда Магомедъ сходитъ съ своего высокаго мѣста у Бога на это мѣсто, гдѣ онъ принимаетъ всѣхъ, и созерцаніемъ его увеличивается свѣтъ ихъ и почетъ и возвышаются ихъ мѣста, а потомъ Магомедъ возвращается на свое мѣсто». Я слышалъ, что всѣ они воспѣвали: «слушаемся и повинуемся, Боже, прости насъ: къ Тебѣ-же возвращаются» *).

Въ это время мнѣ показался блескъ великаго Божьяго свѣта и я потерялъ всякое сознаніе присутствія предметовъ и своего существованія и безъ сознанія впалъ въ такое положеніе, что не могъ различать предметы одинъ отъ другаго и находился въ такомъ состояніи три года. Когда я очнулся отъ этого положенія, шейхъ мнѣ сказалъ: «о балхецъ, мнѣ приказано возвратить

*) Стихи корана, т. е. всякій по смерти возвращается къ Богу и никуда больше.

тебѣ чувство и сознаніе и снять съ тебя то, что тебя одолѣвае, а потомъ онъ разсказалъ мнѣ обо всемъ, что я видѣлъ, съ начала и до конца, и присовокупилъ, что онъ просилъ пророка семь разъ, чтобы мнѣ позволилъ видѣть это мѣсто, потомъ семь разъ просилъ, чтобы я поднялъ къ нему, потомъ семь разъ, чтобы я могъ видѣть, кто тамъ, и семь разъ,—чтобы я услышалъ вышесказанный голосъ.—„Я просилъ Бога—продолжалъ шейхъ—семь, семь и семь разъ, чтобы ты увидѣлъ блескъ свѣта, а прежде я просилъ 70 разъ, чтобы тебя напоили чашею любви и одѣли плащемъ благословенія, а теперь, сынъ мой, соверши всѣ намазы, которые ты пропустилъ впродолженіи трехъ лѣтъ.»—Вотъ какъ было мое дѣло,—заключилъ балхецъ.

Разсказывалъ Мааруфъ-Курхи *): однажды я совершалъ вечеромъ молитву, какъ слѣдовало, и легъ спать. Во снѣ я увидѣлъ женщину, какъ полнолуніе, красоту которой невозможно описать; она, обратившись ко мнѣ, сказала: «какъ ты можешь спать, имѣя такую рабыню, какъ я?» Я посмотрѣлъ на нее—и она мнѣ улыбнулась въ лицо. Въ это время свѣтъ ея зубовъ освѣтилъ пространство между востокомъ и западомъ.

— «Какъ ты достигла до такой красоты»? спросилъ я.

— «Однажды, въ холодную зимнюю ночь, ты всталъ и совершилъ омовеніе для молитвы и отправился въ мечеть, а я взяла каплю воды изъ упавшихъ съ лица твоего и обтерла ею свое лицо. Отъ этой капли воды Богъ вознаградилъ меня красотою, превосходящею красоту райскихъ гурій,“ — сказала женщина. Я проснулся и воспѣлъ хвалу Богу».

Абу-Гурайратъ **) разсказалъ, что посолъ Божій (да будетъ на немъ миръ Божій!), говорилъ, что подъ престоломъ Божіимъ находится пѣтухъ, который сидитъ на башнѣ изъ краснаго яхонта, опирающейся на столбы свѣта; пѣтухъ этотъ имѣетъ на каждой сторонѣ по 700,000 крыльевъ и на каждомъ крылѣ по

*) Одинъ изъ великихъ древнихъ тарикатскихъ шейховъ.

**) Одинъ изъ приближенныхъ товарищей Магомеда, которому приписываются самыя вѣрныя изреченія пророка.

700,000 перьевъ изъ серебра, по стольку-же перьевъ изъ мускуса и по столько-же изъ золота; на каждомъ перышкѣ написано: «*Во имя Бога милостиваго и милосердаго; нѣтъ Бога кромѣ единаго, и Магомедъ есть его посолъ вѣрный; всякая вещь подвергнется уничтоженію, кромѣ лица Божія, которому принадлежитъ всякое дѣло и къ которому вы возвратитесь.*“ Ширина этого пѣтуха такая, сколько есть пространства отъ престола Божія до нижней земли; длину его тѣла составляетъ милліонъ лѣтъ ѣзды, и такой-же длины клювъ. Голова его сдѣлана изъ бѣлаго жемчуга, глаза—изъ краснаго яхонта. Каждый Божій день на крылья его каплютъ отъ престола Божія жемчужныя, коралловыя капли и капли амбры, камфоры и мускуса. Пѣтухъ этотъ стряхиваетъ съ крыльевъ своихъ означенныя капли на жителей рая пять разъ въ сутки, т. е. во время каждаго намаза, и при этомъ, поднявъ голову, поетъ: «очищаю великаго Бога отъ всего нечистаго и хвалю Его», и хлопаетъ крыльями. Отъ этого вѣтви райскихъ деревьевъ начинаютъ биться другъ о друга. Тогда гуріи встаютъ поспѣшно и говорятъ другъ дружкѣ: „вставайте, уже послѣдователи Магомеда (да будетъ надъ нимъ миръ Божій!) встали на молитву.“

Отъ такого движенія пѣтуха, башня, на которой онъ сидитъ, приходитъ въ движеніе и качаются столбы подъ ней; а когда столбы начинаютъ качаться, всѣ предметы на небесахъ, на землѣ и подъ землею приходятъ въ движеніе, такъ, что наконецъ и престолъ Божій начинаетъ шататься. Тогда Богъ, обратившись къ пѣтуху, спрашиваетъ его: „что съ тобою?“ (между тѣмъ Богъ самъ знаетъ хорошо).—„Боже ты мой,“—отвѣчаетъ пѣтухъ,—„послѣдователи Магомеда встали исполнить обязательныя къ Тебѣ молитвы.“

— Я обязую себя—говоритъ ему Богъ Всевышній — посмотрѣть на нихъ глазами милости.

И такъ Богъ смотритъ на правовѣрнаго пять разъ въ сутки.

О Божьи рабы, молитесь Богу: Всемилостивѣйшій смотритъ на васъ во время намазовъ.

Разсказывалъ Кaабъ *), что не проходитъ ни одно утро,

*) Одинъ изъ товарищей пророка, точно также, какъ и Маацъ, которому приписывается слѣдующій разсказъ.

чтобы не явилось 70,000 ангеловъ, которые окружаютъ могилу пророка, хлопаютъ крыльями и посылаютъ пророку благословенія. Вечеромъ они смѣняются новыми 70,000 ангелами, которые продолжаютъ дѣлать тоже самое до утра, т. е. пока ихъ не смѣнятъ новыми ангелами. Такъ, что когда земля раскроетъ его тѣло (воскреситъ), Магомедъ встанетъ въ сопровожденіи 14,000 ангеловъ, которые будутъ провожать его съ почетомъ.

Разсказывалъ Мааць, сынъ Джабала, что во время пророка Магомеда жилъ одинъ безбожный и грѣшный молодой человѣкъ. Когда этотъ человѣкъ умеръ, отецъ его не пошелъ на его похороны, за то, что умершій сынъ былъ слишкомъ большой грѣшникъ.

Послѣ его похоронъ отецъ видѣлъ во снѣ своего сына и спросилъ его: «что съ тобой Богъ сдѣлалъ?»

— Отецъ, ты не явился на мои похороны, — отвѣтилъ сынъ,—но за то явились лучшіе тебя.

— «Кто-же эти лучшіе меня?»—спросилъ отецъ.

— Ты не молился за мой упокой, потому что я былъ грѣшенъ, но за то явился архангелъ Гавріилъ, съ 70,000 ангеловъ: они молились и сообщили мнѣ о помилованіи Божіемъ.

— «За что-же тебѣ такая честь?»

— Отецъ, однажды пророкъ Божій отправился въ походъ, и я спросилъ у людей, какъ пророкъ совершилъ свой походъ? Мнѣ сказали, что онъ вернулся благополучно,—я обрадовался въ душѣ его благополучному возвращенію, и Богъ простилъ меня за мое сочувствіе къ Его пророку,—сказалъ сынъ.

Разсказывалъ Ибну-Аббасъ *), что пророкъ Божій говорилъ: «Въ ночь путешествія моего на небо, когда я доѣхалъ до кладбища Іерусалима, мнѣ показали адъ. Въ срединѣ адскаго огня я увидѣлъ между прочимъ одинъ гробъ, въ которомъ была постлана зеленая постель и на этой постели спалъ молодой человѣкъ; по бокамъ его стояли два ангела съ веерами въ рукахъ и охлаждали ими спящаго. Я обратился къ своему спутнику и спросилъ: «братъ мой, Гавріилъ, кто этотъ человѣкъ, спящій по

*) Дядя пророка.

средине ада?» Гавріилъ сказалъ: «Магомедъ, это былъ щедрый христіанинъ. Богъ не измѣняетъ своему слову, что безбожнаго не пуститъ въ рай, но, тѣмъ не менѣе, Богъ помѣстилъ его въ этомъ гробу за его щедрость, такъ, чтобы адскій огонь не могъ на него дѣйствовать и мучить.»—Я видѣлъ еще людей, которые ѣли безпрестанно вонючее мясо, а съ боку ихъ лежало хорошее, но они не могли достать его. «Кто это такіе?» спросилъ я у Гавріила.—«Это люди изъ твоихъ послѣдователей, которые вели развратную жизнь»,—сказалъ Гавріилъ. Еще видѣлъ я людей, пьющихъ кипятокъ изъ крови, смѣшанной съ гноемъ.—«Кто эти?» спросилъ я.—«Это изъ твоихъ послѣдователей, которые на свѣтѣ пили вино», сказалъ Гавріилъ. Еще видѣлъ я людей, головы которыхъ размалывали подъ огненными жерновами. «Кто эти?» спросилъ я.—«Это судьи изъ твоихъ послѣдователей, которые рѣшали дѣла за взятки и съ пристрастіемъ», сказалъ мнѣ Гавріилъ. Еще видѣлъ я людей, у которыхъ чрезъ затылокъ были высунуты языки на 70 локтей, а змѣи и скорпіоны жалили ихъ. «Кто эти?» спросилъ я.—«Это тѣ изъ твоихъ послѣдоваталей, которые занимались кляузами на другихъ»,—сказалъ мнѣ Гавріилъ. Еще видѣлъ я людей, которые лазили и спускались по огненнымъ башнямъ. «Кто эти?» спросилъ я.—«Это люди изъ твоихъ послѣдователей, которые другихъ учили добру, а сами не дѣлали его», сказалъ Гавріилъ.

Великій Богъ сказалъ: «*Я сотворилъ Магомеда отъ свѣта Моего лица. Если-бы не для тебя, Магомедъ, Я-бы не сотворилъ міра*». Магомедъ тоже сказалъ: «*первое, что Богъ сотворилъ, — это мою душу и мой свѣтъ*». Древніе великіе шейхи и святые изъ правовѣрныхъ пишутъ, что когда Богъ сотворилъ въ первый разъ душу Магомеда, онъ посмотрѣлъ на нее милостивымъ окомъ и Магомедъ вспотѣлъ отъ стыда, такъ что съ него упало шесть капель пота. Изъ одной капли Богъ сотворилъ все продовольствіе своимъ тварямъ; изъ второй капли—красную розу; изъ третьей—Абубекра; изъ четвертой—Омара; изъ пятой—Османа; изъ шестой—Али. По этому порядку они занимали халифатство послѣ Магомеда и въ такомъ-же порядкѣ займутъ свои мѣста въ день воскресенія; они имѣютъ равныя права предъ Богомъ съ пророками прежнихъ народовъ.

Человѣкъ правовѣрный имѣетъ четыре глаза: два наружные помѣщены въ головѣ и служатъ для осмотра окружающихъ насъ предметовъ, а два глаза находятся внутри человѣка. Изъ нихъ одинъ въ *фуадѣ* *),—онъ смотритъ на образъ Божій, отражающійся въ зеркалѣ сердца богобоязливаго человѣка; другой-же глазъ помѣщается внутри тайны **) и будетъ созерцать лицо Божіе послѣ смерти, прямо, безъ всякаго посредничества.

Все имѣетъ предѣлъ, кромѣ души, богопознанія и степени величія пророка Магомеда. Пророкъ Божій сказалъ, что когда правовѣрный спитъ, душа его отправляется въ первоначальное свое мѣсто и блаженствуетъ въ богосозерцаніи. Сердце боговѣдающаго человѣка шире всего въ мірѣ: если-бы престолъ Божій и все что окружаетъ его увеличить въ 1,000,000 разъ и бросить въ одинъ изъ угловъ сердца правовѣрнаго, послѣдній даже не замѣтилъ-бы этого. Самъ Богъ сказалъ: «*Меня не вмѣстятъ Мои небеса и Мои земли, а сердце правовѣрнаго раба вмѣщаетъ Меня*». Это потому, что тайна человѣка есть одно изъ божественныхъ качествъ.

---

*) Слово *фуадъ* означаетъ по-арабски сердце, какъ и слово *калбъ*; но тарикатисты полагаютъ различіе между значеніями обеихъ словъ. Вотъ что говорилъ одинъ шейхъ изъ Медины, когда его спрашивали о разницѣ между значеніями словъ *калбъ* и *фуадъ*. «Калбъ (сердце) есть мѣсто сокровища Божьяго, вложеннаго въ его раба. Мѣсто это имѣетъ запертую дверь, замкнутую замкомъ изъ зеленаго изумруда; внутри оно обвѣшано занавѣсами изъ свѣта; посреди его находится *фуадъ*. Сердце *калбъ* умираетъ вмѣстѣ съ тѣломъ и живетъ съ тѣломъ, какъ часть человѣческаго организма, состоящаго изъ мяса. Оно-же есть *источникъ заблужденій*, которыя внушаетъ человѣку дьяволъ. *Фуадъ* никогда не умираетъ и ничего не боится, кромѣ Господа Бога; къ нему нѣтъ доступа ни для заблужденій, ни для грѣховъ, кромѣ какъ для истины. Если-же дьяволъ вздумаетъ коснуться *фуада*, онъ тутъ-же сгораетъ отъ огня истины, находящагося въ глубинѣ *фуада*, и обращается въ пепелъ. *Перев.*

**) По понятіямъ тарикатистовъ, сердце человѣка содержитъ въ себѣ нѣсколько отдѣленій; первое - натуральное сердце, въ которомъ находится *фуадъ*; второе—сердцевина сердца; въ ней находится тайна, въ тайнѣ—сокровенная тайна, а въ ней—тайна тайнъ. *Перев.*

Сердце боговѣдающаго человѣка имѣетъ *триста шестьдесятъ дверей.* Каждая дверь въ тысячу разъ больше, чѣмъ пространство между престоломъ Божіимъ и дномъ земли. Описанія этихъ дверей не знаетъ никто, кромѣ Бога. На каждой двери стоятъ по 70,000 сторожей, которые караулятъ сердца богознателя. Каждый сторожъ имѣетъ при себѣ по 70,000 войскъ, число которыхъ знаетъ только одинъ Богъ. Около каждой двери находится по 70,000 морей изъ свѣта, по 70,000 морей изъ величія Божія, по 70,000 морей изъ могущества Его и по 70,000 морей изъ познанія. Двери эти заперты замками изъ свѣта Всевышняго. Но Всевышній взираетъ на каждую дверь въ сутки по 360 разъ и брызжетъ на нихъ изъ свѣта вѣчности. Тогда двери толкаются другъ о друга, моря покрываются облаками величія, на нихъ дуютъ вѣтры страха и они сильно волнуются. Тогда сердце приходитъ въ тревожное состояніе и жилы тѣла начинаютъ воспѣвать хвалу Богу на милліонъ различныхъ ладовъ. Въ это время сердце смотритъ—начиная отъ семи небесъ до престола Божія, оттуда на свѣтъ Его и отъ свѣта въ лицо Всевышняго. Тогда тѣло умираетъ и не оживляется, пока не успокоятся волны морей. Въ такомъ состояніи сердце бесѣдуетъ съ Богомъ безъ посредника. Иногда человѣкъ безсознательно смѣется, а иногда плачетъ, а иногда стонетъ. Такое состояніе бываетъ съ истинными богознателями, которые достигаютъ до него воспоминаніемъ Бога.

По смерти пророка Магомеда, тѣло его обмывалъ Али, а воду наливалъ Ибну-Аббасъ. Воду, которою было обмыто тѣло пророка, ангелы налили въ четыре бутыли. Одну изъ нихъ взялъ Гавріилъ, другую Израилъ, третью Михаилъ, а четвертую Исрафилъ. Израилъ наливаетъ изъ своей бутыли въ ротъ правовѣрнаго нѣсколько капель во время отниманія у него души, чѣмъ облегчаются предсмертныя мученія. Михаилъ наливаетъ также нѣсколько капель въ ротъ правовѣрнаго въ могилѣ, при вопросѣ Мункера и Накира *), и тѣмъ помогаетъ покойному отвѣ-

*) По окончаніи погребенія, къ покойнику являются ангелы Мункеръ и Накиръ, въ образѣ страшныхъ чудовищъ, и спрашиваютъ его обо всемъ.

чать имъ. Исрафилъ нальетъ изъ своей бутыли по нѣскольку капель въ ротъ правовѣрныхъ въ день страшнаго суда и утолитъ ихъ жажду, а Гавріилъ нальетъ изъ своей бутыли по нѣскольку капель въ глаза правовѣрныхъ въ раю, и они сдѣлаются способными воззрѣть на лицо Божіе безъ опредѣленнаго образа.

Разсказываетъ Джафаръ-Садыхъ, что слышалъ отъ пророка: когда рыба, проглотившая Іону, нырнула въ глубину моря, тогда Богъ сдѣлалъ рыбье тѣло прозрачнымъ какъ хрусталь для глазъ Іоны, что-бы онъ могъ посмотрѣть морское царство. Вдругъ Іона услышалъ стенанія Карона *), а сей послѣдній услышалъ молитву Іоны и спросилъ у ангела, который приставленъ къ нему: «что это такое?» Ангелъ сказалъ, что эта молитва Іоны. Тогда Каронъ закричалъ: «о, Іона, что случилось съ моимъ двоюроднымъ братомъ, Моисеемъ?»

— Умеръ,—сказалъ Іона.

— «О горе мнѣ!» сказалъ Каронъ. «Что-же братъ его, Гарунъ (Ааронъ)?

— Тоже умеръ.

— «Охъ, спина моя сломалась!» застоналъ Каронъ. «А что-же сестра ихъ? спросилъ онъ опять».

— Умерла тоже.

— «Охъ! сократилось родство!» воскликнулъ Каронъ и умолкъ. Тогда Богъ приказалъ ангелу, приставленному къ нему, чтобы онъ облегчилъ ему мученія за состраданіе его къ роднымъ своимъ.

Однажды посолъ Божій вышелъ въ поле, вмѣстѣ съ своими товарищами, и вдругъ увидѣлъ змѣю, съ покрытою волосами головою и съ пастью, изъ которой вылетали огненныя искры: каж-

*) Двоюродный братъ Моисея, богатство котораго не имѣло счета и границъ, но который былъ скупъ, старался всячески вредить Моисею и, по проклятію его, былъ поглощенъ землею со всѣмъ имуществомъ.

дый разъ, какъ она дышала, земля горѣла и чернѣла отъ яда ея. Пророкъ сдѣлалъ земной поклонъ великому Богу и молилъ: «Боже, избави моихъ послѣдователей отъ яда этой змѣи.» Въ это время приползла змѣя къ пророку и, поклонившись ему, сказала: «зачѣмъ ты просишь Бога, чтобы онъ избавилъ твоихъ послѣдователей отъ моего яда, тогда какъ у твоихъ послѣдователей ядъ гораздо сильнѣе моего. Кто умретъ отъ моего яда—тотъ пойдетъ въ рай, а кто умретъ отъ яда твоихъ послѣдователей—тотъ пойдетъ въ адъ.»

— Какой-же это ядъ моихъ послѣдователей, который сильнѣе твоего? спросилъ ее пророкъ.

— «Нечистота рукъ тѣхъ женщинъ, которыя не совершаютъ намаза и стряпаютъ кушанье»,—отвѣчала змѣя: «кто поѣстъ отъ ихъ кушанья—у того сердце почернѣетъ и тотъ умираетъ безбожно»,—заключила она.

Разсказывалъ Ибну-Аббасъ, что пророкъ Божій говорилъ: когда настаетъ мѣсяцъ *рамазанъ* (постъ), то вмѣстѣ съ нимъ приходитъ на землю благодать Божія. Всякая правовѣрная женщина, которая готовитъ ужинъ своему мужу, семейству и гостямъ, удостоивается отъ Бога великаго вознагражденія, такъ что ангелы обращаются къ Богу съ просьбою: «Боже, сдѣлай ты насъ соучастниками въ милости Твоей вмѣстѣ съ этою женщиною! Если это нельзя, такъ распространи на насъ ея милостивое ходатайство предъ лицомъ Твоимъ за грѣшныхъ рабовъ Твоихъ въ день страшнаго суда.»

— «Просьба ваша будетъ исполнена»,—скажетъ имъ Богъ.

Когда наступитъ вторая ночь рамазана и женщина приготовитъ ужинъ и услужитъ своему мужу,—ангелы опять обратятся къ Богу съ просьбою: «Боже, сдѣлай насъ товарищами этой женщины въ день воскресенія!»

— «Вы, ангелы мои, стоите гораздо выше ея, зачѣмъ-же вамъ это?» спроситъ Богъ.

— «Боже, мы смотрѣли во всѣ книги, въ которыя записываются добрыя и злыя дѣла людскія и не видали человѣка, которому бы было больше записано Твоихъ наградъ, чѣмъ этой женщинѣ».

Въ третью ночь, 70,000 ангеловъ понесутъ добро такой женщины и когда дойдутъ до небесныхъ воротъ, онѣ будутъ отворены и ихъ встрѣтитъ ангелъ съ 80,000 ангелами, которые

несутъ 40,000 дворцовъ изъ краснаго яхонта, а надъ каждымъ дворцомъ разбито по одной палаткѣ изъ свѣта,— и все это предназначается для этой женщины.

Въ четвертую ночь, Богъ воздастъ ей столько вознагражденія, сколько-бы слѣдовало всѣмъ правовѣрнымъ за произношеніе словъ *лаилаха иллаллахъ* и еще дастъ домъ въ раю, который обширнѣе нашего свѣта въ 7 разъ; а по смерти, душа ея будетъ вмѣстѣ съ *шахидами* (убитыми на войнѣ съ невѣрными). Въ пятую ночь, она заслуживаетъ награду всѣхъ кающихся рабовъ Божіихъ. Въ шестую ночь, ей приписывается такого рода награда, которая-бы слѣдовала тому, кто совершитъ путешествіе въ Мекку на богомолье 70 разъ. Въ седьмую ночь, Богъ приписываетъ ей награду 80 пророковъ Своихъ, которые доставили народу повелѣнія Божіи. Въ девятую ночь, Богъ назначаетъ ей въ раю 100,000 городовъ изъ *зубарджада* *) и столько-же городовъ изъ свѣта. Въ десятую ночь, Богъ записываетъ ей награду всѣхъ правовѣрныхъ. Въ двадцатую ночь, Богъ услышитъ ея молитву и исполнитъ ея желанія. Въ двадцать-пятую ночь, ей назначатъ два халата изъ райской матеріи, для тогочтобы надѣть ихъ на нее при воскресеніи. Въ тридцатую ночь ей запишутъ, что она встанетъ изъ могилы въ сопровожденіи 70,000 ангеловъ, верхомъ, и 1000 ангеловъ будутъ держать ей поводья изъ краснаго яхонта, а на голову ея будетъ надѣта корона изъ свѣта, и лицо ея будетъ похожимъ на полнолуніе. Тогда Богъ прикажетъ ангеламъ и гуріямъ, чтобы они служили ей, за то, что она служила своему мужу и гостямъ во время рамазана.

Тогда гуріи явятся къ ней и спросятъ: «за что-же Богъ вознаградилъ тебя такъ и за что тебя Богъ поставилъ выше насъ?» — Она отвѣтитъ имъ: «мы на землѣ, молились Богу въ свое время, держали постъ рамазана, совершали омовенія отъ нечистотъ и послѣ родовъ, и во время мѣсячнаго очищенія, были послушны мужьямъ, служили имъ и гостямъ ихъ, терпѣли всякую тягость въ семействѣ, кормили своихъ дѣтей собственнымъ молокомъ, были всегда довольны тѣмъ, что приносили намъ мужья наши и воспѣвали по утрамъ и вечерамъ хвалу Богу. Вотъ за что насъ Богъ вознаградилъ». — «О, какъ вы счастливы!» — воскликнутъ гуріи.

---

*) Драгоцѣнный камень.

Письма.

I.

Богъ совершаетъ перевороты въ жизни, Онъ же превращаетъ сердца изъ одного положенія въ другое. То, что Ему угодно, сбудется, а чего Онъ не пожелаетъ, того не будетъ. Во имя Бога (это есть лучшее имя!), Ему-же принадлежитъ хвала, и да будетъ благословеніе и миръ избранному послу Его, Магомеду, потомкамъ и послушнымъ товарищамъ его.

Искреннему моему брату, благочестивому имаму мусульманъ, вѣнцу просвѣщенныхъ умовъ и мудрецовъ, муллѣ Магомеду, да причислитъ его Богъ къ разряду приближенныхъ къ Себѣ святыхъ мужей, находящихся подъ покровительствомъ всехвальнаго Магомеда, надъ которымъ да будетъ благословеніе всѣхъ ангеловъ и людей, столь-же великое, сколь велико знаніе Божіе, столько-же обширное, какъ и милосердіе Его. Аминь!

Послѣ заявленія поклона, очищеннаго отъ излишнихъ рѣчей, и послѣ обязательной молитвы отъ сего преданнаго странника, сообщаю вамъ, братъ и господинъ мой, что я благополучно прибылъ въ Астрахань. По случаю болѣзни моихъ дѣтей и жены, я не имѣлъ случая написать къ вамъ письмо. А нынѣ они оправились, слава Богу. Душа наша, хотя она и не имѣла о васъ свѣдѣній, однако, какъ извѣстно Богу, постоянно думала о васъ. Поймите и не будьте забывчивы. Братъ, послѣ разлуки съ любимою особою вашею, Богъ внушилъ мнѣ желаніе освѣдомиться о васъ, такъ, что день и ночь не было мнѣ покоя. Слава Богу, среди такого нетерпѣливаго ожиданія, мы получили два почтеннѣйшія, возлюбленныя и желанныя письма. Хвала Богу! Слава Богу!

Братъ, вы писали нѣсколько словъ о нѣкоторыхъ счастливыхъ знаменіяхъ вашихъ. Хвала Богу! Нужно уповать на Него.

Братъ, не обращайте особеннаго вниманія на тоскливость и радость. Смотрите на то и на другое одинако и равномѣрно. Тоска и радость для мюрида составляютъ два крыла.

Братъ, посмотрите, какъ прекрасно сказалъ святой Ибрагимъ *): «Иногда Богъ познакомитъ Себя съ рабомъ Своимъ, иног-

*) Въ подлинникѣ слѣдующая цитата написана стихами, раздѣленными на куплеты, съ повтореніемъ послѣ каждаго изъ нихъ словъ: «посмотримъ...» и т. д.

да нашлетъ на него страхъ; Онъ-же распоряжается всякимъ сердцемъ. *Посмотримъ, что сдѣлаетъ Господь; но чтобы Онъ ни сдѣлалъ, все сдѣлаетъ прекрасно!* Иногда Онъ напоитъ сердце; иногда обрадуетъ людей; иногда-же внушаетъ имъ любовь къ Себѣ. *Посмотримъ*, и т. д. Иногда Онъ опечалитъ душу Своего раба, иногда обрадуетъ его, иногда-же насылаетъ на него тоску. *Посмотримъ*, и т. д. Когда рабъ остается безъ помощи, Богъ неожиданно поднимаетъ завѣсу и излечиваетъ его отъ болѣзни. *Посмотримъ*, и т. д. Ты уповай на Бога; поручи Ему себя и успокойся, будь терпѣливъ и доволенъ всѣмъ. *Посмотримъ, что Господь сдѣлаетъ; но чтобы Онъ ни сдѣлалъ, все сдѣлаетъ прекрасно»!*

Свѣтъ моихъ очей, послѣ сегодняшняго дня слѣдуетъ только заняться тѣмъ, чтобы держать сердца въ присутствіи Бога и въ бдительности, т. е. слѣдуетъ вывести изъ сердца все, что въ немъ есть, кромѣ Бога, и пріобрѣсти такое состояніе сердца, какое человѣкъ ощущаетъ въ предсмертныя минуты, а именно превратить всякое сношеніе и связь со всѣмъ земнымъ и обратить мысли только къ Создателю-Господу. Передавъ себя въ такое состояніе, нужно произнести мысленно: «Боже, ты мое желаніе, и благодарность Твоя есть мое искомое», и въ такомъ состояніи забыться. Да не будетъ тайною, что такого состоянія сердце мюрида можетъ достигнуть, по милости Всевышняго Бога, воспоминаніемъ отраднаго изреченія. Воспоминаніе Бога отраднымъ изреченіемъ, т. е. *лаилаха-иллаллахъ*, лучше совершать слѣдующимъ образомъ: сначала просто *языкомъ*, потомъ *сердцемъ*, потомъ *душею*, потомъ *тайною*, потомъ *сокровенною тайною* и наконецъ *тайною тайнъ* *). Если произносить послѣ вся

*) У тарикатистовъ степени воспоминанія раздѣляются на указанныя здѣсь степени: мюридъ сначала долженъ вспоминать *языкомъ*, т. е. какъ-бы напоминать сердцу то, что оно забыло; потомъ переходятъ къ воспоминанію *душею*, совершаемому внутреннимъ движеніемъ, слышнымъ только сердцу и тѣлу, т. е. переходитъ къ чему-либо мысленно, безъ звука и словъ; потомъ переходятъ къ воспоминанію *сердцемъ*, такъ чтобы сердце занято было созерцаніемъ красоты и величія Бога. Потомъ переходятъ къ тайнѣ, т. е. сердце должно находиться въ состояніи бдительности и въ ожиданіи открытія Божественныхъ тайнъ. Потомъ къ сокровенной тайнѣ, т. е. находится въ состояніи созерцанія свѣта Божества въ вышнемъ царствѣ. Что-же касается послѣдней степени, а именно воспоминанія Бога *тайною тайнъ*, то никто изъ смертныхъ не достигаетъ на семъ свѣтѣ такой степени: она означаетъ—со-

кой сотни разъ или послѣ двадцати одного раза: *мугаммадун-расулуллахъ* (Магомедъ есть посолъ Божій) — это очень одобрительно. Ты долженъ находиться въ такомъ положеніи, какъ-бы ты былъ подъ сводомъ какого-то зданія, уединеннаго отъ всякаго существа, и позабылъ-бы и свою плоть, и окружающіе тебя предметы, не исключая ихъ цвѣта, формъ, ни духовъ вышняго и нижняго царствъ, ни тому подобныхъ существъ, и отрицать всякое бытіе внѣ божества, признавая присутствіе одного только верховнаго существа, которое невидимо и не имѣетъ опредѣленнаго образа. Все-же остальное должно быть уничтожено словомъ «нѣтъ» *). Поэтому, нужно продолжать воспоминать Бога до тѣхъ поръ, пока не почувствуешь такого состоянія души.

Бѣдный Ахмедъ.

II.

Во имя Бога, милосердаго и милостивѣйшаго, Его-же призываемъ на помощь и на Него-же наше упованіе.

Хвала Богу, Господу міровъ, благословеніе и миръ да будетъ послу его и царю нашему, Магомеду, потомкамъ и товарищамъ его. Аминь!

Дорогой, любезный, ожиданіе моего сердца, Гаджи-Рамазанъ-Эфенди, да увеличитъ Богъ его сближеніе съ Собою въ семъ и въ будущемъ свѣтѣ. Аминь!

О Боже милостивѣйшій!

Послѣ сего, первое желаніе наше состоитъ въ томъ, чтобы чистѣйшая душа ваша достигла на семъ пути до своей цѣли, и чтобы вы, въ отношеніи нравственнаго совершенства, уподобились верховному Создателю, а въ отношеніи похвальныхъ качествъ — пророку Магомеду, и чтобы, будучи обезопасены отъ

зерцать лицо Бога, какъ оно есть. Только одни правовѣрные воспользуются этою степенью въ будущей жизни. Мюридъ находится на одной степени воспоминанія, пока не почувствуетъ въ себѣ перемѣны состоянія, иногда впродолженіи многихъ лѣтъ, причемъ произноситъ каждый день выше сказанное отрадное изреченіе по десятку тысячъ разъ. *Перев.*

*) Т. е., когда ты скажешь: «нѣтъ Бога, кромѣ» все остальное должно исчезнуть изъ твоей мысли, а остаться только послѣдующее *«единаго Бога»*.

всѣхъ тревожныхъ и непріятныхъ мыслей и случаевъ сего міра, достигли до степени богосозерцанія, и погрузившись въ состояніе уничтоженія себя въ Богѣ и пребыванія съ Богомъ, опьянѣли-бы отъ божественнаго вдохновенія. Во вторыхъ, вы обратились ко мнѣ за разрѣшеніемъ нѣкоторыхъ вопросовъ, относительно совершенія обряда молитвы, называемой *хатму-ховаджикані*. Поэтому объясняю вамъ, что число камней, по которымъ совершается этотъ обрядъ, есть *сто десять*. Десять изъ нихъ должны быть большими, а сто маленькими. Прежде всего вы должны читать: *«прости Господи»*; и *«да будетъ благословеніе Бога надъ Магомедомъ»*. Потомъ, вы сдѣлаете *рабита* [1]; далѣе, раздадите людямъ семь камней изъ большихъ и скажете въ слухъ: *фатиха* [2]; потомъ прочтете главу корана *фатиха* потомъ соберете десять большихъ камней, а изъ ста маленькихъ сами возьмете 21, а остальные 79 раздадите другимъ, и изъ этихъ нѣсколько возьмете сами. Потомъ пошлете благословеніе пророку въ слухъ; потомъ скажете: *алямъ-нашрахъ* [3]. Пока люди прочтутъ эту главу, вы окончите свою молитву; потомъ прочтете *алямъ нашрахъ* по числу тѣхъ камней, которые взяли сверхъ 21; по окончаніи этого, скажите въ слухъ *ихласъ* [4]. По прочтеніи этой главы, отдѣлите одинъ изъ большихъ камней и опять скажете «ихласъ» и чтобы люди читали ее по 10 разъ; по окончаніи чтенія этой главы, опять отдѣлите другой камень изъ большихъ и сдѣлайте тоже самое. Такимъ образомъ, когда кончится 10 большихъ камней, *ихласъ* прочтется 1000 разъ; сверхъ сего вы сами прочтете *ихласъ* еще одинъ разъ, будетъ *тысяча одинъ*. Потомъ опять скажите въ слухъ *салаватъ* [5]. Потомъ раздадите опять семь камней изъ большихъ и скажете: *фатиха*. По окончаніи чтенія этой главы, окончится и самый обрядъ *ховаджиканъ*. По окончаніи всего этого, прочтете сами или прикажете прочесть другому что-нибудь изъ корана, а потомъ прочтете молитву и насъ вспомните въ ней. Мы нуждаемся въ молитвахъ молящихся Богу людей. Еще вы спрашиваете меня: какою пищею разрѣшать свой постъ послѣ солнечнаго за-

[1]) Т. е. молчаніе, при мысленномъ обращеніи къ Богу.

[2]) Названіе одной изъ главъ корана. Обыкновенно одинъ произноситъ это слово во всѣхъ моленіяхъ въ слухъ, а потомъ читаютъ эту главу шопотомъ.

[3]) Названіе одной изъ главъ корана. [4]) Тоже. [5]) Т. е. благословеніе пророка.

хата? На это я отвѣчаю, что вы, пославъ благословеніе пророку, можете разговѣться или однимъ финикомъ, или-же нѣсколькими глотками воды; ѣду-же вы отложите до послѣ-вечерняго намаза. А чтобы вамъ сообразиться съ примѣромъ *устада* *), вы не должны употреблять сытной и возбудительной пищи. Ибо умерщвленіе плоти не можетъ состояться при употребленіи возбудительной пищи. Прошу Всевышняго Создателя, чтобы Онъ не оставилъ стараній вашихъ безъ плода. Остальное сообщитъ вамъ словесно мулла Абдулла. Довѣряю вамъ передать отъ меня поклонъ всѣмъ братьямъ и друзьямъ. Дорогой, избѣгайте лицемѣрія, злословія и высокомѣрія.

Что мнѣ сказать?, сами все знаете!

Юсуфъ Накшубандійскій.

III.

Тому, который взошелъ на высшее мѣсто на небесахъ наукъ и познаній, хлебнувшему изъ водъ учтивости, вытекающихъ изъ вкуснѣйшихъ ключей, всаднику халата способности, стяжавшему призъ первенства на скачкахъ въ равнинѣ превосходства, посылаю поклонъ, за которымъ слѣдуетъ благоуханіе и молитва котораго принесется къ вамъ восточнымъ вѣтеркомъ съ полнымъ уваженіемъ и почтеніемъ. Если вы соблаговолите узнать о положеніи раба вашего порога, то онъ остается на томъ-же, на чемъ видѣла его ваша особа, а именно въ чистосердечной преданности. Ничто его не смущаетъ, кромѣ того, что глаза его не упаждаются лицезрѣніемъ вашей особы и разлуки съ тѣмъ, котораго онъ полюбилъ изъ всѣхъ людей. Желаемъ отъ Бога, чтобы Онъ даровалъ намъ встрѣчи съ вами и тѣмъ устранилъ тягость разлуки, ради путешественника на небо **), и чтобы Онъ соединилъ насъ, какъ требуетъ того сердце. Онъ щед-

*) Учителя. **) Магомеда.

рый! Еще доставляютъ къ вамъ множество поклоновъ и молитвъ отецъ и братъ нашъ и молятся за вашу жизнь.

Желающій постоянства вашему величію, сынъ вашъ

Джебраилъ.

IV.

Начинаю именемъ Бога; оно есть лучшее имя, ему-же принадлежитъ похвала. Благословенія Его, миръ и слава да будутъ надъ посломъ Его, Магомедомъ, надъ потомками его и послѣдователями.

Къ свѣту моихъ очей, радости высокихъ особъ, образцу преданности и явной честности, остатку прежнихъ, другу послѣднихъ и душевному брату, Гаджи-эфендію. О Боже, соединяющій возлюбленныхъ, ты знаешь, что скрывается въ сердцахъ, и знанія Твои могутъ замѣнить мою словесную мольбу! Ради того, кого Ты возвеличилъ великими качествами, и прекрасными нравами *), которому возсылаю чистѣйшія почести во всякое время. Аминь.

Послѣ доставленія чистосердечнаго поклона и должныхъ молитвъ сего удалившагося странника къ порогу вѣрности и чести, если будетъ имѣться вопросъ о слабомъ чужеземцѣ, то, слава и хвала Богу, хоть мы и не достигли главной своей цѣли относительно посѣщенія болгарскихъ нашихъ друзей и знакомыхъ, но мы всѣ, съ семействомъ, находимся въ полномъ здоровьи и, по благословенію вашихъ молитвъ, охранены отъ всего, что считается вреднымъ въ глазахъ народа. Напѣвъ судьбы: *«боли сердца довольно съ тебя»* звенитъ въ ушахъ и, также какъ Моисею, слышны слуху слова *«ты меня не увидишь»*. Въ настоящее время, возвратившись, прибылъ я въ городъ Астрахань 12-го Джáмадулъ-Ахира. Изъ г. Казани я писалъ къ вашему счастію два письма и, будучи въ недоумѣніи, не получая на нихъ отвѣта, я было принялся писать и въ третій разъ, съ жалобою на долгое ожиданіе, но получилъ чрезъ Астраханскаго муллу Абдуллу дорогое письмо ваше, которое послужило ключемъ къ

---

*) Т. е. Магомеда.

письмамъ мулла Мусселима и Гуссейнъ-эфенди. Я удостоился наконецъ отвѣта, который довелъ меня до такой степени радости, что точно мы встрѣтились съ вами. Да, свѣтъ моихъ очей, довольно коротко написали. Бѣдный странникъ вашъ оставилъ многое ради малости. Чего-бы ни искали, будемъ искать во множествѣ. Жаждущаго, который не могъ утолить жажду свою въ морѣ сообщества съ вами, вы захотѣли утолить однѣми брызгами вашего пера! Но сей чрезмѣрно любящій лишенъ всего!! Вы писали на счетъ священнаго путешествія вашего... Слава Богу, хвала Богу! Да сподобитъ Богъ васъ, насъ и другихъ нашихъ братьевъ; да облегчитъ Богъ вамъ добрый путь и соединитъ насъ съ вами въ домѣ ислама! Аминь. Богъ всемогущъ!

Братъ и господинъ мой, вы писали про сироту мулла-Алхаза. Да, кому нѣтъ спокойствія, тому лучше въ путь, чѣмъ оставаться на мѣстѣ. Удивительно, что вы такъ скоро забыли мое письмо, писанное въ прошлое время на счетъ путешествія въ Мекку. Вашему счастію извѣстно, что мое высшее желаніе состоитъ въ путешествіи въ Гиджазъ *). Больше этого никто на свѣтѣ не пожелаетъ. *Саади бѣднякъ, ради своего друга, испортилъ свою жизнь* **). Братецъ, я никакимъ образомъ не могъ ничего сдѣлать на счетъ вышесказаннаго. Мое стараніе и мои хлопоты объ этомъ узнаете, если придется встрѣтиться. Съ разными затрудненіями, отъ порядка извѣстныхъ дѣлъ, не вышло никакого послѣдствія. Но нигдѣ не видѣли и неслышали неприличнаго слова, ничего кромѣ почести и почтенія. А все-таки, слышанные нами изъ-за плечей и сторонъ вѣсти и разсказы разорвали сердце наше. Что Богу угодно, то и будетъ, а чего не угодно, того и не будетъ. Теперь, какъ посовѣтуете, если вы останетесь въ округѣ на нѣкоторое время и если я попрошу паспорта чрезъ здѣшнее начальство? Въ случаѣ если спросятъ у народа обо мнѣ, и вы будете тамъ, вы могли бы содѣйствовать тому, чтобы обо мнѣ показали получше. Однимъ словомъ, что писать? Недоумѣнія странника вамъ извѣстны, послѣ всѣхъ этихъ приводящихъ въ сомнѣніе вѣстей. Напишите вашъ совѣтъ и отвѣтъ на наше письмо. Отчего Муртузъ не отвѣчаетъ на два письма ваши? Да, кто удаляется отъ глазъ,

*) въ Аравію. **) Въ подлинникѣ стихи.

тотъ удаляется и отъ сердца! Вопреки всего, приведите его въ движеніе и постарайтесь прислать его письма вмѣстѣ съ своими. Надѣемся на молитвы друзей и знакомыхъ. Братецъ, былъ ли урожай на шелкъ въ нашемъ домѣ въ прошломъ году? и какое хозяйство, какъ живутъ? Помогаютъ ли имъ друзья наши и почитаютъ ли ихъ? Скотъ и домъ благополучно-ли обстоятъ?

V.

Ученому боговѣду, брату и ягодѣ моего сердца, гаджи-Рамазану-эфенди, посылаю полные поклоны и безконечное почтеніе. Да будете вы постоянно осматриваемы глазомъ охраненія и одарены паемъ богознанія! Также поклонъ владѣтелю вдохновенія милосердаго Бога и міровъ Его, извѣстному въ царствѣ духовъ, хотя и неизвѣстному въ царствѣ тѣлъ, любимому ученому и сдѣлавшему себѣ ребро изъ самаго настоящаго Магомедова тариката, Мусселимъ-эфенди, и также нашимъ почтеннымъ братьямъ, достойнымъ любви и почестей, Гаджи Мустафѣ и другимъ. Послѣ отправленія поклоновъ и заявленій нашей къ вамъ любви, просимъ васъ прислать двѣ извѣстныя книжки. Если же вы присоедините къ нимъ еще тетрадку *Ховаджиканъ*, то это будетъ съ вашей стороны лишнее добро. Предъ Богомъ не пропадутъ ваши труды безъ вознагражденія. Завѣщаемъ вамъ, чтобы вспомнили насъ въ вашихъ добрыхъ молитвахъ и не забывали въ чистыхъ мольбахъ вашихъ, такъ какъ это есть дѣло любящихъ и братьевъ по вѣрѣ Божіей.

Бѣдный слуга наукъ и познаній, *Гаджи-Ахмедъ*.

VI.

Къ помощи достигающихъ богосозерцанія, вѣнцу богобоязливыхъ, душѣ моей души и царю моей жизни, гаджи Абдулла-эфендію. Велико высокое царство Божіе!

После доставленія безконечныхъ поклоновъ и безграничныхъ молитвъ къ любимой вашей особѣ, если найдете позволительнымъ спросить о скучномъ положеніи сего брата вашего, утопающаго въ морѣ грѣховъ, то, слава Богу, до сей поры мы и семейство наше, съ прочими родственниками, живы и здоровы. Ожидаемъ вашего возвращенія. Не имѣемъ никакой печали, кромѣ разлуки съ вами. Надѣемся, что Господь Богъ соединитъ насъ. Да не останется тайною для центра богознателей и вѣнца муршидовъ, *мавляна* *) эфендія, что послѣ отъѣзда вашего отсюда, мы не получили ни одного письма или какой-либо вѣсти. Мать, братья и всѣ родственники отъ малаго до большаго здоровы и премного кланяются вамъ. Надѣемся на молитвы ваши. Мухаррама 1285 года.

VII.

Отъ ученика, придерживающагося за подолъ направляющихъ на добрый путь, нижайшаго брата вашего, Мустафы. Богъ справедливъ. Къ солнцу богознателей, вѣнцу богобоязливыхъ, почтенному изъ почтенныхъ и центру ученыхъ, вашему шейху, основанію и муршиду, лучшему вадии, гаджи Абдулла-эфенди. Да не превратится надъ нами постоянное благословеніе ваше! Поклонъ вамъ и вашимъ товарищамъ. Да поможетъ вамъ Богъ во всемъ, что Самъ любитъ и чѣмъ остается доволенъ!

Послѣ сего, самое окончательное желаніе души нашей отъ Бога состоитъ въ томъ, чтобы вы были здоровы и находились подъ охраною Бога, вмѣстѣ съ любимцами вашими, и чтобы Богъ помогъ вамъ посѣтить храмъ и могилу пророка Своего, ради святыхъ Своихъ и великихъ шейховъ. Если вы изволите удостоить насъ, спросивъ о насъ, то, слава Богу, мы всѣ здоровы, молимся за васъ и надѣемся встрѣтиться съ вами безъ непріятностей. Насъ ничто не тревожитъ, кромѣ разлуки съ вами и любви къ вамъ. Надѣемся, что Богъ соединитъ насъ съ вами. Мы этого желаемъ. Братъ, ты не забывай насъ въ молит-

*) Господина, великаго.

вамъ. Кланяются вамъ друзья и знакомые ваши и просятъ не забывать ихъ въ своихъ молитвахъ.

Мустафа.

VIII.

Посылаю лучшіе поклоны, благословенныя почести и богопріятныя молитвы, соединенныя съ любовью, которую невозможно помѣстить на листахъ бумаги, къ шейху, направляющему на прямой путь, Гаджи-эфендію. Да будутъ надъ вами постоянныя почести, да снимется съ васъ всякая печаль, да закроется предъ вами дорога опасностей и да погибнутъ ваши враги! Аминь.

Если спросите о насъ, мы совершенно здоровы, точно также какъ и оставили васъ, погружены въ любовь къ вамъ и преданность, какъ это вы видѣли. Насъ ничто не безпокоитъ, кромѣ страсти встрѣтиться съ вашего особою. Если же особенно спросите о семъ рабѣ, то тѣло его растаяло и сердце разрѣзалось.

«Когда хочу увидѣть васъ, и даль оградой стоитъ между нами, посылаю къ вамъ черное на бѣломъ, чтобы вы видѣли предметъ, похожій на мои глаза».

Дай Богъ, чтобы мы поскорѣе свидѣлись! Это легко сдѣлать Богу.

Абакаръ.

IX.

Изящнѣе всего того, чѣмъ украшаютъ заглавія книгъ, и краснорѣчивѣе всего того, что разсказываютъ языки перьевъ изъ устъ чернильницъ, это—хвала Богу, который отгоняетъ отъ человѣка всякую печаль и облегчаетъ всякую горесть. Да будетъ благословеніе и миръ надъ почтеннѣйшимъ изъ людей и дражай-

шимъ изъ всѣхъ тварей, пророкомъ Магомедомъ. Этимъ снимается съ сердца скорбь и отходитъ отъ него печаль. Да будетъ надъ нимъ миръ и слава вѣковѣчные, также надъ его товарищами и потомками, всегда и во всякое время. Послѣ отправленія благоуханныхъ почестей и чистаго благополучія къ великой особѣ, прекрасному лику, роднику божественныхъ тайнъ и познаній, почтенному шейху, отличающемуся совершенствомъ мурширу, источнику тайнъ и почкѣ цвѣтовъ, посреднику въ союзѣ добрыхъ, свѣчѣ друзей *халвата* *), великому и по праву добившемуся пророку, гаджи двухъ святынь и посѣтителю Мекки и Медины, Гаджи-эфендію, да будетъ надъ нимъ вѣчное благословеніе Божіе, да украситъ Богъ время продленіемъ его жизни и да обольетъ его чашами своего вдохновенія, ради царя обоихъ міровъ **) и потомковъ его, Гасана и Гусейна! Если окажете милость—спросить про вашего слугу и грязь вашихъ стопъ, то онъ жалуется на любовь свою къ вамъ и на пламенное желаніе видѣться съ вами ***). «Пишу я къ тебѣ, о желаніе мое, слезами, а не чернилами, божусь тобою! Отъ плача растаяли зрачки моихъ глазъ, и этотъ почеркъ изъ ихъ черноты».

Проситъ онъ, рабъ вашъ, помощи отъ ароматическаго вашего дыханія и отъ обращенія, исходящаго изъ сердца, украшеннаго свѣтомъ богознанія. Въ нихъ онъ нуждается, хотя-бы онъ носилъ корону. Родственники, братья, друзья и другіе аульные и окрестные люди всѣ здоровы, какъ это видѣла ваша высокая особа, и продолжая находиться въ полной къ вамъ преданности и рабствѣ, молятся за продленіе вашего величія и ожидаютъ узрѣть лице ваше. У нихъ нѣтъ ни горя, ни печали, кромѣ разлуки съ вами, и нѣтъ болѣзни, кромѣ боли ожиданій встрѣчи съ вами. Да соединитъ насъ Господь Богъ въ благословенной будущности и въ прекрасномъ положеніи!

Ожидающій вашу красоту, грязь подъ ногами вашими,

Мустафа.

---

*) Уединенія. **) Магомеда. ***) Въ подлинникѣ слѣдуютъ стихи.

X.

Во имя Бога! Это есть лучшее изъ именъ.

Высокому и почтенному брату, благонравному, обладающему прекраснымъ характеромъ и похвальными качествами, вмѣстилищу превосходства, Гаджи-Рамазанъ-Эфенди. Да наградитъ его Богъ своимъ благовоніемъ и довольствіемъ пророка своего, Магомеда. Да будетъ надъ нимъ благословеніе и миръ Божій. Чистосердечный поклонъ, очищенный отъ излишнихъ рѣчей, и должную молитву посылаетъ сей странникъ, который влюбленъ въ порогъ счастія и чистоты. Потомъ извѣщаю васъ, что плодъ полнаго милосердія, вѣрной дружбы и братства, т. е. почтеннѣйшее письмо ваше, въ которомъ каждая буква и точка распространяютъ благоуханіе и поютъ: «Я вдохнулъ въ него изъ своего духа, *)» которое сообщаетъ намъ о единствѣ сердецъ и писано изъ Потійской гавани, превратило благословенный праздникъ рамазана въ особый для насъ праздникъ. Хвала Богу. Да соединитъ насъ Богъ въ прекрасное время дорогою встрѣчею на благословенной землѣ, гдѣ земля есть небо! Братецъ, на два прежнія письма, писанныя съ родины о безпокойствѣ, я получилъ отвѣты въ рамазанъ мѣсяцѣ, вмѣстѣ съ подарками, я не могъ отвѣчать. Да возблагодаритъ Богъ васъ и всѣхъ мусульманъ!

XI.

Хвала Богу, поставившему васъ на мѣсто прямаго направленія, Его-же просимъ, чтобы Онъ вамъ жаловалъ разнаго рода благодѣянія, чтобы утвердилъ за вами то, на что мы надѣемся, а именно—достигнуть до степени истинныхъ богознателей; чтобы Онъ облилъ васъ свѣтомъ богознанія такъ, чтобы освѣщался горизонтъ очей и зрѣніе умовъ. Богъ щедръ, у Него-же ключи будущности. Да будетъ слухъ украшаться драгоцѣнными жемчужными словами вашими, а сердца смягчаться страхомъ вашихъ наставленій! Аминь.

*) Слова Божія про Адама.

Послѣ отправленія къ вамъ достодолжныхъ молитвъ и заявленія вамъ чистосердечной и непринужденной любви вмѣстѣ съ поклономъ, который тоньше шелка и нѣжнѣе южнаго вѣтерка, и послѣ засвидѣтельствованія нашей къ вамъ любви, которой свидѣтель ваше сердце, объясняю вамъ, что причина, вызвавшая меня къ начертанію сихъ строкъ, сосредоточивается только въ любви нашей къ благополучной особѣ вашей, и въ сильномъ желаніи нашемъ встрѣтиться съ вами Да соединитъ насъ Богъ на радостяхъ и да содѣлаетъ Онъ насъ жителями рая, гдѣ существуютъ гуріи и дворцы. Если вы соблаговолите освѣдомиться о положеніи сего любящаго васъ брата съ вѣрною душею, то онъ находится въ совершенномъ здоровьи, по милости вашихъ молитвъ. Его ничто не смущаетъ, кромѣ разлуки съ вашею особою, и все окружающее его, съ семействомъ, точно также. Они молятся за жизнь вашу день и ночь. Не забываются тѣ пріятныя времена, которыя прошли такъ скоро, и ночи, о которыхъ остается только говорить: *«и у насъ были въ прошедшемъ времена и ночи»*.

Я занятъ въ вашей мечети обученіемъ учениковъ тому, чему Богъ меня научилъ.

Сестра наша (жена ваша) здорова, молится за васъ. Родные всѣ вспоминаютъ и ожидаютъ васъ. Дай Богъ, чтобы мы обнялись скоро. Знайте, что Богъ далъ нашей дочери сына, и мы его назвали Махмудъ; да продлится его жизнь и да сдѣлается онъ честнымъ человѣкомъ! Кланяется вамъ наше семейство, въ особенности мать наша и другіе—сестры, братья, родные и друзья, каждый отдѣльно.

Нуждающійся въ помощи богатаго Бога,

Ибрагимъ.

XII.

Уважаемый братъ въ Богѣ, ожиданіе моего сердца.

Послѣ доставленія къ вамъ, дорогому, поклона, изъ письма вашего, присланнаго къ намъ, видно и мы поняли, что вы прогнѣвались на насъ. Возможно-ли это! Тогда-бы мы поступили

противъ устадовъ (да очиститъ Богъ ихъ великія тайны! *): они приказываютъ такъ: или нужно уничтожить себя въ устадѣ, или же уничтожить устада въ себѣ. Потому что гнѣваться у нихъ неприлично. Дорогой, мы никогда не будемъ на васъ сердиться, и вамъ не слѣдуетъ **), ибо вамъ извѣстно, что мы имѣли только два *сердаша:* ***) одинъ былъ Магомедъ-эфенди, а другой вы. Магомедъ-эфенди ушелъ (дѣло Божіе!), а вы пишете такое письмо... Предопредѣленіе принадлежитъ Богу, мы—Божіи и къ Нему-же возвратимся. Это бѣда! Да обратитъ Богъ конецъ къ хорошему! Аминь. Незабывайте насъ въ добрыхъ молитвахъ. Поклонъ.

Грязь стопъ, *Юсуфъ.*

*) Тайны здѣсь означаютъ мысли, душу или сердце. Можетъ обозначаться этимъ словомъ и могила, которая тоже есть тайна, т. е. «да очиститъ Богъ ихъ отъ дурныхъ мыслей, или-же гробъ ихъ отъ всего непріятнаго».

**) Настоящее письмо написано учителемъ въ тарикатѣ къ отставшему отъ него ученику, въ видѣ выговора, и характеризуетъ усвоенную имъ кротость во всемъ.

***) Другъ тайны, тотъ, кому довѣряютъ тайну.

МАТЕРІАЛЫ ДЛЯ ИСТОРІИ ДАГЕСТАНА.

КАЗИКУМУХСКІЕ И КЮРИНСКІЕ ХАНЫ *).

I.

Взглядъ на страну Лаковъ. Шамхалы. Хахлавчи. Избраніе хахлавчи Сурхая.

Въ самомъ центрѣ Дагестана, въ верховьяхъ рѣки, извѣстной у насъ подъ названіемъ Казикумухскаго Койсу, живетъ особое племя, называющее себя Лакъ или Лякъ, а страну свою Лавралъ-Кану. Племя это извѣстно у насъ подъ именемъ Казикумухцевъ; такъ-же его называетъ и большая часть близкихъ и дальнихъ его сосѣдей. Страна лаковъ состоитъ изъ множества ущелій, соединяющихся въ одно верстахъ въ 3 ниже главнаго селенія, Гумука; отъ долины Самура она отдѣляется высокимъ хребтомъ, параллельнымъ главному Кавказскому хребту, многія вершины котораго покрыты вѣчнымъ снѣгомъ и сообщеніе чрезъ который возможно только въ лѣтніе мѣсяцы; такіе-же хребты, но нѣсколько ниже, отдѣляютъ лаковъ отъ сосѣдей—кюринцевъ, даргинцевъ и аварцевъ. Чрезъ всѣ эти горы есть только три тропинки, по которымъ войскамъ возможенъ доступъ во внутрь страны: 1) изъ Кюры на перевалъ Кокма-Дагъ, высотою болѣе 10,000 футовъ, къ Хозреку; 2) изъ Андалала и Акуши вверхъ по Койсу и 3) изъ Андалала чрезъ Турчи-дагъ или сел. Бухты и Мукаркъ къ Казикумуху. На каж-

---

*) Матеріалами для настоящей статьи послужили: 1) Исторія Дагестана, Аббасъ-Кули-Баниханова (рукопись); 2) Дѣла Дербентскаго Архива; 3) свѣдѣнія, сообщенныя бывшимъ Кюринскимъ ханомъ, свиты Его Величества генералъ-маіоромъ Юсуфъ-бекомъ, и братомъ его, капитаномъ Джабраилъ-бекомъ.

При составленіи статьи въ виду имѣлись исключительно событія, касавшіяся только Казикумуха и Кюры.

домъ изъ этихъ путей встрѣчается множество мѣстъ, удобныхъ для упорной защиты и трудно обходимыхъ. Страна лаковъ совершенно безлѣсна; удобныя для хлѣбопашества земли находятся только на днѣ ущелій и небольшими клочками разбросаны по ближайшимъ къ нимъ уступамъ горъ; садоводство невозможно по суровости климата; обширныя пастбища, находящіяся на вершинахъ хребтовъ, хотя и представляютъ возможность держать на нихъ лѣтомъ значительныя стада барановъ, но недостатокъ зимнихъ пастбищъ и невозможность заготовлять на зиму достаточное количество сѣна не позволяютъ овцеводству развиться до такой степени, чтобы оно, вмѣстѣ съ скуднымъ хлѣбопашествомъ, могло обезпечить существованіе значительнаго, по пространству, населенія. Въ настоящее время лаки живутъ въ 97 селеніяхъ, въ коихъ считается 6750 дворовъ и до 34,000 душъ, мужчинъ и женщинъ; какъ было велико населеніе въ то время, которое мы будемъ описывать, опредѣлить трудно; должно однако, на основаніи многихъ данныхъ, полагать, что оно мало разнилось отъ настоящаго. Большая часть лакскихъ селеній находится въ недальнемъ разстояніи одно отъ другаго, такъ что, въ случаѣ надобности, всѣ жители, могущіе носить оружіе, въ числѣ отъ 6 до 7 тысячъ человѣкъ, безъ особаго затрудненія соберутся, въ каждое изъ нихъ, втеченіи двухъ сутокъ.

Такое положеніе страны лаковъ дало имъ возможность не только долго сохранять свою независимость во времена безпрерывныхъ нашествій разныхъ племенъ, втеченіи многихъ вѣковъ проходившихъ Дагестанъ, но, пользуясь обстоятельствами, покорять и ближайшихъ сосѣдей. Такъ, они подчинили себѣ цѣлое общество Варкунъ-Даргуа, иначе Ашти-Кунки, и заставили платить дань; присоединили нѣсколько селеній отъ обществъ Андалала и Рисъ-Ора, завладѣли селен. Арчи и частью ущелья рѣки Кара-Самура.

Положительная невозможность прокормиться средствами своей страны заставила лаковъ добывать хлѣбъ на сторонѣ различными способами: они посылали постоянно партіи для грабежа въ Грузію и Ширванъ, гдѣ всегда представлялась вѣрная и не особенно трудная добыча; занимались работою и торговлею почти во всѣхъ горныхъ обществахъ Дагестана, чрезъ что всегда могли расчитывать на поддержку съ ихъ стороны; въ смутныя времена охотно нанимались, за ничтожную плату, воевать съ кѣмъ-угодно.

Изъ давнопрошедшаго лаковъ намъ извѣстно весьма немного. Страбонъ и Плутархъ упоминаютъ о племени лековъ, жившихъ въ Кавказскихъ горахъ, между Албаніею и Амазонками.

Моисей Хоренскій, описывая, въ XXXVII главѣ своей исторіи Арменіи, сраженіе въ Дцыравѣ, упоминаетъ о храбромъ царѣ лековъ Шергирѣ, бывшемъ на сторонѣ персовъ и убитомъ Кансаромъ Спандартомъ. Арабскій писатель Масуди называетъ уже лаковъ Гумиками, и свидѣтельствуетъ, что во время прихода аравитянъ въ Дагестанъ, въ половинѣ VIII вѣка, у нихъ не было никакого царя, а народъ управлялся старшинами. Лаки, и собственно жители главнаго селенія ихъ Гумука, были одни изъ первыхъ дагестанскихъ племенъ, принявшихъ магометанство; какъ говоритъ мѣстное преданіе, перемѣна вѣры произошла весьма легко, безъ малѣйшаго сопротивленія. Жители Гумука сами прислали выборныхъ къ арабскому полководцу Абу-Муселиму просить о посылкѣ къ нимъ наставниковъ въ новой вѣрѣ. Абу-Муселимъ самъ отправился въ Гумукъ, построилъ тамъ мечеть, въ 777 году по Р. Х., какъ гласитъ надпись на этой мечети, назначилъ кадіевъ, а для управленія народомъ поставилъ Шахъ-Баала: имя это впослѣдствіи обратилось въ титулъ шамхала. Шамхаламъ, кромѣ страны лаковъ, подчинялись еще многія общества и владѣнія Дагестана. Гумукцы, гордясь принятіемъ новой вѣры прежде другихъ, присоединили къ названію своего селенія почетный арабскій титулъ гази или кази; затѣмъ названіе «Кази-Гумукъ», или Казикумухъ, обратилось въ названіе всей страны и народа.

Шамхалы правили казикумухцами до половины XVII вѣка; но о дѣяніяхъ ихъ, почти втеченіи 9 столѣтій, до вступленія ихъ въ сношенія и подданство государей Россійскихъ, намъ ничего неизвѣстно.

Казикумухъ служилъ мѣстопребываніемъ шамхаловъ до конца XVI вѣка; около этого времени шамхалы начали жить зимою въ Таркахъ или Бойнакѣ, а только на лѣто переѣзжали въ Казикумухъ. Въ правленіе шамхала Сурхай-Мирзы-хана, въ Казикумухѣ образовалась сильная партія, стремившаяся къ совершенному уничтоженію шамхальской власти. Дѣйствія ея были столь успѣшны, что по смерти Сурхай-Мирзы-хана, въ 1640 году, послѣдующіе шамхалы уже не переѣзжали болѣе въ Казикумухъ, хотя сохраняли еще нѣкоторую власть надъ нимъ, выражавшуюся въ незначительныхъ поборахъ и т. п. Но вскорѣ ка-

зикумухцы отложились совершенно отъ нихъ и выбрали себѣ особаго правителя, подъ названіемъ Хахлавчи *), изъ фамиліи, ведшей свой родъ отъ Шахъ-Баала.

Главная обязанность хахлавчи заключалась въ сборѣ ополченія и начальствованіи надъ нимъ, какъ при защитѣ отъ нападенія сосѣдей, такъ и для внѣшнихъ предпріятій; но въ ближайшее управленіе народомъ онъ не вмѣшивался; каждое селеніе управлялось особо, своими выборными, а по дѣламъ духовнымъ всѣ имѣвшіе надобность обращались къ главному кадію сел. Казикумуха. Бывали примѣры, что старшины, не видѣвшіе надобности въ войнѣ, отказывались выставлять по требованію хахлавчи вооруженныхъ людей, отговариваясь или необходимостью окончить полевыя работы, или холоднымъ временемъ года.

Особаго содержанія хахлавчи не получалъ никакого, но пользовался доходами съ нѣкоторыхъ горъ и пашень, собственно для этого назначенныхъ, получалъ часть подати, взыскивавшейся преимущественно баранами и хлѣбомъ, съ Варкунъ-Даргуа и Арчей, и опредѣленную часть военной добычи. При такихъ условіяхъ степень власти и вліянія на народъ болѣе всего зависѣла отъ личныхъ качествъ хахлавчи и многочисленности его родни, дѣйствовавшей въ его пользу.

Хахлавчи избирался старшинами и выборными отъ каждаго селенія, по предварительномъ совѣщаніи; но всегда наблюдалось правило, что первымъ кандидатомъ считался старшій въ родѣ шамхальской фамиліи, оставшейся въ Казикумухѣ, и только, въ случаѣ явной его неспособности или отказа отъ званія хахлавчи, избирался слѣдующій за нимъ; при этомъ требовалось также, чтобы избираемый не былъ чанка, т. е. происходилъ-бы отъ равнаго брака; но въ смутныя времена это обстоятельство не имѣло особаго значенія,—все зависѣло отъ личныхъ качествъ избираемаго.

Около 1700 года въ Казикумухѣ умеръ хахлавчи Али-Бекъ. У него было два сына: Сурхай-шамхалъ и Гирей; но оба они умерли еще при его жизни, оставивъ, первый — вдову и семь сыновей, а второй—вдову и одного сына Сурхая. Сыновья Сур-

---

*) Названіе это происходитъ отъ: *халкъ*, слово арабское, означаетъ *народъ* (на лакскомъ и многихъ другихъ горскихъ языкахъ нѣтъ словъ, соотвѣтствующихъ понятію: *народъ*) и *лавай*, слово лакское, значитъ высшій, превосходный. Въ нѣкоторыхъ нашихъ бумагахъ слово *хахлавчи* переводилось *глава*.

хай-шамхала не отличались хорошими качествами, обращались надменно съ простымъ народомъ и вообще вели себя дурно; но какъ отецъ ихъ былъ старше Гирея, то старшины казикумухскіе, собравшіеся для избранія хахлавчи, не пожелали ихъ обидѣть и отправили отъ себя депутатовъ къ вдовѣ Сурхай-шамхала съ просьбою дать одного изъ ея семи сыновей въ хахлавчи. Она не пустила депутатовъ къ себѣ въ домъ, а выслала служанку спросить, что имъ нужно, и по полученіи отъ нихъ отвѣта, приказала своей служанкѣ вынести къ нимъ свой старый башмакъ и сказать: «довольно будетъ для васъ, дураковъ, подчиняться и этому башмаку; а сына я вамъ не дамъ ни одного».

Депутаты, огорченные такимъ отвѣтомъ, ушли и передали его собранію, которое и отправило ихъ къ вдовѣ Гирея. Мать Сурхай-хана приняла депутатовъ, усадила ихъ, угостила, и потомъ спросила о цѣли ихъ прихода; когда они ей объявили, что народъ желаетъ избрать ея сына въ хахлавчи, она, тотчасъ-же, изъявила на это свое согласіе, потребовала Сурхая и въ присутствіи ихъ дала ему нѣсколько наставленій, какъ онъ долженъ исполнять свои будущія обязанности; изъ этихъ наставленій преданіе сохранило слѣдующее: «со старшими тебя по лѣтамъ обращайся, какъ съ отцемъ; съ равнымъ тебѣ — какъ съ братомъ, съ младшими—какъ съ сыномъ».

Когда депутаты, возвратясь къ старшинамъ, передали имъ все происшедшее въ домѣ вдовы Гирея,—Сурхай, тотчасъ-же, былъ провозглашенъ хахлавчи, а негодованіе противу сыновей Сурхай-шамхала достигло до того, что народъ потребовалъ немедленнаго ихъ изгнанія изъ Казикумуха. Они, узнавъ объ этомъ рѣшеніи и опасаясь чего-нибудь худшаго, бѣжали въ Акушу, такъ поспѣшно, что не успѣли захватить съ собой даже самыхъ необходимыхъ вещей.

Когда пришло время собирать подать съ Варкунъ-Даргуа, сыновья Сурхай-шамхала отправились съ своими людьми въ главное селеніе, Ашти, и стали требовать, чтобы подать была отдана имъ. Старшина далъ знать объ этомъ Сурхаю въ Казикумухъ. Сурхай взялъ нѣсколько человѣкъ нукеровъ, поѣхалъ въ Ашти, но, не въѣзжая въ селеніе, вступилъ въ переговоры съ своими двоюродными братьями,—уговаривалъ ихъ отказаться отъ неслѣдующей имъ подати и не производить безпорядковъ въ его владѣніяхъ, обѣщаясь за то обезпечить ихъ содержаніемъ. Но они ничего не хотѣли слушать. Тогда Сурхай предложилъ

кончить дѣло поединкомъ, объявивъ, что онъ готовъ драться одинъ противу семерыхъ, лишь-бы не подвергать своихъ подвластныхъ опасности по его личнымъ дѣламъ. Семь братьевъ, расчитывая уничтожить ненавистнаго имъ Сурхая, охотно согласились на его вызовъ. Сурхай, отдавъ приказаніе своимъ нукерамъ отнюдь не вмѣшиваться въ дѣло, до тѣхъ поръ, пока онъ будетъ живъ, отправился на встрѣчу къ семи братьямъ; вскорѣ они сошлись и завязалась битва на кинжалахъ; Сурхай дѣйствовалъ такъ ловко, что очень скоро успѣлъ убить трехъ братьевъ, а остальнымъ нанесъ по нѣсколько тяжелыхъ ранъ, и они поспѣшили бѣжать; но и Сурхай, въ свою очередь, получилъ много ранъ, и у него была почти совсѣмъ отрублена кисть лѣвой руки.

Вскорѣ послѣ этого дѣла, оставшіеся въ живыхъ сыновья Сурхай-шамхала умерли отъ ранъ, а Сурхай, благодаря крѣпости своего здоровья, излечился, только лишился дѣйствія лѣвой руки. Это обстоятельство и дало поводъ къ прозванію его—*безрукимъ*, по-татарски «Чолакъ», подъ которымъ онъ и донынѣ извѣстенъ Дагестану.

II.

Положеніе Дагестана въ началѣ XVIII столѣтія. Даудъ-бекъ Мускурскій. Взятіе Шемахи Чолакъ-Сурхаемъ. Походы Шаха-Надира въ Казикумухъ. Магомедъ-ханъ.

Въ началѣ XVIII столѣтія всѣ прибрежныя владѣнія Дагестана признавали надъ собою власть Персіи. Въ 1696 году, шахъ Гуссейнъ утвердилъ въ званіи уцмія кайтагскаго Эмиръ-Гамзу, сына Али-Султана; вскорѣ появился въ Кайтагѣ Ахмедъ-ханъ, сынъ Гуссейнъ-хана Кубинскаго, происходившаго изъ рода уцміевъ, и при помощи кубинцевъ и горцевъ успѣлъ овладѣть сел. Башлы, а когда Эмиръ-Гамза бѣжалъ въ Аварію, въ 1706 году, объявилъ себя уцміемъ; но противъ него скоро возсталъ претендентъ на это званіе, Ахмедъ-ханъ, сынъ уцмія Уллу-

Бея, который, собравъ горцевъ, успѣлъ, въ 1708 году, подчинить себѣ большую часть Кайтага. Ахмедъ-ханъ, сынъ Гуссейнъ-хана, укрѣпился съ Маджалисѣ, гдѣ вскорѣ былъ убитъ измѣннически своимъ нукеромъ, а Ахмедъ-ханъ, сынъ Уллу-Бея, овладѣлъ окончательно всѣмъ Кайтагомъ и подчинилъ себѣ почти всю Табасарань.

Шамхаломъ Тарковскимъ былъ въ это время Адиль-Гирей.

Кюра частью подчинялась кубинскому хану, Султанъ-Ахмедъ-хану, внуку Гуссейнъ-хана, частью Дербенту, а горная ея часть считалась независимою.

Остальныя горныя общества, въ томъ числѣ и Казикумухъ, были вполнѣ независимы и принимали сторону то турокъ, то персіянъ, смотря по тому, что имъ было выгоднѣе.

Въ это-же время въ Кубинскомъ ханствѣ, въ Мускурѣ, появился нѣкто Даудъ-бекъ, распространявшій особое духовное ученіе, сущность котораго къ сожалѣнію неизвѣстна *), клонившееся между прочимъ къ ниспроверженію власти персіянъ. Для достиженія этой цѣли Даудъ-бекъ обратился, прежде всего, къ уцмію Ахмедъ-хану, какъ сильнѣйшему въ то время владѣтелю дагестанскому, располагавшему самыми большими средствами. Ахмедъ-ханъ согласился принять участіе въ этомъ дѣлѣ и склонить къ тому-же остальныхъ владѣтелей Дагестана и вольныя общества. Для начала онъ далъ часть своего войска Даудъ-беку, который успѣлъ усилить его сборомъ горцевъ; онъ въ 1711 году напалъ сначала на Шабранъ, взялъ его и разорилъ до основанія, потомъ осадилъ Худатъ, гдѣ укрѣпился преданный Персіи Султанъ-Ахмедъ-ханъ Кубинскій, съ своимъ семействомъ. Худатъ скоро былъ взятъ, Султанъ-Ахмедъ-ханъ погибъ, вмѣстѣ съ прочими защитниками. Этотъ успѣхъ увеличилъ значеніе Даудъ-бека; вслѣдъ за тѣмъ къ нему присоединились, кромѣ уцмія, казикумухскій хахлавчи Чолакъ-Сурхай, акушинцы и другіе; въ Мускурѣ собралось ополченіе, болѣе 30,000 человѣкъ, и осадило Шемаху, но безъ успѣха. Шамхалъ Адиль-Гирей не только не принялъ участія въ этомъ дѣлѣ, а даже послалъ сказать уцмію Ахмедъ-хану, что онъ, какъ вѣрно-подданный шаха, нападетъ на Кайтагъ; это заставило уцмія возвратиться домой. Хахлавчи Сурхай, остав-

---

*) По нѣкоторымъ преданіямъ, а также и потому, что это ученіе и всѣ дѣйствія Даудъ-бека клонились къ уничтоженію свѣтской власти, можно думать, что это ученіе мало чѣмъ разнилось отъ, такъ называемаго у насъ, мюридизма.

шись главнымъ вождемъ предпріятія, въ 1712 году, вновь пошелъ на Шемаху и послѣ 15-дневной осады, при помощи шемахинскихъ суннитовъ, взялъ городъ и совершенно разграбилъ его. При этомъ погибли правитель Ширвана Гуссейнъ-ханъ и почти всѣ русскіе купцы, ведшіе въ Шемахѣ значительную торговлю.

Отъ Шемахи Чолакъ-Сурхай и Даудъ-бекъ направились къ Баку, съ цѣлью завладѣть имъ; но разбитые, не далеко отъ города, Дергахъ-Кули-бекомъ Дербентскимъ, принуждены были возвратиться безъ успѣха.

Взятіе Шемахи чрезвычайно возвысило въ Дагестанѣ значеніе Сурхая, и онъ, по просьбѣ шемахинцевъ, принялъ титулъ хана. Не надѣясь однако удержать за собой Ширванъ, Сурхай-ханъ и Даудъ-бекъ обратились къ турецкому султану съ просьбою принять ихъ подъ свое покровительство; просьба ихъ была принята. Даудъ-бекъ разными происками успѣлъ устроить дѣла такъ, что былъ назначенъ правителемъ Ширвана; оскорбленный этимъ Сурхай-ханъ разсорился съ нимъ и вскорѣ сдѣлалъ набѣгъ на Ширванъ, прошелъ почти до Ганджи; но не имѣя особаго успѣха, возвратился въ Казикумухъ.

Гибель русскихъ купцовъ и разграбленіе ихъ имущества, какъ извѣстно, были одною изъ причинъ похода императора Петра I въ Дагестанъ, въ 1722 г.—Во все время движенія русскихъ войскъ и впослѣдствіи, Чолакъ-Сурхай-ханъ не предпринималъ противу нихъ никакихъ враждебныхъ дѣйствій, но и не изъявлялъ покорности.

12-го сентября 1723 года, именемъ шаха Тахмаспа, уступленъ Россіи весь при-каспійскій край отъ Астрабада до Сулака; но Казикумухъ не вошелъ сюда, а трактатомъ 27-го іюня 1725 года признанъ за Турціею, вмѣстѣ съ частью Ширвана.

Сурхай-ханъ, въ свою очередь, различными происками успѣлъ выставить Хаджи-Даудъ-бека въ дурномъ свѣтѣ предъ турецкимъ правительствомъ, вслѣдствіе чего Даудъ-бекъ былъ вытребованъ въ Константинополь, гдѣ и умеръ, а управленіе Шемахою поручено Чолакъ-Сурхаю, съ утвержденіемъ его въ званіи хана. Въ это время значеніе Казикумуха въ Дагестанѣ достигло высокой степени. Всѣ владѣтели и общества искали дружбы и покровительства Чолакъ-Сурхай-хана.

Въ 1733 году турецкій султанъ, вслѣдствіе пораженія нанесеннаго его войскамъ близь Багдада шахомъ Надиромъ, уступилъ Персіи всѣ завоеванныя у нея провинціи и издалъ хатти-

шерно объ очищеніи ихъ турками. По приказанію Надиръ-Шаха, къ Чолакъ-Сурхаю былъ посланъ гонецъ съ требованіемъ очистить Шемаху. Сурхай-ханъ не только отказался исполнить это требованіе, но велѣлъ убить посланнаго и написалъ въ отвѣтъ письмо, наполненное дерзостями. Слѣдствіемъ этого былъ первый походъ шаха Надира противъ Сурхай-хана.

Въ августѣ 1734 года шахъ Надиръ подступилъ къ Шемахѣ; Сурхай-ханъ успѣлъ собрать значительное число горцевъ, кромѣ того къ нему пришли на помощь турки и татары изъ Ганджи. Сраженіе произошло на урочищѣ Деве-Батанъ. Разбитый совершенно, Чолакъ-Сурхай-ханъ бѣжалъ и окольнымъ путемъ достигъ до Хозрека, откуда едва успѣлъ добраться до Казикумуха. Шахъ-Надиръ 17-го августа занялъ Шемаху, назначилъ правителя и отправился преслѣдовать Сурхай-хана. Въ 10 переходовъ персидскія войска подошли къ Казикумуху, но не могли сразу овладѣть имъ, потому что мостъ чрезъ Койсу былъ разобранъ; однако это ихъ удержало недолго—скоро былъ отысканъ бродъ и они быстро выбрались изъ глубокаго оврага. Казикумухцы, послѣ незначительной перестрѣлки, сдались, а Сурхай-ханъ, съ семействомъ, успѣлъ бѣжать въ Аварію. Только благодаря предстательству шамхала Хаспулата, сына Адиль-Гирея, Надиръ-шахъ не приказалъ разорять Казикумухъ; поручивъ управленіе имъ Магомедъ-хану (сыну Сурхая), онъ отправился чрезъ Шемаху для осады Ганджи и дѣйствій противъ сераскира Абдуллы-Паши, стоявшаго съ турецкими войсками близь Эривани. Въ видахъ содѣйствія сераскиру, султанъ приказалъ крымскому хану двинуться къ Дербенту. Въ концѣ октября 1735 года крымцы появились въ Дагестанѣ. Сурхай-ханъ явился къ крымскому хану, назначилъ къ нему на службу своего сына Муртузали съ 500 человѣкъ казикумухцевъ, за что и былъ назначенъ правителемъ Ширвана; вслѣдъ за тѣмъ Сурхай-ханъ, по просьбѣ Эльдара, назначеннаго крымскимъ ханомъ шамхаломъ, двинулся съ своимъ ополченіемъ въ сел. Большія-Казанищи, съ цѣлью изгнать Хаспулата-шамхала; но приходъ шахъ Надира въ ноябрѣ въ Дербентъ заставилъ уйти крымцевъ, а Сурхай ханъ возвратился домой, для защиты Казикумуха. Не смотря на суровое время, въ декабрѣ этого-же года, Надиръ-шахъ, чрезъ Акушу, вновь двинулся въ Казикумухъ для наказанія Чолакъ-Сурхай-хана, который успѣлъ собрать своихъ подвластныхъ, аварцевъ и акушинцевъ и укрѣпился въ ущельи, въ нѣсколькихъ верстахъ ниже Казикумуха. Надиръ-

шахъ разбилъ его скопище и намѣревался уже идти далѣе, когда прибыли депутаты отъ казикумухскаго народа съ изъявленіемъ полной покорности и съ извѣстіемъ, что Сурхай ханъ, со всѣмъ семействомъ, удалился въ Аварію. Надиръ-шахъ удовольствовался этимъ и не пошелъ далѣе, какъ по случаю зимы, такъ и отвлеченный другими, болѣе важными дѣлами.

Во время похода его въ Индію, до 1742 года, въ Дагестанѣ происходили безпрерывные безпорядки отъ частыхъ ссоръ между различными владѣтелями. Сурхай-ханъ, вновь возвратившійся въ Казикумухъ, принималъ въ нихъ дѣятельное участіе.

Въ іюнѣ 1742 года шахъ Надиръ вновь прибылъ съ войсками въ Ширванъ и оттуда двинулся въ Казикумухъ, жители коего, не смотря на подстрекательство Сурхай-хана, не оказали никакого сопротивленія. Персидская кавалерія заняла Казикумухъ 2-го іюля; Чолакъ-Сурхай-ханъ, собравшійся бѣжать въ Аварію, былъ захваченъ съ женою въ плѣнъ и представленъ шаху Надиру, который отправилъ ихъ въ Дербентъ, а самъ въ началѣ августа двинулся въ Аварію, но, потерпѣвъ на Турчидагѣ сильное пораженіе отъ аварцевъ и андалалцевъ, въ сборѣ коихъ дѣятельное участіе принималъ сынъ Сурхай-хана Муртузали, отступилъ въ Дербентъ.

Зиму на 1743 годъ персидское войско провело въ лагерѣ у выхода изъ горъ на плоскость рѣчки Дарвахъ, въ 18 верстахъ къ СЗ. отъ Дербента, претерпѣвъ много бѣдствій, отъ недостатка провіанта и фуража и отъ нападенія мелкихъ шаекъ кайтагцевъ, табасаранцевъ и акушинцевъ, разоренныхъ до крайности предшествовавшими походами шаха Надира; почему мѣсто этого лагеря названо Иранъ-Харабъ, т. е. несчастіе Персіи.

Шахъ Надиръ жилъ постоянно въ лагерѣ, только каждый четвергъ вечеромъ уѣзжалъ въ Дербентъ, гдѣ въ цитадели жила любимая его жена, привезенная изъ Индіи.

Этимъ обстоятельствомъ воспользовалась жена Чолакъ-Сурхай-хана, для освобожденія своего мужа. Втеченіи нѣсколькихъ недѣль она являлась въ цитадель и просиживала цѣлые дни противъ оконъ жены шаха Надира, пока не была ею замѣчена и потребована. При этомъ свиданіи она такъ съумѣла понравиться женѣ шаха, что та взялась хлопотать объ освобожденіи Сурхай-хана. Въ первую-же пятницу, послѣ этого, шахъ Надиръ потребовалъ Чолакъ-Сурхай-хана и дозволилъ ему отправиться куда онъ пожелаетъ. Пробывъ еще нѣсколько времени при ша-

хѣ, Сурхай-ханъ, съ женою, отправился въ Казикумухъ, гдѣ въ его отсутствіе управлялъ народомъ старшій сынъ его Магомедъ-ханъ. Съ этого времени уже прекращается дѣятельность Чолакъ-Сурхай-хана; предоставивъ власть сыну, онъ жилъ спокойно и умеръ въ 1748 году, въ Казикумухѣ.

Едва Надиръ-шахъ удалился изъ Дагестана, какъ Магомедъ-ханъ Казикумухскій рѣшился воспользоваться благопріятными обстоятельствами для возвращенія подъ свою власть Шемахи. Въ это время по Дагестану скитался нѣкто Самъ-Мирза, выдававшій себя за сына шаха Гуссейна. Ему удалось произвесть безпорядки въ Адербейджанѣ; но скоро онъ былъ пойманъ и представленъ правителю, брату шаха Надира, Ибрагимъ-хану, который приказалъ отрѣзать ему носъ и отпустилъ. Магомедъ-ханъ принялъ къ себѣ Самъ-Мирзу и, подъ видомъ защиты правъ законнаго наслѣдника персидскаго престола, склонилъ на свою сторону дербентцевъ и табасаранцевъ. Набравъ значительное ополченіе, онъ двинулся къ Шабрану, занятому персидскимъ гарнизономъ. Послѣ непродолжительной осады, казикумухцы взорвали миной часть крѣпостной стѣны и завладѣли укрѣпленіемъ. Всѣ защитники были вырѣзаны, спаслась только дочь начальника гарнизона Абдулъ-хана, Истаджалу; на ней женился Магомедъ-ханъ и отъ нея въ 1744 году родился сынъ Сурхай.

Отъ Шабрана Магомедъ-ханъ и Самъ-Мирза пошли къ Шемахѣ и завладѣли ею, но вскорѣ собрались персидскія войска и Магомедъ-ханъ, разбитый недалеко отъ Ахъ-су и тяжело раненный въ этомъ дѣлѣ, долженъ былъ возвратиться въ Казикумухъ; сообщникъ его Самъ-Мирза бѣжалъ въ Турцію.

Въ 1744 году шахъ Надиръ, въ послѣдній разъ, появился въ Дагестанѣ; раздѣливъ свои войска на четыре отряда, онъ приказалъ разорить все, что только было возможно и что уцѣлѣло отъ предшествовавшихъ его походовъ; но Казикумухъ, благодаря своему мало-доступному положенію, остался нетронутымъ и на этотъ разъ.

Съ удаленіемъ и смертію шаха Надира, убитаго въ 1747 году, для Дагестана наступило самое тяжелое время. Владѣтели, подстрекаемые Турціею и Персіею, безпрерывно нападали другъ на друга, грабили и разоряли все что могли; въ этомъ помогали имъ и мелкія шайки, образовавшіяся въ значительномъ числѣ; театромъ ихъ дѣйствій были преимущественно богатые Ширванъ и Куба. Магомедъ-ханъ Казикумухскій еще разъ, именно въ 1760

году, успѣлъ овладѣть Шемахою; но въ 1762 году въ свою очередь долженъ былъ уступить ее Агаси-хану.

Въ это время является въ высшей степени замѣчательная личность, Фетъ-Али-ханъ Кубинскій; получивъ, послѣ отца своего Гуссейнъ-Али-хана, ханство въ самомъ разстроенномъ видѣ, онъ въ короткое время успѣлъ овладѣть частью Ширвана, Кюрою и Дербентомъ; управленіе послѣднимъ онъ поручилъ Эльдаръ-беку, сыну Муртузали и племяннику Магомедъ-хана Казикумухскаго, который бѣжалъ изъ Казикумуха вслѣдствіе ссоры съ дядей.

Усиленіе Фетъ-Али-хана не могло нравиться прочимъ владѣльцамъ Дагестана, и въ 1774 году, Магомедъ-ханъ, соединившись съ уцміемъ и шамхаломъ, направился въ Кубу съ цѣлью овладѣть ею, пользуясь отсутствіемъ Фетъ-Али-хана, осаждавшаго въ это время Шемаху. Фетъ-Али-ханъ, бросивъ осаду, поспѣшилъ на выручку своихъ владѣній, но былъ разбитъ совершенно на Кевдушанской равнинѣ и бѣжалъ въ Сальянъ. Въ этомъ сраженіи убитъ Эльдаръ-бекъ, правитель дербентскій. Магомедъ-ханъ завладѣлъ Кубой и Кюрой и присоединилъ ихъ къ Казикумуху; но вскорѣ Фетъ-Али-ханъ, пробравшись въ Дербентъ, сохраненный ему его женою Тути-бике, собралъ своихъ приверженцевъ и, пользуясь уходомъ союзниковъ Магомедъ-хана, успѣлъ изгнать его изъ Кубы.

Въ 1775 году, по повелѣнію императрицы Екатерины II, прибылъ въ Дагестанъ съ Кавказской линіи русскій отрядъ, подъ начальствомъ генералъ-маіора барона Медема, имѣвшій цѣлью поддержать Фетъ-Али-хана Кубинскаго и наказать уцмія за плѣнъ академика Гмелина. Фетъ-Али-ханъ превосходно воспользовался этою помощью; онъ успѣлъ уменьшить значеніе уцмія, разбитаго русскими войсками около сел. Башлы, и въ то время, когда генералъ Медемъ занялъ Дербентъ, онъ двинулся въ Кюру, разбилъ Магомедъ-хана Казикумухскаго и заставилъ его уйти въ Казикумухъ; а чтобы обезпечить на будущее время за собою владѣніе Кюрой, онъ воспользовался ссорою Магомедъ-хана съ старшимъ сыномъ его Шихъ-Марданомъ. Причиной этой ссоры были слѣдующія обстоятельства: отъ первой жены у Магомедъ-хана были два сына, Шихъ-Марданъ и Асланъ-Гуссейнъ, а отъ второй жены—сынъ Сурхай и другіе; Сурхай, еще будучи ребенкомъ, въ запальчивости убилъ Асланъ-Гуссейна, за что Шихъ-Марданъ питалъ къ нему кровную вражду; но какъ Сурхай былъ любимый сынъ Магомедъ-хана, то онъ, не видя возможности отомстить ему

по обычаю за смерть брата, уѣхалъ изъ Казикумуха и обратился къ помощи Фетъ-Али-хана. Фетъ-Али-ханъ, отдѣливъ отъ Дербента всю сѣверную часть Кюры до Кабира и отъ Кубы весь Гюнейскій магалъ, поручилъ ихъ въ управленіе Шихъ-Мардану на ханскихъ правахъ. Вскорѣ Шихъ-Марданъ успѣлъ присоединить Курахскій магалъ и образовалъ особое Кюринское владѣніе.

Съ каждымъ годомъ увеличивавшееся значеніе и сила Фетъ-Али-хана, хотя на короткое время доставили Дагестану нѣкоторое спокойствіе; до смерти его, въ 1789 году, никто изъ владѣтелей не предпринималъ ничего серьезнаго противу своихъ сосѣдей.

По смерти Фетъ-Али-хана ему наслѣдовалъ сынъ его Ахметъ-ханъ, который уже не въ состояніи былъ удержать въ цѣлости пріобрѣтенія отца; скоро отложились отъ него Шемаха, Баку и Кюра, такъ что брату его Шихъ-Али-хану, сдѣлавшемуся ханомъ по его смерти въ 1791 году, достались только Куба и Дербентъ.

Въ 1789-же году умеръ и Магомедъ-ханъ Казикумухскій; на мѣсто его былъ избранъ ханомъ сынъ его Сурхай, не смотря на то что онъ былъ чанка, т. е. мать его не происходила изъ владѣтельной фамиліи. Впослѣдствіи Сурхай-ханъ II, доживщій до глубокой старости, получилъ прозвище Кунъ-Буттай *), что на лакскомъ языкѣ значитъ буквально *большой отецъ* (дѣдушка).

III.

Сурхай-ханъ Кунъ-Буттай. Асланъ-бекъ. Занятіе Кюры русскими войсками. Назначеніе Асланъ-бека кю-

*) Въ оффиціальныхъ нашихъ бумагахъ нерѣдко это прозвище принималось за титулъ и писалось различно: Хамбутай, Ханъ-Бутай, Хомутай и т. п.

ринскимъ ханомъ; договоръ съ нимъ. Бѣгство Сурхай-хана въ Персію и возвращеніе оттуда. Нападеніе на Чирахъ. Движеніе отряда генерала князя Мадатова въ Казикумухъ. Назначеніе Асланъ-хана правителемъ казикумухскимъ и кюринскимъ; трактатъ съ нимъ.

Шихъ-Марданъ-бекъ, управлявшій Кюрою, умеръ не задолго до смерти Фетъ-Али-хана; у него остались пять сыновей: Таиръ-бекъ, Омаръ-бекъ, Асланъ-бекъ, Гасанъ-Ага и Фетъ-Али-бекъ; двое старшихъ были чанки и потому управленіе владѣніемъ должно-бы было перейти къ Асланъ-беку, но Сурхай-ханъ, воспользовавшись смертію Фетъ-Али-хана, овладѣлъ Кюрою и присоединилъ ее къ Казикумуху. Асланъ-бекъ, не имѣя средствъ отстоять свое наслѣдіе, поѣхалъ сначала въ Персію, а потомъ въ Турцію, искать помощи и защиты; но не найдя ея, проживалъ нѣкоторое время въ Мингреліи и Тифлисѣ, а по прибытіи русскихъ войскъ въ Закавказье, въ 1802 году, возвратился въ Дагестанъ и жилъ у уцмія Рустемъ-хана и его преемника Али-хана.

Завладѣвъ Кюрой, Сурхай-ханъ обратилъ свое вниманіе на общества долины Самура, до сихъ поръ упорно сохранявшія свою независимость отъ сосѣднихъ хановъ. Скоро ему представился удобный случай вмѣшаться въ ихъ дѣла. Селенія Ялагъ, Кака и и Лудгунъ, принадлежавшія къ обществу Рутульскому, притѣсняемыя поборами жителей главнаго селенія, обратились къ Сурхай-хану съ просьбою о защитѣ; онъ принялъ ихъ сначала подъ свое покровительство, потомъ присоединилъ къ своему ханству и наконецъ поселилъ въ Какѣ своихъ братьевъ, Шуаибъ-бека и Иса-бека. Около-же этого времени имъ присоединены къ Казикумуху нѣсколько селеній, находящихся въ Ихрекскомъ ущельи, и агульское селеніе Боркиханъ (Гекенеръ), которое онъ отдалъ въ управленіе брату своему Сеидъ-беку.

Въ 1796 году прибыла въ Дагестанъ русская армія, подъ начальствомъ графа Зубова; Шихъ-Али-ханъ Дербентскій, намѣреваясь сопротивляться, отправилъ семейство въ Казикумухъ и просилъ помощи у Сурхай-хана; имъ удалось собрать до 20,000 вооруженныхъ горцевъ и они хотѣли напасть на русскій аван-

гардъ. Но скорое взятіе Дербента и плѣнъ Шихъ-Али-хана разстроили ихъ намѣренія. На пути нашей арміи отъ Дербента въ Кубу, Шихъ-Али-ханъ бѣжалъ въ Казикумухъ. Узнавъ объ удаленіи арміи изъ Дагестана, Сурхай-ханъ собралъ до 10,000 человѣкъ, двинулся къ Кубѣ; въ сел. Алпанъ, занятомъ частью отряда генералъ-маіора Булгакова, оставленнаго графомъ Зубовымъ для водворенія спокойствія въ Кубѣ, произошло дѣло; сначала русскіе отступили, но на слѣдующій день, получивъ подкрѣпленіе, взяли селеніе и разорили его. Сурхай-ханъ пришелъ къ Самуру; преслѣдуемый генераломъ Булгаковымъ, онъ не рѣшился вновь вступать въ сраженіе, а изъявилъ покорность и просилъ о принятіи его въ подданство Россіи, на что и принялъ присягу.

Съ уходомъ русской арміи въ Кизляръ, въ Дагестанѣ тотчасъ-же начались обычные безпорядки. Шихъ-Али-ханъ вновь завладѣлъ Дербентомъ. Сурхай-ханъ нѣсколько разъ покушался завладѣть Кубой; въ 1799 году сынъ его Нухъ-бекъ, пользуясь болѣзнію Шихъ-Али-хана, успѣлъ занять Кубу, а самъ Сурхай-ханъ, съ казикумухцами, занялъ сел. Кулларъ на Самурѣ. Но чрезъ полтора мѣсяца, выздоровѣвшій Шихъ-Али-ханъ, при помощи шамхала и акушинцевъ, разбилъ Сурхай-хана, овладѣлъ Кубой и разорилъ часть Кюры, почти до Чираха. Въ это время братъ его Гасанъ-Ага, бывшій съ нимъ во враждѣ и жившій у уцмія, при помощи Сурхай-хана завладѣлъ Дербентомъ и провозгласилъ себя ханомъ, а Сурхай-ханъ, вновь собравъ казикумухцевъ, пошелъ на Кубу, но не взялъ ея, потому что Шихъ-Али-ханъ успѣлъ уговорить его отказаться добровольно отъ этого предпріятія. Въ 1803 году умеръ Гасанъ-Ага-ханъ Дербентскій и Шихъ-Али-ханъ снова занялъ городъ.

Въ 1806 году русскій отрядъ, подъ начальствомъ генералъ-маіора Глазенапа, занялъ Дербентъ. Шихъ-Али-ханъ бѣжалъ. Приведеніе дѣлъ въ порядокъ въ при-каспійскихъ провинціяхъ поручено было главнокомандующимъ генералу Булгакову; по прибытіи его въ Кубу, Сурхай-ханъ Казикумухскій во второй разъ принялъ присягу на вѣрноподданство Россіи. Генералъ графъ Гудовичъ желалъ заключить съ Сурхай-ханомъ трактатъ, на тѣхъ-же основаніяхъ, какъ это было сдѣлано съ прочими ханами; но Сурхай-ханъ отказался подписать его, отзываясь, что онъ не въ состояніи платить требуемой отъ него дани, не смотря на

уступку, которую сдѣлалъ главнокомандующій въ этомъ отношеніи, сбавивъ противу первоначальнаго требованія 2000 червонцевъ.

Генералъ Тормазовъ, вступивъ въ управленіе краемъ, возобновилъ сношенія съ Сурхай-ханомъ, настоятельно требуя подписи трактата, но онъ упорно отъ этого уклонялся: увѣрялъ въ своей преданности и въ тоже время тайно помогалъ Шихъ-Али-хану, производившему въ краѣ постоянные безпорядки, на деньги получаемыя отъ персидскаго правительства.

Въ концѣ 1811 года Шихъ-Али-ханъ собралъ значительное скопище съ цѣлью нападенія на Кубу, занятую небольшимъ отрядомъ генералъ-маіора Гурьева. Сурхай-ханъ отправилъ къ нему въ помощь сына своего Нухъ-бека, съ казикумухцами и кюринцами. Шихъ-Али-ханъ занялъ селенія Джабиръ и Рустовъ и уже готовился напасть на Кубу, когда прибылъ отрядъ генералъ-маіора Хатунцова, посланный для водворенія порядка. Въ дѣлѣ при селеніи Рустовъ генералъ Хатунцовъ разбилъ совершенно Шихъ-Али-хана и двинулся въ Кюру для наказанія Сурхай-хана, спѣшившаго на помощь къ сыну.

10-го декабря генералъ-маіоръ Хатунцовъ разбилъ Сурхай-хана при сел. Шехихюръ и на слѣдующій день близь сел. Татаръ-ханъ, откуда пошелъ къ Кураху, сильно укрѣпленному Сурхай-ханомъ. Въ ночь на 15 декабря Курахъ былъ взятъ штурмомъ, а Сурхай-ханъ съ небольшимъ конвоемъ и родственниками успѣлъ бѣжать въ Казикумухъ, не преслѣдуемый русскими войсками, не могшими идти далѣе Кураха, потому что курахскій перевалъ былъ покрытъ глубокимъ снѣгомъ. Въ Казикумухѣ въ это время появилась сильная чума.

На другой день по взятіи Кураха, старшины всѣхъ селеній кюринскихъ явились къ генералу Хатунцову съ изъявленіемъ полной покорности, охотно приняли присягу на вѣрноподданство и просили, на будущее время, защиты отъ покушеній Сурхай-хана.

Главнокомандующій войсками въ Грузіи, генералъ маркизъ Паулуччи, желая воспользоваться занятіемъ Кюры для поимки Шихъ-Али-хана, главнаго виновника всѣхъ безпорядковъ въ Дагестанѣ, имѣвшаго надежное прибѣжище недалеко отъ Казикумуха, въ сел. Сумбатъ,—поручилъ генералу Хатунцову войти въ сношеніе съ Сурхай-ханомъ и предложить ему выдать Шихъ-Али-хана и дать въ аманаты Нухъ-бека, зачто обѣщать ему полное прощеніе и возвращеніе подъ его власть Кюры; но Сурхай-ханъ от-

казался положительно исполнить эти требованія. Главнокомандующій, не имѣя возможности держать въ Кюрѣ постоянно войска въ достаточномъ числѣ для защиты ея и находя расновременнымъ введеніе тамъ русскаго управленія, счелъ за лучшее образовать изъ нея особое владѣніе и поручить управленіе имъ Асланъ-беку, извѣстному своими отличными способностями и непримиримому врагу дядѣ его, Сурхай-хану, со стороны котораго можно было ожидать постоянныхъ покушеній на присоединеніе вновь Кюры къ Казикумуху.

Асланъ-бекъ охотно согласился на сдѣланное ему предложеніе и 4-го января 1812 года торжественно, въ присутствіи генерала Хатунцова и коллежскаго совѣтника Могилевскаго, назначеннаго для заключенія съ нимъ условій, присягнулъ на вѣрноподданство и подписалъ предложенный ему трактатъ, сущность котораго заключалась въ слѣдующемъ:

1) Асланъ-бекъ и его преемники не должны признавать надъ собою ни чьей власти, кромѣ власти русскаго императора и его наслѣдниковъ.

2) Асланъ-бекъ и его преемники не должны вступать ни въ какіе связи и союзы съ сосѣдними владѣтелями и вольными обществами, безъ разрѣшенія главнокомандующаго.

3) Жителямъ Кюринскаго владѣнія предоставляется пользоваться всѣми правами, наравнѣ съ прочими вѣрноподданными Россіи.

4) Асланъ-беку предоставляется право разбирать всѣ дѣла, касающіяся до внутренняго управленія, и производить судъ и расправу по его усмотрѣнію.

5) Асланъ-бекъ обязывается вносить ежегодно подати по 3000 червонцевъ и по 3000 четвертей хлѣба (2500 четвертей пшеницы и 500 четвертей ячменя) *).

6) Въ залогъ своей вѣрности Асланъ-бекъ долженъ выдать въ аманаты старшаго своего сына Нуцалъ-бека и 2-хъ сыновей почетнѣйшихъ кюринскихъ старшинъ.

Кромѣ трактата, 23-го января 1812-же года, были заключены съ Асланъ-бекомъ дополнительныя условія, которыми онъ обязался: 1) отдать сел. Курахъ, кромѣ жителей, въ полное рас-

---

*) Подать въ этомъ размѣрѣ ни разу не была внесена Асланъ-ханомъ и, вслѣдствіе его ходатайствъ, денежная подать была уменьшена до 3000 рублей серебромъ.

поряженіе русскаго гарнизона (2 бат. пѣхоты и 1 сотня казаковъ), оставленнаго для защиты кюринскаго владѣнія; 2) всѣми мѣрами стараться привесть въ покорность Россіи сосѣднія вольныя общества.

Въ это-же время Асланъ-беку пожалованъ чинъ полковника, инвеститурная грамота на достоинство хана кюринскаго, знамя съ россійскимъ гербомъ и драгоцѣнная сабля *).

Едва только Асланъ-ханъ успѣлъ утвердиться въ Курахѣ, какъ Сурхай-ханъ началъ дѣлать покушенія на возвращеніе Кюры подъ свою власть; сыновья его безпрерывно появлялись въ окрестностяхъ Ричи и Чираха и склоняли жителей къ неповиновенію. Асланъ-ханъ, желая отомстить за это, собралъ милицію и предложилъ маіору Рябинину, начальствовавшему гарнизономъ въ Курахѣ, въ мартѣ 1812 года, сдѣлать набѣгъ къ Казикумуху. Около Хозрека они были встрѣчены довольно значительнымъ числомъ казикумухцевъ и должны были возвратиться безъ всякаго успѣха, потерявъ нѣсколько человѣкъ убитыми и раненными.

Въ маѣ братья Асланъ-хана—Гассанъ-Ага, отличавшійся необыкновенною храбростью, и Фетъ-Али-бекъ, удерживаемые Сурхай-ханомъ силою, бѣжали изъ Казикумуха въ Курахъ.

Сурхай-ханъ, горѣвшій желаніемъ во что бы то ни стало возвратить подъ свою власть Кюру, обратился съ просьбою о помощи къ персидскому правительству и получилъ отъ шаха фирманъ; въ это-же время онъ велъ переговоры чрезъ шамхала Мехти-хана о принятіи его вновь въ подданство Россіи и склонялъ акушинцевъ и аварцевъ дать ему помощь для овладѣнія Кюрой. Для разъясненія всѣхъ этихъ обстоятельствъ, генералъ-маіоръ Хатунцовъ, въ іюлѣ 1812 года, собралъ отрядъ и двинулся къ сел. Рича. Сурхай-ханъ, не надѣясь устоять съ одними казикумухцами и опасаясь движенія отряда къ Казикумуху, открылъ переговоры, согласился принять присягу на подданство и обѣщался на будущее время жить спокойно. Дѣло это окончилось тѣмъ, что, послѣ 10 дневнаго ожиданія, къ генералъ-маіору Хатунцову пріѣхалъ сынъ Сурхай-хана Муртузали и привезъ подписанный и скрѣпленный печатью отца присяжный листъ и письмо, въ которомъ Сурхай-ханъ извинялся, что, по старости и слабости здоровья, не можетъ лично прибыть къ отряду, и вмѣстѣ съ тѣмъ просилъ о возвращеніи на родину всѣхъ военноплѣн-

*) Приложеніе I.

ныхъ казикумухцевъ, взятыхъ въ предшествовавшіе годы. Просьба эта была исполнена; но Сурхай-ханъ не долго держалъ свое обѣщаніе жить смирно.

Въ маѣ 1813 года онъ собралъ значительное число казикумухцевъ и двинулся къ Кураху; курахскій гарнизонъ и кюринская милиція, собранная Асланъ-ханомъ, встрѣтили его около селенія Гельханъ и совершенно разбили. Вслѣдствіе этого пораженія, Сурхай ханъ, не надѣясь въ скоромъ времени предпринять что-либо серьезное противу Асланъ-хана, съ 20 ближайшими своими родственниками отправился въ Тавризъ искать помощи у персіянъ, поручивъ управленіе Казикумухомъ сыну своему Муртузали-беку (брату Асланъ-хана по матери), который еще и прежде, во время безпрерывныхъ отлучекъ Сурхай-хана изъ Казикумуха, постоянно разбиралъ споры и жалобы жителей и своею справедливостью успѣлъ пріобрѣсть ихъ расположеніе.

Асланъ-ханъ, узнавъ объ отъѣздѣ Сурхай-хана, тотчасъ-же отправился въ Казикумухъ, съ цѣлью овладѣть имъ; но не могъ тамъ найти себѣ достаточнаго числа приверженцевъ, чтобы изгнать Муртузали. Причиною внезапнаго отъѣзда въ Казикумухъ Асланъ-ханъ въ письмѣ главнокомандующему выставилъ грубое съ нимъ обращеніе военно-окружнаго въ Дагестанѣ начальника, генералъ-маіора Хатунцова, что было совершенно несправедливо. Хатунцовъ требовалъ только настоятельно взноса опредѣленной трактатомъ подати, чего Асланъ-ханъ не могъ исполнить, потому что жители доселѣ не платили никакихъ податей и отказывались отъ нихъ съ ропотомъ. Въ августѣ этого же года Асланъ-ханъ, увѣрившись предварительно, что самовольная отлучка его въ Казикумухъ не будетъ имѣть дурныхъ для него послѣдствій, возвратился въ Курахъ, но оставался тамъ недолго. Братья его, Гасанъ-ага и Фетъ-Али-бекъ, изъ личныхъ видовъ постоянно подстрекали его не оставлять намѣренія завладѣть Казикумухомъ, обѣщая свое содѣйствіе. Асланъ-ханъ согласился на ихъ предложеніе и въ мартѣ 1814 г., со всѣмъ семействомъ, переѣхалъ въ Казикумухъ, перевезъ туда имущество и перегналъ скотъ и лошадей. Этотъ поступокъ навлекъ на Асланъ-хана подозрѣніе въ измѣнѣ, потому что, по нѣкоторымъ извѣстіямъ, въ это время Султанъ-Ахмедъ-ханъ аварскій, недовольный нашимъ правительствомъ, не назначавшимъ ему денежнаго жалованья, собиралъ партіи, съ цѣлью сдѣлать нападеніе на Кубу, хотя Гасанъ-ага и сообщилъ курахскому коменданту, что Асланъ-ханъ отправляется

въ Казикумухъ только для того, чтобы разстроить замыслы Султанъ Ахмедъ-хана.

Сурхай-ханъ-Кунъ-Буттай проживалъ въ Тавризѣ, при мнимомъ наслѣдникѣ персидскаго престола, Абазъ-Мирзѣ, стараясь различными происками получить помощь войскомъ и деньгами. Но начавшіеся скоро переговоры о мирѣ и заключеніе, 12 октября 1813 года, Гюлистанскаго трактата, по которому Персія навсегда отказалась отъ вмѣшательства въ дѣла дагестанскихъ владѣтелей, лишили его надежды получить какую-либо помощь. Увѣрившись окончательно, что ему нечего ожидать отъ Персіи, Сурханъ-ханъ рѣшился возвратиться въ Казикумухъ. Въ началѣ августа 1814 года онъ съ семействомъ, родственниками и служителями, всего до 120 человѣкъ, выѣхалъ изъ Тавриза. Главнокомандующій, получивъ объ этомъ извѣстіе, сдѣлалъ распоряженіе о задержаніи его, гдѣ окажется возможнымъ.

На переправѣ чрезъ Куру, Сурхай-ханъ былъ настигнутъ милиціею и казаками, подъ начальствомъ елисаветопольскаго окружнаго начальника, подполковника Калатузова, и разбитъ совершенно; онъ потерялъ всѣ свои вьюки, 35 человѣкъ убитыми и 10 плѣнными, но самъ съ раненною женою успѣлъ спастись, пославъ для задержанія преслѣдовавшихъ его казаковъ отборныхъ людей, подъ начальствомъ сына своего Захарія-бека, который при этомъ былъ убитъ казаками.

Въ числѣ захваченныхъ въ плѣнъ были внукъ Сурхай-хана, Гатамъ, сынъ Нухъ-бека, и нѣсколько другихъ родственниковъ.

Чрезъ владѣніе бывшаго султана елисуйскаго (нынѣ горный магалъ Самурскаго округа), Сурхай-ханъ пробирался къ Хозреву, распуская вездѣ слухъ, что онъ получилъ отъ главнокомандующаго разрѣшеніе изгнать силою Асланъ-хана изъ Казикумуха и снова овладѣть ханствомъ. Число приверженцевъ его безпрерывно возрастало, и когда онъ подошелъ къ Хозреву, то имѣлъ при себѣ уже нѣсколько сотъ человѣкъ; здѣсь встрѣтилъ его братъ Асланъ-хана, Гассанъ-Ага, съ кюринской милиціею, но послѣ непродолжительной перестрѣлки, потерявъ нѣсколько человѣкъ убитыми и раненными, ушелъ въ Кюру. Когда объ этомъ дѣлѣ было получено извѣстіе въ Казикумухѣ, Муртузали предложилъ Асланъ-хану собрать сколько-возможно преданныхъ имъ казикумухцевъ и идти на встрѣчу Сурхай-хану, чтобы не допустить его занять Казикумухъ; при этомъ онъ вызвался, вмѣстѣ съ братомъ Асланъ-хана, Фетъ-Али-бекомъ, идти впередъ. Асланъ-

ханъ согласился на это; Муртузали-бекъ, отойдя отъ Казикумуха верстъ десять, сдѣлалъ привалъ, напоилъ пьянымъ Фетъ-Али-бека, и когда онъ заснулъ, велѣлъ отрубить ему голову и послалъ ее въ Хозрекъ къ Сурхай-хану, въ доказательство того, что онъ готовъ принять отца безъ всякаго сопротивленія. Узнавъ объ этомъ поступкѣ брата, Асланъ-ханъ, съ женою Умм-Гюльсумъ-бике, бѣжалъ столь поспѣшно, что даже не успѣлъ захватить съ собой необходимаго платья, и окольнымъ путемъ, чрезъ Акушу, Кайтагъ и Табасарань, пробрался въ Касумъ-Кентъ и вновь вступилъ въ управленіе Кюринскимъ ханствомъ. Въ началѣ 1815 года онъ ѣздилъ въ Тифлисъ, гдѣ успѣлъ вполнѣ оправдать предъ главнокомандующимъ свое поведеніе и отлучку въ Казикумухъ, и кромѣ того, для лучшей защиты Кюры отъ покушеній Сурхай-хана, испросилъ согласіе главнокомандующаго на занятіе сел. Чираха постояннымъ гарнизономъ изъ 2 ротъ пѣхоты.

Сурхай-ханъ, занявъ беспрепятственно Казикумухъ, объявилъ, что онъ будетъ управлять казикумухцами какъ и прежде. Но вскорѣ онъ встрѣтилъ весьма сильное противодѣйствіе со стороны сыновей своихъ, Нухъ-бека и Муртузали-бека. Первый, пользуясь своею популярностью между казикумухцами и имѣя сильную партію, настоятельно требовалъ отъ Сурхай-хана принять какія онъ хочетъ мѣры къ освобожденію сына его Гатама, содержавшагося въ Тифлисѣ, а второй, пріобрѣтя общую любовь народа во время отлучки Сурхай-хана, явно стремился къ тому, чтобы захватить въ свои руки всю власть. При такихъ обстоятельствахъ Сурхай-ханъ рѣшился обратиться къ главнокомандующему генералу Ртищеву, съ изъявленіемъ покорности и съ просьбою объ освобожденіи внука его Гатамъ-бека. Въ письмѣ своемъ Сурхай-ханъ, раскаиваясь въ неоднократныхъ измѣнахъ, обѣщалъ загладить прежніе поступки ревностною службою для пользъ Россіи и предлагалъ свои услуги къ поимкѣ и выдачѣ бѣглаго грузинскаго царевича Александра. Главнокомандующій, зная по опыту, на сколько можно было вѣрить Сурхай-хану, не отвѣчалъ какъ на первое, такъ и на послѣдующія его письма, тѣмъ болѣе что Сурхай-ханъ, испрашивая прощеніе, не переставалъ употреблять всѣ средства для овладѣнія Кюрой и въ августѣ 1815 гола появился съ казикумухцами въ окрестностяхъ Кураха, но разбитый курахскимъ гарнизономъ, подъ начальствомъ маіора Поздреевскаго, возвратился въ Казикумухъ.

Вліяніе и значеніе Муртузали постоянно увеличивались въ Казикумухѣ, и Сурхай-ханъ, опасаясь скоро совершенно потерять власть, рѣшился отъ него избавиться, во что бы то ни стало. Въ первыхъ числахъ марта 1816 года, по его приказанію, внукъ его Магомедъ-бекъ (сынъ Нухъ-бека) выстрѣломъ изъ пистолета смертельно ранилъ Муртузали, а племянникъ Гарунъ-бекъ (сынъ Иса-бека) дорубилъ его шашкою. По смерти Муртузали настоянія Нухъ-бека объ освобожденіи сына его Гатама усилились, такъ какъ его сторону приняли многіе недовольные убійствомъ Муртузали; это и заставило Сурхай-хана послать въ Тифлисъ сына своего Джафаръ-бека, съ письмомъ главнокомандующему, въ которомъ онъ вновь просилъ принять его еще разъ въ вѣрноподданство и предлагалъ, въ залогъ его вѣрности, оставить Джафаръ-бека амаватомъ въ Тифлисѣ. Просьба эта была принята; Сурхай-ханъ въ послѣдній разъ приведенъ торжественно къ присягѣ на вѣчное вѣрноподданство Россіи, признанъ и утвержденъ ханомъ казикумухскимъ; Гатамъ-бекъ и другіе плѣнные отпущены изъ Тифлиса домой.

Но и на этотъ разъ Сурхай-ханъ недолго держалъ свою клятву; вскорѣ онъ началъ тайно оказывать свое содѣйствіе Султанъ-Ахмедъ-хану аварскому, уцмію Адиль-Гирею, Гирей-беку казанищенскому и Шихъ-Али-хану, производившимъ безпорядки въ Дагестанѣ съ начала 1819 года.

Генералъ Ермоловъ, въ предписаніи 4-го марта 1819 г., на имя генералъ-маіора барона Вреде, назначеннаго военно-окружнымъ въ Дагестанѣ начальникомъ, писалъ слѣдующее:

«Сурхай-ханъ казикумухскій, нѣсколько разъ измѣнявшій и на котораго никакъ полагаться не должно, требуетъ осторожнаго съ нимъ поведенія, и потому—оказывать ему вѣжливости, и ни въ чемъ не вѣрить. Существующая между имъ и полковникомъ Асланъ-ханомъ вражда должна быть поддерживаема скрытнымъ образомъ».

«Полковникъ Асланъ-ханъ кюринскій съ давняго времени замѣченъ вѣрнымъ и усердствующимъ намъ; но въ томъ желаю я наиболѣе удостовѣриться, ибо предмѣстникъ вашъ, господинъ генералъ-маіоръ Пестель, нѣсколько разъ дѣлалъ противныя на счетъ его замѣчанія. Они могутъ происходить отъ внушеній брата сего хана, по имени Гассанъ-аги, къ которому народъ, по чрезвычайной храбрости его, имѣетъ привязанность и который

возмущаетъ онъ противъ брата и, вѣроятно также, желаетъ худо расположить къ нему начальство».

Генералъ-маіоръ Пестель объ Асланъ-ханѣ писалъ, между прочимъ, слѣдующее: «онъ, по прибытіи отряда нашего къ сел. Башлы *), имѣлъ тайное свиданіе съ Султанъ-Ахмедъ-ханомъ аварскимъ, и во время сраженія приказывалъ своей милиціи пѣснями давать знать непріятелю о малочисленности нашихъ войскъ и чтобы смѣлѣе нападали».

«Онъ налагаетъ на кюринцевъ чрезмѣрныя подати и часть денегъ передаетъ въ горы. Отбираетъ у своихъ подвластныхъ силою дочерей, продаетъ ихъ и мѣняетъ чеченцамъ на лошадей. Многихъ казнитъ смертью».

Скоро дѣйствія Сурхай-хана обнаружились, и генералъ Ермоловъ, послѣ пораженія горцевъ при сел. Балтугай, рѣшился предпринять серьезное движеніе къ Казикумуху. Съ этою цѣлью во второй половинѣ 1819 года было приступлено къ заготовленію провіанта въ Чирахѣ. Сурхай-ханъ, узнавъ объ этомъ, рѣшился предупредить нападеніе. Въ половинѣ октября онъ собралъ казикумухцевъ и 19-го числа напалъ на Чирахъ, занятый 2 ротами Троицкаго пѣхотнаго полка, подъ командою капитана Овечкина, расчитывая уничтожить весь запасъ провіанта; но послѣ продолжительной перестрѣлки, не надѣясь овладѣть Чирахскимъ постомъ, отступилъ къ Хозреку и потомъ въ Казикумухъ, гдѣ дѣятельно занялся наборомъ возможно-большаго ополченія. Благодаря деньгамъ и начавшейся развиваться въ это время, вслѣдствіе особыхъ причинъ, ненависти горцевъ къ русскимъ, Сурхай-хану удалось къ половинѣ декабря собрать болѣе 20,000 человѣкъ; небольшую часть этого сборища онъ отправилъ подъ начальствомъ Нухъ-бека въ помощь Авушѣ, куда въ это время генералъ Ермоловъ предпринялъ экспедицію, а самъ съ остальными 19-го числа появился около Чираха, занятаго тѣми-же 2 ротами и 80 человѣками кюринской милиціи. Горцы, надѣясь на свою многочисленность, храбро нападали на малочисленный гарнизонъ, стойко защищавшійся въ домахъ и отдѣльныхъ жительскихъ башняхъ. Въ одной изъ такихъ башенъ заперся прапорщикъ Щербина съ горстью храбрыхъ и выстрѣлами наносилъ чувствительную потерю непріятелю; горцы, разъяренные этимъ, обратили все вниманіе на эту башню, но только къ вечеру ус-

*) Гдѣ генералъ-маіоръ Пестель потерпѣлъ большую неудачу.

пѣли разрушить ее, причемъ погибли остававшіеся еще въ живыхъ защитники ея. Ночью Сурхай-ханъ, потерявъ много людей убитыми и ранеными, отступилъ къ Хозреку; скопище его разошлось по домамъ. Въ этомъ дѣлѣ изъ чирахскаго гарнизона убыло убитыми 2 оберъ-офицера и 43 человѣка нижнихъ чиновъ, ранеными 1 оберъ-офицеръ, 24 нижнихъ чиновъ и 6 человѣкъ кюринскихъ милиціонеровъ.

Прокламаціею *), къ жителямъ кубинскимъ, дербентскимъ и бакинскимъ, изданною въ Дербентѣ 19-го января 1820 года, генералъ Ермоловъ, объявляя объ измѣнѣ Сурхай хана, назначилъ ханомъ казикумухскимъ полковника Асланъ-хана кюринскаго. Оставалось только изгнать Сурхай-хана изъ Казикумуха. Съ этою цѣлью въ началѣ іюня 1820 года въ Курахѣ былъ собранъ отрядъ, подъ начальствомъ генералъ-маіора князя Мадатова; Сурхай-ханъ рѣшился защищаться на сколько возможно, собралъ преданныхъ ему казикумухцевъ и аварцевъ и встрѣтилъ 13-го іюня отрядъ князя Мадатова на перевалѣ между Чирахомъ и Хозрекомъ; но сборище его не выдержало аттаки русскихъ войскъ; скоро все бросилось бѣжать, оставя въ рукахъ побѣдителей 600 человѣкъ плѣнныхъ и 11 значковъ. Въ этомъ дѣлѣ убитъ храбрый Гассанъ-ага, братъ Асланъ-хана, бывшій впереди съ кюринской милиціей.

Генералъ князь Мадатовъ, не останавливаясь, пошелъ въ Казикумухъ и, занявъ его безъ бою, водворилъ полный порядокъ, передалъ управленіе Асланъ-хану и 20-го іюня выступилъ съ отрядомъ обратно на плоскость. Сурхай-ханъ бѣжалъ въ Сограть, гдѣ надѣялся выждать удобнаго случая для возвращенія Казикумуха подъ свою власть; но онъ скоро убѣдился, что на это ему ни остается никакой надежды, потому что Асланъ-ханъ зорко слѣдилъ за всѣми его дѣйствіями и жестоко преслѣдовалъ не только всѣхъ приверженцевъ Сурхай-хана, но и тѣхъ, которые входили въ какія-либо съ нимъ сношенія. При такихъ обстоятельствахъ Сурхай-ханъ рѣшился отправиться въ Персію, что ему и удалось сдѣлать въ началѣ августа 1820 года, при посредствѣ Мустафы-хана ширванскаго, родственника его по женской линіи; съ нимъ ушелъ сынъ его Нухъ-бекъ и нѣсколько человѣкъ приближенныхъ нукеровъ. Въ апрѣлѣ 1821 года внукъ Сурхай-хана

---

*) Приложеніе II.

Магомедъ-ханъ, спасаясь отъ кровомщенія со стороны Асланъ-хана за убійство Муртузали, также бѣжалъ въ Персію къ отцу.

Въ началѣ декабря 1820 года, съ полковникомъ Асланъ-ханомъ заключенъ особый трактатъ, какъ съ владѣтелемъ Казикумуха. Главными статьями этого трактата были слѣдующія:

1) Асланъ-ханъ утверждается во владѣніи ханствомъ Казикумухскимъ и къ прежнему достоинству хана кюринскаго присоединяется званіе хана казикумухскаго.

2) Ханъ обязанъ охранять свои границы и идти съ войсками, куда прикажутъ.

3) При постройкѣ укрѣпленій и проложеніи дорогъ въ его владѣніяхъ, обязанъ помогать зависящими отъ него средствами.

4) Въ Кюринскомъ и Казикумухскомъ ханствахъ содержать постоянно 160 человѣкъ конницы, для употребленія ея въ караулы и разъѣзды, по усмотрѣнію начальства.

5) Хану предоставляется право разбирать по закону и обычаямъ казикумухскимъ всѣ дѣла, кромѣ уголовныхъ, которыя должны быть разбираемы русскимъ военнымъ судомъ, для чего преступниковъ отправлять къ начальству *).

6) Предоставляется Асланъ-хану къ Кюринскомъ ханствѣ постановить наибомъ сына своего, или кого заблагоразсудитъ; но отнюдь не соединять обоихъ ханствъ вмѣстѣ, а каждымъ управлять особо **).

7) Количество ежегодной дани положено опредѣлить по разсмотрѣніи, сколько жители ханства могутъ платить безъ отягощенія. Дань эта впослѣдствіи опредѣлена въ 3000 руб. сер.

По принятіи Асланъ-ханомъ присяги въ вѣрности по новому назначенію и по подписи имъ трактата, объявлено о пожалованіи ему чина генералъ-маіора. Въ слѣдующемъ году ему Высочайше пожалованы инвеститурная грамота, знамя съ россійскимъ гербомъ и драгоцѣнная сабля.

Сурхай-ханъ, проживая въ Персіи, не переставалъ ходатайствовать у персидскаго правительства о пособіи ему войсками и деньгами, для возвращенія утеряннаго имъ владѣнія. Въ іюлѣ

---

*) Этотъ пунктъ трактата на практикѣ никогда не исполнялся. Ханъ по управленію народомъ дѣлалъ что хотѣлъ и безнаказанно увѣчилъ и казнилъ смертію, кого находилъ того достойнымъ.

**) Этотъ пунктъ постановленъ въ тѣхъ видахъ, чтобы, въ случаѣ измѣны хана, раздѣлить силы обоихъ владѣній.

1826 года, онъ, пользуясь вторженіемъ персіанъ въ Грузію, успѣлъ пробраться въ Шемаху, и потомъ чрезъ Казикумухъ въ Согратль, стараясь привлечь къ себѣ казикумухцевъ и возбудить ихъ противъ Асланъ-хана и русскаго правительства, и въ тоже время отправилъ сына своего Нухъ-бека въ Константинополь искать помощи у турокъ. Но всѣ его попытки остались безъ успѣха, и въ 1827 году онъ умеръ въ Согратлѣ, на 83 году отъ роду, приказавъ похоронить себя на купленномъ имъ для этого участкѣ земли. Незадолго до его смерти Асланъ-ханъ предлагалъ ему помириться съ нимъ и переѣхать жить въ Казикумухъ; но Сурхай-ханъ отвергъ это предложеніе. Въ слѣдующемъ году умеръ и Нухъ-бекъ въ Турціи.

По сказанію знавшихъ Сурхай-хана, онъ былъ большаго роста, видъ имѣлъ, въ особенности подъ старость, грозный, отличался большою ученостью, въ мусульманскомъ духѣ, и славился какъ безпристрастный и справедливый судья.

Асланъ-ханъ переѣхалъ на житье въ Казикумухъ тотчасъ по занятіи его княземъ Мадатовымъ, а управленіе Кюринскимъ ханствомъ поручилъ племяннику своему Гарунъ-беку, третьему сыну Таиръ-бека, исполнявшему безпрекословно всѣ требованія хана, который въ особенно-важныхъ случаяхъ самъ пріѣзжалъ въ Кюру для личныхъ распоряженій.

Въ 1824 году, вслѣдствіе ученія о мюридизмѣ, распространяемаго ярагскимъ муллою Магомедомъ, жители какъ этого селенія, такъ и нѣсколькихъ сосѣднихъ, начали ходить по окрестностямъ съ шашками, объявляя газаватъ. Генералъ Ермоловъ, узнавъ объ этихъ безпорядкахъ, вытребовалъ къ себѣ въ Кубу Асланъ-хана и приказалъ ему принять мѣры къ прекращенію ихъ. Асланъ-ханъ, пріѣхавъ въ Касумъ-Кентъ, призвалъ Муллу-Магомеда съ послѣдователями, но ограничился тѣмъ, что поколотилъ Муллу, у котораго на другой день просилъ въ этомъ извиненія, запретилъ распространять новое ученіе въ своихъ владѣніяхъ и донесъ генералу Ермолову, что имъ возстановленъ въ Кюрѣ полный порядокъ. Такія распоряженія послужили только къ большему развитію ученія Муллы-Магомеда, и когда, въ 1825 г., генералъ Ермоловъ потребовалъ отъ Асланъ-хана арестовать Муллу-Магомеда и доставить его въ Тифлисъ, то хотя онъ и былъ арестованъ, но вслѣдъ затѣмъ, съ согласія Асланъ-хана, отпущенъ изъ Кураха въ Вольную Табасарань, откуда въ 1826 году возвратился въ Ярагъ, а въ 1830 г., при новомъ настоя-

тельномъ требованіи о выдачѣ его, успѣлъ, при помощи хана, уйти въ Аварію.

Подобною добросовѣстностью, отличались и другія дѣйствія Асланъ-хана, старавшагося, при случаѣ, показать свое содѣйствіе нашей власти къ прекращенію безпорядковъ, возникшихъ вслѣдствіе развитія мюридизма, и въ тоже время тайно содѣйствовавшаго Кази-Муллѣ и Гамзатъ-беку.

Такъ, въ 1829 году, люди, посланные Кази-Муллою въ Кубу, были ограблены кюринцами; Асланъ-ханъ, узнавъ объ этомъ, отыскалъ виновыхъ, строго наказалъ ихъ и возвратилъ Кази-Муллѣ взысканныя съ нихъ за ограбленныя вещи деньги, при извинительномъ письмѣ.

Въ 1830 году онъ ходатайствовалъ объ освобожденіи Гамзатъ-бека, заарестованнаго, какъ мятежника, послѣ неудачнаго его похода въ нынѣшній Закатальскій округъ. Ходатайство это было уважено, съ тѣмъ, чтобы въ Тифлисъ былъ доставленъ аманатомъ племянникъ Гамзатъ-бека, который вскорѣ по освобожденіи Гамзатъ-бека бѣжалъ, но на перевалѣ чрезъ главный хребетъ погибъ отъ холода и мятели.

Асланъ-ханъ, ненавидѣвшій семейство аварскихъ хановъ, вслѣдствіе обиды, нанесенной ему отказомъ въ выдачѣ замужъ дочери ханши Паху-бике, Султанаты, за сына его, Магомедъ-Мирзу, и расчитывая получить въ управленіе Аварію, по истребленіи аварскихъ хановъ,—воспользовался пребываніемъ Гамзатъ-бека въ Казикумухѣ, чтобы возбудить въ немъ желаніе во что бы ни стало исполнить это намѣреніе. Старанія его увѣнчались полнымъ успѣхомъ. Гамзатъ-бекъ, сдѣлавшись послѣ Кази-Муллы имамомъ, въ августѣ 1834 года истребилъ аварскихъ хановъ, за что получилъ отъ Асланъ-хана, тайно, особую благодарность, подарокъ и обѣщаніе въ помощи при дальнѣйшихъ его предпріятіяхъ.

Асланъ-ханъ, назначенный главнокомандующимъ по смерти аварскихъ хановъ управлять и Аваріей, послалъ въ Хунзакъ племянника своего, Гаджи-Ягья, втораго сына Таиръ-бека, отличавшагося особою приверженностью къ мюридизму.

17-го апрѣля 1836 года Асланъ-ханъ умеръ въ Казикумухѣ, послѣ непродолжительной болѣзни. Послѣ него остались два сына—маіоръ Нуцалъ-Ага и поручикъ Магомедъ-Мирза, оба слабые здоровьемъ и не отличавшіеся особыми способностями,—и жена, Умми-Гюльсумъ-бике, дочь Сеидъ-бека, брата Сурхай-хана-Кунъ-

Буттая, женщина весьма умная и имѣвшая большое вліяніе на казикумухцевъ.

IV.

Нуцалъ-ханъ. Магомедъ-Мирза-ханъ. Умми-Гюльсумъ-бике. Махмудъ-бекъ. Безпорядки въ Казикумухѣ. Занятіе его Шамилемъ. Гаджи-Ягья. Изгнаніе Шамиля изъ Казикумуха полковникомъ княземъ Аргутинскимъ-Долгорукимъ. Абдулъ-Рахманъ-бекъ. Гарунъ-бекъ. Назначеніе ханомъ казикумухскимъ Агаларъ-бека, а кюринскимъ Юсуфъ-бека. Упраздненіе ханской власти и образованіе изъ обоихъ ханствъ округовъ.

По смерти Асланъ-хана, командиръ отдѣльнаго кавказскаго корпуса и главноуправляющій гражданскою частью, генералъ-адъютантъ баронъ Розенъ назначилъ ханомъ казикумухскимъ и кюринскимъ и управляющимъ Аваріею маіора Нуцалъ-Агу, предоставивъ ему всѣ тѣ права, которыми пользовался отецъ его; при этомъ онъ произведенъ въ полковники.

Для управленія Аваріей Нуцалъ-ханъ послалъ въ Хунзакъ, вмѣсто Гаджи-Ягья, брата своего Магомедъ-Мирзу; этимъ и ограничилась вся его дѣятельность, какъ правителя. 20-го августа 1836 года онъ умеръ, послѣ краткой болѣзни.

По смерти Нуцалъ-хана изъ сыновей Асланъ-хана оставался только поручикъ Магомедъ-Мирза, слабый здоровьемъ и характеромъ и потому малоспособный къ управленію такимъ народомъ, какъ казикумухцы; однако эти обстоятельства не помѣшали генералу барону Розену назначить его ханомъ, въ тѣхъ видахъ, что казикумухцы заявляли особую приверженность къ нему, какъ сыну Асланъ-хана. Вскорѣ по его назначеніи, слѣдующее происшествіе весьма возвысило его въ глазахъ народа и заставило враждебныя ему партіи быть осторожнѣе въ своихъ замыслахъ противъ него. Еще Асланъ-ханъ нѣсколько разъ выражалъ жела-

ніе отомстить племяннику Сурхай-хана Гарунъ-беку, за участіе въ убійствѣ Муртузали-бека, но не успѣлъ этого исполнить, потому что Гарунъ-бекъ скрывался въ дальнихъ Рутульскихъ селеніяхъ и появился въ Казикумухъ только на поминкахъ по Асланъ-ханѣ; но Нуцалъ-ханъ приказалъ не трогать его. Это обстоятельство, а также и надежда на поддержку своей многочисленной родни, дали Гарунъ-беку поводъ пріѣхать въ Казикумухъ, и на поминки по Нуцалъ-ханѣ. Прибывъ въ Казикумухъ, Гарунъ-бекъ отправился къ Магомедъ-Мирза-хану, чтобы выразить свое сожалѣніе о смерти его брата. Ханъ, обѣдавшій въ это время съ Ахмедъ-ханомъ мехтулинскимъ, едва только увидѣлъ вошедшаго Гарунъ-бека, какъ велѣлъ своимъ нукерамъ отрубить ему голову, что и было ими немедленно исполнено.

При назначеніи ханомъ, Магомедъ-Мирза, по примѣру его предшественниковъ, произведенъ въ полковники и получилъ инвеститурную грамоту.

При отъѣздѣ изъ Хунзака, Магомедъ-Мирза-ханъ не оставилъ никого для управленія Аваріей и только по настоятельной просьбѣ аварцевъ отправилъ къ нимъ Гаджи-Ягья, съ нѣсколькими всадниками казикумухской милиціи. Начальство, имѣя въ виду доставить Магомедъ-Мирза-хану большее значеніе въ глазахъ аварцевъ, предложило ему жениться на вдовѣ Нуцалъ-хана аварскаго Гейбатъ-бике, на что она была согласна; но онъ не только отклонилъ это предложеніе, видя нерасположеніе къ себѣ аварцевъ и не желая противодѣйствовать проискамъ Ахмедъ-хана мехтулинскаго, а просилъ, въ октябрѣ 1836 года, освободить его отъ управленія Аваріею, ссылаясь на слабость здоровья; просьба эта была уважена и Ахмедъ-ханъ назначенъ на его мѣсто.

Въ 1837 году Магомедъ-Мирза-ханъ принялъ, съ казикумухской милиціей, дѣятельное участіе въ аварской экспедиціи, и 7 іюля въ его лагерь, по условію съ начальникомъ отряда, генераломъ Фезе, явился Шамиль для принятія присяги, на коранѣ, въ томъ, что болѣе не будетъ возбуждать горцевъ къ войнѣ съ русскими.

Въ октябрѣ 1838 года Магомедъ-Мирза-ханъ отправился въ Курахъ для личнаго наблюденія за сборомъ кюринской милиціи, предназначавшейся для дѣйствій противу ахтинцевъ и рутульцевъ, возмущенныхъ Мустафою-Магомедомъ, выдававшимъ себя за сына шекинскаго хана, умершаго въ Персіи. Поѣздка эта окончательно разстроила его здоровье, и онъ, слабѣя день ото дня, 15-го

октября умеръ въ Курахѣ,—что и дало поводъ къ распространенію въ народѣ слуховъ, будто-бы Асланъ-ханъ, Магомедъ-Мирза-ханъ и Нуцалъ-ханъ были отравлены медленнымъ ядомъ, въ чемъ подозрѣвались родственники ихъ, добивавшіеся ханскаго достоинства.

Изъ семейства Асланъ-хана остались въ живыхъ только жена его Умми-Гюльсумъ-бике и малолѣтняя внучка Шамай-бике, дочь Нуцалъ-хана. Изъ числа-же его племянниковъ, имѣвшихъ претензію на ханское достоинство, замѣчательны были только Абдулъ-Рахманъ-бекъ, сынъ Омаръ-бека, и Гарунъ-бекъ, постоянно, со времени Асланъ-хана, управлявшій Кюринскимъ ханствомъ; остальные не имѣли особаго значенія и вліянія въ Казикумухѣ, по своей бѣдности или малолѣтству. Большинство-же народа было расположено только въ пользу Умми-Гюльсумъ-бике. Корпусный командиръ, генералъ Головинъ, желая воспользоваться этими обстоятельствами для присоединенія Елисуйскихъ владѣній къ Джаробелоканской области и для окончательнаго разъединенія Казикумухскаго и Кюринскаго ханствъ, предложилъ бывшему въ то время владѣтелемъ еллисуйскимъ, маіору Даніель-султану, какъ племяннику Асланъ-хана по женской линіи (мать султана, Туту-бике, была родная сестра Асланъ-хана), принять въ свое управленіе Казикумухское ханство, съ тѣмъ чтобы изъ Елису было образовано особое приставство, съ присоединеніемъ къ Джаробелоканской области, и чтобы кюринскій наибъ Гарунъ-бекъ во всемъ подчинялся военно-окружному начальнику въ Дагестанѣ. Даніель-султанъ отказался отъ этого предложенія, ссылаясь на нежеланіе свое оставить родовыя владѣнія и дѣйствовать противу интересовъ Умми-Гюльсумъ-бике, прибавивъ при этомъ, «что ему извѣстно, что большая часть казикумухцевъ поклялась никому не служить, кромѣ старой ханши.»

Въ это время всѣ члены казикумухской ханской фамиліи, кромѣ Таиръ-бека, разными происками старались попасть въ ханы, для чего каждый составлялъ себѣ особую партію. Безпорядки въ Казикумухѣ дошли до того, что Умми-Гюльсумъ-бике, съ племянникомъ Махмудъ-бекомъ, сыномъ Таиръ-бека, и съ тремя-стами преданными ей нукерами, опасаясь насилія со стороны претендентовъ, должна была запереться въ ханскомъ замкѣ; но вскорѣ, убѣдясь, что большинство народа сочувствуетъ ея интересамъ, распустила стражу.

Генералъ Головинъ, заключивъ изъ этихъ обстоятельствъ объ особой преданности народа къ Умми-Гюльсумъ-бике, назна-

чилъ ее правительницею, но съ тѣмъ условіемъ, чтобы оба владѣнія, подъ общимъ только названіемъ ханства Казикумухскаго и Кюринскаго, какъ это было и прежде, управлялись каждое особо и совершенно независимо одно отъ другаго. Правителемъ кюринскимъ утвержденъ Гарунъ-бекъ. Въ помощь къ Умми-Гюльсумъ-бике назначенъ, согласно ея желанію, Махмудъ-бекъ; но при этомъ не были опредѣлены положительно права его.

Абдулъ-Рахманъ-бекъ и Гаджи-Ягья остались весьма недовольны этимъ распоряженіемъ; послѣдній отправился въ сел. Типпигъ, Агулъ-Кошанскаго магала, требовалъ отъ жителей присяги на вѣрность, хотѣлъ ввести шаріатъ и заставлялъ всѣхъ молиться съ нимъ въ мечети; но вскорѣ братья его, Баширъ-бекъ и Юсуфъ-бекъ, заставили его возвратиться въ Казикумухъ, гдѣ маіоръ Коргановъ, посланный туда корпуснымъ командиромъ для наблюденія за ходомъ дѣлъ, взялъ съ него клятву, что онъ будетъ жить спокойно и никуда не уѣдетъ, въ чемъ поручились за него отецъ его Таиръ-бекъ и братъ Махмудъ-бекъ.

Абдулъ-Рахманъ-бекъ за произведенные имъ безпорядки былъ вызванъ въ Дербентъ и ему приказано жить въ селеніи Зухулъ, подъ надзоромъ военно-окружнаго начальника.

Ханша Умми-Гюльсумъ-бике вела совершенно отшельническую жизнь, почти никого не принимала и занималась только оплакиваніемъ мужа и сыновей, предоставивъ остальное племяннику Махмудъ-беку; но онъ, не имѣя ни власти, ни значенія, не могъ ничего сдѣлать—его рѣшительно никто не хотѣлъ слушать. Слѣдствіемъ всего этого былъ полнѣйшій безпорядокъ; жители не хотѣли даже слушать своихъ старшинъ. Видя это, ханша Умми-Гюльсумъ-бике заявила маіору Корганову о желаніи своемъ отказаться отъ управленія ханствомъ и просить о назначеніи вмѣсто нея Абдулъ-Рахманъ-бека; послѣднюю мысль внушила ей сестра ея Рогоятъ-бике, мать Абдулъ-Рахманъ-бека, не смотря на то, что другой сынъ ея, Абдулла-бекъ, при смерти Магомедъ-Мирза-хана покушался разграбить ханское имущество, а мужъ ея Омаръ-бекъ былъ постоянно въ главѣ партій, дѣйствовавшихъ противъ Умми-Гюльсумъ-бике. Но маіоръ Коргановъ успѣлъ отговорить ханшу отъ этого намѣренія, убѣдивъ ее, что новый ханъ, по примѣру своихъ предшественниковъ и по заведенному изстари порядку въ Дагестанѣ, не упуститъ случая, пользуясь своими правами, отобрать отъ нея все ея имущество и она на старости лѣтъ останется въ самомъ плачевномъ положеніи. По-

этому Умми-Гюльсумъ-бике ограничилась только просьбою къ корпусному командиру о дозволеніи Абдулъ-Рахманъ-беку возвратиться на житье въ Казикумухъ. Но онъ не дождался этого разрѣшенія и въ октябрѣ 1840 года самовольно уѣхалъ изъ Зухула въ Казикумухъ, по случаю смерти жены, и, тайно поддерживаемый ханшею, не хотѣлъ оттуда выѣзжать, не смотря на неоднократныя требованія военно-окружнаго въ Дагестанѣ начальника и корпуснаго командира. Въ короткое время онъ успѣлъ составить себѣ сильную партію и началъ преслѣдовать лучшихъ нукеровъ хана, сохранявшихъ полнѣйшую преданность и ханшѣ. Въ мартѣ 1841 года Умми-Гюльсумъ-бике опасно заболѣла. Абдулъ-Рахманъ-бекъ, расчитывая, что она умретъ, занялъ своими нукерами ворота ханскаго дома и поставилъ караулъ съ ханскому имуществу,—но предположенія его не оправдались: Умми-Гюльсумъ-бике скоро выздоровѣла, и хотя Абдулъ-Рахманъ-бекъ увѣрялъ ее, что явился къ ней въ домъ, только для того, чтобы узнать о ея здоровьи и позаботиться о ней, она настоятельно требовала, чтобы онъ ѣхалъ въ Тифлисъ, что онъ и исполнилъ.

Въ это-же время Гаджи-Ягья, не надѣясь на поддержку въ Казикумухѣ, уѣхалъ тайно оттуда и разъѣзжая по Верхнему Кайтагу и Вольной Табасарани уговаривалъ жителей принять его сторону и идти съ нимъ въ Казикумухъ; не найдя однако въ нихъ никакого сочувствія, онъ бѣжалъ къ Шамилю.

Съ начала 1842 года до корпуснаго командира стали доходить свѣдѣнія, что многіе изъ членовъ казикумухской ханской фамиліи, въ особенности сыновья Таиръ-бека, постоянно ведутъ переговоры съ Шамилемъ, чрезъ Гаджи-Ягью, и выжидаютъ случая прибѣгнуть къ его помощи. Слухи объ этомъ постоянно подтверждались и потому генералъ Головинъ рѣшился удалить отъ всякаго участія въ управленіи Казикумухскимъ ханствомъ Махмудъ-бека, назначивъ управляющимъ Абдулъ-Рахманъ-бека, успѣвшаго въ Тифлисѣ оправдать прежнее свое поведеніе и выказать особую преданность нашему правительству. Въ этомъ назначеніи представлялась еще та выгода, что Абдулъ-Рахманъ-бекъ, какъ непримиримый врагъ всему роду дяди своего Таиръ-бека, постарался-бы, изъ личныхъ видовъ, разрушить всѣ замыслы сыновей Таиръ-бека. Назначеніе это не успѣло еще состояться окончательно, какъ въ Казикумухѣ появился Шамиль.

Еще съ того времени, когда Умми-Гюльсумъ-бике, въ первый разъ, просила о возвращеніи Абдулъ-Рахманъ-бека въ Кази-

кумухъ, Махмудъ-бекъ началъ сомнѣваться въ расположеніи къ нему ханши и, не желая лишиться даже той власти надъ народомъ, которою онъ пользовался номинально, вступилъ, чрезъ брата своего Гаджи-Ягью, въ переговоры съ Шамилемъ, при посредствѣ котораго расчитывалъ сдѣлаться полновластнымъ и самостоятельнымъ ханомъ. Когда-же было получено извѣстіе о предстоящемъ назначеніи Абдулъ-Рахманъ-бека, то Махмудъ-бекъ рѣшился не терять времени и послалъ просить Шамиля прійти съ мюридами какъ можно скорѣе въ Казикумухъ, ручаясь, что жители не окажутъ ему никакого сопротивленія.

Въ это время дагестанскій отрядъ генерала Фезе, бывшій въ Андалалѣ, двинулся къ Унцукулю; для наблюденія-же за скопищемъ Шамиля и для защиты отъ его покушеній Казикумуха оставленъ подполковникъ Снаксаревъ, съ милиціями Самурскаго округа, кюринскою и казикумухскою. Едва отрядъ генерала Фезе прибылъ въ Хунзахъ, Шамиль появился съ значительнымъ скопищемъ въ Андалалѣ и угрожалъ Казикумуху, не предпринимая однако ничего рѣшительнаго, изъ опасенія милиціи, подъ командою подполковника Снаксарева, и, вскорѣ, распустивъ по домамъ горцевъ, самъ уѣхалъ въ Гидатль.

Снаксаревъ, убѣжденный находившимся при немъ правителемъ Кюры Гарунъ-бекомъ, что всякая опасность миновала, распустилъ почти всю бывшую при немъ милицію по домамъ. Когда Шамиль получилъ объ этомъ свѣдѣніе, то, собравъ въ короткое время до 5000 горцевъ, чрезъ Карахъ двинулся къ Казикумуху и 18-го марта занялъ безпрепятственно селеніе Вухти; бывшіе съ этомъ селеніи 70 человѣкъ кюринской милиціи бѣжали, но большая часть ихъ перешла къ Шамилю, который для овладѣнія сосѣдними казикумухскими селеніями послалъ Гаджи-Ягью. 19-го марта всѣ селенія, находящіяся къ сѣверу отъ Казикумуха, охотно приняли Гаджи-Ягью, а жители ихъ присоединились къ сборищу Шамиля. Подполковникъ Снаксаревъ успѣлъ наскоро собрать до 3000 человѣкъ казикумухцевъ; къ нему также успѣлъ приѣхать Гарунъ-бекъ съ 300 кюринцевъ. Съ этими милиціями Снаксаревъ рѣшился встрѣтить Шамиля и защищаться на горѣ Каруна-Баку, командующей Казикумухомъ съ сѣвера.

21-го марта, утромъ, Шамиль подошелъ къ Казикумуху; милиція Снаксарева разбѣжалась послѣ нѣсколькихъ выстрѣловъ, а онъ самъ, съ бывшими при немъ казаками и самурскими нукерами, успѣлъ занять ханскій замокъ, находящійся на отдѣльномъ

возвышеніи внѣ селенія. Тамъ-же помѣстились адъютантъ генерала Фезе, прапорщикъ князь Орбеліани, только что пріѣхавшій въ Казикумухъ съ 24 нукерами Ахмедъ-хана Мехтулинскаго, Махмудъ-бекъ и Гарунъ-бекъ, съ кюринцами. Ханша Умми-Гюльсумъ-бике хотѣла бѣжать, но Снаксаревъ ее задержалъ; успѣли уйти только сыновья Омаръ-бека—Агаларъ и Абдулла.

Въ ханскомъ замкѣ оказалось много всякаго рода запасовъ и, по крѣпости, онъ представлялъ довольно надежное убѣжище; подполковникъ Снаксаревъ рѣшился защищаться въ немъ, надѣясь, что ему удастся продержаться до прибытія на выручку нашихъ войскъ.

Шамиль, занявъ селеніе Казикумухъ, послалъ отборныхъ мюридовъ овладѣть замкомъ; но всѣ ихъ аттаки были отбиты и къ вечеру они отступили, понеся значительную потерю. Махмудъ-бекъ и Гарунъ-бекъ предложили подполковнику Снаксареву воспользоваться этимъ успѣхомъ и вступить съ Шамилемъ въ переговоры; но когда онъ на это не согласился, то Гарунъ-бекъ отдалъ приказаніе своимъ людямъ, чтобы они болѣе не смѣли стрѣлять въ мюридовъ. Самурскіе нукеры, видя измѣну, совѣтовали Снаксареву и всѣмъ русскимъ бѣжать съ ними ночью, ручаясь, что они проведутъ всѣхъ безопасно; но Гарунъ-бекъ, узнавъ объ этомъ намѣреніи, занялъ ворота замка и объявилъ, что до утра никого не выпуститъ.

Утромъ 22-го марта Махмудъ-бекъ и Гарунъ-бекъ ушли къ Шамилю, котораго увѣряли, что вчера не дрались противъ него и въ доказательство своихъ словъ предложили ему занять замокъ мюридами. Скоро огромная толпа, предводимая беками, двинулась къ замку, а нукеры Гарунъ-бека отворили ворота. Подполковникъ Снаксаревъ, не видя никакой возможности защищаться съ успѣхомъ, сдался. Его, прапорщика князя Орбеліани и казаковъ Шамиль объявилъ плѣнными и тотчасъ-же отправилъ въ горы; всѣмъ нукерамъ Ахмедъ-хана Мехтулинскаго, къ которому имѣлъ особую ненависть, приказалъ отрубить головы, а самурскихъ нукеровъ, обобравъ донага, отпустилъ домой.

Движеніе дагестанскаго отряда генерала Фезе къ Тилитлю заставило Шамиля спѣшить на помощь къ этому селенію, и потому онъ, поручивъ управленіе ханствомъ Таиръ-беку и Гаджи-Ягьѣ, назначенному наибомъ, выступилъ изъ Казикумуха, оставивъ въ немъ часть мюридовъ.

Гарунъ-бека Шамиль отпустилъ въ Курахъ, взявъ въ ама-

наты сына его Аббасъ-бека. Махмудъ-бека послалъ въ Кюринское ханство для наблюденія за движеніями самурскаго отряда и для возбужденія жителей къ возстанію. Омаръ-бекъ и ханша Умми-Гюльсумъ-бике отправлены подъ конвоемъ въ Дарго; но на пути, жители Чоха, остававшіеся еще вѣрными, отбили ханшу и она возвратилась въ Казикумухъ.

По удаленіи Шамиля, Гаджи-Ягья собралъ казикумухцевъ и двинулся къ Кураху, убѣждая кюринцевъ присоединиться къ нему; но они отказались, потому что въ это время уже приближался къ Кураху отрядъ полковника Заливкина—и Гаджи-Ягья отступилъ, чтобы получить подкрѣпленія изъ Казикумуха, Караха и Андалала; скоро его скопище достигло до 4000 человѣкъ, съ которыми онъ и рѣшился напасть на авангардъ отряда.

Полковникъ Заливкинъ, прибывъ въ Курахъ, вытребовалъ къ себѣ Гарунъ-бека и отправилъ его въ Тифлисъ; управленіе Кюринскимъ ханствомъ поручено брату его Юсуфъ-беку.

По полученіи извѣстій о происшествіяхъ въ Казикумухѣ, корпусный командиръ счелъ нужнымъ направить изъ Закавказья 4 баталіона, которые прибыли въ Кубу во второй половинѣ апрѣля и поступили подъ начальство полковника князя Аргутинскаго, которому поручено водворить порядокъ въ Казикумухѣ.

Полковникъ Заливкинъ, въ ожиданіи прибытія этого отряда, счелъ нужнымъ заранѣе обезпечить удобнѣйшій путь къ Казикумуху, по Курахскому ущелью, и для этого расположилъ свой отрядъ частями отъ Кураха до Ричи; въ послѣднемъ селеніи, подъ начальствомъ капитана князя Орбеліани, находились двѣ роты (1 Кавказскаго сапернаго баталіона и 1 Ширванскаго полка), одно горное орудіе, ½ сотни казаковъ и 3 сотни кюринской милиціи.

На разсвѣтѣ 1-го мая Гаджи-Ягья появился на ричинскихъ высотахъ; кюринская милиція, бывшая при авангардѣ князя Орбеліани, бѣжала безъ выстрѣла; вслѣдъ за тѣмъ Гаджи-Ягья повелъ свои толпы въ аттаку, но она и послѣдующія двѣ были мужественно отбиты—и горцы, потерявъ около 300 человѣкъ, поспѣшно отступили къ Хозреку.

8-го мая князь Аргутинскій прибылъ въ Ричу, куда собралось 4 баталіона, дивизіонъ горной артиллеріи и нѣсколько сотенъ елисуйской милиціи, приведенной Даніель-Султаномъ.

Гаджи-Ягья, не смотря на неудачу, претерпѣнную имъ при Ричѣ, рѣшился защищать доступъ къ Казикумуху и сильно занялъ сел. Шаукулъ (на картахъ Шуаркію), въ 5 верстахъ вы-

ние Казикумуха. 12-го мая князь Аргутинскій подошелъ къ этому селенію и взялъ его, а горцы бѣжали; въ этотъ-же день отрядъ занялъ Казикумухъ. Гаджи-Ягья ушелъ къ Шамилю, который, узнавъ о занятіи Казикумуха нашими войсками, началъ немедленно собирать горцевъ, чтобы попытаться снова завладѣть этимъ весьма важнымъ для него пунктомъ.

25-го мая Шамиль появился надъ Казикумухомъ съ 5000 горцевъ, занялъ частью своего скопища сел. Хунчукатъ, а другую, большую часть, отправилъ для занятія сел. Кулль (на картахъ Кюлюли), куда стали вскорѣ собираться и казикумухцы, боявшіеся разоренія своихъ домовъ и увода въ горы семействъ, если не будутъ помогать Шамилю.

2-го іюня князь Аргутинскій одержалъ надъ Шамилемъ знаменитую кюлюлинскую побѣду и заставилъ его совершенно очистить ханство. Съ водвореніемъ порядка возникъ вопросъ, какъ устроить управленіе Казикумухомъ, чтобы избѣжать на будущее время безпорядковъ, подобныхъ минувшимъ.

Корпусный командиръ, не видя возможности держать постоянно въ Казикумухѣ достаточное число войскъ, считалъ неудобнымъ уничтожить совершенно ханское достоинство и потому оставилъ въ полной силѣ свое прежнее распоряженіе, т. е. управленіе ханствомъ поручилъ Абдулъ-Рахманъ-беку, подъ непосредственнымъ наблюденіемъ ханши Умми-Гюльсумъ-бике.

Абдулъ-Рахманъ-беку предоставлены были почти всѣ права ханской власти; онъ былъ ограниченъ только въ рѣшеніи дѣлъ особой важности, которыя долженъ былъ рѣшать, по совѣщаніи съ кадіемъ и двумя старшинами, изъ особо-вліятельныхъ узденей *), преданныхъ правительству.

Управляющимъ Кюринскимъ ханствомъ оставленъ Юсуфъ-бекъ, но безъ подчиненія Абдулъ-Рахманъ-беку и совершенно отъ него независимо. Главный-же надзоръ за обоими ханствами возложенъ на начальника войскъ, расположенныхъ въ нихъ для ихъ защиты и сохраненія въ нихъ порядка.

Въ 1843 году, близь аула Хуръ, противъ Казикумуха, заложено укрѣпленіе Казикумухское на двѣ роты, впослѣдствіи обращенное въ штабъ-квартиру линейнаго баталіона.

Абдулъ-Рахманъ-бекъ, вступивъ въ управленіе ханствомъ,

---

*) Кадію и диванъ-бекамъ изъ узденей назначено жалованье по 300 р. въ годъ каждому, изъ податныхъ денегъ ханства.

для увеличенія своего значенія въ народѣ женился на внучкѣ Асланъ-хана, Шамай-бике, дочери Нуцалъ-хана. Ханша Умми-Гульсумъ-бике, въ 1844 году, два раза ходатайствовала о пожалованіи Абдулъ-Рахманъ-беку Высочайшей грамоты на ханское достоинство, но оба раза ей было въ этомъ отказано, потому что скоро обнаружилась неспособность Абдулъ-Рахманъ-бека къ управленію. Онъ былъ корыстолюбивъ, невнимателенъ къ просьбамъ жителей и велъ постоянно нетрезвую жизнь. Страсть его къ спирту особенно усилилась послѣ тяжелой болѣзни, перенесенной имъ въ 1845 году,—вслѣдствіе чего явилось общее неудовольствіе на него жителей; поэтому главнокомандующій князь Воронцовъ нашелъ нужнымъ смѣнить Абдулъ-Рахманъ-бека, и 1-го сентября 1847 года, управленіе ханствомъ поручилъ брату его, ротмистру гвардіи Агаларъ-беку, причемъ старая ханша Умми-Гюльсумъ-бике совершенно устранена отъ всякаго вмѣшательства въ управленіе. По особой инструкціи, ханскія права значительно были ограничены; но инструкція эта не всегда исполнялась въ точности.

Абдулъ-Рахманъ-бекъ былъ вытребованъ въ Тифлисъ, откуда его предполагалось отправить на жительство въ Ахалцихъ; но это не состоялось, потому что онъ умеръ 23-го апрѣля 1848 года; чрезъ годъ умерла въ Казикумухѣ и ханша Умми-Гюльсумъ-бике.

Агаларъ-ханъ умеръ лѣтомъ 1858 года, и управленіе ханствомъ поручено русскому штабъ-офицеру, а по покореніи Дагестана, образованъ особый Казикумухскій округъ.

Юсуфъ-бекъ управлялъ Кюринскимъ ханствомъ до 1847 года; въ этомъ году вмѣсто него былъ назначенъ опять Гарунъ-бекъ, успѣвшій загладить свои поступки при взятіи Казикумуха Шамилемъ въ 1842 году; но вскорѣ Гарунъ-бекъ умеръ (22 генваря 1848 г.), и правителемъ ханства снова назначенъ подполковникъ Юсуфъ-бекъ.

12-го октября 1859 года Юсуфъ-бекъ, произведенный въ 1856 г. въ генералъ-маіоры свиты Его Величества, пожалованъ въ ханское достоинство и управлялъ ханствомъ до 1864 года; въ этомъ году онъ отказался отъ управленія, и изъ ханства образованъ особый округъ—Кюринскій.

А. К.

24-го апрѣля 1869 года.
Дербентъ.

Приложеніе I.

Господину генералъ-маіору и кавалеру Хатунцову.

Препровождая при семъ къ вашему превосходительству Высочайше утвержденную грамоту, Всемилостивѣйше пожалованную кюринскому владѣльцу Аслану-хану, и знаки инвеститутуры, состоящіе въ знамени съ гербомъ Россійской Имперіи и саблѣ, я поручаю вамъ немедленно все сіе къ нему доставить, вмѣстѣ съ письмомъ моимъ, при семъ прилагаемымъ.

Высочайше-утвержденная грамота, знамя съ гербомъ Россійской Имперіи и сабля должны быть поднесены хану торжественно, со всѣми приличными почестями, слѣдующимъ образомъ:

Начальникъ гарнизона Кюринской крѣпости, коль скоро оные къ нему доставлены будутъ, долженъ тотчасъ увѣдомить Асланъ-хана о присылкѣ сихъ знаковъ Высочайшаго къ нему благоволенія Его Императорскаго Величества и просить его, чтобы онъ назначилъ день, въ который грамота имѣетъ быть поднесена ему торжественно. Между тѣмъ ханъ долженъ собрать къ себѣ сколько можетъ почетнѣйшихъ кюринскихъ старшинъ и въ назначенный день съ ними явиться въ избранное имъ самимъ публичное мѣсто, при собраніи народа. Тогда начальникъ гарнизона, при своей квартирѣ устроивъ воинскую команду изъ 100 человѣкъ рядовыхъ съ нужнымъ числомъ офицеровъ, самъ на богатой подушкѣ, которую нарочно при семъ посылаю, вынесетъ изъ своей квартиры Высочайшую грамоту, а за нимъ два оберъ-офицера должны нести—одинъ знамя съ гербомъ Имперіи распущенное, а другой саблю, лежащую въ открытомъ футлярѣ. При появленіи его воинская команда должна тотчасъ отдать слѣдующую честь при барабанномъ боѣ и съ музыкою, буде оная тамъ есть, а потомъ слѣдовать парадомъ также при барабанномъ боѣ за Высочайшею грамотою до публичнаго мѣста, гдѣ ханъ съ чиновниками своими и народомъ будетъ находиться. По приближеніи же къ хану, воинская команда станетъ во фронтъ. Въ тоже время начальникъ гарнизона, поднеся ему Высочайшую грамоту, скажетъ приличное привѣтствіе и вручитъ оную хану, который, принявъ оную, въ знакъ почтенія своего долженъ поцѣловать и потомъ отдать первому своему чиновнику; за симъ знамя и сабля

такимъ-же образомъ должны быть поднесены, приняты ханомъ и вручены его чиновникамъ. Между тѣмъ какъ сіе будетъ происходить, воинская команда сдѣлаетъ на караулъ и барабанный бой долженъ продолжаться при трехъ въ крѣпости пушечныхъ выстрѣлахъ. Послѣ сего ханскіе уже чиновники съ публичнаго мѣста понесутъ грамоту, знамя и саблю въ домъ хана, который съ русскими офицерами и своими чиновниками долженъ идти за ними, въ провожаніи всего собранія и воинской команды съ прежнею церемоніею. Въ домѣ-же своемъ ханъ, принявъ самъ отъ чиновниковъ своихъ сіи знаки Монаршей милости, положитъ оныя на приготовленныхъ нарочно для сего мѣстахъ. Послѣ чего воинская команда возвратится на мѣсто.

Церемоніалъ сей я полагаю нужнымъ для того, чтобы сіе произвело впечатлѣніе въ народѣ, который самъ увидитъ особенную милость Государя Императора къ ихъ хану и торжественное утвержденіе его владѣтелемъ надъ ними.

Генералъ-лейтенантъ Ртищевъ. № 281, 20 іюля 1812 года. Тифлисъ.

Приложеніе II.

Предписаніе генерала Ермолова жителямъ кубинскимъ, дербентскимъ и бакинскимъ, отъ 19 января 1820 г.

ОБЪЯВЛЯЕТСЯ:

Сурхай-ханъ Казикумухскій, скрывая измѣнническія и злодѣйскія свои намѣренія, доселѣ одними ложными внушеніями возмущалъ противъ Россійскаго Великаго Государя народы Дагестанскіе; наконецъ, нарушивъ данную на вѣрность и подданство присягу, собралъ шайку разбойниковъ, напалъ въ Чирахѣ на войска наши и въ тоже время отправилъ сына своего противъ насъ въ помощь акушинцамъ.

Въ наказаніе гнусной измѣны Чанки Хамбутая Казыкумыкскаго, священнымъ именемъ Великаго Россійскаго Императора въ достоинство казыкумыкскаго хана возводится полковникъ Асланъ,

ханъ кюринскій. Владѣніе сіе, похищенное у него злодѣяніями Чанки-Хамбутая, поручается ему въ управленіе за вѣрность и усердіе къ Его Императорскому Величеству.

Во всѣхъ областяхъ Россійскихъ и въ здѣшней странѣ воспрещается принимать жителей казыкумыкскихъ, которые не будутъ имѣть паспортовъ за печатью полковника Асланъ-хана. Войскамъ повелѣно преслѣдовать ихъ оружіемъ, какъ непріятелей. Генералъ Ермоловъ.

Приложеніе III.

Пѣсня про походъ Ермолова въ Акушу [1] *(въ декабрѣ 1819 года).*

Ермоловъ и Шамхалъ ежемѣсячно сходились [2]) на границѣ Дарги [3]) и совѣтовались, какъ-бы покорить ее.

Примѣчанія. [1]) Пѣсня эта записана въ Кубачахъ; она поется также съ нѣкоторыми измѣненіями и дополненіями, по вдохновенію или желанію пѣвца, въ горномъ Кайтагѣ, Акушѣ и другихъ Даргинскихъ обществахъ.

[2]) Экспедиція въ Акушу была предпринята для наказанія акушинцевъ за участіе въ возмущеніи дагестанскихъ владѣтелей въ 1818 году. Предположеніе объ этой экспедиціи, возникшее въ этомъ-же году, сохранялось въ тайнѣ и акушинцамъ дозволялось, какъ и прежде, свободно торговать и пасти барановъ на плоскости (во владѣніи Тарковскомъ и Кайтагѣ).

Въ походѣ въ Акушу принялъ участіе шамхалъ Мехти-ханъ, съ своею милиціей.

[3]) *Дарга*, или правильнѣе *Даргуа*. Точное значеніе и происхожденіе этого слова неизвѣстно; оно употребляется въ смыслѣ: «*управленіе*,» «*владѣніе*» и прибавляется къ названію слѣдующихъ обществъ: *Акуша* Даргуа (Акуша значитъ—«главное мѣсто»), «*Варкунъ*» или «*Буркунъ*» Даргуа, «*Каба*» Даргуа, «*Уцумы*» Даргуа, т. е. управленіе уцмія, — Кайтагъ. Отсюда произошли и наши названія: Даргинскій округъ, Даргинскія общества, племена и т. д.

Старшій сынъ, завѣдывающій въ домѣ всѣмъ хозяйствомъ, по порученію отца, въ Акушѣ и нѣкоторыхъ другихъ обществахъ, называется «*холалъ-даргуа*.» Холалъ значитъ «большой.»

*
* *

Тамъ, гдѣ ни курица, ни лисица, во всю свою жизнь, не могли-бы отыскать тропинки, чтобы пробраться въ Даргу,—Ермоловъ въ три часа нашелъ дорогу [1]).

*
* *

Ермоловъ, въ присутствіи государя, ѣлъ очень мало—какъ ручной ястребъ, а бросался на враговъ—какъ голодный и разъяренный левъ.

*
* *

Руками онъ дѣйствовалъ, подобно желѣзному молоту, ломающему камни.

*
* *

Когда Ермоловъ сидѣлъ, то всѣ беки предъ нимъ стояли, какъ солдаты.

*
* *

Ермоловъ, ты внезапно появился въ Даргѣ, съ повозками, наполненными серебромъ, и съ лошадьми, навьюченными сумками съ золотомъ.

*
* *

Какъ два противные вѣтра сталкиваются въ одномъ мѣстѣ и потомъ разлетаются, такъ точно и акушинцы, страшась сильнаго и храбраго Ермолова, узнавъ о его приближеніи, собрались въ одну кучу, а едва увидѣли его—разбѣжались въ разныя стороны.

*
* *

Какъ только Ермоловъ пришелъ въ Акушу, постарѣли и посѣдѣли отъ страха акушинскіе кадіи и старшины.

*
* *

Народная память сохранитъ славу объ Ермоловѣ до тѣхъ поръ, пока міръ не разрушится.

---

[1]) Акушинцы, узнавъ о движеніи нашего отряда, собрались въ значительномъ числѣ около сел. Лаваши и заняли находящееся немного ниже селенія самое узкое мѣсто ущелья, по которому пролегаетъ большая дорога въ Акушу. Генералъ Ермоловъ послалъ въ обходъ этой позиціи кавалерію генерала князя Мадатова, который, перейдя чрезъ довольно большой мѣловой хребетъ, появился въ тылу непріятеля, что весьма скоро рѣшило полную побѣду.

*
* *

Ермоловъ, не употребляя ни пороху, ни ружей, ни пушекъ, покорилъ нашу Даргу одной острой саблей.

*
* *

Ермоловъ! развѣ тебѣ не жаль было разорять нашу Даргу, видя слезы и слыша плачъ и рыданіе нашихъ бѣдныхъ женъ и дѣтей?

*
* *

Ты пріобрѣлъ въ Даргѣ и на всемъ Кавказѣ столь великую славу, какъ турецкій султанъ [5]).

*
* *

Ты такъ разорилъ насъ и навелъ столь великій и сильный страхъ на нашъ народъ, какъ персидскій шахъ [6]).

*
* *

Бѣдныхъ ты наградилъ деньгами, а голодныхъ накормилъ хлѣбомъ.

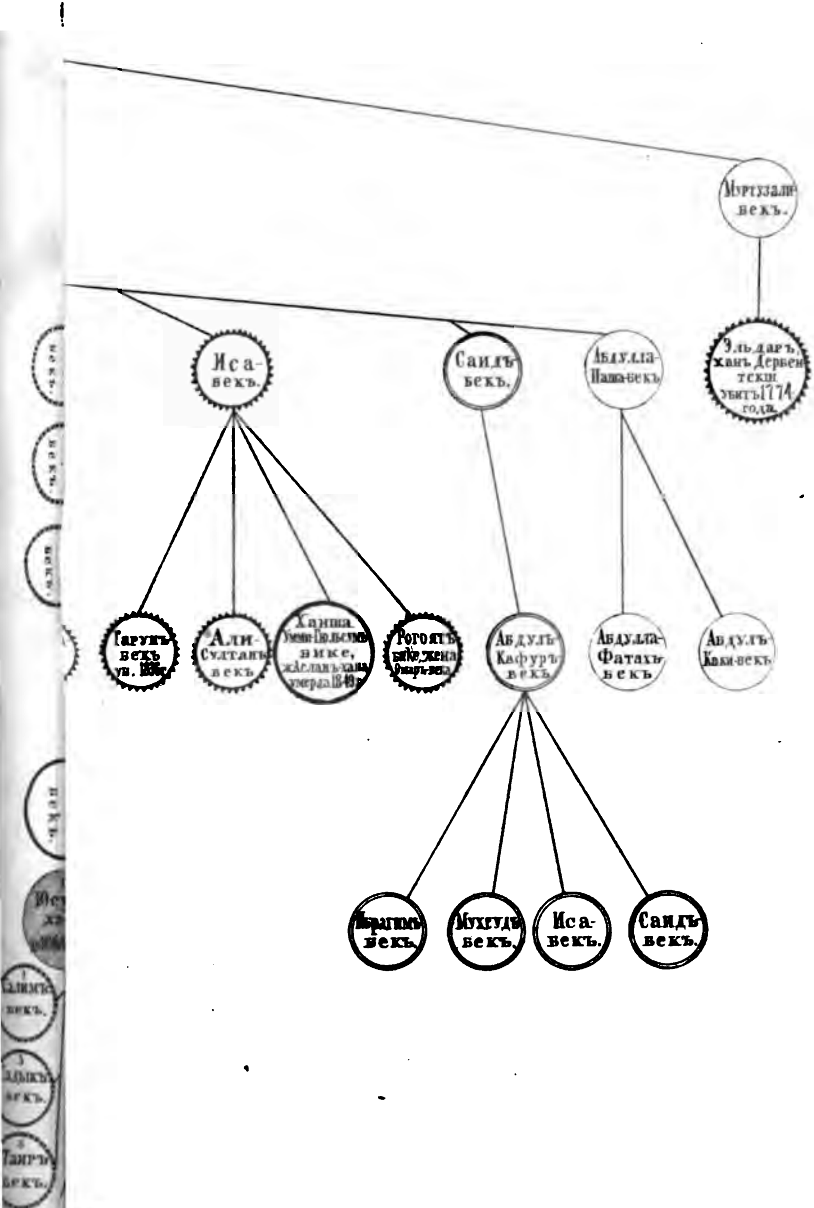
[5]) У всѣхъ горцевъ султанъ, или хункяръ (послѣдній титулъ чащ употребляется) пользуется особымъ уваженіемъ и почетомъ. Вотъ какъ он описывается въ одной горской рукописи:

«Онъ левъ высокой власти, солнце высокаго правительства, покровите безпомощныхъ, убѣжище притѣсненныхъ и несчастныхъ. Онъ осыпанъ выс кими качествами достоинства и доблестей; онъ рукоятка всѣхъ ищущихъ сп сенія и защиты, спаситель погибающихъ, куполъ ислама, опора народовъ успокоитель странъ и городовъ, исполнитель цѣлей и желаній людей благ честивыхъ, сламывающій шеи грѣшниковъ и повергающій къ землѣ голо гордецовъ и притѣснителей.

[6]) Шахъ Надиръ, который нѣсколько разъ разорялъ Кайтагъ и Акуш

А. К.

).

…ринскіе и управляющіе ханствомъ.

…яющіе ханствомъ независимо отъ хановъ Казикумухскихъ.

…въ Самурскомъ округѣ.

*
* *

Ермоловъ, не употребляя ни пороху, ни ружей, ни пушекъ, покорилъ нашу Даргу одной острой саблей.

*
* *

Ермоловъ! развѣ тебѣ не жаль было разорять нашу Даргу, видя слезы и слыша плачъ и рыданіе нашихъ бѣдныхъ женъ и дѣтей?

*
* *

Ты пріобрѣлъ въ Даргѣ и на всемъ Кавказѣ столь великую славу, какъ турецкій султанъ [5]).

*
* *

Ты такъ разорилъ насъ и навелъ столь великій и сильный страхъ на нашъ народъ, какъ персидскій шахъ [6]).

*
* *

Бѣдныхъ ты наградилъ деньгами, а голодныхъ накормилъ хлѣбомъ.

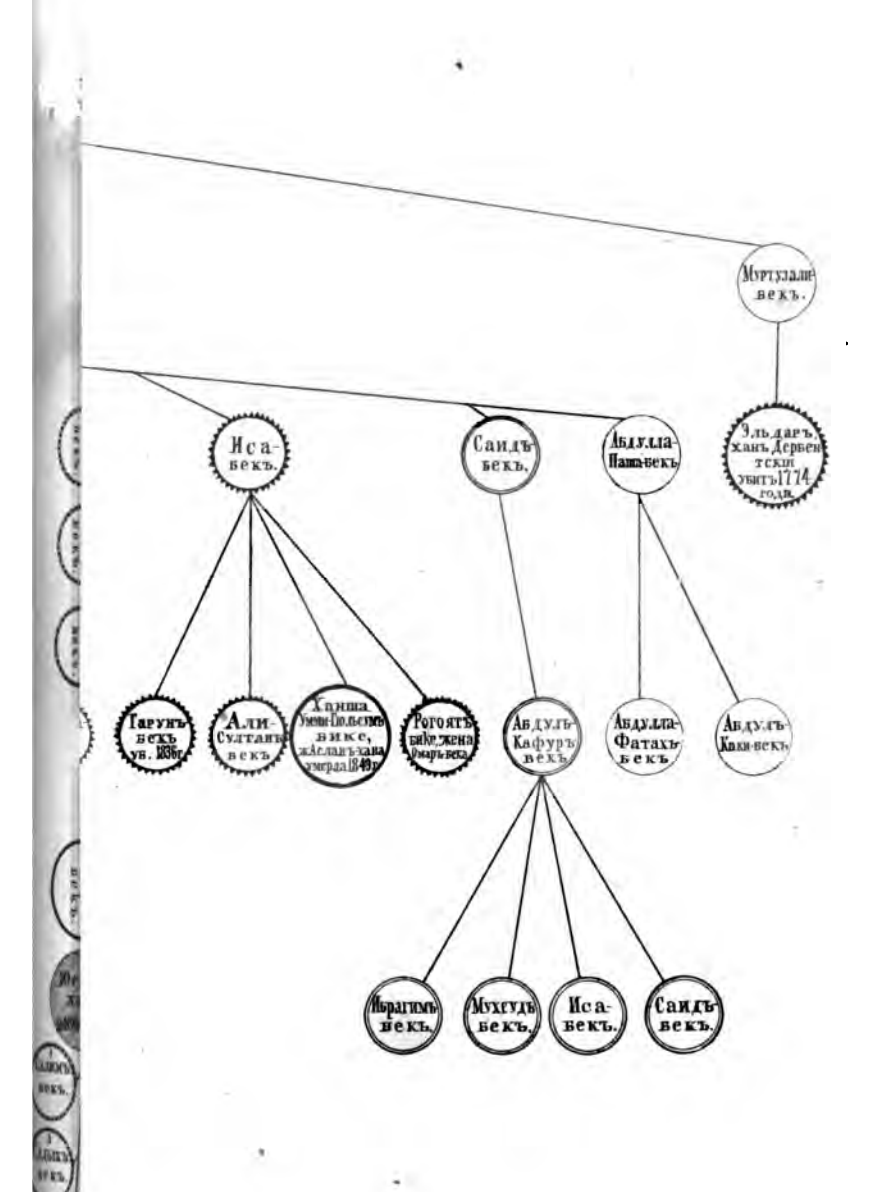
[5]) У всѣхъ горцевъ султанъ, или хункяръ (послѣдній титулъ чаще употребляется) пользуется особымъ уваженіемъ и почетомъ. Вотъ какъ онъ описывается въ одной горской рукописи:

«Онъ левъ высокой власти, солнце высокаго правительства, покровитель безпомощныхъ, убѣжище притѣсненныхъ и несчастныхъ. Онъ осыпанъ высокими качествами достоинства и доблестей; онъ рукоятка всѣхъ ищущихъ спасенія и защиты, спаситель погибающихъ, куполъ ислама, опора народовъ, успокоитель странъ и городовъ, исполнитель цѣлей и желаній людей благочестивыхъ, сламывающій шеи грѣшниковъ и повергающій къ землѣ голо[вы] гордецовъ и притѣснителей.

[6]) Шахъ Надиръ, который нѣсколько разъ разорялъ Кайтагъ и Акушу.

А. К.

).

...рнскіе и управляющіе ханствомъ.

...яющіе ханствомъ независимо отъ хановъ Казикумухскихъ.

...въ Самурскомъ округѣ.

МЕХТУЛИНСКІЕ ХАНЫ *).

По преданію, свѣжо сохранившемуся въ народѣ, Мехтулинское ханство образовалось тому около 200 лѣтъ и получило названіе отъ основателя своего Мехти [1]), которому народъ добровольно отдался подъ управленіе.

Обстоятельства образованія ханства разсказываются такимъ образомъ:

Одинъ изъ членовъ казикумухскаго ханскаго дома, носившій означенное выше имя *Мехти* (съ прозвищемъ *Кара* (черный), отъ

*) Предлагаемая статья представляетъ извлеченіе изъ записки, которая составлена въ 1867 г. Временною Коммисіею, учрежденною для разбора сословныхъ и поземельныхъ правъ туземцевъ Сѣвернаго Дагестана. Записка эта имѣла назначеніемъ своимъ сгруппировать и представить данныя, помощію которыхъ можно было бы оцѣнить средства, получавшіяся съ Мехтулинскаго ханства гвардіи полковникомъ Решидъ-ханомъ, заявившимъ въ концѣ 1866 г. о желаніи своемъ отказаться за себя и за свое потомство (если оно будетъ у него) отъ всѣхъ правъ на тѣ обязательныя отношенія, какія имѣли къ нему мехтулинцы, и просившимъ о сложеніи съ него обязанностей правителя ханства. Вслѣдствіе такого заявленія со стороны полковника Решидъ-Хана, послѣдовало представленіе Его Императорскаго Высочества Главнокомандующаго Арміею, удостоившееся въ маѣ 1867 года Высочайшаго Государя Императора утвержденія, на сложеніе съ Решидъ-Хана, согласно заявленному имъ желанію, обязанностей по управленію ханствомъ, на оставленіе за нимъ лично титула хана, на отмѣну всѣхъ повинностей и налоговъ, которые отбывали жители ханства какъ самому хану, такъ и членамъ мехтулинскаго ханскаго дома и на вознагражденіе мехтулинскаго хана за отошедшіе отъ него права и доходы единовременною выдачею ему 10 т. р. и увеличеніемъ получаемаго имъ, въ видѣ пожизненной пенсіи, содержанія въ 3 тыс. рублей еще на 1 тысячу р., независимо отъ жалованья по чину. Вмѣстѣ съ этимъ обезпечено положеніе и нѣкоторыхъ другихъ членовъ мехтулинскаго ханскаго дома.

Предлагаемая статья служитъ также пополненіемъ нѣкоторыхъ свѣдѣній, заключающихся въ статьѣ „Шамхалы Тарковскіе“ (I вып. Сборника) и взаимно поясняется этою послѣднею статьею.

[1]) Ханство именуется туземцами обыкновенно *Мехтулла*, что въ переводѣ означаетъ „Мехтіевское.“

котораго преданіе именуетъ его *Кара-Мехти*), по неудовольствіямъ съ тамошнимъ ханомъ, удалившись изъ Кумуха, сталъ проживать попеременно въ разныхъ деревняхъ, соседственныхъ къ населенію, составившему впоследствіи Мехтулинское ханство. Живя въ такомъ соседстве, Кара-Мехти вскоре сделался известнымъ этому населенію какъ человекъ, который способенъ удерживать принятое имъ подъ свое покровительство населеніе отъ внутреннихъ неурядицъ и ограждать отъ набеговъ соседей.

По этой молве Кара-Мехти приглашенъ былъ сперва айнакинцами, а потомъ оглинцами, чтобы онъ принялъ ихъ подъ свое покровительство. Примеру этихъ селеній последовали вскоре и общества другихъ одиннадцати селеній, жившихъ до того вольными, самостоятельными общинами,—и Кара-Мехти, принявъ ихъ въ свое веденіе, въ непродолжительное время пріобрелъ надъ всемъ отдавшимися ему народомъ власть правителя и военачальника.

Первые годы управленія Кара-Мехти, все потребное на продовольствіе его и находившихся при немъ людей жители доставляли, по мере надобности, разновременными добровольными сборами между собою, а потомъ, когда надобности эти определились на столько, что годовыя потребности на содержаніе правителя ихъ сделались известны, тогда часть селеній распределила между собою удовлетвореніе нуждъ правителя въ виде определенныхъ повинностей, а другія селенія, менее достаточныя, остались при одной обязанности выставлять по приказанію правителя вооруженныхъ людей.

Вместе съ темъ народъ предоставилъ Кара-Мехти въ пользованіе некоторые участки общественныхъ земель и пастьбищныхъ горъ.

После Кара-Мехти власть и права, предоставленныя ему народомъ, переходили къ его потомкамъ, по праву старшинства въ роде. Эти последніе успели значительно усилить и укрепить за собою эти права и, войдя въ родство съ домами шамхала и аварскихъ хановъ, начали сами именоваться ханами. Но кто именно первый наследовалъ Мехти и сколько поколеній прошло до того, пока достоинство владетеля досталось Ахмедъ-Хану-Аджи, — ни у сторожиловъ, ни у нынешнихъ членовъ ханскаго дома никакихъ верныхъ сведеній не сохранилось.

Современники-же Ахмедъ-Хана-Аджи, изъ которыхъ несколько человекъ находятся еще въ живыхъ, положительно удостоверяютъ,

что онъ былъ второй сынъ Умы; что право ханствованія должно было перейти къ старшему брату его, Али-Султанъ-беку, но онъ не пожелалъ властвовать, а, взявъ въ свой удѣлъ четыре деревни, предоставилъ остальныя младшему брату, Ахмедъ-Хану-Аджи, на правахъ владѣтеля, и что чрезъ это въ вѣдѣніе хана поступили изъ прежняго нераздѣльнаго владѣнія только девять селеній, а четыре, составлявшія по численности населенія около половины ханства, отошли особымъ удѣломъ къ старшему брату его [2]).

Ахмедъ-Ханъ-Аджи-ханъ умеръ бездѣтно въ 1797 году, когда Али-Султанъ-бекъ былъ еще живъ; поэтому все ханство вторично доставалось ему; но онъ снова отказался и, оставшись при своемъ удѣлѣ, посадилъ на ханство старшаго сына своего, Гасанъ-бека.

Въ 1800 году, со смертію аварскаго владѣтеля Омаръ-хана, пресѣклась мужская линія тамошнихъ владѣтелей. Единственная-же дочь Омара, Паху-бике, находилась тогда въ замужествѣ за вторымъ сыномъ Али-Султанъ-бека, Султанъ-Ахмедъ-бекомъ. Поэтому и по желанію аварцевъ, возбужденному вдовою Омаръ-хана, Гійли-бике [3]), Султанъ-Ахмедъ-бекъ призванъ былъ принять ханство Аварское.

Султанъ-Ахмедъ-бекъ согласился на это предложеніе и сталъ ханствовать въ Аваріи.

Такимъ образомъ, при жизни еще Али-Султанъ-бека, сыновья его сдѣлались ханами: Гасанъ-бекъ—въ Мехтуллѣ, а Султанъ-Ахмедъ-бекъ—въ Аваріи.

---

[2]) Деревни эти суть:

Поступившія въ вѣдѣніе хана Ахмедъ-Хана-Аджи:	Отошедшія къ старшему брату его Али-Султану:
1) Большой Дженгутай (резиденція хановъ),	1) Дургели,
2) Малый Дженгутай,	2) Кака-Шура,
3) Дуранги,	3) Параулъ,
4) Апши,	4) Урума.
5) Ахкентъ,	
6) Оглы,	
7) Кулецма,	
8) Аймаки,	
9) Чоглы.	

[3]) Послѣ смерти Омаръ-хана остались двѣ жены: первая Кистаманъ (мать Паху-бике, находящейся въ замужествѣ за Султанъ-Ахмедомъ) и вторая Гійли-бике, которая, по принятіи Султанъ-Ахмедомъ Аваріи, также сочеталась съ нимъ бракомъ.

Въ 1807 году умеръ Али-Султанъ-бекъ, и хотя удѣлъ его долженъ былъ-бы поступить къ мехтулинскому владѣтелю, Гасанъ-хану, но братъ его Султанъ-Ахмедъ-ханъ потребовалъ, чтобы удѣлъ отца ихъ весь оставленъ былъ за нимъ. Гасанъ-ханъ не сталъ спорить и предоставилъ Султанъ-Ахмедъ-хану селенія Дургели, Кака-Шуру, Параулъ и Уруму, которыя и состояли въ исключительномъ владѣніи его до прихода генерала Ермолова въ Дагестанъ.

Генералъ Ермоловъ пришелъ съ войсками въ Шамхальство Тарковское, съ цѣлію обозрѣть это владѣніе и выбрать мѣсто для заложенія въ немъ крѣпости, въ 1818 году.

На пути слѣдованія его одинъ только владѣтель тарковскій Мехти-Шамхалъ встрѣтилъ его пріязненно, а всѣ прочіе владѣтели, которые считались тогда покорными Русской державѣ, выступили противъ него съ своими подвластными и хотѣли воспрепятствовать движенію нашего отряда. Но генералъ Ермоловъ разбилъ ихъ скопища въ нѣсколькихъ мѣстахъ и, изгнавъ владѣтелей въ горы, объявилъ ихъ лишенными правъ на занятыя нашими войсками владѣнія ихъ, какъ это объяснено въ бумагѣ, данной имъ Мехти-Шамхалу Тарковскому и сохранившейся въ подлинникѣ въ домѣ нынѣшняго шамхала.

Бумага эта слѣдующаго содержанія:

«Господину Генералъ-Лейтенанту, Высокостепенному и Высокопочтенному Мехти-Шамхалу Тарковскому, Вали Дагестанскому.»

«Ваше Превосходительство, сохраняя вѣрность въ службѣ «Великаго Государя Нашего, а паче при послѣднемъ возмущеніи «Дагестана, въ которомъ, кромѣ гор. Тарки, всѣ владѣнія Ваши «приняли участіе, оставаясь твердымъ въ преданности къ Его «Величеству и находясь при войскахъ Его, — заслужили справедливое вознагражденіе.»

«Именемъ Великаго Государя моего, по власти, Высочайше «мнѣ дарованной, присоединяю къ владѣніямъ Вашимъ, въ полное Ваше управленіе, имѣніе изгнанныхъ мною измѣнниковъ: «Султанъ-Ахмедъ-Хана Аварскаго, брата его Джунгутайскаго бека, Гасанъ-Хана, и Гирей-бека [1]), состоящее въ селеніяхъ: Па-

---

[1]) *Гирей-бекъ* былъ владѣлецъ Баматуллы, подъ которою извѣстны были семь деревень, именно: Большія Казанищи, Малыя Казанищи, Бугленъ, Мусселимъ-аулъ, Халимъ-Бекъ-аулъ, Кафыръ-Кумыкъ и Темиръ-Ханъ-Шура. Эти деревни составляли особый удѣлъ потомковъ одного изъ членовъ шамхаль-

«раулъ, Шура, Дургели и Казанищи съ окрестными деревнями. «Надѣюсь, что сія милость Государя Императора умножитъ усер«діе Ваше къ Его службѣ.»

«Селенія сіи отдаются Вашему Превосходительству за вѣр«ность собственно лицомъ Вашимъ оказанную, а потому наслѣд«никамъ Вашимъ могутъ принадлежать не иначе, развѣ Государь «Императоръ соизволитъ дать на то подтвержденіе. Въ городѣ «Тарки, Ноября 21 дня 1818 года. Генералъ-отъ-Инфантеріи Ер«моловъ.»

На основаніи этой бумаги удѣлъ аварскаго хана Султанъ-Ахмеда изъ Мехтулинскаго ханства, именно деревни: Кака-Шура, Дургели, Параулъ и Урума [*]), поступили во владѣніе Мехти-Шамхала.

Изъ прочихъ деревень ханства, признавшихъ тогда полную покорность нашей власти (именно селенія: Большой Дженгутай, Малый-Дженгутай и Дуранги), образовано было особое приставство, надъ которымъ поставленъ былъ сперва одинъ изъ шамхальскихъ чиновниковъ, а потомъ русскій офицеръ,—войсковой старшина Яковъ Батыревъ; но какъ изгнанные владѣтель мехтулинскій и ханъ аварскій постоянно подстрекали жителей къ безпорядкамъ и, наконецъ, по ихъ же подговору, приставъ Батыревъ былъ убитъ измѣннически, а возстановленіе на прочныхъ основа-

---

скаго дома, по имени *Бамата*, которому предоставлены были онѣ въ наслѣдственное владѣніе и наслѣдники котораго управляли ими независимо отъ шамхаловъ. Послѣднимъ старшимъ владѣльцемъ въ Баматуллѣ былъ названный въ бумагѣ Ермолова Гирей-бекъ. Ему однакожъ не принадлежало право пользованія доходами и повинностями съ селеній Малыя Казанищи, Кафыръ-Кумыкъ и части селенія Халимъ-Бекъ-аула, которыя имѣли своихъ особыхъ бековъ изъ фамиліи главнаго владѣльца Баматуллы. По изгнаніи Гирей-бека изъ этого владѣнія, онъ умеръ въ горахъ, а братья его бѣжали въ Турцію, назадъ тому около 40 лѣтъ. Изъ Баматуллинскихъ деревень не существуетъ нынѣ только Темиръ-Ханъ-Шуры, жители которой, по занятія ихъ селенія нашими войсками, выселены были въ Халимъ-Бекъ-аулъ. Султанъ-Ахмедъ-Ханъ Аварскій принялъ присягу на подданство Россіи въ 1803 году, а въ 1807 гогу ему пожалованъ былъ чинъ генералъ-маіора; когда-же именно поступили въ подданство Россіи Гасанъ-Ханъ Мехтулинскій и Гирей-бекъ Баматуллинскій—свѣдѣній не розыскано.

[*]) Селеніе это хотя и не названо въ бумагѣ генерала Ермолова, но оно также отдано было Шамхалу, какъ это видно изъ другихъ бумагъ, и оно въ настоящее время остается во владѣніи Шамхала, вмѣстѣ съ селеніемъ Параулъ. А когда отъ него отошли селенія Кака-Шура и Дургели — объяснено будетъ ниже.

ніяхъ нашего управленія въ этой части края представляло много затрудненій, то по ходатайству Мехти-Шамхала за дѣтей Гасанъ-Хана, умершаго въ изгнаніи, вскорѣ послѣ умерщвленія пристава Батырева, генералъ Ермоловъ дозволилъ дѣтямъ Гасанъ-Хана, Ахмедъ-Хану и Али-Султану, явиться съ повинною и, даровавъ имъ прощеніе, далъ первому изъ нихъ бумагу, сохранившуюся въ домѣ хана въ подлинникѣ *).

Въ силу этой бумаги, Ахмедъ-Ханъ принялъ Мехтулинское ханство, за исключеніемъ удѣла дяди своего, аварскаго хана, состоявшаго изъ четырехъ деревень, отданныхъ генераломъ Ермоловымъ въ 1818 году Мехти-Шамхалу, но вскорѣ послѣ того шамхалъ выдалъ за Ахмедъ-Хана дочь свою (вдовствующую нынѣ ханшу Нохъ-бике), и передалъ ему одну изъ мехтулинскихъ деревень, именно Кака-шуру, и тогда владѣніе его составило десять деревень:

1) Большой Дженгутай,
2) Малый Дженгутай,
3) Дуранги,
4) Кака-Шура,
5) Апши,
6) Оглы,
7) Ахкентъ,
8) Аймаки,
9) Кулецма,
10) Чоглы.

Младшій братъ Ахмедъ-Хана, Али-Султанъ (нынѣ полковникъ), отправленъ былъ тогда-же въ Россію на службу, и до 1834 года Ахмедъ-Ханъ владѣлъ означенными десятью деревнями одинъ; въ этомъ-же году Али-Султанъ прибылъ на родину и получилъ отъ Ахмедъ-Хана, въ видѣ удѣла, селеніе Кака-Шуру, которое и по настоящее время находится въ его владѣніи.

Между тѣмъ аварскій ханъ Султанъ-Ахмедъ умеръ; дѣти его (изъ которыхъ старшій Абу-Султанъ-Нуцалъ-Ханъ, именуемый въ нашихъ бумагахъ преимущественно послѣднимъ именемъ—Нуцалъ-Ханомъ, былъ уже признанъ нашимъ правительствомъ ханомъ аварскимъ) были въ 1834 году истреблены горцами. По возстановленіи въ Аваріи порядка, правительство наше поручило управленіе его Ахмедъ-Хану мехтулинскому, какъ потому, что онъ былъ ближайшій родственникъ аварскаго дома, такъ и потому, что онъ одинъ считался способнымъ управлять Аваріею въ то смутное время. Послѣ Нуцалъ-Хана осталась беременная жена его Айбатъ (дочь Мехти-Шамхала Тарковскаго), отъ которой родился сынъ, названный по имени дѣда своего Султанъ-Ахмедомъ

*) Документъ этотъ помѣщенъ въ 1 вып. нашего «Сборника», въ статьѣ: «Шамхалы Тарковскіе,» стр. 71.

и предназначенный нашимъ правительствомъ наслѣдникомъ Аварскаго ханства.

Такимъ образомъ Ахмедъ-Ханъ, давно уже утвердившійся въ ханствованіи надъ мехтулинцами, получивъ въ свое вѣдѣніе и Аварію, расчитывалъ властвовать въ ней долго, до совершеннолѣтія прямаго наслѣдника этого ханства, а въ случаѣ смерти его могъ надѣяться испросить утвержденіе за нимъ Аваріи и навсегда, въ потомственное владѣніе.

Впрочемъ, на ханство Аварское имѣлъ также претензію въ случаѣ смерти малолѣтняго наслѣдника Аваріи, и шамхалъ тарковскій, князь Абу-Муселимъ-Ханъ, [7]) который былъ женатъ на родной теткѣ его, дочери Султанъ-Ахмедъ-Хана, Селтанетъ-бике и, имѣя отъ нея сына князя Шамсудина (нынѣшняго шамхала тарковскаго), считалъ его ближайшимъ наслѣдникомъ Аварскаго ханства, а себя—естественнымъ опекуномъ его.

Но пока малолѣтній Султанъ-Ахмедъ-Ханъ былъ живъ, претензіи на Аварское ханство не могли имѣть никакого серьезнаго значенія для нашего правительства, а между шамхаломъ и ханомъ мехулинскимъ началась распря за деревни Параулъ, Дургели и Уруму, составлявшія удѣлъ Султанъ-Ахмедъ-Хана-Аварскаго.

Еще при жизни Нуцалъ-Хана-Аварскаго, мать его Паху-бике домогалась, чтобы съ поступленіемъ сыновей ея въ подданство Россіи имъ возвращенъ былъ удѣлъ ихъ отца изъ Мехтулинскаго ханства, отданный генераломъ Ермоловымъ шамхалу, но наше правительство отклонило это домогательство, находя неудобнымъ отобраніе у шамхала деревень, предоставленныхъ ему за вѣрную службу.

Ахмедъ-Ханъ же, получивъ въ свое управленіе Аварію, счелъ себя въ правѣ какъ по своей службѣ, такъ и по принадлежности означенныхъ селеній къ Мехтулинскому ханству, искать возвращенія оныхъ въ свое владѣніе. Шамхалъ тарковскій, опасаясь, чтобы Ахмедъ-Ханъ не успѣлъ въ этомъ домогательствѣ,

---

[7]) Мехти-Шамхалъ умеръ въ 1830 году, на пути слѣдованія изъ Петербурга; ему наслѣдовалъ старшій сынъ его Сулейманъ-Паша, умершій бездѣтно въ 1836 году, и тогда титулъ Владѣтеля достался старшему по немъ брату его Абу-Муселимъ-хану, который въ 1855 году Всемилостивѣйше возведенъ въ княжеское достоинство Россійской Имперіи. Онъ былъ шамхаломъ до 1860 года, а въ этомъ году, со смертію его, ему наслѣдовалъ нынѣшній шамхалъ, сынъ его князь Шамсудинъ, Всемилостивѣйше утвержденный въ этомъ достоинствѣ въ 1863 году.

совершилъ дарственный актъ, по которому деревни тѣ записалъ, въ 1838 году, за малолѣтнимъ племянникомъ своимъ, наслѣдникомъ Аварскаго ханства, Султанъ-Ахмедомъ, которому онѣ должны были бы достаться по наслѣдству отъ дѣда, лишившагося ихъ за измѣну русскому правительству.

Домогательство Ахмедъ-Хана этою мѣрою было также отклонено. Онъ умеръ въ 1843 году въ чинѣ генералъ-маіора, оставивъ послѣ себя малолѣтнихъ дѣтей и вдову Нохъ-бике.

Управленіе Мехтулинскимъ ханствомъ *) поручено было ханшѣ Нохъ-бике. Но какъ смутныя обстоятельства того времени потребовали, чтобы ханствомъ управляла болѣе твердая власть, то и найдено было необходимымъ назначить ей, въ видѣ помощника, русскаго штабъ-офицера, который, дѣйствуя во всемъ какъ бы съ ея согласія, былъ на самомъ дѣлѣ полнымъ правителемъ ханства, впредь до совершеннолѣтія наслѣдника Ахмедъ-Хана *). Назначеніе такого помощника ханшѣ состоялось въ 1844 году и управленіе мехтулинцами чрезъ нашихъ штабъ-офицеровъ продолжалось до 1856 года.

Въ этотъ періодъ времени наслѣдникъ Аварскаго ханства, малолѣтній Султанъ-Ахмедъ, умеръ и записанныя за нимъ шамхаломъ 3 деревни сдѣлались опять предметомъ распри между шамхаломъ и мехтулинскимъ домомъ.

Продолжавшееся съ 1844 года до исхода 1855 года непосредственное управленіе мехтулинцами чрезъ русскихъ штабъ-офицеровъ, назначавшихся сперва подъ названіемъ помощниковъ ханши, а потомъ подъ именемъ управляющихъ ханствомъ, замѣнено было въ началѣ 1855 года — порученіемъ этого управленія старшему сыну Ахмедъ-Хана, Ибрагимъ-Хану. Онъ управлялъ мехтулинцами до 1859 года; въ этомъ же году приказомъ Главнокомандовавшаго Кавказскою Арміею князя Барятинскаго отъ 4-го Августа былъ назначенъ ханомъ Аваріи, а младшій братъ его Решидъ-Ханъ ханомъ Мехтулинскимъ.

Приказъ этотъ слѣдующаго содержанія:

---

*) Аварія же поручена была управленію русскаго штабъ-офицера; но вслѣдствіе общаго возстанія въ горахъ управленіе это продолжалось весьма недолго. Она отторгнута отъ насъ въ томъ же 1843 году и поступила снова въ наше подданство только съ замиреніемъ Дагестана въ 1859 году.

*) Наслѣдникомъ этимъ признанъ-былъ нашимъ правительствомъ старшій сынъ Ахмедъ-Хана, Гасанъ; онъ умеръ въ Пажескомъ корпусѣ въ 1847 году и право наслѣдованія перешло къ старшему по немъ брату его, Ибрагимъ-Хану.

«Отторгнутая въ 1843 году изъ-подъ русской власти Ава-«рія,—23-го іюля изъявила покорность и по прежнему вступила «въ подданство Его Императорскаго Величества.

«На основаніи предварительно испрошенной мною лично Вы-«сочайшей воли, возстановляя Аварское ханство, назначаю ханомъ «Аварскимъ Флигель-Адъютанта Его Величества, Лейбъ-гвардіи «казачьяго полка Ротмистра Ибрагимъ-Хана Мехтулинскаго. Млад-«шаго же брата его, Лейбъ-гвардіи Гродненскаго Гусарскаго пол-«ка поручика Решидъ-Хана, назначаю ханомъ Мехтулинскимъ.»

Такимъ образомъ ханствованіе въ Мехтуллѣ досталось въ 1859 году Решидъ-Хану. Онъ управлялъ ханствомъ одинъ непосредственно до образованія Дагестанской области, а съ образованіемъ этой области, въ іюнѣ мѣсяцѣ 1860 года, при ханѣ учреждено управленіе, состоявшее изъ помощника его, съ военною канцеляріею и словеснымъ судомъ.

Мехтулинскіе ханы пользовались разными налогами и повинностями, частію издавна установившимися, частію введенными при нашемъ правительствѣ (о чемъ подробно объясняется ниже), отъ селенія Большаго Дженгутая, за исключеніемъ изъ него квартала Маджантъ-аулъ, отъ одной трети селенія Малаго Дженгутая, отъ селеній Дуранги и Апши, въ послѣднемъ на правахъ землевладѣльцевъ, а въ первыхъ трехъ на правахъ правителей.

Остальныя-же селенія ханства, какъ-то: Оглы, Кулецма и Аймаки, никакихъ обязательныхъ повинностей никому не отбываютъ.

Всѣ донынѣ существовавшіе налоги и повинности въ пользу хана и джанковъ ханскаго дома, а равно доходы, получавшіеся ханомъ, могутъ быть подраздѣлены на три главные рода, имѣющіе по нѣскольку видовъ.

Къ *первому роду* принадлежатъ налоги и повинности, довольно точно опредѣленные; ко *второму*—не опредѣленные въ размѣрѣ, но выполняемые жителями по мѣрѣ надобности и востребованію; къ *третьему*—случайные, обязательные только при извѣстныхъ обстоятельствахъ.

Виды налоговъ и повинностей перваго рода суть:

1) *Кентъ-ясакъ (сельскій ясакъ).* Съ каждаго хозяина, имѣющаго стадо барановъ, не менѣе 30 головъ, взимается ежегодно по одной овцѣ. Размѣръ этой подати остается тотъ-же, хотя-бы овцеводъ имѣлъ нѣсколько сотъ и болѣе головъ. Она не взыскивается съ хозяевъ, начинающихъ заведеніе баранты, втеченіи одного года, сколько-бы заводящій ни пріобрѣлъ головъ съ перваго раза.

2) *Сабу (мѣра для зерна около пуда и 10 фунтовъ).* Подать по одной сабѣ взимается съ каждаго дыма въ селеніяхъ Большой и Малый Дженгутай и Дуранги *пшеницею*, а въ другихъ податныхъ селеніяхъ *магаромъ* (особый родъ горнаго хлѣбнаго зерна, имѣющаго цѣну наравнѣ съ ячменемъ). Подать эту обязаны отбывать всѣ тѣ, кои производятъ посѣвы сами или отдаютъ земли подъ посѣвъ другимъ за условленную долю съ урожая.

3) *Арба-агачъ (арба дровъ).* Всякій дымъ, имѣющій рабочій скотъ, обязанъ доставить владѣльцу по двѣ арбы дровъ въ годъ. По показанію жителей, подтвержденному владѣльцами, прежними обычаями установлена была доставка съ каждаго дыма только *по одной арбѣ дровъ*, а вторая арба стала требоваться отъ нихъ со временъ властвованія Ахмедъ-Хана, сперва въ видѣ временнаго пособія, а потомъ требованіе это обращено въ постоянную повинность, которую они несутъ уже около 30 лѣтъ.

4) *Куугъ (саманъ или мякина).* Сборъ мякины произведенъ былъ въ первый разъ также при Ахмедъ-Ханѣ, въ сороковыхъ годахъ, въ видѣ пособія ханскому дому, по случаю недостачи мякины для прокормленія скота и лошадей хана; потомъ сборъ повторился нѣсколько разъ при ханшѣ и затѣмъ обращенъ въ обязательную и постоянную повинность, по одной корзинѣ съ двора, такъ что сборъ съ 3-хъ или 4-хъ дворовъ составляетъ арбу мякины.

5) *Бильха* [10]) *(барщина).* а) *Сабанъ-бильха*—выставка плуговъ для распашки полей владѣльца, въ числѣ, какое можетъ снарядить населеніе, обязанное нести эту повинность. Плуги въ ханствѣ бываютъ двухъ родовъ, именно: шести-парные въ одномъ Большомъ Дженгутаѣ и одно-парные въ прочихъ селеніяхъ [11]).

---

[10]) Въ Шамхальствѣ и на Кумыкской плоскости это слово произносится не бильха, а *булка*. *Ред.*

[11]) За исключеніемъ Дургели и Кака-Шуры, о повинностяхъ съ коихъ

Отъ владѣльца зависитъ потребовать часть плуговъ весною, часть осенью, но тѣ хозяева, кои выполнили уже одинъ разъ работу весною, не могутъ быть потребованы осенью. б) *Бичанъ-бильха*—выставка по одному косцу съ дыма на день, для кошенія и уборки владѣльческаго сѣна. в) *Уракъ-бильха* — выставка жнецовъ по одному съ дыма на одинъ день, для уборки владѣльческихъ посѣвовъ.

По показанію жителей, подтвержденному и владѣльцами, распашка, кошеніе и жатва производятся, по издавна существовавшему обычаю, только до полудня и затѣмъ рабочіе вправѣ расходиться.

Продовольствіе рабочимъ дается обыкновенно отъ владѣльцевъ. Сверхъ сего жители заявили, что въ прежнее время они выставляли для кошенія и жатвы по одному только человѣку на день на обѣ работы, такъ что отъ семейства, давшаго разъ косца, не могло уже требоваться выставки жнеца; но по разборѣ этого заявленія оказалось, что выставка на обѣ работы производилась отъ каждаго дыма на день еще при Гасанъ-Ханѣ, т. е. до нашего владычества.

Виды повинностей втораго рода суть:

6) Выставка аробъ для разныхъ надобностей хана.

7) Выставка рабочихъ для строительныхъ работъ въ домѣ хана и для обработки его сада.

8) Выставка конныхъ чапаровъ для посылокъ по дѣламъ ханскаго дома.

Всѣ эти три повинности исполняются по мѣрѣ востребованія. Но по показанію жителей, не опровергнутому повѣренными хана, ихъ почти не существовало въ прежнее время. Нарядъ аробъ для переѣздовъ ханскаго семейства (кочъ-арба) хотя и бывалъ, но весьма рѣдко и въ незначительномъ размѣрѣ, такъ-что этотъ нарядъ не могъ составить никакой тягости; но со временъ Ахмедъ-Хана требованія аробъ сдѣлались чаще и не только для надобностей по переѣздамъ, но и по перевозкамъ всякаго рода для ханскаго дома, такъ-что все, лежавшее прежде на обязанности ханскихъ чагаровъ (крестьянъ), пало на жителей, и аробная повинность сдѣлалась для нихъ весьма чувствительною. Точ-

---

дѣсь не включено подробныхъ объясненій, такъ-какъ они составляютъ особый удѣлъ дяди хана, Али-Султана, и не несутъ никакихъ повинностей въ пользу хана.

но также строительныя работы были весьма рѣдки, а чапарской повинности почти совершенно не существовало, потому, что по всѣмъ надобностямъ хана разсылались нукеры, которыхъ ханы содержали прежде въ весьма большомъ числѣ.

9) Сверхъ этихъ повинностей, нынѣшній размѣръ коихъ оспариваютъ жители, они совершенно правильно жалуются на налогъ косвенный, падающій на нихъ отъ установленія откупа за право торговли напитками и красными товарами въ двухъ селеніяхъ (въ Б. и М. Джenгутаѣ).

Эти откупа, какъ оказалось по справкамъ, введены при управленіи ханствомъ вдовою хана Нохъ-бике, въ 1844 году, и съ того времени продолжаются.

Къ третьему роду принадлежатъ повинности, обязательныя при извѣстныхъ обстоятельствахъ, и доходы случайные.

10) Жители селеній Большаго и Малаго Дженгутая обязаны при женитьбѣ членовъ ханскаго дома и погребеніи ихъ (за исключеніемъ младенцевъ), доставлять въ домъ хана по арбѣ дровъ и сабѣ пшеницы съ дома, а жители селеній Апши, Дуранги, Ахкентъ и Чоглы—по одному быку.

11) Въ этихъ-же селеніяхъ, въ случаѣ смерти кого-либо изъ жителей безъ дѣтей мужескаго пола, ханъ вправѣ распорядиться ихъ недвижимымъ имѣніемъ по своему усмотрѣнію. Онъ, какъ и предшественники его, обыкновенно предоставляли подобныя имѣнія родственникамъ умершаго за умѣренную плату, а если умершій оставилъ дочерей, то на получившаго имѣніе возлагалась обязанность пропитывать и пристроить дѣтей.

12) Штрафы. Со всѣхъ деревень ханства, кромѣ селеній Кака-Шура и Дургели, ханъ пользовался правомъ полученія установленныхъ обычаемъ штрафовъ за преступленія, какъ-то: за убійства, пораненія, увозъ женщинъ и воровства.

13) Ясакъ съ баранты на Аркасскихъ горахъ. По издавна установившемуся обычаю, мехтулинскіе ханы, за содержаніе охраннаго караула на Аркасскихъ горахъ, получали ясакъ, съ каждаго выводимаго туда стада по барашку. Хотя выставки караула давно уже не существуетъ и горы хану не принадлежатъ, но право полученія ясака оставалось за нимъ и по 1867 г. [12]).

---

[12]) Всѣ вышеисчисленные налоги и повинности, отбывавшіеся хану мехтулинцами, оцѣнены коммисіею въ особыхъ вѣдомостяхъ, приложенныхъ къ настоящей-же запискѣ, въ 3420 руб. въ годъ. *Ред.*

14) Ханскіе чагары. Здѣсь нужно упомянуть еще, что въ Большомъ Дженгутаѣ ханъ имѣлъ шесть душъ чагаровъ, изъ коихъ пять мужчинъ, имѣющихъ женъ и дѣтей свободнаго состоянія и живущихъ особо отъ ханскаго двора своимъ собственнымъ хозяйствомъ, и одна вдова съ дочерью, также живущая особо своимъ хозяйствомъ. Болѣе сего у хана не было ни чагаровъ, ни куловъ и каравашекъ. Чагары обязаны были исполнять разныя домашнія работы во дворѣ его, а равно и полевыя работы, по требованію.

Изъ исчисленныхъ выше повинностей и налоговъ три деревни, именно: Апши, Ахкентъ и Чоглы, несутъ оные, какъ упомянуто объ этомъ выше, по поземельному праву владѣльцевъ на мѣста, занимаемыя этими селеніями, а три (Большой и Малый Дженгутай и Дуранги) несли отбываемые ими налоги и повинности, установившіяся по власти правителя — требовать отъ населенія удовлетворенія своихъ потребностей за отправленіе суда и расправы [13]).

Увеличеніе владѣтелями и другими владѣльцами размѣра нѣкоторыхъ обычныхъ повинностей и введеніе новыхъ видовъ ихъ началось еще до нашего владычества въ этомъ краѣ. Это видно изъ того, что какъ-только появилась здѣсь русская власть, которой жители могли принести свои жалобы, они обратились къ ней съ просьбою объ огражденіи ихъ отъ дальнѣйшаго нарушенія отношеній къ владѣльцамъ.

Вслѣдствіе этихъ жалобъ генералъ Ермоловъ въ 1824 году далъ Мехти-Шамхалу слѣдующую бумагу:

«Высокостепенный и превосходительный Господинъ Генералъ-Лейтенантъ Мехти-Шамхалъ Тарковскій, Вали Дагестанскій.

«Желая точнымъ образомъ опредѣлить прежнія права жителей деревень, въ 1820 году, по распоряженію моему, учинен-

---

[13]) Между селеніями, состоящими въ зависимыхъ отношеніяхъ къ владѣльцамъ по поземельному праву, и селеніями, въ коихъ установились обязательныя отношенія къ фамиліи наслѣдственныхъ правителей, кромѣ разности въ размѣрѣ нѣкоторыхъ повинностей, существенное различіе заключается въ томъ, что переходящіе изъ селеній втораго разряда въ другія мѣста имѣютъ неотъемлемое право распорядиться своимъ домомъ и землями по усмотрѣнію, тогда-какъ оставляющіе селенія перваго разряда вправѣ воспользоваться только движимымъ имуществомъ, а недвижимое поступаетъ въ пользу землевладѣльца.

«ному Священнымъ Именемъ Великаго и Могущественнаго Государя, поступившихъ во владѣніе Вашего Превосходительства, и «повинности, которыя обязаны они отправлять въ пользу прежнихъ своихъ владѣльцевъ, приказалъ я привести оныя въ извѣстность чрезъ лучшихъ и почетнѣйшихъ старшинъ селеній: «Параулъ, Дургели, Кака-Шура, Урума, Большихъ Казанищъ и «принадлежащихъ къ сему послѣднему деревень.

«Составленное описаніе правъ и повинностей, препровождая «къ Вашему Превосходительству, прошу со стороны Вашей сдѣлать распоряженіе, чтобы чиновники, опредѣляемые къ управленію оными, подъ опасеніемъ строгаго взысканія нарушать оныя «не осмѣливались.

«Съ удовольствіемъ неоднократно слышалъ я удостовѣреніе «Вашего Превосходительства, что Вы, охраняя выгоды новыхъ «Вашихъ подвластныхъ, желаете во всей силѣ соблюсти прежнія «права ихъ и отнюдь не требовать излишняго противъ прежнихъ «ихъ повинностей, исполненіе чего приму я доказательствомъ усердія Вашего способствовать Правительству въ достиженіи его «цѣли.

«Каждому изъ селеній, мною выше означенныхъ, даны, за «подписомъ моимъ, листы съ описаніемъ правъ ихъ и повинностей. «1-го января 1824 года, селеніе Большія Казанищи. Генералъ отъ инфантеріи Ермоловъ».

Упоминаемаго въ этой бумагѣ описанія правъ и повинностей не отыскано, а листы, данные генераломъ Ермоловымъ селеніямъ въ видѣ уставныхъ грамотъ, сохранились только у какашуринцевъ и бугленцевъ; прочія же селенія объявили, что утеряли оныя.

Были-ли послѣ объясненнаго распоряженія генерала Ермолова, втеченіи 20-ти лѣтняго періода времени, протекшаго со времени возстановленія въ Мехтуллѣ ханскаго управленія въ лицѣ Ахмедъ-Хана до смерти его (съ 1824 по 1843 годъ), какія-либо жалобы отъ мехтулинцевъ на усиленіе обычныхъ повинностей и введеніе новыхъ налоговъ—изъ прежнихъ дѣлъ не видно. Но какъ только Ахмедъ-Ханъ умеръ и управленіе ханствомъ перешло въ руки вдовы его, Нохъ-бике, начался непрерывный рядъ жалобъ: съ одной стороны отъ ханши—на уклоненіе жителей отъ выполненія тѣхъ повинностей, кои они отбывали при жизни мужа ея, а съ другой—отъ жителей на неправильность и крайнюю тягость тре-

бованій ханши. Жители объявили, что они терпѣли несеніе усиленныхъ налоговъ при Ахмедъ-Ханѣ, какъ потому, что считали ихъ временными, такъ и потому, что опасались преслѣдованія хана за принесеніе жалобъ русскому начальству, но видя, что и послѣ смерти его продолжаются тѣже требованія, и опасаясь, чтобы такой произволъ не былъ обращенъ въ постоянное обязательное для нихъ положеніе, они просили возстановленія прежнихъ обычныхъ отношеній къ владѣльцамъ и—независимо отъ просьбъ—иногда рѣшались и на самовольные отказы отъ несенія повинностей.

Здѣсь нужно оговорить, что изъ мехтулинцевъ жаловались непрерывно собственно только жители трехъ деревень, именно: Большаго и Малаго Дженгутая и Кака-Шуры [14]), такъ-какъ первая деревня служитъ резиденціею хановъ, вторая находится въ трехъ верстахъ отъ нея, а въ третьей живетъ дядя хана, Али-Султанъ, отчего на эти деревни преимущественно падала вся тягость разныхъ непрерывныхъ требованій владѣльцевъ и возбуждала неудовольствіе жителей.

Дагестанское начальство, удостовѣрясь, что жалобщики безпрекословно несли при жизни Ахмедъ-Хана всѣ тѣ повинности, какія требовала ханша, и, принимая въ соображеніе, что при тогдашнихъ смутныхъ обстоятельствахъ было-бы несвоевременно входить въ подробное разбирательство коренныхъ отношеній жалобщиковъ къ владѣльцамъ, такъ какъ дѣло нѣсколькихъ деревень могло возбудить во всѣхъ частяхъ покорнаго намъ Дагестана, находившихся въ зависимыхъ отношеніяхъ къ владѣльцамъ, стремленіе къ подобному же разбирательству и ихъ дѣлъ и тѣмъ самымъ вызвать безпорядки, вынуждено было поддерживать требованіе повинностей въ томъ видѣ, въ какомъ оно существовало при Ахмедъ-Ханѣ.

Недовольные безуспѣшностію своихъ домогательствъ, жители двухъ Дженгутаевъ и Кака-Шуры не переставали безпрерывно возобновлять свои жалобы на притѣсненія владѣльцевъ и просили возстановленія между ними тѣхъ отношеній, какія существовали до русскаго владычества; но по тѣмъ же причинамъ, по коимъ первое заявленіе ими жалобъ не могло быть разрѣшено оконча-

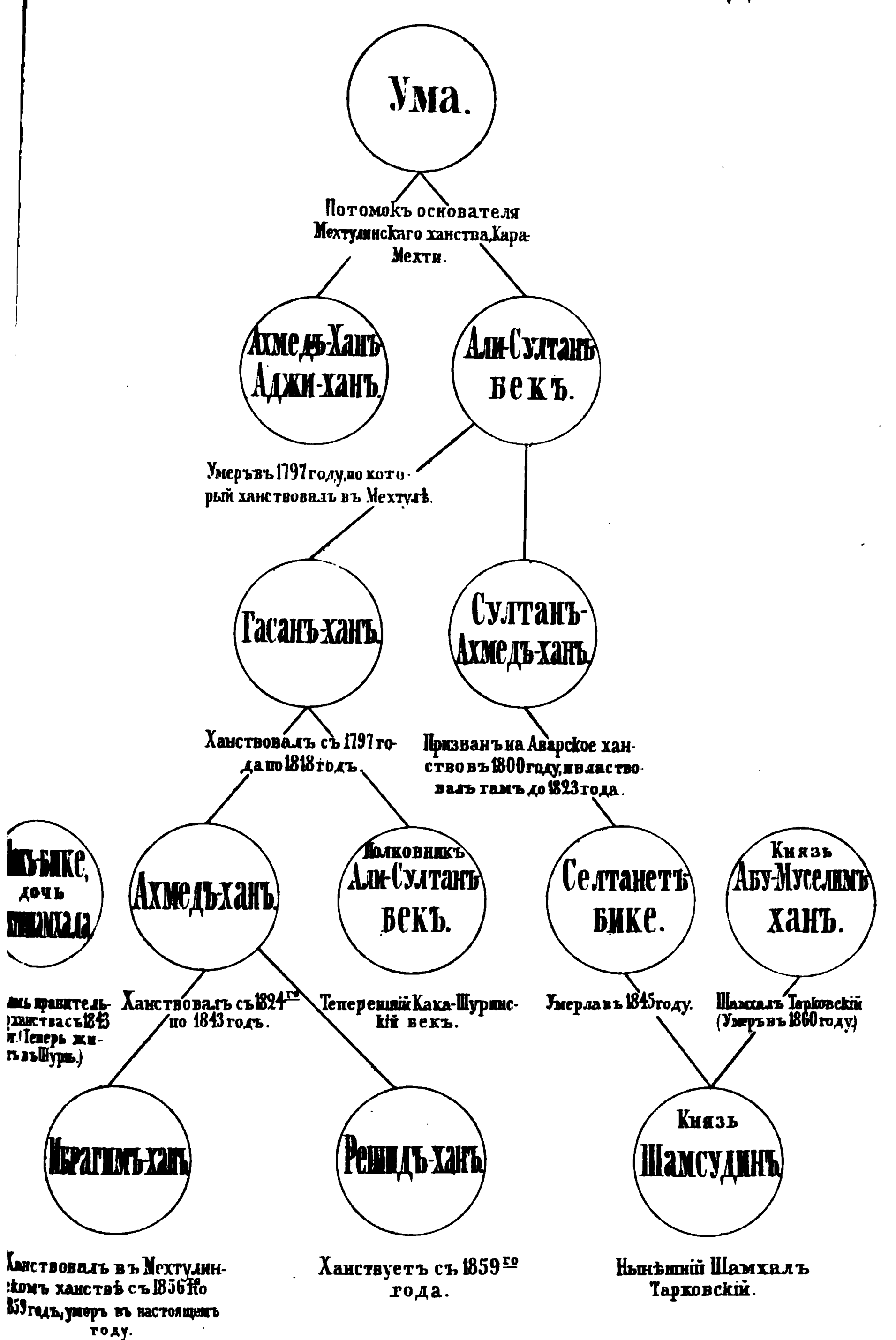
---

[14]) Впослѣдствіи стали жаловаться и дургелинцы. Отъ прочихъ же деревень жалобъ почти не бывало.

тельно, онѣ оставались безъ особыхъ послѣдствій, и сверхъ того на жителей палъ еще небывалый до того косвенный налогъ, чрезъ упомянутую выше отдачу на откупъ исключительной продажи напитковъ и красныхъ товаровъ.

Только съ замиреніемъ Дагестана найдено было возможнымъ заняться этимъ дѣломъ чрезъ особую временную Коммисію, наряженную для опредѣленія личныхъ и поземельныхъ правъ туземцевъ владѣнія Тарковскаго, ханства Мехтулинскаго и наибства Присулакскаго. Коммисія эта собрала уже достаточныя данныя для разрѣшенія вопроса объ установленіи между мехтулинцами и ихъ владѣльцами надлежащихъ и безобидныхъ отношеній.

Родословная ханскаго Мехтулинскаго дома.

...мѣчаніе: 1) Въ этой родословной, послѣ Ахмедъ-Ханъ-Аджи-хана не показаны члены ханскаго дома, умершіе, не оставивъ послѣ себя потомства.

2) Равнымъ образомъ, не показаны здѣсь и тѣ дѣти Умы, отъ которыхъ происходятъ побочныя линіи джанковъ ханскаго дома, въ Большомъ и Маломъ Дженгутаѣ.

НАРОДНЫЯ СКАЗАНІЯ

КАВКАЗСКИХЪ ГОРЦЕВЪ.

АВАРСКІЯ НАРОДНЫЯ СКАЗАНІЯ.

Нѣсколько словъ объ аварцахъ.

Новѣйшими и самыми достовѣрными свѣдѣніями о племенахъ, говорящихъ различными нарѣчіями аварскаго языка, наука обязана трудамъ генерала Услара, изложившаго свои изслѣдованія надъ аварскимъ языкомъ въ обширной запискѣ (отлитографированной), подъ названіемъ: „Этнографія Кавказа. Маарульный языкъ." Всѣ послѣдовавшія затѣмъ въ русской и иностранныхъ литературахъ замѣтки объ аварцахъ основаны главнымъ образомъ на упомянутомъ трудѣ г. Услара [1]).

Названіе *аварцы* совершенно чуждо самимъ, такъ называемымъ, аварцамъ; такъ называютъ ихъ кумыки и отъ нихъ названіе это перешло къ русскимъ. Тюркскія слова *ауаръ*, *аваръ*, *аварала*, означаютъ: безпокойный, тревожный, бродяга, сварливый и т. п. Такое названіе дали кумыки своимъ сосѣдямъ, дѣйствительно задорнымъ и причинявшимъ имъ много безпокойствъ. Сами-же аварцы, не имѣя для себя общаго туземнаго названія, называютъ

---

*) Сюда относятся: 1) сообщенія объ аварцахъ и аварскомъ языкѣ помѣщенныя академикомъ Шифнеромъ въ Bulletin de l'Académie Imp. des sc. de SPB. (T. VII et VIII); 2) замѣтки о томъ-же, помѣщенныя въ Запискахъ Кавказскаго Отдѣла И. Р. Г. Общества (кн. VII, статья: «Матеріалъ для этнографіи восточнаго Кавказа); 3) статистическія изслѣдованія г. Комарова (Народонаселеніе Дагестанской области) — трудъ еще необнародованный, но извѣстный чрезъ сообщенія о немъ въ засѣданіяхъ Кавказскаго Отдѣла И. Р. Г. Общества, и 4) статья Айдемира Чиркеевскаго «О происхожденіи аварцевъ», помѣщенная въ газетѣ «Кавказъ» 1865 года, №№ 64 и 65.—Сообщаемыя нами «Нѣсколько словъ объ аварцахъ» заключаютъ въ себѣ самое существенное изъ всѣхъ поименованныхъ свѣдѣній объ аварцахъ.

себя различно, смотря по тому, откуда кто родомъ: салатавецъ называетъ себя *накбакау*, гумбетовецъ—*бакхлулау*, житель бывшаго аварскаго ханства—*хунзакгу*, гидатлинецъ—*гидатлгу* и т. п. Словомъ, каждое племя, говорящее аварскимъ языкомъ, называетъ себя по имени того общества, къ которому принадлежитъ, или того селенія, въ которомъ живетъ.

Языкъ, на различныхъ нарѣчіяхъ котораго говорятъ такъ-называемые аварцы, носитъ у насъ также условное названіе *аварскаго*, хотя—по изслѣдованіямъ г. Услара—наиболѣе цѣлесообразными для означенія какъ аварскаго племени, такъ и языка его, слѣдовало-бы признать названія *маарулалъ* (горцы) и *маарулъ-мацъ* (маарульний, горный языкъ), потому что аварцы, къ какому-бы обществу они ни принадлежали, все-же говорятъ о себѣ, что они никто другіе, какъ именно—*маарулалъ*, и что языкъ ихъ не иной, какъ *маарулъ-мацъ*.

Область распространенія аварскаго языка прорѣзываетъ весь Дагестанъ отъ сѣвера къ югу, въ видѣ полосы, сѣверной оконечностью которой служитъ Чиръ-Юртъ, а южной—Закаталы. Полоса эта простирается въ длину около 160 верстъ, ширина-же ея различна; наибольшая, верстъ 70, находится въ серединѣ полосы, на параллели Хунзаха. Кромѣ того, языкъ этотъ встрѣчается небольшими островами (въ Технуцалѣ и Ункратлѣ), окруженными языками андійскимъ и дидойскимъ. На означенномъ пространствѣ помѣщается болѣе 400 селеній и отселковъ, съ населеніемъ свыше 100 тыс. душъ об. пола [2]). Такимъ образомъ, аварцамъ, по чис-

[2]) По изслѣдованіямъ г. Комарова, все населеніе, принадлежащее къ аварскимъ племенамъ, въ предѣлахъ одного только Дагестана, живетъ въ 346 селеніяхъ и отселкахъ, состоитъ изъ 25,977 дворовъ и 96,420 душъ, что составляетъ въ общемъ населеніи Дагестанской области 21,63%. Слѣдующая таблица еще яснѣе показываетъ область распространенія аварскаго языка въ Дагестанѣ:

					говорятъ аварскимъ языкомъ:			
Въ	Темиръ-ханъ-шуринск. округѣ	13	поселеній,		2,385	дворовъ,	10,129	жит.
—	Даргинскомъ — — — —	4	—	—	749	—	3,289	—
—	Аварскомъ — — — —	84	—	—	7,818	—	28,215	—
—	Андійскомъ — — — —	28	—	—	3,093	—	10,693	—
—	Гунибскомъ — — — —	206	—	—	11,493	—	41,761	—

ленности ихъ, принадлежитъ первое мѣсто между дагестанскими горцами; но независимо отъ ихъ численности, необходимо принять во вниманіе еще характеръ этого племени, весьма безпокойный и воинственный, а также то обстоятельство, что племя это занимаетъ срединное положеніе въ Дагестанѣ, раздѣляя его на двѣ части на всемъ протяженіи съ сѣвера на югъ и чрезъ то соприкасаясь съ большею частію племенъ, населяющихъ эту страну. Понятно, что при такихъ обстоятельствахъ, аварскій языкъ долженъ былъ получить еще болѣе широкую область своего распространенія: онъ сдѣлался языкомъ посредствующимъ для междуплеменныхъ сношеній во всемъ Дагестанѣ. Вслѣдствіе этого нѣкоторыя изъ дагестанскихъ племенъ, такъ сказать, *обаварились*, а потому-то — при отсутствіи историческихъ свѣдѣній и при недостаткѣ этнографическихъ изысканій объ особенностяхъ многоразличныхъ дагестанскихъ обществъ — необходимо быть осторожнымъ и не называть аварцами всѣхъ дагестанцевъ, говорящихъ по-аварски.

Аварскій языкъ имѣетъ нѣсколько нарѣчій; можно даже сказать, что каждое общество, говорящее этимъ языкомъ, имѣетъ нѣкоторыя особенности въ выговорѣ. Тѣмъ не менѣе однако, главныхъ нарѣчій этого языка только два—*хунзахское* и *анцухское*, подъ которыя подводятся всѣ остальныя. Такое дѣленіе, принятое г. Усларомъ, соотвѣтствуетъ дѣленію аварскаго племени на два отдѣла—*Маарулалъ* и *Багуалалъ*: всѣ аварскія общества, живущія къ сѣверу отъ Хунзаха, говорятъ хунзахскимъ нарѣчіемъ и признаютъ себя маарулами; всѣ-же остальныя общества, лежащія къ югу отъ Хунзаха и подчиняющіяся вліянію анцухскаго нарѣчія, извѣстны у сѣверянъ-аварцевъ подъ именемъ Багуалалъ, что значитъ: грубые, бѣдные, неряшливые люди, питающіеся сырымъ мясомъ. Такимъ образомъ, хунзахскимъ нарѣчіемъ (хунзъ мацъ, хундерилъ мацъ) говорятъ въ Салатау (Накбакѣ), Гумбетѣ (Бактли), Койсубу, Аваріи [3]), Куядѣ, Андалалѣ, Тилитлѣ и въ авар-

Въ Казикумухскомъ округѣ	8 поселеній,	379 дворовъ,	2,047 жит.
— Самурскомъ —	1 — —	60 —	286 —
Всего...	346 — —	25,977 —	96,420 жит.

[3]) Состоитъ изъ 4 обществъ: Хунзъ, Хедолалъ, Нака-Хиндалалъ и Тлурутли, или Бактлукъ.

скихъ селеніяхъ, входящихъ въ округа Темиръ-ханъ-шуринскій, Даргинскій и Казикумухскій и считающихся переселенцами изъ разныхъ мѣстъ поименованныхъ обществъ, а также въ Технуцалѣ и Ункратлѣ, жители которыхъ вышли тоже изъ Аваріи. Самымъ вліятельнымъ изъ названныхъ обществъ должно признать Хунзъ: ему постоянно подчинялись многія общества, платившія владѣтелямъ Хунзаха (нуцалямъ, впослѣдствіи ханамъ) подать и выставлявшія, по ихъ требованіямъ, вооруженныхъ людей. Подъ вліяніемъ политики хунзахскихъ, или аварскихъ хановъ, а потомъ —предводителей мюридизма, языкъ хунзахскій значительно распространился: онъ принятъ былъ тогдашними правителями Дагестана за языкъ, такъ сказать, офиціальный, что и способствовало установленію единообразія во всѣхъ нарѣчіяхъ, подчинявшихся вліянію хунзахскаго языка.

Въ Анцухѣ языкъ значительно отступаетъ отъ хунзахскаго, и уроженецъ Анцуха въ первое время съ трудомъ понимаетъ хунзахца; за то нарѣчія, которыми говорятъ джарцы и вообще всѣ другія аварскія общества, лежащія на югъ отъ Хунзаха, вполнѣ понятны анцухцамъ. Такимъ образомъ, анцухское нарѣчіе вліяетъ на слѣдующія общества: Гидъ, Кель, Карахъ, Мукратль, Тлейсерухъ, Косо, Томсъ, Анцухъ, Анцросо, Унхъ (Унхада, или Ухнада), Бугунъ (Богнада), Тлебель, Тленъ (Канада) и Тумъ (Джурмутъ); еще далѣе на югъ, анцухское нарѣчіе переходитъ въ Закатальскій округъ и въ Самурскій округъ (сел. Кусуръ).

Но аварскій языкъ не всегда находился въ тѣхъ предѣлахъ, которые въ настоящее время его ограничиваютъ. Къ югу онъ распространялся постепенно, такъ, что еще относительно въ недавнее время онъ перешелъ въ Закатальскій округъ. Далеко прежде, аварскій языкъ распространенъ былъ сѣвернѣе Чиръ-Юрта, крайней его границы въ настоящее время, и племена, говорившія этимъ языкомъ, нѣкогда кочевали на Кумыкской плоскости. Затѣмъ, есть основанія заключать, что они нѣкогда обитали къ сѣверу отъ Каспійскаго моря, въ предѣлахъ нынѣшнихъ губерній Астраханской и Оренбургской и даже еще далѣе [1]).

---

[1]) Древнее греческое названіе Волги или Урала Ωαρος происходитъ,

При отсутствіи письменныхъ свѣдѣній и при недостаткѣ народныхъ преданій о происхожденіи и первобытномъ жительствѣ какого-либо народа,—указаній на это слѣдуетъ искать въ его языкѣ. Историческія преданія аварцевъ восходятъ до IX вѣка по Р. Х., когда арабы завоевали Дагестанъ и жителей его обратили въ исламизмъ. Въ то время аварцы были, какъ и теперь, первенствующимъ народомъ въ Дагестанѣ, и тогдашній нуцалъ ихъ Суракатъ противопоставилъ сильный отпоръ арабамъ. По преданіямъ, этотъ Суракатъ, имѣвшій мѣстопребываніе свое въ Танусѣ (селеніе теперешняго Аварскаго округа) повелѣвалъ народами отъ Шемахи до Кабарды и держалъ въ своей зависимости чеченцевъ и тушинъ. Наконецъ, насчитываютъ до 20 нуцаловъ—предковъ Сураката. Далѣе этого не простираются преданія. Для разъясненія и пополненія этихъ преданій, изъ которыхъ можно заключать, что аварцы поселились въ Дагестанѣ задолго до нашествія на этотъ край арабовъ, а также для разъясненія того, откуда сами аварцы пришли въ Дагестанъ и чѣмъ они были до своего пришествія въ эту страну,—необходимо прибѣгнуть къ филологіи. Изслѣдованіе языковъ дагестанскихъ горцевъ, основанное на строго-научныхъ началахъ, совершается только теперь, и выводы изъ этихъ изслѣдованій еще не обнародованы. Тѣмъ не менѣе однако, по нѣкоторымъ отрывочнымъ заявленіямъ о филологическихъ трудахъ г. Услара, можно уже и теперь заключить, что аварцы не коренные жители Дагестана, а кочевые пришельцы, и что только гористая мѣстность сдѣлала ихъ народомъ осѣдлымъ. Въ силу крайней нужды и притомъ лишь въ жалкихъ остаткахъ они укрылись въ глубь Дагестана; вынуждены они были къ тому напоромъ другихъ, болѣе сильныхъ кочевыхъ племенъ, подвигавшихся изъ Средней Азіи въ Европу сѣвернымъ побережьемъ Каспійскаго моря. Но это нѣкогда кочевое племя, остатки котораго извѣстны теперь подъ именемъ аварцевъ, не имѣетъ ничего общаго съ тѣми *аварами*, которые играли замѣтную

быть можетъ, отъ аварскаго *ōръ*—рѣка. До сихъ поръ незначительные потоки въ низовьяхъ Волги и по сѣверо-западному берегу Каспійскаго моря называются *ериками*.

роль въ исторіи Европы отъ V до IX столѣтія и наконецъ исчезли подъ ударами Карла Великаго. Эти историческіе авары принадлежали къ племени урало-алтайскому (финно-тюрко-монгольскому); изслѣдованія-же кавказско-аварскаго языка убѣждаютъ въ томъ, что онъ совершенно чуждъ языкамъ урало-алтайскимъ. Не меньше шаткимъ оказалось и другое предположеніе, заявленное Клапротомъ,—о единоплеменности кавказскихъ аварцевъ съ гуннами, а чрезъ этихъ послѣднихъ, и съ мадьярами.

Нѣтъ сомнѣнія, что изслѣдованіе языковъ Восточнаго Кавказа, еще такъ недавно начавшееся, прольетъ много свѣта на исторію племенъ, засѣвшихъ въ горахъ Дагестана. Народныя сказанія горцевъ, съ своей стороны, должны внести сюда лучъ свѣта. Собраніемъ, сравненіемъ и истолкованіемъ этихъ сказаній можетъ разъясниться многое въ жизни обитателей горъ, не досказанное исторіею.

Предлагаемое собраніе аварскихъ сказаній, преимущественно сказокъ, достаточно уясняетъ ихъ главнѣйшіе мотивы и можетъ быть признано довольно-полнымъ. Сказки эти собраны и почти-дословно переведены на русскій языкъ Айдемиромъ Чиркеевскимъ, природнымъ аварцемъ, при чемъ собиратель и переводчикъ руководился указаніями г. Услара. Однѣ изъ этихъ сказокъ уже были изданы, въ очень-ограниченномъ числѣ экземпляровъ, въ подлинникѣ и въ переводѣ на русскій языкъ [5]); другія-же являются въ первый разъ въ печати.

Что касается характеристики горскихъ сказокъ вообще и аварскихъ въ частности, то объ этомъ уже высказано въ настоящемъ „Сборникѣ" нѣсколько краткихъ, но меткихъ замѣчаній, въ статьѣ П. У.: „Кое-что о словесныхъ произведеніяхъ горцевъ" [6]). Въ этой статьѣ анализировано, по-преимуществу, собраніе аварскихъ сказокъ, предлагаемое теперь читателямъ.

Н. В.

---

[5]) Напечатаны двумя брошюрами въ Темиръ-Ханъ-Шурѣ, въ типографіи штаба войскъ Дагестанской области, въ 1867—68 гг.

[6]) См. I выпускъ „Сборника свѣдѣній о кавказскихъ горцахъ," отдѣлъ „Народныя сказанія," стр. 27 - 32.

СКАЗКИ И БАСНИ.

Морской конь.

Жилъ-былъ царь, у царя было три сына. Каждый божій день, по утрамъ, приходили всѣ три сына къ отцу, чтобы узнать, не скажетъ-ли онъ имъ чего, не прикажетъ-ли чего. Пошли они однажды къ отцу,—былъ отецъ, какъ-бы щитъ тучи нависъ надъ нимъ,—безмѣрно печаленъ былъ онъ. Сказали сыновья ему: „что съ тобой случилось? не услышалъ-ли ты дурной вѣсти, не постигли-ли тебя великая бѣда или горе?" — „Дурной вѣсти я не слышалъ, не постигло меня великое горе,"—отвѣчалъ имъ отецъ,— „повергъ меня въ таковую печаль видѣнный мною въ прошлую ночь сонъ. Въ то мгновеніе, какъ солнце выходило изъ моря, выскочилъ вслѣдъ за солнцемъ на берегъ моря бѣлоснѣжный конь; мигомъ обѣжалъ онъ три раза вокругъ земли и потомъ скрылся опять въ море,—вслѣдъ за нимъ и сердце мое какъ-бы кануло на дно морское. И отъ царства моего и отъ всего свѣта сердце отвратилось, послѣ того, какъ увидѣлъ я этотъ сонъ."—„Мы отправимся, отецъ, за этимъ конемъ," сказали всѣ три сына, „или найдемъ его, или умремъ, — безъ того или другаго не вернемся."—Сѣли всѣ три сына на коней, взяли каждый по заводной лошади съ запасомъ вкусной и легкой пищи и ударили по конямъ.

На третій день, въ полуденную пору, пріѣхали они къ мѣсту, гдѣ дорога дѣлилась на три; на перекресткѣ вбитъ былъ каменный столбъ, на столбу надпись: „кто поѣдетъ по правой или по лѣвой дорогѣ, тому нечего бояться; кто же поѣдетъ по средней, тотъ или умретъ или вернется со счастіемъ." Старшій братъ поѣхалъ по правой дорогѣ, средній по лѣвой, меньшой погналъ по средней. „Куда ты ѣдешь по дорогѣ, гдѣ не знаешь самъ, живъ-ли или мертвъ будешь? Поѣзжай за однимъ изъ насъ," закричали ему братья.—„Ничего,—будетъ то, что Богомъ написано," отвѣчалъ

меньшой; „счастіе, какъ пѣтушій хвостъ въ вѣтряный день *); какъ знать, не наклонится-ли оно ко мнѣ; поѣзжайте сами съ Божьей милостію,—если не вернусь, разскажите отцу, какъ было дѣло.“ Много братья не настаивали, и каждый поѣхалъ по своей дорогѣ.

Ѣхалъ меньшой братъ, ѣхалъ онъ, ѣхалъ много, ѣхалъ мало, ѣхалъ ночью, ѣхалъ днемъ, нашу гору миновалъ, чужую гору миновалъ, сорочью, галкину гору миновалъ, густыя лѣса прорѣзалъ, черезъ глубокія ущелья проѣхалъ, прибылъ, наконецъ, въ нѣкій лѣсъ, гдѣ отъ густоты не видно было неба, гдѣ отъ сотворенія міра не слышался звукъ топора. Кружился царевичъ въ этомъ лѣсу, кружился въ немъ, кружился недѣлю, кружился мѣсяцъ, кружился два, три, четыре мѣсяца,—нигдѣ ни слѣда человѣческаго, ни жилища человѣческаго, ни выхода изъ лѣсу. Проголодался онъ, напала жажда, на немъ одежда обветшала, подъ нимъ лошадь околѣла, оружіе заржавѣло, на жизнь надежда пропала. Такъ былъ онъ, когда однажды нашелъ онъ человѣческій слѣдъ, шириною въ локоть, длиною въ три, глубиною въ локоть въ землю. „Умирать, такъ умру,—жить, такъ буду жить,“ сказалъ царевичъ и пошелъ по слѣду. Пройдя много, пройдя немного, добрался онъ до конца лѣса,—глядитъ,—гладкая поляна, посреди поляны семь башенъ, верхушками до неба достаютъ, вокругъ желѣзный заборъ со стальными кольями, на каждомъ колѣ по человѣческой головѣ. Дошелъ царевичъ до двора, вошелъ въ домъ, смотритъ,—передъ каминомъ сидитъ великанша, головой какъ бы въ потолокъ упираясь. Бросился къ ней царевичъ и приложился губами къ ея груди. „Теперь ты мой сынъ, а я твоя мать,“ сказала великанша,—„если бы ты не прикоснулся къ моей груди, то вотъ, чтобы я съ тобой сдѣлала.“ Съ этими словами разорвала она на-двое кошку, отдыхавшую передъ каминомъ и, сунувъ въ золу, проглотила ее. Спросила тутъ она царевича: „изъ какой ты стороны, откуда пришелъ и какое имѣешь дѣло?“ Дѣло свое и что случилось въ дорогѣ, все по правдѣ разсказалъ царевичъ великаншѣ. Сказала она церевичу: „семь сыновей у меня, всѣ семеро—Нарты **); каждый божій день отправляются они на охоту, и теперь на охотѣ; пора имъ уже вернуться. Спрячься въ этотъ шкапъ—не то, если увидятъ, непремѣнно умертвятъ тебя.

*) т. е. клонится то туда, то сюда.

**) Великаны.

О томъ, что ты желаешь знать, я спрошу у нихъ; который нибудь изъ нихъ вѣрно что-нибудь да знаетъ.“ — Спрятался царевичъ въ шкапъ, раздался на дворѣ вой борзыхъ, пришли семеро нартовъ съ охоты, у каждаго на плечѣ по чинару съ привязаннымъ оленемъ. Войдя на дворъ, ударили деревьями оземь такъ, что въ дребезги они разбились, содрали съ оленей кожу и закричали матери, чтобы наставляла котелъ. Обнюхиваясь, какъ собаки, вошли нарты въ комнату и всѣ семеро сказали: ,,человѣческимъ духомъ пахнетъ, человѣческимъ духомъ пахнетъ.“—,,Что вы съ ума сошли, что-ли,“ сказала имъ мать, разсердившись,—,,откуда здѣсь быть человѣческому духу,—вѣрно сами вы принесли его, потому-что бродите повсюду.“ Сваривъ мясо, поставила его мать передъ ними, вмѣстѣ съ кувшиномъ браги, величиною съ домъ. Когда они наѣлись и напились, спросила ихъ мать: ,,есть-ли такой конь, который выходитъ изъ моря и въ одно мгновеніе обѣгаетъ землю три раза?“ Шестеро старшихъ нартовъ ничего не отвѣтили, меньшой сказалъ: ,,есть, матушка, такой конь, и хозяинъ его морской царь, живущій на днѣ морскомъ; каждый божій день, когда солнце выходитъ изъ моря, выскакиваетъ конь на сушу, въ одинъ мигъ обѣгаетъ землю три раза, купается въ молочномъ озерѣ, которое лежитъ подлѣ моря, и потомъ, повалявшись на пескѣ, вновь исчезаетъ въ голубомъ морѣ. На морскомъ берегу ростетъ чинаровое дерево, вѣтвями достающее до неба, на немъ виситъ золотое сѣдло, которымъ сѣдлается тотъ конь, и серебряная уздечка, которымъ онъ взнуздывается.“—,,Довольно теперь, спите, вы вѣрно устали,“ сказала мать сыновьямъ. Легли, заснули семеро нартовъ. Мать выпустила царевича изъ шкапа, дала ему коня, одежду, все нужное въ пути и, указавъ дорогу къ морю, отпустила его.

Ѣхалъ царевичъ, ѣхалъ, много ѣхалъ, мало ѣхалъ, и въ ту пору, какъ человѣкъ и вода спятъ *), доѣхалъ до морскаго берега. На берегу вырылъ онъ яму, сѣлъ въ нее и, не смыкая глазъ, провелъ такъ ночь. Забѣлѣла заря, вышло солнце изъ моря, вслѣдъ за солнцемъ, въ виду царевича, и конь выскочилъ на морской берегъ. Мигомъ обѣжалъ онъ три раза землю, выкупался въ молочномъ озерѣ и сталъ валяться на морскомъ берегу. Бросился царевичъ къ нему и, какъ змѣя, обвился вокругъ его шеи; трижды взвился конь кверху такъ, что, казалось, ударится онъ о го-

*) т. е. въ глухую ночную пору.

лубое небо, трижды падалъ на-земь такъ, что вздрагивала подъ нимъ черная земля: не оторвался царевичъ отъ шеи. „Ты побѣдилъ меня, теперь я твой, осѣдлай меня, взнуздай и садись на меня,“ сказалъ конь. Снявъ съ дерева сѣдло и узду, царевичъ осѣдлалъ, взнуздалъ коня и сѣлъ на него. „Что теперь прикажешь, что дѣлать мнѣ?“ сказалъ конь.—„Доставь меня въ государство отца,“ сказалъ царевичъ. Пустился конь, какъ птица.

Много ѣхали, мало ѣхали, закатилось солнце, смерклось, стемнѣло, настала ночь, черная, какъ уголь; вдругъ опять озарились свѣтомъ небо и земля. „Что за диво!“ сказалъ самъ себѣ царевичъ, взглянувъ впередъ. Впереди гладкая степь,—обозрѣвать ее глаза устанутъ,—посреди степи что-то сверкаетъ, свѣтится, какъ солнце. Ударилъ царевичъ коня, погналъ, доѣхалъ, смотритъ—золотой пухъ. „Взять-ли мнѣ его, или не взять?“ спросилъ царевичъ коня.—„Если возьмешь—пожалѣешь, если не возьмешь—пожалѣешь,“ отвѣтилъ конь.—„Если пожалѣю, не взявъ, то лучше ужъ пожалѣю взявъ,“ сказалъ царевичъ и надѣлъ пухъ на шапку. Ударивъ коня, погналъ, пріѣхалъ къ городу, кругомъ стѣна, ворота заперты, ни откуда пути нѣтъ во-внутрь. Нашелъ царевичъ родникъ возлѣ города и сошелъ съ коня. Сказалъ ему конь: „пусти ты теперь меня наѣсться травы; когда тебѣ понадоблюсь, подай голосъ,—будь я хоть за семью горами, вмигъ стану передъ тобою.“ — Пустилъ царевичъ коня, подостлалъ подъ себя потникъ, положилъ сѣдло подъ голову, накрылся буркой, пухъ спряталъ въ карманъ, снявъ его съ шапки, и заснулъ, потомъ, какъ человѣкъ, не спавшій шестьдесятъ сутокъ.

Увидѣвъ, что ночь свѣтла, какъ день, сильно перепугались, перетревожились городскіе жители и побѣжали къ царю разсказать о чудѣ. Царь испугался еще болѣе ихъ самихъ, велѣлъ поставить вокругъ города караулъ и до утра не могъ заснуть. Когда разсвѣло, послалъ царь за городъ сто человѣкъ въ полномъ вооруженіи; нашли они царевича еще спящаго; растолкавъ, подняли его и привели къ царю. „Что ты за человѣкъ, изъ какого села, изъ какой страны, откуда пришелъ сюда?“ спросилъ его царь.— „Самъ не знаю, откуда я, — такъ себѣ, скитаюсь отъ скуки по свѣту“, отвѣчалъ царевичъ.—„Ты былъ въ полѣ, не знаешь ли, какимъ чудомъ прошлая ночь такъ освѣтилась?“ спросилъ его опять царь. — „Чудо это вотъ какое“, сказалъ царевичъ и подалъ царю золотой пухъ, вынувъ его изъ кармана. Людскимъ словомъ невыразимою, отъ сотворенія міра неиспытанною любовію

воспылалъ царь къ тому созданію, отъ котораго упалъ золотой пухъ. Сказалъ царь царевичу: „откуда хочешь, но достань мнѣ то созданіе, съ котораго упалъ этотъ пухъ, иначе отсѣку я тебѣ голову.“ Чтобы царевичъ не обманулъ, заставилъ его царь поклясться молокомъ матери. Пошелъ царевичъ, опустивъ голову; выйдя за городъ, кликнулъ онъ: какъ бы изъ земли, выросъ передъ нимъ бѣлый конь. „Что ты такъ печаленъ, что такъ грустенъ?“ сказалъ конь. Разсказалъ царевичъ, что произошло у него съ царемъ. „Не грусти ни на волосъ, пусть все на свѣтѣ будетъ для насъ такъ легко, какъ это“, сказалъ конь: „помнишь-ли ты то молочное озеро, въ которомъ я купался?“ — „Помню“, отвѣчалъ царевичъ. — „У морскаго царя есть три дочери“, сказалъ бѣлый конь, — „каждый божій день, когда солнце достигаетъ полудня, обернувшись въ голубей, прилетаютъ онѣ къ озеру и, снявъ съ себя на берегу голубиныя шкурки, купаются. Тотъ пухъ, который мы нашли, отпалъ отъ младшей сестры. Спрячься въ кусты, которые ростутъ вокругъ озера; когда онѣ войдутъ въ озеро, то проворно схвати шкурку младшей сестры и положи за пазуху; подплыветъ она къ берегу и будетъ упрашивать, чтобы ты отдалъ назадъ шкурку; смотри,—чтобы она ни говорила,—не отдавай ей шкурки и не слушай ея; если такъ сдѣлаешь, то она за тобой всюду послѣдуетъ и будетъ выполнять все, что ей прикажешь.“

Сѣлъ царевичъ на коня, въ одинъ прыжокъ очутился конь у озера, спрятался царевичъ въ кустахъ, солнце поднялось къ полудню и, со свистомъ прилетѣвъ, сѣли на берегу озера три голубя. Снявъ съ себя голубиныя шкурки, превратились они въ лучезарныхъ красавицъ и нырнули всѣ три въ озеро. Выскочивъ, положилъ царевичъ шкурку младшей сестры за-пазуху; приплыла она къ берегу и начала просить свою шкурку назадъ; сколько ни просила она, не послушался ея царевичъ и не отдалъ. Надѣвъ свои шкурки, полетѣли старшія сестры; младшая закричала имъ вслѣдъ: „сестры, разстаюсь теперь съ вами, должна остаться здѣсь; доставьте сюда хотя сундукъ, въ которомъ мои уборы.“ Скорѣе, чѣмъ лошадь успѣетъ сдѣлать три скачка, прилетѣли сестры назадъ, поставили на берегу озера коралловый сундукъ, величиною съ кулакъ, и скрылись опять въ голубомъ небѣ. „Отвернись, пока я одѣнусь“, сказала дѣвица. Отвернулся царевичъ. Одѣвшись въ платье изъ такой матеріи, которой и названія нѣтъ, отъ блеска которой глаза болятъ, стала дѣвица передъ цареви-

чемъ. Сѣлъ царевичъ на коня, сзади посадилъ дѣвицу, ударивъ коня, погналъ. ,,Куда везешь ты меня?" спросила дѣвица.—,,Видишь ли ты этотъ городъ?" сказалъ царевичъ. — ,,Вижу", отвѣчала дѣвица. — ,,Везу тебя, чтобы отдать царю этого города".— ,,Вмѣсто того, чтобы отдать ему меня, за чѣмъ самъ не возьмешь за себя?" сказала дѣвица. Разсказалъ ей царевичъ, что произошло между нимъ и царемъ. Такъ разговаривая, доѣхали они до города. Тутъ пустилъ царевичъ коня и, ведя дѣвицу, отправился къ царю.

Едва увидѣлъ царь дѣвицу, какъ глаза стали у него съ кулакъ, затряслась борода, застучали зубы, языкъ высунулся, какъ у вола; не откладывая дѣла ни на минуту, вознамѣрился онъ взять дѣвицу за себя. ,,Не пойду я за такого старика, какъ ты", сказала дѣвица, ,,стань двадцатилѣтнимъ молодцомъ, тогда пойду за тебя."—,,Какъ воротить мнѣ ушедшую жизнь?" проговорилъ царь. Отвѣчала дѣвица: ,,выкопай ты подлѣ города колодезь, глубиною въ пятьдесятъ локтей, наполни его молокомъ бурыхъ коровъ, выкупайся въ немъ, тогда станешь двадцатилѣтнимъ молодцомъ." Отвѣчалъ царь: ,,въ цѣломъ царствѣ моемъ не найдется столько бурыхъ коровъ, чтобы наполнить молокомъ ихъ такой колодезь." —,,Возьми", сказала дѣвица, вынувъ изъ кармана маленькій платокъ и подавая его царю, — ,,пошли человѣка съ этимъ платкомъ на вершину горы, которая передъ нами; прикажи ему, когда достигнетъ онъ вершины, махнуть платкомъ: вся окрестная страна наполнится бурыми коровами."—Всѣмъ жителямъ города приказалъ царь рыть колодезь; человѣка съ платкомъ послалъ на гору. Достигнувъ вершины, махнулъ тотъ человѣкъ платкомъ: изъ лѣсовъ, изъ горъ, съ тысячи разныхъ мѣстъ, набѣжали съ ревомъ бурыя коровы къ городу. Выдоила ихъ дѣвица, наполнился колодезь. Сказала дѣвица: ,,приведите сюда самыхъ старыхъ мужа и жену, какіе только найдутся."—Привели старика, которому, казалось, было лѣтъ сто, сгорбившагося, слѣпаго; привели такую же женщину. Толкнула ихъ дѣвица въ колодезь: старикъ сталъ двадцатилѣтнимъ молодцомъ, старуха пятнадцатилѣтней дѣвушкой. Какъ только увидѣлъ это царь, то, не глядя болѣе ни на что, бросился въ колодезь. Пошелъ онъ ко дну, какъ свинецъ, и теперь, говорятъ, еще тамъ. ,,Прощайте", сказалъ царевичъ городскимъ жителямъ, вскочилъ на коня, дѣвицу посадилъ позади себя, тронулъ бѣлаго коня и очутился въ нѣкоторомъ другомъ городѣ.

Пошелъ царевичъ на базаръ купить кое-что и нашелъ тамъ

своего старшаго брата, одѣтаго въ ветхое, въ лохмотьяхъ платье, истощеннаго: продавалъ онъ на базарѣ хлѣбъ, чтобы добывать себѣ пропитаніе. Обрадовались братья, обнялись, каждый разсказалъ, что съ нимъ случилось. Купилъ меньшой братъ старшему одежду, купилъ ему коня, далъ оружіе и взялъ съ собой. Доѣхали они, спустя нѣкоторое время, до другаго города, пошли на базаръ: нашли средняго брата, въ самомъ отчаянномъ положеніи; нашли его служителемъ у мясника, продавалъ онъ мясо. Купилъ для него меньшой братъ все необходимое. Поѣхали теперь всѣ три молодца, вмѣстѣ съ дѣвицей, поѣхали прямо, какъ стрѣла, въ царство своего отца.

Сильная зависть поселилась въ старшихъ братьяхъ къ меньшому. „Какъ теперь намъ быть на свѣтѣ", говорили они другъ другу, „какъ покажемся отцу, какъ покажемся жонамъ? Или должны мы умереть, прежде чѣмъ доѣдемъ до дому, или должны убить меньшого брата". Сказалъ средній братъ: „впереди колодезь, глубиною въ шестьдесятъ локтей, въ которомъ вода изсякла; подъѣзжая къ нему, скажемъ брату: давай-ко, пустимъ лошадей вскачь. На скаку, взявъ его въ середину, направимъ мы его прямо къ колодцу: и конь и самъ онъ провалятся туда". Согласились оба брата. Подъѣзжая къ колодцу, сказали старшіе братья меньшому: „давай-ко, пустимъ лошадей вскачь." Засмѣялся меньшой братъ и сказалъ: „мой конь въ одинъ мигъ три раза землю обѣгаетъ, могутъ-ли ваши лошади скакать съ нимъ?" — „Нѣтъ нужды, отвѣтили братья, хоть посмотримъ на скачку твоего коня". Пустились всѣ трое вскачь; взявъ меньшого въ средину, направили его старшіе братья прямо къ колодцу. Достигнувъ до колодца, сталъ бѣлый конь, какъ вбитый гвоздь, а царевичъ головой впередъ упалъ въ колодезь. Бросились оба брата ловить коня, но, лишь протянули руки, какъ исчезъ онъ изъ виду. Взявъ съ собой дѣвицу, пріѣхали братья въ отцовскій городъ. Заперли они дѣвицу въ башню, приставили стражу и пошли къ отцу. На одну ложь нанизали они десять, на десять сто, и сказали ему: „видѣннаго тобою во снѣ коня нѣтъ въ цѣломъ свѣтѣ; ни подъ небомъ, ни на землѣ не осталось мѣста, гдѣ бы мы не побывали, гдѣ бы не искали; не нашли человѣка, который бы видѣлъ этого коня, или зналъ о немъ, или слыхалъ о немъ."—„Не нужно мнѣ коня, куда дѣвался вашъ меньшой братъ?" сказалъ царь.—„Кричали мы ему не ѣзди, но, не послушавъ насъ, поѣхалъ онъ по недоброй, опасной дорогѣ; бо-

дѣе мы его не видали; не знаемъ, умеръ ли онъ, не знаемъ, живъ ли.“ Сильно опечалился царь, въ городѣ въ каждомъ домѣ плачъ поднялся, все царство въ черное одѣлось.

Теперь начали братья подсылать къ той дѣвицѣ одну вдову; каждый просилъ, чтобы дѣвица пошла за него. Отвѣчала она: „не пойду я за торговцевъ хлѣбомъ и мясомъ; сама знаю, кто возьметъ меня, а они пусть берегутся.“ — Глядѣла разъ дѣвица изъ окна башни, видитъ: кружится по степи бѣлый конь, устремивъ на нее глаза; махнула дѣвица рукой, очутился конь подъ окномъ. „Гдѣ твой хозяинъ?“ спросила дѣвица.—„Развѣ не знаешь ты, что онъ брошенъ въ колодезь?“ отвѣчалъ конь.—„Какъ бы вытащить его оттуда?“ сказала дѣвица. Отвѣчалъ конь: „брось ты мнѣ на шею веревку, длиною въ шестьдесятъ локтей и съ петлей на концѣ; если петля попадетъ мнѣ на шею, то я вытащу его.“ Не нашла дѣвица подлѣ себя веревки, отрѣзала плотно косы свои и выпряла изъ нихъ веревку длиною въ шестьдесятъ локтей; сдѣлала петлю на концѣ и бросила веревку: петля попала коню на шею. Взвился бѣлый конь и очутился у колодца; опустилъ во-внутрь веревку, царевичъ ухватился, дернулъ конь, очутился царевичъ на-верху. Сѣлъ царевичъ на коня, поѣхалъ въ городъ, увидѣли его братья ѣдущаго: одинъ побѣжалъ на востокъ, другой на западъ, и теперь, говорятъ, еще не остановились.

Обрадовался царь, все царство возликовало. Что тутъ долго толковать? Женился царевичъ на дѣвицѣ, ударили въ мѣдный барабанъ, задули въ кожаную зурну, засвистѣли дудки, голодный насытился, печальный обрадовался. Ни днемъ, ни ночью не отдыхая, спать не ложась, куска въ ротъ не кладя, поспѣлъ я сюда, чтобы разсказать, какъ что было.

Медвѣжье-Ухо.

Жилъ нѣкогда царь, у царя была безконечно-прекрасная дочь. Каждый божій день, со своими прислужницами и подругами, ходила она въ отцовскій садъ; тамъ кушали онѣ, какіе угодно, плоды, играли, рѣзвились вдоволь и къ вечеру возвращались домой. Однажды, когда онѣ такимъ образомъ забавлялись, бросился, неизвѣстно откуда, медвѣдь посреди дѣвушекъ, вскинулъ себѣ на шею царскую дочь и исчезъ, а дѣвушки съ крикомъ, подобно птенцамъ куропатки, разбѣжались во всѣ стороны.

Похитивъ царевну, медвѣдь забрался въ непреступную скалистую пещеру и остался тамъ. Забеременѣвъ отъ медвѣдя, родила церевна сына съ человѣческимъ лицомъ, но съ медвѣжьими ушами. Когда минулъ ему день, казался онъ, какъ бы минула ему недѣля; когда минула ему недѣля, казался онъ, какъ бы минулъ ему мѣсяцъ; когда минулъ ему мѣсяцъ, казался онъ, какъ бы минулъ ему годъ. Такъ росъ онъ и сталъ огромнымъ, необычайнымъ силачомъ.

Однажды, когда медвѣдь ушелъ, спросилъ сынъ у матери: „какъ попали мы въ эту скалистую пещеру, откуда сама ты пришла, какъ родился я?" — Разсказала ему мать все случившееся. Едва кончила она свой разсказъ, какъ съ трескомъ поднявшись въ пещеру, началъ подходить медвѣдь. Оторвалъ Медвѣжье-Ухо кусокъ отъ скалы и швырнулъ въ него, попалъ ему прямо въ голову; покатился медвѣдь въ ущелье, распоролъ себѣ животъ надвое и околѣлъ. Сказалъ тутъ Медвѣжье-Ухо матери: „ступай ты теперь къ своему отцу, я же не пойду, къ чему я съ своими медвѣжьими ушами годенъ ему? гдѣ-нибудь и для меня найдется мѣсто." Пошла царевна къ сторонѣ отцовскаго дома, потащился и Медвѣжье-Ухо, куда глаза глядятъ.

Шелъ онъ, шелъ, много шелъ, мало шелъ, ночью шелъ, днемъ шелъ, дошелъ до большого города. Началъ Медвѣжье-Ухо бродить по городу, крича: „кто возьметъ меня въ работники, кто возьметъ!" Услышалъ царь того города, что, такъ и такъ, пришелъ въ городъ человѣкъ съ медвѣжьими ушами. „Приведите его сюда", сказалъ царь: „можетъ-ли быть человѣкъ съ медвѣжьими ушами!" Привели Медвѣжье-Ухо. „Что ты за человѣкъ, какое знаешь ремесло, какую дѣлаешь работу," спросилъ царь.— „Я Медвѣжье-Ухо", отвѣчалъ тотъ, „и ремесло мое и работу и силу и манеру узнаетъ тотъ, кто возьметъ меня къ себѣ въ работники".—„Я возьму тебя въ работники и буду кормить тебя," сказалъ царь.—„Очень хорошо", сказалъ Медвѣжье-Ухо, „лучшаго мѣста мнѣ не найти, лучшаго работника тебѣ не найти." Сталъ Медвѣжье-Ухо работникомъ у царя.

Спустя нѣсколько времени, приказалъ царь сотнѣ людей ѣхать за дровами. „За чѣмъ посылаешь ты людей за дровами, имѣя такого работника, какъ я?" сказалъ Медвѣжье-Ухо царю. „Не мало дровъ нужно мнѣ, много нужно; что мнѣ въ дровахъ, которыя привезешь ты одинъ?" отвѣчалъ царь. — „Дай мнѣ съѣсть пищу, которая приготовлена на сто человѣкъ", сказалъ

Медвѣжье-Ухо, „отдай мнѣ ихъ веревки и прочее; если, послѣ того, не привезу я тебѣ дровъ, сколько нужно, то сабля твоя, шея моя". Съѣлъ Медвѣжье-Ухо все, что заготовлено было на сто человѣкъ, взялъ ихъ веревки, пошелъ, пришелъ въ лѣсъ; каждое дерево обмоталъ онъ особо веревками, потянулъ: съ корнемъ вырвалось сто деревъ. Волоча ихъ за собой, отправился Медвѣжье-Ухо, пришелъ въ городъ: у кого стѣну отбилъ, у кого домъ верхъ дномъ поставилъ. Закричалъ Медвѣжье-Ухо: „Царь, расширь ворота, пришелъ я изъ лѣса". Вышелъ царь изъ дома, посмотрѣлъ: свѣта не видать отъ стоячаго лѣса. Ужаснулся царь, задрожалъ: „это не Медвѣжье-Ухо, а медвѣжья бѣда", сказалъ онъ про себя.

Началъ подумывать царь, какъ бы сгубить Медвѣжье-Ухо, какъ бы отправить его туда, откуда не могъ бы онъ воротиться. Сказалъ онъ Медвѣжьему-Уху: „вотъ, за этой горой, живетъ Картъ*); давно уже должна она мнѣ мѣру гороха, но не отдаетъ; ступай и взыщи съ нея долгъ!" Пошелъ, пришелъ Медвѣжье-Ухо; засталъ онъ Картъ на гумнѣ молотящею. „За-чѣмъ ты, окаянная, не платишь долга нашему царю? Сейчасъ же отдай, — не то, я саму тебя притащу къ нему", закричалъ Медвѣжье-Ухо Карту.— „Подожди здѣсь немного", отвѣчала Картъ, „хорошаго чистаго гороху вынесу тебѣ изъ дома!" Съ этими словами вошла она въ домъ, а Медвѣжье-Ухо сѣлъ на краю гумна. „Ступай теперь сюда, въ этомъ сундукѣ горохъ, возьми самъ оттуда", сказала Картъ, показывая на сундукъ, величиною съ домъ. Поднявъ крышу, запустилъ Медвѣжье-Ухо руку въ сундукъ: пусто внутри. Между-тѣмъ, схвативъ его сзади за обѣ ноги, готовилась Картъ бросить его туда. Обернувшись, схватилъ онъ ее за шею и саму упряталъ въ сундукъ. „Пусти меня", начала молить Картъ, „все, что тебѣ угодно, сдѣлаю, все, что захочешь, отдамъ!"— „Не пущу, окаянная, за-чѣмъ было тебѣ затѣвать со мною ссору?" сказалъ Медвѣжье-Ухо. Закинувъ сундукъ за спину, отправился онъ и пришелъ къ царю. „Взыскалъ-ли ты долгъ?" спросилъ царь.—„Не согласилась она отдать долгъ," сказалъ Медвѣжье-Ухо, поставивъ сундукъ передъ царемъ, „но, вмѣсто долга, я ее саму притащилъ сюда; теперь дѣлай съ нею, что хочешь!" Ужаснулся царь, оторопѣлъ, туда, сюда метался, не зналъ, куда дѣваться, сталъ умолять Медвѣжье-Ухо: „ради Бога, не нужно

*) Сказочное существо, въ родѣ нашей Бабы-Яги.

мнѣ ни гороху, ни ея самой; отнеси ее туда, гдѣ она была.“ Отнесъ Медвѣжье-Ухо Картъ домой, толкнулъ ее ногой въ спину и сказалъ: „не попадайся мнѣ впередъ!“

Тутъ погрузился царь въ великую скорбь, не зналъ, за что взяться. „Когда-нибудь упадетъ на мою голову черный день изъ-за этого человѣка“, сказалъ онъ самъ себѣ. Немного спустя, снова сказалъ онъ Медвѣжьему-Уху: „по ту сторону лѣса, живетъ змѣй; давно слѣдуетъ мнѣ получить съ него вола; ступай и приходи, взыскавъ съ него долгъ!“ Пошелъ Медвѣжье-Ухо, пришелъ къ жилищу змѣя: „отдай, окаянный, долгъ нашему царю“, сказалъ Медвѣжье-Ухо, „долго-ли еще тебѣ насмѣхаться надъ людьми?“ Бросился на него змѣй, сыпля искры изъ глазъ; схватилъ его Медвѣжье-Ухо, какъ кота, за оба уха и повелъ къ царю. Еще болѣе испугался царь, въ лицѣ кровинки не осталось, въ тѣлѣ душа не осталась, взмолился онъ: „ради Бога, не нужно мнѣ вола, ничего не нужно мнѣ, только отведи его назадъ въ его жилище!“ —„Будьте вы прокляты! долго-ли мнѣ возиться съ Картами и змѣями!“ сказалъ Медвѣжье-Ухо и выпустилъ змѣя. Поползъ змѣй безъ оглядки къ своему жилищу; на пути проглотилъ онъ табунъ царскихъ кобылицъ, какъ мы глотаемъ галушку.

Чресла переломились у Царя*),—всѣ средства истощились. Спустя порядочно времени, подумавъ хорошенько, указалъ онъ на одну тощую-претощую кобылицу и сказалъ въ третій разъ Медвѣжьему-Уху: „отведи эту кобылицу на гору, очень тоща она; когда пополнѣетъ и сдѣлается, какъ куриное яйцо, тогда только вернись назадъ!“ Пошелъ Медвѣжье-Ухо на гору, ведя кобылу; за нимъ, собравъ съ цѣлаго государства пѣшее и конное войско, двинулся и царь. Окруживъ Медвѣжье-Ухо со всѣхъ сторонъ, начало царское войско съ нимъ битву; какъ туча, полетѣли стрѣлы. „Я бѣднякъ, пасу царскую кобылицу, оставьте меня, пока дѣло не дойдетъ до ссоры“, закричалъ Медвѣжье-Ухо, а самого, между-тѣмъ, язвятъ стрѣлы, какъ блохи. „Береги теперь свои уши, посмотримъ-ко, куда уйдешь ты?“ закричалъ царь, высунувшись изсреди войска. „А! такъ вотъ каковъ ты!“ сказалъ Медвѣжье-Ухо; ударилъ онъ кобылицу оземь и разбилъ на четыре части; швырнулъ Медвѣжье-Ухо одну ногу (кобылью),—легла тысяча человѣкъ, швырнулъ другую,—недостало двухъ тысячъ. Такъ, никого не оставивъ, истребилъ онъ все царское войско.

*) т. е. предался онъ отчаянію.

Пошелъ теперь Медвѣжье-Ухо, куда глаза глядятъ, много шелъ, мало шелъ, посмотрѣлъ впередъ,—идетъ на-встрѣчу какой-то человѣкъ, а на плечахъ у него вырванные съ корнемъ два чинара. ,,Кто ты, молодецъ, пріятель?" сказалъ Медвѣжье-Ухо.—,,Что я за молодецъ? молодецъ, какъ слышно, Медвѣжье-Ухо, который притащилъ къ царю Картъ," отвѣчалъ дровосѣкъ. ,,Вѣдь это я", сказалъ Медвѣжье-Ухо.—,,Если это ты, то я тебѣ товарищъ", сказалъ дровосѣкъ. Пошли оба друга вмѣстѣ; много шли, мало шли, посмотрѣли впередъ, — сидитъ какой то человѣкъ по-среди дороги и вертитъ на колѣнѣ мельницу. ,,Кто ты, молодецъ, пріятель?" сказали они.—,,Что я за молодецъ? молодецъ, какъ слышно, Медвѣжье-Ухо, который притащилъ къ царю змѣя, какъ кота", отвѣчалъ мельникъ. ,,Вѣдь это я", сказалъ Медвѣжье-Ухо. —,,Если это ты, то я тебѣ товарищъ", сказалъ мельникъ. Пошли теперь три друга вмѣстѣ, ходили туда, ходили сюда; наконецъ, увидѣвъ удобное мѣсто, гдѣ бы остановиться, остановились всѣ трое, и начали добывать себѣ пропитаніе, ходя на охоту.

Въ одинъ день, оставивъ при хозяйствѣ дровосѣка, пошли Медвѣжье-Ухо и мельникъ на охоту. Положивъ въ котелъ мясо, началъ было стряпать дровосѣкъ; прислушался—шорохъ, посмотрѣлъ — верхомъ на хромомъ зайцѣ, ковыляя, подъѣзжаетъ какой-то человѣкъ, самъ ростомъ съ пядь, а борода втрое длиннѣе. ,,Дай-ко мнѣ мяса", сказалъ онъ. Далъ ему дровосѣкъ. ,,Дай-ко еще," сказалъ онъ. — ,,Пусть лопнетъ у тебя животъ, а болѣе не съѣшь; убирайся своей дорогой", закричалъ дровосѣкъ. Разомъ соскочилъ Заячій-Всадникъ на землю, выдернулъ изъ бороды волосъ, связалъ имъ дровосѣка, съѣлъ все мясо безъ остатка и, потомъ, какъ пріѣхалъ, такъ и уѣхалъ, ковыляя. Когда вернулись товарищи съ охоты, то развязали они дровосѣка, который разсказалъ имъ все случившееся. На другой день, отправился Медвѣжье-Ухо на охоту, взявъ съ собой дровосѣка, а мельника оставивъ при хозяйствѣ. По-прежнему пріѣхалъ и по-прежнему распорядился Заячій-Всадникъ. На третій день, отправивъ товарищей на охоту, самъ Медвѣжье-Ухо остался при хозяйствѣ. Вынималъ онъ изъ котла мясо, какъ, ковыляя, пріѣхалъ Заячій-Всадникъ. ,,Дай-ко мяса", сказалъ онъ.—,,Не дамъ, съѣшь голову своего отца", отвѣчалъ Медвѣжье-Ухо. Мигомъ соскочилъ бородачъ на землю, выдернулъ изъ бороды волосъ и бросился на Медвѣжье-Ухо, но послѣдній самъ схватилъ его, разщепилъ чинаръ, всунулъ въ разщепъ его бороду и потомъ пустилъ его. Когда

вернулись товарищи съ охоты, пошелъ Медвѣжье-Ухо вмѣстѣ съ ними посмотрѣть, видятъ, — чинаръ вырванъ съ корнями и утащенъ , а Заячій-Всадникъ какъ бы сквозь землю провалился. Пошли они по слѣду дерева, день цѣлый шли, ночь шли, на другой день къ полудню пришли въ какой-то лѣсъ, посреди лѣса бездонная яма, а подлѣ ямы брошенъ чинаръ. Обвязавъ Медвѣжье-Ухо длинной веревкой вокругъ тѣла, дровосѣкъ и мельникъ опустили его въ яму.

Сначала, чуть не замерзъ онъ; потомъ чуть не изжарился онъ; кончилась веревка и нога его ступила на землю; смотритъ,—чертогъ изъ чистаго серебра и золота, сидитъ и шьетъ дѣвица съ луноподобнымъ лицомъ, сама собою свѣтитъ, а Заячій-Всадникъ спитъ, положивъ бороду на ея колѣна. ,,Кто ты такой? откуда сюда явился? отправляйся безъ оглядки назадъ,—не то, мой мужъ, проснувшись, не оставитъ тебя въ живыхъ'', сказала дѣвица.— ,,Жизнь и смерть въ рукахъ Божіихъ'', выговорилъ Медвѣжье-Ухо, схвативъ Заячьяго-Всадника плотно за бороду; завизжавъ, какъ кошка, обвился вокругъ него бородачъ. Взмахнулъ имъ Медвѣжье-Ухо,—борода осталась у него въ рукахъ, а Заячій-Всадникъ ударился о стѣну и сплющился, какъ блинъ. Тутъ спросилъ Медвѣжье-Ухо дѣвицу: ,,откуда ты, красавица, кто твой отецъ, кто мать?''—,,Что толку въ долгомъ разсказѣ?'' отвѣчала дѣвица, ,,я царская дочь, похитилъ меня этотъ человѣкъ изъ дома родительскаго и держалъ у себя какъ жену!''—,,Теперь онъ умеръ'', сказалъ Медвѣжье-Ухо, ,,выведу я тебя на-верхъ и доставлю въ родительскій домъ, но, если позволишь, прошу тебя, выйди за меня за-мужъ; крѣпко полюбилась ты мнѣ!''—,,Почему не выйти за тебя, выйду, если хочешь; не хочу никого, кромѣ тебя, ты избавилъ меня отъ его власти'', сказала дѣвица. Тутъ, все, что нашлось внизу, серебро, золото и другія драгоцѣнности, все что было, привязалъ Медвѣжье-Ухо къ веревкѣ; потянули товарищи; привязывалъ онъ, тянули они. Когда все вытянули, остались внизу Медвѣжье-Ухо и дѣвица.—,,Подымайся теперь ты'', сказалъ Медвѣжье-Ухо дѣвицѣ.—,,Нѣтъ, подымайся ты прежде; если я подымусь прежде, то боюсь, чтобы товарищи твои не оставили тебя здѣсь'', сказала дѣвица.—,,Не оставятъ меня, не такіе они люди, подымайся!'' сказалъ Медвѣжье-Ухо. Не соглашалась дѣвица, но Медвѣжье-Ухо настоялъ на своемъ. Подымаясь вверхъ, сказала ему дѣвица: ,,какъ знать, если товарищи оставятъ тебя здѣсь, то научу тебя вотъ чему: когда пройдетъ ночь и покажется разсвѣтъ,

то два барана прибѣгутъ сюда, одинъ черный, другой бѣлый; будутъ они драться между собой; поспѣши вскочить на бѣлаго, онъ вынесетъ тебя на верхній свѣтъ; если вскочешь на чернаго, то полетишь въ нижній свѣтъ!" Сказавъ это, поднялась дѣвица на-верхъ. „Не осталось-ли еще чего?" закричали дровосѣкъ и мельникъ.—„Ничего не осталось, подымайте теперь меня", закричалъ Медвѣжье-Ухо. Не отвѣтили они ни слова, и веревка упала внизъ. Узналъ тутъ Медвѣжье-Ухо вѣроломство своихъ товарищей, остался теперь одинъ-одинехонекъ, задыхаясь отъ гнѣва.

Вотъ и ночь прошла, показался разсвѣтъ, явились два барана, одинъ черный, другой бѣлый, и стали драться межъ собою. Хотѣлъ Медвѣжье-Ухо вспрыгнуть на бѣлаго, но второпяхъ попалъ на чернаго; полетѣлъ онъ въ нижній свѣтъ и ударился о крышу дома. Посмотрѣлъ,—передъ нимъ большой городъ. Разомъ, соскочивъ съ крыши, вошелъ онъ въ домъ,—сидитъ старуха и сучитъ нитки. „Дай-ко, матушка, воды, смерть пить хочется", сказалъ Медвѣжье-Ухо.—„Ужъ не пожаловалъ-ли ты съ верхняго свѣта, чтобы насмѣхаться надъ людьми; откуда возьму я для тебя воды?" отвѣчала старуха. — „Развѣ нѣтъ у васъ вовсе воды?" спросилъ онъ.—„Какъ не быть, есть", отвѣтила она, „да что пользы въ томъ, когда у источника сидитъ девятиглавый змѣй; каждый годъ даетъ ему городъ по дѣвицѣ, и въ этотъ день позволяетъ онъ брать воду; потомъ, пока опять цѣлый годъ не пройдетъ, пресѣкаетъ онъ намъ воду."—„Дай-ко сюда два кувшина, посмотрю, какъ-то онъ не позволитъ взять воды", сказалъ Медвѣжье-Ухо.—„Берегись, берегись, сынъ мой, не ходи туда", простонала старуха, „пойдешь туда, такъ оттуда не вернешься, убьетъ тебя змѣй, не хуже тебя молодцевъ убилъ онъ."—„Убьетъ, такъ убьетъ; не убьетъ, такъ оставитъ, пожалѣвъ; давай сюда кувшины," сказалъ онъ. Съ плачемъ подала ему старуха кувшины. Пошелъ Медвѣжье-Ухо, пришелъ къ источнику, наполнилъ оба кувшина, пошелъ назадъ; ничего не сказалъ ему змѣй. Опорожнивъ дома кувшины, вторично пошелъ Медвѣжье-Ухо; наполнилъ кувшины, пошелъ назадъ, — и въ этотъ разъ ничего не сказалъ змѣй. Весь городъ заговорилъ о смѣлости Медвѣжьяго-Уха, дошло это до царя. Позвалъ царь нижняго свѣта Медвѣжье-Ухо къ себѣ и сказалъ:„ если ты убьешь змѣя, который пресѣкъ намъ воду, то дамъ тебѣ все, что захочешь, исполню, что бы ни пожелалъ; видно, что ты можешь убить змѣя, иначе такъ смѣло не ходилъ бы ты къ нему."—„ Или ко мнѣ, или къ нему те-

перь потянетъ счастіе; не забудь же и ты, что обѣщалъ,“ отвѣчалъ Медвѣжье-Ухо.

Сдѣлалъ онъ два войлочныя уха, надѣлъ ихъ себѣ на уши, взялъ кувшинъ и пошелъ къ источнику. „Эй, молодецъ,“ закричалъ змѣй, „когда ты пришелъ въ первый разъ, я пощадилъ тебя, какъ гостя; когда пришелъ во второй, пощадилъ тебя, какъ друга; не совѣстно ли тебѣ приходить и въ третій разъ, — или, быть можетъ, не дорожишь ты жизнію?“—„Да разсыпится твое счастіе, окаянный,“ отвѣчалъ Медвѣжье-Ухо, „какъ тебѣ не совѣстно пресѣкать людямъ божью воду, какъ тебѣ не совѣстно глотать заживо дѣвушекъ, отнявъ ихъ у родителей; самъ ты берегись теперь, пришелъ тебѣ конецъ!“ Поднявшись, хваталъ змѣй его лапой и оторвалъ оба войлочныя уха; взмахнулъ Медвѣжье-Ухо алмасъ-саблею, которую взялъ у Заячьяго-Всадника,—отлетѣли всѣ девять головъ змѣя. Отъ девяти головъ отрѣзалъ Медвѣжье-Ухо восемнадцать ушей, пришелъ къ царю и подалъ ихъ ему. Великая радость распространилась по городу; чуть не ошалѣлъ весь нижній свѣтъ; одни смѣялись, другіе плакали; говорятъ даже, что многіе передрались между собою отъ избытка радости. И люди, и лошади, и ослы, и телята, и всякая тварь, все побѣжало къ источнику; много людей погибло въ этотъ день, или отъ давки, или перепадавъ въ воду; у другихъ, — животъ лопнулъ оттого, что перепились воды.

Сказалъ тутъ царь нижняго свѣта Медвѣжьему-Уху: „выразить не могу того благодѣянія, которое сдѣлалъ ты для меня и для моего царства, такъ велико оно! Нынѣшній годъ на моей дочери лежала очередь быть отданною змѣю на съѣденіе; если хочешь, то возьми ее за себя и сядь на мой престолъ; если бы я могъ сдѣлать для тебя болѣе, то сдѣлалъ бы.“ Отвѣчалъ Медвѣжье-Ухо: „я житель верхняго свѣта и, если только ты можешь поднять меня туда, то ничего болѣе не хочу, ничего болѣе не желаю. Не то, чтобы не нравилась мнѣ твоя земля или твоя дочь, нѣтъ, — да продлится жизнь твоя, — но, какъ бы то ни было, сильно хочется на родную сторону.“ Отвѣчалъ царь: „не могу я поднять тебя на верхній свѣтъ и никакая тварь не подниметъ тебя туда, кромѣ орлицы, которая живетъ въ чинаровомъ лѣсу; пошлю я къ ней человѣка; какъ знать, быть-можетъ, и согласится она поднять тебя.“ Послали человѣка, орлица не согласилась. Пошелъ тутъ самъ Медвѣжье-Ухо бить челомъ орлицѣ, пришелъ въ чинаровый лѣсъ, нашелъ гнѣздо орлицы, а самой орлицы не нашелъ.

Видитъ, что къ птенцамъ орлицы ползетъ черный, какъ уголь, трехглавый змѣй; искрошилъ его Медвѣжье-Ухо, какъ колбасу, и сѣлъ подъ дерево, дожидаясь орлицы. Летитъ, спустя нѣкоторое время, орлица, словно туча движется, колышатся лѣса и горы; прилетѣла и сѣла на гнѣздо; зачирикали ей птенцы.—,,Эй, сынъ человѣка,“ закричала орлица Медвѣжьему-Уху, ,,ты убилъ врага моего и моихъ дѣтей, прикажи мнѣ службу, какая бы ни была она, сослужу тебѣ.“ — ,,Службу вотъ тебѣ какую приказываю, подними меня на верхній свѣтъ,“ отвѣчалъ Медвѣжье-Ухо. ,,Заколи ты пятьдесятъ буйволовъ и заготовь мясо ихъ,“ сказала орлица, ,,а въ шкурахъ всѣхъ пятидесяти заготовь воду; куда только пожелаешь, подниму тебя.“ Взявъ изъ царскаго стада пятьдесятъ буйволовъ, закололь ихъ Медвѣжье-Ухо, шкуры наполнилъ водою, на одно крыло орлицы положилъ мясо, на другое воду, самъ сѣлъ въ середину. ,,Ну-ко, пошевеливайся теперь, голубушка,“ сказалъ Медвѣжье-Ухо. Замахала орлица крыльями. Когда сказывала она: ,,мяса,“ давалъ ей Медвѣжье-Ухо мяса; когда сказывала: ,,воды,“ давалъ ей воды. Осталось уже только чуть-чуть до верха, какъ кончилось мясо. ,,Мяса,“ закричала орлица. Отрѣзалъ Медвѣжье-Ухо отъ своей лядвеи кусокъ и далъ ей. Прибыли на верхній свѣтъ, сошелъ Медвѣжье-Ухо съ орлицы и пошелъ, прихрамывая. ,,Эй, молодецъ! отчего ты хромаешь?“ спросила орлица. ,,Такъ себѣ, болитъ нога,“ отвѣчалъ Медвѣжье-Ухо. — ,,Нѣтъ, говори правду,“ сказала орлица.—,,Когда окончилось мясо, то отрѣзалъ я отъ лядвеи кусокъ и далъ тебѣ, оттого и хромаю,“ сказалъ Медвѣжье-Ухо. Выплюнула орлица кусокъ, послюнила и приложила къ ранѣ: какъ была, такъ и сдѣлалась лядвея.

Пошелъ тутъ Медвѣжье-Ухо, пришелъ къ своему жилищу, прислушался: такой шумъ внутри, что хоть оглохнуть; посмотрѣлъ: какъ пѣтухи дерутся между собою дровосѣкъ и мельникъ. Каждый кричитъ: ,,мнѣ дѣвицу, мнѣ дѣвицу,“ а она плачетъ и кричитъ: ,,ни за кого не пойду, кромѣ какъ за Медвѣжье-Ухо.“ — ,,Каждому свое,“ сказалъ Медвѣжье-Ухо, ударилъ одного,—полетѣлъ онъ лицомъ внизъ; ударилъ другаго,—полетѣлъ онъ брюхомъ вверхъ. Пошелъ оттуда Медвѣжье-Ухо съ дѣвицей во владѣніе ея отца; тамъ сдѣлали пиръ на весь міръ; женился Медвѣжье-Ухо на дѣвицѣ, сѣлъ о бокъ царя и теперь еще, говорятъ, блаженствуетъ. Тутъ и сказкѣ моей конецъ.

Картъ и Чилбикъ.

Жила была старуха, у старухи было три сына. Оба старшіе брата были умны и, казалось, выйдутъ изъ нихъ люди; у меньшого, Чилбика, были и парши на головѣ и вши въ тулупѣ; били и колотили его встрѣчный и поперечный. Пошли однажды три брата въ лѣсъ рѣзать прутья. Кончивъ свое дѣло и возвращаясь домой, сбились они съ дороги. Кружились они, кружились по лѣсу; закатилось солнце, наступили сумерки, ни какъ не могли они отыскать дорогу. Сказали братья Чилбику: ,,взлѣзь на дерево и посмотри, не видно-ли гдѣ дыму?" Взлѣзъ Чилбикъ на самое высокое дерево и посмотрѣлъ на всѣ четыре стороны: изъ самой середины лѣса черными клубами идетъ дымъ. Пошли три брата въ ту сторону, откуда поднимался дымъ; много шли, мало шли, дошли до жилища, вошли во-внутрь: большой огонь горитъ, а передъ огнемъ, растопыривъ ноги, сидитъ Картъ съ тремя дочерьми. Сдѣлавъ привѣтствіе, сказала имъ Картъ: ,,вѣрно вамъ и ѣсть и пить хочется," и поставила передъ ними пищу. Отъ страху, въ ротъ ничего не могли взять старшіе братья, а Чилбикъ не постыдилъ себя, съѣлъ и за братьевъ. Наѣвшись, напившись, наговорившись, постлала Картъ постель и уложила на нее своихъ дочерей; на другой постели уложила трехъ братьевъ, а сама легла передъ каминомъ. Когда прошло уже довольно ночи, наточила она алмасъ *), чтобы зарѣзать трехъ молодцовъ, и закричала: ,,кто спитъ, кто не спитъ?" — ,,Я сплю и не сплю," отозвался Чилбикъ.—,,Отчего-же ты не спишь, Чилбикъ, что тебѣ нужно?" спросила Картъ. — ,,Въ эту пору," сказалъ Чилбикъ, ,,пирожки пекла мнѣ мать, вспомнилъ я о нихъ и не могу заснуть." Разведя огонь съизнова и наставивъ котелъ, испекла Картъ пирожки и накормила Чилбика. Прошло еще довольно времени; снова наточивъ алмасъ, закричала Картъ: ,,кто спитъ, кто не спитъ?"— ,,Я сплю и не сплю," отозвался Чилбикъ. — ,,Отчего-же ты не спишь, Чилбикъ, чего тебѣ еще нужно?" спросила Картъ.—,,Въ эту пору кормила меня мать сластями, хочется мнѣ ихъ покушать и потому не могу заснуть," отвѣчалъ Чилбикъ. Встала Картъ, накормила его сластями; снова улеглись. Прошло еще довольно времени; казалось, что онъ уже заснулъ; закричала Картъ въ третій разъ: ,,кто спитъ, кто не спитъ?"—,,Я сплю и не сплю,"

*) Такъ называется въ сказкахъ и пѣсняхъ весьма-острый мечъ или ножъ.

отвѣчалъ Чилбикъ. „Слушай ты, Чилбикъ, днемъ можно не спать, а ты и ночью не спишь, что-ли? Сама я тороплюсь идти завтра на пашню, засни-же, наконецъ,“ проворчала на него Картъ. „Какъ мнѣ заснуть? въ эту пору давала мнѣ мать пить воду, которую приносила въ рѣшетѣ изъ рѣки; пока не выпью ея, мнѣ глазъ не закрыть,“ сказалъ Чилбикъ. Пошла Картъ съ рѣшетомъ къ рѣкѣ. Какъ только вышла она изъ дома, Чилбикъ переложилъ трехъ дочерей ея на постель, на которой лежалъ съ братьями, а на постель дочерей легъ самъ и уложилъ братьевъ. Между-тѣмъ, пришла Картъ къ рѣкѣ; зачерпнула рѣшетомъ въ рѣкѣ и подняла,—пролилась вода; снова зачерпнула и подняла,—снова пролилась вода. Швырнувъ рѣшето въ рѣку, въ сердцахъ вернулась Картъ домой; войдя по-тихоньку въ комнату, закричала она: „кто спитъ, кто не спитъ?“ Припавъ къ постели, даже не шевельнулся Чилбикъ. Думая зарѣзать молодцовъ, зарѣзала Картъ своихъ дочерей,—только прохрипѣли онѣ всѣ три.

Съ разсвѣтомъ, приготовилась Картъ идти на пашню. „Красная-Грудь (такъ называлась старшая дочь Карта), Красная-Грудь,“ сказала Картъ, „я иду на пашню, а ты, дочка, свари головы и ноги этихъ дѣтей, къ полудню приходи за мной, и сами вы не сидите голодными.“ —„Приду, матушка,“ отвѣчалъ Чилбикъ, подражая голосу Красной-Груди. Ушла Картъ на пашню.

Около полудня, отправивъ братьевъ домой и сваривъ ноги и головы дочерей, Чилбикъ одѣлся въ платье Красной-Груди и пошелъ къ Карту, которая въ то время занималась жнивомъ. Завидѣвъ его и думая, что видитъ дочь, закричала Картъ: „отъ солнца загоришь ты, отъ вѣтра потресваешься; вернись скорѣе домой, дочь моя.“ Положилъ Чилбикъ на краю пашни корзину, въ которой были ноги и головы дочерей, а самъ вернулся и издали сталъ подсматривать, что-то будетъ съ Картомъ. На-чисто кончивъ жатву, пришла и сѣла Картъ, весело сбираясь насытиться мясомъ мальчиковъ. „То, что ты сдѣлалъ, Чилбикъ, съ пирожками и съ сластями, теперь сдѣлаю съ тобой,“ сказала Картъ, запуская руку въ корзину; вынула, смотритъ,—голова Красной-Груди! Завыла Картъ, заревѣла, стала царапаться, рваться, прыгнула вверхъ, ударилась о землю, и скрежеща зубами, бросилась по слѣдамъ Чилбика; гонится она, бѣжитъ онъ, гонится она, бѣжитъ онъ, перебѣжалъ онъ по мосту изъ золы, а Картъ повернула домой, рвя на себѣ волосы.

Пошелъ, пришелъ Чилбикъ домой. Весь народъ узналъ и

царь услышалъ о томъ, какъ Чилбикъ поступилъ съ Картомъ. Позвалъ царь Чилбика и сказалъ ему: „слышно, что у Карта есть одѣяло, которымъ могутъ укрыться сто человѣкъ; ступай и украдь его, за то я награжу тебя своею милостію.“—„Пусть мнѣ также легко ѣсть галушки, какъ сдѣлать это,“ отвѣчалъ Чилбикъ. Взявъ длинную пику, пошелъ онъ, чтобы украсть одѣяло у Карта. До сумерокъ скрывался онъ въ лѣсу; вечеромъ, когда Картъ легла спать, взобрался онъ на крышу, пробилъ въ ней дыру и началъ колоть Картъ сквозь одѣяло. „И одѣяло-то мнѣ поперечитъ съ тѣхъ поръ, какъ умерли дочери; откуда въ немъ столько блохъ?“ заговорила Картъ. Снова кольнулъ онъ ее, разсердилась Картъ. „Чтобъ хозяинъ твой померъ *), сейчасъ выброшу на дворъ,“ закричала она. Кольнулъ ее сряду нѣсколько разъ Чилбикъ,—швырнула Картъ на дворъ одѣяло, съ тысячью проклятій. Когда прошелъ гнѣвъ, вышла она на дворъ взять назадъ одѣяло,—нѣтъ одѣяла; посмотрѣла впередъ,—видитъ, что, взбросивъ его на спину, улепетываетъ Чилбикъ; гонится она, бѣжитъ онъ, гонится она, бѣжитъ онъ, перебѣжалъ онъ по мосту изъ золы, а Картъ съ воемъ воротилась домой.

Пошелъ, пришелъ Чилбикъ и бросилъ передъ царемъ одѣяло. Сказалъ ему царь: „если ты могъ украсть это, то и все можешь сдѣлать; слышно, что у Карта есть котелъ, въ которомъ можно приготовить пищу на сто человѣкъ; ему мѣсто быть подлѣ одѣяла, ступай и украдь его.“ Наполнилъ Чилбикъ мѣшокъ голышами изъ рѣки и пошелъ за тѣмъ, чтобы украсть котелъ у Карта. До вечера скрывался онъ; вечеромъ-же, когда Картъ начала стряпать, взобрался Чилбикъ на крышу и посмотрѣлъ внизъ черезъ трубу: стоитъ котелъ надъ огнемъ и кипитъ, а Картъ сидитъ передъ нимъ, растопыривъ ноги, и плачетъ, вспоминая о своихъ дочеряхъ. Бросилъ Чилбикъ внизъ камень,—обварили брызги ноги Карта, разсердилась она; бросилъ онъ опять,—обварился животъ у Карта. „Выброшу тебя сейчасъ на дворъ,“ закричала Картъ, „и котелъ-то мнѣ поперечитъ съ тѣхъ поръ, какъ умерли дочери.“ Все, что было въ мѣшкѣ, выпорожнилъ Чилбикъ; совсѣмъ одурѣла Картъ отъ ярости; съ шумомъ вылетѣлъ котелъ на дворъ. Немного успокоившись, вышла она на дворъ, чтобы взять назадъ котелъ,—нѣтъ котла; посмотрѣла впередъ,—видитъ, что, взбросивъ

*) Весьма обыкновенное у горцевъ проклятіе, обращаемое къ животнымъ или къ неодушевленнымъ предметамъ.

котелъ на спину, улепетываетъ Чилбикъ. Гонится она, бѣжитъ онъ, гонится она, бѣжитъ онъ, перебѣжалъ онъ по мосту изъ золы, а Картъ воротилась домой, саму себя царапая.

Пошелъ Чилбикъ, пришелъ: „вотъ онъ“ сказавъ, бросилъ котелъ передъ царемъ. Сказалъ ему царь: „слышно, что у той-же Карта есть коза съ золотыми рогами; даетъ она сахъ *) молока утромъ и сахъ вечеромъ; ступай и украдь эту козу, тогда я тебя премного возвеличу.“ Наскучило это уже Чилбику, но и въ этотъ разъ пошелъ онъ изъ уваженія къ царю.

Пошелъ Чилбикъ, дошелъ; вечеромъ, пробивъ кровлю хлѣва, началъ онъ колоть козу, заблеяла коза. „Чему ты обрадовалась? чтобы тебя зарѣзали, — съ тѣхъ поръ, какъ умерли мои дочери, ты болѣе прежняго начала блеять,“ проворчала Картъ на козу. Кольнулъ онъ ее снова,—заблеяла, запрыгала коза. „Чтобъ тебя волкъ съѣлъ, выброшу за рога на дворъ, спать не дашь ты мнѣ, что-ли?“ закричала Картъ. Кольнулъ Чилбикъ сряду нѣсколько разъ,—съ блеяньемъ коза вылетѣла на дворъ. Поуспокоившись, вышла Картъ на дворъ, чтобы загнать назадъ козу, думая, не Чилбикъ-ли уже пришелъ снова. Нѣтъ козы, посмотрѣла впередъ,—взбросивъ козу на шею, только пыль поднимаетъ Чилбикъ. Гонится она, бѣжитъ онъ, гонится она, бѣжитъ онъ, перебѣжалъ онъ по мосту изъ золы, а Картъ воротилась домой, колотя себя въ грудь.

Пошелъ Чилбикъ, пришелъ, за рога притащилъ козу къ царю. Сказалъ царь Чилбику: „то и дѣло слышу я, что Картъ, да Картъ; хотѣлось-бы мнѣ посмотрѣть, какова она изъ себя; нѣтъ причины теперь тебѣ не привести ея ко мнѣ; если ты воротишься, совершивъ и этотъ подвигъ, то отдамъ за тебя дочь свою, дамъ власть надъ цѣлымъ царствомъ и посажу рядомъ съ собою.“ Началъ было отказываться Чилбикъ; бросились тутъ на него царскіе приближенные: кто толкнулъ, кто ударилъ его,—стыдили его, говоря, что ради царя и царской дочери и сто разъ долженъ умереть молодецъ. Ободрившись и почесывая голову, пошелъ Чилбикъ: привѣсилъ онъ себѣ бороду изъ шерсти, такіе-же усы, раскрасился, совсѣмъ перемѣнилъ наружность, завернулся въ ветхій, дырявый коверъ и, въ видѣ стараго, горбатаго нищаго, пришелъ къ дверямъ Карта. Плачетъ Картъ, поминаетъ умершихъ дочерей. „Дай немного хлѣба, Богъ воздастъ тебѣ,“ сказалъ Чилбикъ, стоя у дверей. Подошла Картъ къ дверямъ, внимательно

*) Мѣра, нѣсколько болѣе двухъ гарнцевъ.

оглядѣла его и, какъ-бы подозрѣвая, сказала ему: „ужъ не Чилбикъ-ли ты,—мнѣ что-то кажется, что не къ добру пришелъ ты.“ Заплакалъ Чилбикъ: „да придетъ черный день, какъ для Чилбика, такъ и для всего его потомства,“ сказалъ онъ, „через кого, какъ не через него, дошелъ я до такого положенія? Онъ убилъ у меня отца и мать, лишилъ меня всего имущества и пустилъ съ сумой по міру.“ Вспомнила Картъ и свое горе, заплакала, заохала; вдвоемъ пригорюнились они.

Давъ милостыню, сказала Картъ: „нуженъ мнѣ сундукъ для муки, не смастеришь-ли ты его?“—„Какъ не смастерить, смастерю; лучше меня мастера не найдешь“, сказалъ Чилбикъ. Тутъ-же,—тяпъ-ляпъ,—сдѣлалъ онъ сундукъ. Вошла Картъ во-внутрь, кашлянула,—разлетѣлся сундукъ во всѣ стороны. „Хорошій, крѣпкій сундукъ сдѣлай мнѣ,—что мнѣ въ такомъ сундукѣ?“ сказала она. Сдѣлалъ онъ другой сундукъ изъ нетесанныхъ дубовыхъ бревенъ; войдя во-внутрь, кашлянула Картъ,—не разбился сундукъ, даже съ мѣста не тронулся. „Не закрыть-ли крышу, чтобы посмотрѣть, хорошо-ли приходится?“ спросилъ Чилбикъ. —„Запирай“, сказала Картъ. — „Не запереть-ли на замокъ?“ сказалъ Чилбикъ.—„Запирай“, сказала Картъ. Заперевъ сундукъ, сказалъ Чилбикъ: „Картъ! вѣдь это я, Чилбикъ.“ Заревѣла Картъ, закашляла,—чего, чего ни дѣлала, — куда тебѣ: не разбивается сундукъ! „Много не бейся, красавица“, сказалъ Чилбикъ, „чего добраго, подурнѣешь, и царь будетъ тобою недоволенъ, а то онъ вѣдь просто умираетъ отъ любви къ тебѣ.“ Такъ подшучивая надъ нею, пошелъ Чилбикъ, взявъ на себя сундукъ. Дойдя до моста изъ золы, сказалъ Чилбикъ: „Картъ! вѣдь мы переходимъ черезъ мостъ.“ Душа въ пятки ушла у Карта, чуть не умерла со страха.

Пошелъ Чилбикъ, пришелъ, поставилъ сундукъ передъ царемъ, наполнилъ два мѣшка землей и взобрался на высокое дерево. Царь приказалъ, стража раскрыла сундукъ и выпустила Картъ. Проглотила Картъ прежде всѣхъ царя, проглотила окружавшихъ его, проглотила стражу, проглотила все, что только говорило, что двигалось, что лаяло, не оставила ни одного живаго существа. И этого не довольно было ей, потому-что Чилбикъ не попался въ руки. Смотря по сторонамъ, увидѣла она Чилбика. Полѣзла Картъ на дерево, протянула руку, чтобы стащить его; бросилъ ей Чилбикъ въ лицо оба мѣшка. Какъ бревно покатилась она, лопнуло у нея брюхо на двое, околѣла она. Когда брюхо

лопнуло, раздался трескъ, какъ бы выпалили изъ чугунной пушки. И вотъ, вышли оттуда пѣтухи съ пѣніемъ, собаки съ лаемъ, люди, разговаривая; все, что Картъ проглотила, вышло наружу: не вышла одна лишь царская дочь. Взрѣзалъ Чилбикъ мизинецъ Карта,—выскочила изъ него царевна. Тутъ же женился Чилбикъ на царевнѣ. Въ мѣдный барабанъ забили, въ кожаную зурну задули, дудки засвистѣли. Оставилъ я ихъ, какъ пыль поднимали столбомъ, а самъ сюда пришелъ.

Черный Нартъ.

У отца было три сына и три дочери. Заболѣвъ, лежа на смертномъ одрѣ, сдѣлалъ онъ завѣщаніе и сказалъ тремъ сыновьямъ: «когда умру, то пусть каждый изъ васъ по три ночи стережетъ мою могилу; послѣ того, кто бы ни пришелъ просить за себя моихъ дочерей, хотя-бы пернатое существо, хотя-бы четвероногое животное,—кто-бы ни пришелъ,—не отказывайте и отпустите ихъ съ нимъ.» Сдѣлавъ такое завѣщаніе, умеръ въ скоромъ времени отецъ. Стеречь его могилу пошелъ сначала старшій сынъ. Побоялся онъ идти на могилу, три ночи провелъ, спрятавшись въ чьемъ-то сараѣ, и вернулся назадъ. «Что случилось, что видѣлъ, что слышалъ?» спросили его братья. «Ничего не случилось особаго; что тамъ можно было видѣть или слышать?» отвѣчалъ онъ. Пошелъ потомъ средній братъ, также спрятался и потомъ вернулся назадъ. Пошелъ наконецъ меньшой братъ,—пришелъ и сѣлъ на отцовской могилѣ. Ровно въ полночь, явился сѣрый, весь въ яблокахъ конь, явился со ржаніемъ и сталъ лизать могильный памятникъ. Схвативъ за гриву, вспрыгнулъ молодецъ на него. «Эй, молодецъ!» сказалъ конь, «на седьмое-ли небо взбросить тебя, или подъ седьмую землю хватить?»—«Дѣлай, какъ хочешь,» отвѣчалъ онъ. Трижды вверхъ взлетѣлъ конь, трижды внизъ хватилъ, — не свалился съ него молодецъ, даже не пошевельнулся, какъ вбитый гвоздь. «Побѣдилъ ты меня,» сказалъ конь, «вырви изъ гривы волосъ и отпусти меня теперь; когда тебѣ понадоблюсь я, то зажги ты этотъ волосъ, — не успѣетъ онъ сгорѣть, какъ я стану передъ тобой». Вырвалъ изъ гривы волосъ и отпустилъ молодецъ коня. На вторую ночь, въ ту же пору, и точно также, явился гнѣдой конь, и съ нимъ тоже случилось; отпустилъ его молодецъ, вырвавъ изъ гривы волосъ. На третью

ночь, пришелъ вороной конь, и его отпустилъ молодецъ; вырвавъ изъ гривы волосъ. Послѣ того вернулся онъ домой. «Какъ,— что видѣлъ, что слышалъ?» спросили его братья. «Ничего особеннаго,—что вы видѣли, то и я видѣлъ, что вы слышали, то и я слышалъ,» отвѣчалъ онъ.

Послѣ того, пришелъ волкъ просить за себя ихъ старшую сестру; не отдавали ея старшіе братья. «Нѣтъ, нельзя нарушить отцовскаго завѣщанія, возьми волкъ ее себѣ,» сказалъ меньшой. Унесъ волкъ дѣвицу. Вслѣдъ за волкомъ прилетѣлъ ястребъ просить среднюю сестру, — отдалъ онъ и ее. За ястребомъ прилетѣлъ соколъ просить меньшую сестру,—отдалъ онъ и ее.

Вотъ услышали они, по прошествіи нѣкотораго времени, новость,—разошлась новость по-всюду, что, чей конь перепрыгнетъ черезъ башню, за того царь западнаго края отдастъ свою старшую дочь. Стали готовиться оба старшіе брата: коней холить, оружіе, платье, все нужное справлять. «И я съ вами поѣду, возьмите и меня съ собою,» сказалъ меньшой. «Не такое мѣсто, чтобы брать такихъ, какъ ты; сиди дома, поджавъ хвостъ» *), сказали братья. Спустя нѣсколько времени послѣ ихъ отъѣзда, зажегъ онъ волосъ сѣраго коня. Не вѣсть откуда явился конь и сталъ передъ нимъ, а на немъ лежитъ голубое платье, голубое оружіе, все нужное для молодца. «Чего желаешь, молодецъ!» спросилъ конь. «Чего желаю? — чей конь перепрыгнетъ черезъ башню, тому царь западнаго края отдастъ свою дочь; хочу, чтобы она досталась мнѣ,» сказалъ молодецъ.—«Когда мы подъѣдемъ къ башнѣ,» сказалъ конь, «то ударь ты меня нагайкой такъ, чтобы сорвать съ меня мяса величиною съ ладонь и чтобы крови вышло съ ложку: наша будетъ дѣвица!»—Пустился молодецъ въ дорогу, догналъ братьевъ,—не узнали они его, а онъ узналъ ихъ. Доѣхали они до столицы западнаго царя; въ ней набралось народа тьма-тьмущая; вокругъ вездѣ толпятся всадники; однихъ бѣшеные кони уносятъ Богъ-вѣсть куда; у другихъ кони, ударившись грудью о башню, опрокидываются назадъ,—никто не можетъ совершить подвига. Пріударилъ молодецъ коня нагайкой такъ, что съ него сорвалося мяса, величиною съ ладонь, и пролилось крови съ ложку: какъ пущенная стрѣла, перелетѣлъ конь черезъ башню. Позади себя посадилъ дѣвицу, поскакалъ молодецъ домой; доѣхалъ, скрылъ дѣвицу въ отдаленномъ покоѣ, отпустилъ коня и

*) т. е. смирно.

сталъ ждать братьевъ. Вотъ ѣдутъ и братья; кони ихъ переваливаются, на коняхъ сами они переваливаются и очень гнѣваются, какъ будто изъ рукъ ихъ вырвали дѣвицу. «Что случилось»? спросилъ ихъ меньшой братъ. — «Что случилось? увезъ дѣвицу всадникъ на сѣромъ конѣ,—чтобъ ему свѣтъ горекъ сдѣлался;—кабы не онъ, была бы дѣвица наша,» отвѣчали они.

Спустя нѣкоторое время, распространилась опять новость, что западный царь отдаетъ свою среднюю дочь за того, чей конь перепрыгнетъ черезъ башню. Снова снарядились старшіе братья. «Хоть въ этотъ разъ возьмите меня,» сказалъ меньшой; — и договорить не дозволили ему братья. Лишь только они уѣхали, какъ зажегъ онъ волосъ гнѣдаго коня,—сталъ конь передъ нимъ, а на конѣ лежитъ красное платье, красное оружіе, все необходимое. «Чего желаешь, молодецъ?» сказалъ конь. «Чего желаю? за того, чей конь перепрыгнетъ чрезъ башню, западный царь отдаетъ свою среднюю дочь; хочу, чтобы она досталась мнѣ.» Тоже, что сѣрый конь посовѣтовалъ, посовѣтовалъ и этотъ. Сѣлъ молодецъ, погналъ, догналъ братьевъ; не узнали они его, онъ же узналъ ихъ. Подъѣзжая къ башнѣ, пріударилъ онъ нагайкой такъ, что сорвалось мяса величиною съ ладонь, пролилось крови съ ложку: какъ брошенный камешекъ, перелетѣлъ конь черезъ башню. Взявъ дѣвицу, поскакалъ молодецъ домой, пріѣхалъ, возлѣ сестры дѣвицу помѣстилъ, коня отпустилъ и сталъ ждать братьевъ. Ѣдутъ, по прошествіи нѣкотораго времени, братья; лошади ихъ устали, сами они устали и очень печальны. «Какъ, что?» спросилъ меньшой. «Увезъ дѣвицу всадникъ на гнѣдомъ конѣ,—чтобы для него свѣтъ помрачился!» отвѣчали они.

Вотъ разошлась въ третій разъ новость, что, чей конь перепрыгнетъ черезъ башню, тому западный царь отдастъ свою меньшую дочь. Снова снарядились старшіе братья. «Хоть въ этотъ разъ возьмите меня,» заговорилъ меньшой;—и договорить не дали ему братья. Лишь только они уѣхали, какъ зажегъ онъ волосъ воронаго коня,—сталъ конь передъ нимъ, а на конѣ лежитъ черное платье, черное оружіе, все нужное для всадника и даже еще лишнее. «Чего желаешь, молодецъ?» спросилъ конь.—«Чего желаю? за того, чей конь перепрыгнетъ черезъ башню, западный царь отдастъ свою меньшую дочь; хочу, чтобы она досталась мнѣ,» отвѣчалъ онъ. Тоже, что совѣтовали сѣрый и гнѣдой, посовѣтовалъ и этотъ; сѣлъ молодецъ на коня, погналъ, догналъ братьевъ, узналъ онъ ихъ, они его не узнали. Подъѣзжая къ башнѣ, прі-

ударилъ онъ по прежнему нагайкой, — словно птица, перелетѣлъ конь черезъ башню. Посадивъ сзади дѣвицу, поскакалъ молодецъ домой, пріѣхалъ, возлѣ сестеръ дѣвицу помѣстилъ, коня отпустилъ и сталъ ждать братьевъ. Вотъ ѣдутъ братья; въ пыли, въ грязи, съ головы до ногъ, кони ихъ едва передвигаютъ ноги, а сами они очень гнѣвны, очень печальны. «Что случилось, какъ случилось?» спросилъ меньшой. «Увезъ дѣвицу всадникъ на вороном коне,—чтобы сломать ему шею, подъѣзжая къ дому!» отвѣчали они. «На сѣромъ конѣ я былъ, на гнѣдомъ я былъ и на ворономъ я былъ,» сказалъ тутъ меньшой братъ, «коли не вѣрите, то посмотрите сами.» Сказавъ это, вошелъ онъ въ отдаленный покой, вывелъ трехъ дѣвицъ и показалъ ихъ братьямъ. Остались они съ разинутымъ ртомъ, не нашли, что сказать, и, совершенно потерявшись, глядѣли только другъ на друга. Старшую сестру старшему брату отдалъ молодецъ, среднюю среднему, а меньшую оставилъ себѣ.

Послѣ того, сильно возненавидѣли его братья; стали они помышлять, какъ бы устроить ему гибель. Для сего, пошли они однажды на охоту, взявъ и его съ собой за тѣмъ, чтобы убить его, гдѣ будетъ возможно. До заката солнца охотились они; послѣ заката пустили стрѣлы, сказавъ, что будутъ ночевать тамъ, куда онѣ вонзятся. Пошли они за стрѣлами, пошли: стрѣла меньшого вонзилась въ камень, а отъ него вправо и влѣво вонзились стрѣлы старшихъ братьевъ. Потянулъ меньшой братъ свою стрѣлу; камень, поднявшись, опрокинулся къ нему; смотритъ,—подъ камнемъ отверстіе, внизъ идетъ лѣстница. Вошли всѣ трое во-внутрь,—а тамъ чертоги изъ жемчуга и яхонтовъ и въ нихъ все то, что только можно отыскать на свѣтѣ; накрытый столъ, рога полные вина. Наѣлись, напились старшіе братья, опьянѣли они, повалились на полъ; меньшой выпилъ только одинъ рогъ, съѣлъ кусочекъ хлѣба и сказалъ самъ себѣ: «домъ этотъ не безъ хозяина, ѣсть съ этого стола найдется человѣкъ, пить изъ рога найдется человѣкъ,—дай-ко, не буду я оплошенъ.» Сказавъ это, поднялся онъ на-верхъ, сѣлъ у края отверстія: ни шороха, ни шелеста, даже сама вода спитъ. Очень усталъ онъ, и началъ было уже дремать, какъ вдругъ услышалъ шумъ. Пропалъ у него сонъ, посмотрѣлъ впередъ, — съ шумомъ идетъ девятиглавый змѣй, изъ очей бросаетъ пламя, идетъ и подходитъ къ нему. «Что подъ небесами летаетъ, то срываетъ съ себя перо и бросаетъ мнѣ,» сказалъ змѣй, «что по землѣ ползаетъ, то трижды челомъ бьетъ

мнѣ, а вы, видно храбрецы, если осмѣлились пустить коней на мой лугъ, ѣсть за моимъ столомъ и пить изъ моего рога.» Сказавъ это, бросился на него змѣй, бросился и молодецъ впередъ, схватились другъ съ другомъ. Приподнявъ кверху, ударилъ змѣй молодца оземь,—ушелъ молодецъ въ землю по самыя колѣна; приподнявшись, ударилъ молодецъ змѣя, — ушелъ змѣй въ землю до половины. Съ трудомъ приподнявшись, ударилъ змѣй молодца,—ушелъ молодецъ въ землю до самыхъ лядвей. Высвободившись, ударилъ снова молодецъ змѣя,—только голова змѣя осталась надъ землей, не могъ онъ уже болѣе подняться. «Что, не зарѣзать ли тебя теперь?» сказалъ молодецъ, поднявъ мечъ. «Храбрецъ не дразнитъ врага, рѣжь,» отвѣчалъ змѣй. Срубилъ молодецъ всѣ девять головъ его, съ девяти головъ срубилъ восемнадцать ушей, положилъ ихъ въ карманъ, легъ возлѣ братьевъ и заснулъ. Поутру, когда встали, ничего не сказалъ онъ братьямъ о случившемся ночью; снова начали они охотиться, а на закатѣ солнца пустили опять стрѣлы. Пошли они за стрѣлами, — стрѣла меньшого вонзилась въ кустъ, а по обѣ стороны отъ него попали стрѣлы старшихъ братьевъ. Потянулъ меньшой свою стрѣлу, вырвалъ ее съ кустомъ вмѣстѣ, изъ подъ куста показался старикъ съ бѣло-снѣжной бородой, а въ рукахъ у него козлиный мѣшокъ. Протянулъ старикъ къ нимъ мѣшокъ и сказалъ: «если вы можете наполнить ложью этотъ мѣшокъ, то будете моими гостями; если же нѣтъ, то вернитесь туда, откуда пришли.» Взялъ старшій братъ мѣшокъ, лгалъ и дулъ, лгалъ и дулъ, и отдалъ мѣшокъ старику. «Не надулся,» сказалъ старикъ. Взялъ мѣшокъ средній братъ, лгалъ и дулъ, лгалъ и дулъ, и отдалъ старику. «Не надулся,» сказалъ старикъ. Взялъ теперь мѣшокъ меньшой братъ и, отойдя немного въ сторону, бросилъ въ него змѣиныя уши и отдалъ старику. «Надулся теперь, сойдите внизъ, будьте моими гостями, будьте моими сыновьями,» сказалъ старикъ. Пошелъ старикъ внизъ, а за нимъ и они пошли. Великолѣпный покой то былъ, а внутри его сидитъ дѣвица, подобная утренней звѣздѣ, такъ что и у мертваго возбудилась бы любовь къ ней. Вставъ, поставила она передъ братьями что ни есть на свѣтѣ лучшую и вкусную пищу и къ ней такіе же напитки. Когда они кончили ѣсть и пить, сказалъ имъ старикъ: «вотъ уже теперь семь лѣтъ, какъ возникъ споръ между Змѣемъ и Чернымъ Нартомъ изъ-за моей дочери. Нартъ требуетъ ее за себя, а Змѣй требуетъ ее за себя. Боясь обоихъ, я не могъ отдать ее ни за

того, ни за другаго; ты убилъ Змѣя,» сказалъ онъ меньшому брату, «возьми за себя мою дочь; имѣя такого зятя, какъ ты, не боюсь я и Нарта.» Вотъ, изъ передняго угла поднялся мулла, въ дверяхъ явился будунъ, совершили бракъ, ударили въ мѣдный барабанъ, задули въ кожаную зурну, пыль столбомъ пошла отъ брачнаго пиршества. На другой день, навьючивъ сто повозокъ приданымъ, отправилъ ихъ старикъ въ дорогу. «Берегись,» сказалъ старикъ зятю, «пока не доѣдете до дому, нигдѣ не слѣзайте и не останавливайтесь; не то, если немного даже оплошаете, Черный Нартъ надѣлаетъ вамъ много бѣды.»

Поѣхали теперь три брата, взявъ съ собою дѣвицу, съ повозками, съ сокровищами, съ приданымъ; ѣхали они цѣлый день, ѣхали цѣлую ночь; на другой день въ полдень сказали старшіе братья, что, не останавливаясь, отдохнуть нельзя; меньшой говорилъ, что останавливаться нельзя. Какъ бы то ни было, не пустили его братья, слѣзли, остановились. Разлеглись тутъ старшіе братья, заснули; положивъ голову на колѣно дѣвицы, легъ и меньшой. Вручилъ онъ ей шило и сказалъ: «если я засну, а ты увидишь издали подходящій щитъ тучи, то воткни это шило мнѣ въ ухо; нисколько не бойся; кромѣ того, что я проснусь, ничего со мною не приключится.» Чувствовалъ онъ сильный позывъ ко сну и заснулъ, а дѣвица осталась, глядя на него. Осматриваясь вокругъ, увидѣла она, по прошествіи нѣкотораго времени, что издали приближается щитъ черной тучи, хотѣла было она воткнуть шило, да не могла, побоялась, а туча все приближается да приближается. Заплакала она, глядя на молодца, а туча уже накрыла ихъ. Упала слеза дѣвицы на щеку молодца, и онъ проснулся, смотритъ,—нѣтъ уже дѣвицы: невѣсть, улетѣла-ли она къ небу, исчезла-ли въ землѣ, и щитъ тучи уходитъ уже изъ глазъ. Поднялъ онъ братьевъ на ноги и сказалъ имъ: «пока я спалъ, жену мою похитилъ Черный Нартъ, придя въ видѣ щита тучи; теперь я или найду ее, или погибну, а вы съ этими сокровищами и приданымъ поѣзжайте домой; я же пойду назадъ за женою.» Поѣхали братья, глядя впередъ, а онъ пошелъ обратно къ тестю. Когда онъ разсказалъ ему случившееся въ дорогѣ, то старикъ отвѣтилъ: «право, сынъ мой, знаю только то, что существуетъ Черный Нартъ, но не могу тебѣ сказать, гдѣ онъ находится, ни гдѣ его отыскать, это мнѣ невѣдомо; теперь, кромѣ какъ твоею удалью, она не отыщется, а если и отыщется, то тебѣ не достанется; кабы послушался моего совѣта, то это несчастіе тебя бы не постигло.»

Пошелъ теперь молодецъ, пошелъ, много шелъ, мало шелъ, шелъ ночью, шелъ днемъ, оставилъ позади себя широкую степь, пересѣкъ густые лѣса, дошелъ наконецъ до башень, снизу известковыхъ, а сверху хрустальныхъ; вокругъ башень желѣзный заборъ, колья стальные и на каждомъ колѣ по человѣческой головѣ. Привязавъ на дворѣ коня, вошелъ онъ во-внутрь, нашелъ тамъ свою старшую сестру. Бросились они другъ къ другу, обнялись, разговорились, пустились въ разсказы; сказала ему сестра: «не волкъ просилъ меня за себя, а нартъ, принявшій на себя образъ волка, чтобы сватать меня; скоро вернется онъ съ охоты, спрячься ты покамѣсть, пока я испытаю его; какъ знать? можетъ случиться хорошее, можетъ и дурное.» Спрятала она брата и въ это самое время пришелъ нартъ. Сказала она ему: «что бы ты сдѣлалъ, если бы случайно мои братья пришли сюда?»—«Старшихъ бы воткнулъ на вертелъ, а меньшому постарался бы услужить, чѣмъ только могъ бы,» отвѣчалъ онъ. «Вотъ онъ!» сказала она, показывая на брата. Обнялись нартъ и молодецъ, послѣ чего молодецъ спросилъ о жилищѣ Чернаго Нарта. Отвѣчалъ ему нартъ: «знаю только то, что онъ существуетъ, но не могу сказать гдѣ именно, это мнѣ неизвѣстно; за этимъ хребтомъ живетъ мой меньшой братъ, болѣе меня онъ смышленъ и болѣе меня видѣлъ свѣтъ; ступай къ нему, быть можетъ онъ знаетъ.» Пошелъ молодецъ, дошелъ; такія же башни,—вошелъ онъ во-внутрь,—нашелъ среднюю сестру. Обрадовались они, обнялись, разговорились; сказала ему сестра: «не ястребъ просилъ меня за себя, то былъ нартъ, пришедшій въ видѣ ястреба просить меня за себя; сейчасъ вернется онъ съ охоты; спрячься, пока я испытаю его.» Когда вернулся мужъ съ охоты, спросила она его: «что бы ты сдѣлалъ, если бы мои братья пріѣхали сюда въ гости?»—«Меньшому услужилъ бы, сколько могъ, а старшихъ посадилъ бы на вертелъ», отвѣчалъ мужъ. «Вотъ онъ!» сказала она, выведя впередъ брата. Обнялись нартъ съ молодцомъ; послѣдній разсказалъ про все случившееся съ нимъ. Выслушавъ его, отвѣчалъ нартъ: «знаю только то, что существуетъ Черный Нартъ, но не знаю, гдѣ онъ; за этой горой живетъ мой меньшой братъ, ступай къ нему; въ мірѣ нѣтъ ничего, чего бы не зналъ онъ; гдѣ отыскать и Чернаго Нарта—долженъ онъ знать.» Пошелъ молодецъ, пришелъ, нашелъ такія же башни, вошелъ во-внутрь,—тамъ его меньшая сестра. Обрадовались, обнялись; сказала сестра ему: «не соколъ просилъ меня за себя, то былъ нартъ, въ видѣ сокола пришедшій просить

меня за себя; сейчасъ вернется онъ съ охоты, спрячу я тебя, пока испытаю его.» Спрятала сестра брата, пришелъ нартъ. Что спрашивали старшія сестры, то и она спросила; что отвѣтили старшіе братья, отвѣтилъ и онъ. Вывела она къ нему брата. Обнялись нартъ и молодецъ; молодецъ разсказалъ о томъ, чего желаетъ. Выйдя изъ башни, вскрикнулъ нартъ, — тучей собрались вокругъ него всѣ пернатыя, все, что только крыломъ машетъ. Спросилъ онъ ихъ, гдѣ живетъ Черный Нартъ; посмотрѣли они другъ на друга, ничего не отвѣтили. «Кого не достаетъ между вами, кто не прилетѣлъ сюда?» спросилъ нартъ. «Не достаетъ птички-мыши», закричали всѣ. Послалъ нартъ двухъ ястребовъ,— привели они птичку-мышь. «Не знаешь-ли, гдѣ живетъ Черный Нартъ?» спросилъ онъ ее. Прихрамывая, выпрыгнула впередъ птичка-мышь и сказала: «какъ не знать, знаю, —да изсякнетъ счастіе Чернаго, —когда я копалась на его дворѣ въ навозной кучѣ, онъ бросилъ камешекъ и разбилъ мнѣ ногу.»—«Если знаешь, то иди впереди этого молодца», сказалъ нартъ. Прихрамывая, запрыгала она впереди, а вслѣдъ за нею пошелъ и молодецъ.

Шли они, шли черезъ скалы безъ дорогъ, черезъ рѣки безъ мостовъ, перешли черезъ широкую степь, перевалились черезъ снѣжныя горы, пришли, наконецъ, къ башнямъ изъ черной стали, окруженнымъ желѣзной стѣной. «Вотъ башни Чернаго; пойду теперь поискать немного пищи», сказала птичка-мышь. Привязавъ коня за стѣной, вошелъ молодецъ во-внутрь и нашелъ свою жену. Показались они другъ другу какъ бы воскресшими изъ мертвыхъ, обрадовались, обнялись, не могли налюбоваться другъ на друга. Поговоривъ, подѣлившись тѣмъ, что было на сердцѣ, сказала жена ему: «какъ ляжетъ, то ровно недѣлю спитъ Нартъ; сегодня уже два дня, какъ онъ легъ; остается еще пять дней до его пробужденія; если въ эти пять дней успѣемъ мы уйти, то спасемся; не то, другаго средства не знаю.»—«Кому дастся счастье, тотъ и получитъ его», отвѣчалъ молодецъ. Сѣлъ онъ на коня, сзади посадилъ дѣвицу и погналъ вдоль по дорогѣ, по которой пріѣхалъ. На шестой день оглянулся молодецъ назадъ, — увидѣлъ, что идетъ щитъ черной тучи, догоняющій ихъ; какъ буря, нагналъ ихъ Черный Нартъ, сидя верхомъ на треногомъ конѣ; ударилъ конь молодца по головѣ копытомъ: въ сто сторонъ полетѣли сто частей его тѣла. Взявъ дѣвицу, готовился воротиться Нартъ, какъ стала она просить его, чтобы онъ позволилъ ей собрать разсѣянныя во всѣ стороны кости молодца и положить ихъ въ

сумки съ тѣмъ, чтобы похоронили ихъ въ отцовскомъ домѣ, если конь случайно занесетъ ихъ туда. Позволилъ Нартъ.

Изъ окна смотрѣла меньшая сестра молодца, глядѣла на дорогу, по которой поѣхалъ братъ,—видитъ, идетъ по ней его конь, а на конѣ никого нѣтъ. Когда дошелъ конь до двора, то сняла она съ него сумки и заглянула внутрь; нашла поломанныя, разбитыя кости. Заплакала она, стала убиваться, вопить, причитывать; на крикъ ея выбѣжалъ нартъ. Сказалъ онъ ей: «двѣ жизни есть у меня; столь дорогому для тебя брату отдамъ я одну, прекрати свой плачъ.» Каждую часть тѣла уложилъ онъ на мѣсто и вдунулъ въ молодца жизнь. Протирая глаза, всталъ онъ на ноги и сказалъ: «крѣпко спалъ я.» — «Спалъ ты безпробуднымъ сномъ,» сказалъ ему нартъ. Тутъ опомнился молодецъ, все случившееся представилось ему. Какъ бы то ни было, не потерялъ онъ надежды возвратить свою жену; изготовился снова идти за нею. Не посмотрѣлъ онъ ни на плачъ сестры, ни на просьбы зятя, поѣхалъ, проѣхалъ по той же странѣ, по тому-же пути и прiѣхалъ къ женѣ; опять нашелъ онъ Нарта спящимъ. Сказалъ онъ женѣ: «когда проснется Нартъ, то упроси его и разспроси, откуда досталъ онъ треногаго коня; если мы не добудемъ оттуда же другаго, еще болѣе быстраго, чѣмъ треногій, то отсюда не спасемся.»

Спрятала жена молодца; потомъ, когда проснулся Нартъ, какъ змѣя добралась она до него и нѣжнымъ, сладкимъ голосомъ спросила: «и мужа моего убилъ ты, теперь уже некому за мной придти; разскажи безъ утайки, откуда досталъ ты треногаго коня?» Не хотѣлъ было говорить Нартъ; стала она плакать, убиваться, и жить на свѣтѣ не захотѣла. Тогда, подведя къ окну, сказалъ Нартъ: «видишь ли ты впереди насъ гору?»—«Вижу», отвѣчала она.—«Посреди горы видишь ли большой бѣлый камень?»—«Вижу.» «Подъ этимъ камнемъ», сказалъ Нартъ, «находится большая равнина, на этой равнинѣ пасется мой табунъ, въ этомъ табунѣ ходитъ мать треногаго коня, а за нею и братъ его. Если ударить этой моей уздечкой по камню, то братъ, опрокинувъ камень, выйдетъ на верхъ. У коня, на которомъ я ѣзжу, пропала нога, вотъ по какому случаю,» сказалъ Нартъ: «когда я ударилъ уздечкой по камню, и конь, опрокинувъ камень, выбѣжалъ на верхъ, то тотчасъ-же справа бросились волки, а слѣва муравьи, и оторвали у него ногу.»

Послѣ этого разговора, въ урочное время заснулъ Нартъ,

а дѣвица отправила молодца, вручивъ ему уздечку, давъ ему мяса, чтобы бросить волкамъ, давъ ему пшеницы, чтобы посыпать муравьямъ. Придя на гору, ударилъ молодецъ уздечкой по камню,— опрокинулся камень и выскочилъ меньшой братъ треногаго коня. Съ одной стороны бросились на него волки, съ другой стороны бросились муравьи: этимъ посыпалъ онъ пшеницы, тѣмъ бросилъ мяса; сѣлъ, поѣхалъ, пріѣхалъ къ женѣ. Все, что ему понравилось, забралъ онъ изъ дома Нарта, навьючилъ коня, самъ сѣлъ на него, сзади посадилъ дѣвицу, пріударилъ, погналъ. Слишкомъ торопить сталъ онъ было коня. «Предоставь меня на мой произволъ,» сказалъ конь, «чтобы ни случилось, теперь я отвѣчаю; обо всемъ забота теперь на мнѣ.» Посмотрѣлъ молодецъ, по нѣкоторомъ времени, назадъ; видитъ—идетъ издали щитъ черной тучи, догоняетъ ихъ Черный Нартъ. Въ то время, какъ онъ нагналъ, повернулся конь молодца, ударилъ Нарта копытомъ по головѣ: на сто разныхъ сторонъ разлетѣлись сто частей тѣла Нарта.

Навьючивъ на треногаго коня сокровища, забранныя изъ дома Нарта, поѣхали они теперь съ спокойнымъ духомъ; по-очереди побывали у каждаго изъ трехъ зятьевъ, у каждаго провели по недѣлѣ, а, потомъ, съ приличными подарками, отправились къ отцу дѣвицы. Пробывъ тамъ довольно времени, поѣхалъ молодецъ, вмѣстѣ съ дѣвицей, прямо, какъ стрѣла, въ отчій домъ. Въ большой ссорѣ нашелъ онъ своихъ братьевъ; доставшееся ему за дѣвицей приданое никакъ не могли они раздѣлить между собою поровну; о немъ-же думали, что онъ погибъ и не воротится. Далъ онъ имъ всего достаточно, остальное оставилъ себѣ, а какъ легъ между обѣими женами, то забылъ и всѣ претерпѣнные труды. Далѣе что случилось, не знаю; ворона, которая разсказала мнѣ все это, ничего болѣе не сказала.

Красавица Езензулхаръ.

Вечеромъ, поздней порой, три сестры чесали шерсть. Разговаривая о томъ, о семъ, старшая сказала: «если бы нашъ царь взялъ меня за себя, то я бы изъ одного комка шерсти наткала сукна, чтобы одѣть все царское войско.» Средняя сказала: «если бы царь взялъ меня за себя, то я бы одной мѣрой муки насытила все царское войско.» Заговорила тутъ меньшая. «Если бы

царь взялъ меня за себя,» сказала она, «то я родила бы царю сына съ жемчужными зубами и дочь съ золотыми кудрями.» Подъ окномъ стоя, услышалъ царь все это. Въ эту самую ночь женился онъ на старшей сестрѣ; на другой день вечеромъ женился на средней. Ложью оказались слова обѣихъ; не исполнили онѣ того, что обѣщали. На третій вечеръ, женился царь на младшей сестрѣ; въ эту самую ночь забеременѣла она, а по утру царь, вставъ, отправился къ войску, чтобы воевать съ другимъ царемъ.

По отъѣздѣ его, ровно черезъ девять мѣсяцевъ, родила она сына съ жемчужными зубами и дочь съ золотыми кудрями. Изъ зависти, отнявъ у нея дѣтей и на мѣсто ихъ положивъ щенка и котенка, отправили старшія сестры человѣка къ царю съ вѣстію, что жена его родила щенка и котенка; послали онѣ также раба, отдавъ ему дѣтей съ тѣмъ, чтобы онъ бросилъ ихъ въ крапивное ущелье. Прислалъ царь сказать: «бросьте въ рѣку щенка и котенка, а мать, обернувъ въ ослиную кожу, положите передъ воротами; пусть и входящій плюетъ на нее для срама, и выходящій пусть дѣлаетъ тоже.»

Когда рабъ пошелъ назадъ, бросивъ въ крапивное ущелье мальчика и дѣвочку, подошла къ нимъ златорогая лань; подошла и легла возлѣ нихъ. До-сыта сосали они ее. Такъ кормила она ихъ, пока они не выросли. Когда же выросли, пошла лань впереди, а они за нею; впереди шла лань, позади шли дѣти; шли, шли, много шли, мало шли, дошли до нѣкоего замка. Вошли вовнутрь юноша и дѣвица, — ни души нѣтъ, а убранство хоть бы для царскаго дома; все, что нужно для мужчины и для женщины, все нашлось. Стали они тутъ жить. Началъ братъ безпрестанно ходить на охоту, а сестра оставалась дома и хозяйничала.

Однажды, когда братъ былъ на охотѣ, дѣвица купалась въ ручьѣ, который протекалъ передъ замкомъ. Въ то время, какъ она купалась, унесла вода одинъ ея волосъ. Ручей тотъ протекалъ черезъ столицу царя, отца ихъ. Попалъ тамъ волосъ въ кувшинъ вдовы; отнесла она показать его царскимъ женамъ. Какъ только увидѣли, узнали онѣ, чей это волосъ, узнали, что мальчикъ и дѣвочка вышли живы изъ крапивнаго ущелья. Много обѣщавъ дать, многое и въ руки давъ, сказали онѣ вдовѣ: «у дѣвицы, съ головы которой спалъ этотъ волосъ, есть братъ; они враги наши; какимъ бы то ни было способомъ, какую бы хитрость и коварство ни придумавъ, постарайся погубить того

юношу; когда онъ погибнетъ, то съ самой дѣвушкой легко будетъ справиться; мы же вѣкъ не забудемъ твоей услуги.»

Пошла тутъ проклятая вдова прямо вверхъ по ручью, пошла, много шла, мало шла, дошла до замка. Одну-одинехоньку нашла она дѣвицу. Змѣиное шепнувъ, лисье молвивъ, сказала ей вдова: «не имѣя никого возлѣ себя, какъ ты можешь жить? Случается дурное, случается хорошее; слѣдуетъ твоему брату пріискать тебѣ развлеченіе; на востокѣ, за двумя скалами, которыя одна о другую ударяются, растетъ яблоня; сама съ собою говоритъ она, говоря въ ладоши хлопаетъ, въ ладоши хлопая пляшетъ; скажи брату, чтобы онъ принесъ тебѣ отъ нея одну вѣтвь; станетъ она передъ тобою говорить, плясать, и никакъ не дастъ тебѣ соскучиться.» Сказавъ это, пошла вдова назадъ. Когда вернулся братъ съ охоты, заплакала дѣвица передъ нимъ, стосковалась. «Бросивъ меня дома,» сказала она, «каждый день уходишь ты на охоту; чѣмъ мнѣ развлечься, чѣмъ заняться, думаешь ты? Тоскуя, не зная, что дѣлать, умру я одна-одинехонька.» — «Что же мнѣ дѣлать, чего хочешь ты отъ меня, сестра?» сказалъ юноша. — «На восточной сторонѣ, за двумя скалами, сама съ собой говорящая, говоря въ ладоши хлопающая, въ ладоши хлопая пляшущая яблоня есть, слышно,» сказала она: «если ты принесешь съ нея одну вѣтвь, то хоть бы ею развлеклась я.»

Сѣлъ юноша на коня, ударилъ, погналъ къ восточной сторонѣ. Много ѣхавъ, мало ѣхавъ, пріѣхалъ онъ къ скаламъ. То съ гуломъ ударяясь одна о другую, то расходясь, то ударяясь, то расходясь,—такъ были онѣ. За ними, само съ собою говорящее, говоря, въ ладоши хлопающее, въ ладоши хлопая, пляшущее дерево; къ нему нѣтъ дороги, какъ промежъ скалъ. Хорошенько коня подобравъ, взадъ и впередъ вскачь пустивъ, заставилъ молодецъ коня прыгнуть: съ трескомъ ударились скалы одна о другую, отрѣзался хвостъ у коня, а молодецъ на той сторонѣ очутился. Сломивъ съ дерева вѣтвь,—лишь только скалы, ударившись одна о другую, разошлись,—заставилъ онъ коня прыгнуть назадъ, очутился на этой сторонѣ. Положивъ вѣтвь на плечо, поѣхалъ онъ домой.

Немного времени спустя, пришла снова таже вдова узнать, что случилось. Юноша былъ на охотѣ, а передъ дѣвицей, сама съ собою говорящая, говоря въ ладоши хлопающая, въ ладоши хлопая пляшущая вѣтвь дерева. Сказала вдова дѣвицѣ: «долго-ли

будешь ты забавляться этимъ? скоро тебѣ это надоѣстъ; не годится такой дѣвицѣ, какъ ты, жить безъ подруги. За моремъ, въ серебряныхъ чертогахъ, живетъ красавица, по-имени Езензулхаръ; красивѣе ея, богаче ея, умнѣе ея нѣтъ другой женщины на цѣломъ свѣтѣ. Пошли ты своего брата жениться на ней; когда она пріѣдетъ сюда, то, находясь возлѣ нея, никогда не узнаешь ты, что такое скука.» Въ сердце дѣвицы эту мысль положивъ, ушла вдова назадъ.

Когда пришелъ братъ съ охоты, заплакала передъ нимъ дѣвица, стала жаловаться. «Бросивъ меня совершенно одну,» сказала она, «безъ отдыха бродишь ты; надоѣла мнѣ уже эта вѣтвь; не имѣя возлѣ себя живаго существа, пропадаю, съ ума схожу я. За моремъ, слышно, живетъ въ серебряныхъ чертогахъ красавица, по-имени Езензулхаръ; поѣзжай жениться на ней; тебѣ будетъ жена, а мнѣ сестра.»

Ни въ чемъ, сестрой сказанномъ, не отказывалъ юноша; столь много любилъ онъ ее! Выбравъ добраго коня, сѣлъ онъ на него, надѣлъ блестящее оружіе, ударилъ, погналъ, поѣхалъ. Ѣхалъ онъ, ѣхалъ, много ѣхалъ, мало ѣхалъ, ночью ѣхалъ, днемъ ѣхалъ, ѣхалъ, ѣхалъ. Много земли оставивъ позади себя, далеко заѣхалъ, нашелъ онъ на краю дороги сидящаго старика съ большою бородою. Юноша сказалъ ему привѣтствіе, тѣмъ же отвѣтилъ старикъ. «Счатливаго пути, сынъ мой, куда ѣдешь, если Богъ попуститъ?» сросилъ старикъ.—Разсказалъ юноша.—«Не ѣзди туда, сынъ мой, если послушаешь моего совѣта,» сказалъ старикъ; «поѣхавъ туда, не достигнешь желаемаго; мало-ли подобныхъ тебѣ храбрецовъ отправилось вдоль по этой дорогѣ сватать Езензулхаръ, а ни одинъ не вернулся. Живетъ она въ окруженныхъ водою серебряныхъ чертогахъ; черезъ воду только и есть къ нимъ доступъ. Ставъ на берегу рѣки, надо закричать ей; на голосъ если она не выйдетъ, до колѣнъ стынетъ подавшій голосъ человѣкъ; во второй разъ закричавъ если не выйдетъ, до сердца стынетъ, а на третій зовъ если не выйдетъ, то все тѣло стынетъ и человѣкъ каменѣетъ. Весь берегъ рѣки усѣянъ таковыми остывшими всадниками.»—«Да дастся тебѣ счастіе, отецъ мой,» сказалъ юноша, «старшихъ людей совѣтамъ слѣдовать должны младшіе, но, какъ бы то ни было, чему подверглось столько храбрецовъ, могу и я подвергнуться.» Сказавъ это, поѣхалъ юноша своей дорогой.

Ѣхалъ онъ, ѣхалъ; много ѣхавъ, мало ѣхавъ, доѣхалъ,

наконецъ, до чертоговъ Езензулхаръ. Какъ сказалъ старикъ, берегъ рѣки нашелъ онъ усѣяннымъ остывшими всадниками. Проговоривъ имъ за упокой, закричалъ онъ: «Эй, Езензулхаръ!» — не вышла она, остылъ онъ до колѣнъ; во второй разъ закричалъ,— не вышла она, остылъ онъ до сердца; въ третій разъ закричалъ,— не вышла Езензулхаръ, остылъ онъ весь и окаменѣлъ.

Пока это происходило съ юношей, дѣвица ожидала его пріѣзда и думала о немъ. Мѣсяцъ прошелъ,—не пріѣхалъ; два, три, четыре мѣсяца прошло,—не пріѣхалъ. Наконецъ, отчаясь въ немъ, подбила она себѣ стальныя подошвы, опоясалась веревкой, взяла въ руки желѣзную палку и пошла прямо по той дорогѣ, по которой уѣхалъ братъ.

Шла она, шла, много шла, мало шла; уставая, не отдыхала, голодая, пищи не вкушала; шла, шла, нашла того самаго старика. «Куда держишь путь, дочь моя, если допуститъ Богъ?» спросилъ онъ. Разсказала она. «Твой братъ, остывъ, давно уже окаменѣлъ,» сказалъ старикъ; «подобно ему, много тамъ остывшихъ людей, поѣхавшихъ за тѣмъ, чтобы жениться на Езензулхаръ; если она не покажется, то никогда не оживутъ они. Когда дойдешь туда, то закричи разъ, закричи другой разъ; если въ оба раза она не выйдетъ, то закричи въ третій: «неужели ты прекраснѣе меня, златокудрой, что такъ гордишься?» Тогда, никакъ не утерпитъ она, чтобы не показаться наружу.»

Пошла дѣвица, пошла, дошла. Дойдя, проговорила она сперва за упокой за всѣхъ; потомъ, плача обняла брата. За тѣмъ, ставъ на берегу рѣки, закричала она: «Эй, Езензулхаръ!»— не вышла она, остыла дѣвица до колѣнъ; во второй разъ закричала,—не вышла Езензулхаръ, остыла дѣвица до сердца. «Неужели ты прекраснѣе меня, златокудрой, что такъ гордишься?» закричала она въ третій разъ.—«Кто эта златокудрая?» сказавъ, вышла Езензулхаръ. Съ шумомъ ожили всѣ остывшіе люди. Всѣ богатыри назвали юношу братомъ, а дѣвицу сестрой. Сѣвъ въ золотую лодку, переправилась тутъ Езензулхаръ на этотъ берегъ. Всѣ богатыри сказали ей: «мы назвали этого юношу братомъ, черезъ него ожили мы; всѣ мы отдаемъ ему первенство; выходи ты за него замужъ, и будь намъ сестрою.» Согласилась Езензулхаръ.

Женился юноша на Езензулхаръ; вверхъ изъ мортиръ стрѣляли, внизъ изъ пушекъ стрѣляли; круглый мѣсяцъ не умолкали барабанъ и зурна. Послѣ того, со всѣмъ имуществомъ Езензул-

харъ, съ рабами и рабынями, съ сокровищами, съ хозяйствомъ, взявъ и всѣхъ богатырей съ собой, поѣхалъ юноша въ свой замокъ. На томъ же мѣстѣ нашли старика. Назвавъ его своимъ отцомъ, взялъ его съ собой юноша, чтобы кормить до смерти. Проводивъ ихъ до дома, пожелавъ имъ добраго здоровья, вернулись богатыри, каждый на свою сторону. По-прежнему, сталъ каждый день на охоту ходить юноша.

Однажды, возвращаясь поздно съ охоты, встрѣтилъ онъ множество всадниковъ, которые сбились съ дороги и блуждали. То былъ царь, отецъ его, съ своими нукерами. Привелъ ихъ юноша въ свой замокъ, сдѣлалъ имъ въ эту ночь великое угощеніе, а утромъ проводилъ ихъ въ путь. Немного времени спустя, прислалъ царь человѣка звать юношу и всѣхъ его домашнихъ, чтобы имъ сдѣлать такое-же угощеніе, какое было ему сдѣлано. Изготовились они ѣхать. Когда выѣзжали они изъ дому, сказалъ старикъ юношѣ: «передъ дворцомъ царя найдемъ мы женщину, завернутую въ ослиную кожу; скажетъ тебѣ царь: плюнь на нее для срама, спроси его, въ чемъ ея вина? Отвѣтитъ царь: зачѣмъ тебѣ знать ея вину? Безъ вины не было бы этого. Приступи къ нему, говоря: нѣтъ, скажи. Тогда онъ тебѣ разскажетъ.»

Поѣхали они, доѣхали до царскаго дворца. Нашли они передъ дворцомъ женщину, обвернутую въ ослиную кожу. Выйдя имъ на встрѣчу, сказалъ царь юношѣ: «плюнь на нее для срама.» — «Чѣмъ она виновата?» спросилъ юноша. — «Зачѣмъ тебѣ знать вину, безъ вины не было бы этого,» отвѣтилъ царь. — «Нѣтъ, скажи,» приступилъ юноша. Разсказалъ царь. Едва лишь кончилъ онъ разсказъ, какъ старикъ, раскрывъ ротъ юноши и показавъ его зубы, снявъ повязку съ дѣвицы и распустивъ ея косы, сказалъ царю: «не это-ли твои дѣти? похожи-ли они на собаку и кошку?» Обезумѣлъ отъ изумленія царь, а съ нимъ и весь остальной народъ.

Опомнившись, приказалъ царь, прежде всего, семью различными способами въ банѣ вымыть, въ лучшее платье одѣть и на престолъ посадить мать этихъ дѣтей. Потомъ, приказалъ обѣихъ старшихъ сестеръ, раба, ходившаго, чтобы бросить дѣтей въ крапивное ущелье, и вдову, ходившую къ дѣвицѣ,—пустить, привязавъ къ хвостамъ невыѣзженныхъ кобылъ. Поволеклись всѣ четверо кобылами.

Задалъ тутъ царь пиръ, задалъ, браги рѣки пустилъ, мяса горы навалилъ, съ востока зурнача позвалъ, съ запада барабан-

щика позвалъ; плясуновъ пустилъ, канатныхъ скакуновъ пустилъ. Тамъ былъ и я, видѣлъ все, видѣнное вамъ разсказалъ.

Букучиханъ.

Жилъ былъ мельникъ; имя ему было Вшивый Хаджи. Нѣкогда приключилась ему великая досада: собиралъ онъ тряпки кучами, а стали онѣ пропадать, неизвѣстно куда. «Такъ не должно быть, слѣдуетъ мнѣ накрыть вора,» сказалъ онъ и началъ разъ подстерегать вора, ставъ за дверью. Немного времени спустя, проскользнула во-внутрь лисица, у которой шерсть на брюхѣ вылѣзла, а на спинѣ была всклокочена. »А, ощипанная, такъ это ты!» сказалъ Вшивый Хаджи и, взявъ въ руки дубину, бросился на нее. «Постой, постой, мельникъ; быстро бѣгущая вода до моря не доходитъ,» сказала лисица: «то-ли, что я твои тряпки ѣла? пусть такъ! взамѣнъ того, осыплю я тебя серебромъ, женю на дочери хана, сдѣлаю великимъ человѣкомъ; но, до самой смерти, возьмись и ты кормить меня курдюкомъ, а, послѣ смерти, положить меня въ курдюкъ.» Согласился мельникъ.

Побѣжавъ, стала лисица рыться въ навозной кучѣ; нашла абазъ. Оттуда побѣжала она ко дворцу хана, жившаго за рѣкой. Ставъ передъ ханомъ, сказала она: «какъ ни совѣстно, государь мой, а пришла я просить у тебя мѣру, чтобы вымѣрить серебро Букучихана; куда бы я ни пошла, не могла бы я достать мѣру.» — «Что-это за Букучиханъ? о таковомъ ханѣ не слыхивалъ я,» сказалъ ханъ. — «Существуетъ онъ, и тебѣ не останется неизвѣстнымъ; а я его визирь,» сказала лисица. Далъ ханъ мѣру.

Къ вечеру, сунувъ абазъ въ трещину, принесла лисица мѣру назадъ. «Правда-ли то, что эта негодяйка говоритъ?» сказалъ ханъ и встряхнулъ мѣру,—со звономъ выпалъ абазъ. «Ей, ей, правда,—что это за Букучиханъ, у котораго такъ много серебра?» сказалъ самъ себѣ ханъ.

На другой день пришла лисица къ хану просить мѣру, чтобы вымѣрить золото Букучихана. Далъ ханъ. Порылась лисица, нашла золотой. Въ трещину сунувъ его, къ вечеру принесла она мѣру назадъ, сказавъ: «на силу вымѣрили.» Лишь только она ушла, стукнулъ ханъ въ мѣру, — вылетѣлъ золотой. Изумился Ханъ.

Спустя нѣсколько времени, пошла лисица въ третій разъ къ хану, просить его дочь за Букучихана. Чуть не умеръ отъ радости ханъ. «Завтра приду я вмѣстѣ съ Букучиханомъ,» сказала лисица и вернулась домой. На другой день сдѣлала она для Букуча одежду изъ самыхъ пестрыхъ нагорныхъ цвѣтковъ, сдѣлала ружье изъ липы, навѣсила шнуры изъ лыка, и все тому подобное изготовила. Просто радугой казался Букучъ издали. Сказала ему лисица: «на той сторонѣ рѣки выѣхалъ ханъ со своими всадниками тебѣ на встрѣчу. Когда, переправляясь туда, дойдемъ мы до середины рѣки, то закричи: уноситъ меня, уноситъ меня! и нырни въ воду. Ханскіе всадники, бросившись, вытащутъ тебя на берегъ; дѣло наше тогда будетъ сдѣлано.»

По совѣту лисицы, когда достигли средины рѣки, Букучъ нырнулъ въ воду, закричавъ: «уноситъ мени, уноситъ меня!» Унесла вода все, что было на немъ: бросились въ рѣку ханскіе всадники; одинъ схватилъ за руку, другой за ногу, вытащили на берегъ. Какъ мать родила, совсѣмъ голымъ сталъ Букучъ. Окружили его всѣ: кто далъ черкеску, кто бешметъ, другіе оружіе навѣсили, сдѣлали настоящимъ молодцомъ. Букучъ, которому никогда нѣчего было надѣть, кромѣ вшиваго тулупа, надѣвъ новое, хорошее платье, сталъ на него поглядывать, его обтягивать, осматривать. «Что онъ дѣлаетъ? онъ какъ будто никогда платья не видывалъ,» сказали лисицѣ ханскіе всадники. «Это не потому, а потому, что его хорошее платье вода унесла: вами данное не совсѣмъ-то ему нравится,» сказала лисица. «Его платье изъ чего было сдѣлано? казалось оно радугой,» спросили всадники.—«Платье было безцѣнное, украшенное алмазами и яхонтами,» отвѣтила лилица; «это бы еще ничего, мало-ли у него такихъ платьевъ!» продолжала она: «была у него на плечѣ стамбульская винтовка, отъ предковъ доставшаяся: кромѣ ея ничего не жалѣю; въ нынѣшнее время не найти уже подобнаго оружія.»—«Видѣли, видѣли мы, такъ и блестѣла; какъ видно, вся въ серебро была обдѣлана,» сказали они.

Поѣхали они тутъ, поѣхали, доѣхали до ханскаго дворца. Вверхъ—внизъ, впередъ — назадъ, началъ оглядываться Букучъ, не видавъ прежде никогда подобнаго мѣста. «Что съ нимъ? онъ какъ будто никогда и дома не видывалъ,» сказалъ ханъ лисицѣ. «Не то,—ему твой дворецъ не совсѣмъ нравится, такъ какъ его собственный лучше,» отвѣчала она.

Женился тутъ Букучъ на ханской дочери. Съ недѣлю про-

веди въ пиршествѣ, въ весельи, стали отецъ и мать снаряжать новобрачную, чтобы отправить ее въ домъ мужа; дали ей большое приданое. Съ нею поѣхали конные, пѣшіе, парни, дѣвушки, зурначи, барабанщики, пѣсенники, многое-множество народа. «Я пойду впередъ прибрать домъ, а вы за мной идите,» сказала лисица и пустилась бѣгомъ.

Бѣжала она, бѣжала, много бѣжала, мало бѣжала, добѣжала до степи, а степь полна рогатымъ скотомъ. «Скотъ чей?» спросила лисица у пастуховъ. «Змѣя», отвѣчали они.

«Берегитесь, берегитесь, не произносите болѣе и имени Змѣя, дѣло его пропащее,» сказала лисица; «съ пушками, съ снарядами, со всякими орудіями, съ мортирами, идетъ на него войско семи царей; если вы скажете, что скотъ его, то васъ убьютъ, а скотъ уведутъ, не оставивъ ни одной головы. Есть ханъ, по имени Букучиханъ, котораго и цари боятся; кто бы ни спросилъ, говорите, что скотъ его; тогда никто вамъ и слова не скажетъ.» Сказавъ это, побѣжала лисица, нашла табунъ Змѣя. За табуномъ нашла стада овецъ, за стадами нашла жнецовъ, за жнецами нашла косцовъ. Вездѣ задала такой-же страхъ, какъ и вначалѣ.

Бѣжала лисица, бѣжала, много бѣжала, мало бѣжала, добѣжала до дворца Змѣя. «Змѣй!» закричала она, «Змѣй! не забыла я твою хлѣбъ-соль; войско семи царей идетъ на тебя съ пушками, съ снарядами, со всякими орудіями, съ мортирами; я прибѣжала, чтобы тебѣ дать знать объ этомъ; что ты теперь дѣлать думаешь?»—«Охъ! что мнѣ теперь дѣлать? Противъ такого войска мнѣ не въ мочь сражаться; посмотри, лиса, нѣтъ ли такого мѣста, гдѣ бы мнѣ спрятаться,» сказалъ Змѣй. На самой серединѣ двора стоялъ стогъ сѣна, величиною съ гору. «Прячься вотъ сюда; скорѣй, войско уже подходитъ,» закричала лисица. Разбивъ сѣно, вошелъ Змѣй въ середину. Съ четырехъ сторонъ подложила лисица огонь,—и Змѣй изжарился, какъ колбаса.

Ѣдутъ молодой и молодая, съ зурной, съ барабаномъ, впереди всадники, сзади пѣшіе, съ пальбой, съ шумомъ. Доѣхали они до степи, полной рогатаго скота. «Скотъ чей?» спросили пастуховъ передовые всадники. «Букучихана,» отвѣтили они. Поѣхали далѣе,—доѣхали до табуна. «Табунъ чей?» спросили. «Букучихана,» отвѣтили. Поѣхали далѣе,—нашли стада овецъ. «Стада чьи?» спросили. «Букучихана,» отвѣтили. Такъ же спросили и жнецовъ и косцовъ, — такъ же и тѣ отвѣтили. Изумились, уди-

вились всѣ, пересчитывая имущество Букучихана. Самъ же Букучъ ошалѣлъ, чуть съ ума не сошелъ. Ѣхали, доѣхали они до дворца Змѣя, а теперь Букучихана. Выйдя на встрѣчу, лисица отправила все сборище назадъ. Въ верхнія комнаты провела она молодыхъ, а въ нижнихъ сама стала жить. Кромѣ какъ съ женою спать, не было другой заботы Букучу; все остальное поручилъ онъ лисицѣ.

Чтобы испытать Букуча, разъ лисица растянулась посреди двора, притворясь мертвою и оскаливъ зубы. «Посмотри, Букучъ, наша лисица какъ будто околѣла,» сказала жена. «Хоть бы околѣть ей семь разъ сряду, давно уже надоѣло мнѣ эта негодяйка,» отвѣчалъ Букучъ. Разомъ вспрыгнувъ, запѣла лисица:

«Сказать ли, сказать ли?
О вшивомъ Хаджи сказать ли?
О липовомъ ружьѣ сказать ли?
О мельникѣ сказать ли?»

На колѣни упалъ Букучъ, молилъ, плакалъ, челомъ билъ. Простила лисица.

Нѣсколько времени спустя, вправду околѣла лисица. Боясь, что она опять притворяется, Букучъ разрѣзалъ курдюкъ и въ середину положилъ ее. И теперь еще, говорятъ, лисица тамъ.

Черная лисица.

Жилъ былъ бѣднякъ, у бѣдника былъ честолюбивый сынъ; для пропитанія своего, поочереди, пасли они городскихъ коровъ. Разъ, какъ пришла ему очередь, пошелъ сынъ съ коровами, пошелъ, дошелъ до морскаго берега. Нашелъ онъ тамъ выброшенную на песокъ огромную рыбу; въ воду попасть она не можетъ, умирать не умираетъ, а бьется. Тутъ же, встрѣтивъ шедшаго въ городъ человѣка, послалъ онъ вѣсть отцу, чтобы поспѣшно пріѣхалъ, взявъ съ собою пятнадцать аробъ; самъ же бросился въ воду, чтобы убить рыбу. Стала рыба умолять, призывая имя Божіе, и сказала юношѣ: «не убивай меня, столкни въ глубину, а въ черный день я отыщусь для тебя.« — «Какъ отыскать мнѣ тебя въ черный день?» спросилъ молодецъ.—«Изъ ноздрей моихъ

вырѣжь ты усъ и возьми его,» сказала рыба, «въ черный день, приди на берегъ, сожги ты его; не успѣетъ онъ еще сгорѣть, какъ выплыву я наверхъ.» Вырѣзавъ усъ, взялъ его юноша, а рыбу втолкнулъ въ воду.

Пріѣхавъ съ пятнадцатью арбами, спросилъ отецъ сына: «гдѣ рыба?—«Просила рыба, отпусти, въ черный день отыщусь я для тебя, и я отпустилъ,» сказалъ сынъ. Бранилъ его отецъ, ругался, бросился было убить его. Побѣжалъ оттуда молодецъ, побѣжалъ, прибѣжалъ въ лѣсъ. Блуждая по лѣсу, услышалъ онъ ревъ; пошелъ онъ на голосъ, взглянулъ,—видитъ, олень величиною съ буйвола, а нога у него прищемлена расколотымъ деревомъ. Бросился-было молодецъ зарѣзать его, сталъ человѣческимъ языкомъ умолять олень: «не рѣжь меня, высвободи отсюда ногу и, сорвавъ съ меня одинъ волосъ, отпусти меня; въ черный день сожги ты волосъ,—явлюсь передъ тобою, чтобы исполнить службу, которую прикажешь.» Сорвавъ съ него волосъ, отпустилъ его молодецъ.

Пошелъ молодецъ далѣе, пошелъ, много шелъ, мало шелъ, дошелъ до дерева, уходившаго въ поднебесье. На вершинѣ дерева гнѣздо орлицы, въ гнѣздѣ малые птенцы, къ нимъ ползетъ черный, какъ уголь, змѣй. Бросившись, убилъ молодецъ змѣя. Закричали ему птенцы: «наша мать ушла на охоту; пока вернется, побудь съ нами, поднявшись сюда.» Поднялся молодецъ вверхъ. Немного времени спустя, поднялись черныя тучи, забушевали вѣтры, пошелъ дождь, летитъ орлица; отъ маха крыльевъ ея поднялись тучи и вѣтры. Прилетѣвъ, опустилась орлица на дерево, весь окрестный лѣсъ опустился къ землѣ. Сказала орлица молодцу: «пернатое не пролетаетъ мимо дерева, на которомъ мои птенцы; съ неба-ли спустился ты, съ земли-ли поднялся?» Не успѣлъ еще вымолвить слова молодецъ, какъ сказали ей птенцы: «онъ убилъ змѣя, который ползъ, чтобы пожрать насъ; за то, сами мы просили его подняться сюда, чтобы показать его тебѣ и просить у тебя для него милости.»—«Возьми», сказала орлица, сорвавъ съ себя перо и передавъ ему, «въ черный день сожги его,—отыщусь я для тебя, отплачу за добро, которое ты мнѣ сдѣлалъ.»

Спустившись съ дерева, пошелъ молодецъ, пошелъ; кончился лѣсъ, вышелъ онъ на обширную равнину. Пошелъ онъ вдоль по равнинѣ, бѣжитъ ему на встрѣчу черная лисица, а за нею вереницей гонится множество борзыхъ. Уставъ до изнеможенія, спряталась лисица позади молодца; хотѣлъ-было онъ убить

ее.—«Не убивай меня,» стала умолять его лисица, «спаси отъ этихъ борзыхъ, выдерни съ меня волосъ и отпусти; въ черный для тебя день сожги ты этотъ волосъ,—отыщусь я для тебя въ тотъ день.» Прогнавъ борзыхъ и выдернувъ съ тѣла лисицы одинъ волосъ, отпустилъ ее молодецъ.

Пошелъ молодецъ далѣе, много шелъ, мало шелъ, дошелъ до нѣкотораго города. «Не примете ли гостя?» сказалъ онъ, войдя въ одинъ домъ. «Почему не принять? примемъ,» сказала сидѣвшая внутри дома старая женщина. Усадила она его, накормила, напоила. Насытившись, вышелъ онъ изъ дома, сказавъ, что пойдетъ посмотрѣть городъ.

Бродя, дошелъ онъ до середины города и нашелъ большія, высокія палаты; вокругъ палатъ желѣзный заборъ со стальными кольями, а на каждомъ колѣ по человѣческой головѣ. Вернувшись назадъ, спросилъ онъ старуху о палатахъ и головахъ. «У нашего царя есть дочь, сынъ мой,» сказала старуха, «безмѣрно красивая, разумная и гордая дѣвица она; ради славы ея, пріѣзжаютъ сюда сватать ее царскіе, княжескіе сыновья и всѣ, которые слывутъ по свѣту за молодцовъ. Кто сватаетъ ее, тому дозволяетъ она трижды спрятаться, съ условіемъ выйти за него, если она его не увидитъ; если же увидитъ, то отрубаетъ голову и сажаетъ на колъ; кому охота, тотъ идетъ прятаться; кто-же боится, уходитъ себѣ восвояси.» —«Пусть будетъ, что будетъ, а я пойду сватать ее,» сказалъ молодецъ.—«Не дурачься, сынъ мой, не ходи,» сказала старуха, «кто дѣлаетъ чего не слѣдуетъ, тотъ накликаетъ на себя нежданную бѣду; подъ небомъ-ли, подъ землей-ли, гдѣ бы ты ни спрятался, она увидитъ тебя.»—«Того, что испытали столько молодцовъ, почему и мнѣ не испытать? Умру-ли, останусь-ли въ живыхъ, а пойду я,» сказалъ молодецъ.

Пошелъ, вошелъ во дворецъ, закричалъ молодецъ: «государь! выйди посмотрѣть на зятя!»—«Ступай, дочь моя, дай ему отвѣтъ,» сказалъ царь дочери. Взойдя на верхъ башни, сказала она молодцу: «трижды спрячься такъ, чтобы я тебя не увидѣла, тогда я твоя; не то, если увижу, то отрубятъ тебѣ голову и воткнутъ на колъ; знай ты это.»—«Пойду я прятаться, отыскивай, какъ-то ты отыщешь?» сказалъ молодецъ. Выйдя оттуда, дошелъ онъ до берега моря, сжегъ усъ рыбы. «Чего хочешь, молодецъ?» говоря, къ берегу приплыла рыба. Разсказалъ онъ.—«Войди во внутрь меня.»—Раскрыла рыба ротъ, вошелъ молодецъ. Сверху до низа

прорѣзала рыба море; достигнувъ дна, легла она брюхомъ на пескѣ.

Стоя на верху башни, взглянула дѣвица внизъ, взглянула вверхъ, направила глаза на всѣ четыре стороны,—не видно молодца. Въ это время, на плывшую мимо рыбу разинула ротъ большая рыба; увидѣла дѣвица молодца, «выходи вонъ, не спрятаться тебѣ отъ меня въ рыбьемъ брюхѣ,» закричала она. Выйдя, сталъ онъ передъ нею. «Ступай, прячься во второй разъ,» сказала дѣвица.

Пошелъ, сжегъ молодецъ волосъ оленя. Быстро прибѣжавъ, спросилъ олень: «Чего хочешь, молодецъ?» Разсказалъ онъ. Посадивъ на спину, опрокинувъ назадъ голову, давъ рога въ руки, помчался олень, перевалился черезъ семь горъ, пустилъ въ скалистую пещеру молодца, а самъ легъ впереди, жуя жвачку.

Глядѣла дѣвица, глядѣла, внизъ, вверхъ глядѣла,—нѣтъ, не видать молодца. Теперь то не увидитъ меня, думалъ молодецъ; вдругъ олень отмахнулся головою отъ мухи, жужжавшей и кружившейся вокругъ,—увидѣла дѣвица молодца. «Ты въ пещерѣ, увидѣла я, выходи,» закричала она. Придя, сталъ передъ нею молодецъ. «Иди прячься въ третій разъ, постарайся хорошенько, это въ послѣдній разъ,» сказала дѣвица.

Пошелъ молодецъ, пойдя, зажегъ онъ перо орлицы. «Чего хочешь, молодецъ?» прилетѣвъ, спросила она. Разсказалъ онъ. Посадивъ его на себя, взлетѣвъ въ высь воздушную, очутившись посреди черной тучи, остановилась орлица, распустивъ крылья.

Смотрѣла дѣвица, смотрѣла; сколько ни смотрѣла, не видно, — нѣтъ молодца. Въ этотъ разъ выйду я невидимымъ, подумалъ молодецъ. Какъ разъ, вѣтеръ разсѣялъ и погналъ тучу; увидѣла его дѣвица. «Сидишь ты на орлицѣ, увидѣла я, слѣзай внизъ,» закричала она. Слѣзъ, пришелъ молодецъ. «Ведите его, отрубите ему голову,» сказалъ царь нукерамъ. Бросились они. Подбѣжавъ къ дѣвицѣ, началъ просить молодецъ: «позволь мнѣ спрятаться въ четвертый разъ; хотя и спрячусь, развѣ я укроюсь отъ тебя?» сказалъ онъ.—«Позволь, отецъ, ему въ четвертый разъ спрятаться; хотя и спрячется, нигдѣ не спасется онъ отъ насъ,» сказала дѣвица. Согласился царь.

Пойдя, зажегъ тутъ молодецъ волосъ, сорванный съ лисицы. «Чего хочешь?» сказавъ, выпрыгнула она. Разсказавъ все, что произошло, сказалъ онъ ей: «ну-ка, голубушка, развяжи теперь мѣшокъ своихъ хитростей, спрячь меня такъ, чтобы не

увидѣли.» Превратившись сама въ жида съ желтой бородой, съ сафьянами подъ мышкой, превратила лисица молодца въ блоху и, пустивъ между сафьянами, сказала ему: «пройду я передъ башней дѣвицы, позоветъ она меня на верхъ посмотрѣть сафьяны; въ это время, вспрыгнувъ на ея ногу и, пройдя ползкомъ, спрячься ты подъ ея грудью; дамъ отрѣзать бороду, если тебя она увидитъ.»

Смотрѣла дѣвица, смотрѣла, куда ни смотрѣла, не видно молодца, точно, будто свѣтъ покинувъ, сгинулъ онъ совсѣмъ; таращила, пялила она глаза. Въ это время, поравнялся съ нею жидъ, крича: «кто купитъ сафьяны, кто купитъ сафьяны?» Позвала она его на верхъ. Торопливо поднялся онъ на верхъ; поднявшись, бросилъ передъ дѣвицей сафьяны, бывшіе подъ мышкой. На ея ногу вспрыгнула, ползкомъ прошла, подъ грудью притаилась блоха.

«Ну что, дочь моя, не видишь?» закричалъ царь дочери. «Не вижу, отецъ, на всемъ видимомъ мною пространствѣ нѣтъ его,» сказала дѣвица. «Хорошенько попытайся, хорошенько посмотри, дочь моя,» сказалъ отецъ. Сколько ни пыталась она, сколько ни смотрѣла, не увидѣла она молодца. «Не вижу, отецъ, нѣтъ надежды увидѣть,» сказала она наконецъ. Только что успѣла она вымолвить это, какъ, прыгнувъ на землю, молодецъ принялъ прежній видъ свой.

Вотъ, вверхъ изъ мортиры начали палить, внизъ изъ пушки стрѣлять, ударили въ барабанъ, задули въ зурну, заиграли дудки, женился молодецъ на царской дочери. Оставивъ ихъ ѣдящими, пьющими, дующими, бьющими, пляшущими, прыгающими, самъ я, проплясавъ по-медвѣжьи, всѣми расхваленный, къ вамъ пришолъ, чтобы разсказать, какъ что было.

О х а й.

Жилъ былъ бѣднякъ, у бѣдняка былъ сынъ; городскихъ телятъ пасъ тотъ сынъ. Разъ, подъ вечеръ, вернувшись отъ телятъ, сказалъ онъ отцу: «отецъ! надоѣла мнѣ эта бѣдность; ни сытаго дня нѣтъ для насъ, ни радостнаго дня нѣтъ. Завтра поутру вставъ, пойду я къ телятамъ; какъ только я уйду, и ты ступай сватать за меня дочь нашего царя.» — «Ты взбѣсился, съ

ума сошелъ, что-ли? за телятника можетъ ли выйти царская дочь? объ этомъ и говорить не можно,» возразилъ отецъ. «Можно,» возражалъ сынъ; возникъ между ними великій споръ. Сказалъ сынъ, наконецъ: «угодно, ступай сватать за меня дѣвицу; не угодно, не ходи; но знай, что я уже болѣе не буду сыномъ и, покинувъ тебя, уйду куда бы то ни было.»

Вставъ по-утру, пошелъ молодецъ къ телятамъ. Принявъ слова его за вздоръ, изъ дому даже не тронулся отецъ. Подъ вечеръ, вернувшись домой, спросилъ его сынъ: «ходилъ ты сватать дѣвицу, или не ходилъ?» — «Полно глупости говорить, заботься о своихъ телятахъ,» сказалъ отецъ. Собрался сынъ покинуть домъ; на силу, то ласками, то угрозами, удержалъ его отецъ. Сказалъ ему сынъ: «если и завтра до моего возвращенія ты не пойдешь, то оставайся одинъ, болѣе и лица моего не увидишь.»

Вставъ по-утру, пошелъ къ телятамъ сынъ; почесывая голову, пошелъ старикъ къ царю. Побоялся онъ явиться къ царю, сталъ ходить взадъ и впередъ передъ дворцомъ; увидѣлъ его царь. «Пищи пришелъ просить этотъ бѣднякъ,» подумалъ царь и, давъ старику мѣру муки и бараньи бока, отпустилъ его.

Пришелъ сынъ подъ вечеръ; только что пришелъ, какъ спросилъ отца: «ходилъ ты или нѣтъ?» — «Ходилъ, сынъ мой, вотъ эту муку и эти бараньи бока далъ мнѣ царь и отпустилъ меня; это пригоднѣе для васъ, чѣмъ его дочь,» сказалъ отецъ. Изготовился сынъ со свѣта сгинуть, умереть, разбиться; тутъ силой удержалъ его отецъ. По-утру, идя къ телятамъ, сказалъ сынъ отцу: если и въ этотъ разъ до моего возвращенія ты не исполнишь требуемаго, то уже не надѣйся на мою жизнь.»

По-утру, только-что онъ ушелъ, поплелся старикъ, ахая и охая, къ царскому дворцу; увидѣлъ его царь. «Безъ нужды во второй разъ этотъ бѣднякъ сюда не пришелъ бы,» сказалъ царь и позвалъ его къ себѣ. «Что тебѣ надо, старикъ?» спросилъ его царь. «Что мнѣ надо, государь!» отвѣчалъ тотъ; «есть у меня сынъ, пасетъ онъ городскихъ телятъ. Не знаю, съ ума-ли онъ сошелъ, взбѣсился-ли, только въ эти два, три дня, не даетъ онъ мнѣ покоя, требуя, чтобы я сваталъ за него твою дочь; казни меня тутъ-же, не знаю я, что и дѣлать.» — «За-чѣмъ казнить тебя, старикъ, не казню, ты чѣмъ виноватъ?» сказалъ царь; «мнѣ все равно, что сынъ твой телятникъ; если онъ превосходитъ другихъ людей искусствомъ и смышленостію, то отдамъ за него дочь.»

Съ этимъ отвѣтомъ вернулся старикъ домой. Пришелъ до-

мой и сынъ. Разсказалъ ему отецъ сказанное царемъ. Отвѣчалъ сынъ: «теперь не знаю никакого искусства, ничего не смыслю, но узнаю все, хотя бы пришлось идти на край свѣта; завтра приготовься идти вмѣстѣ со мной.»—«Что же сдѣлаемъ мы съ телятами? хозяева вѣдь не пустятъ насъ,» возразилъ отецъ.—«Телятъ пусть съѣдятъ волки, а хозяева пусть перемрутъ всѣ до одного, не о нихъ у меня теперь забота,» отвѣчалъ сынъ.

Вставъ по-утру, пошли они; шли, шли, много шли, мало шли, дошли до холма. Сильно уставъ, сѣлъ старикъ на холмъ, сказавъ: Охай! *) На-двое холмъ разсѣлся и нѣкто выскочилъ наверхъ. «Что тебѣ надо, за-чѣмъ звалъ ты меня, старикъ?» спросилъ онъ.—«Не звалъ я тебя, сказалъ я «охай!,» потому-что усталъ,» отвѣчалъ старикъ.—«Мнѣ показалось, что ты зовешь меня, такъ-какъ имя мое Охай,» сказалъ тотъ. Разговорились они тутъ, разговорились, онъ говорилъ и они говорили. Узнавъ, чего они желаютъ, сказалъ Охай старику: «оставь у меня этого молодца учиться искусству и смышлености; превосходнѣе меня искусника нигдѣ нѣтъ; въ будущемъ году, въ этотъ самый день, приходи ты за нимъ.» Согласился молодецъ на это. По той же дорогѣ, по которой пришелъ, поворотилъ старикъ назадъ, а Охай скрылся подъ холмъ, взявъ съ собою молодца.

Посмотрѣлъ молодецъ, — серебряные дворцы, хрустальныя башни; въ башнѣ безмѣрно красивая, подобная гуріи сидитъ дѣвица. То была дочь Охая. Сказалъ ей отецъ: «лягу я немного отдохнуть; этому молодцу вѣроятно и ѣсть и пить хочется; угости его хорошенько.»

Съ перваго взгляда полюбили другъ друга молодецъ и дѣвица. Сказала ему дѣвица: «теперь начнетъ тебя учить искусству—разуму мой отецъ; послѣ каждаго урока спроситъ онъ тебя: «понялъ, или нѣтъ?» Смотри, если поймешь, говори, что не понялъ; если скажешь, что понялъ, то онъ убьетъ тебя, какъ убилъ уже многихъ подобныхъ тебѣ; онъ не хочетъ, чтобы, кромѣ его, другой человѣкъ узналъ искусство—разумъ.»

Началъ тутъ Охай учить молодца искусству—разуму. Послѣ каждаго урока спрашивалъ его Охай: «понялъ или нѣтъ?» Помня сказанное дѣвицей, не отвѣчалъ молодецъ иначе, какъ: «не понялъ,» а, между тѣмъ, самого даже Охая превзошелъ во всемъ.

Коротко-ли, долго-ли, исполнился цѣлый годъ; по сказанному

*) Т. е. Уфъ!

Охаемъ, сѣлъ отецъ молодца на холмъ. Раскрывъ холмъ, Охай поднялся наверхъ, взявъ съ собою молодца. Сказалъ онъ старику: «сынъ твой оказался безталантнымъ, безумнымъ дуракомъ; цѣлый годъ у меня пропалъ по-напрасну съ нимъ; возьми его назадъ; не знаю для него болѣе приличнаго искусства, какъ пасти телятъ.»

Пошли тутъ отецъ и сынъ, направясь домой. Дорогой началъ отецъ упрекать его, бранить, гнѣваться. «Съ такимъ-ли видомъ, съ такимъ-ли умомъ, задумалъ ты учиться искусству, задумалъ жениться на царской дочери? О своихъ телятахъ, да какъ бы ѣсть до-сыта хинкалъ, если бы ты заботился, то было бы и тебѣ лучше, и мнѣ старику столько горя и безпокойства не надѣлалъ бы ты.» Едва лишь успѣлъ высказать это отецъ, какъ сынъ, превратясь въ сѣраго жеребца, заигралъ передъ нимъ, заржалъ. Принявъ снова свой видъ, сказалъ онъ: «что это—искусство, или нѣтъ?»—«Искусство, сынъ мой, искусство,» отвѣтилъ отецъ. Подобнымъ же образомъ превратился сынъ въ сереброкрылаго ястреба, превратился въ золотогриваго оленя, сто разъ перемѣнилъ видъ. Наконецъ, принявъ свой видъ, сказалъ онъ отцу: «самого Охая превзошелъ я во всякомъ искусствѣ: знай это, но не говори объ этомъ другимъ; въ первый же базарный день превращусь я въ жеребца; выведя на базаръ, продай меня; но, смотри, съ нѣдоуздкомъ не продавай; дойдя до дому, найдешь ты меня уже сидящимъ передъ каминомъ.»

Въ базарный день превратился молодецъ въ сѣраго жеребца, пошелъ отецъ на базаръ продавать его. Продавъ за триста тумановъ и наполнивъ карманы деньгами, вернулся старикъ домой,—сидитъ сынъ передъ каминомъ. На второй базарный день молодецъ превратился въ гнѣдаго жеребца, пошелъ отецъ продавать его. Продавъ за ту же цѣну, вернулся старикъ домой,—сидитъ сынъ передъ каминомъ.

На третій базарный день превратился молодецъ въ вороннаго жеребца; повелъ его отецъ на базаръ. Торопливо подошелъ къ нему нѣкій человѣкъ. То былъ Охай, подъ другимъ видомъ, пришедшій на базаръ для кое-какихъ закупокъ. «Какая цѣна?» спросилъ онъ.—«Триста тумановъ,» отвѣтилъ старикъ. Отдавъ деньги, ударивъ по рукамъ, сталъ уже уводить коня тотъ человѣкъ. «Недоуздокъ оставь, съ недоуздкомъ не продаю его,» сказалъ старикъ. «Сто тумановъ надбавлю, оставь и недоуздокъ,» сказалъ человѣкъ; не согласился старикъ. «Двѣсти дамъ,» сказалъ; не согласился

старикъ. Наконецъ, когда надбавилъ еще триста тумановъ, то, обезумѣвъ отъ денегъ, не зная самъ, что дѣлаетъ, отпустилъ старикъ коня съ недоуздкомъ. Покатились слезы изъ глазъ коня.

Сѣвъ на него, пріударилъ Охай, погналъ, пріѣхалъ къ своему холму. Раздѣливъ его на-двое, вошелъ онъ во-внутрь, держа коня за поводъ, и закричалъ дочери,—вышла она. Хотя и былъ молодецъ въ образѣ коня, но все-таки она узнала его. «Дай мнѣ мечъ, дочь моя, чтобы изрубить коня,» сказалъ Охай. Войдя въ домъ, забросила она мечъ за шкапъ, а ножны выбросивъ на дворъ, закричала: «нѣтъ меча, отецъ, одни лишь ножны.»—«Копье хоть дай,» сказалъ Охай. Желѣзо туда же забросивъ, а древко выбросивъ на дворъ, закричала она: «острія нѣтъ, отецъ, одно лишь древко.» Вызвавъ дочь и давъ ей въ руки поводъ, пошелъ Охай самъ въ домъ искать оружіе. Снявъ недоуздокъ, пустила дѣвица коня,—въ видѣ сизаго голубя улетѣлъ онъ. «Вырвался, отецъ, вырвался!» закричала дочь. «Въ какомъ видѣ, въ какомъ видѣ?» закричалъ Охай, выбѣжавъ на дворъ. «Въ видѣ голубя улетѣлъ,» сказала дочь. Превратясь въ бѣлаго кречета, взвился вслѣдъ за нимъ Охай. Впереди голубь, за нимъ кречетъ, впереди голубь, за нимъ кречетъ. Влетѣвъ въ окно дворца, сѣлъ голубь на руку царя; на окнѣ, хлопая крыльями, сталъ кречетъ. Протянулъ царь голубя къ кречету,—въ красное яблоко превратился голубь, въ старика съ бѣлоснѣжною бородою превратился кречетъ. Протянулъ царь къ старику яблоко,—мелкимъ просомъ разсыпалось оно, а старикъ превратился въ насѣдку съ пятидесятью цыплятами. Начали птенцы и мать клевать просо, клевали, клевали, осталось одно лишь зерно; хотѣла насѣдка клюнуть его, превратилось зерно въ толстошеяго кота, который пообрывалъ шеи и матери и птенцамъ. Тутъ, принявъ свой видъ, сказалъ молодецъ царю: «искусство ли это, государь, или нѣтъ?»—«Искусство, молодецъ, да еще и какое!»—«Коли это искусство, то выдай за меня теперь свою дочь, если держишься условія,» сказалъ молодецъ.

Хорошо слово короткое, а веревка длинная. Женился молодецъ на царской дочери, потомъ женился и на дочери Охая. Оставивъ его, какъ ягненка, сосущаго двухъ матокъ, пришелъ я сюда.

О Балаѣ и о Боти.

Жилъ былъ царь, у царя было три сына. То, что мы разскажемъ, случилось, когда царь уже померъ и сыновья остались одни.

Нѣкогда услышали они, что на югѣ живетъ царь, у царя того есть дочь, которая положила завѣтъ выйти замужъ не-иначе, какъ за того, кто побѣдитъ ее въ борьбѣ. Изготовился старшій братъ ѣхать бороться съ нею; хорошо принарядился, хорошо вооружился, на хорошаго коня сѣлъ и поѣхалъ, сказавъ братьямъ: «счастливо оставаться.»

Ѣхалъ онъ, ѣхалъ, широкія долины оставилъ, глубокія ущелья оставилъ, просторную степь проѣхалъ, много ѣхалъ, мало ѣхалъ, нашелъ на дорогѣ стараго человѣка. «Куда спѣшишь, сынъ мой, куда путь держишь, если попуститъ Богъ?» спросилъ старикъ. Разсказалъ юноша. «Эта-ли дѣвица тебѣ нравится или совѣтъ стараго человѣка нравится?» спросилъ старикъ. «Я самъ кому угодно дамъ совѣтъ, и эту дѣвицу предпочитаю твоему совѣту,» отвѣчалъ онъ. «Счастливой дороги, сынъ мой,» сказалъ старикъ.

Ѣхалъ юноша, ѣхалъ, много ѣхалъ, мало ѣхалъ, доѣхалъ до столицы отца дѣвицы; подъѣхавъ, слѣзъ съ коня у воротъ царскихъ. Бросились нукеры; кто взялъ коня подъ уздцы, кто принялъ оружіе, другіе ввели въ комнату. Отборное кушанье принесли ему, сладкій напитокъ принесли; придя, сѣлъ подлѣ него царскій визирь; пріятный разговоръ завелъ. Кушая, попивая, разговаривая, время проводя, сказалъ визирь: «гость! чего желаешь ты, какая у тебя надобность? какое дѣло привело тебя сюда?»—«Желаю я бороться съ царской дочерью,» сказалъ юноша.— «Если пріѣхалъ за этимъ, то завтра, съ восходомъ солнца, будь совершенно готовъ и выйди на площадь, дѣвица выйдетъ къ тебѣ,» сказалъ визирь; «если тебѣ счастье, то ты одолѣешь дѣвицу; если же будешь побѣжденъ, то тебѣ отрѣжутъ голову и воткнутъ на колъ, знай это.» Сказавъ это, всталъ и ушелъ визирь. Крѣпко не понравилось юношѣ сказанное имъ.

До свѣта не спавъ, рано по-утру вставъ, на площадь вышелъ онъ; кругомъ смотрѣлъ народъ. Изъ моря наружу вышло солнце, вышла на площадь и дѣвица, затмѣвая нарядомъ своимъ блескъ солнца. Придя, ставъ передъ юношей, отворотила она сорочку и показала грудь; въ безпамятствѣ упалъ онъ. Бросились рабы, отрубили ему голову и воткнули на колъ.

По прошествіи нѣкотораго времени, поѣхалъ средній братъ разузнать, живъ или умеръ старшій братъ и притомъ, если придется, то и съ дѣвицей побороться. Ѣхалъ онъ, ѣхалъ, мало ѣхалъ, проѣхалъ тотъ же путь, что и старшій братъ, доѣхалъ

до того самаго старика. Что долго разсказывать? Также, какъ брату, отрубили ему голову и воткнули ее на колъ.

Долго ждалъ меньшой братъ прiѣзда старшихъ. Не возвращаются они; поѣхалъ онъ разузнать, что съ ними случилось, а, если придется, то и съ дѣвицей побороться. Ѣхалъ онъ, ѣхалъ, много ѣхалъ, мало ѣхалъ, ночью ѣхалъ, днемъ ѣхалъ, нашелъ того самаго старика тамъ, гдѣ нашли его братья. «Куда спѣшишь, сынъ мой, куда путь держишь, если попуститъ Богъ?» спросилъ старикъ. Разсказалъ онъ. «Красивая ли дѣвица тебѣ нравится, или стараго человѣка совѣтъ тебѣ нравится, сынъ мой?» спросилъ снова старикъ.—«Не противна мнѣ красивая дѣвица, но, хотя и не противна, болѣе нравится мнѣ стараго человѣка совѣтъ,» сказалъ юноша. —«Если совѣтъ тебѣ болѣе нравится, то научу тебя, сынъ мой,» сказалъ старикъ; «не превосходствомъ силы побѣждаетъ она людей въ борьбѣ; раскрывъ сорочку, показываетъ она грудь вышедшему на борьбу съ нею человѣку; увидѣвъ грудь ея, падаетъ на землю безъ чувствъ самый крѣпкiй человѣкъ; когда выйдешь бороться, то, опустивъ глаза внизъ, постарайся подскочить къ ней: легко одолѣешь ты ее.»

Поблагодаривъ старика, прiударилъ юноша коня, погналъ, прiѣхалъ въ городъ дѣвицы. Подобно старшимъ братьямъ, слѣзъ онъ съ коня у царскихъ воротъ. Бросились нукеры, взяли коня, приняли изъ рукъ оружiе, ввели въ комнату. Принесли ему ѣсть и пить, пришелъ визирь, сладкую, прiятную рѣчь завелъ, намъ извѣстный разговоръ завязался. Ушелъ визирь, сказавъ: «по-утру, съ восходомъ солнца, будь готовъ на площади.»

Вставъ до восхода солнца, вышелъ на площадь юноша; съ восходомъ солнца и дѣвица пришла. Раскрывъ сорочку, показала она грудь,—не глядя на нее, разомъ подскочилъ, мгновенно схватилъ и положилъ ее на землю юноша. «Пощадить тебя или зарѣзать, сука?» сказалъ юноша, приложивъ ей къ шеѣ кинжалъ. «Пощади, теперь я твоя,» сказала дѣвица. «Поѣзжай сей-часъ же со мной, спѣшу я домой,» сказалъ онъ, отпустивъ ее. «Поѣду, когда выполнишь ты возложенную мною на тебя службу; иначе, не выйду за тебя замужъ и не поѣду,» сказала дѣвица. «Если бы ты побѣдила меня, то отрубила бы мнѣ голову и воткнула бы ее на колъ,» сказалъ юноша; «теперь, мало что побѣдилъ я тебя, долженъ еще справлять твою службу; пускай, ты женщина, и мнѣ неприлично, подобно тебѣ, причудничать; приказывай, что у тебя за служба такая?» Вынувъ изъ сундука золотую туфлю,

бросила она ее передъ нимъ: «товарищъ ея потерянъ; отыскавъ, приди,» сказала дѣвица.

Въ сумку бросивъ туфлю, сѣлъ юноша на коня, пріударилъ, погналъ, поѣхалъ. Ѣхалъ онъ, ѣхалъ, много ѣхалъ, мало ѣхалъ, высокія горы оставилъ, глубокія ущелья оставилъ, широкія рѣки переѣхалъ, обширныя степи оставилъ; такимъ образомъ подвигаясь, доѣхалъ онъ до прекрасной, наполненной цвѣтами степи. По срединѣ степи подобный раю садъ, въ саду палаты, чарующія глазъ людской. Слѣзъ юноша у тѣхъ палатъ, пустивъ коня, стреноживъ его, вошелъ во-внутрь, посмотрѣлъ,—все есть, не достаетъ только человѣка, который бы жилъ въ нихъ; по срединѣ журчитъ бассейнъ холодной воды. Выкупавшись въ этомъ бассейнѣ, отъ усталости легъ и заснулъ онъ.

Спустя нѣкоторое время, разбудилъ его кто-то, толкая. «Эй, другъ!» сказалъ пришедшій, «развѣ это садъ твоего отца, что ты пустилъ въ него стреноженнаго коня? вставай-ко, посмотримъ, каковъ ты въ удальствѣ!» Проворно вскочивъ на ноги, посмотрѣлъ молодецъ, видитъ, — передъ нимъ юноша съ лучезарнымъ лицомъ. «Пѣшимъ ли хочешь подвизаться, или коннымъ?» спросилъ юноша. «Пѣшимъ,» отвѣчалъ тотъ. Схватились тутъ они другъ съ другомъ; одинъ двинулъ, другой двинулъ, не можетъ ни тотъ, ни другой повалить другаго. Между-тѣмъ, насталъ полдень, солнце пошло на закатъ, начало темнѣть, — не можетъ ни одинъ повалить другаго. «Довольно теперь, пусти меня,» сказалъ пришедшій юноша, «завтра рано приду я бороться, будь ты готовъ; за этимъ холмомъ пасутся мои бараны; сегодня вечеромъ ступай туда поѣсть и попить, здѣсь некому тебя угостить.» Сказавъ это, исчезъ онъ изъ глазъ.

Пошелъ юноша туда, гдѣ паслись бараны. Бросившись, пастухи взяли коня, приняли изъ рукъ оружіе, зарѣзали барана, величиною съ осла, наставили вертелы на огонь, сдѣлали большое угощеніе. Наѣвшись, напившись, повстали и ушли пастухи; остался передъ огнемъ юноша и съ нимъ другой молодой человѣкъ. «Кто хозяинъ этихъ барановъ, пріятель?» спросилъ его юноша. «Всѣ эти бараны принадлежатъ женщинѣ, и сама она еще незамужняя,» сказалъ пастухъ; «недалеко отсюда находится ея замокъ, и этотъ замокъ стерегутъ два змѣя.»

Разспросивъ пастуха о дорогѣ, взявъ съ собою тушу барана, поѣхалъ юноша къ замку дѣвицы; поѣхалъ, доѣхалъ, отворилъ ворота, вошелъ вовнутрь,—съ двухъ сторонъ два змѣя бросились на него. Разорвалъ онъ передъ ними тушу баранью надвое и ки-

нулъ имъ; вошелъ во-внутрь дома, взглянулъ, — лежитъ, спитъ молодой человѣкъ, боровшiйся съ нимъ днемъ. «Вставай, сука!» сказалъ юноша, положивъ руку на ея грудь, «вставай! охотнѣе буду я съ тобой бороться ночью, чѣмъ днемъ.» Разомъ встала дѣвица, схватились они; онъ двинулъ, она двинула, — не могутъ повалить другъ друга. Наконецъ, истощивъ всѣ средства, крѣпко сжалъ юноша ея правую грудь,—раздался звукъ, какъ бы щелкнулъ орѣхъ, и дѣвушка упала навзничь. «Теперь я твоя, дѣлай со мной, что хочешь,» сказала она. Какъ разъ, изъ одного угла вышелъ мулла, изъ другаго будунъ *); по закону сочетались; женился юноша на дѣвицѣ, стали они мужемъ и женой.

Прошло три ночи послѣ брака, на четвертую сталъ юноша готовиться въ дорогу. Спросила его жена: «куда ты ѣдешь, куда торопишься, откуда прiѣхалъ, куда теперь отправляешься?» Разсказалъ онъ ей, что произошло между нимъ и царской дочерью, вынулъ изъ сумы и бросилъ передъ нею туфлю. «Эта туфля спала съ моей ноги, иначе гдѣ бы ей достать ее?» сказала она. Поискавъ, дала она ему и другую туфлю.

Положивъ туфли въ сумы и простясь съ женою, сѣлъ юноша на коня, прiударилъ, погналъ, доѣхалъ. «Возьми», сказалъ онъ, бросивъ обѣ туфли передъ дѣвицей. «Есть мужъ, по имени Балай, и есть жена, по имени Боти; если ты не узнаешь, что произошло между ними, то я не выйду за тебя,» сказала она. Покачалъ юноша головой, сѣлъ на коня, поѣхалъ по дорогѣ, по которой прежде никто не ѣзжалъ.

Ѣхалъ онъ, ѣхалъ, много ѣхалъ, мало ѣхалъ, ночью ѣхалъ, днемъ ѣхалъ. Такъ ѣхавъ, проѣхалъ онъ столько дороги, сколько есть отъ ноздрей до рта **), попалъ онъ наконецъ въ такой край, гдѣ и воздухъ былъ другой и земля невиданная, въ солнечный день грязь, въ дождливый пыль. Тутъ, стреноживъ коня, пустилъ онъ его подъ деревомъ, вѣтви котораго уходили въ поднебесье. Посматривая вокругъ, взглянулъ онъ, черезъ нѣкоторое время, на вершину дерева,—тамъ было гнѣздо орлицы и въ немъ птенцы, каждый величиною съ быка. Позади его проползъ и полѣзъ къ нимъ трехглавый змѣй,—однимъ ударомъ убилъ его юноша, отрубилъ ему всѣ три головы. Черезъ нѣсколько времени, подобно тучѣ, колыхая лѣсъ и горы, прилетѣла орлица и сѣла

*) Помощникъ муллы.
**) Шутливое обозначенiе весьма-дальней дороги.

на гнѣздо. Прощебетали ей птенцы. «Эй, молодецъ!» сказала орлица, «теперь я тебѣ мать, а ты мнѣ сынъ, ты убилъ врага моихъ дѣтей; прикажи мнѣ службу, какъ бы велика ни была она, сослужу ее.»—«Доставь ты меня въ домъ къ Балаю и Боти, если хочешь сослужить, такъ сослужи мнѣ эту службу,» отвѣчалъ юноша. «Если туда отправимся, то ни ты, ни я, не вернемся, прикажи другую службу; ты можешь самъ отдыхать и спать, а я, между тѣмъ, сослужу ее тебѣ,» сказала орлица.—«Нѣтъ у меня другой службы; если сама не пойдешь со мной, то хотя покажи дорогу мнѣ къ Балаю и Боти,» сказалъ юноша.—«На смерть тебя отпустивъ, не придется и мнѣ на свѣтѣ жить; садись мнѣ на спину,» сказала орлица; сѣлъ юноша.

Взмахнула орлица крыльями; съ каждымъ взмахомъ, то гору оставляла она позади себя, то рѣки, то землю; оставляя, летѣла, сѣла на высокомъ холму, впереди же холма башни, упирающіяся въ поднебесье. Спустивъ на землю юношу, сказала орлица: «это Балаевы башни; ступай къ нему, скажи, что сказать слѣдуетъ, спроси, о чемъ спросить слѣдуетъ, и потомъ, улучивъ минуту, поспѣшно возвращайся сюда; если у тебя есть счастіе, то не пуститъ онъ стрѣлы, пока не дойдешь ты до меня; если же пуститъ, то и прежде тебя никто отъ нея не спасался и послѣ тебя никто не спасется.» Пошелъ юноша, дошелъ до башень. «Гостя примите-ли?» сказалъ онъ и вошелъ во-внутрь. «Примемъ, другъ, почему не принять!» сказалъ Балай, вставъ и взявъ его за руку. Усадилъ его Балай, разговорились они. На слово словомъ отвѣчая, спросилъ Балай юношу; «ну-ка, другъ, издалека ли ты пріѣхалъ, чего ты хочешь, какое дѣло имѣешь?» Разсказалъ юноша. «Прежде поѣдимъ,» сказалъ Балай, «потомъ разскажу тебѣ, что произошло между мной и женой.» Принесли ѣсть. Когда кончили ѣсть, то оставшееся кушанье положилъ Балай передъ борзой собакой; оставшееся отъ борзой поставилъ онъ передъ женщиной, которая на половину превратилась уже въ камень и стояла за дверью. Не хотѣла-было она ѣсть; взялъ Балай нагайку и поднялъ на нее,—стала она ѣсть. Не вытерпѣвъ, сказалъ юноша: «чѣмъ такъ виновата эта женщина, что ты заставляешь ее ѣсть оставшееся отъ собаки?»

«Я Балай,» сказалъ Балай, «а это моя жена Боти. Вступивъ въ бракъ, жили мы долгое время въ добромъ согласіи. Потомъ, каждый разъ, что я ложился возлѣ нея, тѣло Боти становилось холодно, какъ снѣжный сугробъ, какъ льдина.»—Разсказывая, при-

говаривалъ Балай: «какъ будетъ возвращаться, пущу я стрѣлу вслѣдъ другу.»—«Сталъ я подозрѣвать ее,» продолжалъ Балай, «и сталъ за нею присматривать. Разъ, вечеромъ, чтобы не заснуть, разрѣзалъ я себѣ конецъ большаго пальца и посыпалъ солью, легъ возлѣ нея, отъ зуда въ пальцѣ не могъ заснуть, а только притворялся спящимъ.»—«Какъ будетъ возвращаться, пущу я стрѣлу вслѣдъ другу.»—«Немного спустя, вижу,—встала она съ постели, одѣлась, вышла изъ дому; всталъ и я, навѣсилъ оружіе, вышелъ вслѣдъ за нею. Два коня стояло у меня на конюшнѣ, одинъ изъ вѣтру, другой изъ тучи; выведя изъ конюшни коня-вѣтеръ и, сѣвъ на него, уѣхала она; сѣлъ я на коня-тучу и поѣхалъ за нею.»—«Какъ будетъ возвращаться, пущу я стрѣлу вслѣдъ другу.» —«Впереди она, за нею я, впереди она, за нею я; какъ бы то ни было, но конь-вѣтеръ былъ быстрѣе, чѣмъ конь-туча; хотя изъ глазъ она у меня не пропадала, но не могъ я ее догнать. Такъ ѣхали мы и доѣхали до башни нартовъ. Боти, привязавъ коня у воротъ, вошла во-внутрь и поднялась въ верхній покой; гдѣ она привязала коня, тамъ и я привязалъ своего, и пошелъ вслѣдъ за нею.» — «Какъ будетъ возвращаться, пущу я стрѣлу вслѣдъ другу.»—«Отворивъ дверь, пошла она во-внутрь; ставъ у дверей такъ, чтобы меня не видали, смотрѣлъ я во-внутрь. Смотрѣлъ я,—было семеро братьевъ нартовъ, всѣ семеро, подобно тому, какъ дѣти бросаютъ другъ къ другу разноцвѣтный мячъ, забавлялись, перебрасывая жену мою одинъ къ другому. Наигравшись такъ до-устали, стали они ѣсть-пить. Когда кончили ѣсть и пить, вышелъ одинъ изъ братьевъ наружу,—ударомъ меча покатилъ я его голову; такимъ порядкомъ, шестеро вышли наружу,—всѣмъ шестерымъ отрубилъ я головы.» — «Какъ будетъ возвращаться, пущу я стрѣлу вслѣдъ другу.»—«Остались внутри Боти и самый меньшой братъ. Съ однимъ я и одинъ могу справиться, сказалъ я, и съ мечемъ въ рукѣ вошелъ въ комнату. Выхвативъ свой мечъ, бросился на меня нартъ; она отбѣжала въ сторону и смотрѣла на насъ. Я ударилъ, онъ ударилъ; не знаю, счастливѣе ли я былъ, искуснѣе ли былъ, только отъ моего удара отлетѣла у него нога; упалъ онъ на землю, а она выбѣжала изъ комнаты.»—«Какъ будетъ возвращаться, пущу я стрѣлу вслѣдъ другу.» —«Оставивъ нарта, бросился я вслѣдъ за нею; прежде чѣмъ успѣлъ я нагнать ее, сѣла она на коня-вѣтеръ и понеслась домой. Сѣлъ я на коня-тучу, погнался за нею. Ранѣе меня пріѣхала она домой и взяла въ руки мою волшебную плеть, ожидая

меня; только что я вошелъ въ комнату, ударила она меня плетью, сказавъ: «да превратишься ты въ щенную суку,»—превратился я въ щенную суку.»—«Какъ будетъ возвращаться, пущу я стрѣлу вслѣдъ другу.»—«Въ таковомъ видѣ, семь лѣтъ сряду оставался я при баранахъ, между псами. На восьмой годъ, придя къ баранамъ, ударила она меня плетью и сказала: «довольно тебѣ быть сукой, превратись теперь въ лошака,» — превратился я въ лошака, и въ этомъ видѣ оставался семь лѣтъ, таская настухамъ дрова. Послѣ того, ударила она меня въ третій разъ плетью, сказавъ: «превратись въ ястреба,»—превратился я въ ястреба. Прямо полетѣлъ я домой; спустя нѣсколько времени, пришла Боти; придя, повѣсила плеть на гвоздь и вышла изъ комнаты. Влетѣвъ въ комнату, ударился я о висѣвшую плеть и сказалъ: «да превращусь я въ прежняго Балая,» — въ прежняго Балая превратился я.»—«Какъ будетъ возвращаться, пущу я стрѣлу вслѣдъ другу.»—«Взявъ плеть, бросился я изъ комнаты вслѣдъ за нею; торопливо шла она назадъ; взглянувъ на меня, испустила страшный крикъ и безъ чувствъ упала на землю. «Не бойся, не бойся, не убью, не зарѣжу тебя, но, что я вытерпѣлъ, то и ты должна вытерпѣть: превратись въ щенную суку,» сказавъ, ударилъ я ее плетью,—стала она сукой. Сколько времени я самъ находился при стадѣ, столько времени и ее оставилъ между собаками; потомъ, превратилъ ее въ лошака; послѣ того—на половину въ человѣка, на половину въ камень и держу ее, давая ей ѣсть оставшееся послѣ собаки.» — «Какъ будетъ возвращаться, пущу я стрѣлу вслѣдъ другу.»—«Царская дочь, убившая твоихъ братьевъ,—сестра Боти, знай это. Держитъ она того нарта, которому отрубилъ я ногу, тайно отъ отца и народа, какъ мужа, въ подземельѣ, подъ комнатой, въ которой живетъ сама; тамъ и жительство для него устроено, отъ него и сынъ родился у нея. Вотъ, что произошло между мною и Боти, если хочешь знать,» сказалъ подъ конецъ Балай; «не безъ причины держу я ее, превративъ на половину въ камень и кормлю тѣмъ, что остается отъ собаки; терпитъ она то, что слѣдуетъ ей терпѣть; но... какъ будетъ возвращаться, пущу я стрѣлу вслѣдъ другу.»

Когда Балай кончилъ разсказъ свой, сказалъ юноша: «пойду-ка посмотрѣть твой дворъ—домъ.» Выйдя изъ комнаты, побѣжалъ онъ къ холму, гдѣ осталась орлица. Едва лишь добѣжалъ онъ до нея, какъ орлица, посадивъ его на спину, не жалѣя силъ, замахала крыльями въ обратный путь. Высокія горы оставила она, глубокія ущелья оставила,—летитъ, какъ будто буря несетъ ее.

Балай ждалъ ушедшаго гостя, долгое время ждалъ, — не идетъ; до полудня ждалъ,—не пришелъ. «Что съ нимъ случилось?» сказавъ, вышелъ Балай изъ комнаты,—духу нѣтъ гостя. Узнавъ, что онъ бѣжалъ, пустилъ Балай вслѣдъ ему стрѣлу;—со свистомъ ударилась она въ крыло орлицы, которая, столько пролетѣвъ, исчезала уже за хребтомъ; какъ бы изъ разорванной подушки полетѣли перья. «Попала въ тебя?» спросила орлица юношу. «Не попала, надъ лѣвымъ ухомъ пролетѣла, срѣзавъ волосы, — ты какъ?» спросилъ юноша. «Прошла, не задѣвъ кости; если намъ счастіе, то не пуститъ другой стрѣлы,» сказала она. Не пустилъ Балай другой стрѣлы, орлица доставила юношу въ царскую столицу, а сама вернулась домой.

Взявъ съ собою царя, отца дѣвицы, взявъ визиря, собравъ весь народъ, пошелъ юноша къ дѣвицѣ; разсказалъ то, что Балай ему самому разсказывалъ. «Все это ложь, даже не видалъ ты Балая; ни одинъ человѣкъ не уходитъ отъ стрѣлы Балая, ты какъ ушелъ? что ты за храбрецъ такой?» сказала дѣвица.— «Чтобы узнать ложь и истину, загляни подъ ея комнату,» сказалъ юноша царю; «тамъ, если не найдутся Балаемъ раненый, а ею взятый вмѣсто мужа хромой нартъ, и рожденный отъ него сынъ, то я лгунъ, убей меня тогда; если же найдутся, то поступи такъ же съ этой сукой.» Поблѣднѣвъ, не зная что сказать, вся задрожала дѣвица. Словомъ сказать: обнаружилось тутъ все дурное поведеніе ея, все ея безпутство. «Ты опозорила мою голову,» сказалъ царь и убилъ свою дочь, а юноша убилъ нарта и его сына.

Совершивъ столько подвиговъ, выйдя цѣлымъ изъ столькихъ опасностей, взявъ свою жену, пошелъ и воцарился въ отцовскомъ государствѣ юноша.

Братъ и сестра.

Жили были мужъ и жена. Семеро сыновей было у нихъ; сами они были богатые люди.

Нѣкогда обратились къ Богу съ мольбой мужъ и жена. «Боже,» сказали они, «далъ Ты намъ семь сыновей; дай намъ еще дочь, чтобы исполнять въ домѣ женскую работу; сами мы уже стары.» Внялъ Богъ ихъ мольбѣ; забеременѣвъ, въ надлежащее

время родила жена дочь. Когда исполнился день дочери, казалось, исполнился ей мѣсяцъ; когда исполнился мѣсяцъ, казалось, что исполнился ей годъ; такъ непомѣрно выростая, стала она достигать ужасающихъ размѣровъ.

Былъ у нихъ табунъ кобылицъ; семеро сыновей пасли его поочереди. Однажды, кончивъ свою очередь, пришелъ домой старшій сынъ. «Удивительное дѣло случилось сегодня,» сказалъ онъ, «какъ разъ въ полдень, черное какъ уголь существо, которому и названія нѣтъ, бросилось въ табунъ; въ одно мгновеніе, схвативъ въ ротъ кобылицу, исчезло оно изъ глазъ; а табунъ такъ и дрожалъ, храпѣлъ.» Тоже самое, кончивъ свою очередь, разсказалъ и слѣдующій братъ. Словомъ сказать: при каждой очереди шестерыхъ старшихъ братьевъ, произошло тоже чудо.

Пошелъ, въ свою очередь, младшій братъ. Въ самый полдень, прилетѣло въ средину табуна черное какъ уголь, тучѣ подобное существо; схвативъ въ ротъ кобылицу, поднялось оно на воздухъ. Легши на спину, пустилъ парень вслѣдъ за ней стрѣлу,—кобылица упала наземь, а чудо исчезло изъ глазъ.

Кончивъ свою очередь, пошелъ онъ домой; придя домой, нашелъ онъ, что отецъ, мать, братья и прочіе собираются перевязать руку сестры. Посмотрѣлъ онъ, — на ладони сестры увидѣлъ онъ рану отъ своей стрѣлы. «Что случилось съ нею?» спросилъ онъ.—«Нечаянно сама укололась ножемъ,» отвѣчали тѣ.—«Нѣтъ, это рана отъ моей стрѣлы; не человѣкъ дочь ваша, Картъ она; это она похищаетъ кобылицъ. Слѣдуетъ ее сейчасъ-же убить; иначе, она молодая глотаетъ кобылицъ, а послѣ и весь свѣтъ проглотитъ,» сказалъ онъ. Бросились тутъ всѣ на него. «Чѣмъ убить единородную дочь, околѣйте вы всѣ,» закричали отецъ и мать. «Тебя самого убьемъ,» закричали братья.—«Хорошо, довольно ея съ васъ,» сказалъ онъ и вышелъ изъ дому.

Пошелъ онъ, пошелъ, много шелъ, мало шелъ, въ другое царство пришелъ, до большаго города дошелъ. Въ этомъ городѣ дѣтей—головы не имѣвшихъ *), у старыхъ людей остановился онъ гостемъ; богатые люди были они. Не приняли они его какъ гостя, приняли какъ сына, посланнаго имъ Богомъ; не пустили они его въ другое мѣсто, оставили у себя.

Жилъ онъ тутъ, жилъ; прожилъ мѣсяцъ, прожилъ другой, третій; прожилъ годъ. Двухъ отличныхъ собакъ воспиталъ онъ;

*) Т. е. одинокихъ, безродныхъ.

одна называлась Быстрая-Нога, другая Тонкій-Слухъ; на цѣпяхъ были онѣ.

Однажды, сказалъ онъ найденнымъ отцу и матери: «къ родной сторонѣ лежитъ мое сердце; пойду я туда провѣдать и вернусь. Если мои собаки съ воемъ потянутъ цѣпи, спускайте ихъ, не мѣшкая.»

Пошелъ онъ, пошелъ; идя, ступая, приблизился онъ къ отцовскому селенію. Взобравшись на холмъ, съ котораго видно было село, посмотрѣлъ онъ, — все обрушилось, все село обратилось въ развалины; только изъ одного мѣста выходилъ дымъ. Пошелъ онъ туда, дошелъ, вошелъ во-внутрь, — нашелъ свою сестру; страшнымъ Картомъ стала уже она. Притворилась она, что радуется, обняла его, посадила, назвала братомъ, назвала жизнью. Такъ, разговаривая, распрашивая, вышла она во дворъ; выхватила ногу у лошади брата и проглотила ее. Войдя въ комнату, сказала она: «братъ! на треногой лошади развѣ ты пріѣхалъ?» — «Такъ, сестра,» отвѣчалъ онъ. Выйдя опять, проглотила она другую ногу; войдя, спросила снова: «братъ! на двуногой лошади развѣ ты пріѣхалъ?» — «Такъ, сестра,» отвѣчалъ онъ. Такимъ образомъ, проглотила она всѣ четыре ноги лошади. Наконецъ, проглотивъ туловище, сказала: «братъ! безъ лошади, пѣшкомъ развѣ ты пришелъ?» — «Такъ, сестра,» отвѣчалъ онъ. «Сестра», сказалъ онъ, «я голоденъ, изготовь что-нибудь закусить; а пока ты изготовишь, я поднимусь на крышу, чтобы посмотрѣть на свѣтъ.» — «Хорошо, братъ, поднимись; только ноги свѣсь ты въ потолочное окно, чтобы я могла видѣть,» сказала она.

Когда онъ поднялся на крышу, подбѣжала къ нему мышь. «Скорѣе спасайся,» сказала она; «иначе, какое твое намѣреніе? Отца и мать проглотила она, братьевъ проглотила; кромѣ меня, во всей странѣ ничего живаго не оставила она; сама я, прячась то туда, то сюда, насилу спасаю свою жизнь.» — «Какъ мнѣ бѣжать? Если и бѣжать, какъ спасусь?» сказалъ онъ. — «Въ потолочное окно свѣсь ты оба сапога, чтобы она думала, что ты здѣсь,» отвѣчала мышь; «если она заговоритъ, я буду отвѣчать; бѣги покуда безъ оглядки.» Свѣсивъ оба сапога въ потолочное окно, ударился парень бѣжать.

Заговорила Картъ, отвѣчала мышь. «Братъ! иди кушать,» закричала Картъ. — «Погоди немного,» отвѣчала мышь. — «Поскорѣй, кушанье стынетъ,» закричала она. — «Погоди немного,» отвѣчала опять мышь. — «Довольно, слѣзай,» закричала она въ третій разъ;

тотъ же отвѣтъ дала мышь. Въ гнѣвѣ, дернула Картъ оба сапога,—только и остались въ рукахъ они, больше нѣтъ ничего. Выбѣжавъ на дворъ, посмотрѣла она,—черной точкою кажется братъ, исчезаетъ онъ изъ виду. Бросилась она вслѣдъ за нимъ, бросилась, бросилась. Оглянулся парень назадъ,—догоняетъ она. «Боже,» взмолился онъ, «пусть ляжетъ между нами рѣка безъ моста,»—легла рѣка. Перешагнула ее Картъ. «Боже,» взмолился онъ вторично, «да станетъ между нами скала безъ дороги,»—стала скала. Однимъ прыжкомъ взобралась Картъ наверхъ. «Боже,» взмолился онъ въ третій разъ, «пусть выростетъ дерево, ушедшее подъ тучу, а на вершинѣ чтобы я былъ,»—сдѣлалось, какъ онъ молилъ.

Подошла Картъ. Вмѣсто топора вынула она коренной зубъ, вмѣсто топорища выдернула изъ головы волосъ; приладила и стала рубить дерево. Когда дерево стало клониться, закричалъ парень: «Быстрая-Нога, Тонкій-Слухъ!» Какъ бы запряженныя, ровно прибѣжали обѣ собаки; прибѣжавъ, бросились онѣ на Карта съ двухъ сторонъ и разорвали ее надвое.

Слѣзши съ дерева и ведя за собой собакъ, пошелъ парень. «Братъ! развѣ меня здѣсь оставишь?» сказала капля крови, которая упала на листокъ.—«Не оставлю, сестра,» сказалъ онъ; взявъ, положилъ онъ за пазуху тотъ листъ.

Какъ пришелъ домой, безъ языка упалъ парень и умеръ. Когда сняли платье и посмотрѣли, то увидѣли, что капля крови, проѣвъ бокъ, впилась ему въ сердце.

Царь-Дѣвица.

Жило-было, солнце пекло горячо, дождь лилъ ливмя; жилъ-былъ царь, самъ разумный, уставъ строгій; волоклись за нимъ тернія и кусты, слушались его народъ и земля. Имѣлъ онъ трехъ сыновей.

Вотъ, нѣкогда, лишился онъ зрѣнія, тѣломъ овладѣла болѣзнь, остался онъ въ немощномъ положеніи. Переговоривъ между собою, пошли всѣ три сына къ отцу. «Отецъ,» сказали они, «развѣ нѣтъ лекарства для твоихъ глазъ? Развѣ нѣтъ средства отъ твоей

болѣзни? Прикажи намъ; хотя бы пришлось отдать жизнь, будемъ мы искать лекарство.»—«Принесите плодовъ изъ саду Царь-Дѣвицы: вотъ лекарство для моихъ глазъ и средство отъ болѣзни, дѣти мои,» отвѣчалъ царь.

Изготовился старшій братъ; на добраго коня сѣлъ, хорошее оружіе навѣсилъ, ударилъ, погналъ. Нашу гору оставилъ, чужую гору оставилъ, сорочью, галкину горы оставилъ, снѣжную гору оставилъ, за ледяную гору перевалилъ. За этой горой нашелъ онъ старика съ бѣлою бородой, который сидѣлъ и сшивалъ дорогу *). «Привѣтъ тебѣ, отецъ мой; да не удастся тебѣ дѣлаемое,» сказалъ юноша, издѣваясь надъ старикомъ.—«И тебѣ привѣтъ, сынъ мой; чтобы и ты не имѣлъ удачи,» отвѣчалъ старикъ.

Поѣхалъ юноша далѣе, ударилъ, погналъ; достигъ онъ наконецъ такого мѣста, гдѣ текла молочная рѣка и среди зимы поспѣвалъ виноградъ. Чудные сады нашелъ онъ тутъ; ростутъ въ нихъ какіе только есть на свѣтѣ плоды. Если только есть у Царь-Дѣвицы сады, то они должны быть эти, такъ подумалъ юноша. Наполнивъ сумки разными плодами, погналъ онъ назадъ, пріѣхалъ къ отцу. «Привѣтъ тебѣ, отецъ мой,» сказалъ онъ, бросивъ предъ нимъ сумки.—«И тебѣ привѣтъ, сынъ мой; что такъ запоздалъ? какъ скоро ты пріѣхалъ!» отвѣчалъ отецъ.—«Право, отецъ,» сказалъ онъ, «доѣхалъ я до такого мѣста, гдѣ текла молочная рѣка и гдѣ среди зимы поспѣваетъ виноградъ; тамъ нашелъ я чудные сады. Если только есть у Царь-Дѣвицы сады, такъ должны быть эти, подумалъ я; набравъ въ нихъ плодовъ для тебя, вернулся я назадъ.»—«Увы, сынъ мой!» сказалъ царь; «много нужно проѣхать, чтобы доѣхать до садовъ Царь-Дѣвицы; до того мѣста, куда ты доѣхалъ, доѣзжалъ и я, въ молодости, скорѣе, чѣмъ хинкалъ сваривался на огнѣ.»

Изготовился средній братъ; на добраго коня сѣлъ, доброе оружіе навѣсилъ, ударилъ, погналъ. Когда перевалилъ онъ за ледяную гору, нашелъ онъ того самаго старика, сшивающаго дорогу. «Привѣтъ тебѣ, отецъ мой; да не удастся тебѣ твое дѣло,» сказалъ юноша, подобно старшему брату.—«И тебѣ привѣтъ, сынъ мой; чтобы и ты не имѣлъ удачи,» отвѣчалъ тотъ.

Ударилъ, погналъ юноша далѣе. Перейдя молочную рѣку, оставивъ за собой землю, гдѣ среди зимы поспѣваетъ виноградъ,

*) Она растрескалась отъ засухи.

доѣхалъ онъ до мѣста, гдѣ текла масляная рѣка, гдѣ была и грязь по колѣно и пыль отъ засухи. Нашелъ онъ такіе сады, что забылъ прежніе; въ нихъ плоды—только и можно найти въ раю. Наполнивъ сумки, проѣхавъ назадъ ту самую дорогу, пріѣхалъ онъ къ отцу. «Привѣтъ тебѣ, отецъ мой,» сказалъ онъ, бросивъ передъ нимъ сумки.—«И тебѣ привѣтъ, сынъ мой; что такъ запоздалъ? какъ скоро ты пріѣхалъ!» отвѣчалъ отецъ.—«Право, отецъ,» сказалъ сынъ, «перейдя за молочную рѣку, оставивъ позади землю, гдѣ среди зимы поспѣваетъ виноградъ, прибылъ я въ такую землю, гдѣ текла масляная рѣка, гдѣ грязь была по колѣно и пыльно отъ засухи; тамъ нашелъ я сады, подобные раю; подумавъ, что сады эти Царь-Дѣвицы, набралъ я въ нихъ плодовъ для тебя, и вернулся.»—«Увы, сынъ мой!» отвѣчалъ царь, «въ землю, до которой ты доѣхалъ, доѣзжалъ и я, въ молодыхъ годахъ, скорѣе чѣмъ успѣвалъ выкурить трубку табаку; много пути еще до садовъ Царь-Дѣвицы!»

Изготовился, поѣхалъ младшій братъ. Когда перевалился онъ за ледяную гору, нашелъ онъ того самаго старика, сшивающаго дорогу. «Привѣтъ тебѣ, отецъ мой; дѣло да удастся тебѣ,» сказалъ юноша.—«И тебѣ привѣтъ, сынъ мой; и тебѣ да будетъ удача,» отвѣчалъ старикъ.—«Ѣду я, чтобы рвать плоды въ саду Царь-Дѣвицы; не дашь ли совѣта мнѣ неразумному, отецъ мой?» сказалъ юноша.—«Дамъ, сынъ мой, почему не дать? Не одинъ, цѣлыхъ три дамъ,» отвѣчалъ старикъ. «Слушай,» сказалъ онъ, «перейдешь ты за молочную рѣку, перейдешь за масляную, перейдешь за медовую; проѣдешь еще столько, сколько проѣхалъ отъ дому до того мѣста; найдешь ты хрустальныя, серебряныя, золотыя башни, упирающіяся въ землю и въ небо; башни эти Царь-Дѣвицы. Найдешь ты желѣзныя ворота; не думай отворить ихъ рукою: на конецъ палки вбей желѣзный гвоздь и имъ отвори. Когда будешь входить въ садъ, оберни ноги травой. И плоды рукою не рви: расколи съ конца кусокъ девева и имъ срывай.»—«Спасибо, отецъ мой,» сказалъ юноша, ударивъ коня нагайкой.

Ударилъ онъ, погналъ. Перейдя за молочную, масляную и медовую рѣки, доѣхалъ онъ, въ сумеркахъ, до башень Царь-Дѣвицы. Привязавъ коня къ столбу, вбивъ на конецъ палки желѣзный гвоздь, толкнулъ онъ имъ ворота. «Желѣзо силитъ насъ, желѣзо силитъ,» закричали ворота.—«Что-же можетъ силить желѣзо, какъ не желѣзо? молчите, дайте мнѣ спать,» сказала изнутри Царь-Дѣвица, подумавъ, что одна половина воротъ придавила дру-

гую. Обвернувъ ноги травою, вошелъ юноша въ садъ. «Трава силитъ, трава силитъ,» закричала вся трава, какая была въ саду. —«Разумѣется, трава силитъ траву; дайте мнѣ спать,» сказала Царь-Дѣвица и въ этотъ разъ. Ей показалось, что трава мнетъ самое себя. Расколовъ съ конца кусокъ дерева, началъ онъ рвать плоды. «Дерево силитъ насъ, дерево силитъ,» закричали всѣ деревья.—«Разумѣется, дерево силитъ дерево; не шумите болѣе,» закричала Царь-Дѣвица. И въ этотъ разъ подумала она, что вѣтки ударились одна о другую.

Нарвавъ плодовъ, положивъ ихъ въ сумки, сѣвъ на коня, хотѣлъ было вернуться юноша. «Нѣтъ, погибну или нѣтъ, не вернусь, не увидѣвъ ея,» сказалъ онъ самъ себѣ. Взобрался онъ вверхъ, вошелъ во-внутрь,—увидѣлъ тутъ существо: на золотой кровати спитъ, на лбу звѣзда у ней, подъ мышкой мѣсяцъ свѣтитъ; станъ сжать можно между двумя пальцами, а выпустить, такъ весь свѣтъ собою наполнитъ. Въ ногахъ, въ головахъ, золотые, серебряные подсвѣчники; накрытый столъ, налитый кубокъ; всякія кушанья и напитки, кромѣ развѣ молока видвида *). Чтобы дать о себѣ знать, немного закусилъ онъ и выпилъ; затѣмъ, поцѣловалъ ее три раза и укусилъ за щеку: не проснулась она.

Отправился онъ назадъ; поѣхалъ, ударилъ, погналъ, пріѣхалъ къ отцу. «Привѣтъ тебѣ, отецъ мой,» сказалъ юноша, бросивъ передъ нимъ сумки.—«И тебѣ привѣтъ, сынъ мой; что такъ запоздалъ? Какъ скоро ты пріѣхалъ!» отвѣчалъ отецъ.—«Право, отецъ,» сказалъ онъ, «былъ я въ садахъ Царь-Дѣвицы; набравъ оттуда тебѣ плодовъ, вернулся назадъ; да послужатъ они тебѣ лекарствомъ.» Осязавъ рукою привезенные плоды, сказалъ отецъ: «хорошо, сынъ мой; и зрѣніе вернется теперь ко мнѣ и болѣзнь выйдетъ изъ тѣла.»

Вставъ утромъ, посмотрѣла Царь-Дѣвица въ зеркало, видитъ: на щекѣ знакъ отъ зубовъ. Посмотрѣла она на кушанья и напитки: и они тронуты. «Говори, кто былъ тутъ вечеромъ!» сказала она зеркалу. Всякую тайну знало ея зеркало. Разсказало зеркало. Семью царствами владѣла Царь-Дѣвица; собравъ со всѣхъ войска, пошла она въ землю того царя. Ставъ лагеремъ предъ его столицей, послала она сказать царю, чтобы онъ не медля прислалъ въ лагерь человѣка, который рвалъ плоды въ ея саду. «Прежде

---

*) Видвидъ—необъяснимое существо.

всѣхъ я рвалъ,» сказавъ, пошелъ въ лагерь старшій сынъ царя.— «Послушай, добрый молодецъ, ты, что-ли, рвалъ плоды въ моемъ саду?» спросила его Царь-Дѣвица.—«Я рвалъ,» отвѣчалъ онъ. — «Какъ ты рвалъ ихъ?» сказала она.—«Какъ рвалъ? руками рвалъ,» отвѣчалъ онъ.—«Не ладно, молодецъ, вернись своею дорогой,» сказала она. Послѣ старшаго брата пошелъ средній: и съ нимъ тоже вышло.

Пошелъ младшій братъ. «Послушай, добрый молодецъ, ты, что-ли, рвалъ плоды въ моемъ саду?» спросила она.—«Я рвалъ; кому же больше рвать?» отвѣчалъ онъ.—«Какъ рвалъ ты ихъ?» сказала она. Разсказалъ онъ все, что сдѣлалъ. Поднявшись, предъ цѣлымъ народомъ, три раза поцѣловала она его и укусила за щеку; потомъ, поцѣловавъ снова три раза и укусивъ другую щеку, сказала: «Это въ отместку; по адату, украденное слѣдуетъ взыскивать вдвое.»

Пошли они, обнявъ другъ друга, къ царю. Провела Царь-Дѣвица руками по своему лицу; затѣмъ провела ими по лицу и тѣлу царя. Въ это самое мгновеніе вернулось къ нему зрѣніе, болѣзнь вышла изъ тѣла, поздоровѣлъ, сдѣлался онъ какъ буйволъ. Затѣмъ, женился юноша на Царь-Дѣвицѣ. Народились сыновья, похожіе на отца, дочери, похожія на мать; живутъ и теперь въ удовольствіи.

Богатырь Назнай.

Слушайте, слушайте: было и не было, лиса съ зайцемъ въ полѣ жили, медвѣдь съ кабаномъ въ лѣсу жили; жилъ былъ въ странѣ Дагестанѣ богатырь; самъ паршивый, безъ макушки *). Должно было находиться впереди, — бывалъ онъ назади; должно было находиться назади,—бывалъ онъ впереди. Назывался онъ Назнай-богатырь. Жена поднимала головню, — за дверь прятался онъ: былъ онъ очень храбръ!

Разъ ночью забрался онъ подъ арбу для естественной нужды; свѣтъ мѣсяца такъ и лилъ **); подлѣ, съ кувшиномъ въ рукѣ, стояла жена. Безъ жены не выходилъ онъ ночью; говорилъ, будто-

*) Т. е. безъ головы, дураковатый.

**) Въ подлинникѣ: такъ и капалъ.

бы боится оставить ее одну; она же говаривала, будто-бы он боится выходить один.

—«Что за свѣтлая ночь! ночь, какъ разъ подходящая для набѣга,» сказалъ Назнай женѣ.

—«Берегись, волкъ идетъ!» закричала жена.

Вздрогнувъ, подскочилъ кверху Назнай; порядкомъ надсадилъ себѣ голову, ударившись объ арбу. Увела жена его въ домъ и сказала: «опротивѣла мнѣ твоя трусость и самъ ты опротивѣлъ; тотчасъ-же оставь мой домъ (домъ принадлежалъ ей), иначе, добраго дня ты тутъ болѣе не увидишь. Каждый божій день, утромъ и вечеромъ, буду я колотить тебя головней.» Началъ умолять ее Назнай, чтобы она дозволила ему остаться хоть до утра; согласилась она.

Утромъ, перекинувъ чрезъ плечо висѣвшую на стѣнѣ шашченку *), пошелъ Назнай. Идя, двигаясь, дошелъ онъ до мѣста, гдѣ прохожіе предъ тѣмъ ѣли плоды; много мухъ собралось тамъ. Выбравъ плоскій камень, хватилъ Назнай по тому мѣсту; поднявъ камень, посмотрѣлъ онъ: ровно пятьсотъ мухъ нашелъ убитыхъ.

Отправился Назнай далѣе; дошелъ до нѣкотораго города. Распросивъ, нашелъ онъ кузнеца и заказалъ ему вырѣзать на своей шашкѣ надпись: «однимъ взмахомъ пятьсотъ человѣкъ побивающій богатырь Назнай.»

Отправился Назнай далѣе; шелъ онъ много, шелъ мало, пройдя столько, сколько можетъ перепрыгнуть лягушка, дошелъ онъ до страны, ему неизвѣстной и которой былъ онъ самъ неизвѣстенъ; прибылъ въ столицу, гдѣ жилъ великій царь. Темнѣло уже; сталъ Назнай думать, гдѣ бы ему ночевать. Какъ разъ въ ту пору послышались вблизи зурна, барабанъ и пѣсни. «Вотъ мѣсто для меня; хуже нѣтъ, какъ быть съ пустымъ брюхомъ и съ сухой глоткой,» сказалъ Назнай, и пошелъ на звукъ; дошелъ онъ, смотритъ: большія хоромы, обширный дворъ; хоромы и дворъ полны мужчинъ и женщинъ; ѣдятъ они, пьютъ, поютъ, кричатъ. «Гостя не примете?» сказавъ, вошелъ Назнай во дворъ. Бросились парни; взяли у него шашку, ввели въ комнату, посадили на почетное мѣсто, кормили и поили его, пока не вылѣзло у него изъ ноздрей. Хоромы тѣ были царскаго визиря; въ эту ночь справлялъ онъ свадьбу сына.

Когда наѣлся и напился Назнай (на цѣлый мѣсяцъ запасся

---

*) Презрительное отъ шашка.

тутъ молодецъ), спросилъ его визирь: «откуда пришелъ ты, гость? Гдѣ твой городъ, твоя страна? Покупаешь ли ты или продаешь?» —«Что мнѣ самому говорить; взгляни на мою саблю; она скажетъ тебѣ, что я за человѣкъ,» отвѣчалъ Назнай. Обнаживъ, посмотрѣлъ визирь на саблю; выпучивъ глаза, посмотрѣлъ на Назная; снова посмотрѣлъ на саблю. Держа ее въ рукахъ, бросился визирь прямо къ царю. Царь еще болѣе удивился; позвалъ онъ рѣчистыхъ глупцовъ, сколько ихъ было въ городѣ; позвалъ умниковъ безъ разсудка, собралъ большой совѣтъ. Всѣ сказали царю: «чтобы ни пришлось сдѣлать, сколько бы ни пришлось его возвеличить, слѣдуетъ тебѣ удержать при себѣ богатыря Назная, пришедшаго изъ страны Дагестана; пока будетъ онъ жить, будешь ты какъ бы за желѣзной стѣной.»

Послалъ царь визиря, чтобы привести Назная; привелъ тотъ его. «Изъ страны Дагестана пришедшій богатырь Назнай,» сказалъ ему царь, «прежде я, послѣ ты; я отецъ, ты сынъ; возьми за себя мою единородную дочь, и останься при мнѣ; управляй моимъ царствомъ.»—«Останусь, какъ бы тяжело ни было, сдѣлаю тебѣ угодное,» отвѣчалъ Назнай, крутя усы. Въ ту-же ночь женился онъ на царской дочери, и, обнявшись съ нею, легъ на такую постель, съ которой если упасть, такъ костей не собрать.

По прошествіи недѣли, позвалъ его царь; сидитъ онъ на престолѣ, а кругомъ его многое множество людей. «Любезный зятюшка, богатырь Назнай,» сказалъ царь: »надѣясь, что ты услужишь мнѣ въ тяжелый для меня день, отдалъ я за тебя дочь и сдѣлалъ тебя зятемъ и сыномъ; насталъ для меня такой день; змѣй не даетъ покою моимъ табунамъ, моимъ стадамъ, моимъ баранамъ. Два раза въ годъ, въ извѣстное время, приходитъ онъ; завтра день его прихода; надо будетъ тебѣ выйти на него; однимъ взмахомъ побиваешь ты пятьсотъ человѣкъ: кому же выйти на него, какъ ни тебѣ?» Лишь только царь проговорилъ о змѣѣ, какъ поносъ овладѣлъ Назнаемъ; лишь только кончилъ царь говорить, какъ выбѣжалъ онъ на дворъ. Иные заговорили, что Назнай струсилъ; другіе сказали, что нѣтъ,—а выбѣжалъ онъ такъ скоро, разгнѣвавшись на змѣя.

Пошелъ Назнай домой; до полночи поносъ гналъ его на дворъ; въ это время уснула его жена, а самъ онъ бросился бѣжать, чтобы спасти голову.

Бѣжалъ Назнай, бѣжалъ, крѣпко бѣжалъ онъ; добѣжалъ до лѣсу. Крѣпко уставъ, обезсилѣлъ онъ; боясь спать на землѣ, за-

брался онъ на дерево, схватился обѣими руками за двѣ вѣтви и уснулъ.

Проснувшись, взглянулъ онъ внизъ,—спитъ змѣй, обвившись вокругъ ствола. Обезпамятѣвъ отъ страху, полетѣлъ Назнай сверху и упалъ прямо на него. Змѣй подумалъ, что Богъ въ гнѣвѣ ударилъ его молніей; лопнуло у него сердце, и околѣлъ онъ. Пришедъ въ себя, ударился Назнай бѣжать; оглянулся назадъ, — не движется змѣй. Понялъ Назнай, что онъ мертвъ; подойдя къ нему, отрубилъ ему голову и пошелъ къ царю. «Развѣ это змѣй? У насъ въ Дагестанѣ коты бываютъ такіе,» сказалъ онъ царю; «почему не послалъ ты на него дѣтей съ палками, не дѣлая мнѣ хлопотъ?» Не нашелся царь, что отвѣчать, такъ и остался съ разинутымъ ртомъ.

Спустя нѣкоторое время, вторично позвалъ его царь. «Любезный зятюшка, богатырь Назнай,» сказалъ царь, «трое нартовъ постоянно тревожатъ мое царство набѣгами; тревога ихъ дошла до меня; завтра долженъ ты идти на нихъ.» Снова поносъ схватилъ Назная; побѣжалъ онъ домой. До полночи поносъ не далъ ему покою; затѣмъ побѣжалъ онъ, чтобы спасти голову. Добѣжалъ онъ до того самаго лѣса, забрался на то самое дерево и заснулъ. Когда разсвѣло, посмотрѣлъ онъ внизъ, видитъ: пустивъ коней на треногахъ, подъ деревомъ остановились три нарта. Душа Назная ушла въ ножные пальцы, едва не упалъ онъ безъ памяти. «Когда у царя зятемъ богатырь Назнай, который однимъ взмахомъ побиваетъ пятьсотъ человѣкъ, намъ не слѣдуетъ быть такими безпечными и пускать коней на треногахъ,» сказалъ одинъ нартъ.—«Не боялись мы до сихъ поръ никого на свѣтѣ; его, что-ли, испугаемся?» отвѣчалъ другой. Завязалась тутъ у нихъ ссора; убили другъ друга всѣ три нарта.

Спустился Назнай съ дерева; отрѣзалъ онъ головы трехъ нартовъ, взялъ оружіе, снялъ платье. На двухъ лошадей навьючилъ онъ это, на третью самъ сѣлъ и поѣхалъ къ царю. Бросивъ предъ царемъ головы, сказалъ онъ: «такіе развѣ бываютъ нарты? У насъ въ Дагестанѣ сироты бываютъ такіе; зачѣмъ посылать на нихъ мужчинъ? Довольно бы съ нихъ и женщинъ.» Удивился царь, удивились и его окружающіе.

Спустя нѣкоторое время, въ третій разъ позвалъ его царь. «Любезный зятюшка Назнай,» сказалъ онъ, «иновѣрный царь объявилъ мнѣ войну; завтра, съ моимъ войскомъ, долженъ ты выступить въ его царство; иначе, впродолженіи этой недѣли, какъ

трава на землѣ, какъ звѣзды на небѣ, иновѣрное войско окружитъ вашу столицу.» Опять поносъ схватилъ Назная; побѣжалъ онъ домой. Въ эту ночь сто часовыхъ поставилъ царь вокругъ его дома, чтобы онъ, увлекаемый храбростью, снова не ушелъ одинъ. Сколько разъ Назнай ни старался выбѣжать изъ дому, не пустили его часовые; а жена хлопотала все вокругъ него, какъ бы боясь, чтобы не унесла его прилетѣвшая ворона. Въ эту ночь всякую нужду внутри дома покончить пришлось Назнаю.

Назавтра, собравъ все войско, въ средину поставивъ Назная, сказалъ царь: «двигайтесь съ Божьей помощью; знайте вы, что тотъ, кто не исполнитъ приказанія моего зятя, кто не будетъ поступать какъ онъ, тотъ измѣнникъ мой.»

Двинулось войско. Дѣлая шагъ впередъ, два-три назадъ, такъ двигаясь, подошло оно къ иновѣрному войску. Какъ только увидѣлъ Назнай иновѣрное войско, схватилъ его поносъ, стало у него въ порткахъ тепло. Снялъ онъ съ себя обувь, снялъ оружіе, начисто платье*) снялъ, чтобы легче бѣжать. Глядя на него, и все войско сдѣлало тоже, такъ какъ царь приказалъ дѣлать все то, что будетъ дѣлать онъ. Въ это время пробѣжала голодная, блудящая собака, и схвативъ въ ротъ сапогъ Назная (были они вымазаны саломъ, умри ихъ хозяинъ!), побѣжала туда, гдѣ стояло иновѣрное войско. «Гмъ! И ты, что-ли, будешь издѣваться надо мной,» вскричалъ Назнай, и побѣжалъ, какъ былъ голый, вслѣдъ за нею; за нимъ бросилось и все войско.

«Это не люди, а черти», подумало иновѣрное войско, и въ страхѣ разсыпалось во всѣ стороны, бросивъ имущество и казну. Забравъ все, что было, вернулся Назнай назадъ; пошелъ онъ, ведя войско, въ царство тестя. Къ приходу ихъ, царь оказался умершимъ; на мѣсто его все войско, въ одинъ голосъ, выбрало Назная.

Когда заходила рѣчь о храбрости, о подвигахъ, Назнай говаривалъ: «пусть храбрецовъ будетъ много, лишь бы счастіе мнѣ служило.» Да сломается счастіе твое, собака! Ходилъ я къ нему по дѣлу,—безъ ничего отпустилъ онъ меня.

---

*) Въ подлинникѣ: сдѣлалъ себя льду подобнымъ, т. е. обнажилъ начисто свое тѣло.

Волкъ и дятелъ.

Схвативъ овечку изъ стада барановъ, бросился волкъ бѣжать со всѣхъ ногъ. Добѣжавъ до дерева, услышалъ онъ вдругъ стукъ. Полагая, что на деревѣ человѣкъ, волкъ бросилъ овечку и пустился бѣжать еще быстрѣе прежняго. Отбѣжавъ довольно далеко, посмотрѣлъ онъ назадъ, — видитъ, то не человѣкъ, а дятелъ. «Охъ! да наступитъ для тебя несчастный день!» сказалъ тутъ волкъ: «нигдѣ не прекращается стукъ твоего молотка, а мастеромъ ты все-таки не сдѣлался!»—«На твою голову!» отвѣчалъ дятелъ: «вотъ и ты безпрестанно воруешь, а все таки не нажилъ стада и не сдѣлался его хозяиномъ.»

Человѣкъ и птичка.

Поставивъ силокъ, нѣкто поймалъ маленькую птичку. Сказала ему птичка: «на что я тебѣ годна? Съѣвъ меня, ты не будешь сытъ; лучше я дамъ тебѣ три хорошіе совѣта: одинъ совѣтъ дамъ, находясь еще въ твоихъ рукахъ, а другіе два—сидя передъ тобою на кустѣ; ради этого, выпусти меня.» Согласился человѣкъ. «Помни,» сказала птичка, «что какое-бы несчастіе ни постигло тебя, какой-бы вредъ ни испыталъ ты, не долженъ ты сожалѣть о томъ, что уже миновало.» Отпустилъ человѣкъ птичку. Сѣвъ на кустъ, заговорила опять она: «не вѣрь никогда тому, что противно здравому смыслу; а у меня въ зобу,» прибавила она, «есть кусокъ золота, величиною съ куриное яйцо; если-бы ты догадался зарѣзать меня и достать его, то могъ бы, лежа, быть сытымъ до самой смерти.»—«Ахъ, проклятый день,» сказалъ человѣкъ, закусивъ палецъ, «какой-же я безумецъ, какой-же я глупецъ!» Вспорхнувъ съ куста, хотѣла было улетѣть птичка, какъ человѣкъ закричалъ ей: «условіе было, что ты дашь мнѣ три совѣта: третьяго совѣта ты мнѣ еще не дала.» Отвѣчала птичка: «къ чему тебѣ дать третій совѣтъ, когда ты и двухъ первыхъ не умѣлъ принять? Вся-то я менѣе куринаго яйца,—какъ же можетъ у меня вмѣститься въ зобу кусокъ золота, величиною съ яйцо? Пусть бы это и было, то зачѣмъ пожалѣлъ ты о минувшемъ? Да будетъ это тебѣ третьимъ совѣтомъ.» Сказавъ это, исчезла птичка, улетѣвъ за холмы.

1868 года.
Темиръ-Ханъ-Шура.

Айдемиръ Чиркеевскій.

ЭТНОГРАФИЧЕСКІЕ ОЧЕРКИ.

СВАДЬБА ВЪ ГОРСКИХЪ ОБЩЕСТВАХЪ КАБАРДИНСКАГО ОКРУГА.

I.

Въ одну изъ моихъ поѣздокъ въ горскія общества Кабардинскаго округа мнѣ представился случай лично взглянуть на обряды, сопровождающіе свадьбу между обитателями горъ.

Хозяинъ, у котораго я останавливался въ эту поѣздку, со дня на день ждалъ прибытія изъ Карачая *) невѣсты, засватанной тамъ однимъ изъ его родственниковъ, и просилъ меня остаться до ея пріѣзда и принять участіе въ предстоявшемъ пиршествѣ. Вскорѣ за тѣмъ, къ всеобщему удовольствію, прискакалъ гонецъ и объявилъ, что свадебный поѣздъ находится отъ аула въ двухъ-трехъ часахъ ѣзды. Такъ какъ въ бракъ вступалъ *таубій* **) и, по принятому обыкновенію, невѣсту его должно было встрѣтить со всевозможнымъ почетомъ, то привезенное извѣстіе подняло въ аулѣ большія хлопоты: молодежь принялась ловить и сѣдлать лошадей, дѣвушки то и дѣло перебѣгали изъ одной сакли въ другую, люди солидные отдавали приказанія и непривычно суетились, а юное населеніе, съ крикомъ и гикомъ, спѣшило карабкаться на плоскія крыши сакель и занимать тамъ наиболѣе удобныя мѣста для наблюденій. Чрезъ полчаса суета угомонилась и изъ аула медленно двинулась цѣлая толпа разряженныхъ въ

*) Подъ именемъ Карачая извѣстно горское общество Эльборусскаго округа, Кубанской области, обитающее въ верховьяхъ р. Кубани.

**) Таубій—лицо, принадлежащее къ высшему сословію, въ горскихъ обществахъ Кабардинскаго округа. Таубій въ переводѣ значитъ горскій князь.

шелкъ и галуны дѣвушекъ, направляясь къ рѣкѣ, гдѣ былъ назначенъ пунктъ для встрѣчи и пріема невѣсты; туда-же поѣхала и арба, запряженная двумя добрыми волами и накрытая сверху, въ видѣ кибитки, персидскими коврами, предназначенная служить экипажемъ для почетной семьи. Молодежь забралась на коней и также отправилась на встрѣчу; къ нимъ присоединился и я.

Проѣхавъ версты три отъ аула, мы встрѣтили нѣсколько лошадей, навьюченныхъ сундуками съ приданымъ невѣсты—коврами, тюфяками, подушками и т. п.; караванъ этотъ служилъ авангардомъ свадебной процессіи и извѣщалъ о скоромъ приближеніи ея. И дѣйствительно, взъѣхавъ на одинъ небольшой гребень, внизу его, на площадкѣ, обнесенной кругомъ сосновымъ кустарникомъ, мы замѣтили довольно густую кучу людей, садившихся на коней. Чрезъ минуту люди эти, затянувъ *оридада* (свадебная пѣсня), двинулись въ путь по дорогѣ къ намъ. Замѣтивъ насъ, нѣкоторые изъ нихъ, отдѣлившись отъ другихъ, начали джигитовать; поровнявшись-же съ нами, этотъ маленькій отрядъ остановился и встрѣтившіеся начали привѣтствовать другъ друга. Оказалось, что люди эти были *кіеджэнгеры* (тоже, что у насъ поѣзжане), ѣздившіе за невѣстою и составлявшіе въ дорогѣ конвой ея. Одинъ изъ нихъ держалъ въ рукахъ длинную хворостину, на верхушкѣ которой развѣвался тонкій гарусный шарфъ и малиноваго цвѣта шерстяная перчатка. Это импровизированное знамя, не имѣющее особенно-присвоенной формы, служитъ знакомъ соединенія молодыхъ людей для одной общей цѣли—защиты ввѣренной имъ дѣвушки.

Сзади, саженяхъ въ 30-ти отъ конвоя, показалась другая небольшая кучка людей. Мнѣ сказали, что тамъ ѣдетъ невѣста, и потому я хотѣлъ подождать приближенія ея. Когда эта кучка поровнялась со мною, я увидѣлъ, что въ срединѣ ея, на лошади, сидитъ женская фигура—невѣста, съ ногъ до головы покрытая шалью; помѣщалась она на широкой подушкѣ, положенной на обыкновенное мужское сѣдло, придерживаемая сзади мужчиною, который правилъ и лошадью. Этотъ мужчина бываетъ обыкновенно или родной братъ невѣсты или самый ближайшій родственникъ ея; окружающая свита состоитъ также изъ родственниковъ. Тутъ

же ѣхали верхомъ двѣ пожилыя женщины изъ дома невѣсты, обычное назначеніе которыхъ состоять при ней я объясню ниже.

Такъ какъ ѣхать съ этою приближенною къ невѣстѣ кучкою постороннему человѣку считается неприличнымъ,—я поторопился догнать своихъ товарищей, примкнувшихъ къ *кіеджснгерамъ*, и вмѣстѣ съ ними достигъ до мѣста, гдѣ ожидали невѣсту туземный экипажъ и цвѣтъ горскаго прекраснаго пола. Переправившись чрезъ рѣку, отрядъ *кіеджснгеровъ* и присоединившаяся къ нимъ аульная молодежь тотчасъ-же удалились въ сторону, чтобы не присутствовать при томъ, какъ невѣста будетъ слѣзать съ лошади и садиться въ арбу. Я же, не послѣдовавъ на этотъ разъ туземному обычаю, остался посмотрѣть на церемонію пріема пріѣзжей вышедшими на встрѣчу дѣвушками. Какъ только поѣздъ приблизился къ тому мѣсту, гдѣ стояла арба, мужчины, сопровождавшіе невѣсту, слѣзли съ коней, а ожидавшія прибытія ея дѣвушки тотъ-часъ-же стали въ кружокъ около нея; одинъ изъ мужчинъ досталъ откуда-то ходули *), издали казавшіяся серебряными, на которыя стала снятая съ лошади невѣста; поддерживаемая съ обѣихъ сторонъ дѣвушками, она дошла до арбы и, съ нѣсколькими знатными изъ вышедшихъ къ ней на встрѣчу, сѣла въ этотъ экипажъ; остальныя дѣвушки остались вокругъ арбы. Въ такомъ порядкѣ поѣздъ тронулся съ мѣста, а съ ними, одновременно, двинулись впередъ и стоявшіе въ сторонѣ *кіеджснгеры*; большая часть изъ нихъ затянула опять *оридада*, а нѣкоторые зрители пустились скакать, стрѣляя въ бросаемыя по дорогѣ папахи.

За нѣсколько десятковъ саженей пути до аула, поднялась вдругъ непонятная для меня тревога: вся молодежь съ ужаснымъ

---

*) Въ Кабардѣ и въ горскихъ обществахъ ея женщины высшаго сословія ходятъ не иначе какъ на низенькихъ ходуляхъ; ходули эти по большей части деревянныя, но бываютъ и серебряныя; устроены онѣ изъ двухъ стременообразныхъ дощечекъ, высотою въ 3—4 вершка, къ которымъ сверху прикрѣплена третья плоская дощечка, длиною въ 5—6 вершковъ; эта послѣдняя дощечка имѣетъ форму подошвы или просто четырехугольника; по срединѣ ея прикрѣпленъ ремень, въ который всовываютъ ногу, становясь на ходули.

крикомъ пустилась скакать по направленію къ аулу. Въ первый моментъ я не могъ никакъ постигнуть причины, вызвавшей такое быстрое движеніе, но потомъ, такъ какъ дорога шла на гору, я замѣтилъ, что вся толпа *кіеджենгеровъ* преслѣдовала одного человѣка. Желая знать въ чемъ дѣло, я также далъ плеть своему коню и продолжалъ наблюдать за происходившимъ. Преслѣдуемый лихо скакалъ, направляясь къ одному изъ крайнихъ дворовъ, обнесенному высокою каменною стѣною, и въ свою очередь тоже громко кричалъ и махалъ рукою. Въ то время, какъ онъ приближался къ воротамъ означеннаго двора, нѣсколько человѣкъ изъ аула подбѣжали туда и, быстро снявъ загораживавшія ворота жерди, пропустили во дворъ передняго всадника, а за тѣмъ тотчасъ-же снова заложили ворота. Между преслѣдовавшими, замѣтившими эту предательскую выходку, поднялся шумъ еще съ большимъ неистовствомъ. Нѣкоторые изъ нихъ, успѣвшіе подскакать къ воротамъ, торопились сбросить ненавистныя жерди. Эта маленькая задержка дала возможность убѣгавшему скрыться съ глазъ. Преслѣдованіе прекратилось, но толпа не унималась и продолжала страшно кричать. Между этимъ временемъ успѣлъ приблизиться и я туда и, къ моему удовольствію, встрѣтилъ тамъ своего хозяина, который не замедлилъ объяснить мнѣ причину суматохи. Оказалось, что одинъ изъ аульныхъ стариковъ, протиснувшись къ знаменоносцу, сорвалъ съ древка шарфъ и ускакалъ. Потерять это импровизированное знамя считается между горцами величайшимъ позоромъ, способнымъ вызвать серьезную драку и непріятныя послѣдствія ея. По мнѣнію солидныхъ людей, молодежь, позволившая какимъ бы то ни было путемъ овладѣть знаменемъ, можетъ допустить это и по отношенію къ невѣстѣ. Не смотря однакожъ на дурныя послѣдствія, вызываемыя подъ-часъ смѣлымъ нападеніемъ на святыню *кіеджենгеровъ*, нападенія эти дѣлаются все-таки почти при каждой свадьбѣ. Обычай этотъ, по всей вѣроятности, остался напоминаніемъ о прошломъ горцевъ, когда, при непріязненныхъ отношеніяхъ съ сосѣдями, подобныя нападенія имѣли нешуточное значеніе, и обязываетъ молодежь не дремать даже и при нынѣшнихъ, „мирныхъ“ условіяхъ жизни.

Осрамленные на этотъ разъ *кіедженгеры* продолжали еще сильнѣе кипятиться и грозить виновнику ихъ срама, но, въ это время, уже близко къ аулу приближался торжественный поѣздъ невѣсты; по неволѣ молодежь пріумолкла и соединилась съ поѣздомъ для того, чтобы сопровождать невѣсту при вступленіи ея въ аулъ и потомъ въ домъ жениха. Едва эта толпа, увеличившаяся еще аульными зѣваками, вступила во дворъ жениха, какъ раздалась сильная ружейная трескотня; гулъ выстрѣловъ, крики людей и страшная давка на необширномъ дворѣ жениха продолжались до тѣхъ поръ, пока невѣсту, закрытую по прежнему съ ногъ до головы, не увели въ приготовленную для нея саклю. Въ это время я употреблялъ всѣ усилія, чтобы какъ нибудь протиснуться впередъ и посмотрѣть на церемоніалъ пріема невѣсты въ домъ жениха; но, двинувшись нѣсколько впередъ, лошадь моя рѣшительно отказывалась идти дальше и то и дѣло металась изъ одной стороны въ другую, оглушаемая не умолкавшими выстрѣлами; получивъ въ этой давкѣ нѣсколько довольно-чувствительныхъ толчковъ, я счелъ за лучшее убраться на время съ этого двора.

Къ вечеру шумъ немного пріутихъ и къ намъ въ кунацкую ввалилось нѣсколько человѣкъ изъ бывшихъ *кіедженгеровъ;* едва эти молодые люди ступили за порогъ, какъ были встрѣчены насмѣшками бывшихъ въ кунацкой; за оплошность—главную причину потери знамени—ихъ просто-на-просто величали „бабами",—эпитетомъ въ высшей степени укоризненнымъ для мужчины и особенно джигита. Когда натѣшились вдоволь надъ смущенною молодежью, разговоръ перешелъ на другіе предметы, пока наконецъ не послышались въ дворѣ жениха мѣрное хлопанье въ ладоши и визгъ какого-то музыкальнаго инструмента.

Въ это время вошелъ въ кунацкую и мой хозяинъ съ предложеніемъ идти попировать и повеселиться на свадьбѣ. Я тотчасъ же воспользовался предложеніемъ.

Вышедши изъ кунацкой, я увидѣлъ въ той сторонѣ, гдѣ находился дворъ жениха, яркое освѣщеніе. Пробираясь по узкимъ и темнымъ закоулкамъ аула, мы чрезъ нѣсколько минутъ вступили въ этотъ дворъ, наполненный, какъ и часа три тому назадъ,

большою толпою, на этотъ разъ пѣшею; пробравшись сквозь толпу, мы очутились на небольшой площадкѣ, оставленной посреди двора для танцующей публики. Здѣсь, на срединѣ, былъ разложенъ большой, ярко-пылавшій костеръ изъ сосновыхъ дровъ, а полукругомъ около него паръ двадцать дѣвушекъ, въ перемежку съ мужчинами, тихо и медленно, съ отсутствіемъ даже малѣйшихъ порывистыхъ движеній, отплясывали свой мѣстный танецъ. Музыка, подъ которую плясала молодежь, состояла изъ одной длинной деревянной дудки, называемой горцами *сыбызга*, и изъ нѣсколькихъ деревянныхъ трещетокъ—*харсъ* *); дудка, приставленная верхнимъ своимъ отверстіемъ къ одному изъ боковыхъ верхнихъ зубовъ, издаетъ страшно-пронзительный звукъ; съ акомпаниментами-же трещетки, въ тактъ ударяемой о другую руку, съ припѣваніемъ окружающей толпы въ одинъ тонъ и ноту и съ хлопаньемъ въ ладоши,—музыка эта, своимъ ужаснымъ диссонансомъ, производитъ чрезвычайно непріятное ощущеніе для слуха, сколько нибудь знакомаго съ стройностью звуковъ.

Расположившись съ одной стороны костра на нарочно приготовленномъ диванчикѣ, покрытомъ подушками, я принялся за наблюденія. Первое, что бросилось мнѣ въ глаза—это были пестрые костюмы дѣвушекъ, состоящіе изъ цвѣтныхъ рубашекъ и шалваръ, подвязанныхъ внизу, у чевякъ; все это покрывалъ длинный бешметъ съ серебряными застежками на груди, а талію охватывалъ широкій поясъ съ массивными серебряными бляхами; головы дѣвушекъ были покрыты высокими шапками, обшитыми снизу до верху галунами и имѣющими форму—какъ двѣ капли воды—пули системы Минье; словомъ — горянки были одѣты по праздничному, но весь этотъ нарядъ представлялъ собою полнѣйшее олицетвореніе безвкусія. Ко всему этому нужно еще прибавить, что между дѣвушками не было, буквально, ни одного сколько-нибудь сноснаго лица, какъ будто нарочно старались собрать однѣхъ безобразныхъ.

---

*) *Харсъ* состоитъ изъ четырехугольной, продолговатой, деревянной дощечки съ ручкою; около основанія ручки, къ дощечкѣ свободно привязаны еще нѣсколько дощечекъ меньшей величины, которыя, ударяясь одна о другую, издаютъ трескучій звукъ.

Смотря на эти лица, я невольно вспомнилъ обычай туземцевъ, который обязываетъ женщинъ, при встрѣчѣ съ мужчиною, оборачиваться къ нему спиною. Если предположить, что учредители туземныхъ обычаевъ имѣли какое-нибудь понятіе о человѣческой красотѣ, то отсутствіе ея въ ихъ женщинахъ, по всей вѣроятности, служило-бы не послѣднею причиною основанія вышеприведеннаго обычая. Впрочемъ, мужчины-горцы не раздѣляютъ съ нами, русскими, мнѣнія о некрасотѣ ихъ женщинъ; они находятъ, что ихъ женщины очень благообразны, и нерѣдко можно встрѣтить такого горца, который, къ вашему крайнему и безконечному удивленію, восхищается какимъ-нибудь настоящимъ уродомъ съ лица; но нужно имѣть небольшой навыкъ, чтобы постигнуть ихъ понятія и условія о красотѣ: горецъ требуетъ отъ женщины, или вѣрнѣе, отъ дѣвушки не привлекательность лица, а стройную тонкую талію, высокій ростъ и приличную худощавость. На сколько горскія дѣвушки обладаютъ этими послѣдними качествами, можно заключить изъ того, что онѣ, затянутыя въ свои корсеты, имѣютъ зачастую совершенно одинаковый объемъ какъ въ таліи, такъ и въ плечахъ, блѣдное лицо и плоскую грудь; вотъ это-то горцы и называютъ стройностью и эти субъекты служатъ предметомъ ихъ страстныхъ увлеченій.

Такъ какъ, между сверкавшими серебромъ нарядами, нерѣдко попадались и весьма скромные и чаще—дѣвушки съ простыми новязками на головахъ, то я и полюбопытствовалъ узнать, не отъ разницы-ли въ средствахъ происходитъ скромность нѣкоторыхъ нарядовъ. Оказалось, что кромѣ этой, само-собою разумѣется, главной причины, богатство наряда и особенно головной уборъ составляютъ сословное преимущество. Такимъ образомъ на всѣхъ горскихъ празднествахъ, имѣющихъ по обычаю вполнѣ демократическій характеръ, сразу можно отличить дѣвушекъ высшаго сословія.

Вся эта толпа, какъ сказалъ я выше, стояла полукругомъ; кое-гдѣ между дѣвушками, взявши ихъ подъ руки, стояли мужчины, образуя такимъ манеромъ длинную, непрерывную цѣпь; цѣпь эта, медленно, переступая съ ноги на ногу, подвигалась вправо;

дойдя до извѣстнаго пункта, одна крайняя пара отдѣлялась и немножко живѣе, дѣлая незамысловатыя въ ногу па, двигалась къ противоположному концу танцующихъ и вновь примыкала къ нимъ; за ними другая, слѣдующая пара и такъ далѣе; двигаются этакимъ порядкомъ до тѣхъ поръ, пока играетъ музыка. Нѣкоторыя-же пары, изъ желанія-ли воодушевить танцующихъ или порисоваться собственнымъ умѣніемъ танцовать, отдѣлившись отъ цѣпи и вышедши на средину круга, расходились и принимались отплясывать что-то въ родѣ лезгинки; въ это время музыка переходила въ фортиссимо, сопровождалась гиканіями и выстрѣлами.

Во все время танцевъ, между танцующими и особенно около любопытной толпы, суетился одинъ молодой человѣкъ, имѣвшій въ рукахъ довольно большую и длинную палку; онъ то и дѣло отгонялъ наступавшую толпу, прикрикивалъ на танцующихъ, пускался самъ плясать, словомъ—поспѣвалъ всюду. Иногда въ два-три прыжка онъ оказывался посрединѣ площадки и, остановившись прямо въ упоръ передъ танцующею парою, заграждалъ ей дальнѣйшій путь своимъ посохомъ; парочка останавливалась и кавалеръ медленно отправлялся рукою къ себѣ за пазуху, доставалъ оттуда кошелекъ или портмоне и платилъ за свадебный пропускъ; получивъ „выкупъ,“ молодой человѣкъ быстро удалялся, поднималъ вверхъ руку, показывая всѣмъ достоинство полученной имъ монеты или кредитнаго билета, пряталъ эти деньги, и очутившись вновь около толпы, успѣвшей въ его отсутствіе нахлынуть за указанную черту, безъ милосердія билъ по ногамъ переступившихъ границу. Слышались всеобщій хохотъ и брань тѣхъ, кому досталось отъ строгаго блюстителя порядка. Задержки танцующихъ и требованіе „выкупа“ повторялись довольно часто, при чемъ не имѣвшіе денегъ давали какую-нибудь мелкую вещицу, въ родѣ натруски, кошелька и т. п. Требовавшій выкупа не ограничивался одними танцующими: часто, остановивъ дѣвушку, онъ обращался къ кому-нибудь изъ стоявшихъ въ сторонѣ и, разумѣется, выбиралъ такого, который по его расчету могъ заплатить деньги.

Молодой человѣкъ этотъ имѣетъ значеніе распорядителя танцевъ и по-горски называется *бегеуль;* обыкновенно въ это званіе

выбирается расторопный и бойкій человѣкъ—мастеръ на всѣ руки. Собираемый имъ выкупъ идетъ въ пользу музыкантовъ.

Между тѣмъ, какъ я слѣдилъ за танцующими, вокругъ меня собралась довольно большая кучка людей почтенныхъ, не раздѣлявшихъ веселья молодежи; пригласивъ нѣкоторыхъ изъ нихъ сѣсть на диванъ, я приступилъ было къ распросамъ подробностей свадьбы, но музыка, гудѣвшая надъ самымъ ухомъ, хохотъ толпы, визгъ и пискотня полунагихъ дѣтишекъ, забравшихся по сосѣдству на крыши, рѣшительно не давали возможности говорить; къ тому-же вскорѣ появилась передъ нами и полуведерная деревянная чаша съ пивомъ; осушаемая и вновь наполняемая, она не уставала ходить изъ рукъ въ руки стоявшей около меня кучки и самымъ нагляднымъ образомъ давала чувствовать свое присутствіе: нѣкоторые почетные люди, сидѣвшіе или стоявшіе до того весьма солидно, начинали уже выражать свое участіе въ свадьбѣ сперва тихимъ, а потомъ и довольно шумнымъ хлопаньемъ въ ладоши, а нѣкоторые, помоложе, пустились танцовать и сами. Всякій разъ, какъ кто-нибудь изъ почетныхъ пускался въ танцы, музыка тотчасъ-же оживлялась и каждое па танцующаго сопровождалось громкими рукоплесканіями и другими одобрительными пріемами, въ видѣ неистовыхъ взвизгиваній и стрѣльбы.

Такъ какъ веселье должно было продолжаться всю ночь, а мнѣ, какъ человѣку непривычному къ подобному увеселенію и принимавшему въ немъ лишь пассивное участіе, оно наскучило своимъ однообразіемъ, то я и попросилъ своего хозяина пойти домой. Оказалось, что хозяинъ и самъ былъ непрочь удрать съ праздника и стѣснялся только моимъ присутствіемъ.

Возвратившись въ гостепріимную кунацкую и расчитывая еще на довольно-большой остатокъ времени до полуночи, я попросилъ хозяина моего разсказать мнѣ обычай сватовства и вообще женитьбы въ горахъ.

II.

Родственники человѣка, желающаго вступить въ бракъ, если они принадлежатъ къ высшему сословію въ горахъ, прежде всего начинаютъ наводить справки о семействѣ, изъ котораго предполагаютъ взять невѣсту, и если, по справкамъ, это семейство удовлетворяетъ всѣмъ условіямъ обычая, т. е. хорошаго происхожденія—равнаго съ желающими свататься—и имѣетъ достаточное матеріальное состояніе, то приступаютъ къ сватовству. Для этого выбираютъ одного изъ племянниковъ или вообще близкаго родственника (родной братъ или посторонній можетъ быть въ качествѣ свата, когда нѣтъ родственниковъ) и, снабдивъ его необходимыми инструкціями, отправляютъ туда, гдѣ живутъ родные выбранной дѣвушки. Довѣренный, прибывши къ этимъ послѣднимъ, смотря по обстоятельствамъ, или прямо объявляетъ о своемъ намѣреніи или же даетъ знать о немъ намеками. Когда нѣтъ причинъ безъ всякихъ объясненій отказать сватающему, собираются всѣ родственники дѣвушки и общимъ собраніемъ рѣшаютъ, принять-ли предложеніе довѣреннаго жениха или отказать ему? Если женихъ, въ свою очередь, удовлетворяетъ всѣмъ требованіямъ обычая, родственники соглашаются принять предложеніе, но, не давая рѣшительнаго отвѣта, зовутъ дѣвушку изъ семейства *аталыка* *) невѣсты и вмѣстѣ съ нею посылаютъ довѣреннаго жениха къ самой невѣстѣ узнать лично отъ нея, желаетъ-ли она вступить въ предлагаемый ей бракъ. Довѣренный жениха, послѣ троекратнаго вопроса о согласіи дѣвушки на бракъ, получивши удовлетворительный отвѣтъ, возвращается къ роднымъ дѣвушки и объявляетъ имъ объ этомъ. Тогда призываютъ аульнаго эфендія (мулла), который пишетъ *накяхъ*—брачное условіе; вызвавъ довѣренныхъ со стороны жениха и невѣсты, онъ сажаетъ ихъ передъ собою на корточки и

---

*) *Аталыками* вообще въ Кабардѣ называются члены семейства, въ которомъ воспитываются малолѣтнія дѣти лицъ высшаго сословія. По туземному обычаю, дѣти этихъ людей отдаются на воспитаніе въ избранное семейство изъ простаго класса тотъ-часъ-же послѣ рожденія; *аталыки* съ этихъ поръ считаются уже родственниками тѣхъ, чье дитя поручено имъ.

соединяетъ большіе пальцы ихъ правыхъ рукъ; обхвативъ эти пальцы своею правою рукою, онъ спрашиваетъ о согласіи ихъ довѣрителей вступить въ бракъ; получивъ необходимый отвѣтъ, эфендій читаетъ молитву и тѣмъ завершаетъ обрядъ вѣнчанія.

Согласіе дѣвушки на выходъ въ замужество требуется непремѣнно, но оно, какъ и у людей болѣе цивилизованныхъ, не всегда служитъ выраженіемъ собственнаго желанія дѣвушки и зачастую составляетъ лишь одну требуемую мусульманскимъ закономъ форму. Дѣвушка, заключивъ изъ разговора присланной къ ней депутаціи, что родственники на предварительномъ совѣщаніи уже рѣшили выдать ее замужъ, изъявляетъ на то и свое согласіе, руководясь въ этомъ случаѣ искони заведеннымъ порядкомъ и боязнью скомпрометировать отказомъ родную семью. Да и разбирать-то бѣдной дѣвушкѣ, выгодна или нѣтъ предлагаемая партія, не приходится: она, въ буквальномъ смыслѣ, раба обычая, раба воли старшихъ.—Положимъ, по чему-бы-то ни было, она откажетъ одинъ разъ—надѣлаетъ только исторію, наживетъ себѣ кучу упрековъ и прослыветъ разборчивою невѣстою, а въ другой, наконецъ въ третій или четвертый разъ, все-таки принуждена будетъ выйти замужъ указаннымъ выше порядкомъ; оставаться-же вѣкъ дѣвушкою, горянки высшаго сословія такъ-же, какъ и всѣ другія въ мірѣ дѣвушки, имѣющія одну цѣль въ жизни—замужество, не большія охотницы. Выйти замужъ по сердечному влеченію имъ даже и думать нельзя; предметами ихъ сердецъ, по большей части, бываютъ люди незнатнаго происхожденія, т. е. тѣ, которые имѣютъ доступъ въ семьѣ дѣвушки за-просто, а этимъ правомъ пользуется лишь простой народъ. Люди-же высшаго круга, по кодексу туземныхъ приличій, могутъ встрѣчаться съ дѣвушками своего-же сословія только на различныхъ празднествахъ, но отнюдь не разговаривать съ ними. Само-собою разумѣется, что при такихъ условіяхъ бракъ по влеченію и къ тому-же съ соблюденіемъ сословныхъ предразсудковъ почти невозможенъ. Выйти-же за простолюдина и при этомъ, конечно, по секрету,—значитъ осрамить семью, оскандализировать себя и навлечь кучу непріятностей и гоненій на любимаго человѣка, виноватаго только въ томъ, что онъ не родился таубіемъ.

Впрочемъ, не смотря на всѣ эти грозныя послѣдствія, бываютъ случаи, что дѣвушки пренебрегаютъ своимъ сословнымъ происхожденіемъ и положеніемъ въ обществѣ и бросаются въ объятія своего любезнаго—простаго, незнатнаго человѣка. Такъ какъ вообще немного охотницъ слѣдовать подобнымъ героическимъ примѣрамъ, то почти всѣ горскія барышни выходятъ замужъ по желанію родныхъ и не имѣя понятія не только о наружности своего будущаго супруга, но часто и никогда не слышавши о немъ. Это послѣднее случается потому, что въ горахъ претендентомъ на руку дѣвушки является обыкновенно не только не одноаулецъ, но даже и не житель одного общества; главная причина тому родственныя узы высшаго класса, который въ цѣломъ обществѣ не рѣдко составляетъ одну фамилію. Хотя по шаріату и могутъ вступать въ бракъ двоюродные, но мѣстный обычай этого не допускаетъ.

Болѣе счастливая доля выпала на сторону горянокъ простаго класса: онѣ не стѣснены тяжелыми правилами этикета, не ведутъ замкнутой жизни, не избѣгаютъ встрѣчъ съ аульною молодежью и потому имѣютъ возможность выбирать себѣ мужей по сердцу.

Говоря, какимъ образомъ выходятъ замужъ дѣвушки, я думаю, нелишнимъ будетъ сказать нѣсколько словъ и о томъ, какъ смотрятъ на это и мужчины. Здѣсь главную роль также играетъ не личное расположенье къ дѣвушкѣ, которую молодой человѣкъ, можетъ быть случайно, проѣздомъ, видѣлъ одинъ разъ,—чаще совсѣмъ не видитъ,—а сословное ея положеніе и расчетъ. Мужчинамъ, впрочемъ, обычай позволяетъ дѣлать нѣкоторыя уступки сословнымъ ихъ взглядамъ и они могутъ брать женъ себѣ изъ сословія, не равнаго имъ, въ томъ предположеніи, что мужъ женѣ даетъ и имя и права; обратнаго-же условія, какъ видѣли выше, обычай не допускаетъ.

По совершеніи *накяха*, со стороны жениха должна быть внесена третья часть калыма, слѣдуемаго за жену. Этотъ послѣдній въ горскихъ обществахъ Кабарды распредѣляется слѣдующимъ образомъ: лица, принадлежащія къ сословію таубій, платятъ отъ 700 до 1,000 руб. сер., а фамилія таубіевъ Урусбіевыхъ,

какъ исключеніе, 1,500 руб.; лица простаго сословія — не свыше 300 руб. Спустя нѣкоторое время послѣ уплаты первой трети калыма, вносится вторая, а затѣмъ, обыкновенно чрезъ годъ, женихъ можетъ взять невѣсту въ свой домъ и послѣ этого уже заплатить остальную часть калыма. Впрочемъ, такое раздѣленіе во взносѣ калыма не составляетъ непремѣннаго правила, обязательнаго для каждаго; о размѣрѣ частей калыма и срокахъ взноса ихъ, при совершеніи накяха, дѣлается особое условіе. Бываютъ случаи, что требуютъ уплаты калыма въ одинъ разъ.

При совершеніи накяха, кромѣ части калыма, со стороны жениха слѣдуетъ сдѣлать подарокъ отцу или брату невѣсты — одну лошадь и пару быковъ; а эфендію, писавшему условіе,—одну лошадь или, если женихъ человѣкъ не особенно-состоятельный, — 10 рублей.

Когда настаетъ время взять невѣсту въ домъ жениха, послѣдній собираетъ въ своемъ аулѣ молодежь, и вмѣстѣ съ нею самъ, или ближайшій родственникъ его, отправляется туда, гдѣ живетъ невѣста. Родственники невѣсты, предъувѣдомленные заранѣе о прибытіи кіедженгеровъ, жениха, дѣлаютъ приготовленія къ отъѣзду ея, а между тѣмъ приглашаютъ дѣвушекъ и молодежь, которыя до отъѣзда невѣсты веселятся въ домѣ у ней; веселье это, какъ и на свадьбѣ, заключается въ пляскѣ. Женихъ, если онъ самъ пріѣхалъ за невѣстою, во все это время скрывается у кого-нибудь изъ своихъ знакомыхъ и никуда не показывается; точно также онъ скрывается и въ своемъ аулѣ, пока празднуется свадьба; здѣсь для своего пребыванія онъ выбираетъ домъ когонибудь изъ своихъ короткихъ знакомыхъ, который съ этого времени становится уже для него родственникомъ, въ родѣ аталыка, и называется *болушьюй*. Женихъ въ поѣздѣ невѣсты также не бываетъ и слѣдуетъ сзади; въ свой аулъ въѣзжаетъ ночью и такъ, чтобы никто не видѣлъ.

Обыкновенно, при отправленіи партіи жениха за невѣстою, участвующіе въ ней одѣваются самымъ лучшимъ образомъ. Пріѣхавши въ аулъ невѣсты, они щеголяютъ передъ тамошнею молодежью своимъ нарядомъ, оружіемъ и лошадьми; все это дѣлается,

разумѣется, съ цѣлью сколь возможно возвысить достоинство жениха. Мѣстная молодежь какъ нельзя лучше пользуется хвастовствомъ пріѣзжихъ и обираетъ ихъ, въ силу обычая, съ ногъ до головы. Такимъ образомъ къ отъѣзду *кіеджемгеры* обращаются въ толпу оборванцевъ, а мѣстная молодежь начинаетъ щеголять ихъ костюмами и оружіемъ.

Когда сборы невѣсты окончены, *кіеджемгеры* достаточно обобраны и все заготовленное пиво выпито, невѣсту отправляютъ въ путь; въ дорогѣ слѣдуютъ указаннымъ выше порядкомъ.

По пріѣздѣ въ домъ жениха, свадебное веселье, если женихъ таубій, продолжается дней 10 — 15; простой-же народъ веселится дней семь.

Въ супружескія права женихъ вступаетъ или въ день привоза невѣсты въ его домъ, или на другой день. Къ молодой супругѣ онъ отправляется не иначе, какъ тайкомъ и ночью; въ первое посѣщеніе, молодаго мужа сопровождаетъ въ домъ жены кто-нибудь изъ близкихъ и друзей его; войдя въ саклю, мужъ садится на кровать, а жена въ это время стоитъ въ углу около кровати, съ головы до ногъ покрытая шалью; пришедшій вмѣстѣ съ мужемъ снимаетъ послѣднему чевяки и затѣмъ удаляется изъ сакли. Мужъ обязанъ снять съ жены покрывало и вообще раздѣть ее. Такъ какъ горскія дѣвушки, для сбереженія стройной, тонкой таліи и вообще граціозности, еще съ малолѣтства зашиваются въ сафьянный корсетъ, то молодому мужу представляется немало трудовъ и хлопотъ снять этотъ корсетъ, развязавъ аккуратно всѣ узелки, съ умысломъ хитро-запутанные подругами невѣсты передъ увозомъ ея въ замужество; разорвать-же или разрѣзать эти узелки считается большимъ стыдомъ для молодаго человѣка; но не смотря однакожъ на это, нерѣдко, какъ передавали мнѣ по секрету нѣкоторые молодые мужья, всѣ узелки разрываются, уступая силѣ или кинжалу молодаго человѣка.

Чрезъ нѣсколько дней послѣ окончанія свадебнаго пира, новобрачный дѣлаетъ угощеніе для мужчинъ, т. е. кормитъ и поитъ ихъ, а на другой день послѣ этого угощаетъ всѣхъ аульныхъ женщинъ и дѣвушекъ (жены таубіевъ не бываютъ здѣсь, такъ какъ

онѣ вообще никуда не показываются); каждая состоятельная женщина, идя на это угощеніе, должна принести съ собою одного барана, котелъ пива и котелъ *бузы* *), а кто побѣднѣе—курицу, кувшинъ пива или бузы или, наконецъ, что въ состояніи. Этотъ назначаемый для угощенія женщинъ день называется *цувалганъ-гюнь* и играетъ весьма важную роль въ свадебной процедурѣ: въ этотъ день снимаютъ съ новобрачной покрывало и съ этого времени она остается навсегда съ открытымъ лицомъ и если случается, что закрываетъ его иногда послѣ, то это дѣлается лишь при посѣщеніи ея какими-нибудь особенно-важными гостями. Когда нужно приступить къ этой церемоніи—„открытію" лица новобрачной—мужъ заранѣе выбираетъ кого-нибудь изъ своихъ ближайшихъ пріятелей и поручаетъ это дѣло ему; послѣдній отправляется въ саклю новобрачной и тамъ, палкою, обмотанною съ конца шелковою матеріею, сбрасываетъ покрывало. Исполнившій этотъ обрядъ становится родственникомъ новобрачныхъ — также аталыкомъ. Кромѣ этого, въ тотъ-же самый день показывается народу все привезенное молодою приданое. Тутъ-же молодая обязана подарить матери своего мужа, а за неимѣніемъ ея—сестрѣ его шелковый полный женскій костюмъ; такой-же подарокъ должна сдѣлать и аталычкѣ, т. е. воспитательницѣ мужа.

Молодой супругъ живетъ въ домѣ своего пріятеля—болушьюй — не только свадебное время, но часто, по обычаю, остается въ этомъ домѣ нѣсколько мѣсяцевъ и даже годъ, посѣщая въ это время свой домъ и жену только по ночамъ. Когда-же, наконецъ, онъ оставляетъ домъ болушьюй, этотъ послѣдній обязанъ сдѣлать, по средствамъ, угощеніе аулу. Въ благодарность за гостепріимство, новобрачный даритъ при этомъ случаѣ лошадь, а потомъ, отъ времени до времени, семейство болушьюй получаетъ и другіе подарки, болѣе или менѣе цѣнные. Благодарность за госте-

*) *Буза* приготовляется изъ проса; это довольно хмѣльной напитокъ; напоминаетъ русскую брагу.

пріимство вообще не ограничивается только матеріальнымъ вознагражденіемъ, но выражается также и покровительствомъ семейству болушьюй, если проживавшій у нихъ человѣкъ вліятельный и сильный въ обществѣ.

Когда новобрачная раздастъ, по принятому обыкновенію, привезенное съ собою приданое родственникамъ и близкимъ знакомымъ своего мужа, она отправляется снова въ домъ своихъ родителей, гдѣ живетъ тогда до двухъ лѣтъ; въ это время, передъ отъѣздомъ своимъ вновь къ мужу, она дѣлаетъ угощеніе своимъ одноаульцамъ; родственники и остальные жители аула въ этотъ разъ обязаны сдѣлать ей подарки, каждый сообразно съ своимъ состояніемъ. Забравъ все подаренное ей, она отправляется къ мужу. Вотъ это-то благопріобрѣтеніе, въ сущности, и составляетъ дѣйствительное приданое жены.

При вступленіи въ бракъ таубія, съ каждаго двора въ аулѣ должны дать ему по одной штукѣ рогатаго скота, стоющей не менѣе 10 руб.; подарокъ этотъ извѣстенъ у горцевъ подъ названіемъ *берне*.

Всѣхъ описанныхъ выше порядковъ придерживаются строго только люди привиллегированнаго класса; у простонародія-же принято дѣлать все это гораздо проще.

Мужчина этого послѣдняго сословія, пріобрѣтя возможность жениться (собравши калымъ), выбираетъ знакомую и нравящуюся ему дѣвушку и, встрѣтившись съ нею, послѣ принятаго имъ рѣшенія, говоритъ ей о своемъ намѣреніи; если дѣвушка согласна, онъ, для соблюденія принятой формальности, посылаетъ сватать ее. Присутствовать на своей свадьбѣ жениху—простолюдину обычай не воспрещаетъ, но онъ долженъ стоять гдѣ-нибудь въ сторонкѣ и не принимать участія въ весельи. Не возбраняется также мужу видѣть свою жену во всякое время, лишь-бы только не при старшихъ. Здѣсь жена не играетъ, какъ у высшаго сословія, исключительной роли самки: она правая рука у мужа по домашнему хозяйству, она и мать дѣтямъ.

Какъ вообще у магометанъ, у горцевъ Кабардинскаго округа допускаются многоженство и разводъ. Первое почти не встрѣчается въ горахъ: принято имѣть лишь одну жену; такое обыкновеніе, къ сожалѣнію, вытекаетъ вовсе не изъ уваженія къ личности женщины, до котораго горцы еще далеко не дожили, а изъ простаго недостатка матеріальныхъ средствъ. Если обратить вниманіе на ту плату за жену, которая существуетъ даже и у простаго народа, то станетъ понятнымъ, что немногіе въ состояніи заплатить два-три калыма. Правомъ развода пользуются также весьма рѣдко, потому что и здѣсь всѣ невыгоды на сторонѣ мужчины: онъ теряетъ жену и ему не возвращаютъ заплаченнаго за нее калыма. Исключеніе изъ этого правила допускается только въ томъ случаѣ, когда сама жена безотступно требуетъ развода, не имѣя къ тому законныхъ поводовъ; но и тутъ возвращеніе калыма служитъ, такъ сказать, платою за согласіе на разводъ.

Если случается, что женихъ умретъ еще до свадьбы, то, по шаріату, родные дѣвушки вправѣ требовать отъ родныхъ умершаго уплаты полнаго калыма; но мѣстный обычай дѣлаетъ уступку и предоставляетъ дѣвушкѣ пользоваться только половиною калыма; точно такою-же частью она пользуется, если женихъ, по какимъ-бы то ни было обстоятельствамъ, отказался отъ нея.

При разводѣ, дѣти остаются мужу.

III.

Ближайшіе родственники дѣвушки благороднаго сословія, исполнивъ всѣ описанныя въ предшествующихъ главахъ и требуемыя обычаемъ условія, при отправленіи ея въ домъ жениха, до освобожденія въ Кабардѣ зависимыхъ сословій, обязаны были давать въ

приданое одну *каравашъ* *), обязанность которой состояла въ томъ, чтобы быть всегдашнею прислугою молодой госпожи. Вмѣстѣ съ нею, на время, посылали съ невѣстою еще одну женщину — *дигиза*—и одного холопа изъ болѣе приближенной къ дому невѣсты семьи—*джемхагаса*. Дигиза—это воспитательница невѣсты (аталычка) или, за неимѣніемъ ея, вообще женщина изъ простаго класса, чѣмъ нибудь заслуживная довѣріе и нѣкоторое уваженіе семьи невѣсты. Дигиза и джемхагаса обязаны прожить въ домѣ будущаго мужа дѣвушки, съ которою они посланы, обыкновенно отъ одного до трехъ лѣтъ. Во все это время дигиза играетъ роль какъ-бы гувернантки и компаньонки новобрачной, и вообще хозяйничаетъ въ ея домѣ; пока она живетъ здѣсь, молодая ни во что не вмѣшивается и скорѣе похожа па гостью, чѣмъ на хозяйку; въ права послѣдней она вступаетъ только съ отъѣздомъ дигизы. Джемхагаса, также какъ и каравашъ, служитъ исключительно новобрачной: онъ исполняетъ ея различныя порученія, изготовляетъ для нея деревянныя ходули и вообще на немъ лежатъ всѣ мелочныя мужскія работы въ ея домѣ.

Всю эту личную свиту невѣсты знатные люди посылаютъ и теперь, но это стало уже необязательнымъ для посылаемыхъ и зависитъ отъ ихъ добровольнаго соглашенія; согласиться-же на подобную командировку далеко не прочь всякій мало-мальски бѣдный человѣкъ, потому что она, какъ увидимъ ниже, представляетъ довольно выгодныя условія, даже при нынѣшнихъ порядкахъ.

Когда, по истеченіи извѣстнаго срока, дигиза должна возвратиться къ себѣ домой, она обязана сдѣлать обществу того аула, гдѣ прожила это время, угощеніе. Если она женщина состоятельная, то должна сварить пиво и бузу, зарѣзать одного быка и сварить его цѣликомъ въ большомъ котлѣ; это приготовленіе называется *уча*; зарѣзать также 10—20 штукъ барановъ и сва-

---

*) *Каравашъ* — это одинъ изъ видовъ бывшаго въ горскихъ обществахъ зависимаго сословія женскаго пола; онѣ принадлежали къ разряду *безобрядныхъ* или *безправныхъ* холоповъ.

рить также цѣликомъ—*кой-уча*, и кромѣ этого приготовить отъ 30 до 50 столиковъ различныхъ другихъ кушаній—*тепсы*. При неимѣніи-же достаточныхъ средствъ, количество и размѣръ всего этого могутъ быть уменьшены. На это угощеніе приглашаются въ тотъ домъ, гдѣ жила дигиза, всѣ старики и молодые мужчины аула. Независимо отъ приглашенія сюда-же родственниковъ мужа своей питомицы, дигиза обязана послать въ домъ ихъ по одному барану, кувшину пива и бузы и части другихъ блюдъ. Когда вся приглашенная публика соберется, таубій, аульный эфендій и почетные старики садятся на приготовленныя для нихъ подушки; молодежь-же садится отдѣльно, въ два ряда, лицомъ другъ къ другу. Для угощенія назначается человѣкъ двадцать прислуги — *шапа*—и надъ ними старшій—*тамада*—распорядитель угощенія. Кушанья сначала подаютъ почетнымъ, а затѣмъ, по старшинству, и прочимъ гостямъ. Передъ этимъ обѣдомъ тамада угощаетъ пивомъ и бузою также по старшинству; питье это разносится въ громадныхъ чашкахъ, емкостью каждая до трехъ ведеръ; каждую такую чашку держатъ два человѣка. Тотъ изъ стариковъ, которому первому поднесутъ чашку съ пивомъ, встаетъ съ своего мѣста, снимаетъ шапку и говоритъ похвальную рѣчь въ честь той, у которой жила дигиза; во время этой рѣчи всѣ присутствующіе также встаютъ, снимаютъ шапки и нѣсколько разъ впродолженіи рѣчи восклицаютъ слово: „аминь!“. Во время обѣда и послѣ него угощеніе пивомъ и бузою не прекращается. Старики, подкутивши на этомъ праздникѣ, обыкновенно принимаются пѣть старинныя пѣсни, а молодежь, съ собранными между тѣмъ дѣвушками, принимается за пляску.

Послѣ этого праздника, каждый изъ присутствовавшихъ на немъ долженъ сдѣлать дигизѣ подарокъ: самъ таубій, при женѣ котораго она жила, если онъ человѣкъ вполнѣ состоятельный, даетъ отъ 10 до 30 коровъ, 100—200 барановъ и полную женскую, шелковую одежду; прочіе таубіи—по одной лошади, а простой народъ—по одной коровѣ.

Кромѣ этихъ подарковъ, таубій, у котораго жила дигиза, пре-

доставляетъ въ пользу ея всю шерсть съ барановъ и шкуры зарѣзаннаго скота за все время пребыванія ея у него въ домѣ.

Джемхагаса отправляется домой вмѣстѣ съ дигизою и при этомъ получаетъ отъ мужа той, которой онъ служилъ, всю одежду, полное оружіе и лошадь съ сѣдломъ.

Обычай дѣлать подобные подарки существовалъ еще въ полной силѣ года полтора тому назадъ, т. е. до того времени, пока не коснулась горъ крестьянская реформа, значительно перевернувшая экономическій бытъ горцевъ-владѣльцевъ. Правда, подарки эти въ ходу еще и въ настоящее время, но бывшіе подвластные таубіевъ даютъ уже ихъ не иначе, какъ по доброй волѣ, въ силу давнишняго, прадѣдовскаго обычая, и потому еще, что правило: „стыдно отказать просьбѣ старшаго"—въ большомъ ходу между горцами; тогда какъ въ прежнее время подарки эти были обязательны для каждаго подвластнаго. Тѣмъ не менѣе, настоящее положеніе бывшихъ зависимыхъ даетъ имъ возможность сберегать для своего семейства хотя одну корову, тогда какъ въ недавнее былое эта корова, какъ и все незавидное хозяйство холопа, составляла неотъемлемую принадлежность владѣльца и по его волѣ переходила въ другія руки, въ видѣ подарка пріѣзжему гостю (нерѣдко отъявленному прощалыгѣ, разъѣзжавшему по горамъ съ спеціальною цѣлью собирать подарки), дигизѣ и имъ подобнымъ лицамъ.

Нѣтъ сомнѣнія, что благодѣтельная мѣра правительства—освобожденіе холоповъ—разрушительно повліяетъ на нѣкоторые горскіе обычаи, создавшіеся подъ условіями барства, какъ и вездѣ пользовавшагося роскошными удобствами жизни на счетъ меньшей братьи. Не въ далекомъ будущемъ, по всей вѣроятности, и свадебный обычай горцевъ также подвергнется сильному измѣненію: исчезнутъ всѣ гомерическіе обѣды, уменьшится плата калыма, выйдутъ изъ моды значительные подарки, дѣлавшіеся ради поддержа-

нія таубіевскаго достоинства, и, наоборотъ, бѣдному и бывшему задавленному классу горцевъ представится возможность въ свою очередь дѣлать свадебный сюрпризъ роднымъ невѣсты чѣмъ-нибудь получше куска въ пять-шесть аршинъ миткаля или бязи.

Взаключеніе этой статьи, я могу обратить вниманіе читателя еще на одинъ довольно комическій и, можно сказать, довольно тривіальный обычай горцевъ при свадьбахъ. Молодые люди— холостяки и товарищи вступившаго въ бракъ, выпивши на свадьбѣ достаточное количество бузы или пива и дождавшись окончанія пляски во дворѣ новобрачнаго, забираются куда-нибудь поблизости въ засаду и тамъ терпѣливо подкарауливаютъ секретное шествіе молодаго мужа на подвиги „первой ночи.“ Давши ему возможность, какъ будто незамѣченному, пробраться въ саклю своей жены, шаловливая молодежь покидаетъ засаду и отправляется также къ этой саклѣ, захвативъ съ собою заранѣе припасенные воду, курей, кошекъ и, даже, собакъ. Такъ какъ подобныя нашествія предвидятся тоже заранѣе, то молодой человѣкъ, сопровождавшій въ первый разъ мужа къ женѣ, и джемхагаса принимаютъ на себя обязанность стражей чертога новобрачныхъ. Не смотря на бдительность этихъ аргусовъ, злонамѣренная молодежь, пользуясь преимущественно силою, успѣваетъ завладѣть этими стражами и крышею сакли новобрачныхъ. Достигнувши этого послѣдняго пункта, посылаютъ въ трубу камина весь запасъ животныхъ и пернатыхъ, льютъ туда воду, бросаютъ папахи и стрѣляютъ, пока наконецъ истощится и матеріалъ для безпокойства молодаго супруга и собственная охота къ подобному занятію. По принятому обыкновенію, новобрачный обязанъ всѣ эти подарки шутниковъ-товарищей выкинуть вонъ изъ своей сакли тотчасъ-же; но такъ какъ эти шутки иногда переходятъ границы терпѣнія супруга, то онъ принимается бранить безпокоящихъ его и дальше не обращаетъ вниманія на посылки ихъ; такимъ образомъ молодой четѣ иногда при-

ходится довольно долго оставаться въ сообществѣ мяукающихъ кошекъ, визжащихъ собакъ и кудахтающихъ куръ; только по уходѣ безпокойной толпы взволнованный мужъ освобождаетъ несчастныхъ плѣнныхъ. Подобныя развлеченія, впрочемъ, позволительны только въ отношеніи супруговъ — молодыхъ людей, но отнюдь не пожилыхъ и пользующихся исключительнымъ положеніемъ въ обществѣ.

Грабовскій.

17-го сентября 1868 года.
Нальчикъ.

ВОСПОМИНАНІЯ МУТАЛИМА.

VIII *).

Жизнь муталимовъ при Катской мечети, въ Кумухѣ, въ сравненіи съ жизнію ихъ въ другихъ селеніяхъ Дагестана, была роскошна: по четвергамъ, вечеромъ, когда мы выходили собирать топливо съ жителей аула, намъ обыкновенно въ нѣсколькихъ знатныхъ домахъ давали хлѣба, копчоной баранины; кромѣ того, въ каждый четвергъ вечеромъ, по обычаю, давно установленному кумухскими муталимами, двое самыхъ младшихъ изъ нихъ отправлялись въ ханскій дворецъ, для полученія приличнаго *садака* (подаянія). Входя во дворъ женскаго отдѣленія, муталимы останавливались у воротъ и робко поглядывали на галлерею дворца, въ ожиданіи, пока какая-нибудь ханская горничная не покажется въ дверяхъ. Тогда объ нихъ докладывали и, по приказанію ханши [1]), назыръ [2]) отпускалъ имъ или полбарана, или полсабы сарачинской крупы. Понятно, что, отъ такой щедрой милостыни, въ день пятницы у насъ бывалъ вдвойнѣ праздникъ.

---

*) Гл. I—VII см. 1-й выпускъ «Сборника св. о кавк. горцахъ».

[1]) Описываемое время относится къ 1855 году, когда въ Казикумухѣ ханомъ былъ Агаларъ-ханъ (послѣдній казикумухскій ханъ). Въ то время у него было только двѣ жены: одна изъ простаго званія, а другая—внучка Асланъ-хана, по имени Шамай-бике, отличавшаяся необыкновенною добротою и набожностью. Такъ какъ въ женское отдѣленіе ханскаго дворца нельзя было вступать никому изъ взрослыхъ мужчинъ, то потому муталимы и назначали за полученіемъ ханской милостыни самыхъ младшихъ изъ своей среды. Такими младшими оказывались я и еще одинъ мой товарищъ.

[2]) Дворецкій хана,—лицо, самое приближенное къ хану.

Были еще и другіе источники для безбѣднаго существованія кумухскихъ муталимовъ. Такъ, въ Кумухѣ, мы получали обыкновенно по 10 коп. деньгами за чтеніе корана на могилахъ покойниковъ, вмѣсто четверти аршина бумажной матеріи, получаемой муталимами въ другихъ деревняхъ.

Наконецъ, въ Кумухѣ бываютъ базары каждый четвергъ: мы писали арабскія азбуки и продавали ихъ, по 10-ти и по 20-ти коп. за экземпляръ, чрезъ что каждый муталимъ могъ имѣть у себя по нѣсколько абазовъ, что весьма рѣдко случается у горскихъ муталимовъ.

Я сказалъ, что, при совершеніи поминанія по умершимъ, въ Кумухѣ даютъ муталимамъ больше, чѣмъ въ другихъ горскихъ деревняхъ. Замѣчу при этомъ, что обряды похоронъ въ Кумухѣ почти тѣже, какіе существуютъ вездѣ въ горахъ: покойника обыкновенно несутъ на носилкахъ, покрывъ его буркою [3]), хоронятъ его въ одномъ саванѣ изъ простой бѣлой бязи, безъ гроба, и кладутъ его въ вырытую съ боку могилы канаву лицомъ къ югу, подкладывая горсть земли подъ правую его щеку, въ знакъ того, что онъ является предъ Богомъ со всевозможнымъ уничиженіемъ и сознаніемъ своихъ грѣховъ; потомъ кладутъ каменныя доски вдоль канавы, такъ, чтобы онѣ закрыли собою покойника, и наполняютъ могилу землею, бросая ее лопатками, нарочно дѣлаемыми для этого и называемыми „могильными лопатками;“ потомъ мулла

---

[3]) Буркою покрываютъ только покойниковъ, а покойницъ накрываютъ одѣяломъ или какою-нибудь матеріею. Могилы мужчинъ и женщинъ тоже можно различить по каменнымъ памятникамъ: для мужчины поставляютъ надгробный камень, имѣющій на верху подобіе человѣческой головы и шеи, а для женщинъ верхній конецъ памятника дѣлаютъ круглымъ, дугообразнымъ или прямымъ. Памятники дѣлаютъ изъ плоскаго камня и поставляютъ ихъ въ головахъ могилы, вертикально. Надпись вырѣзываютъ муллы на лицевой сторонѣ памятника. Надпись состоитъ по большей части изъ имени покойника и года смерти; часто также вырѣзываются какіе-нибудь арабскіе стихи, какъ напр.: „Міръ сей преходящій, вѣчности для него нѣтъ; будущая жизнь вѣчная и для нея нѣтъ конца,“ и т. д. Кромѣ того на памятникахъ мужчинъ вырѣзываютъ употребляемыя мужчинами вещи, какъ-то: шашку, кинжалъ, ружье, кольчугу, щитъ и т. д., а на памятникахъ женщинъ ножницы, перстень, прядильныя орудія и т. д.

читаетъ нараспѣвъ надгробную рѣчь на арабскомъ языкѣ (талкинъ) [1]), и наконецъ публика уходитъ съ кладбища, оставивъ на могилѣ надгробныхъ чтецовъ. Всѣ эти обряды общіе у всѣхъ жителей горъ; но бываетъ разница въ оплакиваніи покойника: такъ, въ деревняхъ, родственницы покойника плачутъ съ крикомъ, съ непокрытыми волосами, которые онѣ рвутъ обѣими руками, при этомъ царапаютъ лицо ногтями до крови, бьютъ себя въ грудь и надѣваютъ на себя платье покойника навыворотъ, чрезъ что даже красивыя женщины дѣлаются болѣе похожими на безобразныя чудовища, чѣмъ на людей. Толпа такихъ крикушъ провожаетъ покойника до самаго кладбища (все это воспрещается шаріатомъ, но народъ въ этомъ случаѣ строго придерживается своего обычая). Въ Кумухѣ, сверхъ всего этого, женщины становятся въ кружокъ, съ непокрытыми волосами, и прыгаютъ на мѣстѣ съ криками: „Гуя, гуя! вовъ-шавъ!“ [2]), при чемъ бьютъ себя обѣими руками. Есть женщины, особенно славящіяся своими способностями оплакивать покойниковъ приличными случаю стихами, и такихъ женщинъ нанимаютъ для этой цѣли за извѣстную плату.

Мѣсяца черезъ три послѣ моего прибытія въ Кумухъ, я заболѣлъ чесоткою. На рукахъ и ногахъ моихъ сдѣлались большіе прыщи и никакія средства леченія не помогали мнѣ. Сначала товарищи не гнушались мною, но потомъ, чѣмъ дальше, тѣмъ яснѣе начали обнаруживать свое неудовольствіе и боязнь заразиться. Они отдѣлили мой столъ, дали мнѣ особую посуду, и наконецъ, для безопасности своей, начали просить мудариса исключить меня изъ мечети, пока я вылечусь. Мударисъ долго не соглашался; но мнѣ

---

[1]) Талкинъ значитъ, по-арабски, напоминаніе, предупрежденіе. Рѣчь эта заключается въ томъ, что напоминаютъ покойнику о единствѣ Божіемъ, о пророкѣ Магомедѣ, для того, чтобы покойникъ отвѣчалъ вѣрно ангеламъ, которые являются къ покойнику для предварительнаго дознанія о немъ и предлагаютъ ему разные вопросы, какъ-то: кто твой Богъ, кто пророкъ и какая твоя вѣра? Если покойникъ съумѣетъ отвѣчать этимъ ангеламъ вѣрно, то онъ спасенъ; если-же испугается отъ страшнаго вида ангеловъ, что случается съ грѣшными, и запутается въ отвѣтахъ, тогда начинаются его могильныя муки.

[2]) Восклицанія, выражающія горе, страхъ, испугъ.

самому стало неловко оставаться дольше между муталимами и, убѣдившись, что упорствомъ своимъ я могу только пріобрѣсть ненависть товарищей, я сталъ самъ просить мудариса уволить меня въ отпускъ. Въ одномъ изъ кумухскихъ магаловъ была маленькая мечеть, въ которой муллою состоялъ въ то время ученый молодой человѣкъ, по имени Мама. Мама передъ тѣмъ проживалъ въ Аваріи и учился у тамошнихъ лучшихъ ученыхъ людей, пріобрѣлъ тамъ отличное знаніе арабскаго языка и славился какъ ученый и способный человѣкъ. У Мамы было 2 ученика, своекоштныхъ, такъ какъ ему не полагалось напаки (продовольствія) на содержаніе муталимовъ. Когда я просился у мудариса въ отпускъ, онъ не ограничился выраженіемъ своего сожалѣнія, что лишается меня, какъ хорошаго муталима, но еще предложилъ мнѣ взять отъ него полторы сабы пшеничной муки изъ напаки его мечети и поступить къ Мамѣ, на что послѣдній, будучи однимъ изъ друзей мудариса, охотно согласился.

Такъ какъ я страдалъ сильно чесоткою, то, прежде поступленія къ Мамѣ, отправился для излеченія въ близкій аулъ, къ одному кунаку, который и прежде приглашалъ меня къ себѣ, но я отказывался, не желая отрываться отъ ученія.

Добрый кунакъ, обрадовавшись съ женою моему пріѣзду, сейчасъ-же принялся лечить меня домашними средствами. Онъ бралъ старое сало изъ бычачьяго жира, ставилъ его на огонь, потомъ всыпалъ въ сало порошокъ изъ пепла старой подошвы и столько-же сажи и сѣры; все это вмѣстѣ варилъ и потомъ мазалъ мои чесоточныя язвы, каждый день утромъ и вечеромъ, вымывая при этомъ у меня каждый разъ руки и ноги. Чрезъ три дня прыщи совсѣмъ присохли, а на пятый и шестой день почти совсѣмъ я вылечился.

Поблагодаривъ добраго кунака, я возвратился въ Кумухъ, къ Мамѣ. Мама, какъ человѣкъ, еще не отвыкшій отъ муталимской жизни, проводилъ съ учениками своими все время безотлучно, больше какъ товарищъ, чѣмъ учитель. Это послужило къ нашему сближенію. Имѣя съ нами постоянно частные разговоры послѣ занятій,

Мама выражалъ сожалѣніе, что онъ ушелъ отъ мюридовъ (такъ назывались въ Кумухѣ вообще населеніе, подчинявшееся Шамилю), разсказывалъ о тамошней жизни и удобствахъ для муталимовъ, и когда хотѣлъ прельстить насъ тѣми мѣстами, на которыхъ живутъ мюриды, то описывалъ преимущественно осеннее время, изобиліе фруктовъ, и разсказывалъ, какъ тамъ жители много даютъ муталимамъ винограду, яблокъ, грушъ и пр. Описывалъ онъ также чеченскіе лѣса въ лѣтнее время. „Но все это въ сторону, все это пустяки“, добавлялъ онъ: „главное то, что тамъ есть возможность участвовать въ газаватѣ, когда душѣ угодно. Въ газаватѣ, если и убьютъ, то пойдешь безъ суда въ рай; а если побѣдишь, то тебѣ слава.“ Между прочимъ онъ увѣрялъ, что рана, полученная отъ оружія невѣрныхъ въ газаватѣ, не причиняетъ никакой боли, и доказывалъ это словами пророка.

Въ скоромъ времени онъ сильно полюбилъ меня и сталъ довѣрять мнѣ свои тайны. Онъ смотрѣлъ на тогдашнее управленіе хана съ большимъ негодованіемъ, часто исчислялъ богопротивные его поступки, упрекалъ его въ безбожіи и тиранствѣ и доказывалъ, что ханъ дѣйствуетъ во всемъ только подъ руководствомъ своихъ капризовъ.—„Этотъ дьяволъ,“ говорилъ онъ, “хочетъ чтобы цѣлый свѣтъ превратился въ корову, имѣющую одну титьку, а онъ-бы взялъ ее въ свой ротъ, чтобы одному сосать: и не гнѣвъ-ли Божій, что жизнь каждаго изъ насъ зависитъ отъ его каприза!..“

Такимъ разсужденіямъ Мамы я сочувствовалъ и скоро сталъ того убѣжденія, что всѣ дѣйствія хана исходятъ только отъ чрезмѣрнаго его властолюбія и безпричинныхъ капризовъ. Я сталъ понимать, что отъ такихъ дѣйствій хана не можетъ быть для ислама ничего, кромѣ ущерба, что въ нихъ нѣтъ ничего повелѣваемаго или даже дозволяемаго шаріатомъ, а если и примѣчалъ что-нибудь хорошее, то это приписывалъ тоже капризу хана, случайности, а вовсе не желанію его сдѣлать доброе дѣло.

Ханъ позволялъ иногда нѣкоторымъ кумухцамъ вести торговлю съ мюридами, иногда-же ни за-что, ни про-что строго запрещалъ производить такую торговлю. Не смотря на послѣднее, постоянно бы-

вали контрабандисты, которые не прерывали тайныхъ сношеній съ мюридами.

Частыя разсужденія наши съ Мамою возбудили во мнѣ сильное желаніе оставить землю безбожія и отправиться туда, гдѣ цвѣтутъ исламъ и шаріатское правосудіе. Видя въ Мамѣ во всемъ добраго товарища, я высказалъ ему свое желаніе, чему онъ весьма обрадовался. Мы поклялись другъ другу не выдавать никому секретовъ нашихъ и сдѣлаться неразлучными товарищами во всѣхъ случайностяхъ нашего тайнаго предпріятія. Намъ нужно было только составить планъ для осуществленія своей цѣли.

Однако, мысль, что если я уйду къ мюридамъ, то могутъ пострадать мои родители, сильно меня тревожила... Въ раздумьи, какъ лучше поступить, я отправился на время домой.

Время было лѣтнее, сухое, и жители опасались за хлѣба и травы, по случаю засухи.

Каждый день служили въ мечети молебствіе, т. е. при совершеніи обычныхъ намазовъ кадій читалъ молитву на арабскомъ языкѣ, въ которой просилъ дождя, ради святыхъ. Но дождя не было.

Былъ назначенъ день и мѣсто въ полѣ, чтобы собраться просить дождя, какъ слѣдуетъ по обычаю. Въ назначенный день, на избранное мѣсто собралось аульное населеніе обоего пола и всякаго возраста. Каждая женщина принесла съ собою что-нибудь съѣдомаго для раздачи какъ садака, кто хлѣба съ мясомъ, кто толокна съ сыромъ, кто молока, масла, пироговъ и т. п. Женщины сѣли особо, мужчины тоже особо, а посрединѣ сѣлъ кадій съ книгою въ рукахъ. Всѣ обратили свой слухъ и глаза на кадія. Онъ говорилъ, что народъ сильно сталъ наклоненъ къ грѣхамъ, что супруги не исполняютъ своихъ обязанностей въ отношеніи другъ къ другу; поучалъ, какъ жена должна вести себя и какъ слѣпо должна повиноваться мужу, разсказывалъ о страшныхъ адскихъ мукахъ, ожидающихъ непослушныхъ женъ, и о блаженствахъ рая, которыя ожидаютъ послушныхъ; говорилъ также, какое великое вознагражденіе будетъ на томъ свѣтѣ той, которая подаритъ свои кебинныя деньги мужу. При этомъ нѣсколько женщинъ объявили кадію

гласно, что онѣ дарятъ свои кебины мужьямъ, за что тутъ-же получили общее одобреніе.

Много кадій говорилъ, и при этомъ одни плакали, другіе придали своимъ физіономіямъ печальный видъ, какъ-бы сознавая свои грѣхи и чувствуя потребность въ полномъ покаяніи.

По окончаніи разсказовъ и наставленій кадія, какъ то: не воровать, не лгать, не убивать, не клеветать на другаго, сохранять общую дружбу и братство, не желать худаго своему единовѣрному брату, прощать обиды другъ другу, помогать бѣднымъ и т. д.,—все, принесенное для садака, раздѣлили между всѣми, и мужчины отправились къ рѣчкѣ съ пѣніемъ Ла́ ила́hа иллалла́h (нѣтъ Бога, кромѣ единаго Бога).

Когда приблизились къ рѣчкѣ, то мальчики бросились собирать камешки и сыпать ихъ передъ старшими, а старшіе читали шепотомъ на каждый камешекъ молитву, поднося его къ своимъ губамъ, и потомъ бросали его особо. Молитвѣ этой кадій научилъ народъ, нѣсколько разъ читая ее вслухъ, чтобы всѣ заучили ее наизусть. Она состоитъ въ слѣдующихъ словахъ: „Всевѣдущій и Невидимый! ты находишься въ высочайшемъ мѣстѣ, сними съ насъ то, что видишь" (т. е. засуху).

Такимъ образомъ читали эту молитву до самаго вечера, потомъ собрали всѣ начитанные камни и всыпали ихъ въ воду. По окончаніи этого, молодые люди стали купать другъ друга въ рѣчкѣ, при чемъ положили въ нее и самого кадія, которому не помогли тутъ никакія угрозы и отговорки. Потомъ всѣ возвратились домой, уже вечеромъ. По улицамъ и около аула слышались женскіе голоса, которые молили у Бога дождя, распѣвая на туземномъ языкѣ:

«Да пойдетъ дождь, да пойдетъ. Аминь!
«Водяной дождь да пойдетъ. Аминь!
«Ягнята просятъ травы. Аминь!
«Дѣти просятъ хлѣба. Аминь!»

Дома я провелъ нѣсколько дней въ самомъ тревожномъ состояніи: то жалко было оставлять родителей въ когтяхъ безбожнаго хана, то кипѣло во мнѣ сильное желаніе уйти къ мюридамъ.

Наконецъ, рѣшившись во что бы то ни стало исполнить последнее и не измѣнить данному слову, я поѣхалъ опять въ Кумухъ.

IX.

Въ это время были строго запрещены ханомъ всякія сообщенія съ мюридами, и пойманные на пути слѣдованія къ мюридамъ были подвергаемы безобразнымъ наказаніямъ. Такъ, мнѣ пришлось увидѣть толпу женщинъ и стариковъ, которыхъ вели по улицамъ, точно на показъ. У каждаго изъ этихъ несчастныхъ было навѣшено на носъ или на губу по куску разбитой глиняной посуды. Они были балхарцы (жители селенія Балхаръ, Даргинскаго округа) и ходили къ мюридамъ для продажи посуды; ихъ поймали въ предѣлахъ казикумухскаго ханства, и ханъ приказалъ отобрать у нихъ всѣ вещи, посуду ихъ побить, навѣсить каждому изъ нихъ на носъ или на губу по куску этой битой посуды и проводить такимъ образомъ до границы своихъ земель.

Но желаніе наше уйти къ мюридамъ было въ полномъ разгарѣ и никакія несчастія, могущія послѣдовать за нашимъ предпріятіемъ, не могли остановить насъ. Напротивъ, чѣмъ больше мы встрѣчали препятствій, тѣмъ больше увеличивалась охота бѣжать.

Мама, какъ опытный бывшій мугаджиръ *), хорошо зналъ о бѣдственной жизни мугаджировъ, а потому счелъ необходимымъ взять съ собою, по возможности, сколько-нибудь имущества. Расчеты его въ этомъ отношеніи были коммерческіе и состояли въ томъ, чтобы, купивъ на имѣвшійся у насъ капиталъ, въ количествѣ 60 руб., матеріи краснаго и пестраго цвѣтовъ (такія матеріи горцы очень любятъ) и продавъ этотъ товаръ на согратлинскомъ базарѣ, удвоить капиталъ и тѣмъ гарантировать свою жизнь на всякій

---

*) Мугаджирами назывались лица, бѣжавшія къ мюридамъ; слово это происходитъ отъ арабскаго гиджра (бѣгство изъ земли невѣрныхъ).

случай. Но необходимо было действовать осторожно, чтобы никто не заподозрилъ насъ. Секретъ нашъ былъ открытъ только двумъ близкимъ друзьямъ нашимъ, мударису Гази и Гаруну, одному изъ хорошихъ и набожныхъ товарищей нашихъ по ученію.

Къ счастію нашему, у мудариса оказались и товары, которыхъ мы искали; мы ихъ купили тайкомъ и перенесли въ домъ Мамы. Но прошло еще довольно долгое время, пока мы приготовили все, что нужно было для бѣгства нашего къ мюридамъ. Такъ какъ въ нашей мечети папаки не было совсѣмъ, какъ я уже сказалъ, а своя тоже кончилась, то нѣсколько разъ мы прибѣгали къ обыкновеннымъ въ такихъ случаяхъ средствамъ, а именно—отправлялись въ другіе аулы съ сумками на плечахъ, а по вечерамъ ходили по auламъ, распѣвая арабскіе стихи, за что изъ каждаго дома получали по чашкѣ зерноваго хлѣба [7]); такимъ образомъ съ каждаго аула мы собрали по нѣсколько сабъ хлѣба. Въ это время въ Кумухѣ, какъ и въ другихъ аулахъ, были назначаемы ночные караулы изъ жителей и обходы для охраненія отъ набѣговъ и отъ похищенія имущества, что весьма часто совершали бѣжавшіе отъ насъ мугаджиры; аулы были ограждены стѣнами кругомъ и башнями у каждаго входа, гдѣ ставили также ночные караулы. О нашемъ намѣреніи въ Кумухѣ знали—какъ я сказалъ—только два человѣка; но такъ какъ намъ нельзя было взять съ собой лошади, во-первыхъ потому, что ея у насъ не было, а во-вторыхъ, хотя бы мы и могли достать ее, то по той дорогѣ, по которой мы собирались уйти, едва могъ пробраться и пѣшій: поэтому, для переноски нашего багажа, мы рѣшили взять съ собой женщину да еще одного изъ муталимовъ, по имени Омара. Нѣсколько ночей мы выходили въ дорогу, но не

[7]) Обычай этотъ существуетъ не для однихъ муталимовъ. Осенью, когда жители кончатъ рѣзку барановъ, чтобы мясо ихъ коптить на зиму, молодые люди ходятъ по аулу съ пѣснями и собираютъ мясо, потомъ дѣлаютъ угощеніе и пируютъ. Также есть въ обычаѣ, что молодежь замаскировывается и ходитъ по деревнямъ съ мѣстною музыкою, собирая себѣ что дадутъ. Маски дѣлаются изъ войлока, съ рогами, надѣваютъ овчинныя шубы на выворотъ, а нѣкоторые привязываютъ къ рогамъ масокъ мѣдные бубенчики.

находили возможности проскользнуть мимо стражей и возвращались назадъ. Дѣлать было нечего, нужно было выдумать какое-нибудь средство, чтобы уйти безопасно.

Въ сел. Табахлю [1]) есть старая мечеть, которая выстроена вдали отъ аула [2]), и потому никогда при ней не бываю муталимовъ, изъ опасенія нападеній мугаджировъ. И вотъ что мы выдумали: я рѣшилъ поступить въ табахлинскую мечеть муталимомъ на нѣкоторое время, чтобы оттуда уйти безнаказанно отъ карауловъ.

Табахлинскій кадій охотно согласился принять меня, а общество обрадовалось моему поступленію въ эту мечеть, расчитывая, что я буду держать ее въ порядкѣ. Кадій предложилъ мнѣ ночевать у него въ домѣ, но я сказалъ, что не опасаюсь ничего и согласенъ жить въ самой мечети.

Въ короткое время табахлинцы узнали о моемъ жительствѣ въ мечети, такъ какъ, за отсутствіемъ кадія, я иногда исполнялъ его службу. Я сталъ нарочно ходить каждый вечеръ мимо карауловъ въ мечеть, и на вопросъ часоваго „кто такой?“ могъ отвѣчать спокойно: „муталимъ“.

Между прочимъ я перетащилъ въ эту мечеть всѣ свои вещи и товаръ. Однажды вечеромъ ко мнѣ пришелъ и Мама, съ муталимомъ Омаромъ и одною женщиною, которые должны были помочь намъ въ переноскѣ нашего багажа. Погода была пасмурная, холодная и шелъ большой снѣгъ, чему мы были рады, потому что въ этакую погоду никто не могъ повстрѣчаться намъ на дорогѣ. Но, впослѣдствіи, погода эта причинила намъ самое непріятное приключеніе. Около 10 часовъ вечера, заперевъ хорошенько мечеть, мы вышли въ дорогу, взявъ на себя свои вещи и часть товара.

---

[1]) Аулъ этотъ такъ близокъ къ Кумуху, что его раздѣляетъ одна только узенькая улица, а обычаи жителей его и даже нарѣчіе языка значительно отдѣляютъ его отъ кумухцевъ. У табахлинцевъ есть особый кадій и свои карты.

[2]) Сел. Табахлю находилось прежде гораздо дальше настоящаго своего мѣста. Во время ханствованія Магомедъ-хана, табахлинцы начали ослушиваться хана и наконецъ совсѣмъ сопротивляться ему. Поэтому, аулъ этотъ былъ покоренъ силою оружія и переселенъ на настоящее свое мѣсто. Старая мечеть, находившаяся прежде на южной оконечности аула, послѣ переселенія осталась далеко на сѣверной сторонѣ новаго Табахлю.

Мы шли сначала по большой дорогѣ, но скоро повернули налѣво въ ущелье. Изъ ущелья мы начали подниматься выше и выше, дорога не была видна отъ выпавшаго снѣга и мы шли на удачу, по направленію къ вершинѣ горы. Чрезъ нѣсколько часовъ мы достигли скалы, по которой должны были лѣзть наверхъ. Первый полѣзъ Мама, оставивъ свою ношу внизу; я потащился за нимъ, держась за его руку; спутникъ нашъ тоже послѣдовалъ за нами, а женщина оставалась внизу. Поднявъ на веревкахъ свои вещи, которыя привязывала оставшаяся внизу женщина, мы полѣзли на покатость горы, вскарабкались кое-какъ наверхъ, опасаясь на каждомъ шагу паденія, которое могло случиться отъ каждаго неосторожнаго шага по скользкой покатости, послѣ чего пришлось-бы свалиться въ пропасть, гдѣ не могли-бы собрать и костей упавшаго.

Я только тогда почувствовалъ свою усталость, когда мнѣ сказали, что мы находимся на безопасномъ мѣстѣ отъ преслѣдованія мунафиковъ [10]). Мы присѣли отдохнуть на возвышенномъ холмѣ, оглядываясь вокругъ себя; еще была глубокая ночь, вездѣ царствовала тишина, только издалека долеталъ до насъ глухой лай собакъ, да иногда завывалъ холодный вѣтеръ. Вся оглядываемая нами мѣстность бѣлѣла, а скалы, обрывы и громадные камни представлялись какъ-бы темными пещерами. Не смотря на окоченѣвшія ноги и руки, мнѣ хотѣлось крѣпко спать, но Мама вскорѣ всталъ и сказалъ: „теперь не время отдыхать, нужно торопиться, пока воровская рубашка (ночь) не разорвана“.

Спутникъ нашъ долженъ былъ возвратиться съ этого мѣста и мы отпустили его, поручивъ ему взять съ собою и женщину, которую мы оставили внизу скалы.

---

[10]) Слово мунафикъ (араб.) означаетъ безбожный, принужденный, притворяющійся мусульманинъ, который ради какого-нибудь собственнаго интереса исполняетъ всѣ обряды мусульманской вѣры безъ убѣжденія, а при удобномъ случаѣ старается вредить мусульманамъ. Мюриды называли вообще всѣхъ покорныхъ русскому правительству мусульманъ мунафиками и считали ихъ почти одинаковыми съ христіанами. Вотъ это прозвище было главнымъ основаніемъ къ дозволенію убивать, грабить и вообще примѣнять къ нимъ всѣ правила священной войны, наравнѣ съ христіанами.

Оставшись вдвоемъ съ Мамою, мы не могли нести на себѣ вещи и товаръ, которые до этого мѣста несли въ четверомъ, а потому мы рѣшили оставить ихъ тутъ-же, какъ на мѣстѣ безопасномъ, и отправились дальше. Дорога шла по косогору, покрытому глубокимъ снѣгомъ; скоро начало свѣтать. Мама шелъ впереди, я—за нимъ; но, утомленный и одолѣваемый сномъ, я пришелъ въ немоготу; силы мои начали истощаться. Я помню очень хорошо, что я падалъ въ снѣгъ лицомъ внизъ и забывался самымъ сладкимъ сномъ, но Мама насильно будилъ меня нѣсколько разъ. Наконецъ я прозябъ до того, что не могъ владѣть руками, и Мама принужденъ былъ развести огонь изъ собраннаго сухаго бурьяна, который и согрѣлъ насъ обоихъ.

Къ восходу солнца мы пришли въ сел. Мухи, гдѣ остановились у кунака моего спутника и легли спать. Проспавъ около полутора часа, мы встали на ноги и начали собираться ѣхать обратно за товаромъ. Мы взяли съ собой двухъ человѣкъ изъ родственниковъ нашего кунака и поѣхали почти рысью на мѣсто, гдѣ оставили товаръ. Пріѣхавъ на мѣсто, мы увидѣли слѣды людей на снѣгу, а товара не нашли; только на другомъ мѣстѣ, гдѣ была оставлена наша часть товара, увидѣли кусокъ красной матеріи. Смущенные этимъ, мы подскакали къ этому куску и увидѣли, что одинъ только этотъ кусокъ матеріи и былъ положенъ на кучу снѣга [11]). Тогда мы угадали въ чемъ дѣло и Мама, поспѣшно схвативъ матерію, сказалъ: „увезли мунафики нашъ товаръ"! Въ это самое время раздалось нѣсколько выстрѣловъ и пули пролетѣли, свистя, мимо нашихъ ушей. Сейчасъ-же товарищи мои отвѣтили тѣмъ-же самымъ. Мы увидѣли двухъ человѣкъ, которые поднимались по косогору къ намъ и кричали: „подождите, возьмите свои товары, подождите, поговоримъ, познакомимся!!!" Мюриды было вспыхнули гнѣвомъ за такое невѣжество мунафиковъ, что они такъ безсовѣстно пришли не въ

---

[11]) Это было сдѣлано—какъ оказалось впослѣдствіи—похитителями товара нарочно для того, чтобы издалека показалось намъ, что товаръ нашъ будто налицо и этимъ приманить насъ къ такому мѣсту, гдѣ похитители думали сдѣлать намъ засаду.

свое мѣсто, и хотѣли уже наскакать на нихъ, но Мама удержалъ отъ этого.

Нельзя было повѣрить, чтобы два человѣка осмѣлились такъ смѣло поступить, а потому мы рѣшили, что мунафиковъ должно быть здѣсь много. Поэтому, мы поспѣшили отступить назадъ. Отступая, мы остановились на возвышенномъ холмѣ, откуда увидѣли далеко, въ глубинѣ ущелья, навьюченныхъ нашимъ товаромъ эшаковъ.

Мунафики въ свою очередь тоже думали, что мы нарочно отступаемъ, чтобы заманут ихъ за собою подальше въ горы, и что съ нами большая партія мюридовъ: они заняли край обрыва, который былъ загороженъ самою природою большими камнями.

Мы немедленно возвратились въ сел. Мухи. Нужно было думать думу, что намъ сдѣлать: остаться-ли у мюридовъ безъ ничего и отправиться дальше въ Аварію учиться, или-же вернуться въ Кумухъ.

По совѣту нѣкоторыхъ мюридовъ, мы рѣшились вернуться въ Кумухъ тайно и развѣдать: если кто-нибудь узналъ о нашемъ бѣгствѣ, то въ такомъ случаѣ похитить что-нибудь и вернуться назадъ, если-же никто не узналъ о нашемъ приключеніи и что отбитый товаръ былъ нашъ, то, въ такомъ случаѣ, остаться въ Кумухѣ до болѣе удобнаго времени для гиджры, только—не съ пустыми руками.

Пробывъ еще у мюридовъ слишкомъ недѣлю, мы пришли ночью въ сел. Кума и остановились у кадія, которому открыли свою тайну; на вопросы-же другихъ жителей: „какъ это вы ночью рискнули придти вдвоемъ въ такое опасное время?“ мы отвѣчали, что, выйдя изъ Кумуха, заснули на дорогѣ и опоздали.

На другой день мы выпросили у кадія по одной книгѣ, взяли ихъ подъ мышки и пошли по большой дорогѣ, какъ ни въ чемъ не бывали.

На дорогѣ мы встрѣтились съ однимъ знакомымъ, который ѣхалъ изъ Кумуха; мы стали спрашивать у него, какія новости

въ Кумухѣ, объясняя ему, что мы уже болѣе недѣли какъ ушли оттуда за книгами и были въ Акушѣ. Къ немалому удовольствію нашему, знакомый сообщилъ намъ довольно пріятную вѣсть. „Въ Кумухѣ случилось недавно весьма странное происшествіе, о которомъ говорятъ и разсуждаютъ вездѣ,“ сказалъ онъ. „Недавно двое изъ нукеровъ хана отправились рано утромъ посмотрѣть на поставленный ими ночью для волка капканъ. Увидѣвъ на снѣгу свѣжіе слѣды людей, которые шли по ущелью, куда добрые люди не ходятъ, нукеры пошли по этимъ слѣдамъ до самой вершины горы Шалабу [12]) и тамъ нашли товаръ, положенный кѣмъ-то изъ смѣлыхъ качаговъ (контрабандистовъ). Нукеры немедленно дали объ этомъ знать въ аулъ, откуда поспѣшили къ нимъ на помощь, приведши и эшаковъ. Товаръ снесли внизъ, навьючили на эшаковъ, а сами пошли подкараулить хозяина. Вмѣсто хозяина явилась цѣлая партія мюридовъ и съ ними завязалась перестрѣлка. Говорятъ, что мюриды отступили, потерявъ нѣсколько человѣкъ ранеными и убитыми.“

— Чей-же былъ товаръ, какъ говорятъ въ народѣ? спросили мы.

— „Положительно еще не знаютъ. Чей-бы то ни былъ, но нужно сказать, что если это сдѣлалъ кумухецъ, то ему не сдобровать. Лучше-бы совсѣмъ не родиться, чѣмъ попасть въ когти хана съ такимъ преступленіемъ,“ заключилъ нашъ знакомый и простился съ нами, не подозрѣвая насъ ни въ чемъ.

Обрадованные нѣкоторымъ образомъ такими вѣстями, мы, во избѣжаніе всякихъ подозрѣній, воротились въ Кумухъ вечеромъ, совсѣмъ не по той дорогѣ, по какой уходили...

Прошла недѣля, и вотъ мы провѣдали, что ханъ приказалъ лазутчикамъ непремѣнно узнать, чей былъ товаръ, захваченный на горѣ.

Прослышавъ объ этомъ, мы написали одному нашему знакомому мюриду о своемъ положеніи и предупреждали, чтобы насъ

---

[12]) Такъ называется гора и мѣстность, гдѣ былъ оставленъ нашъ товаръ.

не выдавали; письмо это было вручено секретно ханскому лазутчику, который ѣхалъ къ мюридамъ, будто по торговымъ дѣламъ [13]).

На другой день послѣ этого одинъ изъ муталимовъ прибѣжалъ ко мнѣ и сказалъ, что ханъ потребовалъ къ себѣ моего учителя Маму и заарестовалъ его въ ямѣ, но за что именно—неизвѣстно.

Холодная дрожь пробѣжала по моему тѣлу, сердце забилось и страхъ завладѣлъ мною до такой степени, что самъ не знаю, какъ я устоялъ на ногахъ въ ту минуту. Замѣтивъ мое волненіе и мгновенно поблѣднѣвшее лицо мое, муталимъ началъ утѣшать меня, говоря, что съ Мамою, по всей вѣроятности, ничего худаго не будетъ; онъ думалъ, что я испугался за участь своего учителя. Но я-то думалъ совсѣмъ иное.

Наступала рѣшительная минута. Я поспѣшилъ къ бывшему спутнику нашему предупредить его о грозившей намъ опасности. Когда я разсказалъ ему объ арестѣ Мамы, онъ тоже совершенно растерялся и сталъ оглядываться кругомъ испуганными глазами, не тянется-ли ужъ къ нему изъ-за стѣны худжры [14]) рука ханскаго нукера. Потомъ, пришедши нѣсколько въ себя, онъ пустился упрекать учителя и меня, что черезъ насъ и онъ попалъ въ бѣду. Мнѣ стало очень досадно, что я являюсь виновнымъ даже предъ моимъ близкимъ товарищемъ; я сознавалъ, что этотъ молодой человѣкъ долженъ пострадать именно изъ-за насъ: не вмѣшай мы его въ свое предпріятіе, онъ-бы оставался у себя дома, въ кругу своихъ родителей. Мнѣ стало больно за него. Но тѣмъ не менѣе, его малодушіе привело меня въ негодованіе. „Дѣйствительно, напрасно мы тебя вмѣшали въ свое дѣло,“ сказалъ я, „но теперь прошлаго не воротишь. Да впрочемъ опасаться тебѣ нечего; вѣроятно, дѣло еще не раскрыто, Мама не сознался, а если-бы наконецъ

---

[13]) По обоюдному соглашенію съ мюридами, были отпускаемы нѣкоторые жители для торговыхъ съ ними сношеній; они передавали тѣмъ и другимъ разныя извѣстія.

[14]) Муталимская комната при мечети.

насъ стали уличать въ бѣгствѣ, то я тебя не выдамъ, слѣдовательно о тебѣ никто и не можетъ узнать. Все-таки, мнѣ кажется, человѣкъ не долженъ раскаиваться въ томъ, что онъ помогъ товарищу, хотя-бы и въ ущербъ себѣ: это не мужское дѣло!"— Товарищъ покраснѣлъ и ничего не сказалъ. Тогда рѣшился я позаботиться о себѣ и прибѣгнуть къ послѣднему средству спасенія, именно—убѣжать къ мюридамъ какъ можно поскорѣе. Товарищу объ этомъ я ничего не сказалъ, да ужъ и не хотѣлъ съ нимъ больше имѣть въ чемъ-нибудь сотоварищество.

Время было передвечернее, и я спѣшилъ приготовиться въ дорогу, чтобы, какъ только стемнѣетъ, отправиться немедля въ путь.

Между тѣмъ народъ собрался въ мечеть для вечерняго моленія; я тоже зашелъ туда и сталъ молиться усердно Богу, прося его помощи въ моемъ предпріятіи. Не успѣлъ я еще окончить свою молитву, какъ вдругъ въ дверяхъ мечети раздался чей-то голосъ, спрашивавшій меня. „Здѣсь, молится," отвѣчалъ ему кто-то изъ мечети. Сердце мое забилось крѣпко и докончить молитву было некогда. Всталъ я потихоньку, надѣлъ на себя свой тулупъ и молча направился къ дверямъ мечети. Но только что хотѣлъ я выйти, какъ два вооруженные нукера загородили мнѣ дорогу и сказали: „куда ты? мы за тобой пришли."

— Что вамъ нужно? спросилъ я, стараясь выговорить свой вопросъ самымъ невиннымъ и спокойнымъ тономъ.

— Тебя ханъ требуетъ, — а гдѣ-же Омаръ? спросили они про моего товарища.

— Не знаю, сказалъ я.

— „Здѣсь," отвѣтилъ кто-то изъ мечети, —и тутъ-же вывели и Омара.

Всѣ четверо, отправились мы по направленію къ ханскому дому, молча. Я далъ себѣ слово упорно отказываться отъ всего и въ отвѣтъ на всякій вопросъ, касающійся до нашего бѣгства, приготовилъ одно только слово—„не знаю."

Что товарищъ мой думалъ въ это время, сказать не берусь,

но я былъ увѣренъ въ томъ, что сущность дѣла еще не открыта, что Мама не сознался, а если даже и сознался, то все-таки не вѣроятно, чтобы онъ такъ скоро выдалъ насъ.

— Что-же вы, братцы, знаете-ли, зачѣмъ васъ ханъ требуетъ? спросили насъ нукеры на полдорогѣ.

— Нѣтъ, почемъ-же намъ знать, зачѣмъ ханъ вспомнилъ о насъ,—сказалъ я.

— Васъ требуютъ по важному дѣлу: смотрите, скажите правду, а не то бѣда будетъ.

„Вотъ собаки одной породы,“ подумалъ я и проговорилъ: „разумѣется, скажемъ все, что знаемъ.“

Мы вошли на ханскій дворъ, который былъ полонъ нукерами и слугами.

— Ведутъ, ведутъ,—говорилъ одинъ.

— Кого это? спросилъ другой.

— Да вотъ цыплятъ, которымъ, вѣроятно, суждено испустить духъ подъ лезвеемъ нашихъ желѣзъ (кинжаловъ),—отвѣтилъ первый.

Услышавъ это, я укрѣпилъ свое упованіе на Бога. Насъ повели по темному корридору, потомъ изъ комнаты въ комнату, — вездѣ сидѣли или лежали вооруженные нукеры. Около однѣхъ дверей насъ заставили снять шубы и башмаки и приказали подождать на мѣстѣ, пока доложатъ хану. Чрезъ четверть часа насъ позвали въ комнату, гдѣ находился ханъ: онъ сидѣлъ около камина, на коврѣ, облокотившись на большую подушку; недалеко отъ него сидѣли трое изъ самыхъ приближенныхъ къ нему лицъ,—сидѣли они всѣ съ поджатыми подъ себя ногами; въ той-же комнатѣ, подлѣ стѣнъ, стояли нукеры.

Комната была вся увѣшена оружіемъ, а по срединѣ, на полу, стояли два большихъ кувшина, съ какими-то напитками, и подлѣ два стакана.

Вошедши въ комнату, мы исполнили обрядъ обычной поче-

сти хану, именно — сняли шапки и сказали: „карабузъ, туль-кунма“ [15]).

— Посмотрите на его глаза, какъ волчьи,—сказалъ ханъ, указывая на меня.

— Говори мнѣ правду, продолжалъ онъ, обращаясь ко мнѣ: какъ вы пошли къ мюридамъ съ вашимъ глупымъ учителемъ, какъ ушли отъ ночныхъ карауловъ, разскажи мнѣ все подробно.

— Я ничего такого не знаю, мой великій, отвѣтилъ я.

Ханъ обратился къ моему товарищу и спросилъ: „и ты тоже не знаешь?“

— Не знаю, мой великій, отвѣчалъ онъ.

Потомъ ханъ, обратясь ко мнѣ, сказалъ:

— Если ты знаешь и будетъ доказано, что ты ходилъ съ твоимъ учителемъ къ мюридамъ, въ такомъ случаѣ позволишь-ли мнѣ свою кровь (т. е. убить тебя)?

Минута была рѣшительная,—и я сказалъ: „позволяю.“ Тогда онъ приказалъ двумъ нукерамъ отвести меня къ Мамѣ на очную ставку, сказавъ при этомъ: „отведите этого глупаго мальчика къ его учителю, пусть тотъ разскажетъ ему все, какъ было, а потомъ приведите сюда.“

Едва ханъ кончилъ, какъ нукеры схватили меня за обѣ руки и почти вытолкали изъ комнаты.

На дорогѣ они накинулись на меня съ упреками: „какъ же ты, дуракъ, совралъ хану? Вѣдь Мама все разсказалъ“.

— Что-же разсказалъ? за что онъ арестованъ? Я вѣдь ничего не знаю! отвѣчалъ я съ досадою.

— Вишь ты, притворяешься! Сегодня караульщики обыска-

---

[15]) Казикумухцы отдавали честь своимъ ханамъ и вообще бекамъ снятіемъ папахи. При этомъ говорятъ утромъ до полудня *іуграу*, что значитъ «благополучно всталъ,» а послѣ полудня *карабузъ*, что (объясняютъ нѣкоторые) есть сокращенное слово отъ авар. *чикарау-бузъ*, означающаго въ переводѣ: да пойдетъ на здоровье то, что пито. Утреннее привѣтствіе *іуграу* лаки говорятъ всякому старшему себя по лѣтамъ, только безъ снятія папахи. Въ отвѣтъ получаютъ тѣ-же самыя слова. Тулъ-кунма—въ переводѣ—мой старшій, мой господинъ, мой великій.

ли лазутчика и нашли у него письмо. Караульщики не умѣли читать и говорятъ: „что это за письмо, кто его тебѣ отдалъ?“ — „Не знаю, что тамъ написано,“ сказалъ лазутчикъ, „мнѣ его отдалъ кумухецъ Мама.“ Вотъ письмо это принесли къ хану; онъ потребовалъ Маму и далъ ему это письмо: на, читай,—говоритъ— что тамъ написано? Мама перепугался при видѣ письма и говоритъ, дрожа всѣми членами: „что-же тутъ читать, мой великій, когда все тебѣ извѣстно.“ Ханъ весь почернѣлъ и говоритъ: „ахъ, ты, негодяй! ты не боишься меня, и смѣлъ такія слова написать мюридамъ! Ты вѣдь зналъ, что я строго запрещаю всякія сообщенія съ ними!“ Тутъ онъ вынулъ кинжалъ до половины и пошелъ къ Мамѣ, а Магомедъ-Мирза [1]) сказалъ при этомъ: „оставь, ханъ, молодаго человѣка, не разбей сердце.“ Тогда ханъ точно опомнился, остановился и спросилъ Маму,—кто съ нимъ ходилъ къ мюридамъ? а Мама сказалъ, что ты его товарищъ, а что вотъ тотъ другой провожалъ васъ...

Въ это время мы пришли въ арестантскую комнату, посреди которой, въ полу, было отверстіе, какъ колодезь. Нукеры крикнули: „Мама!“ и я услышалъ изъ глубины отверстія откликъ его. Въ это время и я подошелъ поближе къ отверстію и сказалъ обычное привѣтствіе: „да не встрѣтится болѣе несчастіе!“

Мама на этотъ разъ заикался и едва могъ заговорить: онъ совсѣмъ растерялся, ему видимо было совѣстно передо мной; онъ казался въ это время ниже всякой щепки. Тутъ одинъ изъ присланныхъ со мною нукеровъ сказалъ ему, что ханъ приказываетъ разсказать и напомнить мнѣ все, что было съ нами.

— Я, братъ, все разсказалъ,—промолвилъ Мама: теперь всякое запирательство послужитъ для насъ только въ погибель; впрочемъ, мы и такъ погибли... Прости мнѣ, я всему виною... сказалъ

---

[1]) Этотъ житель сел. Чохъ, вышедшій въ Кумухъ послѣ разоренія и взятія Чоха мюридами, служилъ при ханѣ въ качествѣ секретаря и пользовался довѣріемъ и уваженіемъ хана. Онъ зналъ Маму хорошо и впослѣдствіи помогъ ему.

онъ жалостнымъ тономъ. Ничего я не сказалъ въ отвѣтъ и вышелъ изъ тюрьмы, чтобы опять идти къ хану.

Когда я снова вошелъ предъ хана, товарищъ мой Омаръ все еще стоялъ на прежнемъ мѣстѣ, а ханъ былъ занятъ разговоромъ съ своими нукерами.

— Ну, что твой учитель говоритъ? спросилъ онъ меня.

— Ничего особеннаго, только говоритъ, что онъ разсказалъ тебѣ всю правду.

— Такъ ты ходилъ къ мюридамъ?

— Ходилъ.

— Ну, подойди поближе ко мнѣ и разкажи все, о чемъ буду спрашивать. Слушай-же. Ты слишкомъ молодъ; можетъ быть тебя сбилъ съ толку твой учитель; я тебя не такъ строго накажу, если во всемъ сознаешься, — сказалъ ханъ. Потомъ, обратившись къ товарищу моему, онъ продолжалъ самымъ ласковымъ тономъ:

— А тебѣ, дураку, я ничего больше не сдѣлаю, какъ только выколю оба глаза, и ты будешь по неволѣ молиться Богу. Каринцы [17]) вообще славятся глупостью, а ты, какъ доказываетъ твой безобразно-высокій ростъ, долженъ быть глупѣе ихъ всѣхъ. Твоя громадная глупость можетъ сдѣлаться вредною для народа, а потому, чтобы избавить народъ отъ такого вреда, а самого тебя отъ грѣховъ, лучше, чтобы ты былъ слѣпъ, чтобы ты занялся одними молитвами.

Въ это время я посмотрѣлъ на Омара: онъ былъ блѣденъ и дрожалъ всѣмъ тѣломъ. Я подошелъ поближе къ хану и началъ ему разсказывать все, какъ было.

— Ты не побоялся карауловъ? спросилъ онъ.

— Нѣтъ, потому что они не могли замѣтить насъ.

---

[17]) Сел. Кара находится на правой сторонѣ Койсу, въ Вицхинскомъ магалѣ. Жителямъ этой деревни приписываютъ лаки глупость и разсказываютъ про нихъ разные анекдоты. Напр., каринцы когда-то вздумали летать; для этого, привязавъ къ рукамъ своимъ доски, а къ заду метелки, они бросались съ кручи въ пропасть и погибали. Лаки объясняютъ, что будто когда-то около этой деревни была вода, отъ которой жители сходили съ ума, но потомъ вода эта высохла.

— Ты не падалъ въ снѣгу?

— Падалъ...

— Какую книгу ты учишь?

— Маанъ [18]).

Въ это время секретарь хана, Магомедъ-Мирза, сказалъ: „это тотъ самый, который считается первымъ муталимомъ въ Кази-Кумухѣ по своимъ познаніямъ и по способностямъ къ ученію“.

— Твой учитель знаетъ Маанъ? спросилъ ханъ.

— Очень даже хорошо.

— Нѣтъ, не думаю, ибо человѣкъ, знающій Маанъ, не сдѣлаетъ такой глупости, какую онъ сдѣлалъ. Отчего-же ты ушелъ изъ кумухской мечети, вѣрно тебя прогнали за дурное поведеніе?

— Нѣтъ, я заболѣлъ чесоткою, и муталимы не хотѣли, чтобы я жилъ вмѣстѣ съ ними, мударисъ-же жалѣлъ обо мнѣ.

— Скажи мнѣ теперь, не сказано-ли въ коранѣ: „повинуйтесь Богу, пророку Его и властямъ вашимъ?“

— Сказано.

— Я не власть ваша?

— Власть.

— Такъ знай-же, что вы ослушались Бога, потому что вы сдѣлали то, что я запретилъ. Того же, кто ослушается Бога, я имѣю право, даже долженъ казнить, такъ, что если я тебя убью, то не только не сдѣлаю грѣха, но еще исполню свою обязанность.

Потомъ, обратившись къ нукерамъ, ханъ сказалъ: „отведите ихъ въ арестантскую, пусть они будутъ тамъ пока на верху, а завтра мы ихъ пошлемъ къ Гасанъ-хану [19]) покончить съ ними дѣло.“

---

[18]) Книга эта довольно большая и заключаетъ въ себѣ арабскую риторику. Наука эта считается трудною и муталимы не приступаютъ къ изученію ея, не окончивши предварительно грамматики и не прошедши нѣкоторыхъ частей логики. Она объясняетъ главнымъ образомъ краснорѣчіе корана, доходящее, по ея объясненіямъ, до сверхъестественности.

[19]) Племянникъ хана. Онъ былъ управляющимъ въ Вицхинскомъ магалѣ и имѣлъ резиденцію именно въ аулѣ Курклю, гдѣ жили и мои родители.

Нукеры моментально схватили насъ и повели въ арестантскую. Смотритель ея радостно принялъ насъ и съ злою улыбкою сказалъ: „слава Богу, еще два абаза прибавилось! Ступайте, подлецы, я проучу васъ, разбалованныхъ мальчишекъ“...

Никогда не забуду грубой и безжалостной физіономіи этого смотрителя, который показался мнѣ скорѣе дьяволомъ, чѣмъ человѣкомъ.

X.

Въ первую тюремную ночь я не думалъ ни о чемъ другомъ, какъ только о своей завтрешней судьбѣ. Было, впрочемъ, о чемъ призадуматься и чего опасаться. Нашъ ханъ не любилъ шутить съ людьми, подпавшими его гнѣву.

Кстати, приведу здѣсь нѣсколько подробностей о тѣхъ наказаніяхъ, какія совершаемы были ханомъ надъ нѣкоторыми изъ преступниковъ, а иногда и надъ невинными жертвами его гнѣва, причемъ замѣчу, что время совершенія этихъ наказаній относится не далѣе какъ къ началу пятидесятыхъ годовъ.

Одинъ житель сел. Вертахъ пожаловался хану, что односелецъ его, молодой человѣкъ, обезчестилъ малолѣтняго сына его. Хану достаточно было одного заявленія жалобщика, и онъ приказалъ отвѣтчика посадить въ яму. Прошелъ цѣлый годъ, а арестантъ все оставался въ ямѣ. Приближался праздничный день. По обычаю лаковъ, въ большіе праздничные дни почетные жители являлись къ хану съ поздравленіемъ и выпрашивали у него помилованіе арестантамъ, ради праздника. Ханъ обыкновенно приказывалъ освобождать долго-сидѣвшихъ и не особенно-важныхъ преступниковъ. Впрочемъ, о преступникахъ, заслуживавшихъ строгаго наказанія, жители и не просили. Такъ какъ вертахинецъ сидѣлъ въ тюрьмѣ довольно долгое время, то общество Кумуха хотѣло объ немъ просить особо. Но оскорбленный отецъ маль-

чика, услышавъ это, отправился къ хану вмѣстѣ съ сыномъ своимъ и просилъ не освобождать его врага, при чемъ указалъ и на маленькаго сына своего, на котораго покусился односелецъ. Ханъ былъ не въ духѣ и, при видѣ этого мальчика, вскипѣлъ гнѣвомъ. Къ тому-же окружавшіе его приближенные выражали свое негодованіе на преступника и говорили, что любое наказаніе ничто въ сравненіи съ его преступленіемъ. Это еще болѣе раздражило хана, и онъ тутъ-же приказалъ судить преступника. Для суда, ханъ обратился къ помощнику кадія и спросилъ его, можно-ли, по шаріату, казнить смертію этого преступника? Добросовѣстный судья отвѣтилъ, что, по шаріату, нельзя казнить такого преступника, а нужно его наказать ста ударами палокъ. Тогда ханъ приказалъ вывести изъ ямы арестанта и наказать его палками. Смотря въ это время на процессъ наказанія, ханъ приказывалъ исполнителямъ бить по-сильнѣе, но, не удовлетворившись этимъ, самъ схватилъ палку и ударилъ ею преступника своеручно нѣсколько разъ. По окончаніи ста ударовъ, ханъ приказалъ сдѣлать изъ толстой палки подобіе мужскаго члена и отдалъ его отцу обезчещеннаго мальчика, съ приказаніемъ воткнуть это въ заднепроходную кишку преступника. Злобный отецъ безжалостно исполнилъ приказаніе хана, и всѣ мольбы арестанта, чтобы замѣнить ему этотъ родъ наказанія смертною казнію, были напрасны. Въ такомъ положеніи приказано было вести его домой и тамъ только освободить. Несчастный умеръ въ тотъ-же вечеръ. При совершеніи этого наказанія, происходившаго днемъ, на площади, сгоняли туда народъ со всѣхъ сторонъ.

Разскажу другой случай. Пристрастившись къ разгульной жизни и любя постоянное веселье, ханъ часто приглашалъ къ себѣ молодыхъ людей и дѣвушекъ, хорошо умѣвшихъ пѣть пѣсни или плясать. Подобными талантами вообще отличается прекрасный полъ Вицхинскаго магала, который находится въ сосѣдствѣ съ Цудахаромъ. Однажды, въ день пятницы, когда въ Цудахарѣ былъ базаръ, двѣ дѣвушки изъ сел. Кунди, принадлежавшія къ числу артистокъ хана, пошли на этотъ базаръ, а оттуда онѣ были приглашены въ домъ цудахарскаго кадія, гдѣ было въ гостяхъ нѣсколько нукеровъ

одного изъ русскихъ начальниковъ, съ которымъ ханъ былъ не въ пріятельскихъ отношеніяхъ. По просьбѣ домохозяина, дѣвушки увеселяли гостей, пѣли по-казикумухски, и въ тотъ-же день вернулись домой. Услышавши объ этомъ, ханъ приказалъ арестовать ихъ и представить къ нему. На другой день, къ всеобщему ужасу, дѣвушки эти были вынесены изъ ханской конюшни (куда онѣ были посажены) мертвыми, съ царапинами на лицахъ и слѣдами веревокъ на шеяхъ.

Вотъ еще случай. Однажды, зимою, когда слуга подавалъ чай хану, этотъ послѣдній сказалъ, что подносъ не чистъ, и слуга, вынувъ изъ кармана носовой шелковый платокъ, тутъ-же вытеръ подносъ. Ханъ замѣтилъ, что это былъ платокъ, подаренный имъ одной служанкѣ. Въ ту-же ночь слуга пропалъ безъ вѣсти, и никто не зналъ, куда онъ дѣвался. Уже весною, когда на озерѣ, около Кумуха, растаялъ ледъ, найденъ былъ въ водѣ трупъ этого слуги.

Ханъ прибѣгалъ и къ пыткамъ. Такъ, однажды, въ ханскомъ дворѣ случилось воровство на двѣсти рублей. По подозрѣнію, были арестованы бывшіе въ ту ночь караульщики изъ нукеровъ, а также и нѣкоторые другіе нукеры. Такъ какъ на допросахъ не могли добиться отъ нихъ сознанія, то ханъ приказалъ совершить надъ нѣкоторыми изъ нихъ слѣдующія пытки: двумъ изъ нихъ на груди были разведены огни, третьяго пытали раскаленнымъ желѣзомъ, выжигая медленно разныя мѣста на тѣлѣ, а четвертому сдѣлали на бритой головѣ чашку изъ тѣста и стали лить туда кипящее масло. Пытки эти повторялись нѣсколько разъ; ханъ смотрѣлъ съ любопытствомъ на страдальцевъ и видимо съ удовольствіемъ слушалъ душу раздирающіе стоны несчастныхъ, которые и умерли въ мукахъ, но въ воровствѣ не сознались.

Тревожимый такими воспоминаніями, я расположился въ углу арестантской комнаты и легъ на полу, укутавшись шубою, ни съ кѣмъ не говорилъ и ни на кого не смотрѣлъ.

Я слышалъ, какъ товарищъ мой стоналъ и вслухъ оплакивалъ себя, вспоминая, какъ мать любила его... но мнѣ до него и до его матери не было дѣла. Чрезъ нѣсколько времени я всталъ и посмотрѣлъ кругомъ: съ нами не было никого другаго, кромѣ

одного старика, ученаго и весьма почтеннаго человѣка, по имени Гасана. Два караульныхъ лежали около запертой маленькой двери, а на краю отверстія ямы, которая была по срединѣ комнаты, горѣлъ тускло нефтяной факелъ (чирахъ), который освѣщалъ яму и верхнюю комнату. Невысокія стѣны комнаты были безъ всякой штукатурки, и, кромѣ двери, въ комнатѣ не было ни окна, ни отверстія; полъ былъ не смазанъ и ничѣмъ не застланъ; только маленькій коврикъ лежалъ подъ старымъ Гасаномъ, который былъ углубленъ въ молитву. Въ это время, обративъ ко мнѣ свое пріятное лицо, и съ выраженіемъ, полнымъ состраданія, Гасанъ сказалъ: „да спасетъ тебя, сынъ мой, аллахъ отъ бѣды! Не предавайся печали и постарайся успокоить себя молитвами,—это есть единственное средство къ утѣшенію души. Тоска не приноситъ намъ никакой помощи, кромѣ напраснаго мученія себя. Терпѣніе есть источникъ счастія, терпѣніемъ-же великіе люди достигаютъ своихъ желаній. Уповай на Бога, который испытываетъ насъ, какъ мы можемъ перенести счастіе и несчастіе“...

Наставленія Гасана тронули меня сильно и я поблагодарилъ его. Потомъ я сдѣлалъ нѣсколько земныхъ поклоновъ и сталъ горячо молиться Богу. Со слезами, сознаваясь вполнѣ въ своихъ грѣхахъ, я просилъ себѣ прощенія. Около полуночи, мнѣ сильно захотѣлось спать, и я крѣпко заснулъ.

Утромъ я проснулся рано, когда смѣнялся караулъ, и хотя, при видѣ новаго жилища своего, вспомнилъ, что этотъ день есть послѣдній въ жизни моей, и что скоро предстоитъ мнѣ вытерпѣть много,—однако чувствовалъ себя гораздо легче, чѣмъ вчера. Окончивъ утреннюю молитву, я подошелъ къ отверстію ямы поздравствоваться съ Мамою и новыми товарищами. Въ глубинѣ ямы я не могъ видѣть никого, но по голосамъ узналъ, что тамъ находится нѣсколько человѣкъ. Товарищъ мой Омаръ—какъ и вчера—сидѣлъ въ углу комнаты, закрывъ глаза, какъ-бы воображая себя слѣпымъ; Мама охалъ.

Время шло тяжело; глаза мои часто устремлялись къ дверямъ нашей комнаты, и каждый разъ, какъ онѣ отворялись, я

быстро оглядывалъ ноги входящаго, чтобы угадать, не нукеры-ли пришли за нами [20])? Уже мы исполнили полуденную молитву, а они все еще не являлись. . . .

Изъ дома Мамы, мать его принесла намъ обѣдъ, который подали намъ караульщики, а самой ея къ намъ не допустили.

Къ вечеру, хотя тревожное состояніе наше немного успокоилось, но все таки мы были убѣждены, что смерть для насъ неминуема. Между прочимъ въ этотъ день мы узнали отъ смотрителя тюрьмы, что ханъ отдалъ приказаніе всѣмъ кадіямъ и мулламъ, чтобы впредь они не принимали къ себѣ муталимовъ безъ ханскаго разрѣшенія, и за ослушаніе грозилъ страшнымъ наказаніемъ. Приказъ этотъ былъ разосланъ въ тотъ-же день по всему ханству, и всѣ муталимы должны были разойтись по домамъ.

Прошло три дня, но никто за нами не приходилъ. Изъ дома Мамы намъ принесли постели и нѣсколько книгъ, перо и чернила (послѣднія передали секретарю), и мы утѣшали себя чтеніемъ и сочиненіемъ разныхъ стиховъ. И чѣмъ дальше, тѣмъ больше стали мы привыкать къ своему новому жилищу. Старикъ Гасанъ занималъ насъ, разсказывая намъ разные легенды, преданія и анекдоты. Пищу приносили намъ изъ дома Мамы, а иногда присылали ее и другіе знакомые: но къ свиданію съ нами никого не пропускали. Только посѣщалъ насъ каждый день грозный смотритель тюрьмы, постоянно носившій при себѣ пистолетъ за поясомъ и никогда не уходившій отъ насъ безъ грубыхъ и бранныхъ словъ, обращенныхъ къ намъ.

Сначала намъ на душѣ бывало тяжело отъ такихъ его обидъ, но, постепенно, мы начали смотрѣть на него просто, безъ ужаса и отвращенія, и грубости его сдѣлались для насъ обыкновенными шутками.

На дворѣ, рядомъ съ тюрьмою, былъ пороховой заводъ, гдѣ постоянно работали арестанты. Я сначала самъ просилъ у смотри-

---

[20]) Въ зимнее время жители Кумуха носятъ войлочные сапоги мѣстнаго издѣлія и большіе овчинные тулупы. Нукерамъ хана было запрещено надѣвать такіе сапоги внѣ дома, а приказано было носить сафьянные сапоги. Поэтому, зимою можно было отличать нукеровъ по сапогамъ.

теля, чтобы меня тоже пустили работать на этотъ заводъ, собственно для развлеченія и чтобы оглянуть Божій свѣтъ,—но смотритель не соглашался; потомъ же началъ онъ даже силою выгонять меня на работу. Главный мастеръ завода былъ туземецъ, родомъ изъ сел. Вагиклю; ханъ заставилъ его дѣлать порохъ для штуцеровъ своей первой нукерской сотни. Заводъ состоялъ изъ четырехъ ступъ, поставленныхъ подъ навѣсомъ, и работа арестантовъ состояла въ томъ, чтобы толкать рычаги ногами, опираясь на перила.

Прошелъ такимъ образомъ цѣлый мѣсяцъ. Мы, казалось, остались забытыми ханомъ. Единственное развлеченіе наше за это время было работать днемъ на заводѣ, а по вечерамъ болтать съ караульщиками.

Караулъ надъ арестантами назначался изъ жителей сел. Кумуха, по очереди: днемъ по два узденя, а по вечерамъ по четыре человѣка изъ куловъ, т. е. изъ такихъ обывателей, которые происходили изъ крѣпостнаго сословія. На это была воля хана, что однако не нравилось жителямъ, въ особенности куламъ. Караульщики сообщали намъ всѣ новости и старались утѣшать насъ по возможности, видя въ насъ несчастныхъ жертвъ ханскаго гнѣва. Впродолженіи одного мѣсяца, одни изъ арестантовъ были освобождены, другихъ на мѣсто ихъ посадили. Смотритель бралъ отъ освобожденнаго—отъ арестанта верхней комнаты по 20 к., а изъ ямы по 1 рублю. Арестанты содержались на свой счетъ, кромѣ тѣхъ изъ нихъ, которые принадлежали къ дальнимъ обществамъ, откуда не могли доставлять имъ пищу во всякое время. Для такихъ арестантовъ присылали съ ханскаго двора толокно изъ ячменя съ водою, а изрѣдка, по праздникамъ, и немного сыру.

Чрезъ нѣсколько недѣль арестантская обратилась для меня въ обыкновенное жилище, такъ что старикъ Гасанъ говорилъ мнѣ часто: „ты все думаешь, что это мечеть! завидую тебѣ.“ Между тѣмъ смотритель нашъ, давно узнавшій о томъ, что отецъ мой хлопочетъ чрезъ приближенныхъ къ хану людей о моемъ освобожденіи, хотѣлъ непремѣнно причислить меня съ товарищемъ къ чис-

лу тѣхъ, которые должны были, освобождаясь, платить ему по 1 рублю, т. е. онъ хотѣлъ насъ засадить въ яму.

Однажды, играя съ сыномъ пороховаго мастера, я получилъ отъ него сильный ударъ желѣзною палочкою, взятою имъ изъ завода, послѣ чего онъ выбѣжалъ на дворъ, оставивъ у меня въ рукахъ эту палочку, и сталъ дразнить меня изъ-за стѣнки арестантской комнаты. Такъ-какъ караульщики не выпустили меня погнаться за нимъ на дворъ, то я пробилъ стѣну и, сдѣлавъ въ ней отверстіе, бросилъ въ противника желѣзную палочку въ грудь, отъ чего онъ упалъ съ крикомъ. Чрезъ нѣсколько минутъ послѣ этого вошелъ къ намъ смотритель и какъ нарочно сталъ осматривать стѣны комнаты. Увидѣвъ пробитую мною дыру, сталъ онъ кричать, что тутъ непремѣнно обнаруживается желаніе наше убѣжать, и сталъ угрожать намъ, что онъ донесетъ объ этомъ хану. Долго мы упрашивали его не доносить, потому что ханъ могъ за это приказать убить насъ, не разбирая въ чемъ дѣло; но все было напрасно, и чѣмъ мы, съ караульщиками, больше его упрашивали, тѣмъ больше онъ упорствовалъ и угрожалъ не только намъ, но даже и караульщикамъ, за то, что они не хорошо наблюдаютъ за нами. Тутъ онъ показалъ свои полуотрѣзанныя уши, говоря, что и имъ, караульщикамъ, достанется тоже самое, что и у нихъ скоро будетъ по половинкѣ ушей на мѣсто цѣлыхъ. Дѣйствительно, тутъ было чего испугаться. До этого времени я не зналъ исторіи про его уши; но въ этотъ день намъ разсказалъ эту исторію одинъ соучастникъ нашего смотрителя въ потерѣ ушей, по имени Руго, который являлся почти каждую ночь насъ караулить: онъ ходилъ въ караулъ и за себя и за другихъ куловъ, получая за то плату или угощеніе бузою.

Руго разсказалъ намъ слѣдующее:

„Въ прошломъ году я ходилъ въ караулъ также часто, какъ и теперь. На дворѣ арестантской тогда не было пороховаго завода, а на томъ самомъ мѣстѣ жили гуси ханскіе. Однажды, ночью, откуда-то забрался во дворъ волкъ и унесъ одного гуся. На крикъ несчастной чужестранной птицы, мы всѣ, караульщики, бросились въ погоню. Ночь была темная, ничего не было видно;

крикъ гуся вскорѣ затихъ въ пашняхъ, около деревни, и мы возвратились назадъ. Но въ то время, по ночамъ, самъ ханъ иногда ходилъ по аулу, переодѣтый, съ однимъ или съ двумя нукерами, которые шли за нимъ поодаль, незамѣтно. На крикъ гусей какъ разъ самъ ханъ явился и узналъ, въ чемъ дѣло. На другой-же день приказалъ онъ заарестовать смотрителя и насъ всѣхъ, караульщиковъ, а потомъ высѣкъ публично и отрѣзалъ намъ уши. Вотъ и теперь, вѣроятно, этотъ оселъ (т. е. смотритель) боится потерять и остатки своихъ ушей"... заключилъ Руго.

Между тѣмъ злой смотритель уже отправился съ докладомъ во дворецъ. Чрезъ нѣсколько часовъ явилась къ намъ комиссія, для осмотра стѣны, и, къ моему счастію, во главѣ этой коммисіи стоялъ, сравнительно добросовѣстный, старикъ, старшій дворецкій хана, Назыръ-Сулейманъ, которому я разсказалъ все какъ было. Назыръ, убѣдившись въ справедливости моихъ словъ, заключилъ, что тутъ нечего докладывать хану, а все-таки, чтобы успокоить смотрителя, заявлявшаго свои опасенія, что мы можемъ убѣжать изъ тюрьмы, приказалъ посадить меня съ товарищемъ въ яму, что и было исполнено немедленно.

Въ это время въ ямѣ было семь человѣкъ; изъ нихъ шесть мужчинъ и одна женщина. Двое изъ мужчинъ были закованы въ кандалы, а у одного, по имени Тупчи-Юсуфъ, были закованы ноги и руки. Бодрый и молодой человѣкъ этотъ находился въ такомъ заточеніи уже почти цѣлый годъ. Онъ былъ изъ собственныхъ ханскихъ раятовъ и служилъ при ханѣ. Однажды, онъ почуялъ для себя опасность по какому-то дѣлу и, взявъ собственную лошадь хана, убѣжалъ къ мюридамъ днемъ. Подобный поступокъ своего-же раба сильно огорчилъ хана, и онъ строго приказалъ поймать его. Убѣжавъ, Юсуфъ ктому-же раздражалъ хана своими набѣгами и воровствомъ. Наконецъ, подкупленный ханомъ, двоюродный братъ Юсуфа приманулъ его къ себѣ ночью, и, нечаянно схвативъ его, когда тотъ занятъ былъ ѣдою, связалъ ему руки и предалъ въ руки ханскаго право-

судія. Ханъ не нашелъ болѣе жестокаго наказанія для него, какъ на всю жизнь заключить въ яму, заковавъ ему сначала только ноги. Но Юсуфъ вздумалъ убѣжать изъ ямы, и съ согласія прочихъ арестантовъ, вырылъ изъ нея подземный ходъ наружу, къ боковой улицѣ. Все уже было готово къ побѣгу, какъ вдругъ случилось, что одного арестанта освободили и этотъ освобожденный высказалъ тайну своихъ товарищей. Послѣ этого Юсуфу сковали и руки, завернувъ ихъ назадъ, такъ, что онъ ѣлъ, обыкновенно, наклоняясь къ пищѣ ртомъ, какъ животное, а для отправленія естественной нужды у него была отрѣзана часть шароваръ. Единственное желаніе его было поскорѣе разстаться съ жизнію, такъ-какъ на свободу не было у него ни малѣйшей надежды. Наконецъ, по просьбѣ стариковъ, ханъ согласился покончить съ нимъ,—и однажды ночью къ ямѣ пришло нѣсколько нукеровъ: вытащили Юсуфа, будто-бы для освобожденія, но онъ хорошо понялъ въ чемъ дѣло, и потому сначала помолился Богу, а потомъ простился съ нами, говоря: „иду, братцы, и больше не увижу васъ; иду охотно — и радъ и доволенъ судьбою. Мой удѣлъ былъ таковъ! Лучше разомъ покончить съ жизнію, чѣмъ терпѣть и мучиться постоянно". На другой день намъ разсказали, что Юсуфа изрубили.

Яма была вырыта четырехугольно и внутри выложена каменями, безъ цемента. Она имѣла глубины около 1½ сажени, а ширины 1 сажень. Въ одномъ изъ угловъ ея была поставлена маленькая кадушка для естественной надобности и около этой-же кадушки уголъ былъ заложенъ камнями, гдѣ умывались арестанты. Полъ былъ, разумѣется, земляной и почти постоянно мокрый отъ сырости, а стѣны, почернѣвшія отъ дурнаго воздуха, постоянно были покрыты крупными каплями росы,—точно плакали онѣ надъ судьбой своихъ печальныхъ жильцовъ. Полъ былъ застланъ сперва соломой, а потомъ каждый подстилалъ подъ себя или коврикъ или-же какую-нибудь одежду. Лежать намъ не было возможности, а спали мы почти другъ на другѣ въ сидячемъ положеніи. Всѣ арестанты были постоянно въ однѣхъ рубашкахъ, и не смотря на то, что на дворѣ была суровая зима, у насъ было жарко и

душно. Главное затруднительное положеніе наше состояло въ томъ, что между нами была женщина и, вопреки строгаго нравственнаго характера горцевъ-мужчинъ, судьба поставила ихъ въ необходимость терпѣть все, а главное выходить за естественной нуждою тутъ-же, въ полутора шагахъ отъ женщины. Днемъ въ ямѣ было всегда темно, а ночью ее тускло освѣщала нефтяная лампа (чирахъ) до самаго утра.

Въ первые дни я заболѣлъ отъ смрада и нестерпимой духоты; но потомъ, постепенно, привыкъ и точно совсѣмъ потерялъ обоняніе.

Нѣкоторые арестанты занимались гимнастикою, во избѣжаніе вреда отъ неподвижнаго сидѣнія: они прыгали, ломали себѣ ноги и протягивали ихъ. Женщину въ скоромъ времени освободили, съ ней еще двухъ мужчинъ, — и намъ стало просторнѣе.

Такимъ образомъ я пробылъ въ ямѣ цѣлый мѣсяцъ и за это время не видалъ неба ни разу. Отъ скуки мы сочиняли стихи, арабскіе и казикумухскіе, но записывать ихъ не было возможности, потому что не было свѣта. Но все-же мы такъ часто пѣли ихъ, что послѣ освобожденія я припомнилъ ихъ легко и написалъ нѣкоторыя изъ нихъ на бумагѣ.

Чувствуя, что я не преступникъ предъ закономъ Божіимъ, и считая себя за страдальца безвиннаго, я былъ въ душѣ спокоенъ и увѣренъ въ томъ, что на томъ свѣтѣ долженъ получить вознагражденіе за всѣ свои мученія на семъ свѣтѣ.

Но вотъ, однажды, утромъ, я услышалъ, что смотритель, подошедши къ ямѣ, зоветъ меня съ товарищемъ. Арестанты начали поздравлять насъ со свободою, а у меня началось крѣпкое біеніе сердца, и какъ только я увидѣлъ веревку, которую спустили сверху, то молча схватилъ ее, обвязалъ вокругъ стана и въ одинъ моментъ очутился въ верхней комнатѣ. Тутъ-же вытащили и товарища моего, Омара.

Простившись съ арестантами, мы вышли изъ тюрьмы, въ сопровожденіи смотрителя и двухъ ханскихъ нукеровъ. Я былъ такъ

слабъ, что едва могъ идти. У меня дрожали ноги, крѣпко билось сердце и глаза слѣпли отъ солнечнаго свѣта. При выходѣ изъ тюремнаго двора на площадь, около ханскаго дома, стояла большая толпа народа; при нашемъ появленіи, всѣ обратили на насъ любопытное вниманіе.

Неподалеку отъ воротъ ханскаго дома насъ остановили; тутъ окружилъ насъ народъ, и, будто диковинкой какой, мы стояли посреди любопытной толпы. Никто ничего не говорилъ съ нами и всѣ поглядывали между прочимъ на то, какъ два человѣка соскабливали какія-то палочки ножемъ. Я подумалъ-было, что они забавлялись, какъ это обыкновенно бываетъ въ горахъ, что человѣкъ сидитъ на сходбищѣ да отъ нечего дѣлать беретъ кусочекъ дерева и начинаетъ стружить его цѣлые часы. Но, къ ужасу нашему, забава этихъ двухъ человѣкъ была не даромъ. Скоро одинъ изъ нихъ обратился къ намъ съ словами: „Какъ вы смѣли лгать „хану?.. Онъ хотѣлъ за это сначала казнить васъ, но его упросили „дать вамъ пощаду; потомъ приказалъ-было онъ отрѣзать вамъ „языки, но, ради вашихъ молодыхъ лѣтъ и ради того, что вы „учитесь хорошо и можете быть хорошими алимами, онъ, по просьбѣ „отца твоего (обращаясь ко мнѣ) и по ходатайству моему, уменьшилъ и это наказаніе: онъ велѣлъ проткнуть эти палочки „чрезъ ваши языки и отправить васъ пѣшкомъ въ такомъ „положеніи до границы Цудахара“. Потомъ, обращаясь къ смотрителю тюрьмы и къ одному изъ нукеровъ, сказалъ: „вотъ, возьмите эти палочки и исполните волю хана“. Смотритель и нукеръ бросились къ намъ съ приказаніемъ: „высуньте языки поскорѣе“! Въ это время дрожь пробѣжала по моему тѣлу—и я высунулъ языкъ. Грубый, съ желѣзнымъ цвѣтомъ лица, смотритель стоялъ передо мной и, вынувши изъ-подъ кинжала шило, началъ втыкать его въ мой языкъ. Чувствуя, что шило было очень тупое, я оттолкнулъ его и сказалъ: „развѣ у тебя нѣтъ Бога, безсовѣстный? Возьми по крайней мѣрѣ острое шило, чтобы было легче!“ Въ это время посыпались со всѣхъ сторонъ отъ народа упреки и ругательства на смотрителя; всѣ съ негодованіемъ кри-

чали: „оселъ, у тебя нѣтъ совѣсти!“ и кто-то подалъ ему карманное шило.

Смотритель, сконфузившись, съ досадою взялъ острое шило и проткнулъ мой языкъ, а потомъ всунулъ туда палочку, приготовленную для этой операціи. Тутъ я почувствовалъ, что кто-то схватилъ сзади мою голову и держалъ ее крѣпко; обернувшись послѣ, я увидѣлъ своего отца, стоявшаго за мною. У него блестѣли слезы на глазахъ и, потупивъ взоры, онъ сказалъ: „потерпи, сынъ мой, на все воля Божія.“ Я отвернулся поскорѣе, чтобы не видѣть его, и не зналъ, куда дѣваться отъ стыда. Въ это время племянникъ хана, Гасанъ-ханъ, приказалъ четыремъ коннымъ нукерамъ, которые подъѣхали тутъ-же, отвести насъ далѣе; при этомъ онъ сказалъ: „смотрите, не вынимайте изъ ихъ языковъ палочекъ до границы ханства; не то ханъ сдѣлаетъ съ вами тоже самое.“ И мы отправились...

XI.

Не стану описывать мое печальное странствіе, подъ конвоемъ нукеровъ, отъ Кумуха до сел. Куба, пограничнаго съ обществомъ Цудахаръ. Перейду прямо ко времени возвращенія моего въ домъ родителей, куда я привезенъ былъ родственниками усталый, измученный, съ опухшимъ и пораненнымъ языкомъ.

Дома я засталъ много гостей, пришедшихъ поздравить меня и родителей моихъ съ моимъ спасеніемъ. Послѣ привѣтствій и радостныхъ слезъ, мать позаботилась пригласить знахарку, чтобы отогнать отъ меня дѣйствіе страха, могущаго впослѣдствіи имѣть дурное вліяніе на мое здоровье. Я самъ былъ свидѣтелемъ совершенія знахаркою требуемаго отъ нея дѣла. Она взяла глубокую чашку, полную воды, шепнула надъ водою что-то и велѣла мнѣ бросить туда три куска угля. Потомъ, взявъ пустой кувшинъ, ко-

торый не былъ еще въ употребленіи, и у отверстія его подожгла нѣсколько палочекъ сосноваго дерева; потомъ, перевернувъ кувшинъ вверхъ дномъ, держала отверстіе чуть не надъ водою; въ это время она тоже шептала губами, будто читая что-нибудь, и вдругъ, когда отверстіе коснулось до воды въ чашкѣ и, отъ давленія наружнаго воздуха, вода поднялась быстро, съ шумомъ, въ кувшинъ, гдѣ воздухъ сдѣлался рѣже отъ нагрѣванія, то, при этомъ естественномъ явленіи природы, присутствовавшія женщины пришли въ ужасъ и воскликнули съ удивленіемъ, что какъ было-бы опасно для моего здоровья, если-бы не были приняты такого рода мѣры для отогнанія отъ меня дѣйствія страха. Когда кувшинъ потомъ подняли, вода изъ него опять вылилась въ чашку и брошенные куски угля лежали на днѣ ея. Тогда всѣ успокоились, а мать искренно поблагодарила мою спасительницу.

Продолжительный перерывъ ученія мучилъ меня и я съ жадностію читалъ книги, по которымъ до этого времени обучался и съ которыми принужденъ былъ надолго разстаться; я-бы, не теряя времени, отправился муталимомъ къ какому-нибудь хорошему кадію, но для этого нужно было сперва пойти къ хану и выпросить билетъ, безъ котораго меня-бы не приняли нигдѣ, согласно ханскаго приказанія, даннаго въ началѣ нашего заарестованія. Прошло нѣсколько недѣль; все это время я занимался дома; но какъ-бы усердно ни учился я, все-же дома не такъ удобно учиться, какъ въ чужомъ аулѣ, гдѣ у муталима нѣтъ другаго пріюта, кромѣ одной мечети. Наконецъ, я рѣшился просить ходатайства у ханскаго письмоводителя взять для меня отъ хана билетъ. Письмоводитель этотъ былъ нашъ знакомый, добрый человѣкъ, принимавшій участіе въ освобожденіи меня изъ ямы. Но убѣжденный въ томъ, что ханъ не только не дастъ мнѣ билета, но можетъ еще разсердиться за напоминаніе обо мнѣ, онъ совѣтывалъ мнѣ оставить Казикумухъ и отправиться въ какое-нибудь чужое общество, гдѣ-бы не дѣйствовала власть хана. При этомъ онъ совѣтовалъ не ѣхать только въ Кюринское ханство, потому что нашъ ханъ былъ

во враждебныхъ отношеніяхъ съ кюринскимъ ханомъ, и вообще они оба терпѣть не могли другъ друга.

Оставалось послѣдовать такому совѣту. Поэтому я поѣхалъ въ сел. Балхаръ, гдѣ былъ кадіемъ въ то время извѣстный ученый—Мама-Тата. Селеніе это хотя входитъ въ составъ Даргинскаго округа и жители его говорятъ по-акушински, но они все-же природные лаки. Селеніе это замѣчательно тѣмъ, что здѣсь выдѣлываютъ глиняную посуду, что и даетъ средства къ существованію его жителямъ. Они развозятъ своего издѣлія посуду на эшакахъ и лошадяхъ почти по всему Дагестану и обмѣниваютъ ее на хлѣбъ, мясо и т. п. Каждый домъ, а иногда нѣсколько домовъ, имѣютъ свой отдѣльный заводъ, гдѣ обжигаютъ разнаго рода сосуды [21]). Если, по какому-нибудь непредвидѣнному случаю лопнутъ сосуды въ обжигательной печи, то это служитъ бѣдой для хозяевъ. Тогда плачутъ они, точно какъ-бы умеръ самый любимый членъ ихъ семейства. Въ подобныхъ несчастныхъ случаяхъ, что бываетъ нерѣдко отъ неосторожнаго обжиганія или же отъ того, что глина не была хорошо очищена отъ мелкихъ камней, лопающихся при сильномъ жарѣ, общество не оставляетъ пострадавшихъ безъ помощи: дѣлаютъ для нихъ складчину и каждый жертвуетъ, по своему состоянію, сколько можетъ сосудовъ. Ремесло это не распространяется на остальные, даже близкіе аулы. Сосѣднее-же къ Балхару сел. Цалакянъ, расположенное на кремнистомъ грунтѣ, въ прежнее время славилось обдѣлываніемъ кремней для ружей, и жители его развозили кремни по чужимъ обществамъ и базарамъ въ большомъ количествѣ для продажи.

Балхарскій кадій принялъ меня въ мечеть, но впродолженіе трехъ дней, въ которые я считался, по обычаю муталимовъ, гостемъ, я убѣдился въ томъ, что мнѣ не удастся здѣсь продолжать свое ученіе, такъ какъ, изъ разсказовъ муталимовъ, я узналъ, что кадій рѣдко посѣщаетъ мечеть. Поэтому я рѣшился пой-

---

[21]) Есть поговорка, что у балхарцевъ большія ноги составляютъ одно изъ самыхъ почитаемыхъ достоинствъ жениха и невѣсты,—потому что большія ноги способны хорошо мѣсить глину для сосудовъ.

ти дальше, въ Акушу. Узнавши мое намѣреніе, муталимы балхарской мечети насказали мнѣ объ ужасахъ, которые ожидають меня въ акушинской мечети. Мечеть эта построена на вершинѣ холма, возвышающагося по срединѣ аула и имѣющаго съ одной стороны скалистый утесъ, у подошвы котораго течетъ рѣчка, раздѣляющая аулъ на двѣ половины, а съ другой стороны крутую покатость. На эту покатость мечеть выходитъ тремя этажами. Въ нижнемъ и среднемъ этажахъ ея ничего не помѣщается, и они-то служатъ, по увѣренію муталимовъ, жилищемъ цѣлой арміи чертей, которые иногда забавляются пуганіемъ живущихъ въ верхнемъ этажѣ муталимовъ, отчего нѣкоторые изъ нихъ со страху бутдо-бы умерли. Мнѣ разсказывали, что иногда черти сбрасываютъ со скалы спящихъ муталимовъ, если только они, ложась спать, не вооружатся молитвенниками и кораномъ. Если-же спящій имѣетъ около себя коранъ, или молитвенникъ, то черти, не имѣя возможности подойти къ священной книгѣ, заманиваютъ спящаго куда-нибудь въ сторону, а потомъ совершаютъ съ нимъ что-угодно. Вотъ, напримѣръ, существуетъ такого рода преданіе. Одинъ новичекъ-муталимъ спалъ въ углу этой мечети и при себѣ имѣлъ молитвенникъ. Вдругъ, послѣ полуночи, его разбудилъ ужасный шумъ. Просыпается муталимъ и слышитъ веселый говоръ, пѣсни и пляски невдалекѣ отъ мечети. Шумъ быстро приближается и вотъ входятъ въ мечеть муталимы, со свѣчами въ рукахъ, съ красивыми дѣвушками. Дѣвушки весело начинаютъ бѣгать по мечети, а муталимы гоняются за ними. У новичка-муталима волосы становятся дыбомъ и онъ смотритъ съ изумленіемъ на странную игру своихъ знакомыхъ и друзей. Бѣготня кончается и начиняютъ плясать, играть на бубнѣ и балалайкѣ. Вдругъ, всѣ они стали кричать, зовутъ его по имени, въ свою компанію: онъ хочетъ о чемъ-то спросить у нихъ, но не можетъ ничего сказать, точно въ горлѣ у него пересохло и голоса не стало. Въ это время онъ видитъ свою невѣсту, которая весело пляшетъ съ человѣкомъ, котораго онъ ненавидитъ, и говоритъ невѣста: „что ты стоишь, какъ баба"? Тогда муталимъ, затронутый за живое, бросается въ компанію и оставляетъ арха-

лукъ, въ которомъ находился молитвенникъ. Невѣста, которая до тѣхъ поръ не подходила близко, бросается къ нему на встрѣчу, обнимаетъ его и цѣлуетъ въ щеку, а сама при этомъ пляшетъ и все идетъ дальше, дальше; компанія тоже вмѣстѣ съ ней удаляется, какъ въ это самое время муталимъ произнесъ имена Аллаха и Магомеда, крикнувши: „да будетъ на васъ гнѣвъ Аллаха и проклятіе Магомеда, подождите"! При этихъ словахъ вся публика разомъ, съ быстротою молніи, исчезла—и онъ остался въ непроницаемомъ мракѣ. Тогда побѣжалъ онъ, сколько могъ быстрѣе, чтобы попасть въ двери и догнать ушедшую публику, какъ вдругъ ударяется лбомъ о столбъ мечети и падаетъ безъ чувствъ. На другой день его нашли съ пѣною во рту и съ разбитою головою — и пролежалъ онъ больнымъ цѣлый годъ, послѣ чего наконецъ умеръ.

Другой случай былъ такого рода. Однажды, когда муталимы читали утромъ свои уроки, вдругъ съ чердака показалась ослиная громадная голова. Одинъ изъ муталимовъ, самый смѣлый, крикнулъ: „эй, проклятый, прочь въ адъ!" Въ это время полетѣлъ камень, попалъ въ столбъ, близь того самаго муталима, который крикнулъ это, и разбился въ дребезги.

Также утверждали, что нашли какого-то муталима, привязаннымъ къ носилкамъ, какъ привязываютъ покойниковъ, и висѣвшаго надъ пропастью головой внизъ: значитъ, черти потѣшились надъ нимъ. А шуму, который слышенъ бываетъ почти всегда въ нижнихъ этажахъ мечети, нѣтъ и конца. Тамъ черти иногда воютъ какъ волки, иногда лаютъ какъ собаки, а иногда какъ скотина бѣгаютъ и т. п. Подобные разсказы, разумѣется, отняли у меня желаніе поселиться на житье въ акушинской мечети, и я рѣшился отправиться, съ однимъ изъ товарищей своихъ, въ Шамхальство, въ деревню Казанищи.

Предъ этимъ за нѣсколько лѣтъ, когда я былъ еще маленькимъ, отецъ возилъ меня въ эту деревню, гдѣ онъ самъ нѣкоторое время былъ муллою одного отдѣльнаго магала (квартала).

Цѣль его поѣздки состояла между прочимъ въ томъ, чтобы познакомить меня съ татарскимъ языкомъ, который считается общеупотребительнымъ на Кавказѣ. Поэтому, знаніе этого языка составляетъ одно изъ необходимыхъ условій для существованія горца. Ибо кавказскіе горцы, въ особенности дагестанскіе, живя въ самыхъ тѣсныхъ трущобахъ, гдѣ вообще мало земли, да и та по большей части не плодородна, поставлены судьбою въ необходимость имѣть постоянныя сообщенія съ жителями Закавказья и прикаспійской плоскости для пріобрѣтенія насущнаго хлѣба. Въ этихъ-то видахъ отецъ мой воспользовался случаемъ и возилъ меня съ собою на плоскость, гдѣ я впродолженіе одной зимы выучился совершенно свободно говорить на татарскомъ языкѣ, и съ тѣхъ поръ всегда, при всякомъ удобномъ случаѣ, старался припоминать этотъ языкъ.

Казанищинскій кадій, учившійся въ горахъ у тамошнихъ алимовъ, былъ одинъ изъ извѣстныхъ на плоскости ученостію и знаніемъ арабскаго языка молодой человѣкъ; онъ принялъ меня въ мечеть безъ отговорокъ. У него я засталъ муталимовъ около 20; изъ нихъ большая часть были горцы, довольно взрослые, а нѣкоторые даже гораздо старше по лѣтамъ самого кадія. Они жили довольно роскошно, совсѣмъ не похоже на горскихъ муталимовъ. Напака здѣсь хотя большею частію состояла изъ кукурузной муки, но зато давали ее вдоволь; у муталимовъ всегда бывало горячее (хинкалъ съ наваромъ); толокна здѣсь совсѣмъ не ѣдятъ, зато часто случается ѣсть мясо. По четвергамъ, какъ это заведено всюду на плоскости, съ жителей мы собирали муку и дрова, и ни въ чемъ не терпѣли недостатка. Мы помѣщались въ отдѣльныхъ, нарочно устроенныхъ для муталимовъ комнатахъ (худжрахъ), а уроки давались намъ въ мечети. Не имѣя времени и силъ давать каждому отдѣльный урокъ, кадій ограничивался обученіемъ нѣкоторыхъ изъ старшихъ муталимовъ, въ томъ числѣ и меня, а мы, въ свою очередь, обучали младшихъ муталимовъ. Я былъ совершенно доволенъ своимъ положеніемъ, которое во многихъ отношеніяхъ было лучше и легче, чѣмъ въ горахъ.

Время приближалось къ лѣту и всѣ горцы, находившіеся на плоскости, устремились къ своимъ роднымъ убѣжищамъ, для предохраненія себя отъ палящихъ лучей солнца, которое въ это время говоритъ (такая есть поговорка): „гдѣ горецъ? давай его сюда!“ А я оставался совершенно спокоенъ въ своей мечети; мнѣ было весело въ средѣ муталимовъ, и, живя вмѣстѣ съ аварцами, я практиковался въ аварскомъ языкѣ, ходилъ вмѣстѣ съ товарищами воровать кукурузу, тыквы и фрукты изъ жительскихъ огородовъ и садовъ, чему мы не придавали особеннаго предосудительнаго значенія. Пришло время уразы (постъ рамазана), и намъ стало еще веселѣе. За недѣлю до поста мы приготовили бубенъ, поисправили свои сумки и запаслись палками отъ собакъ, которыхъ очень много на плоскости. Наканунѣ поста, вечеромъ, на улицахъ стали раздавать галву и печеный хлѣбъ съ масломъ, а съ наступленіемъ поста, по вечерамъ въ мечеть собиралась многочисленная толпа народа и каждый приносилъ туда по одной сальной свѣчѣ и по одной сухой лепешкѣ хлѣба. Послѣднія, послѣ совершенія вечерней молитвы, дѣлились между всѣми, а свѣчи зажигались и ставились на придѣланной вдоль стѣны деревянной палкѣ; послѣ-жъ ухода народа изъ мечети свѣчи собирали и клали въ отдѣльный ящикъ.

За часъ или два до зари, мы ходили по деревнѣ, раздѣлившись на нѣсколько партій, каждая съ бубномъ, и играя на немъ у каждаго жителя на дворѣ, пѣли арабскія пѣсни, для того чтобы разбудить хозяина къ завтраку. Проснувшись такимъ образомъ, хозяинъ давалъ намъ что-нибудь съѣстнаго, какъ-то: мяса, хлѣба, яицъ и пр., что нарочно приготовляютъ съ вечера для муталимовъ.

Собравъ такимъ образомъ довольно порядочное количество припасовъ, мы возвращались въ мечеть, гдѣ насъ ожидалъ комнатный цигоръ, съ горячимъ хинкаломъ изъ кукурузной муки, съ похлебкою. Позавтракавъ довольно сытно, мы совершали утреннюю молитву и ложились спать до поздняго утра. Я не замѣтилъ, какъ прошелъ этотъ благочестивый мѣсяцъ, который мы

провели такъ весело, не безъ пріятныхъ размышленій и о будущемъ праздникѣ, въ день окончанія поста. Еще сначала второй половины этого поста замѣтно было, какъ жители приготовлялись къ празднику: мужчины часто возили дрова въ Шуру на продажу и возвращались съ какою-нибудь покупкою для кого-либо изъ членовъ своего семейства, какъ-то: сафьяна на чевяки, ситца для платья и проч. Женщины тоже ходили большими толпами на шуринскій базаръ, для продажи яицъ, куръ, масла, хлѣба, и также возвращались домой съ разными покупками. Мальчики въ свою очередь озабочены были пріискиваніемъ крѣпкихъ яицъ или-же приготовляли поддѣльныя, для того, чтобы бить чужія; словомъ, всѣ безъ исключенія приготовлялись и весело ожидали приближавшагося торжественнаго дня. Наконецъ наступило такъ нетерпѣливо ожидаемое время: это былъ послѣдній день поста.

Вечеромъ этого дня, преждевременно начали дымить трубы и вездѣ по улицамъ воздухъ былъ наполненъ ароматомъ, распространявшимся отъ зажигаемыхъ нарочно въ этотъ вечеръ душистыхъ веществъ. Вездѣ замѣтны были оживленіе и суета; на лицѣ каждаго выражалась радость.

Послѣ вечерняго намаза, разговѣвшись слегка, мы вышли съ бубномъ и начали ходить изъ двора въ дворъ, распѣвая подъ бубенъ арабскіе стихи цѣлымъ хоромъ. Намъ давали по цѣлому хлѣбу или по куску галвы, мясо, крашеныя яйца и пр. Сборъ продолжался до полуночи, и вездѣ получая что-нибудь безъ отказа, мы успѣли собрать довольно большое количество съѣстныхъ припасовъ, такъ-что послѣ праздника мы насушили лучшаго хлѣба такое количество, котораго достало намъ почти на цѣлый мѣсяцъ.

Возвратившись поздно въ мечеть, мы легли спать и встали съ разсвѣтомъ. Народъ началъ стекаться въ мечеть со всѣхъ сторонъ, и до восхожденія солнца мечеть была уже полна. Кадій, взлѣзши на деревянную тахту, проповѣдывалъ народу о необходимости покаяться въ своихъ грѣхахъ. По окончаніи молебствія начались поздравленія съ праздникомъ и пожеланія другъ другу,

чтобы Богъ принялъ уразу, при чемъ сильно пожимали другъ другу руки. Какъ только народъ разошелся по домамъ, мы, муталимы, поторопились надѣть на себя все что имѣли новаго и чистаго изъ одежды, и отправились поздравлять знакомыхъ жителей съ праздникомъ.

Въ аулѣ, по улицамъ, тѣснились толпы мужчинъ и женщинъ всякаго возраста, принаряженныхъ въ праздничныя одежды и ходившихъ другъ къ другу съ поздравленіями.

Замѣчу, что на плоскости существуетъ обычай, котораго не встрѣчается у горцевъ: при встрѣчѣ молодаго человѣка съ знакомою дѣвушкою, мужчина обнимаетъ дѣвушку и они обмѣниваются крашеными яицами, какъ это бываетъ на пасху у христіанъ, съ тою только разницею, что христіане цѣлуются другъ съ другомъ безъ различія пола, а тамъ обнимаютъ только дѣвушекъ. Дѣвушки стараются уклоняться отъ этихъ объятій, какъ-бы изъ приличія; но сопротивленіе и отговорки съ ихъ стороны бываютъ безполезны при настойчивости молодыхъ людей, которые, пользуясь правами, предоставленными имъ обычаемъ, ни за что не пропускаютъ удобнаго случая обнять въ этотъ день знакомую дѣвушку.

Всюду, куда мы ни заходили, были поставлены въ убранной, по состоянію каждаго, комнатѣ большіе круглые подносы, на которые было положено по-нѣсколько цѣлыхъ большихъ хлѣбовъ; надъ хлѣбами стояли чашки съ супомъ изъ баранины, который хозяйка подливала изъ горячаго котла, при появленіи каждаго новаго гостя; около этого подноса были поставлены и другіе подносы съ галвою, крашеными яицами, медомъ, фруктами и сластями [22]).

Для отдаванія визитовъ въ этотъ день большею частію собирается по-нѣсколько товарищей и вмѣстѣ ходятъ къ знакомымъ.

---

[22]) Въ послѣднее время каждый болѣе состоятельный житель накрываетъ столъ по-европейски и ставитъ на немъ разныя закуски и сладости въ тарелкахъ.

Сначала поздравляютъ близкихъ стариковъ и старухъ, а потомъ и другихъ знакомыхъ. Явившіеся съ поздравленіемъ непремѣнно должны сѣсть за столъ и поѣсть чего нибудь, а потомъ, получивъ по одному крашеному яйцу, уходятъ. Въ этотъ день, у каждаго жителя найдутся въ изобиліи спиртуозные напитки, напр., водка, ромъ, бальзамъ, а у нѣкоторыхъ и вино.

Трудно встрѣтить въ этотъ день 5 человѣкъ, изъ которыхъ бы двое не были пьяны. До обѣда молодые люди дѣлаютъ визиты, выпивая вездѣ по нѣсколько рюмокъ водки, а послѣ обѣда начинается общій кутежъ и общее гулянье. Вездѣ слышны пѣсни, звуки музыки, пляска и всякаго рода веселые голоса людей. Молодые люди, собравшись у кого-нибудь изъ своихъ товарищей, первымъ дѣломъ назначаютъ изъ среды себя одного главу и называютъ его шахомъ. Къ нему назначаютъ еще помощника, если публика многочисленна; назначаютъ также кадія, есауловъ и чаушей, которые приводятъ приказанія шаха немедленно въ исполненіе. Остальная компанія повинуется шаху безпрекословно. Шахъ сидитъ на почетномъ мѣстѣ, съ надлежащею важностію, говоритъ тихо, чинно и съ достоинствомъ и не позволяетъ себѣ разговариватъ съ кѣмъ-нибудь изъ компаніи, кромѣ какъ съ своимъ визиремъ, который передаетъ слова его кому слѣдуетъ. Онъ смотритъ главнымъ образомъ за порядкомъ и не позволяетъ никому безчинствовать. Если-же кто-нибудь позволитъ себѣ какое-нибудь неприличіе— или слишкомъ шумѣть, или ссориться, то шахъ дѣлаетъ замѣчаніе, выговоръ или наказываетъ таковыхъ по своему усмотрѣнію. Если-же онъ находитъ нужнымъ удалить кого-нибудь изъ компаніи, то дѣлаетъ это съ помощію своихъ есауловъ, и никто не смѣетъ сердиться на него за это. Хозяинъ дома, у котораго собралась такая веселая компанія, старается по возможности предоставить гостямъ всевозможныя удобства и готовъ отдать свой послѣдній кусокъ хлѣба, лишь-бы не показать гостямъ вида, что они его стѣсняютъ. Онъ собираетъ молодыхъ дѣвушекъ, живущихъ по сосѣдству, а также родныхъ и знакомыхъ женщинъ, чтобы этимъ еще болѣе развеселить гостей, и тутъ-то начинается выпив-

ка. Больше всего пьютъ чистую водку, закусывая въ промежуткахъ понемногу, пьютъ также джабу (кипяченое вино) и очень рѣдко бузу. Дѣвушки, обыкновенно, стоятъ въ углу комнаты, поютъ пѣсни хоромъ и пляшутъ вмѣстѣ съ мужчинами; пѣсни эти бываютъ любовнаго содержанія, а также заключаютъ въ себѣ похвалы шаху и другимъ присутствующимъ гостямъ. Посидѣвъ нѣсколько времени, шахъ отправляется съ своею компаніею къ другому хозяину, гдѣ происходитъ тоже самое. Такимъ образомъ пьянство продолжается три дня сряду. Въ эти дни бываетъ много несчастныхъ случаевъ, такъ что ни одинъ такой праздникъ не проходитъ безъ того, чтобы въ аулахъ не было убито и поранено нѣсколько человѣкъ. Молодые люди при такихъ гуляньяхъ имѣютъ обыкновеніе стрѣлять изъ пистолетовъ во время танцевъ и часто отъ этихъ выстрѣловъ страдаютъ присутствующіе (я помню, что въ 1864 году, въ одинъ изъ такихъ праздничныхъ дней, было убито только въ однихъ окрестныхъ аулахъ Темиръ-Ханъ-Шуры 4 человѣка). Мы, какъ муталимы, не могли участвовать въ пирушкахъ, изъ приличія, а только смотрѣли и любовались со стороны.

Въ этотъ день, кромѣ частныхъ пожертвованій, которыя поступаютъ въ безотчетное распоряженіе муталимовъ, мы получили значительное количество зерноваго хлѣба изъ *саховъ*, которое мы сами собрали изъ всѣхъ маленькихъ мечетей. Селеніе Казанищи имѣетъ около десяти кварталовъ и въ каждомъ кварталѣ имѣется особая маленькая мечеть, куда ходятъ жители молиться въ обыкновенные дни, исключая пятницы; въ этотъ-же день всѣ жители собираются въ главную мечеть, называемую джума-меджетъ, т. е. мечеть, въ которой совершается молитва въ пятницу. Въ этой-то главной мечети живутъ и муталимы. Въ день окончанія рамазана всякое семейство обязано пожертвовать по одной мѣркѣ зерноваго хлѣба съ каждой души въ пользу бѣдныхъ. Мѣрка эта называется сахъ и всякій доставляетъ свои сахи въ свою магальную мечеть, гдѣ мулла раздаетъ ихъ бѣднымъ и оставляетъ часть особо для муталимовъ: вотъ эти-то сахи мы и собрали изъ магальныхъ мечетей.

XII.

Въ Темиръ-Ханъ-Шурѣ была, такъ называемая, мусульманская школа, гдѣ обучались дѣти туземцевъ всякаго возраста арабскому и русскому языкамъ.

Меня давно интересовала русская грамота и я имѣлъ сильное желаніе изучить ее. Одинъ изъ учениковъ этой школы, учившійся въ ней уже четыре года, пріѣхалъ въ то время домой, въ Казанищи, на каникулы. Ученикъ этотъ приходилъ часто въ мечеть и бралъ у меня уроки арабскаго языка. Пользуясь этимъ случаемъ, я въ свою очередь сталъ учиться у него русской грамотѣ. Но такъ какъ у насъ не было печатной азбуки, то я изучилъ письменныя буквы и въ скоромъ времени могъ уже разбирать четко-написанныя рукописи и даже началъ самъ писать по-русски. Тогда у меня явилось еще болѣе сильное желаніе обучиться русскому языку. Но обнаружить кому-нибудь свое желаніе я пока не рѣшался, такъ какъ даже за то, что я началъ писать вездѣ, гдѣ только находилъ гладкое мѣсто, какія-нибудь слова или имена русскими буквами, и за то, что я осмѣлился принести въ мечеть русскую пропись, всѣ муталимы стали сильно упрекать меня, говоря, что я занимаюсь недобрымъ дѣломъ, что я не боюсь грѣха.

Между тѣмъ желаніе мое нисколько чрезъ это не уменьшилось, а напротивъ, я сталъ уже подумывать о томъ, какъ-бы мнѣ поступить въ темиръ-ханъ-шуринскую мусульманскую школу. Вышеупомянутый ученикъ раскзывалъ мнѣ съ восторгомъ о своей школьной жизни и описывалъ ее самыми блестящими и соблазнительными красками; онъ совѣтовалъ мнѣ пойти съ нимъ въ Шуру, обѣщая мнѣ свое ходатайство у своего родственника, который былъ учителемъ арабскаго языка въ этой школѣ.

Время клонилось къ осени, когда школьники покидаютъ родительскіе дома и собираются въ школу, — вотъ и я также отправился въ Шуру, представился тамъ учителю арабскаго языка, которому реко-

мендовалъ меня мой бывшій ученикъ, и я былъ принятъ въ число пансіонеровъ школы, безъ всякихъ справокъ о томъ, кто я и кто мои родители, а единственно по одному личному моему заявленію.

Узнавши объ этомъ, отецъ прискакалъ ко мнѣ, точно для спасенія погибающаго; онъ былъ въ сильномъ негодованіи на мой поступокъ. Онъ считалъ для себя унизительнымъ, что сынъ его поступилъ въ русскую школу, гдѣ, по его мнѣнію, станутъ обучать меня Евангелію и потомъ заставятъ выкреститься; онъ даже хотѣлъ просить начальство, чтобы меня выключили изъ школы. Но я умолилъ его, чтобъ онъ позволилъ мнѣ остаться въ школѣ хотя на одну зиму, доказывая, что я поступилъ туда не для изученія Евангелія, а для продолженія занятій своихъ по изученію арабскаго языка. Долго онъ не соглашался, и только объясненія учителя этого языка убѣдили его въ безвредности для меня школьнаго ученія; но все-таки онъ неохотно согласился оставить меня въ Шурѣ.

Горцы судятъ обо всемъ по своему: они думаютъ, что русскіе обучаютъ дѣтей прежде всего читать Евангеліе, какъ у нихъ обучаютъ читать коранъ, потомъ учатъ догматамъ христіанской религіи и т. д. Всякую русскую рукопись они называютъ Евангеліемъ и потому порядочный мусульманинъ не броситъ бумажки, исписанной по-русски, въ нечистое мѣсто, предполагая, что, можетъ быть, тамъ написано имя Божіе. Они вѣруютъ въ Евангеліе и въ Іисуса Христа, но увѣрены также и въ томъ, что въ настоящемъ Евангеліи велѣно Богомъ, чтобы всѣ христіане послѣдовали Магомеду, когда онъ явится, и что священники выкинули это мѣсто изъ Евангелія. Они также увѣряютъ, что глубоко-ученый священникъ (какъ они выражаются) открываетъ истину и переходитъ въ исламъ. Совершенно такое-же мнѣніе имѣютъ мусульмане и объ евреяхъ. Вообще-же горцы смотрятъ на христіанъ, какъ на идолопоклонниковъ, за то, что они молятся кресту, который горцы называютъ русскимъ Богомъ. Поэтому, многіе мусульмане, имѣющіе знаки отличія военнаго ордена, снимаютъ ихъ съ себя при совершеніи намаза.

Съ поступленіемъ моимъ въ школу окончились и мои муталимскія странствованія.

Заключеніе.

Для ознакомленія читателей съ характеромъ и объемомъ тѣхъ знаній, которыя пріобрѣтаются муталимами за все время ихъ, нерѣдко многолѣтняго, ученія, я сообщу здѣсь нѣсколько чертъ, характеризующихъ дагестанскую ученость вообще.

Ученые въ горахъ подраздѣляются, такъ сказать, на три вида: это—суфи, муллы и алимы. Обыкновенно, горецъ, изучившій арабскую азбуку на столько, что можетъ читать хорошо и ясно рукописный коранъ и молитвы, по большей части оканчиваетъ курсъ своего ученія тѣмъ, что заучиваетъ еще маленькія книжки „Мухтасаруль-мингажъ (Сокращенные пути)“ и „Марипатуль-исламъ“ (Познаніе ислама), т. е. самыя начальныя правила мусульманской вѣры. Изъ прошедшихъ такой курсъ ученія горцевъ нѣкоторые соблюдають потомъ въ жизни строгій, честный и нравственный образъ жизни, избѣгаютъ всего запрещаемаго религіею, какъ-то: убійства, воровства, лжи, клеветы, куренія табаку, употребленія спиртныхъ напитковъ и т. д., не пропускаютъ обязательныхъ молитвъ, по возможности часто посѣщаютъ мечеть, соблюдаютъ чистоту тѣла и стараются дѣлать все то, что религія требуетъ отъ хорошаго мусульманина. Этотъ самый полезный для общественнаго спокойствія классъ людей, хотя легковѣрный и послушный всему, что имъ проповѣдуютъ болѣе ихъ ученые,—называется *суфіями*. Тѣ-же, которые продолжаютъ учиться по-арабски и успѣваютъ пріобрѣсти на столько знанія въ арабскомъ языкѣ, что могутъ читать коранъ съ переводомъ его изреченій на туземный языкъ, а также могутъ хотя сколько-нибудь грамотно писать по-арабски, — называются *муллами*. Наконецъ, тѣ, которые оканчиваютъ всю принятую въ горахъ программу ученія и пріобрѣтаютъ извѣстность своими познаніями, на-

зываются *алимами* [25]). Это послѣднее званіе тоже имѣетъ свои степени, сообразно пріобрѣтенной славы, какъ-то: хорошій алимъ, отличный алимъ, мореподобный алимъ и т. д.

Программа ученія, принятая въ горахъ, заключается въ слѣдующемъ: по окончаніи арабской азбуки, которой горскія дѣти учатся у отдѣльныхъ частныхъ лицъ, обучаются самымъ необходимымъ правиламъ религіи, какъ-то: вѣрованію въ единство Божіе, признанію добра и зла, существованію ангеловъ и пророковъ, а также тому, какъ нужно молиться, въ чемъ состоитъ молитва и что значитъ исламизмъ. Объясненіе этихъ необходимыхъ для каждаго мусульманина началъ религіи заключается въ книгѣ *Усуладдинъ*. Послѣ этого начинаютъ заучивать книгу *Тасрифъ*. Это— коротенькая, сокращенная арабская грамматика, заключающая въ себѣ этимологію. Потомъ учатъ такой-же величины книжку *Міатуамилъ*, объясняющую измѣненія окончаній словъ. Изъ содержанія этихъ книжекъ ученикъ ровно ничего не понимаетъ, и только зазубриваетъ ихъ наизусть, съ переводомъ на туземный языкъ. Вслѣдъ за этимъ учатъ книгу *Анамузаджъ*, нѣсколько побольше первыхъ и объясняющую также правила измѣненія окончаній словъ. Потомъ берутся за книгу *Саадуддинъ*, которая служитъ объясненіемъ книженки *Тасрифъ*. Далѣе, принимаются за книгу *Динкузи*, также объясняющую словопроизводство, и еще за книгу *Вафія*, того-же содержанія. Вслѣдъ за тѣмъ учатъ довольно большую книгу *Джами*, объясняющую правила измѣненія окончаній словъ и значеніе слоговъ. Ученикъ, дошедшій до этихъ послѣднихъ книгъ, начинаетъ уже самъ понимать читаемое и, сообразно своимъ способностямъ, получаетъ большую или меньшую степень извѣстности между другими хорошими или плохими учениками. Тогда онъ по большей части бываетъ въ состояніи понимать письма, сочинять ихъ, но переводить что-либо изъ корана—считается для него грѣхомъ до тѣхъ поръ, пока онъ учитъ его по дик-

---

[25]) Т. е. знающими, учеными. Въ Закавказскомъ краѣ и въ Закатальскомъ округѣ они называются эфендіями.

товкѣ учителя. Потому что коранъ считается недоступнымъ пониманію, прежде чѣмъ не прочтутся и изучатся толкованія его.

По окончаніи *Джами*, приступаютъ къ изученію нѣсколькихъ книгъ, заключающихъ въ себѣ начала логики, а именно *Иса-Гуджи*, *Шамсія* и *Фанари*. Наука эта, не смотря на ея важное значеніе, не играетъ почти никакой роли въ учености горца и не примѣняется имъ къ практикѣ. Наука эта называется у насъ *Мантикъ* и она опредѣляется такъ: „*Мантикъ есть систематическое орудіе, которое охраняетъ мысли отъ ошибокъ*“. Такъ какъ вообще всѣ науки, употребляемыя въ преподаваніи у мусульманъ, направлены къ одной и той-же цѣли, а именно—къ упроченію религіозныхъ убѣжденій, то нѣкоторые старинные ученые, какъ напр. Ибно-Салахъ и Новави, положительно запрещаютъ учиться логикѣ, какъ запрещаютъ вообще всѣ науки, способствующія развитію человѣка, какъ-то: философію, астрономію, естествознаніе и пр.; но нѣкоторые изъ ученыхъ считаютъ изученіе логики даже обязательнымъ. Впрочемъ, самымъ основательнымъ мнѣніемъ относительно изученія ея считается то, что наука эта позволительна только тому, кто имѣетъ здравый разсудокъ (т. е. непоколебимыя убѣжденія въ религіи). Поэтому, логика, употребляемая у мусульманъ, имѣетъ прямою цѣлію—служить въ помощь доказательствамъ тѣхъ основаній, на которыхъ стоитъ коранъ. Вслѣдъ за логикой изучаютъ книгу *Мaанъ* (риторика), объясняющую правила краснорѣчія арабскаго языка, причемъ имѣется цѣлію доказать высокое краснорѣчіе корана, которое считается однимъ изъ главныхъ чудесъ пророка. Ни одинъ краснорѣчивый арабскій поэтъ не могъ составить хотя-бы и одну фразу, соотвѣтствующую по краснорѣчію какой-либо фразѣ изъ корана. И потому мусульманская риторика признаетъ краснорѣчіе корана сверхъестественнымъ, недоступнымъ человѣческимъ дарованіямъ. Наука эта, сама по себѣ, составляетъ весьма пріятное и любимое муталимами развлеченіе, потому что, разбирая краснорѣчіе арабскаго языка, разсуждаютъ вообще о лучшихъ произведеніяхъ древнихъ арабскихъ поэтовъ.

За риторикою проходятъ нѣсколько книжекъ, заключающихъ въ себѣ правила арабскаго стихосложенія. Вслѣдъ за этимъ начинается изученіе юридическихъ книгъ и преимущественно книги *Магаллы*, въ двухъ частяхъ. Книга эта заключаетъ въ себѣ всѣ законы мусульманъ, т. е. духовные, гражданскіе, уголовные и военные. Далѣе изучается книга *Джалалъ*. Она заключаетъ въ себѣ въ цѣлости коранъ, съ толкованіями смысла каждаго стиха, а равно толкованія его различными комментаторами, съ объясненіемъ основаній каждаго изъ нихъ. Потомъ изучаютъ книгу *Ибну-Гаджаръ*, самую основательную книгу мусульманскаго законовѣдѣнія, въ двухъ частяхъ. Потомъ проходятъ еще книгу *Джавамэ*, заключающую въ себѣ вообще изложеніе основаній мусульманскаго законодательства. Затѣмъ рѣдко кто проходитъ математику и еще такъ называемую науку о единствѣ Божіемъ. Послѣдняя наука, въ лицѣ книги *Акаидъ*, считается почти необходимостью для истиннаго мусульманина. Она доказываетъ съ философской точки зрѣнія начало міра, существованіе Бога, единство Его и то, какъ человѣкъ обязанъ исполнять молитвы; доказываетъ также существованіе добра и зла, наградъ и наказанія въ загробной жизни, съ изложеніемъ доводовъ противу людей, не признающихъ таковыхъ.

Вотъ и весь самый высшій курсъ дагестанскаго мусульманскаго ученія, которое кончаютъ послѣ 10—15 лѣтнихъ трудовъ. Изъ настоящей программы читатель можетъ понять, что именно называется ученостью у дагестанскихъ горцевъ, которые въ этомъ отношеніи имѣютъ значительное превосходство передъ прочими кавказскими горскими племенами [24]).

Всякій учащійся оставляетъ ученіе, по личному желанію или же по семейнымъ обстоятельствамъ. По прекращеніи своего ученія,

---

[24]) Необходимо при этомъ еще замѣтить, что программа эта не обусловливаетъ собою опредѣленнаго круга знаній, усвоеніе которыхъ считалось-бы обязательнымъ для муталима. Нѣтъ. Для муталима считается обязательнымъ, такъ или иначе, учиться по всѣмъ тѣмъ книгамъ, которыя выше поименованы, и притомъ учиться по нимъ въ той постепенности или же въ томъ порядкѣ, какой мною указанъ. Названія поименованныхъ книгъ означаютъ слѣдующее: *Тасрифв* (отъ слова *сарф*)—превращеніе; *Усуладдинв*—основаніе религіи; *Анамузаджв*—горсть (авторъ этой книги сравниваетъ ее съ

горецъ не получаетъ никакихъ правъ и преимуществъ между своими единоплеменниками. Никакихъ экзаменовъ или испытаній въ степени учености не дѣлается. Кто поставитъ себя въ глазахъ народа на хорошемъ счету, какъ въ отношеніи своей нравственности, такъ и въ отношеніи своихъ способностей и знаній, того называютъ *алимомъ* (ученымъ) и почитаютъ его. Такое лицо всегда стоитъ въ мечети въ первомъ ряду; на похоронахъ, свадьбахъ, общественныхъ сходбищахъ даютъ ему почетное мѣсто; а когда случается общественное дѣло, какъ напр. тяжба между аулами или обществами, тогда такого ученаго посылаютъ въ качествѣ депутата или уполномоченнаго повѣреннаго по общественнымъ дѣламъ, и онъ въ подобныхъ случаяхъ встрѣчаетъ такого-же соперника съ противной стороны. Между ними происходитъ, такъ сказать, ученое состязаніе. Такіе люди вообще придерживаются строгой, нравственной жизни, потому что на нихъ замѣтна всякая малость въ отступленіи отъ правилъ религіи и отъ нихъ не терпится то, что отъ другого, неграмотнаго, считаютъ за ничто. Грамотныхъ (муллъ) можно считать среднимъ числомъ одного на 100 человѣкъ въ горахъ, а на плоскости гораздо меньше. Хорошихъ-же ученыхъ бываетъ въ округѣ одинъ-два, не больше. Къ такимъ извѣстнымъ ученымъ всегда собираются муталимы изъ всѣхъ мѣстъ Дагестана, даже пріѣзжаютъ изъ Закавказскаго края взрослые муталимы, которые учатся у этихъ ученыхъ, продовольствуясь по большей части на свой счетъ.

горстью по отношенію къ трудамъ другихъ сочинителей); *Саадуддинъ*—счастіе вѣры (книга названа по имени автора); *Динкузъ*—орѣхъ (авторъ этой книги далъ ей такое названіе, потому что писалъ ее, сидя подъ орѣховымъ деревомъ); *Вафія*—достаточный, полный (авторъ полагаетъ свою книгу достаточною для изучающаго арабскую грамматику); *Джами*—названіе племени и деревни, къ которымъ принадлежалъ авторъ этой книги, Абдурахманъ Джамійскій; *Иса-Гуджи*—пять началъ; *Шамсія*—солнечный, блестящій, освѣщающій; *Фанари*—названіе мѣстности, откуда родомъ авторъ книги; *Маанъ*—множ. ч. отъ *маана*, желаемая мысль отъ употребленнаго слова; *Магаллы*—прозваніе автора, т. е. Магалскій; *Джалалъ*—имя автора, называвшагося Джалалуддинъ, т. е. величіе вѣры; *Ибну-Гаджаръ* — сынъ камня (имя автора); *Джавамэ*—собраніе, т. е. собраніе всѣхъ основаній закона; *Акаидъ*—убѣжденіе (книга эта трактуетъ объ убѣжденіяхъ правовѣрнаго въ единствѣ Божіемъ).

Такъ какъ всѣ знанія ученаго горца главнымъ образомъ состоятъ въ знаніи арабской грамматики и правилъ шаріата, основаннаго на толкованіи корана и на изреченіяхъ пророка, то всѣ науки, принятыя къ преподаванію у горцевъ, имѣютъ между собой тѣсную связь, и главная цѣль ихъ сосредоточивается въ упроченіи религіозныхъ убѣжденій. Потому-то ученый горецъ никто иной, какъ развитый фанатикъ, въ сравненіи съ неграмотными горцами. Послѣдніе слѣпо вѣрятъ всему, что только скажетъ ученый, и никогда не позволяютъ себѣ задавать вопросы, почему то или другое такъ и не иначе? Ученый-же еще болѣе слѣпо вѣритъ всему, что проповѣдуетъ религія, находя въ ней по своей наукѣ все логичнымъ. Риторика арабская доказала ему, что коранъ имѣетъ сверхъестественное краснорѣчіе, такъ что человѣкъ не въ состояніи сочинить ничего подобнаго этой книгѣ,—и это служитъ главнымъ непоколебимымъ убѣжденіемъ. Поэтому, если бы, при чтеніи корана, у него какъ-нибудь мелькнула мысль: почему-бы это такъ? вѣдь это не сообразно съ здравымъ разсудкомъ! — то онъ сейчасъ-же прочтетъ дюжину молитвъ, попроситъ прощенія у Бога за такую грѣшную мысль и пошлетъ тысячу проклятій дьяволу, который постоянно старается смущать человѣка, заставляя его разсуждать про Божьи дѣла. Спросите у этого ученаго о томъ или другомъ явленіи природы,—онъ вамъ отвѣтитъ по-своему; потребуете доказательства, — онъ вамъ выставитъ стихи несомнѣнной книги или-же изреченіе Магомеда, а если не можетъ этимъ отвѣтить, то и тогда не сочтетъ для себя обязательнымъ задуматься надъ неизвѣстнымъ, а скажетъ; „что далеко отъ человѣческаго умозрѣнія, то знаетъ только Богъ“, — и затѣмъ ни за что не повѣритъ, что и человѣкъ можетъ достигнуть познанія такой неизвѣстной для него вещи. Напримѣръ: спросите у горца-ученаго о падающихъ звѣздахъ, — онъ скажетъ, что это огни, бросаемые ангелами въ чертей, которые подслушиваютъ небесные разговоры. Потребуйте на это доказательствъ, — онъ вамъ прочтетъ стихи: „Мы украсили небо свѣта свѣчами (звѣздами) и мы сдѣлали ихъ предметами бросанія въ чертей“. Толкователи этого мѣста корана объясняютъ, что звѣзды начали падать только послѣ рожденія Ма-

гомеда. Прежде-же черти, взлѣзая другъ на друга, достигали такимъ образомъ неба и подслушивали разговоры ангеловъ, которые потомъ передавали астрономамъ того времени. Но по появленіи на свѣтъ Магомеда, Богъ приказалъ ангеламъ бросать въ чертей жгучія искры огня, что теперь мы и созерцаемъ въ видѣ падающихъ звѣздъ. Чертей отъ этого погибаетъ много, а нѣкоторые изъ нихъ или падаютъ въ море, превращаясь тамъ въ хищныхъ чудовищъ, или-же, попавши на сушу, обращаются въ домовыхъ. Послѣднихъ въ горахъ считаютъ за состарѣвшихся чертей. Затѣмъ въ коранѣ говорится: „Мы сотворили семь небесъ покрывалами одно надъ другимъ и землю также“. Поэтому ученые горцы не сомнѣваются въ томъ, что небо окружаетъ землю на подобіе того, какъ въ яйцѣ бѣлокъ окружаетъ желтокъ, и что такихъ небесъ существуетъ семь, одни надъ другими. Ученые споры возникаютъ только по отношенію сказаннаго въ приведенномъ мѣстѣ корана о землѣ: какъ понять слово Божіе,— сказано-ли, что Богъ сотворилъ семь земель, однѣ надъ другими, или-же сказано, что онъ сотворилъ землю, какъ сотворилъ семь небесъ. Толкователи разнорѣчатъ въ этомъ вопросѣ, потому что, по грамматическому разбору означенныхъ словъ корана, можно понимать ихъ и такъ и этакъ.

Кромѣ корана существуютъ второстепенныя священныя книги, составленныя изъ изреченій Магомеда, съ объясненіями передавателей: мусульмане вѣрятъ этимъ книгамъ наравнѣ съ кораномъ. Бывшій имамъ въ Дагестанѣ Кази-Магома славился ученостію, которая главнымъ образомъ состояла въ томъ, что онъ зналъ наизусть 400 изреченій (хадисъ) пророка. При засѣданіяхъ, въ началѣ возстановленія шаріата, Кази-Магома побѣждалъ всѣхъ другихъ ученыхъ горцевъ, доказывая справедливость своихъ дѣйствій на основаніи хадисовъ.

Самые извѣстнѣйшіе ученые въ Дагестанѣ были: Абубекръ Аймакинскій, Даудъ Акушинскій, Магомедъ Кудухскій и Абдулла Сугратлинскій, который между прочимъ занимался астрономіею и, говорятъ, будто-бы зналъ ее хорошо; потомъ—Дамаданъ Мухинскій, который занимался магіей и алхиміей и могъ будто-бы дѣлать все что-угодно посредствомъ содѣйствія святыхъ именъ. О

немъ разсказываютъ разные анекдоты: напр., однажды, при поѣздкѣ въ Аравію, Дамаданъ гостилъ у одного ученаго араба. Когда сѣли обѣдать, арабъ превратилъ галушки въ лягушекъ, которыя начали прыгать по столу. Дамаданъ нисколько не удивился такому чуду, а прочелъ святое имя и тѣмъ заставилъ летать по воздуху самого араба. Побѣжденный ученый арабъ извинился предъ Дамаданомъ и призналъ его ученѣе себя. Онъ славился еще знаніемъ медицины: и теперь еще существуетъ его сочиненіе на казикумухскомъ языкѣ, подъ именемъ Дамаданъ, въ которомъ объясняется польза различныхъ животныхъ и растеній для человѣка. Затѣмъ извѣстенъ Саидъ Араканскій, явный врагъ шаріатистовъ и противникъ бывшаго своего ученика, Кази-Магомы (Кази-Муллы), который вызвался первый возстановить въ народѣ шаріатъ и уничтожить адатъ. Въ послѣднее время славился своею ученостію Муртазали Гидатлинскій, глубину учености котораго уподобляли глубинѣ моря и который умеръ въ 1866 году. Всѣ эти знаменитые ученые Дагестана отличались только знаніемъ арабской грамматики и умѣніемъ понимать точный смыслъ шаріатскихъ правилъ и подводить ихъ къ данному случаю. Что-же касается до знакомства ихъ съ природою и разными ея явленіями, то въ этомъ отношеніи они не пошли дальше религіозныхъ взглядовъ, основанныхъ на коранѣ и на другихъ арабскихъ книгахъ. Магомедъ въ своей книгѣ запрещаетъ учиться наукамъ, которыя болѣе или менѣе способствуютъ правильному ознакомленію человѣка съ природою и которыя, поэтому, могутъ ослаблять въ немъ религіозный фанатизмъ. „Всякій звѣздчикъ (астрономъ) есть наибольшій лжецъ“ говоритъ онъ,— и потому всякое предсказаніе науки о будущихъ явленіяхъ, еслибы оно и оправдалось на дѣлѣ, не что иное какъ случайность. „Будущаго не знаетъ никто, кромѣ Бога“, говорится въ коранѣ. На этомъ основаніи ученый горецъ не допускаетъ, чтобы человѣкъ могъ достигнуть знанія тайнъ природы посредствомъ наукъ *).

**) Изъ этого исключаются шейхи, т. е. такіе святые, которые достигли до степени вдохновенія Божія своею набожностію и которые угадываютъ будущее по святости своей. Но существованія такихъ шейховъ горецъ не допускаетъ въ настоящее время, въ которое человѣческій родъ много отступилъ отъ пути истины и на каждомъ шагу совершаетъ грѣхи.

Онъ вѣритъ крѣпко въ пророчества святыхъ, въ чудеса, приписывая ихъ волѣ Божіей; вѣритъ несомнѣнно въ то, что Соломону Богъ подчинилъ вѣтры, геніевъ, птицъ и все, что на свѣтѣ живетъ, и научилъ его языкамъ всѣхъ животныхъ. Ученый горецъ, про бесѣды, которыя Моисей имѣлъ съ Богомъ, разсуждаетъ, по своей наукѣ, какъ и всѣ мусульмане, слѣдующимъ образомъ: Моисей слышалъ на горѣ Синай Божій голосъ, но не отъ какой-либо стороны, а со всѣхъ сторонъ; иначе, пришлось-бы полагать, что Богъ стоялъ на извѣстномъ мѣстѣ и говорилъ, слѣдовательно онъ не могъ-бы въ тоже время стоять и говорить на другомъ мѣстѣ, и пришлось-бы полагать его на опредѣленномъ мѣстѣ, что несовмѣстно съ вездѣсущіемъ Бога. Далѣе, самая рѣчь Божія не могла быть подобною человѣческому разговору, который состоитъ изъ членораздѣльныхъ звуковъ, произносимыхъ одни за другими, для чего необходимо опредѣленное время: Божій-же разговоръ, слышанный Моисеемъ, слышался со всѣхъ сторонъ и притомъ сразу, совершившись въ одинъ моментъ. Ученый горецъ вѣритъ также и въ Іисуса Христа, вѣруя въ то, что онъ воскрешалъ мертвыхъ, исцѣлялъ хромыхъ, больныхъ, но вѣритъ также и въ то, что онъ творилъ изъ земли летучихъ мышей и т. д.

Въ горахъ очень скудны математическія знанія, потому что горецъ не видитъ въ нихъ ничего, необходимаго для изученія, и хотя нѣкоторые горскіе ученые и выдаютъ себя знающими математику, но эти знанія ихъ состоятъ только въ томъ, что они дѣйствительно могутъ читать на арабскомъ языкѣ математическія книги, почти ничего въ нихъ не понимая.

Древнія арабскія математическія книги, встрѣчающіяся въ Дагестанѣ, а также астрономическія, основанныя на вращеніи небесъ вокругъ земли, такъ трудны для пониманія и такъ не разъяснены, что почти недоступны умамъ ученыхъ горцевъ, которые не особенно-то и желаютъ тревожить свои мозги и омрачать свои мысли такими — по ихъ мнѣнію — безполезными предметами, какъ математика, астрономія и т. п. Поэтому, расторопный торговый человѣкъ, рѣшающій свои расчеты по пальцамъ, скорѣе можетъ прикинуть въ умѣ своемъ простую задачу изъ ариѳметики, чѣмъ уче-

ный горецъ разрѣшитъ ее на бумагѣ. Я былъ хорошо знакомъ съ извѣстнымъ ученымъ въ Дагестанѣ, Муртузали Гидатлинскимъ, который служилъ депутатомъ въ Дагестанскомъ Народномъ Судѣ. Человѣкъ этотъ славился высшею ученостію между мусульманами не только въ Дагестанѣ, но и на цѣломъ Кавказѣ. Во время имамства Шамиля, онъ, хотя по собственному своему желанію и не занималъ особенной должности, но стоялъ постоянно въ главѣ ученаго класса. Къ нему обращались со всѣхъ сторонъ за разрѣшеніемъ всякихъ трудныхъ шаріатскихъ вопросовъ, и когда случалась надобность обсудить какой-либо шаріатскій вопросъ и собирались для этого ученые, Муртузали всегда игралъ роль предсѣдателя въ такихъ ученыхъ собраніяхъ, а равно, когда случалось разногласіе между учеными по какому-нибудь дѣлу, то всѣ противорѣчивыя мнѣнія представлялись на его разсмотрѣніе, и какъ онъ скажетъ, на томъ и останавливались. Что-же зналъ этотъ знаменитый ученый горецъ? Онъ зналъ отлично арабскую грамматику, умѣлъ правильно понимать и передавать смыслъ шаріатскихъ книгъ и подводить статьи ихъ къ данному случаю: вотъ и все. Значитъ, ученость горца состоитъ только въ томъ, чтобы понимать и передавать другимъ мысли прежнихъ мусульманскихъ сочинителей-толкователей закона, основаннаго на коранѣ и на изреченіяхъ Магомеда, а не въ самостоятельности сужденій, сообразно личному взгляду и убѣжденію. Такого права ни одинъ ученый горецъ не признаетъ за собою, ибо такая степень учености, то есть право дѣлать заключенія по собственному взгляду, считается особенною святостью, достигаемою по особому дару Божьему, чего могли достигать только прежніе люди. А такъ какъ (по вѣрованію мусульманъ) всякое благо Божіе, чѣмъ дальше, тѣмъ все уменьшается, то горецъ убѣжденъ, что въ настоящее время уже невозможно достигнуть такой степени учености. Достигающій ея человѣкъ называется муджтагидомъ. Главными муджтагидами были четыре имама, которые создали четыре разные толка суннитской секты, а именно: Ханафи, Ханбали, Малики и Шафи (горцы принадлежатъ къ послѣднему), а вслѣдъ за ними и другіе сочинители и толкователи закона. Каждый толкъ считается правильнымъ, и хотя многія

правила ихъ, вытекая изъ личныхъ взглядовъ каждаго изъ муджтагидовъ, находятся между собою въ противорѣчіи, тѣмъ не менѣе всѣ они считаются правовѣрными. Напр., въ коранѣ ясно запрещено ѣсть свинину, а о мясѣ другихъ животныхъ ничего не сказано. На основаніи этого, одинъ изъ муджтагидовъ, именно Шафи, запрещаетъ употреблять въ пищу мясо и другихъ нечистыхъ животныхъ. Между тѣмъ другой такой-же муджтагидъ, именно Малики, позволяетъ ѣсть собакъ, потому что въ коранѣ ничего о нихъ запретнаго не сказано. Точно также въ коранѣ запрещено пить вино, а о другихъ напиткахъ ничего не сказано. Поэтому Шафи запрещаетъ и всѣ остальные опьяняющіе напитки, такъ какъ причина запрещенія ихъ есть опьяненіе; другой-же муджтагидъ, именно Ханафи, признавая вино, дѣлаемое изъ винограда (потому что во время Магомеда существовало виноградное вино), запрещеннымъ на основаніи корана, дозволяетъ пить другіе напитки, дѣлаемые не изъ винограда, лишь-бы только пить ихъ не до опьяненія.

Подобныя разъясненія и разсужденія въ настоящее время ни отъ кого не принимаются, — и шаріатскія правила остаются неприкосновенными и однообразными уже впродолженіи многихъ вѣковъ и должны остаться таковыми и впредь, вѣчно **). Понятно.

**) Впрочемъ, нѣкоторые ученые мусульмане говорятъ: «законъ Божій долженъ примѣняться къ даннымъ обстоятельствамъ времени, такъ что всякій разумный человѣкъ долженъ знать характеръ своего времени и обстоятельства даннаго случая, чтобы разрѣшить кому-либо о запрещенности и дозволительности чего-либо. Но такъ думаютъ только обладающіе строгимъ и правильнымъ умомъ. Мнѣ разсказывали, что во время осады сел. Салты русскими войсками, Шамиль собралъ ученый совѣтъ и предложилъ имъ вопросъ: «Можно-ли въ такихъ критическихъ обстоятельствахъ пріурочить исполненіе обязательныхъ молитвъ къ одному удобному времени или-же, во всякомъ случаѣ, должно совершать каждую молитву въ свое назначенное время?»

Всѣ ученые единогласно сказали, что по шаріату не дозволяется пропускать молитву въ свое время. Тогда извѣстный ученый въ горахъ, Загалау, сказалъ Шамилю: «Можно, сынъ мой, можно соединять».

— Какъ-же можно, Загалау, когда вотъ въ Ибну-Гаджаръ (указывая на книги) говорится, что нельзя,—возразилъ Шамиль.

— О сынъ мой, отвѣтилъ Загалау. Если-бы въ то время, когда Ибну-Гаджаръ писалъ сіи книги, налетали къ нему вотъ этакія штуки (указывая

что законъ, изданный нѣсколько вѣковъ тому назадъ и притомъ для народа, жившаго при другихъ условіяхъ, чѣмъ условія жизни горцевъ, весьма трудно примѣнимъ къ настоящему горскому быту. Поэтому-то, на практикѣ, ученый горецъ дѣйствуетъ иногда и по своему собственному взгляду, но большею частію только въ отношеніи лично себя. Такъ напр., Саидъ Араканскій позволялъ себѣ (и даже другимъ) курить, пить хлѣбную водку и бузу, доказывая, что это не запрещено шаріатомъ. Я самъ видѣлъ также Муртузали Гидатлинскаго, какъ онъ иногда курилъ. Онъ не былъ отступникомъ шаріата, но тѣмъ не менѣе терпѣть не могъ тѣхъ изъ муллъ, которые соблюдали слишкомъ строго всякія мелочи религіозныхъ правилъ. Онъ постоянно занимался чтеніемъ шаріатскихъ книгъ, такъ что отъ сидячей жизни сильно страдалъ геморроемъ, зналъ почти наизусть всѣ главныя шаріатскія книги и, въ случаѣ надобности отыскать какое-нибудь правило шаріата, нисколько не затруднялся указать его сейчасъ-же и передать его смыслъ, разобравъ его грамматически; онъ вообще былъ довольно остроуменъ и разсуждалъ здраво,—но тѣмъ не менѣе, о міроустройствѣ имѣлъ самыя смутныя понятія и не считалъ нужнымъ входить въ разборъ законовъ природы, будучи убѣжденъ въ томъ, что всему на свѣтѣ слѣдуетъ быть такъ, какъ оно есть, а потому и нѣтъ поводовъ гоняться за разъясненіемъ причинъ того или другаго явленія. Онъ вполнѣ вѣрилъ, на основаніи корана, что небо есть гладкое тѣло, поднятое надъ землею по волѣ Божіей, безъ столбовъ и безъ всякой другой опоры; онъ вѣрилъ, что дождь идетъ по волѣ Божіей для орошенія земли, а если гдѣ случается засуха, то это ничто иное, какъ гнѣвъ Бога, падающій на грѣшныхъ рабовъ его [27]).

на летѣвшую по воздуху бомбу), повѣрь, онъ-бы написалъ, что не только можно соединять двѣ молитвы, но написалъ-бы, что при такихъ обстоятельствахъ цѣлый годъ можно даже и совсѣмъ не молиться».

[27]) По мусульманскому вѣрованію, ангелъ, управляющій водою (Михаилъ), отпускаетъ ежегодно на землю опредѣленное количество воды. Когда-же Богъ, разгнѣвавшись на какой-либо народъ, захочетъ наказать его засухою, тогда Онъ приказываетъ Михаилу не орошать угодій такого народа, — и ангелъ нагоняетъ тучи на необитаемыя степи, на безлюдныя горы, и проливаетъ тамъ воду, которая слѣдовала на долю согрѣшившаго народа.

Онъ былъ убѣжденъ, что къ каждому человѣку при жизни его приставлено по два ангела для записыванія его добрыхъ и злыхъ поступковъ, и что, также безотлучно, съ нимъ находится одинъ изъ чертей, который старается отклонять его отъ истины.

Горскій ученый не основываетъ ничего на календарныхъ, или-же математическихъ вычисленіяхъ. Напр., мусульманскій постъ начинается по лунному мѣсяцу: укажите на тысячу календарей и увѣряйте, что уже наступило новолуніе, — ученый ни зачто этому не повѣритъ, а для него необходимо показаніе двухъ свидѣтелей въ томъ, что они дѣйствительно своими глазами видѣли новый мѣсяцъ. Это основано на изреченіи пророка: „пости, когда увидишь луну, и кончай постъ, когда увидишь луну.“ Если-же, по случаю неясности погоды, луну не увидятъ, тогда начинаютъ наводить справки о прежнихъ мѣсяцахъ и сосчитывать дни. По этому, очень не рѣдко ошибаются на день или даже на нѣсколько дней при опредѣленіи наступленія какихъ-нибудь праздниковъ.

Итакъ, ученый горецъ является знатокомъ только мусульманскаго закона (шаріата).

Арабская литература, которую горцы считаютъ собственнымъ своимъ достояніемъ, весьма богата фантастическими сказаніями, въ которыхъ главную роль по большей части играетъ какой-нибудь пророкъ или святой. Многіе изъ такихъ сказокъ написаны отъ имени Магомеда. Хорошій ученый горецъ вѣритъ не всему, что есть въ этихъ сказаніяхъ, а разбираетъ, кто именно передатчикъ ихъ и изъ какого источника они взяты. Но простой мулла, который не въ состояніи разрѣшить такіе вопросы по малоучености своей, вѣритъ всему, что написано на страницахъ какой-нибудь старой книги и читаетъ это народу въ мечетяхъ торжественно. Для такого муллы, а тѣмъ болѣе для народа, достаточно удостовѣренія только въ томъ, что это написано въ книгѣ.

Къ безусловному и общему вѣрованію мусульманъ вообще и горскихъ ученыхъ въ частности принадлежитъ вѣрованіе въ загробную жизнь, по разсказамъ о ней какъ самого пророка Магомеда, такъ и толкователей его несомнѣнной книги.

Вѣруя, какъ и христіане, въ день всеобщаго воскресенія,

когда, по повѣрію мусульманъ, воскреснутъ не только люди, но и все что имѣло жизнь, начиная отъ крупныхъ животныхъ до самыхъ мельчайшихъ насѣкомыхъ, послѣдователи Магомеда убѣждены въ превосходствѣ своей будущей жизни предъ прочими братьями ихъ по человѣчеству. Въ мечетяхъ проповѣдуютъ, что, когда ангелъ-трубачъ *(Исрафилъ)* затрубитъ въ свою трубу, всѣ люди и животныя воскреснутъ въ одинъ моментъ. Малютки встанутъ сѣдыми стариками отъ страха, каждый человѣкъ за себя убоится, даже всѣ пророки встанутъ, говоря: „помилуй меня, Боже," кромѣ Магомеда, который явится съ возгласомъ: *„послѣдователи мои, послѣдователи мои!"* Животныя будутъ судиться за обиды, нанесенныя ими другъ другу на этомъ свѣтѣ. По отдачѣ удовлетворенія обиженнымъ сторонамъ тѣмъ-же, чѣмъ была нанесена обида, они всѣ обратятся въ прахъ, по волѣ Божіей [28]).

Послѣ этого люди раздѣлятся на три части: часть отправится въ рай безъ суда, прямо чрезъ мостъ, который тоньше волоса и острѣе меча и чрезъ который они пройдутъ быстрѣе молніи. Къ числу такихъ людей принадлежатъ пророки, святые и большая часть изъ послѣдователей Магомеда—преимущественно ученые, которые принесли пользу народу своею ученостію, и убитые въ сраженіяхъ съ невѣрными; другая часть людей отправится въ адъ безъ суда—и это тѣ, которые не вѣрили своимъ пророкамъ, а равно и всѣ, не послѣдовавшіе Магомеду послѣ его появленія; третья часть людей будетъ судиться предъ престоломъ Божіимъ, гдѣ будутъ поставлены вѣсы для взвѣшиванія добрыхъ и злыхъ дѣлъ каждаго вѣрившаго въ Бога, но согрѣшившаго въ исполненіи обрядовъ своей религіи. Магомедъ будетъ присутствовать все время около вѣсовъ и ходатайствовать предъ Богомъ за грѣшныхъ. Потомъ онъ самъ отправится въ рай, гдѣ его встрѣтятъ *гуріи* и ангелы и гдѣ ему приготовлено обширное помѣщеніе.

---

[28]) Изъ нихъ исключается 10 животныхъ, имѣющихъ особое преимущество быть въ раю, именно: баранъ Авеля, баранъ Авраама, китъ Іоны, верблюдъ Салиха, кукушка Соломона, оселъ Узейра, корова Израиловъ, баранъ Измаила, собака семи пещерныхъ святыхъ и Дульдулъ, лошадка Магомеда.

Ученые-же изъ послѣдователей его будутъ имѣть помѣщеніе и прочія удобства въ раю наравнѣ съ пророками прочихъ народовъ — не мусульманъ, и имъ будутъ служить въ числѣ прочихъ дѣти невѣрныхъ, умершія прежде достиженія ими совершеннолѣтія и потому не совершившія грѣха. Чрезъ нѣсколько тысячъ лѣтъ послѣ этого, Магомедъ услышитъ въ одно прекрасное время (въ раю нѣтъ ночи и дня) стоны людей, которые будутъ вопить изъ ада: *„о Магомедъ, о Магомедъ, войди въ наше положеніе! мы твои грѣшные послѣдователи“!* Тогда онъ сброситъ съ головы своей корону и съ плечъ своихъ одежду, падетъ предъ Богомъ, говоря: „о Боже, я здѣсь блаженствую, а послѣдователи мои мучатся въ аду“! и не подниметъ головы до тѣхъ поръ, пока не скажетъ Богъ: „о возлюбленный Магомедъ, здѣсь вовсе не мѣсто для поклоновъ, вставай, я прощаю твоихъ послѣдователей“. Тогда Магомедъ отправится въ адъ, въ сопровожденіи друга своего архангела Джабраила, и выведетъ оттуда всѣхъ своихъ послѣдователей, не оставивъ тамъ ни одного, имѣвшаго въ сердцѣ своемъ хотя малѣйшую искру вѣрованія въ его пророчество, потомъ выкупаетъ ихъ въ рѣкѣ, близь рая, откуда они явятся молодыми и красивыми юношами, но только съ надписью на лбу каждаго: *„освобожденный изъ рая“*. Чрезъ нѣкоторое время они опять обратятся къ Магомеду съ просьбою снять съ нихъ это клеймо и онъ походатайствуетъ у Бога объ этомъ.

Понятно, теперь, что къ самымъ непреложнымъ вѣрованіямъ всѣхъ мусульманъ, а слѣдовательно и ученыхъ горцевъ, принадлежитъ и то, что Магомедъ есть наиболѣе любимый Богомъ человѣкъ, что міръ созданъ только изъ-за него, что онъ разговаривалъ съ камнями, животными и растеніями, что онъ совершилъ свое великое путешествіе на седьмое небо въ одну ночь и пр. и пр. Магомедъ говоритъ: „я былъ пророкомъ, когда Адамъ былъ еще между водою и землею,“ т. е. когда еще Адама не было на землѣ. Древніе мусульманскіе ученые объясняютъ, что когда Богъ сотворилъ Адама изъ земли и воды и вдохнулъ въ него душу изъ своего духа, то первый предметъ, который Адамъ увидѣлъ, была надпись на престолѣ Божіемъ: „Нѣтъ Бога кромѣ одного и Магомедъ его

пророкъ.“ Ученый горецъ не можетъ не вѣрить всему этому и не находитъ надобности входить въ разборъ подобныхъ сказаній собственнымъ разумомъ; но всякое сомнѣніе, рождающееся въ головѣ человѣка при обсужденіи всѣхъ вообще вопросовъ, касающихся религіи, онъ приписываетъ внушеніямъ нечистаго духа, который повсюду преслѣдуетъ правовѣрнаго.

Общественныя права ученаго горца въ своемъ обществѣ нисколько не отличаются отъ правъ прочихъ неграмотныхъ его согражданъ. Онъ не пользуется особыми доходами матеріальными, если не занимаетъ должности кадія или дибира. Но во времена шаріата рѣдкій изъ ученыхъ горцевъ не занималъ какой-либо должности, которая доставляла ему возможность существовать безъ труда.

Когда-же горцы, по умиротвореніи края, нашли возможность снять съ себя тяжелую ношу, наложенную на нихъ введеніемъ шаріата, столь чуждаго ихъ практической жизни, и когда такимъ образомъ открылась имъ дорога къ возобновленію дорогихъ обычаевъ, созданныхъ ихъ предками втеченіи вѣковъ, тогда и ученымъ стало не такъ легко проживать на чужой счетъ, безъ труда. Но и при этомъ, наиболѣе ученые горцы, пользовавшіеся хорошею репутаціею, не остались безъ хлѣба. Правительство обезпечило ихъ, давъ имъ должности съ хорошимъ жалованьемъ. Это обстоятельство сначала вызвало въ народѣ разные упреки на ученыхъ, которые за нѣсколько времени предъ тѣмъ проповѣдывали, что сближаться съ христіанами есть дѣло противное Богу, и выказывали явную ненависть къ нимъ и къ ихъ деньгамъ, а потомъ, при открывшейся возможности самимъ воспользоваться дружбою и деньгами христіанъ, на дѣлѣ доказали, что отказываться отъ этого, по мнѣнію ихъ, тоже есть дѣло, не всегда угодное Богу.

Ученый классъ въ горахъ вообще терпѣть не можетъ физическихъ трудовъ; если мулла имѣетъ самъ состояніе, тогда живетъ спокойно дома, а если не имѣетъ—и тогда рѣдко берется за работу, а скорѣе нищенствуетъ или отправляется на плоскость, или въ Закатальскій округъ, гдѣ народъ сравнительно богаче и больше фанатиченъ, гдѣ всякій мулла легко достигаетъ своихъ ко-

рыстныхъ цѣлей, благодаря легковѣрію жителей (въ особенности Закатальскаго округа), и гдѣ не только порядочный мулла, но даже чуть грамотный, но при этомъ ловкій горецъ, успѣваетъ обратить на себя благосклонное вниманіе жителей, которые раздѣляютъ съ нимъ свой послѣдній кусокъ хлѣба. Подобныхъ дармоѣдовъ встрѣчается не мало. Шатаясь съ малолѣтства по мечетямъ и живя всегда на чужой счетъ, они усвоиваютъ наклонности къ лѣни и жадничанью, такъ что въ народѣ существуютъ разные анекдоты и поговорки для характеризованія жадности и обжорливости муллъ. Наприм., есть анекдотъ такого рода: „Мулла утопалъ въ „рѣкѣ. Пришедшій на помощь кричалъ ему: „давай руку! давай „руку“! а мулла все прячетъ свои руки и несется по теченію. „Другой, прибѣжавшій тоже на помощь, кричитъ: „на руку! на „руку“! Тогда мулла схватился обѣими руками за протянутую къ „нему руку и спасся отъ гибели“.

Есть также для характеристики муллъ пословицы, какъ-то: 1) Мулла луку не ѣстъ, а если найдетъ, тогда и коры не оставитъ. 2) Подай муллѣ руку, на которой кольцо, — непремѣнно изъ кольца вытащитъ камень. 3) Въ горлѣ ученаго помѣщается цѣлая саба пищи. 4) Сытый мулла хуже голоднаго волка. 5) Сохрани, Боже, отъ сытыхъ муллъ. 6) При видѣ халвы мулла забываетъ Бога.

Муталимы тоже подходятъ подъ категорію муллъ. У лаковъ есть аулъ, гдѣ ихъ величаютъ собаками душу отнимающаго ангела. Это незавидное прозвище имѣетъ то основаніе, что, по смерти кого-либо, муталимы первые являются къ покойнику.

Такимъ образомъ, въ понятіяхъ народа мулла является лѣнивымъ и безпечнымъ человѣкомъ, съ чрезмѣрною жадностію добыть себѣ пропитаніе безъ труда, какимъ-бы то ни было способомъ, и притомъ мирнымъ,—почему въ нихъ полагаютъ отсутствіе военнаго и мужественнаго духа [29]).

---

[29]) Приведу здѣсь кстати поговорку, которая характеризуетъ взглядъ горцевъ на ученыхъ. «Мертвыхъ-ли больше или живыхъ? — Если считать и пастуховъ, то, конечно, мертвыхъ больше. — Женщинъ-ли больше или мужчинъ?—Если считать и ученыхъ, то, конечно, женщинъ больше.»

Первостепенные ученые, которые по большей части бывают изъ зажиточныхъ людей, хотя и обладаютъ общими чертами характера грамотныхъ, но при этомъ бываютъ еще горды и черезчуръ самолюбивы, такъ что не позволяютъ себѣ заниматься мелочами и скрываютъ желаніе получать какое-нибудь подаяніе отъ всякаго, хотя въ сущности и они не пропустятъ случая воспользоваться подачей.

Я уже сказалъ, что ученость не придаетъ горцу никакихъ особенныхъ правъ или преимуществъ въ общественномъ быту; за то ученый первенствуетъ въ дѣлахъ, касающихся религіи или духовнаго обряда, и въ этихъ-то случаяхъ онъ имѣетъ вліяніе на народъ. Тѣмъ не менѣе, все-таки, ученый горецъ, не имѣющій большаго тохума (фамиліи) или происходящій изъ простаго сословія, хотя-бы онъ хлебнулъ семь морей наукъ [30]), не имѣетъ никакого особаго значенія въ гражданскомъ быту.

Но, вмѣстѣ съ тѣмъ, не только хорошій ученый, но даже кое-какъ грамотный горецъ, владѣющій своего рода находчивостью и умѣньемъ говорить смѣло, имѣетъ почти неограниченное вліяніе на расположеніе умовъ простаго горскаго населенія. Пользуясь чрезмѣрною слабостью понятій, легковѣріемъ и суевѣріемъ простаго народа, муллы всегда съумѣютъ подъискать себѣ такую манеру дѣйствій, помощію которой они достигаютъ легко своихъ, большею частію корыстныхъ, цѣлей. Стоитъ только явиться какому-нибудь муллѣ съ ворожейною книгою въ рукахъ или съ талисманомъ, — сейчасъ-же начнутъ къ нему собираться мужчины, а еще больше женщины, съ разными заявленіями и просьбами,—и что-бы мулла ни переводилъ изъ книги, хотя-бы самое невѣроятное, никто не позволитъ себѣ заподозрить справедливость его книжныхъ росказней. Кромѣ того ученый горецъ играетъ въ народѣ роль врача, или знахаря. Такъ, заболитъ-ли голова и вообще почувствуется-ли въ какой-либо части тѣла боль, въ особенности зубная, захочетъ-ли кто, чтобы его полюбила или разлюбила какая-нибудь особа, пропадетъ-ли или заболѣетъ у кого скотина, пожелаетъ-ли кто получить хорошій

---

[30]) Туземное выраженіе о высшей степени учености.

урожай на хлѣбъ или на пчелъ, — горецъ непремѣнно обратится къ ученому, прося его помощи. Ученый не откажетъ въ просьбѣ: сначала онъ растолкуетъ причину болѣзни, съ помощію гадательной книги, отъ дурнаго-ли глаза или отъ злаго духа она произошла, потомъ напишетъ талисманъ и растолкуетъ, какъ нужно его носить или какъ смѣшать его съ пищею и скушать. Хорошій ученый, пожалуй, не прибѣгнетъ къ гадательной книгѣ и не повѣритъ двусмысленнымъ и ловко-написаннымъ фразамъ этой книги; но тѣмъ не менѣе онъ, съ полною вѣрою въ успѣхъ, напишетъ талисманъ, который будетъ состоять изъ нѣсколькихъ словъ изъ корана, съ именами духовъ или ангеловъ, которыхъ онъ призываетъ на помощь, и, наконецъ, изъ различной формы фигуръ и черточекъ. При этомъ ученый порекомендуетъ какую-нибудь предохранительную молитву на арабскомъ языкѣ, которую и самъ онъ читаетъ или носитъ съ собою, съ полнымъ убѣжденіемъ въ ея предохранительномъ дѣйствіи. Къ числу такихъ несомнѣнныхъ предохранительныхъ молитвъ принадлежитъ между прочимъ молитва *Сайфи*, которая извѣстна повсемѣстно въ горахъ. Молитва эта, по разсказамъ ученыхъ, главнымъ образомъ имѣетъ ту дивную силу, что посредствомъ ея смертному человѣку подчиняются безсмертные *джины* (геніи), которые дѣлаются подвластными человѣку, совершившему должный обрядъ при чтеніи *Сайфи*. Но хотя молитву эту можно встрѣтить повсюду у горцевъ, однако совершеніе обряда при чтеніи ея сопряжено съ большими опасностями. Поэтому-то не всякій ученый горецъ подчиняетъ себѣ джиновъ и не ворочаетъ свѣтомъ, какъ ему угодно. Объ успѣхахъ въ этомъ родѣ сохранились въ народѣ одни только разсказы про неизвѣстныхъ и давно умершихъ людей.

Есть молитвы, которымъ муллы приписываютъ силу, охраняющую человѣка отъ непріятельскаго оружія. Хотя хорошій алимъ и не признаетъ подобныхъ молитвъ, но малоученые муллы совершенно вѣрятъ въ ихъ силу, а потому во время войны многіе наѣздники думали гарантировать себѣ жизнь, снабдивъ себя такими чудодѣйственными молитвами, которыя муллы раздавали просителямъ. Но и глубоко-ученый тоже не сомнѣвается въ дѣйствительности мол-

шебной силы нѣкоторыхъ молитвъ, въ особенности-же молитвы *Исмулъ-агзамъ* (великое имя Божіе), которая неизвѣстна никому изъ смертныхъ, кромѣ особенно удостоившихся Божіей милости. Есть, однако, книжка *Сиру-раббанъ* (тайна Божія), состоящая большею частію изъ отдѣльно-написанныхъ буквъ. Уразумѣвшій эту книгу отыскиваетъ Исмулъ-агзамъ и съ помощію его можетъ совершать чудныя дѣла. Есть преданіе, что упомянутый мною выше, извѣстный ученый, докторъ и химикъ, Дамаданъ Мухинскій зналъ Сиру-раббанъ и съ помощію Исмулъ-агзама совершилъ путешествіе въ Аравію въ одинъ мигъ.

Въ Дагестанѣ сохранились также преданія о наукѣ, помощію которой можно превращать всякій металлъ въ серебро и золото. Чего-бы еще горцу, если-бы эта пріятная наука была ему сколько нибудь доступна! Но въ горахъ нѣтъ ни одной книги по алхиміи, и только одни фантастическіе разсказы, весьма соблазнительные для сребролюбиваго горца, существуютъ объ этой волшебной наукѣ. Разсказываютъ, напр., что одно богатое семейство въ Казикумухѣ разбогатѣло оттого, что Дамаданъ, когда пріѣзжалъ въ Кумухъ, останавливался у предковъ этого семейства, и всякій разъ приносилъ имъ въ подарокъ по цѣлому куску золота или серебра, дѣланіе которыхъ не составляло для Дамадана особеннаго труда: ему стоило только насыпать какой-то неизвѣстный порошокъ въ растопленную мѣдь—и она сейчасъ-же превращалась въ серебро или золото.

Я уже сказалъ, что ученые горцы являются медиками и что ихъ леченіе главнымъ образомъ состоитъ въ раздачѣ лоскутковъ бумаги, на которыхъ они пишутъ разныя молитвы. Но главнымъ образомъ, спеціально лечимыя муллами болѣзни у горцевъ—это бѣлая горячка и сумасшествіе. Противъ этихъ болѣзней совершенно такое-же радикальное дѣйствіе имѣетъ молитва, какъ хина противъ лихорадки у европейскихъ докторовъ. Такой взглядъ весьма понятенъ, если взять во вниманіе, что горцы приписываютъ эти болѣзни преслѣдованію нечистаго духа. Само-собою, въ присутствіи фразъ священнаго корана или молитвъ, дьяволамъ не устоять. Они отказываются отъ своей жертвы, но не прежде, какъ жестоко ее

истязавши. Первымъ дѣломъ, какъ только входитъ къ больному, мулла беретъ чашку чистой воды, надъ которой прочитываетъ одну главу корана или другія молитвы; потомъ онъ обрызгиваетъ водою комнату, гдѣ лежитъ больной, чтобы изгнать изъ нея *шайтановъ*, дьяволовъ. Далѣе начинаетъ выспрашивать у больнаго имена тѣхъ лицъ, въ образѣ которыхъ будто-бы шайтаны являются къ нему и мучаютъ. Больной иногда сильно уклоняется отъ признанія, потому что шайтаны будто-бы угрожаютъ ему, требуя отъ него, чтобы онъ не признавался. Въ такихъ случаяхъ мулла беретъ сѣру и подкуриваетъ ею носъ больнаго, причемъ этотъ послѣдній, отъ удушливаго запаха сѣры, начинаетъ кричать; но его связываютъ и не даютъ ему сопротивляться совершенію такой пытки, пока онъ не начнетъ произносить имена своихъ мучителей. Мулла тотчасъ-же записываетъ эти имена на бумажку и бросаетъ ее въ огонь.

Безпокойство больнаго, стоны и крики его, въ особенности, если онъ начнетъ ругаться, мулла объясняетъ тѣмъ, что его черти мучаютъ. По окончаніи казни шайтановъ сожиганіемъ, мулла пишетъ молитву и привязываетъ ее къ больному, а также кладетъ ему подъ голову коранъ, чтобы шайтаны не смѣли больше приходить къ нему. Послѣ этого, если больной начнетъ постепенно поправляться и выздоравливаетъ, мулла приходитъ въ восторгъ; если-же больной останется въ одномъ положеніи или-же сдѣлается ему хуже, то, въ такомъ случаѣ, родственники его замѣняютъ лечившаго муллу другимъ, болѣе способнымъ муллою, до тѣхъ поръ, пока больной не умретъ или-же муллы сами не откажутся лечить его. Такой способъ леченія отъ сумасшествія не всякому удается; есть нѣкоторые муллы, которые имѣютъ легкую руку (ка сабаусса, т. е. человѣкъ, у котораго рука полезна). Болѣзнь эта часто случается съ горцами, въ особенности съ женщинами, послѣ родовъ,—и леченіе ея принадлежитъ исключительно мулламъ.

Хотя муллы бываютъ приглашаемы лечить и наружныя язвы и хотя они берутся за это дѣло, но оно очень мало имъ удается. Противъ наружныхъ болѣзней молитвы не помогаютъ, а изъ арабской древней медицины ученый горецъ весьма мало знаетъ. Пото-

му, во-первыхъ, что наука эта въ горахъ вовсе не преподается, и медицинскія книги составляютъ вообще большую рѣдкость въ горахъ, а во-вторыхъ, горцу непонятны имена травъ и другихъ предметовъ, изъ которыхъ составляются лекарства, исключая очень немногихъ. Упомянутая-же мною книжка, составленная Дамаданомъ Мухинскимъ, въ которой объясняются свойства нѣкоторыхъ растеній и животныхъ, на казикумухскомъ языкѣ, мало употребительна у муллъ. Наружныя болѣзни и раны хорошо умѣютъ лечить туземные врачи, которые изъ практики, по опыту, обладаютъ умѣньемъ лечить въ особенности оружейныя раны. Въ послѣднихъ случаяхъ горскіе врачи считаютъ себя выше европейскихъ докторовъ.

Къ горскому медицинскому обществу также принадлежатъ горянки-бабки, которыя преимущественно лечатъ женщинъ. Въ женскія болѣзни мужчины-врачи или муллы не вмѣшиваются, и только сами бабки прибѣгаютъ въ крайнихъ случахъ къ помощи послѣднихъ, для излеченія больной посредствомъ молитвъ [51]).

Къ числу занятій муллы принадлежитъ еще гаданье по книгамъ (оракуламъ), которыя написаны неизвѣстными авторами. Такимъ образомъ ученые являются въ понятіяхъ горцевъ не только духовными лицами, хотя это есть главная ихъ спеціальность, но и юристами, медиками, астрологами. Чуть случится какое-нибудь необыкновенное явленіе въ природѣ, или произойдетъ какая-нибудь перемѣна въ жизни, или же наконецъ привидится какой-нибудь загадочный сонъ, горецъ сейчасъ-же бѣжитъ къ муллѣ за разъясненіемъ своего недоразумѣнія. Мулла-же ни зачто не отзовется незнаніемъ. „Это не можетъ быть! Какъ не знать ученому, вѣдь въ книгахъ все написано“!—и мулла всегда найдетъ чѣмъ отвѣчать, а для несомнѣнности своего отвѣта принесетъ и откроетъ книгу. Разъяснивъ свое недоразумѣніе, горецъ пойдетъ разсказывать о случившемся: такой-то изъ книги сказалъ то-то, такой-то открылъ книгу и справился о томъ-то и сказалъ то-то. Толкованіе сновидѣній принадлежитъ исключительно мулламъ, которые въ этомъ от-

---

[51]) При трудныхъ родахъ, кромѣ молитвъ, муллы совѣтуютъ подкуривать больную соломою, взятою изъ мечети.

вошеніи руководствуются написанными для этого книгами. „Сновидѣніе правовѣрнаго есть сорокъ-шестая часть пророчества“, говоритъ Магомедъ, — и эта часть пророчества, существующая въ каждомъ безъ исключенія правовѣрномъ, имѣетъ большое вліяніе на образъ дѣйствій горца. Для открытія будущей судьбы какого-нибудь предпринимаемаго дѣла посредствомъ сновидѣнія, у мусульманъ существуетъ молитва *Истихаръ*, которую совершаетъ ученый горецъ. Простолюдинъ обращается къ ученымъ съ просьбою предусмотрѣть и предсказать, какой результатъ выйдетъ изъ предпринимаемаго имъ дѣла. Если по Истихару окажется, что дѣло навлечетъ вредъ или будетъ неудача, горецъ не приступитъ къ дѣлу, хотя-бы оно было самое необходимое. Молитва Истихаръ совершается предъ тѣмъ какъ ложатся спать и совершается она какъ обыкновенный намазъ, состоящій изъ четырехъ земныхъ поклоновъ и нѣсколькихъ молитвъ. Потомъ, не произнося ни слова, ложатся въ постель, лицемъ къ югу, держа въ памяти искомый предметъ. Если во снѣ ничего не привидится или же приснится что-либо не относящееся къ дѣлу, то въ такомъ случаѣ Истихаръ повторяется три раза, въ три слѣдующія ночи.

Не смотря на такой обширный кругъ дѣятельности и вліянія ученаго въ жизни горцевъ, хорошій ученый (алимъ) рѣдко употребляетъ съ пользою для себя и для другихъ эту дѣятельность и это вліяніе. Все это онъ считаетъ мелочами, не приличествующими его достоинству. Онъ, какъ юристъ мусульманскаго закона, вмѣшивается только въ объясненіе шаріатскихъ правилъ, и зная духъ народа, онъ рѣдко нарушаетъ его интересы, а еще чаще ловко умѣетъ перетолковать эти правила согласно времени и обстоятельствъ, т. е., захочетъ-ли кто-нибудь изъ вліятельныхъ лицъ (каковы были прежде ханы) сдѣлать что-либо и потребуетъ на это разрѣшенія по шаріату, захочетъ-ли сдѣлать что-нибудь такое-же самъ ученый,—онъ безъ труда найдетъ подходящее правило изъ шаріата и объяснитъ его какъ-угодно. Такого рода разрѣшеніе называется *фетва*. Подобнымъ разрѣшеніямъ найдется множество противниковъ со стороны другихъ ученыхъ, опровергающихъ данное фетва, а потому, чтобы рискнуть произнести о чемъ-нибудь фетва,

необходима полная увѣренность въ своемъ знаніи арабской грамматики. Благодаря многосложности грамматическихъ тонкостей арабскаго языка, ученый можетъ спорить съ кѣмъ-угодно цѣлыя сутки о значеніи какого-нибудь слога въ фразахъ шаріатскихъ книгъ. Горцы имѣютъ замѣчательную страсть къ спорамъ подобнаго рода, и всѣми силами каждый старается опровергать мнѣніе ученаго собрата своего, хотя-бы даже онъ призналъ его съ перваго раза справедливымъ.

Зато мелкіе ученые, муллы, усердно практикуютъ во всѣхъ означенныхъ родахъ дѣятельности, и почти обращаютъ ихъ въ ремесло, которое и служитъ для нихъ единственнымъ источникомъ для пріобрѣтенія средствъ къ существованію. Но не смотря на это, они пользуются все-таки весьма скудными доходами. За отогнаніе нечистыхъ духовъ отъ больнаго или за написаніе молитвы противъ болѣзни, мулла получаетъ кусокъ сушеной баранины или нѣсколько чашекъ зерна, да и это отдается только въ томъ случаѣ, когда муллу выписываютъ изъ другаго аула; въ своемъ-же аулѣ онъ получаетъ за визитъ сытное угощеніе, отъ котораго беретъ остатки хлѣба и куски жаренаго мяса для своего семейства, по предложенію хозяина. Ради сытнаго обѣда, мулла готовъ пойти пѣшкомъ за нѣсколько верстъ, и услышавши, что въ близкомъ аулѣ умеръ какой-нибудь зажиточный человѣкъ, онъ низачто не пропуститъ такого случая и отправится туда, хотя-бы вовсе не зналъ умершаго, но лишь-бы возвратиться домой съ сытымъ желудкомъ и съ кускомъ грубой бумажной матеріи, которую жена его употребитъ на заплату его рубашки или шараваръ. Онъ проповѣдуетъ народу о душеспасительномъ дѣйствіи милостыни, хвалитъ щедрость, воздержаніе, но, въ отношеніи лично къ себѣ, эти качества онъ находитъ почти непозволительными...

Наконецъ упомяну, что къ числу занятій болѣе трудолюбивыхъ муллъ принадлежитъ еще переписываніе корана. Купивши восемь дестей бѣлой бумаги за полтора или два рубля, выглаживаютъ ее, натирая плоскимъ кускомъ кремня на гладкой деревянной доскѣ: это дѣлается для того, чтобы на бумагѣ легко было писать и чтобы почеркъ вышелъ красивымъ. Потомъ пишутъ на ней

коранъ, сидя на колѣняхъ, на полу, и самый проворный переписчикъ кончаетъ эту работу въ два мѣсяца. Потомъ, разукрасивъ красными чернилами, т. е. поставивъ въ концѣ каждаго стиха крупныя точки, переплетаютъ книгу въ сафьянный переплетъ и выносятъ на продажу. Обыкновенная цѣна такого труда—отъ 5-ти до 10 руб. сер., смотря по качеству почерка. Бываютъ извѣстные переписчики (катибы), которые имѣютъ весьма красивый почеркъ и которые украшаютъ еще свой товаръ сусальнымъ золотомъ, трудясь надъ перепиской цѣлые пять-шесть мѣсяцевъ, а иногда и цѣлый годъ. Такіе катибы продаютъ свой коранъ за 50—60 руб. Но такой дорогой коранъ можетъ купить только какое-нибудь общество, которое пріобрѣтаетъ его для своей мечети, и очень рѣдко встрѣтится частный охотникъ, желающій пріобрѣсти подобную драгоцѣнность.

Абдулла Омаровъ.

1869 года.
г. Тифлисъ.

ГОРСКАЯ ЛѢТОПИСЬ.

Устройство поземельнаго быта горскихъ племенъ Сѣвернаго Кавказа.

Вопросъ объ опредѣленіи законодательнымъ порядкомъ поземельныхъ правъ вообще цѣлыхъ горскихъ обществъ Кавказа и, въ частности, нѣкоторыхъ почетныхъ членовъ этихъ обществъ возникъ, кажется, еще въ началѣ водворенія русскаго владычества на Кавказѣ, и всегда, не смотря на безпрестанныя попытки къ уясненію этого вопроса, ускользалъ отъ положительнаго разрѣшенія.

Съ одной стороны, представлялось необходимымъ прикрѣпить населеніе къ землѣ, сдѣлать его менѣе подвижнымъ и, правильнымъ распредѣленіемъ земель, положить прочное начало къ матеріальному улучшенію быта населенія и вообще къ развитію естественныхъ богатствъ страны; а съ другой,—положеніе поземельнаго вопроса представлялось до такой степени темнымъ и сложнымъ, что разрѣшеніе его, по необходимости, нужно было отложить до болѣе благопріятныхъ обстоятельствъ и, руководясь общими взглядами на положеніе горскаго населенія, съ политической или военной точки зрѣнія, ограничиваться только временными распоряженіями по распредѣленію земель между населеніемъ, соотвѣтственно военному положенію его.

Случайности войны безпрестанно мѣняли положеніе населенія и, нерѣдко, требовали передвиженій ауловъ съ одного мѣста на другое; но и на новыхъ мѣстахъ земли отводились также временно и, почти всегда, безъ указанія границъ владѣнія землями, чрезъ что весьма часто, въ самомъ началѣ своего водворенія, подвергшіеся переселенію аулы были вынуждаемы заводить поземельные споры

съ своими новыми сосѣдями. Такой порядокъ вещей, конечно, не могъ не производить вреднаго вліянія на благосостояніе горскаго населенія,—и, дѣйствительно, населеніе это, съ каждымъ годомъ, дѣлалось все болѣе и болѣе фанатичнымъ, недовѣрчивымъ къ прочности своего положенія и, вынуждаемое силою къ покорности, вело такимъ образомъ свое хозяйство, чтобы было всегда возможно, безъ особыхъ матеріальныхъ потерь, бросить одну мѣстность и перейти на другую.

Проходили десятки лѣтъ, положеніе горцевъ не мѣнялось къ лучшему и только продолжало, такъ сказать, воспитывать ихъ для ожесточенной войны съ нами. Серьезный трудъ по хозяйству былъ почти невозможенъ для горца и, потому, горцы были вынуждаемы отыскивать средства къ жизни въ военной добычѣ. Правда, прелесть приключеній въ набѣгахъ на казачьи станицы, хищническія нападенія на русскихъ и военная слава, а вмѣстѣ съ тѣмъ и религіозный фанатизмъ, сдѣлались впослѣдствіи для горца достаточной побудительной причиной, чтобы бросать свою осѣдлость и уходить въ горы; но тѣмъ не менѣе нельзя было не приписывать легкости, съ которою весьма часто уходили отъ насъ покорные горцы цѣлыми аулами, тому, что положеніе ихъ у насъ было недостаточно опредѣленно, и именно въ отношеніи права ихъ на владѣніе землями.

Хотя покорные аулы и получали почти всегда обѣщанія отъ начальства, что они останутся на тѣхъ мѣстахъ, на которыхъ водворены; но, имѣя передъ глазами нѣсколько примѣровъ очищенія горскихъ земель для новыхъ казачьихъ станицъ, горцы плохо вѣрили такимъ обѣщаніямъ, тѣмъ болѣе, что на категорически предложенный ими вопросъ о томъ, какъ будутъ они надѣлены землею, получались, въ большей части случаевъ, нерѣшительные отвѣты, потому-что, при тогдашнемъ положеніи края, трудно было предвидѣть заранѣе всѣ тѣ случайности, которыми могло обусловиться устройство быта покорнаго населенія.

Наиболѣе частымъ переселеніямъ съ одного мѣста на другое, а слѣдовательно, и большей неопредѣленности своего положенія, подвергалось населеніе Сѣвернаго Кавказа, упорно защищавшее отъ русскихъ почти каждый шагъ земли.

Занятое веденіемъ войны и выжиданіемъ, пока, сообразно съ успѣхами войны, положеніе покорнаго горскаго населенія сколько нибудь опредѣлится, кавказское начальство не могло предпринять ничего рѣшительнаго въ такомъ дѣлѣ, какъ опредѣленіе правъ

населенія на владѣніе землями; но, впрочемъ, тѣмъ не менѣе, въ попыткахъ разрѣшить поземельный вопросъ на Кавказѣ никогда не было недостатка. Съ этою цѣлію учреждались не разъ особые комитеты и коммисіи, писались различные проекты, но только все это кончалось тѣмъ, что комитеты и коммисіи, по измѣнившимся обстоятельствамъ, упразднялись, а написанные проекты сдавались въ архивы, какъ не соотвѣтствующіе дѣйствительному положенію дѣлъ.

Между тѣмъ условія жизни горскаго населенія, вслѣдствіе непрерывной, болѣе или менѣе ожесточенной войны, безпрестанно мѣняясь, ставили населеніе въ необходимость подчиняться новымъ порядкамъ,—нерѣдко, въ ущербъ искони сложившимся правамъ цѣлаго общества и въ нарушеніе издавна существовавшаго народнаго обычая,—чѣмъ постепенно разрушался старый порядокъ владѣнія землями. Въ то-же время, благодаря военному положенію края, изъ среды горцевъ постоянно выдвигались люди, обладавшіе или военными способностями или умѣніемъ сдѣлаться необходимыми посредниками между мѣстными властями и народомъ, и пріобрѣтали себѣ особое почетное положеніе въ народѣ. Изъ нихъ люди болѣе проницательные, числясь на службѣ и не довольствуясь получаемыми за службу чинами и другими наградами, стали требовать закрѣпленія за ними искони будто-бы принадлежавшихъ имъ земель, указывая при этомъ такія пространства, заключавшія въ себѣ десятки тысячъ десятинъ, какія казались болѣе выгодными для нихъ. Рядомъ съ этимъ возникали и правильныя требованія со стороны тѣхъ лицъ, которымъ дѣйствительно должны были принадлежать права на владѣніе землями, хотя большею частію и не въ такой степени, какъ заявлялось притязаніе.

Затрудненія въ отношеніи разбора справедливости такихъ требованій были тѣмъ значительнѣе, что у большей части горскихъ племенъ если и существовала поземельная собственность, то собственность цѣлаго племени, обусловленная весьма сложными народными обычаями, казавшимися для русскихъ, при маломъ знакомствѣ ихъ въ прежнее время вообще съ существующими у горцевъ порядками, до крайности сбивчивыми и неопредѣленными; такъ напримѣръ, при существовавшемъ во многихъ мѣстностяхъ обычаѣ, что земля,—точно также какъ воздухъ, вода и лѣсъ,—суть общественное достояніе, пользоваться которымъ можетъ каждый безъ всякаго ограниченія, допускалось, что нѣкоторыя изъ почетныхъ лицъ имѣютъ предпочтительное предъ другими право рас-

поряжаться землею. Это-то преимущество нерѣдко понималось русскими какъ право собственности.

При каждомъ домогательствѣ частныхъ лицъ, о закрѣпленіи во владѣніе ихъ земли, обыкновенно представлялось, какъ доказательство основательности иска, что земли, о которыхъ они просятъ, уже втеченіи нѣсколькихъ столѣтій считаются родовою ихъ собственностію. Случалось, впрочемъ, что нѣкоторыя лица право на владѣніе землями доказывали чисто-сказочными разсказами о необыкновенномъ происхожденіи своихъ предковъ и о бывшемъ ихъ могуществѣ.

Послѣдняго рода доказательства выслушивались обыкновенно какъ курьезы, а въ дѣйствительности они отличались отъ первыхъ, совершенно голословныхъ, доказательствъ только тѣмъ, что были наивнѣе и на первомъ-же шагу обнаруживали въ истцахъ неспособность дать удачное направленіе иску.

Какъ бы то ни было, а настойчивость, хотя и ни на чемъ положительномъ не основанная, увѣнчивалась хорошими результатами. Такъ напримѣръ, благодаря настойчивымъ домогательствамъ, князья Бековичи-Черкасскіе и фамилія Тугановыхъ успѣли получить весьма обширные участки земли: во владѣніе первыхъ, Высочайше утвержденнымъ 19 Мая 1825 года журнальнымъ постановленіемъ Комитета Министровъ, была закрѣплена, съ правомъ продажи и залога, дача въ Малой Кабардѣ въ количествѣ 98 тысячъ десятинъ, которую впослѣдствіи пришлось купить въ казну, частію для надѣленія землею казачьихъ станицъ и частію для обезпеченія земельнымъ надѣломъ проживавшихъ на той землѣ туземныхъ ауловъ; а во владѣніе вторыхъ была отдана, по Высочайше конфирмованному, 24 Іюня 1837 года, докладу Шефа Жандармовъ, дача въ плоскостной Дигоріи, въ количествѣ 19 тысячъ десятинъ, часть которой также вскорѣ пришлось купить у Тугановыхъ, на счетъ казны, для сосѣдней казачьей станицы.

Эти два случая административныхъ ошибокъ лучше всего показали неудобство постановлять окончательныя рѣшенія по отдѣльнымъ просьбамъ о признаніи поземельныхъ правъ частныхъ лицъ. Но въ тоже время нельзя было упускать изъ виду, что существующая неопредѣленность правъ землевладѣнія держала въ застоѣ народное хозяйство, убивала, въ самомъ зародышѣ, попытки къ промышленному развитію края и, вообще, нанося вредъ благосостоянію населенія, дѣлала его все болѣе и болѣе раздражительнымъ.

Состоявшіяся съ прежнее время распоряженія кавказскаго начальства о временномъ распредѣленіи земель между населеніемъ, а также и рѣшенія по поземельнымъ спорамъ, возникавшимъ между аульными обществами и частными лицами, далеко не отличались послѣдовательностію, и оттого, въ рукахъ народа и частныхъ лицъ, не рѣдко служили основаніемъ для различныхъ домогательствъ, исполненіе которыхъ, по меньшей мѣрѣ, было-бы несправедливостію по отношенію къ другой, также заинтересованной въ дѣлѣ сторонѣ. И все это усложнялось еще тѣмъ, что въ прежнее военное время и начальникъ отряда и комендантъ и приставъ считали себя вправѣ распоряжаться распредѣленіемъ земель между народомъ.

Такимъ образомъ существовавшая у горскихъ племенъ Кавказа неопредѣленность правъ на владѣніе землями съ теченіемъ времени оказалась до такой степени осложненною распоряженіями начальствовавшихъ лицъ и вообще представляла такой лабиринтъ самыхъ противорѣчивыхъ фактовъ, что впослѣдствіи во многихъ сомнительныхъ случаяхъ нужно было прибѣгать къ разрѣшенію вопросовъ административною властію, т. е. не входя въ строгій разборъ ни прежняго обычнаго права, ни прежнихъ, административныхъ же, распоряженій начальства; но, конечно, и послѣднія распоряженія по поземельному устройству горцевъ, въ свою очередь, могли-бы послужить новыми фактами для усложненія дѣла, если-бы на этотъ разъ не были приняты строгая послѣдовательность и точность въ рѣшеніяхъ, устраняющія всякую возможность превратнаго толкованія значенія ихъ.

Учрежденные въ 1856—1860 годахъ комитеты и коммисіи для разбора личныхъ и поземельныхъ правъ туземцевъ Осетинскаго, Кабардинскаго и Кумыкскаго округовъ Терской области, если и успѣли въ чемъ, такъ это только собрали нѣсколько данныхъ, послужившихъ къ уясненію дѣла. Ничего, впрочемъ, другаго, во всякомъ случаѣ, они сдѣлать не могли, потому что не имѣли для руководства ни хозяйственныхъ съемокъ земель, ни даже точныхъ свѣдѣній о количествѣ населенія въ каждомъ обществѣ, безъ чего разбирать поземельное право въ названныхъ округахъ значило только, какъ показалъ опытъ, напрасно терять время.

Попытки того-же времени произвести размежеваніе земель въ плоскостной части Осетинскаго округа, также, какъ увидимъ ниже, оказались не совсѣмъ удачными.

По умиротвореніи Восточнаго Кавказа, въ 1859 году, нужно было прежде всего остановить поголовное стремленіе горскаго населенія къ переселенію въ Турцію, по возможности успокоить это населеніе, устроить новыя административныя управленія въ горскихъ племенахъ, учредить примѣненные къ народнымъ обычаямъ и понятіямъ народные суды, положить начало для образованія горцевъ и, твердостію принятыхъ мѣръ, прекратить разбои и мятежныя вспышки.

По поземельному-же вопросу, касающемуся самыхъ дорогихъ для горца интересовъ, все еще не было приступаемо къ положительнымъ, видимымъ для населенія рѣшеніямъ, — отчасти потому-что приступать къ нему, при крайне напряженномъ тогда настроеніи умовъ населенія, нужно было съ особенною осторожностію, а отчасти по несобранію необходимыхъ для того данныхъ.

Наконецъ, съ 1863 года, является цѣлый рядъ рѣшительныхъ мѣръ по устройству поземельнаго быта горскихъ племенъ Сѣвернаго Кавказа. Съ сущностью-то и значеніемъ этихъ мѣръ мы и намѣреваемся познакомить читателя.

По вступленіи въ командованіе Кавказскою Арміею Государя Великаго Князя Михаила Николаевича, Его Императорское Высочество, между прочимъ, обративъ особенное вниманіе на необходимость возможно-скорѣйшаго установленія правильныхъ поземельныхъ отношеній въ горскихъ племенахъ Сѣвернаго Кавказа и вообще на распредѣленіе земель этой части края, заключающей въ себѣ Терскую и Кубанскую области, — изволилъ сдѣлать для разрѣшенія этой задачи нижеизложенныя распоряженія.

По Терской области:

По случаю недостатка единства, замѣченнаго въ дѣйствіяхъ разновременно учрежденныхъ въ Терской области комитетовъ и коммисій, для разбора личныхъ и поземельныхъ правъ туземцевъ, въ 1863 году всѣ эти комитеты и коммисіи были упразднены и взамѣнъ ихъ учреждена общая для всей

области поземельная коммисія. Благодаря дѣятельности этой коммисіи, руководимой начальникомъ Терской области, генералъ-адъютантомъ Лорисъ-Меликовымъ, а отчасти и тѣмъ даннымъ, которыя были собраны прежними комитетами и коммисіями, представилась уже возможность приступить къ составленію подробныхъ проектовъ поземельнаго надѣла и затѣмъ къ осуществленію ихъ.

Выше уже было говорено, что въ нѣкоторыхъ частяхъ края и въ особенности въ тѣхъ, гдѣ, благодаря войнѣ, замѣнился на время старый порядокъ владѣнія землями произволомъ и неурядицами, отлагать разрѣшеніе поземельнаго вопроса значило-бы, наименьшее, оставлять населеніе въ крайне-тревожномъ положеніи. Обстоятельство это было главною побудительною причиною того, что вновь установляемый порядокъ землевладѣнія вводится не одновременно въ цѣлой области, а постепенно, по мѣрѣ накопленія данныхъ для разрѣшенія вопроса въ каждомъ отдѣльномъ обществѣ или округѣ. Такая система, на первый взглядъ, страдаетъ въ томъ отношеніи, что при ней нѣкоторые горцы могутъ получить земли много, другіе мало, а для нѣкоторыхъ, пожалуй, можетъ вовсе не достать земель; но это могло-бы считаться дѣйствительною погрѣшностью принятой системы только въ томъ случаѣ, если-бы, во-первыхъ, о туземныхъ племенахъ, въ которыхъ не приступлено еще къ рѣшенію поземельныхъ вопросовъ, не имѣлось ровно никакихъ свѣдѣній, а во-вторыхъ,—если-бы справедливость должна была заключаться въ томъ, чтобы дать всѣмъ обществамъ равное не по праву, а по числу душъ, количество земли. Ниже мы увидимъ, какъ было-бы, напротивъ, несправедливо добиваться, чтобы отводъ земель производился непремѣнно по равной для всѣхъ вообще горцевъ нормѣ душеваго надѣла. Если-бы всѣхъ горцевъ при надѣленіи землею было легко подвести подъ одну категорію, то, конечно, нужно было-бы только привести въ точную извѣстность количество земель, заключающихся въ области, число населенія и, на основаніи этихъ данныхъ, опредѣливши норму душеваго или подворнаго надѣла, начать межеваніе земель. Но такой порядокъ былъ-бы крайне-произволенъ и далеко несправедливъ, а потому, конечно, и не могъ быть принятъ въ руководство, ибо при немъ, вопреки всѣхъ прежнихъ распоряженій и обѣщаній, во многихъ случаяхъ были-бы положительно нарушены права собственности какъ отдѣльныхъ обществъ, такъ и частныхъ лицъ, возбуждено на произволъ всеобщее неудовольствіе и, наконецъ, изъ желанія осуще-

ствить такой порядокъ, пришлось бы отложить поземельную реформу еще на десятки лѣтъ, или ввести задуманный порядокъ землевладѣнія не иначе, какъ при помощи штыковъ, такъ-какъ эта мѣра, безъ сомнѣнія, крайне раздражила-бы населеніе

Поэтому-то, какъ только выяснялись существующія въ каждой отдѣльной, по административному или народному дѣленію, части края поземельныя отношенія и подготовлялись другія данныя, такъ тотчасъ-же создавался проектъ распредѣленія между населеніемъ земель такой мѣстности.

При подробномъ обзорѣ положенія поземельнаго вопроса въ каждой отдѣльной части Терской области, къ чему мы обращаемся теперь, лучше всего можно увидѣть, насколько принятый способъ рѣшенія поземельныхъ вопросовъ оказывается соотвѣтствующимъ справедливости и нуждамъ населенія.

Большая Кабарда и сопредѣльныя съ нею горскія общества.

Горскія общества Большой Кабарды (Балкарское, Безенгіевское, Хуламское, Чегемское и Уруспіевское) водворены въ глубинѣ ущелій главнаго Кавказскаго хребта, обращенныхъ къ сѣверо-востоку. У подножія этихъ ущелій лежатъ большія пространства, большею частію, плоскостныхъ земель, издавна занятыхъ особымъ, по своему племенному происхожденію, населеніемъ, составляющимъ общество Большой Кабарды. Занятая горскими обществами мѣстность представляетъ гряды высокихъ и скалистыхъ хребтовъ, вершины которыхъ покрыты или вѣчнымъ, или лишь на небольшое время въ году стаивающимъ снѣгомъ. Ребра этихъ хребтовъ удерживаютъ скалистый и малопроизводительный характеръ почвы своихъ вершинъ и только самое дно ущелій и прилегающія къ нему низменныя части боковыхъ скатовъ представляютъ удобства для земледѣлія, но не иначе, какъ при тщательномъ удобреніи земли, а мѣстами и при искусственномъ орошеніи. Сообразно естественному строенію горныхъ мѣстностей, низшія части ущелій, вблизи выходовъ ихъ на кабардинскую плоскость, представляютъ болѣе пониженные и развѣтвившіеся отроги водораздѣльныхъ хребтовъ и потому болѣе верхнихъ частей благопріятны земледѣлію.

Будучи такимъ образомъ замкнуты въ горныхъ ущельяхъ весьма сильнымъ кабардинскимъ племенемъ, горскія общества въ

прежнее время находились въ болѣе или менѣе тяжкой зависимости отъ кабардинскихъ князей, безъ покровительства которыхъ обойтись имъ было невозможно, ибо только безусловнымъ подчиненіемъ себя кабардинскимъ князьямъ, воля которыхъ уважалась народомъ, горцы пріобрѣтали защиту отъ хищническихъ набѣговъ кабардинцевъ и спокойно пасли свои стада на плоскости, исправно лишь платя своимъ покровителямъ условленную дань.

Съ обнародованіемъ въ 1822 году прокламацій генерала Ермолова, клонившихся къ обузданію своеволія кабардинскихъ князей, горцы избавлены были отъ княжеской зависимости и имъ оказано было покровительство. Къ этому времени слѣдуетъ отнести начало споровъ жителей горскихъ обществъ съ кабардинцами за право первыхъ пользоваться осенними и весенними пастбищами на плоскости. Къ порожденію таковыхъ споровъ много способствовала устроенная тогда, такъ называемая передовая кабардинская кордонная линія, составленная у предгорій изъ цѣпи верхнихъ укрѣпленій и казачьихъ постовъ, за которой воспрещалось жить кабардинцамъ, какъ для пресѣченія сношеній ихъ съ закубанскими горцами, такъ и частыхъ побѣговъ кабардинцевъ за Кубань, и при существованіи которой горцы безъ стѣсненій отъ кабардинцевъ могли занимать необходимыя имъ пастбища; но все-таки и въ это время, какъ и прежде, горскіе овцеводы, выходя со стадами на плоскость, по установившемуся обычаю, одаряли вліятельныхъ кабардинцевъ, принадлежавшихъ обыкновенно къ высшимъ кабардинскимъ сословіямъ. Отсюда также явилась претензія кабардинцевъ на право взиманія съ горцевъ ясака за пастбу стадъ на плоскости.

По естественнымъ условіямъ мѣстности, для жителей горскихъ обществъ единственнымъ источникомъ ихъ богатства можетъ служить только скотоводство, ибо, при скудной, малопроизводительной почвѣ занятыхъ ими земель, они не могутъ существовать земледѣльческимъ трудомъ. Родившагося въ горахъ хлѣбнаго зерна, ячменя, въ обыкновенные годы достаетъ для горскаго населенія только на два мѣсяца. Посѣвы пшеницы и проса, по краткости въ горахъ теплаго времени,—невозможны; притомъ-же въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, какъ напр. въ нижней части Баксанскаго ущелья, занятаго Балкарскимъ обществомъ, и посѣвы ячменя сильно страдаютъ отъ обилія сусликовъ (джубуранъ), истинныхъ враговъ горскаго земледѣлія, справиться съ которыми горцы не

въ состоянія. Необходимую пропорцію хлѣба горцы пріобрѣтаютъ покупкою у казаковъ и у кабардинцевъ.

Чтобы положить конецъ все сильнѣе и сильнѣе развивавшейся враждѣ между жителями горскихъ обществъ и кабардинцами, по поводу занятія первыми пастбищъ въ плоскостной части Кабарды,—которыми они хотя пользовались, но почти всегда терпя при этомъ притѣсненія со стороны кабардинцевъ, нерѣдко сопровождавшіяся происшествіями уголовнаго характера, — въ 1863 году были подробно разсмотрѣны нужды горскихъ обществъ и опредѣлена потребность ихъ въ осеннихъ и весеннихъ пастбищахъ на плоскости Большой Кабарды. Составленнымъ въ 1864 году проектомъ разграниченія горскихъ обществъ съ Большою Кабардою, было предположено: отодвинуть отъ нагорной полосы часть границы кабардинскихъ земель, предоставивъ такимъ образомъ горскимъ обществамъ пастбища въ плоскостной части, а кабардинцевъ вознаградить за имѣющія отойти отъ нихъ земли двумя участками такъ называемой кордонной земли, находившейся въ ихъ пользованіи, но окончательно за ними не закрѣпленной.

Главныя основанія этихъ предположеній въ 1864-же году были удостоены утвержденія, почему тогда-же было приступлено къ окончательному опредѣленію границы горскихъ обществъ со стороны Большой Кабарды; но, при приведеніи въ исполненіе утвержденнаго въ 1864 году предположенія, казавшагося прежде, при бывшей неопредѣленности правъ горскихъ обществъ на занятіе пастбищъ въ раіонѣ кабардинскихъ земель, вполнѣ удовлетворительнымъ для обѣихъ сторонъ, обнаружилось, что проектированная прирѣзка земли горскимъ обществамъ не можетъ удовлетворить ихъ потребности, потому-что сосѣднія съ ними кабардинскія земли, изъ которыхъ назначена прирѣзка, служа продолженіемъ ущелій, занятыхъ горскими обществами, во многихъ мѣстахъ покрыты сплошнымъ лѣсомъ и вообще подвержены сильнымъ холодамъ, чрезъ что неудобны для осенней и весенней пастьбы стадъ, въ чемъ, главнымъ образомъ, нуждаются жители названныхъ обществъ, имѣя достаточное количество лѣтнихъ пастбищъ въ раіонѣ своихъ земель.

Поэтому, въ настоящее время предполагается:

1) Укрѣпить за горцами всѣ земли, искони составляющія ихъ собственность и границы которыхъ нынѣ съ достовѣрностію уже извѣстны.

2) Дозволить горцамъ безплатно пользоваться для пастбы

стадъ и устройства зимовниковъ общественными кабардинскими землями, не вошедшими въ раіонъ аульныхъ надѣловъ, за исключеніемъ изъ этихъ земель тѣхъ участковъ, на право владѣнія которыми заявили претензіи жители горскихъ обществъ и кабардинцы и которые, по разсмотрѣніи представленныхъ претендентами документовъ, быть можетъ, будутъ признаны составляющими ихъ частную собственность.

3) Образовавшихся въ горскихъ обществахъ, преимущественно изъ освобожденныхъ чагаровъ и казаховъ (крестьянскія сословія), 400 безземельныхъ семействъ, выселить въ Большую Кабарду, изъ коихъ до 100 семействъ поселить въ водворенномъ на кабардинскихъ земляхъ изъ различныхъ переселенцевъ Хасаутскомъ аулѣ, а для водворенія остальныхъ нарѣзать изъ кабардинскихъ земель отъ 4 до 8 т. десятинъ.

4) Воспретить горцамъ безвозмездное пользованіе весенними и осенними пастбищами въ границахъ кабардинскихъ аульныхъ дачъ, предоставивъ имъ входить въ обоюдныя по этому предмету соглашенія съ кабардинцами.

Такимъ образомъ въ настоящее время дѣло по устройству поземельнаго быта горскихъ обществъ приводится къ окончанію. Остается только укрѣпить издавна установившійся порядокъ землевладѣнія въ раіонѣ безспорно принадлежавшемъ всегда этимъ обществамъ и, для предупрежденія въ будущемъ различныхъ споровъ, произвести, быть можетъ, обмежеваніе нѣкоторыхъ участковъ; но осуществленіе послѣдняго не составляетъ уже трудной задачи и не требуетъ спѣшнаго рѣшенія, а потому и отложено до окончанія болѣе важныхъ работъ по поземельному устройству горцевъ въ другихъ частяхъ края.

Намъ извѣстно, что всѣ земли въ раіонѣ горскихъ обществъ составляютъ собственность или цѣлаго общества, или частнаго лица. Къ 1-й категоріи земель, т. е. къ общественной собственности, относятся преимущественно пастбищныя и сѣнокосныя мѣста, а ко 2-й пахатныя поля и усадебныя осѣдлости. Какъ велико общее количество земли въ горскихъ обществахъ, въ настоящее время хотя и нѣтъ еще точныхъ свѣдѣній, но уже извѣстно, что вообще удобныхъ земель въ горскихъ обществахъ не много и что земли, составляющія частную собственность, распредѣлены между 720 владѣльцами на участки, каждый величиною отъ 600 квадратныхъ саженей до нѣсколькихъ сотень десятинъ.

По собраннымъ въ послѣднее время даннымъ оказывается, что жители горскихъ обществъ имѣютъ до 400 тысячъ штукъ овецъ и козъ, и отъ 20 до 30 тысячъ штукъ рогатаго скота; население-же горскихъ обществъ состоитъ изъ 1020 дворовъ, въ которыхъ, полагая среднимъ числомъ по 6-ти душъ обоего пола на каждое семейство, можно считать всего 6120 душъ; слѣдовательно, въ горскихъ обществахъ, на каждую душу, безъ различія пола и возраста, среднимъ числомъ приходится по 65 овецъ и по 4 штуки крупнаго рогатаго скота.

Цифры эти всего краспорѣчивѣе убѣждаютъ въ безбѣдности существованія жителей горскихъ обществъ, не смотря на то, что малопроизводительная почва занятыхъ ими земель снабжаетъ ихъ крайне-незначительною пропорціею хлѣба. Главный источникъ ихъ богатства, какъ сказано выше, заключается въ скотоводствѣ, благосостоянію котораго въ настоящее время уже не могутъ угрожать произвольныя притѣсненія сосѣдей горскихъ обществъ— кабардинцевъ. Кромѣ этого главнаго промысла, горцы занимаются заготовленіемъ и продажею лучины, которую большинство кабардинцевъ получаетъ отъ горцевъ и употребляетъ вмѣсто свѣчъ.

Разборъ вопроса объ обезпеченіи поземельныхъ нуждъ горскихъ обществъ былъ вызванъ на первый планъ благодаря тѣсной его связи съ поземельнымъ вопросомъ въ Большой Кабардѣ, въ которой втеченіи этого времени разбирался существующій порядокъ землевладѣнія.

Большая Кабарда граничитъ съ запада съ Эльборусскимъ округомъ, Кубанской области, и рѣкою Эшкакономъ, отдѣляющею отъ кабардинскихъ земель казенныя земли Эшкаконскаго участка, съ сѣвера—съ участками частныхъ владѣльцевъ, землею кисловодскихъ поселянъ, землями 2 Волжскаго и Горскаго казачьихъ полковъ, съ запада — съ землями 1 Владикавказскаго казачьяго полка и съ юга—съ нагорною частію Осетинскаго округа и съ горскими обществами.

Кабарда присоединена къ Россіи еще въ 1732 году, но почти до самаго послѣдняго времени оставалась для Россіи замкнутымъ уголкомъ. Кромѣ открытыхъ мятежныхъ возстаній, для усмиренія которыхъ нерѣдко употреблялась вооруженная сила многочисленныхъ отрядовъ, кабардинцы своимъ тайнымъ хищничествомъ ставили себя въ положеніе почти враждебное къ намъ и вступали въ сношеніе съ русскими властями почти всегда

чрезъ своихъ князей и первостепенныхъ узденей, стоявшихъ во главѣ народа.

При отсутствіи въ народѣ понятія о частной поземельной собственности, въ смыслѣ нашихъ законовъ, и при существовавшей въ Кабардѣ равноправности всѣхъ сословій относительно пользованія землею, князья и уздени и въ особенности нѣкоторыя, болѣе выдававшіяся изъ нихъ, личности, мало-по-малу присвоили себѣ право распоряжаться распредѣленіемъ земель въ пользованіе народа и нерѣдко, выбравъ и захвативъ въ свою пользу лучшіе участки, остальную затѣмъ землю предоставляли аульному обществу распредѣлять между своими членами, посредствомъ выборныхъ и пропорціонально достатку и рабочимъ средствамъ каждаго. Хотя эти лица не продавали земель и по-видимому не признавали за собою таковаго права, но захватываемые изъ аульныхъ дачъ участки, по неимѣнію собственнаго большаго хозяйства, отдавали въ наемъ сосѣднимъ обществамъ, либо уступали безплатно тѣмъ, въ услугахъ которыхъ могли нуждаться. При обиліи земель и несложности кабардинскаго хозяйства, такой порядокъ пользованія землями не былъ слишкомъ стѣснителенъ для низшаго сословія; но при немъ постепенно увеличивалась власть привилегированныхъ лицъ, съумѣвшихъ, подъ видомъ представительства народныхъ интересовъ, пріобрѣсть себѣ значеніе феодальныхъ правителей и вмѣстѣ съ тѣмъ сдѣлаться совершенно необходимыми и безконтрольными посредниками между народомъ и русскою властію, которая до послѣдняго времени, въ силу сложившихся отношеній, оказывалась сильною на столько, на сколько это согласовалось съ видами и интересами высшаго сословія. Даже въ случаяхъ вопіющаго произвола и насилія, народъ не могъ обращаться за правосудіемъ къ русской власти, потому что, такъ или иначе, старшій въ аулѣ князь или уздень могъ притѣснить его еще болѣе, или даже выставить передъ русскою властію какъ человѣка безпокойнаго и вреднаго для общества. Очевидно, что, при такомъ положеніи дѣлъ, простому народу оставалось одно—вполнѣ покориться произволу сильнаго.

Между тѣмъ правительство, употребляя всѣ зависящія отъ него мѣры къ развитію благосостоянія въ народѣ, постоянно оказывало особенное вниманіе и награждало чинами и другими отличіями ставшихъ во главѣ народа лицъ, расчитывая, что они сдѣлаются самыми лучшими проводниками въ народъ цивилизую-

щихъ началъ, а слѣдовательно и самыми лучшими исполнителями правительственныхъ распоряженій. Къ сожалѣнію, многолѣтній опытъ вполнѣ убѣдилъ въ ложности этой системы по отношенію къ кабардинцамъ. Какъ въ началѣ принятія подданства Россіи, такъ и до послѣдняго времени, кабардинцы вели полукочевую жизнь, поддерживавшую въ массѣ праздность и умственный застой, отличались недовѣрчивостію и скрытностію, не допускавшими у нихъ никакихъ перемѣнъ къ лучшему, и всегда держали себя наготовѣ оказать открытое сопротивленіе правительственнымъ распоряженіямъ. Высшее сословіе, не отличаясь по своему развитію отъ массы населенія, въ большей части случаевъ являлось руководителемъ безпорядковъ.

Понятно, что при такихъ условіяхъ русская власть въ Кабардѣ не имѣла подобающаго ей значенія, ибо органы нашего правительства могли наблюдать въ этой странѣ мрака только событія, выходящія изъ ряда обыкновенныхъ. Безсиліе представителей мѣстной власти происходило не отъ недѣятельности ихъ, а отъ того, что до покоренія Кавказа правительство наше, чтобы не сдѣлать свою власть, какъ навязанную населенію силою, нелюбимою и чтобы не затруднить этимъ покореніе остальныхъ горскихъ племенъ, считало тогда преждевременнымъ подчинить горцевъ строгому управленію и потому ограничивалось въ отношеніи ихъ лишь палліативными мѣрами, кое-какъ поддерживавшими внѣшній порядокъ.

Въ двадцатыхъ годахъ настоящаго столѣтія генераломъ Ермоловымъ нерѣдко посылались кабардинцамъ весьма энергичныя прокламаціи, поучавшія народъ тому, какъ должно вообще вести себя, и служившія дѣйствительнымъ средствомъ къ ограниченію произвола князей; но въ сороковыхъ годахъ, когда главнымъ кавказскимъ начальствомъ было принято почти за систему поддерживать высшее сословіе, чтобы чрезъ него способствовать управленію народомъ, кабардинскіе князья и первостепенные уздени успѣли вполнѣ вознаградить себя за временно-утраченное значеніе въ народѣ. Матеріальные интересы народа были въ рукахъ князей, въ которыхъ народъ видѣлъ всю силу, и потому только къ нимъ обращался за разрѣшеніемъ возникавшихъ вопросовъ и сомнѣній. Русская власть парализировалась еще и тѣмъ, что населеніе Большой Кабарды, проживавшее разсѣянно, большею частію мелкими аулами и хуторами по кабардинской территоріи, вело полукочевую жизнь и, такимъ образомъ, представлялось недоступнымъ для

привитія къ нему тѣхъ началъ гражданственности, которыя необходимы для всякаго сколько-нибудь благоустроеннаго общества.

Не довольствуясь произвольно присвоеннымъ правомъ распоряжаться общественными землями, кабардинскіе князья стали обращаться съ требованіями о закрѣпленіи законодательнымъ порядкомъ, въ потомственное владѣніе ихъ, принадлежащихъ имъ будто-бы земель. На сколько были подобныя притязанія основательны — судить въ то время было трудно; но тѣмъ не менѣе, всѣ подобныя просьбы не оставались безъ обѣщаній, что, конечно, не могло не усложнять и безъ того сложныхъ поземельныхъ отношеній въ Большой Кабардѣ.

Такъ, напримѣръ, въ 1846 году правительствомъ пріобрѣтенъ покупкою у узденей Анзоровыхъ, необходимый для надѣленія 1-го Владикавказскаго казачьяго полка, участокъ земли, почему явилось основаніе предполагать, что и другія земли, которыми распоряжаются Анзоровы, правительство также будетъ считать ихъ собственностію, какъ и купленный уже участокъ, а между тѣмъ впослѣдствіи оказалось, что земли эти не принадлежали Анзоровымъ и покупка была совершена только благодаря умѣнію Анзоровыхъ повести дѣло. Кромѣ того, не однократно состоявшіяся распоряженія главнаго кавказскаго начальства о конфискаціи въ казну земель, послѣ побѣговъ къ непокорнымъ горцамъ нѣкоторыхъ изъ кабардинскихъ князей, хотя въ дѣйствительности и не были никогда приводимы въ исполненіе, но свидѣтельствовали также, что занятыя кабардинскими князьями земли считаются правительствомъ ихъ собственностію.

Такимъ образомъ, втеченіи нѣсколькихъ десятковъ лѣтъ, вопросъ о правахъ кабардинскихъ князей, какъ землевладѣльцевъ, осложненный своеобразностію существовавшаго въ Кабардѣ порядка землевладѣнія и разновременными распоряженіями кавказскаго начальства, нисколько не подвигался къ развязкѣ, пока не былъ поставленъ въ слѣдующей, самой простой формѣ: имѣютъ-ли кабардинскіе князья и уздени на земли, которыми они такъ полноправно распоряжались, права, какъ на частную ихъ собственность? если имѣютъ, то въ какомъ количествѣ и какимъ образомъ можетъ быть обезпечено остальное безземельное населеніе Большой Кабарды?

Собранные въ укр. Нальчикѣ, въ 1863 году, Терскою Сословно-Поземельною Коммисіею, для уясненія приведенныхъ выше вопросовъ, народные уполномоченные отъ каждаго аула и отъ

всѣхъ сословій Большой Кабарды, составленнымъ 20-го августа того-же года, актомъ, за общею ихъ подписью, заявили,—что всѣ земли Кабарды составляютъ достояніе цѣлаго народа и что они и на будущее время желаютъ пользоваться ими на общинномъ правѣ владѣнія. Затѣмъ дальнѣйшія разслѣдованія подтвердили справедливость этого заявленія и въ январѣ мѣсяцѣ 1865 года, въ присутствіи депутатовъ отъ кабардинскаго народа и мѣстныхъ начальствующихъ лицъ, было выяснено окончательно, что земли Большой Кабарды, равно какъ и весь кабардинскій народъ, съ весьма давнихъ временъ были раздѣлены между четырьмя княжескими фамиліями (Атажукиныхъ, Мисостовыхъ, Бекъ-Мурзиныхъ и Кайтукиныхъ) только въ политическомъ отношеніи и что условія, соблюдаемыя кабардинцами при періодическомъ распредѣленіи земель въ общественное пользованіе, соотвѣтствуютъ тѣмъ условіямъ, которыя существуютъ при общинномъ правѣ владѣнія землями. Такимъ образомъ кабардинскіе князья и уздени сами-же устранили заявляемыя ими прежде притязанія на закрѣпленіе за ними принадлежавшихъ будто-бы имъ земель и доставили этимъ возможность, безъ всякихъ насильственныхъ мѣръ, обезпечить поземельнымъ довольствіемъ всѣ сословія Большой Кабарды. Пожалованныхъ земель въ Большой Кабардѣ, на правахъ частной собственности, никто, какъ оказалось, не имѣлъ. Поэтому Его Высочество Главнокомандующій, основываясь на составленномъ кабардинцами актѣ, рѣшилъ установить въ этомъ племени порядокъ пользованія землями преимущественно общинный, предназначивъ однако нѣкоторую часть земли для раздачи, по усмотрѣнію правительства, въ частную собственность тѣмъ изъ кабардинскихъ уроженцевъ, которые, по родовому происхожденію своему, а также и по личнымъ заслугамъ, по справедливости, должны быть отличены отъ простыхъ кабардинцевъ. Съ цѣлію-же доставленія администраціи болѣе удобствъ въ отношеніи полицейскаго надзора за населеніемъ, а равно для предоставленія кабардинцамъ возможности привыкнуть къ болѣе осѣдлой жизни, пріучиться вести правильно свое хозяйство и сократить несомые ими для содержанія внутренняго общественнаго управленія расходы, Его Высочество сдѣлалъ распоряженіе о соединеніи населенія Большой Кабарды въ болѣе многолюдные аулы, согласно мѣстнымъ удобствамъ и взаимнымъ соглашеніямъ старшинъ и депутатовъ отъ народа, съ тѣмъ, чтобы земли Большой Кабарды были распредѣлены въ общественное пользованіе аульныхъ обществъ, сообразно числи-

тельности населенія каждаго аула, принимая въ расчетъ и зависимыя сословія.

Что-же касается обращенія въ казну тѣхъ земель Большой Кабарды, которыя были конфискованы отъ владѣльцевъ распоряженіями бывшаго главнокомандующаго, генералъ-отъ-артиллеріи Ермолова, за побѣгъ къ непокорнымъ горцамъ и измѣну, то хотя не задолго передъ тѣмъ и были сдѣланы распоряженія о приведеніи этихъ земель въ извѣстность, но такъ какъ распоряженія генерала Ермолова не были своевременно приведены въ исполненіе, то Его Высочество призналъ положительно невозможнымъ приводить ихъ въ исполненіе, тѣмъ болѣе, что, признавая земли Большой Кабарды общественными, было-бы уже несправедливо лишать цѣлое общество части земель за преступленія нѣкоторыхъ членовъ этого общества.

На основаніи сдѣланныхъ Его Высочествомъ распоряженій, лѣтомъ 1865 года все населеніе Большой Кабарды сгруппировано въ 33-хъ большихъ аулахъ, водворенныхъ въ избранныхъ депутатами отъ народа пунктахъ, причемъ тогда-же были расчитаны по съемкѣ, произведенной въ масштабѣ 250 саж. въ дюймѣ, и указаны въ натурѣ каждому аулу временныя дачи, а также отдѣлено достаточное количество земли для потребностей гарнизона Нальчикскаго укрѣпленія, для непредвидимыхъ надобностей въ землѣ при этомъ укрѣпленіи и для обезпеченія существующихъ при укрѣпленіи слободки и нѣмецкой колоніи. Кромѣ того предназначены особые запасные участки для образованія въ Кабардѣ класса частныхъ собственниковъ и оставлены въ нераздѣльномъ пользованіи всего кабардинскаго общества лѣсные участки и участки земель, годныхъ преимущественно лишь для пастбищъ.

Такимъ образомъ, еще въ 1865 году, было опредѣлено въ общихъ чертахъ право землевладѣнія жителей Большой Кабарды, и основныя предположенія Его Высочества по этому предмету, внесенныя установленнымъ порядкомъ на разсмотрѣніе Кавказскаго Комитета, по журналу Комитета, въ 12 день ноября 1867 года удостоены Высочайшаго утвержденія.

Затѣмъ было приступлено къ составленію окончательнаго проекта нарѣзки аульныхъ дачъ и участковъ для высшаго кабардинскаго сословія, и по составленному уже нынѣ вчернѣ проекту распредѣленія кабардинскихъ земель, видно, что площадь Большой Кабарды, заключающая въ себѣ всего около 630 тысячъ десятинъ, должна распредѣлиться такимъ образомъ: 1) въ надѣлъ кабар-

динскимъ ауламъ, по числу 5,969 дворовъ, 245,818 десятинъ; 2) въ 140 участкахъ, предназначаемыхъ въ частную собственность лицамъ высшаго сословія Большой Кабарды,—60,000 десятинъ; 3) въ запасные участки—24,000 десятинъ; 4) для безземельныхъ жителей горскихъ обществъ—отъ 4 до 8 т. десятинъ; 5) для нальчикскаго гарнизона и слободокъ, съ запаснымъ участкомъ—5,000 десятинъ, и 6) оставленныхъ въ нераздѣльномъ пользованіи всего общества Большой Кабарды: а) земель годныхъ преимущественно для пастбищъ—около 230 т. десятинъ, б) въ лѣсныхъ участкахъ—59,666 десятинъ *).

Запасные участки, въ количествѣ 24 тысячъ десятинъ, предназначаются частію для надѣленія участками въ частную собственность тѣхъ изъ кабардинскихъ уроженцевъ, которые, находясь на службѣ въ Россіи, могутъ оказаться пропущенными въ составленномъ нынѣ спискѣ кабардинскихъ собственниковъ, частію для надѣла высшаго сословія Малой Кабарды, въ раіонѣ которой не имѣется для этого достаточнаго количества земли, и частію на возмѣщеніе неудобныхъ земель, могущихъ оказаться при отводѣ участковъ.

Земли, назначаемыя въ раіонъ аульныхъ дачъ, по качеству почвы ихъ, можно раздѣлить на три полосы—верхнюю, среднюю и нижнюю. Верхняя предгорная полоса доставляетъ кабардинскому хозяйству преимущественно пастбищныя угодья и лишь отчасти покосныя и пахатныя земли. Средняя полоса, не подверженная раннимъ холодамъ и частымъ дождямъ предгорій, по плодородію земли служитъ житницею Кабарды. Нижняя полоса, не совсѣмъ удобная для посѣвовъ проса, доставляетъ кабардинцамъ обильные покосы и служитъ для устройства зимовниковъ.

Сельское хозяйство кабардинцевъ находится на самой низкой степени развитія. Кабардинцы, вообще не расположенные обременять себя трудами по хозяйству, оказываютъ отвращеніе къ тяжелому земледѣльческому труду и потому естественнымъ образомъ обратились къ болѣе легкому занятію—скотоводству, которое въ настоящее время считается главнымъ источникомъ существованія

---

*) Остающійся за этимъ распредѣленіемъ въ Большой Кабардѣ участокъ въ 900 десятинъ, по ходатайству Его Высочества, Высочайше закрѣпленъ во владѣніе кабардинскаго уроженца, генералъ-маіора Абдрахманова, какъ вознагражденіе за земли, состоявшія въ пользованіи фамиліи Абдрахмановыхъ вблизи Пятигорска и отошедшія подъ казачьи поселенія.

этого народа. Паста (нѣчто въ родѣ просяной каши) не случайно сдѣлалась національною пищею кабардинца. Просо, посѣянное на цѣлинѣ и долголѣтнихъ залежахъ, въ первые два года даетъ отличный урожай, а главное—не требуетъ глубокой распашки земли и, притомъ-же, распашка производится только разъ въ году, весною. Разведеніе пшеницы составляетъ въ Кабардѣ самое недавнее нововведеніе и потому еще немногими принято; что же касается другихъ посѣвовъ, какъ напримѣръ: ржи, гречихи, овса, конопли, льна и т. п., то пока они кабардинцамъ неизвѣстны. Кукуруза разводится въ Кабардѣ какъ огородная овощь; картофель мало извѣстенъ, а капуста и бураки вовсе неизвѣстны.

При такомъ крайне-одностороннемъ развитіи сельскаго хозяйства кабардинцевъ, между ними установилось понятіе, что земля, не производящая дорогаго имъ проса и не дающая хорошаго сѣна, вовсе неудобна, тогда какъ, при другихъ условіяхъ народной жизни, эти неудобныя земли легко обратились-бы въ цвѣтущія поля, что, безъ сомнѣнія, и послѣдуетъ весьма скоро, при наступившихъ нынѣ новыхъ условіяхъ.

Не смотря на то, что въ настоящее время кабардинцы по преимуществу скотоводы, они главнымъ образомъ заботятся не объ улучшеніи различныхъ породъ домашнихъ животныхъ, а объ увеличеніи ихъ количества. Изъ имѣющихся нынѣ данныхъ о состояніи кабардинскаго скотоводства, оказывается, что у кабардинцевъ 17 табуновъ лошадей (изъ нихъ одинъ малокабардинскій). Такъ какъ въ табунѣ бываетъ отъ 1000 до 3000 головъ, то, принимая среднюю цифру, получимъ до 34-хъ тысячъ табунныхъ лошадей. Овецъ, вмѣстѣ съ малокабардинскими, до 700 тысячъ численность рогатаго скота можетъ быть опредѣлена до 120 тысячъ. Кромѣ этой массы животныхъ, ежегодно пасущейся на общественныхъ кабардинскихъ земляхъ и отчасти на арендуемыхъ кабардинцами земляхъ Кумской и Государственной станицъ и въ степяхъ Ставропольской губерніи,—въ аульныхъ дачахъ Большой Кабарды остается множество верховыхъ лошадей, быковъ, коровъ, телятъ, козъ и овецъ, такъ-какъ, по укоренившемуся обычаю, выгонъ стадъ на общественныя, состоящія въ нераздѣльномъ пользованіи кабардинцевъ, пастбища производится только лицами, имѣющими не менѣе 100 головъ овецъ, или 60 штукъ крупнаго рогатаго скота или-же наконецъ 2—3 косяка (въ косякѣ большею частію 15 лошадей); мелкіе-же скотопромышленники во всякое время года держатъ скотъ на мѣстахъ своего жительства.

Предпринятая въ Кабардѣ поземельная реформа, безъ сомнѣнія, прежде всего отзовется на главномъ промыслѣ кабардинцевъ— скотоводствѣ, которое, вслѣдствіе новыхъ условій хозяйственнаго ихъ быта, должно уменьшиться до самыхъ скромныхъ размѣровъ, постепенно уступая свое мѣсто болѣе цивилизующимъ занятіямъ; но такъ-какъ внезапное паденіе главнаго народнаго промысла не можетъ совершиться безъ потрясенія народнаго хозяйства, то необходимо было дать нѣкоторую поддержку отживающему уже, но служащему пока основою народнаго хозяйства, промыслу. Въ этихъ видахъ всѣ лѣтнія пастбища предоставлены въ свободное пользованіе кабардинскихъ скотопромышленниковъ, а при назначеніи границъ аульныхъ дачъ опредѣлены скотопрогонныя дороги, главная— шириною въ 400 сажень, а побочныя во 100 сажень. Направленіе главной и побочныхъ дорогъ назначено съ такимъ расчетомъ, чтобы прогонъ стадъ на лѣтнія пастбища не допускался чрезъ дачу чужаго аула, т. е. чтобы къ дачѣ каждаго аула подходила или главная или побочная скотопрогонная дорога.

При распредѣленіи назначенныхъ для нарѣзки аульныхъ дачъ 245,818 десятинъ, принято за норму подворнаго надѣла 36 десятинъ, что для средней полосы Кабарды слѣдуетъ считать совершенно достаточнымъ; для другихъ-же мѣстностей, гдѣ земли менѣе удобны, норма эта увеличена распредѣленіемъ въ аульныя дачи, соотвѣтственно болѣе или менѣе невыгодному качеству почвы земель, изъ которыхъ приходилась нарѣзка аульной дачи, остатка, получавшагося изъ 245,818 десятинъ за надѣломъ по 36 десятинъ 5969 дворовъ.

Съ отводомъ почетнымъ кабардинскимъ уроженцамъ предназначенныхъ имъ въ частную собственность участковъ, предположено не лишать ихъ права общиннаго пользованія землею въ аульныхъ дачахъ, во-первыхъ, по невозможности всегда пріурочить мелкіе участки (въ 250 десятинъ) къ водѣ и, слѣдовательно, по невозможности имѣть на нихъ хозяйственныя постройки, и во-вторыхъ, чтобы избавить Кабарду отъ безземельнаго, высшаго по своему происхожденію, сословія, такъ-какъ, безъ сомнѣнія, весьма многіе, воспользовавшись правомъ собственности на полученные участки, поспѣшатъ продать ихъ.

Какъ ни желательно было, при послѣднемъ опредѣленіи границъ аульныхъ дачъ, избѣжать переселеній ауловъ, но по самому строгому всестороннему обсужденію положенія кабардинскихъ ауловъ, при окончательномъ составленіи новаго проекта

нарѣзки аульныхъ дачъ,—признано положительно необходимымъ изъ числа 33-хъ кабардинскихъ ауловъ 3 аула (Муссы Кожохова, Кошерокова и Тахтамышева) разселить по другимъ кабардинскимъ ауламъ; при чемъ, также было обращено особенное вниманіе на то, чтобы назначаемыя границы аульныхъ дачъ отстояли отъ жилыхъ мѣстъ не менѣе $^1/_2$ версты и чтобы въ границахъ аульныхъ дачъ, по возможности, не допускалось черезполосности, а также не вводились въ раіонъ аульныхъ дачъ лѣсные участки.

Такимъ образомъ состоявшееся 25-го августа 1863 г. признаніе кабардинскихъ земель всѣми сословіями Кабарды общественною собственностію положило начало къ установленію въ этой части края прочнаго порядка въ отношеніи пользованія землями и дало почву для другихъ правительственныхъ мѣръ.

Совершившійся фактъ признанія земель общественными облегчилъ обложеніе кабардинцевъ государственною податью, такъ какъ высшее сословіе лишилось уже возможности претендовать на право владѣнія кабардинскими землями, а простой народъ не могъ отговариваться непринадлежностію ему земли. Состоявшееся затѣмъ освобожденіе крестьянъ въ Кабардѣ, благодаря тому-же обстоятельству, совершилось безъ особыхъ затрудненій, ибо главный, неминуемо сильно замедлившій-бы освобожденіе крестьянъ, вопросъ объ обезпеченіи ихъ земельнымъ надѣломъ могъ быть вовсе обойденъ, такъ-какъ крестьяне, въ силу поземельной реформы, дѣлаясь, одновременно съ освобожденіемъ ихъ, полноправными членами общины, тѣмъ самымъ пріобрѣтали и право на общественную землю, при нарѣзкѣ которой въ аульныя дачи они уже были приняты въ расчетъ. Но само собою разумѣется, что установлявшійся въ Кабардѣ порядокъ общиннаго владѣнія землею вовсе не представлялся въ законченной формѣ. Съ одной стороны, справедливость требовала подумать объ обезпеченіи быта высшаго сословія Кабарды, за потерю правъ надъ народомъ, а съ другой—не упускать изъ виду, что общинное владѣніе землями по-прежнему закрывало русскому элементу доступъ въ Кабарду и, обрекая населеніе ея на умственный и матеріальный застой, обусловливаемый настоящимъ изолированнымъ положеніемъ Кабарды, тѣмъ самымъ затрудняло объединеніе населенія Сѣвернаго Кавказа, у предгорій котораго уже сгруппировано многочисленное русское, казачье, населеніе. Въ этихъ видахъ болѣе дробная поземельная собственность, или говоря иначе, образованіе многочисленнаго класса собственниковъ, всего скорѣе и дѣй-

ствительнѣе могло-бы привести къ желаемой цѣли; но, опять, нельзя было упускать изъ виду, что слишкомъ рѣзкій переворотъ въ условіяхъ экономическаго быта кабардинцевъ, всецѣло примѣненнаго къ общинному пользованію землею, повлекъ-бы за собою много крайне-невыгодныхъ послѣдствій.

Существующее въ Кабардѣ высшее сословіе, къ которому слѣдуетъ отнести князей и первостепенныхъ узденей (тлакотлеши и дижинуго),—всего съ малокабардинцами до 160 семействъ,—имѣетъ еще узденей 2 и 3 степеней, число которыхъ простирается до 1300 дворовъ. По своеобразности сословныхъ преимуществъ кабардинцевъ, нѣкоторыя изъ существующихъ у нихъ сословныхъ привиллегій, какъ, напримѣръ, обязанность сопровождать князей и угощать ихъ гостей, слѣдовало-бы считать ограниченіемъ личнаго права, а не почетнымъ преимуществомъ.

Но какъ нѣтъ никакой необходимости искусственно создавать высшее сословіе въ тѣхъ племенахъ Кавказа, въ которыхъ, по демократическому складу ихъ, оно вовсе не существуетъ, такъ точно не было необходимости и сравнивать всѣ сословія Кабарды, уничтожая фактически существующую раздѣльность сословій, тѣмъ болѣе, что раздѣльность эта нисколько не противорѣчитъ нашему государственному строю. Равнымъ образомъ не было необходимости оказывать дѣйствительныя отличія такимъ лицамъ привиллегированныхъ сословій, привиллегіи которыхъ не имѣютъ существеннаго значенія. Поэтому-то, впредь до разбора сословныхъ правъ кабардинцевъ и рѣшенія, кому изъ нихъ должны быть присвоены права русскаго дворянства, было признано справедливымъ предоставить участки земли въ частную собственность только князьямъ, первостепеннымъ узденямъ и тѣмъ изъ второстепенныхъ узденей, кои пользовались правами такъ называемыхъ аульныхъ владѣльцевъ (старшинъ), а также лицамъ, которыя по происхожденію своему хотя не принадлежатъ къ высшему сословію, но службою правительству пріобрѣли себѣ почетное положеніе. Затѣмъ всѣ остальные уздени, въ отношеніи надѣла землею, не отдѣлены отъ массы простаго сословія, такъ-какъ они представляютъ собою только классъ людей лично свободныхъ и притомъ большею частію состоящихъ подъ покровительствомъ и даже въ нѣкоторой административной зависимости отъ главныхъ фамилій,—зависимости, проявляющейся въ томъ, что уздени, составляя какъ-бы свиту своихъ патроновъ, обязаны были сопровождать ихъ при поѣздкахъ, давать лошадей подъ съѣздъ, оказывать гостепрі-

иество гостямъ своихъ покровителей и т. п. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что существующая зависимость узденей незамѣтно исчезнетъ, по мѣрѣ того, какъ высшее сословіе, утрачивая свой феодальный характеръ, удержитъ за собою только права дворянства и значеніе землевладѣльцевъ.

Теперь, для окончательнаго упроченія совершившейся поземельной реформы въ Большой Кабардѣ, необходимо произвести окончательное размежеваніе земель на мѣстности, что хотя и потребуетъ нѣкотораго времени, но уже не можетъ представить никакихъ затрудненій, такъ какъ межеваніе будетъ производиться по составленному проекту и, слѣдовательно, трудъ будетъ заключаться только въ томъ, чтобы перенести проектированныя на хозяйственной съемкѣ земель граничныя линіи въ натуру и составить межевой планъ на каждый отдѣльный участокъ.

Такъ какъ все населеніе Большой Кабарды простирается только до 34 т. душъ обоего пола, то можетъ показаться, что предоставляемый этому населенію поземельный надѣлъ слишкомъ обширенъ, въ особенности сравнительно съ поземельнымъ надѣломъ, который можетъ быть предоставленъ другимъ племенамъ Терской области; но при обсужденіи этого вопроса не слѣдуетъ никакъ упускать изъ виду, что земли, закрѣпляемыя нынѣ за кабардинцами, всегда находились въ ихъ пользованіи и считались, по праву этого пользованія и на основаніи прежнихъ обѣщаній правительства, неотъемлемою ихъ собственностію; что поэтому отчужденіе отъ нихъ значительной части земель, хотя-бы и для надѣленія другихъ горцевъ, имѣло-бы видъ нарушенія права, освященнаго временемъ, и что ктому-же, наконецъ, почва земель Большой Кабарды мѣстами весьма камениста и, слѣдовательно, не такъ удобна, какъ въ другихъ мѣстностяхъ Кавказа. Тѣмъ не менѣе все-таки, нельзя не считать, что кабардинцы имѣютъ земли весьма много; но поэтому они и обложены государственною податью въ большемъ размѣрѣ, нежели жители прочихъ горскихъ округовъ Терской области *).

*) Горское населеніе Терской области обложено государственною податью въ слѣдующемъ размѣрѣ: жители Кабардинскаго округа по 5 руб. съ дыма (двора), Кумыкскаго и Чеченскаго округовъ—по 3 р. съ дыма, Назрановскаго общества, Ингушевскаго округа,—по 3 руб. съ дыма, Аргунскаго, Ичкеринскаго и Нагорнаго округовъ и Горскаго участка Ингушевскаго округа—по 1 р. съ дыма и Осетинскаго округа: тагаурцы и куртатинцы, живущіе на плоскости,—по 3 р. съ дыма, жители горной части Тагауро-Куртатинскаго

Послѣ сказаннаго выше возникаетъ вопросъ: довольно-ли населеніе Большой Кабарды установляемымъ порядкомъ землевладѣнія?—Теперь кабардинцы находятся въ ожиданіи, чѣмъ окончится предпринятая у нихъ поземельная реформа; но потомъ едва-ли все населеніе Большой Кабарды вполнѣ сочувственно отнесется къ совершающейся реформѣ. Нѣтъ сомнѣнія, что недовольные найдутся изъ среды узденей и даже изъ создаваемаго класса собственниковъ, которые не могутъ не понять, что новый порядокъ землевладѣнія повлечетъ за собою ограниченіе прежняго произвола ихъ, поставитъ населеніе въ непосредственное сношеніе съ русскою властью и, такимъ образомъ, лишитъ ихъ прежняго значенія въ народѣ. Все это, безъ сомнѣнія, поведетъ къ нареканіямъ и мелкому броженію умовъ; но неудовольствіе, по всей вѣроятности, не пойдетъ далѣе своей обычной формы: въ средѣ недовольной части населенія обнаружится стремленіе къ переселенію въ Турцію, стремленіе часто не искреннее, но которымъ горцы обыкновенно стараются остановить проведеніе правительствомъ какой-либо реформы.

Быстрота и неутомимость, съ которыми выполняются Терскою Сословно-Поземельною Коммисіею работы по устройству быта горцевъ, а также энергія и тактъ въ распоряженіяхъ начальника Терской области, генералъ-адъютанта Лорисъ-Меликова, административной заботливости котораго ввѣренный ему край обязанъ большими успѣхами въ отношеніи своего благоустройства и промышленнаго развитія,—даютъ твердое ручательство въ томъ, что предпринятыя преобразованія въ Кабардѣ завершатся совершенно спокойно.

Осетинскій округъ.

По рельефу мѣстности Осетинскій округъ дѣлится на нагорную и плоскостную части и граничитъ: съ сѣвера съ Малою Кабардою и съ казенными землями бывшей дачи князей Бековичей-Черкасскихъ, съ востока—съ Назрановскимъ обществомъ и р. Терекомъ, съ юга—съ уѣздами Душетскимъ и Горійскимъ Тиф-

---

участка—по 1 р. 50 к. съ дыма, дигорцы и аллагирцы, живущіе на плоскости—по 2 р. съ дыма, дигорцы, аллагирцы и наро-мамисонцы, живущіе въ горахъ,—по 75 к. съ дыма. Порядокъ раскладки сбора подати между жителями аула предоставленъ во всѣхъ округахъ самимъ аульнымъ обществамъ.

лисской губерніи и Рачинскимъ Кутаисской губерніи и съ запада—съ горскими обществами Кабарды и Большою Кабардою. Плоскостную часть этого округа прорѣзываютъ полосою, по лѣвой сторонѣ Терека, земли 1-го Владикавказскаго казачьяго полка, отдѣляя такимъ образомъ отъ прочихъ частей округа земли Тагаурскаго общества, лежащія по правой сторонѣ Терека.

Нагорная часть Осетинскаго округа представляется страною, весьма удобною для разведенія въ значительныхъ размѣрахъ скотоводства, и менѣе благопріятна хлѣбопашеству, сообразно съ чѣмъ сложился и характеръ хозяйства населенія нагорной Осетіи. Въ плоскостной-же части Осетинскаго округа, благодаря плодородію земель и удобству обработки ихъ, главнѣйшую отрасль хозяйства населенія составляетъ по преимуществу хлѣбопашество и затѣмъ уже скотоводство.

Въ прежнее смутное время, до водворенія на Кавказѣ русскаго владычества, жизнь въ горныхъ убѣжищахъ давала болѣе безопасности населенію, и потому, не смотря на всѣ представляемыя выгоды, плоскостная часть нынѣшней Осетіи была населена весьма слабо; съ водвореніемъ-же большей безопасности въ этой части края росло и населеніе ея, увеличиваясь выходцами изъ горной части, образовавшими на плоскости особыя общества, соотвѣтственно племенному раздѣленію горнаго осетинскаго населенія.

Разнообразіе условій, при которыхъ общества эти выселялись, а иногда и были выселяемы по распоряженію русскаго начальства, племенное различіе ихъ и полная неопредѣленность, а очень часто даже противорѣчіе въ распоряженіяхъ различныхъ властей, касательно установленія правъ выселенцевъ на землю, породили въ этой части округа множество самыхъ запутанныхъ поземельныхъ споровъ и были причиною, что мѣстность эта далеко не приносила народному хозяйству той пользы, которую могло-бы населеніе, даже при настоящемъ своемъ развитіи, извлекать изъ нея, при болѣе точномъ опредѣленіи правъ его на пользованіе землею.

Съ другой стороны, въ нагорной части Осетинскаго округа, право владѣнія землею опредѣлено точно и положительно мѣстными обычаями. Выработанное временемъ, право это до того не сложно и до такой степени извѣстно каждому горскому жителю, что ни между обществами, ни между частными лицами туземцевъ, населяющихъ эту мѣстность, никогда не возникало значитель-

ныхъ въ этомъ отношеніи недоразумѣній. Обстоятельство это, конечно, не можетъ служить ручательствомъ полнаго обезпеченія въ поземельномъ отношеніи этихъ обществъ, но тѣмъ не менѣе ставитъ поземельный вопросъ въ нагорной части Осетинскаго округа далеко не на такую степень важности, какую имѣетъ онъ для всего плоскостнаго населенія.

На этомъ основаніи, оставляя до времени въ сторонѣ разборъ поземельнаго права въ нагорной части Осетіи, предстояла надобность обратить особенное вниманіе на разъясненіе его для населенія, водвореннаго на плоскости.

Въ 1864 году Терская Сословно-Поземельная Коммисія представила, чрезъ начальника Терской области, соображенія свои о разрѣшеніи поземельныхъ вопросовъ въ плоскостныхъ частяхъ Осетіи, занятыхъ обществами Тагаурскимъ, Дигорскимъ, Алла-гирскимъ и Куртатинскимъ.

Тагаурское общество. Земли, занятыя этимъ обществомъ, по предположеніямъ учрежденнаго въ 1851 году во Владикавказскомъ округѣ, подъ предсѣдательствомъ генералъ-лейтенанта барона Вревскаго, особаго комитета, утвержденнымъ бывшимъ главнокомандующимъ княземъ Воронцовымъ, съ 1853 по 1856 годъ были уже распредѣлены въ пользованіе жителей этого общества, причемъ основаніемъ для опредѣленія нормы надѣла было взято сословное раздѣленіе въ названномъ обществѣ. Алдарамъ, какъ сословію высшему, въ вознагражденіе за потерю правъ, предполагавшихся за ними надъ народомъ, были назначены къ выдѣлу особые участки по 225 десятинъ, а простому народу—по 36—37½ десятинъ на дворъ.

Между тѣмъ, вскорѣ послѣ того обнаружилось, что для надѣла многихъ изъ алдарскихъ семействъ и части простаго народа, согласно означеннымъ предположеніямъ, не достанетъ въ Тагауріи земли.

Такимъ образомъ, предположенія означеннаго комитета, утвержденныя княземъ Воронцовымъ, осуществиться не могли и поземельный вопросъ въ Тагауріи до того въ скоромъ времени запутался, что для разбора его въ 1859 году образованъ былъ вторично комитетъ, который не замедлилъ предложить уменьшеніе надѣла алдаръ.

Такъ какъ прежній комитетъ, ошибочно придавая крайне-преувеличенное значеніе алдарскому сословію въ средѣ Тагаурскаго общества, основывалъ и заключенія свои на такомъ лож-

номъ пониманіи значенія этого сословія, то въ 1860 году, согласно мнѣнію послѣдняго комитета, было предположено раздѣлить алдаръ на два разряда, изъ коихъ послѣднему разряду дать въ надѣлъ по 40 десятинъ на дворъ, а первому нѣсколько болѣе. Но и это предположеніе, не приведенное своевременно въ исполненіе, также по недостатку земли для отвода алдарамъ, претендующимъ на увеличенный поземельный надѣлъ, было тѣмъ менѣе возможно исполнить въ позднѣйшее время, когда число дымовъ, водворенныхъ на плоскости, значительно увеличилось, вслѣдствіе наплыва выходцевъ изъ горъ. А потому, по соображеніи данныхъ, вновь собранныхъ коммисіею, Его Высочество Главнокомандующій предписалъ принять слѣдующія основанія для составленія подробнаго проекта распредѣленія земель въ Тагауріи:

1) Вся плоскостная часть Тагауріи должна поступить въ надѣлъ аульнымъ обществамъ, съ тѣмъ, чтобы каждому аулу было пріурочено, на общинномъ правѣ пользованія, количество земли, соразмѣрное числу дымовъ.

2) Алдарское сословіе должно быть включено, по числу дворовъ, въ общій подворный расчетъ количества земли, которое будетъ назначено каждому аулу, съ тѣмъ, чтобы и для алдаръ была принята та-же норма поземельнаго надѣла, которая, по количеству земли, можетъ быть опредѣлена на каждый дворъ.

3) Алдарамъ, которые, по повѣркѣ коммисіею списковъ ихъ, окажутся правильно причисленными къ алдарскому сословію, въ случаѣ нежеланія ихъ довольствоваться надѣломъ наравнѣ съ другими жителями, — за неисполненіе правительствомъ прежнихъ въ отношеніи ихъ обѣщаній, предоставлено право на полученіе, изъ земель Кубанской области, оставшихся свободными послѣ переселенія горцевъ въ Турцію, надѣла въ размѣрѣ трехъ сотъ десятинъ на дворъ, съ тѣмъ, чтобы тѣ алдары, которые изъявятъ согласіе на отводъ имъ надѣла въ Кубанской области, отказались вовсе отъ полученія надѣла въ Терской области.

Для исполненія вышеизложенныхъ указаній, относительно окончательнаго разрѣшенія поземельнаго вопроса въ Тагаурскомъ обществѣ, коммисіею было высчитано, по планшетамъ съемки, исполненной въ масштабѣ 250 саж. въ дюймѣ, количество земель, занимаемыхъ означеннымъ обществомъ, произведена повѣрка населенія этого общества и составленъ подробный расчетъ поземельнаго надѣла.

По произведенному вычисленію количества земель, оказалось

возможнымъ предназначить въ надѣлъ Тагаурскому обществу до 64,897 десятинъ; общее-же количество населенія, долженствовавшаго получить надѣлъ, заключалось въ числѣ 1650 дворовъ, считая въ томъ числѣ всѣхъ алдаръ,—изъ коихъ никто не пожелалъ получить поземельнаго надѣла въ Кубанской области, — и, слѣдовательно, на каждый дворъ, среднимъ числомъ, приходилось по 39 десятинъ.

Признавая эти данныя удовлетворительными, Его Высочество Главнокомандующій, 2-го апрѣля 1866 года, утвердилъ составленный коммисіею проектъ поземельнаго надѣла Тагаурскаго общества, предложивъ тогда-же начальнику Терской области:

1) Обязать коммисію приступить къ обходу межевымъ порядкомъ окружной границы всего участка земли, предназначаемаго проектомъ въ надѣлъ ауламъ Тагаурскаго общества, и къ выясненію всѣхъ могущихъ оказаться при этомъ поземельныхъ споровъ, какъ съ частными владѣльцами, такъ равно и съ казачьими или туземными обществами.

2) Произвести нѣкоторое (весьма незначительное) измѣненіе въ размѣщеніи ауловъ и переселеніе жителей на особыхъ, утвержденныхъ Его Высочествомъ, основаніяхъ.

3) Въ виду необходимости безотлагательнаго указанія жителямъ каждаго аула, предназначенныхъ имъ въ пользованіе, на общинномъ правѣ, земель, произвести таковое указаніе, безъ формальнаго обмежеванія, постановленіемъ на мѣстности лишь временныхъ межевыхъ знаковъ, съ тѣмъ, чтобы окончательное обмежеваніе земель каждаго аула было произведено впослѣдствіи, когда опытъ фактическаго пользованія выяснитъ подробности незначительныхъ измѣненій въ границахъ аульныхъ дачъ, необходимость которыхъ могла быть упущена при составленіи общаго проекта.

4) Для обезпеченія христіанскаго духовенства Тагаурскаго общества, предоставить изъ аульныхъ дачъ, въ коихъ имѣются церкви, въ пользованіе причта каждой церкви по три нормальныхъ подворныхъ надѣла.

5) Имѣть въ виду, что земля, распредѣляемая между аулами, отводится въ общинное пользованіе каждаго аула отдѣльно, но отнюдь не въ пользованіе всего Тагаурскаго общества.

На основаніи этихъ распоряженій, еще въ апрѣлѣ мѣсяцѣ 1866 года, распредѣленіе земель Тагаурскаго общества, между 10-ю аулами, было окончено и вскорѣ послѣ того жители этого

общества, оставшись такъ долго ожидаемымъ ими распредѣленіемъ земель вполнѣ довольными, прислали депутацію къ начальнику Терской области съ выраженіемъ вѣрноподданническихъ чувствъ Государю Императору и глубокой признательности Государю Великому Князю Михаилу Николаевичу.

Одновременно съ рѣшеніемъ тагаурскаго поземельнаго вопроса былъ рѣшенъ вопросъ и о редантской землѣ.

Редантскою землею называется участокъ, въ количествѣ 3408 десятинъ 600 саж., лежащій на лѣвомъ берегу р. Терека, въ 7-ми верстахъ отъ г. Владикавказа. Земля эта съ давняго времени находилась во владѣніи членовъ фамиліи Дударовыхъ, хотя права Дударовыхъ на владѣніе той землею и были весьма неопредѣленны, а потому, по предложенію мѣстнаго начальства, Дударовы добровольно уступили изъ редантской земли, для надѣленія города Владикавказа, 1004 десят. 2125 саж., съ тѣмъ чтобы остальныя 2403 десят. 875 саж. были закрѣплены за ними на правахъ собственности, на что и было изъявлено Его Высочествомъ согласіе.

Дигорское общество. Въ 1853 году плоскостная часть Дигоріи,—за исключеніемъ участка въ 12,954 десятины 1495 саж., оставшагося во владѣніи фамиліи Тугановыхъ изъ числа земель, дарованныхъ этой фамиліи по особой Монаршей милости, въ 1837 году,—по распоряженію бывшаго главнокомандующаго, генералъ-фельдмаршала князя Воронцова, была распредѣлена, какъ значилось по офиціальнымъ свѣдѣніямъ, такимъ образомъ: жителямъ Вольно-Христіанскаго аула отведено 4870 десятинъ, жителямъ Вольно-Магометанскаго аула—3760 десятинъ и въ частную собственность 6-ти фамилій дигорскихъ бадилятъ *) до 5125 десятинъ.

По собраннымъ въ прежнее время свѣдѣніямъ, считалось, что на плоскости Дигоріи, кромѣ бадилятъ, владѣющихъ большею частью земель, обитаютъ 583 семейства, изъ коихъ 263 семейства водворены въ Вольно-Христіанскомъ аулѣ, 109 семействъ въ Вольно-Магометанскомъ и 211 семействъ, не имѣющихъ соб-

*) Бадиляты—высшее сословіе въ Дигоріи, претендовавшее на владѣніе не только землями Дигоріи, но и всѣмъ простымъ народомъ, проживавшимъ въ этомъ обществѣ.

ственной земли, простыхъ дигорцевъ, лезгорцевъ *) и хехесовъ **), проживаютъ на земляхъ бадилятъ.

Объясненное распредѣленіе земель Дигоріи было произведено въ 1853 году, вслѣдствіе особенно - сильной ненависти, развившейся между высшимъ и прочими сословіями дигорцевъ,—причемъ таковымъ распредѣленіемъ земель надѣялись, съ одной стороны, избавить народъ отъ тяжелыхъ повинностей, которыя отбывались имъ въ пользу бадилятъ, будто-бы за пользованіе бадилятскими землями, а съ другой—отдѣленіемъ христіанъ отъ магометанъ, отвратить враждебныя столкновенія, происходившія между христіанами и магометанами. Цѣль эта, однако, не была достигнута, по недостатку земель, и дигорцы, въ особенности оставшіеся на бадилятскихъ земляхъ, по прежнему отбывали въ пользу бадилятъ крайне-тяжелыя, какъ личныя, такъ и поземельныя повинности, тѣмъ болѣе, что отъ личныхъ повинностей къ бадилятамъ, распоряженіемъ князя Воронцова, они не освобождались.

Обезпечить поземельнымъ довольствіемъ безземельныхъ дигорцевъ и увеличить поземельный надѣлъ жителей Вольно-Христіанскаго аула, воспользовавшихся слишкомъ недостаточнымъ надѣломъ, не представлялось никакой возможности, по непмѣнію не только въ Дигоріи, но и вблизи ея свободныхъ земель. Поэтому, впредь до изысканія способовъ къ обезпеченію въ поземельномъ отношеніи дигорцевъ, хехесовъ и лезгорцевъ, проживающихъ на бадилятскихъ земляхъ, а также и жителей Вольно-Христіанскаго аула, имѣющихъ недостаточный поземельный надѣлъ, Его Высочество Главнокомандующій изволилъ приказать:

1) Провѣрить, заключаютъ-ли участки, отведенные бадилятамъ, то количество десятинъ, какое было опредѣлено для нихъ главнокомандовавшимъ, княземъ Воронцовымъ, съ тѣмъ, чтобы межевые планы и акты выдать бадилятамъ только на то количество десятинъ, которое было назначено имъ, а не на то, которое можетъ оказаться въ ихъ фактическомъ владѣніи.

2) Такъ какъ бадилятамъ, живущимъ на плоскости, предположено было отвести въ частную потомственную собственность сказанные участки, преимущественно за потерю правъ надъ

---

*) Лезгорцами называютзя выходцы изъ аула Лезгоръ, нагорной части Осетинскаго округа.

**) Хехесы—выходцы изъ Аллагирскаго общества.

народомъ, то навсегда отмѣнить всякія личныя повинности къ нимъ простыхъ дигорцевъ, какъ живущихъ на общественныхъ земляхъ, такъ и оставшихся на бадилятскихъ участкахъ, о чемъ и объявить какъ простому народу, такъ и бадилятамъ.

3) Лезгорцевъ, въ числѣ 40 семействъ, живущихъ на бадилятскихъ земляхъ, но безплатно пользовавшихся землями кабардинцевъ, переселить въ Большую Кабарду, въ верховья р. Лескена.

4) Хехесамъ и простымъ дигорцамъ, живущимъ на бадилятскихъ земляхъ, предложить отводъ поземельнаго надѣла изъ свободныхъ земель Кубанской области.

5) Для огражденія отъ произвола и притѣсненій, со стороны бадилятъ, хехесовъ и простыхъ дигорцевъ, которые останутся на бадилятскихъ земляхъ, составить точныя правила, опредѣляющія размѣръ тѣхъ повинностей, которыя хехесы и дигорцы должны будутъ отбывать въ пользу бадилятъ за пользованіе полевыми угодьями на бадилятскихъ участкахъ.

Въ 1865 году вышеизложенное приказаніе Его Высочества было объявлено дигорскому народу и вскорѣ послѣ того лезгорцы переселены въ Большую Кабарду, а безземельные дигорцы и хехесы допущены къ пользованію землями, принадлежащими бадилятамъ, на необременительныхъ для первыхъ условіяхъ; въ вознагражденіе-же бадилятъ за такую уступку, они освобождены отъ взноса въ казну поземельныхъ денегъ, по 2 копѣйки въ годъ, съ каждой десятины владѣемой ими земли, впредь до устройства быта дигорцевъ и хехесовъ.

Такъ какъ хозяйственной съемки земель плоскостной части Дигоріи вовсе не существовало, почему и опредѣленная въ 1853 году, по картѣ въ масштабѣ 3 версты въ дюймѣ, величина участковъ казалась крайне сомнительною,—то для точнаго приведенія земель въ извѣстность, втеченіи 1866 и 1867 годовъ, была произведена подробная съемка земель Дигоріи, съ окончаніемъ которой, по вычисленію площадей оказалось, что въ дачѣ Вольно Христіанскаго аула заключается не 4870 десятинъ, а 6480 д., въ дачѣ Вольно-Магометанскаго аула, вмѣсто предполагавшихся 3760 дес., 5175 д., и что излишекъ земли, находящейся въ бадилятскихъ участкахъ, въ общей сложности, составляетъ 2250 дес.

Число-же жителей плоскостной Дигоріи, по вновь провѣреннымъ свѣдѣніямъ, оказалось также бо́льшимъ противу прежнихъ свѣдѣній, а именно: въ Вольно-Христіанскомъ аулѣ — 262 двора

5

(на одинъ дворъ менѣе противу прежняго), въ Вольно-Магометанскомъ—152 двора (болѣе на 43 двора) и безземельныхъ дигорцевъ и хехесовъ, изъ коихъ никто не пожелалъ воспользоваться надѣломъ въ Кубанской области, 260 дворовъ (болѣе на 89 дворовъ).

Слѣдовательно, жителямъ Вольно-Христіанскаго аула въ отведенной аульной дачѣ приходилось по 24 десятины на дворъ, а жителямъ Вольно-Магометанскаго аула по 34 десятины на дворъ.

Принимая въ соображеніе эти послѣднія данныя, а равно и то обстоятельство, что дигорскіе бадиляты не имѣютъ права на полученіе въ плоскостной Дигоріи участковъ въ большемъ размѣрѣ противу того числа десятинъ, какое было назначено имъ княземъ Воронцовымъ, и что жители Вольно-Христіанскаго и Вольно-Магометанскаго ауловъ въ отношеніи величины нормы поземельнаго надѣла должны быть сравнены, Его Высочество Главнокомандующій, 24 февраля 1868 года, изволилъ разрѣшить Начальнику Терской области:

1) Приступить къ формальному обмежеванію бадилятскихъ участковъ, въ томъ именно количествѣ, въ которомъ были назначены имъ участки княземъ Воронцовымъ, — съ тѣмъ, чтобы всѣ излишнія въ этихъ участкахъ земли были отдѣлены для надѣла безземельныхъ жителей плоскостной части Дигоріи и чтобы отрѣзка этихъ излишковъ производилась не частями, разбросанными черезполосно, а съ расчетомъ возможности пріурочить ихъ къ аульнымъ дачамъ Вольно-Христіанскаго и Вольно-Магометанскаго ауловъ.

2) Принять за норму надѣла для жителей названныхъ двухъ ауловъ по 24 десятины на каждый дворъ и затѣмъ или, соотвѣтственно общему количеству земель въ каждой аульной дачѣ и упомянутой нормѣ надѣла, доселить аулы безземельными дигорцами и хехесами, или, если по мѣстнымъ условіямъ окажется болѣе удобнымъ, отдѣливъ отъ аульныхъ дачъ излишнія противу вновь назначенной нормы надѣла земли, съ такимъ расчетомъ, чтобы къ землямъ этимъ могли быть присоединены и излишки земель, которые отойдутъ отъ бадилятскихъ участковъ, — образовать на нихъ особые поселки изъ безземельныхъ дигорцевъ и хехесовъ.

3) Войти въ соглашеніе съ дигорскими бадилятами о томъ, не окажется-ли возможнымъ пріобрѣсти отъ нихъ покупкою такое количество земли, какое будетъ недоставать по назначенной нормѣ надѣла для обезпеченія всѣхъ остальныхъ безземельныхъ дигорцевъ и хехесовъ.

Въ силу этихъ распоряженій, весною-же 1868 года было приступлено къ формальному обмежеванію бадилятскихъ участковъ; но въ настоящее время еще не окончены работы какъ по обмежеванію этихъ участковъ, такъ и по окончательному распредѣленію остальныхъ земель плоскостной части Дигоріи.

Аллагирское общество. Жители плоскостной части Аллагирскаго общества, выселенные въ 1824 году изъ горъ на плоскость, были водворены въ двухъ аулахъ: Ардонскомъ и Салогарданскомъ. Число жителей этихъ ауловъ, увеличиваясь новыми выходцами изъ горъ, въ 1864 году достигло до 1054 душъ мужескаго пола, живущихъ въ 400 дворахъ; между тѣмъ значительная часть земель, предоставленныхъ первоначально названнымъ двумъ ауламъ, впослѣдствіи отошла подъ станицы Ардонскую и Николаевскую, 1-го Владикавказскаго казачьяго полка, а также подъ Аллагирскій серебро-свинцовый заводъ и, затѣмъ, въ пользованіи Ардонскаго и Салогарданскаго ауловъ осталось 10,820 десятинъ, каковою землею они и владѣютъ на общинномъ правѣ.

31-го декабря 1864 года Его Высочество Главнокомандующій изволилъ сдѣлать распоряженіе о сохраненіи въ Аллагирскомъ обществѣ и на будущее время общиннаго пользованія землею, которой, по расчету, приходилось съ небольшимъ по 24 десятины на дворъ. Для большаго-же обезпеченія аллагирцевъ въ поземельномъ отношеніи, Его Высочество,—обративъ вниманіе, что изъ числа отдѣленныхъ отъ аллагирцевъ земель для серебро-свинцоваго завода, нѣкоторая часть, какъ совершенно-излишняя для завода, можетъ быть возвращена аллагирцамъ, тѣмъ болѣе, что вся сумма, назначенная горнымъ вѣдомствомъ въ вознагражденіе аллагирцевъ за взятую отъ нихъ для завода землю, не была роздана имъ и хранилась въ Московскомъ Опекунскомъ Совѣтѣ,— приказалъ подвергнуть этотъ вопросъ обсужденію въ особой коммисіи, назначенной по распоряженію Его Высочества изъ членовъ горнаго вѣдомства и отъ управленія Терской области, для опредѣленія поземельныхъ отношеній завода и существующей при немъ станицы къ осѣдлому туземному населенію.

Учрежденная коммисія, опредѣливъ поземельную потребность Аллагирскаго завода и населенія его, признала излишними для завода 715 десятинъ, которыя, поэтому, въ 1865 году были отрѣзаны отъ заводскихъ земель и предоставлены въ пользованіе аллагирцевъ.

Въ то-же время было сдѣлано распоряженіе и о томъ, чтобы изъ суммы, уплаченной аллагирцамъ за отошедшія отъ нихъ

для завода земли и хранившейся въ Московскомъ Опекунскомъ Совѣтѣ, была уплачена горному вѣдомству та часть, которая причтется за возвращенныя заводомъ 715 десятинъ.

Затѣмъ, на обязанность Терской Сословно-Поземельной Коммисіи возложено составить, когда по ходу занятій ея окажется возможнымъ, подробныя соображенія о наиболѣе удобномъ распредѣленіи земли Аллагирскаго общества между аулами.

Куртатинское общество. Изъ числа земель, отведенныхъ въ 1824 году владикавказскимъ комендантомъ въ пользованіе жителямъ плоскостной части Куртатинскаго общества, за исключеніемъ земли, отошедшей подъ Архонскую станицу 1-го Владикавказскаго казачьяго полка, осталось—14520 десятинъ, изъ коей 593 десятины (поляну Даръ-Гардусъ) оспаривали у нихъ жители аула Берагзангъ нагорной части того-же общества. Плоскостное-же населеніе Куртатіи заключалось всего въ 293 дворахъ, имѣющихъ 1146 душъ муж. пола, водворенныхъ въ аулахъ Верхнемъ и Нижнемъ Фіягѣ (Кадгаронѣ) и Савадакѣ.

Находя, что плоскостное населеніе, по количеству земли, состоящей въ его пользованіи, вполнѣ обезпечено въ поземельномъ отношеніи, Его Высочество Главнокомандующій изволилъ сдѣлать распоряженіе объ отводѣ изъ плоскостныхъ земель въ общинное пользованіе аула Берегзангъ поляны Даръ-Гардусъ, до 593 десят., и о распредѣленіи остальной затѣмъ земли въ общинное пользованіе плоскостныхъ ауловъ, соразмѣрно числительности населенія каждаго изъ нихъ.

Распредѣленіе это произведено въ 1866 году, съ обозначеніемъ границъ его на мѣстности временными межевыми знаками, впредь до формальнаго обхода окружной межи куртатинскихъ земель и выясненія, путемъ опыта, удобствъ сдѣланнаго распредѣленія земли.

Кромѣ распоряженій по обезпеченію поземельнымъ довольствіемъ населенія плоскостной части Осетіи, Его Высочествомъ сдѣлано уже распоряженіе и о томъ, чтобы Терскою Сословно-Поземельною Коммисіею, по окончаніи поземельнаго вопроса въ плоскостной части Осетинскаго округа, было приступлено къ разработкѣ и разрѣшенію общаго вопроса о пользованіи лѣсами во всѣхъ обществахъ Осетинскаго округа и, въ особенности, къ составленію опредѣлительныхъ правилъ для пользованія лѣсомъ въ Дигорскомъ и Аллагирскомъ обществахъ, такъ какъ въ Дигоріи, по случаю вражды между привиллегированнымъ и простымъ сословіями, а въ Аллагирѣ, по неопредѣленности правъ на лѣса,

занятые серебро-свинцовымъ заводомъ, не рѣдко возникаютъ споры и жалобы по поводу вывоза лѣса.

Кумыкскій округъ.

Округъ этотъ, извѣстный иначе подъ названіемъ Кумыкской плоскости, граничитъ съ востока Аграханскимъ заливомъ Каспійскаго моря, съ юга—р. Сулакомъ и подножіями главнаго Кавказскаго хребта, съ запада—р. Аксаемъ и землями Качкалыковскаго наибства Чеченскаго округа и съ сѣвера—р. Терекомъ. Представляя совершенную равнину, прорѣзанную въ нѣкоторыхъ мѣстахъ вытекающими изъ горъ рѣками, Кумыкская плоскость покрыта наносною съ горъ почвою, плодородіе которой дѣлаетъ эту мѣстность одною изъ лучшихъ на Кавказѣ. Умѣренный климатъ Кумыкскаго округа вполнѣ благопріятствуетъ не только обширному производству различныхъ сортовъ хлѣба, но и разведенію другихъ, почти тропическихъ, растеній; а возможность извлекать богатства изъ рыболовныхъ промысловъ въ рѣкахъ и въ Аграханскомъ заливѣ и близость моря, обезпечивающая сбытъ мѣстныхъ продуктовъ, должны-бы, кажется, сдѣлать населеніе этого округа самымъ промышленнымъ. Въ дѣйствительности-же это оказывается не-совсѣмъ такъ. Отъ дѣйствія восточныхъ вѣтровъ, земли Кумыкскаго округа подвержены засухамъ и потому, не смотря на чрезвычайныя удобства проложить безъ особаго труда сплошную сѣть водопроводныхъ канавъ, значительныя пространства земель Кумыкскаго округа, по неимѣнію искусственнаго орошенія, получили степной характеръ и занимались только подъ пастьбу скота, или-же оставались вовсе въ запустѣніи. Производимые кумыками, въ мѣстахъ, орошенныхъ водопроводными канавами, посѣвы пшеницы, проса, кукурузы, чалтыка (сарачинское пшено), ячменя, овса, чесноку, луку, свеклы, моркови, огурцовъ, тыквъ, дынь и арбузовъ, а также разведеніе виноградниковъ и плантацій марены, всегда вполнѣ вознаграждали и поощряли трудъ; но тѣмъ не менѣе, состояніе сельскаго хозяйства населенія Кумыкскаго округа всегда находилось, не смотря на естественныя богатства округа, далеко не въ цвѣтущемъ положеніи.

Мы смѣемъ думать, что самая главная причина, вредившая промышленному развитію кумыкскаго населенія, крылась въ существовавшемъ у кумыкъ порядкѣ землевладѣнія.

Населеніе Кумыкскаго округа, ранѣе другихъ кавказскихъ

племенъ вступившее въ сношеніе съ русскими властями, прежде другихъ горцевъ утратило свой самобытный характеръ въ отношеніи общественнаго устройства, не успѣвъ, однако, усвоить себѣ общій нашъ государственный строй. Это смѣшеніе стараго народнаго быта, опредѣляемаго преданіями, искаженнаго произволомъ и обстоятельствами времени, съ длиннымъ рядомъ, начиная съ 1700 годовъ, правительственныхъ распоряженій,—которыя также, по неизбѣжнымъ недосмотрамъ военнаго времени и неразлучной, при такихъ обстоятельствахъ, измѣнчивости взглядовъ, не отличались послѣдовательностію,—было причиною того, что установившіяся въ Кумыкскомъ округѣ поземельныя отношенія представляли смѣсь общиннаго права съ вотчиннымъ.

Кумыкское общество въ сословномъ отношеніи дѣлится: на князей, чанковъ (дѣти князей отъ неравнаго брака), первостепенныхъ узденей (сала-уздень), простыхъ узденей (потомки древнихъ обитателей Кумыкской плоскости), догерекъ-узденей (давніе, свободнаго состоянія, пришельцы на Кумыкскую плоскость), и азатовъ (освобожденные прежде и въ послѣднее время холопы, потомки которыхъ въ четвертомъ колѣнѣ называются уже простыми узденями). По народнымъ преданіямъ, сынъ шамхала тарковскаго *Султанъ-Мутъ*,—отъ котораго ведутъ свою родословную всѣ существующія нынѣ княжескія фамиліи Кумыкскаго округа,—получивъ во второй половинѣ XVI столѣтія удѣлъ изъ владѣнія шамхаловъ и поселившись въ нынѣшнемъ Кумыкскомъ округѣ, управлялъ населеніемъ этого округа, а также руководилъ заселеніемъ пришельцами остававшихся пустопорожними земель Кумыкской плоскости. Потомки Султанъ-Мута, раздѣлившись съ теченіемъ времени на нѣсколько отдѣльныхъ княжескихъ родовъ и ставъ во главѣ аульныхъ обществъ, въ лицѣ старшихъ князей, также управляли населеніемъ округа, и мало по малу подчиняя своей власти простой народъ, всегда пользовались различными преимуществами противу другихъ сословій. Составившееся такимъ образомъ изъ древнихъ обитателей и различныхъ пришельцевъ, Кумыкское общество, сколько можно судить по сохранившимся преданіямъ и собраннымъ историческимъ свѣдѣніямъ, пользовалось въ старое время землею, какъ и бо̀льшая часть другихъ племенъ Кавказа, на правѣ общиннаго владѣнія. Обширный просторъ плоскости, малолюдность, а потому и отсутствіе цѣнности на землю, никого не побуждали искать личнаго владѣнія землею, какъ собственностію, которое тогда только получило начало, когда кумыки

усвоили отъ русскихъ понятіе о значеніи права собственности на землю. Новизной этой поспѣшили воспользоваться первыми кумыкскіе *владѣльцы* (такъ названы представители кумыкскаго высшаго сословія (князья) въ нашихъ старыхъ актахъ и бумагахъ), и русскія правительственныя власти, безъ строгой разборчивости и послѣдовательности, снабжали этихъ владѣльцевъ охранными листами, указами, билетами и свидѣтельствами, въ которые, по незнанію мѣстности и обычнаго права, вкрались опредѣленія, послужившія впослѣдствіи основаніемъ къ долголѣтнимъ спорамъ владѣльцевъ между собою и постепенному лишенію народа правъ собственности на землю. Съ того времени владѣльцы (князья), снискавъ довѣріе у русскаго начальства, обласканные имъ и отличенные чинами за военныя заслуги, начали развивать значеніе полученныхъ ими актовъ, для ослабленія права народа на земли и расширенія личнаго своего права. Народъ, не предвидя послѣдствій, первоначально не противодѣйствовалъ владѣльцамъ и, такимъ образомъ, терялъ права на поземельную собственность, удерживая за собою, какъ народъ свободный, только право переходить отъ одного владѣльца къ другому, но однако не иначе, какъ оставляя свою усадебную осѣдлость, по установившемуся обычаю, въ собственность владѣльца. Современемъ-же, испытавъ всю тягость новаго своего положенія, народъ настойчиво домогался отъ владѣльцевъ разграниченія правъ на земли. Настойчивость эта особенно сильно проявлялась въ концѣ прошлаго и въ началѣ настоящаго столѣтій, такъ-что владѣльцы, чтобы остановить справедливый ропотъ народа, вынуждены были дѣлать съ нимъ условія, которыми предоставляли ему бо̀льшую свободу въ пользованіи землею и водою, но при первомъ-же удобномъ случаѣ вновь нарушали заключенныя условія.

Прежній, установившійся обычнымъ народнымъ правомъ доходъ въ пользу владѣльцевъ, по произволу послѣднихъ, также видоизмѣнился. По древнему обычаю, народъ отбывалъ своимъ владѣльцамъ обязательную работу, или барщину (по кумыкски *булка̀*), которая заключалась въ томъ, что каждый, отдѣльный хозяинъ обязывался для владѣльца пахать своимъ плугомъ день для озимаго и день для яроваго хлѣба и по одному дню жать того и другаго сорта хлѣба; причемъ, во время исполненія этой повинности, владѣлецъ, въ свою очередь, обязывался существовавшимъ обычаемъ дѣлать рабочимъ приличное угощеніе. Всѣ пахатныя и покосныя земли, за исключеніемъ

выдѣляемой для владѣльца такъ называемой княжеской части (*бiйликъ*), распредѣлялись обыкновенно между народомъ по ровну и каждый бралъ пай по жребiю. Раздѣлъ паевъ, распредѣленiе работъ по содержанiю въ исправности водопроводныхъ канавъ и наблюденiе очереди въ орошенiи полей поручались такъ называемому *курукъ-башу*, выбираемому народомъ съ согласiя владѣльца. Впослѣдствiи-же, кромѣ сказанной повинности, владѣльцы стали брать у народа, произвольно, лошадей подъ съѣздъ, быковъ для пахоты, коровъ на удой и барановъ на зарѣзъ, не признавая за хозяиномъ права требовать вознагражденiя за павшую, испорченную и пропавшую лошадь и скотину. Нѣкоторые-же изъ владѣльцевъ, вмѣсто *булкá*, начали, по примѣру сосѣднихъ племенъ, брать ясакъ: за пахоту по одной сабѣ (полчетверти русскою мѣрою) какъ озимаго, такъ и яроваго хлѣба, за покосъ по одной арбѣ сѣна, или рубль деньгами, а также и за пастьбу скота баранами или деньгами.

Постоянное своеволiе князей, поддерживаемое влiятельными узденями, которыхъ они привлекли на свою сторону, уступивъ имъ часть присвоенныхъ себѣ правъ на земли, по всей вѣроятности, привело-бы къ тому, что народъ поступилъ-бы съ своими владѣльцами точно также, какъ поступили, нѣсколько десятковъ лѣтъ тому назадъ, за Кубанью тлоѳитли (свободные хлѣбопашцы), возставъ открыто противу князей и выгнавъ ихъ изъ среды своей, еслибы въ 1819 году Кумыкская плоскость не была занята, по распоряженiю генерала Ермолова, русскими войсками.

Непрерывный, съ давняго времени, рядъ жалобъ кумыкъ на притѣсненiя высшаго сословiя, а равно вражда и ссоры за земли между князьями и узденями, всегда вынуждали сколь возможно безотлагательнѣе установить прочный порядокъ землевладѣнiя въ Кумыкскомъ округѣ; но главное затрудненiе при неоднократныхъ попыткахъ мѣстныхъ властей выяснить право поземельнаго владѣнiя высшаго и простаго сословiй заключалось въ неясности данныхъ относительно полноправiя княжескихъ фамилiй на земли, ими присвоиваемыя,—неясности, порождаемой съ одной стороны существованiемъ общиннаго порядка владѣнiя землей на всемъ сѣверномъ Кавказѣ, а съ другой—неопредѣленными въ этомъ отношенiи распоряженiями правительства, давшими поводъ высшему сословiю домогаться права на всѣ земли. Въ числѣ таковыхъ распоряженiй покупка нѣкоторыхъ земель въ казну и признанiе за владѣльцами права продажи земель въ частныя руки, въ глазахъ

сословія, были достаточнымъ основаніемъ считать себя полными собственниками кумыкской территоріи.

Попытки рѣшенія этого вопроса путемъ историческихъ изслѣдованій не только не послужили къ разъясненію дѣла, но лишь усложнили его и, не давъ положительныхъ разультатовъ, повели къ еще большему разъединенію сословій и возбужденію съ обѣихъ сторонъ самыхъ неограниченныхъ надеждъ и требованій.

Такимъ образомъ, не смотря на всю важность окончательнаго уясненія правъ поземельнаго владѣнія, въ особенности для кумыкскаго населенія, долженствующаго быть, по богатству мѣстной природы, самымъ промышленнымъ изъ горскихъ племенъ, — дѣло это не получало исхода. Народъ продолжалъ оставаться безъ земли и въ зависимости отъ владѣльцевъ, установившейся, какъ уже сказано, лишь вслѣдствіе особаго значенія, приданнаго первымъ русскою властію.

Не говоря о недостаточности историческихъ и документальныхъ данныхъ, которыя могли-бы служить основаніемъ для закрѣпленія за высшимъ сословіемъ присвоенныхъ имъ себѣ правъ на землю, признаніе правительствомъ таковыхъ правъ поставило-бы слишкомъ 30-и тысячное населеніе, оставшееся безъ земли, въ обязательную зависимость навсегда отъ нѣсколькихъ частныхъ лицъ.

Поэтому былъ избранъ, болѣе всѣхъ другихъ способовъ гарантирующій безобидное для обѣихъ сторонъ рѣшеніе дѣла, способъ взаимнаго соглашенія. Первымъ, составленнымъ 13 іюля 1864 года, актомъ, кумыкскіе землевладѣльцы уступили безвозмездно въ пользованіе народа $^{1}/_{3}$ части всей земли, а вслѣдъ затѣмъ, по убѣжденіямъ Начальника Терской области, актомъ, составленнымъ 5-го февраля 1865 года, согласились довести уступку до половины всего количества земель.

При такой уступкѣ, изъ земель, находившихся въ распоряженіи владѣльцевъ (всего около 400 тысячъ десятинъ), на долю народа доставалось болѣе 200 тысячъ десятинъ, что, при общемъ населеніи, подлежащемъ надѣлу (около $6^{1}/_{2}$ тысячъ дымовъ), совершенно обезпечивало благосостояніе простаго класса населенія, въ особенности при свойствахъ почвы Кумыкскаго округа.

Принимая во вниманіе, что такой раздѣлъ земель представлялъ вполнѣ удовлетворительный способъ рѣшенія поземельнаго вопроса въ Кумыкскомъ округѣ, Его Высочество Главнокомандующій,

11-го марта 1865 года, изволилъ сдѣлать слѣдующее распоряженіе:

1) На основаніи акта, составленнаго землевладѣльцами Кумыкскаго округа 5-го февраля 1865 года, считать половину всѣхъ владѣльческихъ земель подлежащими выдѣлу народу и предоставить населенію приступить къ выдѣлу этой половины.

2) Въ расчетъ этотъ не вводить усадебную осѣдлость ауловъ, которая должна отойти народу независимо отъ половиннаго выдѣла ему прочихъ угодій.

3) Объявить землевладѣльцамъ, что остальная затѣмъ половина земель будетъ признана за ними на полномъ правѣ собственности, съ выдачею имъ на это надлежащихъ документовъ.

4) Обязать поземельную коммисію, по мѣрѣ выдѣла половинныхъ участковъ, немедленно производить обозначеніе границъ ихъ въ натурѣ временными знаками и наносить эти границы на общую съемку земель округа, произведенную коммисіею въ масштабѣ 250 саж. въ дюймѣ.

5) Выдѣленные народу участки признать общественными, съ тѣмъ, чтобы, по окончаніи составленія подворныхъ списковъ, коммисія представила, для надлежащаго утвержденія, проектъ распредѣленія участковъ между аулами, соотвѣтственно населенію каждаго изъ нихъ, а также и качеству земель.

6) Всѣ казенныя земли, какъ пріобрѣтенныя покупкою, такъ равно конфискованныя и разновременно отведенныя для покосовъ войскамъ, оставить въ полномъ распоряженіи правительства.

7) По разсмотрѣніи всѣхъ пограничныхъ поземельныхъ споровъ, составить проектъ проложенія окружной границы на всемъ ея протяженіи.

На основаніи этихъ распоряженій терская поземельная коммисія, втеченіи лѣта 1865 года, произвела раздѣлъ владѣльческихъ земель на двѣ половины, съ соблюденіемъ того условія, чтобы при производствѣ раздѣла участковъ представителями народа, выборъ половинной части земли предоставлялся владѣльцу, и наоборотъ, при предоставленіи народу выбора, раздѣлъ участковъ земли на двѣ части долженъ былъ производиться владѣльцемъ. Втеченіи 1865 же года временнымъ отдѣленіемъ терской поземельной коммисіи разобраны и безапелляціонно рѣшены тѣ изъ многочисленныхъ споровъ кумыкскихъ землевладѣльцевъ, разборъ которыхъ они не могли окончить полюбовными между собою соглашеніями въ назначенные для того сроки. Затѣмъ въ 1866

году была представлена Государю Великому Князю проектная карта раздѣленія земель Кумыкскаго округа и предположенія о новомъ порядкѣ пользованія землями въ этой части края.

По разсмотрѣніи проектной карты, а равно и предположеній, Его Высочество изволилъ утвердить окружныя границы Кумыкскаго округа и, вмѣстѣ съ тѣмъ, въ видахъ необходимости неотлагательнаго вывода кумыкскаго населенія изъ того переходнаго, въ отношеніи пользованія землями, положенія, въ которое оно было поставлено раздѣломъ земель, 18 апрѣля 1866 года предписалъ Начальнику Терской области приступить къ исполненію предположенныхъ мѣръ слѣдующимъ порядкомъ:

1) Вмѣнить въ обязанность поземельной коммисіи немедленно приступить къ окончательному обмежеванію, съ постановленіемъ постоянныхъ межевыхъ знаковъ, участковъ, предназначенныхъ, согласно проекта, къ выдѣлу въ частную собственность владѣльцевъ; причемъ въ видахъ уменьшенія крайней дробности и черезполосности земель, предназначенныхъ въ надѣлъ народу, обратить особенное вниманіе на соглашеніе владѣльцевъ и аульныхъ обществъ къ полюбовному обмѣну земель и, въ случаяхъ достиженія этого, производить окончательное, согласно состоявшагося соглашенія, обмежеваніе владѣльческихъ участковъ, съ тѣмъ однако, чтобы самыя соглашенія были облечены въ форму актовъ, засвидѣтельствованныхъ обѣими сторонами.

2) Земли, доставшіяся при раздѣлѣ народу, въ количествѣ 200,484 десятинъ, а съ присоединеніемъ мелкихъ участковъ, владѣльцамъ которыхъ долженъ быть предоставленъ надѣлъ по общей нормѣ,—всего 200,876 десятинъ, распредѣлить по ауламъ на общинномъ правѣ пользованія, сообразно населенію каждаго изъ нихъ и нижеслѣдующей нормѣ надѣла, причемъ въ расчетъ подлежащихъ надѣлу семействъ не принимать: а) 289 семействъ чеченцевъ, ауховцевъ, тавлинцевъ и салатавцевъ, кои переселились въ Кумыкскій округъ позже 1859 года; б) 142 семейства горскихъ евреевъ и в) 16 семействъ армянъ, проживающихъ въ Кумыкскомъ округѣ; но съ тѣмъ, чтобы было сохранено право собственности на усадебную осѣдлость за тѣми изъ упомянутыхъ семействъ переселенцевъ, которые имѣютъ уже таковую осѣдлость. Затѣмъ, при надѣленіи землею остальнаго населенія Кумыкскаго округа, состоящаго изъ 6661 дыма, принять за среднюю норму надѣла: для живущихъ осѣдло въ Аксаевскомъ, Андреевскомъ и Нагайскомъ участкахъ—5106 дымовъ—по 28 десятинъ на дымъ, для чего

потребуется 142,968 десятинъ, а для кочующихъ 1555 дымовъ по 36 десятинъ, что составляетъ 55,980 десятинъ, а всего 198,948 десятинъ. Изъ остальныхъ 1928 десятинъ, остающихся по распредѣленію этому свободными, образовать, если представится возможность, одинъ или два особыхъ участка, въ той мѣстности, которая будетъ признана наиболѣе удобною для выдѣла ихъ и, впредь до особаго для нихъ назначенія, отдавать ихъ въ арендное содержаніе, съ торговъ, обращая выручаемую плату въ общественную сумму.

3) Для разрѣшенія недоразумѣній относительно взноса государственной подати тѣми лицами, кои по бѣдности и съ цѣлію уклониться отъ уплаты подати отказываются отъ поземельнаго надѣла, принять за основаніе, что каждому аулу отводится земля на все число семействъ, имѣющихъ право на надѣлъ и, затѣмъ, обязать каждое аульное общество вносить подати по числу отведенныхъ аулу подымныхъ надѣловъ, предоставляя до времени самому аульному обществу раскладку подати между лицами, пользующимися землею въ аульной дачѣ.

4) На основаніи назначенной нормы надѣла, приступить къ составленію подробнаго проекта распредѣленія земель по auламъ. Принимая-же во вниманіе, съ одной стороны, что жители Кумыкскаго округа взносятъ уже государственную подать, а между тѣмъ нѣкоторые изъ нихъ, по неопредѣленности права пользованія землями, не избавлены еще отъ обязательныхъ отношеній къ владѣльцамъ земель, а съ другой — неравномѣрное пользованіе землею аульными обществами и отдѣльными лицами въ аулахъ, вслѣдствіе самовольныхъ захватовъ земли, возложить на коммисію: впредь до составленія проекта, безотлагательно указать аульнымъ обществамъ временныя границы аульныхъ дачъ, указывая эти границы съ такимъ расчетомъ, чтобы по составленіи проекта не представлялось надобности подвергать ихъ значительнымъ измѣненіямъ.

5) Не ожидая составленія подробнаго соображенія о распредѣленіи находящихся въ Кумыкскомъ округѣ 8 участковъ свободныхъ казенныхъ земель, всего въ количествѣ 17,411 десятинъ, возложить на коммисію: а) отмежевать изъ Старо-Аксаевской казенной земли участокъ, въ количествѣ 550 десятинъ, предназначаемый, согласно предположеніямъ бывшаго Главнокомандующаго, генералъ-фельдмаршала князя Барятинскаго, впредь до пожалованія, полковнику Али-Пензулаеву, и б) составить проектъ надѣла

землею водворенныхъ въ 1859 году на Старо-Аксаевской казенной землѣ ауловъ Галишка (Голай-Отаръ тожъ) и Билитъ, всего въ числѣ 78 дворовъ, имѣя при этомъ въ виду, не представится-ли болѣе удобнымъ соединить эти два аула въ одинъ и отвести имъ землю съ такимъ расчетомъ, чтобы впослѣдствіи было удобно, въ административномъ отношеніи, причислить ихъ къ Салатавскому обществу Нагорнаго округа, къ которому они принадлежали всегда.

6) Представить соображеніе объ обезпеченіи въ поземельномъ отношеніи 299 семействъ чеченцевъ, ауховцевъ, тавлинцевъ и салатавцевъ, переселившихся въ Кумыкскій округъ послѣ 1859 года и устраняемыхъ отъ надѣла землею наравнѣ съ прочимъ населеніемъ округа *); причемъ войти въ подробное разсмотрѣніе возможности предоставленія нѣкоторымъ изъ нихъ какъ части казенныхъ земель Кумыкскаго округа, такъ равно остающихся свободными, за надѣленіемъ прочаго населенія, земель, въ 5 пунктѣ упомянутыхъ.

7) 142 семействамъ горскихъ евреевъ, отказавшимся отъ поземельнаго надѣла, а также 16 семействамъ армянъ, считающимся жителями округа, но не имѣющимъ тамъ осѣдлости, объявить, съ выдачею надлежащихъ видовъ, что втеченіи годичнаго срока они обязаны приписаться къ одному изъ городскихъ обществъ для отбыванія повинности наравнѣ съ прочими членами того общества, къ которому припишутся, и что съ неисполнившими сего, по истеченіи срока, будетъ поступлено на основаніи существующихъ на этотъ предметъ узаконеній *).

---

*) Различные выходцы изъ горъ, поселившіеся въ Кумыкскомъ округѣ до 1859 года, окончательно водворяются въ этомъ округѣ, наравнѣ съ коренными жителями округа; но надѣленіе, наравнѣ-же съ коренными жителями, тѣхъ пришельцевъ, которые переселились на Кумыкскую плоскость послѣ окончанія войны, т. е. послѣ 1859 года, возбудило-бы сильную вражду коренныхъ жителей къ этимъ послѣднимъ переселенцамъ, изъ коихъ большая часть не имѣетъ никакой осѣдлости въ округѣ. Поэтому и признано было необходимымъ устранить ихъ отъ надѣла при расчетѣ земель, доставшихся народу, тѣмъ болѣе, что нѣкоторые изъ этихъ переселенцевъ заявили желаніе возвратиться въ прежнія свои общества.

*) Вслѣдствіе новаго ходатайства мѣстнаго начальства, Его Высочество, принявъ во вниманіе крайнюю бѣдность горскихъ евреевъ, разрѣшилъ оставить ихъ въ Кумыкскомъ округѣ на прежнемъ положеніи, впредь до преобразованія управленія существующими въ Терской области слободками, къ которымъ тогда могутъ быть причислены эти евреи.

8) Отходящій въ районъ Кумыкскаго округа, съ утвержденіемъ южной границы этого округа, лѣсной участокъ, всего въ количествѣ 3604 десят., лежащій выше аула Андреевскаго, внѣ казенныхъ земель, предоставить въ пользованіе жителей ауловъ Андреевскаго участка, выдѣлявъ изъ него: аулу Андреевскому, въ счетъ причитающагося ему поземельнаго надѣла, 1148 десятинъ, а остальныя 2456 десятинъ раздѣлить между прочими 17 аулами Андреевскаго участка, по числу населенія каждаго изъ нихъ, а также въ счетъ поземельныхъ аульныхъ надѣловъ.

9) Въ видахъ сбереженія этой единственной лѣсной дачи въ Кумыкскомъ округѣ принять слѣдующія мѣры: а) воспретить всякую порубку лѣса, на всемъ означенномъ пространствѣ, для войскъ и другихъ казенныхъ надобностей, указавъ войскамъ и другимъ управленіямъ временныя дачи въ лѣсахъ Нагорнаго округа, б) отнюдь не допускать во всемъ лѣсномъ участкѣ Кумыкскаго округа очищенія таловъ (полянъ) для посѣвовъ, и в) составить положительныя правила для пользованія жителями лѣсомъ въ участкахъ, для ауловъ отводимыхъ, и наблюденія за сохраненіемъ лѣса отъ самовольной порубки.

10) Для облегченія стѣснительнаго положенія населенія Кумыкскаго округа, происходящаго отъ недостатка въ предѣлахъ этого округа лѣсовъ, разрѣшить жителямъ пользоваться лѣсами въ предгорной полосѣ Ауховскаго и Салатавскаго наибствъ Нагорнаго округа, за плату и съ установленіемъ надлежащаго въ этомъ отношеніи контроля. Независимо отъ этого представить соображеніе относительно возможности предоставленія жителямъ Аксаевскаго участка пользоваться лѣсомъ на Качкалыковскомъ хребтѣ Чеченскаго округа и объ условіяхъ такого пользованія.

11) Такъ какъ, вмѣсто существовавшаго прежде неопредѣленнаго права пользованія землями въ Кумыкскомъ округѣ, прежнимъ землевладѣльцамъ выдѣляется половинная часть земель, для закрѣпленія за ними на полномъ правѣ собственности, то былобы не справедливо оставлять въ полномъ распоряженіи владѣльцевъ рыбные промыслы въ водахъ, берега которыхъ отошли въ надѣлъ народу; поэтому, изъ всѣхъ такихъ промысловъ образовать особыя откупныя статьи, съ обращеніемъ доходовъ съ нихъ въ общественныя суммы. Затѣмъ, рыбные промыслы только въ тѣхъ водахъ, кои прилегаютъ къ землямъ, составляющимъ частную собственность, оставить въ исключительномъ пользованіи ихъ настоящихъ владѣльцевъ.

12) Порядокъ пользованія существующими водопроводными канавами и устройства новыхъ канавъ оставить на тѣхъ-же основаніяхъ, кои существовали до настоящаго времени и которыя, вполнѣ удовлетворительно, обусловлены состоявшимися по этому предмету общественными приговорами.

13) Всѣ существующіе какъ фруктовые, такъ и виноградные сады, оставить въ полной собственности настоящихъ ихъ хозяевъ, независимо оттого, разведены-ли они на землѣ, отходящей по раздѣлу народу, или поступающей въ частную собственность владѣльцевъ,—не включая этихъ садовъ въ половинную часть земли, опредѣленную къ выдѣлу народу изъ владѣльческихъ земель.

14) Существующія мельницы на канавахъ и берегахъ рѣкъ, доставшихся при раздѣлѣ земель народу, а равно и на такихъ канавахъ, кои при раздѣлѣ земель остались общими между народомъ и землевладѣльцами, — оставить въ полномъ распоряженіи настоящихъ ихъ хозяевъ, съ тѣмъ, чтобы вмѣсто прежней въ пользу владѣльцевъ земли платы за право содержанія мельницъ, хозяева ихъ взносили въ общественную окружную сумму особую плату, назначаемую ежегодно чрезъ избираемыхъ аульными обществами довѣренныхъ лицъ. Точно также оставить за настоящими хозяевами ихъ и тѣ мельницы, которыя устроены на канавахъ и рѣкахъ, оба берега которыхъ вошли въ участки, составляющіе частную собственность; только въ этомъ случаѣ плата за содержаніе мельницъ, назначаемая по взаимному соглашенію хозяевъ мельницъ съ владѣльцами земли, поступаетъ сполна въ пользу послѣднихъ. Постройку новыхъ мельницъ въ первомъ случаѣ производить съ согласія аульнаго общества, а во второмъ—съ согласія владѣльца.

15) Маренныя плантаціи, вошедшія въ раіонъ земель, подлежащихъ въ надѣлъ народу, оставить втеченіи 15 - лѣтняго срока, т. е. до 1881 года, за настоящими ихъ хозяевами. При этомъ, въ тѣхъ случаяхъ, когда плантація принадлежитъ арендатору, пользовавшемуся землею, для разведенія плантацій, по особому условію съ землевладѣльцемъ, обязать плантатора взносить въ пользу того аульнаго общества, въ надѣлъ которому имѣетъ поступить земля, находящаяся подъ плантаціею, по 2 руб. сер. съ сабы посѣва, при каждомъ періодическомъ выкапываніи корня. По истеченіи-же означеннаго 15-лѣтняго срока, аульнымъ обществамъ предоставить право или отдать плантаціи въ арендное со-

держаніе по особому соглашенію, или-же предложить плантаторамъ выкопать безотлагательно всю марену. Въ случаяхъ-же, если въ раіонъ аульныхъ земель войдутъ маренныя плантаціи, разведенныя и нынѣ поддерживаемыя самими землевладѣльцами, то послѣдніе освобождаются, втеченіи 15-лѣтняго срока, отъ всякой платы въ пользу аульнаго общества, подчиняясь затѣмъ условіямъ, для остальныхъ плантаторовъ опредѣленнымъ.

На основаніи вышеизложенныхъ распоряженій Его Высочества, лѣтомъ 1866 года приступлено нѣсколькими межевыми партіями къ размежеванію земель Кумыкскаго округа и въ настоящее время работы эти приближаются къ окончанію.

Общее число участковъ, назначенныхъ, по проектной картѣ, землевладѣльцамъ Кумыкскаго округа, простиралось до 166-ти; но нѣкоторые участки, при окончательномъ обмежеваніи ихъ, по случаю происшедшаго семейнаго раздѣла нѣсколькихъ фамилій, коимъ принадлежитъ участокъ, раздробились, отчего, слѣдовательно, и число участковъ должно увеличиться. Величина участковъ, выдѣляемыхъ землевладѣльцамъ, различна, начиная отъ нѣсколькихъ десятковъ до нѣсколькихъ тысячъ десятинъ, что, конечно, зависѣло отъ того, какимъ количествомъ земли распоряжался прежде каждый землевладѣлецъ.

Освобожденные въ Кумыкскомъ округѣ отъ зависимости къ владѣльцамъ, 276 семействъ холоповъ, всего въ числѣ 944 душъ обоего пола, хотя не были приняты въ расчетъ при опредѣленіи для населенія Кумыкскаго округа поземельнаго надѣла, но, какъ коренные жители округа, имѣющіе право на таковой надѣлъ, наравнѣ съ прочимъ, свободнымъ, населеніемъ, — причислены къ аульнымъ обществамъ, которыя, благодаря величинѣ опредѣленной для нихъ нормы надѣла, причисленіемъ холоповъ нисколько не будутъ стѣснены въ поземельномъ отношеніи, если притомъ и не принимать въ соображеніе, что къ аульнымъ дачамъ прилегаютъ большія пространства земель частныхъ землевладѣльцевъ округа, и что землевладѣльцы, безъ сомнѣнія, будутъ по прежнему предоставлять большую часть принадлежащихъ имъ земель въ пользованіе жителей ауловъ, на выгодныхъ для послѣднихъ условіяхъ.

Такимъ образомъ установляется въ Кумыкскомъ округѣ право владѣнія землями, долженствующее самымъ благотворнымъ образомъ повліять на развитіе кумыкскаго населенія какъ въ промышленномъ, такъ и въ другихъ отношеніяхъ. Простой народъ

не имѣетъ ни малѣйшей причины оставаться недовольнымъ состоявшимся рѣшеніемъ вопроса о правахъ землевладѣнія, а прежніе землевладѣльцы также не имѣютъ никакого повода къ неудовольствію на послѣдовавшее рѣшеніе, такъ какъ, по собственному ихъ сознанію, принятый способъ рѣшенія поземельнаго вопроса всего болѣе соотвѣтствовалъ справедливости и интересамъ обѣихъ сторонъ. Что-же касается различныхъ переселенцевъ, въ числѣ 299 семействъ, переселившихся въ Кумыкскій округъ послѣ 1859 года и устраненныхъ тамъ отъ надѣла наравнѣ съ кореннымъ населеніемъ, то большая часть этихъ семействъ, не имѣвшая въ Кумыкскомъ округѣ никакой осѣдлости, возвратилась уже въ прежнія свои общества, а остальные устраиваются на владѣльческихъ земляхъ, на весьма выгодныхъ условіяхъ.

Заканчивая обзоръ совершающейся поземельной реформы въ Кумыкскомъ округѣ, нельзя не упомянуть о фактѣ, долженствующемъ, во-первыхъ, произвести переходъ кочеваго населенія Кумыкскаго округа къ осѣдлой жизни и къ земледѣльческому труду, и, во-вторыхъ, возвысить качество и цѣнность кумыкскихъ земель. Фактъ этотъ заключается въ сооруженіи на Кумыкской плоскости, по иниціативѣ нынѣшняго Начальника Терской области, генералъ-адъютанта Лорисъ-Меликова, двухъ большихъ водопроводныхъ канавъ, для орошенія безводныхъ земель.

Первая канава, взятая изъ р. Терека, ниже аула Джаба-Юртъ, двумя рукавами, въ 2 саж. ширины каждый, соединяющимися въ 150 саж. отъ берега, проведена втеченіи лѣта 1866 года. Наполняясь водою отъ 2 футовъ до 2½ арш., при ширинѣ 4 саж., канава эта проходитъ на разстояніи 21 версты и впадаетъ въ р. Аксай, доставляя своими многочисленными вѣтвями возможность оросить весьма значительное количество безводной земли сѣверо-западной части Кумыкскаго округа.

Другая канава, сооруженная втеченіи лѣта 1867 года, взята изъ р. Сулака, выше аула Костекъ, и направлена по безводной степи восточной части Кумыкскаго округа, до впаденія ея въ Аграханскій заливъ Каспійскаго моря. Эта Сулакская канава среднею шириною до 6 саж. и на столько глубока, что введенная въ нее, въ видѣ опыта, лодка, въ 5 сажень длины и притомъ съ грузомъ, свободно прошла по ней, на пространствѣ до 70 верстъ, отъ аула Костекъ до Каспійскаго моря. Проходя во многихъ мѣстахъ по русламъ древнихъ канавъ и ложамъ изсякшихъ потоковъ водъ, обѣ канавы, не смотря на ихъ

громадность, не потребовали значительныхъ издержекъ; такъ, на проведеніе первой канавы издержано до 2-хъ тысячъ руб., изъ общественной суммы Кумыкскаго округа, а на вторую—до 5,200 руб., изъ общественной-же и другихъ экономическихъ суммъ того же округа.

Изумленные появленіемъ постоянной проточной воды, въ такихъ мѣстахъ, гдѣ ея никогда не видѣли, кочевые ногайцы Кумыкскаго округа начинаютъ энергически приниматься за хлѣбопашество и за устройство для себя прочной осѣдлости. Первыя распашки считавшихся прежде безплодными земель, послѣ орошенія ихъ, дали обильный урожай.

Назрановское общество.

Населеніе Назрановскаго общества, Ингушевскаго округа, сгруппировалось изъ ингушъ и другихъ горцевъ, чеченскаго племени, ранѣе прочихъ принесшихъ покорность русскому правительству и издавна водворившихся въ занятой нынѣ назрановцами мѣстности.

Всѣ члены этого общества считаются равноправными, а потому и въ отношеніи пользованія землями никто не встрѣчалъ прежде ограниченія; но впослѣдствіи,—когда въ сосѣдствѣ этого общества водворились казачьи станицы 1-го Сунженскаго и 2-го Владикавказскаго казачьихъ полковъ, въ надѣлъ которымъ отошли довольно значительныя пространства земель, — отдѣльныя аульныя общества, а также и частныя лица, стали дѣлать самовольные захваты земель, послужившіе поводомъ къ раздорамъ между населеніемъ и къ заявленіямъ жалобъ начальству.

Въ 1860 году, по распоряженію генералъ-фельдмаршала князя Барятинскаго, Назрановскому обществу былъ указанъ въ пользованіе, занятый названнымъ обществомъ, участокъ въ количествѣ 62 тысячъ десятинъ, ограниченный съ запада Тагаурскимъ обществомъ, Осетинскаго округа, съ сѣвера—Малокабардинскими горами и съ востока и юга—землями 1-го Сунженскаго и 2-го Владикавказскаго казачьихъ полковъ. Но мѣра эта, успокоивъ Назрановское общество только въ томъ отношеніи, что оно не будетъ вытѣснено съ занятыхъ имъ земель новыми казачьими станицами, конечно, не могла устранить происходившихъ неурядицъ при распредѣленіи общественныхъ земель въ пользованіе, тѣмъ болѣе, что существовавшія въ этомъ обществѣ поземельныя

отношенія не были въ то время выяснены и, слѣдовательно, было невозможно постановить тогда-же окончательное рѣшеніе для устраненія возникавшихъ поземельныхъ споровъ.

Поэтому, разборъ существовавшихъ въ Назрановскомъ обществѣ поземельныхъ отношеній, а также разсмотрѣніе условій экономическаго быта населенія этого общества и повѣрка численности его, были возложены на Терскую Сословно - Поземельную Коммисію.

По собраннымъ коммисіею свѣдѣніямъ оказалось, что въ раіонѣ участка, предназначеннаго княземъ Барятинскимъ для назрановцевъ, водворено 15 ауловъ, заключающихъ въ себѣ 3715 дворовъ и 9800 душъ мужескаго пола. Кромѣ того къ Назрановскому обществу были причислены проживавшіе на землѣ, пріобрѣтенной покупкою въ казну отъ князей Бековичей - Черкасскихъ, аулы: Пседахъ, Кескемъ, Согопшъ и Ахбарзой, въ числѣ 580 дворовъ.

Такимъ образомъ расчетъ поземельнаго надѣла населенію Назрановскаго общества необходимо было произвести всего по числу 4295 дворовъ.

Такъ какъ въ раіонѣ Назрановскаго участка, какъ оказалось по собраннымъ даннымъ, не имѣется такихъ земель, которыя принадлежали-бы кому-либо на правахъ частной собственности, а равно нѣтъ и земель, состоящихъ въ непосредственномъ распоряженіи казны, кромѣ отведенныхъ Назрановскому укрѣпленію, то, поэтому, для удовлетворительнаго разрѣшенія вопроса объ устройствѣ поземельнаго быта назрановцевъ, требовалось, прежде всего, опредѣлить достаточную норму подворнаго надѣла, назначить прирѣзку къ Назрановскому участку недостающаго въономъ, для надѣла по нормѣ, количества земли, разобрать пограничные поземельные споры и, вмѣстѣ съ тѣмъ, разсмотрѣть предположеніе мѣстнаго начальства о прирѣзкѣ назрановцамъ, по безлѣсности ихъ земель, лѣснаго участка до 2½ тысячъ десятинъ, изъ земель, отведенныхъ 2-му Владикавказскому полку, которому, взамѣнъ того, предоставить вознагражденіе изъ свободныхъ земель бывшаго Карабулакскаго участка.

Сдѣланные выводы, изъ собранныхъ данныхъ объ условіяхъ экономическаго быта населенія Назрановскаго общества, показали, что каждая отдѣльная семья этого общества, среднимъ числомъ, состоитъ изъ 5 душъ обоего пола и имѣетъ: 2 рабочихъ скотины, 2 гулевыхъ (телятъ и коровъ), 1 лошадь и 12 овецъ,

и что для такого хозяйства потребно: 4 стога сѣна или 8 десятинъ покоса, 4 десятины пастбища и 6 десятинъ для пахоты.

Вслѣдствіе этого Его Высочество Главнокомандующій, признавъ, по качеству земель Назрановскаго участка, достаточнымъ предоставить въ надѣлъ населенію этого участка по 18 десятинъ на дворъ и возложивъ на особую коммисію, учрежденную изъ членовъ со стороны казачьяго и горскаго вѣдомствъ, формальный обходъ внѣшнихъ границъ Назрановскихъ земель, разборъ пограничныхъ споровъ назрановцевъ съ казаками и обсужденіе предположеній о прирѣзкѣ назрановцамъ лѣснаго участка,—2-го апрѣля 1866 г., изволилъ утвердить нижеслѣдующія главныя основанія для рѣшенія поземельнаго вопроса въ Назрановскомъ обществѣ:

1) Населенію всѣхъ 15 ауловъ Назрановскаго общества, а также и ауламъ: Пседахъ, Кескемъ, Согопшъ и Ахбарзой, предоставить поземельный надѣлъ въ размѣрѣ, среднею нормою, по 18 десятинъ на дворъ.

2) Надѣлъ этотъ произвести: а) изъ участка земли, указаннаго въ пользованіе назрановцевъ въ 1860 году, по плану, утвержденному княземъ Барятинскимъ, всего въ количествѣ 62807 десятинъ, съ выдѣломъ изъ этого количества 560 десятинъ укрѣпленію Назрановскому и постамъ Назрановскому и Камбилеевскому, и б) изъ сосѣдней съ Назрановскимъ обществомъ земли, купленной въ казну у князей Бековичей - Черкасскихъ, — изъ которой Его Высочество предназначилъ для этой цѣли 16100 десятинъ.

3) Для устраненія крайне-неравномѣрнаго пользованія землею между отдѣльными личностями и цѣлыми аульными обществами, происходившаго большею частію отъ произвольныхъ захватовъ, произвести временное распредѣленіе назрановскихъ земель, соображаясь съ назначенною нормою надѣла, въ пользованіе каждаго аула, а также приступить и къ составленію проекта окончательной нарѣзки аульныхъ дачъ.

На основаніи вышеприведенныхъ указаній, лѣтомъ 1866 года, было произведено временное распредѣленіе между аулами земель Назрановскаго общества и прирѣзанныхъ этому обществу, изъ бывшей дачи князей Бековичей-Черкасскихъ, 16100 десятинъ, а равно составленъ уже окончательный проектъ нарѣзки аульныхъ дачъ.

Независимо отъ распоряженій по устройству поземельнаго быта жителей Назрановскаго общества и ауловъ Пседахъ,

Кескемъ, Согопшъ и Ахбарзой, предстояло рѣшить вопросъ объ обезпеченіи въ поземельномъ отношеніи 337 дворовъ кумыкъ, проживавшихъ въ аулѣ князей Бековичей - Черкасскихъ, которые, послѣ уступки въ казну принадлежавшихъ имъ земель, не могли предоставить въ пользованіе кумыкъ достаточное количество земли, потому что во владѣніи ихъ самихъ остался участокъ только въ количествѣ 3 тысячъ десятинъ.

Переселеніе этихъ 337 семействъ кумыкъ въ Кумыкскій округъ повлекло-бы за собою различныя затрудненія, а также и разстройство хозяйства ихъ; а потому Его Высочество, 2-го апрѣля 1867 года, сдѣлалъ распоряженіе объ отмежеваніи имъ въ надѣлъ изъ бывшей дачи князей Бековичей - Черкасскихъ участка съ количествѣ 8450 десятинъ удобной и неудобной земли.

Малая Кабарда.

Населеніе Малокабардинскаго участка, состоявшее изъ кабардинцевъ, кумыкъ, осетинъ, чеченцевъ, ингушъ, карабулакъ и галгаевцевъ, проживало собственно на малокабардинскихъ земляхъ, извѣстныхъ подъ названіемъ Таусултановскихъ земель, лежащихъ между Эльхотовскимъ ауломъ Осетинскаго округа и рр. Курпомъ и Терекомъ, и на земляхъ, пріобрѣтенныхъ въ 1866 году покупкою въ казну, у князей Бековичей-Черкасскихъ.

Съ выселеніемъ въ 1866 году изъ Малокабардинскаго общества проживавшихъ среди этого общества осетинъ въ аулы Тагаурскаго и Куртатинскаго обществъ Осетинскаго округа, чеченцевъ въ аулы Надтеречнаго наибства Чеченскаго округа, въ коихъ имѣлась запасная земля, и ингушъ и карабулакъ въ аулы, причисленные къ Назрановскому обществу,—представилась возможность водворить все остальное населеніе Малокабардинскаго общества, простирающееся до 1700 дворовъ, въ раіонѣ Таусалтановскихъ земель, т. е. между рр. Курпомъ и Терекомъ, и, слѣдовательно, очистить отъ населенія этого общества земли, купленныя въ казну у князей Бековичей-Черкасскихъ.

Вслѣдствіе этого Его Императорское Высочество Главнокомандующій, 19 апрѣля 1866 года, предписалъ Начальнику Терской области:

1) Назначить для осѣдлаго водворенія Малокабардинскаго общества, находящіяся въ пользованіи этого общества, земли

на всемъ пространствѣ между рр. Терекомъ и Курпомъ, дачею Эльхотовскаго аула Тагаурскаго общества и лѣснымъ участкомъ, лежащимъ на Малокабардинскомъ хребтѣ и состоящимъ въ обоюдномъ пользованіи осетинъ и малокабардинцевъ.

2) Водворить въ предѣляхъ упомянутыхъ земель, между р. р. Курпомъ и Терекомъ, и тѣ малокабардинскіе аулы, кои имѣютъ осѣдлость на землѣ, пріобрѣтенной въ казну отъ князей Бековичей-Черкасскихъ, а равно и тѣхъ переселенцевъ изъ другихъ обществъ, кои проживаютъ въ малокабардинскихъ аулахъ и которыхъ общества этихъ ауловъ пожелаютъ оставить въ средѣ своей.

3) Въ видахъ доставленія малокабардинцамъ возможности поддержать главнѣйшую отрасль ихъ хозяйства—скотоводство, предоставить въ безплатное пользованіе ихъ участокъ казенной земли, лежащей между рр. Эшкакономъ и Подкумкомъ, землями Эльборусскаго округа и бывшимъ Абуковскимъ участкомъ,—оставляя однако-же эту землю по-прежнему собственностію казны.

4) Земли, лежащія между Терекомъ и Курпомъ, распредѣлить между малокабардинскими аулами на общинномъ правѣ пользованія.

5) Возложить на обязанности поземельной коммисіи немедленно приступить къ составленію, на вышеизложенныхъ данныхъ, подробнаго проекта надѣла ауловъ, съ тѣмъ, чтобы при этомъ имѣлась въ виду необходимость выдѣла, изъ предназначенной малокабардинцамъ земли, до 4 т. десятинъ для надѣленія нѣкоторыхъ изъ уроженцевъ Малой-Кабарды участками въ частную собственность, подобно тому, какъ предположено произвести въ Большой-Кабардѣ выдѣлъ участковъ земли въ частную-же собственность.

На основаніи этихъ распоряженій, втеченіи лѣта 1866 года, всѣ жители Малокабардинскаго общества, со включеніемъ и тѣхъ, кои проживали на земляхъ князей Бековичей-Черкасскихъ, размѣщены въ раіонѣ земель, назначенныхъ Его Высочествомъ въ надѣлъ этому обществу, съ указаніемъ временныхъ границъ аульныхъ дачъ, впредь до окончательнаго размежеванія этихъ дачъ, къ чему будетъ приступлено въ то время, когда по ходу занятій поземельной коммисіи окажется возможнымъ удѣлить для этого необходимыя межевыя средства. Кромѣ того имѣется въ виду подвергнуть окончательному разсмотрѣнію вопросъ и о томъ, кому именно изъ почетныхъ малокабардинцевъ слѣдуетъ

предоставить участки земли въ частную собственность и какое можетъ быть удѣлено для этого количество земли, сверхъ предназначеннаго изъ малокабардинскихъ земель участка въ 4 т. десятинъ, изъ земель, оставленныхъ въ нераздѣльномъ пользованіи жителей Большой-Кабарды.

Надтеречное наибство.

Часть туземнаго населенія Чеченскаго округа, сгруппированная у р. Терека и отдѣленная отъ прочаго населенія этого округа землями 1-го и 2-го Сунженскихъ казачьихъ полковъ, образовала особое наибство, подъ названіемъ Надтеречнаго. Земли этого наибства, большею частію очищенныя силою оружія при началѣ войны отъ туземнаго населенія, заселялись вновь различными выходцами изъ горъ, искавшими нашего покровительства, а также и принимавшими покорность аулами, оставленіе которыхъ на прежнихъ мѣстахъ жительства, у предгорій, признавалось, по военнымъ соображеніямъ, не удобнымъ.

Общее количество земель Надтеречнаго наибства простирается до 122,400 десятинъ, изъ которыхъ около 20 тысячъ десятинъ были розданы, 8-го участками, туземнымъ князьямъ: Алхасовымъ, Эльдаровымъ, Таймазовымъ, Турловымъ, Бековичамъ-Черкасскимъ и другимъ, а остальныя земли находились въ пользованіи аульныхъ обществъ, но были распредѣлены между ними крайне-неравномѣрно. Восточная, болѣе узкая, часть наибства, имѣющая въ нѣкоторыхъ мѣстахъ менѣе 2-хъ верстъ ширины и населенная гуще западной, была, кромѣ того, стѣснена еще участками частныхъ лицъ, а западная часть наибства, менѣе населенная и имѣющая въ ширину отъ 14 до 16 верстъ, была раздѣлена между аулами совершенно непропорціонально ихъ населенію, отчего излишнія земли у нѣкоторыхъ ауловъ не приносили никому никакой пользы.

Многочисленныя жалобы жителей Надтеречнаго наибства на невыгодное и недостаточное надѣленіе ихъ землею и вообще на отсутствіе порядка въ отношеніи пользованія землями, указывали на необходимость сколь-возможно-скорѣйшаго рѣшенія поземельнаго вопроса въ этой части края.

Поэтому, въ 1863 году, былъ составленъ подробный проектъ размежеванія земель Надтеречнаго наибства, по которому было опредѣлено предоставить въ надѣлъ аульнымъ обще-

ствамъ землю, среднимъ числомъ, по 33 десятины на каждый дворъ (за исключеніемъ одного аула Брагуны, которому, вслѣдствіе хорошаго качества занятыхъ имъ земель, назначено около 18 десятинъ на дворъ), а также предположено измѣнить границы нѣкоторыхъ участковъ, отведенныхъ въ собственность князьямъ, на что этими послѣдними было изъявлено согласіе, и кромѣ того, назначено въ каждой, вновь проектированной, аульной дачѣ количество запасной земли для новыхъ переселенцевъ въ Надтеречное наибство изъ Большой и Малой Чечни. Такимъ образомъ, по составленному проекту, кромѣ достаточнаго надѣленія землею 13 ауловъ Надтеречнаго наибства, заключавшихъ въ себѣ въ 1864 году 2331 дворъ, въ дачахъ этихъ ауловъ было назначено запасной земли, для новыхъ переселенцевъ, на 1012 дворовъ.

Проектъ этотъ въ 1864 году удостоенъ Высочайшаго утвержденія и, въ томъ-же году, приведенъ въ исполненіе, формальнымъ размежеваніемъ земель Надтеречнаго наибства средствами терской поземельной коммисіи. Составленные тогда-же межевые планы на всѣ земли Надтеречнаго наибства были впослѣдствіи внесены на разсмотрѣніе Кавказскаго Комитета и, по журналу Комитета, въ 13 день іюля 1868 года, Высочайше утверждены.

Чеченскій округъ.

Чеченскій округъ, служившій втеченіи нѣсколькихъ десятковъ лѣтъ главнымъ театромъ ожесточенной войны съ кавказскими горцами, представляетъ на каждомъ шагу памятники событій, увѣнчавшихъ славою войска кавказской арміи и многихъ изъ кавказскихъ героевъ. Кому изъ русскихъ не знакомо названіе *чеченецъ* и кто не слышалъ безчисленныхъ разсказовъ о дикой свободѣ этихъ обитателей Кавказа, о ихъ кровавыхъ подвигахъ, варварскихъ поступкахъ съ плѣнниками и объ ихъ закоренѣлой ненависти къ *гяурамъ*, невѣрнымъ?... Дорогою цѣною уступили чеченцы русскимъ свою свободу; но тѣмъ не менѣе русское правительство, покоривъ Кавказъ, перестало видѣть въ нихъ своихъ враговъ и съ такою-же заботливостію, какъ и о тѣхъ, которые были всегда покорными и преданными, принялось за гражданское устройство упорно-враждовавшихъ полудикихъ горскихъ племенъ. Обезсиленные продолжительностію войны и доведенные до сознанія, что дальнѣйшая борьба съ русскимм положительно не

возможна, чеченцы, а съ ними нѣкоторые другіе горцы, изъявили покорность; но, конечно, не могли, вмѣстѣ съ тѣмъ, сдѣлаться преданными русскимъ и съ довѣрчивостію относиться къ предпринимаемымъ правительствомъ заботамъ о ихъ благоустройствѣ. Поэтому-то всякая новая мѣра, не смотря на очевидную полезность ея для блага народа, вызывала въ такомъ населеніи броженіе умовъ и, не рѣдко, самые нелѣпые толки.

Установленіе-же новаго порядка владѣнія землями тѣмъ болѣе требовало особенной осторожности, что Чеченскій округъ, по малоземельности его, сравнительно съ населеніемъ, представлялъ въ этомъ отношеніи особыя затрудненія.

Чеченскій округъ граничитъ: съ запада землями 2 Владикавказскаго казачьяго полка, съ сѣвера землями 2 Сунженскаго казачьяго полка, съ востока Кумыкскимъ и Нагорнымъ округами и съ юга Ичкеринскимъ и Аргунскимъ округами. Въ предѣлахъ этого округа заключаются, главнымъ образомъ, плоскостныя земли, разстилающіяся длинною полосою у подножій сѣверныхъ предгорій главнаго Кавказскаго хребта, за исключеніемъ такъ называемой нагорной полосы (черныя горы), которая занимаетъ южную окраину Чеченскаго округа. Густота населенія Чеченскаго округа гораздо значительнѣе, чѣмъ въ другихъ горскихъ округахъ; но тучность почвы и богатая производительность чеченскихъ земель отчасти вознаграждаетъ недостатокъ количества этихъ земель.

Еще въ 1860 году генералъ-фельдмаршаломъ княземъ Барятинскимъ было объявлено чеченскому народу, что земли Чеченскаго округа будутъ распредѣлены между аулами въ пользованіе на общинномъ правѣ, за исключеніемъ лишь нѣсколькихъ участковъ, предназначенныхъ къ отводу частнымъ лицамъ, и нагорной полосы, служившей притономъ для хищническихъ партій и, поэтому, очищенной во время войны отъ горскаго населенія. Полоса эта, въ силу объявленія 1860 года, считаясь казенною, могла быть занимаема населеніемъ только для пастбищъ, подъ условіемъ не заводить въ ней никакой осѣдлости.

Хотя такимъ образомъ и предрѣшился будущій порядокъ землевладѣнія въ Чеченскомъ округѣ, но тѣмъ не менѣе до 1865 года было очевидно, что предоставить чеченцамъ, въ предѣлахъ округа, достаточный поземельный надѣлъ, по многочисленности населенія округа, сравнительно съ количествомъ земель, нѣтъ возможности.

Поэтому, а также и вслѣдствіе другихъ политическихъ соображеній, было рѣшено: не только не препятствовать стремленію нѣкоторыхъ чеченскихъ семействъ къ переселенію въ Турцію, но даже, временно, поощрять это стремленіе, оказавъ переселенцамъ денежныя пособія на путевыя издержки. По сдѣланному въ 1865 году соглашенію съ турецкимъ правительствомъ, Оттоманская Порта изъявила согласіе на принятіе переселенцевъ въ предѣлы Турціи, обязавшись водворить ихъ въ Малой Азіи, вдали отъ нашихъ границъ, у Діарбекира и Сиваса, и, въ силу этого, масса наиболѣе безпокойнаго и фанатичнаго чеченскаго населенія, въ числѣ 5 тысячъ семействъ, заключавшихъ въ себѣ до 20 тысячъ душъ обоего пола, втеченіи лѣта 1865 года, ушла на жительство въ Турцію, въ это могущественное и святое, по мнѣнію не бывшихъ еще тамъ горцевъ, государство.

Переселеніемъ чеченцевъ въ Турцію разрѣшеніе поземельнаго вопроса въ Чечнѣ значительно упростилось; но нельзя было упускать изъ виду, что и сосѣднее съ чеченцами казачье населеніе не достаточно надѣлено землею и должно получить необходимую прибавку земель *).

Затѣмъ, въ 1866 году, для уясненія существующихъ въ Чеченскомъ округѣ поземельныхъ отношеній и составленія предположеній о равномѣрномъ распредѣленіи земель этого округа между населеніемъ,—по распоряженію Его Высочества Главнокомандующаго, былъ образованъ особый временный отдѣлъ Терской Поземельной Коммисіи, который втеченіи лѣта 1866-же года производилъ повѣрку, подготовленной прежде, хозяйственной съемки земель Чеченской плоскости, приступилъ къ опредѣленію границъ округа со стороны казачьихъ земель и, въ концѣ тогоже года, представилъ нѣкоторыя свѣдѣнія вообще по поземельному вопросу въ округѣ и, въ частности,—данныя о правахъ кумыкскихъ князей и узденей на владѣніе частью земель Качкалыковскаго наибства, Чеченскаго округа, сопредѣльнаго съ Кумыкскимъ округомъ.

---

*) Для увеличенія поземельнаго надѣла казачьихъ станицъ предназначенъ потомъ бывшій Карабулакскій участокъ, принадлежавшій, по административному дѣленію, къ Ингушевскому округу и оставшійся послѣ переселенія чеченцевъ въ Турцію совершенно свободнымъ.

По разсмотрѣніи представленныхъ чеченскимъ отдѣломъ коммисіи свѣдѣній и данныхъ, между прочимъ, оказалось, что частію земель Качкалыковскаго наибства, въ количествѣ 13400 десятинъ, владѣютъ, или претендуютъ на владѣніе, кумыкскіе князья и уздени и что права ихъ на эти земли равносильны правамъ прочихъ княжескихъ и узденьскихъ фамилій, во владѣніе которыхъ назначено уже около половины всѣхъ земель Кумыкскаго округа; а потому Его Высочество изволилъ найти совершенно справедливымъ признать владѣльческія земли Качкалыковскаго наибства принадлежащими кумыкскимъ князьямъ и узденямъ, на условіи безвозмезднаго выдѣла изъ тѣхъ земель половиннаго количества ихъ въ надѣлъ народу, подобно тому, какъ производился раздѣлъ земель между владѣльцами и народомъ въ Кумыкскомъ округѣ; но такъ какъ закрѣпленіе за кумыкскими землевладѣльцами остальной половины владѣльческихъ участковъ крайне стѣснило-бы поземельный надѣлъ жителей Качкалыковскаго наибства и даже потребовало-бы перенесенія усадебныхъ осѣдлостей нѣкоторыхъ ауловъ на новыя мѣста, то Его Высочество, 6-го апрѣля 1867 года, разрѣшилъ мѣстному начальству войти въ соглашеніе съ кумыкскими землевладѣльцами, объ уступкѣ, продажею въ казну, имѣющей достаться имъ, при раздѣлѣ владѣльческихъ участковъ въ Качкалыковскомъ наибствѣ, остальной половины этихъ участковъ, всего около 6,700 десятинъ.

На основаніи такого разрѣшенія, лѣтомъ 1867 года, пріобрѣтены покупкою у кумыкскихъ землевладѣльцевъ остальныя 6700 десятинъ, по 3 руб. за каждую десятину, и, по приказанію Его Высочества, присоединены къ общему количеству земель, предназначаемыхъ для надѣла поаульно жителей Чеченскаго округа, съ тѣмъ, чтобы, при составленіи проекта распредѣленія земель въ аульныя дачи, имѣлся въ виду, по возможности, равномѣрный надѣлъ всѣхъ жителей округа *).

*) Въ 1867 же году Его Высочествомъ сдѣлано распоряженіе о томъ, чтобы назначенные разновременно въ Чеченскомъ округѣ, бывшимъ главнокомандующимъ генералъ-фельдмаршаломъ княземъ Барятинскимъ, и уже предоставленные въ пользованіе участки земли: полковникамъ Касиму-Курумову и Арцу-Чермоеву, по 556 десятинъ каждому, и маіору Батѣ-Шамурзаеву, 576½ десятинъ, были обмежеваны въ томъ именно количествѣ, въ какомъ были назначены княземъ Барятинскимъ участки каждому изъ этихъ лицъ, и чтобы могущій оказаться въ занятыхъ ими участкахъ излишекъ земель былъ обращенъ въ число земель, назначаемыхъ для аульныхъ надѣловъ. Кромѣ этихъ трехъ участковъ, предоставленныхъ въ Чеченскомъ округѣ, впредь до по-

Втеченіи послѣдняго времени чеченскій отдѣлъ коммисіи, продолжая подготовительныя работы, для окончательнаго проекта распредѣденія чеченскихъ земель, затруднился въ разрѣшеніи двухъ вопросовъ: 1) возможно-ли включить въ число земель, подлежащихъ въ надѣлъ ауламъ, земли Чеченскаго округа на правомъ берегу р. Сунжи, предоставленныя, частными распоряженіями начальствующихъ лицъ, въ пользованіе сосѣдняго казачьяго населенія, а также и земли, отведенныя близь укр. Воздвиженскаго войскамъ для покосовъ,—и 2) можно-ли, при проектированіи аульныхъ надѣловъ, брать въ расчетъ часть земель нагорной полосы Чеченскаго округа?

Для разъясненія этихъ вопросовъ и вообще для составленія программы дальнѣйшихъ занятій чеченскаго отдѣла коммисіи, въ маѣ мѣсяцѣ 1868 года, былъ составленъ Начальникомъ Терской области, генералъ-адъютантомъ Лорисъ-Меликовымъ, подъ его предсѣдательствомъ, особый комитетъ, въ кр. Грозной.

Предсѣдатель и члены этого комитета, обсудивъ возникшіе вопросы, пришли къ заключенію, что изъятіе изъ пользованія казаковъ занятыхъ уже ими земель, на правомъ берегу р. Сунжи, не соотвѣтствуя политическимъ видамъ правительства, сопряжено, по многимъ причинамъ, съ величайшими затрудненіями и что передача чеченцамъ казенныхъ земель, близь укр. Воздвиженскаго, была-бы также крайне-нерасчетливою мѣрою, такъ какъ, безъ сомнѣнія, будетъ весьма полезно водворить на этихъ земляхъ значительное русское поселеніе. Что-же касается нагорной полосы, то, такъ какъ надѣлъ чеченцевъ одною плоскостною землею былъ-бы крайне скуденъ, комитетъ предположилъ включить въ число земель, подлежащихъ къ отводу аульнымъ обществамъ, ту часть нагорной полосы, на которой уже произведена расчистка лѣсовъ и, кромѣ того, призналъ полезнымъ ходатайствовать о разрѣшеніи чеченцамъ производить въ нагорной полосѣ расчистку тала (полянъ), подобно тому, какъ это допущено въ Ичкеринскомъ и Нагорномъ округахъ, но съ тѣмъ, чтобы при этомъ сохранялись во всей силѣ прежнія распоряженія о воспрещеніи чеченцамъ заводить осѣдлость въ нагорной полосѣ.

жалованія, частнымъ лицамъ, согласно предположеній князя Барятинскаго и ходатайству Его Высочества, пожалованъ уже бывшему начальнику Чеченскаго округа, полковнику Бѣлику, участокъ земли, близь кр. Грозной, въ количествѣ 1017 десятинъ.

Въ отношеніи-же занятій чеченскаго отдѣла коммисіи, комитетъ положилъ, что втеченіи лѣта 1868 года чеченскій отдѣлъ коммисіи, къ усиленію состава котораго будутъ приняты необходимыя мѣры, долженъ окончить обмежеваніе земель частныхъ собственниковъ, приступить къ опредѣленію границъ Чеченскаго округа съ землями Ичкеринскаго и Аргунскаго округовъ и составить хозяйственное описаніе земель, находящихся въ пользованіи чеченскихъ ауловъ; а втеченіи зимы $18^{68}/_{69}$ г., руководствуясь подробною съемкою земель и хозяйственнымъ ихъ описаніемъ,—составить подробный проектъ новаго уравнительнаго распредѣленія земель между аулами, соображаясь съ качествами почвы занятыхъ аулами земель и числительностію населенія ауловъ, а также, имѣя при этомъ въ виду, чтобы весною или лѣтомъ 1869 года было уже возможно приступить къ полевымъ работамъ, по указанію ауламъ новыхъ границъ аульныхъ дачъ.

Его Высочество Главнокомандующій, одобривъ предположенія комитета, изволилъ разрѣшить включить въ надѣлъ необходимую, по усмотрѣнію чеченскаго отдѣла коммисіи, часть нагорной полосы, прилегающей къ плоскости, на которой уже произведена чеченцами расчистка полянъ изъ-подъ лѣса; а равно озволить чеченцамъ, въ видахъ увеличенія поземельнаго ихъ надѣла, производить въ нагорной полосѣ, внѣ той части ея, которая поступитъ въ аульные надѣлы, расчистку изъ-подъ лѣса участковъ, съ тѣмъ, чтобы во избѣжаніе вреда, который можетъ быть нанесенъ отъ произвольной и нерасчетливой порубки лѣса, были заблаговременно опредѣлены и указаны жителямъ тѣ раіоны, въ которыхъ предоставляется каждому производить расчистку участковъ.

Такимъ образомъ, въ близкомъ будущемъ, будетъ устроенъ окончательно поземельный бытъ населенія Чеченскаго округа. На основаніи уже имѣющихся нынѣ данныхъ можно сказать, что чеченцы получатъ въ надѣлъ не такъ мало земли, какъ это казалось прежде, и что уравнительное распредѣленіе земель между аулами, а также опредѣленность права каждаго члена аульнаго общества на владѣніе землею, безъ сомнѣнія, вызоветъ болѣе усовершенствованную обработку чеченскихъ земель, вполнѣ удобныхъ для высшей сельско-хозяйственной культуры и, тѣмъ самымъ, послужитъ къ развитію въ населеніи матеріальнаго благосостоянія, которымъ, главнымъ образомъ, обусловливается и нравственное развитіе каждаго общества.

Нагорный, Ичкеринскій и Аргунскій округа и Горскій участокъ Ингушевскаго округа.

Округа эти и участокъ занимаютъ нагорную полосу восточной части Терской области, между рр. Терекомъ и Сулакомъ, ограниченную съ юга Главнымъ и Андійскимъ хребтами.

Въ раіонъ Нагорнаго и Ичкеринскаго округовъ входятъ сѣверо-восточныя покатости Андійскаго хребта, представляющія сплошной рядъ параллельно-тянущихся ущелій и горныхъ отроговъ; а Аргунскій округъ, ограниченный съ юга вершинами Андійскаго хребта, занимаетъ большія и глубокія горныя ущелья, служащія бассейнами рр. Чанты-Аргуна и Шаро-Аргуна, и большую, наклонную къ сѣверу, горную котловину, при истокахъ р. Гехи.

Главный промыселъ населенія этихъ округовъ составляетъ скотоводство.

Горскій участокъ Ингушевскаго округа состоитъ изъ двухъ большихъ горныхъ котловинъ (Галгай и Джерахъ), замкнутыхъ съ юга высокими отрогами главнаго хребта, а съ сѣвера—скалистыми хребтами Цорой-Ламъ и Голахой-Ламъ. Характеристикою мѣстности этого участка служатъ: горныя трущобы, въ которыхъ гнѣздится населеніе, обнаженныя скалы и скудная почва земель по боковымъ скатамъ ущелій. Населеніе Горскаго участка не имѣетъ достаточнаго количества земель ни для пахоты, ни даже для пастбищъ, а потому и находится въ крайней бѣдности, хотя тѣмъ не менѣе глубоко привязано къ своему родному убѣжищу.

Къ разрѣшенію поземельныхъ вопросовъ въ горныхъ мѣстностяхъ Терской области еще не приступлено и существующій тамъ порядокъ пользованія землями, основываемый на мѣстномъ обычаѣ, поддерживается пока нашею администраціею, до времени, когда представится возможность ближе и подробнѣе вникнуть въ сущность этого порядка и установить, если окажется необходимымъ, нѣкоторыя измѣненія въ немъ, въ видахъ обезпеченія нуждъ населенія. Для успокоенія-же умовъ жителей нагорныхъ мѣстностей, Его Высочествомъ, въ 1865 году, при обложеніи туземцевъ государственною податью, было объявлено имъ, что земли, на которыхъ они проживаютъ, останутся на всегда въ ихъ пользованіи и что права на эти земли будутъ

признаваемы за ними ненарушимо, доколѣ они будутъ сохранять вѣрность правительству.

Считаемъ нелишнимъ заявить здѣсь частное мнѣніе, что разрѣшеніе вопроса о поземельныхъ правахъ населенія въ горныхъ мѣстностяхъ Терской области, по всей вѣроятности, будетъ обусловлено лишь, во первыхъ, сборомъ свѣдѣній о количествѣ и качествѣ земель, принадлежащихъ каждому аулу, съ подраздѣленіемъ—какія земли составляютъ частную и какія общественную аульную собственность; во-вторыхъ, сборомъ-же свѣдѣній о существующемъ у каждаго аульнаго общества порядкѣ землевладѣнія; въ третьихъ, въ разборѣ правъ поземельнаго владѣнія тѣхъ аульныхъ обществъ, которыя, стѣсняя своихъ сосѣдей, занимаютъ земли даже въ излишнемъ количествѣ противу дѣйствительной потребности; и, наконецъ, въ четвертыхъ, въ составленіи соображеній о томъ, не представляется-ли необходимымъ измѣнить существующій у нѣкоторыхъ аульныхъ обществъ порядокъ землевладѣнія, какъ не соотвѣтствующій условіямъ экономическаго быта жителей аула, или-же несправедливо ограничивающій права нѣкоторыхъ членовъ аульнаго общества и жителей сосѣдняго аула. Производство-же подробныхъ съемокъ земель и затѣмъ формальнаго межеванія, какъ это дѣлается въ плоскостныхъ мѣстностяхъ, гдѣ земли имѣютъ особую цѣнность, едва-ли будетъ признано необходимымъ, ибо для этого потребовались-бы, во-первыхъ, громадныя денежныя издержки и, во-вторыхъ, цѣлые десятки лѣтъ времени, а между тѣмъ, если принять въ соображеніе, что почти всѣ, сколько нибудь цѣнные, участки пахотныхъ или покосныхъ земель въ горахъ огорожены прочно каменными или плетневыми заборами, или-же наконецъ естественными рубежами, то будетъ совершенно понятно, что для межеванія въ горахъ нѣтъ мѣста. Конечно, найдется незначительное число участковъ, которые нужно обмежевать и выдать владѣльцамъ ихъ планы, но это все-таки, по всей вѣроятности, будетъ исключеніемъ.

Вслѣдствіе недостатка пахотныхъ земель въ горныхъ мѣстностяхъ Терской области, а также и въ видахъ открытія доступа въ лѣсистыя мѣстности этого края, нерѣдко служащія притономъ для злонамѣренныхъ людей,—по распоряженію генералъ-фельдмаршала князя Барятинскаго, въ 1860 году, было разрѣшено жителямъ Ичкеринскаго и Нагорнаго округовъ, согласно желанію ихъ, производить расчистку земель изъ-подъ лѣса, съ

тѣмъ условіемъ, чтобы каждый расчистившій въ указанномъ размѣрѣ лѣсной участокъ получалъ его въ вѣчное и потомственное свое владѣніе.

Это распоряженіе князя Барятинскаго, подтвержденное Его Высочествомъ Главнокомандующимъ, по журналу Кавказскаго Комитета, отъ 23 іюля 1868 года, удостоено Высочайшаго утвержденія.

Благодаря этому, жители Ичкеринскаго и Нагорнаго округовъ, дѣятельно принявшись за расчистку лѣсныхъ участковъ, пріобрѣтутъ этимъ возможность производить болѣе значительные, сравнительно съ прежними, посѣвы хлѣба, что конечно будетъ служить не малымъ улучшеніемъ ихъ быта. Въ видахъ-же того, чтобы расчистка лѣсовъ соотвѣтствовала цѣли, по приказанію Его Высочества, принято за правило: допускать расчистку лѣсовъ преимущественно въ окрестностяхъ большихъ дорогъ и въ такихъ мѣстахъ, въ которыхъ съ расчисткою лѣсовъ могутъ быть открыты новые пути сообщенія, а также, чтобы къ расчисткѣ предназначались участки не отдѣльными, разбросанными въ лѣсу полянами, а цѣлыми группами участковъ, ибо только при такомъ условіи расчищаемыя изъ-подъ лѣса мѣстность можетъ сдѣлаться доступнѣе и принести ожидаемую отъ расчистки лѣсовъ пользу.

Сдѣланныя Его Высочествомъ Главнокомандующимъ Арміею распоряженія по поземельному устройству туземцевъ Осетинскаго и Кумыкскаго округовъ, Назрановскаго и Мало-Кабардинскаго обществъ, а также и предпринятыя основанія для разрѣшенія поземельнаго вопроса въ Чеченскомъ округѣ, — были внесены, установленнымъ порядкомъ, на разсмотрѣніе Кавказскаго Комитета и, по журналу Комитета, въ 12 день ноября 1867 года, Высочайше одобрены.

По Кубанской области.

Главная масса туземныхъ племенъ, населявшихъ Закубанскій край, втеченіи 1863 — 1864 годовъ, т. е. во время покоренія Западнаго Кавказа, переселилась, въ числѣ болѣе 400 т. душъ, на жительство въ Турцію, а остатки этихъ племенъ, частію прежде и частію при окончаніи войны, выселены къ р. Кубани, на лѣвой сторонѣ которой былъ опредѣленъ въ 1862 году особый раіонъ земель для горскихъ поселеній.

Оставшееся въ Кубанской области горское населеніе, всего до 80 т. душъ обоего пола, будучи разбросано на весьма большомъ пространствѣ нѣсколькими группами, въ настоящее время раздѣлено въ административномъ отношеніи на пять округовъ: Псекупскій, Лабинскій, Урупскій, Зеленчукскій и Эльборусскій, изъ коихъ населеніе только послѣдняго округа, состоящее изъ давно покорнаго намъ Карачаевскаго общества, не подверглось общему перемѣщенію, что дало карачаевцамъ возможность сохранить установившееся у нихъ временемъ и обычаемъ право поземельной собственности; населеніе-же остальныхъ округовъ, собранное изъ остатковъ различныхъ туземныхъ племенъ Закубанскаго края, не имѣло опредѣленныхъ правъ на владѣніе землею.

Горскіе округа Кубанской области граничатъ: Псекупскій— съ сѣвера р. Кубанью, съ востока р. Пшишемъ, съ юга землями № 25 и Псекупскаго полковъ Кубанскаго казачьяго войска и съ запада р. Афипсомъ, землями Абинскаго казачьяго полка и землями частныхъ владѣльцевъ; Лабинскій — съ сѣвера рр. Кубанью и Лабою, съ востока р. Лабою, съ юга землями № 22 и 23 казачьихъ полковъ и съ запада р. Бѣлою; Урупскій и Зеленчукскій—съ сѣвера и востока р. Кубанью, а съ юга и запада землями 4, 5 и 6 бригадъ Кубанскаго казачьяго войска, и Эльборусскій— съ сѣвера казенными землями, съ востока Кабардинскимъ округомъ Терской области, съ юга Кутаисскою губерніею и Сухумскимъ отдѣломъ и съ запада свободными землями нагорной полосы.

Такимъ образомъ всѣ пять округовъ непредставляютъ сплошной полосы земель, населенныхъ горцами и, кромѣ того, населеніе первыхъ 4 округовъ совершенно отрѣзано отъ нагорной полосы области цѣлымъ рядомъ казачьихъ станицъ.

Лучшія, какъ по богатству природы, такъ и по красотѣ мѣстности, земли Закубанскаго края не вошли въ раіонъ горскихъ округовъ и достались, большею частію, въ надѣлъ казакамъ;

земли-же, вошедшія въ раіонъ горскихъ округовъ, въ особенности въ раіонъ Урупскаго и Зеленчукскаго, вслѣдствіе истребленія въ этихъ округахъ лѣсовъ, подвержены большей части неблагопріятныхъ условій, свойственныхъ степнымъ мѣстностямъ. Впрочемъ, въ Псекупскомъ и кое-гдѣ въ Лабинскомъ и Эльборусскомъ округахъ сохранились еще лѣса, но за то мѣстность перваго округа принадлежитъ къ наиболѣе низменнымъ частямъ прикубанской равнины и потому не рѣдко подвергается, во время дождей въ горахъ, столь значительнымъ и внезапнымъ наводненіямъ отъ разлива рѣкъ, что застигнутое въ расплохъ населеніе нѣкоторыхъ ауловъ бываетъ вынуждаемо спасаться отъ воды въ теченіи нѣсколькихъ дней на деревьяхъ, — тогда какъ населеніе другихъ округовъ страдаетъ отъ лѣтнихъ засухъ; а въ послѣднемъ, Эльборусскомъ округѣ весьма значительное пространство занято безплодными скалами, недоступными горными трущобами и частію вѣчными ледниками.

По предположеніямъ главнаго кавказскаго начальства, горское населеніе Кубанской области, въ отношеніи права его на полученіе поземельнаго надѣла, въ 1861 году было раздѣлено на 3 категоріи, съ тѣмъ чтобы лицамъ 1 и 2 категорій, пользующимся, какъ по личнымъ заслугамъ, такъ и по родовому происхожденію, почетнымъ положеніемъ въ народѣ, выдѣлять, соотвѣтственно значенію каждой фамиліи, участки въ частную собственность, а лицамъ 3 категоріи—людямъ простаго происхожденія, составляющимъ свободный классъ народа,—предоставить достаточное количество земли нераздѣльными участками въ пользованіе цѣлыхъ ауловъ на общинномъ правѣ. — Затѣмъ, положеніемъ о заселеніи предгорій Западнаго Кавказа, Высочайше утвержденнымъ въ 1862 году, сообразно предназначенному для горцевъ тѣмъ-же положеніемъ количеству земли и предполагавшейся тогда численности закубанскаго горскаго населенія, была опредѣлена для горцевъ Кубанской области приблизительная норма душеваго надѣла,—по 5¹/₂ десятинъ на душу мужескаго пола, за исключеніемъ крестьянъ, для которыхъ вовсе не было назначено надѣла, въ томъ предположеніи, что они останутся на участкахъ, предоставляемыхъ въ надѣлъ ихъ владѣльцамъ.

Согласно этимъ предположеніямъ и на основаніи лично даннаго Государемъ Императоромъ, въ бытность Его Величества въ 1861 году въ Кубанской области, разрѣшенія, втеченіи 1862 и 1863 г., въ раіонѣ нынѣшняго Урупскаго и Зеленчук-

скаго округовъ было отмежевано въ потомственное владѣніе почетныхъ туземцевъ, причисленныхъ къ лицамъ 1 категоріи, показанное ниже, на стр. 70—72, количество земли. — Къ надѣленію же землею лицъ 2 и 3 категоріи, по неустановившемуся тогда, вслѣдствіе продолжавшейся войны съ закубанскими горцами, положенію края, приступлено не было, тѣмъ болѣе, что назначенная для аульныхъ обществъ норма надѣла, по $5^1/_2$ десятинъ на душу муж. пола, при существующей у закубанскихъ горцевъ системѣ веденія хозяйства, оказалась крайне-недостаточною. Производя, почти исключительно, посѣвы проса и лишь частію кукурузы и овса, горцы Кубанской области только въ послѣднее время, благодаря дѣятельнымъ стараніямъ мѣстной администраціи, стали производить посѣвы пшеницы и ржи и заниматься разведеніемъ огородныхъ овощей; но такъ какъ хорошіе урожаи проса обусловливаются посѣвами его на свѣжей землѣ, то горцы, дѣлая ежегодно новыя распашки земли и не производя озимыхъ посѣвовъ хлѣба, неизбѣжно должны были бы при этомъ терпѣть недостатокъ въ землѣ, ибо распаханная и засѣянная просомъ земля втеченіи слѣдующаго года, или двухъ лѣтъ, часто не приноситъ имъ никакой пользы, оказываясь въ это время негодною даже для пастбы скота.

Принимая въ соображеніе недостаточность выше приведенной нормы надѣла для простаго сословія, а также и то обстоятельство, что въ раіонѣ горскихъ округовъ осталось за выселеніемъ горцевъ въ Турцію довольно большое количество свободныхъ земель, Его Высочество Главнокомандующій призналъ возможнымъ увеличить противу вышеприведенной нормы размѣръ душеваго надѣла лицъ 3 категоріи, а также надѣлить землею всѣхъ крестьянъ, состоявшихъ въ крѣпостной зависимости у князей, узденей и другихъ лицъ свободнаго происхожденія и, 18-го апрѣля 1865 года, предписалъ Начальнику Кубанской области приступить къ распредѣленію предназначенныхъ для горцевъ Кубанской области земель (за исключеніемъ Эльборусскаго округа), на слѣдующихъ главныхъ основаніяхъ:

1) Всѣ свободные люди, отнесенные къ 3 категоріи и живущіе отдѣльными аулами, или водворенные на участкахъ, занятыхъ лицами 1 категоріи, должны быть надѣлены землею въ общинное пользованіе, въ размѣрахъ и на основаніяхъ, опредѣленныхъ нижеизложенными пунктами.

2) Всѣ крестьяне или холопы (безъ различія видовъ

зависимости ихъ отъ владѣльцевъ), состоящіе во владѣніи лицъ 1, 2 и 3 категорій, должны получить поземельный надѣлъ наравнѣ съ свободными людьми, отнесенными къ 3 категоріи.

3) Распредѣленіе по ауламъ вольныхъ людей, отнесенныхъ къ 3 категоріи и нынѣ водворенныхъ на участкахъ, отмежеванныхъ лицамъ 1 категоріи, произвести по ближайшему усмотрѣнію Начальника Кубанской области и, въ случаѣ надобности, образовать изъ этихъ людей новые аулы.

4) При надѣленіи землею лицъ, состоящихъ въ крѣпостной зависимости, отводимые имъ участки должны быть пріурочены или къ участкамъ настоящихъ ихъ владѣльцевъ (если владѣльцы получатъ участки въ частную собственность), или къ дачамъ аульныхъ обществъ, смотря по тому какъ это будетъ признано болѣе удобнымъ по мѣстнымъ условіямъ.

5) Сообразно качеству почвы въ различныхъ мѣстностяхъ горскихъ округовъ Кубанской области, долженъ быть принятъ различный размѣръ душеваго надѣла для свободныхъ людей, отнесенныхъ къ 3 категоріи, и для состоящихъ въ крѣпостной зависимости, а именно:

а) Въ Псекупскомъ и Лабинскомъ округахъ—девять десятинъ на каждую душу мужескаго пола, съ тѣмъ, чтобы въ Псекупскомъ округѣ былъ допущенъ девяти-десятинный надѣлъ только въ томъ случаѣ, ежели, за отдѣленіемъ въ собственность казны участковъ крупнаго строеваго лѣса, окажется для такого надѣла достаточное количество земли.

б) Въ сѣверной части Урупскаго округа, лежащей при р. Кубани, ниже устья р. Урупа, — десять десятинъ на каждую душу мужескаго пола.

в) Въ остальной части Урупскаго округа, между рр. Кубанью и Урупомъ, а также и въ сѣверной части Зеленчукскаго округа, по низовьямъ Зеленчука,—двѣнадцать десятинъ на каждую душу мужескаго пола.

г) Для ауловъ южной части Зеленчукскаго округа, водворенныхъ по Малому Зеленчуку,—четырнадцать десятинъ на каждую душу мужескаго пола.

д) Для всѣхъ абазинскихъ ауловъ, водворенныхъ на Кумѣ,—двѣнадцать десятинъ на каждую душу мужескаго пола.

6) Нормальный надѣлъ этотъ принимать за основаніе при удобной землѣ, пригодной для пастбы, сѣнокошенія и пахоты,—составляя при этомъ, соображаясь съ мѣстными условіями, пред-

положенія о томъ, въ какой соразмѣрности неудобныя земли должны поступать въ число десятинъ нормальнаго надѣла.

7) Прилегающіе къ ауламъ выгоны и земли, подъ аульными усадьбами находящіяся, а также и лѣсные участки, въ тѣхъ мѣстахъ гдѣ существуютъ лѣса, должны приниматься за удобныя земли и поступать въ счетъ десятинъ, исчисляемыхъ для аульныхъ надѣловъ.

Вслѣдъ затѣмъ, признавая совершенно справедливымъ предоставить, кромѣ участковъ, отведенныхъ въ 1862 и 1863 годахъ лицамъ 1 категоріи, другимъ туземцамъ, пользующимся по родовому своему праву и личнымъ заслугамъ почетнымъ положеніемъ, поземельные надѣлы въ размѣрѣ, увеличенномъ противъ общей нормы душеваго надѣла лицъ 3 категоріи, Его Высочество разрѣшилъ Начальнику Кубанской области: составить списки таковымъ туземцамъ всѣхъ горскихъ округовъ Кубанской области и опредѣлить количество земли, которое должно быть предоставлено сказаннымъ лицамъ, обращая при этомъ главное вниманіе не столько на происхожденіе этихъ лицъ, сколько на ихъ личныя заслуги, полезное для насъ вліяніе на народъ и преданность правительству.

Для осуществленія вышеприведенныхъ предположеній о надѣленіи землею горцевъ Кубанской области, удостоенныхъ по журналу Кавказскаго Комитета отъ 7 ноября 1867 года Высочайшаго утвержденія, было приступлено къ производству хозяйственной съемки земель горскихъ округовъ; но такъ какъ представлялось очевиднымъ, что въ Урупскомъ и Зеленчукскомъ округахъ, по малочисленности оставшагося туземнаго населенія, сравнительно съ пространствомъ этихъ округовъ должно оказаться значительное количество свободныхъ земель, то еще въ 1866 году, не ожидая составленія окончательнаго проекта нарѣзки земель въ надѣлъ туземному населенію, съ разрѣшенія Его Высочества, были допущены къ водворенію въ этихъ округахъ переселившіеся на Кавказъ изъ разныхъ мѣстъ Имперіи русскіе крестьяне и нѣмецкіе колонисты, изъ коихъ въ настоящее время образовано 6 русскихъ селеній, заключающихъ въ себѣ около 8 т. душъ обоего пола, и 4 *) нѣмецкихъ колоніи, всего въ числѣ 278 дворовъ, и,

*) Колонисты одной изъ этихъ колоній, а именно Ольгинской, въ числѣ 150 дворовъ, самовольно переселившіеся въ Кубанскую область изъ саратовскихъ и самарскихъ колоній, не успѣвъ въ своемъ домогательствѣ о

кромѣ того, въ Урупскомъ округѣ, въ силу предварительно-испрошеннаго Высочайшаго соизволенія, были предназначены земли къ пожалованію разнымъ лицамъ за службу на Кавказѣ.

Затѣмъ, по окончаніи хозяйственной съемки Урупскаго и Зеленчукскаго округовъ, втеченіи 1867 года, подъ руководствомъ помощника начальника Кубанской области по управленію горцами, полковника Дукмасова, составленъ подробный проектъ нарѣзки земель въ надѣлъ туземному населенію этихъ округовъ и образованнымъ въ нихъ изъ прибывшихъ переселенцевъ поселеніямъ. Проектъ этотъ, одобренный Его Высочествомъ, былъ внесенъ на разсмотрѣніе Кавказскаго Комитета и, по журналу Комитета отъ 11 іюня 1868 года, удостоенъ Высочайшаго утвержденія. Поэтому, въ настоящее время, въ отношеніи надѣленія землею населенія Урупскаго и Зеленчукскаго округовъ, необходимо лишь произвести формальное размежеваніе земель, согласно утвержденнаго въ законодательномъ порядкѣ проекта нарѣзки участковъ, къ чему предположено приступить съ весны 1869 года.

По Высочайше утвержденному проекту, всѣ земли Урупскаго и Зеленчукскаго округовъ распредѣляются такимъ образомъ:

Урупскаго округа.

Такъ называемая нижняя часть этого округа, лежащая ниже впаденія въ Кубань р. Урупа:

1) Въ 7 участкахъ, отмежеванныхъ въ 1862—1863 годахъ туземцамъ 1 категоріи............. 26,257 дес.

2) Въ участкѣ, отведенномъ нѣмецкой Семеновской колоніи............................ 3,000 —

3) Въ 2-хъ дачахъ, предназначенныхъ къ отводу образовавшимся изъ русскихъ крестьянъ селеніямъ. по 7 т. десят. каждая.................. 14,000 —

предоставленіи имъ на новомъ мѣстѣ водворенія колонистскихъ правъ, въ 1868 году заявили о своемъ несогласіи оставаться на отведенной для нихъ землѣ въ Урупскомъ округѣ; вслѣдствіе чего, по приказанію Его Высочества, и сдѣлано распоряженіе о томъ, чтобы на землѣ, отведенной для Ольгинской колоніи, весною 1869 года, было образовано село изъ русскихъ крестьянъ, прибывшихъ уже въ Кубанскую область.

4) Въ дачѣ, предназначенной въ надѣлъ армянскому Армовирскому аулу *) .... 23,405 —

5) Въ участкахъ, частію пожалованныхъ и уже отмежеванныхъ и частію предназначенныхъ къ пожалованію разнымъ лицамъ за службу на Кавказѣ, около .... 90,000 —

Итого около 156,662 дес.

Верхняя часть округа, лежащая выше впаденія въ Кубань р. Урупа, до границъ Зеленчукскаго округа:

1) Въ 2-хъ участкахъ, отведенныхъ въ 1862 году туземцамъ 1 категоріи .... 3,869 дес.

2) Въ участкѣ, Высочайше пожалованномъ генералъ-маіору Абдрахманову .... 3,500 —

3) Въ дачахъ, назначенныхъ, согласно опредѣленной Главнокомандующимъ нормы, въ надѣлъ 5 ауламъ .... 30,306 —

4) Въ дачахъ, назначенныхъ, согласно той же нормы, въ надѣлъ для 2 русскихъ селеній и для бывшей Ольгинской колоніи .... 23,256 —

5) Въ 42 участкахъ, вновь предназначенныхъ въ надѣлъ почетнымъ туземцамъ 1 и 2 категорій.. 14,753 —

6) Свободной земли, предназначенной къ распредѣленію на участки и къ отводу разнымъ лицамъ за службу на Кавказѣ, согласно состоявшихся Высочайшихъ пожалованій .... 38,000 —

7) Въ запасномъ участкѣ .... 3,566 —

Итого . 117,250 —

Всего въ Урупскомъ округѣ около 273,910 —

---

*) Армянскій Армовирскій аулъ образовался изъ разновременно выходившихъ къ намъ отъ закубанскихъ горцевъ — горскихъ армянъ, при чемъ жители этого аула, какъ въ отношеніи отбыванія повинностей, такъ и въ отношеніи управленія, всегда подчинялись одинаковому съ горцами положенію. При надѣленіи-же армянъ Армовирскаго аула землею, рѣшено оставить въ ихъ пользованіи занятую уже ими дачу, составляющую полуторный противу горцевъ надѣлъ, но съ тѣмъ чтобы армяне вносили въ полуторномъ противу горцевъ размѣрѣ государственную подать.

Зеленчукскаго округа:

1) Въ дачахъ и дополнительныхъ къ нимъ участкахъ, назначенныхъ въ надѣлъ, согласно нормы, 21 аулу	95,131 дес.
2) Въ дачахъ, назначенныхъ для 2 нѣмецкихъ колоній и для 2 русскихъ селеній, образованныхъ изъ прибывшихъ въ область пересенцевъ	20,211 —
3) Въ участкѣ, назначенномъ для окружнаго стана	577 —
4) Въ лѣсномъ участкѣ, оставленномъ въ нераздѣльномъ пользованіи населенія	1,795 —
5) Въ 15 участкахъ, отмежеванныхъ въ 1862—1863 годахъ почетнымъ туземцамъ 1 категоріи	18,000 —
6) Въ 2 участкахъ, пожалованныхъ генералъ-маіору Забудскому и поручику Ліеву	4,574 —
7) Въ 65 участкахъ, вновь назначенныхъ въ надѣлъ почетнымъ туземцамъ 1 и 2 категоріи	29,343 —
8) Въ участкахъ, назначенныхъ въ надѣлъ почетнымъ туземцамъ Терской области	15,000*)—
9) Въ 2 запасныхъ участкахъ	5,590 —
10) Въ участкѣ, отведенномъ колонистамъ Реймеру и Классену для разведенія образцовыхъ садовъ.	40 —
Итого	190,261 —

Вышеприведеннымъ распредѣленіемъ земель вполнѣ обезпечивается все населеніе Урупскаго и Зеленчукскаго округовъ. Простому народу, вошедшему въ составъ аульныхъ обществъ, предоставляется совершенно достаточное количество земли въ пользованіе на общинномъ правѣ, а лицамъ привиллегированнаго сословія, а также и тѣмъ, которые хотя и принадлежатъ къ простому сословію, но получили на службѣ офицерскіе чины,—назначены въ частную собственность особые участки, большею частію нераздѣльно, для цѣлой фамиліи. Величина участковъ, для каждой фамиліи и для отдѣльныхъ лицъ, опредѣлялась, за незначительными исключеніями, такимъ образомъ: лицамъ, имѣющимъ офицер-

*) Изъ этой земли предназначено: 6 т. десятинъ, по особымъ заслугамъ, кабардинскимъ уроженцамъ и 9 т. десятинъ наиболѣе почетнымъ тагаурскимъ алдарамъ, для надѣла которыхъ, какъ сказано выше, недостало въ Тагауріи земли.

скіе чины, назначалось, собственно за службу,—штабъ-офицерамъ по 400 десятинъ, а оберъ-офицерамъ по 200 десятинъ и, независимо оттого, офицерамъ, происходящимъ изъ почетныхъ фамилій, добавлялась земля, смотря по ихъ происхожденію; при опредѣленіи же величины участка для цѣлой фамиліи принималось за основаніе: назначать одному изъ членовъ каждой фамиліи (старшему) надѣлъ, соотвѣтственно родовымъ правамъ надѣляемой фамиліи и значенію ея въ народѣ *), и, къ назначенному надѣлу, добавлять по 30 десятинъ на каждаго изъ второстепенныхъ членовъ фамилій, послѣ чего получалась такимъ образомъ величина общаго для каждой фамиліи участка. Для предупрежденія-же въ будущемъ споровъ между членами фамиліи за право участія каждаго члена въ пользованіи фамильнымъ участкамъ, а также и въ виду того, что съ выдѣломъ участковъ лицамъ и фамиліямъ, отнесеннымъ къ 1 и 2 категоріямъ, возникаетъ вопросъ о порядкѣ владѣнія этими участками и о порядкѣ отчужденія и наслѣдованія земли, Его Высочество Главнокомандующій изволилъ дать по этому предмету предписаніе Начальнику Кубанской области слѣдующаго содержанія:

1) Участки, имѣющіе быть выдѣленными почетнымъ туземцамъ не по происхожденію ихъ, а за службу, должны составлять въ полномъ размѣрѣ своемъ частную собственность тѣхъ именно лицъ, которымъ предназначены къ выдѣлу, хотя-бы эти участки и были включены въ общій фамильный участокъ.

2) Проставленную въ спискахъ противу старшихъ членовъ фамиліи цифру десятинъ не должно считать показывающею то именно количество десятинъ, которое предназначается старшимъ членамъ фамиліи, потому что цифра эта, вмѣстѣ съ 30 десятинами, проставленными противу каждаго изъ второстепенныхъ членовъ, выражаетъ только извѣстную норму, принятую для исчисленія размѣра участка, на который фамилія имѣетъ право по важности родоваго происхожденія. Поэтому, а также и вслѣдствіе того, что нѣкоторые участки предназначаются къ выдѣлу цѣлымъ фамиліямъ собственно во избѣжаніе дробности нарѣзокъ, должно

*) Старшимъ членамъ фамилій назначалось большею частію 100, 150 и 200 десятинъ, а нѣкоторымъ и по 300 десятинъ.

опредѣлить по спискамъ, на случай раздѣла участковъ, ту часть земли, которая должна принадлежать въ фамильномъ участкѣ каждому члену фамиліи, принимая при этомъ въ соображеніе взаимныя родственныя отношенія одного члена къ другому и право первородства, могущія служить основаніемъ для назначенія одному члену бо́льшаго количества земли противу другаго члена.

3) Право туземцевъ 1 и 2 категоріи на отчужденіе предназначенной имъ земли, а также и порядокъ наслѣдованія этой землею, должны быть установлены на основаніи общихъ законоположеній Имперіи *); причемъ въ отношеніи земель, предоставляемыхъ почетнымъ туземцамъ за службу, должны быть примѣняемы существующія законоположенія объ имуществахъ благопріобрѣтенныхъ, а въ отношеніи земель, назначаемыхъ къ отводу по родовому происхожденію туземцевъ,—законоположенія о родовыхъ имуществахъ.

4) Постановляемыя предъидущими пунктами правила въ отношеніи порядка владѣнія участками, а также и въ отношеніи раздѣла ихъ, отчужденія и права наслѣдованія, должны быть въ равной степени исполняемы и относительно тѣхъ участковъ, которые еще въ 1862 и 1863 годахъ отведены туземцамъ 1 категоріи въ Урупскомъ и Зеленчукскомъ округахъ.

Одновременно съ составленіемъ проекта по распредѣленію земель Урупскаго и Зеленчукскаго округовъ, производились, на сколько позволяли имѣющіяся для этого средства, подготовительныя работы для распредѣленія земель Лабинскаго и Псекупскаго округовъ; такъ, втеченіи 1866 и 1867 годовъ, произведена полная хозяйственная съемка земель Лабинскаго округа и въ настоящее время уже составляется, подъ руководствомъ-же полковника Дукмасова, подробный проектъ распредѣленія земель перваго округа, а во второмъ округѣ пока опредѣлены только тригонометрическіе пункты и составлена тригонометрическая сѣть, имѣющіе послужить основаніемъ для хозяйственной съемки, къ производству которой, а равно и къ составленію затѣмъ проекта окончательнаго распредѣленія земель между аулами, будетъ при-

*) Въ настоящее время порядокъ наслѣдованія у кубанскихъ горцевъ существуетъ на основаніи адата.

ступлено, какъ только окажется возможнымъ отдѣлить для этого необходимыя средства. По имѣющимся нынѣ даннымъ оказывается, что въ раіонѣ Лабинскаго округа, за надѣломъ землею населенія его, останется нѣсколько десятковъ тысячъ десятинъ свободной земли, а въ раіонѣ Псекупскаго округа недостанетъ около 10 т. десятинъ для надѣла предназначаемыми участками почетныхъ туземцевъ этого округа, почему имѣется въ виду надѣлить ихъ участками или изъ свободныхъ земель Лабинскаго округа, или-же въ раіонѣ Абинскаго полка, въ которомъ, за надѣломъ казачьяго населенія, оказывается остатокъ свободной земли.

Втеченіи 1868-же года производилась хозяйственная съемка земель, на правой сторонѣ р. Мары, предназначенныхъ для надѣленія причисленныхъ къ Эльборусскому округу абазинскихъ ауловъ. Кромѣ того составлены уже и 18 іюля 1868 г. утверждены Его Высочествомъ Главнокомандующимъ списки почетнымъ туземцамъ Псекупскаго округа и абазинскихъ ауловъ, и опредѣленъ размѣръ земельнаго надѣла для каждой вошедшей въ списокъ фамиліи. По спискамъ этимъ предназначено къ отводу для почетныхъ туземцевъ Псекупскаго округа 43 участка, составляющихъ въ общей сложности 9790 десятинъ и для почетныхъ туземцевъ абазинскихъ ауловъ 23 участка, всего въ количествѣ 5850 десятинъ.

Что-же касается Эльборусскаго округа (Карачаевское общество), то хотя для разрѣшенія поземельнаго вопроса въ этой части края еще не собраны всѣ данныя, но такъ какъ и при имѣющихся данныхъ не подлежало сомнѣнію, что въ пространствѣ земель, занимаемыхъ карачаевцами между главнымъ хребтомъ, теченіемъ Теберды, Мары и водораздѣльнымъ хребтомъ водъ Терека и Кубани, не заключается достаточнаго количества удобныхъ земель для обезпеченія быта карачаевцевъ, то, по распоряженіямъ Его Высочества, впредь до рѣшенія поземельнаго вопроса въ Карачаевскомъ обществѣ, предоставлено въ постоянное пользованіе жителей этого общества, изъ смежныхъ съ Карачаемъ свободныхъ земель, около 33 тысячъ десятинъ на правой сторонѣ р. Мары и 14 тысячъ десятинъ на лѣвой сторонѣ р. Теберды, въ нагорной полосѣ,—взамѣнъ изъятыхъ изъ пользованія карачаевцевъ пастбищныхъ земель, лежащихъ въ предѣлахъ

Терской области, между рр. Эшкакономъ и Кумою. Изъ остающейся-же затѣмъ части свободныхъ земель на правой сторонѣ р. Мары, всего около 17 тысячъ десятинъ, по разрѣшенію Его Высочества, долженъ быть произведенъ надѣлъ причисленнымъ къ Карачаевскому обществу абазинскимъ ауламъ и независимо оттого оставленъ свободнымъ участокъ для разработки каменнаго угла. Земель, удобныхъ для хлѣбопашества, въ Карачаѣ чрезвычайно мало, да и на тѣхъ участкахъ, которые считаются удобными для пахоты, получается крайне-скудный урожай; такъ напр., средній урожай въ Карачаѣ можетъ быть принятъ — для ячменя самъ 3, для пшеницы $1^1/_2$ и для овса $2^1/_2$; но нужно еще замѣтить, что въ большей части Карачая, по суровости тамошняго климата, пшеница вовсе не родится. Карачаевцы долгимъ опытомъ убѣдились, что на малопроизводительной почвѣ ихъ земель можетъ получаться кое-какой урожай только въ такомъ случаѣ, если хлѣбъ будетъ посѣянъ рѣдко,—не болѣе 4-хъ казенныхъ мѣръ на десятину. Покосныя мѣста въ Карачаѣ также не отличаются изобиліемъ, потому что, по краткости тамъ теплаго времени, травы выростаютъ хотя и густо, но до того низко, что десятина покоса даетъ обыкновенно только отъ 4 до 5 возовъ сѣна. Однако, за всѣмъ тѣмъ, положеніе карачаевцевъ далеко не бѣдное: прекрасныя горныя пастбища и обширное скотоводство карачаевцевъ даже съ избыткомъ обезпечиваютъ ихъ потребности. Для окончательнаго опредѣленія поземельныхъ правъ карачаевцевъ остается подробнѣе вникнуть въ существующій у нихъ порядокъ землевладѣнія и, не нарушая правъ частной собственности, указать тѣ измѣненія въ немъ, которыя окажутся полезными для населенія; но это, въ виду предстоящихъ, болѣе важныхъ, работъ въ другихъ частяхъ края, далеко не представляется такого рода задачей, о разрѣшеніи которой слѣдовало-бы безотлагательно позаботиться,—такъ какъ порядокъ пользованія землями и сложившееся временемъ право частной собственности на землю уже на столько установились въ Карачаѣ, что у Карачаевскаго общества не возникаетъ въ этомъ отношеніи серьезныхъ недоразумѣній.

Оканчивая обзоръ состоявшихся распоряженій о надѣленіи землею горцевъ Кубанской области, нельзя не упомянуть о весьма значительномъ пространствѣ свободныхъ земель этой области, заключающихся въ такъ называемой нагорной полосѣ. Нагорная

полоса Кубанской области состоитъ изъ сѣверныхъ покатостей западной части главнаго Кавказскаго хребта и параллельныхъ съ этимъ хребтомъ второстепенныхъ горъ. Вообще нагорная полоса въ настоящее время признается, за немногими исключеніями, неудобною для водворенія казачьихъ станицъ, а также не признаютъ ее удобною для своего поселенія и переселенцы изъ русскихъ крестьянъ, нахлынувшіе въ послѣдніе годы въ значительномъ числѣ, преимущественно изъ Южныхъ губерній, въ Кубанскую область, для отысканія свободныхъ земель. Восточная часть этой полосы, отъ западной границы Эльборусскаго округа до хребта, служащаго водораздѣломъ между истоками рр. Большой и Малой Лабы, въ особенности представляетъ такія горныя трущобы, что даже горцы, въ то время, когда Закубанскій край былъ густо населенъ туземными племенами, не считали ее удобною для поселенія. Въ этой части нагорной полосы пока поселилось, съ разрѣшенія Его Высочества, только около 20 семействъ грековъ, проживавшихъ въ ур. Нугутѣ, Пятигорскаго уѣзда; но на сколько это маленькое поселеніе окажется прочнымъ въ горахъ и послужитъ-ли оно примѣромъ для водворенія въ этой мѣстности другихъ поселеній, еще трудно сказать; однако-же, во всякомъ случаѣ, есть основанія предполагать, что, при отсутствіи въ этой части нагорной полосы дорогъ, при малой производительности почвы, при трудности производить обработку земель и, наконецъ, при крайне-суровомъ климатѣ, бытъ тамъ поселенцевъ будетъ крайне незавиденъ, тѣмъ болѣе, что, забравшись въ глубокія горныя тѣснины, они цѣлую зиму, когда тропы на плоскость дѣлаются непроходимыми, будутъ, такъ сказать, отрѣзаны отъ остальнаго міра. Западная-же часть нагорной полосы, отъ истоковъ р. Малой Лабы до г. Афипсъ, значительно удобнѣе противу восточной части этой полосы, потому что, вслѣдствіе постепеннаго пониженія къ западу какъ главнаго хребта, такъ и второстепенныхъ горъ, западная часть представляетъ уже менѣе крутыя покатости и болѣе широкія ущелья и долины, которыя прежде довольно густо были населены горцами. Въ настоящее время въ западной части нагорной полосы расположены, или вѣрнѣе поселены, кавказскіе линейные № 3 и 4 баталіоны, причемъ опредѣлено тѣмъ офицерамъ, чиновникамъ и нижнимъ чинамъ, которые пожелаютъ остаться на жительство въ этой мѣстности и обяжутся завести тамъ, въ теченіи 3 лѣтъ, хотя небольшое осѣдлое хозяйство, отводить участки земли по 30 десятинъ каждому, которые по истеченіи

3-хъ лѣтняго срока поступятъ въ ихъ собственность. Такимъ образомъ въ нагорной полосѣ, по всей вѣроятности, съ теченіемъ времени образуются поселенія изъ отставныхъ воинскихъ чиновъ, а затѣмъ, безъ сомнѣнія, явятся и другіе охотники селиться въ этой мѣстности.

П. Гавриловъ.

Февраль 1869 года.
г. Тифлисъ.

Научное извѣстіе.

(*Грамматическія и филологическія изслѣдованія Хюркилинскаго языка, П. К. Услара*).

Въ началѣ этого года, этнографія Кавказа обогатилась новымъ капитальнымъ пріобрѣтеніемъ: къ прежнимъ своимъ выпускамъ по горско-кавказскому языковѣдѣнію *), П. К. Усларъ присоединилъ обширный трудъ, озаглавленный такъ: «Этнографія Кавказа. Языкознаніе. *Хюркилинскій языкъ*.»

Подобно прежнимъ выпускамъ, заключавшимъ въ себѣ изслѣдованія языковъ Чеченскаго, Маарульскаго и Лакскаго, настоящій трудъ г. Услара скоро составитъ библіографическую рѣдкость: трудъ этотъ не напечатанъ, а налитографированъ и притомъ въ весьма незначительномъ числѣ экземпляровъ. Поэтому, считаемъ обязанностью хотя нѣсколько познакомить читателей нашего «Сборника» съ этимъ важнымъ пріобрѣтеніемъ науки.

Изслѣдованіе Хюркилинскаго языка, представляя объемистую книгу, въ 670 стр. in 4°, заключаетъ въ себѣ: 1) составленную авторомъ хюркилинскую азбуку, 2) свѣдѣнія о географическомъ распространеніи хюркилинскаго языка, 3) подробныя лингвистическія изслѣдованія (очеркъ грамматическаго строенія и образцы современнаго состоянія) этого языка, и 4) сборникъ хюркилинскихъ словъ. Чтобы дать ясное понятіе, что именно почтенный изслѣдователь разумѣлъ подъ хюркилинскимъ языкомъ, мы заимствуемъ изъ настоящаго труда г. Услара то мѣсто, гдѣ изложены свѣдѣнія о нарѣчіяхъ, которыми говорятъ жители Даргин-

---

*) См. «Сборникъ св. о кавк. горцахъ», вып. 1, отдѣлъ «Горская лѣтопись», статья: «Библіографическая замѣтка».

скаго округа и Горнаго Кайтага. Вотъ что говоритъ объ этомъ г. Усларъ *):

«*Хюркилинскимъ языкомъ* назвали мы одно изъ многочисленныхъ нарѣчій одного и того-же языка, для котораго не существуетъ опредѣлительнаго наименованія. Нарѣчіями этого *анонимнаго* языка говоритъ почти цѣлое народонаселеніе нынѣшняго Даргинскаго округа и Горнаго Кайтага. Административныя раздѣленія, будучи основаны на соображеніяхъ, чуждыхъ языкознанію, не доставляютъ намъ данныхъ для составленія такого названія для языка, которое-бы не подавало повода ни къ какимъ недоумѣніямъ. Несравненно важнѣе для науки *народныя*, этническія или географическія названія. Нѣтъ сомнѣнія, что названіе *Даргинскій округъ* произошло отъ туземнаго *даргва*, настоящее значеніе котораго остается непонятнымъ: въ извѣстныхъ предѣлахъ оно употреблялось, какъ нарицательное. Мы здѣсь опишемъ всѣ эти *даргва* въ томъ видѣ, въ какомъ они сохранились въ употребленіи народномъ.

I. *Акуша-даргва*, господствующее народонаселеніе котораго почитаетъ себя одноплеменнымъ и говоритъ на нарѣчіяхъ одного и того-же языка, но подраздѣляется на пять обществъ (табунъ, также гураба, послѣднее значитъ собственно *войско* или *ополченіе*): а) *акуша* (акушѐла табунъ, гураба) заключаетъ въ себѣ 3822 двора, изъ числа которыхъ 568 въ селеніяхъ: Кутіша, Хахіта и Чуні говорятъ на аварскомъ языкѣ, а 209 въ селеніяхъ Цулікан и Улучура,—на лакскомъ; b) *цудакар* (цудкріла табунъ, гураба) 2478 дворовъ, изъ числа которыхъ 100 въ селеніи Куглі говорятъ на лакскомъ языкѣ; с) *ус'іша* (ус'іла табунъ, гураба) 1231 дворъ; въ селеніи Балкаръ 293 двора говорятъ по-лакски; д) *муги* (мугела табунъ, гураба) 389 дворовъ; е) *мікігі* (міквгіла табунъ, гураба) 2103 двора; изъ числа ихъ 181 въ селеніи Гортль Чуглі (на картѣ Тюмени-Чоглы) говорятъ по-аварски.

Отсюда видно, что на 10623 двора *акуша-даргва*, 3272 говорятъ акушинскими нарѣчіями, 749 аварскимъ языкомъ и 602 лакскимъ. Если принять *частно-акушинское* нарѣчіе за основное,

---

*) Въ нижеслѣдующей цитатѣ мы старались сохранить правописаніе автора, но, по необходимости, за неимѣніемъ въ типографіи шрифта для набора мѣстныхъ словъ усларовскимъ алфавитомъ, эти послѣднія набраны русскими буквами.

то, по показаніямъ туземцевъ, прочія нарѣчія отходятъ отъ него въ слѣдующемъ порядкѣ: мікігі, мугі, ус'іша, цудакар. Но и съ цудакарцами акушинцы могутъ разговаривать безъ малѣйшаго затрудненія. Нельзя не обратить вниманія на то обстоятельство, что принадлежность аула къ тому или другому обществу иногда вовсе не согласуется съ географическимъ положеніемъ его: встрѣчаются аулы, принадлежащіе къ одному обществу, но со всѣхъ сторонъ окруженные аулами другаго.

II. *Каба-дарѓва*—2107 дворовъ; въ числѣ ихъ аулъ Шадні (15 дворовъ), жители котораго говорятъ лакскимъ языкомъ; аулъ этотъ въ давнія времена основанъ былъ бѣглецами казикумухскими, обратившимися къ покровительству уцмія. За исключеніемъ аула Шадні, народонаселеніе каба-даргва говоритъ нарѣчіемъ, весьма близкимъ къ акушинскому и даже болѣе близкимъ къ нему, чѣмъ цудакарское. Самостоятельнымъ названіемъ своимъ каба-даргва обязано тому обстоятельству, что оно прежде входило въ составъ владѣній уцмія, но, въ началѣ нынѣшняго столѣтія, послѣ войны, продолжавшейся *цѣлыя семь лѣтъ*, присоединено было къ *акуша-дарѓва*. Связь образовалась политическая, но не кровная, которая не признается, не смотря на близкое сходство нарѣчій.

III. *Уцмі-даргва:* такъ называется совокупность всѣхъ земель, составлявшихъ достояніе уцмія. Въ составъ бывшаго уцмійства входили слѣдующія части: 1) *муіра*, составленная изъ трехъ частей: a) *собственно муіра*, 420 дворовъ, нарѣчіе, близкое къ каба, b) *габши*, 385 дворовъ, нарѣчіе близкое къ каба, c) *ганк*, 1685 дворовъ, изъ числа ихъ только 630, т. е. менѣе половины, говорятъ нарѣчіемъ каба, прочіе-же языкомъ гарбук (кубачинскимъ). 2) *Шібсег хаідак* (Верхній Хайдакъ) состоитъ изъ слѣдующихъ частей: a) *шургант*, 259 дворовъ, языкъ хайдакскій, b) *каддагні*, 89 дворовъ, языкъ хайдакскій, c) *урчімул*, 417 дворовъ, языкъ хайдакскій. 3) *Убсег хаідак* (Нижній Хайдакъ, татарами называемый Каракайтагъ, т. е. Черный Кайтагъ, потому что покрытъ лѣсомъ), 488 дворовъ, языкъ хайдакскій. 4) *Гуцарі*, 259 дворовъ, языкъ гарбук (кубачинскій). 5) *Мажалліс*, 287 дворовъ, изъ числа ихъ 169 въ селеніи Мажалліс говорятъ по-кумыкски, прочіе-же по-хайдакски. 6) *Таркамт*, 1938 дворовъ, изъ числа ихъ только 95 дворовъ (селенія Чумлі и Гуллі) говорятъ нарѣчіемъ каба, 1224 по-кумыкски и 619 по-адзербиджански. Здѣсь, по видимому, встрѣти-

лись тюркскія племена, пришедшія съ сѣвера, съ тѣми, которыя пришли съ юга.

Хайдакскій языкъ дробится на нѣсколько нарѣчій, которыхъ обозначить, впрочемъ, по неимѣнію данныхъ, еще нельзя. Семейство хайдакскихъ нарѣчій, при самомъ даже поверхностномъ взглядѣ, обнаруживаетъ родство съ семействомъ акушинскимъ. Съ непривычки, однако, жители акуша-даргва и каба-даргва не могутъ понимать хайдаковъ. Замѣчательно то обстоятельство, что хайдаки поютъ пѣсни почти исключительно на нарѣчіи каба-даргва.

IV. *Гвамур-даргва* составляло собственно часть уцумі-даргва, потому что входило въ составъ владѣній уцмія; самостоятельное названіе носило оно потому, что управлялось постоянно которымъ-нибудь изъ членовъ уцміева семейства, такъ сказать *вице-уцміемъ*. Дворовъ въ немъ считается 1373, изъ числа ихъ 416 говорятъ на нарѣчіи каба, остальные-же по-кумыкски.

V. *Буркун-даргва* нѣкогда составляло самостоятельное вольное общество; Сурхай-ханъ казикумухскій, въ первой половинѣ прошлаго вѣка, присоединилъ его къ своимъ владѣніямъ. Состоитъ изъ восьми селеній: Кешта, Кункі, Худуц, Сапжи, Анклуг, Гамук, Зиргаг и Буркухун. Въ двухъ послѣднихъ селеніяхъ (42 двора) жители говорятъ агульскимъ языкомъ, который не имѣетъ ничего общаго съ акушино-хайдакскими нарѣчіями; въ прочихъ шести селеніяхъ (322 двора) говорятъ нарѣчіемъ, несомнѣнно родственнымъ съ акушинскими и хайдакскими *).

Внѣ предѣловъ означенныхъ нами пяти *даргва*, хайдакскими нарѣчіями говорятъ: a) *сіргва*, которое нѣкогда составляло отдѣльное самостоятельное общество, 1916 дворовъ, нарѣчіе подходитъ къ ус'іша; то обстоятельство, что сіргва никогда не причислялось ни къ которому изъ даргва, доказываетъ, что даргва не заключало въ себѣ лингвистическаго понятія; b) въ владѣніи Шамхальскомъ, селенія: *Губден*, 1273 дворовъ, нарѣчіе акуша, *Кадар*, 574 двора, нарѣчіе мікигі. Послѣднее селеніе составляетъ крайній предѣлъ распространенія акушинскихъ на-

*) Уроженецъ селенія Кешта, котораго я имѣлъ случай распрашивать объ этомъ нарѣчіи, увѣрялъ меня, что оно представляетъ самое близкое сходство съ кубачинскимъ языкомъ. Повидимому, этотъ мнимо-франкскій языкъ есть неболѣе, какъ одно изъ нарѣчій акушино-хайдакскихъ, но за это, конечно, поручиться еще нельзя.

рѣчій къ сѣверу, но можно полагать, что нѣкогда распространялись они еще далѣе, потому что само названіе Темиръ-Ханъ-Шура не можетъ быть объяснено иначе, какъ посредствомъ: *озеро Темиръ-Хана* (шураі—озеро по-акуш.); подлѣ нынѣшняго города, дѣйствительно, находилось небольшое смрадное озеро, осушенное въ недавнее время; с) въ Чокскомъ наибствѣ, аулъ Міамугі, по-аварски Мого (на картѣ Могебь (Мегеу), 149 дворовъ; основанъ весьма давно выходцами изъ Мугі, спасавшимися отъ кровомщенія; жители говорятъ нарѣчіемъ мугі, но весьма испорченнымъ; д) въ Казикумухскомъ округѣ селеніе *Гугул* (Чирахъ), 70 дворовъ: нарѣчіе подходитъ къ буркун-даргва, но селеніе это никогда не входило въ составъ означеннаго общества. Это есть крайній предѣлъ распространенія акушино-хайдакскихъ нарѣчій къ югу.

Въ настоящее время, изъ акуша-даргва, каба-даргва и сіргва (Сюргя) составленъ *Даргинскій округъ*, причисленный административно къ Сѣверному Дагестану. Уцумі-даргва, вмѣстѣ съ гвамур-даргва, вошли въ составъ *Кайтаго-Табасаранскаго округа*, причисленнаго къ Южному Дагестану. Наконецъ, буркун-даргва входитъ въ составъ *Казикумухскаго округа* и причисляется къ Среднему Дагестану.

Вышеприведенныя лингвистическія числа дворовъ, для бόльшей наглядности, распредѣлимъ въ слѣдующемъ порядкѣ:

а) *Акушинскія нарѣчія:* акуша 4324 (съ Губденомъ); цудакар 2378; ус'іша 2854 (съ Сюргя); мугі 1138 (съ Міамугі); мікігі 2496 (съ Кадаромъ); каба 4038 (съ Муира, Таркамтъ и Хамри). Всего 17228 дворовъ.

b) *Хайдакскія нарѣчія:* 1371 дворъ.

c) *Буркунскія нарѣчія:* 392 двора.

Въ совокупности 18991 дворъ, на которые народонаселенія обоего пола можно получить до 85000 душъ. Точность всѣхъ этихъ цифръ, конечно, подлежитъ сомнѣнію. Числа дворовъ въ селеніяхъ заимствованы изъ офиціальныхъ источниковъ, основанныхъ на показаніяхъ мѣстныхъ туземныхъ властей, мало опытныхъ въ трудномъ дѣлѣ народоисчисленія. Много выселковъ могли ускользнуть отъ счета; посему, полагаю, что цифра 20000 дворовъ будетъ немногимъ превышать настоящую. Съ другой стороны, классификація нарѣчій основана, не на спеціальномъ изученіи каждаго изъ нихъ, а на голословныхъ показаніяхъ ту-

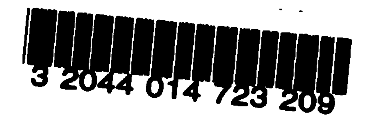
земцевъ, которые вообще плохіе судьи въ дѣлѣ сравнительной лингвистики. За достовѣрное можно принять лишь то, что акушинскія нарѣчія, со включеніемъ нарѣчія каба, составляютъ одну группу, хайдакскія другую. Свѣдѣнія мои о нарѣчіяхъ буркун ограничиваются нѣсколькими фразами, которыхъ недостаточно, чтобы рѣшить вопросъ: составляютъ-ли эти нарѣчія особую третью группу или должны быть причислены къ которой-либо изъ первыхъ двухъ. Нѣтъ сомнѣнія, что бо́льшая часть обитателей Уцумі-даргва (по нашему Кайтага) говоритъ нарѣчіями, болѣе близкими къ акушинскимъ, чѣмъ къ хайдакскимъ, но, не смотря на мнѣніе туземцевъ, нельзя утверждать, что эти нарѣчія сливаются съ нарѣчіемъ каба. Полное понятіе о языкѣ можно будетъ составить себѣ лишь тогда, когда будутъ изслѣдованы всѣ нарѣчія его. Въ видѣ перваго шага и, притомъ, значительно облегчающаго всѣ послѣдующіе, представляю здѣсь подробное изслѣдованіе нарѣчія каба, которое болѣе извѣстно подъ названіемъ *хюркилинскаго*, по имени самаго многолюднаго селенія (678 дворовъ), жители котораго называются хурук, един. хуркан; самое селеніе называется *Хуркілаші*, селеніе хюруковъ. На картѣ Дагестана обозначено оно искаженно черезъ: Оракли (Урахли), откуда произошло названіе *ураклинскій языкъ*, которое мы замѣнили другимъ, болѣе правильнымъ.» —

Настоящимъ трудомъ г. Услара еще болѣе доказывается высказанное имъ прежде мнѣніе, что вѣковая вѣра въ *гору языковъ* Кавказа должна неминуемо рушиться. Уже и теперь, гора эта почти сглажена, т. е. множество предполагавшихся языковъ, по мѣрѣ изслѣдованій г. Услара, оказываются нарѣчіями немногихъ, главнѣйшихъ.

Послѣ изслѣдованія языка хюркилинскаго, изъ языковъ Дагестана, наиболѣе разноязычнаго, заслуживаетъ серьезныхъ изысканій только лишь языкъ кюринскій, изученіемъ котораго и занятъ въ настоящее время г. Усларъ. Труды его по изученію этого языка—какъ намъ извѣстно—приходятъ къ концу, такъ что неутомимый ученый уже приступилъ къ изложенію нѣкоторыхъ выводовъ изъ всѣхъ своихъ обширныхъ и глубокихъ изслѣдованій по лингвистикѣ Кавказа. Быть можетъ, нѣкоторые изъ этихъ выводовъ появятся на страницахъ настоящаго «Сборника». Во всякомъ случаѣ, обнародованіе этихъ выводовъ прольетъ свѣтъ на многія, все-еще темныя стороны этнографіи Кавказа и освѣтитъ ее не только передъ глазами европейскихъ ученыхъ,

но и передъ нашей публикой,—ибо, до-сихъ-поръ, знакомство со всѣми лингвистическими трудами П. К. Услара и пониманіе ихъ доступны были только весьма небольшему числу спеціалистовъ по лингвистикѣ, тогда какъ выводы изъ этихъ изслѣдованій неизбѣжно сдѣлаются достояніемъ всего образованнаго общества.

Н. В.

3 2044 014 723 209

